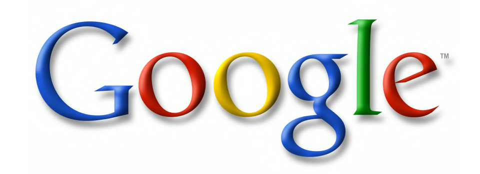
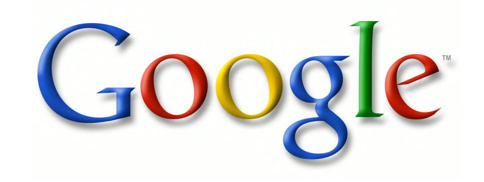

VE RI
TAS

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЯ

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ

КЪ

ЖУРНАЛУ „НИВА“

НА

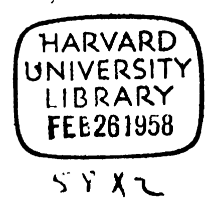
1902 г.

ЗА

Май, Іюнь, Іюль и Августъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. Маркса.

Дозволено цензурою. 9 августа 1902 г. СПБ.

Типографія А. Ф. Маркса, Измайл. просп., № 29.

Оглавленіе.

Опытъ.

Разсказъ **Л. А. Авиловой.**

Она была маленькая, тщедушная женщина, съ хорошенькимъ личикомъ, съ взбитыми хохолкомъ волосами и съ выраженіемъ такой безграничной наивности и довѣрчивости въ большихъ черныхъ глазахъ, что, глядя на нее, хотѣлось смѣяться, какъ смѣются въ присутствіи дѣтей, безъ причины, ласково и снисходительно. Она тоже часто смѣялась, и тогда вздернутый носикъ ея покрывался цѣлой сѣтью мелкихъ морщинъ, а на щекахъ образовывались ямочки. Она любила надѣвать кофточки яркихъ цвѣтовъ и носила много дешевенькихъ бездѣлушекъ, такъ какъ обходиться безъ нихъ она бы не могла, а дорогихъ у нея не было. Звали ее Зоей Владиміровной, а мужа ея, присяжнаго повѣреннаго, Павломъ Николаевичемъ Чайкинымъ. Павелъ Николаевичъ женился по любви три года назадъ, и, когда еще онъ былъ женихомъ, и позже, цѣлый годъ послѣ женитьбы, онъ испытывалъ необъяснимую радость при видѣ большихъ наивно-довѣрчивыхъ глазъ Зои,—радость, которую даетъ близость простой, чистой души, любовался ея смѣхомъ, забавлялся ея дѣтской болтовней и самъ дарилъ ей дешевыя бездѣлушки и яркія кофточки, которыя она любила, какъ дѣти любятъ игрушки.

Павелъ Николаевичъ былъ большой, сильный, красивый мужчина лѣтъ около сорока. До встрѣчи съ Зоей Владиміровной онъ жилъ холостой, распущенной жизнью, и только когда все состояніе его, полученное по наслѣдству, до послѣдняго рубля ушло на женщинъ и карты, онъ почувствовалъ пресыщенность, отвращеніе къ собственнымъ воспоминаніямъ, и его стала преслѣдовать настойчивая мечта о мирномъ счастьѣ семейнаго очага. Въ этой мечтѣ его больше всего плѣняло представленіе о чистой, невинной дѣвушкѣ, которая должна была стать его женой, о той атмосферѣ святости и непорочности, которую она должна была принести въ его домъ, и ему казалось, что въ этой атмосферѣ онъ сразу почувствуетъ себя очистившимся, возродившимся къ новой жизни, и въ душѣ его не останется слѣда постыдныхъ и постылыхъ воспоминаній. Павелъ Николаевичъ никогда не встрѣчалъ умныхъ женщинъ, и ему не приходило въ голову желать, чтобы его будущая жена была умна. Женскій умъ онъ искренно считалъ неважнымъ придаткомъ къ заманчивому образу подруги жизни, который создало его воображеніе, и поэтому, еще мечтая о женѣ, онъ мысленно относился къ ней, не какъ равный къ равной, а какъ высшій и сильный къ низшей и слабой.

Когда онъ встрѣтилъ Зою, его мечта сразу воплотилась. Онъ почувствовалъ такую же радость, какую чувствуетъ художникъ, когда, послѣ долгихъ поисковъ, ему удается, наконецъ, отыскать лицо или фигуру, ярко выражающія его мысль, отыскать модель. Для Павла Николаевича Зоя сразу стала моделью его мечты уже давно созданнаго имъ духовнаго образа, и эта мечта, и эта модель такъ гармонировали другъ съ другомъ, что ему не пришло въ голову самаго простого соображенія, а именно: что у Зои могло быть свое духовное содержаніе, свои чувства, свои мысли и вкусы, и что онъ, ея будущій мужъ, ровно ничего не зналъ о нихъ. Къ счастью Чайкина, ему еще не скоро пришлось узнать объ этихъ личныхъ мысляхъ и вкусахъ: Зоя такъ сильно увлеклась статнымъ, красивымъ женихомъ, что сама забыла о нихъ. И тогда сбылось то, что сбывается такъ рѣдко: сбылись всѣ мечты, всѣ надежды Павла Николаевича. Чистая, невинная дѣвушка вошла въ его домъ, стала его женой, и отъ близости ея юнаго, непорочнаго существа Павелъ Николаевичъ почувствовалъ себя очистившимся, возродившимся...

Черезъ годъ послѣ свадьбы у Чайкиныхъ родился сынъ. Это была новая радость, новое торжество, но около того же времени Павелъ Николаевичъ сталъ ощущать неожиданные приступы неясной, неопредѣленной тревоги. Ему уже нѣсколько разъ приходилось непріятно удивляться нѣкоторымъ словамъ и поступкамъ своей жены. Откуда у нея брались эти слова и поступки?

— Павленька!—сказала она одинъ разъ, стоя передъ зеркаломъ и повернувъ голову такъ, что ей надо было коситься, чтобы видѣть свое изображеніе.—Павленька! Зачѣмъ мы живемъ въ этомъ маленькомъ, скверномъ городишкѣ? Знаешь, пока я была въ интересномъ положеніи, я даже радовалась нашему одиночеству. А вотъ теперь... Посмотрю я на себя въ зеркало, и мнѣ сразу станетъ такъ скучно, такъ скучно!

— Скучно, когда смотришься въ зеркало?—удивленно спросилъ Павелъ Николаевичъ.

— Ну, да. Когда я вижу, какая я еще молодая и... и, право же, хорошенькая.

— Такъ ты забудь объ этомъ, и не будетъ скучно,—съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ посовѣтовалъ Павелъ Николаевичъ.

Но Зоя не могла забыть. Одинъ разъ, когда она вмѣстѣ съ мужемъ собралась въ городской клубъ, Павелъ Николаевичъ замѣтилъ, что она подстригла себѣ волосы надо лбомъ и передѣлала лифъ платья такъ, что онъ открывалъ ея хорошенькую смуглую шейку.

— Зачѣмъ это? — ужаснулся онъ, указывая пальцемъ то на голову, то на шею.—Зачѣмъ это, зачѣмъ?

Зоя поняла, что мужъ сердится, вспыхнула и прикусила губу.

— Ты не пойдешь въ этомъ видѣ!—заявилъ мужъ. — Ты должна перемѣнить прическу и платье.

— Я ничего не перемѣню,—твердо отвѣтила маленькая женщина.—Я такъ хочу. Мнѣ такъ нравится.

— Что тебѣ нравится? Тебѣ нравится быть похожей на легкомысленную женщину?

Павелъ Николаевичъ окинулъ жену презрительнымъ взглядомъ и точно въ первый разъ замѣтилъ дешевую эффектность ея костюма и то множество грошовыхъ украшеній, которыя онъ же самъ дарилъ ей.

— Ни за что!—вскрикнулъ онъ вдругъ, и лицо его стало злобнымъ.—Я ни за что не возьму тебя съ собой!

— И ты думаешь, я не догадываюсь, почему?—сдержанно, но язвительно спросила Зоя.—О, отлично знаю! Теперь праздники, въ городъ пріѣхали три юнкера... Они будутъ въ клубѣ,

а ты... ты... еще ничего не видя... ревнуешь...

— Три юнкера?.. Ревную?..—безсмысленно повторилъ Чайкинъ.

И вдругъ тяжелое чувство, похожее на откровеніе, сдавило его мысль. Мелькнула неясная связь между открытой шеей жены и тѣми тремя юнкерами, о которыхъ она только-что упомянула, шевельнулось забытое воспоминаніе о какихъ-то пережитыхъ самолюбивыхъ тревогахъ, когда его обманывали, эксплоатировали.

— Такъ вотъ оно что! Три юнкера!—повторилъ онъ и засмѣялся злымъ, непріятнымъ смѣхомъ.—А ты, все-таки, переодѣнешься, или останешься дома.

И такъ какъ она предпочла остаться, онъ шелъ въ клубъ одинъ, ощущая въ груди какое-то новое, возмущенное чувство, и думалъ о томъ, что ему необходимо отнестись къ женѣ какъ можно строже и въ самомъ еще зародышѣ задушить въ ней вредные и, по его мнѣнію, порочные инстинкты. Его жена должна была быть только тѣмъ, чѣмъ онъ представлялъ ее себѣ до женитьбы, до того времени даже, какъ онъ встрѣтилъ ее въ первый разъ.

Изъ этой первой ссоры Павелъ Николаевичъ вышелъ полнымъ побѣдителемъ. По его возвращеніи, ночью, онъ засталъ Зою въ слезахъ. Она робко потянулась къ нему и положила голову на его грудь.

— Сердишься, Павленька?—спросила она.—Я знаю, я упрямая. И еще... я легкомысленная. Я слыхала, что... три юнкера, и мнѣ... мнѣ хотѣлось быть понаряднѣе. Я думала, что будутъ танцовать. Всегда весело, когда нарядная. И еще весело... приготовляться. Чтобы приготовляться, я вырѣзала лифъ и подстригла волосы. Я не знала, что ты разсердишься. Совсѣмъ не думала!

Она говорила и всхлипывала, а у Павла Николаевича медленно скатывалась съ души большая тяжесть: дѣйствительно, между открытой шеей жены и юнкерами существовала связь, но совсѣмъ, совсѣмъ не та, какую онъ себѣ представлялъ!

Зоя выпросила и получила прощеніе, но отношеніе ея къ мужу измѣнилось. Она стала бояться его, стала съ нимъ менѣе искренной и откровенной. Женщина-ребенокъ испугалась наказанія и, чтобы избѣжать его впредь, стала пытаться хитрить. Она все-таки познакомилась съ юнкерами, но Павелъ Николаевичъ видѣлъ только, какъ она, съ его разрѣшенія, танцовала съ ними въ клубѣ, но не зналъ, что они совмѣстно гуляли подъ вечеръ по городу и даже ѣздили кататься въ поле. Поѣздка эта не была подготовлена, и въ ней принимали участіе еще двѣ молоденькія городскія дамы, и, только вернувшись домой и увидавъ серьезное лицо мужа, Зоя спохватилась, что не должна была ѣхать, не предупредивъ его, и сейчасъ же рѣшила упросить своихъ подругъ скрыть ея участіе въ этой продѣлкѣ. Подруги обѣщали, но скрыть что-либо въ маленькомъ городкѣ слишкомъ трудно, и Зоѣ Владиміровнѣ вскорѣ же пришлось горько раскаяться въ своемъ обманѣ.

Она опять плакала, объясняла, убѣждала, просила прощенья, но Павла Николаевича не трогали ни ея слезы, ни ея мольбы. Онъ глядѣлъ на нее тяжелымъ, презрительнымъ взглядомъ, отъ котораго у нея сжималось сердце, и говорилъ какія-то непонятныя ей фразы, изъ которыхъ она сумѣла уяснить себѣ только то, что мужъ совсѣмъ, совсѣмъ не любитъ ее, не жалѣетъ нисколько и поэтому хочетъ лишить даже тѣхъ рѣдкихъ и невинныхъ удовольствій, которыя еще перепадали на ея долю. И она плакала уже отъ обиды, а не отъ раскаянія.

Юнкера уѣхали, городокъ замеръ

въ своей обычной, дремотной неподвижности, но семейная жизнь Чайкиныхъ не вернула себѣ прежняго мира и спокойствія. Маленькій сынъ Зои подросталъ, а мать почти не смѣла ласкать и няньчить своего ребенка. Она дѣлала это только тогда, когда мужа не было дома, когда же онъ появлялся, вся ея материнская радость была отравлена. Теперь онъ всегда былъ недоволенъ женой и говорилъ, что не хочетъ и не можетъ допустить, чтобы его Гулю воспитывала такая легкомысленная и безнравственная женщина, какъ его мать, и поэтому за воспитаніе возьмется онъ самъ. Онъ говорилъ еще, что такія женщины, какъ Зоя, недостойны высокаго названія матери: онѣ только случайно даютъ жизнь дѣтямъ. Эти дѣти для нихъ непріятность и обуза, но онѣ иногда любятъ играть съ ними, какъ играютъ въ куклы.

— Неправда! Я люблю Гулю!—иногда горячо оспаривала Зоя, а Павелъ Николаевичъ смѣялся злымъ смѣхомъ и продолжалъ свою рѣчь, изображая въ назиданіе женѣ образъ настоящей, достойной матери. Конечно, между ней и Зоей не могло быть ничего общаго.

Утомленная и обиженная безпрерывными упреками и наставленіями, маленькая женщина стала искать случая уходить изъ дому, и, когда ей это удавалось, она чувствовала большое облегченіе и со вздохомъ признавалась себѣ, что Павленька, въ сущности, правъ, что она непростительно легкомысленна, такъ какъ ей гораздо веселѣй въ чужихъ семьяхъ, съ подругами, чѣмъ въ собственномъ домѣ съ мужемъ и сыномъ.

И она стала уходить все чаще и чаще и, когда бывала дома, то чувствовала себя грустной, угнетенной, несчастной, а когда сидѣла въ гостяхъ—болтала безъ умолку, смѣялась, и ея морщинки и ямочки сіяли неподдѣльной, дѣтской веселостью.

— Я не дѣлаю ничего дурного,—говорила она своимъ подругамъ, когда тѣ съ любопытствомъ разспрашивали ее о ея семейныхъ неурядицахъ.—Я не понимаю, почему Павленька всегда говоритъ о какихъ-то порочныхъ инстинктахъ. Какіе это инстинкты? Я не знаю. Мнѣ скучно, и хочется, чтобы было весело. Я люблю смѣяться, а онъ уже не любитъ. И меня онъ уже не любитъ!—прибавляла она, и слезы градомъ лились изъ ея глазъ. Дѣтскія слезы! Онѣ высыхали такъ же быстро, какъ показывались.

Прошелъ еще годъ, и въ городѣ стали поговаривать о томъ, что Чайкины расходятся. Ими стали интересоваться, объ ихъ отношеніяхъ толковали во всѣхъ знакомыхъ домахъ. Нашлись люди, которымъ эта семейная драма настолько благотворно подѣйствовала на нервы, отупѣвшіе отъ провинціальной скуки, что они ожили и почувствовали настоятельную потребность проявить хотя чѣмъ-нибудь жажду духовной дѣятельности. Эти люди поняли, что маленькая Зоя играла въ своей собственной жизни только второстепенную, страдательную роль, и приложили всѣ старанія, чтобы еще сильнѣе возстановить противъ нея, слабой и безпомощной, сильнаго и властнаго Павла Николаевича. Только онъ одинъ могъ дать интересующему ихъ дѣлу рѣшительный поворотъ, и люди, изъ дурного любопытства, изъ потребности новыхъ впечатлѣній, старались вліять на него намеками, разговорами и даже анонимными письмами. Зоя уже не могла показаться на глаза мужу, чтобы не вызвать бурной и грубой сцены. Она чувствовала, что онъ не только разлюбилъ, но возненавидѣлъ ее. И не знала, за что. А онъ уже былъ убѣжденъ, что она лжетъ ему не только словами, но и невин-

нымъ, довѣрчивымъ выраженіемъ глазъ и дѣтской непорочностью, которой вѣяло отъ всего ея существа. Лжетъ каждой смѣющейся морщинкой и ямочкой своего хорошенькаго личика, крупными слезами, которыя все чаще и чаще скатывались по ея щекамъ. И больше всего его возмущала ложь по отношенію къ ея ребенку. Съ тѣхъ поръ, какъ ей грозила опасность быть разлученной съ нимъ, она ласкала его порывисто и страстно, и тогда лицо ея выражало боль, тоску и глубокое недоумѣніе. Павелъ Николаевичъ былъ убѣжденъ, что эти ласки и это страждущее выраженіе были только проявленіемъ ея хитрости и умѣнія притворяться. Онъ былъ опытенъ. Онъ зналъ женщинъ. И тѣ, которыхъ онъ зналъ, всѣ хитрили, притворялись, обманывали... И онъ съ ужасомъ чувствовалъ, что, призывая на помощь свой горькій опытъ, онъ самъ, невольно, вынужденно вызываетъ къ жизни всѣ свои старыя постыдныя и постылыя воспоминанія, окружаетъ себя ими, какъ призраками, и эти призраки, насильно вторгнувшись къ его святому, чистому, семейному очагу, язвительно смѣялись надъ его жаждой обновленія, надъ его плѣнительной мечтой, въ осуществленіе которой онъ повѣрилъ, повѣрилъ, какъ старый идеалистъ, какъ дуракъ. И обиднѣе всѣхъ, и язвительнѣе всѣхъ смѣялась сама его мечта-модель, женщина-ребенокъ съ наивными, довѣрчивыми глазами. Правда, онъ уже давно-давно не видалъ ея смѣха, а видѣлъ много-много слезъ, но онъ вѣрилъ только тому, что подсказывалъ ему его опытъ, а тѣ женщины, которыхъ онъ зналъ, плакали только для того, чтобы обманывать, плакали, чтобы имѣть право смѣяться съ злымъ и коварнымъ торжествомъ. Изрѣдка Зоя дѣлала попытки примиренія.

Одинъ разъ это случилось тогда, когда Гуля заболѣлъ. Павелъ Николаевичъ остался съ вечера сидѣть около его кроватки, а Зоя, проснувшись ночью, сунула босыя ноги въ туфли, накинула блузу и вошла въ дѣтскую въ то время, когда ребенокъ только-что успокоился и заснулъ. Павелъ Николаевичъ увидѣлъ ее и раздраженно махнулъ рукой, чтобы она ушла. Зоя остановилась недалеко отъ двери, но не послушалась и не вышла. Павелъ Николаевичъ второй разъ энергично махнулъ рукой. Она не двинулась. Тогда онъ всталъ, подошелъ къ ней крадущимися шагами и, крѣпко ухвативъ ее за плечо своими сильными пальцами, вывелъ ее изъ комнаты и уже хотѣлъ затворить за ней дверь, какъ она неожиданно вцѣпилась за его одежду и крѣпко прильнула къ нему всѣмъ тѣломъ.

— Павленька! — зашептала она: — Павленька! о, Павленька!

Онъ настолько не ожидалъ отъ нея такой выходки, что въ первую минуту растерялся.

— Скажи, что этого не можетъ быть! — задыхаясь, продолжала Зоя. — Того, чтò я сейчасъ... пережилà. Я заснула, думая, что нашъ Гуля боленъ. И вдругъ, во снѣ, я поняла, что это все равно. Для меня, понимаешь, онъ все равно умираетъ. Ты его берешь себѣ, а меня выгоняешь... Павленька! Ты знай, что я отъ васъ не могу уйти. Куда? зачѣмъ? Я не могу, Павленька, быть одна, такъ, какъ я чувствовала сейчасъ. Это такой ужасъ! Ты скажи, что этого не можетъ быть! Ты прикажи мнѣ, чтò мнѣ дѣлать, чтобы ты простилъ. Ты прикажи!

Вся кровь бросилась въ голову Павла Николаевича, и сердце тяжело и громко стукнуло въ груди.

— Гуля не умираетъ. Гулѣ лучше, — глухо сказалъ онъ.

— Скажи про меня... Скажи! — продолжала Зоя. — Ну, да... Гуля не умретъ.

А я? Что я тебѣ сдѣлала, Павленька? Куда я поѣду? зачѣмъ?

Она все крѣпче прижималась къ нему, и, ободренная тѣмъ, что онъ до сихъ поръ не оттолкнулъ ее, закинула голову, потянулась вверхъ и робко поцѣловала его въ зубы.

Онъ вздрогнулъ, встряхнулся и толкнулъ ее такъ, что она едва не упала.

— Вотъ на какія штучки вы способны!—хрипло проговорилъ, онъ, и все лицо его исказилось отъ злобы.—Пользуетесь минутой... Прибѣжали сюда, къ постели больного сына, расчитывая, что я... я естественно не вполнѣ владѣю собой. Прибѣжали въ этомъ видѣ... Тянетесь съ поцѣлуями. И это именно теперь, теперь. Знаете, расчетъ почти безошибочный. Очень ловко! Вы только не приняли во вниманіе, что я не юнецъ, не наивный школьникъ. Вы не приняли во вниманіе, что я знаю и вижу васъ насквозь, всю, до глубины вашей мелкой, порочной душонки. Хотите, я скажу вамъ больше? Хотите?

Она прислонилась къ косяку двери, низко опустила голову, и онъ видѣлъ, какъ вздрагивали отъ рыданій ея грудь и плечи.

— Хотите?

— Говори, Павленька,—съ безнадежной тоской отвѣтила она и вытерла слезы оборотомъ руки:—говори такъ, чтобы мнѣ что-нибудь понять. Я ничего не понимаю. Я ничего...

— Такъ вотъ, я скажу вамъ: вы мнѣ противны. Вы—бездушное, ничтожное, чувственное существо. Вы — та темная сила, которая тянетъ человѣка внизъ и губитъ въ немъ все возвышенное, все чистое, все Божье. Вы... Вы вся обманъ, ложь, соблазнъ, униженіе. Я привелъ васъ въ свой домъ, и вы отравили его своимъ дыханіемъ. Вы изгнали изъ нея мою мечту и поселили такіе ненавистные мнѣ, такіе проклятые образы и воспоминанія! Чтобы исчезли они, надо, чтобы исчезли и вы. Это нужно, это необходимо, потому что мой сынъ растетъ, потому что я не хочу, чтобы что-либо нечистое касалось его пробуждающейся души. Поняли вы теперь? Поняли, что вамъ нельзя здѣсь остаться?

— Ничего не поняла! — сказала Зоя. — Можетъ-быть, я очень дурная. Ты умный, тебѣ лучше знать. Но я была такой всегда. Я не измѣнилась. А ты меня любилъ. Помнишь, какъ мы любили другъ друга, Павленька? И я не измѣнилась. Если бы ты былъ добрый ко мнѣ, если бы я не боялась, я бы опять стала тебя любить. Нѣтъ, я не понимаю. Я не понимаю! Но если ты говоришь, что это нужно для Гули, я уѣду. Неужели нужно? Нужно?!

Павелъ Николаевичъ глядѣлъ на жену, и отъ ея тихаго, скорбнаго голоса жуткая, непріятная дрожь пробѣгала по всему его существу.

— Иди теперь къ себѣ,—невольно смягчая голосъ, сказалъ онъ.

Она покорно повиновалась и уже сдѣлала нѣсколько шаговъ по коридору.

— Зоя!—окликнулъ онъ, внутренно протестуя противъ собственной слабости.

Она остановилась и повернула голову.

— Ты, знаешь, не тревожься особенно... насчетъ жизни... Ты будешь получать отъ меня приличное содержаніе, а жить ты можешь у сестры. Такъ не тревожься.

Онъ едва владѣлъ своимъ голосомъ. На тѣхъ губахъ, которыми онъ произносилъ эти слова, онъ еще чувствовалъ робкій, свѣжій, какъ прикосновеніе цвѣтка, поцѣлуй своей жены.

А Зоя молча выслушала его, слабо улыбнулась, и вскорѣ въ глубинѣ дома щелкнулъ замокъ, на который она запирала свою дверь.

Съ этого вечера слухъ о томъ, что

Чайкины расходятся, сталъ вполнѣ достовѣрнымъ, и Зоя стала собираться уѣзжать.

— Ну, вотъ, я и уѣзжаю!—говорила она своимъ знакомымъ и смѣялась, и черезъ этотъ смѣхъ сквозили близкія слезы.

— Куда? когда?

— Скоро, скоро. Вѣдь мнѣ нужно, необходимо. Только я все не могу рѣшить — куда? Мнѣ нигдѣ не будутъ рады, потому что я совсѣмъ ненужная, безполезная. Я, правда, совсѣмъ безполезная!

И она опять смѣялась.

— Я ужъ такъ привыкла ходить изъ дому въ домъ, мнѣ кажется, что мнѣ нѣтъ мѣста на всемъ свѣтѣ. Такъ и буду ходить, ѣздить. Только бы не быть одной! Я такъ боюсь быть одной!

И она, дѣйствительно, ходила, цѣлыми днями ходила изъ дому въ домъ, и кто бы ни глядѣлъ въ окно, непремѣнно видѣлъ раза два-три на день ея маленькую, тщедушную фигурку, поспѣшно шагающую по снѣгу среди улицы и потомъ по протоптаннымъ тропинкамъ къ подъѣздамъ домовъ.

— Вотъ идетъ Зоя Владиміровна!— говорили тѣ, кто глядѣлъ изъ окна.

— Вотъ опять идетъ Зоя Владиміровна!

А когда сумерки густѣли, и на бѣломъ снѣгу черными, рѣзкими пятнами выдѣлялись фигуры прохожихъ, а лицъ и подробностей ихъ одежды уже нельзя было различить, такъ что всѣ казались одинаковыми,—Зою Владиміровну не узнавали издали и, только встрѣтившись съ ней лицомъ къ лицу, говорили:

— Ахъ, это вы?

— Это я!—отвѣчала она и смѣялась.

Становилось совсѣмъ темно, и на улицахъ, на которыхъ не было принято зажигать фонарей, ложились только свѣтлыя пятна—отраженія освѣщенныхъ оконъ домовъ. Случалось, что въ одно изъ этихъ освѣщенныхъ оконъ мягко ударялся комокъ снѣга.

— Это Зоя Владиміровна!—говорили тѣ, кто сидѣлъ за освѣщенными окнами.

Иногда отворяли форточку и кричали:

— Идите къ намъ!

Изъ темноты раздавался смѣхъ и затѣмъ робкій, виноватый голосокъ:

— Я уже была у васъ сегодня три раза. Я вамъ надоѣла. Я всѣмъ надоѣла. Я не умѣю сидѣть ни дома, ни въ гостяхъ: я всюду бѣгу и отовсюду убѣгаю.

— Идите! ничего!—звали изъ форточки.

— Нѣтъ, нѣтъ! Прощайте!—отвѣчалъ голосокъ изъ темноты.

Люди, которые сочувствовали Зоѣ, и тѣ, которые возстановляли противъ нея ея мужа, всѣ видѣли, какъ она ходитъ, не зная, куда идетъ; всѣ знали, что она уѣзжаетъ, не зная, куда она ѣдетъ. И сперва удивлялись, а потомъ привыкли, и имъ уже не казалось страннымъ и жуткимъ, что среди нихъ мечется человѣкъ одинокій, жалкій и безпомощный; мечется, потому что нигдѣ не находитъ того, что болѣе всего необходимо человѣку: свое собственное, хотя бы маленькое мѣстечко въ жизни.

Если бы Зоя была нищей и у нея не было бы куска хлѣба, или одежды, она знала бы чего просить у людей, просить словами, а не однимъ взглядомъ недоумѣвающихъ, растерянныхъ глазъ. И люди могли бы дать ей то, чего она просила. Но кто могъ вернуть ей ея утраченное мѣсто въ жизни? Оно было занято. Его захватили постыдныя и постылыя воспоминанія ея мужа, опытъ его прошлой жизни. Всѣ эти призраки поднялись для того, чтобы постоянно застилать своими туманными образами глаза единственнаго человѣка, который былъ отвѣтствененъ за ея счастье, и эти глаза

видѣли то, чего не было, но что подсказывалъ ему его опытъ. Зоя была слишкомъ молода и наивна, чтобы понять своего мужа, а мужъ слишкомъ хорошо зналъ женщинъ, чтобы вновь довѣриться одной изъ нихъ, когда у нея проявлялись личные вкусы и мысли.

День за день откладывала Зоя свой отъѣздъ изъ города, гдѣ у нея не было никого, кто дѣйствительно любилъ бы и жалѣлъ ее, но гдѣ она постоянно встрѣчала знакомыя и часто привѣтливыя лица. Эти встрѣчи все-таки обманывали гнетущее чувство одиночества, котораго она боялась, какъ дѣти боятся темноты: инстинктивно, безразсудно, до жестокаго физическаго страданія.

— Уѣзжаю! — постоянно сообщала она и смѣялась по привычкѣ, а лицо ея выражало мольбу и ужасъ.

— Мнѣ нечего особенно тревожиться: мужъ даетъ мнѣ содержаніе... Такъ нужно. Такъ необходимо.

— Я вѣдь легкомысленная!—убѣжденно продолжала она, понижая голосъ.—Буду свободна, буду веселиться, веселиться...

И вдругъ голосъ ея прерывался отъ слезъ.

— Гуля еще малъ. Онъ меня забудетъ. Всѣ забудутъ. И Павленька обѣщалъ: онъ не скажетъ ему, что я была такая дурная.

И потомъ она прибавляла съ недоумѣніемъ и тоской:

— Я всегда была такая. Я не измѣнилась. А Павленька меня любилъ.

Гдѣ она теперь, наивная, довѣрчивая женщина-ребенокъ? На какой путь толкнулъ ее ея жестокій страхъ одиночества? Неужели не понимаетъ она еще и теперь, какихъ инстинктовъ, какой темной силы такъ боялся въ ней ея мужъ? Или для нея уже нѣтъ ничего непонятнаго и она уже по праву нашла свое мѣсто среди постылыхъ и постыдныхъ воспоминаній человѣка, который такъ жаждалъ чистоты и обновленія?

ПОЛЮДЬЕ.

(Княжой судъ)

БЫВАЛЬЩИНА

Посвящается Викт. Петр. Острогорскому.

I.

Полонъ жаждой правосудья
Стародубскій Юрій-князь
Собирался на полюдье,
Изъ похода воротясь.

Каждой осенью—въ угоду
Стародавней старинѣ—
Правилъ онъ свой судъ народу
На горѣ Городинѣ;

Что ни годъ—предъ зимней стужей
Вдаль маячили съ горы
Надъ Окой, надъ рѣчкой Тужей
Княженецкіе шатры.

Что ни годъ—со всѣхъ окольныхъ
И не ближнихъ даже мѣстъ
Былъ сюда всѣхъ недовольныхъ,
Всѣхъ довольныхъ сходъ и съѣздъ.

Близокъ срокъ суду княжому,—
Чуть заря зажжетъ лучи,
Кличутъ кличъ отъ дома къ дому
О полюдьѣ бирючи:—

«Пусть съ обидой идутъ смѣло,
Пусть вины свои несутъ!

Князь вершитъ святое дѣло—
Надъ судьями правитъ судъ...

«Князь—что солнышко: лучами
Свѣтъ на всѣхъ и вся прольетъ;
Передъ княжьими очами
Кривда правдой не пройдетъ!

«Кто правѣй—тотъ и пригожѣй
Для высокаго судьи.
Судъ княжой—что Промыслъ Божій:
Передъ ними всѣ—свои!..»

То не туча по-надъ кручей
Наплываетъ издали,
То не тёменъ лѣсъ дремучій
Клонитъ буря до земли,—

Это—вѣря правды чуду—
Злую кривду въ бой зовутъ,
Идутъ-ѣдутъ отовсюду
На княжой—на Божій судъ...

II.

«На полюдье! На полюдье!»
Ходитъ пò-людямъ молва:
«Сгинь ты сò-свѣту, безсудье!.
Правда—міру голова!..»

Ѣдетъ князь... Давно готово
Всё къ отвѣту на міру...
Вотъ и княжеское слово
Открываетъ путь добру...

Чуя гибель злу лихому,
Умиляется народъ,—
Что-жъ, что приступу такому
Внемлетъ онъ изъ года въ годъ:

Любо слушать рѣчи эти,
А еще любѣй того
Слышать ихъ на Божьемъ свѣтѣ
Да отъ князя самого!..

Внемля имъ, про всё забудешь,—
Хоть и думалъ бить челомъ...
На кого? Какъ бить-то будешь,—
Коль обидчики—кругомъ?!..

Княжье слово, княжья ласка—
Чтò и думать!—велики,
Да сильнѣй того острастье—
Челобитью не съ руки!..

Князь наѣхалъ, князь разсудитъ,
Князь уѣдетъ... И—опять
Предъ обидчиками будетъ
Людъ честнòй отвѣтъ держать...

Кто обидчикъ—важенъ саномъ,
Взысканъ почестью за честь:
Кто пожалованъ кафтаномъ,
У кого—и гривна есть...

Гдѣ ужъ тутъ! Соломѣ—силы
Не сломить,—какъ правъ ни будь!..
Богъ—судья имъ!.. До могилы
Всѣ дойдутъ вѣдь какъ-нибудь...

И—блюдя чередъ обычный—
Другъ за дружкою отвѣтъ
Держатъ всѣ—отвѣтъ привычный:
—«Ни обидъ, ни жалобъ нѣтъ!»

Мягче пуха, слаще меду
Сердцу князя толкъ такой:
Подъ его рукой—народу,
Знать, не жизнь, а рай земной!..

III.

Разошлось съ горы полюдье;
Юрій-князь—къ себѣ домой,
Выхваляя правосудье,
Ѣдетъ съ легкою душой:

Обогналъ свою дружину,
Стародубскимъ рубежомъ—
Съ ближнимъ отрокомъ—въ дѣдину
Поспѣваетъ передòмъ...

Вечеркомъ по мелколѣсью
Держатъ кони добрый путь,
Поровнялись съ встрѣчной весью,
Завернули отдохнуть...

Радъ боярамъ пахарь вольный:
«Что въ печи—мечи на столъ!»
И съ хозяйкой хлѣбосольной
Угощать гостей пошелъ...

—«Не съ полюдья ли, родимый?»
—«Не гадалъ, да угадалъ!..»

—«Что-жъ тамъ было?..»—«Нелюдимый!
Самъ-то нѐшто не видалъ?..»

—«Спасъ Господь!.. Вѣкъ не тягались
Ни отецъ ни съ кѣмъ, ни дѣдъ...
А судись—давно бъ остались
Безъ гроша на старость лѣтъ...»

—«Чтò такъ?! Судъ княжой — что Божій:
Разсудили бы...»—«Эхъ-ма!
Судъ-то ихъ себѣ дороже...»
—«Да вѣдь правда тамъ сама!..»

—«Ты, кормилецъ, самъ ли видѣлъ
Эту правду? Коль смекнёшь,—
Если кто тебя обидѣлъ,—
Правитъ этой правдой ложь...»

Вспыхнулъ юный отрокъ княжій:
—«Завираться началъ, дѣдъ?!.»
—«Старъ я лгать... Съ такой поклажей
Труденъ путь на тотъ-то свѣтъ...

«Не солгу... Ты—пей да кушай,
Старика не обезсудь...
Ну, а ты, бояринъ, слушай
И судьей намъ съ парнемъ будь!..

«На полюдьѣ князю жалобъ
Много ль нынче принесли?
Челобитныхъ?!. Не мѣшало бъ
Бить челомъ-то до земли!..

«Земскій дьякъ ли, воевода ль,
Или приставъ-волостель,
Всѣ отъ правды шли поодаль
Съ давнихъ поръ, какъ и досель!

«Тянутъ старосты губные,
Бѣдняка богачъ тѣснитъ,
Правдой правятъ силы злыя,
Міръ—подъ спудомъ честь хранитъ...

«Сильный—чистъ передъ судьёю,
Очернёнъ бѣднякъ кругомъ,—
Хоть бы святъ онъ былъ душою
Передъ истиннымъ Христомъ!..

«Кто повинны—будутъ правы,
Лишь бы знать, съ чѣмъ подойти...
Гдѣ же тутъ искать управы,
Какъ на кривду судъ найти?!.

«Къ небесамъ трудна дорога,
Бога видѣть не легко:
А до правды—что до Бога—
Высокò и далеко...

«Князь-то солнцемъ краснымъ чаетъ
Озарить крещёный людъ,
Да того не примѣчаетъ,
Что краснѣй того всѣ лгутъ...

«Обступила князя тыномъ
Отовсюду злая лесть;
Крѣпокъ тынъ,—его съ алтыномъ
Бѣдняку не перелѣзть!

«Залегла—что силой вражьей—
Ложь дороги—и пути
Изъ-за тына правдѣ княжей
До народа не дойти.

«Нѣтъ, вотъ самъ тайкомъ когда бы
Вздумалъ глянуть онъ въ народъ—
Извѣстилъ бы тѣхъ, кто слабы,
Тѣхъ, силёнъ кто,—въ свой чередъ...

«Дѣло вышло бы иное,
Былъ совсѣмъ другой бы толкъ!..
А теперь... теперь—пустое!..»
И—замолкъ старикъ, замолкъ...

Князь прервалъ его молчанье:
—«Отрокъ-другъ! Налей вина!..»
Выпилъ, молвилъ на прощанье:
—«Ну, спасибо, старина!

«Сказъ-отъ твой — не нà-смѣхъ курамъ,
Хоть и князю на укоръ...
Бью челомъ: заѣдешь въ Муромъ,
Заверни на княжій дворъ!..»

IV.

Минулъ годъ... Пора полюдье
На горѣ Городинѣ—
Въ честь и славу правосудья—
Созывать по старинѣ...

Миновала осень... Стужей

Потянуло... А съ горы
Надъ Окою, по-надъ Тужей
Не бѣлѣются шатры...

Слышно: въ Муромѣ рѣшили,
Что на вѣчные года
Не бывать полюдью въ силѣ,—
Мало ль было что когда!..

Княжье слово, воля Божья
О-бокъ по̀-людямъ идутъ,
Не страшась ни бездорожья,
Ни проторь какихъ, ни смутъ...

Порѣшили,—такъ и стало,
Такъ впередъ тому и быть—
Княжью волю не пристало
Ни судить и ни рядить...

Только нѣтъ да нѣтъ—въ округѣ
Стародубьемъ ходитъ слухъ,
Что вершатъ не княжьи слуги,
А не князь—такъ княжій духъ...

Молвь гласитъ, что зачасту̀ю,
Ото всѣхъ бояръ таясь,
Въ путь-дорогу не простую
Со двора съѣзжаетъ князь...

Обрядясь простымъ нарядомъ
(Съ вѣрнымъ отрокомъ своимъ),
Онъ по сёламъ, по посадамъ
Ѣздитъ, правдою хранимъ...

Какъ подъ шапкой-невидимкой—
Всё увидитъ, разглядитъ:
Что̀ закрыто лести дымкой,
Что̀ отъ взора ложь таитъ...

Чуть спроворилъ приставъ княжій,
Покривилъ судья душой—
Обуянъ корыстью вражьей,—
Пойманъ воръ и—судъ простой:

Въ Муромъ вызовутъ къ отвѣту,—
И не хочешь, да пойдешь,—
А не то—сживутъ со свѣту
Не застѣнокъ, такъ правёжъ...

«Что за диво!»—толкъ въ народѣ:
«Ровно видятъ тамъ насквозь...
Эдакъ даже воеводѣ
Не отбиться на-авось!..

«Кто-жъ удумалъ всѣхъ безславить?
Кто себя не бережетъ?!.
Первый кнутъ у насъ всегда вѣдь
Про доносчика живетъ...»

А ужъ мало ли пытали
Воеводскіе друзья,
Чуть не на̀-смерть забивали—
Не жалѣли батожья̀...

Не бывать бы дѣлу прокомъ,—
Кабы прокъ не набѣжалъ,
Кабы кто-то ненарокомъ
Въ гостѣ—князя не призналъ...

И пошла молва народомъ,
Славой по̀-людямъ гнѣздясь,
Выростая годъ-за-годомъ:
«Правосудьемъ славенъ князь...»

Славѣ той сказанье вторитъ,
Сказу внемлетъ пѣсня-быль,
Судъ временъ ихъ не оспоритъ,
Имъ чужда забвенья пыль...

Судъ другой... Иные судьи
И другія времена...
Но объ Юрьевомъ полюдьи
Молвь и до̀ сихъ поръ слышна:

Нѣтъ да нѣтъ—всплыветъ-проснется
За горой Городиной
И ручьемъ журчитъ, и льется
Стародубской стороной...

Аполлонъ Коринфскій.

Въ мечтахъ.

Драма въ четырехъ дѣйствіяхъ **Влад. И. Немировича-Данченко.**

(Окончаніе.)

ТРЕТЬЕ ДѢЙСТВІЕ.

Залъ въ ресторанѣ, въ глубинѣ—гостиная съ роялемъ и отдѣльными ameublements. Яркое освѣщеніе электричествомъ.

За большимъ столомъ въ центрѣ **Занковская.** Около нея съ одной стороны — **князь Трубчевскій** въ камергерскомъ мундирѣ, съ другой — директоръ большого музыкальнаго учрежденія **Внуковъ.** Ближе къ центру **Костромскіе, Старочеркасовы, Калгуевы, Алфеевъ, Бокачъ, Григорій Кирилловичъ,** пѣвица **Ольгина,** режиссеръ оперы **Волоконовъ,** и далѣе: **Широковы**—мать и дочь, преподаватели пѣнія **Родникова** и г. **Чика. Яхонтовъ, Букова, Солнцева, Топольковъ,** нѣкоторыя изъ учеництъ и учениковъ Занковской и публика разныхъ возрастовъ и положеній, среди которыхъ г. и г-жа **Солнцевы** и другіе родители учениковъ, артисты, журналисты и т. д. **Пустынниковъ** — въ качествѣ распорядителя и устроителя обѣда. Мужчины во фракахъ, дамы въ свѣтломъ.

При открытіи сцены—глубокая, почти торжественная тишина, едва нарушаемая стуканьемъ ложекъ о тарелочки *(ѣдятъ послѣднее блюдо)* и осторожными движеніями половыхъ, которые гдѣ доливаютъ бокалы, гдѣ подаютъ свѣчу для закуриванія папиросъ и т. д.; метрдотели внимательно слѣдятъ за ними.

Занковская (*держитъ отвѣтную рѣчь*) ...Нельзя любить только самого себя: тогда нечѣмъ было бы жить. И мнѣ кажется, что у всякаго человѣка наступаетъ такое время, когда онъ больше всего хочетъ передать другимъ то, чѣмъ онъ живетъ самъ. Въ послѣднее время, къ старости, и я начала задумываться надъ этимъ. Но мы, женщины, умѣемъ жить чувствомъ, и совсѣмъ не умѣемъ анализировать. И чего мой женскій умъ не могъ одолѣть, то подсказали мнѣ умные мужчины. И я поняла, что во всякомъ артистѣ—двѣ силы. Одна—внутренняя,—это его мысли, чувства, или, какъ принято выражаться, — художественные образы. Другая — внѣшняя, — это тотъ Божій даръ, который люди называютъ талантомъ. Съ помощью этого таланта артистъ находитъ форму, чтобы передать людямъ свои мысли, чувства и образы. Пока человѣкъ молодъ, его внѣшнія средства свѣжія и сильныя, а внутреннія еще недостаточно окрѣпли. Къ извѣстнымъ годамъ наступаетъ равновѣсіе, тогда мы говоримъ — этотъ человѣкъ въ расцвѣтѣ силъ. А дальше ужъ идетъ наоборотъ. Человѣкъ становится старше, его мысли и понятія крѣпнутъ, а внѣшнія средства дряхлѣютъ. И форма мѣняется: то, что казалось верхомъ совершенства въ мое время, теперь уже считаютъ устарѣлымъ и скучнымъ. И вотъ, тогда намъ хочется отдать другимъ, молодымъ силамъ нашъ опытъ, нашу любовь къ искусству. Отнимите у меня это,—и вы отнимете у меня всю мою жизнь. Потому-то я и говорю, что не вижу никакой заслуги въ моей работѣ. Это моя потребность, я дѣлаю это для самой себя. И повторяю, по чистой совѣсти, я очень удивлена всѣми этими парадными привѣтствіями и рѣчами. Мнѣ остается только низко поклониться... вамъ, князь, за привѣтъ отъ высокаго лица, представителемъ котораго вы являетесь; вамъ (*Внукову*), вашимъ сотрудникамъ (*Родниковой и Чика*) и членамъ вашей дирекціи (*Калгуевымъ*), какъ представите-

лямъ лучшаго музыкальнаго учрежденія въ Россіи; господину режиссеру и артистамъ оперы, не забывшимъ меня вмѣстѣ съ моимъ ученикомъ и молодымъ другомъ Яхонтовымъ, и всѣмъ, почтившимъ меня сегодня своимъ вниманіемъ. Съ своей стороны, я подымаю бокалъ за процвѣтаніе искусства и за тѣ молодыя силы, которыя должны служить ему. Пожелаемъ имъ твердости, горячей любви къ дѣлу и силъ бороться со всякими невзгодами.

(*Бурные аплодисменты сразу разрываютъ тишину. Начинаются привѣтствія и чоканіе. Происходитъ обходъ стола.*)

По пути, въ шумѣ и толкотнѣ,— отдѣльныя сцены.

Ольгина и Волоконовъ.

Ольгина. Такъ не сама жъ она сочинила такую рѣчь.

Волоконовъ. Конечно, сочинилъ Алфеевъ. Но вы все-таки такъ не сказали бы.

Ольгина. Ну, вѣчная ваша режиссерская манера—хвалить покойниковъ.

Волоконовъ. Какая жъ она покойница!

Ольгина. Ну, все равно,—для искусства. (*Расходятся.*)

Топольковъ и Солнцева.

Топольковъ. Милая, красавица, душка, любимая!

Солнцева. Тсс! Ты съ ума сошелъ!

Подходятъ г. и **г-жа Солнцева.**

Г. Солнцевъ. Ну Лидуся, за твое здоровье. Пошли тебѣ Господь удачи.

Солнцева. Merci, папаша. (*Одной рукой оберегая богатый туалетъ, въ другой—бокалъ, осторожно цѣлуется съ нимъ.*)

Г. Солнцевъ (*Тополькову*). За ваше здоровье.

Топольковъ (*бурно кидается цѣловать его*).

Г-жа Солнцева (*цѣлуясь съ дочерью*). Очень ужъ твоя учительница хорошо говорила. Я не все поняла, а хорошо.

Солнцева. Чего жъ вы, мамаша, плачете?

Г-жа Солнцева. Жалко очень. Кто знаетъ, что изъ тебя выйдетъ,—хорошая женщина или вертихвостка.

Яхонтовъ и Букова.

Яхонтовъ. За будущую звѣзду первой величины и за то, чтобы она свѣтила ласковѣе, чѣмъ сегодня утромъ.

Букова. А я за то, чтобы большія свѣтила не поглощали маленькихъ звѣздочекъ и не отнимали у нихъ послѣднихъ лучей.

Григорій Кирилловичъ (*стучитъ ножомъ по тарелкѣ*). Господа! Господа! За здоровье нашихъ лучшихъ артистовъ, Ольгиной и Яхонтова, ура! (*Ура шумно подхватывается.*)

Яхонтовъ. Иду, иду самъ. Самъ, господа, иду.

Бокачъ и Юля.

Бокачъ (*чокается съ Юлей*).

Юля. Очень вамъ благодарна, но я не ученица.

Бокачъ. Pardon. Во всякомъ случаѣ, будьте здоровы.

Юля. Неужели я такъ незамѣтна, что вы меня уже забыли. Я племянница юбилярши.

Широкова. Европейскимъ политическимъ дѣятелямъ не до женщинъ.

Бокачъ. Совершенно напротивъ, Madame. Мы цѣнимъ женщину гораздо выше, чѣмъ въ Россіи. А я давно убѣдился, что русская женщина вмѣстѣ съ англійской по своему интеллекту выше всѣхъ другихъ націй.

Юля. Дѣлю вашъ комплиментъ на число русскихъ женщинъ и принимаю ту часть, которая падаетъ на мою долю.

Калгуевы и Внуковъ.

Г-жа Калгуева. Я и мой мужъ находимъ, что наша дирекція должна пригласить madame Занковскую преподавательницей.

Внуковъ. Непремѣнно надо. Но вы увидите, что Художественный Совѣтъ будетъ протестовать.

Г-жа Калгуева. Мы же знаемъ, что все зависитъ отъ васъ.

Внуковъ. Я сейчасъ подойду къ вамъ. (*Расходятся.*)

Родникова и Чика.

Родникова. Увидите, если Внуковъ не будетъ приглашать Занковскую къ намъ въ преподавательницы. Недаромъ, Калгуевы здѣсь.

Чика. (*сильный итальянскій акцентъ*). Онъ мастеръ поставить mezza-voce и большой вкусъ на bel canto.

Родникова. Не знаю, что вы въ ней находите. Закрываетъ ротъ и глушитъ голосъ.

Чика. No, no! Яхонтовъ совсѣмъ открытый звукъ.

Родникова. Яхонтовъ да Яхонтовъ! даже надоѣло слушать. (*Проходятъ. Сильный стукъ по тарелкѣ. Съ трудомъ стихаютъ. Всѣ остаются на мѣстахъ, гдѣ кого звукъ засталъ.*)

Князь Трубчевскій. Наша высокоталантливая юбилярша въ своей, поистинѣ блестящей, отвѣтной рѣчи сказала, что у всякаго артиста наступаетъ время, когда онъ стремится передать свой опытъ, свои знанія, свою душу молодымъ силамъ. Но, господа, всякій артистъ прежде всего человѣкъ, и, какъ таковой, онъ стремится передать дальнѣйшему поколѣнію лучшія черты не только своего артистическаго такта и вкуса, но и своего обще-человѣческаго характера. Этотъ міровой процессъ есть величайшій актъ природы. Александра Николаевна предложила тостъ за своихъ, такъ сказать, духовныхъ дѣтей. Позвольте же мнѣ предложить тостъ за ея настоящихъ дѣтей (*Бокачъ: браво браво!*), которыя, по закону генераціи, унаслѣдовали отъ высокоуважаемой матери лучшія черты ея, какъ человѣка... (*Бокачъ: браво, браво!*) Здоровье счастливой княгини Вѣры Кирилловны и... мм...

Григорій Кирилловичъ (*подсказываетъ*). Григорій Кирилловичъ.

Князь Трубчевскій. И счастливаго молодого человѣка Григорія Кирилловича. (*Общее: браво! и движеніе.*)

Г. Солнцевъ и половой.

Г. Солнцевъ. Голубчикъ, дай мнѣ бутылку Аи.

Половой. Какъ прикажете записать?

Г. Солнцевъ. Солнцевъ, комерціи совѣтникъ Солнцевъ.

Половой. Слушаю-съ. (*Убѣгаетъ.*)

Широкова и Алфеевъ. (Она его ведетъ подъ руку):

Алфеевъ. Люди всегда любили идолопоклонничество. А мы переживаемъ время, такъ сказать, идео-поклонничества,—поклоненія не идолу, а идеѣ и ея носителямъ.

Широкова. Ну, это по-вашему...

Алфеевъ. А по-вашему?

Широкова. (*Она очень взволнована*). А по-моему, всѣ люди хотятъ жить, веселиться, обѣдать, пить вино, а идеи это соусъ, иногда очень пикантный. Моя сестра всю жизнь прожила только чувствомъ и никогда не признавала никакихъ законовъ — и вдругъ «идея». Я думаю, ей самой смѣшно.

Алфеевъ. Она могла даже не знать слова «идея», и все-таки вся ея жизнь идейная.

Широкова. Ахъ, полноте пожалуйста! Идея—это значитъ... ну, когда говорятъ «идея», то это означаетъ... словомъ, это ничего не имѣетъ общаго! Помилуйте, даже нашъ милѣйшій князь Трубчевскій дошелъ до того, что видитъ идеи въ рожденіи дѣтей. Выходитъ, что и Вѣра, и Гриша родились по идеѣ. Богъ знаетъ, до чего доболтаются.

Старочеркасовъ (*встаетъ и стучитъ*).

(*Стихаютъ*).

Алфеевъ. Кто это собирается говорить?

Широкова (*лорнируя*). Ахъ, это Вѣрочкинъ князь.

Одинъ изъ публики. Кто это?

Другой. Старочеркасовъ, мужъ юбиляршиной дочки.

Старочеркасовъ (*выждавъ полной тишины*). Мы находимся въ атмосферѣ искусствъ, въ царствѣ красоты, которую недаромъ принято считать единственнымъ незапятнаннымъ, истиннымъ благомъ жизни. Въ этой атмосферѣ больше, чѣмъ гдѣ-нибудь, мы сталкиваемся съ такими явленіями и съ такими личностями, привлекательность и обаяніе коихъ не поддается обычной критикѣ и обыденной морали. Они имѣютъ божественную силу владѣть нашей душой, и мы, маленькіе и скромные, безсознательно подчиняемся этой силѣ. Къ числу такихъ явленій относится авторъ всѣмъ извѣстныхъ произведеній «Сказанія объ Аникѣ-воинѣ, побѣдившемъ смерть» и «Страны каликъ-перехожихъ». Въ этотъ день праздника искусства я предлагаю тостъ за здоровье Костромского

(*Аплодисменты, чоканье и т. д.*)

Юля и Бокачъ.

Юля. А я гдѣ-то читала, что между женщиной и мужчиной вѣковая, природная вражда. Они враги отъ природы.

Бокачъ. О, да! Это утверждаютъ многіе философы. Но между философіей и политикой цѣлая пропасть. Въ политической борьбѣ женскій тактъ, женское мягкое вліяніе—одно изъ прекрасныхъ оружій, и мы имъ воспользуемся для нашихъ цѣлей. Женщина намъ необходима, и мы всегда являемся рыцарями ея самостоятельности.

Солнцева и Букова.

Солнцева. Душечка, я узнала отъ самаго вѣрнаго человѣка, что онъ женатъ.

Букова. Кто?

Солнцева. Да Яхонтовъ.

Букова. Зачѣмъ же вы это говорите мнѣ?

Солнцева. Чтобъ вы были осторожны. Кто же не видитъ, что онъ за вами ухаживаетъ.

Букова. Если я полюблю человѣка, то не посмотрю, женатъ онъ или нѣтъ, и ни у кого не буду спрашивать совѣтовъ. (*Отходитъ отъ нея*).

Пустынниковъ (*стучитъ по тарелкѣ*). Позвольте прочесть привѣтственныя телеграммы, присланныя сегодня на имя Александры Николаевны. (*Начинаетъ читать рядъ телеграммъ. Многія изъ нихъ покрываются аплодисментами, иногда сильными, иногда слабыми, иногда только короткимъ браво, а то и вовсе обходятся молчаніемъ*). «Не имѣя, къ величайшему сожалѣнію, возможности лично присутствовать на заслуженномъ чествованіи...»

Костромская (*идетъ подъ руку съ Григоріемъ Кирилловичемъ*).

Костромская. Я вотъ здѣсь сяду. Это сейчасъ пройдетъ.

Григорій Кирилловичъ (*половому*). Дай воды.

Половой. Какой прикажете?

Григорій Кирилловичъ. Все равно, простой или содовой. Скорѣе.

Половой. Сію минуту. (*Уходитъ.*)

Костромская. Мнѣ просто стало очень жарко.

Костромской (*подходитъ*). Что тебѣ,—не хорошо?

Костромская. Немного голова закружилась. Не безпокойтесь, Григорій Кирилловичъ. Идите туда, пожалуйста.

Григорій Кирилловичъ. Вамъ сейчасъ дадутъ воды. (*Спѣшитъ къ Пустынникову.*)

Костромской. Тебѣ не слѣдовало пить вина. Ты не привыкла. (*Садясь около нея.*) И чего накинулась на него! Ну, чего жъ ты плачешь?

Костромская. Сядь, пожалуйста, такъ, чтобъ меня не было видно.

Костромской (*пересаживаясь*). Э, Надежда, я считалъ тебя мужественнѣй. Ты заставишь меня раскаиваться въ томъ, что я тебѣ все сказалъ.

Костромская. Нѣтъ, нѣтъ, Боже сохрани, Геря. Я не буду плакать... Ради

Бога, не думай. Я тебѣ такъ благодарна. Ты и представить не можешь, какъ я оцѣнила, что ты прямо и честно сказалъ мнѣ, что не можешь жить со мной по-прежнему. Ты еще выше поднялся у меня въ душѣ. Да и вотъ больше недѣли, какъ ты признался, а развѣ я хоть разъ обезпокоила тебя?

Костромской. Такъ не слѣдуетъ плакать. Это малодушіе.

Костромская. Я знаю, да вдругъ не могла удержаться.

Половой (*подаетъ сифонъ и отходитъ*).

Костромской (*наливая*). И не надо было тебѣ пріѣзжать сюда. На-ка, выпей воды.

Костромская (*выпивъ*). Я сама все понимаю. Да какъ-то вдругъ потерялась. Не могу взять себя въ руки. Больше недѣли смотрѣла бѣдѣ прямо въ глаза. И сегодня утромъ для своего испытанія поѣхала къ нимъ. И сюда съ тѣмъ же, думала—выдержу. А вино пила, думала оно придастъ мнѣ силы... Ну, да ничего! Завтра уѣду къ матери въ деревню, тамъ успокоюсь. Поплачу вволю съ матушкой и успокоюсь. (*Плачетъ.*)

Костромской. Знаешь что? Поѣдемъ-ка, я тебя свезу домой.

Костромская. Нѣтъ, нѣтъ, ни за что. Одна поѣду, — вотъ немного погодя и поѣду, — а съ тобой ни за что. Да ты не безпокойся, это сейчасъ пройдетъ. Отъ вина это...

Костромской (*половому*). Послушай! Тсс!..

Половой (*подлетая*). Что прикажете?

Костромской. Дай-ка мнѣ сюда кофе.

Половой. Слушаю-съ. (*Уходитъ.*)

Костромской. Ты не плачь, Надюша. Попробуй принасиловать себя да подумай обо мнѣ, какъ слѣдуетъ. Не оттого же я уѣзжаю отъ тебя, что другая женщина захватила меня. Это было бы довольно пошло. А все тутъ вмѣстѣ. Я дошелъ до такой ненависти, что не въ силахъ больше оставаться среди людей. И не только къ людямъ, а и ко всей жизни. Хуже, когда это перейдетъ въ злобу. Нѣтъ, никого мнѣ не надо. Ни ея, ни тебя — никого. Я долженъ уйти. Куда,—и самъ не знаю.

Костромская. Да почему, Геря? Вотъ сегодня цѣлый день слышу, какъ тебя любятъ. И предлагаютъ тебѣ хлопотать о каѳедрѣ, и всячески ухаживаютъ за тобой, — откуда жъ это ненависть?

Костромской. Твоя мать, Надежда, женщина умная, — простой, но большой человѣкъ, больше тебя. Поѣдешь къ ней, разскажи ей слѣдующее, — вотъ, молъ, что онъ говорилъ, когда уходилъ отъ меня совсѣмъ. Всѣ люди дѣлятся на три разряда. Одни не думаютъ о жизни и берутъ ее такою, какою они ее видятъ, вотъ такъ (*близко держа передъ своими глазами ладонь*). Эти люди слѣпые и живутъ они, какъ звѣри или муравьи. Другіе видятъ жизнь широко, со всѣми ея низинами и верхами, а живутъ такъ же, какъ звѣри. Это или подлые, или трусы, или слабые люди. И всѣ они, — честные, но слабые, или обманывающіе себя трусы,—дѣлаютъ все то же, что и сильные, но подлые. Третьи смотрятъ на жизнь, какъ вторые, широко, но не могутъ жить, какъ первые, т. е. по-звѣрски, потому что прежде всего предъявляютъ требованія къ самимъ себѣ: очистись самъ, и этимъ ты поможешь очищенію грубой и грязной жизни.

Костромская. Ты очень строгій къ себѣ, Геря. Ты лучше всѣхъ людей на свѣтѣ. Я тебѣ благодарна за всю мою жизнь. А что случилось—я должна была ждать. Да и ждала. Знала, что рано ли, поздно ли, какъ выйдешь ты на широкій путь... гдѣ же мнѣ тогда за тобой!

Костромской. Будетъ тебѣ! При чемъ тутъ широкій путь!

Костромская. Какъ при чемъ! Ну, да что тутъ! Я только говорю, что честнымъ людямъ всегда труднѣе жить. Сколько, небось, здѣсь есть такихъ, которые тайкомъ — жена отъ мужа или мужъ отъ жены, — и ничего, живутъ себѣ безпе-

чально. (*Быстрый и короткій апплодисментъ прерываетъ чтеніе телеграммы.*)

Костромской. Кому это тамъ такъ?.. (*Прислушивается.*)

Пустынниковъ (*возвышая голосъ*). «...d'un avenir sublime quand disparaîtra la différence entre les nations diverses et toute la culture de la science et de l'art se fondera dans une seule famille humaine... au nom de l'humanitée dans la plus large acception de ce mot. Дирекція Парижской консерваторіи». (*Оглушительное браво.*)

Половой (*подаетъ Костромскому кофе*).

Костромской (*наливая себѣ кофе*). Парижская консерваторія мечтаетъ объ одной, всеобщей человѣческой семьѣ, основанной на знаніяхъ и искусствахъ... во имя гуманности.

Костромская (*все время печально смотритъ на мужа*). Тяжело тебѣ со мной?

Костромской. Тебѣ не лучше моего.

Костромская (*все такъ же глядя и качая головой*). Да, трудно тебѣ. И радъ бы утѣшить меня, дорого бы далъ, да не можешь. Точь-въ-точь вотъ такъ было, когда умирали наши мальчики. Я, какъ мать, больше жалѣла малютокъ, чѣмъ ты. Словно я чувствовала, что придетъ когда-нибудь время, и они мнѣ будутъ нужны. А какъ бы они мнѣ теперь-то были нужны! Не одна бы я оставалась.

Костромской. Слушай, Надежда. Здѣсь это неумѣстно. Улучимъ минуту и поѣдемъ домой.

Костромская (*не слушая его*). Отчего жъ я такъ и завидую другимъ женщинамъ. У нихъ всегда есть что-нибудь свое, а я положила всю жизнь въ одно чувство и вотъ осиротѣла (*плачетъ*). А вѣдь и теперь я хороню больше, чѣмъ дѣтей, все свое счастье хороню. Точно его передо мной, на моихъ глазахъ, въ гробъ кладутъ, а я должна смотрѣть.

Костромской (*молчитъ, сдавливая охватившую его тоску*).

Костромская. И ничего ты не можешь сказать мнѣ, нѣтъ у тебя такихъ словъ, чтобъ утѣшить меня. И можетъ-быть, чѣмъ больше я плачу, тѣмъ холоднѣе становится у тебя на душѣ. Не буду больше, Геря, прости меня.

Телеграммы прочтены. Движеніе. **Яхонтовъ** (отыскиваетъ Костромского). За нимъ **Солнцева, Топольковъ, Букова и др.**

Яхонтовъ. Дэ жъ винъ пропавъ! (*Увидѣвъ его*). Оце и винъ! Георгій Васильевичъ! Родимый! Мы къ вамъ всей компаніей.

Костромской. Что такое?

Яхонтовъ. Побалакайте зъ нами. Скажить намъ що-нэбудь.

Костромской. Что сказать?

Яхонтовъ. Що-нэбудь такое, щобъ підступило підъ самое сердце!

Костромской. Не стану я, съ чего вы взяли!

Солнцева (*за нею другіе*). Скажите, Георгій Васильевичъ!

Яхонтовъ. Надежда Захаровна! Уговорите его. Вѣдь какой сегодня день! (*Подходитъ Бокачъ.*)

Бокачъ (*Костромскому*). Дамы просили меня представить васъ.

Костромской. Какія еще дамы?

Бокачъ (*внушительно*). Сестра и племянница madame Занковской.

Яхонтовъ. Послѣ, послѣ. Сначала онъ скажетъ рѣчь.

Костромской (*идя за Бокачомъ*). Не буду я говорить, Яхонтовъ.

Яхонтовъ. Господа! не отставать. Давайте хныкать. (*Хнычетъ.*) Георгій Васильевичъ, скажите что-нибудь!..

Солнцева (и **другіе** *двигаются за ними*). Георгій Васильевичъ! Скажите что-нибудь.

Подходитъ **Старочеркасовъ.**

Старочеркасовъ (*Костромской*). А мы васъ ищемъ. Ну, какъ вамъ?

Костромская. Отлично. Совсѣмъ прошло.

Старочеркасовъ. Хотите ликеровъ, кофе?

Костромская. Да, очень вамъ благодарна. Только пройдемте немного по залѣ.

Старочеркасовъ. Съ удовольствіемъ. (*Подаетъ ей руку. Половому*). А ты приготовь пока кофе и ликеры. (*Идутъ*.)

Ольгина, Волоконовъ и Григорій Кирилловичъ.

Григорій Кирилловичъ. Только одинъ романсъ. Всего одинъ романсъ.

Ольгина. Да вѣдь вотъ режиссеръ не позволяетъ.

Волоконовъ. Нельзя, молодой человѣкъ. Она и то не совсѣмъ здорова, а ей завтра пѣть Татьяну.

Ольгина. Право, пусть молодежь попоетъ, а мы послушаемъ. (*Проходятъ*.)

Начинаютъ разбиваться на группы. Кто остается за столомъ, кто устраивается за отдѣльными столиками, кто поглядываетъ на часы. Слышны аккорды рояля. Половые быстро убираютъ столы. Кое-гдѣ говорятъ: «Который это Костромской?» — «Вотъ онъ» и т. д.

Пустынниковъ. Сюда, сюда. (*Двое слугъ несутъ за ними кофе, ликеръ и воды, и ставятъ на одномъ изъ ближайшихъ столиковъ*). Александра Николаевна! Князь! Пожалуйте сюда.

Половой (*подходитъ къ Пустынникову съ визитной карточкой*). Васъ спрашиваетъ сотрудникъ газеты.

Пустынниковъ. Гдѣ? Сію минуту. Подожди меня. Александра Николаевна! Пожалуйте сюда пить кофе. (*Уходитъ торопливо*.)

Подходитъ **Занковская** подъ руку съ **княземъ Трубчевскимъ, г. и г-жа Калгуевы, Внуковъ** и **Вѣра Кирилловна**. Они разсаживаются, половые разливаютъ имъ кофе.

Вѣра Кирилловна. У меня очень дурной и очень испорченный характеръ. И виновата въ этомъ исключительно мама.

Занковская. Вы думаете, она шутитъ?

Князь Трубчевскій. Ну, конечно.

Занковская. Она говоритъ совершенно искренно.

Вѣра Кирилловна. Совершенно убѣжденно. Мама начала портить мой характеръ съ самаго дѣтства.

Занковская (*хохочетъ*). Послушайте только, что она будетъ разсказывать.

Вѣра Кирилловна. Да мама и не можетъ обижаться, потому что это все относится къ чествованію ея талантовъ. Мама—артистка отъ головы до пятъ, и ей никогда не слѣдовало браться за воспитаніе дочери. Мама любитъ, чувствуетъ и понимаетъ только музыку. Заговорите о музыкѣ, и она вся загорится и выскажетъ такія тонкія и мѣткія замѣчанія, какихъ вы (*Внукову*) у себя на художественномъ совѣтѣ не услышите. А начните о жизни, о морали, нравственности,—она будетъ молчать, потому что ей нечего сказать. Если мнѣ понадобится совѣтъ по части искусства, я обращусь къ мамѣ, и она, навѣрное, скажетъ что-нибудь замѣчательное, а въ житейскомъ простомъ столкновеніи я съ такимъ же успѣхомъ могу обратиться къ семилѣтнему ребенку.

(*Общій смѣхъ*.)

Калгуевъ (*хохочетъ*). Честь вамъ и слава!

Вѣра Кирилловна. Увѣряю васъ! Она вся живетъ образами фантазіи, смутными, не реальными, сотканными изъ чувствъ и звуковъ. Среди нихъ она чувствуетъ себя, какъ дома, а въ домѣ она теряется, какъ въ облакахъ.

(*Общій смѣхъ*).

Калгуевъ (*хохочетъ*). Честь вамъ и слава!

Вѣра Кирилловна. У нея небо и земля, люди, ангелы и черти,—все перемѣшалось въ какой-то хаосъ, и вотъ въ этомъ фантастическомъ хаосѣ она царица. Всякія привидѣнія — это ея друзья. А спустите ее на землю, заставьте ее слушать разныя житейскія вещи, — она начнетъ скучать и томиться, и всѣ окружающіе, всѣ мы будемъ казаться ей глупыми тѣнями изъ другого, чужого для нея міра. Поэтому въ жизни она разсѣянна, путаетъ

имена... вы думаете, она долго будетъ помнить, какъ васъ всѣхъ зовутъ?

Занковская (*закатываясь*). Будетъ тебѣ сочинять.

Вѣра Кирилловна. Завтра же всѣхъ перезабудетъ. Она знаетъ людей только по голосамъ и совершенно не интересуется, кто они, какіе они и какъ живутъ. Хозяйство у нея идетъ Богъ знаетъ какъ, и если бы не Маръа Филатовна, такъ мама могла бы по два дня не обѣдать. И не замѣтила бы этого. Тебѣ надо было родиться въ Китаѣ и принадлежать къ браминамъ.

(*Хохотъ.*)

Калгуевъ. Честь вамъ и слава! Человѣкъ! Подай скорѣй шампанскаго!

Половые (*быстро убѣгаютъ за виномъ.*)

Занковская. И вѣдь все сочиняетъ!

Внуковъ. Это же и есть настоящая артистка.

Вѣра Кирилловна. Да. Но вотъ и вообразите, что эта артистка рѣшила во что бы то ни стало воспитать изъ дочери точно такую же, какъ она сама. Съ дѣтства она окружила меня всѣмъ, чего ей самой съ дѣтства недоставало. Каждый мой шагъ былъ окруженъ произведеніями искусства. Она смотрѣла на меня, какъ на фею, которая должна унаслѣдовать ея тронъ въ ея фантастическомъ хаосѣ. Ей ни разу не пришло въ голову, что у меня можетъ не быть никакихъ дарованій. И вотъ она начала вытягивать изъ меня голосъ, котораго у меня сроду не было. Когда она увидѣла, что изъ этого ничего не выходитъ, она рѣшила сдѣлать изъ меня піанистку.

Занковская. И скажешь, не сдѣлала?

Вѣра Кирилловна. Конечно, не сдѣлала, потому что изъ ничего и сдѣлать ничего нельзя.

Занковская. Неправда. Если бы ты не капризничала, ты была бы великолѣпной піанисткой.

Вѣра Кирилловна. Да, видите ли, это она называетъ капризничаньемъ. Сама же развила во мнѣ вкусъ, страшную требовательность и неимовѣрное честолюбіе, а потомъ удивляется, что меня не удовлетворяетъ пустое брянчанье по клавишамъ.

Занковская. Вы только послушайте когда-нибудь, какъ она играетъ.

Вѣра Кирилловна. Никогда они не услышатъ, потому что я не стану играть.

Занковская. Милая Вѣруся,—не всѣмъ же быть Софьями Ментеръ.

Вѣра Кирилловна. А! Вотъ этого-то ты мнѣ и не говорила. Ты мнѣ сказала объ этомъ въ первый разъ, когда мнѣ стукнуло уже 22 года и когда я блестяще провалилась въ двухъ концертахъ.

Занковская. Нисколько ты не проваливалась.

Вѣра Кирилловна. Полно, мама. Ты сама все прекрасно понимаешь. И вотъ, скажите—вы всѣ здѣсь люди музыкальные—права я или нѣтъ, что лучше совсѣмъ забыть о томъ, о чемъ я когда-то мечтала, чѣмъ выступать передъ публикой на смѣхъ? Прежде я такъ думала: мама, конечно, артистка, но это еще не настоящая, а вотъ я буду замѣчательная.

Князь Трубчевскій. Мы не можемъ судить, мы вамъ не вѣримъ, мы не слыхали, какая вы артистка.

Вѣра Кирилловна. Повѣрьте, князь, никакая. Поэтому-то я и не приняла вашего любезнаго тоста. Самой быть артисткой—счастье, матерью знаменитой артистки—огромное счастье, но дочерью—никакого.

Занковская. Ты хоть бы для сегодняшняго моего праздника не говорила этого (*плачетъ*).

Вѣра Кирилловна. Ну, мама, что-жъ ты заплакала!

Князь Трубчевскій. Александра Николаевна! Что это вы?

Калгуевъ. Начали за здравіе, а кончили за упокой.

Вѣра Кирилловна (*переходитъ къ ней и цѣлуетъ*). Ну, мамочка, перестань. Я вамъ говорила, господа, что у меня

дурной характеръ. Ну, будетъ! Чѣмъ ты виновата, что Богъ не посадилъ мнѣ чего-то въ горло и далъ руки, не подходящія для фортепіано.

Занковская. Просто, ты вѣчно сомнѣваешься, у тебя мало смѣлости.

Князь Трубчевскій. Совершенно вѣрно. Сомнѣнія — болѣзнь нашего времени. И поэтому предлагаю тостъ за смѣлость. De l'audace, encore de l'audace et toujours de l'audace!

Калгуевъ (*который не зналъ, что дѣлать съ потребованнымъ имъ шампанскимъ, поданнымъ половыми въ бокалахъ*). Ну, вотъ, есть, по крайности, за что выпить. Пожалуйте.

Подходятъ **Солнцева, Топольковъ, Пустынниковъ**, за ними слѣдуютъ **г. и г-жа Солнцева** и другіе.

Солнцева. Александра Николаевна! Меня просятъ спѣть—можно?

Топольковъ. Дуэтъ со мной.

Занковская. Да, хорошо. Нѣтъ, лучше съ Буковой. (*Встаетъ.*)—Хотите послушать моихъ учениковъ?

Князь Трубчевскій. Съ удовольствіемъ.

Калгуевъ. Мы и тамъ вино спросимъ.

Внуковъ (*тихо Калгуевой*). — Вотъ вамъ и маленькій экзаменъ нашей будущей профессоршѣ.

Занковская (*старикамъ Солнцевымъ*). Довольны вы успѣхами вашей дочери?

Солнцевъ. А какъ же! научилась пѣть и по-французски, и по-нѣмецки.

Солнцева. Ахъ, папаша! Развѣ въ этомъ дѣло.

Г-жа Солнцева. Всѣмъ родителямъ буду рекомендовать васъ. Нынче гдѣ жениховъ найти. А вѣдь она съ женихомъ-то познакомилась въ вашемъ домѣ.

Топольковъ. Женихъ — это я, Александра Николаевна. (*Поетъ*). «Въ вашемъ домѣ...»

Занковская. Ахъ! Слышишь, Вѣрочка! Ну, я въ этомъ не виновата.

Г-жа Солнцева. Какъ, чай, не виновата. Учили-учили и доучили.

Солнцева. Мама, что вы только говорите! (*Всѣ идутъ въ глубину, къ роялю.*)

Пустынниковъ (*подходитъ къ Вѣрѣ Кирилловнѣ*). Женѣ Костромского дурно. Дамы провели ее въ уборную. Можетъ-быть, вы пройдете къ ней?

Вѣра Кирилловна. Не думаю, чтобъ я могла быть полезна.

Пустынниковъ. Одна льетъ слезы, смѣхъ на устахъ другой. Гдѣ больше горя? За горючими слезами или за этой грустной улыбкой?

Вѣра Кирилловна. Сладенькій пирожокъ, кажется, напился и заговорилъ бѣлыми стихами.

Пустынниковъ. Это правда, что я уже пьянъ. Зато, когда я пьянъ, — я явственнѣе различаю человѣческое горе и становлюсь пессимистомъ.

Вѣра Кирилловна. Не смѣшите, Петръ Петровичъ. Толстенькій, красненькій, какой вы пессимистъ!

Костромской (*подходитъ къ столику, половому*). Сколько съ меня слѣдуетъ?

Пустынниковъ. Вы злая, но и за этимъ зломъ рыданья скрыты. (*Уходитъ.*)

Вѣра Кирилловна. Вы спѣшите? Куда?

Костромской. Я сейчасъ уѣзжаю. Прощайте.

Вѣра Кирилловна. Уѣзжаете? Совсѣмъ?

Костромской. Да.

Вѣра Кирилловна. И все-таки — совсѣмъ изъ Москвы?

Костромской. Да, завтра думаю уѣхать.

Вѣра Кирилловна (*волнуясь и оглядываясь*). «Вонъ изъ Москвы», какъ Чацкій? Отъ себя никуда не убѣжишь.

Половой. Коньяку не изволи. и пить?

Костромской. Нѣтъ. Я и не собираюсь бѣжать отъ себя, напротивъ—потерялъ себя и хочу найти.

Вѣра Кирилловна. За одинъ день слышу второй разъ, что человѣкъ долженъ найти самого себя.

Костромской. Да? (*Беретъ у полового сдачу*). Прощайте.

Вѣра Кирилловна. Подождите. Присядьте. Вашей жены еще нѣтъ,—я вижу

отсюда. (*Глядя въ глубину и сохраняя спокойное лицо.*) Если вы уѣдете, я не знаю... мнѣ кажется, я способна сойти съ ума, застрѣлиться,—я не знаю, что...

Костромской. Вы опять?

Вѣра Кирилловна. Что опять?

Костромской. Дразните и меня, и себя.

Вѣра Кирилловна. Вамъ кажется, что я дразню? Вы плохой психологъ. Впрочемъ, можетъ-быть. Вѣдь въ этомъ моя единственная сила.

Костромской. Сила женщины?

Вѣра Кирилловна. Да, за неимѣніемъ другой.

Костромской. Смотрю на васъ и думаю,—куда васъ заведетъ эта сила?

Вѣра Кирилловна. Вы точно ревнуете меня къ кому-то, къ будущему.

Костромской. Да, можетъ-быть, вы угадали. Легко станется, что я уѣду и буду долго еще ревновать васъ—къ будущему.

Вѣра Кирилловна. Не уѣзжайте.

Костромской. Вы сегодня въ ударѣ. Точно въ этой обстановкѣ,—много свѣта, вино, повышенное настроеніе,—больше простора для вашей женской силы.

Вѣра Кирилловна. Можетъ-быть, не знаю, не думала объ этомъ.

Костромской. А знаете, есть убійственное средство противъ угара, который охватилъ насъ съ вами?

Вѣра Кирилловна. Научите.

Костромской. Откровенный, безпощадный анализъ этого угара. Анализъ срываетъ красивый покровъ и обнажаетъ наши чувства во всей ихъ,—мнѣ хочется говорить рѣзко,—во всей ихъ грубой и дрянной простотѣ.

Вѣра Кирилловна. Вы можете такъ анализировать? Какой ужасъ!

Костромской. Да. Когда я около васъ, этотъ угаръ заволакиваетъ мое воображеніе и обманываетъ меня. Я идеализирую и васъ, и самую дѣйствительность. Когда я около васъ, мнѣ кажется, что въ ней, въ этой дѣйствительности, кромѣ обще-человѣческой и обще-житейской пошлости, которою она проникнута сверху донизу и поперекъ, есть какіе-то таинственные уголки высшихъ радостей, такіе уголки, въ которыхъ могутъ помѣститься двое. И мнѣ кажется тогда, что, будь мы съ вами близки, вся моя жизнь стала бы сильнѣй и красивѣй. Но въ спокойныя минуты я не перестаю сознавать, что такіе уголки не вмѣщаютъ больше одной души. Красоты яркой, сильной, увлекающей нѣтъ, о ней можно только мечтать.

Вѣра Кирилловна. Тетя Широкова чего-то волнуется и показываетъ на васъ. Сейчасъ васъ отнимутъ у меня. Вы упорно внушаете мнѣ, что вамъ никого не надо, и вы предпочитаете одиночество. А у меня сейчасъ отъ одной мысли, что мы, можетъ-быть, больше не увидимся,—какая-то лихорадка. Точно я уже вижу три фонаря локомотива и быстро-быстро, почти уже по инерціи, твержу одинъ и тотъ же вопросъ, броситься подъ поѣздъ или нѣтъ, броситься или нѣтъ. (*Пьетъ глотокъ изъ бокала, который все время держитъ въ рукахъ. Рука чуть вздрагиваетъ.*)

Костромской (*съ сдавленной болью*). Опять вы меня дразните и туманите.

Вѣра Кирилловна. Я понимаю, что говорю съ вами непозволительно откровенно, но не могу удержаться, точно качусь подъ гору... Когда я мечтаю о томъ, какое было бы... не счастье... нѣтъ... счастье—это такое бѣдное слово, ничего не выражаетъ изъ того радостнаго, что я испытывала бы около васъ... все равно гдѣ,—въ Москвѣ, на вашемъ хуторѣ, въ степи, въ горахъ, чѣмъ дальше отъ людей, тѣмъ лучше... Въ мечтахъ я такъ сливаюсь съ этимъ, такъ ясно представляю себѣ всю жизнь около васъ, что потомъ, когда вдругъ увижу всѣхъ этихъ людей, все, что окружаетъ меня безъ васъ, мнѣ становится нестерпимо. Я готова и плакать, и кусаться... Что можетъ сдѣлать тутъ вашъ анализъ и какая угодно философская терминологія! И не все ли равно, сколько времени это продолжится,—годъ, мѣсяцъ, недѣля... Такъ и есть, сюда дви-

гается цѣлая компанія... Иногда мнѣ даже кажется, что за одинъ такой день я готова расплачиваться всей жизнью. (*Въ виду приближающихся, громко.*) Вѣдь съ точки зрѣнія философіи нѣтъ большой разницы между однимъ днемъ и цѣлымъ вѣкомъ.

Подходятъ **Широкова, Юля, Бокачъ**, который ведетъ **Алфеева**, и другіе.

Широкова. Какъ хотите, monsieur Костромской, но мы дерзаемъ нарушить вашъ tête-à-tête и не отставать отъ васъ, пока вы не скажете рѣчи.

Юля. Мама взялась уговорить васъ, а я подержала пари, что это ей не удастся.

Бокачъ. А я, старый воробей, довѣрился женской силѣ и уже приказалъ приготовить вино... на счетъ mademoiselle.

Широкова. Ради Бога, monsieur Костромской, умоляю васъ, — скажите что-нибудь большое, сильное, очень умное. Здѣсь всѣ говорятъ, что вы блистательный поэтъ и философъ. Я, конечно, ничего не читала и не слыхала. Но ради всего, что вамъ дорого, скажите что-нибудь такое, отъ чего бы я разревѣлась, захотѣла бы надавать себѣ пощечинъ, начала бы думать о монастырѣ. (*Всѣ смѣются.*) Я никогда не... какъ бы это сказать? Je ne suis jamais d'humeur à reflechir sur les coins tristes de ma vie, но сегодня, даю вамъ честное слово, я цѣлый день чувствую себя удивительной дрянью. (*Смѣются.*) И мнѣ прямо необходимо, чтобы какой-нибудь очень умный господинъ или успокоилъ меня, ну, или громко подтвердилъ это. Предупреждаемъ васъ, что мы оцѣпимъ васъ кольцомъ и не выпустимъ. Садимся, господа.

Костромской. Сударыня, я уже сказалъ вамъ, что не стану говорить.

Широкова. Но теперь это необходимо. Ну, какъ васъ просить? Дамы обыкновенно говорятъ—хотите, я стану на колѣни. Но это слишкомъ глупо. Я скажу другое: хотите, я заплачу? Моя дочь подтвердитъ вамъ, что я вовсе не плакса, но сейчасъ я могу очень легко расплакаться, какъ дура. (*Плачетъ.*) Ну, вотъ, не идіотка ли? Въ самомъ дѣлѣ расплакалась. (*Смѣется.*)

Юля. Мама, какая ты смѣшная!

Широкова. Это вотъ онъ виноватъ, слѣпой!

Алфеевъ (*хохочетъ*). Я-то при чемъ?

Широкова. Да, и вы, и Юля, а подъ конецъ и monsieur чехъ... pardon, monsieur Бокачъ. Понимаешь, Вѣрочка, они сегодня съ утра, какъ ты ушла, донимаютъ меня такими разговорами, что мнѣ больше ничего не остается, какъ повѣситься. Идея, красота, долгъ, нравственность, культура,—Господи милостивый!—столько страшныхъ словъ, что простому человѣку скоро житья не будетъ. А тутъ эти чествованія сестры, съ которой я... знаете, monsieur Костромской, что я съ сестрой за 25 лѣтъ 25 разъ ссорилась? И, конечно, всегда обвиняли меня. Да я и готова признаться, что я виновата. (*Плачетъ, потомъ внезапно:*) Ради Бога, скажите что-нибудь необыкновенное.

Костромской. Зачѣмъ вы настаиваете? Если я заговорю искренно, то моя рѣчь прозвучитъ въ этой залѣ какимъ-то похороннымъ перезвономъ.

Широкова. Пусть! Этого-то мнѣ и надо. Скажите что-нибудь такое, чтобъ мы всѣ задрожали, какъ передъ страшнымъ судомъ.

Юля. Или какъ передъ рискованной ставкой—en plain.

Широкова. Перестань, Юля.

Костромской (*подумавъ*). Хорошо. Извольте. (*Общее восклицаніе. Подаютъ вино.*)

Бокачъ. Э-е! Mademoiselle! Вино ваше.

Юля. Я отыграюсь на чемъ-нибудь другомъ.

(*По залѣ понеслось, что Костромской будетъ говорить. Это начинаетъ понемногу привлекать всѣхъ. Стуками и шиканьемъ устанавливаютъ тишину.*)

Широкова. Что касается меня, то я уже дрожу.

Костромской. Я предлагаю выпить... да, я предлагаю — дружно, какъ бываютъ друзьями люди, совсѣмъ чужіе другъ другу, но обиженные одинаковой несправедливостью, — выпить за ту сдавленную тоску, за тѣ скрытыя слезы и глухіе стоны, которые переживаетъ всякій, не потерявшій способности мыслить, а стало-быть, и мечтать. Я не знаю, какъ назвать то грядущее, которое мы покупаемъ нашими слезами. Пусть это будетъ счастливое Царство Совѣсти. Если будущее есть счастливое Царство Совѣсти, то настоящее есть трепетное и томительное предчувствіе его. Вотъ за это томленіе, полное сдавленныхъ желаній и той тоски, которую люди, разъ вкусивши ее, не уступаютъ ни за какія дѣйствительныя радости, я и предлагаю выпить. (*Отпиваетъ глотокъ и садится. Молчаніе. Многіе медленно отпиваютъ вино.*)

Алфеевъ. Онъ уже кончилъ?

Бокачъ (*пожавъ плечами*). Да.

Алфеевъ. Сказано такъ много, что нельзя ставить точку.

Бокачъ. И притомъ выходитъ такъ, что вы предлагаете здравицу не несчастнымъ, а самому несчастью.

Костромской. Вы это называете несчастьемъ, но я именно это и хотѣлъ сказать.

Бокачъ. Вы предлагаете тостъ за несчастье?

Костромской. Я предложилъ выпить за мечту о счастьѣ, которая выше самого счастья. Я плачу и радуюсь за человѣка, и онъ близокъ моему сердцу не въ то время, когда счастье дѣйствительности вливается въ его душу свободной волной, не встрѣчаетъ въ ней никакихъ преградъ и наполняетъ ее довольствомъ, а въ тѣ часы его тусклаго одиночества, когда взлелѣянная имъ благородная мечта одна и безраздѣльно обнимаетъ все его воображеніе. Я плачу и радуюсь за человѣка, и онъ близокъ моему сердцу, когда эта мечта жалитъ его душу своей несбыточностью и въ то же время ревниво охраняетъ ее отъ вторженія того счастья дѣйствительности, за которое люди приносятъ другъ другу такъ много зла. И пусть эта тупая боль тоски, даже въ минуты самаго широкаго веселья, неожиданно сжимаетъ сердце и заставляетъ внутренно плакать о томъ, чего нѣтъ или чего нельзя, а что могло бы утолить голодную душу. Пусть вѣчно происходитъ нѣчто такое, какъ если бы мы, зимой, когда на дворѣ вьюга и морозъ, не удовлетворялись печкой и свѣчкой, а ясно представляли себѣ радости чуднаго лѣтняго дня съ его мерцающимъ зноемъ и звенящей тишиной. Пусть всякій и всюду, даже среди своихъ мелочныхъ житейскихъ заботъ, носитъ съ собой эту тоску по какой-то лучшей жизни, эту отраву для равнодушной и грубой дѣйствительности? Кому никогда не хотѣлось плакать о томъ, что жизнь растрачивается, а мечты, волнующія лучшую часть насъ, отодвигаются все дальше; о томъ, что мы лучше, чѣмъ кажемся по тому, какъ мы живемъ; о томъ, что мы не хотимъ отдать нашу мечту во власть грубой дѣйствительности, но не знаемъ, какъ подчинить грубую дѣйствительность нашей мечтѣ; кто никогда не мечталъ о такой вѣрѣ, которая утолила бы наши желанія въ полной гармоніи съ чувствомъ добра и справедливости, — тотъ счастливъ, и къ нему не относится мой тостъ. Я радуюсь за человѣка, и онъ близокъ моей душѣ, когда, въ самую пылкую минуту его надежды, онъ помнитъ, что то вѣчно-спокойное и суровое, что люди называютъ жизненной правдой, разсѣетъ его грезу, какъ вѣтеръ развѣваетъ дымъ. И пусть онъ съ тоской и стономъ замыкается въ одиночество. И чѣмъ сильнѣе и глубже эта боль, тѣмъ ближе мы становимся къ той лучшей жизни, которая... которая никогда не можетъ быть «настоящимъ», а во вѣки вѣковъ останется «будущимъ». И чѣмъ сильнѣе эта боль, тѣмъ она радостнѣе, потому что тѣмъ больше вѣры въ существованіе луч-

шей жизни. (*Чуть осмотрѣвшись кругомъ и какъ бы останавливая себя, садится.*)

(*Въ аплодисментахъ, слѣдующихъ за рѣчью, чувствуется смутность и неудовлетворенность.*)

Занковская. Какая досада, что я не слыхала начала.

Алфеевъ. Хорошо, но тяжко.

Яхонтовъ (*сумрачно*). На молитву — стройся!

Широкова (*съ трудомъ отдѣлываясь отъ недоумѣнія*). Да, это что-то въ родѣ Прометея, который сорвалъ огонь... и попалъ на скалу.

Бокачъ (*не аплодировавшій и сильно кусавшій усъ*). Позвольте мнѣ, господа...

Юлія. Monsieur Бокачъ хочетъ говорить. Тише!

Бокачъ. Позвольте мнѣ, господа, человѣку чужой страны, но одной съ вами крови, человѣку, которому хорошо знакома эта славянская отчужденность отъ жизни, возразить нашему талантливому поэту. Правда, что всѣ мы много и часто тоскуемъ, и правда, что въ нашей тоскѣ есть благородная мечтательность. Но, господа, мы всѣ обречены на жизнь дѣйствительную, а не мечтательную. Мы вкушаемъ нашу жизнь посредствомъ того чувства симпатіи, которая дѣлаетъ насъ грустными на похоронахъ и веселыми на свадьбахъ. Правда, говорятъ, существуютъ еще такія страны, гдѣ покойниковъ провожаютъ пѣснями и плясками, а рожденіе дѣтей плачемъ и трауромъ. Но я этого чувства не понимаю и, долженъ признаться, не собираюсь понять. Разъ я созданъ природой и брошенъ въ компанію людей, я предъявляю и къ природѣ, и къ людямъ свои права на мою маленькую, скромную долю счастья. И я сумѣю завоевать себѣ и своимъ близкимъ это счастье. Пускай, кто хочетъ, отдаетъ свои силы одинокой мечтѣ. Если они создадутъ намъ полезныя идеи, мы будемъ ставить имъ памятники. За себя лично можно идти на какой-угодно рискъ. Но никто не вправѣ играть за другихъ. И когда отвѣчаешь за чужія души, когда судьба ставитъ меня передъ компаніей такихъ же грѣшныхъ и скромныхъ людей, какъ я самъ, тогда я обязанъ кричать: не унывайте, не тоскуйте, живите простыми завѣтами добра и сохраняйте ваши силы для дружной и мужественной борьбы со зломъ. (*Двигается въ глубину.*)

За нимъ слѣдуетъ толпа и оглушительный, долго не смолкающій аплодисментъ. Тутъ остаются брошенный **Алфеевъ**, который пробуетъ идти и палкой ищетъ дорогу, **Костромской** и **Вѣра Кирилловна**. Подходятъ **Костромская** и **Старочеркасовъ**.

Старочеркасовъ (*крѣпко жметъ Костромскому руку*).

Алфеевъ. И «вѣчно-спокойная и суровая правда разсѣяла грезу, какъ вѣтеръ развѣваетъ дымъ».

(*Кто-то сѣлъ за рояль.*)

ЧЕТВЕРТОЕ ДѢЙСТВІЕ.

Столовая у Занковской. Двери въ залъ и коридоръ. Около двухъ часовъ дня На столѣ чай, очевидно не прекращающійся отъ завтрака до обѣда. Всякій изъ близкихъ дому, приходя, самъ себѣ наливаетъ. Иногда Марѳа Филатовна замѣняетъ холодный самоваръ горячимъ. Дверь въ залъ притворена. Оттуда доносится классъ пѣнія.

Григорій Кирилловичъ сидитъ за столомъ, уткнувшись въ книгу. У него перевязка на шеѣ. Отыскивая путь палкой, входитъ **Алфеевъ**. Онъ въ домашней тужуркѣ и мягкой сорочкѣ.

Алфеевъ. Тутъ кто?

Григорій Кирилловичъ. Я. (*Цѣлуется съ нимъ.*)

Алфеевъ. Ты что же не въ университетѣ? (*Ощупью.*) Что это у тебя?

Григорій Кирилловичъ. Карбункулъ.

Алфеевъ. Ай-ай! Былъ у доктора?

Григорій Кирилловичъ. Взрѣзали.

Алфеевъ. И жаръ есть?

Григорій Кирилловичъ. Есть и жарокъ. Вотъ, скажи мнѣ, мудролюбъ,—отчего на

свѣтѣ рядомъ съ твоимъ «прекраснымъ» такъ много лишняго! Ну, на кой чортъ мнѣ этотъ карбункулъ?

Алфеевъ. Оттого, дружокъ мой, что на свѣтѣ много творчества, но еще очень мало искусства. (*Наливаетъ себѣ чай.*)

Григорій Кирилловичъ. А что ты по случаю карбункула называешь искусствомъ? Чай крѣпкій,—не перелей.

Алфеевъ. Искусствомъ я называю вообще умѣніе пользоваться природой удобно и красиво. Жизнь, видишь ли, сцена. Природа—авторъ или сама пьеса, люди—актеры. И все еще плохіе актеры, потому что до сихъ поръ не разобрались въ пьесѣ и не могутъ сыграть ее съ стройнымъ ансамблемъ.

Григорій Кирилловичъ. Значитъ, ты вѣришь, что когда-нибудь они ее сыграютъ?

Алфеевъ. Безъ малѣйшихъ сомнѣній. Сыграютъ стройно и красиво.

Григорій Кирилловичъ. Такъ. И тогда не будетъ карбункула?

Алфеевъ. И тогда не будетъ карбункула.

Григорій Кирилловичъ. Попробую утѣшиться на этомъ.

Алфеевъ. Что это до сихъ поръ не идетъ моя «диктантша»? Ты знаешь, Марѳа Филатовна называетъ барышню, которой я диктую свои статьи, «диктантшей».

Изъ залы входитъ осторожно **Топольковъ**. Онъ очень красный.

Григорій Кирилловичъ. Что, Харитоша? Я слышу, мама задала тебѣ сегодня баню.

Алфеевъ. Это Топольковъ?

Топольковъ. Я-съ. (*Поздоровавшись съ нимъ, идетъ налить себѣ чаю.*) Послѣ юбилея Александра Николаевна стала еще строже. Ужасно придирается.

Григорій Кирилловичъ. Что у васъ вышло изъ-за каватины?

Топольковъ. Я началъ съ необыкновеннымъ чувствомъ (*тихо поетъ*): «невольно къ этимъ грустнымъ берегамъ»,—останавливаетъ. Что это, говоритъ, за «бэрэгамъ»? Передразниваетъ. Я говорю: это отѣ искренняго чувства. Вотъ она и пошла. Вы называете искреннимъ чувствомъ коверканіе языка? Идите съ вашимъ чувствомъ въ цыганскій хоръ, а не въ оперу. И вообще, говоритъ, я не понимаю, зачѣмъ вы у меня берете уроки. Словомъ, пошла и не можетъ остановиться. Ну, и еще прибавила словечко... А тутъ моя невѣста сидитъ,—совѣстно. Я вообще замѣтилъ, что Александрѣ Николаевнѣ непонятенъ смыслъ нѣкоторыхъ словъ. Напримѣръ, балбесъ. Она, кажется, думаетъ, что это ласкательное слово.

Григорій Кирилловичъ. Нѣтъ, мама хорошо знаетъ русскій языкъ.

Топольковъ. Да, но я такъ не согласенъ. Что это, въ самомъ дѣлѣ! Я твоей мамѣ прямо скажу, ты извини меня. Мнѣ 25-й годъ. Я скоро женюсь.

Голосъ **Занковской**: «Топольковъ! Топольковъ!»

Топольковъ (*роняетъ стаканъ на блюдечко, обливается и спѣшитъ въ залу, на ходу вытирая платье*). Иду-съ.

Алфеевъ (*смѣется*).

(*Звонокъ*).

Григорій Кирилловичъ (*беретъ книгу и чай и готовится уйти, если доложатъ о приходѣ посторонняго*).

Входитъ **Вѣра Кирилловна**.

Григорій Кирилловичъ. Ахъ, это ты.

Вѣра Кирилловна (*цѣлуясь съ нимъ и съ Алфеевымъ*). Что это у тебя?

Григорій Кирилловичъ. Это, милая, карбункулъ. И тѣмъ онъ больше всего скверенъ, что всякій непремѣнно спроситъ,—что это у тебя.

Вѣра Кирилловна. А мама, конечно, съ девяти утра уже за уроками?

Алфеевъ. Ну, разумѣется.

Вѣра Кирилловна. Мнѣ надо поговорить съ нею.

Григорій Кирилловичъ. Ну, если ты хочешь получить у мамы аудіенцію, то можешь искать ее съ такимъ же успѣхомъ у Наполеона Перваго или у Екатерины Великой.

Вѣра Кирилловна. Мнѣ необходимо.

Григорій Кирилловичъ. Это, ваше сія-

тельство, все равно. Юбилей отнялъ у мамы нѣсколько дней, и поэтому она сегодня такъ принялась за своихъ учениковъ, точно проголодалась.

Вѣра Кирилловна. Все-таки я попытаюсь.

Алфеевъ. Что съ тобой, дружокъ мой? Ты очень взволнована. (*Молчаніе.*) Ты даже не отвѣчаешь?

Вѣра Кирилловна (*точно жаръ спираетъ ея грудь*). Мнѣ... Мнѣ очень трудно говорить. Мнѣ надо видѣть маму.

Алфеевъ. Я не могу быть полезенъ тебѣ?

Вѣра Кирилловна (*опять помолчавъ*). Нѣтъ. Спасибо.

Алфеевъ. Посиди. Когда она сдѣлаетъ перерывъ, попроси ее.

Вѣра Кирилловна. Дай мнѣ, Гриша, чаю. (*Послѣ молчанія.*) Какъ ты думаешь, Андрей Павловичъ,—можетъ женщина... не глупая, образованная, ну, вотъ съ моими данными, можетъ она найти какое-нибудь удовлетвореніе въ интересахъ общественной и политической жизни за границей? Ну, хоть въ Венгріи.

Алфеевъ (*какъ бы произнося «ага!» закрытымъ ртомъ*). Такъ. Напримѣръ, около политическаго клуба младо-чеховъ, съ которымъ сблизилъ бы ее депутатъ Никласъ Бокачъ?

Вѣра Кирилловна. Ну, положимъ.

Григорій Кирилловичъ. Чѣмъ же это ее Россія разобидѣла?

Вѣра Кирилловна. Не задавай глупыхъ вопросовъ, Гриша.

Алфеевъ. Вопросъ не такъ глупъ, дружокъ мой. (*Помолчавъ.*) Что-жъ ты отвѣтишь?

Вѣра Кирилловна. Россія и я—я, говорю, конечно о себѣ—мы относимся другъ къ другу, кажется, довольно безразлично. (*Нервно улыбаясь.*) Я дочь артистки, у меня нѣтъ отечества.

Алфеевъ. Дочь артистки еще не артистка. Но дѣло не въ этомъ. А у твоего мужа тоже нѣтъ отечества?

Вѣра Кирилловна. Я его не заставляю. Его добрая воля ѣхать со мной или нѣтъ.

Алфеевъ. Ну, а какъ онъ къ этому относится?

Вѣра Кирилловна. Вячеславъ Борисычъ, вѣроятно, понимаетъ, что я не могу удовлетворяться сидѣньемъ въ четырехъ стѣнахъ въ Сивцевомъ-Вражкѣ и его статьями... о метафизическомъ тождествѣ воли. Всякій хочетъ пользоваться тѣми силами, какія онъ въ себѣ чувствуетъ. Ты самъ говорилъ вчера, что у всякаго есть мечта, которая поднимаетъ его въ собственныхъ глазахъ.

Григорій Кирилловичъ (*подаетъ чашку*). Лимона положить?

Вѣра Кирилловна. Пожалуйста. А мама упрекаетъ меня, что у меня нѣтъ смѣлости. Да, у меня нѣтъ смѣлости на то, къ чему я неспособна. Но я знаю, что у меня есть характеръ, и я могу имѣть вліяніе на людей, а, можетъ-быть, и на цѣлыя явленія. Притомъ, мама мнѣ дала отличное образованіе. Я говорю на четырехъ языкахъ, какъ на русскомъ, много читала, много знаю. А если ко всему этому присоединить чисто-женскую силу, въ которой мнѣ господа мужчины не отказываютъ, — то, понятно, что я хотѣла бы всѣмъ этимъ воспользоваться. (*Помолчавъ.*) Во всякомъ случаѣ, если бы изъ этого ничего не вышло,—я вернулась бы богаче знаніями, а не бѣднѣе. А, конечно, мнѣ не можетъ быть легко разставаться съ... (*Смолкаетъ.*)

Алфеевъ (*отыскивая путь палкой, подходитъ къ ней, трогаетъ ея глаза*). А глаза сухи. (*Начинаетъ ходить по одной сторонѣ комнаты.*)

Григорій Кирилловичъ (*задумчиво щиплетъ бородку*).

Мареа Филатовна какъ-то бокомъ въ дверяхъ.

Мареа Филатовна. Вѣра Кирилловна, хотите завтракать?

Вѣра Кирилловна (*взглянувъ на нее, отрицательно качаетъ головой*).

Мареа Филатовна (*съ изумленіемъ осмотрѣла всѣхъ*). А то у насъ отъ

юбилея столько осталось, что хоть выбрасывай. (*Скрывается.*)

Входитъ **Занковская**, очень занятая.

Занковская. А, Вѣрочка! Какъ это я не слыхала, что ты пришла?

Вѣра Кирилловна (*подходя къ ней и цѣлуя ее*). Ты же была занята.

Занковская. Да, они сегодня цѣлое утро злятъ меня. И потомъ эта квартира положительно начинаетъ раздражать. Наверху поселился какой-то желѣзнодорожникъ...

Григорій Кирилловичъ. Архитекторъ.

Занковская. Все равно. И у него,— Мареа Филатовна говоритъ,—14 человѣкъ дѣтей.

Григорій Кирилловичъ. Четверо всего.

Занковская. Только четверо? Ну, а они топочатъ тамъ, точно ихъ ровно 14. (*Наклонившись надъ столомъ, роется въ коробкѣ конфетъ.*) Давно бы перемѣнила квартиру, если бы не Андрей Павловичъ: онъ здѣсь привыкъ къ каждому уголку. Какъ поживаешь, Вѣрочка? Что твой милый князекъ? Все философствуетъ? Какіе онъ милые стихи сочинилъ для кантаты. Всѣ мои любимые конфеты съѣли. Навѣрное,— ты, Гриша.

Григорій Кирилловичъ. Никогда не ѣмъ никакихъ.

Вѣра Кирилловна. Мама, мнѣ хотѣлось бы поговорить съ тобой.

Занковская. Очень рада, голубка. Мы съ тобой совсѣмъ почти не видаемся. Это прямо ужасно... Такъ нельзя жить. Когда же мы поговоримъ?

Вѣра Кирилловна. Нельзя ли прогнать всѣхъ твоихъ учениковъ—и сейчасъ?

Занковская (*отъ души смѣется*). Я ужасно люблю, когда ты веселая. Это такъ рѣдко бываетъ. Нѣтъ, серьезно, когда-жъ мы будемъ говорить?

Вѣра Кирилловна. Я не шучу мама,— сейчасъ.

Занковская. Нѣтъ, милуся моя, сейчасъ не могу. Отпусти я ихъ сейчасъ,— они два дня дома ничего не будутъ дѣлать.

Вѣра Кирилловна. Ну, хорошо. Въ такомъ случаѣ, вечеромъ?

Занковская. Вотъ вечеромъ отлично. Приходи вечеромъ, такъ часовъ въ девять. И князя своего приведи.

Алфеевъ. Вечеромъ вы хотѣли слушать Яхонтова. Онъ поетъ новую партію.

Занковская. Ахъ, да! Вѣдь сегодня... Мареа Филатовна!

Григорій Кирилловичъ. Зачѣмъ ты ее зовешь? Яхонтовъ еще не присылалъ билета,—я спрашивалъ.

Занковская. Ну, значитъ, самъ завезетъ. И лучше. Мнѣ еще надо хорошенько намылить ему голову. (*Не громко, взглянувъ на дверь въ залъ*). Онъ, негодный, сбиваетъ у меня съ толку Букову. Я иногда ночью какъ подумаю объ этомъ, такъ потомъ часъ цѣлый не могу заснуть, такая злоба меня беретъ. Пусть ужъ тамъ возится со всякими... А эту талантливую дѣвочку я у него зубами вырву, а не дамъ испортить.

Вѣра Кирилловна (*съ усиліемъ*). Слушай, мама! (*Заставляя себя улыбаться.*) Милая моя мама! Знаменитая моя мама! Какъ я въ дѣтствѣ называла тебя? Помнишь? Моя серебряная, моя брильянтовая, ну, какъ еще? — изумрудная!..

Занковская. Ну, ну, ну! Ну, что съ тобой?

Вѣра Кирилловна. (*Отъ нервныхъ усилій ее охватываетъ дрожь*). Представь себѣ, что я для тебя тоже только Букова. Мнѣ надо поговорить съ тобой очень серьезно. Почемъ ты знаешь, можетъ-быть, меня тоже надо зубами вырвать изъ какой-то пасти. И, можетъ-быть, ты одна на всемъ свѣтѣ въ состояніи это сдѣлать.

Занковская (*растерянно*). Да я, милуся, съ удовольствіемъ. Что это съ тобой? У тебя точно зубъ на зубъ не попадаетъ. (*Ласкаетъ ее.*)

Вѣра Кирилловна. Ты мнѣ нужна.

Занковская. Да, вѣрю, милая, вѣрю. Только какъ же быть? Сегодня я рѣшительно не могу, ты сама видишь. Я едва ли успѣю и пообѣдать. Да ты мнѣ скажи, въ чемъ дѣло?

Вѣра Кирилловна. Если-бъ я могла сказать въ десяти словахъ, я бы не просила тебя остаться.

Занковская. Такъ, можетъ-быть, отложимъ до завтра?

Григорій Кирилловичъ. А завтра четвергъ, твой самый трудный день.

Занковская. Да, правда, завтра четвергъ. Ахъ, Гриша, какъ ты много куришь. Всѣ комнаты продымилъ.

Григорій Кирилловичъ (*невозмутимо тушитъ папиросу*).

Вѣра Кирилловна. Ну, такъ какъ же, мама?

Занковская. Милуся моя, ну что-жъ мнѣ дѣлать? Ты сама брала уроки, — знаешь, что значитъ, если тебѣ отказываютъ отъ класса, когда ты приготовилась, когда у тебя всѣ нервы къ этому часу настроены, какъ хорошія струны. Вѣдь они тамъ по нѣсколько дней ждали каждый своего получаса. И фантазія, и голосъ— все согрѣто, напряжено. У нѣкоторыхъ, можетъ-быть, весь домъ — и отецъ, и мать—живутъ этимъ получасомъ. Это же безбожно. И послѣ ты ужъ не вправѣ будешь требовать отъ нихъ такого же увлеченія. Они и сейчасъ тамъ заждались меня. Милуся! Ты знаешь, я всегда рада поговорить съ тобой, только найди болѣе удобное время. (*Идетъ.*)

Вѣра Кирилловна. Но могутъ быть случаи, мама, когда приходится жертвовать своими обязанностями.

Занковская. Если бы у тебя были такія обязанности, то ты бы не сказала этого.

Алфеевъ (*загораживаетъ ей выходъ въ залъ.*) Вѣрочка уѣзжаетъ совсѣмъ изъ Россіи.

Занковская (*останавливается.*) Какъ уѣзжаетъ? Куда?

Алфеевъ. Разводится съ своимъ мужемъ, выходитъ замужъ за иностранца, принимаетъ чужую вѣру, поступаетъ въ кафешантанныя пѣвицы. Ну-съ, угодно вамъ выслушать подробности?

Занковская (*подумавъ.*) Какія глупыя шутки! (*Хочетъ уйти.*)

Вѣра Кирилловна. Нѣтъ, мама, я дѣйствительно уѣзжаю. И теперь ужъ окончательно. Ты можешь идти заниматься. А если найдешь время, пріѣдешь на вокзалъ проводить меня. (*Надѣваетъ шляпу.*)

Занковская. Ничего не понимаю. Куда уѣзжаешь? Зачѣмъ? (*Возвращается.*)

Григорій Кирилловичъ. Ну, теперь можно попросить твоихъ учениковъ придти часика черезъ два. (*Идетъ.*)

Занковская. Постой, пожалуйста. (*Встрѣчая Алфеева.*) Ну, что вы стали на дорогѣ. Ничего не видитъ, а туда же разгуливаетъ. (*Отворяетъ дверь въ залъ.*) Милые мои. Я черезъ четверть часа приду. Простите, пожалуйста. Что? (*Выходитъ въ залъ.*)

Алфеевъ. Нелегко намъ это стоитъ. Но, Вѣрочка, будь съ матерью вполнѣ откровенна,—ты меня понимаешь.

Занковская (*въ дверяхъ, просовывая голову.*) Двое изъ нихъ очень торопятся, у нихъ еще классъ музыки. Извини, Вѣрочка, но ты вѣдь не сегодня уѣзжаешь? (*Быстро подходитъ къ ней и цѣлуетъ.*)

Вѣра Кирилловна (*смѣется*). Нѣтъ, не сегодня.

Занковская. Ну, такъ мы еще успѣемъ поговорить. (*Быстро уходитъ и плотно притворяетъ дверь.*)

Вѣра Кирилловна (*продолжаетъ смѣяться*). Ты, Гриша, былъ правъ. Съ одинаковымъ успѣхомъ я могла бы добиться аудіенціи у Наполеона Перваго или у Екатерины Великой. (*Хохочетъ, надѣваетъ перчатки.*)

Григорій Кирилловичъ. Приходи сегодня вечеромъ. Я тебѣ обѣщаю, что мама будетъ дома и одна.

Вѣра Кирилловна. Нѣ-ѣтъ! Ни за что! Она никогда въ жизни не слыхала отъ

меня такой мольбы. И если тутъ не могла принести для меня маленькую жертву,—мнѣ совсѣмъ не надо такой матери.

Алфеевъ. Но, дружокъ мой, ты должна понять и ее.

Вѣра Кирилловна. О, я ее прекрасно понимаю. И въ качествѣ посторонней, буду подписывать ей адреса, подавать цвѣты, присылать привѣтственныя телеграммы, но, какъ дочь, я для нея умерла. У нея ихъ много и безъ меня. Тамъ все талантливыя, а я бездарна. Пока она надѣялась, что я тоже талантъ, она была около меня. Потомъ выдала замужъ и поставила на мнѣ крестъ. Теперь я въ этомъ окончательно убѣдилась, что она поставила на мнѣ крестъ. Ну, такъ окрещенная бездарность сама устроитъ свою жизнь.

Григорій Кирилловичъ. Такъ не поѣдешь же ты, въ самомъ дѣлѣ, въ Австрію.

Вѣра Кирилловна. Отчего же нѣтъ?

Алфеевъ. И ты хочешь погрузиться въ этотъ омутъ?

Вѣра Кирилловна (*рѣзко*). Почему же это омутъ, Андрей Павловичъ?

Алфеевъ (*вскипѣвъ*). Потому что омутъ, Вѣра Кирилловна. Потому что господинъ Никласъ Бокачъ устроитъ въ твоемъ домѣ салонъ для своихъ цѣлей, а ты—иностранка, да еще княгиня, да еще съ нѣкоторыми средствами, будешь въ ихъ же глазахъ ничѣмъ инымъ, какъ авантюристкой. Не говоря уже о томъ, что общественное мнѣніе навяжетъ его въ твои любовники.

Вѣра Кирилловна. Имя моего мужа защититъ меня отъ этого.

Алфеевъ. Имя твоего мужа послужитъ только ширмой. Ты не настолько юна, чтобъ не понимать этого.

Марѳа Филатовна въ дверяхъ.

Марѳа Филатовна. Андрей Павловичъ, чего вы шумите? Вѣдь Александра Николаевна занимается.

Алфеевъ. Отстаньте, Марѳа Филатовна. Не ваше дѣло.

Марѳа Филатовна. Вотъ такъ! (*Скрывается.*)

Вѣра Кирилловна. На обязанности моего мужа будетъ устроить такъ, чтобъ этого не случилось.

Алфеевъ. Да, онъ съ его мягкостью и деликатностью запутается въ клеветѣ, вызоветъ кого-нибудь на дуэль, а тотъ вонзитъ ему въ бокъ рапиру. (*Снова вскипѣвъ.*) Да какъ же вы съ мужемъ не чувствуете, какъ вы не обоняете, чортъ подери, всей той пошлости, какой они васъ опутаютъ. Вѣдь ежели они люди умные, то ни одинъ изъ нихъ не повѣритъ, что вы можете интересоваться такъ же горячо, какъ они сами, всѣми ихними вопросами—о дуализмѣ, о національномъ языкѣ въ школахъ и... о чемъ они еще тамъ воюютъ. Вы будете въ ихнихъ глазахъ бездѣльниками, которымъ нечего дѣлать въ своемъ отечествѣ, и они погнались за острыми ощущеніями въ чужое. Если они со всей своей борьбой пошляки, то глупо давать имъ эксплуатировать себя, а если они люди серьезные, то никогда не станутъ уважать васъ, никогда!

Вѣра Кирилловна. Неправда, неправда, неправда!

Алфееевъ. Нѣтъ, правда.

Занковская пріотворяетъ дверь.

Занковская. Господа, нельзя ли потише? Нѣтъ никакой возможности заниматься.

Алфеевъ. Александра Николаевна! Вы должны отмѣнить ваши уроки и посидѣть съ дочерью. Я этого требую. Слышите ли? Требую! Я сейчасъ самъ отпущу вашихъ учениковъ. И ты, Гриша, уходи. И прикажи Марѳѣ Филатовнѣ никого не впускать сюда. И сама пусть не лѣзетъ. (*Уходитъ въ залъ.*)

Григорій Кирилловичъ (*уходитъ черезъ коридоръ.*)

Занковская (*находится въ состояніи полнаго изумленія*). Ну? Въ чемъ же дѣло? Ну, вотъ я здѣсь,—что случилось?

Вѣра Кирилловна. Не можешь ли ты помочь мнѣ... разобраться? Я совсѣмъ потерялась. (*Съ внезапно прорвавшимися рыданіями припадаетъ къ матери.*) Я не знаю, что мнѣ дѣлать!

Занковская (*окончательно изумленная, машинально ласкаетъ ее*). Точно я съ ума сошла. Ничего не понимаю. Тотъ накричалъ на меня, эта плачетъ. Объясни мнѣ, ради Создателя,—въ чемъ дѣло?

Вѣра Кирилловна (*страшными усиліями сдерживаетъ слезы*). Какъ глупо, что я расплакалась. Фуй, какая гадость!... Твоя дочь запуталась, мама. Запуталась, какъ рыба въ сѣтяхъ. Въ чувствахъ, въ мысляхъ, въ мечтахъ,—во всемъ.

Занковская (*напряженно*). Ну, ну?

Вѣра Кирилловна. Я не могу объяснить, почему бросилась къ тебѣ. Должна же ты понять! Ну, вотъ тебя чествовали, ты—признанный талантъ. Неужели же талантъ, это—благо только для самого себя, а другихъ ничему не можетъ научить? Однако же, Андрей Павловичъ публично говоритъ, что ты перевернула все его міросозерцаніе.

Занковская. Я не знаю... когда я пѣла, ну, приходили и слушали... Я не знаю, что тамъ съ ними происходило. А теперь что-жъ я могу? Ну, пусть придутъ,—вѣдь я только могу научить пѣть, и то, если голосъ есть.

Вѣра Кирилловна. Да, я глупости говорю.

Занковская. Конечно, глупости, Вѣрочка. Я не образована, какъ ты, но...

Вѣра Кирилловна. Хорошо. Помоги мнѣ, не какъ талантъ, а какъ мать. Пойми меня, какъ ты понимала, когда слѣдила за каждымъ моимъ движеніемъ, когда любила меня такъ, какъ любишь теперь всѣхъ этихъ Буковыхъ вмѣстѣ.

Занковская. Ну, хорошо, хорошо. Я попробую, хотя чувствую, что... Учить жить—это самое трудное, Вѣрочка. Я никогда не была способна. Я умѣю только чувствовать и... кричать. Ну, ну! Все-таки! Что съ тобой случилось?

Вѣра Кирилловна. Что случилось? (*Послѣ колебаній передаетъ ей письмо*) На, прочти.

Занковская. Что это?

Вѣра Кирилловна. Финалъ моего романа.

Занковская (*снова теряясь*). Ты расходишься съ мужемъ, что ли?

Вѣра Кирилловна. Ахъ, мама! Съ мужемъ у меня никогда не было романа.

Занковская. Должна же я знать, отъ кого это письмо.

Вѣра Кирилловна. Оно подписано.

Занковская. Мое пенснэ осталось на рояли. Сейчасъ принесу.

Вѣра Кирилловна. Нѣтъ, нѣтъ, ради Бога! Тамъ тебя опять задержатъ.

Занковская. Ну, хорошо, хорошо. Прочти сама.

Вѣра Кирилловна. Это письмо отъ Костромского.

Занковская. Ты была влюблена въ Костромского?

Вѣра Кирилловна (*не отвѣчаетъ*).

Занковская. Ну, читай. Подожди, я что-нибудь выпью, а то волнуюсь, какъ дура. (*Отпиваетъ чаю изъ чьей-то чашки.*) Ну, я готова, читай.

Вѣра Кирилловна (*читаетъ, вначалѣ прерывая часто подавленнымъ вздохомъ*). «Пишу на вокзалѣ, за часъ до поѣзда. Онъ пойдетъ рано утромъ, когда вы и ваша столица будете еще крѣпко спать. И поползетъ съ однимъ третьимъ классомъ, и по пути будетъ скромно уступать дорогу курьерскимъ и скорымъ. Сейчасъ народъ спитъ въ-повалку, гдѣ кто попало, пахнетъ воблой и кожей, а я сижу у окна, смотрю на занимающійся разсвѣтъ, на свинцовое небо и тихія, мягкія хлопья снѣга. И, конечно, думаю о васъ.

Занковская (*взглянувъ на окно*). Сегодня цѣлый день такая погода.

Вѣра Кирилловна. «Кончилось тѣмъ, что мы точно поссорились. Но, не правда ли, это не надолго? Для меня вы навсегда останетесь самой нѣжной, самой трогательной мечтой. Мы никогда не будемъ видѣть другъ друга, но лучшая часть нашего чувства будетъ еще сильнѣе. Такъ, Вѣра Кирилловна. Жизнь не есть счастье и даже не стремленіе къ

нему и не борьба за него. Жизнь есть безпрерывная цѣпь сдавленныхъ желаній ради чистоты достоинства человѣка. Пусть же воспоминаніе обо мнѣ наполняетъ васъ тоской несбывшихся мечтаній и мягко направляетъ вашу жизнь. Воспоминаніе же о васъ будетъ согрѣвать мое одиночество, которому я добровольно иду навстрѣчу. Прощайте».

Занковская. Это письмо надо переложить на музыку.

Вѣра Кирилловна. За этимъ человѣкомъ, мама, я готова была идти на край свѣта, не остановилась бы ни передъ какими... воблой и кожей. А онъ, ты понимаешь, любитъ во мнѣ свою мечту.

Занковская. Куда-жъ онъ уѣхалъ?

Вѣра Кирилловна. Въ пространство.

Занковская. Я знала одного здороваго, сильнаго и умнаго мужика, который вотъ такъ же отказался отъ любимой женщины и пошелъ въ монахи.

Вѣра Кирилловна. Одинъ любитъ въ тебѣ свою мечту, другой—прежде всего женщину. Ты же сама, человѣкъ съ твоими знаніями, умомъ, съ твоей душой,—ты не нужна имъ. Мы ищемъ отъ нихъ прежде всего души, а они видятъ въ насъ или женщину, или вотъ—свою меланхолическую и сладостную мечту.

Занковская (*все время лаская ее*). Какъ онъ пишетъ о воспоминаніяхъ?

Вѣра Кирилловна (*высморкавшись, читаетъ*). «Пусть, воспоминаніе обо мнѣ наполняетъ васъ тоской несбывшихся мечтаній и мягко направляетъ вашу жизнь».

Занковская. Такъ. (*Задумчиво.*) То-есть, чтобы душа твоя всегда принадлежала ему, чтобы вся твоя жизнь шла такъ, какъ будетъ диктовать тоска по немъ. Понимаю.

Вѣра Кирилловна. Но какъ? Какъ направится моя жизнь? Какъ? Ну, если бы ты была на моемъ мѣстѣ, что бы ты сдѣлала?

Занковская. Милуся моя, я за другихъ не умѣю рѣшать.

Вѣра Кирилловна. Ну, а за себя? Какъ бы ты рѣшила за себя? Ты не бойся. Ну, скажи,—застрѣлилась бы. Я тебѣ даю слово, что не застрѣлюсь.

Занковская. За себя? Видишь ли, я думаю, что со мною этого просто не могло бы случиться.

Вѣра Кирилловна. То-есть, какъ это?

Занковская. То-есть, онъ не написалъ бы мнѣ такого письма. Я не пустила бы его... въ пространство. Я не говорю—теперь. А прежде, когда я была артисткой и могла держать ихъ души вотъ тутъ, въ кулачкѣ.

Вѣра Кирилловна (*ревниво оглядываетъ ее*). Да. Это можетъ быть. Ты сильнѣй меня.

Занковская. Ты обидѣлась?

Вѣра Кирилловна. Нѣтъ. Только позавидовала.

Занковская (*обнимаетъ ее*). Ты на меня не смотри злыми глазами, скажи лучше: почему ты такъ холодно относишься къ Вячеславу Борисовичу?

Вѣра Кирилловна. Потому что я его отлично понимаю. Онъ такъ же, какъ и всѣ они, эти философы-пессимисты, ясно убѣжденъ, что для тайниковъ его души, какъ человѣкъ, я ему не нужна, а вотъ ему понравились какія-нибудь мои линіи.

Занковская. Ну, положимъ, они всегда начинаютъ съ линій. А кончается тѣмъ, что мы владѣемъ ихъ душой.

Вѣра Кирилловна. Вячеславъ Борисовичъ прекрасный человѣкъ, но между нами стѣна, и эта стѣна—его влюбленность. При всей его деликатности онъ не можетъ скрыть своихъ желаній. И прежде я это съ трудомъ выносила, а теперь, теперь это портитъ всю нашу жизнь.

Занковская. Да непремѣнно и будетъ портить. Самые лучшіе изъ нихъ не могутъ смотрѣть на насъ, только какъ на человѣка. А на артистку еще больше какъ на женщину, чѣмъ на всякую другую. Съ тѣхъ поръ, какъ стоитъ земля, между мужчиной и женщиной тянется

эта хитрая война. Мы можемъ купить ихъ душу, но только цѣною нашей женской ласки. А есть у тебя для мужа, ну, хоть немного, хоть чуточку искренной, женской ласки?

Вѣра Кирилловна (*закрывъ глаза, отрицательно качаетъ головой*).

Занковская. И онъ это знаетъ?

Вѣра Кирилловна. Знаетъ.

Занковская. Да. Право, я, вѣроятно, ужасно дурная мать. Другая на моемъ мѣстѣ сказала бы: Вѣрочка, у тебя прекрасный мужъ, постарайся полюбить его...

Вѣра Кирилловна. Я все равно не могла бы. Развѣ я сама тысячу разъ не думала объ этомъ!

Занковская. Да, конечно. Вотъ почему я и соображаю: неужели искусства сами по себѣ, а жизнь сама по себѣ? Неужели они не могутъ учить жить? Какъ красиво, какъ благородно и возвышенно, когда женщина остается вѣрна своему чувству... можетъ-быть, даже первому чувству, Вѣрочка?

Вѣра Кирилловна. Да, мама, первому.

Занковская. Тѣмъ болѣе. Когда мы объ этомъ читаемъ или слушаемъ въ музыкѣ, — это такъ поднимаетъ насъ. Почему же въ жизни надо бѣжать отъ этого?

Вѣра Кирилловна. Жить неудовлетвореннымъ чувствомъ? Это очень страшно, мама.

Занковская. Страшно? Да, пожалуй. Какъ страшно всякое горе. Но мнѣ кажется, что именно отъ страха передъ горемъ люди мельчаютъ, лгутъ, насилуютъ свои хорошія побужденія и выдумываютъ всякія глупыя слова и глупые законы. Ты сама пошла на то, что принесло тебѣ горе. И своему мужу доставила его не меньше, чѣмъ себѣ. Неужели же ты такая маленькая, что дашь этому раздавить тебя? Если твое чувство глубокое и сознательное, такъ неужели ты не найдешь въ немъ, — я прямо скажу, — свою силу?

Вѣра Кирилловна. Говори, мама, я слушаю.

Занковская. Да, можетъ-быть, ты только теперь, вотъ съ этой неудавшейся любовью на душѣ, только теперь и начнешь смотрѣть на жизнь, какъ слѣдуетъ: глубже, мягче, любовнѣе. Развѣ ты одна на свѣтѣ не удовлетворена? У всякой есть въ душѣ какая-нибудь заноза. До сихъ поръ ты уѣзжала въ разные города и глядѣла только въ свою, въ одну свою душу. А теперь, можетъ-быть, начнешь приглядываться и къ другимъ, такимъ же неудачницамъ, какъ ты. Начнешь собирать ихъ вокругъ себя. Такъ гдѣ же вы будете искать бодрости, если не въ самихъ себѣ? И если надо во что-нибудь вѣрить, такъ что же можетъ поддержать лучше собственнаго примѣра? Я знала близко одну артистку, замѣчательную артистку. У нея все было — и слава, и богатство, и даже блестящій мужъ. Но при этомъ у нея была и одна неудовлетворенная мечта, мечта настоящей любви. Эта неудовлетворенность какъ бы прошла по всей ея жизни. Точно она никогда, ни на одинъ часъ не разставалась съ своей мечтой. И ты можешь мнѣ повѣрить, Вѣрочка, что не искусство ея, а именно эта неудовлетворенность дѣлала ее особенно великой и привлекательной — и на сценѣ, и въ жизни. И всѣхъ такихъ же неудачницъ безсознательно притягивало къ ней. Какъ бы это выразиться? Вѣрность своей мечтѣ, — я не знаю гордости выше этой.

Вѣра Кирилловна. Гордая и печальная! Онъ говорилъ мнѣ, мама, что хотѣлъ бы, чтобъ я вышла изъ моего чувства растерянности гордая и печальная.

Занковская. Если твое чувство такое, какъ мнѣ кажется, то оно только облагородитъ тебя. И это же горе сдѣлаетъ тебя чище, честнѣе и, можетъ-быть, добрѣе. Милая моя! (*Цѣлуетъ ее.*)

Вѣра Кирилловна (*съ любовью смотритъ на нее*). Вотъ ты опять со мною такая, какъ была прежде. Счастливые

эти твои ученики! Какъ это странно! Ты меня толкаешь на... какъ бы это сказать?.. на самую трагическую дорогу изъ всѣхъ, какія передо мной, а у меня на душѣ хорошо.

Въ залѣ внезапно раздается рядъ сильныхъ и безформенныхъ ударовъ по клавишамъ рояля.

Занковская. Что это тамъ такое? Съ ума они сошли? Это, навѣрное, Яхонтовъ. (*Хохочетъ.*) Вотъ разбойникъ! Вѣрно, надоѣло ждать, онъ и шумитъ.

Вѣра Кирилловна. Иди, иди, мама. Тамъ ужъ и то звонокъ за звонкомъ.

Занковская. Да, это ужасно, сколько я времени потеряла. (*Отворяетъ дверь въ залъ*). Кто это тутъ озорничаетъ?

Яхонтовъ, въ дверяхъ, стоитъ на колѣняхъ и простираетъ къ ней руки. За нимъ **Широкова**, **Юлія**, **Григорій Кирилловичъ**, **Букова**, **Солнцева**, **Топольковъ**, всѣ хохочутъ. Дальше—**Старочеркасовъ**, **Алфеевъ**, **Бокачъ** и **Пустынниковъ**.

Занковская. Ну, что это еще за глупости? (*Хохочетъ.*)

Яхонтовъ (*поетъ Богъ знаетъ что.*) Измучились отъ ожиданья! Чаемъ движенія воды! Чаемъ чаю! Всѣ въ отчаяніи.

Григорій Кирилловичъ (*входя*). Чортъ знаетъ, что болтаетъ! Мароа Филатовна! Свѣжій самоварчикъ!

Голосъ Мароы Филатовны. Сейчасъ несу.

Занковская. Ну, входите ужъ! Сейчасъ вамъ дадутъ чаю. А меня пропустите. (*Уходитъ въ залъ.*)

Яхонтовъ. Ахъ, Боже мой! Здравствуйте, Вѣра Кирилловна. Вы не повѣрите, сегодня пѣть новую партію, волнуешься, и такъ бы и убѣжалъ куда-нибудь далеко-далеко. Что за подлое чувство! Каждый разъ вотъ, когда тебя требуетъ «къ священной жертвѣ Аполлонъ», — тутъ-то, какъ нарочно, и вспоминаются самыя тихія, самыя мирныя картины,—какіе-то родные края, самоваръ, трубка. Эхъ, жизнь наша артистическая! Съ позволенія сказать, растреклятая.

Алфеевъ. А вотъ Бокачъ говоритъ, что два спектакля, въ которыхъ онъ слушалъ васъ, лучше освѣтили ему русскій духъ, чѣмъ два тома исторіи.

Бокачъ (*здороваясь съ Вѣрой Кирилловной*). Да, да. А вотъ еще... Bonjour, Madame. Вотъ еще господинъ Пустынниковъ научитъ меня настоящую національную пѣсенку. Это удивительно! Пожалуйста, господинъ Пустынниковъ, пропойте еще разъ.

Пустынниковъ (*здороваясь съ Вѣрой Кирилловной*). Вы не знаете? Это когда баба купаетъ ребенка, такъ она поетъ:

(*Напѣваетъ чисто-русскую меланхолическую, простую мелодію*).

Шла баба изъ-за морья,
Несла кузовъ здоровья,
Тому-сему кусочекъ,
Тебѣ весь кузовочекъ.

Потомъ обливаетъ водой и поетъ:

Съ гуся вода,
Съ тебя худоба.
Вода бы книзу,
А ты бы кверху.

Бокачъ. Удивительно! Позвольте, я запишу. «Шла баба...» (*Садятся въ глубинѣ къ столу.*)

Юля (*къ Вѣрѣ Кирилловнѣ*). Спроси насъ, чего мы сюда прилѣзли. Просто не знаемъ съ мамой, куда намъ дѣваться отъ бездѣлья. Навезли изъ-за границы платьевъ и не знаемъ, куда ихъ надѣвать. Мама ходитъ по дому и ноетъ отъ тоски.

Широкова. Затоскуешь безъ солнца. Мокрый снѣгъ залѣпляетъ глаза, лѣзетъ за воротникъ, таетъ, ползетъ по спинѣ, бррр!.. Ну, вотъ вы поэтъ, князь. Ну, можно ли найти хоть какую-нибудь поэзію въ такой погодѣ?

Мароа Филатовна вноситъ самоваръ.

Старочеркасовъ (*у окна*). Какъ вамъ сказать? Можетъ-быть, оттого, что дѣтство я провелъ въ русской деревнѣ и моей душѣ близко все чисто-русское,— и такая погода можетъ волновать меня. Когда слѣдишь за этими медленно падающими хлопьями снѣга, прислушиваешься къ этой тишинѣ въ переулкѣ, къ этому

скользкому звуку русскихъ саней,—тогда изъ души какъ-то особенно сильно поднимается все то, что осталось въ жизни безъ удовлетворенія. И кажется тогда, что и радости, такъ же, какъ и ясная погода,—гдѣ-то тамъ, въ мечтахъ. Но вѣдь это не такъ. Горе и радости чередуются такъ же, какъ хорошая и дурная погода. И солнце непремѣнно выглянетъ.

(Въ залѣ начался классъ пѣнія).

Пустынниковъ (*напѣваетъ Бокачу пѣсенку, тотъ записываетъ*).

Яхонтовъ и Григорій Кирилловичъ (вторятъ ему).

Вѣра Кирилловна (*тихо, незамѣтно отъ другихъ, плачетъ*).

Боевая година.

(Изъ воспоминаній о кампаніи 1877—78 гг.)

В. А. Тихонова.

«Что пройдетъ—то будетъ мило».

I.

Четверть вѣка прошло съ того времени. Не мудрено, что память моя растеряла за эти долгіе годы много впечатлѣній, картинъ, лицъ и именъ, тѣмъ болѣе, что и военный мундиръ мой я снялъ очень скоро по окончаніи войны и съ тѣхъ поръ мало интересовался военнымъ дѣломъ.

Но въ нынѣшнемъ году исполнилось двадцать пять лѣтъ со дня объявленія нами войны туркамъ, и воспоминанія сами невольно полѣзли мнѣ въ голову, и мнѣ хочется подѣлиться ими съ моими читателями, разсказать имъ о томъ, что сохранилось еще въ моей памяти, да и самому пережить еще разъ, хотя бы въ слабыхъ контурахъ воспоминаній, то, что было пережито такъ ярко въ дѣйствительности четверть вѣка тому назадъ.

12-го апрѣля 1877 года русскіе полки нашей славной кавказской арміи безъ выстрѣла перешли границу мало-азіатской Турціи. Совсѣмъ просто подошли войска къ границѣ, сняли турецкіе посты, сразу пріобрѣтя этимъ нѣсколько сотъ военноплѣнныхъ «сувари», и двинулись вглубь Анатоліи.

Телеграмма объ этомъ переходѣ застала меня еще на родинѣ, въ приволжскомъ губернскомъ городѣ К., гдѣ я служилъ до этого времени въ одномъ изъ пѣхотныхъ армейскихъ полковъ юнкеромъ и только-что былъ произведенъ въ офицеры, съ переводомъ въ одинъ изъ полковъ кавказской арміи.

Защемила мое сердце эта телеграмма. Полкъ, форму котораго я уже носилъ, перешелъ границу однимъ изъ первыхъ и шелъ теперь по турецкой землѣ, а я все еще находился на мирномъ положеніи, среди моихъ друзей, родныхъ и знакомыхъ.

Тогдашнее настроеніе нашего провинціальнаго общества было необычайно приподнятое. Еще не остылъ жаръ добровольческаго движенія въ Сербію, еще не допиты были бутылки съ шампанскимъ, которымъ провожали нашихъ добровольцевъ, а уже приходилось откупоривать новыя и поднимать тосты за славу русскаго оружія, за благополучное начало освободительной войны.

Послѣдніе дни въ своемъ родномъ городѣ я провелъ въ какомъ-то чаду. Мы—небольшая группа молодыхъ офицеровъ, переведенныхъ уже въ «дѣйствующую» кавказскую армію, — являлись какъ бы центромъ всякихъ чествованій и овацій.

Въ славномъ, приподнятомъ настроеніи духа, воодушевленный самыми лучшими

чувствами, простился я съ родиной и понесся «съ милаго сѣвера въ сторону южную». Памятенъ мнѣ этотъ путь! Сколько добрыхъ, сердечныхъ пожеланій наслушался я по дорогѣ отъ совершенно незнакомыхъ мнѣ русскихъ людей. И, право, я начиналъ уже вѣрить, что я дѣйствительно герой и иду спасать отечество. Да и какъ было, въ самомъ дѣлѣ, не вѣрить этому мнѣ, юному, безусому тогда еще офицеру, когда со всѣхъ сторонъ мнѣ трубили въ уши о моемъ славномъ пути, обнимали и цѣловали меня, пили за мое здоровье и напутствовали часто искренными, чудными слезами.

Но чѣмъ дальше подвигался я къ югу, тѣмъ настроеніе общества становилось какъ бы спокойнѣе, а въ Тифлисѣ оно и совсѣмъ измѣнилось: праздничное настроеніе, правда, чувствовалось и тамъ, но къ намъ, какъ къ отдѣльнымъ лицамъ, уже не относились съ особеннымъ энтузіазмомъ. Во-первыхъ, насъ было здѣсь слишкомъ много, такъ много, что мы наводняли весь городъ и составляли его преобладающій элементъ. Но здѣсь мы ликовали сами. Тифлисъ былъ для насъ послѣднимъ мирнымъ этапнымъ пунктомъ. Здѣсь заканчивались поэтическія предвкушенія грядущей «страды». За Тифлисомъ начиналась уже проза настоящаго, серьезнаго дѣла.

Пріѣхавъ изъ Тифлиса въ Александрополь, я почувствовалъ, что попалъ уже въ настоящій военный лагерь. Мундиръ, мундиръ и мундиръ двигался со всѣхъ сторонъ и по всѣмъ направленіямъ. Разговоры были самые боевые, но говорилось обо всемъ чрезвычайно просто, сдержанно и даже спокойно; не поднимались бокалы съ шипучимъ виномъ, не произносились тосты; настроеніе было у всѣхъ нѣсколько угрюмое и сосредоточенное. Чувствовалось, что у каждаго есть свое дѣло, или что дѣло это ждетъ его гдѣ-то впереди, но совсѣмъ-совсѣмъ уже близко.

Скучнѣе города Александрополя, особенно въ то время, трудно было себѣ и представить. Ужъ не только признаковъ какихъ бы то ни было развлеченій не было тамъ, но даже женскія лица встрѣчались на улицахъ такъ рѣдко, какъ рѣдко встрѣчается бѣлый воронъ среди своей черномазой братьи.

А въ ушахъ моихъ еще звенѣли сладкія отзвуки торжественныхъ проводовъ съ родины и веселый блескъ длинной, только-что прослѣдованной мною дороги. Да! то была славная, волшебная сказка, а здѣсь... Однако, надо торопиться въ отрядъ!

Когда я явился къ Александропольскому воинскому начальнику съ просьбой о выдачѣ мнѣ пропускного билета и прогонныхъ денегъ до мѣста расположенія моего полка, стоявшаго тогда подъ Заимомъ, верстахъ въ пятидесяти отъ Александрополя и верстахъ въ четырнадцати отъ Карса, то пропускной билетъ онъ мнѣ выдалъ сейчасъ же, а относительно прогонныхъ денегъ заявилъ, что никакихъ такихъ денегъ не полагается, и чтобъ я отправлялся туда на свои средства, какъ мнѣ угодно.

— Но если у меня нѣтъ никакихъ средствъ?—нерѣшительно заявилъ я.

— Это ужъ меня не касается,—сухо отвѣтилъ воинскій начальникъ и, пожелавъ мнѣ офиціально «счастливаго пути», распростился со мной.

Словно послѣ холоднаго душа, вышелъ я отъ него. Какъ это мало напоминало мое тріумфальное шествіе по Россіи, отъ родного города до Тифлиса. Тамъ я чувствовалъ себя чѣмъ-то въ родѣ спасателя отечества, героя, ѣдущаго на поле брани, всюду принимаемаго съ распростертыми объятіями и напутствуемаго самыми сердечными пожеланіями, а здѣсь—«прапорщикъ такого-то пѣхотнаго армейскаго полка, не угодно ли вамъ явиться къ мѣсту своего служенія!»

— А какъ?

— Какъ вамъ угодно: верхомъ, пѣшкомъ, хоть на воздушномъ шарѣ.

И «герой» сразу превратился въ ма-

ленькую, едва замѣтную единицу всей великой русской арміи. Всѣ радужныя краски сразу померкли въ моихъ глазахъ, все охватилъ сѣрый, дѣловитый тонъ, и я понялъ, что «дѣлу время, а потѣхѣ— часъ». Потѣха кончилась, пора приниматься за дѣло.

II.

Изъ Александрополя въ отрядъ я выѣхалъ верхомъ на нанятой у какого-то армянина лошади, въ компаніи двухъ-трехъ ѣхавшихъ туда же офицеровъ. Ѣхали мы безъ всякаго конвоя, даже безъ малѣйшихъ предосторожностей, если не считать заряженныхъ револьверовъ въ нашихъ кобурахъ.

— Господа! А вѣдь мы словно по тамбовской губерніи путешествуемъ!— замѣтилъ кто-то изъ моихъ спутниковъ.

— А что жъ? Все, что пройдено русскими войсками, все должно обращаться въ губернію!—отозвался другой спутникъ, глядя впередъ.

Мы въ это время въ бродъ переѣзжали узенькую и мелкую рѣчку Арпачай, бывшую русскую границу. Говорю «бывшую» потому, что теперешняя граница уже удалялась вглубь Малой Азіи вмѣстѣ съ нашими полками.

Но вотъ и непріятельская земля. Боже мой, что за унылый, что за печальный видъ! Ни одного дерева, ни одного кустика. Мрачная, каменистая пустыня раскидывалась кругомъ насъ. Неужели когда-нибудь Анатолія была цвѣтущимъ уголкомъ земли съ дремучими лѣсами, съ плодородными нивами? А была, несомнѣнно была, объ этомъ намъ свидѣтельствуетъ исторія, и вотъ что изъ нея сдѣлалъ некультурный и хищный человѣкъ! Время отъ времени попадались аулы, какіе-то необычайно жалкіе и грязные поселки. Даже бѣдныхъ саклей не было въ нихъ: а просто навалены кучи кизяку, между ними вырыты ямы—входы въ буйволятники, — а въ буйволятникахъ этихъ, вмѣстѣ съ буйволами и другой скотиной, ютились и люди, преимущественно армяне, жалко, грязно и до невѣроятія бѣдно. Сердце стыло отъ этой печальной картины, и наша бѣдная русская деревня, по сравненію съ этимъ человѣческимъ логовомъ, представлялась чѣмъ-то необычайно прекраснымъ и заманчивымъ.

Ѣхали мы не торопясь, чтобъ не мучить напрасно коней. Печальная картина суровой природы навѣвала на насъ грустныя мысли. Никому не хотѣлось говорить, но чувствовалось, что каждый думаетъ свою какую-то затаенную думу...

Я думалъ о войнѣ.

Когда-то, впрочемъ не особенно еще давно, въ отроческіе годы, я зачитывался «Тарасомъ Бульбой». И какъ манили меня тогда къ себѣ картины бранной жизни лихихъ запорожцевъ! Но вотъ явился Левъ Толстой и своимъ безсмертнымъ романомъ сразу снялъ весь прекрасный ореолъ съ этого чудовища, которое называется войной. Но и въ этомъ романѣ для юнаго и пылкаго сердца немало прекрасныхъ и увлекательныхъ картинъ. Одинъ его Васька Денисовъ чего стоитъ! Да вѣдь сдѣлаться Васькой Денисовымъ, этимъ рыцаремъ безъ страха и упрека, развѣ не высшій идеалъ всякаго молодого офицера? А капитанъ Тушинъ, этотъ тихій, скромный, безвѣстный герой? А лихой Николай Ростовъ? А храбрый, хотя жестокій, Долоховъ? А великолѣпный Багратіонъ? А.. Да нѣтъ! На войнѣ еще много прекраснаго, и надолго еще она останется магнитомъ для всѣхъ, ищущихъ въ жизни большихъ ощущеній, подвиговъ самоотверженія и славныхъ дѣлъ. Я везъ съ собою въ отрядъ оба тома романа «Война и миръ». Я захватилъ ихъ изъ дому, руководствуясь какимъ-то инстинктомъ, и захватилъ не даромъ. Много чудныхъ минутъ доставляли мнѣ впослѣдствіи картины, написанныя геніальною кистью, которыя особенно ярко воскресали передо мною въ обстановкѣ, какъ нельзя болѣе имъ подходящей, соотвѣтствующей. И случалось мнѣ видѣть

въявь героевъ, созданныхъ геніальнымъ писателемъ, и онъ помогалъ мнѣ разглядѣть среди моихъ товарищей и Николая Ростова, и капитана Тушина, а среди начальниковъ моихъ находить черты былыхъ полководцевъ...

Въ отрядъ мы пріѣхали подъ вечеръ. Миновавъ шумный, безпорядочный военный базаръ, я отыскалъ мой полкъ и скоро былъ уже въ кругу новыхъ товарищей. На первыхъ порахъ обстановка показалась мнѣ знакомой и привычной—тотъ же лагерь на маневрахъ, тѣ же офицерскія палатки, тѣ же денщики, снующіе съ мѣдными чайниками и пузатенькими самоварами, тѣ же сардинки, сыръ и холодное мясо, только... разговоры немного не тѣ и не то настроеніе.

— Убитъ генералъ Челокаевъ... Убитъ прапорщикъ Боровикъ... Раненъ въ ногу Степановъ II; контуженъ въ голову Поповцевъ...

Такихъ разговоровъ на маневрахъ не услышишь.

— Ахъ, хоть бы поскорѣе эти проклятые маневры кончились!—прозвучитъ, бывало, въ нашемъ мирномъ лагерѣ.

— Это еще только цвѣтики, а ягодки будутъ впереди!—раздается какой-нибудь авторитетный голосъ.

Да, это не маневры: тамъ отлично знаешь, чѣмъ все кончится, а здѣсь — грядущее темно и неизвѣстно. И это неизвѣстное охватываетъ тебя со всѣхъ сторонъ, тяжелымъ гнетомъ давитъ на твою душу, и весь твой возмутившійся организмъ требуетъ, чтобъ ты не думалъ объ этомъ неизвѣстномъ, а жилъ не только сегодняшнимъ днемъ, потому что и конецъ-то сегодняшняго дня для тебя великая загадка, а просто—настоящей минутой внѣ времени и пространства. Пусть тѣ, что̀ надъ нами, думаютъ, соображаютъ, гадаютъ, а мы—маленькіе люди, исполняемъ только ихъ предначертанія, не разсуждая, не критикуя, и этимъ сдѣлаемъ мы и свое великое дѣло. Храни, Господь, того, кто не въ состояніи на войнѣ отдѣлаться отъ мысли о грядущемъ! Измучаетъ онъ свою душу, да и тѣло свое сгубить можетъ.

— Меня завтра непремѣнно убьютъ!—скажетъ, бывало, какой-нибудь, охваченный мрачнымъ предчувствіемъ, товарищъ. Скажетъ, и самъ испугается, потому что повѣритъ.

А пройдетъ завтра, останется онъ живъ и невредимъ, и никто не вспомнитъ, да и самъ онъ забудетъ объ этомъ роковомъ предчувствіи, и оно канетъ въ Лету.

Ну, а если убьютъ!.. Тутъ всѣ уже вспомнятъ и скажутъ:

— Вотъ, вѣрно оно, сердце-то, чуетъ!

Ахъ, нѣтъ! Ничего оно не чуетъ, и никто не знаетъ ни дня, ни часа конца своего.

Помню, какъ сейчасъ, во время первой блокады Карса, сидѣлъ я съ однимъ моимъ товарищемъ, славнымъ, веселымъ малымъ, возлѣ одной изъ нашихъ батарей. Разговоръ шелъ у насъ самый милый: о далекой родинѣ, о дорогихъ сердцу людяхъ, оставленныхъ тамъ. Пріятель мой оживился и строилъ самые радужные планы, какъ онъ вернется на родину, какъ женится — невѣста у него была ужъ,— какъ выйдетъ въ отставку, посвятитъ себя земскому дѣлу, родовую свою усадьбочку въ порядокъ приведетъ... До самыхъ мелочей дошелъ:

— Отсюда, — говоритъ: — непремѣнно двухъ арабскихъ матокъ выведу, маленькій заводикъ устрою...

И вдругъ—хлопъ!—какой-то запоздалый осколокъ гранаты, и мой будущій коннозаводчикъ уже бездыханнымъ трупомъ лежалъ у меня на груди.

А вотъ другой примѣръ: дня два, какъ сосала тоска мое сердце; какъ-то особенно не по себѣ чувствовалось мнѣ, писемъ съ родины долго не приходило, и все разныя жуткія примѣты меня преслѣдовали. И вдругъ говорятъ, что сегодня ночью будемъ штурмовать Карсъ.

Выходя къ ротѣ изъ палатки, я спо-

ткнулся и упалъ. Сердце такъ и захолонуло во мнѣ! Передъ выступленіемъ полковъ служили молебенъ.

«Тебя сегодня убьютъ», — шепнулъ мнѣ во время молебна какой-то таинственный голосъ.

Послѣ молебна тронулись. Смотрю, бѣжитъ штабный писарь прямо къ нашей ротѣ и спрашиваетъ:

— Гдѣ здѣсь прапорщикъ такой-то?

Я откликнулся.

— Вотъ,—говоритъ:—вамъ, ваше благородіе, телеграмма и отвѣтный бланкъ. Сейчасъ же приказано отвѣтить.

Смотрю на адресъ,—телеграмма адресована начальнику нашей дивизіи, и говорю:

— Да это не мнѣ, это генералу.

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе, его превосходительство васъ велѣли отыскать и сказали, чтобъ вы сейчасъ же отвѣтили.

Развертываю и читаю: «Живъ ли и здоровъ ли сынъ мой, прапорщикъ такого-то пѣхотнаго полка? Убѣдительнѣйше прошу отвѣтить! Давно не имѣю извѣстій! Страшно безпокоюсь». Подпись моего отца.

Боже мой, какъ заныло у меня въ груди! И я подумалъ: «почуяло вѣщее отцовское сердце, почуяло!» И я едва имѣлъ силъ написать на отвѣтномъ бланкѣ: «Живъ и здоровъ... пока». Четыре буквы послѣдняго слова, этого страшнаго «пока», я писалъ дольше всей телеграммы, дольше довольно длиннаго и сложнаго адреса. А затѣмъ, передавъ писарю отвѣтный бланкъ, я бросился догонять мою роту и опять споткнулся, и опять упалъ. Зловѣщая примѣта!

«Смерть... смерть... смерть...» мелькало въ моей головѣ.

Положеніе, которое занималъ нашъ полкъ по диспозиціи, было передовое. Я былъ въ стрѣлковомъ батальонѣ, наша рота шла на лѣвомъ флангѣ — и какъ ни разгадывай, а именно мнѣ приходилось одному изъ первыхъ идти на штурмъ.

Смерть... смерть... смерть грозила мнѣ отовсюду...

Штурмъ въ эту ночь не состоялся и былъ отложенъ на долгое время. Мы преспокойно вернулись къ себѣ въ лагерь... Я былъ цѣлъ и невредимъ, только руку ободралъ, когда упалъ, споткнувшись во второй разъ. А вѣдь сколько выстрадалъ!

Боже сохрани того, кто на войнѣ думаетъ о будущемъ и придаетъ какое-нибудь значеніе примѣтамъ! Если судьба и обережетъ его отъ вражьихъ пуль, то самъ онъ себѣ раздергаетъ всѣ нервы, испортитъ свое сердце надолго, можетъ-быть навсегда.

III.

Первые дни моего пребыванія въ отрядѣ я еще все присматривался. Мы довольно спокойно стояли на одномъ и томъ же мѣстѣ. «Дѣла» не было.

Но вотъ однажды,—не помню уже, по какому поводу,—полкъ нашъ былъ переведенъ въ другое мѣсто и расположенъ противъ карсскихъ укрѣпленій, въ сравнительно близкомъ отъ нихъ разстояніи. Спокойно разбили мы свои палатки, поужинали, напились чаю, спокойно провели вечеръ, спокойно провели и ночь.

Настало утро, ясное, солнечное. Жаворонки трепетали въ голубой выси и сыпали оттуда свои звучныя трели. Мы не знали, зачѣмъ насъ поставили здѣсь и долго ли мы простоимъ. Группа молодыхъ офицеровъ, въ томъ числѣ и я, собралась возлѣ палатки командира первой роты, князя М. Князь, уже опытный кавказскій офицеръ, стоялъ среди насъ и, указывая намъ на карсскія укрѣпленія, называлъ намъ ихъ поименно:

— Вотъ видите, вотъ это Мухлисъ,— говорилъ онъ, вытягивая впередъ свою мускулистую, загорѣлую руку: — тамъ вонъ Инглизъ; это вотъ Арабъ; а вонъ это—Кара...

Онъ не договорилъ и внимательно уставился впередъ своими зоркими глазами.

На фортѣ Арабъ показалось небольшое, круглое, бѣлое облачко дыму.

— А это онъ въ насъ!—прошепталъ кто-то.

И сейчасъ же, гулко потрясая воздухъ, громыхнулъ отдаленный пушечный выстрѣлъ.

Въ воздухѣ что-то завыло, сердце у меня такъ и замерло.

Тррахъ! — и столбъ сѣрой пыли взвился саженяхъ въ двадцати впереди нашего лагеря.

— Не разорвалась!—сказалъ князь М. и, чтобы убѣдиться въ своемъ предположеніи, пошелъ впередъ, взглянуть на воронку, вырытую гранатой.

Нѣкоторые изъ насъ двинулись за нимъ.

Бумъ! — грянулъ второй выстрѣлъ съ Араба.

И опять завизжалъ и завылъ снарядъ, пронизывая рѣдкій, горный воздухъ. Надъ нашими головами онъ какъ бы задержался на секунду, и сейчасъ же раздался взрывъ, уже сзади лагеря.

— А та вонъ разорвалась, — сказалъ князь и, повернувшись къ намъ, добавилъ:—однако, господа, рекомендую каждому вернуться къ своей части, потому что слѣдующіе снаряды онъ, очевидно, будетъ класть въ самыя наши палатки.

И мы торопливой рысцой побѣжали къ ротамъ. А Арабъ посылалъ гранату за гранатой. Нѣсколько палатокъ было уже сорвано, легкій вѣтерокъ несъ поднимаемую снарядами пыль. Къ Арабу присоединился и Мухлисъ.

Сознаюсь откровенно—я трусилъ. Нижняя челюсть у меня тряслась, дрожали и ноги. Но всѣми силами старался я не выдать постороннему взгляду охватившее меня волненіе.

— Ну, что, какъ вы себя чувствуете?—обратился ко мнѣ мой ротный командиръ, приземистый грузинъ, штабсъ-капитанъ Б—дзе.

— Да, ни-че-го, — съ трудомъ выговорилъ я.

Б. улыбнулся, потрепалъ меня по плечу и шепнулъ на ухо:

— Крѣпитесь и не поддавайтесь страху. Поддадитесь, не рады будете. Первый шагъ, понимаете, труденъ, а тамъ, понимаете, и привычка придетъ. А первый шагъ испортите, понимаете, второй разъ опять придется первый шагъ дѣлать.

Я сдѣлалъ усиліе вздохнуть полной грудью. И мнѣ стало какъ будто легче. Я смотрѣлъ на Б. Онъ былъ спокоенъ,—можетъ-быть, только видимо спокоенъ,—но рѣзкій голосъ его такъ же громко и увѣренно звучалъ, когда онъ отдавалъ какое-то приказаніе подбѣжавшему фельдфебелю.

А гранаты взрывались то тамъ, то тутъ, по всему лагерю. Прошло томительное полчаса, пока не пришло приказаніе вывести роты впередъ и укрыть ихъ въ довольно глубокомъ оврагѣ.

За эти полчаса я видѣлъ въ первый разъ струсившаго человѣка, т. е. человѣка, не совладавшаго со своими нервами. Это былъ одинъ изъ нашихъ же молодыхъ офицеровъ. Изсиня-блѣдный, трепещущій, подбѣжалъ онъ къ моему ротному командиру и, хватая его за руки, сталъ что-то лепетать, дико озираясь и чуть не взвизгивая при каждомъ выстрѣлѣ, при каждомъ взрывѣ гранатъ.

— Стыдитесь, поручикъ! — прикрикнулъ на него штабсъ-капитанъ Б. — Не забывайте, что васъ видятъ солдаты! Идите къ своей части!

Поручикъ зарыдалъ. Онъ ждалъ слова утѣшенія, слова участія, а его такъ рѣзко оборвали, такъ жестоко прикрикнули на него. И онъ бѣгомъ бросился отъ нашей роты.

Странные взгляды провожали его: его жалѣли, словно люди понимали, что человѣкъ «не въ себѣ», и что пройдетъ этотъ минутный припадокъ малодушія, и онъ станетъ опять тѣмъ же славнымъ, бравымъ офицеромъ, какимъ онъ былъ до сихъ поръ.

Такъ оно случилось и на самомъ дѣлѣ: этотъ малодушно-струсившій при первыхъ выстрѣлахъ подпоручикъ, впослѣдствіи, въ продолженіе всей войны велъ себя не только прекрасно, но считался однимъ изъ способнѣйшихъ и даже храбрѣйшихъ офицеровъ нашего полка.

Да, но въ этотъ день я въ первый разъ видѣлъ струсившаго на войнѣ человѣка. А видѣлъ ли я храбрыхъ? Да всѣ окружающіе меня были храбры. Всѣ они такъ же спокойно и отчетливо, какъ на маневрахъ, дѣлали свое дѣло; всѣ не обращали—или, можетъ-быть, только старались не обращать — вниманія на грохотавшія и взрывавшіяся надъ ихъ головами гранаты и шрапнели. Нѣкоторые только были нѣсколько блѣднѣе обыкновеннаго, нѣкоторые немного молчаливѣе; другіе, напротивъ, даже говорливѣе стали: по крайней мѣрѣ, шутокъ слышалось больше. Какой-то милый юморъ проявился вдругъ.

А глядя на нихъ, бодрился и я. Съ одной стороны стыдъ, а съ другой стороны завѣтъ штабсъ-капитана Б., что если я сдѣлаю плохо первый шагъ, придется второй первый шагъ дѣлать, останавливали меня.

Въ этотъ день я вынесъ еще одно испытаніе и вышелъ изъ него, кажется, съ честью.

Наши роты лежали впереди лагеря, въ оврагѣ. Ни одна граната не залетала къ намъ. Но въ нашемъ лагерѣ, что называется, шелъ дымъ коромысломъ: то и дѣло поднимались тамъ столбы пыли и съ грохотомъ рвались гранаты. Урону—какъ-то Богъ миловалъ — въ нашемъ полку почти совсѣмъ не было, а если и былъ, то самый незначительный. Нѣсколько контуженныхъ солдатъ, да нѣсколько перебитыхъ и искалѣченныхъ лошадей.

Скучно было лежать въ оврагѣ, и я нервно курилъ папиросу за папиросой, и не прошло двухъ часовъ, какъ я замѣтилъ, что мой портъ-табакъ совершенно пустъ. Запасной табакъ у меня былъ въ лагерѣ, въ моей палаткѣ. Я обратился-было къ одному изъ товарищей, но оказалось, что и у него уже все на исходѣ.

— Пошли кого-нибудь въ лагерь, тебѣ и принесутъ,—посовѣтовалъ товарищъ.

Но безъ позволенія ротнаго командира послать было никого нельзя, и я обратился къ штабсъ-капитану Б. за разрѣшеніемъ. На этотъ разъ глаза моего начальника взглянули на меня съ нескрываемымъ недоброжелательствомъ:

— Вы видите, что тамъ дѣлается?—сказалъ онъ, указывая на вздымавшіеся столбы земли надъ нашими палатками.—И хотите изъ-за какого-то табаку посылать туда на рискъ человѣка! А если его убьютъ? Вѣдь это, понимаете, будетъ на вашей совѣсти!

Краска стыда залила мое лицо. Я понялъ, что, обращаясь за такимъ разрѣшеніемъ къ ротному командиру, я поступалъ позорно.

— А самому мнѣ, господинъ капитанъ, можно сходить?—рѣшительно спросилъ я.

— Самому сколько угодно, пожалуйста!—улыбаясь, отвѣтилъ Б.

Онъ, видимо, понялъ, что дѣлается въ моей душѣ, и понялъ также, что сходить въ лагерь мнѣ теперь уже *необходимо*, чтобы очистить эту душу отъ положеннаго на нее пятна.

И я пошелъ. Старался идти я быстро, но ровной и спокойной походкой. Я былъ нестерпимо золъ на себя, и мнѣ хотѣлось наказать, казнить себя за минутное малодушіе.

«Это и есть первый шагъ, — думалъ я. — И я долженъ сдѣлать его, долженъ, во что бы мнѣ это ни обошлось».

Лагерь былъ недалеко, но чѣмъ ближе я подходилъ къ нему, тѣмъ больше какая-то непонятная усталость сковывала мои ноги, шагъ замедлялся самъ собой, словно что-то давило меня навстрѣчу и не пускало меня къ этимъ бѣлымъ палаткамъ, отъ которыхъ уже было, что

называется, рукой подать. Но я шелъ, шелъ, шелъ, мысленно бичуя себя. Я предполагалъ, что въ лагерѣ нѣтъ ни одной живой души, но, къ удивленію моему, замѣтилъ бѣлыя солдатскія рубахи, мелькавшія между палатокъ.

«Зачѣмъ они тутъ? Кто они?»—думалъ я, уже подходя къ лагерю нашего баталіона, и вдругъ разглядѣлъ возлѣ моей палатки моего денщика Василія Лелюшкина.

— Василій!—окликнулъ я его.

Онъ встрепенулся и вскочилъ на ноги.

— Ты что тутъ дѣлаешь?

— А вотъ, ваше благородіе, съ Григорьемъ (Григорій былъ денщикъ ротнаго командира) обѣдъ для васъ готовимъ.

— Обѣдъ? — удивился я. — Такъ неужели вы не могли найти мѣста побезопаснѣе?

— Да все равно, ваше благородіе, оны въ насъ не попадають,—улыбаясь, отвѣтилъ съ своимъ хохлацкимъ выговоромъ мой Василій и даже презрительно рукой махнулъ.

А я шелъ сюда съ трепетомъ и замираніемъ сердца, воображая, что совершаю какой-то удивительный подвигъ, а вотъ эти два — да и не два: въ лагерѣ оставалось много денщиковъ — солдата преспокойнымъ образомъ варятъ для «нашихъ благородій» обѣдъ. И мнѣ стало не то что стыдно, а какъ-то смѣшно надъ самимъ собой.

«Герой, — думалъ я, заходя въ свою палатку и доставая изъ походнаго сундучка табакъ.—Подвиги совершаю! Нѣтъ, вѣрно настоящіе-то герои вотъ они, вотъ эти «фурштадты», какъ полупрезрительно называютъ солдаты нестроевыхъ нижнихъ чиновъ».

«Оны въ насъ не попадають»,— вотъ и вся ихъ философія, вся ихъ дума. Ну, а если попадутъ, тогда что-жъ? Тогда и думать ужъ не придется.

И я искренно позавидовалъ этому поистинѣ «олимпійскому» спокойствію нашего солдата.

Наложивъ свой клеенчатый мѣшочекъ табаку, я вышелъ изъ палатки и остановился возлѣ нея, чтобы скрутить себѣ папиросу. Шагахъ въ десяти отъ меня сидѣли на корточкахъ Василій и Григорій и стряпали надъ маленькимъ костромъ. Тутъ же, возлѣ нихъ, стоялъ на привязи баранъ поручика Лешкова и флегматично жевалъ травку своими чистенькими губами. А немного поодаль отъ нихъ былъ привязанъ мой верховой конь. Лагерь былъ пустыненъ, только кое-гдѣ мелькали денщичьи фигуры, и тихо было бы въ лагерѣ, если бы эту тишину поминутно не нарушали взрывы падающихъ гранатъ.

Я стоялъ и крутилъ папиросу. Вдругъ что-то совсѣмъ-совсѣмъ близко охнуло, брякнуло, и цѣлый столбъ земли и пыли окуталъ меня. Я чувствовалъ, какъ я пошатнулся и инстинктивно попятился къ палаткѣ.

«Что это?» мелькнуло у меня въ головѣ.

Я раскрылъ запорошенные пылью глаза—ни Григорья, ни Василья возлѣ костра не было, а на томъ мѣстѣ, гдѣ стояла лошадь, — какая-то куча. Я бросился къ ней и чуть не полетѣлъ въ взрытую гранатой воронку. Мой конь лежалъ на боку, а возлѣ него суетились Григорій и Василій.

— Убили?

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе, только съ ногъ сшибло!—отвѣтилъ кто-то изъ нихъ.

Лошадь поднялась на ноги. Она была цѣла и невредима, но только вся трепетала мелкой дрожью, страшно косила глазами, фыркала, и шерсть ея была покрыта сразу выступившимъ пѳтомъ. Я сталъ успокаивать моего коня, трепать и гладить его по крутой шеѣ. И вдругъ почувствовалъ какую-то саднящую боль на ладони правой руки. Взглянулъ—на мякоти, подъ большимъ пальцемъ, небольшой красно-буроватый подтекъ.

«Вѣроятно, задѣло камнемъ» — полу-

малъ я и почувствовалъ, что радуюсь, и сейчасъ же сталъ соображать, что покажу этотъ подтекъ товарищамъ и стану говорить, что меня контузило.

— А яишницу-то, ваше благородіе, придется съ хрустомъ ѣсть! — крикнулъ вернувшійся къ своему костру Василій.

— А что? — спросилъ я, подходя къ нимъ.

— Да вонъ какъ! Всю сковородку песочкомъ проперчило! А другихъ яицъ нѣтъ.

— Ну, а васъ какъ? Никого не задѣло?

— Никакъ нѣтъ! — отвѣтилъ флегматично Григорій.

— Оны въ насъ не попадаютъ, — повторилъ опять, улыбаясь, Лелюшкинъ.

Но я замѣтилъ, что глаза у нихъ горятъ какимъ-то возбужденнымъ огнемъ, и движенія болѣе нервны и суетливы, и голоса звучатъ не такъ спокойно и увѣренно.

Я взглянулъ на барана. Онъ все въ той же самой позѣ, такъ же проворно и споро пережевывалъ своими чистенькими губками набросанную передъ нимъ свѣжую зеленую травку

Когда я вернулся обратно къ ротѣ, штабсъ-капитанъ Б. встрѣтилъ меня испытующимъ, но уже болѣе благожелательнымъ взглядомъ.

— Принесли табаку? — спросилъ онъ.

— Принесъ, — отвѣтилъ я и какъ было можно небрежнѣе разсказалъ о взрывѣ гранаты возлѣ нашихъ палатокъ; какъ сшибло съ ногъ мою лошадь и что яичницу намъ придется ѣсть «съ хрустомъ».

— Ну, слава Богу, первый шагъ вы дѣлаете недурно, дальше все легче будетъ, — сказалъ Б. и довольно крѣпко пожалъ мнѣ руку, причемъ я почувствовалъ порядочную боль въ томъ мѣстѣ, гдѣ былъ ушибленъ камнемъ.

«Сказать ему или не сказать о моей контузіи? — мелькнуло у меня въ головѣ. — Нѣтъ, ни за что не скажу! — сейчасъ же рѣшилъ я. — Этимъ только всю музыку испортишь, потому что нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, хвастаться такимъ вздоромъ!»

И я не сказалъ.

Во всякомъ случаѣ, какъ ни какъ, но мое боевое крещеніе совершилось, хотя — увы! — вопреки предсказаніямъ штабсъ-капитана Б—дзе, легче мнѣ отъ этого не стало. Заранѣе и откровенно признаюсь, что чувство страха и нервнаго волненія не оставляло меня въ продолженіе всей кампаніи. Никогда не могъ я привыкнуть ни къ воющему грохоту летящей гранаты, ни къ плаксивому визгу несущихся пуль, ни, особенно, къ шуршащему трепету какого-нибудь запоздалаго осколка. Бывали дни, когда я переносилъ ихъ легче, бывали дни, когда душа сковывалась почти невыносимымъ гнетомъ ужаса. Одно могу сказать: съ каждымъ разомъ я все лучше и лучше умѣлъ скрывать отъ окружающихъ волнующія меня чувства.

IV.

Началась для меня боевая походная жизнь. То мы стояли на мѣстѣ, то насъ передвигали впередъ, то отодвигали назадъ. Почему это дѣлалось, зачѣмъ и какъ, мы, молодые строевые офицеры, мало этимъ занимались. Это была для насъ своего рода «политика», въ область которой проникать мы не чувствовали себя вправѣ. Приказано строить траншеи подъ Карсомъ — мы строимъ, а потомъ дежуримъ въ нихъ томительные дни, подъ грохотомъ карсскихъ пушекъ, прикрывая нашу осадную артиллерію; зябнемъ въ этихъ траншеяхъ въ холодную и часто дождливую ночь. Прикажутъ отойти отъ Карса, мы и идемъ, закусываемъ на бивуакахъ, отдыхаемъ на дневкахъ, а на досугѣ, урывками, я читаю «Войну и миръ» и, главнымъ образомъ, конечно, «Войну», а не «Миръ», и думаю:

«Боже мой, какъ тутъ все вѣрно описано! Просто, кажется, даже вѣрнѣе, чѣмъ

на самомъ дѣлѣ дѣлается. Да, дѣйствительно, трудно себѣ и представить, чтобъ кто-нибудь и когда-нибудь могъ такъ жизненно и правдиво нарисовать картины боевой и походной жизни, какъ сдѣлалъ это «великій писатель земли русской».

Время шло, и я уже совсѣмъ слился съ славной семьей нашей кавказской арміи.

Почему «кавказской»? Вѣдь всѣ вотъ эти, окружающіе меня, солдаты Ивановы, Петровы, Толстенки. Крамаренки, Полещуки, Гнѣдаши, Антушевичи, Запольскіе, даже Хаснудиновы и Музафаровы—развѣ они имѣютъ что-нибудь общаго съ Кавказомъ? Вѣдь всѣ они стянулись сюда изъ разнообразнѣйшихъ, разнорѣчивѣйшихъ губерній великой, необозримой Россіи. Но отчего же стоило имъ только встать подъ славныя знамена и штандарты Тенгинскаго, Куринскаго, Эриванскаго и Кутаисскаго, Нижегородскаго и Переяславскаго и другихъ, навѣки прославившихъ себя, кавказскихъ полковъ, отчего всѣ они, эти Ивановы и Полещуки, Запольскіе и Музафаровы—сразу стали рядами непобѣдимой и грозной «кавказской» арміи? Почему ореолъ несравненнаго Башкадыкларскаго боя, бывшаго почти за четверть вѣка до настоящей кампаніи, такъ же ярко горитъ вокругъ штандартовъ несравненнаго Нижегородскаго драгунскаго полка, когда изъ участниковъ Башкадыклара почти никого уже не осталось въ его рядахъ? А потому, что великій духъ и традиціи далеко переживаютъ короткую жизнь человѣка и передаются преемственно вмѣстѣ съ знаменами отъ одного поколѣнія къ другому.

Да! Духъ кавказской арміи въ кампанію 1877—78 гг. былъ бодръ и славенъ; честно выполняла она свой долгъ передъ родиной.

Тотъ, кто провелъ хоть не всю войну, а только нѣсколько ея мѣсяцевъ въ боевыхъ рядахъ нашей арміи, не могъ не полюбить этого чудо-богатыря—русскаго солдата. Въ походѣ онъ выносливъ; въ бою—безстрашенъ; въ пищѣ неприхотливъ, безропотенъ и всегда веселъ, добродушенъ, вѣчно съ готовой шуткой и съ милой, почти съ дѣтской улыбкой на устахъ, этотъ чудо-богатырь. Вездѣ онъ шутитъ и, какъ бы шутя, дѣлаетъ свое великое дѣло. Передъ боемъ — рубаху перемѣнитъ—неровенъ часъ, и убить могутъ, а нельзя же предъ Страшнымъ Судилищемъ въ неопрятномъ видѣ предстать—затѣмъ истово и усердно Богу помолится, а тамъ — грянула веселая пѣсня, посыпались веселыя шутки, и пошли чудо-богатыри...

А куда?

Куда начальство поведетъ!

— Да, можетъ, туда и пройти нельзя!

— Можетъ статься, что и нельзя!

— Ну, а ежели велятъ?

— Велятъ, такъ пройдемъ.

Вотъ главная основа военнаго краткаго катехизиса русскаго солдата.

И не менѣе солдата долженъ понять и проникнуться этимъ катехизисомъ и его начальникъ. Нѣтъ выше воли, какъ воля его Верховнаго Вождя, помазанника Божьяго. И все истекаетъ отъ него, и все, что̀ отъ него исходитъ, нужно исполнить и не: «или умереть», тутъ не можетъ быть никакой рѣчи объ «или»—*исполнить* нужно, а потомъ ужъ можно умереть, а раньше о смерти и думать нечего.

И вотъ почему начальники, глубокознающіе душу солдатскую, рѣдко говорятъ о смерти. Умереть—это воля Божья; а взять крѣпость—это воля государева. И начальники являются передатчиками царевой воли и потому говорятъ о дѣлѣ, а не о смерти.

Солдатъ умѣетъ понимать и цѣнить своего начальника. Характеристики, дѣлаемыя ими своимъ вождямъ, необычайно мѣтки и правдивы. Такъ же мѣтки, какъ характеристики, дѣлаемыя школьниками своимъ учителямъ, но еще болѣе правдивы и безпристрастны, потому что военноначальникъ не только учитъ, но и

живетъ одной жизнью съ солдатомъ. Вмѣстѣ съ нимъ несетъ всѣ тяготы его, вмѣстѣ съ нимъ подставляетъ и грудь подъ пулю.

— Ну, братъ, не безпокойся! Нашъ капитанъ не подгадитъ!—говорятъ солдаты про своего ротнаго передъ какимъ-нибудь инспекторскимъ смотромъ.

Это значитъ—ихъ ротный молодецъ, строевикъ и умѣетъ, что называется, товаръ лицомъ показать.

— Ну, а нашъ,—говорятъ другіе,—настоящій «трынчикъ» (читай: человѣкъ мелочной, придирающійся къ разнымъ пустякамъ обмундированія, изводящій солдатъ каждымъ ремешкомъ и трынчикомъ и почти всегда поэтому неудачникъ, потому что изъ-за пустяковъ главнаго не доглядитъ).

— Не сумлѣвайся! «Дѣдушка» не выдастъ!—говорятъ солдаты про своего стараго командира полка и спокойно идутъ за нимъ въ самый опасный бой.

Они увѣрены въ любви своего командира, въ его опытности, знанія дѣла и знаютъ они, что бережетъ онъ солдата и зря ни однимъ не поступится. Ну, а гдѣ нужно, такъ и самъ рядомъ съ ними костьми ляжетъ. Это лучшій и излюбленнѣйшій солдатами типъ начальника. Кто знаетъ? Можетъ-быть, высшее начальство на него какъ-нибудь и иначе смотритъ. Можетъ-быть, говорятъ про него, что онъ и устарѣлъ, и отсталъ отъ времени, и не усвоилъ современной техники, но одно можно про него сказать, что—душу онъ солдатскую знаетъ, любитъ солдатъ и самъ ими горячо любимъ. А потому, коснется серьезнаго дѣла и, смотришь, вдругъ этотъ устарѣвшій, отсталый и «чего-то» не усвоившій командиръ надѣлаетъ со своими «дѣтками» такого дѣла, что другому молодому, передовому, все усвоившему,—кромѣ души солдатской—и во снѣ не приснится.

— Изучите солдата, узнайте его душу, полюбите его, и тогда вамъ все остальное приложится!—говорилъ мнѣ старый, опытный командиръ при первыхъ же шагахъ моей военной службы.

У насъ былъ одинъ командиръ полка, котораго за его какую-то внѣшнюю расхлябанность, вялость и мягкость, солдаты прозвали «бабой». Но въ этомъ прозвищѣ, представьте себѣ, не звучало ни одной обидной ноты.

— Ну, да, баба,—какъ бы говорили они:—а вотъ, погоди, придетъ часъ испытанія, такъ эта баба такъ развернетъ свои крылья, что только диву дашься.

И часъ испытанія пришелъ. «Баба» развернулъ свои батальоны и лихо опрокинулъ съ ними отборное турецкое войско, во много разъ превосходящее его численностью, выбилъ его изъ лагеря и занялъ даже самый лагерь.

Чудное это было дѣло! Много наградъ получилъ за него славный полкъ. А велъ его командиръ «баба»... И вотъ что еще странно: командиръ этотъ былъ смертельно раненъ среди самаго боя, когда сдѣлано было еще полдѣла, и, выбывая изъ строя, передалъ командованіе старшему батальонеру, но солдаты до послѣдней минуты не знали, что двигаетъ ихъ уже новый начальникъ, а что ихъ отецъ-командиръ мучается въ предсмертныхъ мукахъ, и тѣло его прощается съ геройской душой.

— Вотъ тебѣ и «баба»!—говорили солдаты, занимая завалъ за заваломъ и выбивая изъ нихъ штыками турокъ.—Нѣтъ, братъ, лучше нашего командира и не сыщешь!

И горько плакалъ потомъ полкъ-побѣдитель, когда по окончаніи боя узналъ, что нѣтъ больше съ ними горячо любившаго ихъ и горячо любимаго ими командира.

А командира этого они звали «бабой».

V.

У русскаго солдата есть одна удивительная странность: это какъ-то по-сво-

ему переиначивать названія полковъ и фамилій своихъ начальниковъ, въ особенности, если они иностранные. Такъ, Ревельскій полкъ они называютъ «Ливерскимъ»; а будь сформированъ полкъ подъ именемъ «Ливерскаго», ничего мудренаго не было бы, если бы они его «Ревельскимъ» стали бы называть.

Есть два полка въ русской арміи: «Старо-Ингерманландскій» и «Ново-Ингерманландскій». И, Боже мой, какъ перековеркиваютъ солдаты эти названія: одни называютъ «Старо-Ермолаевскій», другіе «Ново-Оборванскій». Да всѣхъ варіацій и не перечислишь. То же самое и съ фамиліями начальствующихъ: такъ, напримѣръ, Лорисъ-Меликова называли «Ролисъ-Мелиховъ»...

Но, не то суть важно, какъ называли ихъ солдаты, а какъ они къ нимъ относились.

Къ нашему главнокомандующему, Его Императорскому Высочеству, великому князю Михаилу Николаевичу, вся кавказская армія относилась съ любовью благоговѣйной. «Государевъ братъ», братъ общаго отца нашего, былъ намъ вторымъ отцомъ. Его любовь къ солдату вообще и къ славной кавказской арміи въ особенности, чувствовалась въ каждомъ шагѣ, словѣ, распоряженіи. Да и любила же его за это кавказская армія! Ѣдетъ онъ, бывало, передъ строемъ, и сколько радости, сколько свѣта разливается по всему этому строю. Глазами, полными любви, встрѣчаетъ и провожаетъ его каждый солдатъ, каждый офицеръ, каждый генералъ. Еще издали завидишь великокняжескій стягъ, а ужъ сердце такъ и затрепещетъ радостью. И какъ намѣстникъ обожаемаго государя, и какъ нашъ августѣйшій начальникъ, онъ пользовался самой горячей любовью бравыхъ кавказцевъ.

За великимъ князéмъ, прямо непосредственнымъ нашимъ начальникомъ былъ командующій Александропольскимъ отрядомъ генералъ, впослѣдствіи графъ, Лорисъ-Меликовъ. Къ этому начальнику мы всѣ относились съ глубокимъ уваженіемъ и искреннимъ довѣріемъ. Всегда серьезный, онъ и появлялся передъ нами только въ серьезныя минуты. Какъ командиръ военнаго корабля всходитъ на свой капитанскій мостикъ въ моменты наиболѣе важные, такъ и Лорисъ-Меликова видали мы въ наиболѣе серьезные дни, въ наиболѣе серьезныхъ мѣстахъ. Онъ былъ выше нашей критики, выше летучей оцѣнки.

Любили мы, и горячо любили и называли даже «дѣдушкой», начальника нашей дивизіи, стараго генералъ-лейтенанта Девеля. Несомнѣнно, что и онъ насъ также любилъ. А какъ онъ умѣлъ говорить съ солдатомъ, просто, безъ вычурности и всегда съ какой-нибудь милой шуткой. Соль его шутокъ была, что называется, «аттическая», но всегда доступная пониманію солдата, да и выраженія у него были самыя простецкія. На всякихъ званыхъ пирахъ и обѣдахъ, гдѣ произносилось много рѣчей и тостовъ, генералъ Девель неизмѣнно начиналъ и заканчивалъ здравицей «за нашу славу, честь и гордость—за русскаго солдата!»

Генералъ Гейманъ слылъ среди солдатъ за самаго лихого и безстрашнаго генерала, но той общности съ солдатомъ, которая была у Девеля, я не могу отмѣтить, потому что не служилъ въ частяхъ, командуемыхъ имъ.

Тергукасову удивлялись, считали его какимъ-то мудрецомъ, удивительнымъ тактикомъ и стратегомъ. По мнѣнію солдатъ, онъ «все зналъ и все могъ распутать!»

Не менѣе удивлялись и генералу Лазареву, этому талантливому военному самородку.

— Поди жъ ты!—говорили солдаты.— Изъ простыхъ людей вышелъ, а до чего достигъ!

— Потому что — голова! — говорилъ одинъ.

— Да и храберъ! — подхватывалъ другой.

И называли его почему-то попросту «Иванъ Давидычемъ».

Но кто былъ общимъ любимцемъ нашего отряда, такъ это графъ Михаилъ Павловичъ Граббе, этотъ рыцарь безъ страха и упрека.

Во время первой осады Карса, онъ, еще въ чинѣ полковника, былъ назначенъ траншей-маіоромъ. И вотъ тутъ-то особенно узнали и полюбили его солдаты.

Скучно лежать цѣлые дни въ траншеяхъ, въ прикрытіе осадной артиллеріи, ничего не дѣлая, не двигаясь съ мѣста. А кругомъ тебя грохочутъ наши пушки, да рвутся непріятельскія гранаты и шрапнели. Тяжело, томительно тяжело. Всякую минуту будь готовъ къ смерти, а самъ ничего не дѣлай. Съ завистью посматриваетъ пѣхота на артиллеристовъ: тѣ хлопочутъ возлѣ своихъ пушекъ, заряжаютъ, стрѣляютъ, слѣдятъ за результатами своихъ выстрѣловъ. А пѣхота — лежи, да жди — не въ тебя ли вотъ эта граната воетъ. Въ концѣ-концовъ начинаешь желать, чтобъ это въ тебя.

«Хоть бы поскорѣе ранили, да, по крайней мѣрѣ, конецъ этому томительному бездѣйствію».

Обѣдъ привезутъ — холодныя порціи мяса — поѣшь безъ аппетита. Хоть бы уснуть! Но нельзя же цѣлый день спать! Впрочемъ, находились и такіе счастливчики: спятъ себѣ, какъ сурки. Но такихъ было все-таки немного, большинство же томилось.

И вдругъ видишь, вдали показалась группа изъ трехъ всадниковъ. Впереди бѣлая папаха и бѣлая бурка выдѣлилась. Это—графъ ѣдетъ! Объѣзжаетъ траншеи. Рядомъ съ нимъ его адъютантъ, а поодаль рядовой казакъ. Глядите внимательнѣе, и вы увидите, какъ турецкія гранаты груднѣе ложатся по пути его слѣдованія. Въ Карсѣ видятъ группу изъ трехъ всадниковъ и одного изъ нихъ— въ бѣлой буркѣ и въ бѣлой папахѣ, или же, когда жарко, въ бѣлой фуражкѣ и кителѣ. И знаютъ, кто этотъ бѣлый всадникъ, и ловятъ его подъ прицѣлъ своихъ орудій. А онъ ѣдетъ спокойно на своемъ гнѣдомъ иноходцѣ и почти по-дружески разговариваетъ съ адъютантомъ.

— Графъ ѣдетъ! — проносится по траншеѣ.

Всѣ просыпаются. Самые лѣнивые лежебоки, и тѣ быстро вскакиваютъ на ноги, обдергиваются, отряхиваются и ждутъ. Вотъ онъ и подъѣхалъ, дружелюбно всѣмъ киваетъ головой — громко здоровается, рѣдко—офицерамъ пожимаетъ руки, перекидывается двумя-тремя словами, шуткой...

Какъ это мало похоже на боевой окликъ Тараса Бульбы: «А что, паны, есть еще порохъ въ пороховницахъ? Не ослабѣла ли козацкая сила? Не гнутся ли козаки?»

А между тѣмъ, глаза Граббе, взглядывая на солдатъ, какъ бы говорятъ то же самое. И веселыми, радостными взглядами отвѣчаютъ ему солдаты: «Не безпокойся, ваше сіятельство, не сумлѣвайся! Завсегда рады и не то переносить!»

А кругомъ траншеи, а иногда и въ самую траншею, ложатся турецкія гранаты, надъ головами рвутся шрапнели, а кое-гдѣ показываются и зловѣщіе санитарные носилки, и корчится на нихъ тяжело-раненный или неподвижно уже лежитъ бездыханный трупъ.

Нѣтъ воинственныхъ кликовъ: «Бей, руби, коли, дави!» Есть молчаливый приказъ: «Стой на своемъ мѣстѣ, терпи и жди!»

Перекинувшись парой словъ да веселой шуткой, ѣдетъ графъ Граббе дальше. Такъ же спокойно и ровно идетъ его гнѣдой иноходецъ, такъ же машинально казацкой нагайкой—о, отнюдь не бьетъ, а только гладитъ, даже какъ бы ласкаетъ его крутые бока всадникъ.

Онъ уѣхалъ, а въ траншеѣ все повеселѣло, все подбодрилось, и нѣтъ слѣда начинавшагося уже было унынія. И всѣ еще словно видятъ передъ собою и эти

ласковые, задумчивые глаза, и это продолговатое, смуглое и доброе лицо. И долго еще провожають его солдаты глазами и долго говорять о немъ. Старики разсказывають, что когда графъ еще полкомъ командовалъ (кажется, Тенгинскимъ), такъ что это за чудо-командиръ былъ!

— Отецъ, можно сказать, а не командиръ!

И погибъ этотъ командиръ впослѣдствіи при штурмѣ Карса, и какими горячими слезами встрѣтила вѣсть о его смерти боевая кавказская армія.

Мнѣніе солдатъ о своихъ начальникахъ почти всецѣло раздѣлялось и нами, молодыми офицерами. Такъ же благоговѣйно любили мы великаго князя, такъ же глубоко уважали М. Т. Лорисъ-Меликова, считая его не только выдающимся полководцемъ, но и удивительнымъ администраторомъ; такъ же удивлялись стратегическому генію Тергукасова и необычайному самородному таланту и боевой опытности И. Д. Лазарева, такъ же, по-дѣтски какъ-то, любили «дѣдушку» Девеля и такъ же восхищенными глазами смотрѣли на благороднаго графа Граббе.

Да много и другихъ военно-начальниковъ пользовались нашими глубокими симпатіями и искреннимъ уваженіемъ.

Были, конечно, и непопулярные для насъ, но ихъ, во-первыхъ, было очень мало, да и непопулярность ихъ, можетъ-быть, нерѣдко бывала результатомъ недоразумѣнія, несчастно сложившихся обстоятельствъ и даже просто неудачнаго случая. Но, въ общемъ, взаимныя отношенія между низшими чинами и военно-начальствующими были самыя сердечныя, родственныя даже какія-то. Напримѣръ, старые боевые генералы очень часто обращались къ молодымъ офицерамъ на «ты», и это «ты» было не только не оскорбительно, а напротивъ, въ немъ была какая-то родственность, что-то сердечное, сближающее. Вѣдь говорили же отцы сыновьямъ своимъ «ты»; и какъ непріятно выслушать отъ отца своего сухое, холодное «вы», такъ непріятно было и многимъ изъ насъ, когда, бывало, въ обращеніи къ тебѣ какого-нибудь стараго, любимаго начальника повѣетъ холодкомъ вѣжливости.

«Сердится, стало-быть, онъ за что-нибудь на меня, когда вчера еще говорилъ мнѣ: съѣзди-ка, голубчикъ, вонъ на ту батарею, да скажи тамъ...»

А сегодня, вдругъ:

— Подпоручикъ такой-то, потрудитесь передать приказаніе командиру —скаго полка...

Конечно, не всѣ старые генералы говорили намъ «ты», да и не ко всѣмъ бы это пошло, потому что одни изъ нихъ были намъ дѣйствительно отцами-командирами, а другіе—только начальниками. И—quod licet Jovi, non licet bovi...

VI.

А какъ относились солдаты къ намъ, ближайшимъ ихъ начальникамъ, къ оберъ-офицерамъ? По совѣсти можно сказать—прекрасно относились... къ тѣмъ, кто и къ нимъ относился прекрасно.

Солдаты кавказской арміи были сплошь «русскіе». Это слово надо понимать по-кавказски: были между ними и великороссы и малороссы, и поляки, и литвины, и черемиссы, и чуваши, и даже татары были, но всѣ они пришли оттуда, изъ-за горъ, изъ Великой Россіи. Среди же офицеровъ было немало, очень даже немало и кавказскихъ уроженцевъ, т. е. грузинъ, армянъ и представителей иныхъ, населяющихъ Кавказъ, племенъ. И надо отдать имъ полную справедливость, въ своемъ громадномъ большинствѣ, были они офицерами превосходными, храбрыми и къ ратному дѣлу способными. И между ними было не мало настоящихъ для солдатъ отцовъ-командировъ.

Но, все-таки, нельзя и того утаить, что ближе къ сердцу солдатскому стояли офицеры или пришедшіе тоже оттуда, изъ-за горъ Великой Россіи, или чисто-русскіе, хотя бы и уроженцы Кавказа. И по духу,

и по языку, а часто и по вѣроисповѣданію стояли они ближе къ солдату, лучше понимали другъ друга, да и относились другъ къ другу какъ-то сердечнѣе. Были, конечно, исключенія и въ ту, и въ другую сторону; бывали случаи, когда офицеръ-великороссъ являлся для русскаго солдата вотчимомъ, а офицеръ-грузинъ, армянинъ или осетинъ—отцомъ роднымъ, но я говорю не про исключенія, а въ общемъ, разумѣется, свой-своему все таки больше братъ.

Будь строгъ, но справедливъ, требователенъ, но простъ! Люби солдата, не брезгуй имъ, а главное дѣло, подавай ему личный примѣръ и храбрости, и неприхотливости, и выносливости, и ты будешь лучшимъ командиромъ, и за тобой солдатъ пойдетъ въ огонь и въ воду.

Да! Не брезгуй солдатомъ! Смотри на него, какъ на родного брата, и цѣлымъ океаномъ любви онъ тебѣ отвѣтитъ за это. А вотъ «чистоплюевъ» солдаты не любятъ. «Трынчиковъ» — тоже, а паче всего, не любитъ онъ презирающаго ихъ.

Также и мы, строевые офицеры, не любили «фазановъ». «Фазанъ»—это обыкновенно чужой слётокъ; вертится онъ при штабѣ и дѣлаетъ карьеру больше не на бранномъ полѣ, а за зеленымъ сукномъ разныхъ канцелярій, куда втирается, чтобы быть побольше на виду у начальства. Всѣ стремленія «фазана» не къ тому, чтобы «отличиться», а «получить отличіе», хотя бы и чужими руками, чужимъ горбомъ. «Фазанъ» — фигура презрѣнная среди боевыхъ офицеровъ, а называется онъ такъ за свое яркое опереніе—чистенькій, элегантный мундирчикъ, бѣленькія перчаточки и распространяемый вокругъ себя запахъ духовъ.

Отнюдь не слѣдуетъ думать, что «фазаны» бываютъ преимущественно изъ гвардейскихъ офицеровъ. О, нѣтъ! Напротивъ! Гвардія доставляла намъ почти сплошь прекрасныхъ офицеровъ, не только храбрыхъ, но и отлично образованныхъ и знающихъ свое дѣло. Нѣтъ, «фазанъ» просто—«чистоплюй», и безразлично: будь онъ гвардеецъ или армеецъ, на немъ всегда лежитъ печать пошлости, пронырливости, искательства, и при этомъ рѣдкій «фазанъ»—не трусъ. Да! Были и среди кавказской арміи «фазаны», но, къ счастью, было ихъ немного, очень немного. И не только мы, люди равные имъ въ чинахъ, но и наши опытные, боевые начальники относились къ «фазаньему стаду» презрительно, и потому-то не очень сильно они и плодились у насъ.

(Окончаніе будетъ)

Умирающій слонъ.

Очеркъ **М. Г. Лисовскаго.**

I.

Лѣтъ тридцать пять тому назадъ, когда устраивался въ Петербургѣ зоологическій садъ на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ находится и въ настоящее время, по повелѣнію императора Александра II, было передано на первоначальное обзаведеніе сада изъ императорскаго звѣринца нѣсколько экземпляровъ довольно рѣдкихъ и дорогихъ звѣрей.

Въ числѣ доставленныхъ звѣрей находился слонъ, получившій впослѣдствіи кличку «Милордъ». Владѣлица сада, извѣстная въ свое время старушка Гебгардъ, очень дорожила этимъ драгоцѣннымъ царскимъ подаркомъ. И дѣйствительно, слонъ былъ однимъ изъ очень рѣдкихъ экземпляровъ, замѣчательный какъ по своему громадному росту, такъ и по природному уму и добродушію. Пойманный въ лѣсныхъ дебряхъ Индіи, еще въ раннемъ

возрастѣ, въ разставленныя сѣти, послѣ того какъ охотниками была убита его мать, а онъ бросился стремглавъ бѣжать сквозь прогалины дикой лѣсной чащи; этотъ слонъ, хорошо прирученный, находился сперва въ звѣринцѣ при дворѣ персидскаго шаха, а потомъ, покрытый богатыми коврами и драгоцѣнными украшеніями, былъ присланъ шахомъ въ подарокъ государю и долго служилъ рѣдкою диковинкою въ садахъ императорскаго звѣринца.

Здѣсь, въ этомъ звѣринцѣ, слонъ пользовался прекраснымъ уходомъ, большими удобствами и относительною свободой. Иногда, по особому приказанію, слона наряжали въ его драгоцѣнные доспѣхи. Государь, посѣщая звѣринецъ, подходилъ къ слону, ласкалъ его, кормилъ бѣлымъ хлѣбомъ и позволялъ сажать на него маленькихъ великихъ князей. Слонъ какъ будто чувствовалъ на своей могучей спинѣ драгоцѣнную ношу и, гордо поднявъ голову, торжественно, но осторожно шагалъ по манежу, когда его водили въ поводу царскіе егеря.

По переходѣ въ петербургскій зоологическій садъ, слонъ лишился почти всѣхъ выгодъ и удобствъ. Его заперли въ угрюмую и тѣсную клѣтку, гдѣ онъ едва могъ повернуться. Но онъ смиренно подчинился новымъ условіямъ жизни и спокойно стоялъ въ своемъ новомъ помѣщеніи, сохраняя прежнюю строгую, горделивую осанку. Къ нему приставили особаго сторожа, Степана Иванова, который скоро привыкъ къ своему гиганту-питомцу и сталъ обучать его кой-какимъ незатѣйливымъ тѣлодвиженіямъ и пріемамъ, съ цѣлью увеселять невзыскательныхъ посѣтителей зоологическаго сада.

Этотъ Степанъ Ивановъ, до принятія его администраціею сада на сказанную должность, служилъ прежде въ какомъ-то частномъ звѣринцѣ, но потомъ, уволенный оттуда, долго скитался жалкимъ оборвышемъ и лѣнтяемъ, безъ всякаго дѣла. Однако, проученный горькимъ опытомъ продолжительнаго голоданія, онъ, поступивъ на должность сторожа къ слону, твердо рѣшилъ, что надо образумиться, и сталъ ревностно служить своему дѣлу. Въ то время, когда другіе сторожа, состоявшіе при звѣряхъ зоологическаго сада, были по большей части люди безпечные и нерадивые, любили выпить, а иногда даже и буйствовали, Степанъ отличался трезвостью, усердіемъ къ работѣ, сдержаннымъ нравомъ, умомъ и расторопностью. Только изрѣдка онъ позволялъ себѣ выпить лишній стаканъ пива, но дѣлалъ это осторожно, втихомолку, такъ, чтобы никто не видѣлъ. Онъ всегда вставалъ раньше всѣхъ, приводилъ стойло слона въ безукоризненный порядокъ, обмывалъ и чистилъ самого слона такъ, что толстая кожа его лоснилась и казалась мягкою, какъ шагрень; щедро давалъ ему кормъ, угощалъ разными лакомствами и часто ласкалъ своего неуклюжаго питомца, какъ любимаго друга. Въ теплыя лѣтнія ночи Степанъ обыкновенно разстилалъ тутъ же, у стойла слона, свой тощій матрацъ и, развалившись на немъ, засыпалъ богатырскимъ сномъ. Слонъ иногда просовывалъ изъ-за рѣшетки кончикъ своего хобота и слегка прикасался къ лицу или волосамъ Степана, какъ будто желая его приласкать.

Съ теченіемъ времени привязанность Милорда къ его доброму сторожу усиливалась. Слонъ полюбилъ своего ласковаго покровителя и друга простой безхитростной любовью, съ чувствомъ кроткаго угнетеннаго невольника, съ удивительно трогательной нѣжностью, таившейся подъ грубою корой, въ глубинѣ чувствительнаго сердца. Онъ выражалъ свою привязанность неуклюжими ласками, привѣтливымъ мычаніемъ, а иногда рѣзкими порывами добродушнаго дикаря, подчасъ назойливаго и несноснаго, но всегда ласковаго, боязливаго и кроткаго въ своихъ незатѣйливыхъ ухваткахъ.

Посѣщавшая садъ публика больше всего толпилась у клѣтки Милорда. Здѣсь бы-

лой обитатель знойныхъ пустынь и дремучихъ лѣсовъ, по требованію своего словоохотливаго учителя, показывалъ почтенной публикѣ, то поворачиваясь, то присѣдая, то переминаясь съ ноги на ногу, то держа въ хоботѣ кузнечные клещи, какъ пляшутъ русскія дѣвушки, какъ зубной врачъ выдергиваетъ у бабъ зубы, какъ уличные мальчишки крадутъ съ лотковъ у торговцевъ булки и апельсины. Для послѣдняго представленія у Степана всегда имѣлись подъ рукой наготовѣ и булки, и апельсины, которые продавались любопытнымъ зрителямъ за тройную, противъ дѣйствительной стоимости, цѣну. По предложенію Степана, нѣкоторые изъ посѣтителей бросали на землю передъ слономъ гривенники и двугривенные, которые тотъ ловко подбиралъ нѣжными щупальцами своего толстаго хобота и немедленно опускалъ въ широко растопыренный карманъ своего повелителя. Много такихъ монетъ ежедневно попадало въ этотъ карманъ. Болѣе тароватые и подкутившіе купчики, сопровождаемые веселыми спутницами, награждали лукаво льстившаго имъ сторожа и болѣе крупными подачками. Возбужденные виномъ и близостью хорошенькихъ женщинъ, эти беззаботные весельчаки часто потѣшались надъ неуклюжимъ слономъ, дразнили его зонтиками и палками и хохотали во всю глотку, какъ сумасшедшіе.

А вокругъ блистали яркіе вечерніе огни, гремѣла музыка, раздавались громкіе голоса пѣвцовъ и пѣвицъ, хлопали пробки, звенѣли стаканы, и шумная многолюдная толпа, какъ огромное сплошное чудовище, лѣниво ползала по дорожкамъ сада.

Но наступала полночь, и пресыщенная увеселеніями публика расходилась. Садъ, точно радуясь своему освобожденію отъ шумныхъ людскихъ полчищъ, принималъ свѣжій и обновленный видъ. Послѣ оглушительнаго грома, звона и криковъ, въ саду воцарялась мирная, торжественная тишина. Теплый лѣтній вѣтерокъ, пропитанный ароматомъ расцвѣтшихъ липъ и акацій, росшихъ въ сосѣднемъ Александровскомъ паркѣ, какъ будто украдкой, ласкающими струями проникалъ въ тайники зоологическаго сада. Блѣдное небо, усѣянное миріадами золотистыхъ звѣздъ, когда гасли огни, ярче раскрывалось, какъ громадный бархатный шатеръ, надъ засыпавшимъ садомъ. Печальные узники сада — звѣри, нервно содрогавшіеся отъ грома музыки и движенія шумной людской толпы, цѣлый день безпокойно метавшіеся въ своихъ тѣсныхъ клѣткахъ, тщетно ища выхода изъ нихъ, медленно укладывались въ своихъ логовищахъ и, наконецъ, засыпали. Не спалъ только одинъ слонъ.

Въ тихія лѣтнія ночи слонъ, повидимому, любилъ помечтать. По крайней мѣрѣ, ничѣмъ инымъ, какъ склонностью къ мечтательности, нельзя было объяснить его странную привычку почти всю ночь не спать, но долго и неподвижно стоять на одномъ мѣстѣ, жадно вдыхать свѣжій ночной воздухъ и пытливо всматриваться въ ночную даль. Особенно же привлекало его вниманіе звѣздное небо. Бывали минуты, когда слонъ, высоко поднявъ свой хоботъ и голову, внимательно и долго смотрѣлъ на небо, какъ будто надѣясь увидѣть тамъ нѣчто необыкновенное. Быть-можетъ, въ эти минуты онъ переносился мыслью въ родные лѣса и пустыни, надъ которыми, онъ помнилъ, когда-то такъ же величественно и спокойно сіяло это звѣздное небо; можетъ-быть, въ немъ вспыхивали полузадавленныя воспоминанія о свободѣ, когда онъ бродилъ вмѣстѣ съ матерью на широкомъ просторѣ знойныхъ пустынь, подъ жгучимъ лучезарнымъ солнцемъ, а здѣсь, въ неволѣ, отдаваясь наплыву сладкихъ грезъ, можетъ-быть, пытался хотя на мигъ забыться и подавить въ себѣ жгучее чувство тоски и одиночества. Можетъ-быть, въ его мозгу возникало безсознательное чувство удивленія тому, что въ этомъ чудномъ мірѣ, гдѣ сады

дышатъ такимъ упоительнымъ ароматомъ, гдѣ блистаютъ такія яркія звѣзды, гдѣ горятъ такія очаровательныя утреннія и вечернія зори, нельзя насладиться радостями жизни, а суждено вѣчно изнывать въ тѣсной и смрадной тюрьмѣ. Кто знаетъ? Мы, люди, ослѣпленные своимъ превосходствомъ, слишкомъ мало придаемъ значенія психической жизни животныхъ. Мы часто относимся къ нимъ съ высокомѣрнымъ презрѣніемъ, какъ къ безсмысленнымъ, ничтожнымъ существамъ, будто бы не заслуживающимъ ни вниманія, ни наблюденія, ни изученія, ни даже жалости. Но, однако, правы ли мы въ такомъ презрительномъ отношеніи къ нимъ? Кто долго жилъ и наблюдалъ, тотъ, вѣроятно, приходилъ во многихъ случаяхъ въ изумленіе отъ сообразительности и ума животныхъ. Право, есть основаніе думать, что между животными находится много такихъ, которые чувствуютъ и мыслятъ гораздо сильнѣе и глубже, чѣмъ даже нѣкоторые люди.

II.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Въ теченіе этого времени въ жизни зоологическаго сада произошло много перемѣнъ. Явились новые люди, возникли новыя требованія и интересы. Старушка Гебгардъ скончалась; вмѣсто нея водворился новый владѣлецъ сада. Многіе звѣри перемерли; мѣста ихъ заняли новые четвероногіе узники. Но слонъ Милордъ попрежнему благополучно здравствовалъ. При немъ попрежнему находился все тотъ же сторожъ Степанъ Ивановъ. Однако, публика уже перестала толпиться передъ клѣткой своего былого любимца Милорда; вниманіе ея было привлечено уже другими, болѣе диковинными экземплярами заморскаго животнаго царства.

Сытая и спокойная жизнь на доходной должности въ звѣринцѣ зоологическаго сада во многомъ измѣнила и Степана Иванова. Изъ жалкаго, приниженнаго оборванца онъ преобразился въ степеннаго, франтоватаго мужика съ мягкою пушистою бородкой, налившимся брюшкомъ и дѣловитою осанкой. Вся внѣшность его, манеры, привычки и разговоры ясно говорили, что это человѣкъ, никогда себя не забывающій или, какъ говорится въ народѣ, «человѣкъ себѣ на умѣ». На немъ появились щегольской пиджакъ, плисовая жилетка, скрипучіе сапоги «бутылками», серебряные часы съ толстою цѣпочкой. Словомъ, Степанъ совершенно переродился. Скопивши изъ подачекъ публики, обильно сыпавшихся ради слона въ его широкій карманъ, изрядный капитальчикъ, Степанъ Ивановъ уже подумывалъ о томъ, не бросить ли свою подневольную службу въ зоологическомъ саду и не уѣхать ли въ деревню, къ землякамъ, чтобы зажить тамъ самостоятельнымъ хозяиномъ, въ полное свое удовольствіе.

Случай къ этому скоро представился. Отъ одного изъ пріѣхавшихъ въ столицу земляковъ Степанъ узналъ, что содержавшій въ его родномъ селѣ пивную лавку торговецъ намѣренъ продать свое заведеніе въ другія руки. Степанъ быстро сообразилъ, что подобное предпріятіе можетъ оказаться для него какъ разъ подходящимъ. Не теряя времени, онъ отпросился у управляющаго на побывку и уѣхалъ въ деревню подъ предлогомъ, будто бы, навѣстить заболѣвшую мать, а на самомъ дѣлѣ, чтобы устроить выгодное для себя предпріятіе.

Черезъ нѣсколько дней, обдѣлавъ дѣльце, Степанъ возвратился, а затѣмъ явился къ управляющему и доложилъ, что онъ больше служить не желаетъ и проситъ его разсчитать.

Управляющему это заявленіе не понравилось.

— Что тебѣ худо жилось здѣсь, что ли?—спросилъ управляющій.—Какая тебѣ надобность уходить отсюда?

— Да такъ-съ, не желаю,—отвѣтилъ, нахмурясь, Степанъ.

— Почему же?

Степанъ зашевелилъ руками и сталъ топтаться на мѣстѣ, какъ слонъ.

— Что жъ, Карла Карлычъ,—промолвилъ онъ, избѣгая его взгляда и тупо глядя въ землю:—будемъ говорить на-чистоту, по-хорошему, по-настоящему, значитъ, по правдѣ-матушкѣ, безъ обиняковъ, безъ сумлѣнія, по-просту, обнакновенно, безъ затѣй, по нашему, значитъ, по мужицкому пониманію. Я, слава тебѣ Господи, живучи здѣсь у васъ, не пьянствовалъ, не шаромыжничалъ, не путался по трахтирамъ, какъ прочіе наши забулдыги, велъ себя по-благородному. За это Богъ меня и наградилъ. Я по усердію своему скопилъ малую толику деньжонокъ и желаю въ деревню, на свое хозяйство. Тамъ у меня есть изба, два кума, свояченица, двѣ коровы, лошадь и мать. Тоже и дѣвку себѣ подходящую я высмотрѣлъ. Дѣвка хорошая, съ капитальцемъ. Думаю жениться. Вотъ дѣло-то какое! А тутъ что же? Довольно мнѣ тутъ у васъ волкомъ выть. Здѣсь, съ вашимъ звѣрьемъ, пожалуй, и самъ оскотинишься.

Управляющій строго взглянулъ на Степана.

— Кажется, ты уже и теперь оскотинился,—спокойно замѣтилъ онъ.—Богъ съ тобой! Разсчетъ можешь получить въ конторѣ. Ступай.

Степанъ ушелъ, получилъ разсчетъ, а на слѣдующій день принесъ большую бутыль водки и роспилъ ее на прощаніе съ пріятелями-сторожами; затѣмъ собралъ свои вещи, уложилъ все въ большой сундукъ, взвалилъ его на извозчика, сѣлъ и уѣхалъ.

На слона, которому Степанъ былъ болѣе всего обязанъ своимъ обогащеніемъ, онъ не пришелъ даже и взглянуть.

Къ слону, вмѣсто Степана, приставили новаго сторожа. Но, странное дѣло: къ этому сторожу слонъ относился съ явнымъ неудовольствіемъ, отворачивался отъ него, съ пренебреженіемъ принималъ кормъ, а иногда и опрокидывалъ корыто, ломалъ перегородку, пыхтѣлъ, кряхтѣлъ, злился, а однажды такъ сильно толкнулъ сторожа хоботомъ въ грудь, что отбросилъ его въ сторону на нѣсколько шаговъ. Слона жестоко поколотили и приставили къ нему новаго человѣка; однако и съ этимъ послѣднимъ Милордъ обошелся такъ же безцеремонно, какъ и съ его предшественникомъ. Милорда побили снова, назначили къ нему третьяго сторожа, но та же исторія повторилась и съ третьимъ. Очевидно, слонъ, привыкнувъ къ Степану, не желалъ имѣть, вмѣсто него, при себѣ никакого другого сторожа и замѣтно тосковалъ по немъ.

Прошло не болѣе мѣсяца, а слонъ такъ измѣнился, что едва передвигалъ ноги. Изъ прежняго добродушнаго, покорнаго и послушнаго животнаго онъ превратился въ больного, безпокойнаго и раздражительнаго звѣря, съ которымъ никто не могъ сладить. Онъ замѣтно худѣлъ, дышалъ тяжело и прерывисто, едва прикасался къ корму; ноги его дрожали. Большую часть времени Милордъ лежалъ въ своемъ темномъ углу за рѣшеткой, тупо устремивъ взглядъ на входную дверь, а по ночамъ безпокойно ворочался и стоналъ. Потускнѣвшіе глаза его слезились; можно было думать, что слонъ плакалъ.

Доложили о томъ управляющему.

— Тоскуетъ по Степану,— замѣтилъ одинъ изъ сторожей:—вотъ, словно такъ и хочетъ сказать: подайте мнѣ Степана, да и только. Не околѣлъ бы, чего добраго, съ тоски.

— Дѣло плохое,— согласился управляющій.—Жаль потерять Милорда. Царскій подарокъ; да и за новаго надо будетъ заплатить не менѣе трехъ тысячъ рублей.

— Пожалуй, можно было бы вернуть Степана,—замѣтилъ одинъ изъ его бывшихъ пріятелей-сторожей.

— Не желалъ бы я его,—замѣтилъ управляющій:—больно зазнался! А, впрочемъ, что-жъ дѣлать? Если можно, разыщите его гдѣ-нибудь. Авось, дѣло поправимъ.

Нашли гдѣ-то Степанова земляка, который согласился съѣздить въ новгородскую губернію, въ деревню, и, дѣйствительно, съѣздилъ, нашелъ тамъ Степана и привезъ его въ Петербургъ.

Степанъ явился въ контору къ управляющему, серьезный, съ напускной важностью, какъ будто недовольный тѣмъ, что рѣшились его потревожить.

— Послушай, Степанъ, — дружески сказалъ ему управляющій.—Нашъ слонъ Милордъ безъ тебя тоскуетъ. Не желаешь ли, братецъ, остаться при немъ опять попрежнему? Мы за жалованьемъ не постоимъ, прибавимъ тебѣ.

Степанъ съ высокомѣрнымъ видомъ, гордо поднявъ голову и заложивъ руки въ карманы, медленно проговорилъ:

— Не охота, Карла Карлычъ. Какой же мнѣ расчетъ? Нынче время глухое, на дворѣ осень, публика не ходитъ, сборовъ нѣтъ. Какіе же теперь доходы? Окромя вашего жалованья, ничего! Посудите сами. Подходящее ли тутъ для меня дѣло? Обойдусь таперича и безъ вашего слона?

Въ голосѣ и тонѣ рѣчи Степана слышался грубый отпоръ, замѣтно проявлялась наглая заносчивость и раздраженіе. Въ немъ явно сквозила холодная разсчетливость безцеремоннаго торгаша, взвѣшивавшаго свои барыши. Зачѣмъ онъ будетъ тутъ пресмыкаться, какъ глупое животное, когда онъ можетъ жить полнымъ бариномъ въ своемъ кабакѣ?

— Ну, какъ-нибудь, братецъ, хоть не надолго останься здѣсь, поживи сколько-нибудь, пока слонъ поправится,—дружески замѣтилъ управляющій.

Послѣ долгихъ отнѣкиваній и торга о жалованьи, Степанъ, наконецъ, согласился остаться при слонѣ на нѣкоторое время, но выразилъ это согласіе съ видимымъ неудовольствіемъ.

III.

Степанъ вошелъ въ стойло къ слону задумчивый, угрюмый, съ явною злобой къ нему, точно какъ будто слонъ былъ виноватъ въ томъ, что его задержали.

Едва только Милордъ увидѣлъ Степана, какъ тотчасъ же вздрогнулъ, вскочилъ съ мѣста и радостно завылъ. Онъ двинулся навстрѣчу къ своему другу, началъ ласкаться къ нему, дѣлалъ неуклюжіе прыжки, весело топтался, задыхаясь и трепеща всѣмъ тѣломъ, близко заглядывалъ Степану въ глаза и съ забавной ласковостью, очень не подходившей къ его неуклюжей фигурѣ, нѣжно щекоталъ ему кончикомъ своего хобота лицо и шею. Глубокая радость, оживленіе и искренное добродушіе сквозили въ его маленькихъ добрыхъ глазахъ.

— Ну, что? Чего дуришь? Обрадовался, дубина?—грубо замѣтилъ Степанъ и ударилъ слона по хоботу.

Слонъ принялъ ударъ за ласку и смиренно наклонилъ голову, какъ бы ожидая, чтобы Степанъ погладилъ его, какъ это онъ дѣлалъ въ прежнее время.

Но Степанъ, вмѣсто того, чтобы погладить, еще крѣпче шлепнулъ его по головѣ и ткнулъ кулакомъ въ бокъ.

— Ишь, какъ брюхо-то у тебя подвело! Отощалъ!—замѣтилъ онъ.—Должно-быть, плохо кормятъ тебя, Милордъ. Вѣрно, крадутъ у тебя провіантъ, анаѳемы проклятые!

Если бъ Милордъ понималъ рѣчь и могъ говорить, то онъ, вѣроятно, сказалъ бы на это въ отвѣтъ:

«Ахъ, нѣтъ, добрый мой другъ, у меня не крадутъ моего скуднаго корма; я изнываю не отъ голода, а отъ тоски. Здѣсь у меня была только одна радость, одна привязанность, одно утѣшеніе, это—ты, мой заботливый другъ. Но судьба отняла тебя у меня. Я не могу ни ѣсть, ни спать,—все тебя ожидаю.»

Но слонъ, конечно, ничего этого сказать не могъ, а Степанъ, въ свою очередь, не имѣлъ никакого намѣренія вникать въ соображеніе о томъ, что и слонъ

способенъ что-нибудь чувствовать или понимать.

Есть люди, которые бываютъ добры и услужливы только до тѣхъ поръ, пока они бѣдны. Но, разбогатѣвъ, они становятся надменными, требовательными и подлыми, въ особенности когда видятъ, что въ нихъ нуждаются другіе. Таковъ былъ и Степанъ. Онъ понялъ, что въ немъ нуждается управляющій и заносчиво возмечталъ о своей несомнѣнной важности. Видъ удрученнаго слона, привязавшагося къ нему, нисколько не возбуждалъ въ душѣ Степана чувства вниманія, расположенія или жалости. Напротивъ того, каждый часъ, проведенный имъ при своемъ четвероногомъ питомцѣ, онъ считалъ потеряннымъ и какъ бы насильственно отнятымъ у него. Онъ постоянно отлучался со двора, бездѣльничалъ, пьянствовалъ и пропадалъ неизвѣстно гдѣ по нѣсколько сутокъ. Управляющій, однако, не рѣшался прогнать его.

Къ слону Степанъ почти и не заглядывалъ. Обязанности его при слонѣ исполнялъ какой-то подставной новичокъ, трусливый, нерадивый и глуповатый.

Между тѣмъ, слонъ видимо угасалъ. Онъ по цѣлымъ суткамъ ничего не ѣлъ, не пилъ, терялъ силы, таялъ и чахъ. Какъ больной человѣкъ съ нетерпѣніемъ ждетъ доктора, такъ и Милордъ ожидалъ появленія своего друга. Но другъ рѣдко къ нему заглядывалъ. Милордъ едва поворачивался въ своей тѣсной клѣткѣ, съ трудомъ передвигалъ отяжелѣвшія ноги. Его кожа покрылась грязью, лишаями, гнойными язвами. Видно было, что щетка и тряпка уже давно не прикасались къ его тѣлу. Вода въ ушатѣ заплѣсневѣла и издавала зловоніе. Подстилка, на которой лежалъ Милордъ, покрылась нечистотами, сгнила, и никому не приходила въ голову мысль о необходимости перемѣнить ее. Онъ былъ брошенъ, забытъ.

Наступила поздняя осень. Тяжелыя свинцовыя тучи кругомъ облегали все небо. Порывистый вѣтеръ дулъ неистово и сердито. Деревья безсильно качались и трепетали. Послѣдніе листья, уцѣлѣвшіе кой-гдѣ на вѣтвяхъ, срывались бѣшенымъ вихремъ и, какъ стая дикихъ птицъ, уносились вдаль. Маленькія птички, проголодавшіяся, продрогшія, жалобно пищали и искали убѣжища подъ крышами домовъ. Стужа и мракъ усиливались; все пряталось и замирало. Въ воздухѣ слышался послѣдній вздохъ умиравшей природы.

По случаю наступленія холоднаго времени, звѣрей перевели въ зимнія помѣщенія. Слона засадили въ темный, глухой уголъ, въ которомъ онъ не могъ поворотиться.

Милордъ лежалъ въ своемъ новомъ логовищѣ и тяжело дышалъ.

Вошелъ сторожъ и увидѣлъ, что кормъ, положенный слону еще съ вечера, остался нетронутымъ. Онъ подалъ Милорду корку хлѣба, но тотъ не взялъ ее; придвинулъ ушатъ съ водой, но слонъ не захотѣлъ пить.

«Должно-быть, слонъ захворалъ крѣпко», —подумалъ сторожъ и пошелъ доложить о томъ управляющему.

— Карла Карлычъ,—сказалъ онъ: — слонъ околѣваетъ. Не ѣстъ, не пьетъ, пищи даже изъ рукъ не принимаетъ. Только и ѣлъ, что изъ рукъ Степана, а отъ меня не желаетъ.

— А гдѣ же Степанъ?

— Не могу знать. Уже который день его нѣтъ.

— Экій негодяй! Надо его разыскать.

— Слушаю-съ.

Степана нашли въ какой-то портерной, пившимъ съ пріятелями пиво и громко распѣвавшимъ пѣсни. Когда ему сказали, что его требуетъ управляющій, онъ громко выругался; однако всталъ и, слегка покачиваясь, пошелъ.

Управляющій строго взглянулъ на пьяное лицо Степана, но не сдѣлалъ никакого замѣчанія по поводу его нерадѣ-

нія и послалъ его присмотрѣть за слономъ.

Степанъ вошелъ въ конуру слона, едва держась на ногахъ, угрюмый, озлобленный. Его лицо было красно, глаза выпучились. Потъ крупными каплями струился по лицу Степана, и онъ вытиралъ его грязнымъ платкомъ.

Слонъ инстинктивно почувствовалъ приближеніе Степана, вздрогнулъ и радостно повернулъ къ нему голову; потускнѣвшіе глаза его оживились. Нетерпѣніе и ожиданіе возврата своего былого покровителя и друга терзало и мучило слона.

— Ну, что, чего развалился, чурбанъ?—грубо замѣтилъ Степанъ.—Околѣваешь? Ну, околѣвай; ничего. Пора!

Степанъ присѣлъ на валявшійся у стѣнки обрубокъ и сталъ насвистывать мотивъ какой-то цыганской пѣсни.

— Эхъ, пива бы стаканчикъ!—промолвилъ онъ и опустилъ голову.

Его стало клонить ко сну.

Въ это время слегка скрипнула дверь, и изъ-за нея послышался тихій вкрадчивый голосъ трактирнаго собутыльника Степана, Ермолая:

— Степанъ Иванычъ, ты здѣсь?

— Здѣсь,—лѣниво отвѣтилъ Степанъ.

— Ахти! мы тебя ждемъ-ждемъ, а ты вотъ гдѣ! Сидишь. Иди, голубчикъ, поскорѣе. Пиво совсѣмъ прокисло.

Степанъ поднялъ голову; глаза его оживились.

— Ладно, приду послѣ, теперь недосугъ,—отвѣтилъ онъ.

— Выдумалъ тоже недосугъ! Какой недосугъ? Что ты дѣлаешь?

Степанъ нахмурилъ брови. Мысль, что пріятели наслаждаются въ портерной, а онъ, какъ батракъ, вынужденъ сидѣть подлѣ слона, расшевелила и обозлила его.

— Иди, Степа,—повторилъ пріятель.

— Говорю: приду, чего же тебѣ еще?—сердито отвѣтилъ Степанъ.

— Должно-быть, управляющаго боишься!—замѣтилъ пріятель.

Это послѣднее замѣчаніе уязвило Степана и окончательно вывело его изъ себя.

— Кого? Управляющаго?—злобно вскричалъ онъ, вскочивъ съ мѣста и сжавъ кулаки.—Эва, что̀ выдумалъ! Боюсь управляющаго! Да что̀ мнѣ управляющій? Не видалъ я его двадцати рублевъ, что ли? Эко жалованье, подумаешь! Наплевать. Я нынче, слава Богу, не какой-нибудь замухрыга, я самъ себѣ управляющій, самъ голова. У меня капиталъ есть. Боюсь! Вотъ выдумалъ! Муракъ. Нѣтъ, вонъ отсюда! Шабашъ! Довольно мнѣ сидѣть тутъ, подлѣ этого толсторылаго хобота! Довольно! Не желаю, не хочу! Я не арестантъ, я баринъ!

Степанъ расходился. Пиво ударило ему въ голову. Искаженное гнѣвомъ лицо налилось кровью, губы судорожно подергивались. Онъ кричалъ съ дикой наглостью торгаша, котораго обокрали. Онъ чувствовалъ, какъ въ немъ вскипало бѣшенство, пробуждалось жгучее желаніе отдѣлаться отъ слона. Вѣдь во всемъ виноватъ только онъ одинъ! Изъ-за него ему, Степану, пришлось пріѣхать изъ деревни, маяться, терять время и унижаться предъ какимъ-то нѣмцемъ.

Степанъ ударилъ по перегородкѣ и хотѣлъ выйти. Но Милордъ, точно чувствуя, что Степанъ покидаетъ его навсегда, ласково протянулъ слизкій хоботъ, какъ будто пытался удержать его, но при этомъ случайно запачкалъ слюной его новую плисовую жилетку.

Это обстоятельство окончательно взорвало Степана.

— Ахъ ты, скотъ!—вскричалъ онъ съ бѣшенствомъ. — Испачкалъ мою новую жилетку! Такъ вотъ же тебѣ!

Онъ схватилъ стоявшую у стѣны лопату, служившую для сгребанія навоза, и со всего размаха ударилъ ею Милорда по головѣ.

Ударъ попалъ въ глазъ. Кровь брызнула изъ пораненнаго мѣста, глазное яблоко выскочило изъ орбиты и повисло на кускѣ содранной кожи. Темная лужа крови окрасила подстилку. Но Милордъ не пошевельнулся. Онъ принялъ ударъ смиренно, съ легкимъ стономъ, какъ будто заслуженную кару. Степанъ рванулъ задвижку у рѣшетки, опрокинулъ ушатъ съ водой, ткнулъ noскомъ сапога дверь такъ, что она сорвалась съ петель, и вышелъ разсвирѣпѣвшій, съ искаженнымъ лицомъ, питая въ душѣ наглое самодовольство разбойника, котораго не могутъ остановить.

Слонъ повернулъ голову и кротко глядѣлъ вслѣдъ своему удалявшемуся другу единственнымъ уцѣлѣвшимъ глазомъ. Когда Степанъ ушелъ, Милордъ простоналъ, печально склонилъ голову, свалился съ ногъ и застылъ въ нѣмомъ изнеможеніи.

На слѣдующее утро нашли слона едва дышавшимъ. Онъ истекалъ кровью. Вырванный глазъ валялся тутъ же, въ грязи, съ кусками запекшагося мяса. Слонъ лежалъ неподвижно, устремивъ потухавшій глазъ на маленькаго ослика, который стоялъ въ сосѣднемъ углу, на привязи, за рѣшеткой, раздѣляя со слономъ тягость неволи и состарѣвшись вмѣстѣ съ нимъ въ глухой тюрьмѣ.

Къ вечеру слонъ умеръ.

Такъ окончилъ свое печальное существованіе нѣмой страдалецъ, не сдѣлавшій никому зла, проявившій столько дружелюбія и трогательной привязанности къ человѣку, послужившій для него источникомъ обогащенія и павшій жертвою его неблагодарности.

---

* * *

Я далеко... Но вѣрь, что не слабѣе
Люблю родную глушь, нашъ мирный уголокъ,
На берегу рѣки тѣнистую аллею
И въ глубинѣ лѣсной знакомый ручеекъ...
Тамъ дорого мнѣ все; тамъ на душѣ вольнѣе...
Тамъ... только тамъ... и я не сиръ, не одинокъ!...

* * *

Я далеко... Но вѣрь, что ни разлуки бремя,
Ни цѣлый день труда, житейскихъ мелочей,
Ни шумно вечеромъ пережитое время
Тебя не удалятъ изъ памяти моей...
Ты... ты одна царишь въ моей душѣ надъ всѣми,
Твой образъ выше всѣхъ, прекраснѣй и милѣй...

* * *

Я далеко... Но вѣрь, что мысль моя съ тобою;
Душа моя къ тебѣ и рвется, и летитъ;
Она тобой полна, живетъ тобой одною
И образъ твой всегда лелѣетъ и хранитъ.
Тамъ, тамъ... въ родной глуши, любовь взошла зарею...
Тамъ... только тамъ... и мой лучъ счастія блеститъ.

В. Филатовъ.

Говорящая фотографія и холодный свѣтъ.

Очеркъ **Е. Лядова.**

(Съ 2 рисунками.)

I.

Новый вѣкъ продолжаетъ быть достойнымъ преемникомъ своего предшественника, за которымъ вполнѣ заслуженно упрочилось названіе вѣка электричества. За усовершенствованіемъ безпроволочнаго телеграфа Попова-Маркони послѣдовало открытіе безпроволочнаго телефона, и вотъ на-дняхъ, можно сказать, электротехника подарила насъ четырьмя новыми открытіями. Этимъ послѣднимъ мы и посвятимъ настоящій очеркъ. Но прежде, чѣмъ приступить къ изложенію сущности новыхъ открытій, мы считаемъ необходимымъ предпослать нѣсколько общихъ замѣчаній, чтобы подготовить читателя къ ясному пониманію всего того, что намъ предстоитъ излагать.

Что такое міръ въ своей сокровенной, подлинной сущности?

Этого мы никогда не узнаемъ. Такъ утверждаетъ школа трансцедентальныхъ философовъ. Они совершенно вѣрно указываютъ на то, что для познанія міра намъ данъ разумъ, и поэтому мы всѣ предметы, всѣ явленія природы знаемъ таковыми, каковыми они отражаются въ нашемъ разумѣ. Но каковы они на самомъ дѣлѣ или, какъ выражаются философы, въ себѣ самихъ, не дано намъ знать. Это тайна Всевѣдущаго. Мы знаемъ лишь отраженіе міра въ нашемъ умѣ, но не знаемъ, и не будемъ знать, самаго міра.

Спрашивается: въ какомъ же субъективномъ видѣ постигается нашимъ умомъ сокровенная сущность міра?

Отвѣтъ простой: въ видѣ матеріи и энергіи, или, выражаясь проще, въ видѣ веществъ и движеній. Скажемъ еще проще: міръ въ своей элементарной сущности мыслится нами, какъ рой движущихся веществъ. Каждое тѣло разсматривается современной наукой, какъ обособленная группа невообразимо мелкихъ частичекъ (молекулъ), находящихся въ безпрерывномъ движеніи другъ около друга. Движеніе это имѣетъ характеръ колебательный, дрожательный. Въ твердыхъ тѣлахъ движенія молекулъ (частичекъ) вялы, ограничены; въ жидкихъ тѣлахъ молекулы подвижнѣе, а въ газообразныхъ еще подвижнѣе. Наибольшей подвижностью отличаются молекулы эѳира, т. е. того невидимаго и неосязаемаго нами вещества, которое составляетъ основу вселенной. Въ эту основу всѣ предметы природы какъ бы вкраплены и въ ней они вѣчно движутся. Въ общежитіи различаютъ два состоянія тѣлъ: движеніе и покой. Въ природѣ нѣтъ покоя. То, что мы называемъ движеніемъ, есть поступательное движеніе цѣлаго предмета. То, что мы называемъ покоемъ, есть молекулярное, колебательное, дрожательное движеніе мельчайшихъ элементовъ, изъ которыхъ предметы составлены. Мы не видимъ молекульныхъ движеній, но они несомнѣнно существуютъ.

Итакъ, міръ есть гармоничное сочетаніе разнообразныхъ движеній разнородныхъ вещественныхъ частицъ—молекулъ. Мы воспринимаемъ эти движенія подъ различными формами, въ зависимости отъ того, черезъ посредство какого

органа воспріятія они доходятъ до нашего ума. Тѣ движенія эѳира, которыя воспринимаются нашимъ глазомъ—такъ какъ онъ настроенъ подъ ихъ тонъ,—мы называемъ свѣтомъ, а тѣ движенія эѳира, которыя мы воспринимаемъ при посредствѣ уха, мы называемъ звуковыми; тѣ движенія, которыя мы воспринимаемъ всѣми нашими нервами, мы называемъ электричествсмъ и т. д.

Краткій выводъ изъ изложенныхъ разсужденій тотъ, что въ природѣ нѣтъ ни свѣта, ни звука, ни электричества, а есть только различнаго рода движенія, которыя мы условно называемъ свѣтомъ, звукомъ, электричествомъ, и т. д.

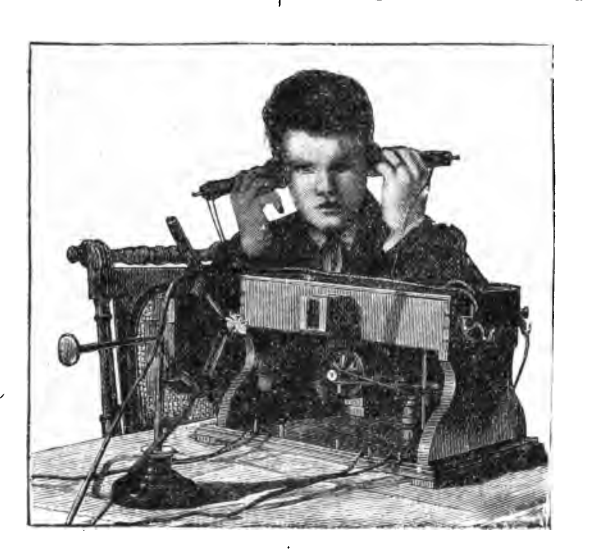

Рис. 1. Изобрѣтатель говорящей „фотографіи" передъ своимъ „фотографофономъ".

На этой непреложной философской истинѣ зиждется все зданіе прикладной физики. Всѣ новѣйшія приложенія физическихъ явленій къ потребностямъ практической жизни сводятся къ тому, что открываются способы превращенія одной энергіи въ другую, точнѣе, одного вида движенія въ другой.

Къ этому сводятся и тѣ открытія, о которыхъ мы поведемъ сейчасъ рѣчь. Они сводятся, именно, къ тому, что найденъ способъ, позволяющій превращать движеніе свѣтовыхъ волнъ въ движеніе звуковыхъ, и обратно. Другими словами, найденъ способъ настраивать волны, идущія къ нашему глазу, на такой ладъ, чтобы онѣ могли быть воспринимаемы нашимъ ухомъ, и обратно. Превращеніе это достигнуто при помощи электричества.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній, читателю, думаемъ, будетъ нетрудно разобраться въ подробностяхъ, къ изложенію которыхъ мы и переходимъ.

II.

Говорящая фотографія.

Изобрѣтателемъ «говорящей фотографіи» является молодой берлинскій физикъ Эрнестъ Румеръ, изображенный на нашемъ рисункѣ сидящимъ передъ своимъ аппаратомъ и слушающимъ сфотографированную имъ рѣчь. На лицѣ у него написано сосредоточенное вниманіе изобрѣтателя. Въ рукахъ онъ держитъ телефонныя трубки, приставленныя къ ушамъ и соединенныя посредствомъ проволокъ съ аппаратомъ—фотографофономъ. Аппаратъ этотъ представляетъ собою столикъ, въ ящикѣ котораго помѣщается лента, намотанная на два валика. Валики приводятся въ движеніе колесомъ, приводимымъ, въ свою очередь, въ движеніе электромагнитами. И электромагниты (два), и колесо (подъ столомъ справа), и валикъ съ лентой (по серединѣ столика) видны на рисункѣ отчетливо. Отчетливо вырисовывается также съ лѣвой стороны (подъ правой рукой изобрѣтателя) дуговая лампа, т. е. штативъ, и два угля, поставленные подъ угломъ и соединенные

проволоками съ электрической машиной, не изображенной на рисункѣ. Между углями свѣтится пламя, озаряющее вертикально стоящіе валики.

На рис. 2 изображенъ видъ отрѣзка ленты, намотанной на валики. Два ряда черныхъ квадратиковъ—это отверстія, въ которыя входятъ боковые зубцы валиковъ. Вся лента испещрена поперечными полосами, болѣе свѣтлыми и болѣе темными. Такой, именно, видъ имѣетъ такъ-называемая говорящая фотографія или, выражаясь правильнѣе, звуковая фотографія. Вся суть въ лентѣ. Она увѣковѣчиваетъ рѣчь, пѣніе, вообще всякія звуковыя явленія.

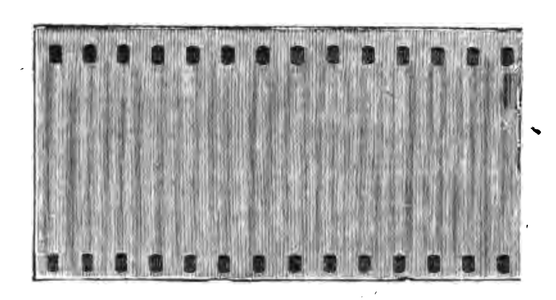

Рис. 2. Отрѣзокъ ленты „фотографофона".

Поясннмъ теперь, какъ получается означенная фотографія и какимъ образомъ она воспроизводитъ звуковыя явленія.

Что такое вольтова дуга—знаетъ всякій. Это электрическое пламя, образующееся между концами двухъ углей, соединенныхъ проводниками съ электрической машиной. Чѣмъ сильнѣе токъ, проводимый черезъ угли, тѣмъ больше пламя; чѣмъ слабѣе токъ, тѣмъ меньше пламя. Ясно, что если токъ, подъ вліяніемъ того или другого воздѣйствія, поперемѣнно то усиливается, то ослабляется, то и пламя будетъ то увеличиваться, то уменьшаться. Далѣе, если усиленіе и ослабленіе тока чередуются быстро другъ за другомъ, то соотвѣтственно этому будутъ быстро чередоваться другъ за другомъ увеличеніе и уменьшеніе пламени. Пламя начнетъ мигать. Мигая, пламя естественнымъ образомъ приводитъ въ колебаніе окружающій воздухъ и начинаетъ жужжать. Такимъ образомъ, свѣтъ рождаетъ звукъ; свѣтовыя волны превращаются въ звуковыя. Вотъ почему вы часто слышите, какъ электрическая дуговая лампа начинаетъ издавать звуки. Это свидѣтельствуетъ о томъ, что электрическая машина стала работать неправильно, неравномѣрно, или же въ проводникахъ случилось что-то особенное, измѣняющее ихъ способность равномѣрно пропускать текущее по нимъ электричество. Вы можете легко нарушить сами эту способность проводниковъ, если вы соедините ихъ съ телефонной трубкой и станете въ нее говорить. И если кто-нибудь стоитъ близко къ пламени лампы, то онъ будетъ отчетливо слышать то, что вы говорите въ трубку. Почему это такъ — понятно. Когда вы говорите въ телефонную трубку, соединенную съ проводниками лампы, то вы въ совершенно опредѣленномъ соотношеніи мѣняете ихъ электропроводимость. Соотвѣтственно этому соотношенію начинаетъ, понятно, мигать пламя, которое, въ свою очередь, въ этомъ же соотношеніи колеблетъ воздухъ. Воздушныя колебанія вашихъ звуковъ воспроизводятся, такимъ образомъ, съ математической точностью мигающимъ пламенемъ. Пламя безстрастнымъ эхо повторяетъ ваши слова.

Все сейчасъ изложенное было намъ извѣстно и до Румера. Но мы сочли нужнымъ все это сказать, для того, чтобы читатель могъ понять, въ чемъ заключается заслуга этого молодого физика.

Заслуга его въ томъ, что онъ возымѣлъ счастливую мысль фотографировать говорящее пламя вольтовой дуги. Фотографируетъ онъ послѣднее при помощи синематографическаго прибора. Представьте тебѣ темный ящикъ. Въ задней части

этого ящика горизонтально другъ надъ другомъ расположены два валика. На верхній валикъ намотана свѣточувствительная фотографическая лента, наружный конецъ которой спускается къ нижнему валику, къ которому онъ и прикрѣпленъ. Если теперь будете вертѣть нижній валикъ, то онъ, понятно, будетъ на себя сматывать ленту съ верхняго валика. Это все происходитъ, какъ мы сказали, у задней стѣнки ящика. Въ передней стѣнкѣ этого синематографическаго аппарата находится выпуклое стекло, концентрирующее пламя дуговой лампы и отбрасывающее его изображеніе на вращающуюся ленту. Ясно, что на лентѣ отразятся всѣ колебанія мигающаго свѣта. Такъ какъ выпуклое стекло пропускаетъ свѣтъ черезъ поперечную щель, то колебанія пламени и будутъ отражаться на лентѣ въ видѣ поперечныхъ полосъ. Каждое усиленіе пламени дастъ болѣе темную полосу, а каждое ослабленіе болѣе свѣтлую полосу. Это будетъ такъ-называемый негативъ. На самой фотографіи будетъ обратное отношеніе. Каждому усиленію свѣта будетъ соотвѣтствовать свѣтлая полоса, каждому потемнѣнію—темная.

Итакъ, звукъ превращенъ въ свѣтъ, и свѣтъ этотъ запечатлѣнъ на синематографической лентѣ. Фотографія вашей рѣчи готова. Но она нѣма. Надо заставить ее говорить. Для этой цѣли и служитъ фотографофонъ, изображенный на нашемъ рис. 1.

Понятно, что теперь мы должны идти въ обратномъ порядкѣ. Полосатая лента должна воспроизвести свѣтовыя колебанія, а эти свѣтовыя колебанія должны вызвать соотвѣтствующія имъ звуковыя колебанія въ слуховой трубкѣ телефона. Такъ дѣло и происходитъ. Обратимся къ нашему рисунку. Свѣтъ дуговой лампы, который въ данномъ случаѣ долженъ обязательно быть ровный, правильный, падаетъ на ленту, перематывающуюся съ одного валика на другой. Если вы посмотрите на ленту съ другой, задней стороны, обращенной въ ящикъ столика, то вы убѣдитесь, что свѣтъ, падающій на ленту ровнымъ снопомъ, по выходѣ изъ нея, начинаетъ мигать, копируя точь въ точь миганіе свѣта, запечатлѣннаго на лентѣ. Мигающій свѣтъ играетъ на поверхности селеновой пластинки, помѣщенной въ ящикѣ какъ разъ напротивъ ленты. Селенъ не металлъ, но металлоидъ, т. е. вещество, похожее на металлъ, какъ сѣра. Онъ обладаетъ драгоцѣннымъ для насъ свойствомъ мѣнять свою электропроводность подъ вліяніемъ свѣта. Игра свѣта на селеновой пластинкѣ вызываетъ въ ней соотвѣтствующую игру электропроводности. А такъ какъ эта селеновая пластинка введена въ цѣпь телефона, то въ послѣднемъ происходятъ отъ игры свѣта соотвѣтственныя звуковыя колебанія. Ваша рѣчь воспроизводится въ точности. Раньше вы говорили въ трубку, и свѣтъ вамъ вторилъ миганіемъ. Теперь происходитъ какъ разъ обратное: свѣтъ мигаетъ, и трубка вторитъ звуками вашей рѣчи. Вотъ и все.

Граммофону грозитъ серьезная опасность. Онъ будетъ вытѣсненъ говорящей фотографіей. Главное преимущество послѣдней передъ первымъ состоитъ въ томъ, что она болѣе долговѣчна и можетъ быть воспроизведена въ безчисленномъ количествѣ копій. Въ граммофонѣ звуки запечатлѣны на катушкѣ, приходящей со временемъ въ негодность и не допускающей копированія.

III.

Свѣтовой безпроволочный телефонъ.

Свѣтовой безпроволочный телефонъ изобрѣтенъ почти одновременно съ говорящей фотографіей и основанъ на томъ же принципѣ, что и послѣдняя. Здѣсь, точно такъ же, какъ и тамъ, на передающей станціи звукъ превращается въ свѣтъ, а на воспринимающей станціи свѣтъ обратно превращается въ звукъ. На передающей станціи говорятъ въ микрофонъ, соединенный съ проводами, идущими къ воль-

товой дугѣ. Пламя послѣдней, передающее рѣчь соотвѣтственнымъ миганіемъ, посылаетъ играть лучи свѣта въ стоящее тутъ же зеркало. Зеркало отражаетъ эти лучи на воспринимающую станцію, гдѣ они задерживаются параболическимъ (особымъ образомъ вогнутымъ) зеркаломъ, который концентрируетъ и отражаетъ ихъ на селеновую пластинку, соединенную съ слуховой трубкой. Свѣтъ вольтовой дуги передающей станціи играетъ, такимъ образомъ, на селеновой пластинкѣ воспринимающей станціи и вызываетъ въ слуховой трубкѣ тѣ же звуки, которые вызываютъ его миганіе изъ разговорной трубки.

Свѣтовой безпроволочный телефонъ пріобрѣтетъ себѣ, безъ сомнѣнія, широкое примѣненіе на морѣ. Корабли будутъ отнынѣ сообщаться другъ съ другомъ не только съ помощью безпроволочнаго телеграфа, но также съ помощью безпроволочнаго телефона. Безпроволочный телефонъ Дюкретэ (см. «Нива» № 5) примѣнимъ только на сушѣ, но не на морѣ. Свѣтовой телефонъ является, такимъ образомъ, прекраснымъ дополненіемъ къ телефону Дюкретэ.

IV.

Холодный свѣтъ.

Для того, чтобы говорящая фотографія и свѣтовой безпроволочный телефонъ дѣйствовали исправно, необходимо, по понятнымъ причинамъ, чтобы вольтова дуга доставляла тихій и ровный свѣтъ. Если вольтова дуга будетъ жужжать сама по себѣ, то это будетъ, конечно, только путать передаваемые звуки. Каждая дуговая лампа снабжена регуляторомъ, обезпечивающимъ ей равномѣрное горѣніе. Но цѣль достигается не вполнѣ. Дѣло въ томъ, что въ пламени дуги развивается чрезвычайно высокая температура (около 3.000 градусовъ), обусловливающая неправильное сгораніе углей.

Счастливая мысль пришла въ голову копенгагенскому врачу Бангу. Онъ придумалъ употреблять угли не сплошные, а полые, и пропускаетъ черезъ нихъ струю холодной воды. Холодная вода поглощаетъ все тепло, и свѣтъ льется холодный, а, главное, ровный и тихій, такъ какъ угли сгораютъ равномѣрно.

Этимъ, однако, не исчерпывается значеніе новаго типа дуговой лампы. На холодный свѣтъ существуетъ большой спросъ. Начать съ того, что это самый гигіеничный свѣтъ. Дуговыя лампы мы употребляемъ только для освѣщенія улицъ. Дома мы освѣщаемъ лампочками накаливанія, которыя даютъ меньше свѣта, чѣмъ дуговыя лампы, но зато не нагрѣваютъ такъ сильно воздухъ, какъ послѣднія. Новый типъ дуговой лампы свободенъ отъ этого недостатка.

Въ медицинѣ начинаетъ получать широкое распространеніе лѣченіе свѣтомъ. Чѣмъ свѣтъ сильнѣе и чѣмъ меньше въ немъ тепловыхъ лучей, тѣмъ лучше результаты. Слѣдовательно, и медицина извлечетъ немалую выгоду изъ открытія Банга.

Собственно говоря, Бангъ придумалъ свои угли, именно, для цѣлей медицины.

Идеи, можно сказать, висятъ въ воздухѣ, откуда онѣ одновременно могутъ быть извлекаемы разными лицами, которыхъ природа одарила извѣстной чуткостью. Исторія знаетъ очень много примѣровъ, подтверждающихъ данное положеніе. Въ частности это оправдалось въ отношеніи идеи воспользоваться для лѣчебныхъ цѣлей чистымъ свѣтомъ. Недавно д-ръ Фово де-Курмель и Трувэ представили французскому физическому обществу докладъ о крупныхъ выгодахъ, которыя представляетъ пользованіе нѣкоторыхъ болѣзней чистымъ свѣтомъ, освобожденнымъ совершенно отъ тепловыхъ лучей. Только они пошли еще дальше д-ра Банга. Они выдѣляютъ изъ состава свѣтовыхъ лучей одни лишь ультрафіолетовые. Благодаря этому, они достигли изумительныхъ результатовъ при лѣченіи волчанки, кожнаго рака, туберкулёза и т. п. Докладъ

сопровождался демонстраціей соотвѣтственныхъ приборовъ. Механизмъ послѣднихъ характеризуется тѣмъ, что онъ расчленяетъ электрическій свѣтъ вольтовой дуги или лампочки накаливанія на его составныя части. Достигается это при помощи цвѣтныхъ стеколъ и холодной воды. Тепловые лучи пропускаются черезъ красное стекло, свѣтовые черезъ желтое стекло, а химическіе черезъ маленькія кварцевыя пластинки. Для устраненія тепловыхъ лучей, кварцъ промывается непрерывнымъ потокомъ холодной, чистой, прозрачной воды. Примѣненіе холодной воды сближаетъ способъ названныхъ здѣсь ученыхъ со способомъ Банга. Но наиболѣе блистательныхъ результатовъ въ отношеніи изолированія свѣтовыхъ лучей добился проф. Лебедевъ, благодаря чему ему удалось опредѣлить силу давленія свѣтовыхъ лучей.

V.

Давленіе свѣта.

Вернемся къ тому, съ чего мы начали. Мы начали съ того, что все безконечно великое мірозданіе мыслится нами въ своей истинной сущности, въ своей элементарной простотѣ ничѣмъ инымъ, какъ сложной, но стройной и строго выдержанной системой движущихся частичекъ. Все безконечно великое пространство вселенной наполнено эѳиромъ, т. е. невидимой и неосязаемой матеріей, составленной изъ призрачно малыхъ, близкихъ къ нулю частичекъ. Пока эти частички находятся въ колебательномъ, дрожательномъ движеніи другъ около друга, эѳиръ не доходитъ до нашего сознанія; но какъ только въ нихъ зарождается движеніе поступательное, мы начинаемъ ощущать то, что называемъ силами природы, начинаемъ чувствовать тепло, свѣтъ, электричество. Эѳиръ движется впередъ волнообразно, подобно водѣ рѣки, въ которую брошенъ камень. Въ зависимости отъ того, какую длину имѣетъ движущаяся впередъ волна эѳира и съ какой скоростью одна волна эѳира смѣняется другой, мы ощущаемъ то одну, то другую силу природы.

Въ эѳирѣ, какъ въ основной средѣ, взвѣшены всѣ тѣла природы.

Спрашивается: если электричество, свѣтъ, какъ и другія силы природы, представляютъ въ своей физической сущности не что иное, какъ поступательное, волнообразное движеніе призрачно малыхъ частичекъ эѳира, то почему мы не ощущаемъ соотвѣтственныхъ толчковъ?

Объясняется это очень просто: во-первыхъ, невообразимой легковѣсностью частичекъ эѳира, и, во-вторыхъ, необычайно быстрой смѣной толчковъ. Насколько легковѣсны частички эѳира, показываютъ астрономическія вычисленія лорда Кельвина. Согласно этимъ вычисленіямъ, нужно было бы собрать тысячу милліардовъ (1.000.000.000.000) кубическихъ метровъ эѳира, чтобы получился вѣсъ въ одну тысячную часть грамма, другими словами, вѣсъ одной шестидесятой капли дистиллированной воды. А какой высокой степени можетъ достигнуть быстрота смѣны эѳирныхъ волнъ, доказываютъ вычисленія, относящіяся до такъ-называемыхъ герцевскихъ волнъ,—электромагнитныхъ волнъ, лежащихъ въ основѣ безпроволочнаго телеграфа. Вычислено, что отъ этихъ волнъ мы получаемъ сто милліоновъ ударовъ въ секунду. Ужъ одна эта быстрота должна была притупить нашу чувствительность, не говоря о ничтожной силѣ ударовъ.

Но разъ движенія эѳира нами не воспринимаются, какъ таковыя, то можно было бы, пожалуй, усомниться въ ихъ реальномъ существованіи. И дѣйствительно, когда знаменитый англійскій физикъ Максвелль высказалъ свою смѣлую гипотезу электромагнитной теоріи свѣта, то она была принята весьма холодно. Дѣло въ томъ, что онъ не могъ доказать движенія эѳира. Если бы ему удалось при помощи свѣтовыхъ лучей привести въ движеніе хотя бы тоненькую металлическую пластинку, то теорія была бы

признана обоснованной реальными фактами. На самомъ же дѣлѣ, вся теорія Максвелля о волнообразныхъ движеніяхъ эѳира была основана лишь на чисто-умозрительныхъ, хотя и въ высшей степени остроумныхъ построеніяхъ. Правда, вскорѣ былъ придуманъ приборъ, долженствовавшій наглядно доказать поступательное движеніе эѳира, выражаемое свѣтовыми лучами. Мы имѣемъ здѣсь въ виду такъ-называемый радіометръ, придуманный сэромъ Вильямомъ Круксомъ. Это стеклянный баллонъ, изъ котораго выкачанъ воздухъ для того, чтобы онъ не оказывалъ сопротивленія вращенію помѣщенныхъ въ баллонѣ слюдяныхъ пластинокъ. Эти пластинки (двѣ пары крыльевъ) прикрѣплены на вертикальной оси въ вертикальномъ положеніи. Одна сторона каждой пластинки отполирована, а другая покрыта копотью. Полированная поверхность отражаетъ свѣтовые лучи, а закопченная поверхность поглощаетъ ихъ. Если выставить этотъ приборъ на солнце, то слюдяныя пластинки моментально начинаютъ вращаться вокругъ оси въ одну сторону, и именно въ ту сторону, куда обращены чистыя поверхности пластинокъ. И вотъ, думали, что вращеніе пластинокъ радіометра доказываетъ вѣрность гипотезы Максвелля. Но самое простое соображеніе заставило снять со свѣтовыхъ лучей отвѣтственность за явленіе, представляемое радіометромъ. И въ самомъ дѣлѣ, если бы вращеніе слюдяныхъ пластинокъ совершалось подъ вліяніемъ свѣтовыхъ лучей, то направленіе должно было бы быть прямо противоположное. Полированная поверхность испытываетъ отъ свѣтовыхъ лучей болѣе сильное давленіе, чѣмъ поверхность закопченная, и, слѣдовательно, крылья слюдяныхъ пластинокъ должны были бы вертѣться отъ свѣта къ темнотѣ. Оказалось впослѣдствіи, что отвѣтственность падаетъ въ данномъ случаѣ на тепловые лучи. Черныя поверхности нагрѣваются сильнѣе поверхностей полированныхъ и поэтому расширяются больше послѣднихъ. Оттого-то и происходитъ вращеніе со стороны первыхъ въ сторону послѣднихъ. Всякое самомалѣйшее нарушеніе тепла дастъ толчокъ вращательному движенію слюдяныхъ крыльевъ радіометра. Для этого, напримѣръ, достаточно положить руку на радіометръ или охладить съ одной стороны баллонъ. Тепловое равновѣсіе нарушается, и такъ (неправильно, конечно) называемая свѣтовая мельница начинаетъ работать. Болѣе точное ея названіе: тепловая мельница.

Такимъ образомъ, теорія Максвелля осталась теоріей, весьма правдоподобной, но, все-таки, не обоснованной наглядными фактами. Все затрудненіе заключалось въ томъ, что наука не располагала способомъ, который позволялъ бы выдѣлять свѣтовые лучи въ идеально чистомъ видѣ, освобождать свѣтовые лучи отъ всякихъ слѣдовъ всюду ихъ сопровождающихъ тепловыхъ лучей. И только на-дняхъ этотъ способъ найденъ. Высокая заслуга открытія этого способа выпала на долю нашего московскаго профессора Лебедева. Десять лѣтъ онъ работалъ надъ нимъ, и работалъ бы, навѣрное, еще больше, если бы трудъ его не увѣнчался, наконецъ, полнымъ успѣхомъ. Весь ученый міръ радостно привѣтствовалъ открытіе нашего физика, которое сдѣлало для насъ нагляднымъ то, что было скрыто въ самыхъ загадочныхъ тайникахъ природы. Открытіе Лебедева являетъ собою истинное торжество человѣческаго генія и человѣческаго труда. Умозрительное заключеніе знаменитаго Максвелля подтверждено физико-техническимъ построеніемъ отнынѣ столь же знаменитаго Лебедева.

Мы не будемъ подробно распространяться о техническихъ подробностяхъ, относящихся до открытія Лебедева. Это завело бы насъ слишкомъ далеко. Ограничимся общей характеристикой, достаточно объясняющей существо дѣла. Приборъ Лебедева состоитъ изъ толстостѣннаго стекляннаго баллона. Воздухъ выка-

чанъ изъ баллона. Въ безвоздушномъ пространствѣ послѣдняго на стеклянной нити подвѣшенъ очень тонкій листокъ аллюминія. Въ физической комнатѣ, на извѣстномъ отдаленіи отъ описаннаго прибора, помѣщается электрическая дуга. Вся обстановка опыта направлена къ тому, чтобы снопъ свѣта, исходящій изъ электрической дуги, утратилъ всю рѣшительно теплоту, прежде чѣмъ попасть на вертикально висящую въ приборѣ аллюминіевую пластинку. Стоитъ пустить такой холодный пучокъ свѣта, и пластинка тотчасъ приходитъ въ движеніе отъ его напора, давленія, точнѣе—неуловимо быстрыхъ ударовъ.

Такимъ образомъ, явленіе свѣтового луча наглядно доказано, и электромагнитная теорія свѣта блестяще подтверждена.

Практическій опытъ профессора Лебедева совпалъ съ теоретическимъ заключеніемъ Максвелля не только въ основномъ взглядѣ на сущность свѣта, какъ на волнообразное движеніе эѳира. Совпаденіе пошло гораздо дальше. Дѣло въ томъ, что Максвелль теоретически вывелъ формулу, опредѣляющую силу напора свѣтовыхъ лучей. Эта формула гласитъ, что ясный солнечный свѣтъ оказываетъ на полированную поверхность силу давленія, равную 0,8 миллиграмма на каждый квадратный метръ. Если поверхность окрашена въ черный цвѣтъ, то сила свѣтового давленія уменьшается наполовину. Опыты профессора Лебедева показали, что формула Максвелля почти вѣрна. Ошибка этой формулы не превышаетъ 10-ти процентовъ.

Профессоръ Лебедевъ, далѣе, вычислилъ, что сила, съ которой давитъ свѣтъ на поверхности тѣлъ, находится въ прямомъ пропорціональномъ отношеніи къ энергіи его (т. е. свѣта). Это оправдывается въ отношеніи всѣхъ цвѣтовъ спектра, отъ краснаго до фіолетоваго.

Пользуясь этими законами, опредѣляющими давленіе свѣтовыхъ лучей, легко было, конечно, вычислить, съ какою силою солнечный свѣтъ давитъ на поверхность земли. Оказывается, что сила эта достигаетъ 19.100.000 пудовъ. Сила не малозначительная.

Такимъ образомъ, ясно, что положеніе темныхъ планетъ, въ отношеніи солнца является результатомъ совокупнаго дѣйствія двухъ силъ діаметрально противоположнаго направленія. Съ одной стороны, планета притягивается къ солнцу въ силу незыблемаго закона небеснаго тяготѣнія, а, съ другой стороны, она отталкивается отъ солнца силой давленія его свѣтовыхъ лучей.

Если теперь принять въ соображеніе, что сила притяженія небесныхъ тѣлъ къ солнцу зависитъ отъ ихъ массы, а сила свѣтового давленія зависитъ отъ ихъ поверхностей, то легко себѣ представить въ міровомъ пространствѣ такое тѣло, которое при незначительной массѣ имѣетъ обширную поверхность. При этихъ условіяхъ, разумѣется, можетъ случиться, что давленіе свѣта окажется больше силы притяженія. Данныя условія мыслимы безъ всякой натяжки въ отношеніи такъ-называемыхъ туманностей. При незначительной, сравнительно, массѣ, возможна у нихъ весьма значительная поверхность. Быть-можетъ, этимъ и объясняются появленія кометъ съ туманными хвостами, какъ бы убѣгающими отъ солнца. Туманные хвосты отталкиваются, очевидно, напоромъ солнечныхъ лучей.

Какъ бы то ни было, механическая энергія свѣтовыхъ лучей составляетъ крупную и интересную новость науки. Эта новость окончательно подтверждаетъ мысль объ единствѣ природныхъ силъ. Единство это выражается въ томъ, что всѣ силы природы сводятся къ движенію вещественныхъ частичекъ.

Никто, конечно, не станетъ думать, что механическая работа солнечныхъ лучей исчерпывается ихъ давленіемъ на поверхность земли, какъ и другихъ планетъ. Вѣдь солнечные лучи имѣютъ тройственный составъ. Помимо свѣтовыхъ лучей, мы открываемъ въ нихъ лучи тепловые и химическіе. Въ нашу задачу

не входитъ оцѣнка той роли, которую разыгрываютъ на нашей планетѣ тепловые и химическіе лучи. Это всякому болѣе или менѣе извѣстно. Но мы желали бы заключить нашъ очеркъ сообщеніемъ весьма интересныхъ наблюденій, которыя произвелъ недавно въ Египтѣ Бухананъ, съ цѣлью опредѣлить точными цифровыми обозначеніями механическую работу тепловыхъ лучей, посылаемыхъ на землю солнцемъ. Данныя, добытыя Бухананомъ, интересны, прежде всего, сами по себѣ, но, кромѣ того, они любопытны въ томъ отношеніи, что служатъ прекраснымъ дополненіемъ къ разсчетамъ профессора Лебедева, характеризующимъ, какъ мы видѣли выше, механическую энергію свѣтовыхъ лучей.

Само собой понятно, что солнечные лучи развиваютъ на поверхности земли различныя количества механической энергіи, въ зависимости отъ наличныхъ метеорологическихъ условій. Поэтому всѣ относящіяся сюда цифровыя выраженія имѣютъ не абсолютное значеніе, а лишь относительное, примѣнительно къ тѣмъ условіямъ, при которыхъ наблюденія производились.

Бухананъ дѣлалъ свои вычисленія при слѣдующихъ условіяхъ. Небо было прозрачное, чистое, глубокое; воздухъ стоялъ неподвижно; термометръ показывалъ 40 градусовъ тепла по Цельсію. Для оцѣнки механической энергіи тепловыхъ лучей, Бухананъ наблюдалъ, въ какой промежутокъ времени переводится въ паръ опредѣленный объемъ воды съ поверхностью въ 1 квадратный метръ. Выяснилось, что при названныхъ метеорологическихъ условіяхъ солнечные лучи развиваютъ энергію въ одну лошадиную силу на каждый квадратный метръ, или, другими словами, они способны въ одну минуту подогрѣть 10.300 граммовъ воды на 1 градусъ (при поверхности, равной 1 квадратному метру).

Слѣдовательно, тепловые лучи проявляютъ несравненно болѣе значительную механическую энергію, чѣмъ лучи свѣтовые. На этомъ закончимъ нашъ очеркъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ стали раздаваться голоса, сѣтующіе на науку, которая будто бы обанкротилась. Трудно сказать, чѣмъ эти жалобы на науку были вызваны. Но чѣмъ бы онѣ ни были вызваны, несостоятельность ихъ очевидна. Въ то время какъ искусство переживаетъ застой, — если не хуже того, въ виду усиленія декадентства, — наука бодрыми и увѣренными шагами идетъ впередъ, открывая намъ все новыя и новыя тайны, скрытыя въ нѣдрахъ природы, и выискивая для насъ все новыя и новыя средства, дѣлающія жизнь болѣе удобной и пріятной.

Новая колея.

Разсказъ **Джоржа Эджертонъ.**

Нѣсколько рѣзкіе звуки мужского голоса отчетливо раздаются въ чистомъ воздухѣ весенняго утра. Чувствуется что-то несообразное, неделикатное въ словахъ пошлой шансонетки, вызывающихъ представленіе о рѣзкомъ свѣтѣ рампы, объ искусственномъ весельѣ... И это представленіе врѣзывается грубымъ диссонансомъ въ картину чистоты и прелести лѣса.

На стволѣ упавшаго дерева сидитъ молодая женщина; лицо ея обращено въ ту сторону, откуда приближаются звуки пѣсни, и на немъ видно выраженіе насмѣшки, нетерпѣнія и раздраженія. Она читала прекрасное описаніе сцены у фонтана въ Танагрѣ, и ея живой умъ занятъ, какъ всегда, тысячами разнообразныхъ представленій. Фантазія никогда не оставляетъ ее; и группа дѣвушекъ въ классически-изящныхъ позахъ, ихъ

головки, и складки одежды, и прекрасные кувшины — все это, какъ живое, стояло только-что у нея передъ глазами... И вдругъ — эта глупая пѣсня, смѣлый голосъ!.. Все пропало; словно на сцену классической красоты выскочилъ пестрый ряженый клоунъ.

Она прислонила голову къ стволу сосны и ждетъ.

Вокругъ — настоящая лѣсная глушь. Нѣсколько сломанныхъ деревьевъ давно лежатъ среди цѣпкихъ кустовъ ежевики, яркаго папоротника и крупнаго хвороста; но этотъ хаосъ тщетно пытается заглушить нѣжный цвѣтъ шиповника и шапки яркихъ мухоморовъ, которые борются за право существованія и настойчиво тянутся къ солнцу. Налѣво — заброшенная каменоломня; направо, немного въ сторонѣ, — ручей, который спѣшитъ присоединиться къ своей старшей сестрѣ — рѣкѣ, чтобы вмѣстѣ съ нею пробиться къ морю. Поперекъ ручья лежатъ нѣсколько крупныхъ камней, и, стоя на одномъ изъ нихъ, можно замѣтить движеніе крупнаго песку на отмели и прыжки мелкаго голыша. Надъ водой торчатъ темные хвостики утокъ; онѣ усердно ищутъ водяныхъ червей, и быстрый стукъ и чавканье ихъ клювовъ отчетливо слышится сквозь гулкое жужжанье насѣкомыхъ, шелестъ листьевъ и журчанье воды.

Пѣсня замѣнилась свистомъ. Нѣсколько нотъ острымъ звукомъ прорѣзали воздухъ, и на тропинкѣ показался высокій мужчина въ сѣромъ, ловко сшитомъ, костюмѣ; на плечѣ у него удочка, въ рукахъ — коробокъ для рыбы. Свистъ внезапно оборвался, и смѣлые сѣрые глаза быстро оглядѣли хорошенькую фигуру женщины; красный платокъ соскользнулъ съ ея плечъ, и на его фонѣ замѣтно вырисовывались свободныя, закругленныя линіи изящной позы.

Большая опытность и настоятельное изученіе женской природы помогли сѣрымъ глазамъ сразу отвести попавшейся «разновидности» приблизительно подходящее мѣсто въ «классификаціи».

Эта классификація составляла его любимое занятіе. Товарищи удивлялись, но онъ отвѣчалъ одно:

— Внимательно изучая насъ съ вами, почти всегда можно безошибочно сказать, что сдѣлаетъ такой-то мужчина въ такомъ-то случаѣ; но женщины такъ безконечно разновидны и сложны, что придти къ какимъ-нибудь законамъ относительно нихъ—убійственно трудно! Въ одномъ я только убѣдился окончательно: если женщина не связана по рукамъ и ногамъ любовью, или жаждой любви,—то самый умный и хитрый изъ насъ представляетъ комочекъ мягкаго воска въ ея рукахъ. Какъ же можно послѣ этого не пользоваться каждымъ случаемъ, чтобы двинуться хоть на іоту впередъ въ этомъ лабиринтѣ!.. Я ни за что не пропущу ни одного экземпляра—никогда!

Онъ и теперь не пропустилъ. Твердо встрѣтивъ открытый взглядъ черныхъ глазъ, которые смотрѣли на него съ тѣмъ же спокойнымъ любопытствомъ, съ какимъ уставились бы на оленя, или жабу, или зайца,—онъ приподнялъ шляпу привычнымъ движеніемъ воспитаннаго человѣка и спросилъ почтительно, нѣсколько тягучимъ тономъ:

— Надѣюсь, я не забрелъ въ частныя владѣнія?

— Не знаю. Можетъ-быть.

Пауза. Сѣрые глаза живо замѣтили обручальное кольцо на маленькой, смуглой рукѣ и брильянтъ на груди. Замужняя женщина—воспитанная—хорошей породы. Неподатливая?—можетъ-быть. Оригинальная? — по всей вѣроятности. Достойная изученія?—несомнѣнно.

— Я ищу хорошаго мѣста, гдѣ ловится форель. Пока ничего не находится удачнаго. Не могу ли я...

— Такое мѣсто есть впереди, за милю отсюда. Но теперь солнце еще слишкомъ высоко, вы ничего не поймаете.

— Очень благодаренъ. Вы, значитъ, тоже удите?

— Да, иногда.

— Крупныхъ форелей здѣсь не бываетъ? (Что за удивительные глаза у этой женщины! Какой-то черный магнитъ)...

— Нѣтъ. Рѣдко встрѣчаются больше фунта; но хорошія.

— Прелестное занятіе, не правда ли? Въ немъ такъ много хорошаго, кромѣ самой ловли... Вода, и деревья надъ рѣчкой, и тишина—все это заставляетъ задумываться... (Чего ради она улыбается? Что тутъ смѣшного?) Вотъ у меня есть книжка съ собой, съ разными практическими указаніями. — И онъ присаживается на другой конецъ ствола. Она протягиваетъ руку за книжкой. (Рука безукоризненной формы, хотя очень смуглая.) Онъ слѣдитъ, какъ она перелистываетъ страницы, едва держа ихъ за уголки; нѣкоторыя она быстро пропускаетъ мимо, въ другія вглядывается, наклонивъ голову набокъ (это, конечно, сознательная уловка!).

— Вчера вечеромъ мой мужъ принесъ нѣсколько отличныхъ, крупныхъ рыбъ...

Она возвращаетъ книжку.

— Счастливецъ!

Его сѣрые глаза еще разъ оглядываютъ ее всю, сбоку. Она умѣетъ читать мысли человѣка по мельчайшимъ оттѣнкамъ голоса—и теперь встаетъ. На ней бѣлое шерстяное платье, гладкое, застегнутое до ворота; тонкая шея кажется отъ контраста особенно смуглой. Она встаетъ скорѣе, чѣмъ онъ успѣваетъ подняться, и, холодно кивнувъ головкой, говоритъ:

— До свиданья. Желаю вамъ хорошаго улова.

Его поклонъ уже приходится ей въ спину. Она быстро сходитъ къ ручью, привычными шагами перебирается по камнямъ на другую сторону, и черезъ двѣ минуты маленькая, ловкая фигурка уже не видна за деревьями.

Онъ тоже чувствуетъ себя вдругъ маленькимъ—но не ловкимъ; садится на ея мѣсто и закуриваетъ трубку.

— «Чортъ возьми!..»

Она прохаживается по дорожкѣ сада, медленно переступая съ каблука на носокъ. Надъ грядкой гороха склонился молодой мужчина, безъ сюртука; онъ беретъ изъ связки длинные прутики и осторожно подвязываетъ ихъ къ молодымъ побѣгамъ, все время тихонько насвистывая, но не попадая вѣрно ни въ одну ноту.

Она смотритъ на его длинную согнутую спину и думаетъ, что она слишкомъ узка: въ ней не можетъ быть особенной силы, несмотря на широкія плечи. Онъ слышитъ ея шаги и улыбается изъ-подъ широкихъ полей простой соломенной шляпы.

— Ну, какъ ты себя теперь чувствуешь, Цыганочка?

— Отвратительно.

— Присядь здѣсь!—онъ хлопаетъ рукой по разложенной на травѣ курткѣ. Въ его голосѣ слышно маленькое безпокойство.—Что съ тобой? Какая ты слабенькая!.. Если бы ты была лошадью, я зналъ бы, какъ лѣчить тебя. Не хочешь ли глотнуть коньяку?

Не ожидая отвѣта, онъ большими шагами идетъ въ домъ, приноситъ стаканчикъ коньяку и бисквитъ, становится передъ женой на колѣни и подноситъ стаканъ къ ея губамъ.

— Бѣдняжка моя!.. Но ничего, это скоро пройдетъ, и ты опять отправишься къ ручью со своими удочками.

Она хочетъ что-то отвѣтить, но не можетъ; и онъ возвращается къ гороховымъ кустикамъ. Но скоро вскакиваетъ и восклицаетъ:

— Честное слово, совсѣмъ забылъ! Я хотѣлъ показать тебѣ что-то!..

Черезъ нѣсколько минутъ онъ возвращается съ корзиной, покрытой кускомъ холста. За нимъ съ волненьемъ и громкимъ кудахтаньемъ бѣжитъ курица: перья

у нея на груди вытерты, растопыренныя крылья волочатся по землѣ.

Онъ осторожно опускаетъ корзину на землю и подымаетъ тряпку, подъ которой сидятъ крошечные цыплята, наполовину покрытые желтымъ пушкомъ; клювы у нихъ кажутся огромными и безобразными.

— Какая прелесть, не правда ли? — говоритъ онъ восторженно.—Вотъ этотъ даже еще не вылупился!..—Онъ осторожно беретъ въ руки полуразбитое яйцо и съ умиленіемъ смотритъ на маленькое лиловатое, съежившееся подъ скорлупой тѣло, къ которому словно приклеены липкія перышки.—Нельзя ему зябнуть!..

Она удерживается отъ гримасы отвращенія и смотритъ не на цыплятъ, а на здоровый цвѣтъ лица своего мужа. Онъ снова тщательно покрываетъ корзинку.

— Какъ ты любишь все маленькое!..— говоритъ она.

— Да. У меня былъ однажды жеребенокъ, давно уже. Прелестная выросла лошадь!.. Я плакалъ, когда нужно было ее продавать. Никому на свѣтѣ не позволилъ бы я сѣсть на нее!

— Нѣтъ, позволилъ бы.

— Кому?

Въ его голосѣ слышно упорство.

— Мнѣ!

— Не позволилъ бы!

— Какъ, мнѣ не позволилъ бы?

— Нѣтъ!

— А если бы я захотѣла!..

Глаза у нея загораются.

— Все равно!

— Значитъ, тебѣ лошадь дороже меня?.. Я бы поставила условіемъ: она или я!

— Какія глупости.

— Можетъ-быть!..

Шмель пролетаетъ мимо ея уха и возвращаетъ ее къ сознанію существующихъ фактовъ. Она смѣется, сообразивъ, что они чуть не поссорились изъ-за лошади, которая была продана задолго до ихъ знакомства.

Черезъ нѣсколько дней она почти лежитъ въ качалкѣ; но въ самой ея неподвижности чувствуется нервное безпокойство, которое замѣтилъ бы наблюдательный человѣкъ. Она смотритъ на мужа; брови ея сдвинуты и образуютъ три маленькія складочки. Онъ читаетъ — спокойно, не перескакивая глазами съ одного края страницы на другой, какъ это дѣлаетъ она, и въ то же время съ наслажденіемъ куритъ. Она долго глядитъ на него, потомъ переводитъ глаза на окно, потомъ закрываетъ ихъ на минуту и опять смотритъ на мужа. Онъ подымаетъ голову и улыбается:

— Кончила читать?

Монотонность его голоса мягкая, естественная; она отвѣчаетъ тоже монотонно, но слышно, что ея горло сдерживаетъ тѣ разнообразныя интонаціи, на какія она способна:

— Да. Это книжка, надъ которой хочется подумать. Тебѣ бы она не понравилась.

— Опять пойдешь въ лѣсъ?

Отрицательное движеніе головой.

— Спинка болитъ?

Утвердительный кивокъ.

— Снять башмачки?

— О, не безпокойся! Лиза это сдѣлаетъ.

Но онъ уже всталъ, опустился передъ ея кресломъ на корточки и, положивъ одну ножку къ себѣ на колѣни, распускаетъ шнуровку ботинки. Снявъ ее, онъ расправляетъ чулокъ подъ пальцами и гладитъ высокій подъемъ.

— Ну, теперь другую!..

Потомъ онъ выставляетъ ботинки за дверь и приноситъ изъ спальни пару мягкихъ туфелекъ, уже пережившихъ первую молодость. Надѣвая ихъ на маленькія ноги, онъ замѣчаетъ на лѣвой щиколкѣ небольшую опухоль; тогда онъ придвигаетъ качалку къ своему креслу, кладетъ къ себѣ на колѣни больную ногу и начинаетъ равномѣрно и тихо растирать большимъ пальцемъ припухшее мѣсто, а другой рукой опять беретъ трубку, книжку—и снова читаетъ.

Она продолжаетъ разглядывать его, для развлеченія представляя себѣ эту голову въ шляпахъ различныхъ вѣковъ и народовъ. Кожа у него на лицѣ замѣчательно нѣжная, и черты очень правильныя. Глаза красивые—и по формѣ, и по цвѣту (не «такіе» сѣрые: синѣе...); свѣтятся они совсѣмъ какъ у ребенка; острая небольшая борода мягкая и волнистая. Она смотритъ на его руки: руки большія, энергичныя, талантливыя, въ противоположность нѣжности лица. Она подымаетъ собственную руку и разглядываетъ ее, невольно улыбаясь красотѣ линій; потомъ начинаетъ умственно спорить сама съ собой—имѣетъ ли ея красота въ основаніи «породистость» или только «личность»—и приводитъ столько разнообразныхъ доказательствъ, какъ будто дѣйствительно говоритъ за двухъ ярыхъ противниковъ на настоящемъ диспутѣ.

Онъ выкурилъ трубку, отложилъ книжку въ сторону и задумался, продолжая машинально гладить большимъ пальцемъ больную щиколку. Въ его глазахъ, прикрытыхъ густыми, темными рѣсницами, замерло выраженіе вдумчивости и нѣжности.

— О чемъ ты думаешь?..

И въ ея нервномъ личикѣ отражается нетерпѣливое ожиданіе.

Онъ поворачивается къ ней:

— Я соображалъ, годятся ли дождевые черви для...

И онъ не оканчиваетъ, замѣтивъ перемѣну въ ея лицѣ: на секунду оно выражаетъ полное разочарованіе, но вдругъ мѣняется снова,—и она разражается громкимъ смѣхомъ.

— Ты можешь разсмѣшить лучше всякаго клоуна!..—едва выговариваетъ она сквозь взрывы хохота.

Онъ глядитъ на нее сначала въ полномъ недоумѣніи; потомъ въ углахъ красиваго рта, подъ усами, появляется добрая усмѣшка.

— Тебѣ весело, Цыганочка!

Она вскакиваетъ съ качалки и хватаетъ его трубку и книгу. Его глаза слѣдятъ за ней нѣсколько секундъ съ безпокойствомъ, пока то и другое не положено благополучно на сосѣдній столъ.

Потомъ она усаживается къ нему на колѣни. Ея ножки не хватаютъ до полу.

— Я маленькая, не правда ли? Вся тутъ помѣщаюсь.

— Да. — Онъ улыбается. — Ты, кажется, сдѣлана изъ гуттаперчи.

Она начинаетъ разглаживать кончикомъ пальца всѣ морщинки на его лицѣ. Потомъ запускаетъ пальцы въ его волосы. Онъ качаетъ головой, стараясь освободиться; но она настаиваетъ.

— Я раздѣляю всѣхъ людей на два сорта: одни любятъ, чтобы играли съ ихъ волосами, а другіе не любятъ! Для меня наслажденіе, когда мнѣ расчесываютъ волосы... Я бы мурлыкала, если бъ умѣла.

— Смѣшная ты, Цыганочка... Какая-то странная и умная...

— Развѣ? И какъ это ты замѣтилъ?.. Я бы хотѣла быть мужчиной: всѣхъ родственниковъ привела бы въ изступленіе! Натворила бы Богъ знаетъ чего!

— Бѣдненькая! Развѣ тебѣ такъ скучно здѣсь со мной?

— До смерти!..

И она энергично пишетъ пальчикомъ на воздухѣ восклицательный знакъ, заканчивая его точкой на лбу мужа.

Проходитъ минута молчанія.

— Ты меня любишь?

Она трется подбородкомъ о его лицо.

— Конечно. Развѣ ты не знаешь?

— Знаю; только хочу еще слышать!.. Женщинѣ рѣшительно не интересно, если ее любятъ до сумасшествія, но молчатъ: мы любимъ объ этомъ разговаривать. Суть не въ томъ, чтобы любить,—а чтобы быть любимой, и не въ самомъ мужчинѣ,—а въ томъ, какъ онъ умѣетъ любить!..

— Чудачка ты, право!

— Очень жаль... Ты мнѣ никогда ничего не разсказываешь обо мнѣ самой: всѣ поклонники, какіе у меня были, вѣчно говорили о моихъ глазахъ, рукахъ,

словахъ и т. п. А ты, кажется, ничего этого не замѣчаешь.

— Нѣтъ, замѣчаю. Только я больше думаю, чѣмъ говорю... Я хотѣлъ бы понимать тебя, Цыганочка!

— Да!.. И я бы этого хотѣла. Но ты ужасно хорошій, удивительно хорошій!.. Я на тебя совсѣмъ не похожа. Ты могъ бы меня прогнать.

— Но ты прелестная, и ты отличный товарищъ!.. Съ тобой такъ легко жить, какъ будто ты не женщина. Я никогда не забуду, какъ ты передъ нашей свадьбой узнала о той бѣдной дѣвушкѣ и послала ей такое милое письмо и всякой всячины... Никакая другая женщина не повѣрила бы мнѣ: ты поступила совсѣмъ по-мужски.

— Не знаю. (Она тихонько покусываетъ кончикъ его уха). Можетъ-быть, я когда-нибудь была мужчиной, и въ теперешнемъ существованіи есть еще кое-какіе остаточки!

Онъ задумывается; задумывается такъ глубоко, что она начинаетъ теребить его, какъ разыгравшійся фоксъ-терріеръ. Онъ отбивается и спускаетъ ее на полъ, но сейчасъ же наклоняется, беретъ ее на руки, какъ ребенка, и подноситъ къ окну, вглядываясь при послѣднемъ свѣтѣ серебристыхъ сумерекъ въ смуглое личико; потомъ крѣпче прижимаетъ ее къ себѣ и уноситъ въ другую комнату.

Лѣто кончается. На поляхъ и лугахъ слышны голоса рабочихъ, но она, по обыкновенію, ушла ото всѣхъ въ чащу лѣса и лежитъ среди цвѣтущаго вереска на берегу ручья. Удочки отброшены въ сторону; леса одной изъ нихъ зацѣпилась за вѣтку дерева и качается, поддуваемая вѣтеркомъ.

Она глядитъ на небо и представляетъ себѣ синее море, по которому несутся бѣлые паруса... Ей вспоминается флотъ Клеопатры, вышедшій навстрѣчу Антонію, и въ душу врывается горячее желаніе унестись куда-нибудь—въ совершенно новую обстановку, гдѣ нѣтъ ничего похожаго на деревенское хозяйство!..

И послушная фантазія уже несетъ ее по невѣдомымъ степямъ на арабскомъ скакунѣ... Иллюзія доходитъ до того, что она чувствуетъ быстроту скачки, шелковистую гриву коня подъ своей рукой, его теплую, гладкую кожу, слышитъ шумъ несущагося мимо воздуха... Пульсъ ея бьется упоительно-быстро, губы раскрываются навстрѣчу свободному, свѣжему вѣтру...

Но вотъ она уже на какой-то открытой сценѣ, и тысячи лицъ глядятъ на нее. Полупрозрачная легкая ткань обвиваетъ ея тѣло, схваченная въ таліи и на бедрахъ золотой змѣей... На обнаженныхъ рукахъ и на груди сверкаютъ восточныя драгоцѣнности, волосы свободно колышутся вдоль спины, прибавляя какой-то электрическій токъ къ сладкой теплотѣ южной ночи... На ногахъ у нея легкія сандаліи, и она пляшетъ, приковывая къ себѣ взоры каждаго человѣка и давая душѣ каждаго то, чего онъ жаждетъ... Она ускоренно дышитъ, втягивая въ себя доносящійся откуда-то запахъ виноградниковъ и моря; таинственная, никогда не слышанная музыка звучитъ все горячѣе и упоительнѣе, ноги ея легко скользятъ по ярко освѣщеннымъ подмосткамъ, она чувствуетъ, какъ охватываетъ ее волна страсти и передается зрителямъ, и въ глазахъ каждаго мужчины видитъ она огонь и восторгъ—все сливается въ какомъ-то уносящемъ сердце и тѣло вихрѣ... и вдругъ тысячная толпа не выдерживаетъ и разражается ревомъ безумнаго восторга! Она останавливается, поднявъ руки и закинувъ головку...

Запахъ виноградниковъ, и моря, и толпы исчезаетъ, и она снова видитъ подлѣ себя кусты цвѣтущаго вереска и знакомый лѣсъ. Неужели другія женщины не знаютъ этихъ минутъ, дающихъ единственное удовлетвореніе той жаждѣ свободы, дикой радости, движе-

нія, которая гнѣздится въ каждой изъ нихъ? Неужели онѣ не позволяютъ себѣ этого отдыха даже въ мечтахъ? Не позволяютъ себѣ мечтать? Находятъ это лишнимъ?.. Развѣ есть хоть одна женщина, которая всю жизнь удовлетворялась бы полусвободой, полудовѣріемъ, подавленной страстью, тѣмъ опредѣленнымъ количествомъ любви, какое положено на ея долю?..

Она засмѣялась—тихо, иронически.— Конечно, нѣтъ! Мыслямъ женщины, ея стремленіямъ—никто запрета не положитъ. Мужчина, со своей рыцарской недальновидной преданностью, создалъ, къ собственному счастью, идеалъ женщины и этимъ далъ ей указатель того, чего ему нужно; и затѣмъ, создавъ этотъ указатель, началъ ломать себѣ голову, стараясь разрѣшить загадку женской природы. Она опять улыбнулась: — И вѣдь только самые умные изъ нихъ еще способны видѣть загадку, т. е., по-просту, противорѣчіе дѣйствительности съ выдуманнымъ ими идеаломъ. Мы настолько хитры (или настолько велики!)— что умѣемъ казаться тѣмъ, чѣмъ они насъ считаютъ. Разъ это имъ нужно для собственнаго спокойствія, отчего этого не дѣлать? Имъ незачѣмъ разбивать собственную фантазію и вникать въ такія «непонятныя» для нихъ явленія, какъ, напр., увлеченіе умной и прекрасной женщины какимъ-нибудь негодяемъ, или тотъ часто повторяющійся фактъ, что красота, сила и физическая ловкость одного мужчины въ одну минуту отодвигаютъ на задній планъ умъ и благородство сотни другихъ... Они даже не замѣчаютъ, что сами прощаютъ женщинѣ такія вещи, за которыя никогда не простили бы своего брата, мужчину. Они поклоняются намъ тогда, когда считаютъ насъ идеальными, не сознавая того, что вся сила наша заключается въ томъ, что они отнимаютъ отъ насъ, превращая насъ въ «идеалъ»: наша сила въ той же стихійной, первобытной страсти, какая вложена въ каждое живое существо; культура, воспитаніе, изящество, условная красота добиваются того, чтобы убить въ женщинѣ этотъ темпераментъ—но напрасно; онъ въ насъ сидитъ, и имъ мы сильны. Это знаетъ и говоритъ себѣ каждая женщина—но ни одна изъ насъ въ подлунномъ мірѣ не скажетъ этого вслухъ, потому что это было бы измѣной нашему полу! Потому мы и видимъ другъ друга, какъ на ладони, потому и смѣемся тихонько, когда мужчины наивно называютъ насъ загадочными существами. Мы лжемъ, но лжемъ поневолѣ, потому что мужчина не хочетъ знать правды: онъ любитъ ложь, которую создалъ самъ, и любитъ насъ, какъ воплощеніе этой лжи. И когда кто-нибудь приподымаетъ уголокъ завѣсы, за которой скрывается разрѣшеніе «загадки»—Боже мой, какой крикъ подымаютъ мужчины!.. И это понятно: вѣдь они сами...

— Мечтаете или философствуете?— раздается мужской голосъ и прерываетъ нить ея размышленій.—У васъ глаза какой-то жрицы! Я готовъ иногда считать васъ колдуньей.

И онъ опускается рядомъ съ ней на траву. На немъ тотъ же изящный сѣрый костюмъ; сѣрые глаза смотрятъ такъ же смѣло, еще упорнѣе, чѣмъ прежде; только въ говорѣ есть маленькая перемѣна: онъ пересталъ растягивать слова, бросилъ рисовку.

— Каждую женщину кто-нибудь считаетъ колдуньей; надѣюсь, что для нѣкоторыхъ я была доброй волшебницей.

— Для кого?..

— Для разныхъ людей... Не знаю, почему, но въ колею моей жизни часто попадали на время другіе—то мужчины, то женщины: они всегда говорили, что «къ счастью встрѣтились со мной», и открывали передо мной всю свою душу. Почему-то оказывалось, что именно мое сочувствіе, или слово, или присутствіе было нужно имъ и, дѣйствительно, при-

носило пользу. Мужчины объясняли всегда меньше женщинъ, но это и не нужно было: я и такъ чувствовала, что они вторгались въ мою жизнь за помощью. Они раскрывали свои раны, и я лѣчила ихъ. Потомъ они уходили съ моей полосы такъ же неожиданно, какъ приходили, ничѣмъ не коснувшись моего собственнаго существованія: какъ будто я была создана для нихъ, но не они для меня. Я имъ давала иногда многое, они мнѣ—ничего. Они въ одну прекрасную минуту приходили и брали свою долю моего участія; кончалась минута—и они уходили, оставляя меня попрежнему одну. Мнѣ всѣ они были понятны; я же оставалась «непонятной», хотя желанной и нужной.

— Какъ вашему мужу!..

— Не будемъ говорить о немъ! Вы знаете, что я этого не хочу. Это несправедливо.

— Неужели и я васъ нисколько не понимаю?..—спрашиваетъ онъ съ тоской въ голосѣ послѣ минуты молчанія.

— Вы меня, по крайней мѣрѣ, не истолковываете невѣрно.

— Но это пустяки въ вашихъ глазахъ?

— Нѣтъ, это много значитъ.

— Много?!.. (Волнуясь, онъ наклоняется, ловя ея взглядъ.) А между тѣмъ... вотъ была моя минута, какъ вы называете, я попалъ на вашу колею... и вы мнѣ ничего не дали!

— Ничего?..—ея голосъ вздрагиваетъ.—Я думала, что вы хоть немного похожи на меня и оцѣните мою... искренность.

Оба умолкаютъ. Въ этомъ молчаніи много боли, какъ будто они связаны тысячами электрическихъ проволокъ, по которымъ идетъ мучительный токъ. Ея глаза наполняются жгучими слезами, которыя останавливаются на рѣсницахъ и не падаютъ; сквозь нихъ она видитъ, какъ его лицо приближается, и сѣрые глаза начинаютъ горѣть.

— Да... да!—говоритъ онъ:—вы дали мнѣ... дали мучительное желаніе, тоску!.. Вы должны быть довольны: я несчастенъ и жалокъ, какъ можетъ быть жалокъ мужчина!.. Однѣ ваши губы могутъ свести съ ума человѣка, когда онѣ такъ дрожатъ... Что это? Вы плачете? Вы?!..

— Да... Даже я могу плакать.

— Послушайте!.. Милая, любимая женщина—я не могу этого понять! Вы похоронили себя въ деревнѣ, съ этимъ характеромъ, съ этимъ умомъ—зачѣмъ?.. А теперь вы плачете... Вы умѣете любить или нѣтъ?.. Посмотрите на меня!..

Проходитъ нѣсколько секундъ, прежде чѣмъ она взглядываетъ на него. Оба молчатъ. И вдругъ ему становится понятнымъ, что его «минута» кончается: онъ получилъ свою долю («страданія!»)—и долженъ уйти съ ея колеи.

— Посмотрите на меня!..—повторяетъ онъ со страстной, нетерпѣливой настойчивостью.

Она поворачиваетъ къ нему поблѣднѣвшее лицо; черные глаза кажутся еще болѣе прекрасными и странными отъ выступившихъ подъ ними темныхъ круговъ. На лбу у него она замѣчаетъ нѣсколько капель пота.

— Моя... минута... кончена?.. — едва слышно спрашиваетъ онъ.

— Кончается...

Еще нѣсколько секундъ онъ не въ силахъ отодвинуться отъ нея. Ея лицо такъ близко...

— Силы небесныя! Что это за губы!..

— Не надо... не надо!..—отклоняется она.

— Хорошо; не буду. Но послушайте: неужели я, со всей моей любовью и мукой, такъ и уйду изъ вашей жизни, и она потечетъ у васъ попрежнему?.. Неужели такое... начало нашего чувства можетъ оборваться, кончиться ничѣмъ?!.. Вспомните всѣ наши разговоры. Вспомните то утро, когда я въ первый разъ встрѣтился съ вами у этого ручья... Послушайте: сегодня понедѣльникъ; въ среду послѣ полудня я нарочно

пройду мимо вашего дома; и если вы окончательно рѣшите вычеркнуть меня изъ вашей жизни, давъ мнѣ навѣки одну тоску и желаніе...

— О!..

Она невольно протягиваетъ къ нему руки, но онъ уклоняется и встаетъ:

— *То повѣсьте что-нибудь бѣлое на кустъ сирени!..*

Она встаетъ. Онъ окутываетъ ея плечи въ красный платокъ и па секунду сжимаетъ ее въ своихъ объятіяхъ; потомъ отступаетъ и почтительно подымаетъ шляпу.

Она уходитъ медленно, не оборачиваясь.

Въ среду утромъ она лежитъ въ кровати и глядитъ черезъ открытое окно на синее небо и на кустъ темно-красныхъ розъ; одна изъ нихъ, расцвѣтшая и тяжелая, склонилась прямо въ комнату; по временамъ проносится легкій вѣтеръ, и при этомъ каждый разъ падаетъ на подоконникъ темный лепестокъ. Большой шмель залетѣлъ въ комнату и жужжитъ. Среди полной тишины она слышитъ приближающіеся по дорожкѣ бодрые и ровные шаги мужа. Черезъ минуту его лицо показывается въ окнѣ.

— Вставай, одѣвайся, Цыганочка! Чудное утро.

Она лѣниво и отрицательно качаетъ головой. Онъ срываетъ еще покрытую росой полурасцвѣтшую розу и бросаетъ къ ней прямо на грудь.

— Ты хочешь, чтобы я пришелъ и вытащилъ тебя изъ кровати прямо въ ванночку?—говоритъ онъ шутя.

— Нѣтъ, нѣтъ! (съ нетерпѣніемъ) Я сейчасъ встану.

Его красивое лицо исчезаетъ, и она начинаетъ медленно одѣваться. Нѣсколько разъ она вынуждена присѣсть: голова кружится.

Онъ застаетъ ее въ столовой въ качалкѣ и кладетъ ей на колѣни вѣтку съ тремя спѣлыми сливами.

— Вотъ! Я знаю, что ты ихъ любишь, и ждалъ: эти поспѣли прежде всѣхъ! Ихъ было цѣлыхъ четыре, но противныя птицы успѣли уже сегодня одну выклевать... Не безпокойся, я самъ налью себѣ чаю.

Она откусываетъ кусочекъ сливы, но не можетъ проглотить.

— Славный ты... — говоритъ она, и слезы непрошенно навертываются ей на глаза; скатившись по щекамъ, онѣ падаютъ на сливы и образуютъ нѣсколько темныхъ пятнышекъ на ихъ матовой поверхности.

Онъ тревожно взглядываетъ на нее, но не знаетъ, что дѣлать, и, окончивъ завтракъ, подходитъ къ ней и цѣлуетъ.

— Иди поскорѣе на воздухъ, Цыганочка! Тебѣ нужно освѣжиться.

Черезъ минуту она уже слышитъ звукъ его лопаты, рѣзко выдѣляющійся среди жужжанія насѣкомыхъ, шелеста листьевъ и всѣхъ тѣхъ разнообразныхъ, но мягкихъ звуковъ, какими бываетъ полонъ воздухъ въ теплый августовскій день. Ахъ, какъ рѣзко!.. Больно слушать... И есть что-то несимпатичное въ этомъ равномѣрномъ прихлопываніи земли, чередующемся съ лязгомъ лопаты...

Ей хочется видѣть сегодня кого-нибудь, кто ее понимаетъ... Того человѣка съ сѣрыми глазами... Что сказалъ бы онъ ей сегодня?.. Ахъ, эта противная лопата! Ужасно...

И какая странная боль внутри: никогда этого съ ней не было. Можетъ-быть, начинается какая-нибудь смертельная болѣзнь?.. Когда она умретъ, ей навѣрно примажутъ всѣ волосы на вискахъ, какъ старухѣ!.. Можетъ-быть, онъ могилу ей копаетъ? Впрочемъ, нѣтъ: это та грядка, на которой былъ горохъ для утятъ; теперь онъ переросъ, и утята выросли. А какіе они были тогда пушистые, смѣшные!.. Она помнитъ, какъ держала одно яйцо въ рукахъ и чувствовала въ немъ шорохъ еще прежде, чѣмъ показалась

первая трещина въ скорлупѣ. Какъ странно все рождается на свѣтѣ...

— Не можетъ быть!..

И она быстро выпрямляется, схватившись за ручки кресла. Ея лицо выражаетъ напряженный вопросъ, потомъ кровь приливаетъ къ нему горячей волной, пробиваясь алымъ цвѣтомъ сквозь смуглую кожу—и она опускаетъ голову на руки, пораженная радостью.

Въ столовую входитъ дѣвушка и, видя свою госпожу, беззвучно убираетъ со стола. Глаза ея выражаютъ беззавѣтную любовь и преданность. Окончивъ свое дѣло въ столовой, она идетъ въ спальню, но останавливается подлѣ кровати и глубоко задумывается, безсознательно прижавъ къ груди край одѣяла. Ея безцвѣтное лицо проникнуто какой-то особенной мыслью, и худая грудь подымается съ замѣтнымъ волненіемъ. Услыхавъ звукъ отворяемой двери, она оборачивается.

— Лиззи! Былъ у васъ когда-нибудь ребенокъ?

На рукѣ у дѣвушки кольца нѣтъ, но вопросъ звучитъ увѣренно, и черные глаза съ мягкой настойчивостью глядятъ на блѣдное лицо и красивые волосы Лиззи.

— Да, барыня...—отвѣчала она едва слышно.

— Гдѣ онъ?

— Умеръ...

— Бѣдный! Бѣдная Лиззи!

И она ласково треплетъ ее по рукѣ. Дѣвушка стоитъ неподвижно, словно боясь нарушить очарованіе ласки.

— Лиззи... у васъ не осталось маленькихъ вещей?..

И она чуть-чуть смѣется груднымъ глубокимъ смѣхомъ и утвердительно киваетъ головой въ отвѣтъ на радостно-вопросительный взглядъ дѣвушки.

Та выбѣгаетъ изъ комнаты и черезъ минуту приноситъ красный деревянный ящикъ. Отворивъ его, обѣ женщины склоняются надъ просто сдѣланными мелкими вещами, какъ антикваріи надъ драгоцѣнностью.

— Посмотрите, барыня!..

Въ вырѣзанномъ изъ картона сердцѣ лежитъ маленькая прядь волосъ—такихъ свѣтлыхъ и мягкихъ, какъ шелкъ. Маленькая женщина, жена, подымается на цыпочки и быстро цѣлуетъ ту, которая не имѣетъ права на это имя.

Скоро полдень. Она стоитъ на колѣняхъ передъ раскрытымъ сундукомъ; глаза ея блестятъ, щеки алѣютъ. Подлѣ нея со всѣхъ сторонъ лежатъ кучи старинныхъ батистовыхъ вещей, сношеннаго тонкаго полотна, мягкаго кружева... Она прикладываетъ къ щекамъ самыя тонкія и мягкія вещи и улыбается. Потомъ встаетъ и начинаетъ работать, выбирая самыя узенькія прошивочки и мѣряя величину скроенныхъ вещей третьимъ пальцемъ руки. Потомъ, вспомнивъ что-то, осторожно встаетъ.

— Лиззи!

— Что прикажете?

— Посмотрите, какая прелесть! Хорошо, что я все сберегла! Такихъ кофточекъ выйдетъ цѣлая дюжина... И вотъ что, Лиззи!

— Слушаю.

— Пойдите, повѣсьте это на кустъ сирени... Именно, на кустъ сирени, Лиззи!

— Сію минуту.

— Нѣтъ, Лиззи, постойте!.. Я пойду повѣшу сама.

* * *

Шелъ тихо я ночью дорогой степной.
Высоко, какъ призракъ, плылъ мѣсяцъ за мной,
И звѣзды свѣтились въ небесной дали,
Какъ будто молились о счастьи земли.

И было такъ тихо, такъ чутко вокругъ,
Что отзвукъ малѣйшій и шорохъ, и звукъ
Особымъ значеньемъ казались полны,
Будили съ волненьемъ забытые сны.

Я шелъ, какъ видѣнье, беззвучно, легко,
И сердцемъ я былъ далеко, далеко...
Но звонъ колокольный донесся съ села,
И съ грустью невольной душа замерла.

Печально вдали прокричала сова.
Въ росѣ, какъ въ слезахъ, наклонилась трава.
Высоко, какъ призракъ, плылъ мѣсяцъ за мной,
И звѣзды молились о грусти земной.

А. Ѳедоровъ.

Что новаго въ литературѣ?

Критическіе очерки Р. И. Сементковскаго.

Стремленіе къ самообразованію и изданія, ему посвященныя.—Что такое самообразованіе.—Возможно ли оно безъ руководителя. —Для чего оно нужно. —О женскомъ образованіи.—Какая женщина признается у насъ образованною. —Два слова о такъ-называемомъ общемъ міросозерцаніи.—Г. Вересаевъ и его статья объ «этикѣ въ медицинѣ».—Рѣчь физіолога Мажанди.—Знаютъ ли наши врачи свое дѣло и заботятся ли они о томъ, чтобы его знать.—Дипломъ, профессія и жизнь.—Люди, находящіеся не у дѣлъ.

I.

Никогда еще стремленіе къ самообразованію, повидимому, не было у насъ такъ распространено, какъ за послѣднія лѣтъ восемь. Съ 1894 года то и дѣло у насъ возникаютъ изданія, ставящія себѣ цѣлью удовлетворить этому стремленію. Появляются въ свѣтъ программы систематическаго чтенія по разнымъ отраслямъ знанія или по выработкѣ общаго міросозерцанія. Издаются книги, содержащія цѣлые популярные курсы предметовъ университетскаго преподаванія. «Народные» или «семейные университеты» стали теперь крылатымъ словомъ. Появляются даже журналы подъ громкимъ названіемъ: «Самообразованіе».

Образованіе — такое великое благо, что можно только порадоваться этому явленію. Но полученіе образованія въ то же время—вопросъ настолько серьезный, что тѣ, кто беретъ на себя задачу доставлять его въ той или другой формѣ, должны относиться къ своей задачѣ чрезвычайно осмотрительно, а тѣ, которые воспринимаютъ его, не могутъ не спросить себя,—чего собственно они ищутъ? Какъ обыкновенно бываетъ даже въ вопросахъ самыхъ серьезныхъ, традиція, мода, привычка, предразсудокъ играютъ и тутъ большую роль, и если обратиться даже къ людямъ, высоко держащимъ знамя образованія, ъ вопросомъ, — что же, собственно, слѣдуетъ разумѣть подъ образованіемъ, то получится отвѣтъ, по большей части свидѣтельствующій о томъ, что вопросъ, въ сущности, вовсе еще не продуманъ и не рѣшенъ самостоятельно и со знаніемъ дѣла.

То же можно сказать и о самообразованіи. Само по себѣ понятіе это очень смутное. Если подъ образованіемъ разумѣть пріобрѣтеніе знаній, то въ общемъ человѣку трудно доставить себѣ безъ посторонней помощи знанія, которыхъ онъ не имѣетъ? Въ школахъ знанія сообщаютъ учителя, въ университетахъ—профессора. Тѣ же учителя и про-

фессора, каждый по своей спеціальности, составляютъ учебники, изъ которыхъ желающіе могутъ почерпать нужныя имъ знанія. Кромѣ учебниковъ, издаются популярныя книги, затѣмъ пишутся журнальныя и газетныя статьи для распространенія тѣхъ или другихъ знаній. Лица, пользующіяся этими учебниками или популярными книгами, или статьями, внѣ школы, и занимаются самообразованіемъ. Они могутъ, кромѣ того, прибѣгать и къ прямымъ источникамъ, изучать спеціальные труды, произведенія тѣхъ или другихъ писателей. Но послѣднему роду самообразованія должны были бы быть причастны и всѣ лица, получающія школьное образованіе. Значитъ, въ этомъ отношеніи между лицами, прошедшими курсъ того или другого учебнаго заведенія, и лицами, не пользовавшимися школьнымъ образованіемъ, разницы нѣтъ, и вопросъ о самообразованіи сводится къ тому, что лица, ищущія образованія, пріобрѣтаютъ его внѣ школы, причемъ, однако, оказывается, что разница и тутъ по существу дѣла заключается въ томъ, что одни изучаютъ учебники, руководства, лекціи, при непосредственномъ содѣйствіи учителей или профессоровъ, а другіе изучаютъ тѣ же учебники, руководства или лекціи, но безъ содѣйствія учителей или профессоровъ. Понятно, что при такихъ условіяхъ, если признавать содѣйствіе учителей и профессоровъ желательнымъ и необходимымъ, то лица, вынужденныя ограничиться самообразованіемъ, поставлены сравнительно въ невыгодное положеніе, и самообразованіе всегда останется только суррогатомъ истиннаго образованія.

Какъ мы видимъ, самообразованія въ сущности нѣтъ,—есть только образованіе, почерпаемое изъ книгъ безъ содѣйствія учителей и профессоровъ. Но какъ при школьномъ образованіи, такъ и при самообразованіи знанія сообщаются въ той или другой системѣ учителями или профессорами, иногда же просто популяризаторами. Практически же, вопросъ сводится къ тому, что нѣкоторыя лица не имѣютъ, по тѣмъ или другимъ причинамъ, возможности пользоваться школьнымъ образованіемъ и поэтому вынуждены, если желаютъ вообще быть образованными, прибѣгать къ такъ-называемому самообразованію. Если общество сознаетъ пользу образованія, а между тѣмъ, многія лица лишены возможности пріобрѣтать его въ учебныхъ заведеніяхъ, то потребность въ самообразованіи должна быть велика. И съ этой точки зрѣнія указанное нами явленіе распространенности стремленія къ самообразованію—фактъ весьма утѣшительный, но въ то же время, какъ я замѣтилъ, онъ заслуживаетъ вдумчиваго и бережнаго къ себѣ отношенія,

Всякій человѣкъ, ищущій самообразованія, прежде всего долженъ себя спросить:—для чего оно ему собственно нужно, а во-вторыхъ, кого онъ избираетъ себѣ руководителемъ въ этомъ серьезномъ дѣлѣ. Второй вопросъ можетъ показаться нѣсколько страннымъ, потому что на первый взглядъ при самообразованіи руководителя, въ сущности, вовсе не требуется, но на самомъ дѣлѣ, какъ мы видѣли, самообразованіе — фикція. Если я, напримѣръ, хочу изучить, ну, хотя бы французскій языкъ безъ содѣйствія преподавателя, то я долженъ избрать тотъ или другой учебникъ или, по крайней мѣрѣ, тотъ или другой лексиконъ,—а какъ же мнѣ его избрать, если у меня нѣтъ никакихъ указаній на то, какой учебникъ или лексиконъ лучше? Я, конечно, могу навести справки, хотя бы въ энциклопедическомъ словарѣ. Но тутъ опять я натолкнусь на вопросъ:—вѣрно ли указаніе, сообщаемое словаремъ, т. е. я опять долженъ довѣриться руководителю или же потратить много денегъ и времени на самостоятельное пріисканіе себѣ лучшаго учебника или лексикона. Очевидно, безъ руководителя обойтись трудно.

Итакъ, для чего же, собственно, нужно самообразованіе? Отвѣтить на этотъ вопросъ очень легко: для того, для чего образованіе вообще нужно. Образованный человѣкъ живетъ болѣе сознательною жизнью. Онъ отдаетъ себѣ болѣе ясный отчетъ въ окружающихъ насъ явленіяхъ. Онъ легче пристраивается къ какому-нибудь дѣлу, легче зарабатываетъ хлѣбъ, получаетъ выгодное мѣсто, содержитъ себя и семью. Въ этомъ отвѣтѣ, однако, смѣшаны весьма разнородныя понятія. Тутъ есть и идеальное, и очень реальное или практическое стремленіе. Образованіе можетъ быть благомъ само по себѣ, безъ всякаго отношенія къ вопросу,—какія практическія послѣдствія оно даетъ. Образованіе можетъ быть чисто-практическимъ стремленіемъ, какъ, напримѣръ, въ томъ случаѣ, если я стремлюсь къ образованію, чтобы получить дипломъ,—а дипломъ мнѣ необходимъ для того, чтобы получить выгодное мѣсто на общественной или казенной службѣ. Примирить эти двѣ стороны одного и того же на видъ стремленія въ жизни по большей части очень трудно. Если я стремлюсь къ образованію ради практическихъ цѣлей, то я долженъ стараться пріобрѣсти тѣ знанія, которыя необходимы для достиженія именно этихъ цѣлей. Значитъ, я долженъ, прежде всего, уяснить себѣ, какія знанія требуются для полученія диплома, и заручиться именно этими знаніями. Такъ какъ вся наша система образованія построена на полученіи диплома, то естественно, что она пріобрѣла практическій

характеръ именно въ этомъ смыслѣ. Существуютъ извѣстныя правительственныя программы, и вся система образованія имѣетъ въ виду сообщить тѣ знанія, которыя необходимы для удовлетворенія требованіямъ этихъ программъ. Существуетъ, такъ-сказать, утвержденный образецъ, по которому изготовляются образованные люди разныхъ профессій,—и лица, ищущія самообразованія, подчиняются тѣмъ же требованіямъ. Такимъ образомъ, самообразованіе сливается у насъ съ образованіемъ: и тутъ, и тамъ мы ничего самобытнаго, оригинальнаго не найдемъ. Есть предметы гимназическаго или университетскаго образованія, и всѣ болѣе или менѣе убѣждены, что образованному человѣку именно и нужны эти предметы. Иначе говоря, лица, ищущія самообразованія, задаются только цѣлью,—какъ бы пріобщиться къ гимназическимъ или университетскимъ знаніямъ.

II.

Интересно было бы, однако, уяснить себѣ, почему мы къ этому основному вопросу относимся, въ общемъ, безучастно. Мы всѣ повторяемъ, что образованіе—великое дѣло. Но все-таки, сознавая это, намъ не мѣшало бы отдать себѣ ясный отчетъ въ томъ, какія же блага въ сущности намъ даетъ образованіе? А то вѣдь въ жизни получается весьма странное явленіе! Возьмемъ для примѣра женское образованіе. Русская женщина, къ чести своей, сильно проникнута стремленіемъ къ образованію. Но что разумѣютъ у насъ обыкновенно подъ образованною женщиною? Поставивъ этотъ вопросъ, мы тотчасъ же убѣдимся, что и женское образованіе всецѣло подчиняется нашимъ понятіямъ, разъ навсегда утвержденнымъ и одобреннымъ, о гимназическомъ и университетскомъ образованіи. Образованная русская женщина должна усвоить себѣ предметы гимназическаго образованія, и, если возможно, и предметы университетскаго. Можно ли не признать образованною женщину, которая кончила не только курсъ гимназіи, по возможности съ классическими языками, но и высшіе женскіе курсы? Понятно, она женщина очень образованная. Но почему мы сплошь и рядомъ видимъ, что такая женщина весьма плохая жена и очень неискусная воспитательница своихъ дѣтей? И вотъ что еще болѣе странно: многіе спросятъ насъ, да что же общаго между образованіемъ и исполненіемъ супружескихъ или материнскихъ обязанностей? Женщины, кончившія всевозможные курсы, даже съ нѣкоторымъ самодовольствомъ заявляютъ, что онѣ плохія няньки или бонны, что онѣ не чувствуютъ никакого призванія возиться съ грязными пеленками. При этомъ, конечно, предполагается, что ихъ помыслы обращены на нѣчто лучшее и высшее. Но вѣдь съ такою же логикою женщины эти могли бы утверждать, что онѣ не чувствуютъ призванія имѣть здоровые нервы или правильное пищевареніе. Можетъ-быть, это заявленіе и соотвѣтствуетъ поэтическому представленію о женской организаціи, но, къ прискорбію, въ жизни оно даетъ весьма печальные результаты. Между тѣмъ, если бы русская женщина заявила бы: прежде всего мнѣ надо быть здоровой, прежде всего я должна обладать всѣмъ тѣмъ, что необходимо для исполненія обязанностей, возложенныхъ на меня самою природою, а затѣмъ уже я буду заботиться, если времени у меня хватитъ, объ украшеніи своего ума и сердца цвѣтами высшаго образованія,—то такую женщину у насъ признали бы очень несовременною, очень отсталою и, что еще постыднѣе, очень буржуазною.

Какъ это ни странно, но мужчины, исторически далеко опередившіе женщину у насъ въ дѣлѣ служенія семьѣ, обществу, государству, разсуждаютъ и относительно себя точно такъ же толково и разумно. Заботиться о здоровьѣ, объ исполненіи непосредственныхъ своихъ обязанностей, въ качествѣ мужа и отца,—это признается также и отсталымъ, и буржуазнымъ. Знанія, необходимыя для этого, признаются чѣмъ-то второстепеннымъ. Пріобрѣсти высшее образованіе, — о, это иное дѣло! Для этого человѣкъ въ сущности и живетъ. Можно быть совершенно равнодушнымъ къ своему собственному физическому и духовному здоровью, къ здоровью своей жены и дѣтей, къ дѣлу воспитанія послѣднихъ, но нужно самому пріобщиться къ высшему образованію и пріобщить къ нему своихъ дѣтей. За послѣднее время много толкуютъ о составленіи себѣ общаго міросозерцанія; толкуютъ объ этомъ и женщины, и мужчины. Но и тутъ мы видимъ какое-то рабское подчиненіе разнымъ лозунгамъ, разнымъ утвержденнымъ модою образцамъ. Иногда для составленія себѣ общаго міросозерцанія необходимы естественныя науки, иногда вся суть общаго міросозерцанія коренится съ соціологіи, философіи исторіи, марксизмѣ. Но при этомъ постоянно имѣются въ виду только общественные или политическіе вопросы, а обязанности по отношенію къ себѣ и наиболѣе намъ близкимъ лицамъ какъ-то отступаютъ на второй планъ или даже вовсе игнорируются. А между тѣмъ, въ будничной работѣ, которая всѣмъ намъ выпала въ удѣлъ, которою только и держится общественная и государственная жизнь и которою, главнымъ образомъ, обусловливаются культурные успѣхи и благо страны, необходимы именно личныя

качества, вырабатывающіяся въ человѣкѣ лишь постепенно, путемъ воспитанія и самовоспитанія. Качества эти никогда въ насъ не выработаются, если все наше вниманіе будетъ обращено на внѣшнія условія, общественныя и политическія, и мы не уяснимъ себѣ, что и эти условія создаются и поддерживаются, главнымъ образомъ, тѣми личными качествами или недостатками, которыя присущи каждому изъ насъ. Прислушайтесь къ разговорамъ, которые ведутся вокругъ насъ, вчитайтесь въ газетныя и журнальныя статьи, которыми наполнены наши періодическія изданія, и вы убѣдитесь, что всегда оказываемся виноваты не мы, а другіе — начальство, подчиненные, условія. Но человѣкъ, не сознающій своей вины въ томъ или другомъ направленіи, никогда не можетъ усовершенствоваться въ этомъ направленіи, такъ какъ основнымъ условіемъ всякаго усовершенствованія служитъ сознаніе, что мы не совершенны. Если наша общественная и государственная жизнь дѣлаетъ сравнительно медленные успѣхи, то главнымъ образомъ потому, что мы лишь въ очень слабой степени сознаемъ громадное вліяніе нашихъ личныхъ качествъ на общественныя и государственныя дѣла. Виноваты другіе, а не мы; значитъ, намъ нечего работать надъ собственнымъ усовершенствованіемъ. Пусть измѣняются другіе,—намъ нечего измѣняться, мы и такъ хороши!

III.

Таково наше, очень для насъ удобное, общественное и политическое міросозерцаніе. Что бы мы ни клали въ его основу, — естественныя ли, соціальныя или политическія науки, — знанія ничего тутъ не измѣнятъ. И объясняется это, главнымъ образомъ, тѣмъ, что наше міросозерцаніе обусловливается не жизнью, а книгою; что мы на книгу смотримъ, не какъ на главную помощницу въ рѣшеніи окружающихъ насъ вопросовъ жизни, а какъ на нѣчто,—выражаясь старымъ словомъ,—самоцѣльное. Между тѣмъ, книга или наука можетъ имѣть такое значеніе только для тѣхъ, кто превращаетъ ее въ призваніе своей жизни. Для всѣхъ остальныхъ людей онѣ имѣютъ лишь прикладное значеніе: знакомясь съ выводами науки, простой смертный долженъ пользоваться ею для лучшаго уразумѣнія окружающихъ насъ въ жизни явленій, для того, чтобы оріентироваться въ нихъ, потому что центръ тяжести для обыкновенныхъ смертныхъ лежитъ не въ наукѣ, а въ самой жизни. Болѣе или менѣе, каждый человѣкъ — мужъ, отецъ, воспитатель — имѣетъ опредѣленную профессію, и вотъ то, что помогаетъ ему быть хорошимъ мужемъ, отцомъ, воспитателемъ, работникомъ въ той или другой области человѣческаго труда, и должно поглощать его главное вниманіе. Всѣ науки, которыя могутъ въ этомъ отношеніи дать ему хорошія указанія, важны для него; остальныя должны отступать для него на второй планъ. Къ такому взгляду мы придемъ, если будемъ исходить изъ широкаго и вѣрнаго взгляда на жизнь. Но какъ мы въ сущности далеки отъ такого взгляда. Мы всѣ стремимся быть образованными людьми, но понимаемъ эту образованность исключительно въ смыслѣ знаній, необходимыхъ для полученія выгоднаго казеннаго мѣста, или въ смыслѣ тѣхъ или другихъ модныхъ наукъ или теорій. Непосредственныя и непреложныя требованія жизни играютъ весьма незначительную роль въ нашихъ воззрѣніяхъ на истинное образованіе.

Возьмемъ живой примѣръ. Г. Вересаевъ, авторъ столь извѣстныхъ «Записокъ врача», помѣстилъ въ только-что основанномъ журналѣ: «Вѣстникъ спб. врачебнаго общества взаимной помощи» статью подъ заглавіемъ: «Объ этикѣ въ медицинѣ». Подъ этикою онъ понимаетъ «взаимныя отношенія между врачебною наукою и живою личностью» и утверждаетъ, что «такой этики врачебная наука почти совсѣмъ чужда».

Какъ!—воскликнете вы.—Люди пять лѣтъ изучали въ университетѣ медицинскую науку, читали, конечно, на своемъ вѣку не мало всякаго рода книгъ, посвящали себя иногда въ теченіе долгихъ лѣтъ врачебной практикѣ, имѣли постоянныя сношенія съ людьми при исполненіи обязанностей своей профессіи,— и, тѣмъ не менѣе, не чувствуютъ потребности установить опредѣленныя отношенія между врачебною наукою и живою личностью.

Что же это такое? Какъ это могло случиться? Вѣдь если бы врачи исходили не отъ науки, а отъ самой жизни, то имъ, прежде всего, надо было бы установить опредѣленныя отношенія между своею профессіональною дѣятельностью и паціентами, т. е. разработать извѣстныя правила для этихъ отношеній. Между тѣмъ, какъ говоритъ г. Вересаевъ, «даже частичные вопросы этой этики почти не поднимаются и почти не дебатируются». Авторъ приводитъ одинъ изъ такихъ вопросовъ, именно вопросъ о границѣ дозволительнаго врачебнаго опыта на людяхъ. Можетъ ли, напримѣръ, врачъ прописывать паціенту тѣ или другія лѣкарства для того, чтобы выяснить себѣ ихъ дѣйствіе на организмъ, или же, будучи неопытенъ въ хирургическомъ дѣлѣ, производить операціи?

Остановимся для ясности на послѣднемъ вопросѣ. При какихъ условіяхъ врачъ можетъ приступить къ первой своей операціи? Въ

университетѣ онъ дѣлаетъ операціи надъ трупами или фантомами, но переходъ отъ такихъ операцій къ операціи на живомъ больномъ сопряженъ съ большимъ рискомъ для послѣдняго. Однако, врачу надо же оперировать живыхъ людей, чтобы пріобрѣсти опытность въ этомъ дѣлѣ. Какъ же тутъ быть? Въ нашихъ университетахъ этотъ крайне важный вопросъ не обращаетъ на себя почти никакого вниманія. Преподаютъ въ нихъ анатомію, хирургію и массу другихъ медицинскихъ наукъ, но нисколько не заботятся о томъ, чтобы выпускаемые университетами врачи не причиняли больнымъ большого вреда вслѣдствіе необходимости пріобрѣсти опытность въ хирургическомъ дѣлѣ на живыхъ людяхъ. Какъ же въ такомъ случаѣ поставлена у насъ медицинская наука въ университетахъ, и почему врачи, какъ теоретики, такъ и практики, нисколько не занимаются этимъ животрепещущимъ вопросомъ? Между тѣмъ, еще въ 30-хъ годахъ прошлаго столѣтія французскій физіологъ Мажанди говорилъ: «Хорошій хирургъ анатомическаго театра не всегда будетъ хорошимъ госпитальнымъ хирургомъ. Онъ каждую минуту долженъ ждать тяжелыхъ ошибокъ, прежде чѣмъ пріобрѣтетъ способность оперировать съ увѣренностью. Способность эту будетъ въ состояніи дать ему только долгая практика, тогда какъ онъ долженъ былъ бы пріобрѣсти ее съ самаго начала, если бы его образованіе было бы лучше направлено. Больше всего въ этомъ виноватъ способъ обученія... Учащіеся переходятъ непосредственно отъ мертвой природы къ живой, они принуждены пріобрѣтать опытность насчетъ гуманности, насчетъ жизни себѣ подобныхъ. Господа, прежде чѣмъ обращаться къ человѣку, развѣ у насъ нѣтъ существъ, которыя должны имѣть въ нашихъ глазахъ меньше цѣны и на которыхъ позволительно примѣнять свои первыя попытки. Я хотѣлъ бы, чтобы въ дополненіе къ медицинскому образованію у насъ требовалось умѣнье оперировать на живыхъ животныхъ. Кто привыкъ къ такого рода операціямъ, тотъ смѣется надъ трудностями, предъ которыми безпомощно останавливается столько хирурговъ».

Это писано въ 30-хъ годахъ прошлаго вѣка. Кажется, этотъ столь простой и удобоисполнимый совѣтъ долженъ былъ бы быть принятъ вездѣ, и всякому студенту-медику давно уже слѣдовало бы производить операціи надъ живыми животными, чтобы надлежащимъ образомъ подготовить себя къ операціямъ надъ живыми людьми. Между тѣмъ, во всей Россіи за цѣлыхъ 70 лѣтъ нашелся только *одинъ* частный университетскій преподаватель, который «уже не первый годъ предоставляетъ своимъ слушателямъ оперировать на живыхъ животныхъ».

Но этого мало. Вотъ что̀ далѣе говоритъ г. Вересаевъ: «Рядъ положеній, который долженъ бы составлять caeterum censeo каждаго врачебнаго журнала, каждаго врачебнаго общества и съѣзда, либо обходится полнымъ молчаніемъ, либо вызываетъ лишь совершенно пассивное сочувствіе, не ведущее къ дѣйствію. Гдѣ и когда дружно возстали мы противъ преступныхъ опытовъ прививки болѣзней здоровымъ людямъ съ научною цѣлью?.. Взять другой вопросъ — вопросъ о недостаточной подготовкѣ выпускаемыхъ изъ школы врачей. По этому вопросу среди врачей нѣтъ спора, во врачебной общей печати разсѣяно не мало указаній на совершенную негодность молодыхъ врачей къ самостоятельной практической дѣятельности. Но подняли ли русскіе врачи хоть разъ свой голосъ съ цѣлью указать на положеніе дѣлъ тому, кому это надлежитъ вѣдать? Мы рады ошибиться, но сколько намъ извѣстно,—нѣтъ». Нѣкоторые профессора, правда, писали: «Теперь студентъ, только ходившій въ клиникахъ вслѣдъ за профессоромъ и никогда не дѣйствовавшій самостоятельно, получивъ дипломъ на званіе врача, становится рѣшителемъ вопросовъ о жизни и смерти больныхъ безъ достаточной практической подготовки», или: «По окончаніи курса я вынесъ убѣжденіе, что среди насъ, только-что получившихъ лѣкарскій дипломъ, врядъ ли былъ хоть одинъ, который бы не зналъ, что такое coccus retrosternacleidomatoideus, но многіе ли умѣли сдѣлать горлосѣченіе задыхающемуся ребенку и увѣренно опредѣлить положеніе плода?» И одинъ изъ этихъ профессоровъ даже намѣтилъ цѣлую программу этихъ измѣненій въ постановкѣ медицинскаго образованія и предлагалъ высказаться по этому поводу предстоящимъ съѣздамъ. Но съѣзды отвѣтили на его предложеніе полнымъ молчаніемъ. А что можетъ быть насущнѣе и неотложнѣе рѣшенія этого вопроса? О немъ нужно кричать не уставая, нельзя успокаиваться, пока въ этомъ дѣлѣ не будетъ достигнуто коренной перемѣны, потому что, вѣдь, страшно,—какимъ неопытнымъ людямъ вручаются у насъ здоровье и жизнь больного».

IV.

Честь и слава г. Вересаеву, что онъ возбуждаетъ этотъ столь животрепещущій вопросъ. Однако, онъ среди своихъ товарищей по профессіи находитъ мало сочувствія, а вражды очень много. Но, даже независимо отъ г. Вересаева и возбужденной имъ агитаціи, мы спросимъ себя: какъ могло случиться, что въ одномъ изъ самыхъ существен-

ныхъ вопросовъ медицинской практики въ теченіе долгихъ лѣтъ не произошло никакого улучшенія? И отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть только одинъ: врачи не принимаютъ во вниманіе непосредственныхъ требованій жизни, они не вдумываются въ прямыя свои обязанности, они довольствуются высшимъ образованіемъ, прохожденіемъ университетскаго курса для полученія диплома. Въ дипломѣ главная сила, а если врачи и заботятся о составленіи себѣ какого-нибудь общаго міросозерцанія, то прибѣгаютъ для этого къ разнымъ книгамъ, имѣющимъ очень слабое отношеніе къ ихъ профессіи. Врачи у насъ исходятъ отъ разъ утвержденныхъ образцовъ высшаго образованія, а не отъ жизни. Если бы жизнь съ ея требованіями у нихъ стояла на первомъ планѣ, то они создали бы и университетское образованіе, соотвѣтствующее этимъ требованіямъ.

Совершенно то же наблюдается и въ другихъ профессіяхъ. Вездѣ преобладающее значеніе имѣетъ дипломъ. Другими словами, никто сознательно и самостоятельно не готовится къ исполненію обязанностей избранной профессіи; всякій стремится только по разъ утвержденной программѣ подготовить себя къ экзаменамъ, отъ которыхъ зависитъ полученіе диплома. Тамъ же, гдѣ этого диплома не требуется, подготовка къ профессіи признается совершенно излишней. Правда, такихъ отраслей труда у насъ еще мало, но все-таки онѣ есть. Сознаютъ ли, напримѣръ, лица, желающія быть писателями, журнальными или газетными сотрудниками, что имъ нужна подготовка для этой столь важной и отвѣтственной дѣятельности? Не достаточно ли имѣть бумагу, умѣть держать перо въ рукѣ и усвоить себѣ достаточную дозу смѣлости? Нравственная сторона всякой профессіи играетъ у насъ весьма слабую роль. Никто о ней не думаетъ, всѣ только заняты вопросомъ,—какъ пріобрѣсти право или возможность зарабатывать себѣ хлѣбъ путемъ той или другой профессіи. Не жизнь, съ ея серьезными требованіями, заботитъ насъ, а исключительно личное наше благополучіе. Хлѣбная сторона профессіи, — вотъ на что направлены и умъ, и сердце. Поэтому и образованіе носитъ у насъ соотвѣтственный характеръ. Мы даже не въ состояніи себѣ представить другого образованія. Вся наша образовательная система построена на дипломѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и тѣ, кто стремится къ самообразованію, примыкаетъ къ разъ установленной общей системѣ. Онъ не спрашиваетъ себя, — что ему нужно въ жизни, чтобы удовлетворять ея требованіямъ? Онъ знаетъ, что образованнымъ человѣкомъ у насъ считается тотъ, кто кончилъ курсъ въ томъ или другомъ учебномъ заведеніи, а потому, чтобы быть образованнымъ, надо такъ или иначе пройти предметы, преподаваемые въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ. Иного образованія на его взглядъ нѣтъ и быть не можетъ. Всѣ мы — отцы и матери. Всѣ мы должны удовлетворять требованіямъ, предъявляемымъ культурному человѣчеству, воспитать въ себѣ извѣстныя для этого качества. Всѣ мы тысячью нитей связаны со страною, въ которой мы родились и выросли, съ страною земледѣльческою, по преимуществу крестьянскою. Если стать на эту точку зрѣнія, если имѣть въ виду образованіе въ смыслѣ подготовки для жизни, — то удовлетворяетъ ли наша система образованія даже элементарнымъ требованіямъ, играетъ ли гигіена, педагогика, воспитаніе въ себѣ энергіи и предпріимчивости, знанія, необходимыя для умѣнія обращаться съ землею и съ преобладающимъ ея населеніемъ—какую-нибудь роль въ нашей образовательной системѣ? Спросимъ себя, напримѣръ, какое образованіе получаютъ у насъ дѣти помѣщиковъ и землевладѣльцевъ, и мы увидимъ, что они получаютъ образованіе, которое не имѣетъ ничего общаго съ ихъ естественной профессіей. И мы жалуемся на упадокъ нашего землевладѣльческаго класса!

Вотъ на что слѣдовало бы направить самообразованіе. Но и оно подчиняется у насъ исключительно разъ навсегда установленнымъ программамъ. А если человѣкъ и отрѣшается отъ этихъ программъ, если онъ ищетъ самообразованія не только для пріобрѣтенія диплома и выгоднаго мѣста, то опять-таки онъ на жизнь не обращаетъ вниманія. Онъ избираетъ себѣ въ руководители людей, которые далеко стоятъ отъ нея, которые предлагаютъ ему разныя чисто-теоретическія знанія. А рядомъ съ нами на каждомъ шагу встрѣчаются люди, которымъ мы могли бы помочь, если бы имѣли болѣе ясное представленіе о дѣйствительной жизни, если бы выработали бы въ себѣ качества, необходимыя для практической дѣятельности. Но, не располагая ни знаніями, ни качествами подобнаго рода, мы совершенно безсильны придти на помощь этимъ близкимъ намъ людямъ, и чтобы найти удовлетвореніе нравственному чувству (слава Богу, оно въ насъ все еще живетъ), мы съ чужого голоса изобрѣтаемъ планы облагодѣтельствованія всего рода человѣческаго, или, по меньшей мѣрѣ, всей Россіи. И тогда мы окончательно остаемся не у дѣлъ или подстрекаемъ другихъ оказаться въ такомъ же жалкомъ положеніи.

Библіографія.

(Книги, поступившія въ редакцію.)

Аданъ, Поль. Византія. (Les Byzantines). М. 1902. Ц. 1 р.

Исторія Византіи стала въ послѣднее время очень интересовать французскихъ и нѣмецкихъ писателей и вошла, такъ-сказать, въ моду въ литературѣ. П. Аданъ считается на Западѣ большимъ знатокомъ Византіи, а такъ какъ онъ обладаетъ, кромѣ того, яркимъ литературнымъ талантомъ, то его драматическая хроника является дѣйствительно рельефной картиной византійской эпопеи.

Аничкова, И. И. Изъ деревни. СПБ. 1902. Ц. 70 к.

Живыя наблюденія автора надъ „горемычнымъ сельскимъ бытомъ“ знакомятъ читателя въ коротенькихъ очеркахъ съ наиболѣе наболѣвшими вопросами жизни нашихъ крестьянъ. Такая книжка не безполезна для всякаго незнакомаго съ русской деревней, въ видѣ первоначальнаго, теоретическаго и элементарнаго руководства.

Бріё. Испорченные. (Les Avariés). Пьеса въ 3-хъ дѣйствіяхъ. СПБ. 1902. Ц. 1 р.

Бріё — извѣстный драматическій писатель, авторъ пьесъ à thèses. Его „Les avariés“ надѣлали много шума во Франціи, будучи запрещены къ представленію драматической цензурой. Тема „Испорченныхъ“ интересна и рискованна для публичнаго представленія, но весьма и весьма поучительна въ чтеніи. Авторъ разбираетъ вопросъ о правѣ зараженныхъ неизлѣчимыми болѣзнями мужчинъ на вступленіе въ бракъ. Конечно, Бріё относится отрицательно къ этому праву и считаетъ необходимымъ открыто бороться со сцены и въ литературѣ съ этимъ ужаснымъ зломъ, ведущимъ къ вырожденію людского рода.

Булгакова, Е. Изъ жизни средневѣкового ремесленника. М. 1902. Ц. 50 к.

Г-жа Булгакова даетъ намъ въ этой интересной книжкѣ популярно написанный историческій очеркъ цеховъ, отъ момента ихъ возникновенія до ихъ распаденія, въ Англіи, Франціи и Германіи. Книжка отличается простотой изложенія и снабжена интересно подобранными рисунками, почему и можетъ доставить удовольствіе и пользу любителямъ историческаго чтенія.

Воротниковъ, А. П. Анна Ярославна. М. 1902. Ц. 1 р.

Произведеніе г. Воротникова представляетъ собою едва ли не первую и единственную попытку представить исторію русской королевы Франціи (1051—1060) въ формѣ драматической хроники. Источники по пребыванію Анны Ярославны во Франціи крайне скудны, и автору пришлось ихъ восполнять историческими домыслами и беллетристической фантазіей. Тѣмъ не менѣе, нельзя не признать эту первую попытку удачной и интересной съ исторической, если не съ художественной, точки зрѣнія.

Головинъ, К. (К. Орловскій). Полное собраніе сочиненій. Т. III. Внѣ колеи. СПБ. 1902. Ц. 1 р. 25 к.

Какъ видятъ читатели, только-что начавшее появляться въ свѣтъ полное собраніе сочиненій нашего талантливаго беллетриста, г. Головина, быстро подвигается впередъ. Третій томъ содержитъ бо̀льшую часть одного изъ лучшихъ произведеній автора—произведенія съ широкою общественною подкладкою—„Внѣ колеи“.

Гусевъ, А. Ѳ. Необходимость внѣшняго Богопочтенія и мнѣніе о немъ Л. Н. Толстого. Казань. 1902. Ц. 30 к.

Гюго, В. Маленькій Наполеонъ, пер. Г. М. Марморштейна. Изд. С. Дороватовскаго и А. Чарушникова. Москва. 1902 г. Ц. 50 к.

Даниловъ, Н. Какъ построить буеръ. Изд. Н. П. Мазурецъ. СПБ. 1902 г. Ц. 1 р.

Данте Аллигіери. Божественная комедія. I. Адъ. Пер. съ итальянск. размѣромъ подлинника Дмитрій Минъ. Съ прил. комментарія, портрета и 2 рис. Изд. Суворина. СПБ. 1902. Ц. 3 р.

Нельзя не привѣтствовать появленія этой книги. Переводъ покойнаго Мина „Божественной Комеди“, какъ извѣстно, отличается большими достоинствами. Переводчикъ посвятилъ своему труду большую часть жизни и, дѣйствительно, создалъ нѣчто выдающееся. При жизни переводчика въ печати появилась только первая часть комедіи и первая пѣснь „Чистилища“. Теперь г. Суворинъ издаетъ весь переводъ Мина. Внѣшность изданія прекрасна. Появился пока первый томъ. За нимъ послѣдуютъ два остальныхъ, и цѣна всему изданію назначена весьма умѣренная,—7 р. 50 к.

Демьяновъ, Л. Приготовленіе консервовъ изъ овощей. Харьковъ. 1901 г. Ц. 20 к.

Д-тъ земледѣлія. Указатель изданій министер. земледѣлія и государств. имуществъ по сельско-хозяйственной и лѣсной части. Сост. И. И. Мамонтовъ. СПБ. 1901. Ц. 60 к.

Д-тъ земледѣлія. Ежегодникъ русскихъ сельско-хозяйственныхъ опытныхъ учрежденій. Вып. I. СПБ. 1901.

Дерновъ, М. А. Устройство улья Дадана. Изд. 2-е. СПБ. 1902. Ц. 35 к.

Елпатьевскій, Н. Разсказы и стихотворенія изъ русской исторіи. Историческая хрестоматія для младш. класс. средн. учебн. заведеній. СПБ. 1902. Ц. 1 р. 30 к.

Законы гражданскіе (св. законовъ т. X, ч. I. Изд. 1900 г.) со включеніемъ позднѣйшихъ узаконеній и разъясненій по рѣшеніямъ общ. собр. и гражд. кас. департ. прав. сената (съ 1866 г. по іюль 1900 г.). Сост. подъ ред. А. К. Гаугера. Изд. 5-е. СПБ. 1902. Ц. 3 р.

Игнатовичъ, И. И. Помѣщичьи крестьяне наканунѣ освобожденія. СПБ. 1902. Ц. 1 р.

Бытъ и положеніе помѣщичьихъ крестьянъ получаетъ въ книгѣ г. Игнатовича всестороннее освѣщеніе и разобранъ во всѣхъ подробностяхъ авторомъ этого изслѣдованія. Всякому желающему подробно ознакомиться съ исторіей освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ въ Россіи, книга эта принесетъ несомнѣнную пользу.

Карабчевскій, Н. П. Около правосудія. Статьи, сообщенія и судебные очерки. Ц. 2 р. **Рѣчи.** Изд. 2-е, дополненное. Ц. 3 р. 50 к. СПБ. 1902.

Въ предисловіи къ первой книгѣ авторъ говоритъ: „Профессія адвоката на протяженіи десятковъ лѣтъ держала меня „около правосудія“ и приводила въ столкновеніе съ явленіями характера юридическаго. Бѣглые, разсѣянные отголоски вынесенныхъ мною въ этой сферѣ впечатлѣній и составляютъ содержаніе книги“—не только первой,—добавимъ мы,—но и второй, и такъ какъ авторъ защищалъ дѣла очень громкія и характерныя (укажемъ лишь на дѣла Макшеева, Мироновичъ, Ольги Палемъ, братьевъ

Скитскихъ, Александра Тальма и т. д.), то „бѣглые и разсѣянные отголоски вынесенныхъ имъ впечатлѣній" несомнѣнно представляютъ большой общественный интересъ. Въ этомъ и заключается главное значеніе изданныхъ г. Карабчевскимъ книгъ.

Кругловъ, А. В. Изъ дневника православнаго міряннна. М. 1901. Ц. 30 к.

Это—рядъ поучительныхъ бесѣдъ на евангельскія темы, приноровленныхъ для чтенія міранъ, какъ взрослыхъ, такъ и въ особенности юношей. Бесѣды эти написаны хорошимъ литературнымъ слогомъ и въ авторѣ чувствуется писатель, привыкшій къ беллетристическому изложенію своихъ мыслей, что придаетъ его бесѣдамъ колоритность и образность.

Кузьминъ-Караваевъ, В. А. Проектъ земскаго управленія. СПБ. 1902. Ц. 40 к.

Купчинскій, Ф. П. Сочиненія въ двухъ частяхъ. СПБ. 1902. Ц. 1 р. 50 к.

Лаузнштейнъ, Р. Желѣзныя части зданій. Подъ ред. В. Г. Тюрина и Г. Г. Кривошеина. Изд. К. Л. Риккера. СПБ. 1902. Ц. 3 р.

Лисовскій, М. Нѣмые страдальцы. Бесѣда о животныхъ. Иллюстраціи Табурина. СПБ. 1902.

Статья эта хорошо знакома нашимъ читателямъ, такъ какъ первоначально появилась въ нашихъ „Литературныхъ приложеніяхъ". Издана она прекрасно. Силѣ впечатлѣнія, производимаго книгою, содѣйствуютъ и очень характерныя иллюстраціи. Мы надѣемся, что своею горячею и краснорѣчивою проповѣдью противъ истязанія животныхъ, авторъ достигнетъ смягченія нашихъ нравовъ въ этой области.

Маминъ-Сибирякъ, Д. Сибирскіе разсказы. М. 1902. Ц. 1 р.

Мартыновъ, Н. Узаконеніе и усыновленіе дѣтей (законъ 12 марта 1891 г.) съ законодательными мотивами, разъясненіями сената и образцами бумагъ. Изд. 4-е. СПБ. 1902. Ц. 50 к.

Метерлинкъ, Морисъ. Жизнь пчелъ СПБ. 1902. Ц. 1 р. 25 к.

Бельгійскій писатель Метерлинкъ, извѣстный своими символическими, довольно туманными драмами, написалъ очень живую, ясную и оригинальную книгу, тотчасъ же переведенную на многіе языки. Онъ разсказываетъ о жизни пчелъ и живо воспроизводитъ передъ читателемъ внутренній *бытъ* улья. Страницы эти написаны увлекательно.

Мещерскій, А. П. Испольщина и крестьянскіе заработки. СПБ. 1902. Ц. 50 к.

Москвичъ. Крымъ. Одесса. 1902. Ц. 1 р.

Путеводители г. Москвича пользуются хорошей репутаціей практическихъ гидовъ; „Крымъ", напримѣръ, выходитъ уже одиннадцатымъ изданіемъ. Всѣ они составлены по типу Бедекера, но уступаютъ ему въ полнотѣ. Тѣмъ не менѣе, путеводитель по Крыму, при дешевизнѣ этой книги, можетъ сослужить большую пользу русскому туристу, посѣщающему въ первый разъ эту „жемчужину" Чернаго моря.

Райхлинъ, А. Ницца и ея окрестности. Спб. 1902. Ц. 1 р.

Д-ръ Райхлинъ издалъ путеводитель по курортамъ Ривьеры, въ который вошли описанія Ниццы-Монако, Монтекарло и Ментоны. Эти мѣста сдѣлались, за послѣднее время, излюбленнымъ мѣстопребываніемъ какъ здоровыхъ, такъ и больныхъ русскихъ. Путеводитель составленъ очень толково и подробно, хотя и безъ лишнихъ подробностей, обильно снабженъ иллюстраціями и картами и представляетъ собою дѣйствительно цѣнный практическій указатель для путешественниковъ, посѣщающихъ въ первый разъ французскую Ривьеру.

Саводникъ В. Ницшеанецъ 40-хъ годовъ. М. 1902. Ц. 60 к.

Г. Саводникъ въ этой интересной брошюрѣ указываетъ на нѣмецкаго писателя Штирнера, какъ на предшественника знаменитаго философа Ницше, такъ-сказать, предтечу его идей, получившихъ въ послѣднее время широкое распространеніе. Штирнеръ также проповѣдовалъ въ своихъ писаніяхъ „философію эгоизма", къ которой общество конца 40-хъ годовъ, конечно, относилось отрицательно; только недавно, благодаря успѣху философіи Ницше, вспомнили о Штирнерѣ, и г. Саводникъ даетъ намъ критическій анализъ его системы.

Соколовскій, А. Л. Энциклопедія для юношества. Выпускъ II. Геологія. СПБ. Ц. 2 р.

По поводу выхода въ свѣтъ перваго выпуска („Астрономія") „Энциклопедіи для юношества", издаваемой А. Л. Соколовскимъ, мы уже высказались о ея достоинствахъ и ея крупномъ значеніи для самообразованія. Новый выпускъ, обнимающій всю геологію, даетъ систематическое общепонятное изложеніе начальныхъ основъ ея. По полнотѣ свѣдѣній книга г. Соколовскаго представляетъ интересъ и для взрослыхъ, желающихъ ознакомиться съ общими началами данной науки въ легкомъ, доступномъ изложеніи. „Энциклопедія" г. Соколовскаго годна и для преподавателей начальныхъ школъ, какъ конспектъ научныхъ бесѣдъ съ учениками. Трудъ, задуманный г. Соколовскимъ, очень великъ: изложить всѣ физическія науки, затѣмъ прикладныя и, наконецъ, соціальныя въ видѣ ряда отдѣльныхъ, законченныхъ курсовъ; судя по первымъ двумъ выпускамъ, г. Соколовскій совладаетъ съ этой обширной задачей; нужно пожелать ему лишь силъ для продолженія этого полезнаго труда.

Софистъ, Н. Проектъ мѣръ для болѣе точнаго опредѣленія степени убѣжденности современныхъ писателей. Спб. 1902 г. Ц. 50 к.

Тарасенковъ, А. Послѣдніе дни жизни Гоголя. Записки его современника. Изд. 2-е, доп. по рукописи. М. 1902 г. Ц. 30 к.

Тищенко, Ѳ. Разсказы. М. 1902. Ц. 1 р.

Автора интересуетъ судьба незначительныхъ людей: сельскаго учителя, Семена-сироты, бѣдняжки-мальчугана. Разсказы обнаруживаютъ въ авторѣ наблюдательность быта, теплое отношеніе къ его излюбленнымъ героямъ и написаны они не только литературно, но подчасъ и занимательно.

Травинъ, П. А. Думы, стихотворенія. Кн. 1-я. М. 1901 г. Ц. 15 к.

Тру, А. Сельскохозяйственныя опытныя станціи въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣв. Америки. Одесса. 1901.

Федоровъ, П. А. Керосиновые и бензиновые двигатели. Спб. 1902 г. Ц. 30 к.

Федоровъ, П. Я. Сельскій землемѣръ. Спб. 1902 г. Ц. 30 к.

Федоровъ, П .А. Постройка и ремонтъ дорогъ. Спб. 1902. Ц. 30 к.

Федоровъ, Е. С. Курсъ кристаллографіи. 3-е изд. К. Л. Риккера. Спб. 1901. Ц. 2 р. 50 к.

Хаггардъ, Райдеръ. Она (She), романъ. Спб. 1902. Ц. 60 к.

Въ англійской литературѣ послѣдняго періода возобладалъ романъ удивительныхъ, фантастическихъ и таинственныхъ приключеній. Однимъ изъ наиболѣе яркихъ представителей этого направленія справедливо считается Хаггардъ, а романъ: „Она" безспорно является самымъ типичнѣйшимъ произведеніемъ этого писателя. Въ смыслѣ занимательности, романъ этотъ вполнѣ удовлетворяетъ своему назначенію.

Шиппель. Современная бѣдность и перенаселеніе. Спб. 1902. Ц. 1 р. 25 к.

Вопросы о пауперизмѣ и перенаселеніи, занимающіе нѣмецкаго автора, имѣютъ значеніе и для Россіи, въ особенности, первый, какъ общее явленіе для всѣхъ современныхъ государствъ. Изслѣдованіе Шиппеля обширно и снабжено многими статистическими таблицами; въ резуль-

татѣ чтенія получается живая картина дѣйствительности, довольно мрачнаго колорита.

Шкляревскій, А. О. „Чтеніе Положенія 19 февр. 1861 г.“ Кіевъ. 1902. Ц.

Проф. кіевскаго университета А. С. Шклярев-скій написалъ художественное изслѣдованіе о картинѣ Г. Г. Мясоѣдова „Чтеніе Положенія 19 февр. 1861 г.“ Эта картина „единственное произведеніе русской живописи, которое достойнымъ образомъ увѣковѣчило“ великое историческое событіе. Изслѣдованіе почтеннаго профессора иллюстрировано снимками съ знаменитой картины и съ другихъ картинъ того же художника—„Сѣятель“ и «Жатва“, и ему предпослано предисловіе проф. Сикорскаго. Въ общемъ, получилась изящно изданная книжка, которая прочтется съ большимъ удовольствіемъ всѣми, кому дорого воспоминаніе объ этомъ событіи. А кому же оно не дорого?..

Шурцъ, Генрихъ, прив.-доц. Лейпциг. унив. **Краткое народовѣдѣніе.** Переводъ съ нѣм. Д. А. Коропчевскаго. Съ 67 рис. „Учительская библіотека“. 2-е изд. журн. „Дѣтск. Чтенія“. М. 1902. Ц. 1 р. 25 к.

Въ этой небольшой книжкѣ на пространствѣ 350 страницъ, авторъ сумѣлъ дать краткій, наглядный и строго научный учебникъ народовѣдѣнія. Благодаря своему популярному изложенію, трудъ г. Шурца представляетъ собою не только цѣнное пособіе при школьномъ преподаваніи географіи, но и общедоступную справочную книгу по народовѣдѣнію. Переводъ книги, сдѣланный опытною рукою г. Коропчевскаго, прекрасенъ.

СМѢСЬ.

Фотерингейскій замокъ.—Какое обиліе историческихъ событій и воспоминаній связано съ находящимся въ графствѣ Норсгэмптонъшайръ замкомъ, отъ котораго теперь остались только живописныя руины, говорящія воображенію о давно прошедшихъ романтическихъ временахъ рыцарства. Постройка Фотерингея можетъ быть отнесена къ началу XII вѣка,—слѣдовательно, это одно изъ древнѣйшихъ рыцарскихъ гнѣздъ. Отъ графа Норсгэмптона замокъ впослѣдствіи перешелъ къ Давиду Гентингдону, шотландскому принцу королевской крови, потомъ къ Плантагенетамъ и, наконецъ, былъ подаренъ Эдуардомъ III своему пятому сыну, герцогу Іоркскому Эдмунду Ланглей. Его потомокъ, Ричардъ Іоркскій, глава партіи Бѣлой Розы, павшій въ битвѣ при Векфильдѣ, былъ погребенъ въ Фотерингеѣ, а спустя 40 лѣтъ—и его вдова. Генрихъ VII подарилъ этотъ замокъ своей супругѣ Елизаветѣ, а его преемникъ—Екатеринѣ Аррагонской. Такимъ образомъ, замокъ непрерывно мѣнялъ своихъ владѣльцевъ; одно поколѣніе смѣняло другое въ его обширныхъ сводчатыхъ залахъ, а хроника несчастій то и дѣло обогащалась новыми именами.

Особенно громкую извѣстность Фотерингей пріобрѣлъ благодаря своей царственной узницѣ, Маріи Стюартъ, которая 8-го февраля 1587 года окончила здѣсь жизнь подъ топоромъ палача послѣ того, какъ ея заклятый врагъ, Елизавета Англійская, цѣлыхъ пять лѣтъ продержала ее въ Фотерингеѣ въ самомъ строгомъ заключеніи. Въ своемъ интересномъ историческомъ трудѣ Миньѳ разсказываетъ объ этомъ событіи слѣдующее: «Несчастная шотландская королева была увѣдомлена графомъ Шефсбэри, что утромъ слѣдующаго дня назначена ея казнь. Марія Стюартъ далеко за полночь писала письма и распредѣляла между своими слугами подарки и сувениры. Около двухъ часовъ ночи она прилегла отдохнуть, между тѣмъ какъ ея приближенные молились. Служанки замѣтили, что царственная узница, лежа съ закрытыми глазами, продолжала шептать молитвы, очевидно поручая свою душу Тому, Кто будетъ судить ее. На разсвѣтѣ она встала,—до 8 часовъ, времени казни, ей оставалось жить всего два часа. Скоро она послала за своимъ врачомъ, прочла ему свою послѣднюю волю и подписала подъ нею свое имя. Послѣ этого она заперлась въ своей комнатѣ, чтобы въ послѣдній разъ помолиться. Громкій стукъ въ дверь прервалъ ея молитву; она попросила ожидавшихъ ее дать ей еще нѣсколько минутъ. Едва часы показали, что срокъ наступилъ, какъ она отперла дверь. Вошелъ шерифъ и, съ поклономъ Маріи Стюартъ, сказалъ: «Сударыня, лорды васъ ждутъ и послали меня за вами». Марія поднялась и отвѣтила: «Да, пойдемте!» Она была такъ слаба, что должна была опираться на руки двухъ своихъ служанокъ. На лѣстницѣ, ведшей къ нижней залѣ, стояли графы Шефсбэри и Кентъ, желавшіе проводить ее на ея послѣднемъ короткомъ пути. Но въ этомъ имъ было отказано, и они силой были удалены отъ королевы. Марія была одѣта во вдовье платье, въ одной рукѣ держала распятіе, въ другой молитвенникъ. У самаго эшафота она еще разъ простилась съ Андрью Мельвилемъ, своимъ дворецкимъ. «Къ чему сожалѣнія?—сказала она ему.—Мельвиль, радуйтесь, что Марія Стюартъ оканчиваетъ свой долгій и тяжкій жизненный путь. Запомните вотъ что: я умираю съ твердой вѣрой въ мою религію,—вѣрной католичкой, вѣрной шотландкой и вѣрной француженкой. (Какъ извѣстно, она первый разъ была замужемъ за французскимъ дофиномъ, впослѣдствіи Францискомъ II.) Да проститъ Господь тѣмъ, кто виновенъ въ моей смерти!» Послѣ того ей прочли смертный приговоръ. Она сдѣлала возраженіе, въ которомъ нѣсколько разъ употребила фразу: «Я—природная королева, и не подчиняюсь закону!..» снова повторила, что всегда была далека отъ посягательствъ на жизнь королевы Елизаветы, и въ заключеніе прочла по-латыни нѣсколько псалмовъ. Когда она кончила, подошли палачи и предложили помочь ей обнажить шею. Она съ улыбкой оберну-

лась къ нимъ и сказала, что до сихъ поръ ей еще не приходилось имѣть «такихъ камеръ-юнгферъ», послѣ чего подозвала двухъ своихъ дѣвушекъ, которыя, заливаясь слезами, оказали ей требуемую помощь, а когда кончили, она снова шутливо обратилась къ присутствовавшимъ, говоря, что до сихъ поръ въ ея привычки не входило совершать туалетъ предъ столькими людьми. Простившись съ обѣими служанками и простивъ палачамъ, которымъ она въ послѣднюю минуту съ негодованіемъ замѣтила, что ждала смерти по французскому обычаю, стоя и отъ меча, а не отъ топора—она стала на колѣни, помолилась и съ рѣшимостью положила голову на плаху. Палачъ былъ такъ взволнованъ, что только послѣ трехъ ударовъ могъ отдѣлить голову несчастной королевы отъ туловища. Губы ея еще шевелились четверть часа спустя, лицо казалось постарѣвшимъ на тридцать лѣтъ, волосы посѣдѣли».

Здѣсь не мѣсто доискиваться, въ какой мѣрѣ, и была ли вообще Марія Стюартъ причастна заговорамъ противъ королевы Елизаветы, которая, цѣлыхъ двадцать лѣтъ продержавъ свою соперницу въ заключеніи, напослѣдокъ, въ минуту слабости, подписала ея смертный приговоръ, чтобы вскорѣ — но уже поздно—объ этомъ пожалѣть. Смертная казнь въ эту эпоху стала явленіемъ заурядным: въ продолженіе царствованія Генриха VIII въ одной только Англіи 20.000 человѣкъ были насильственно лишены жизни; при Маріи «Кровавой» Лондонъ получилъ прозвище «города висѣлицъ» и оставался таковымъ до начала XIX вѣка, когда еще каждое воровство, даже въ размѣрѣ одного шиллинга, каралось смертью.

Большая зала, въ которой Марія Стюартъ окончила свою жизнь, съ давнихъ поръ уже находится во владѣніи фамиліи Коттонъ въ Гэнтингдонъ-шайрѣ, которые перевезли ее туда. На мѣстѣ ея теперь растетъ нѣсколько деревьевъ; сорныя травы заполонили руины стараго замка, противъ окончательнаго разрушенія котораго направлены старанія археологическаго общества въ Питерборо, находящаго ревностную поддержку въ лицѣ лэди Уонтэджъ, нынѣшней владѣлицы помѣстья Фотерингей.

Статистика разводовъ въ Западной Европѣ. Въ одномъ французскомъ журналѣ мы находимъ слѣдующія свѣдѣнія относительно разводовъ во Франціи за 1898 г. — Всего прошеній о разводѣ было подано: 9.521; о разлученіи супруговъ (separation de corps) 2.859.—Итого свыше 12.000 заявленій о нежеланіи продолжать брачное сожительство. Въ процентномъ отношеніи заявленія эти группируются слѣдующимъ образомъ:

	Разводъ:	Разлученіе супруговъ:
Прошеній подано:		
Мужьями	43%	15%
Женами.	57	85
Семейное положеніе:		
Семьи съ дѣтьми. . .	49%	68%
Бездѣтныя.	51	32
По профессіи:		
Землевладѣльцы, рантье, свободн. профессіи.	10%	16%
Коммерсанты, купцы, фабриканты. . . .	14	16
Крестьяне.	9	16
Чернорабочіе. . . .	5	—
Фабричные.	45	37
Лица въ услуженіи. .	7	6
Безъ или неизвѣстн. профессій	10	9
Продолжительность брака до подачи прошенія:		
Менѣе года	5%	3%
1— 5 л.	32	24
5—10 »	38	36
10—20 »	19	25
20—30 »	5	9
Мотивы:		
Излишества, истязанія, тяжкія оскорбленія	74%	87%
Измѣна (adultere) жены.	14	6
» мужа.	7	6
Осужден. къ позорнымъ наказаніямъ .	3	1

Требованія развода удовлетворены въ 85%, — о разлученіи въ 75% всѣхъ поданныхъ прошеній.

На основаніи приведенныхъ цифръ можно сдѣлать слѣдующія заключенія:

Женщина, недовольная мужемъ, очень часто довольствуется правомъ жить отдѣльно; мужчина при тѣхъ же условіяхъ чаще требуетъ развода.

Дѣти часто удерживаютъ родителей отъ разлученія, но очень рѣдко—отъ развода.

Всего шире пользуется правомъ разорвать брачныя цѣпи рабочій классъ.

Всего настоятельнѣе даетъ себя чувствовать невозможность продолжать совмѣстное брачное сожительство не въ первый годъ послѣ брака, и даже не въ первое пятилѣтіе, но во второе (отъ 5 до 10 л.).

Въ 1898 г. было заключено во Франціи свыше 287.000 браковъ; такимъ образомъ, на 1.000 браковъ приходится 28 разводовъ.

Число разводовъ за послѣднее 10-тилѣтіе почти удвоилось во Франціи.

На ряду съ этими данными считаемъ небезынтереснымъ привести нѣкоторыя свѣдѣнія относительно развода въ другихъ странахъ Западной Европы.

Въ *Германіи* законъ о разводѣ существуетъ съ 1875 г. Въ пятилѣтіе съ 1881—85 г. въ среднемъ приходилось на годъ около 8.000 разводовъ, въ послѣднее же время свыше 10.000.

Въ *Англіи* (законъ 1857 г.) въ пятилѣтіе 1858—62 г. приходилось по 205 разводовъ въ среднемъ на годъ; въ 1894 — 547; въ 1898—644. Отдѣльныхъ видовъ на жительство выдается около 102 въ годъ. Англійскіе судьи съ гораздо большей строгостью относятся къ расторженію брака, чѣмъ ихъ французскіе коллеги; въ то время, какъ послѣдніе удовлетворяютъ требованія развода въ 85% всѣхъ случаевъ, первые удовлетворяютъ ихъ лишь въ 28%.

Въ *Австріи* разводъ разрѣшенъ лишь некатоликамъ. Количество разводовъ возросло съ 1890 по 1894 г. на 25%; требованій же разлученія — 22%.

Въ *Бельгіи* въ 1891 г. совершено было 594 развода, въ 1894—708; въ 1898—883.

Въ *Италіи* законъ не призналъ развода. Прошеній о разлученіи было подано свыше 4.000; удовлетворено же—около 2.000.

Въ *Швейцаріи* (законъ 1874 г.) въ 1891 г. было совершено 877; въ 1894 — 932 развода; разрѣшеній на разлученіе дается въ среднемъ около 71 въ годъ.

Переговоры между пароходами посредствомъ безпроволочнаго телеграфа.—Капитанъ парохода сѣверо-германскаго Ллойда «Kaiser Wilhelm der Grosse», Хэгеманъ, установилъ рекордъ самаго продолжительнаго разговора на морѣ посредствомъ безпроволочнаго телеграфированія, съ Кунардовскимъ пароходомъ «Lucania» во время послѣдняго рейса изъ Бремена въ Нью-Іоркъ. По его словамъ, аппаратъ Маркони на обоихъ судахъ работалъ необыкновенно хорошо; это онъ, главнымъ образомъ, приписываетъ тому обстоятельству, что телеграфистъ «Kaiser Wilhelm»'а былъ раньше на «Lucania», а телеграфистъ «Lucania» на «Kaiser Wilhelm»'ѣ. Каждому хорошо извѣстны особенности обоихъ аппаратовъ. Суда переговаривались другъ съ другомъ почти три дня, т. е. почти полдороги черезъ океанъ. «Lucania» отчалила 14-го декабря тремя часами раньше «Kaiser Wilhelm der Grosse». Когда Кунардовскій пароходъ былъ впереди на 60 миль, между обоими судами установилась взаимочувствительность. Сигнализація непрерывно продолжалась всю ночь. На зарѣ въ воскресенье суда завидѣли другъ друга. Въ 2 часа пополудни «Kaiser Wilhelm der Grosse» пересѣкъ курсъ «Lucania» на 4 мили южнѣе. Пассажирами «Lucania» отправлено на «Kaiser Wilhelm der Grosse» двѣнадцать телеграммъ для дальнѣйшей ихъ передачи, черезъ станцію для безпроволочнаго телеграфированія на Лизардѣ, по сушѣ, живущимъ въ Англіи адресатамъ. Съ наступленіемъ ночи, въ воскресенье, огни обоихъ судовъ перестали быть видны. Несмотря на это, взаимочувствительность продолжала проявляться въ телеграфированіи. Къ полудню понедѣльника пароходы перемѣнили свое положеніе, и ихъ командиры нашли, что теперь они въ 40 миляхъ другъ отъ друга. Въ началѣ вечера, на высотѣ банокъ, «Kaiser Wilhelm der Grosse» вошелъ въ густой туманъ, но вскорѣ вышелъ оттуда въ полосу ясной погоды, и его марконіевскій телеграфистъ послалъ слѣдующее извѣщеніе находившемуся позади него судну: «25 миль къ востоку отъ банокъ. Ясная погода». Кунардовскій пароходъ слѣдующимъ образомъ подтвердилъ полученіе телеграммы: «Благодарю. Нахожусь еще въ густомъ туманѣ». Пароходы въ это время были на разстояніи 60-ти миль другъ отъ друга. Ночью тиканье аппарата на палубѣ «Kaiser Wilhelm der Grosse» становилось все слабѣе и слабѣе; наконецъ, когда оба судна раздѣлило разстояніе въ 85 миль, аппараты перестали работать.—Во время рейса, который «Kaiser Wilhelm der Grosse» окончилъ 31-го января, пароходъ пересѣкъ среди океана курсъ парохода той же компаніи «Kronprinz Wilhelm», который направлялся къ востоку. Они привели въ извѣстность свое мѣстонахожденіе, и пассажиры принялись обмѣниваться телеграммами на разстояніи 40 миль. Они поддерживали сношенія другъ съ другомъ въ теченіе двухъ часовъ. Капитанъ Хэгеманъ говоритъ, что во время своего предыдущаго рейса, когда вертящійся огонь на плавучемъ маякѣ Nantucket былъ въ непорядкѣ, онъ былъ все же увѣренъ, что видитъ маякъ. Одинъ изъ младшихъ офицеровъ усомнился въ этомъ, такъ какъ видѣлъ двѣ неподвижныхъ красныхъ точки вмѣсто вертящагося огня. «Хорошо,— сказалъ капитанъ: — мы это сейчасъ выяснимъ», и велѣлъ телеграфисту послать въ воздухъ слѣдующій вопросъ: «У васъ два неподвижныхъ красныхъ огня?» Молодой офицеръ былъ удовлетворенъ, когда получилъ отвѣтъ: «Да, другой огонь испорченъ». По словамъ капитана Хэгемана, полученныя имъ съ «Lucania» телеграммы были переданы на лизардовскую станцію и достигли мѣстъ своего назначенія раньше, чѣмъ «Lucania» дошла до гавани. «Kaiser Wilhelm der Grosse» на разстояніи 45-ти миль увѣдомилъ и агентство сѣверо-германскаго Ллойда въ Бремергафенѣ,—когда онъ придетъ въ Бремергафенъ.

Pour Piano

Е. Рѣгель.

Allegretto

PIANO

legg.

p

ten.

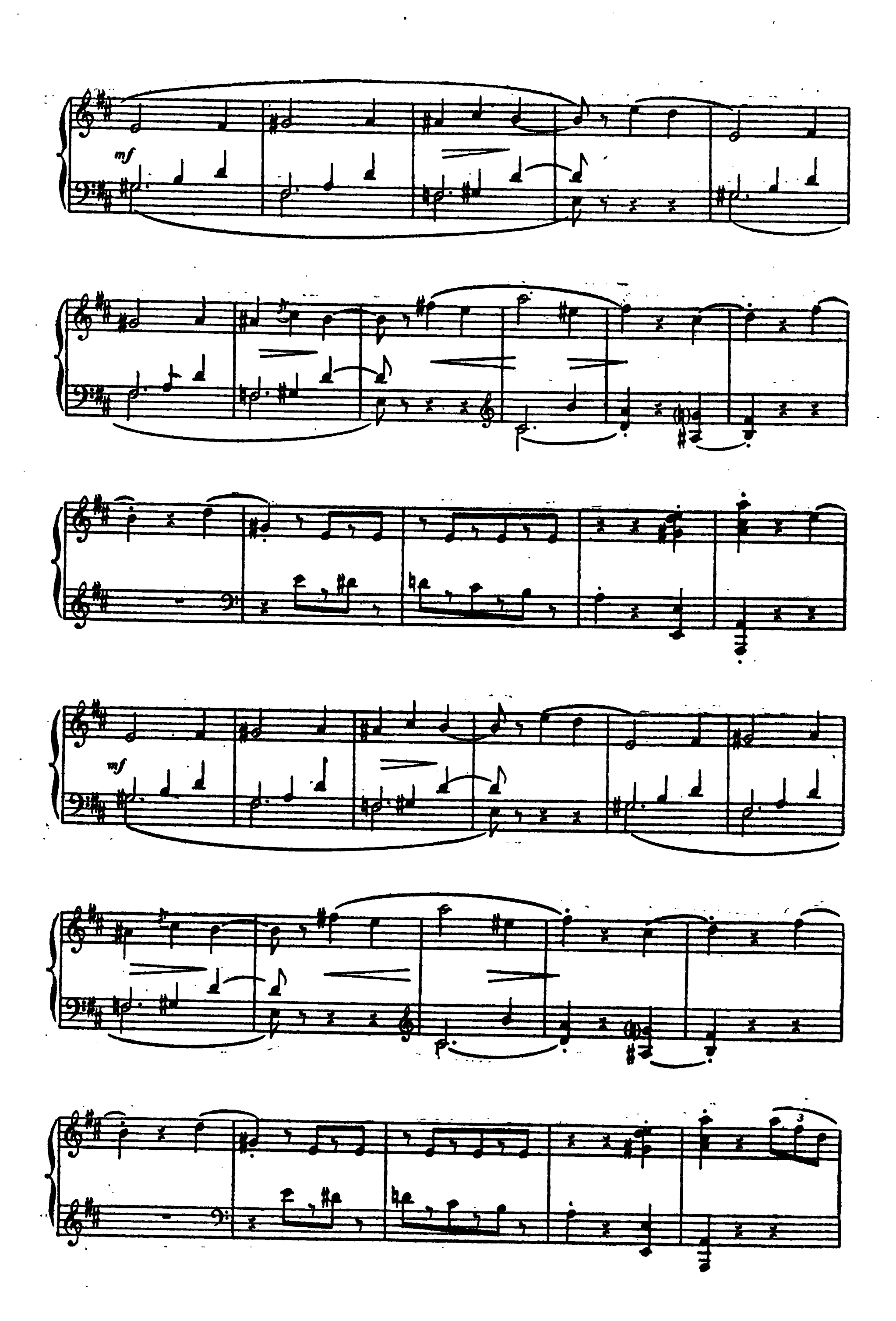
ten.

dim

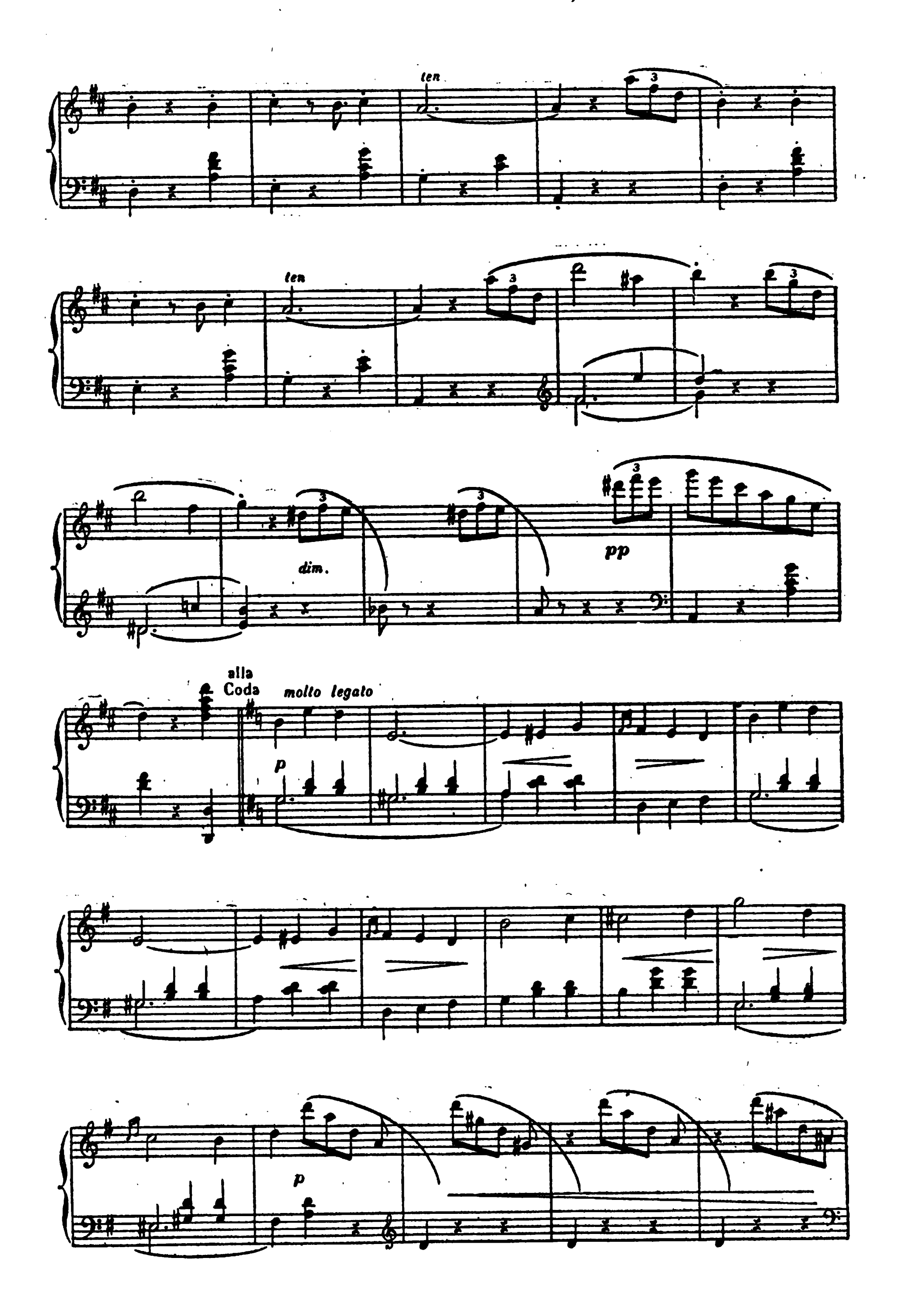
pp

1a
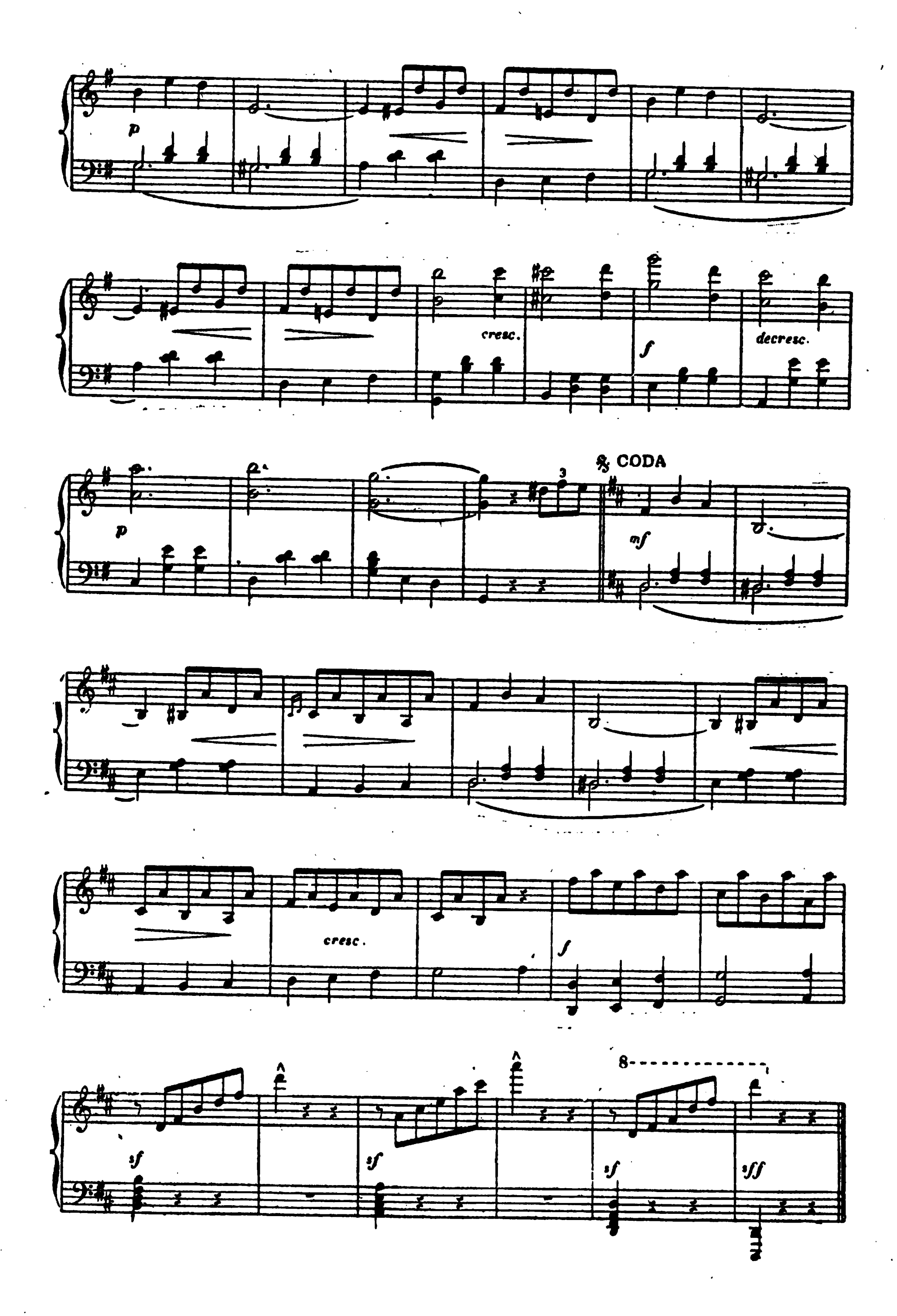
2a

mf
mf

len
len
dim.
pp
alla
Coda
molto legato
p
p

p
cresc.
f
decresc.
p
CODA
mf
cresc.
f
sf
sf
8
sf
sff

ШАХМАТЫ

подъ редакціей М. И. Ч.

Письма просимъ адресовать въ редакцію журнала съ припискою на конвертѣ: по шахматному отдѣлу.

Задача № 20. / Задача № 21.

Третьи преміи на конкурсѣ задачъ журнала «Stratégie».

Девизъ «La Donna e mobile».

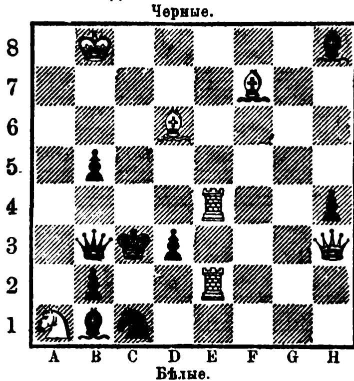
Черные.

Бѣлые.

Матъ въ 3 хода.

Девизъ «Gem».

Черные.

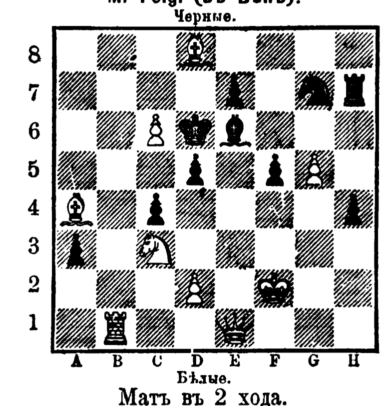
Бѣлые.

Матъ въ 2 хода.

Задача № 22.

М. Feigl (въ Вѣнѣ).

Черные.

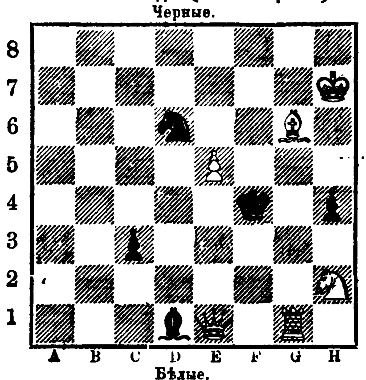
Бѣлые.

Матъ въ 2 хода.

Задача № 23.

Л. Б. Залкиндъ (въ Костромѣ).

Черные.

Бѣлые.

Матъ въ 2 хода.

— Задача № 24. Первая премія на конкурсѣ журнала „Stratégie“ въ отдѣлѣ задачъ на обратный матъ.

♔ h4 ♕ g4 ♖ d5, g3 ♗ h7 ♘ d3, e6 ♙ c4, c3, h5. ♚ e4 ♝ d8 ♞ f4 ♟ b6, e5, f5, f6, f7. Бѣлые начинаютъ и заставляютъ черныхъ дать матъ въ 3 хода.

— Этюдъ № 25. Вторая премія на томъ же конкурсѣ. Девизъ „Agricola“.

♔ g6 ♗ d5 ♙ b5, d7, e6, g2, h8. ♚ e7, ♝ e5 ♟ b6, g7, h4. Бѣлые начинаютъ и выигрываютъ.

Международный турниръ въ Ганноверѣ. Обще-германскій шахматный Союзъ, празднующій въ текущемъ году 25-тилѣтіе своего основанія, устраиваетъ XIII-й турниръ для первоклассныхъ игроковъ. Въ этомъ турнирѣ будутъ участвовать не болѣе 20-ти игроковъ. Каждый изъ нихъ съ каждымъ сыграетъ по одной партіи. Ничья считается за 1/2 очка. Состязанія начнутся 8-го (21) іюля и будутъ происходить ежедневно, кромѣ воскресеній, съ 9 час. утра до часу пополудни и съ 3-хъ час. дня до 7 час. вечера. Призовъ восемь: въ 1200, 900, 600, 400, 300, 250, 200 и 150 германскихъ марокъ.

Кромѣ турнира первоклассныхъ игроковъ, состоятся еще два главныхъ турнира (А и В) и два второстепенныхъ, конкурсы задачъ, консультаціонныя партіи, сеансъ игры à l'aveugle и проч.

Для главнаго турнира А назначено девять призовъ: въ 600, 400, 300, 200, 150, 125, 100, 75 и 50 марокъ.

Для турнира В—восемь призовъ: въ 400, 250, 150, 100, 90, 80, 70 и 60 марокъ.

Одинъ изъ спеціальныхъ призовъ за наиболѣе красивыя партіи 2-го международнаго турнира въ Монте-Карло, въ 500 франковъ, отъ князя Дадьяна Мингрельскаго, присужденъ имъ самимъ г. Мэзену за партію его съ г. Яновскимъ. Вторая сумма въ 500 фр. отъ барона А. Ротшильда раздѣлена распорядителемъ турнира, А. де-Ривьеромъ, на 6-ть премій. По 100 франковъ получили: г. Айзенбергъ за партію съ г. Пильсбери; г. Чигоринъ за партію съ д-ромъ Таррашемъ, напечатанную въ февральской книжкѣ „Нивы"; г. Нэпиръ за партію съ г. Чигоринымъ и г. Марко—съ г. Маршалемъ. По 50 фр. получили гг. Гунсбергъ и Мизесъ за партіи ихъ съ г. Маршалемъ.

№ 14. ИСПАНСКАЯ ПАРТІЯ.

Играна въ XIX турѣ, 21-го февраля.
(Премирована 500 фр.)

	Мэзенъ. Бѣлые.	Яновскій. Черные.
1.	e2 — e4	e7 — e5
2.	К. g1 — f3	К. b8 — c6
3.	С. f1 — b5	a7 — a6
4.	С. b5 — a4	К. g8 — f6
5.	0 — 0	С. f8 — e7
6.	К. b1 — c3	d7 — d6

Защиту 6. ... b7—b5; 7. С. a4—b3, d7—d6 мы считаемъ лучше.

7.	С. a4 : c6+	b7 : c6
8.	d2 — d4	e5 : d4
9.	К. f3 : d4	С. c8 — d7
10.	b2 — b3	Ф. d8 — b8(?)
11.	С. c1 — b2	Ф. b8 — b7
12.	Л. f1 — e1	0—0—0
13.	Ф. d1 — d3	Л. h8 — e8
14.	b3 — b4	С. e7 — f8
15.	Л. a1 — b1	d6 — d5
16.	e4 — e5	К. f6 — g4
17.	К. d4 — f3	g7 — g6
18.	h2 — h3	С. d7 — f5
19.	Ф. d3 — d2	К. g4 — h6
20.	a2 — a3	К. h6 — g8
21.	К. f3 — d4	С. f5 — e6
22.	К. c3 — a4	К. g8 — h6
23.	Ф. d2 — c3	К. h6 — f5

Не лучше было бы и при защитѣ пѣшки c6 слономъ на d7. Бѣлые отвѣтили бы 24. К. d4 — b3, затѣмъ К. a4—c5.

24.	К. d4 : c6	Л. d8 — d7
25.	К. c6 — d4	К. f5 : d4
26.	Ф. c3 : d4	С. e6 — f5
27.	Л. b1 — c1	Ф. b7 — c6
28.	К. a4 — c3	h7 — h5
29.	К. c3 — e2	С. f8 — h6
30.	f2 — f4	С. h6 — f8
31.	Ф. d4 — f2	С. f5 — e6
32.	К. e2 — d4	Ф. c6 — b6
33.	Л. c1 — b1	С. e6 — f5
34.	С. b2 — c3	С. f5 — e4
35.	a3 — a4	c7 — c6
36.	a4 — a5	

Слѣдовало бы воспользоваться удобнымъ моментомъ для перевода слона чрезъ d2 на e3, гдѣ онъ занялъ бы лучшую позицію.

36.	. . .	Ф. b6 — a7
37.	Л. b1 — b2	Л. d7 — b7
38.	Л. e1 — b1	Кр. c8 — d7
39.	Кр. g1 — h1	Л. e8 — b8
40.	Ф. f2 — e1	С. f8 — e7
41.	К. d4 — b3	Л. b7 — b5
42.	С. c3 — d4	Ф. a7 — b7
43.	С. d4 — c5	С. e7 : c5
44.	b4 : c5	

Если 44. К. b3 : c5+, Л. b5 : c5; 45. b4 : c5, то Ф. b7 : b2 и т. д. Черные выиграютъ пѣшки c2 и g2 и тѣмъ обезпечатъ себѣ по меньшей мѣрѣ ничью.

44.	. . .	Л. b5 — b4
45.	Ф. e1 — h4	Кр. d7 — c8
46.	Ф. h4 — f6	Ф. b7 — d7
47.	Кр. h1 — h2	Ф. d7 — e6?

Взявъ слономъ пѣшку c2, черные могли бы расчитывать на ничью.

48.	Ф. f6 — h8+	Кр. c8 — d7
49.	К. b3 — d4!	Л. b8 : b2
50.	Ф. h8 : b8	Л. b2 : b8
51.	Л. b1 : b8	Кр. d7 — c7
52.	К. d4 : e6	Кр. c7 : b8
53.	К. e6 — d4	Кр. b8 — c7
54.	g2 — g4	h5 — h4
55.	c2 — c3	Кр. c7 — d7
56.	Кр. h2 — g1	Кр. d7 — c7
57.	Кр. g1 — f2	Кр. c7 — d7
58.	f4 — f5	g6 : f5
59.	g4 : f5	Кр. d7 — c7
60.	Кр. f2 — e3	С. e4 — g2
61.	К. d4 — f3	С. g2 : h3
62.	К. f3 : h4	С. h3 — g4
63.	Кр. e3 — f4	С. g4 — e2
64.	К. h4 — f3	С. e2 : f3
65.	Кр. f4 : e3	Сдался.

№ 15. РУССКАЯ ПАРТІЯ.

Играна 7-го (20-го) февраля. XI туръ.
(Премирована 100 франками.)

	Айзенбергъ. Бѣлые.	Пильсбери. Черные.
1.	e2 — e4	e7 — e5
2.	К. g1 — f3	К. g8 — f6
3.	К. f3 : e5	d7 — d6
4.	К. e5 — f3	К. f6 : e4
5.	d2 — d4	d6 — d5
6.	С. f1 — d3	С. f8 — e7
7.	0 — 0	0 — 0

Лучшимъ ходомъ считается 7. ... К. b8—c6.

8.	Л. f1 — e1	К. e4 — f6
9.	К. f3 — e5	c7 — c5

Плохой ходъ. Продолженіе 9. ... К. b8—d7; 10. f2—f4, Л. f8—e8,—съ цѣлью защиты п. h7 конемъ на f8,—было лучше, но у черныхъ все-таки получается довольно стѣсненное положеніе.

10.	d4 : c5	С. e7 : c5
11.	К. b1 — c3	К. b8 — c6
12.	С. c1 — g5	С. c8 — e6

Необходимо защитить пѣшку. Но, кажется, лучше было бы 13. ... К. c6 : e5; 14. Л. e1 : e5, С. c8—e6. Комбинація: 15. К. c3 : d5, С. e6 : d5; 16. С. g5 : f6, не ведетъ къ выигрышу пѣшки; черные отвѣтятъ 16. .., Ф. d8 : f6!; 17. Л. e5—f5, Ф. f6 : b2; 18. Л. f5 : d5, С. c5—b6 и т. д.

13.	Ф. d1 — f3	С. c5 — e7
14.	С. g5 : f6	С. e7 : f6
15.	Ф. f3 — h5	h7 — h6
16.	К. e5 — g4	С. e6 : g4
17.	Ф. h5 : g4	С. f6 : c3

Г. Пильсбери играетъ необдуманно. Лучше было 17. ... К. c6—e5. Если 18. Л. e1 : e5?, С. f6 : e5; 19. Ф. g4—f5, то Л. f8—e8 и т. д.

18.	b2 : c3	Ф. d8 — f6
19.	Л. e1 — e3	Л. f8 — e8?
20.	Л. e3 : e8+	Л. a8 : e8
21.	Ф. g4 — d7!	Кр. g8 — f8
22.	Л. a1 — b1	Ф. f6 : c3
23.	Л. b1 : b7	Ф. c3 — e1+
24.	С. d3 — f1	Ф. e1 — e6
25.	g2 — g3	Ф. e6 : d7
26.	Л. b7 : d7	Л. e8 — d8
27.	Л. d7 — c7	Л. d8 — d6
28.	С. f1 — g2	a7 — a5
29.	c2 — c4	К. c6 — b4
30.	a2 — a3	К. b4 — a6
31.	Л. c7 — c8+	Кр. f8 — e7
32.	С. g2 : d5	f7 — f5
33.	Кр. g1 — f1	Л. d6 — b6
34.	Л. c8 — a8	Кр. e7 — d6
35.	Кр. f1 — g2	Кр. d6 — c5
36.	Кр. g2 — f3	g7 — g5
37.	g3 — g4	Л. b6 — f6
38.	g4 : f5	Л. f6 : f5+

39. Кр. f3 — e4	Л. f5 — f4+
40. Кр. e4 — e5	К. a6 — c7
41. Л. a8 — c8	Кр. c5 — b6
42. c4 — c5+	Сдался.

№ 16. ВѢНСКАЯ ПАРТІЯ.

Играна въ XII-мъ турѣ, 8-го февраля.
(Премирована 50 франк.).

Мизесъ. Бѣлые.	Маршаль. Черные.
1. e2 — e4	e7 — e5
2. К. b1 — c3	С. f8 — c5
3. С. f1 — c4	d7 — d6
4. d2 — d3	c7 — c6
5. f2 — f4	. . .

Бѣлые едва ли основательно жертвуютъ пѣшку. Послѣ 5. ... С. c5 : g1; 6. Л. h1 : g1, Ф. d8—h4+; 7. Кр. e1—f1, Ф. h4 : h2, не видно какъ они могли бы вознаградить себя атакой. Если 8. Ф. d1—f3, то К. g8—f6, затѣмъ С. c8—g4.

5. . . .	С. c5 : g1
6. Л. h1 : g1	Ф. d8 — h4+
7. Кр. e1 — f1	К. g8 — f6
8. Л. g1 — h1	e5 : f4
9. Ф. d1 — e1	Ф. h4 — h6
10. e4 — e5	К. f6 — g4
11. e5 : d6+	С. c8 — e6
12. Ф. e1 — e4	g7 — g5
13. h2 — h4	К. b8 — d7
14. Кр. f1 — g1	К. d7 — f6
15. Ф. e4 — d4	Л. h8 — g8
16. К. c3 — e4	К. f6 : e4
17. Ф. d4 : e4	К. g4 — f6
18. Ф. e4 — d4	С. e6 : c4
19. d3 : c4	0—0—0
20. С. c1 — d2	К. f6 — h5
21. Ф. d4 : a7	Ф. h6 : d6
22. Ф. a7 — a8+	Ф. d6 — b8
23. Ф. a8 — a5	К. h5 — g3
24. h4 : g5	f4 — f3

Если 24. ... К. g3 : h1, то 25. Ф. a5—f5+, Л. d8—d7; 26. С. d2 : f4 и т. д.

25. g2 : f3	К. g3 — e2+
26. Кр. g1 — f1	К. e2 — g3+
27. Кр. f1 — g2	К. g3 : h1
28. Ф. a5 — f5+	Л. d8 — d7
29. С. d2 — f4	Ф. b8 — a7
30. Л. a1 : h1	Ф. a7 — d4
31. c2 — c3	Ф. d4 — b6
32. Л. h1 — d1	Ф. b6 — d8
33. b2 — b4	Л. g8 — e8
34. Л. d1 : d7	Ф. d8 : d7
35. Ф. f5 — a5	Л. e8 — e2+
36. Кр. g2 — g3	Ф. d7 — e7
37. Ф. a5 — a8+	Кр. c8 — d7
38. Ф. a8 : b7+	Кр. d7 — e6
39. Ф. b7 : c6+	Кр. e6 — f5
40. Ф. c6 — d5+	Кр. f5 — g6
41. Ф. d5 — d6+	Ф. e7 : d6
42. С. f4 : d6	Л. e2 : a2
43. c4 — c5	Кр. g6 — f5
44. b4 — b5	Кр. f5 — e6
45. С. d6 — f4	Л. a2 — b2
46. c3 — c4	Л. b2 — b4
47. c5 — c6	Л. b4 : c4
48. b5 — b6	Л. c4 : c6
49. b6 — b7	Л. c6 — b6
50. b7 — b8Ф	Сдался.

№ 17. ДЕБЮТЪ ФЕРЗЕВЫХЪ ПѢШЕКЪ.

Играна въ VIII-мъ турѣ, 1-го февраля.
(Премирована 50 франк.)

Маршаль. Бѣлые.	Гунсбергъ. Черные.
1. d2 — d4	d7 — d5
2. c2 — c4	К. g8 — f6
3. c4 : d5	К. f6 : d5
4. e2 — e4	К. d5 — f6
5. К. b1 — c3	. . .

Лучше было бы 5. С. f1—d3.

5. . . .	e7 — e5
6. d4 — d5	. . .

Если 6. d4 : e5, то Ф. d8 : d1+; 7. Кр. e1 : d1, К. f6—g4,—и черные возвращаютъ пѣшку.

6. . . .	С. f8 — c5
7. С. f1 — e2	c7 — c6
8. К. g1 — f3	. . .

Г. Маршаль, вѣроятно, ошибся въ расчетѣ, предполагая выиграть пѣшку e5. Слѣдовало взять пѣшку c6.

8. . . .	c6 : d5
9. С. c1 — g5?	d5 — d4
10. К. c3 — d5	С. c5 — e7!
11. К. d5 : e7	. . .

На 11. К. f3 : e5 черные отвѣтили бы К. f6 : d5.

11. . . .	Ф. d8 : e7
12. 0 — 0	К. b8 — c6
13. К. f3 — d2	h7 — h6
14. С. g5 — h4	g7 — g5
15. С. h4 — g3	0 — 0

Черные защищались довольно оригинальнымъ образомъ.

16. h2 — h4	К. f6 — e8
17. h4 : g5	h6 : g5
18. Л. a1 — c1	С. c8 — e6
19. С. e2 — b5	С. e6 — d7
20. a2 — a3	f7 — f6
21. К. d2 — b3	К. e8 — c7
22. С. b5 — d3	К. c7 — e6
23. С. d3 — c4	Кр. g8 — g7
24. С. c4 — d5	Л. a8 — c8
25. К. b3 — d2	К. e6 — c7
26. Л. f1 — e1	К. c7 — e8
27. f2 — f3	К. e8 — d6
28. Ф. d1 — a4	Л. c8 — c7
29. b2 — b4	a7 — a6
30. Ф. a4 — b3	Л. f8 — c8
31. Ф. b3 — b2	С. d7 — e6
32. К. d2 — b3	b7 — b6
33. Ф. b2 — e2	Ф. e7 — f7!

Ходъ, рѣшающій партію.

34. С. d5 : e6	Ф. f7 : e6
35. Ф. e2 — d3	К. d6 — b5
36. Л. e1 — e2	К. c6 : b4!
37. Л. c1 : c7+	Л. c8 : c7
38. a3 : b4	Л. c7 — c3
39. К. b3 : d4	К. b5 : d4
40. Ф. d3 : a6	К. d4 : e2+
41. Ф. a6 : e2	Ф. e6 — c4
42. Ф. e2 — d2	Ф. c4 — d4+
43. Ф. d2 : d4	e5 : d4
44. Кр. g1 — f1	Л. c3 — c2
45. b4 — b5	d4 — d3
46. Кр. f1 — e1	Кр. g7 — f7
47. Кр. e1 — d1	Кр. f7 — e6
48. f3 — f4	Л. c2 : g2
49. f4 — f5+	Кр. e6 — d7
50. С. g3 — e1	Л. g2 — g1
51. Кр. d1 — d2	Л. g1 : e1
52. Кр. d2 : e1	g5 — g4
53. Кр. e1 — d2	g4 — g3
Сдался.	

№ 18. ДЕБЮТЪ ФЕРЗЕВЫХЪ ПѢШЕКЪ.

Играна 5-го (18-го) февраля. X туръ.

Пильсбери. Бѣлые.	Яновскій. Черные.
1. d2 — d4	d7 — d5
2. c2 — c4	e7 — e6
3. К. b1 — c3	a7 — a6
4. c4 : d5	e6 : d5
5. Ф. d1 — b3	К. b8 — c6
6. К. g1 — f3	С. c8 — e6
7. С. c1 — f4	Л. a8 — b8
8. e2 — e3	К. g8 — f6
9. С. f1 — d3	С. f8 — d6
10. С. f4 — g5	С. d6 — e7
11. Л. a1 — c1	0 — 0
12. С. d3 — b1	К. f6 — e4
13. С. g5 : e7	К. c6 : e7
14. К. c3 : e4	d5 : e4
15. Ф. b3 — c2	f7 — f5

16. К. f3 — g5	Ф. d8 — d5
17. Ф. c2 — c5	Л. f8 — e8
18. 0 — 0	c7 — c6
19. Ф. c5 — a3	Ф. d5 — d7
20. К. g5 : e6	Ф. d7 : e6
21. С. b1 — c2	Кр. g8 — h8
22. С. c2 — b3	Ф. e6 — f6
23. f2 — f3	Ф. f6 — g5
24. f3 : e4	f5 : e4
25. Л. c1 — e1	К. e7 — g6
26. Ф. a3 — d6	Л. b8 — d8
27. Ф. d6 — g3	Ф. g5 : g3
28. h2 : g3	Л. e8 — e7
29. Л. f1 — f5	b7 — b6?
30. Л. e1 — c1	Л. d8 — d6
31. С. c4 — d5	Л. e7 — c7
32. С. d5 : e4	h7 — h6
33. С. e4 — d3	a6 — a5
34. Л. c1 — f1	Кр. h8 — g8
35. С. d3 — c4+	Кр. g8 — h8
36. a2 — a3	Л. c7 — e7
37. Л. f1 — f3	Л. d6 — d8
38. Л. f5 — f7	Л. d8 — e8
39. Л. f7 : e7	К. g6 : e7
40. Кр. g1 — f2	К. e7 — c8
41. С. c4 — f7	Л. e8 — d8
42. С. f7 — g6	Кр. h8 — g8
43. Кр. f2 — e2	К. c8 — e7
44. С. g6 — f7+	Кр. g8 — h7
45. Кр. e2 — d3	Л. d8 — d6
46. Кр. d3 — c4	Л. d6 — f6
47. e3 — e4	Л. f6 — d6
48. e4 — e5	Л. d6 — d8
49. С. f7 — e6	Кр. h7 — g6
50. Л. f3 — b3	Л. d8 — b8
51. Кр. c4 — d3	Кр. g6 — g5
52. Кр. d3 — e4	h6 — h5
53. Л. b3 — f3	К. e7 — g6
54. d4 — d5	c6 : d5
55. С. e6 : d5	Л. b8 — f8
56. Л. f3 — b3	b6 — b5
57. С. d5 — e6	b5 — b4
58. Л. b3 — f3	Л. f8 — e8
59. С. e6 — d7	Л. e8 — d8
60. e5 — e6	К. g6 — e7
61. Кр. e4 — e5	К. e7 — g6+
62. Кр. e5 — d6	Л. d8 — a8
63. Л. f3 — e3	Л. a8 — a6+
64. С. d7 — c6	Кр. g5 — f6
65. e6 — e7	Л. a6 : c6+
66. Кр. d6 : c6	К. g6 : e7+
67. Кр. c6 — b5	К. e7 — d5
68. Л. e3 — f3+	Кр. f6 — e5
69. Кр. b5 : a5	Кр. e5 — d4
70. Кр. a5 — b5	g7 — g5
71. Л. f3 — f5	К. d5 — e3
72. Л. f5 : g5	b2 — b3
73. Кр. b5 — b4	Кр. e3 — d3
74. Кр. b4 : b3	

Г. Яновскій, долго обдумывалъ свой ходъ и въ концѣ концовъ просрочилъ время...

№ 19. НЕПРАВИЛЬНАЯ ЗАЩИТА.

Играна 5-го (18-го) февраля. X туръ.

Чигоринъ. Бѣлые.	Мароци. Черные.
1. e2 — e4	d7 — d5
2. e4 : d5	Ф. d8 : d5
3. К. b1 — c3	Ф. d5 — d8
4. К. g1 — f3	К. g8 — f6
5. d2 — d4	С. c8 — f5
6. С. f1 — c4	e7 — e6
7. 0 — 0	С. f8 — e7
8. Ф. d1 — e2	0 — 0
9. С. c1 — e3	К. b8 — d7
10. Л. a1 — d1	К. d7 — b6
11. С. c4 — b3	К. b6 — d5
12. К. f3 — e5	c7 — c6
13. С. e3 — c1	К. f6 — d7
14. f2 — f4	К. d7 : e5
15. К. c3 : d5	c6 : d5
16. f4 : e5	С. e7 — g5
17. c2 — c3	С. g5 : c1
18. Л. d1 : c1	f7 — f6
19. Л. c1 — e1	С. f5 — e4
20. e5 : f6	Л. f8 : f6
21. Л. f1 : f6	Ф. d8 : f6
22. С. b3 — c2	С. e4 : c2
23. Ф. e2 : c2	Л. a8 — e8
24. Ф. c2 — e2	a7 — a6
25. h2 — h3	h7 — h6
26. Ф. e2 — g4	Кр. g8 — h7
27. Л. e1 — f1	Ф. f6 — e7
28. Ф. g4 — f4	Кр. h7 — g8
29. Ф. f4 — e5	Ф. e7 — d7
30. Л. f1 — e1	Ф. d7 — c6
31. Л. e1 — e3	Л. e8 — e7
32. h3 — h4	Кр. g8 — h7
33. h4 — h5	Ф. c6 — a4
34. Кр. g1 — h2	Ф. d4 — d1
35. Л. e3 — f3	Ф. d1 — d2
36. Л. f3 — f8	Ф. d2 — d1
37. a2 — a3	Ф. d1 — g4
38. Л. f8 — f4	Ф. g4 — g5
39. Ф. e5 : g5	h6 : g5
40. Л. f4 — f2	g7 — g6
41. h5 : g6+	Кр. h7 — g6
42. Кр. h2 — g3	e6 — e5
43. Л. f2 — e2	e5 — e4
44. Кр. g3 — g4	b7 — b5
45. b2 — b3	Л. e7 — f7
46. g2 — g3	Л. f7 — c7
47. Л. e2 — c2	a6 — a5
48. Л. c2 — c1	Л. c7 — c8
49. a3 — a4	b5 : a4
50. b3 : a4	Кр. g6 — f6
51. Л. c1 — b1	Л. c8 : c3
52. Л. b1 — b5	Кр. f6 — e6
53. Л. b5 : a5	Л. c3 — d3
54. Л. a5 — a6+	Кр. c6 — d7
55. Кр. g4 : g5	Л. d3 : d4
56. Кр. g5 — f4	Л. d4 — d3
57. g3 — g4	e4 — e3
58. Л. a6 — a7+	Кр. d7 — d6
59. Л. a7 — a6+	Кр. d6 — d7
60. Л. a6 — a7+	Кр. d7 — d6
61. Л. a7 — a6+	Кр. d6 — c5
62. g4 — g5	d5 — d4
63. Л. a6 — e6	Л. d3 — d1
64. g5 — g6	Л. d1 — f1+
65. Кр. f4 — g5	Л. f1 — f8
66. g6 — g7	Л. f8 — d8
67. Л. e6 — e7	d4 — d3
68. Л. e7 — d7	Л. d8 — e8
69. Л. d7 : d3	e3 — e2
70. Л. d3 — c3+	Кр. c5 — b4
71. Л. c3 — c1	e2 — e1Ф
72. Л. c1 : e1	Л. e8 : e1
73. Кр. g5 — f6	

Ничья.

Рѣшенія задачъ (Лит. Прил. „Нивы", февраль и мартъ 1902 г.).

— № 7. Schrüfer. Матъ въ 3 хода.

1. Ф. b3—b6, a7 : b6; 2. К. d6—e8,∞; 3. Л. или С×.
1. . . . Кр. e5—f6; 2. К. d6—e8+,∞; 3. Л. или С×.
1. . . . Кр. e5 — d4; 2. Ф. b6 — b2+, Кр. e3; 3. К. d6—f5×.
1. . . . Л. e7 : d7; 2. Ф. b6—b2+, ∞; 3. Ф. или К×.
1. . . С.—f2 : g3; 2. К. d6—c4+ и 3. Ф. b6—f6×.
1. . . . ∞; 2. К. d6—c4×.

Правильное рѣшеніе прислали: И. Бодкеръ (Варшава), П. Галлеръ (СПБ.), Н. И. Гордѣевъ (Вологда), А. И. Елисѣевъ (Болховъ, Орл.), I. П. Каца (С. Бухча, Мин.), М. Н. Мальцовъ, М. А. Можаровскій (Ст. Молодечны), И. З. Рапопортъ (М. Волковинцы), Л. Ротштейнъ (Ст. Комаровцы), Б. М. Троцкій (Елисаветградъ), М. Фидлеръ (Барановичи), А. А. Тюменевъ (Шацкъ, Тамб.)

— № 8. Nemo. Матъ въ 3 хода.

1. Ф. a3—c3, Кр. e4 : f4; 2. К. d4 : c6; ∞, 3. Ф×.

1. . . . Кр. e4—d5; 2. К. d4—f5, ∾; 3. Ф×.
1. . . . e2—e1 Ф; 2. Ф. c3 : e1+ и 3. Ф. e1—e5×.
1. . . . c6—c5; 2. Ф. c3—f3+ и 3. c2—c3×.
1. . . . e6—e5; 2. К. d4—e6 и 3. Ф. c3—e5×.

Правильное рѣшеніе прислали: И. Бодкеръ, П. Галлеръ, Н. Горячевъ (Москва), А. И. Елисѣевъ, Л. Б. Залкиндъ (Кострома), П. В. Зейфертъ (СПБ.), Кап. Мизюмскій (Бендеры), И. Микеладзе (Ялта), М. А. Можаровскій, М. Фидлеръ, А. А. Тюменевъ.

— № 11. Feigl. Матъ въ 3 хода.

1. Л. g5—g1, Кр. f4—e5; 2. Л. g1—g4, ∾; 3. Л. g4—e4×.
1. . . . Кр. f4—f3; 2. Ф. b5 : d5+, ∾; 3. Л. или Ф×.
1. . . . d5—d4; 2. Ф. b5 : f5+ и 3. Л. h5 : f5×.
1. . . . ∾; 2. Ф. b5 : d5 и 3. Л×.

Правильное рѣшеніе прислали: І. Бодкеръ (Варшава), Н. И. Гордѣевъ, А. И. Елисѣевъ, А. М. и г-жа Р. Зильбербергъ (Сувалки), Н. В. Изюмовъ (Вологда), А. Книфъ (М. Николаевъ, Под.), М. Н. Мальцовъ, М. А. Можаровскій, Н. А. Михелевъ (Н. Новгородъ), И. З. Рапопортъ, Л. Ротштейнъ, Б. М. Троцкій.

— № 13. Vetesnik. Матъ въ 3 хода.

1. К. d7—b8, Кр. d4—c3; 2. С. d6—e5+ и 3. К. b8—c6×.
1. . . . Кр. d4—d5; 2. c2—c4+, ∾; 3. Ф. h2 или С. e5×.
1. . . . С. a7 : b8; 2. Ф. e2—e5+ и 3. Ф. e5 : c5×.
1. . . . ∾; 2. С. d6—e5+ и 3. c2—c4×.

Правильное рѣшеніе сообщили: Гг. Бодкеръ, Гордѣевъ, Елисѣевъ, Зильбербергъ, Зейфертъ, Изюмовъ, Мальцовъ, Можаровскій, Рапопортъ, Ротштейнъ, Троцкій.

Двухъ-ходовыя задачи:

— № 9. Варденера. 1. К. d5—f6.

— № 10. Feigl. Въ задачѣ опечатка. Очевидно при пѣшкѣ черныхъ на g7 слонъ черныхъ не можетъ стоять на h8. На g7 пѣшка бѣлыхъ; о чемъ догадались гг. Бодкеръ и Миневичъ (Москва), нашедшіе авторское рѣшеніе 1. Кр. e7—d8(!).

— № 12. Степанова. 1. Ф. b8—h8.

— № 14. Gamage. 1. С. b2—d4.

Правильныя рѣшенія задачъ №№ 9, 12 и 14 сообщили: Н. И. Гордѣевъ, А. И. Елисѣевъ, П. В. Зейфертъ, Н. И. Изюмовъ, Н. А. Кузьминъ (Курскъ), М. Н. Мальцовъ, Л. І. Миневичъ, М. А. Можаровскій, Ш. А. Насельскій (Варшава), Ѳ. С. Орловскій, И. З. Рапопортъ, М. А. Стельникъ (Ковель), Б. М. Троцкій.

— № 9. К. Е. Авруцинъ (Сновскъ, Черн.), А. И. Аванчевскій (Смоленскъ), А. А. Боголюбова (Москва), І. Бодкеръ, Г. А. Бураковскій (Дергачи), Н. Д. Владыкинъ (Тобольскъ), П. Галлеръ, В. ф. Гибшманъ (Прилуки), М. Д. Дугласъ (Москва), А. М. Ивановъ (Кушвинскій зав. Перм.), Б. Х. Каганъ (Лодзь), А. Ф. Каневскій (Градижскъ, Полт.), А. М. Лапинъ (Тобольскъ), А. Лахермайеръ (Кіевъ), Н. Н. Маргаритовъ (Пермь), И. З. Рапопортъ, П. Сапожниковъ (Тамбовъ), А. Е. Сынгаевская (Москва), А. А. Тюменевъ.

— №№ 12 и 14. Л. К. Анохинъ (Кіевъ), П. К. Ануфріевъ (Орѣхово-Зуево, Влад.), Ш. Л. Бердичевскій (Тульчинъ), г. Ермоловъ (Москва), А. М. Зильбербергъ, П. В. Зейфертъ, А. Книфъ, Н. Мюльверкъ (Ревель), А. Сизовъ (СПБ.), Е. Н. Сынгаевскій (Москва), С. Рабиновичъ (Тульчинъ), Л. Ротштейнъ, В. Янчевскій (с. Манчино, Смол.).

— 12. Г. У. Вольскій (Шахтная Ю. В. ж. д.).

— 14. В. ф. Гибшманъ (Прилуки), И. А. Русиновъ (Кизелъ, Перм.).

Правильныя рѣшенія задачъ №№ 1—6, кромѣ лицъ упомянутыхъ въ прошломъ отдѣлѣ, прислали:

— № 1. Н. М. Гордѣевъ, М. Н. Купенко, М. Н. Мальцовъ, М. А. Можаровскій, С. С. Миротворскій (Самара).

— № 2. Н. Владыкинъ (Тобольскъ), Л. К. Залкиндъ (Кострома), В. Н. Княжинъ (Вологда), М. Н. Купенко, А. Лапинъ, С. С. Миротворскій, В. Н. Поліевктовъ (Вологда), М. Фидлеръ (Боровичи), Л. И. Чернушкинъ (Ст. Арчеда).

— № 3. Задача, къ сожалѣнію, допускаетъ нѣсколько рѣшеній. Авторское 1. Л. g4—g7. Вторыя: 1. Ф. a3 : c5+ и 1. Л. g4—g5+.

— № 4. Кап. Величко (Вильна), Н. Владыкинъ, Т. С. Гусевъ (Ачинскъ, Енис. г.), Н. М. Гордѣевъ, М. Д. Дугласъ (Москва), В. И. Казанцевъ (Самара), Л. Лапинъ, С. С. Миротворскій, Ѳ. С. Орловскій (Кѣльцы), П. Сапожниковъ (Москва), В. Проскуряковъ (Пермь), Р. Сукерникъ (Балта), С. Рабиновичъ (Тульчинъ), М. Фидлеръ, Л. С. Чумаковъ (СПБ.), Л. И. Чернушкинъ, Е. Шольцъ (Москва), А. Яхонтовъ (ст. Иванино, Курско-Кіев.).

— № 6. Ф. Бобкевичъ (с. Семеново), И. Бодкеръ (Варшава), В. П. Бородулина, Н. В. Изюмовъ, М. Н. Мальцовъ, С. С. Миротворскій, В. Прокунинъ (Москва).

ШАШКИ

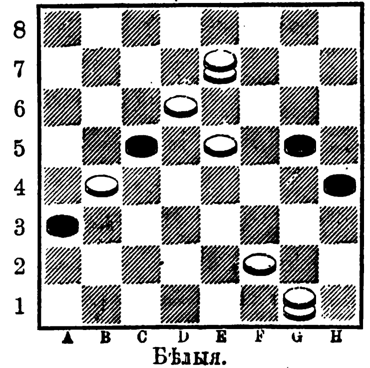
подъ редакціей В. И. Шошина.

Задача № 9.

. . . ина . . . ина (въ Петербургѣ).

3-й призъ ex aequo на 2-мъ конкурсѣ задачъ журнала «Шахматное Обозрѣніе».

Черныя.

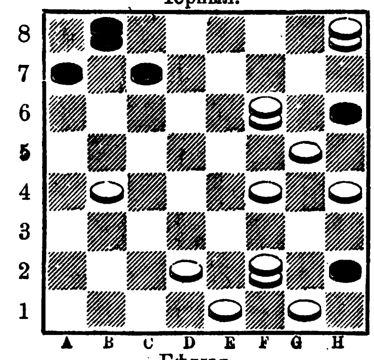
Бѣлыя.

Запереть простую.

Задача № 10.

Л. Б. Залкинда (въ Костромѣ).

Черныя.

Бѣлыя.

Запереть дамку и двѣ простыхъ.

ПАРТІЯ № 8.

Играна на 4-мъ всероссійскомъ турнирѣ въ Москвѣ 5-го іюля 1901 г.

М. С. Ивановъ.		Х.
	Бѣлыя.	Черныя.
1.	c3 — b4	f6 — e5
2.	b2 — c3	g7 — f6
3.	e3 — f4	b6 — c5
4.	d2 — e3	h8 — g7

Этотъ ходъ ведетъ къ проигрышу партіи. Слѣдовало играть 4. ... f8—g7 и затѣмъ 5. ... f6—g5.

5. c1 — d2 c7 — b6

Если 5. ... f6—g5, то, очевидно, 6. g3—h4 e5 : g3; 7. h4 : h8 и выигрываютъ. Если 5. ... e5—d4; 6. c3 : e5, f6—d4; то 7. f4—g5, h6 : f4; 8. g3 : e3, и бѣлыя должны выиграть. Если же 5. ... a7—b6, то 6. b4—a5, b8-a7; 7. c3—d4, e5 : c3; 8. d2 : b4 и далѣе, какъ въ партіи.

6. b4 — a5 b8 — c7

Если 6. ... c5—d4, то 7. a5 : c7, d4 : d2 (если 7. ... a8 : b6; 8. e3 : c5, b6 : b2, то 9. a3 : c1, a7 — b6; 10. a1—b2, b6—c5 [если 10. ... b6—a5, то 11. b2—c3; b8—c7 [[если 11. ... b8 — a7, то 12. f2 — e3, a7 — b6; 13. e3 — d4, b6 — c5; 14. d4 : b6, a5 : c7; 15. e1 — f2, c7 — b6; 16. d2 — e3, затѣмъ 17. c1 — b2 и выигр.]]; 12. c3 — b4, a5 : c3; 13. d2 : b4, c7 — b6; 14. b4 — a5, b6 — c5 [[если 14. ... f6 — g5; 15. a5 : c7, d6 : b8; 16. f4 : d6, e7 : c5, то 17. g3—f4, g5 : e3; 18. f2 : b6 и выигр.]]; 15. c1—b2, c5—d4; 16. b2—a3, f6—g5 или d4—c3; 17. a5—b6 и выигр.]; 11. d2—c3, b8—c7 [если 11. ... c5—d4, то 12. g3—h4 и выигр.]; 12. b2—a3, c5 — d4 [если 12. c7 — b6, то 13. c3 — b4, b6 — a5; 14. c1—d2, a5 : c3; 15. d2 : b4, c5—d4; 16. b4—a5 и выигр.]; 13. c1 — d2, d4 : b2; 14. a3 : c1, c7 — b6; 15. d2—c3, b6 — c5; 16. c1 — b2 и выигр.); 8. a1 : c3, d8 : b6; 9. e3 — d4, b6 — c5 (если 9. ... b6 — a5, то 10. d4—c5, d6 : b4; 11. a3 : c5 и выигр.; если же 9. ... b8—c7, то 10. f2—e3, b6—a5; 11. d4—c5 и выигр.); 10. d4 : b6, a7 : c5; 11. f2—e3, b8—a7 (если 11. ... b8—c7, то 12. g3—h4, e5 : g3; 13. h2 : f4, c7—b6 [если 13. ... f6—e5, то 14. h4 — g5, e5 : g3; 15. c3 — d4, h6 : f4; 16. d4 : f2 и выигр.]; 14. c3 — d4, b6 — a5; 15. d4 : b6, a5 : c7; 16. e3—d4, c7—b6; 17. d4—e5, f6 : d4; 18. f4 — g5, h6 : f4; 19. d2 — e3 и выигр.); 12. c3—d4, e5 : c3; 13. d2 : b4, f6—e5 (если 13. ... f6—g5, то 14. g3—h4, g7—f6 или e7—f6; 15. e1—f2 и выигр.; если же 13. ... a7—b6, то 14. b4—a5 и выигр.); 14. g3—h4, e5 : g3; 15. h2 : f4, g7—f6 или e7—f6; 16. b4-a5, f6—e5; 17. h4 — g5, e5 : g3; 18. e3 — f4, g3 : e5; 19. a5—b6, h6 : f4; 20. b6 : a8 или h8 и выигрываютъ.

7. c3 — d4 e5 : c3
8. d2 : b4 f6 — e5

Если 8. ... f6—g5, то 9. f4—e5, d6 : d2; 10. b4 : b8 d2—c1; 11. a5 : c7, d8 : b6; 12. f2—e3 и выигрываютъ. Если же 8. ... c5—d4; 9. e3 : c5, b6 : d4, то 10. f4—e5, d6 : f4; 11. g3 : e3 и выигрываютъ.

9. g3 — h4 e5 : g3
10. h2 : f4 g7 — f6

Если 10 ... c5—d4; 11. e3 : c5, b6 : d4, то 12. e1—d2, g7—f6 (если 12. ... e7—f6, то 13. f4—g5, h6 : f4; 14. f2—e3, d4 : f2; 15. g1 : c5, c7—b6; 16. a5 : c7, d8 : d4; 17. b4 — a5, затѣмъ 18. a3 — b4 и выигр.); 13. h4—g5, f6 : h4; 14. f2—g3, h4 : f2; 15. g1 : c5, (угрожая 16. f4—e5 и 17. c5—b6), c7—b6; 16. a5 : e5, e7 — d6; 17. e5 : c7, d8 : d4; 18. d2 — c3, d4 : b2; 19. a1 : c3 и выигрываютъ. Если же 10 ... e7—f6, то 11. f4—e5. d6 : d2 (если 11. ... f6 : d4, то 12. h4—g5 и т. д.); 12. b4 : b8, d2 — c1; 13. a5 : c7, d8 : b6; 14. f2 — e3 и если c1 : g5, то 15. b8 — e5, f6 : d4; 16. h4 : h8 и выигрываютъ.

11. f4 — e5! d6 : d2

Если 11. ... f6 : d4, то 12. h4—g5, h6 : d2; 13. e1 : e5, d6 : f4; 14. b4 : b8 и выигрываютъ.

12. b4 : b8 d2 — c1
13. a5 : c7 d8 : b6
14. f2 — e3 c1 : g5
15. b8 — e5 f6 : d4
16. h4 : a5 Черн. сдались.

Рѣшенія задачъ, помѣщенныхъ въ № 3 Литер. Прил. „Нивы" за мартъ 1902 г.

— № 5. А. И. Шошина. 1. c5 — f2, g5 — h4 (A); 2. c7—b8; 3. b8 : g3; 4. c3—e5; 5. e5—d4; 6. b4—c5; 7. d4—f2; 8. e1—f2; 9. a3—b4 и 10. b4—e1. A) 1. ... g5—f4; 2. h2—g3; 3. f2—g1; 4. b6—a7, g5—h4 (4. ... g5—f4; 5. a7—e3; 6. c7—b8; 7. b8 — g3; 8. g1 — e3; 9. c3—h8 и 10. h8 : b2); 5. c7—b8; 6. c3—b2; 7. b8—f4; 8. a7—d4; 9. a3—b2 и 10. e1 : c3.

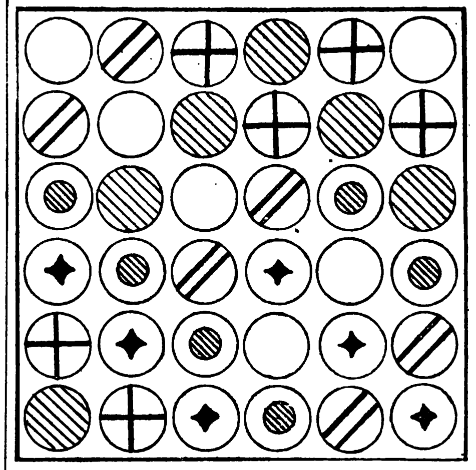
— № 6. Его же. 1. b4—a3, d6 : b4 (A); 2. h2 : b8; 3. b8 : g3; 4. g1 : d4; 5. h6 : c1 и 6. e1 : c3. A) 1. ... d2 : b4; 2. c5—b6; 3. h2 : b8; 4. b8 : g3; 5. g1 : e3; 6. h6 : c1; 7. a1—b2; 8. a3—b4; 9. c1—b2 и 10. e1 : c3.

Рѣшили: Н. В. Панковъ (СПБ.), Н. П. Смирновъ (Москва), Ѳ. Ѳ. Старостинъ (Юрьевъ), І. И. Богдановичъ (Царское Село), П. К. Ануфріевъ (Орѣхо-Зуево, Влад. г.), С. Н. Ивановъ (СПБ.), А. И. Паршевъ (ст. Усикиркко, Финл. ж. д.), Л. Б. Залкиндъ (Кострома), К. И. Фанталовъ (Муромъ), Н. Н. Карачистовъ (с. Павлово, Ниж. г.). И. Конопелкинъ (Кіевъ), С. П. Карасевъ (Саратовъ), И. С. Роменскій (ст. Анновка, Екатер. ж. д) и Н. Г. Пичугинъ (Хабаровскъ)—№№ 5 и 6; А. И. Левитскій (Екатеринославъ), Е. М. Максимовъ (с. Починки, Ряз. г.) и П. Я. Березнеговскій (с. Никольское, Волог. г.)—№ 5; М. А. Шибаловъ (Псковъ), Т. Ш. Шалитъ (Рига), г-жа Л. Гаврилова (с. Архангельское, Ставр. г.), В. Лійкъ и Л. Спріитъ (Кертель, Эстл. г.)— № 6.

ЗАДАЧИ, ЗАГАДКИ и РЕБУСЫ

подъ редакціей **Н. В. Панкова.**

Задача № 13.

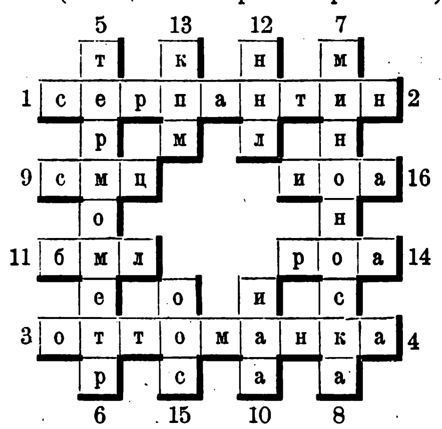
Изъ 36 кружковъ вынуть шесть разновидныхъ, но такъ, чтобы въ горизонтальныхъ, вертикальныхъ и діагональныхъ рядахъ число кружковъ было четнымъ.

Задача № 14.

Скорняку нужно было наложить на мѣхъ заплату въ видѣ треугольника. Измѣривъ сто-

роны послѣдняго, равныя 5, 7 и 11 вершкамъ, скорнякъ выкроилъ заплату, но, по ошибкѣ, не той стороной. Какимъ образомъ, не прибѣгая къ другому куску мѣха, слѣдуетъ раскроить вырѣзанную заплату на части, чтобы изъ нихъ получился треугольникъ, какой необходимъ скорняку для мѣха.

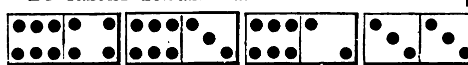
Рѣшеніе магической фигуры № 7 (помѣщ. въ Лит. Прил. за мартъ 1902 г.).

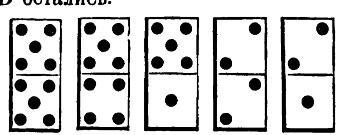
Задачу № 7 рѣшили: Азанчевскіе, П. М. Аксеновъ, А. Барановъ, С. С. Бутурлинъ, В. И. Бунинъ, Н. Баптидановъ, Л. Властова, И. М. Волосевичъ, Э. И. Вольде, Н. Головицкій, М. С. Гозенпудъ, А. И. Егоровъ, В. А. Красновъ, Л. И. Копфницкій, С. М. Кернеръ, Капканщиковъ, І. П. Кацъ, П. В. Мельниковъ, А. Мельниковъ, М. Т. М., В. Петровъ, А. Поповъ, В. Е. Сушковъ, К. С., А. Ситтенбергъ, В. Сидѣльниковъ, П. К. Фраже, М. А. Федотова, М. М. Чеплевскій. Н. Чубовъ, С. В. Шляпниковъ, А. Г. Шапошниковъ, О. Шуберская, В. Штранге.

Рѣшеніе задачи игры въ домино № 8
(помѣщ. въ Лит. Прил. за мартъ 1902 г.).

Въ талонѣ лежали камни:

У *Б* остались:

Ходъ игры: I. $A\frac{6}{6}$, *Б*—, $B\frac{6}{1}$; II. $A\frac{1}{3}$, $Б\frac{3}{5}$, $B\frac{5}{2}$; III. $A\frac{2}{3}$, *Б*—, *В*—; IV. $A\frac{3}{0}$, $Б\frac{0}{5}$, *В*—; V. $A\frac{5}{6}$, *Б*—, *В*—; VI. $A\frac{6}{0}$, $Б\frac{0}{2}$, $B\frac{2}{4}$; VII. $A\frac{4}{3}$ (=83).

Задачу № 8 рѣшили: П. К. Фраже (Одесса), Б. М. Модель (Прилуки), Г. Б. Іошпа, Х. В. Рабинъ (м. Сатановъ).

Рѣшеніе задачи № 9 (помѣщ. въ Лит. Прилож. за мартъ 1902 г.).

Обозначимъ черезъ *А*, *Б* и *В* боченки въ 40, 23 и 9 литровъ. Изъ помѣщаемой ниже таблички видно, какъ купленное вино, путемъ переливанія изъ одного боченка въ другой, было раздѣлено пріятелями на двѣ равныя части.

	А	*Б*	*В*		*А*	*Б*	*В*
I	17	23	0	XIII	39	1	0
II	17	14	9	XIV	39	0	1
III	26	14	0	XV	16	23	1
IV	26	5	9	XVI	16	15	9
V	35	5	0	XVII	25	15	0
VI	35	0	5	XVIII	25	6	9
VII	12	23	5	XIX	34	6	0
VIII	12	19	9	XX	34	0	6
IX	21	19	0	XXI	11	23	6
X	21	10	9	XXII	11	20	9
XI	30	10	0	XXIII	20	20	0
XII	30	1	9				

Число лицъ, приславшихъ правильныя рѣшенія этой задачи, свыше 200; за недостаткомъ мѣста фамиліи ихъ не могутъ быть помѣщены.

Кромѣ упомянутыхъ въ апрѣльской книжкѣ „Литер. Прилож.", слѣдующія лица прислали правильныя рѣшенія задачъ:

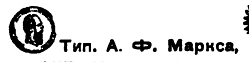
№ 5.—П. Арагвинъ, В. И. Вороновъ, Е. Г. Жернова, Н. М. Житкевичъ, Зосимовскій, Б. Іорданъ, М. Козловскій, А. Мельниковъ, Насоновъ, И. А. Несторовъ, А. М. Осиповичъ, І. Пархоменко, Н. Праведниковъ, В. А. Терентьевъ.

№ 6.—П. Арагвинъ (Москва) и К. П. Чаплыгинъ (ур. Бѣлый Ключъ).

Корреспонденція.

А. Баранову, П. Д. Биткину, Д. М. Вайнгарту, Ю. Б. Волынскому, Т. Гончарову, Г. М. Жданову, Капканщикову, Д. И. Кардашеву, К. П. Огневу, П. Т. Трофимову, К. Чаплыгину, А. Шапошникову, М. В. Шіупову, А. А. Эльману, Н. Юницкому, А. П. Яхонтову. Задачи не подходятъ.

Издатель **А. Ф. Марксъ.** Редакторъ **Р. И. Сементковскій.**

Тип. А. Ф. Маркса, Измайл. пр., № 29.

Дозволено цензурою. СПБ. 10 мая 1902 г.

Безъ раковины.

Повѣсть **Н. И. Тимковскаго.**

I.

По воскресеньямъ у Зіягиныхъ собирались родные и кое-кто изъ знакомыхъ. На этотъ разъ за чайнымъ столомъ сидѣли братья Зіягина, Александръ и Михаилъ, жена Михаила, Мелитоновъ, дальній родственникъ Зіягиной, и нѣсколько старыхъ знакомыхъ. Самъ Андрей Николаевичъ Зіягинъ, человѣкъ лѣтъ 35-ти, худощавый, хрупкаго сложенія шатэнъ, съ блѣднымъ, усталымъ лицомъ, только-что вышелъ въ столовую изъ кабинета, гдѣ безъ отдыха работалъ въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ. Онъ молча пилъ чай и только время отъ времени вяло отвѣчалъ на вопросы о здоровьѣ и дѣлахъ: видно было, что онъ весь еще полонъ мыслями, занимавшими его въ кабинетѣ.

Жена его, Ксенія Владиміровна, молодая женщина, средняго роста, круглолицая, довольно полная, не спѣша разливала чай и разговаривала съ гостями своимъ ровнымъ, ласковымъ голосомъ; по временамъ она останавливала на мужѣ взглядъ, и тогда въ ея сѣрыхъ серьезныхъ глазахъ, такихъ добрыхъ, спокойныхъ и ясныхъ, мелькало что-то глубоко-грустное и многозначительное.

Александръ Николаевичъ Зіягинъ, красивый блондинъ въ мундирѣ инженера, придвинулся совсѣмъ близко къ барышнѣ съ глазами, похожими на маслины, и вполголоса оживленно разговаривалъ съ нею. Барышня, Инна Павловна Ханина, брюнетка, съ матовымъ лицомъ и розовыми полуоткрытыми губами, была замѣтно ажитирована: спорила, волновалась, обмахивала платкомъ разгорѣвшееся лицо; черные глаза ея блестѣли, какъ у пьяной, и въ нихъ все время искрилось что-то загадочное. Рядомъ съ нею сидѣла другая барышня, съ рыжеватыми волосами, туго перетянутая, необыкновенно тонкая и пискливая; она тоже волновалась, говорила безъ умолку и имѣла такой видъ, точно готова была вскочить въ глаза Александру Николаевичу.

Другой братъ Зіягина, Михайло Николаевичъ, страшно растолстѣвшій и обрюзгшій за послѣднее время, съ короткой шеей и мясистыми лоснящимися щеками, разсказывалъ Ксеніи Владиміровнѣ жирнымъ басомъ о томъ, какъ онъ на-дняхъ «нагрѣлъ зубодера Замнера» въ карты.

— И сѣлъ-то всего съ пятишницей!— повторялъ онъ, раскатисто смѣясь, и время отъ времени подливалъ себѣ въ чай рому изъ маленькаго графинчика, причемъ каждый разъ говорилъ, подмигивая на жену:—Жена чтобъ не видала!..

Жена, очень молодая, тоже какъ-то сразу располнѣвшая и погрубѣвшая, но все еще миловидная блондинка, была до брака необыкновенно подвижной и суетливой: всегда нервничала, всегда стремилась куда-то, жадно искала жизни въ театрахъ, самообразованіи, благотворительности, въ кружкахъ и обществахъ; но выйдя замужъ и родивъ очень крѣпкаго мальчика, сразу затихла. Съ тѣхъ поръ по всему ея существу разлилось какое-то спокойствіе, никогда не покидавшее ее. Изъ того, какъ она сидѣла, пила чай, разговаривала, улыбалась, было видно, что она наслаждается своей счастливой неподвижностью, что она можетъ просидѣть такъ хоть сутки, довольная, улыбающаяся, спокойная...

Дмитрій Антипычъ Мелитоновъ, здоровенный, массивный мужчина, съ просѣдью, богатый коммерсантъ, снисходительно бесѣдовалъ о дѣлахъ съ русскимъ нѣмцемъ Кюммелемъ, своимъ бухгалтеромъ, чистоплотнымъ, розовымъ, точно вымытымъ огуречнымъ разсоломъ. Кюммель былъ шаферомъ Зіягиной, и съ тѣхъ поръ вотъ уже 4-й годъ аккуратно посѣщаетъ Зіягиныхъ по воскресеньямъ. Его супруга, здоровая, красивая, щегольски одѣтая дама, съ лицомъ, не выражающимъ ничего, кромѣ довольства своимъ тѣломъ и своимъ костюмомъ, перекинулась съ хозяйкой нѣсколькими фразами о погодѣ и здоровьѣ и потомъ уже ничего больше не говорила, а только поворачивала браслетъ на своей бѣлой, полной рукѣ, нетерпѣливо поглядывая въ гостиную, гдѣ горничная готовила карточный столъ...

Скоро Михайло Николаевичъ съ женой и супруги Кюммели перешли въ гостиную и усѣлись за карты. Михайло Николаевичъ, слегка замутившійся отъ рому, долго кричалъ изъ гостиной по адресу Зіягина:

— Сколько времени, Андрей, ты у меня не былъ? Аридовы вѣки!.. Это свинство, братанъ!.. Это не по-родственному!.. Ты—человѣкъ мудреный, а я—простой... У меня все на чистоту... Коли ты—подлецъ, я такъ и скажу, что ты—подлецъ... ха-ха! Вѣдь я тебя люблю, братанъ... и женушку твою люблю, ей-ей!.. Приходи на-дняхъ: пожремъ, попьемъ, повремъ по душѣ... Разносоловъ у меня нѣтъ: подамъ капусту,—ѣшь капусту, а то ступай къ чорту... ха-ха! Вотъ какъ у насъ съ супружницей!.. Лѣшій ты этакій,—вѣдь мы съ тобой—братья... да еще коллеги вдобавокъ: оба—эскулапы, оба моримъ людей во славу Божію... ха-ха!.. Я, братъ, недавно такую питательную семейку себѣ приспособилъ: всѣ поголовно отъ нечего дѣлать только и знаютъ, что лѣчатся. Чуть кольнуло гдѣ-нибудь, сейчасъ присылаютъ за мной лошадь: «Докторъ, батюшка, спасите: смерти до смерти боюсь». «Въ чемъ дѣло?» «Кольнуло!» Ну, сейчасъ помажешь чѣмъ-нибудь—и получай красненькую... А семейство многочадное. Питательное семейство... ха-ха!. Люблю такихъ больныхъ!

Наконецъ, онъ замолкъ. Въ гостиной водворилась тишина, а въ столовой раздавался мѣрный голосъ Мелитонова, напоминающій металлически-глухіе, однообразные звуки большого часового маятника:

— Вотъ уже третій мѣсяцъ, какъ я почилъ отъ всѣхъ дѣлъ своихъ... да. Передалъ все довѣренному приказчику (старичокъ у меня такой есть): «Дѣлай, братъ, какъ хочешь, только меня не безпокой». Я работалъ, я нажилъ состояніе, а теперь хочу жить. Вѣдь надо же когда-нибудь жить?.. Насъ только и есть, что я, да Машуха моя: на нашъ вѣкъ хватитъ... Такъ ли я говорю?.. А?

Мелитоновъ любилъ разговаривать только самомъ себѣ, причемъ не

обращался ни къ кому въ отдѣльности, а какъ будто имѣлъ въ виду все человѣчество, которому онъ возвѣщалъ о своихъ прежнихъ трудахъ и о своихъ мудрыхъ планахъ на будущее. Его моложавое, бронзоваго цвѣта лицо, съ щетинистыми, чуть-чуть посѣдѣвшими волосами и тщательно подстриженной бородой, его большой, точно металлическій кулакъ, которымъ онъ увѣсисто пристукивалъ по столу,—все это, взятое вмѣстѣ, производило впечатлѣніе чего-то стѣнобитнаго, несокрушимаго и безконечно самодовольнаго.

— Смотрю я на васъ, Андрей Николаевичъ,—продолжалъ онъ, уперши въ Зіягина свой неизмѣнно самоувѣренный и равнодушно-ласковый взглядъ:—лѣчите вы другихъ, а сами...

— Это потому, что онъ—по нервнымъ болѣзнямъ, — рявкнулъ изъ гостиной Михайло Николаевичъ.—Оттого и дохлый... А я вотъ лѣчу преимущественно животы—и здоровехонекъ!... Доппель-Кюммель, тебѣ ходить!

— Вы, Андрей Николаевичъ, все о чемъ-то думаете, все чѣмъ-то недовольны,—продолжалъ Мелитоновъ, не обращая вниманія на явно скучающее лицо хозяина.—Только голову засориваете... Видъ у васъ—неважный, аппетитишко—плохой... Изъ-за чего же вы хлопочете? Ну, если бы вы— вонъ какъ англичане дѣлаютъ... или я, напримѣръ,—положили себѣ нажить къ такому-то сроку капиталъ, чтобы потомъ умненько проживать его,—я бы это понялъ... А то вѣдь... Когда же вы жить-то будете?

— Ну, а вы живете?—спросилъ съ усмѣшкой Зіягинъ.

— Всеконечно!.. Прежде я припасалъ средства къ жизни, а теперь сталъ жить.

— То-есть?

— А вотъ, извольте послушать... Утромъ встаю,—холодный душъ, гимнастика; потомъ приходитъ массажистъ: это ужъ, такъ сказать, пассивная гимнастика. Потомъ — завтракъ... очень питательный; потомъ—прогулка, чтеніе газетъ. А тамъ зайдешь къ кому-нибудь... А тамъ — обѣдъ... Въ эти ваши театры я не хожу: въ 10 часовъ я ужъ бай-бай.

— И только?

— Какъ «только»? Я здоровъ, я расчитываю сто лѣтъ прожить... Я вотъ скоро порѣшу окончательно съ дѣлами—и тогда объѣзжу всѣ курорты: въ каждое время года буду жить тамъ, гдѣ лучше всего жить въ интересахъ здоровья и долговѣчности.

— Не жить, а существовать,—поправилъ его Зіягинъ.—Вѣроятно, вы просуществуете безконечно долго: ваши родители до сихъ поръ еще здравствуютъ. Мнѣ иногда кажется, что вы и почитаете-то ихъ единственно «въ интересахъ своей долговѣчности», ибо сказано: «долголѣтенъ будеши на земли»...

Все это онъ произнесъ безъ малѣйшей улыбки, безстрастно-серьезнымъ тономъ. (Онъ вообще рѣдко улыбался). Барышни засмѣялись, а Александръ Николаевичъ широко усмѣхнулся, показавъ при этомъ свои крѣпкіе зубы и ярко-красныя десны.

— Да, ужъ конечно переживу васъ!—зычно сказалъ Мелитоновъ и пристукнулъ кулакомъ по столу такъ, что крышка на чайникѣ подпрыгнула.—Мнѣ вотъ только Маньку замужъ выдать, а тамъ я—вольная птица!..

При этихъ словахъ, Зіягины—мужъ и жена,—обмѣнялись быстрымъ, какъ молнія, взглядомъ, а потомъ оба потупились. Настало молчаніе. Мелитоновъ сопѣлъ, Зіягинъ разсматривалъ свои ногти, Ксенія Владиміровна точно прислушивалась къ замирающему жалобному писку въ самоварѣ.

— А гдѣ сейчасъ Марья Дмитріевна?—спросила Ханина.

— Кто-жъ ее знаетъ? — отвѣтилъ

Мелитоновъ.—Бѣгаетъ съ утра до вечера: то съ лотереей какой-нибудь возится, то по музеямъ, то въ попечительствѣ, то еще Богъ вѣсть гдѣ... Ноги у нея крѣпкія,—вотъ и бѣгаетъ. Я ее не стѣсняю; она у меня хоть шалая, а умная: сама себя сбережетъ и все разсудить можетъ, коли захочетъ. Ну, а если не захочетъ,—такъ ее хоть въ ступкѣ истолки:—ничего съ ней не подѣлаешь...

Мелитоновъ долго говорилъ о дочери, т. е. опять-таки больше о себѣ самомъ, потому что онъ находилъ въ ней много чертъ, унаслѣдованныхъ отъ него: умна и упряма, и смѣла, и взбалмошна подчасъ, и своего всегда добьется—во всемъ этомъ онъ узнаетъ самого себя. Мелитоновъ, въ самомъ дѣлѣ, не только не стѣснялъ ни въ чемъ дочь, но даже не заботился о ней: онъ предоставилъ въ ея распоряженіе квартиру, прислугу, экипажъ, деньги, сколько ей угодно, и больше ни о чемъ не думалъ.—«Голова у нея здоровая—сама за себя подумаетъ»,—любилъ говорить онъ. Ему это было очень по-сердцу, потому что онъ терпѣть не могъ думать и заботиться о комъ бы то ни было, кромѣ самого себя; а съ тѣхъ поръ, какъ онъ «почилъ отъ дѣлъ своихъ и сталъ жить», всякая лишняя дума или забота сдѣлались для него прямо ненавистны... Случалось, что, живя съ дочерью въ одной квартирѣ, они не видались по цѣлымъ днямъ; вдругъ встрѣтятся гдѣ-нибудь на улицѣ: «Здравствуй, папа!—крикнетъ Марья Дмитріевна.—Ты все моціонишь, должно-быть? До свиданья! Мнѣ некогда...»

. . . .

— Нѣтъ, вотъ кто здорово хапаетъ—инженеры! — раздался изъ гостиной голосъ Михайлы Николаевича.—Доктора—что! Вотъ инженеры... Александръ, сколько ты слизнулъ за послѣднюю стройку?

Зіягинъ молча всталъ и ушелъ къ себѣ въ кабинетъ.

II.

Не успѣлъ онъ зажечь лампы, какъ вошелъ Александръ Николаевичъ.

Александръ и Андрей Зіягины разговаривали другъ съ другомъ рѣдко и всегда съ глазу на глазъ. При людяхъ, даже самыхъ близкихъ, они только обмѣнивались взглядами или перекидывались общими фразами; но иногда Александръ Николаевичъ бралъ подъ руку брата, отводилъ его въ сторону и вполголоса заговаривалъ съ нимъ о чемъ-нибудь очень интимномъ; или приходилъ къ нему въ кабинетъ, садился и спрашивалъ: «Будемъ сегодня разговаривать?» Это случалось иногда ночью, когда Ксенія Владиміровна уже спала, а Зіягинъ сидѣлъ у себя въ кабинетѣ за работой. Тогда онъ откладывалъ работу и принимался ходить изъ угла въ уголъ; Александръ Николаевичъ говорилъ, а онъ больше слушалъ или возражалъ односложно. Такъ братья проговаривали иной разъ до утра, послѣ чего въ продолженіе цѣлаго мѣсяца только перебрасывались при встрѣчахъ лаконическими фразами.

— Давно мы съ тобой не обмѣнивались мыслями,—сказалъ Александръ Николаевичъ, укладываясь поудобнѣе на кушетку для изслѣдованія больныхъ. — Михайло тамъ все ржетъ, а Антипычъ продолжаетъ разглагольствовать о себѣ... Этакая здоровенная лошадь!

— Ну, а барышни? — разсѣянно спросилъ Зіягинъ только для того, чтобы что-нибудь сказать.

— Барышни стрекотали о томъ, какъ безподобно спѣлъ пѣвецъ Тюльпановъ «Вечернюю звѣзду», и какъ жаль, что онъ такъ непростительно растолстѣлъ за послѣднее время, и какъ хорошо пишетъ Ибсенъ, и какіе

жадные эти англичане, и что за странныя шубы пошли теперь: безъ таліи... У обѣихъ—особенно у Ханиной—такъ искрятся глаза и такое необузданное оживленіе въ лицахъ... Какія обѣ онѣ миленькія, славненькія и... глупенькія! Ханина какъ-то ангельски глупа...

Онъ закурилъ сигару, растянулся во всю длину на кушеткѣ и, пустивъ къ потолку тонкую струю дыма, слѣдилъ за нею глазами. Андрей Николаевичъ ходилъ изъ угла въ уголъ, неслышно ступая по ковру, застилавшему весь полъ кабинета.

— Послушай, Александръ, это пошло... — произнесъ онъ своимъ обычнымъ вдумчивымъ, почти кроткимъ тономъ.—Ты считаешь Ханину просто глупенькой барышней, а самъ ухаживаешь за ней, толкуешь съ ней объ Ибсенѣ... Къ чему это?

— У нея жизнь переливается въ глазахъ,—процѣдилъ сквозь зубы Александръ Николаевичъ.—Но мнѣ всего забавнѣе вотъ что: вѣдь барышня сама глубоко убѣждена, что ее въ данный моментъ интересуетъ Ибсенъ, а не что другое; она сама не подозрѣваетъ, какова подоплека всѣхъ этихъ нашихъ разговоровъ. Я, душенька, весьма любопытенъ видѣть, какъ будетъ вскрываться передо мной истинная подкладка всего этого, какъ природа будетъ срывать въ моихъ глазахъ своей властной рукой одинъ покровъ за другимъ и обнажитъ, наконецъ, альфу и омегу всей этой украшенной, задрапированной и замаскированной жизни, т. е. живое и жаждущее жить молодое женское тѣло, которому прежде всего нужно острыхъ, волнующихъ ощущеній. Это у меня интересъ — почти философскій. Нечего усмѣхаться! Ты смотри на вещи пошире. Кто стремится, какъ я, вскрыть настоящую, неприкрашенную правду жизни, тотъ есть прежде всего философъ. Мы оба съ тобой—философы.

У Александра Николаевича обыкновенно нельзя было разобрать, серьезно ли онъ говоритъ или глумится, и если глумится, то надъ кѣмъ: надъ своимъ собесѣдникомъ или надъ самимъ собой? Андрей Николаевичъ чуть замѣтно поморщился.

— Въ основѣ твоей философіи, — произнесъ онъ тономъ доктора, ставящаго діагнозъ: — лежитъ равнодушіе ко всему, кромѣ самыхъ примитивныхъ инстинктовъ. Это скверно уже потому одному, что старо, какъ міръ.

— Ха! Пусть это старо въ исторіи человѣчества, но для меня это—источникъ новыхъ ощущеній: нынче—черные глаза, завтра—голубые, сегодня мнѣ подносятъ блюдо подъ однимъ соусомъ, завтра — подъ другимъ. И пути, которыми я иду къ своей цѣли, тоже разнообразные: сегодня я иду черезъ Ибсена, завтра—черезъ Мопассана, послѣзавтра — черезъ цыганскія пѣсни и рестораны. Новаго, другъ мой, въ жизни ничего не можетъ быть: все въ сущности сводится къ двумъ-тремъ органическимъ потребностямъ. Такъ было тысячи лѣтъ тому назадъ, такъ оно и теперь есть и всегда будетъ. Жизнь, какъ старая шарманка, играетъ споконъ вѣковъ всюду и вездѣ свои два-три мотива— сколько ни верти ее, ничего больше отъ нея не услышишь. Остается только разнообразить свои ощущенія — вотъ и все. Гоголевскій поручикъ, гоняясь за нѣмочкою Шиллеръ, понималъ суть жизни правильнѣе, чѣмъ художникъ Пискаревъ съ его фикціями. Красивое тѣло само за себя говоритъ, а душа... Души, милый мой, какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ, бываютъ обыкновенно маленькія, убогенькія, некрасивыя; начинка въ нихъ—весьма сомнительная: складъ всякихъ условностей, чужихъ объѣдковъ, обгрызковъ... брр! Нѣтъ, тѣло меня гораздо больше интересуетъ.

Онъ швырнулъ потухшую сигару, поднялся на кушеткѣ и сталъ потягиваться и разминаться, какъ здоровый, сильный человѣкъ, наслаждающійся ощущеніемъ своего тѣла. Этотъ ослѣпительный блондинъ, съ копной бѣлокурыхъ волнистыхъ волосъ, съ свѣтло-русой бородою и голубыми, до непріятности свѣтлыми глазами, производилъ странное и сложное впечатлѣніе: то онъ покажется какъ будто искреннимъ, добрымъ, глубоко чувствующимъ, то оттолкнетъ отъ себя выраженіемъ холодной, черствой насмѣшки, надменнаго самолюбія и самодовольства... Когда онъ улыбался и показывалъ свои бѣлые крѣпкіе зубы и красивыя десны, въ лицѣ его мелькало что-то хищническое, плотоядное; когда же онъ вдругъ становился совершенно серьезенъ, и глаза его темнѣли отъ какой-то тайной мысли или заботы,—въ лицѣ его появлялась черта неподдѣльнаго благородства, выраженіе чего-то великодушнаго и неотразимо привлекательнаго...

Рядомъ съ своимъ ослѣпительнымъ братомъ, Андрей Николаевичъ тускнѣлъ и казался вялымъ, черезчуръ смирнымъ. Онъ говорилъ тихимъ, безстрастно-мягкимъ тономъ. У него былъ такой видъ, точно его собесѣдникъ нервно-больной, съ которымъ надо обращаться по возможности спокойно и ровно. Онъ былъ моложе Александра на три года, но его всѣ принимали за старшаго брата. Андрей Николаевичъ слылъ хорошимъ гипнотизеромъ; и въ самомъ дѣлѣ, въ его темно-голубыхъ глазахъ, полныхъ упорной мысли, чудилась какая-то сила внушенія; въ самыхъ звукахъ его негромкаго голоса, ровныхъ и отчетливыхъ, слышалось что-то властное, категорическое, и все лицо его точно застыло въ выраженіи глубокой, не знающей сомнѣній убѣжденности...

— Поѣду сегодня провожать Ханину,—сказалъ Александръ Николаевичъ, продолжая разминаться. — По дорогѣ завезу ее къ себѣ. Я обѣщалъ ей показать одно интересное изданіе Ибсена.

— Развѣ у тебя есть такое изданіе?

— Разумѣется, нѣтъ.

— Значитъ, ты собираешься обмануть ее?

— Формально—да, но по существу—нѣтъ.

— То-есть, какъ же это?

— А такъ. Я отлично знаю,—даже лучше, чѣмъ она сама,—что ей не Ибсена у меня нужно. Я бы обманулъ ее, если бы, въ самомъ дѣлѣ, предложилъ ей Ибсена. Она просто хочетъ соблюсти конвенансы,—и я ихъ соблюдаю: вотъ и все...

— Я рѣшительно не совѣтую тебѣ играть съ нею эту роль, — сказалъ Андрей Николаевичъ, останавливаясь противъ брата и гипнотизируя его своимъ буравящимъ взглядомъ.

— А почему, напримѣръ? — спросилъ тотъ съ саркастической усмѣшкой.

— А потому, что это — уродство, аномалія, надругательство надъ своей собственной и надъ чужой душой...

— Те-те-те, — насмѣшливо перебилъ его Александръ Николаевичъ.— Ты претендуешь на званіе свободнаго мыслителя, а самъ въѣзжаешь всей оглоблей въ патентованную обывательскую мораль, грозишь мнѣ какими-то вороньими пугалами... Но постой: я выведу тебя сейчасъ на свѣжую воду. Давно собираюсь сдѣлать это... Мы съ тобой—близнецы по духу... да, да! Нечего качать головой... Развѣ мы не заявляли другъ другу многократно, что не хотимъ быть улитками, прикрѣпленными къ своимъ раковинамъ, что надо разбить эти раковины и выйти на просторъ?.. Но ты, Андрюшенька—трусъ: ты всѣми силами души отрицаешь свою раковину, а боишься вылѣзти изъ нея; ты смѣешь «свое

сужденіе имѣть», но не осмѣливаешься жить по собственному катехизису, то-есть, по нашему, «Зіягинскому». «Трусоватъ былъ бѣдный Ваня!..»

— «Зіягинскій катехизисъ»?.. Это любопытно... — сказалъ Андрей Николаевичъ съ видомъ ученаго, заинтересованнаго какимъ-нибудь новымъ открытіемъ въ его области. — Изложи мнѣ его, пожалуйста.

— Ты можешь изложить его не хуже меня, — возразилъ Александръ Николаевичъ, насмѣшливо оскаливая зубы.—Его первая заповѣдь гласитъ: «Существуетъ на свѣтѣ только одна полноправная личность: это—я, Зіягинъ, а все прочее,—мужчины, женщины, старики, дѣти, здоровые, больные, умные, глупые, — все это только тѣсто, которое я могу, по своему желанію, мѣсить, комкать, изъ котораго я могу выдѣлывать все, чего требуетъ моя капризная и жадная до ощущеній душа»... Вотъ, какъ мы оба съ тобой понимаемъ жизнь. Постой, дай мнѣ кончить... Всѣ такъ живутъ, и каждый склоненъ видѣть во всѣхъ другихъ только тѣсто! Дѣти для родителей—тѣсто, изъ котораго они хотятъ лѣпить разныя фигурки по своему усмотрѣнію; жены стараются сдѣлать тѣсто изъ мужей, а мужья—изъ женъ; начальники—изъ подчиненныхъ, старшіе — изъ младшихъ, воспитатели — изъ воспитанниковъ. Но никто не признается въ этомъ даже самому себѣ — или по малодушію, или по недомыслію: виляютъ хвостами, заметаютъ слѣды, дурачатъ себя и другихъ всякими высокопарными матеріями, которыхъ, наконецъ, сами начинаютъ бояться... Вѣдь ты, напримѣръ, самъ въ глубинѣ души убѣжденъ, что барышня Ханина, какъ и всякая другая барышня, есть только тѣсто, въ которомъ, точно изюминки, торчатъ тамъ и сямъ Ибсенъ, женскій вопросъ, самообразованіе и разныя другія приправы; и нашъ Михайло съ женой суть не что иное, какъ толстыя обывательскія лепешки; и твой бывшій патронъ, профессоръ Кулагинъ—также тѣсто, только очень перекисшее; и твои паціенты служатъ тебѣ тѣстомъ, на которомъ ты чему-то учишься и изъ котораго что-то лѣпишь для себя... И всѣ для тебя, въ сущности,—только тѣсто: если оно вкусно—пожирай его, если не вкусно—отбрасывай его безъ церемоній! Но ты не дѣлаешь ни того, ни другого, потому что ты—трусъ!

Андрей Николаевичъ замедлилъ шагъ и, слегка закусывая кончики усовъ (что всегда служило у него признакомъ сдержаннаго волненія), произнесъ въ раздумьи:

— Я люблю поговорить съ тобой, Александръ, такъ какъ ты всегда ставишь вопросъ ребромъ... да еще какимъ-то костлявымъ ребромъ. Это невольно побуждаетъ меня провѣрить лишній разъ свои взгляды...

— Ну, вотъ видишь, какъ превосходно!—сказалъ Александръ Николаевичъ, оскаливая зубы и десны.—Очевидно, ты и на меня смотришь, какъ на тѣсто, изъ котораго вылѣпливаются разныя фигурки въ назиданіе тебѣ... Ничего! Валяй, валяй... Тѣсто, такъ тѣсто!

На его губахъ застыла усмѣшка, въ которой не было и тѣни веселья... Андрей Николаевичъ внимательно, пытливымъ взоромъ врача посмотрѣлъ на эту бездушную улыбку, на эти удивительно свѣтлые глаза, отливавшіе какимъ-то металлическимъ блескомъ.

— Знаешь что, Александръ? — замѣтилъ онъ какъ бы съ удивленіемъ.— У тебя глаза точно никелированные.

Александръ Николаевичъ сначала какъ будто не понялъ, а потомъ вдругъ расхохотался рѣзкимъ прерывистымъ смѣхомъ, напоминающимъ барабанную дробь.

— У меня, милочка, должно-быть, и душа никелированная...—отозвался онъ сквозь смѣхъ.

— Да, тутъ есть доля правды,— произнесъ Андрей Николаевичъ безъ всякаго намека на шутку.—Имѣя дѣло съ нервно-больными, я привыкъ различать въ самой глубинѣ глазъ отраженіе одной нервной или душевной аномаліи, которая обыкновенно ускользаетъ даже отъ взгляда опытнаго невропатолога или психіатра. Это есть своего рода омертвѣніе души... Человѣкъ физически здоровъ, бодръ... даже, повидимому, веселъ; онъ реагируетъ интенсивно на окружающее, онъ дѣятеленъ, мысль его работаетъ,—но все это какъ будто не настоящее, на всей психической жизни лежитъ какой-то матовый колоритъ; его мысль, его чувство не согрѣты теплымъ дыханіемъ живой души. Такой индивидуумъ напоминаетъ мнѣ остывшую и отжившую планету, которая долго еще продолжаетъ носиться въ пространствѣ и казаться издали живой и теплой... Или вотъ, какъ бываетъ у дерева: корень уже подгнилъ или срѣзанъ, а вѣтви могутъ нѣкоторое время оставаться зелеными. Съ такимъ подгнившимъ корешкомъ души человѣкъ можетъ просуществовать всю жизнь, и ни самъ онъ, ни окружающіе не будутъ считать его мертвымъ, а вѣдь онъ, въ сущности,—трупъ, который кажется живымъ только потому, что его безпрестанно гальванизируютъ...

— Милый другъ, да ты простонапросто читаешь мнѣ отходную,—сказалъ Александръ Николаевичъ, вставая съ кушетки и передергивая своими широкими плечами.—Или, можетъ-быть, ты имѣешь въ виду не меня, а себя самого,—а?

Онъ подошелъ къ электрической машинѣ, повертѣлъ съ разсѣяннымъ видомъ колесо, потомъ прошелся къ кабинету и, закуривъ сигару, сѣлъ на массивный письменный столъ, который заскрипѣлъ подъ его тяжестью.

— Ну, а у тебя, Андрюшенька, всѣ корешки цѣлы?—насмѣшливо спросилъ онъ, морща носъ и выпуская черезъ ноздри струи дыма.

Андрей Николаевичъ, не отвѣчая, продолжалъ расхаживать съ заложенными за спину руками. Александръ Николаевичъ, прищурившись, посмотрѣлъ на него, поболталъ ногами и взялъ со стола фотографическую карточку, вставленную въ рамку.

— Недурно вырѣзано, только грубовато немножко,—замѣтилъ онъ, разсматривая рамку.—Покупная?

— Да.

— Ну, я получше могу вырѣзать. Погоди, я тебѣ презентую.

Онъ превосходно выпиливалъ и вырѣзывалъ изъ дерева и вообще былъ великій мастеръ на всякія ручныя работы, требующія тонкости и изящества въ отдѣлкѣ.

— Во всякомъ случаѣ, портретъ лучше рамки,—процѣдилъ онъ, всматриваясь въ карточку, на которой была изображена молодая дѣвушка съ выразительнымъ, насмѣшливымъ лицомъ, темными вьющимися волосами и слегка вздернутымъ носомъ; взглядъ ея широко раскрытыхъ глазъ былъ смѣлый, почти дерзкій и вызывающій, но вмѣстѣ съ тѣмъ какой-то мальчишески-веселый.

— Глаза очень свѣжіе: не полиняли еще... Да, недурна у Антипыча дочка. Натуры у этой Марьи Дмитріевны много, вотъ что... — продолжалъ Александръ Николаевичъ съ видомъ знатока. — Жаль только: растеряетъ она эту натуру въ разныхъ музеяхъ, аудиторіяхъ, благотворительныхъ лотереяхъ и публичныхъ лекціяхъ, во всякихъ маленькихъ научкахъ и секретныхъ благотворительныхъ дѣлишкахъ.

Самъ онъ былъ не только талантливымъ, образованнымъ инженеромъ,

но и вообще человѣкомъ очень свѣдущимъ: много читалъ, всегда что-нибудь изучалъ, пріобрѣталъ массу научныхъ книгъ, интересовался самыми разнообразными вопросами; тѣмъ не менѣе, о наукѣ говорилъ не иначе, какъ съ пренебреженіемъ. И чѣмъ больше пріобрѣталъ знаній, тѣмъ презрительнѣе относился къ наукѣ.

— Да, это не барышня: это — натура,—сказалъ онъ, щелкая пальцемъ по портрету.—Она такъ и рвется изъ рамки... А въ концѣ-концовъ, все-таки не болѣе, какъ тѣсто; въ немъ пока еще бродятъ дрожжи, а дай имъ перебродить,—и получится какая-нибудь благоразумная и благонамѣренная ватрушка.

Андрей Николаевичъ молча взялъ изъ рукъ брата карточку и молча поставилъ ее на столъ. Александръ Николаевичъ прищурился на него, потянулся и досталъ съ другого конца стола карточку Ксеніи Владиміровны въ тяжелой серебряной рамкѣ.

— Славная твоя женушка...—произнесъ онъ нараспѣвъ. — Лицо круглое, доброе, истовое... Какъ серьезна... уфъ!.. Этакое добродѣтельное тѣсто, изъ котораго пекутся хорошія, семейныя кулебяки... да. Добрая, добрая женушка: «добрая, добрая лошадка!»

Андрей Николаевичъ повернулся къ брату, рѣзкимъ, несвойственнымъ ему движеніемъ вырвалъ у него изъ рукъ карточку и положилъ ее въ ящикъ стола.

— Ого, вотъ ты какъ...—сказалъ съ удивленіемъ Александръ Николаевичъ.—Я думалъ, ты скорѣй за Манечку Мелитонову покоробишься, а не за свою законную улитку. Впрочемъ, она славная, милая, твоя Ксенія... такая разсудительная...

— Можно войти къ вамъ?—послышался за дверью веселый женскій голосъ.

— Можно,—торопливо отвѣтилъ Андрей Николаевичъ.

Какой-то мускулъ дрогнулъ въ его лицѣ, но онъ мгновенно подавилъ волненіе.

III.

Вошла дѣвушка хорошаго роста, стройная, крѣпкая, со свѣжимъ, слегка румянымъ отъ воздуха лицомъ; коричневое платье и отложной воротничокъ дѣлали ее по первому взгляду похожей на гимназистку... Она держала въ рукѣ яблоко, которое откусывала своими необыкновенно бѣлыми, маленькими и острыми зубами.

— Вы давно у насъ? — спросилъ Андрей Николаевичъ, здороваясь съ ней.

Она крѣпко, по-мужски, пожала ему руку своей сильной, смуглой рукой, потомъ поздоровалась съ Александромъ Николаевичемъ и, съ трескомъ откусывая яблоко, сказала:

— Я ужъ напилась у васъ чаю... Тамъ Ксенія Владиміровна съ Ханиной... Папа ушелъ: я встрѣтилась съ нимъ у подъѣзда.—«Иди, говоритъ, лучше спать, полунощница»... Вѣдь онъ у меня вмѣстѣ съ курами отправляется на свой насѣстъ...

Она, не присаживаясь, ходила по кабинету. Походка у нея была удивительно легкая, хотя она вовсе не казалась эѳирной барышней.

— Вы, должно-быть, не набѣгались еще за день? — спросилъ Александръ Николаевичъ, и въ голосѣ его слышалось одновременно что-то воркующее и грубо вызывающее.

— Я не могу долго сидѣть на мѣстѣ... Я тамъ за самоваромъ устала,—говорила Марья Дмитріевна, дѣлая зигзаги по кабинету.—Знаете, я отворю немного форточку... Вы не боитесь?

— Нѣтъ...—сказалъ Андрей Николаевичъ.

Съ того момента, какъ она вошла, онъ точно еще больше затихъ и спрятался въ себя.

Марья Дмитріевна легкимъ движе-

ніемъ вскочила на подоконникъ и открыла форточку. Струя свѣжаго, холоднаго воздуха влилась въ комнату. Александръ Николаевичъ, не отрывая глазъ, смотрѣлъ на стройную фигуру дѣвушки, на ея сильныя плечи и высокую грудь, рвущіяся изъ тѣснаго платья, на ея широкія бедра, на все ея гибкое тѣло.

— Постойте,—сказалъ онъ, подходя къ Марьѣ Дмитріевнѣ.—Мнѣ хочется свѣшать васъ.

— Ну, что-жъ, вѣшайте...—отозвалась она, становясь со смѣхомъ на площадку десятичныхъ вѣсовъ.—Андрей Николаевичъ, я сейчасъ положительно чувствую себя вашей паціенткой.

— Ого, четыре пуда съ хвостикомъ!—усмѣхнулся Александръ Николаевичъ. — Это многонько для барышни.

— Я не барышня,—говорила Марья Дмитріевна, продолжая стоять на вѣсахъ.—Барышня—это что-то кисло-сладкое, приторное... брр! Кисель какой-то!

— У васъ въ однихъ волосахъ съ полпуда будетъ,—замѣтилъ Александръ Николаевичъ, скаля зубы и разсматривая ея массивныя, почти черныя косы, небрежно закрученныя.

— Ничего, своя ноша не тянетъ,—отшучивалась Марья Дмитріевна.

Она остановила долгій взглядъ на Андреѣ Николаевичѣ, молча сидѣвшемъ въ углу.

— Докторъ, вы, кажется, сами нездоровы?—сказала она, сходя съ вѣсовъ и посмѣиваясь. Голосъ у нея былъ сочный, звучный, «аппетитный», какъ называлъ его Александръ Николаевичъ.

— Я совершенно здоровъ.

— Или, можетъ-быть, вы меня гипнотизируете оттуда, изъ угла?

— Можетъ-быть...

Тонъ и видъ Андрея Николаевича были серьезны. И въ молчаніи, которое наступило послѣ его словъ, чувствовалось тоже что-то серьезное. Александръ Николаевичъ, прищурившись, посмотрѣлъ на брата, потомъ обратился къ Марьѣ Дмитріевнѣ:

— Пойду, поболтаю съ барышнями, которыхъ вы такъ презираете.

— Подите, подите... Онѣ тамъ изнываютъ безъ васъ.

IV.

Какъ только онъ вышелъ, Марья Дмитріевна подскочила къ Зіягину и стала трясти его за плечи:

— Ну, ну... полно вамъ углубляться въ себя! Это только рыба ищетъ, гдѣ глубже... Докторъ, да будетъ же вамъ каменѣть! Честное слово, я подтащу васъ сейчасъ къ электрической машинѣ и начну электризовать...

Она шутя тащила его за рукавъ и смѣялась; Зіягинъ, любуясь, смотрѣлъ на ея смуглое, полное жизни и игры, лицо и говорилъ:

— У васъ какой-то бисерный смѣхъ... именно, бисерный!

Онъ взялъ ее подъ руку и сталъ ходить съ нею по кабинету.

— Въ чемъ дѣло? Говорите, въ чемъ дѣло?.. Говорите скорѣй!—повторяла она, стараясь попадать ему въ ногу и заставляя его двигаться все быстрѣй и быстрѣй.—Вы о чемъ думаете?

— Все о томъ же, о чемъ мы съ вами столько разъ говорили: о раковинѣ...

— Ахъ, о раковинѣ? — засмѣялась Марья Дмитріевна. — Ну, разсказывайте мнѣ все: это такъ интересно.

— Мы вотъ и съ Александромъ сейчасъ только разговаривали объ этомъ...—началъ Зіягинъ, захлопывая на ходу форточку.

— Ну, онъ-то, я думаю... Онъ не такой, какъ вы.

— По его мнѣнію, надо разбить

раковину для того, чтобы вылѣзти изъ нея прямо въ грязь; по крайней мѣрѣ, я называю это грязью... Мнѣ же хочется отрѣшиться отъ раковины затѣмъ, чтобы взлетѣть кверху.

Марья Дмитріевна крѣпко прижала къ себѣ локтемъ его руку и, повернувъ къ нему лицо, смотрѣла на него большими, блестящими глазами. Все ея сильное, горячее тѣло, казалось, было полно неопредѣленнаго порыва, для котораго всякая мысль о тѣсной раковинѣ была невыносима.

— Я слушаю, я слушаю...—твердила она.—Говорите скорѣе! Я такъ люблю васъ... слушать.

— А я люблю смотрѣть на васъ,—сказалъ Зіягинъ съ ласковой улыбкой, сжимая горячіе пальцы ея руки.—Ну, такъ слушайте... Я вотъ каждый день вижу нервно-больныхъ, т. е. внутренно искалѣченныхъ людей, а когда обращаю свой взглядъ на здоровыхъ, то опять вижу повсюду изуродованную человѣческую личность. Уродуетъ человѣка та раковина, которая отлилась вокругъ него, стѣснила его со всѣхъ сторонъ, ущемила въ своихъ тискахъ. Онъ и боленъ, и жалокъ, и мизеренъ, и труслнвъ, и неподвиженъ,—все оттого, что онъ никогда не дышитъ свободно, не чувствуетъ кругомъ себя простора. Онъ незамѣтно цѣпенѣетъ въ своей раковинѣ и, когда случайно вылѣзаетъ изъ нея, то чувствуетъ себя безпомощнымъ, растеряннымъ, дрожитъ отъ страха и торопится опять уйти съ головой въ свою скорлупу, хоть она и давитъ его безпрестанно—до того онъ сросся съ нею! Долю необходимаго для него душевнаго спокойствія онъ покупаетъ цѣною своей свободы и живой жизни. Раковина отгораживаетъ его отъ жизни, но зато и предохраняетъ его отъ многихъ житейскихъ ударовъ и тревогъ. Если не хочешь жить на свой страхъ и рискъ,—то вотъ тебѣ раковина: прячься туда и благополучно существуй, но зато ты долженъ отречься отъ своей свободной и свободолюбивой личности. Если же не хочешь лѣзть въ раковину, отбрось ее отъ себя, и самъ, на свой рискъ и страхъ, создавай себѣ жизнь, а если не создашь и очутишься въ пустотѣ, то пеняй только на самого себя. Я вѣрю, что мы съ вами можемъ создать себѣ жизнь внѣ всякихъ раковинъ. Въ васъ есть свободный духъ, и полетъ, и презрѣніе къ шаблонамъ; вы не потерпите никакихъ путъ на своемъ чувствѣ и совѣсти. У васъ хватитъ силы и мужества жить такъ, какъ хочетъ ваше «я», а не такъ, какъ принято, предписано, установлено. Да, мы съ вами могли бы создать себѣ такую жизнь.

Онъ долго еще говорилъ, и чѣмъ больше слышалось въ его тонѣ страстнаго убѣжденія, тѣмъ тише становился его какъ будто ровный голосъ, полный сдержанной страсти и силы, гипнотизирующій, овладѣвающій волей слушательницы, такъ легко проникающій въ самую глубину души. Лицо дѣвушки горѣло, грудь волновалась, тонкія, изящно очерченныя брови ея были слегка сдвинуты отъ напряженнаго вниманія, что придавало ей какъ будто сердитый видъ.

— Я люблю васъ, потому что вы не такой, какъ всѣ...—вдругъ произнесла она тоже какъ будто сердитымъ голосомъ.

— И я васъ люблю за то же самое,—отвѣтилъ онъ тихо и медленно, точно вдумываясь въ смыслъ каждаго слова.

Марья Дмитріевна еще больше насупилась и совсѣмъ ужъ сердито, точно про себя, спросила:

— А Ксенія Владиміровна? Развѣ вы не любите ее?

— Андрей, гости уходятъ,—послышался за дверью голосъ Ксеніи Владиміровны.

V.

Вслѣдъ за тѣмъ она сама вошла въ кабинетъ, держа въ рукахъ письмо, которое протянула мужу. Она двигалась плавно, неторопливо, ея открытое лицо, окаймленное русыми, гладко причесанными волосами, было ясно и спокойно, только рука съ письмомъ замѣтно дрожала, да голосъ былъ какъ-то неестественно громокъ и твердъ.

— Пускай ихъ уходятъ...—проворчалъ, слегка хмурясь, Зіягинъ.

— Ну, все-таки, надо проститься,— возразила Ксенія Владиміровна мягко и ласково, какъ она говорила почти всегда и со всѣми.

Зіягинъ взглянулъ мелькомъ на письмо, бросилъ его на столъ и вышелъ.

Марья Дмитріевна, которая при появленіи хозяйки отошла отъ Андрея Николаевича, теперь стояла, прислонясь къ письменному столу и скрестивъ руки. Ксенія Владиміровна прошлась по кабинету, потомъ остановилась противъ дѣвушки и, смотря на нее въ упоръ своими серьезными, такими свѣтлыми и честными глазами, спросила:

— Вы любите Андрея? Скажите прямо.

Марья Дмитріевна вспыхнула; лицо ея стало сердитымъ и презрительнымъ: она негодовала на себя за свое смущеніе и старалась скрыть его подъ злой гримасой.

— Мнѣ это нужно знать,—продолжала Ксенія Владиміровна, не дождавшись отвѣта отъ дѣвушки.—Вѣдь это— вопросъ *моей* жизни. Любите ли въ самомъ дѣлѣ Андрея?

— Можетъ-быть...—сурово отвѣтила Марья Дмитріевна, опуская свои сверкающіе глаза подъ свѣтлымъ взглядомъ Зіягиной.

Ксенія Владиміровна отвернулась отъ нея и стала ходить по комнатѣ, потирая рука объ руку, какъ дѣлаютъ иззябшіе люди: это всегда значило, что ей стало ужъ черезчуръ трудно сохранять наружное спокойствіе.

— Вы хотите, чтобы я не стояла у васъ поперекъ дороги?—спросила она, опять остановившись противъ дѣвушки.

Марья Дмитріевна молчала, стиснувъ зубы и топая отъ возбужденія ногой по ковру. Лицо ея было теперь прямо злымъ.

— Хотите ли вы этого?—повторила Зіягина уже съ нетерпѣливой ноткой въ голосѣ и, неожиданно для самой себя, заломила свои пальцы такъ, что они хрустнули.

Марья Дмитріевна машинально взяла со стола какую-то книгу и немилосердно гнула ея переплетъ, потомъ отшвырнула ее отъ себя и устремила на Ксенію Владиміровну тотъ дерзкій, вызывающій и вмѣстѣ мальчишески-задорный взглядъ, какимъ она смотрѣла на своей карточкѣ: какъ будто ей сдѣлалось вдругъ отчего-то смѣшно и захотѣлось издѣваться весело и зло надъ хозяйкой, надъ собой, надъ ихъ разговоромъ, надъ драматизмомъ ихъ положенія и... еще Богъ вѣсть, надъ чѣмъ.

— Ей-Богу, я сама не знаю, чего я хочу,—отвѣтила она, кусая губы съ видомъ человѣка, который едва удерживается отъ смѣха.

Обѣ нѣсколько мгновеній глядѣли молча другъ на друга: Ксенія Владиміровна—съ недоумѣніемъ, почти съ испугомъ, Марья Дмитріевна—съ какимъ-то недобрымъ задоромъ.

— Меня, вѣроятно, скоро не будетъ здѣсь,—сказала Ксенія Владиміровна, и голосъ ея впервые дрогнулъ.—А теперь я васъ попрошу объ одномъ: пока еще я здѣсь, не бывайте у насъ, потому что это слишкомъ тяжело и... унизительно.

Она поспѣшно отвернулась отъ дѣ-

вушки и отошла къ окну. Марья Дмитріевна постояла нѣсколько мгновеній, больно закусивъ губу и порывисто дыша, потомъ вдругъ сорвалась съ мѣста и, ни слова не говоря, вышла.

VI.

Ксенію Владиміровну точно разомъ оставили силы. Она въ изнеможеніи сдѣлала нѣсколько шаговъ по кабинету и, склонясь надъ письменнымъ столомъ, опустила голову на руки. Судорожно прижимая ладони къ лицу, она старалась остановить слезы, но онѣ просачивались сквозь пальцы и жгли нѣжную кожу ея рукъ. Она стояла, не шевелясь, замеревъ въ согнутомъ положеніи, и невольно чуткимъ ухомъ прислушивалась къ отдаленному голосу Марьи Дмитріевны, обладавшему свойствомъ быть слышнымъ во всѣхъ углахъ квартиры. Марья Дмитріевна разговаривала съ Зіягинымъ въ передней; по отдѣльнымъ словамъ ея, достигавшимъ слуха Ксеніи Владиміровны, она слышала, что та прощается. Голоса мужа совсѣмъ не было слышно, но Ксенія Владиміровна понимала, что онъ удерживаетъ гостью. — «Не знаю... Тамъ видно будетъ...» повторяла Марья Дмитріевна негромко, но такъ невыносимо звучно. Послѣ этого все затихло въ передней, и Ксенія Владиміровна подумала, что дѣвушка, наконецъ, ушла; но вотъ послѣ долгаго молчанія снова раздался ея голосъ:

«— Да вы лучше напишите...

Очевидно, все время говорилъ мужъ, убѣждая ее въ чемъ-то, а теперь вотъ она заговорила... Ксенія Владиміровна плотно зажала уши и долго стояла такъ, въ какомъ-то душевномъ онѣмѣніи. Потомъ въ головѣ ея стали одна за другой проноситься горькія мысли, обидныя картины, и все это обволакивалось тяжелымъ недоумѣніемъ, какъ зловѣщимъ, безпросвѣтнымъ туманомъ.

«Какъ это все вышло? Когда *это* началось? Откуда налетѣло? А главное: за что, за что это на нее обрушилось?!..»

Такъ спрашивало со стономъ ея наболѣвшее и оскорбленное сердце, между тѣмъ, какъ сознаніе ея давно рѣшило всѣ эти вопросы, только прятало до послѣдней минуты свои рѣшенія гдѣ-то въ темной глубинѣ души. Вѣдь ей давно стало ясно, что во всемъ этомъ есть что-то логически необходимое, неизбѣжное, и смѣшно спрашивать себя: «за что?» Но едва она останавливалась мыслью на недавнемъ прошломъ, когда они съ Андреемъ такъ хорошо любили другъ друга, какъ снова все внутри нея заволакивалось обиднымъ до боли недоумѣніемъ, сердце ея опять ныло, возмущалось, опрокидывало все, построенное сознаніемъ, и стонало: «за что, за что?!»

Вдругъ она не услыхала, а почуяла приближающіеся шаги мужа, подбѣжала къ рукомойнику, быстро сплеснула водою глаза, наскоро вытерла ихъ и въ нѣсколько секундъ судорожными усиліями воли придала себѣ спокойный и ясный видъ. Она снова подошла къ письменному столу и даже успѣла замѣтить и вытереть носовымъ платкомъ слѣды своихъ слезъ на конвертѣ письма, только-что полученнаго мужемъ.

VII.

Зіягинъ вошелъ болѣе обыкновеннаго блѣдный и задумчивый.

— Ты не забылъ про письмо? — спросила Ксенія Владиміровна. — Можетъ-быть, что-нибудь спѣшное?

Зіягинъ разорвалъ конвертъ, пробѣжалъ глазами письмо и бросилъ его въ корзину.

— Это насчетъ одного паціента...— сказалъ онъ съ разсѣяннымъ видомъ; потомъ, взглянувъ на жену, спросилъ тѣмъ ласково-грустнымъ тономъ, ко-

торый съ нѣкоторыхъ поръ установился между ними:—Ксенія, ты хочешь говорить со мной?

Никогда они не разговаривали другъ съ другомъ иначе, какъ ласково, серьезно и участливо; никогда не говорили они другъ другу рѣзкихъ словъ; въ ихъ отношеніяхъ не было мѣста не только насмѣшкамъ и разнымъ поддразниваньямъ, но даже просто шуткамъ. И тѣмъ не менѣе, оба съ самаго начала почувствовали, что, несмотря на все внѣшнее и внутреннее благообразіе, ихъ отношеніямъ недостаетъ чего-то самаго живого. Самая эта бережность и осторожная деликатность между ними казались имъ иногда чѣмъ-то не совсѣмъ здоровымъ: точно каждый изъ нихъ видѣлъ въ другомъ больного, которому строжайше предписано спокойствіе. А съ тѣхъ поръ, какъ въ ихъ тонѣ зазвучала грустная нотка, у обоихъ отъ этой ласковой грусти каждый разъ оставалось на днѣ души смутное впечатлѣніе какого-то похороннаго звона; у Ксеніи Владиміровны это даже связывалось всегда непонятнымъ образомъ съ воспоминаніемъ о похоронахъ ихъ единственнаго ребенка, котораго они схоронили два года тому назадъ.

— Ты дожидалась меня здѣсь, чтобы поговорить? — продолжалъ Зіягинъ. — Я вижу и чувствую это...

— Да, я хотѣла сказать тебѣ... — начала Ксенія Владиміровна и оборвалась.—Я рѣшила уѣхать,—прибавила она почти шопотомъ и снова стала, какъ дрожащій отъ холода человѣкъ, потирать руки.

Было видно, что она все еще не можетъ справиться съ своимъ волненіемъ, которое мѣшаетъ ей и думать, и говорить.

— Куда ты хочешь уѣзжать?—произнесъ тоже почти шопотомъ Зіягинъ.

Изъ того, что онъ спрашиваетъ только о томъ, куда она хочетъ уѣхать, Ксенія Владиміровна поняла, что у него внутри все рѣшено; онъ не спрашиваетъ: «надолго ли?»—онъ знаетъ, что это—навсегда.

Ксенія Владиміровна сдѣлала рѣшительный жестъ, выпрямилась, повела плечами и, разомъ овладѣвъ собой, отвѣтила твердо:

— Я думаю поѣхать въ Тверь... къ сестрѣ. Тамъ я разсчитываю найти себѣ какія-нибудь занятія: у сестры пропасть знакомыхъ.

— Когда же ты думаешь ѣхать, Ксенія?

— Надо предупредить сестру письмомъ и получить отъ нея отвѣтъ. На это уйдетъ нѣсколько дней...

— Значитъ, ты рѣшила это только сейчасъ... только теперь?

— Нѣтъ, не сейчасъ только, а раньше... Я не знаю хорошенько, когда я это рѣшила. Вѣрнѣе, что это рѣшилось какъ-то само собой. Я только не хотѣла писать сестрѣ, не поговоривши сначала съ тобой.

Взглядъ ея сѣрыхъ глазъ былъ теперь, какъ почти всегда, яснымъ, открытымъ, мужественнымъ; Зіягинъ смотрѣлъ на нее такъ славно, довѣрчиво, что она инстинктивно по-дружески взяла его подъ-руку и стала ходить съ нимъ по кабинету. Былъ моментъ, когда обоимъ казалось, что ничто не разъединяетъ ихъ, никакая тѣнь не омрачаетъ ихъ взаимнаго чувства. Но это былъ только моментъ.

— Ксенія, можетъ-быть, ты думаешь, что причиной нашего... отчужденія... является Марья Дмитріевна?

Ксенія Владиміровна не отвѣчала, но Зіягинъ почувствовалъ, какъ дрогнула ея рука.

— Это не такъ, Ксенія; повѣрь мнѣ, — продолжалъ дружески-искреннимъ тономъ Зіягинъ: — если бы ея не было, внутренняя рознь между нами оставалась бы во всей силѣ,

и никто изъ насъ не виноватъ въ этомъ.

Ксенія Владиміровна тихонько освободила свою руку, отошла къ окну и стала спиной къ мужу.

— Я сказалъ: «рознь», а не «вражда»,—произнесъ съ грустной усмѣшкой Зіягинъ. — Вражды между нами никогда не было; напротивъ, всегда было взаимное уваженіе и довѣріе. Въ моихъ глазахъ ты какъ была, такъ и осталась честнымъ, хорошимъ человѣкомъ, котораго я все такъ же уважаю. Я нисколько не ошибся въ тебѣ, Ксенія, какъ это часто бываетъ, когда люди поживутъ вмѣстѣ и увидятъ другъ друга совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ, гораздо менѣе привлекательномъ. Со мной этого не случилось: я нимало не разочаровался въ тебѣ и не сталъ цѣнить тебя меньше, чѣмъ прежде. Но я ошибся въ себѣ самомъ, Ксенія. Я думалъ, что мнѣ нуженъ прежде всего и больше всего именно такой человѣкъ, какъ ты: такая ясная, чистая и непоколебимо-вѣрная женская душа, какъ у тебя; но оказалось, что мнѣ прежде всего нужно нѣчто другое... Вотъ тутъ-то и обнаружилась органическая рознь между нами.

Ксенія Владиміровна повернулась къ мужу и глядѣла на него упорнымъ взглядомъ, которымъ точно силилась заглянуть въ самые тайники его души. Зіягинъ спокойно выдержалъ ея взглядъ и продолжалъ тѣмъ сдержаннымъ и какъ бы безстрастнымъ тономъ, подъ которымъ скрыто было такъ много страстной, выстраданной убѣжденности:

— Вотъ что, Ксенія, стало для меня въ послѣднее время яснымъ до очевидности: существуетъ между людьми различіе, которое рѣзко раздѣляетъ ихъ на двѣ категоріи. Одни жмутся къ старымъ формамъ жизни; они дорожатъ этими формами, стараются закрѣпить ихъ, облагородить, украсить, и чѣмъ старше форма, тѣмъ больше они любятъ ее, тѣмъ ниже преклоняются передъ нею. Другіе ненавидятъ эти старыя формы, именно потому, что онѣ—старыя, и жаждутъ новыхъ идей, новыхъ формъ жизни, а когда эти новыя формы начинаютъ складываться, кристаллизоваться, они тянутся къ еще болѣе новымъ, которыхъ еще не существуетъ. Не оберегать, не совершенствовать свою личинку хотятъ они, а выйти изъ нея, сбросить ее съ себя и стать новыми существами. Можетъ-быть, они тяготятся старыми формами такъ сильно потому, что изнашиваютъ ихъ прежде, чѣмъ успѣли сжиться съ ними, полюбить ихъ. Нѣтъ болѣе глубокой и непоправимой разницы между людьми, какъ эта. Китаецъ и русскій, магометанинъ и еврей, англичанинъ и негръ могутъ понять другъ друга и идти рука объ руку; но адепты старой и новой жизни никогда не сойдутся, какъ параллельныя линіи никогда не сходятся между собой. Эта рознь чувствуется каждую минуту, въ каждомъ шагѣ, въ каждомъ словѣ, даже—въ молчаніи. Мы можемъ уважать другъ друга, какъ честныхъ людей, можемъ вѣрить другъ другу, сходиться въ нѣкоторыхъ взглядахъ, смотрѣть одними глазами на нѣкоторыя частности жизни, но въ самомъ корнѣ, въ основномъ нашемъ тяготѣніи, мы стремимся въ разныя стороны. Мы съ тобой—стороны угла; при вершинѣ угла стороны его еще близки другъ къ другу, но затѣмъ онѣ расходятся чѣмъ дальше, тѣмъ больше—и такъ до безконечности. Потому-то, можетъ-быть, отъ насъ и ускользнуло вначалѣ это роковое различіе между нами. Тебѣ прежде всего хочется облагообразить привычныя формы нашей жизни, сдѣлать ее умной, правильной, добродѣтельной; у тебя давно уже есть готовая рамка для жизни: прочная, скромная, довольно узкая и довольно

красивая; тебѣ только нужно отъ времени до времени чистить ее, подновлять, можетъ-быть, даже расширять. Мнѣ же, прежде всего, нужно, чтобы не было никакой опредѣленной рамки, никакой готовой программы, никакихъ обязательныхъ уставовъ, кромѣ требованій простой честности и искренности. Какъ въ своей врачебной дѣятельности я руковожусь прежде всего индивидуальными свойствами паціента, а не научными схемами, такъ и въ жизни я стою прежде всего за свободный полетъ человѣческой личности: я хочу, чтобъ человѣкъ леталъ, а не ползалъ.

— Развѣ я—такой врагъ свободы?—произнесла съ горечью Ксенія Владиміровна. Лицо ея было скорбно, а глаза, слегка воспаленные отъ ядовитыхъ слезъ, смотрѣли не то съ укоромъ, не то съ грустнымъ недоумѣніемъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, Ксенія, ты вовсе не врагъ свободы,—возразилъ горячо и торопливо Зіягинъ. — Но... видишь ли... ты, какъ и всѣ... какъ почти всѣ... просто не имѣешь живого представленія о той свободѣ, которой я всегда жажду,—если не сознательно, то безсознательно. Ты говоришь человѣку: «Прекрасно, — будь свободенъ, но въ извѣстныхъ предѣлахъ, подъ извѣстными условіями, въ границахъ обязательной для тебя рамки». А я говорю просто: «Будь свободенъ... какъ можно болѣе свободенъ!» Мало того: мнѣ хочется содрать съ жизни старыя, затасканныя отрепья; мнѣ хочется бить по закаменѣвшимъ формамъ, какъ желѣзомъ по кремню, чтобы скорѣй вызвать на свѣтъ искру новой жизни!..

Глаза его блестѣли, какъ у фанатика или маніака, и въ этотъ моментъ Ксенія Владиміровна не только поняла, но почти физически почувствовала то странное, безпокойное, непримиримое, что залегло во всемъ существѣ Зіягина и создало между ними стѣну. Лицо ея потемнѣло; какая-то внезапная душевная усталость сразу охватила ее и сразу сдѣлала ея здоровое, крѣпкое тѣло вялымъ, безсильнымъ. Она сѣла на подоконникъ и долго не находила у себя въ головѣ ни одной мысли, на языкѣ — ни одного слова...

— Да... я не такая, — промолвила она послѣ долгаго молчанія упавшимъ голосомъ.—Я не понимаю тебя... Мнѣ не нужна такая свобода... да я даже не знаю, какъ жить безъ рамки. Мнѣ чудится въ этомъ что-то уродливое. Мнѣ холодно, жутко отъ твоей свободы... Вѣдь тутъ — ничего прочнаго, ничего яснаго, опредѣленнаго... Тутъ какой-то хаосъ!

— Тутъ жизнь, настоящая жизнь, окрашенная всѣми цвѣтами радуги!—воскликнулъ Зіягинъ съ несвойственнымъ ему бурнымъ энтузіазмомъ. — Мы слишкомъ привыкли думать, что право на существованіе получаетъ лишь то, что успѣло закаменѣть, кристаллизироваться: будь это невѣжество, насиліе, рабство, пошлость, но разъ они успѣли сложиться въ каменную стѣну, передъ ними боязливо отступаютъ или осторожно колупаютъ эту стѣну въ смутной увѣренности, что стѣна эта останется навсегда непоколебимой. Все, что волнуется, бродитъ, порывается, жаждетъ не существующаго, тянется къ тому, что всѣ считаютъ невозможнымъ, — все это испуганно ненавидятъ... даже раньше, чѣмъ узнаютъ его. Понимаешь ли ты, Ксенія, что вѣдь изъ одного источника выходитъ и паническій страхъ передъ каменной стѣной, и постыдное равнодушіе къ вѣковымъ безобразіямъ, и преклоненіе передъ отжившимъ, и вражда къ призывному голосу жизни, которая рвется на просторъ.

— Твой просторъ—пустыня! — перебила его Ксенія Владиміровна.—Ты опустошишь все кругомъ себя и останешься одинъ въ пустомъ мѣстѣ...

Впрочемъ, нѣтъ,—не одинъ...—прибавила она съ горькой усмѣшкой.

Вздрогнувъ, точно отъ холода, она встала, прошлась по кабинету, потомъ остановилась противъ мужа и, глядя на него въ упоръ тѣмъ честнымъ, искреннимъ взглядомъ, передъ которымъ всякая ложь пугливо прячется, сказала:

— Если ты прежде всего хочешь свободы, такъ зачѣмъ же она... эта дѣвушка? Ты чувствовалъ бы себя свободнѣе одинъ, совсѣмъ одинъ. *Она*-то зачѣмъ?

Зіягинъ посмотрѣлъ на нее блеснувшими глазами и крѣпко сжалъ ея руку...

— Пойми ты, хорошій, честный, славный человѣкъ, что *она* есть сама свобода, сама жизнь, что въ ней...

Ксенія Владиміровна выдернула свою руку и пошла къ двери.

— Я уѣзжаю на-дняхъ... Это рѣшено, — произнесла она глухимъ, но твердымъ тономъ и вышла.

(Окончаніе будетъ).

ЛЕГЕНДА О СВ. ЗИТѢ.

Изъ Я. Верхлицкаго.

(Съ чешскаго).

Въ небесахъ надъ облаками
Твой пріютъ, святая Зита,
И отвѣтить не берусь я,
Вспоминаешь ли понынѣ
Ты о томъ великомъ чудѣ,
Чтò съ тобой когда-то было,
Какъ жила еще въ Яновѣ
Ты служанкой у префекта?

Иногда я въ сонныхъ грёзахъ
Слышу пѣнье, звукъ оргàна
И какой-то шумъ, подобный
Шуму крыльевъ голубиныхъ.
Вижу рядъ старинныхъ зданій
Ихъ массивные порталы,
Всѣ въ красивыхъ арабескахъ,
Подпираютъ группы статуй;
Ихъ расписанныя окна
Съ рядомъ длинныхъ, узкихъ стеколъ
Пропускаютъ, преломляя
И дробя, лучи заката;
Сквозь отворенныя двери
Вижу свѣчи въ полумракѣ,
Вижу пухлыхъ ангелочковъ,
Улыбающихся сверху,
Изъ лазурныхъ волнъ кадильныхъ,
И преданья дней забытыхъ
Въ глубинѣ души тѣснятся.
Вотъ одинъ изъ этихъ пухлыхъ
И крылатыхъ ангелочковъ
И повѣдалъ мнѣ однажды
Эту быль, и я надѣюсь,
Что меня, святая Зита,
Ты корить за то не будешь,
Что ее и дальше свѣту
Передамъ я рѣчью скромной
И безхитростной, какою
Я свою считаю душу
И твою былую вѣру.

—

Въ дни, когда еще, какъ дѣти,
Люди вѣровать умѣли
И душой стремились къ небу,
Отъ котораго случалось
Имъ подчасъ и чудо видѣть,
Въ дни, когда Франциспъ пернатымъ
Проповѣдывалъ и къ волку
Съ братскимъ словомъ обращался,—
Въ эти дни святая Зита,—
Образецъ глубокой вѣры,
Трудолюбія и рѣдкой
Доброты,—жила служанкой
У яновскаго префекта.
Если только удавалось
Ежедневно раннимъ утромъ
Ей побыть хотя минутку

Въ полумракѣ церкви старой,
Прочитать слова молитвы,—
Цѣлый день могла трудиться
Зита, рукъ не покладая,
Весела и расторопна;
Ни на мигъ не оставались
Эти руки безъ работы
И уста ея—безъ пѣсни.

А работы для служанки
Много, слишкомъ даже много
Было въ домѣ у префекта:
Наблюдать за чистотою
Комнатъ въ домѣ, вѣдать кухню
И—что̀ было самымъ важнымъ—
Погреба и кладовыя.
Но со всѣмъ справлялась Зита
Расторопно и умѣло,
Если только успѣвала
Ежедневно раннимъ утромъ
Провести хотя минутку
Въ полумракѣ церкви старой.
Ждалъ гостей префектъ однажды.
Ужъ съ утра ходила Зита
За покупками на рынокъ
И корзину за корзиной
Приносила: рыбу, мясо,
Фиги, гроздья винограда,
Ананасы, артишоки,
Всевозможныхъ винъ бутылки,
И варить уже хотѣла,
Какъ припомнила внезапно,
Что сегодня не пришлось ей
И коротенькой молитвы
Прочитать въ стѣнахъ собора.
А соборъ однимъ оконцемъ
Былъ какъ разъ напротивъ кухни;
Пламя свѣчки въ немъ виднѣлось,
Пѣнье слышалось оттуда.
Залилась она слезами,
Все изъ рукъ ея валилось.
Неужели-жъ на минутку,
На одну всего молитву
Не пойти ей? До обѣда
Далеко̀, а храмъ такъ близко!

И пошла она—но, странно!
Никогда ей не случалось
Такъ въ молитву погружаться,
Какъ сегодня: храмъ старинный
Не бывалъ еще ни разу
Такъ уютенъ и привѣтливъ;
На стѣнахъ, давно поблекшихъ,
Краски заново блестѣли;
Звуки музыки и пѣнья
Душу въ грёзы погружали,
А святые на колоннахъ,
Въ алтарѣ и въ нишахъ храма
Съ лаской, полной обаянья,
Внизъ глядѣли; даже дьяволъ,
Что̀ леталъ во прахѣ, смятый
Грозной ангела пятою,—
Весь залитый блескомъ солнца,
Съ тихой грустью улыбался.
Въ полумракѣ на колѣняхъ
Зита въ грёзы погрузилась,
Позабывъ о цѣломъ мірѣ,—
О закупленныхъ припасахъ,
Фруктахъ, зелени и рыбѣ,
Аппетитѣ приглашенныхъ
И о гнѣвѣ господина.

Полдень било. Словно громомъ,
Это Зиту поразило;
Поднялась она поспѣшно
И, не зная, что̀ ей дѣлать,
Второпяхъ перекрестилась
И—скорѣй бѣжать обратно!

У воротъ префекта Зита
Видитъ слугъ и экипажи.
Пуще Зита испугалась
И не знаетъ, что̀ ей дѣлать?
Въ кухню, въ кухню поскорѣй бы!
Въ коридоръ она вбѣгаетъ,—
Въ немъ разлитъ чудесный запахъ.
Такъ и валитъ паръ изъ кухни,
А ужъ тамъ-то шумъ, шипѣнье,
Стукъ ножей и звонъ посуды!
По стѣнамъ же коридора
Пламя красное играетъ.

«Неужели господинъ мой
Нанялъ новую прислугу?—
Про себя сказала Зита:—
Но обѣдъ такъ быстро все же

Приготовить невозможно!»
И она съ невольнымъ страхомъ
Въ двери кухни заглянула.
Сотни голыхъ ангелочковъ,
Полнощекихъ и крылатыхъ,
Суетились въ ней; ихъ лица
Разгорѣлись, словно розы
Или спѣлыя гранаты.
Тотъ дрова кидаетъ въ печку,
Этотъ вертелъ крутитъ быстро,
Тотъ на части рѣжетъ дыню,
А иной кладетъ жаркое,
Окруживъ его гарниромъ,
На серебряное блюдо.
Тотъ укладываетъ горкой
Виноградъ и апельсины,
Этотъ третъ, тотъ рубитъ что-то,
Тотъ толчетъ съ такимъ усердьемъ,
Что съ него, какъ крупный жемчугъ,
Такъ и льются капли пота.

А одинъ изъ нихъ, бѣдняжка,
Доставая макароны,
Прищемилъ себѣ мизинчикъ
И, не зная, что̀ тутъ дѣлать—
Улыбаться или плакать,—
На него усердно дуетъ.
А кругомъ все больше шуму,
Бѣготня все суетливѣй!

Наконецъ, уже готовы
Всѣ двѣнадцать блюдъ обѣда:
Фиги въ стройной пирамидѣ,
Рыба въ соусѣ съ лимономъ,
Рядомъ—вина и закуски
И различныхъ лакомствъ груды,—
Хоть на столъ неси сейчасъ же!
Что за видъ и что за запахъ!

Въ изумленіи безмолвномъ
Зита стала на порогѣ
И глядитъ, сложивши руки,
Въ мастерскую ангелочковъ.
О, Творецъ мой, что за чудо!
И на дивную картину
Съ умиленьемъ смотритъ Зита.

Но какъ только ангелочки
Увидали Зиту, мигомъ,
Словно стая мелкихъ пташекъ
Послѣ выстрѣла, исчезли;
Только шумъ отъ сотенъ крыльевъ
Подъ стропилами раздался,
Постепенно замирая;
Да кивалъ сй изъ-за печки,
Улыбаясь на прощанье
И летя въ пространство съ дымомъ,
Цѣлый сонмъ головокъ дѣтскихъ,
Полнощекихъ и кудрявыхъ;
Легкихъ крыльевъ трепетанье
Замирало въ отдаленьи.

Въ изумленіи безмолвномъ
Замерла на мѣстѣ Зита,
Но очнулась, услыхавши:
«Подавай же,—полдень минулъ!»

Вотъ и все, что̀ мнѣ извѣстно;
Но кудрявый ангелочекъ,
Разсказавшій мнѣ объ этомъ,
На ушко еще шепнулъ мнѣ,
Что ни разу ни префекту,
Ни гостямъ его высокимъ
Не случалось ѣсть вкуснѣе.
Такъ онъ молвилъ, улыбаясь,
Дулъ на пальчикъ свой при этомъ
И потомъ, со взмахомъ крыльевъ,
Въ сонмѣ грёзъ моихъ умчался.

Передалъ я рѣчью скромной
И безхитростной преданье
О тебѣ, святая Зита,
И теперь узнать хотѣлъ бы
Не о томъ, сумѣлъ ли міру
Угодить своимъ разсказомъ,
Но о томъ, не прогнѣвилъ ли
Мой разсказъ тебя, святая?

Н. Новичъ.

Боевая година.

(Изъ воспоминаній о кампаніи 1877—78 гг.)

В. А. Тихонова.

(Окончаніе.)

VII.

Среди нашей военной семьи было не мало людей и невоенныхъ, но на-ряду съ нами несшихъ всѣ тяготы военно-походной жизни. Прежде всего, доктора и сестры милосердія.

Военный врачъ всегда былъ, есть, да, вѣроятно, и будетъ другомъ и защитникомъ солдата, а подчасъ и нашего брата, младшаго офицера. Говорить много объ ихъ трудахъ на поляхъ битвы—нечего: поистинѣ каторжный это былъ трудъ. Приходилось ампутировать, перевязывать чуть не подъ самыми выстрѣлами. Да нѣтъ, пусть объ этомъ сами врачи разскажутъ, а я не могу не упомянуть о нихъ добрымъ словомъ еще вотъ за что: они иногда позволяли намъ «отдохнуть».

Случалось, что тѣло разбито такой невыносимой усталостью, а нервы такъ раздерганы, что и здоровъ, а хуже больного. Врачи замѣчали это состояніе и, случалось, сами предлагали:

— Передохните малую толику.

И если въ ближайшей перспективѣ не предвидѣлось ничего большого и серьезнаго, усталые люди пользовались этимъ предложеніемъ и отдыхали недѣльку-другую.

И начальство на это смотрѣло снисходительно: оно само понимало, что отдохнувшій человѣкъ — опять работникъ, а переутомившійся —только лишняя обуза. Впрочемъ, слово «переутомленіе» тогда еще не существовало. Произнесено оно впервые было уже нѣсколько лѣтъ спустя.

Попасть въ госпиталь на отдыхъ (на недѣльку, много-много на двѣ), конечно, было пріятно, но все-таки нѣкоторое неловкое чувство испытывалось: какъ бы за «лодыря» не приняли! Другое дѣло съ легкой раной. Тутъ и отдохнешь, да и совѣсть спокойна. И отдохнешь поэтому, бывало, раньше, чѣмъ рана заживетъ, и чуть только малѣйшая возможность — человѣкъ уже на выписку просится. И опять въ дѣло.

Но нечего грѣха таить, приходится сознаться, что встрѣчались и «лодыри», шатавшіеся изъ госпиталя въ госпиталь просто страха ради іудейска. Но такіе господа не только со стороны товарищей, но даже и со стороны врачей встрѣчали къ себѣ одно презрѣніе. Жалкіе это люди были! И въ отрядѣ они ни на что не способны, да и въ госпиталяхъ лишняя обуза. А, поди, въ мирное время, больше всѣхъ храбрились и удивляли міръ геройствомъ. Къ счастью, повторяю, встрѣчались они рѣдко.

Наиболѣе богато обставленными госпиталями были у насъ госпитали иностранные. Да это и понятно: что стоило цѣлому государству два-три-четыре госпиталя поставить! Затѣмъ, слѣдовали госпитали русскаго «Краснаго Креста», хотя нѣсколько и побѣднѣе, но нашему сердцу несравненно родственнѣе. И врачъ— русскій, и «сестрица» — русская, да и пища своя, родная. И потому они пользовались наибольшимъ фаворомъ и между солдатами, и между младшимъ офицер-

ствомъ. Затѣмъ, слѣдовали уже военные госпитали и лазареты. Строго говоря, и въ нихъ недурно было: русская сестра—вездѣ сестра; русскій врачъ—вездѣ братъ.

Изъ врачей яснѣе всего сохранился въ моей памяти обликъ отряднаго хирурга (эриванскаго отряда) доктора Гаврилко. Его всегда веселыя остроты и добродушныя шутки заставляли иногда улыбаться даже самого оперируемаго. А гдѣ шутка прозвучала, да улыбка блеснула, тамъ и бѣда легче.

Еще хорошо помню молодого врача Мальчевскаго. Ахъ, какъ его солдаты любили! Очень ужъ онъ съ ними простъ былъ. И всегда веселъ, и всегда шутливъ! А вѣдь русскій человѣкъ шутку любитъ! И никогда я не видалъ у него усталаго лица, а работалъ онъ, что называется, двадцать четыре часа въ сутки. И молодость, конечно, ему тутъ помогала, да и прирожденный, жизнерадостный характеръ.

Сестры милосердія или, какъ солдаты ихъ называли, «милосердныя сестры», являлись истинными ангелами-утѣшителями всѣхъ болящихъ и страдающихъ.

Особенно ярко въ памяти моей врѣзался образъ одной сестры. Ни отчества, ни фамиліи ея я теперь не помню, а звали ее Авдотьей или по-просту Дуней. Была она изъ простыхъ, солдатская жена. До войны служила она нянькой въ какой-то семьѣ въ Ставрополѣ. А началась война, двинулись войска, пошла и она за ними. Ужъ чего только, чего въ пути она не вынесла! И въ лазаретной фурѣ ее однажды мѣшками завалили; и питалась она тѣмъ, что солдаты удѣлятъ, такъ какъ не была она штатной сестрой и, въ сущности, при войскахъ находиться никакихъ правъ не имѣла. Мужъ ея тоже попалъ на войну унтеръ-офицеромъ одного изъ пѣхотныхъ полковъ. Естественно, что жена стремилась быть поближе къ мужу и сама себя прикомандировала къ госпиталю, слѣдовавшему за дивизіей, гдѣ служилъ мужъ. Но — увы! — рѣдко ей приходилось видѣть своего муженька: за всю кампанію раза три-четыре, не больше, да и то урывками. Зато чувствовала, что тутъ вотъ онъ, недалеко, и въ случаѣ, если ранятъ его, на ея руки попасть можетъ.

Жила она у смотрителя госпиталя на кухнѣ и въ то же время и практически, и теоретически, по книжкамъ, даннымъ ей кое-кѣмъ изъ врачей, проходила курсъ, необходимый для настоящей сестры милосердія. А потомъ и экзаменъ сдала, и получила званіе сестры милосердія, и форму надѣла, но въ штатъ почему-то не попала и во все время кампаніи работала безъ жалованья, существуя чуть ли не стиркой бѣлья на господъ докторовъ, да на кое-какіе скромные подарочки, которые ей дѣлали благодарные паціенты.

Сослужило ей добрую службу печатное слово: въ числѣ выхоженныхъ ею больныхъ офицеровъ былъ одинъ, пописывавшій въ газетахъ. И вотъ, разсказалъ онъ про ея судьбу на столбцахъ одной изъ тифлисскихъ газетъ. На фельетонъ этотъ обратили вниманіе, разыскали сестру Авдотью, несмотря на то даже, что въ фельетонѣ она была выведена почему-то подъ другимъ именемъ, навели нужныя справки и, уже по окончаніи кампаніи, вознаградили бѣдную труженицу какъ слѣдуетъ, т. е. и жалованіе ей выплатили, и медаль дали.

— Статью-то эту я самую, въ которой про меня описано, на шеѣ, на гайтанчикѣ ношу! Очень ужъ мнѣ лестно, что не забыли и мои труды!—говорила мнѣ уже впослѣдствіи встрѣтившаяся со мной въ Тифлисѣ Дуня, щеголявшая форменнымъ платьемъ сестры милосердія.

Что привлекло ее на войну? По всей вѣроятности, не жажда геройскихъ подвиговъ, а сначала просто любовь къ мужу, къ которому поближе хотѣлось быть. А какъ увидала больныхъ да раненыхъ, ну, и жалость взяла. И тутъ ужъ она про всякую иную любовь, кромѣ христіанской любви къ страдающему, забыла,

а засучила «по-бабьи» рукава, да и принялась за дѣло. Да вѣдь какъ принялась-то! Врачи только диву давались, откуда у нея и силы, и ловкости, и смѣтливости берется!

— Сердце, на ея работу глядя, радуется!—говорили врачи. — Она и подъ огнемъ перевязки дѣлала и однажды едва-едва убита не была: турецкая пуля сорвала съ ея головы развѣвавшуюся по вѣтру косынку, и возьми она на полвершка только ниже, успокоилась бы вѣчнымъ сномъ на бранномъ полѣ сестра-солдатка рядомъ съ братьями своими солдатами.

Малограмотная, урывками, гдѣ-нибудь при свѣтѣ сальнаго огарка, умудрилась она тутъ же, на войнѣ, и «курсъ наукъ», обязательныхъ для сестры милосердія, пройти, и «экзаменъ» сдать.

Да, тоже своего рода чудо-богатырь была эта женщина!

Говорить нечего, что не брезглива въ трудѣ она была, да правду сказать, и другія сестры наши, изъ самыхъ даже элегантныхъ и воспитанныхъ, брезгливостью не страдали; но Дуня выдѣлялась изъ нихъ еще большой физической силой, и легко, и ловко, бывало, и подниметъ, и перевернетъ, и обмоетъ какого-нибудь искалѣченнаго солдатика. И съ любовью смотрѣли на нее страдальческіе глаза раненыхъ, и легче становилось имъ, когда, бывало, сестрица Дуня обронитъ немудреное слово утѣшенія.

Вотъ я заговорилъ про небрезгливость. Ахъ, какое это великое дѣло въ уходѣ за больными и ранеными! Какое самоотверженное сердце надо имѣть, чтобы дѣвушкѣ или женщинѣ изъ общества переносить хотя бы одинъ только смрадъ, распространяемый гангреной. А ужъ про другое, прочее и говорить нечего. И переносили все это наши добрыя, славныя русскія женщины и даже вида не подавали, что тяжело имъ это.

Одну только, ужъ извините за выраженіе, паршивую овцу я и встрѣтилъ въ этомъ чистомъ стадѣ. Увы! Была она изъ поповенъ—ужъ откуда, кажется, и милосердію-то идти. А вотъ именно эта поповна-то вздумала-было на перевязкахъ въ перчаткахъ являться, да свой веснущатый носикъ пальцами зажимать... Ну, конечно, не долго ей пришлось «жантильничать». Быстро убрали и отправили обратно.

Упомянулъ я о ней только потому, что изъ пѣсни слова не выкинешь, ну, да и то сказать: «въ семьѣ не безъ урода!»

Но еще разъ повторяю: врачи и сестры милосердія—это было самое свѣтлое явленіе на мрачно-кровавомъ фонѣ нашей военно-походной жизни. И сколько погибло этихъ героевъ и героинь отъ тифа и другихъ болѣзней, и сколько покоится ихъ тамъ, вдали отъ родины, вѣчнымъ сномъ. Да будетъ легка имъ земля, а память ихъ—благословенна!

VIII.

Изъ невоенныхъ на войнѣ было много и чиновниковъ разныхъ вѣдомствъ: интендантскихъ, казначейскихъ, почтовыхъ, телеграфныхъ и иныхъ. Конечно, службу и труды ихъ не только нельзя равнять со службой солдатъ и офицеровъ, но даже и близко ставить къ трудамъ и службѣ врачей и сестеръ милосердія. Но и ихъ жизнь была не легка въ нашихъ кавказскихъ отрядахъ. Подчеркиваю, именно *въ нашихъ*, потому что въ дунайской арміи, какъ я слышалъ, было нѣсколько иначе. Тамъ, говорятъ, для нихъ было вдоволь всякихъ удовольствій и развлеченій, хотя тоже, конечно, не въ самыхъ передовыхъ отрядахъ.

Но у насъ было не такъ: кавказская армія оперировала въ мѣстности угрюмой и почти пустынной—ни городовъ, ни жителей, потому что ни Карсъ и ни Эрзерумъ, въ строгомъ смыслѣ, городами назвать нельзя было. А, кромѣ того,

терпѣли они у насъ не мало и отъ тифа, и другихъ болѣзней.

Затѣмъ, слѣдуетъ упомянуть о господахъ корреспондентахъ. Бѣдствовали и эти, и даже гораздо больше чиновниковъ бѣдствовали, потому что многіе изъ нихъ добровольно пробирались туда, куда ни одинъ чиновникъ и носу не показывалъ. Впрочемъ, насколько мнѣ помнится, ни одинъ изъ нихъ ни убитъ, ни раненъ— не былъ. Упомяну о тѣхъ, съ кѣмъ приходилось встрѣчаться.

Во-первыхъ, Гр. Конст. Градовскій, въ то время большой руки энтузіастъ и человѣкъ, рвавшійся впередъ. Оцѣнку, впрочемъ, его тогдашнихъ трудовъ я произвести не могу, потому что мало еще былъ знакомъ съ газетнымъ и журнальнымъ дѣломъ.

Затѣмъ, Ник. Ант. Потѣхинъ, острякъ, шутникъ, балагуръ, любитель веселой компаніи.

Затѣмъ, памятнѣе всѣхъ другихъ, потому что я и послѣ войны былъ довольно тѣсно связанъ съ нимъ общей работой въ одной изъ тифлисскихъ газетъ, остался для меня Николай Васильевичъ Симборскій, во время войны корреспондентъ «Новаго Времени». Это былъ едва ли не самый даровитый изъ всѣхъ представителей прессы въ нашей кавказской арміи и, вѣроятно, газета, отправляя такого корреспондента на войну, возлагала на него очень большія надежды. Но—увы!— онъ не оправдалъ ихъ. Насколько мнѣ извѣстно, имъ не было послано *ни одной* корреспонденціи съ театра военныхъ дѣйствій. А, между тѣмъ, онъ былъ въ отрядѣ, не останавливался ни передъ какими опасностями; но вмѣсто того, чтобы писать, предпочиталъ шутку въ веселой компаніи, являвшуюся у него часто въ стихотворной формѣ. И за одну изъ этихъ стихотворныхъ шутокъ, перешедшую границы дозволеннаго, ему было предложено выѣхать изъ отряда, что, конечно, было имъ и исполнено. Но въ Петербургъ онъ уже больше не вернулся, а застрялъ въ Тифлисѣ, гдѣ сначала сотрудничалъ въ мѣстныхъ газетахъ (преимущественно въ «Обзорѣ», издаваемомъ Н. Я. Николадзе), а потомъ въ одномъ изъ мѣстныхъ же юмористическихъ журнальчиковъ. Бурная жизнь несомнѣнно очень даровитаго, но—увы!— безалабернаго Симборскаго оборвалась рано: онъ застрѣлился въ Тифлисѣ, въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, прибавивъ еще одно имя къ грустному синодику безвременно-погибшихъ талантливыхъ русскихъ людей.

Было и еще, конечно, не мало корреспондентовъ, но я или не встрѣчался съ ними, или забылъ имена ихъ.

Прежде, чѣмъ вернуться опять къ войнѣ и военнымъ, покончу со штатскимъ элементомъ въ нашихъ отрядахъ.

Штатскій элементъ этотъ ютился, главнымъ образомъ, на нашихъ походныхъ базарахъ, въ лицѣ разныхъ маркитантовъ, мелкихъ торгашей, болѣе или менѣе крупныхъ поставщиковъ и, наконецъ, погонцевъ. Заранѣе предупреждаю, что о послѣднихъ, т. е. о погонцахъ и крупныхъ поставщикахъ, не скажу ни слова, потому что близко встрѣчаться съ ними не приходилось. Ну, а съ торгашами, съ маркитантами, конечно, случалось сталкиваться.

Торгаши вездѣ, какъ торгаши. Вся задача ихъ—на копейку купить, на рубль продать. Наши торгаши состояли почти исключительно изъ армянъ и торговали они всѣмъ, чѣмъ только возможно; конечно, главнымъ образомъ, вещами военнаго обихода. Предметы ихъ торговли обыкновенно были большая дрянь, но продавались они даже и не втридорога, а ужъ и не знáю, во сколько разъ дороже дѣйствительной стоимости.

Изъ крупныхъ маркитантовъ въ нашемъ отрядѣ помню троихъ, содержавшихъ «рестораны» на нашемъ военномъ базарѣ. Рестораны эти устраивались крайне несложно: одинъ большой парусиновый наметъ, внутри намета, во всю длину

его, самаго примитивнаго устройства столъ, а по бокамъ стола—деревянныя скамейки. Вотъ и все. Разнились они между собой только сервировкой да кухней. Въ одномъ немножко получше, въ другомъ—немножко похуже.

Худшимъ во всѣхъ отношеніяхъ нужно было считать ресторанъ, содержавшійся двумя нѣмками—матерью и дочерью. Матери было лѣтъ пятьдесятъ, дочери—лѣтъ тридцать. Нѣмцы, а въ особенности нѣмки, какъ извѣстно, отличаются большою чистоплотностью и удивительною аккуратностью. Но эти двѣ нѣмки были какія-то совсѣмъ особенныя, являя, вѣроятно, совершенно исключительный примѣръ среди своей націи.

Во-первыхъ, были онѣ крайне нечистоплотны и сами, и со всей ихъ обстановкой. И подавалось у нихъ все грязно и скверно, а аккуратность ихъ выражалась только въ одномъ ежедневно: *аккуратно* въ ихъ ресторанѣ были всегда одни и тѣ же кушанья. И кушаній этихъ всего было три: супъ—чортъ знаетъ, какой супъ—даже представить себѣ невозможно, жареная баранина и «арме-риттеръ». И никогда ничего другого. А на закуску всегда одинъ и тотъ же овечій сыръ и... сардины.

Безъ ужаса не могу вспомнить этихъ сардинъ! Въ походѣ иногда приходилось ежедневно и даже по нѣскольку разъ въ день ѣсть сардины, сардины и сардины. И даже представить себѣ невозможно, какъ онѣ всѣмъ намъ надоѣли. По окончаніи войны я еще года три безъ отвращенія не могъ взглянуть на коробку съ сардинами. Да и овечій сыръ надоѣлъ порядочно.

А у нашихъ нѣмокъ никогда никакой другой закуски, кромѣ сыра и сардинъ. И водка-фруктовка подавалась у нихъ отвратительная, и вино кислое-прекислое. А вотъ, представьте себѣ, посѣщался же ихъ ресторанъ, и посѣщался очень усердно, да такъ усердно, что если придешь въ часъ обѣда или ужина (за ужиномъ только одна баранина), такъ сплошь да рядомъ мѣста себѣ не найдешь и цѣлый часъ своей очереди дожидаешься.

Объяснялось это тѣмъ, что тутъ, въ этомъ ресторанѣ, мы видѣли женщинъ, мы слышали женскій голосъ. И женщины эти были обѣ, т. е. и мать, и дочь, — и немолоды, и крайне некрасивы, чтобы не сказать безобразны. И голоса у нихъ были рѣзкіе и пренепріятные, и обращались онѣ съ нами надменно и даже презрительно. Но взглянуть на женщину, какую бы то ни было, перекинуться съ нею парою словъ, хотя бы такихъ, напримѣръ:

— Сколько съ меня?

— Три рубля пятьдесятъ копеекъ.— И это было уже для насъ отрадой и почти наслажденіемъ. Вѣдь въ отрядѣ мы нигдѣ не могли увидать женщинъ, потому что въ госпиталѣ—нѣтъ женщинъ. Тамъ сестра милосердія, т. е. что-то уже стоящее выше женщины. А тутъ вотъ, въ этомъ грязномъ ресторанишкѣ, къ грязи и убожеству котораго мы присмотрѣлись, не замѣчая ихъ,—двѣ женщины, немолодыя, некрасивыя, неопрятныя, грубыя,—но и къ этому ко всему мы присмотрѣлись, и этого мы не замѣчаемъ, а видимъ только женщинъ и больше ничего.

Несравненно лучшимъ рестораномъ былъ ресторанъ, открытый тифлисскимъ парикмахеромъ П., кажется, грузиномъ или армяниномъ родомъ, но прикрывавшимся чисто-французскимъ псевдонимомъ. Говорю—лучшимъ, конечно, только относительно, т. е. сервировка поопрятнѣе, меню поразнообразнѣе, вино получше.

Но и тамъ было тоже двѣ женщины, и тоже обѣ немолодыя и некрасивыя, во-первыхъ, жена самого ресторатора, а во-вторыхъ, ея помощница. Ну, тѣ, по сравненію съ нѣмками, казались намъ прямо-таки красавицами. Въ тѣхъ даже, кажется, не на шутку влюблялись, хотя, конечно, тоже совершенно платонически.

Но—увы!—въ ресторанъ парикмахера

П. проникнуть было еще труднѣе. Тотъ ужъ былъ всегда биткомъ набитъ, да и цѣны на все были тамъ прямо-таки гомерическія, и потому ресторанъ этотъ посѣщался исключительно нашей отрядной *денежной* аристократіей. Увы!—денежная аристократія была и у насъ въ отрядѣ.

Затѣмъ, третій и наилучшій ресторанъ нѣкоего Б—скаго. Тутъ было и опрятно, и кушанья подавались хорошія, и меню разнообразное, и вино очень недурное. И, ко всему тому, цѣны даже божескія, чуть ли не дешевле даже, чѣмъ у нѣмокъ. Но посѣщался этотъ ресторанъ менѣе, чѣмъ его два конкурента.

Объясняется это очень просто: здѣсь не было женщинъ, и публика поэтому собиралась самая солидная, серьезная и трезвая. Выгодно ли это было для ресторатора,—не знаю. Во всякомъ случаѣ, я слышалъ впослѣдствіи, что Б—скій едва концы съ концами свелъ, тогда какъ его счастливые конкуренты нажили кругленькіе капитальчики.

Вотъ какимъ непреодолимымъ магнитомъ была въ отрядѣ женщина.

Honny soit, qui mal y pense!

IX.

Женщины! Какъ скучали мы о нихъ, какъ искали ихъ общества, какъ рвались къ нимъ и какое тяжелое оскорбленіе перенесли мы отъ нихъ. И отъ какихъ женщинъ! Отъ самыхъ близкихъ сердцу нашему, отъ женъ и сестеръ нашихъ. И когда! Когда напряженіе достигло высшаго предѣла, когда струны терпѣнія дрожали, когда жизнь въ отрядахъ становилась все труднѣе и труднѣе, когда противъ насъ двинулся еще новый, болѣе жестокій врагъ, чѣмъ турки, — тифъ. И вотъ въ эти-то тяжелые дни дошла до насъ страшная сплетня,—а можетъ-быть, и не сплетня, можетъ-быть и правда!..

Повторяю, изъ пѣсни слова не выкинешь, а потому не обойду въ моихъ воспоминаніяхъ и этого темнаго пятна.

Мы воевали, брали плѣнныхъ и отправляли этихъ плѣнныхъ въ глубь Россіи. А тамъ размѣщали ужъ ихъ по разнымъ губернскимъ и уѣзднымъ городкамъ. Доходили до насъ вѣсти, что живется имъ тамъ недурно. Мы не претендовали на это. Что-жъ, они хоть и враги наши, но враги честные. Оторваны они теперь отъ своей родины и все-таки лишены извѣстной части свободы. «Лежачіе» они, а лежачаго русскій человѣкъ не бьетъ.

Но вотъ, сначала устно, а потомъ и въ печать стали проникать слухи, что нашимъ плѣннымъ живется не только недурно, но что они, какъ сыръ, въ маслѣ катаются, что наши провинціальныя дамы прямо-таки фетируютъ ихъ! Однимъ словомъ, мы узнали, что русскія женщины, забывъ своихъ мужей и братьевъ, увлекаются турецкими плѣнными офицерами, открыто появляются съ ними подъ руку на разныхъ гуляніяхъ, щедро одариваютъ ихъ, проще сказать «флиртуютъ» съ ними (тоже слово, тогда еще неизвѣстное).

Боже мой, какимъ гнѣвомъ закипѣли сердца русскихъ воиновъ. Какія проклятія посыпались на головы легкомысленныхъ представительницъ женскаго пола. О, какъ бы содрогнулись онѣ, если бы хоть часть этихъ проклятій долетѣла до ихъ отуманенныхъ житейской пошлостью головокъ!

Потомъ, уже послѣ, въ мирное время, я провѣрялъ этотъ слухъ, и онъ — увы!— оказался справедливымъ. Правда, заблудшихся овецъ было немного, но довольно того, что онѣ были! Пятно онѣ наложили, несмываемое пятно, не только на себя, но и на всѣхъ, кто не сумѣлъ ихъ вовремя отвратить, остановить отъ этого шага. Легкомысленныя дочери Евы, можетъ-быть, и не подозрѣвали, какой жестокій ударъ наносятъ онѣ нашимъ сердцамъ,—сердцамъ, пылавшимъ къ нимъ любовью страстной и самоотверженной. Мы бились за честь и славу родины, а онѣ позорили эту родину сво-

имъ поведеніемъ. И не одной шуточкой да насмѣшкой должны были бы карать ихъ окружавшіе ихъ въ то время старшіе родственники и знакомые, а заклеймить первую же изъ нихъ полнымъ презрѣніемъ, вышвырнуть изъ среды своей, дабы и другимъ не повадно было.

Съ одной стороны, чудныя, самоотверженныя сестры милосердія, а съ другой—забывшіяся до послѣдней крайности, пошлыя и шальныя бабенки. Однѣ врачевали наше тѣло и бодрили духъ нашъ, а другія—угнетали этотъ духъ и ожесточали душу.

Но мимо этого тяжелаго воспоминанія! Дай Богъ, чтобы никогда ничего подобнаго не повторялось на Руси. Мимо!

X.

Психическое состояніе человѣка на войнѣ, конечно, не можетъ быть нормальнымъ вполнѣ, и только очень исключительныя натуры сохраняютъ всегда дѣйствительное спокойствіе. У большинства же оно, по всей вѣроятности, только кажущееся. Но хорошо и тому, кто умѣетъ притворяться спокойнымъ, т. е. сдерживать свои нервы. Но и это удается не каждый разъ.

Помню, разъ пришлось мнѣ идти съ командой охотниковъ. Вышли мы изъ лагеря подъ вечеръ. Передъ выступленіемъ офицеръ, завѣдовавшій охотниками, скомандовалъ «на молитву». Пропѣли «Отче нашъ», накрылись, т. е. надѣли кэпи, и пошли. Шли вольно. Солдаты между собой разговаривали, главнымъ образомъ, балагурили. Настроеніе духа людей было самое лучшее. Шутки и веселый смѣхъ такъ и сыпались. Эта бодрость духа команды, видимо, очень радовала ея начальника, такъ какъ въ перспективѣ насъ ждало довольно серьезное дѣло.

Вдругъ я сталъ замѣчать, что онъ что-то прислушивается.

— Вы слышите?—наконецъ, обратился онъ ко мнѣ.

— Слышу!

— А что вы слышите?

— Какъ будто кто-то молится.

— Такъ и есть,—подтвердилъ начальникъ.

И мы оба пріостановились.

— Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ! Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ!—явственно доносился до насъ чей-то шопотъ.

Наконецъ, мы разглядѣли и молящагося. Онъ шелъ съ фланга, то и дѣло крестился, а шедшіе рядомъ съ нимъ солдаты какъ-то боязливо косились на него и были задумчивы и молчаливы.

— Ершовъ,—окрикнулъ командиръ.—Поди сюда!

Солдатикъ выдѣлился изъ строя и подошелъ къ намъ.

— Что съ тобой?

— Не могу знать, ваше благородіе, что-то не по себѣ.

— Ступай назадъ въ лагерь.

Ершовъ повернулся и зашагалъ обратно.

— Струсилъ!—пояснилъ мнѣ начальникъ.—Молитвы зашепталъ; значитъ, совладать съ собой не можетъ.

— Зачѣмъ же вы его удалили?

— А потому что другихъ смущаетъ. Посмотрите, какъ безъ него опять всѣ повеселѣли.

И дѣйствительно, въ томъ самомъ ряду, гдѣ только-что Ершовъ своимъ шептаніемъ наводилъ уныніе, послышался уже веселый смѣхъ.

— Онъ трусъ?—спросилъ я про Ершова.

— Какой трусъ! Одинъ изъ самыхъ храбрыхъ солдатъ во всей командѣ. Сегодня только сдрейфилъ что-то. Со всякимъ это можетъ случиться,—заключилъ командиръ.

И мы пошли дальше.

— Развѣ только вотъ съ Королевымъ этого случиться не можетъ,—заговорилъ нѣсколько минутъ спустя мой товарищъ.

— Съ какимъ Королевымъ?

— А вотъ, старшій унтеръ-офицеръ, что съ охотничьей командой всегда за фельдфебеля ходитъ.

Королева я зналъ. Это былъ рослый, красавецъ унтеръ-офицеръ, съ большими свѣтло-русыми пушистыми баками и всегда тщательно пробритымъ подбородкомъ. И одѣвался онъ всегда щеголевато, и удивительно опрятенъ былъ. Непостижимо было даже, какъ онъ ухитрялся такъ о своей наружности заботиться,—онъ, простой солдатъ, когда даже мы, господа офицеры, въ отрядѣ ужасными замухрышками и оборванцами ходили. Элегантный, можно сказать, былъ солдатъ Королевъ и красавецъ писаный.

— Почему же вы говорите, что съ нимъ этого случиться не можетъ?—спросилъ я товарища.

— А такъ, какой-то онъ закостенѣлый. Никогда не храбрится, никогда о своихъ подвигахъ не говоритъ, да и вообще говоритъ мало. А въ дѣлѣ—чортъ!

— Что жъ, герой?—переспросилъ я.

— Да нѣтъ, это не то совсѣмъ. Это не геройство, это холодъ какой-то ледяной. Разъ онъ турецкаго часового снялъ, да вѣдь какъ снялъ-то! Прямо руками.

— Т. е.?

— Да прямо задушилъ. Подкрался сзади, впился ему пальцами, какъ клещами, въ горло,—крракъ—и готово! Даже на землю мертваго-то съ осторожностью опустилъ, какъ бы онъ чѣмъ-нибудь не стукнулъ или не брякнулъ... Да и не перваго, говорятъ, онъ такъ уже снимаетъ.

— Что же, это была безполезная жестокость?

— Ничуть не бывало! Самая необходимая и обдуманная мѣра. Стоило только турецкому часовому крикнуть, даже охнуть, если бъ онъ его, напримѣръ, штыкомъ или прикладомъ хватилъ, и наша команда была бы открыта и, очень можетъ быть, вся была бы перерѣзана.

Королевъ какъ разъ въ этотъ моментъ подошелъ къ намъ и, отчетливымъ жестомъ взявъ ружье на плечо, спросилъ о чемъ-то своего начальника. Голосъ его звучалъ ровно, слова онъ выговаривалъ ясно, а глаза его даже въ сумеркахъ свѣтились какимъ-то холоднымъ, ледянымъ блескомъ.

Этотъ ледяной человѣкъ получилъ за кампанію всѣ четыре Георгіевскихъ креста, и ни разу не былъ ни раненъ, ни контуженъ. И постоянно, когда я его встрѣчалъ въ лагерѣ, въ стрѣлковой цѣпи, въ охотничьей командѣ,—выли ли надъ его головой гранаты, свистали ли вокругъ него пули, стонали ли раненые,—онъ былъ всегда одинаково холоденъ и спокоенъ. И мнѣ всегда приходилъ въ голову вопросъ: не психозъ ли это тоже?

Психозъ на войнѣ имѣетъ иногда очень странныя проявленія. Вотъ что разсказалъ мнѣ, между прочимъ, одинъ изъ моихъ товарищей.

Когда штурмующія колонны наши вошли въ Ардаганъ, онъ, въѣхавъ туда со штабомъ, отдѣлился отъ него и верхомъ поѣхалъ по лабиринту узенькихъ переулковъ. И вдругъ, на пути ему представилась странная картина: по серединѣ переулка лежалъ турокъ, а надъ нимъ русскій унтеръ-офицеръ. Ружья и того, и другого валялись тутъ же, по близости. Сначала офицеру показалось, что они борятся, но когда онъ подъѣхалъ поближе, то увидалъ, что турокъ уже потерялъ сознаніе и только слабо вздрагиваетъ; русскій же унтеръ-офицеръ впился зубами ему въ нижнюю челюсть и съ остервенѣніемъ грызетъ ее. Ужасъ охватилъ при видѣ этой картины молодого подпоручика. Онъ громко закричалъ на унтеръ-офицера, чтобы тотъ сейчасъ же бросилъ. Но тотъ, очевидно, ничего не слыхалъ и продолжалъ свое безумное дѣло. Тогда подпоручикъ соскочилъ съ сѣдла и сталъ оттаскивать унтеръ-офицера отъ турка. Но и это не помогало. Тогда подпоручикъ, разсвирѣпѣвъ самъ, началъ бывшей съ нимъ казацкой нагайкой бить унтеръ-офицера. И только нѣсколько ударовъ по головѣ заставили

того какъ бы очнуться. Онъ бросилъ турка, всталъ, взглянулъ на офицера безумными, блуждающими глазами и, ничего не сказавъ, шатаясь изъ стороны въ сторону, побрелъ куда-то вдаль по переулку, забывъ и свое ружье, и валявшійся возлѣ него кэпи.

Это уже несомнѣнный психозъ.

Ужасъ передъ невѣдомымъ на войнѣ достигаетъ иногда страшныхъ размѣровъ. Страхъ быть въ предстоящемъ бою раненымъ или убитымъ доводитъ иногда слабодушныхъ людей до членовредительства и даже до самоубійства. Желаніе поскорѣе рѣшить страшную проблему: «жить или не жить»—затемняетъ у людей разумъ, а съ нимъ и всѣ чувства.

XI.

Но не даромъ говорится: «война родитъ и героевъ». И сколько этихъ героевъ было въ нашей славной кавказской арміи. Многіе изъ нихъ получили должное воздаяніе за свои подвиги, но многіе, и даже, вѣроятно, большинство, прошли незамѣтными.

Стóитъ только вспомнить славныхъ богатырей Баязета. Что перенесли эти богатыри, чтобы отстоять честь русскаго имени и сдачей не наложить пятна на славу русскаго солдата.

Баязетъ, — одна изъ самыхъ блестящихъ страницъ турецкой кампаніи. Страница эта была, конечно, своевременно прочитана съ восторгомъ всѣми русскими людьми, а кто сталъ забывать ее, тому рекомендуемъ перечитать и ознакомиться съ ней вновь по разнымъ спеціальнымъ источникамъ.

А славный, почти безпримѣрный ночной штурмъ Карса, гдѣ сложилъ свою голову баярдъ кавказской арміи, графъ Мих. Павл. Граббе? А Деве-Бойну, подъ Эрзерумомъ, гдѣ кавказскимъ полкамъ приходилось биться и съ непріятелемъ, и страдать въ то же время отъ жестокаго тифа? А знаменитое Тергукасовское отступленіе, гдѣ наступавшій противникъ несъ вдвое болѣе урону, чѣмъ отступавшія части. А страшная Кизилъ-Тапа, гдѣ погибъ цѣлый русскій батальонъ героевъ-имеретинцевъ. А громовое возмездіе за эту Кизилъ-Тапу, когда нѣсколько тысячъ турецкихъ солдатъ, въ ужасѣ передъ побѣдоносным натискомъ русскихъ батальоновъ, побросало свое оружіе и сдалось въ плѣнъ? А Зивинъ, когда русскіе солдаты въ безумной отвагѣ лѣзли по неприступной кручѣ? Нужды нѣтъ, что дѣло кончилось не въ нашу пользу, важно: какъ вело себя въ этомъ дѣлѣ русское воинство. А вело оно себя поистинѣ выше всякихъ похвалъ, выше всякаго описанія. Это были львы, а не люди.

Да гдѣ перечислить все, чѣмъ можетъ гордиться наша несравненная кавказская армія. Это сдѣлаютъ историки, это не подъ силу сдѣлать скромному армейскому офицеру, бывшему въ самыхъ рядахъ арміи и потому видѣвшему только то, что возлѣ него.

Муха, сидящая на стѣнѣ Исаакіевскаго собора, развѣ видитъ всю величину этого грандіознаго сооруженія?

Заканчивая мои воспоминанія, я не могу не упомянуть еще о двухъ-трехъ лицахъ, встрѣченныхъ мною на полѣ брани. Первое мѣсто я отведу молодому офицеру, прапорщику — не помню ужъ теперь, какого полка—И. Н. С—ву.

Всегда тихій, скромный, съ привѣтливой и добродушной улыбкой на лицѣ, съ мягкимъ голосомъ и застѣнчивыми манерами, онъ не только не бросался никому въ глаза, но, напротивъ, самъ какъ бы умышленно старался затереть себя въ заднихъ рядахъ.

А вотъ — поди жъ ты! Всѣ мы его считали славнымъ и вѣрнымъ товарищемъ и не сомнѣвались, что онъ одинъ изъ храбрѣйшихъ между нами. И не даромъ. Скромный С. проявилъ себя настоящимъ героемъ.

Нужно было сдѣлать какую-то, на видъ незначительную, рекогносцировку Гене-

ралъ, командовавшій отрядомъ, человѣкъ чуткій и умѣвшій распознавать людей, призвалъ къ себѣ С.

— Послушай, душа моя! — сказалъ онъ ему съ оттѣнкомъ той отеческой фамильярности, которую, какъ я уже говорилъ выше, мы такъ цѣнили въ любимыхъ начальникахъ.—Возьми ты, голубчикъ, небольшую команду охотниковъ,—да только выбери самыхъ надежныхъ,—и ступай вотъ по этому направленію, разслѣдуй мнѣ дорогу.

— Далеко ли прикажете идти, ваше превосходительство?—спросилъ С.

— А иди, пока возможно будетъ.

— Слушаю-съ.

И, выбравъ двадцать пять человѣкъ охотниковъ, С. отправился съ ними по указанному направленію.

Шелъ, заносилъ въ записную книжку кроки и прислушивался къ закипѣвшему уже бою.

«Пока будетъ возможно», помнилъ онъ инструкцію начальника.

Вотъ уже и турецкіе батальоны, вотъ и пули засвистали вокругъ нихъ, вотъ выбылъ у него изъ строя одинъ, другой, третій, четвертый... А онъ все идетъ, потому что возможно. И возможность эта довела его до того, что сошелся онъ съ турецкой цѣпью почти на револьверный выстрѣлъ.

Команда его порѣдѣла на половину, но... идти еще возможно.

— Въ случаѣ, если меня ранятъ или убьютъ,—обратился онъ къ остатку своей команды: — кто уцѣлѣетъ, возьми эту книжку и живой или мертвый, а доставь ее генералу.

— Слушаемъ, ваше благородіе!—отвѣтила команда.

И двинулся-было С. опять впередъ, да двѣ пули сразу впились въ него: одна раздробила ему лѣвую руку, а другая пробила животъ. Дальше идти было невозможно.

Повернулся С. и, поддерживаемый солдатами, пошелъ назадъ. Раздробленную руку подхватилъ онъ подъ мышку правой руки, а ладонью правой—зажималъ рану на животѣ.

Рекогносцировка, сдѣланная С., имѣла важное значеніе для исхода всего боя, и генералъ, пославшій его, посѣтилъ раненаго на другой день въ госпиталѣ. Съ искренними слезами на глазахъ обнялъ и расцѣловалъ онъ С—ва.

— Спасибо тебѣ, голубчикъ! Повѣрь, не забуду я этого, — проговорилъ онъ, всхлипывая отъ умиленія.

С. получилъ офицерскій Георгіевскій крестъ и пенсію.

Я бы могъ назвать его фамилію, но онъ, слава Богу, живъ еще и здравствуетъ. Богатырская натура помогла ему перенести эти раны. Но не называю потому, что не имѣю отъ него на это личнаго разрѣшенія, а зная его постоянную скромность, боюсь неугодить ему этимъ.

Онъ теперь въ отставкѣ и, кажется, сталъ еще скромнѣе и застѣнчивѣе. Этому много способствуетъ пустой лѣвый рукавъ (рука у него ампутирована по самое плечо). Всѣ спрашиваютъ: гдѣ ранены?

— Неловко, знаете, про себя разсказывать,—скромно говоритъ онъ, этотъ скромный герой.

Вспоминается мнѣ еще одинъ милый случай въ нашемъ отрядѣ. Узнали мы изъ полкового приказа, что въ нашъ полкъ зачисляется изъ отставки какой-то прапорщикъ Щ. Ну, и конечно, никакого особеннаго вниманія на это не обратили. Что-жъ, новый офицеръ, новый товарищъ—вотъ и все

Но вотъ, въ одинъ прекрасный день пролетѣла вѣсть: новый прапорщикъ явился, ходитъ по палаткамъ и дѣлаетъ новымъ товарищамъ визиты.

Какъ увидалъ я его, такъ и ахнулъ! Никогда еще такихъ прапорщиковъ видѣть не доводилось. Представьте себѣ—старичокъ лѣтъ семидесяти, сѣденькій, бѣленькій, маленькій, но бойкій еще такой. Подойдетъ, ножкой шаркнетъ и бодрымъ голоскомъ проговоритъ:

— Имѣю честь представиться, прапорщикъ Щ.

Просто прелесть!

Ну, мы, молодежь, сейчасъ же его и полюбили, и сейчасъ же ему прозвище присвоили «дѣдинька-сѣденькій».

А на другой же день, когда нашъ полкъ стоялъ въ строю, подъѣхалъ къ намъ нашъ добрый, славный начальникъ дивизіи. Остановившись передъ фронтомъ, онъ спросилъ командира полка:

— Прапорщикъ Щ. здѣсь?

Полковникъ отвѣтилъ утвердительно.

— Такъ попросите его впередъ.

И вотъ, видимъ мы, какъ нашъ «дѣдинька-сѣдинькій», по-николаевски еще, отбивая темпъ коротенькими ножками и держа руку подъ козырекъ, замаршировалъ по направленію къ начальнику дивизіи. И, не дойдя до него шаговъ пяти, вытянулся и замеръ, какъ вкопанный.

— Щ-въ!—окликнулъ его генералъ.

— Такъ точно, ваше превосходительство!—отрапортовалъ «дѣдинька».

И вдругъ, видимъ мы, что нашъ начальникъ дивизіи слѣзаетъ съ коня и, переваливаясь съ ноги на ногу, идетъ къ старику.

— Ну, ну! Старый товарищъ! Сюда, сюда ко мнѣ на грудь, дружище!—громко проговорилъ онъ, раскрывая объятья.

И оба старика замерли въ долгомъ, горячемъ поцѣлуѣ.

— Вотъ, господа, рекомендую, — обратился, наконецъ, генералъ, съ мокрыми отъ слезъ глазами, ко всѣмъ, окружавшимъ его:—мой старый, боевой товарищъ. Мы съ нимъ еще и венгерскую кампанію дѣлали, и подъ Севастополемъ на бастіонахъ жили, и былъ я у него подъ командой. А теперь, вотъ онъ, прослышавъ, что нужны намъ храбрые офицеры, самъ явился въ кавказскую армію и выпросилъ, чтобъ его назначили въ мою дивизію. Спасибо, спасибо тебѣ, добрый другъ! Спасибо, что не забылъ меня, своего боевого камрада.

И старики опять обнялись, и оба они плакали, да и у многихъ окружающихъ на глазахъ стояли слезы.

Прапорщикъ Щ. подъ Севастополемъ имѣлъ, кажется, уже чинъ маіора, но былъ за что-то разжалованъ, дослужился опять до перваго офицерскаго чина, вышелъ въ отставку, но стоило загремѣть призывной военной трубѣ, и ветеранъ явился снова подъ родныя знамена. Ни возрастъ, ни старческія немощи, ничто не остановило его.

И онъ былъ славнымъ офицеромъ.

Упомяну еще объ одной, сохранившейся въ моей памяти, встрѣчѣ.

Лѣтомъ 1877 г., т. е. въ самый разгаръ войны, не помню уже теперь, по какому счастливому обстоятельству, я попалъ на нѣсколько дней въ Тифлисъ изъ отряда. Контрастъ былъ такъ поразителенъ, что у меня прямо-таки голова закружилась.

Въ первый же вечеръ я отправился въ городской театръ, антрепренеромъ котораго былъ тогда С. А. Пальмъ. Съ семействомъ Пальмъ я былъ хорошо знакомъ и, конечно, жаждалъ ихъ повидать. Въ театральномъ садикѣ я увидалъ покойнаго писателя и драматурга, Ал. Ив. Пальма. Я-было бросился къ нему, но замѣтивъ, что онъ разговариваетъ съ какимъ-то генераломъ, пріостановился. Александръ Ивановичъ же, разглядѣвъ меня, самъ подошелъ ко мнѣ.

— Здравствуйте! Давно ли? Какимъ образомъ?—засыпалъ онъ меня вопросами.

Я наскоро объяснилъ все и самъ, въ свою очередь, спросилъ:

— Съ кѣмъ это вы, Александръ Ивановичъ, сейчасъ разговаривали?

Спросилъ потому, что лицо генерала показалось мнѣ крайне знакомо.

— Ахъ, это Михаилъ Григорьевичъ Черняевъ,—отвѣтилъ Пальмъ.—Онъ ѣдетъ къ вамъ въ отрядъ. Пойдемте, я васъ ему представлю.

— Ловко ли будетъ?—замялся я.

— Ничего, ловко. Вѣдь я съ нимъ старый товарищъ и однокашникъ.

И Пальмъ представилъ меня Черняеву.

Въ тотъ же вечеръ мнѣ пришлось съ ними ужинать, а за ужиномъ Михаилъ Григорьевичъ сказалъ мнѣ:

— Завтра утромъ я выѣзжаю въ отрядъ. А вы когда туда возвращаетесь?

— Не знаю, какъ только будетъ возможно,—отвѣтилъ я.

— Такъ вотъ,—продолжалъ Черняевъ:—какъ вернетесь въ отрядъ, явитесь прямо ко мнѣ и, если пожелаете, я возьму васъ къ себѣ въ штабъ.

Я поблагодарилъ. Еще бы не пожелать служить подъ непосредственнымъ начальствомъ самого Черняева.

Черняевъ уѣхалъ, а черезъ нѣсколько дней — не помню уже теперь, черезъ сколько именно — отправился въ отрядъ и я, предвкушая новое назначеніе въ штабъ Черняева.

Доѣхалъ я такъ до станціи Акстафы—была уже поздняя ночь. Мнѣ захотѣлось напиться чаю и перекусить чего-нибудь—и я направился въ комнату для пріѣзжающихъ.

— Сюда нельзя, — остановилъ меня смотритель.

— Отчего?

— Здѣсь больной генералъ Черняевъ ночуетъ.

— Больной? Генералъ Черняевъ?

Это меня какъ обухомъ ударило. «Стало-быть, ужъ онъ ѣдетъ назадъ? Стало-быть, мое назначеніе...» мелькало у меня въ головѣ.

— Онъ еще не спитъ?—спросилъ я смотрителя.

— Нѣтъ еще.

— Такъ доложите ему обо мнѣ.

Смотритель доложилъ, и я былъ принятъ. Черняевъ сидѣлъ на диванѣ, весь обвязанный, съ усталымъ, больнымъ лицомъ. Но онъ узналъ меня.

— Вотъ видите, я совсѣмъ расхворался,—заговорилъ онъ, протягивая руку и приглашая садиться.—Да, совсѣмъ расхворался и, кажется, серьезно. Ѣду назадъ. Надо лѣчиться.

Я не долго просидѣлъ съ Черняевымъ. Ему нуженъ былъ покой, и потому я, откланявшись, вышелъ.

А черезъ полчаса я уже скакалъ дальше.

Здѣсь бы я, собственно говоря, могъ бы окончить мои воспоминанія. Я разсказалъ почти все, что сохранила за четверть вѣка моя память. Но, мнѣ кажется, будетъ не лишнимъ, если я скажу еще нѣсколько словъ и о врагахъ нашихъ—туркахъ.

XII.

Турки—народъ хорошій. Вотъ общее мнѣніе, вынесенное нами изъ кампаніи 1877—78 гг. Но воевать намъ приходилось не съ одними турками: въ турецкой арміи много было и другихъ народностей, слывшихъ у насъ подъ однимъ общимъ названіемъ «баши-бузуковъ».

Баши-бузуки—это прямо звѣри, и Боже сохрани было къ нимъ въ плѣнъ попасться. Подвергнутъ самымъ невыносимымъ мукамъ, истерзаютъ человѣка, да еще и надъ трупомъ надругаются.

Захватили они какъ-то въ плѣнъ трехъ человѣкъ: стараго драгунскаго вахмистра, казачьяго урядника и простого рядового казака. Этому послѣднему какъ-то удалось бѣжать изъ плѣна, и онъ разсказывалъ, какъ истязали баши-бузуки вахмистра и урядника. Особенно перваго. У старика былъ Георгіевскій крестъ, кажется еще за Башкадыкларъ, и медаль за кампанію 1853 г. Такъ они этотъ крестъ и медаль съ мясомъ изъ его живого тѣла вырѣзали; потомъ ремни со спины стали снимать... А старикъ все это время Богу молился да ругалъ ихъ.

— Какъ ругалъ?—допрашивали мы казака.

— Да по-турецки, ваше благородіе. Онъ малость мараковалъ по-ихнему-то. Но чтобы отъ боли крикнуть, или застонать, что ли—этого ни Боже мой! Что и говорить, славно скончался старичокъ.

Звѣри были баши-бузуки, но какъ войско — дрянь. «Чикалками» (шака-

лами) у насъ ихъ солдаты звали. Вотъ грабить и истязать, это было ихъ дѣло, ну, а чтобъ въ серьезный, открытый бой идти—на это они были плохи.

Были у турокъ и нубійскіе батальоны—высокій, рослый, видный народъ. Эти и въ атаку бросались, но при первомъ же удачномъ залпѣ смѣшивались и показывали тылъ. Былъ слухъ, что ихъ передъ боемъ даже слегка гашишемъ одурманивали. Но пасовалъ и гашишъ передъ стойкостью русскаго солдата.

Регулярныя турецкія войска дрались хорошо, особенно стойко отсиживались они за окопами и укрѣпленіями. А окапываться—прямо была ихъ спеціальность: не успѣютъ на бивуакъ стать, смотришь, уже укрѣпленный лагерь готовъ. Съ лопатой въ рукахъ турокъ неутомимый воинъ. Во всякомъ случаѣ, воевать съ ними было пріятно.

Вотъ одного они не любили—это русскаго штыка, и быстро пасовали передъ нимъ. Объясняли это тѣмъ, что будто бы штыковою раной въ Магометовъ рай доступа нѣтъ. Можетъ-быть, и такъ, а можетъ-быть, грозенъ ужъ очень русскій строй, когда онъ весь штыками ощетинится.

Между турецкими военачальниками было не мало дѣльныхъ и талантливыхъ людей, хотя бы Измаилъ-паша, напримѣръ.

Вотъ низшее офицерство у турокъ слабовато,—что называется, съ борку да съ сосенки. А солдаты, повторяю, хорошій народъ—и храбрый, и терпѣливый, и выносливый.

Несомнѣнно, и между ними не мало героевъ было. Между прочимъ, разсказывали, что послѣ одного изъ дѣлъ среди убитыхъ турокъ найдено было два женскихъ трупа. Обѣ женщины были одѣты въ простые турецкіе солдатскіе мундиры, стало-быть, въ строю шли, и убиты онѣ были обѣ въ грудь. Есть, значитъ, и между турецкими женщинами свои воительницы. Одна изъ убитыхъ была уже женщина пожилая, другая—совсѣмъ молоденькая. Мать и дочь—рѣшили почему-то наши солдатики.

Турецкая артиллерія стрѣляла всегда хорошо. Пѣхота же сплошь да рядомъ горячилась. А скорострѣльныя ружья, которыми она была вооружена, не мало способствовали тому, что масса пуль выпускалось зря, безъ прицѣла, и поэтому огонь ихъ иногда не достигалъ цѣли. Случалось, что турецкія пули залетали къ намъ въ глубокій резервъ, тогда какъ передовыя части терпѣли очень незначительный уронъ.

Когда до турокъ дошла вѣсть, какъ хорошо обращаемся мы съ ихъ плѣнными, стали они сдаваться въ плѣнъ довольно охотно. Для этого они клали передъ собой оружіе, падали на колѣни и, поднимая руки кверху, кричали:

— Явашъ! Явашъ!

«Явашъ»—по-турецки значитъ: «постой! остановись!» Но наши солдатики понимали по-своему.

— Ну, а коли ты нашъ, такъ мы тебя и не тронемъ!—добродушно приговаривали они и забирали плѣнныхъ.

Въ рядахъ турецкой арміи служило не мало и поляковъ, и случалось намъ слышать изъ турецкой цѣпи крѣпкое русское ругательство по нашему адресу. Но польскій акцентъ выдавалъ національность этихъ ругателей.

Однажды, во время первой блокады Карса, къ намъ изъ крѣпости явился перебѣжчикъ. Онъ сказался сербомъ, говорилъ, что былъ у турокъ наводчикомъ и считался въ этомъ дѣлѣ однимъ изъ первыхъ. Но такъ какъ турки на него, естественно, не надѣялись, то находился онъ всегда подъ самымъ строгимъ надзоромъ и, Боже сохрани, если стрѣльба его была неудачна. Его немилосердно били. Мучимый совѣстью, что онъ сражается противъ своихъ единовѣрцевъ и освободителей, сербъ этотъ, наконецъ, бѣжалъ и явился въ нашъ лагерь. Онъ просилъ, чтобъ ему было позволено сдѣлать нѣ-

сколько выстрѣловъ по форту Карадахъ, обѣщая взорвать тамъ пороховой погребъ, такъ какъ на этомъ фортѣ онъ именно служилъ и расположеніе его зналъ великолѣпно.

Серба подвели къ орудію, онъ навелъ его разъ,—недолетъ; два—перелетъ; три—и громадный столбъ дыму и земли, а затѣмъ страшный грохотъ, раздавшійся съ Карадаха, засвидѣтельствовали слова серба. Пороховой погребъ былъ имъ взорванъ. Сербу дали знакъ отличія военнаго ордена и поставили наводчикомъ на одной изъ нашихъ батарей.

Были въ турецкомъ лагерѣ и англичане. Это мы знали, а одного изъ нихъ, какого-то лорда, нѣкоторые изъ насъ даже нѣсколько разъ и видѣли. Онъ выѣзжалъ на позицію и разсматривалъ въ бинокль расположеніе нашихъ войскъ.

Однажды лордъ этотъ зарвался что-то ужъ слишкомъ далеко. Тогда выпустили на него нѣсколько человѣкъ лихихъ казаковъ, которымъ приказано было взять этого лорда живымъ или мертвымъ. Казачки гикнули и пустились за нимъ. Лордъ сначала-было и не замѣтилъ этого маневра, но, когда увидалъ опасность, повернулъ своего кровнаго скакуна и унесся изъ виду быстрѣе мысли.

Вернулись казаки, крайне огорченные своею неудачей.

— Да что же вы, дураки этакіе, не стрѣляли въ него?

— Боялись, неровенъ часъ промахнешься, да не въ него, а въ коня попадешь! Этакаго коня испортить! Сердце бы изболѣло. Не конь, а птица!—сокрушались казачки не столько о томъ, что ушелъ лордъ, сколько объ ускользнувшей изъ ихъ рукъ дивной лошади.

Послѣ рѣшительнаго боя, когда Мухтаръ-паша, бросивъ свою армію на руки помощника своего, Омера-паши, бѣжалъ, а Омеръ не нашелъ ничего лучше, какъ сдаться съ остатками своей арміи, мы захватили въ плѣнъ нѣсколько тысячъ солдатъ и что-то около десятка пашей.

Эти паши препровождались въ Тифлисъ, и мнѣ случайно пришлось ѣхать вмѣстѣ съ ними. Въ дорогѣ я познакомился съ Омеромъ-пашой, прекрасно говорившимъ по-французски, и его адъютантомъ, Али-эффенди, тоже владѣвшимъ этимъ языкомъ.

Омеръ-паша производилъ впечатлѣніе совершенно европейскаго человѣка. Манеры его были изысканы, рѣчь интеллигентна. Про него говорили, что онъ родомъ венгерецъ, но самъ Омеръ настойчиво утверждалъ, что онъ коренной турокъ.

Не знаю ужъ, почему, но мнѣ ужасно хотѣлось выпытать его настоящую національность; однако всѣ мои подходы неукоснительно разбивались объ его категорическое заявленіе:

— Я турокъ, коренной турокъ.

О русской арміи онъ отзывался восторженно, считалъ ее первой арміей въ мірѣ. Но не менѣе восторженно говорилъ онъ и о турецкомъ солдатѣ. Жаловался только на младшихъ пашей и офицеровъ.

Въ Тифлисѣ же Омеру-пашѣ была возвращена его боевая сабля.

Съ адъютантомъ его, Али-эффенди, я прямо-таки подружился. Что это былъ за симпатичный юноша. Съ восторгомъ отзывался онъ о нашихъ офицерахъ, объ ихъ вѣжливомъ и мягкомъ отношеніи къ плѣннымъ.

— Да, вамъ хорошо!—говорилъ онъ.—Вы служите не только изъ-за одной чести, но все-таки и жалованье получаете. У насъ не совсѣмъ такъ. Знаете ли, какъ передъ самой войной у насъ расплачивались съ офицерами? Вмѣсто жалованья выдавали имъ конфискованные таможенные товары.

— Ну, и что-жъ?

— Ну, вотъ и то же. Мнѣ, напримѣръ, приходилось за четыре мѣсяца жалованье получить, и выдали мнѣ—четыре ящика какого-то товара. Я вскрылъ. Какъ вы думаете, что тамъ

оказалось? Кринолины, конфискованные лѣтъ пятнадцать тому назадъ. Ну, на кой чортъ мнѣ кринолины? Что я могъ дѣлать съ кринолинами?—возмущался Али-эффенди.

А я невольно вспоминалъ гоголевскаго Бурдюкова изъ «Тяжбы», получившаго въ наслѣдство три стаметовыя юбки и тоже возмущенно кричавшаго:

— Ну, на кой чортъ мнѣ стаметовыя юбки?..

Но вотъ, прогремѣлъ послѣдній выстрѣлъ, и объявлено было перемиріе. Настало время отдыха, но отдыха томительнаго: мы все-таки еще не знали, чѣмъ кончится это перемиріе. Война всѣмъ надоѣла до послѣдней крайности, а Константинополь все-таки не былъ еще взятъ, хотя русскія войска уже стояли подъ самыми его стѣнами.

А намъ всѣмъ почему-то казалось, что война можетъ кончиться только взятіемъ Константинополя.

Во время перемирія я былъ уже въ Тифлисѣ. Съ жадностью слѣдили мы всѣ тамъ за ходомъ мирныхъ переговоровъ. Газеты, что называется, разрывались на части. То и дѣло выпускались отдѣльныя телеграммы. Мы читали, вчитывались, но все-таки ничего опредѣленнаго рѣшить не могли.

По Тифлису тогда циркулировалъ забавный анекдотъ: На Головинскомъ проспектѣ встрѣчаются два армянина—кинто (мелкіе торговцы съ лотка).

— Скажи, дюша моя, — спрашиваетъ одинъ другого: — что, война еще будетъ?

— Нэтъ,—отвѣчаетъ вопрошаемый.— Война не будетъ.

— А! Стало-быть, миръ будетъ!

— Нэтъ, и миръ не будетъ!

— Какъ такъ? Война—не будетъ; миръ не будетъ... Такъ что-жъ тогда будетъ?

— *Тэлэграммъ* будетъ!

. . . .

Но вотъ прозвучало слово мира. Мы, военные, облегченно вздохнули. «Слава Богу! Довольно! Пора! Устали ужъ!»— думалось многимъ изъ насъ.

И, вспоминая ужасы минувшей войны, я часто думалъ: «Какъ хорошо бы было, если бы люди никогда, никогда уже больше не воевали другъ съ другомъ! И вѣчный миръ воцарился бы на землѣ. Pia desideria!»

Но вотъ прошло четверть вѣка, а люди все еще враждуютъ и поднимаютъ другъ на друга оружіе. Долго ли? Долго ли еще это будетъ продолжаться?

Современное значеніе воинской повинности.

Очеркъ **Ѳ. А. Арнольдова.**

I.

Война сопутствуетъ человѣку съ первыхъ же шаговъ его существованія. По крайней мѣрѣ, библейская легенда недаромъ указываетъ намъ на то, что, какъ только на землѣ очутились рядомъ два брата, одинъ убилъ другого. И съ тѣхъ поръ, какъ Каинъ убилъ Авеля, братоубійство не только не исчезло, но приняло, наоборотъ, такіе грандіозные размѣры, которыхъ первобытный человѣкъ въ своей простой наивной фантазіи и представить себѣ не могъ.

Съ прогрессомъ культуры единичныя братоубійства совершенно отступаютъ на задній планъ передъ массовыми, въ которыхъ люди-братья убиваютъ другъ друга десятками, сотнями тысячъ; и только въ видѣ чрезвычайно рѣдкаго исключенія развѣ выдаются на нашей планетѣ моменты, когда не льется ручьями братская кровь...

Война грековъ съ турками, испанцевъ и американцевъ съ филиппинцами, европейцевъ съ китайцами, буровъ съ англичанами — безпрерывная цѣпь кровавыхъ столкновеній между народами... Въ этомъ кровавомъ океанѣ закатилась заря XIX вѣка; въ немъ же взошла и заря XX.

Читатели, конечно, не забыли еще, что очень недавно была созвана международная конференція въ Гаагѣ. Конференція эта имѣла цѣлью выработать между всѣми народами соглашеніе, по которому разногласія между державами могли бы гораздо чаще, чѣмъ теперь, улаживаться мирнымъ путемъ. Событія, однако, далеко не оправдали надеждъ, которыя возлагали на эту конференцію всѣ истинные друзья человѣчества, и случаи кровавыхъ столкновеній между народами съ тѣхъ поръ нисколько не стали рѣже. Слишкомъ ужъ видно, силенъ, даже въ современномъ человѣкѣ, духъ истребленія.

Какъ бы то ни было, но приходится констатировать, что въ настоящее время самыя тяжелыя жертвы приносятся народами не для облегченія условій своего существованія, не для уменьшенія среди людей нужды и нищеты, не для своего просвѣщенія, но для того, чтобы какъ можно больше увеличить средства къ взаимному истребленію.

Самыми насущными своими потребностями пренебрегаютъ многіе народы только для того, чтобы умножить количество своихъ магазинныхъ ружей, крѣпостей, дальнобойныхъ пушекъ, броненосцевъ и т. д. И весь міръ представляетъ собой, въ сущности, не что иное, какъ одинъ гигантскій военный лагерь.

Самое, быть-можетъ, ужасное въ этомъ положеніи то, что отдѣльные народы не могутъ измѣнить подобное положеніе вещей, какъ бы сильно они къ этому ни стремились. Съ волками, какъ говорится, жить, по-волчьи и выть, и каждому въ отдѣльности поневолѣ приходится плясать подъ общую дудку. Въ самомъ дѣлѣ, разоруженіе возможно только *общее*. Если же тотъ или иной народъ вздумаетъ снять свои боевые доспѣхи независимо отъ остальныхъ, то ему постоянно будетъ грозить сильнѣйшая опасность со стороны вооруженныхъ сосѣдей, которые всегда будутъ имѣть возможность *штыками* навязать свою волю.

Но если армія, т. е. учрежденіе, имѣющее назначеніемъ охранять страну отъ чужестранныхъ вторженій и вообще защищать въ случаѣ надобности вооруженной силой международные интересы страны, составляетъ необходимость, то совершенно непонятнымъ намъ должно представляться, какъ этотъ «кровавый налогъ», какъ называютъ французы воинскую повинность, могъ еще относительно очень недавно составлять обязанность только для немногихъ классовъ населенія. Вѣдь всѣмъ извѣстно, что *всеобщая* воинская повинность составляетъ одну изъ великихъ реформъ царствованія императора Александра II; до него же отъ воинской повинности были освобождены чуть ли не всѣ сословія, кромѣ крестьянскаго.

Всѣмъ извѣстно, по крайней мѣрѣ, по описаніямъ, какія вопіющія несправедливости творились къ тому же надъ крестьянами при зачисленіи въ солдаты. Несмотря на то, что законодательство, повидимому, стремилось распредѣлить этотъ кровавый налогъ по возможности равномѣрно на все сословіе, дѣло при тогдашнихъ «дореформенныхъ» порядкахъ устраивалось такъ, что за нѣсколько «лабанчиковъ» богатый мужикъ могъ всегда откупиться, и «лобъ забривался» тому, кому вовсе не очередь была пойти на службу, но кто по своей слабости да бѣдности не могъ бороться съ управителемъ, со старостой да бурмистромъ. Такимъ образомъ забирался отецъ — единственная опора семьи, единственный сынъ у старухи-матери и т. д. И на такіе порядки почти невозможно было найти управу.

Прочтите Некрасова («Забытую деревню»):

.....Полюбилъ Наташу хлѣбопашецъ вольный—
Да перечитъ дѣвкѣ нѣмецъ сердобольный
Главный управитель...

Кончается дѣло тѣмъ, что

«Хлѣбопашецъ вольный угодилъ въ солдаты».

Не менѣе ярко обрисовываютъ въ этомъ отношеніи дореформенные порядки слѣдующія строфы изъ стихотворенія «Морозъ Красный-Носъ»:

Нашъ-то молодчикъ въ семьѣ одиночка:
Всѣхъ у насъ дѣтокъ—Гришуха да дочка,
Да голова у насъ—воръ—
Скажетъ мірской приговоръ!
Сгибнетъ ни за что, ни про что дѣтина...

Кромѣ того, баринъ пользовался правомъ отдавать въ солдаты (такъ же, какъ и ссылать въ Сибирь), кого ему вздумается. Между тѣмъ, въ тѣ времена военная служба немногимъ развѣ могла считаться лучше каторги, и потому можно себѣ представить, какое ужасное наказаніе составляла она для того, кто вынужденъ былъ пойти подъ ненавистную «красную шапку». Обо всемъ этомъ современное поколѣніе имѣетъ теперь представленіе развѣ только по описаніямъ нашихъ выдающихся писателей: Тургенева, Л. Толстого и особенно Некрасова.

Многое трудно намъ, а кой-что даже невозможно понять въ тогдашнемъ строѣ военной службы. Трудно намъ понять, какъ могла эта повинность распространяться не на всѣхъ, какъ отъ нея богачи даже при Александрѣ II могли откупиться, представивъ зачетныя свидѣтельства, какъ могли существовать «наемщики», которые за деньги — доброй волей (или вѣрнѣе, гонимые безысходной нуждой) шли служить за другихъ. Не понятенъ и страшенъ намъ, наконецъ, и самый строй дореформенной военной службы, которая не безъ основанія считалась каторжной.

Послушайте бесѣду «Дѣдушки» съ современнымъ солдатомъ:

Нынче вамъ служба—не бремя,
Кротко начальство теперь...
Ну, а какъ въ наше-то время!
Что ни начальникъ, то звѣрь!
Душу вколачивать въ пятки
Правиломъ было тогда.

Ужъ, казалось бы, все: и маршировка, и выправка, и прочее все въ идеальномъ порядкѣ, но начальство все же недовольно:

... Замѣтно дыханье,
Слышишь ли? Дышатъ зачѣмъ!..
А недоволенъ парадомъ,—
Ругань польется рѣкой,
Зубы посыплются градомъ,
Поретъ, гоняетъ сквозь строй!
Съ пѣною у рта обрыщетъ
Весь перепуганный полкъ,
Жертвъ покрупнѣе пріищетъ
Остервенившійся волкъ!..

... А такіе ужасы былыхъ временъ, какъ зачисленіе въ солдаты кантонистами дѣтей 10—12, даже 8-ми лѣтъ, которыхъ силой отрывали отъ родного очага и загоняли за тысячи верстъ, гдѣ они гибли сотнями!..

А 25-лѣтняя военная служба, по окончаніи которой солдатъ отпускался на волю съ наказомъ: «бороду брить, по-міру не ходить!..»

Если въ наше время война еще далеко не отошла въ вѣчность, то перечисленные факты, по счастью, уже окончательно отошли въ область преданій. Воинская повинность стала всеобщей; военная служба считается почетной. На нее не только не смотрятъ, какъ на наказаніе за дурные поступки и преступленія, но, наоборотъ, въ военную службу *не берутъ* лицъ опороченныхъ по суду. Поступая на службу, лица нѣкоторыхъ сословій, напримѣръ, крестьяне, получаютъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже больше правъ, чѣмъ «на волѣ»; такъ, они освобождаются отъ тѣлесныхъ наказаній, которымъ могутъ быть подвергаемы только по постановленію полкового суда за болѣе или менѣе тяжкіе проступки, между тѣмъ какъ въ нѣкоторыхъ деревняхъ для этого и по сю пору достаточно рѣшенія мірского

схода или волостного суда, безпристрастіе и правосудіе которыхъ, къ сожалѣнію, далеко не всегда стоятъ выше сомнѣній.

Военная служба продолжается въ наше время не 25 лѣтъ, какъ при Николаѣ I, но меньше даже 4-хъ лѣтъ. Положеніе нижняго чина оказывается безконечно болѣе защищеннымъ отъ произвола, и, наконецъ, самая тягость службы смягчается для крестьянина въ очень значительной степени тѣмъ, что рядомъ съ нимъ и почти на совершенно одинаковомъ положеніи служатъ и представители всѣхъ прочихъ классовъ населенія, а «на міру, какъ извѣстно, и смерть красна».

Военная служба стала въ настоящее время постояннымъ явленіемъ въ жизни народа, въ одинаковой мѣрѣ является насущнымъ вопросомъ во *всѣхъ* классахъ населенія и касается одновременно многихъ милліоновъ лицъ. Въ одной только дѣйствующей арміи числится во всякое время свыше *милліона человѣкъ;* между тѣмъ, слѣдуетъ считать и тѣхъ, кто уже отбылъ дѣйствительную службу и числится въ *запасъ,* а также и зачисленныхъ въ государственное ополченіе. Въ виду этого мы и сочли интереснымъ ознакомить въ настоящемъ очеркѣ нашихъ читателей и читательницъ съ характеромъ и сущностью военной службы. Не въ одной семьѣ, увѣрены мы, предметъ этотъ служитъ источникомъ тяжелыхъ заботъ, и не для одной матери является онъ причиной долгихъ безсонныхъ ночей...

II.

Что касается до физическаго вліянія военной службы на простого человѣка, главнымъ образомъ, крестьянина, то его, конечно, не удивишь ни свѣжимъ воздухомъ, ни моціономъ, которыхъ у него и дома было вдоволь. Тѣмъ не менѣе, и въ физическомъ отношеніи можно отмѣтить благопріятное вліяніе военной службы на крестьянина.

Пребываніе на военной службѣ сообщаетъ молодцоватость и выправку, какихъ никогда не встрѣтишь у крестьянина, привыкшаго орудовать преимущественно тяжелой сохой. Военная служба дѣлаетъ человѣка ловкимъ, поворотливымъ и подвижнымъ. И въ этомъ отношеніи нельзя сравнить съ деревенскимъ мужикомъ солдата, привыкшаго быстро и отчетливо продѣлывать довольно сложные ружейные, и особенно фехтовальные пріемы и исполнять строевыя команды. Ужъ и самая одежда—мундиръ—сообщаетъ солдату нѣчто элегантное, что очень выгодно выдѣляетъ его изъ его прежней среды; и это настолько замѣтно, что солдатъ искренно смѣется надъ нарядомъ какого-нибудь новобранца. Между тѣмъ, точно такой же нарядъ онъ, быть-можетъ, и самъ носилъ, не далѣе какъ годъ-два тому назадъ.

Имѣетъ на солдата служба огромное воспитательное значеніе и въ смыслѣ пріученія его къ извѣстному порядку въ жизни, а главное, въ смыслѣ пріученія его къ чистотѣ, въ чемъ такъ сильно нуждается подчасъ нашъ простой народъ. Много стоитъ иному солдату труда выполнять въ этомъ отношеніи требованія начальства (и недешево ему это подчасъ достается), но, въ концѣ-концовъ, цѣль все-таки въ довольно значительной степени достигается. При поступленіи на службу каждый день дѣлаются солдату его учителями утренніе осмотры, и за малѣйшую погрѣшность въ аккуратности и чистотѣ одежды ему не мало перепадаетъ «бабокъ». Солдатъ мало-по-малу пріучается къ чистому содержанію своего бѣлья, своей постели, а всего больше своего тѣла. Время отъ времени солдатъ зимой «гонятъ» (употребительный въ солдатскомъ быту терминъ) въ баню; лѣтомъ очень часто заставляютъ купаться. И этому слѣдуетъ придавать огромное значеніе.

Военная служба также полируетъ, или, какъ выражаются солдаты, «образуетъ» крестьянина въ смыслѣ внѣшняго обхо-

жденія и обращенія. «Мужикъ» считается обиднымъ словомъ. Разъ какъ-то солдатъ, не замѣтивъ стоявшаго сзади его офицера, слегка толкнулъ его. «Мужикъ!» сердито закричалъ тотъ. Замѣчаніе это очень обидѣло взводнаго (также крестьянина): «Вотъ оно,—горько тужилъ онъ:—изъ-за одного *хама* всѣхъ мужиками обзоветъ!..»

Но гораздо болѣе сильнымъ и глубокимъ, чѣмъ въ физическомъ, оказывается вліяніе на крестьянина военной службы въ духовномъ отношеніи. Вліяніе это очень многостороннє.

Какъ правило, военная служба значительно повышаетъ умственный уровень побывавшихъ на ней крестьянъ, это—фактъ несомнѣнный. Да оно и не можетъ быть иначе, если принять въ соображеніе, съ какимъ множествомъ совершенно новыхъ для себя условій и понятій сталкивается не только крестьянинъ, но и интеллигентный человѣкъ на военной службѣ. У солдата появляются новые интересы: интересы его части, батальона или роты, которые ежеминутно непосредственно касаются также и его лично. При такихъ условіяхъ непремѣнно вырабатываются общность и солидарность.

Военный уставъ не только позволяетъ, но чуть ли не вмѣняетъ солдату въ обязанность живо интересоваться всѣми полковыми событіями. Событія эти, начиная съ наказаній, наложенныхъ на офицеровъ, и кончая зачисленіемъ нижнихъ чиновъ въ ту или иную команду, доводятся до всеобщаго свѣдѣнія при помощи ежедневнаго органа гласности, каковымъ является «приказъ по полку». По этимъ приказамъ онъ получаетъ самое полное представленіе о распоряженіяхъ, перемѣнахъ, событіяхъ, однимъ словомъ обо всей внутренней жизни своего полка; и каждый приказъ по полку вызываетъ самыя живыя комментаріи и толкованія, особенно среди болѣе развитыхъ нижнихъ чиновъ. Кромѣ приказовъ по полку, бываютъ, хотя и не въ видѣ ежедневниковъ, и приказы по батальону и ротѣ (батареѣ, эскадрону, сотнѣ и пр.), которые еще ближе, еще болѣе непосредственно касаются каждаго въ отдѣльности. Все это пріучаетъ солдата жить не только своими личными интересами, но и интересами болѣе широкаго круга лицъ, съ которыми онъ поставленъ въ болѣе или менѣе однородныя условія.

На службѣ солдатъ пріучается къ правовымъ нормамъ. Онъ научается сознавать, что всѣ въ одинаковой степени должны подчиняться извѣстнымъ правиламъ и законамъ, совершенно независимо отъ того, какую ступень то или иное лицо занимаетъ по іерархической лѣстницѣ. Выше всѣхъ—даже и высшихъ начальниковъ—должны стоять уставъ и законъ. Въ принципѣ, каждый солдатъ обязанъ столь же твердо знать свои права, какъ и обязанности.

По воинскому уставу, каждый военно-служащій, какое бы мѣсто ни занималъ онъ въ іерархіи, долженъ быть всесторонне огражденъ даже отъ малѣйшаго посягательства на его права.

Къ сожалѣнію, какъ бы далеко ни заходила регламентація, она никогда не въ состояніи будетъ охватить собой *всѣ стороны* жизни живого человѣка.

Не слѣдуетъ однако думать, что подчиненный зависитъ отъ произвола какого-нибудь высшаго начальника, ну, хотя бы ротнаго командира. Ничуть не бывало; часто его непосредственные начальники изъ нижнихъ чиновъ, его братья по плоти и духу, иногда даже его земляки и односельчане, получаютъ надъ нимъ гораздо бо́льшую фактическую власть, чѣмъ высшіе начальники. Объясняется это очень просто тѣмъ, что подъ непосредственнымъ надзоромъ именно этихъ нижнихъ чиновъ онъ проводитъ все свое время, всю свою жизнь, и никто больше его непосредственныхъ начальниковъ не имѣетъ возможности отравить ему существованіе мелкими, но безпрерывными прижимками и придирками: «не такъ паны, якъ пид-

панки», говорять про подобные случаи хохлы.

Живо припоминаю, напримѣръ, слѣдующій случай: одинъ изъ двухъ друзей-земляковъ былъ произведенъ въ ефрейтора и временно получилъ командованіе надъ отдѣленіемъ, въ которомъ состоялъ его односельчанинъ. Было ли то съ его стороны желаніе показать свою власть или—со стороны его временнаго подчиненнаго—глухая досада на то, что имъ командуетъ его близкій товарищъ, но послѣ нѣсколькихъ командъ: «Подайся впередъ», «чуть-чуть назадъ» и пр., начальникъ его ударилъ по щекѣ. Тогда онъ его ударилъ прикладомъ въ грудь. Начальникъ былъ разжалованъ, а онъ угодилъ на 2 года въ дисциплинарный батальонъ.

Несмотря на то, что военные уставы стараются, насколько возможно, оградить каждаго подчиненнаго отъ произвола, положеніе военнослужащаго, особенно рядового, тѣмъ не менѣе, таково, что онъ находится въ очень сильной зависимости отъ личности своихъ начальниковъ и, если Богъ ему послалъ въ начальники хорошихъ, добрыхъ и отзывчивыхъ людей, то онъ искренно благословляетъ ихъ чуть ли не на всю жизнь. Въ противномъ случаѣ, положеніе его часто становится очень незавиднымъ.

Насколько можно по офиціальнымъ заявленіямъ солдатъ, при опросахъ высшаго начальства, судить объ ихъ истинномъ положеніи, доказываетъ слѣдующій случай.

Послѣ смотра, начальникъ дивизіи собралъ въ нашей ротѣ вокругъ себя людей запросто, кружкомъ, и (удаливъ предварительно всякое начальство) спрашиваетъ: «Претензій да жалобъ у васъ, братцы, никакихъ нѣтъ?»—«Никакъ нѣтъ! ваше превосходительство!»—хоромъ отвѣчаютъ братцы, изъ которыхъ даже не всѣ слышали вопросъ.—«Обращаются съ вами хорошо?»—«Хорошо! ваше пр-ство». —«Кормятъ васъ хорошо?»—«Хорошо, ваше пр-ство!»—«А бьютъ васъ хорошо?»—«Хорошо, ваше пр-ство!»—опять-таки дружно хоромъ гаркнули «братцы», не успѣвъ даже сообразить, что генералъ устроилъ имъ ловушку. Затѣмъ, спохватившись, сами же сконфузились. Генералъ же, который, видно, зналъ порядки, разсмѣялся и отправился дальше.

Вообще же, должно сказать, солдатъ относится довольно добродушно къ своей, нерѣдко тяжелой, службѣ и при случаѣ непрочь самъ же и пошутить надъ своимъ положеніемъ. Припоминаю слѣдующія шутки, распространенныя среди нижнихъ чиновъ той мѣстности, гдѣ я служилъ.

— «Солдатъ, что̀ ты на ночь подъ себя стелешь?»—«Шинелюшку».—«А подъ голову что̀ кладешь?»—«Шинелюшку».—«А укрываешься чѣмъ?»—«Шинелюшкой».—«Дай, другъ, мнѣ одну: у тебя ихъ много».—«Да у меня и всего-то одна!..»

Вернемся, однако, къ вопросу о культурномъ вліяніи военной службы на простого человѣка, и особенно крестьянина. На военной службѣ крестьянинъ изъ какой-нибудь глухой деревни, быть-можетъ никогда не бывавшій даже въ своемъ уѣздномъ городѣ, сразу попадаетъ въ общество изъ нѣсколькихъ десятковъ, а часто и сотъ человѣкъ, волею случая собранныхъ сюда съ самыхъ различныхъ концовъ матушки-Россіи. Тутъ имѣются представители самыхъ различныхъ народовъ, а также слоевъ и классовъ населенія. Все это перемѣшивается между собой и живетъ одной общей жизнью и общими интересами. Много тутъ можетъ узнать новаго и дѣйствительно узнаетъ любознательный и воспріимчивый человѣкъ.

Несомнѣнно, развивающее значеніе имѣетъ также, особенно при разумной постановкѣ, *словесность*, какъ называютъ солдаты тѣ теоретическія свѣдѣнія, которыхъ отъ нихъ требуетъ служба. Для многихъ эта словесность является, правда,

камнемъ преткновенія. Не могу тутъ не припомнить слѣдующаго инцидента, происшедшаго еще на первыхъ порахъ моей строевой службы. Въ сосѣднемъ казематѣ шли занятія по словесности. Я же со взводнымъ попивали чаекъ и мирно бесѣдовали. Но, для того, чтобы сдѣлать читателю понятнымъ дальнѣйшее, необходимо ему пояснить слѣдующее. На вопросъ: «*что такое солдатъ?*» военный катехизисъ отвѣчаетъ: «Слуга царю и отечеству и защитникъ ихъ отъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ». А на вопросъ: «*Что такое часовой?*»—отвѣчаетъ: «Лицо неприкосновенное». Но одинъ изъ спрошенныхъ солдатъ, очевидно, спуталъ оба опредѣленія, и на вопросъ: «*Что такое солдатъ?*», отвѣтилъ: «Лицо неприкосновенное». Услышавъ этотъ отвѣтъ, взводный позвалъ: «Елисѣевъ, ступай сюда!»—«Что прикажете, г. взводный?»— Не говоря худого слова, тотъ ткнулъ его.—«Ну, что? Солдатъ лицо неприкосновенное?»—«Никакъ нѣтъ!»—отвѣчаетъ рядовой, получившій столь убѣдительное доказательство противнаго.— «Ну, то-то же, ступай!» Тотъ вернулся къ занятіямъ; взводный же, какъ ни въ чемъ не бывало, принялся за чай и продолженіе прерванной бесѣды.

Хотя многимъ словесность и туго дается, но большинство быстро усваиваетъ требуемыя свѣдѣнія, которыя несомнѣнно, въ большей или меньшей степени, расширяютъ ихъ умственный кругозоръ. А между тѣмъ, въ числѣ *новобранцевъ* попадаются люди, которые буквально не понимаютъ, что обозначаетъ слово «отечество». Какъ ни грустно намъ констатировать подобное обстоятельство, мы не вправѣ ему удивляться, зная, какъ слабо распространено въ нашемъ отечествѣ не только просвѣщеніе, но и простая грамотность...

Этому предмету—грамотности—также удѣляется на военной службѣ большое вниманіе. По принципу, грамотности должны быть обучены всѣ, безъ исключенія, новобранцы. Принципъ этотъ, къ сожалѣнію, только въ слабой степени проводится въ жизнь, и значительное число солдатъ покидаетъ часть, въ которой они провели около четырехъ лѣтъ, не болѣе грамотными, чѣмъ при поступленіи на военную службу. Съ другой стороны, нѣкоторая часть новобранцевъ, большая или меньшая,—въ зависимости отъ того значенія, которое придаетъ грамотности полковое начальство, все же выучивается и читать, и писать, и это нельзя не считать большой заслугой военной службы. При каждой мелкой войсковой единицѣ (ротѣ, эскадронѣ, батареѣ и проч.) непремѣнно имѣется— помимо школы—и библіотечка, иногда довольно сносно составленная, которой нижніе чины могутъ широко пользоваться.

На основаніи всего вышеизложеннаго, не трудно сдѣлать заключеніе, что военная служба имѣетъ на крестьянина несомнѣнное и очень замѣтное вліяніе, въ смыслѣ его умственнаго развитія. Возвратившись со службы, солдатъ, особенно когда ему удалось дослужиться до чина ефрейтора или унтеръ-офицера, а тѣмъ паче—фельдфебеля, пользуется обыкновенно большимъ уваженіемъ среди своихъ односельчанъ, и при рѣшеніи какого-либо общественнаго вопроса голосу «служиваго» придается большой вѣсъ. Къ сожалѣнію, слѣдуетъ констатировать, что бываютъ также случаи, когда возвратившіеся со службы унтеръ-офицеръ или фельдфебель ужъ слишкомъ много мнятъ о своей «образованности» и относятся свысока, а то чуть ли не съ явнымъ презрѣніемъ къ «сѣрому мужичью»— своимъ односельчанамъ. Подобные случаи наблюдаются, однако, въ общемъ, не часто.

III.

Разсмотрѣвъ въ предыдущихъ строкахъ, какъ вліяетъ военная служба на простого человѣка, преимущественно крестьянина,

посмотримъ теперь на то, какъ она вліяетъ на лицъ интеллигентныхъ сословій.

Въ *нравственномъ* отношеніи вліяніе это чрезвычайно велико и чаще всего сказывается въ благопріятномъ направленіи. Попадаютъ нерѣдко на военную службу люди, въ высшей степени избалованные тѣми условіями, при которыхъ имъ до того приходилось жить. Особенно это относится къ домашней обстановкѣ. Еще очень и очень многіе родители не понимаютъ, къ сожалѣнію, что, потворствуя всѣмъ прихотямъ своихъ сынковъ, они тѣмъ оказываютъ имъ не услугу, а чаще всего приносятъ имъ огромный вредъ, такъ какъ пріучаютъ ихъ къ ложной мысли, будто всѣ ихъ желанія законны и исполнимы, и будто всѣ окружающіе должны подчиняться ихъ требованіямъ и даже капризамъ. На военной службѣ подобные взгляды не могутъ долго удерживаться и быстро измѣняются.

На военной службѣ, и особенно въ строю, не считаются ни съ происхожденіемъ, ни со званіемъ, ни съ образованіемъ, ни съ прежними привычками и взглядами; считаются только съ однимъ: *дисциплиной* и *субординаціей*.

Разговаривая хотя бы съ самымъ низшимъ начальникомъ, военнослужащій непремѣнно долженъ въ извѣстной, строго указанной позѣ, стоять «смирно». Въ отвѣтъ на его слова не смѣетъ даже отвѣчать «да» или «нѣтъ», но непремѣнно «*такъ точно*» и «*никакъ нѣтъ*»; въ отвѣтъ на его привѣтствіе не смѣетъ отвѣтить: «здравствуйте», но непремѣнно: «здравія желаю». Въ отвѣтъ на его приказаніе—отвѣчать «*слушаю*». И такимъ образомъ, начиная съ мелочей внѣшняго обращенія, регламентировано его малѣйшее движеніе. Подобное положеніе часто бываетъ тяжелымъ, но для нѣкоторыхъ распущенныхъ натуръ служитъ подчасъ школой для выработки сдержанности и самообузданія. Не меньшее значеніе имѣетъ военная служба и въ томъ отношеніи, что она вынуждаетъ человѣка «опроститься» въ самомъ широкомъ и, если хотите, самомъ благородномъ смыслѣ этого слова. Интеллигентный человѣкъ тутъ приходитъ на каждомъ шагу въ непосредственное соприкосновеніе съ простымъ человѣкомъ и научается его понимать. Опрощеніе происходитъ во всѣхъ рѣшительно отношеніяхъ, начиная съ пищи и кончая удовлетвореніемъ духовныхъ потребностей. На военной службѣ всякій—и даже не мудрецъ,—научается довольствоваться малымъ, и нерѣдко притомъ такимъ минимумомъ, на который онъ едва ли, находясь «на волѣ», счелъ бы себя способнымъ. Военная служба безусловно сближаетъ интеллигенцію съ народомъ. Еще болѣе рѣзко, чѣмъ нравственное, сказывается и вліяніе физическое. Въ этомъ отношеніи польза военной службы во многихъ отношеніяхъ прямо неоцѣнима. Нельзя, однако, не пожалѣть о томъ, что не всегда достаточно считаются съ силами и прежнимъ образомъ жизни человѣка. Требованія одинаковы для всѣхъ: и для того, кто до поступленія на военную службу не имѣлъ почти ни малѣйшаго представленія о физическомъ трудѣ и лишеніяхъ, и для того, кто всю свою жизнь занимался «на волѣ» исключительно физическимъ, и притомъ нерѣдко очень тяжелымъ трудомъ. Болѣе слабые и хрупкіе организмы, которые требуютъ болѣе продолжительной, постепенной подготовки, чтобы быть въ состояніи удовлетворять требованіямъ военной службы, подвергаются иногда, вслѣдствіе этого, серьезной опасности надломиться. Тѣмъ не менѣе, такіе случаи встрѣчаются, въ общемъ, не часто. Въ большинствѣ же случаевъ, чрезвычайно благопріятный возрастъ: 21—25 лѣтъ, когда организмъ обладаетъ въ самой высокой степени способностью приспособленія, является съ большимъ успѣхомъ на помощь и помогаетъ молодымъ солдатамъ и даже молодымъ рекрутамъ-новобранцамъ — переносить безъ всякаго для себя ущерба такія упражненія и удо-

влетворять такимъ требованіямъ, которыя въ болѣе пожиломъ возрастѣ отразились бы, вѣроятно, на нихъ крайне пагубно.

Всего тяжелѣе приходится, само собой разумѣется, непривычнымъ *на первыхъ порахъ*, когда одновременно происходитъ рѣзкая ломка во всѣхъ почти безъ исключенія привычкахъ. Періодъ этотъ, въ общемъ, дѣйствительно, довольно тягостенъ. Но какъ только эта пора — обученія молодого солдата—миновала, военная жизнь становится для солдата уже гораздо болѣе легкой.

Что касается образа жизни солдата, то нечего и говорить о томъ, что, несмотря на нѣкоторыя его неблагопріятныя стороны, онъ долженъ быть признанъ наиболѣе здоровымъ и нормальнымъ. Простая, неизысканная пища, обиліе тѣлесныхъ упражненій, продолжительное пребываніе на свѣжемъ воздухѣ, правильность въ распредѣленіи занятій, отсутствіе умственнаго переутомленія— все это въ большинствѣ случаевъ отражается самымъ благотворнымъ образомъ на военно-служащихъ. Но режимъ военной службы не только очень гигіениченъ, за нимъ должно въ физическомъ отношеніи признать и бо́льшую заслугу: онъ самымъ вѣрнымъ и дѣйствительнымъ образомъ ведетъ къ *закаливанію организма*. Какъ высоко слѣдуетъ это цѣнить, извѣстно только тѣмъ, кто знаетъ, съ какими трудностями можно добиться той же степени закаливанія при обычныхъ условіяхъ жизни. То, что въ этомъ направленіи въ частной жизни достижимо только при исключительной настойчивости со стороны врача или, гораздо рѣже, домашнихъ, то на военной службѣ достигается какъ-то само собой и почти незамѣтнымъ образомъ: таково вліяніе общаго режима и среды.

Наблюдая, какъ кутаются нѣкоторые молодые люди, какъ они боятся малѣйшаго вѣтерка, какъ тщательно они прячутся подъ защиту зонтиковъ не только отъ дождя, но и отъ солнца, какъ они боятся промочить ноги, чтобы не простудиться, и наблюдая одновременно ихъ военныхъ сверстниковъ, выросшихъ и воспитанныхъ при совершенно одинаковыхъ условіяхъ, иногда прямо диву даешься, какъ можетъ преобразить военный режимъ человѣка. Здѣсь нѣтъ ни зонтиковъ, ни калошъ, ни теплыхъ шубъ, ни кашнэ; не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы беречься не только отъ солнца, но и отъ самаго рѣзкаго вѣтра или проливного дождя. Если погода ужъ очень скверная, то изъ-за нея еще отложатъ, быть-можетъ, ученіе; но для того, чтобы измѣнили маневры, а тѣмъ болѣе отмѣнили караулъ, требуется, по меньшей мѣрѣ, землетрясеніе. То, что положено, должно быть выполнено, каковы бы ни были внѣшнія препятствія—таково правило. Такимъ путемъ и вырабатывается привычность и выносливость. Тотъ самый человѣкъ, который привыкъ, быть-можетъ, разъѣзжать постоянно на извощикѣ и не могъ двухъ верстъ сдѣлать, безъ того, чтобы не выбиться изъ силъ, черезъ какіе-нибудь полгода или годъ продѣлываетъ по десятку - другому верстъ въ день, не ощущая чрезмѣрной усталости.

IV.

Но лучше, чѣмъ всякія отвлеченныя разсужденія, дадутъ понятіе о солдатскомъ житьѣ-бытьѣ хотя бы краткія указанія на то, въ чемъ состоитъ жизнь солдата, въ чемъ онъ проводитъ свое время. Различные виды подготовки солдата къ боевой дѣятельности всего больше приноровлены, понятно, къ временамъ года. Соотвѣтственно этому зимой преобладаетъ теорія, лѣтомъ практика.

Начнемъ съ осени. Полкъ только-что вернулся съ маневровъ. Людямъ предоставляется нѣкоторый отдыхъ. Обязательныя занятія идутъ вяло, больше для проформы: «чтобы народъ не баловался». Идетъ вербовка въ многочисленныя пол-

ковыя команды: учебную (школа унтеръ-офицеровъ), охотничью, музыкантскую, писарскую и пр. Проходитъ мѣсяцъ-другой—появляются *новобранцы*. Съ этого момента распредѣленіе занятій получаетъ совершенно опредѣленный характеръ. Въ каждой ротѣ (мы имѣемъ, главнымъ образомъ, въ виду пѣхоту, составляющую главное ядро арміи) назначается *старшій учитель* изъ унтеръ-офицеровъ и младшіе учителя. На обязанности старшаго учителя (изъ унтеръ-офицеровъ) лежитъ непосредственно, подъ надзоромъ офицеровъ, обученіе молодыхъ солдатъ.

Само собой разумѣется, что это время первоначальнаго *образованія* является самымъ тягостнымъ для новобранца и въ нравственномъ, и въ физическомъ отношеніи. Рѣзкая перемѣна въ привычной обстановкѣ и образѣ жизни: строгія требованія, исполнять которыя должно безпрекословно и немедленно; довольно крутыя отношенія, непривычныя и довольно утомительныя физическія упражненія;—все это, вмѣстѣ взятое, довольно тяжело отражается на новобранцѣ. Если же принять во вниманіе, что ужъ и самыя требованія устава, которыя не всегда могутъ быть мягкими, значительно усложняются усердіемъ учителей, то станетъ понятнымъ, что новобранцамъ живется въ большинствѣ случаевъ далеко не сладко. Будятъ ихъ чаще всего на разсвѣтѣ; а въ тѣхъ случаяхъ, когда приходится мыть полы, то и часовъ съ трехъ утра. Тотчасъ же начинается *утренній осмотръ*, имѣющій цѣлью пріучить солдата къ чистотѣ и опрятности и часто служащій поводомъ къ первой порціи неизбѣжныхъ тычковъ для новобранца. Любопытно отмѣтить тотъ фактъ, что воинскій уставъ, насколько намъ извѣстно, нигдѣ не упоминаетъ о томъ, что запрещается прибѣгать къ физическимъ мѣрамъ воздѣйствія. Въ одномъ только мѣстѣ нашли мы указаніе на то, что обучать слѣдуетъ, *не касаясь обучаемаго руками*. Думаемъ, что этимъ указаніемъ именно и имѣлось въ виду ограничить случаи физическаго воздѣйствія. Тѣмъ не менѣе, должно сказать, что физическая расправа далеко еще не вывелась въ нашей арміи (какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, впрочемъ), несмотря на упорную борьбу, которую ведутъ съ ней болѣе гуманные начальники.

За утреннимъ осмотромъ идетъ гимнастика. Затѣмъ — прогулка и строевое обученіе во всѣхъ его разнообразныхъ видахъ: построеніе, маршировка, ружейные пріемы, фехтованіе и пр., и пр. Въ усиленномъ трудѣ проходитъ время до обѣда. Послѣ обѣда наступаетъ покой, которымъ вполнѣ безмятежно пользуется, однако, только начальство (унтеръ-офицеры и ефрейторы) да старые солдаты, т. е. тѣ, которые уже состоятъ больше года на военной службѣ. Что же касается до новобранца, то онъ часто только украдкой можетъ прилечь, такъ какъ каждый мимо проходящій старый солдатъ, который и отношенія-то къ нему никакого не имѣетъ, можетъ, такъ-себѣ, здорово живешь, ткнуть его, прибавивъ: «Ишь, сѣрый (такъ обзываютъ новобранцевъ), тоже разлегся!». Новобранецъ, конечно, и пикнуть не смѣетъ, такъ какъ *старый* солдатъ вѣдь ему старшой.

Послѣ отдыха идутъ вновь строевыя упражненія и затѣмъ *словесность*. Вечеромъ полагаются развлеченія, которыя также носятъ обязательный характеръ, такъ какъ фельдфебель зорко слѣдитъ за тѣмъ, чтобы всѣ веселились, причемъ съ душевнымъ настроеніемъ, особенно молодыхъ солдатъ (новобранцевъ), считается, конечно, очень мало. Наоборотъ, тотъ, кто не принимаетъ въ нихъ особенно оживленнаго участія, навлекаетъ на себя нареканія и насмѣшки: «Эхъ, ты—баба! По женѣ, поди, скучаешь!»—и несчастный новобранецъ, который, быть-можетъ, дѣйствительно предавался воспоминаніямъ о родномъ углу и о своихъ близкихъ, не желая, чтобы его чувства служили пред-

метомъ насмѣшекъ, тщательно скрываетъ ихъ отъ всѣхъ и при первыхъ же звукахъ гармоники и бубна, составляющихъ съ нѣкоторыми другими инструментами необходимую принадлежность каждой роты, лихо пускается въ плясъ, хоть на душѣ часто кошки, какъ говорится, скребутъ...

Но вотъ затрубили къ *повѣркѣ*.— «Стройсь, на повѣрку!» раздается зычная команда дежурнаго по ротѣ. И всѣ выстраиваются, и каждый начальникъ (взвода и отдѣленія) начинаетъ провѣрять наличность своихъ подчиненныхъ и объ отсутствующихъ заявляетъ по командѣ фельдфебелю. Тутъ же производится и *нарядъ* на завтрашній день: кому быть дежурнымъ по ротѣ и дневальнымъ; кому натаскать воды въ рукомойники, кому идти за приказомъ въ полковую канцелярію, кому—посыльнымъ и пр. Однимъ словомъ, устанавливается полный распорядокъ на весь слѣдующій день. И распорядокъ этотъ довольно сложный, такъ какъ онъ имѣетъ цѣлью не только удовлетворить *всѣмъ* обычнымъ потребностямъ огромной семьи въ сотню-другую человѣкъ, но и спеціально военнымъ интересамъ, которые, понятно, стоятъ на *первомъ* планѣ.

Но вотъ вновь раздался рожокъ. — «На молитву!»—командуетъ фельдфебель, и хоромъ поется молитва, послѣ чего многіе укладываются спать; другіе же, особенно изъ начальства, отправляются въ ротную канцелярію, цейхгаузъ или другое соотвѣтствующее помѣщеніе, которое и обращается въ клубъ. Только съ новобранцами еще иногда продолжаются, вопреки офиціальнымъ требованіямъ начальства,—занятія. Въ 10 часовъ, по уставу, всѣ огни должны быть потушены. Вся рота погружается въ сладкій сонъ; бодрствуютъ только дежурный по ротѣ да дневальный.

Такимъ, приблизительно, образомъ проводится день и старыми солдатами съ той существенной разницей, что къ нимъ относятся съ гораздо меньшей строгостью и взыскательностью. Кромѣ того, старые солдаты несутъ и *караульную службу*, о которой слѣдуетъ особо сказать два слова, такъ какъ она занимаетъ довольно важную роль въ жизни солдата. Караульная служба является для солдата первымъ самостоятельнымъ шагомъ на военной службѣ. Ей онъ посвящаетъ также очень много времени, особенно зимой, такъ какъ въ нѣкоторыхъ гарнизонахъ караулы приходится занимать иногда даже черезъ два дня въ третій. Караульная служба представляется обязанностью, отъ которой при обычныхъ условіяхъ жизни не можетъ избавить никто. Одними и тѣми же людьми караулъ занимается въ теченіе 24-хъ часовъ, во время которыхъ всякое общеніе съ внѣшнимъ міромъ прекращается. Каждый часовой остается на посту 2 часа и затѣмъ смѣняется слѣдующимъ. Такъ какъ на каждый постъ назначается три часовыхъ, то каждый изъ нихъ и остается на посту въ теченіе восьми часовъ. Въ теченіе караульныхъ сутокъ спать разрѣшается не болѣе 4-хъ часовъ, и то, не снимая ни одежды, даже верхней, ни амуниціи. Отлучка съ поста запрещается, хотя бы часовому грозила явная опасность. Смѣнить часового съ поста можетъ только его разводящій, начальникъ его караула, да Государь Императоръ. Читатели еще вѣрно не забыли недавно имѣвшаго мѣсто интереснаго случая. Взрывомъ пороха, въ крѣпости, было убито нѣсколько человѣкъ; въ томъ числѣ: начальникъ караула и разводящій. Несмотря на приказанія начальства, одинъ часовой не хотѣлъ оставить своего поста и, по докладу объ этомъ случаѣ военнаго министра, потребовалась Высочайшая телеграмма, чтобы снять съ поста твердо исполнявшаго свой долгъ часового.

Если часовому, лично, или охраняемому имъ посту угрожаетъ опасность, то онъ долженъ свисткомъ увѣдомить о томъ сосѣдняго часового и караульное помѣ-

щеніе, откуда ему и будетъ подана помощь.

Въ длинныя зимнія ночи, въ трескучіе морозы и жгучія лѣтнія жары караульная служба идетъ своимъ чередомъ и является довольно тяжелымъ испытаніемъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ караулы выпадаютъ такъ часто, что въ промежуткахъ люди не успѣваютъ отдохнуть.

Караульная служба часто представляетъ, такъ-сказать, главное занятіе людей зимой. Къ зимнимъ же занятіямъ слѣдуетъ причислить и довольно продолжительныя прогулки, да еще упражненія въ стрѣльбѣ дробинками. Помимо караульныхъ дней, военная жизнь носитъ зимой—для старыхъ солдатъ—довольно домашній характеръ.

Не то бываетъ лѣтомъ. Съ наступленіемъ весны уже картина рѣзко мѣняется: начинаются строевыя на воздухѣ упражненія, пристрѣлка ружей и пр. Солдатъ-крестьянинъ начинаетъ тосковать по родной нивѣ и наивно выражаетъ свои жалобы въ пѣснѣ:

«Весна красна настаетъ,
А у солдата сердце мрётъ...»

Въ воздухѣ потеплѣло еще больше, и, иногда еще до Святой, выступаютъ въ лагери. На томъ самомъ мѣстѣ, которое до того представляло собой голую пустыню, вырастаетъ за короткое время трудами солдатиковъ цѣлый лѣсъ палатокъ, и лагерь принимаетъ очень веселый и оживленный видъ. Тутъ имѣются улицы, проулки и даже бульвары, которые, въ мѣстахъ съ обильной растительностью, придаютъ такой привлекательный видъ лагерю. Отнынѣ, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, палатка—домъ солдата.

Тяжелое, но зато веселое для солдата время—лагерный сборъ!.. Настоящія лѣтнія занятія начинаются съ мая мѣсяца, когда образованіе молодыхъ солдатъ (новобранцевъ) считается законченнымъ, и они, послѣ экзамена и смотра высшаго начальства, присягаютъ на вѣрность службы, съ обѣщаніемъ «не щадить живота своего», уже подъ полковымъ знаменемъ, которое они клянутся «защищать до послѣдней капли крови». Этой присягѣ подъ знаменемъ придается гораздо большее значеніе, чѣмъ той, которую приноситъ солдатъ при самомъ поступленіи на службу, такъ какъ подъ знаменемъ онъ присягаетъ, достаточно уже ознакомившись и искусившись во всѣхъ трудностяхъ службы и, слѣдовательно, вполнѣ сознательно. Послѣ присяги подъ знаменемъ «молодой» солдатъ офиціально—приказомъ по полку—получаетъ званіе «стараго» или просто солдата и вмѣстѣ съ тѣмъ становится почти совершенно равноправнымъ членомъ великой воинской семьи. Итакъ, 1-е мая является праздникомъ для молодыхъ солдатъ. Затѣмъ начинаются усиленныя строевыя ученія и прежде всего *стрѣльба,* которая большей частью сильно интересуетъ солдатъ, какъ очень живой видъ спорта. Стрѣляютъ на самыхъ различныхъ разстояніяхъ и въ различныхъ положеніяхъ: стоя, съ колѣна и лежа; причемъ всѣ эти виды стрѣльбы строго приноровлены къ требованіямъ военнаго времени. Стрѣляютъ въ одиночку и залпами. Мѣткой стрѣльбѣ придается огромное значеніе, и хорошему стрѣлку прощается многое, что не простится плохому. Лучшіе стрѣлки (состоявшіе два года подъ-рядъ въ 1-мъ разрядѣ) награждаются особеннымъ значкомъ въ видѣ двухъ перекрещенныхъ ружей, который солдатъ носитъ на виду—на мундирѣ и шинели. У иныхъ можно видѣть цѣлый рядъ подобныхъ значковъ, особенно у унтеръ-офицеровъ, оставшихся на повторительную службу. Кромѣ того, между лучшими стрѣлками устраиваются состязанія, на которыхъ побѣдителямъ жалуются часы съ цѣпочкой, которые они также имѣютъ право носить открыто, даже въ строю, что по отношенію къ собственнымъ часамъ, какъ и ко всѣмъ прочимъ украшеніямъ, воспрещено.

За стрѣльбой идетъ *глазомѣръ.* Эти

упражненія имѣютъ цѣлью развить въ низшемъ начальствѣ (отдѣленныхъ и взводныхъ начальникахъ) способность опредѣлять при стрѣльбѣ разстояніе на глазъ. Фельдфебель отдаетъ приказъ: «Одѣвайся, у кого есть, въ вольное!» *) И съ какой радостью бросаются солдатики доставать изъ самой глубины своихъ ящиковъ ярко-красныя и синія рубашки, зипуны, полушубки, мѣховыя шапки и пр. Какъ они преображаются и какъ имъ хорошо чувствовать хоть бы иллюзію свободы и вольности!.. Небольшими группами разсылаются солдатики въ различныхъ направленіяхъ и на различныя разстоянія и, прибывъ приблизительно на тотъ пунктъ, который былъ имъ указанъ ротнымъ командиромъ, располагаются въ поэтическомъ безпорядкѣ. Принявъ *вольныя* позы (что также требуется въ интересахъ упражненій), начинаютъ они, грѣясь на солнышкѣ и слушая пѣніе птицъ, вспоминать деревню и «полевыя работы и вольную жисть». Съ грустью подымаются они и направляются къ своей ротѣ, когда имъ высоко поднятыми на винтовкахъ шапками даютъ знать о томъ, чтобы они вернулись...

За глазомѣромъ идетъ *сторожевая служба,* которую солдаты также очень любятъ. Назначеніе сторожевой службы вполнѣ понятно: оно состоитъ въ томъ, чтобы охранить себя отъ неожиданныхъ нападеній непріятеля и непріятельскихъ лазутчиковъ. Особенно интересна сторожевая служба ночью. Небольшими, по возможности укрытыми за естественными защитами, постами раскидывается на длинномъ протяженіи цѣпь, и часовымъ необходимо зорко слѣдить за тѣмъ, чтобы ни одна душа не прошла сквозь цѣпь безъ пропуска (секретнаго слова). Но непріятельскіе лазутчики хитры, и вниманіе часовыхъ должно быть постоянно напряжено, чтобы открыть ихъ приближеніе и, если то окажется возможнымъ, изловить ихъ. Въ лазутчики, даже во время ученій, идутъ только смѣльчаки—охотники, такъ какъ, если онъ попадется, то его чаще всего, даже въ совершенно мирное время, порядкомъ помнутъ. Многіе солдатики до того входятъ въ роль, что не слушаютъ никакихъ убѣжденій и иногда по-свойски расправляются съ пойманнымъ, приговаривая: «Мыте покажемъ, какъ въ лазутчики ходить!..

Но вѣнцомъ лагернаго сбора является такъ - называемый *разсыпной строй,* который имѣетъ рѣшающее значеніе въ военное время при нападеніи на непріятеля и при атакѣ крѣпостей. Суть его состоитъ въ томъ, что, съ цѣлью уменьшить уронъ отъ непріятельскаго огня, отрядъ идетъ не сомкнутымъ строемъ, но люди разсыпаются въ цѣпь на извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга. Затѣмъ, короткими и возможно быстрыми перебѣжками, пользуясь по возможности естественными прикрытіями, приближаются они къ конечной цѣли своей атаки. При остановкахъ, они непремѣнно ложатся и стрѣляютъ въ непріятеля.—«Прямо по непріятелю,—командуетъ ротный командиръ:—400 (смотря по разстоянію)—рота... пли!» Резервъ идетъ сомкнутымъ строемъ, не принимаетъ участія въ перестрѣлкѣ, но зорко слѣдитъ за дѣйствующимъ отрядомъ и старается держаться на такомъ разстояніи отъ него, чтобы, въ случаѣ надобности, имѣть возможность оказать ему быструю и рѣшительную поддержку

Но вотъ отрядъ послѣдовательными перебѣжками настолько уже приблизился къ цѣли атаки, что можно броситься уже прямо въ штыки.—«Ура!!!»—подаетъ команду начальникъ отряда, и всѣ стремглавъ бросаются на штурмъ, работая штыками. Одновременно приспѣваетъ на помощь и резервъ. Крѣпость считается взятой, и на ея стѣнахъ гордо развѣвается нашъ флагъ. Людямъ предоставляется продолжительный (и вполнѣ за-

*) *Вольное* вообще является среди солдатъ синонимомъ штатскаго, гражданскаго.

служенный) отдыхъ, и затѣмъ они, съ громкими пѣснями и удалымъ свистомъ, возвращаются во-свояси.

Въ заключеніе идутъ крупныя *тактическія ученія*: батальонъ идетъ на батальонъ; полкъ на полкъ и т. д. Тутъ же идутъ и *смотры*.

Въ концѣ лѣта людямъ предоставляется болѣе или менѣе значительный отдыхъ, и всѣ начинаютъ готовиться къ *маневрамъ*. Бывалые солдаты похаживаютъ промежъ молодыхъ и обучаютъ ихъ уму-разуму: что̀ брать съ собой, что̀ оставлять, какъ обуваться, и вообще даютъ имъ множество практическихъ, основанныхъ на личномъ опытѣ, совѣтовъ.

Пришелъ день выступленія *«въ походъ»*. Полкъ въ походномъ снаряженіи выстроенъ покоемъ, и полковымъ священникомъ служится молебствіе. Люди истово крестятся и горячо молятся. Молебствіе кончено, и полкъ выступаетъ. Трудно понять, что такое маневры, тому, кто того лично не испыталъ. Особенно это трудно понять человѣку не-военному. Выступивъ на маневры, которые дѣйствительно представляютъ собой самое вѣрное изображеніе *похода*, съ той разницей, что послѣдствія ихъ не столь трагическія, солдатъ совершенно ничего не знаетъ о томъ, что ему предстоитъ, что его ждетъ и что отъ него потребуется. День на день, какъ говорится, не приходится: въ одинъ день совершается простой переходъ въ нѣсколько верстъ, и полкъ уже къ полудню располагается бивуакомъ и притомъ иногда при очень комфортабельныхъ условіяхъ (вблизи, напр., деревни и пр.), въ другой— переходъ въ десятки верстъ и притомъ какой переходъ, при какихъ условіяхъ! Все время проходитъ чуть ли не въ безпрерывныхъ атакахъ. Можетъ идти дождь, стоять густая грязь, солнце можетъ безжалостно жарить, и истрадавшіеся отъ жары, духоты и напряженія люди часами лишены возможности промочить горло, члены отказываются служить; все равно, — выработанный заранѣе планъ долженъ быть выполненъ. Подымаются люди на какую-нибудь крутую гору, иногда сквозь густые кусты, которые безжалостно рвутъ на васъ и платье, и лицо. Совершенно измученные достигли они, наконецъ, вершины и затѣмъ, такимъ же порядкомъ, спустились съ горы. Тутъ бы, наконецъ, и отдохнуть, благо и мѣсто подходящее. Ничуть не бывало! Раздается команда: «Окопайся!». Каждый начинаетъ рыть яму, въ которой онъ могъ бы болѣе или менѣе скрыться, и затѣмъ тащить дернъ, ломать и рубить кусты, чтобы такимъ путемъ устроить живую изгородь и защитить себя отъ непріятельскаго огня. Наконецъ, и это сдѣлано. Теперь-то ужъ можно будетъ отдохнуть!..

Но прискакалъ адъютантъ отъ командира и что-то наскоро передалъ ротному. «Встать!» «Стройся!» «Бѣгомъ маршъ!»— раздается торопливая команда, и люди бѣгомъ пускаются впередъ. Затѣмъ начинается часто та же исторія. Въ такомъ безпрерывномъ, лихорадочномъ движеніи иногда проходятъ долгіе часы. Но вотъ люди, еле таща за собою ноги, измученные голодомъ, жаждой, а, главное, безпрестанными передвиженіями, пришли, наконецъ, къ мѣсту назначенія и расположились бивуакомъ. Успѣли уже приготовить и раздать обѣдъ, но только-что расположились поѣсть—тревога!—«Стройся!»—Приходится опрокинуть котелокъ, вылить вонъ ѣду и съ пустымъ желудкомъ торопливо начать натягивать на себя амуницію подъ сердитыя покрикиванія за медлительность.

Бываетъ и такъ. Цѣлый день тащились люди по глубокой грязи, по вспаханнымъ полямъ. Вечеромъ пришли на бивуакъ и улеглись на совершенно мокрую землю, жидко покрытую розданной отъ полка соломкой. Подложивъ подъ голову вещевыя сумки (ранцы теперь упразднены) и кой-какъ укрывшись шинелями, люди только-что забылись тя-

желымъ лихорадочнымъ сномъ. Вдругъ въ голову начинаетъ бить частая дробь барабана. Смутно сознаешь, что эти частые, отрывистые удары, которые раздаются какъ бы надъ твоимъ ухомъ, имѣютъ какое-то отношеніе къ тебѣ, но истомленные члены не въ состояніи сдѣлать ни малѣйшаго движенія. Но вотъ забѣгали по палаткамъ дневальные и дежурный: «Вставай!..» «Подымайся!..» «Тревога!..»—и люди начинаютъ вскакивать, спросонокъ не будучи въ состояніи отдать себѣ ни малѣйшаго отчета въ томъ, что отъ нихъ требуется.

«Стройся!..» — Безжалостный вѣтеръ пронизываетъ насквозь; въ ночной тьмѣ люди натыкаются другъ на друга, не находятъ своихъ вещей, не знаютъ, что имъ дѣлать, что отъ нихъ требуется... А барабанъ попрежнему бьетъ свою ужасную дробь. Команда становится все отрывистѣй и сердитѣй... Черезъ короткое время полкъ выступаетъ.

Но, какъ бы ни были люди усталы и измучены, стòитъ имъ узнать, что имъ приходится показаться предъ высшимъ начальствомъ, и они совершенно преображаются.—«Подтянись! Гляди веселѣй»,— раздается въ рядахъ. И люди *подтягиваются*. Станъ выпрямляется, шапка молодецки заломлена набекрень, и каждый солдатъ смотритъ «чортомъ».—«Молодцами, ребята!»—хвалитъ генералъ.— «Рады стараться, ваше превосходительство!»—дружно раздается въ отвѣтъ, и солдаты, довольные собой, бодро идутъ дальше.

Тяжелые, очень тяжелые деньки выдаются на маневрахъ, и сколько, тѣмъ не менѣе, привлекательнаго, сколько интереснаго представляютъ они подчасъ. Какъ далеко все то, что̀ на маневрахъ приходится видѣть, пережить и перечувствовать, отъ того, къ чему мы привыкли въ обыденной жизни!.. Каждый день испытываешь новыя ощущенія и наслаждаешься новыми видами. Можно быть увѣреннымъ въ томъ, что то, что̀ видѣлъ сегодня, навѣрное не повторится завтра. Впечатлѣнія безпрерывно мѣняются.

Одно поражаетъ на маневрахъ и должно, понятно, еще больше поражать въ военномъ походѣ. Это—привычный порядокъ и неизмѣнность ближайшей среды. Вы можете попасть въ мѣста небывалыя, о существованіи которыхъ вы, быть-можетъ, и не подозрѣвали; можете очутиться не только за сотню, но и за тысячи верстъ, и вы все же услышите тѣ же команды, будете имѣть своими ближайшими сосѣдями все тѣхъ же Гарбуза да Петрова; видѣть лица тѣхъ же офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, слышать тѣ же команды и производить тѣ же построенія, что и въ казармѣ. Въ этомъ заключается какое-то особенно бодрящее ощущеніе, которое препятствуетъ вамъ предаваться унынію. Вокругъ тебя все, правда, чужое, но рядомъ съ тобой все свое—привычное.

Взгляните на бивуакъ, на которомъ назначена дневка. Тотъ же плясъ, тѣ же пѣсни, та же залихватская удаль, что̀ и тамъ, далеко, въ томъ пунктѣ, гдѣ годами протекала жизнь многихъ солдатъ.

Кончились, наконецъ, маневры, и люди, изнуренные, исхудалые, загорѣлые, въ обтрепавшейся одеждѣ и обносившейся обуви, возвращаются измученные, но довольные собой, въ родной городъ въ свои казармы.

Зато теперь будутъ они пользоваться относительнымъ покоемъ и въ долгіе зимніе вечера, забравшись въ цейхгаузъ, съ удовольствіемъ вспоминать разные эпизоды минувшихъ маневровъ...

Какъ видитъ читатель, за военной службой слѣдуетъ, въ общемъ, признать большія заслуги въ смыслѣ ея нравственнаго и физическаго вліянія. И это настолько безспорно, что мы присоединяемся вполнѣ къ мысли, которая уже неоднократно высказывалась, что всеобщей служебной повинностью слѣдуетъ обязать также и дѣвушекъ. Но въ виду изумленія, которое эти слова, несомнѣнно, вызовутъ, особенно въ нѣкоторыхъ чита-

тельницахъ, считаемъ необходимымъ пояснить нашу мысль. Какъ видно изъ вступительныхъ строкъ нашей статьи, насъ всего менѣе можно причислить къ сторонникамъ войны. Да и самую военную службу мы признаемъ, только какъ грустную необходимость. Въ числѣ многихъ милліоновъ людей мы страстно желаемъ возможно скораго наступленія того завѣтнаго времени, когда война исчезнетъ, пушки будутъ перелиты въ паровозы и земледѣльческія машины, и мечи—по библейскому завѣту—перекованы въ плуги. Поэтому мы очень далеки отъ мысли, чтобы увеличивать еще контингентъ тѣхъ лицъ, которыя посвящаютъ нѣсколько лѣтъ, и притомъ самыхъ лучшихъ лѣтъ своей жизни, кумиру войны. Тѣмъ не менѣе, мы должны признать, что самая *идея*, положенная въ основу всеобщей воинской повинности, очень здравая и цѣлесообразная. Вѣдь трудно даже представить себѣ, какъ много могла бы принести истинной и несомнѣнной пользы своей странѣ армія при ея численности и ея организаціи, если бы силы ея и энергія были направлены на производительный для народа трудъ! Въ этомъ именно смыслѣ мы и желаемъ обязательной всеобщей повинности для дѣвушекъ. Подобно тому, какъ молодой человѣкъ, достигши 21-лѣтняго возраста, долженъ отдать нѣсколько лѣтъ своей жизни на пользу государства, такъ и каждая дѣвушка должна была бы посвятить годъ-другой не своимъ личнымъ, но общегосударственнымъ, общенароднымъ интересамъ. Посвятятъ ли онѣ это время изученію и ухаживанію за больными и ранеными, воспитанію и образованію дѣтей, организаціи столовыхъ въ голодающихъ мѣстностяхъ, обученію крестьянскихъ женщинъ нѣкоторымъ полезнымъ свѣдѣніямъ и ремесламъ, которыя онѣ предварительно твердо усвоили сами; это—подробности, въ которыя мы здѣсь не имѣемъ возможности вдаваться. Для насъ важенъ самый принципъ. И мы убѣждены, что очень многія дѣвушки, которыя въ настоящее время лишены возможности утилизировать свои наклонности въ этихъ направленіяхъ, съ удовольствіемъ исполнили бы свой долгъ, если бы соотвѣтствующій законъ былъ введенъ въ жизнь.

Какъ бы то ни было, но мы увѣрены въ томъ, что рано или поздно идея эта осуществится, хотя это едва ли будетъ дѣломъ близкаго будущаго.

Что же касается до современной арміи, то въ заключеніе нашей статьи мы не можемъ не высказать пожеланія, чтобы въ видѣ возмездія за тѣ слишкомъ крупныя и часто непосильныя жертвы, которыя несетъ на ея алтарь народъ, она постаралась бы хотя бы въ нѣкоторой степени отплатить народу тѣмъ же. Въ томъ, что это возможно, едва ли можно сомнѣваться. По крайней мѣрѣ, тѣ попытки, которыя въ этомъ отношеніи были дѣлаемы не только за границей, но и у насъ, увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Если вспомнить, что у насъ дѣйствующая армія превышаетъ милліонъ человѣкъ, что каждый солдатъ проводитъ на военной службѣ около четырехъ лѣтъ и притомъ въ самомъ благодарномъ и воспріимчивомъ возрастѣ, и что армія представляетъ собой такую всестороннюю и могучую организацію, которой врядъ ли сыщешь въ другихъ сферахъ жизни, то для всѣхъ станетъ совершенно яснымъ, какъ много могла бы она приносить пользы и въ мирное время, если бы ея вниманіе и заботы были обращены въ этомъ направленіи. Обученіе грамотности, расширеніе умственнаго горизонта бесѣдами на различныя темы, обученіе нѣкоторымъ ремесламъ, полезныя свѣдѣнія по земледѣлію, по здравоохраненію и т. д., и т. д.—все это и многое другое могла бы дать народу армія, если бы она того серьезно и искренно пожелала.

Будемъ надѣяться, что намъ этого времени ждать придется недолго.

СТРАШНЫЙ СОНЪ.

Во снѣ непрочно всё,—и самая природа,
И даже цѣлый міръ непроченъ, какъ мечта.
Мнѣ часто грезится, что свѣтитъ съ небосвода
То солнце, то луна; прозрачна высота.

Въ какихъ-то залахъ мы огромныхъ и прекрасныхъ,
Изъ оконъ чудный видъ на взморье.... По стѣнамъ,
На потолкахъ лѣпныхъ и на софахъ атласныхъ
Лучи янтарные и переплеты рамъ.

Паркеты гладкіе въ затѣйливыхъ узорахъ
И въ рамахъ дорогихъ сверкаютъ зеркала...
Вдругъ туча движется!.. Смятеніе во взорахъ...
Даль тмится,—и страшнѣй пугающая мгла.

На море свѣтлое уныло тѣнь ложится,—
И вотъ оно темно, какъ черная смола...
Вихрь шумно крутится и пѣнится, и злится,
Косматая волна, какъ сѣдина, бѣла.

И вдругъ грохочетъ громъ,—и громъ необычайный;
Ему отвѣтствуетъ подземный гулъ и шумъ,
И всё испугано невѣдомою тайной...
«Не міру ли конецъ?» приходитъ мнѣ на умъ.

И вотъ кровавый блескъ холодныхъ, долгихъ молній
Внезапно изъ-за тучъ всё небо озарилъ...
«Не міру ли конецъ?» мы шепчемъ богомольнѣй,
А за стѣною вихрь таинственный завылъ.

Темно! совсѣмъ темно!.. Какъ зарево пожара,
Вдали кровавый свѣтъ!.. Конецъ, всему конецъ!
О, столь внезапнаго не ждали мы удара!
Ужели часъ-другой, и цѣлый міръ—мертвецъ!

Да, да—конецъ всему! Мы чувствуемъ, мы знаемъ.
Въ глухомъ отчаяньи готовы дико пѣть,
Смертельною тоской и страхомъ замираемъ,
Другъ другу руки жмемъ, чтобъ вмѣстѣ умереть.

Отчаянье растетъ; растетъ и мракъ кромѣшный...
Всё ближе движется багровое ядро!..
Комета ли? Звѣзда-ль? Какъ страшенъ летъ поспѣшный!
Все рухнетъ: слава, грѣхъ, надежда и добро!

Какъ душно, Боже мой! Изъ пламеннаго зѣва
Померкнувшихъ небесъ, мгновеніемъ горя,
Все звѣзды сыплются... направо и налѣво...
Какъ угли алые съ жаровни алтаря!

Конецъ,—помолимся!..
И въ страшномъ содроганьи
Я къ жизни пробужденъ... О, счастіе, о, свѣтъ!
Я былъ обманутъ сномъ въ тяжеломъ испытаньи...
И силою молитвъ—кошмара больше нѣтъ!..

Мой другъ, не будемъ же мы сѣтовать напрасно...
Пусть блѣдно все кругомъ, и жизнь пусть не красна,
Но люди на землѣ, и свѣтитъ солнце ясно...
Пусть даже мы умремъ,—но смерть намъ не страшна.

Есть память... есть любовь!.. И долго, долго будетъ
Смѣняться родъ людской,—не сразу всѣ умремъ...
Да если и умремъ,—не Богъ ли насъ разбудитъ,
Но только вѣрю я—не этимъ, страшнымъ сномъ!..

К. Фофановъ.

Невоспріимчивость къ болѣзнямъ.

Очеркъ Е. Лядова.

I.

Нобелевскій комитетъ призналъ, какъ извѣстно, что самое полезное открытіе въ области новѣйшей медицины сдѣлалъ профессоръ Берингъ, который и былъ за это увѣнчанъ преміей въ 85.000 рублей. Этотъ выборъ нобелевскаго комитета не вызвалъ никакихъ возраженій. Онъ вполнѣ оправдалъ всеобщія ожиданія. Берингъ открылъ и ввелъ во врачебную практику противодифтерійную сыворотку, которая спасла уже отъ вѣрной гибели неимовѣрное количество жизней. А сколько она еще спасетъ—трудно и предвидѣть.

Сказаннымъ, однако, далеко не исчерпывается заслуга Беринга передъ лицомъ медицины. Берингъ представляетъ собою примѣръ счастливаго начинателя, нашедшаго себѣ не менѣе счастливыхъ продолжателей. Онъ проложилъ въ медицинѣ новый путь, по которому пошли другіе изслѣдователи. Это путь раціональной борьбы съ заразными болѣзнями при помощи специфическихъ сыворотокъ. Путь этотъ далеко еще не пройденъ до конца, но то, что уже найдено на немъ, представляется въ высшей степени цѣннымъ. Достаточно сказать, что послѣ противодифтерійной сыворотки открыто уже много новыхъ специфическихъ сыворотокъ, а именно: противостолбнячная, противочумная, противотифозная, противоскарлатинная и т. д.

Въ чемъ же, спрашивается, состоитъ чудодѣйственная сила специфической сыворотки?

Отвѣтъ простой: специфическая сыворотка дѣлаетъ организмъ невоспріимчивымъ, нечувствительнымъ къ данной заразѣ.

Какъ, однако, ни простъ этотъ отвѣтъ, онъ, все-таки, не можетъ быть вполнѣ

ясенъ для читателя, не имѣющаго специально-медицинскаго образованія. А такъ какъ, безъ яснаго пониманія этого основного пункта сывороточной терапіи, совершенно невозможно уразумѣть значеніе каждой сыворотки въ отдѣльности, то мы и считаемъ необходимымъ, прежде всего, разъяснить нашимъ читателямъ нѣкоторыя общія положенія, установленныя новѣйшими изысканіями науки.

II.

Что такое-болѣзнь вообще и заразная болѣзнь въ частности?

Изслѣдованія самаго послѣдняго времени позволяютъ отвѣтить на этотъ вопросъ слѣдующимъ образомъ.

Какъ домъ составленъ изъ кирпичей, скрѣпленныхъ цементомъ, такъ человѣкъ составленъ изъ клѣтокъ, скрѣпленныхъ другъ съ другомъ при помощи особаго клея, называемаго промежуточнымъ веществомъ. Кирпичъ есть строительная единица каменнаго дома, а клѣтка—строительная единица живого организма. Представьте себѣ комочекъ живого вещества, въ центральной части котораго лежитъ обособленное ядро — и вы получите то, что наука называетъ клѣткой. Клѣтка является основной жизненной единицей. Нѣтъ жизни внѣ клѣтки. Жизнь не существуетъ, какъ нѣчто отвлеченное; она представляетъ собою не что иное, какъ проявленіе особыхъ свойствъ клѣтки. Клѣтка воспринимаетъ питательный матеріалъ, растетъ, увеличивается, борется за свое существованіе и размножается. Всѣ эти обнаруженія клѣточной дѣятельности сливаются въ одну гармоничную картину, которую мы и называемъ жизнью. Низшія существа состоятъ изъ одной клѣтки. Сюда относятся бактеріи, инфузоріи, амёбы и т. п. Высшія существа принадлежатъ къ многоклѣточнымъ организмамъ. Вычислено, что взрослый человѣкъ содержитъ въ себѣ 4 билліона (билліонъ=милліонъ милліоновъ) постоянныхъ клѣтокъ; кромѣ того, въ кровяномъ руслѣ человѣка плаваютъ постоянно: 25 билліоновъ красныхъ тѣлецъ, которыя представляются тоже своего рода клѣтками, 80 милліардовъ (милліардъ—тысяча милліоновъ) бѣлыхъ и еще обильное, въ точности не сосчитанное, количество пластинокъ. Однимъ словомъ, человѣкъ, можно сказать, построенъ изъ 30 билліоновъ (30.000.000.000.000) живыхъ кирпичей, изъ которыхъ 4 билліона скрѣплены цементомъ, а остальные 26 билліоновъ только то и дѣлаютъ, что передвигаются по особымъ каналамъ, озабочиваясь питаніемъ всего зданія. Такимъ образомъ, за каждой неподвижной клѣткой ухаживаютъ 6—7 подвижныхъ. Онѣ приносятъ ей изъ легкихъ кислородъ, необходимый для правильной жизнедѣятельности, и забираютъ отбросы съ тѣмъ, чтобы унести ихъ въ выдѣлительные органы. Ужъ одно это численное отношеніе (6—7 : 1) клѣтокъ указываетъ намъ, какую важную роль играетъ въ жизни клѣтки процессъ питанія. Всѣ жизненныя проявленія клѣтки вытекаютъ изъ питанія ея. Разъ клѣтка перестаетъ питаться, она отмираетъ. Голодный человѣкъ—это отмирающій человѣкъ. У него однѣ клѣтки, менѣе важныя въ интересахъ сохраненія цѣлаго организма, приносятъ себя въ жертву другимъ клѣткамъ, болѣе важнымъ въ этомъ отношеніи. Въ сущности, все отличіе живого вещества отъ мертваго вещества заключается въ томъ, что первое способно питаться, а второе—нѣтъ. Это разница основная. Болѣзнь, какая бы она ни была и чѣмъ бы она ни была вызвана, начинается всегда съ того, что группа клѣтокъ перестаетъ правильно питаться. Неправильное питаніе этой группы клѣтокъ неизбѣжно влечетъ за собою неправильное обнаруженіе ихъ жизнедѣятельности вообще. Мозговыя клѣтки перестаютъ правильно управлять движеніями организма, біеніемъ сердца, дыханіемъ легкихъ и т. д.; клѣтки желудка перестаютъ правильно переваривать пищу и т. д.

Однимъ словомъ, всякая болѣзнь человѣка сводится въ сущности къ измѣненію большей или меньшей группы клѣтокъ, образующихъ тотъ или другой органъ.

Возникаетъ естественнымъ образомъ вопросъ: какимъ образомъ заболѣваніе нѣсколькихъ сотенъ или даже тысячъ строительныхъ единицъ организма отражается на состояніи всѣхъ тридцати билліоновъ образующихъ его единицъ?

Наше сравненіе организма съ кирпичнымъ зданіемъ имѣетъ лишь формальный характеръ. Человѣкъ составленъ изъ клѣтокъ, какъ домъ изъ кирпичей, но дальше аналогія не идетъ. Каждый кирпичъ связанъ лишь съ ближайшими сосѣдними кирпичами. Съ отдаленными кирпичами онъ не имѣетъ ничего общаго. Но не то мы видимъ въ организмѣ человѣка или животнаго. Каждое живое существо пронизано густѣйшей, замкнутой въ себѣ сѣтью нервныхъ нитокъ, начиная съ самыхъ толстыхъ и кончая самыми тонкими, невидимыми для нашего глаза. Цѣльность и замкнутость густого нервнаго сплетенія, на ниточки котораго какъ бы нанизаны тѣ четыре билліона клѣтокъ, изъ которыхъ сложены отдѣльные органы и ткани наши, въ настоящее время не подлежитъ уже никакому сомнѣнію. Научныя изслѣдованія послѣднихъ двухъ-трехъ лѣтъ позволяютъ намъ высказаться въ этомъ смыслѣ съ непоколебимой увѣренностью.

Итакъ, заболѣваніе однѣхъ клѣтокъ быстро передается по хитросплетеннымъ нервнымъ нитямъ всѣмъ прочимъ клѣткамъ. Нервныя нити — это своего рода телеграфные провода.

Но это не единственный способъ передачи. Организмъ нашъ изрытъ опять-таки цѣльной, непрерывной и замкнутой въ себѣ сѣтью каналовъ, по которымъ течетъ кровь, т. е. безцвѣтная прозрачная жидкость, въ которой взвѣшено 25—26 билліоновъ тѣлецъ. Доказано, что каждое такое тѣльце совершаетъ полный оборотъ по канализаціонной системѣ человѣка въ 23 секунды. Отсюда дѣлается еще болѣе понятнымъ, почему всѣ четыре билліона клѣтокъ, образующихъ человѣческій организмъ, такъ солидарны.

Все сказанное можно выразить въ слѣдующихъ краткихъ словахъ: болѣзнь есть уклоненіе нѣкоторой группы клѣтокъ отъ правильнаго жизненнаго теченія; уклоненіе это вовлекаетъ въ страданіе съ большей или меньшей силой всѣ прочія клѣтки организма.

III.

Сущность болѣзни нами разъяснена. Обратимся теперь къ вопросу о причинахъ болѣзней.

Болѣзни обусловливаются причинами различнаго порядка, но всякую причину можно подвести подъ одну изъ трехъ категорій: 1) неумѣренный, неправильный образъ жизни, 2) неблагопріятныя внѣшнія воздѣйствія и 3) наслѣдственное предрасположеніе.

Умѣренный образъ жизни служитъ самой вѣрной гарантіей здоровья. Объѣданіе, недоѣданіе, недосыпаніе, физическое переутомленіе, умственное перенапряженіе, нравственныя потрясенія — все это неизбѣжно ведетъ къ нарушенію питанія клѣтокъ организма и, слѣдовательно, вызываетъ болѣзнь. Особенно вредно злоупотребленіе алкоголемъ. Алкоголь убиваетъ клѣтки. Въ лабораторіяхъ пользуются алкоголемъ, именно, для этой цѣли. Если желаютъ остановить жизнедѣятельность клѣтокъ, то погружаютъ ихъ въ алкоголь. Для этой же цѣли пользуются въ лабораторіяхъ, между прочимъ, и сулемой. Алкоголь, значитъ, такъ же ядовитъ, какъ сулема. Высказывается нерѣдко мнѣніе, что маленькія количества алкоголя не только вредны, но даже полезны; вредны будто бы только большія количества; вредно будто бы не употребленіе алкоголя, а злоупотребленіе имъ. Новѣйшія изслѣдованія убѣдительно доказываютъ, что всѣ эти сужденія основаны на недоразумѣніи. Конечно, одна рюмка водки не можетъ причинить серьезнаго

вреда здоровью. Но вѣдь и одна капля воды не можетъ выдолбить ямочку въ камнѣ; а, часто падая,—говоритъ латинская поговорка,—и капля долбитъ камень.

Почему вредно частое употребленіе даже небольшихъ количествъ алкоголя?

Лабораторныя изысканія и точныя наблюденія надъ людьми выяснили въ послѣднее время съ полной несомнѣнностью, что тутъ играетъ обоюдоострую роль печень. Печень исполняетъ много функцій, опредѣляющихъ благосостояніе организма. Она вырабатываетъ желчь, необходимую для перевариванія жировъ; она превращаетъ крахмалъ въ особый видъ сахара — гликогенъ, что очень важно для правильнаго усвоенія крахмалистой пищи; она, наконецъ, изготовляетъ мочевину. Всѣ эти функціи печени были изучены уже давно. Но одна функція ея сдѣлалась извѣстной лишь въ самомъ концѣ истекшаго столѣтія. Эта функція состоитъ въ томъ, что печень страхуетъ насъ отъ ядовъ, вводимыхъ въ желудокъ. Организмъ такъ остроумно устроенъ, что переваренная пища, прежде чѣмъ попасть въ общій потокъ крови, обязательно должна пройти черезъ печень. И вотъ, если къ пищѣ былъ примѣшанъ ядъ, то печень его задерживаетъ. Понятно, что печень способна задержать только опредѣленное количество яда. Избытокъ яда, не задержанный печенью, вступаетъ въ общее кровяное русло и производитъ отравленіе. Алкоголь—ядъ, а потому печень задерживаетъ его, въ какихъ бы малыхъ количествахъ онъ ни вводился въ желудокъ. Но, какъ фильтръ, задерживая мутный осадокъ, имъ же засоряется, такъ точно печень, задерживая алкоголь, имъ же приводится въ негодность. Печень падаетъ жертвой исправнаго выполненія своего долга. Она страхуетъ организмъ отъ яда, дѣлаетъ его невоспріимчивымъ къ отравленію, сама при этомъ расплачиваясь. Алкоголики всѣ безъ исключенія страдаютъ печенью. Боль подъ ложечкой или въ правомъ подреберьи—первый симптомъ заболѣванія печени. На такого рода боль жалуются не только привычные алкоголики, злоупотребляющіе крѣпкими напитками, но и тѣ люди, которые весьма умѣренно ихъ употребляютъ.

Само собой понятно, что охранительную функцію способна выполнять только здоровая печень. Больная печень утрачиваетъ эту способность въ значительной степени, если не полностью.

Такимъ образомъ, мы подошли къ первому условію, обезпечивающему невоспріимчивость къ болѣзнямъ. Это здоровая печень. Здоровая печень служитъ какъ бы предохранительнымъ клапаномъ противъ ядовитыхъ и, вообще, вредныхъ веществъ, поступающихъ въ общій круговоротъ крови. Тѣ же вредныя вещества, которыя миновали печень и безпрепятственно прошли черезъ нее, выводятся изъ организма почками. Почки, такимъ образомъ, играютъ въ отношеніи невоспріимчивости къ болѣзнямъ такую же спасительную роль, какъ и печень. Способъ дѣйствія у нихъ только различный. Печень задерживаетъ въ себѣ яды, выпуская ихъ въ общій потокъ крови самыми маленькими, слѣдовательно, безвредными дозами; почки же не задерживаютъ вредныхъ веществъ, а, напротивъ, выводятъ ихъ съ возможной скоростью наружу.

Нерѣдко, однако, и почку постигаетъ такая же участь, какъ печень. Какъ бы кратковременно ни оставалось вредное вещество въ почкѣ, разъ это повторяется часто, почечная ткань неизбѣжно начинаетъ страдать. Опять приходится вспомнить о частомъ употребленіи крѣпкихъ напитковъ, хотя бы и въ умѣренныхъ количествахъ. Часть принимаемаго алкоголя задерживается печенью, а другая часть свободно проходитъ въ кровяное русло. Почки, извлекая несгорѣвшую часть алкоголя изъ крови, неминуемо приходятъ съ нимъ въ соприкосновеніе и воспаляются. Поэтому у людей, употребляющихъ крѣпкіе напитки, почки

всегда обнаруживаютъ признаки воспаленія, которое, между прочимъ, даетъ о себѣ знать колотьемъ въ боку, правомъ или лѣвомъ, или обоихъ вмѣстѣ.

Больныя почки утрачиваютъ способность извлекать зловредныя вещества изъ крови. Поэтому лица, страдающія почками отъ какой бы то ни было причины, должны абсолютно воздерживаться отъ употребленія крѣпкихъ напитковъ даже въ самыхъ малыхъ дозахъ.

Итакъ, здоровое состояніе почекъ составляетъ второе условіе невоспріимчивости къ болѣзнямъ, въ основѣ которыхъ лежитъ неумѣренный образъ жизни.

Перейдемъ теперь къ другой категоріи болѣзней, проистекающихъ отъ неблагопріятныхъ внѣшнихъ воздѣйствій, и остановимся преимущественно на тѣхъ изъ нихъ, которыя вызываются проникновеніемъ въ организмъ микробовъ.

IV.

Что заразныя болѣзни вызываются микробами—это извѣстно каждому. Впрочемъ, въ обществѣ вы слышите нерѣдко сужденіе такого рода, что не микробы вызываютъ болѣзнь, а, наоборотъ, болѣзнь вызываетъ появленіе микробовъ; ученые принимаютъ-де причину за слѣдствіе и, обратно, слѣдствіе за причину. Это, конечно, невѣрно. Болѣзнетворность микробовъ доказана съ очевидной ясностью. Всякій человѣкъ и всякое животное рождается какъ бы дезинфецированнымъ. Новорожденные свободны отъ какихъ бы то ни было микробовъ. И вотъ, дѣлались такіе опыты. Новорожденное животное помѣщалось въ особую клѣтку, гдѣ въ воздухѣ не было ни одного микроба. Пища подносилась ему тоже свободная отъ микробовъ. При такихъ условіяхъ животное не знало микробовъ. Спустя нѣкоторое время животному была сдѣлана прививка опредѣленнаго вида бактерій. Черезъ сутки животное заболѣвало типическимъ для этого вида бактерій страданіемъ. Изслѣдованіе обнаружило, что введенныя бактеріи дали чрезвычайно обильный приплодъ, который и вызвалъ болѣзнь. Другихъ микробовъ не было найдено.

Можно ли послѣ этихъ опытовъ сомнѣваться въ томъ, что болѣзни вызываются микробами, а не наоборотъ?

Каждая заразная болѣзнь вызывается совершенно опредѣленной микробной формой. Чахотка вызывается чахоточными бациллами, тифъ—тифозными бациллами и т. д. Но нужно оговориться, что не для всѣхъ заразныхъ болѣзней открыты вызывающія ихъ бактерійныя формы. Такъ, напримѣръ, мы не знаемъ еще ни микроба оспы, ни микроба скарлатины, ни микроба сыпного тифа, дизентеріи, кори, коклюша и др.

Невольно возникаетъ вопросъ: почему наука, открывшая уже около 500 микробныхъ формъ, безсильна найти зародыши перечисленныхъ болѣзней?

Среди животныхъ, особенно среди рогатаго скота, появляется очень часто повальная болѣзнь, извѣстная подъ названіемъ «перипнеймоніи». Болѣзнь состоитъ въ томъ, что у животнаго безъ всякой видимой причины возникаетъ воспаленіе легкихъ и плевры. Долго искали того микроба, который служитъ виновникомъ данныхъ эпидемій. Но напрасно. И только въ самое недавнее время поиски увѣнчались успѣхомъ. Оказалось, что причина неудачъ таилась въ чрезвычайной миніатюрности данныхъ микробовъ. Они, по мѣткому выраженію открывшаго ихъ изслѣдователя, находятся на границѣ невидимаго міра. Насколько незначительна ихъ величина, можно судить по тому, что при изслѣдованіи съ помощью микроскопа, дающаго увеличеніе въ 5.000 разъ, ихъ еле-еле видно. И то только привычный глазъ способенъ въ нихъ сколько-нибудь разобраться.

Среди кроликовъ развивается иногда повальная болѣзнь вѣкъ и слезныхъ мѣшочковъ. Изслѣдовавшій эту болѣзнь авторитетный ученый выдѣлилъ въ чистомъ видѣ

тотъ микробъ, который, безъ всякаго сомнѣнія, служитъ виновникомъ означенной болѣзни. Но сколько ни бились надъ тѣмъ, чтобы эту бактерію разглядѣть подъ микроскопомъ, имъ это не удалось. Данная бактерія находится уже, очевидно, не на границѣ невидимаго міра, а въ самомъ невидимомъ мірѣ.

Такимъ образомъ, есть полное основаніе предположить, что многіе изъ неоткрытыхъ еще микробовъ не поддаются такъ называемому анализу просто потому, что они чрезвычайно малы и легко ускользаютъ отъ глазъ изслѣдователя.

Мы упомянули выше, что бактеріологіи извѣстно уже около 500 бактерійныхъ расъ. Каждая раса имѣетъ свою опредѣленную физіономію, ведетъ ей одной свойственный образъ жизни и т. д. Бактерія, съ точки зрѣнія своего строенія, есть въ сущности клѣтка, но особымъ образомъ измѣненная. Раньше въ этомъ сомнѣвались, но въ послѣдніе два года наука нашла неоспоримое доказательство въ пользу клѣточнаго строенія микробовъ. Слѣдовательно, въ отношеніи строенія человѣкъ отличается отъ бактеріи лишь количественно. Человѣкъ составленъ изъ десятковъ билліоновъ клѣточныхъ элементовъ; микробъ же всего-на-все состоитъ изъ одной клѣтки. Въ отношеніи основныхъ жизненныхъ проявленій, нѣтъ разницы между человѣкомъ и бактеріей. И бактерія питается, руководствуясь при выборѣ пищи собственнымъ вкусомъ, перемѣщается съ мѣста на мѣсто, размножается и т. д. Отсюда понятно, что если бы между клѣтками человѣка и клѣткой бактеріи не было качественной разницы, то послѣдняя была бы совсѣмъ не страшна для перваго. Все дѣло, однако, въ томъ, что бактерійная клѣтка, по нѣкоторымъ своимъ качествамъ, весьма рѣзко отличается отъ животныхъ клѣтокъ. Возьмемъ для примѣра функцію размноженія. Вычислено, что при благопріятныхъ условіяхъ жизни одна бактерія можетъ дать въ сутки приплодъ въ тысячи билліоновъ особей. Другими словами, на протяженіи 24 часовъ можетъ изъ одной бактеріи выросги столько особей, сколько не насчитаете клѣтокъ у десятка взрослыхъ людей.

Это первое отличіе; второе же заключается въ томъ, что бактеріи выдѣляютъ въ высшей степени ядовитыя для животнаго и человѣка вещества. Въ доказательство приведемъ слѣдующій фактъ. Дифтеритная палочка, выращиваемая на особомъ бульонѣ, выдѣляетъ въ послѣдній всѣ свои ядовитыя вещества. И стоитъ ввести подъ кожу морской свинки сотую часть капли этого бульона, какъ черезъ двое-трое сутокъ данная свинка погибаетъ при явленіяхъ дифтерійнаго отравленія.

Итакъ, вредоносное дѣйствіе бактерій обусловливается двумя причинами: способностью ихъ къ неограниченному размноженію и къ выдѣленію ядовитыхъ веществъ. Другими словами, бактеріи приносятъ организму механическій вредъ, запружая его тканевыя щели и отнимая пищу у клѣтокъ, и химическій вредъ, отравляя клѣтки продуктами своей жизнедѣятельности.

Такъ какъ не всѣ бактеріи надѣлены природой одинаково сильной способностью къ размноженію въ животномъ организмѣ и къ выдѣленію ядовитыхъ веществъ, то, понятно, что не всѣ виды ихъ одинаково опасны для насъ. Поэтому и различаютъ двоякаго рода микробовъ: болѣзнетворныхъ и неболѣзнетворныхъ. Съ неболѣзнетворными бактеріями мы уже свыклись и до того сроднились, что безъ нихъ и не могли бы жить. Въ прошломъ году нашъ знаменитый соотечественникъ проф. Мечниковъ произвелъ рядъ спеціальныхъ наблюденій, чтобы опредѣлить, какъ велико микробное населеніе человѣческаго тѣла. И вотъ, оказалось, что изъ одной толстой кишки человѣкъ ежедневно выдѣляетъ 50 милліардовъ бактерій, среди которыхъ можно различить 45 сортовъ. Не будетъ преувеличеніемъ, если ска-

жемъ, что каждый человѣкъ имѣетъ столько же бактерій, сколько клѣтокъ. Вся кожа, волосы, ротовая полость, кишки покрыты, можно сказать, сплошнымъ слоемъ бактерій. Въ концѣ прошлаго года было произведено въ Пастёровскомъ институтѣ много опытовъ съ цѣлью выяснить, могутъ ли высшіе организмы жить безъ бактерій. Опыты обставлялись такъ, что новорожденныя животныя помѣщались въ среду, въ которой не было ни одного микроба. Другой рядъ новорожденныхъ животныхъ, содержавшихся при доступѣ бактерій, былъ предназначенъ для контроля. Въ результатѣ оказалось, что въ то время, какъ послѣднія развивались правильно, первыя чахли. Ясно, что микробное населеніе высшихъ организмовъ приноситъ имъ только пользу.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что микробъ микробу рознь. Одни изъ нихъ полезны человѣку, другіе безразличны для него, а третьи вредны. Но это дѣленіе микробовъ на полезныхъ, безразличныхъ и вредныхъ, какъ всякое дѣленіе живыхъ существъ на категоріи, страдаетъ нѣкоторой искусственностью. Въ природѣ нѣтъ рѣзкихъ контрастовъ, нѣтъ рѣзкихъ скачковъ. Между яркимъ свѣтомъ и густой тѣнью есть цѣлая гамма переходныхъ тѣней. Ни объ одной бактерійной формѣ нельзя съ полной категоричностью сказать, что она вредна для человѣка или безразлична для него, или полезна ему. Всѣ эти опредѣленія имѣютъ лишь относительное значеніе. Вотъ прямое доказательство. У каждаго человѣка и у каждаго животнаго живетъ въ кишкахъ особая палочка, которая, въ виду постояннаго нахожденія ея въ кишкахъ, и названа кишечной палочкой. Она занесена наукой въ разрядъ неболѣзнетворныхъ микробовъ. Долгое время ее таковой и считали. Да и теперь, собственно говоря, нѣтъ основаній считать ее болѣзнетворной. Но, съ другой стороны, изслѣдованія послѣднихъ нѣсколькихъ лѣтъ доказали съ полной убѣдительностью, что въ извѣстныхъ случаяхъ кишечная палочка покидаетъ кишки, забирается въ желчный пузырь и вызываетъ тамъ образованіе камней. Желчные камни, причиняющіе, какъ извѣстно, цѣлый рядъ трудно излѣчимыхъ страданій, закладываются невинной, въ общемъ, кишечной палочкой.

Мы можемъ привести и обратные примѣры, доказывающіе, что завѣдомо болѣзнетворныя бактеріи оказываются безсильными причинить человѣку какой бы то ни было вредъ. Впрочемъ, было бы излишне приводить эти примѣры. Каждый человѣкъ самъ ихъ знаетъ изъ житейскихъ наблюденій. Нерѣдко группа людей попадаетъ въ такія условія, что каждый изъ нихъ долженъ заразиться и заболѣть. Такъ, напримѣръ, въ семьѣ, гдѣ много дѣтей, появляется скарлатина. Заболѣлъ одинъ ребенокъ. Какимъ образомъ проникла въ него зараза, это въ данномъ случаѣ безразлично. Фактъ тотъ, что въ домѣ появился источникъ заразы. И вотъ, оказывается, что спустя нѣкоторое время заболѣваетъ скарлатиной другой ребенокъ, а затѣмъ, можетъ-быть, и третій. Четвертый, пятый и т. д., остаются здоровыми. Бываетъ даже и такъ, что заболѣваютъ тѣ дѣти, которыя менѣе всего соприкасались съ больнымъ.

Итакъ, съ одной стороны, бываютъ такіе случаи, что микробъ, считающійся невиннымъ, вызываетъ серьезныя заболѣванія, а, съ другой стороны, случается, что завѣдомо сильная и прилипчивая зараза остается недѣйствительной.

Всѣ подобные случаи, наблюдающіеся чуть ли не ежедневно, пошатнули довѣріе къ указаніямъ науки. Стали раздаваться голоса противъ требованій современной гигіены и санитарныхъ комиссій. Посмотримъ теперь, насколько эти нападки на науку справедливы.

V.

Мы уже очертили архитектурный, такъ-сказать, складъ организма высшихъ жи-

вотныхъ и человѣка. Человѣческій организмъ представляетъ собою зданіе, составленное изъ 4 билліоновъ живыхъ клѣтокъ, которыя склеены между собою при помощи особаго живого цемента. Все зданіе пронизано густой, замкнутой сѣтью разнокалиберныхъ каналовъ, по которымъ течетъ кровь (и лимфа), питающая всѣ клѣтки. Кровь состоитъ изъ свѣтлой, безцвѣтной жидкости, въ которой плаваетъ до 26 билліоновъ разнаго рода тѣлецъ (красныхъ, бѣлыхъ, а также особыхъ пластинокъ). Обо всемъ этомъ мы уже говорили выше. Теперь же прибавимъ, что все зданіе организма выштукатурено снаружи и изнутри. Штукатурка состоитъ изъ клѣтокъ, прилегающихъ другъ къ другу весьма плотно. Это какъ бы клѣточная настилка, покрывающая кожу и выстилающая всѣ полости организма (ротъ, пищеводъ, желудокъ, кишки, горло, легкія и т. д.). Штукатурка эта образуетъ какъ бы плотную стѣну, ограждающую организмъ отъ внѣшнихъ вліяній, вообще, и вліянія микробовъ въ частности. Милліарды микробовъ, живущихъ на нашей кожѣ и на нашихъ слизистыхъ оболочкахъ, не вредны намъ потому, что они не пропускаются штукатуркой во внутренніе отдѣлы. Конечно, большинство этихъ микробовъ и по своему существу невинны. Но можно безъ всякаго ущерба для здоровья покрыть себѣ кожу культурой самыхъ зловредныхъ бактерій, напр., сибирской язвы. Пока кожа цѣла, не повреждена, не имѣетъ ни малѣйшей ранки, бактеріи ничего не могутъ намъ сдѣлать дурного. Другое дѣло, если кожа нарушена въ своей цѣлостности. Является брешь, черезъ которую можетъ ворваться непріятель.

Въ пользу сейчасъ сказаннаго говорятъ опыты и наблюденія. Одинъ ученый сдѣлалъ на себѣ такого рода опытъ. Онъ намазалъ себѣ кожу разводкой стрептококовъ. Стрептококи — это микробы, вызывающіе нарывы и вообще нагноеніе. Ничего изъ этого не вышло. Здоровье его нисколько не пострадало; даже намазанный участокъ кожи не пострадалъ. Совсѣмъ другой результатъ получился, когда онъ приказалъ себѣ насильно втереть въ спину разводку тѣхъ же самыхъ микробовъ. При втираніи образовались чуть-чуть замѣтныя царапинки. Этого оказалось достаточнымъ для того, чтобы у нашего самоотверженнаго ученаго черезъ 3 дня образовался на мѣстѣ втиранія сильный нарывъ. Съ каждымъ днемъ нарывъ увеличивался, и въ концѣ-концовъ образовался карбункулъ, такъ что жизни больного стала угрожать весьма серьезная опасность. Къ счастью, были своевременно приняты мѣры, и все, хотя не безъ труда, кончилось благополучно. Таковы результаты даннаго опыта.

Въ Индіи, какъ извѣстно, не перестаетъ свирѣпствовать чума. Но она поражаетъ, главнымъ образомъ, индусовъ. Европейцы рѣдко заболѣваютъ. На первый взглядъ это кажется страннымъ. На самомъ же дѣлѣ загадка разрѣшается просто. Индусы пренебрегаютъ одеждой. Босые, полунагіе они постоянно расцарапываютъ себѣ кожу. Европейцы, примѣнительно къ мѣстному климату, одѣваются, конечно, тоже легко, но одѣваются все-таки такъ, что кожа застрахована отъ царапинъ. Точныя сравнительныя наблюденія, производившіяся въ Индіи, не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что широкое распространеніе чумной заразы среди индусовъ обусловливается въ значительной мѣрѣ негигіеничнымъ содержаніемъ ими кожныхъ покрововъ.

Итакъ, цѣлость кожи и слизистыхъ оболочекъ служитъ необходимымъ условіемъ невоспріимчивости къ болѣзнямъ. Царапины, ранки предрасполагаютъ къ зараженію.

Было бы, однако, ошибочно думать, что цѣлость штукатурки нашего организма нарушается исключительно механическими воздѣйствіями. Немалую и, пожалуй, первостепенную роль играютъ здѣсь физическія вліянія, особенно простуда.

Простуда связывается въ представленіи публики съ холодомъ. Думають, что человѣкъ простужается отъ дѣйствія холода, что простуда и есть болѣзнь. Но это невѣрно. Простуда нисколько не связана съ холодомъ. Вѣдь простуживаются же въ жаркіе іюльскіе дни. Далѣе, простуда не есть болѣзнь. Вѣдь простудившійся человѣкъ можетъ заболѣть и инфлуэнціей, и воспаленіемъ легкихъ, и ревматизмомъ, и ангиной, и т. п.

Всѣ данныя науки заставляютъ считать простуду результатомъ рѣзкаго измѣненія температуры, которому подверглась та или другая часть тѣла. Суть, слѣдовательно, не въ холодѣ, а въ рѣзкомъ измѣненіи температуры. Вотъ почему простуда возможна въ любое время года, ибо всякая температура можетъ претерпѣвать рѣзкія колебанія. Понятно и безъ поясненій, почему переходныя времена года служатъ наиболѣе благопріятными моментами для простуды. Спрашивается: какимъ образомъ дѣйствуетъ простуда?

Быстрая перемѣна температуры производитъ суженіе кровеносныхъ сосудовъ, вслѣдствіе чего затрудняется доступъ крови къ соотвѣтственному участку тѣла. Мѣстная группа клѣтокъ начинаетъ плохо питаться; онѣ слабѣютъ и пропускаютъ случайно подвернувшуюся заразу. Отсюда видно, что простуда—не болѣзнь, а моментъ, предрасполагающій къ болѣзни, т. е. открывающій въ организмѣ доступъ бактеріямъ.

Но вотъ, такъ или иначе, микробъ проникъ въ организмъ. Теперь заболѣваніе неминуемо?

Оказывается, что нѣтъ. Мы уже знаемъ, какими орудіями дѣйствуетъ зараза: микробы запружаютъ пути, по которымъ подвозится къ клѣткамъ пища, перехватываютъ эту пищу, заставляя клѣтки голодать, и, кромѣ того, начинаютъ выдѣлять особые яды, отравляющіе ткани. Яды эти могутъ распространиться по всему организму и отравить его цѣликомъ; это то, что называется гнилостнымъ зараженіемъ крови. Думали до самаго недавняго времени, что для борьбы съ этими орудіями заразъ предназначены бѣлые шарики крови. Но изслѣдованія послѣднихъ двухъ-трехъ лѣтъ заставили ученыхъ отказаться отъ этого взгляда. Многочисленные опыты и наблюденія привели ученыхъ къ убѣжденію, что организмъ животныхъ и человѣка имѣетъ, или, точнѣе, при нормальныхъ условіяхъ долженъ имѣть, двоякаго рода орудія борьбы съ заразами. Одни орудія служатъ для того, чтобы дѣлать микробы уязвимыми. Они коварно подкрадываются къ микробамъ и осаждаютъ ихъ. Это—особыя вещества, растворенныя въ крови и лимфѣ. Названы они «защитными тѣлами» или просто «защитниками». Они не отпускаютъ ихъ, прежде чѣмъ они не попадутъ во власть другого рода орудій, называемыхъ «отразителями». Отразители сами по себѣ безсильны въ отношеніи микробовъ. Но если послѣдніе были предварительно связаны защитниками, то отразители убиваютъ ихъ, разрушаютъ, съеживаютъ и скручиваютъ въ комки. Эта картина не продуктъ фантазіи увлекающихся изыскателей, а истина, прочно установленная непосредственными наблюденіями и единогласно признанная всѣми бактеріологами Стараго и Новаго свѣта.

Принимая во вниманіе вышесказанное, мы должны, однако, признать, что невоспріимчивость къ болѣзнямъ не можетъ быть вполнѣ обезпечена защитниками и отразителями, такъ какъ вредъ микробовъ исходитъ не только отъ нихъ самихъ, но также, и нерѣдко въ гораздо бо́льшей мѣрѣ, отъ выдѣляемыхъ ими ядовъ. Необходимо, слѣдовательно, еще одно орудіе борьбы, которое было бы направлено противъ микробныхъ ядовъ.

Оказывается, что и это предвидѣно заботливой природой, которая снабдила животныхъ и людей нужными противоядіями. Послѣдними обезвреживаются микробные яды.

Однимъ словомъ, невоспріимчивость къ заразнымъ болѣзнямъ опредѣляется тремя категоріями орудій: защитниками, отразителями и противоядіями. Кто обладаетъ этими орудіями, тотъ невоспріимчивъ къ заразѣ. У кого не хватаетъ одного изъ этихъ трехъ орудій борьбы, тотъ предрасположенъ къ заразѣ.

Но не слѣдуетъ думать, что разъ человѣкъ обладаетъ защитникомъ, отразителемъ и противоядіемъ, то онъ уже невоспріимчивъ ни къ какой заразѣ. Для борьбы съ извѣстной заразой требуются опредѣленнаго вида специфическія орудія. Такимъ образомъ, можно быть совершенно невоспріимчивымъ къ одной заразѣ и въ то же время быть весьма чувствительнымъ къ другой заразѣ: для борьбы съ первой человѣкъ обладаетъ специфическими средствами, а для борьбы со второй у него нѣтъ средствъ.

Теперь читатель легко пойметъ, почему болѣзнетворность микробовъ имѣетъ лишь относительный характеръ. Одинъ и тотъ же микробъ можетъ проявлять весьма сильныя болѣзнетворныя свойства въ отношеніи одной группы людей и въ то же время быть совершенно безвреднымъ для другой группы людей. Дѣло не въ самомъ микробѣ, а въ вооруженности человѣка защитными противъ него средствами.

Но если это такъ, то не пора ли сдать въ архивъ подраздѣленіе микробовъ на болѣзнетворныхъ и неболѣзнетворныхъ?

На этотъ вопросъ слѣдуетъ отвѣтить отрицательно. Правда, центръ тяжести болѣзнетворности перенесенъ съ микробовъ на поражаемыхъ имъ объектовъ, но отмѣченное подраздѣленіе должно быть все-таки оставлено. Только нужно имѣть въ виду условный смыслъ болѣзнетворности. Тотъ микробъ принадлежитъ къ разряду болѣзнетворныхъ для человѣка, противъ котораго всѣ люди, или, по крайней мѣрѣ, большинство изъ нихъ, не надѣлены природой специфическими средствами противодѣйствія. То же самое, только въ обратномъ, конечно, смыслѣ, нужно сказать о микробахъ неболѣзнетворныхъ.

VI.

Все, сейчасъ изложенное, естественнымъ образомъ вызываетъ у читателя вопросъ такого рода: чѣмъ объяснить, что одни люди (или животныя) располагаютъ защитными средствами противъ извѣстной заразы, а другіе лишены этихъ средствъ?

На этотъ вопросъ можно отвѣтить такъ. Изложенный нами взглядъ на сущность вопроса составляетъ пріобрѣтеніе самыхъ послѣднихъ работъ научной медицины. Всего прошло три года съ тѣхъ поръ, какъ мракъ, окутывавшій эту загадочную область бактеріологіи, сталъ разсѣиваться. Не проходитъ недѣли, чтобы медицинскіе журналы не подарили врачей новыми изслѣдованіями, раздвигающими горизонтъ все шире и шире. Не подлежитъ сомнѣнію, что воспріимчивость или невоспріимчивость къ той или другой заразѣ получаются человѣкомъ по наслѣдству отъ родителей. Самымъ нагляднымъ тому доказательствомъ служитъ туберкулёзъ. Туберкулёзъ передается по наслѣдству. Это, надо думать, извѣстно всякому. Но врядъ ли всякому извѣстно, что, собственно говоря, передается по наслѣдству не туберкулёзъ, но предрасположеніе къ туберкулёзу. Выражаясь яснѣе, мы можемъ сказать, что туберкулёзные родители производятъ на Божій свѣтъ потомство не туберкулёзное, но лишенное специфическихъ средствъ защиты противъ туберкулёзныхъ бактерій. Дѣти туберкулёзныхъ родителей легко поэтому заболѣваютъ туберкулёзомъ. Но если поставить ихъ въ такія условія, которыя исключаютъ возможность зараженія туберкулёзными бациллами, то они не заболѣваютъ.

Однимъ словомъ, невоспріимчивость передается по наслѣдству. Наши защитныя, отразительныя и противоядныя вещества унаслѣдованы нами отъ нашихъ роди-

телей. Спрашивается: откуда взялись эти вещества впервые у нашихъ, конечно самыхъ отдаленныхъ, предковъ?

Дѣло въ томъ, что, какъ это доказано новѣйшими изысканіями, зараженный организмъ надѣленъ отъ природы способностью вырабатывать специфическія средства противодѣйствія. Если, напримѣръ, человѣкъ заболѣлъ брюшнымъ тифомъ, т. е. заразился тифозными бактеріями, для уничтоженія которыхъ у него не было необходимыхъ защитныхъ, отразительныхъ и противоядныхъ веществъ, то, спустя недѣлю послѣ начала болѣзни, вы можете обнаружить у него въ крови появленіе названныхъ веществъ. Болѣзнетворныя начала вызвали реакцію, которая повлекла за собою образованіе противозаразныхъ веществъ. Вы въ этомъ можете наглядно убѣдиться, продѣлавъ слѣдующую простую пробу. Добудьте у больного, уколомъ чистой булавки въ палецъ, капельку крови. Это, понятно, не причинитъ больному ни малѣйшаго вреда. Выступившую капельку крови перенесите въ бульонную разводку тифозныхъ бактерій. Взболтните и поставьте въ теплое мѣсто (37° Ц.). На вашихъ глазахъ разыграется слѣдующая картина: мутный бульонъ начнетъ просвѣтляться, бактеріи, обусловливавшія мутный видъ разводки, начнутъ собираться въ комочки; комочки соединятся, въ концѣ-концовъ, въ одну сплошную кучу, которая осядетъ на дно. Микроскопъ позволяетъ слѣдить воочію за внутреннимъ механизмомъ всего процесса. При этомъ оказывается, что прибавленная капелька крови, приходя въ соприкосновеніе съ оживленно движущимися бактеріями, останавливаетъ ихъ и склеиваетъ другъ съ другомъ. Этимъ объясняется, почему названная реакція называется пробой на склеиваніе.

И чѣмъ дальше отъ начала болѣзни, тѣмъ явственнѣе выступаетъ склеиваніе тифозныхъ бактерій. Это значитъ, что по мѣрѣ развитія тифозной заразы въ организмѣ вырабатываются все болѣе и болѣе сильныя средства борьбы съ нею. Исходъ болѣзни и зависитъ отъ того, насколько организмъ справился съ своей задачей, т. е. выработалъ ли онъ достаточно противозаразныхъ веществъ или нѣтъ. Если выработалъ, то наступаетъ выздоровленіе; въ противномъ случаѣ болѣзнь затягивается, и дѣло можетъ кончиться смертью.

Изъ всего изложеннаго явствуетъ, что люди получаютъ по наслѣдству отъ своихъ родителей извѣстный запасъ противозаразныхъ средствъ. Этого запаса иногда достаточно для уничтоженія внѣдрившихся заразъ. Мы тогда говоримъ, что у человѣка нѣтъ предрасположенія къ заразѣ. Но иногда натуральнаго запаса противозаразныхъ веществъ не хватаетъ для уничтоженія болѣзнетворной причины. Тогда организмъ заболѣваетъ. Это значитъ, другими словами, что организмъ отстраняетъ отъ себя всякія внѣшнія заботы и весь уходитъ въ борьбу съ болѣзнью. Для успѣшности борьбы, онъ приступаетъ къ изготовленію защитниковъ и противоядій. Отразители не вырабатываются на-ново: ихъ обыкновенно достаточно; а если нѣтъ, то дѣло можетъ кончиться плохо. Исходъ борьбы опредѣляется размѣрами новообразующихся количествъ противозаразнаго матеріала. Вотъ и все.

Невольно тутъ возникаетъ вопросъ: нельзя ли ввести больному организму въ кровь то̀, чего онъ не въ силахъ самъ выработать?

Оказывается, что можно. Въ этомъ и заключается весь смыслъ современнаго способа лѣченія специфическими сыворотками.

VII.

Лѣченіе это основано на томъ, что противозаразныя средства, выработанныя однимъ организмомъ, утилизируются съ большимъ успѣхомъ всякимъ другимъ организмомъ, все равно, имѣемъ ли мы дѣло съ животнымъ или человѣкомъ. Это въ

высшей степени интересное явленіе. Всѣ высшія существа, отъ какой-нибудь мыши до слона и человѣка, вырабатываютъ одинаковыя средства защиты противъ одной и той же заразы. Если бы эти средства не были одинаковы, то одинъ организмъ не былъ бы въ состояніи усвоить себѣ то, что было изготовлено въ другомъ организмѣ, особенно если эти организмы отстоятъ далеко другъ отъ друга въ зоологической системѣ. Возьмемъ для примѣра кровь. У млекопитающихъ, если не считать верблюда и ламы, кровь одинаковая. Но если влить въ сосуды одного животнаго, напр. кролика, кровь другого, напр. собаки, то наблюдается слѣдующее явленіе: кровь собаки разрушаетъ кровь кролика, и наоборотъ, кровь кролика разрушаетъ впрыснутую ему кровь собаки. Чужеродные виды крови относятся враждебно другъ къ другу. Другими словами, животное одного вида не въ состояніи усвоить себѣ кровь животнаго другого вида. Мало того, онъ эту кровь разрушаетъ, хотя одновременно съ этимъ разрушается и часть его собственной крови. Вотъ почему оставленъ старый способъ лѣченія малокровія впрыскиваніемъ въ сосуды телячьей крови: онъ только вреденъ.

То, что сказано относительно крови, оправдывается и въ отношеніи тканей. Но мы не безъ умысла взяли въ примѣръ кровь. Дѣло въ томъ, что сыворотка приготовляется изъ крови. Если вытекшую изъ сосуда кровь оставить въ накрытомъ сосудѣ, такъ чтобы она не высыхала, то кровь, свернувшись, или, какъ говорятъ въ общежитіи, спекшись, начинаетъ, спустя нѣкоторое время, съеживаться и выжимаетъ изъ себя прозрачную и свѣтлую жидкость. Это и есть сыворотка. Сыворотка не усваивается организмомъ, разъ она заимствована отъ животнаго другого вида, а заключенныя въ этой же сывороткѣ противозаразныя вещества усваиваются имъ очень хорошо. Въ борьбѣ съ заразами всѣ живыя существа солидарны между собою. Передъ лицомъ врага сглаживаются всякія различія. Кошка и мышка, левъ и ягненокъ заключаютъ, такъ сказать, союзъ въ виду грознаго врага.

Изъ сказаннаго явствуетъ, что если больной человѣкъ не въ силахъ, по той или другой причинѣ, изготовить тѣ вещества, которыя необходимы для уничтоженія одолѣвающей его заразы, то ему можно помочь впрыскиваніемъ этихъ веществъ, выработанныхъ какимъ-нибудь животнымъ. Такъ на самомъ дѣлѣ и бываетъ. Человѣкъ, воспріимчивый къ заразѣ, становится, по крайней мѣрѣ на время, невоспріимчивымъ къ ней, если ему ввести подъ кожу сыворотку отъ существа невоспріимчиваго къ этой именно заразѣ. А какъ относится данное животное ко всякой другой заразѣ—это, кстати сказать, въ данномъ случаѣ безразлично. Весь вопросъ, слѣдовательно, сводится къ тому, чтобы вызвать у животнаго невоспріимчивость къ извѣстной заразѣ.

Вспомнимъ то, что нами изложено выше по вопросу о взаимоотношеніи между заразой и животнымъ или, въ частности, человѣческимъ организмомъ. Микробы,—сказали мы,—наносятъ вредъ организму двоякимъ образомъ. Во-первыхъ, они тормозятъ правильное развитіе въ немъ жизненныхъ процессовъ своимъ личнымъ вмѣшательствомъ; во-вторыхъ, организмъ отравляется тѣми ядами, которые выдѣляются микробами. Не во всѣхъ заразахъ оба эти зловредныя начала имѣютъ равноцѣнное значеніе. Въ однихъ случаяхъ весь вредъ опредѣляется размножающимися до громадныхъ размѣровъ микробами, а яды послѣднихъ отступаютъ на второй планъ. Это относится, напр., къ бактеріямъ сибирской язвы, чумы, гноероднымъ микробамъ и др. Въ другихъ случаяхъ всѣ болѣзненные симптомы причиняются ядовитыми продуктами выдѣленія микробовъ; сами же микробы отвѣтственны лишь по столько, по скольку они являются производителями этихъ

ядовъ. Къ этой категоріи слѣдуетъ отнести дифтеритъ, столбнякъ и др. Отсюда понятно, что борьба съ разными категоріями заразъ должна вестись на разныхъ началахъ. При первой категоріи заразъ борьба должна преслѣдовать цѣлью уничтоженіе самыхъ микробовъ, а при второй—обезвреживаніе ядовъ.

Животный и, въ частности, человѣческій организмъ, какъ уже сказано выше, обладаетъ способностью вырабатывать двоякаго рода вещества, при внесеніи въ него заразныхъ началъ. Если вносятся микробы, то это побуждаетъ организмъ къ выработкѣ такъ-называемыхъ защитниковъ, которые проявляютъ специфическую способность уничтожать внесенный въ него видъ бактерій. Въ этомъ дѣлѣ помогаютъ защитникамъ такъ-называемые отразители. Защитники и отразители содержатся, главнымъ образомъ, въ крови и переходятъ въ добываемую изъ нея сыворотку. Сыворотка животныхъ, которымъ была сдѣлана прививка бактерій, обнаруживаетъ противомикробныя свойства и поэтому называется противомикробной. Прививку микробовъ дѣлаютъ нѣсколько разъ. Сначала вводятъ животному такое ничтожное количество ослабленныхъ бактерій, чтобы оно не испытывало отъ этого никакого вреда. Но организмъ все-таки реагируетъ и отвѣчаетъ на прививку выработкой большаго количества противомикробныхъ веществъ, чѣмъ это требуется для даннаго случая. Избиваются введенные микробы, и остается еще запасъ защитныхъ орудій на случай вторичнаго нападенія микробовъ. Наличностью этого запаса и объясняется, почему даннымъ животнымъ переносится такъ легко такая доза микробовъ, которая для другого животнаго явилась бы смертельной. За вторымъ впрыскиваніемъ слѣдуетъ новая реакція, и еще болѣе сильная. Накопляется еще большій запасъ противомикробныхъ защитниковъ. Впрыскиваніе бактерій повторяется еще нѣсколько разъ. Съ каждымъ разомъ невоспріимчивость животнаго все болѣе усиливается. Она достигаетъ, наконецъ, столь сильной степени, что животное переноситъ совершенно безразлично такую дозу, которой было бы достаточно для того, чтобы убить тысячу и болѣе неподготовленныхъ животныхъ. Вмѣстѣ съ этимъ накопленіе защитныхъ веществъ достигаетъ такой степени, что достаточно взять у этого животнаго нѣсколько кубическихъ сантиметровъ сыворотки и ввести ихъ подъ кожу другому животному, чтобы послѣднее тоже сдѣлалось невоспріимчивымъ. Если впрыснуть эту сыворотку человѣку, то и онъ дѣлается невоспріимчивымъ.

Для этого пользуются обыкновенно лошадьми. Лошади, во-первыхъ, очень выносливы и, во-вторыхъ, владѣютъ большими количествами крови. Впрыскиваніе не дѣйствуетъ на ихъ общее состояніе. Онѣ чувствуютъ себя превосходно. Зайдите въ любую бактеріологическую конюшню, и вы будете поражены цвѣтущимъ видомъ лошадей. Онѣ не обременены никакими работами, корму получаютъ вдоволь, уходъ имѣютъ наилучшій; къ тому же маленькія кровопусканія, предпринимаемыя съ цѣлью добыванія сыворотки, идутъ имъ на пользу: освѣжается, обновляется кровь.

Къ противомикробнымъ сывороткамъ принадлежатъ, какъ мы сказали, противочумная и противосибироязвенная.

Иначе приготовляются животныя, опять-таки лошади, намѣченныя для изготовленія лѣчебной сыворотки противъ дифтерита и противъ столбняка. Дифтеритныя бактеріи и столбнячныя бактеріи одолѣваютъ человѣка при помощи вырабатываемыхъ ими ядовъ. Сами по себѣ онѣ почти безвредны. Безвредны онѣ потому, что не могутъ размножаться въ организмѣ. Бактеріи столбняка не могутъ жить тамъ, гдѣ есть кислородъ. А нашъ организмъ, какъ извѣстно, пропитанъ кислородомъ. Кровь только то и дѣлаетъ, что захватываетъ кислородъ изъ воздуха и разноситъ его по всему нашему тѣлу.

Ясно, что готовить противъ дифтерита и столбняка противомикробную сыворотку нѣтъ резона. Тутъ можно ждать успѣха лишь отъ сыворотки противоядной, т. е. отъ такой сыворотки, которая обезвреживала бы яды, выдѣляемые соотвѣтственными бактеріями. А для того, чтобы заставить лошадь вырабатывать противодифтерійное или противостолбнячное противоядіе, нужно ей впрыскивать возрастающія дозы соотвѣтственныхъ ядовъ. Такъ на самомъ дѣлѣ и поступаютъ.

Ядъ дифтерита и столбняка добывается весьма легко. Бульонъ, особымъ образомъ приготовленный, засѣвается соотвѣтственнымъ видомъ бактерій и оставляется на 1—2 мѣсяца въ тепломъ помѣщеніи. За этотъ промежутокъ времени бактеріи успѣваютъ выдѣлить громадное количество яда. Бульонъ фильтруютъ. На фильтрѣ остаются бактеріи. Ихъ уничтожаютъ и выбрасываютъ, а черезъ фильтръ проходитъ чистая жидкость, содержащая ядъ въ сильной концентраціи. Впрыскивая лошади въ постепенно возрастающихъ дозахъ этотъ ядъ, мы заставляемъ ее вырабатывать противоядіе. Противодифтерійная сыворотка имѣетъ, слѣдовательно, дѣйствующимъ началомъ противоядіе, обезвреживающее дифтеритный ядъ, но не дифтеритныя бактеріи. Послѣднія, какъ мы сказали, сами по себѣ безсильны, безвредны. То же приходится повторить и относительно противостолбнячной сыворотки.

VIII.

Популярность противодифтерійной сыворотки громадна, и это понятно: противодифтерійная сыворотка понизила смертность отъ дифтерита въ $2^1/_2$ раза. Другими словами, изъ каждыхъ 100 дѣтей, лѣчащихся прежними способами, умираетъ 35, а изъ того же количества дѣтей, лѣчимыхъ противодифтерійной сывороткой, умираетъ только 14%. Слѣдовательно, изъ каждыхъ пятерыхъ дѣтей, обреченныхъ дифтеритомъ на вѣрную смерть, сыворотка спасаетъ двоихъ. Процентъ выздоровленій былъ бы гораздо бо́льшій, если бы сыворотка впрыскивалась всегда своевременно, т. е. въ первый день заболѣванія.

Почему, спрашивается, не вылѣчиваетъ сыворотка всѣхъ больныхъ? Это объясняется очень просто. Сыворотка, какъ мы уже знаемъ, вноситъ въ больной организмъ то, чего онъ самъ не въ состояніи выработать. Противодифтерійная сыворотка вноситъ противоядіе, долженствующее обезвредить ядъ, который былъ выработанъ поселившимися въ зѣвѣ больного дифтеритными бактеріями. Впрыскиваемая сыворотка всегда это дѣлаетъ. Она всегда оказывается на высотѣ своей прямой задачи. Вся бѣда въ томъ, что сыворотка неспособна возстановить, возобновить то, что было уже разрушено до впрыскиванія необезвреженнымъ ядомъ. Другими словами, сыворотка сообщаетъ больному невоспріимчивость противъ яда, но она не излѣчиваетъ того, что̀ было разстроено до нея, по крайней мѣрѣ излѣчиваетъ неполно. Понятно отсюда, что чѣмъ раньше впрыскивается сыворотка, тѣмъ успѣхъ болѣе обезпеченъ.

Чтобы не быть голословными, мы представимъ нѣкоторыя цифровыя данныя. Нашъ знаменитый дѣтскій врачъ Раухфусъ собралъ матеріалъ, обнимающій 44.631 случай дифтерита, гдѣ было примѣнено лѣченіе сывороткой, и 6.507 случаевъ, гдѣ сыворотка не была примѣнена. Въ первыхъ случаяхъ смертность выразилась цифрой 14,6%, а во вторыхъ—34,1%.

Далѣе, изъ отчета д-ра Тезякова, касательно результатовъ примѣненія противодифтерійной сыворотки въ воронежской губерніи, усматривается, что изъ 7.094 больныхъ, пользованныхъ сывороткой, умерло 1.061, т. е. 14,9%. До введенія сыворотки смертность отъ дифтерита въ той же губерніи достигала нерѣдко 69,5%. Тутъ, слѣдовательно, благотворное дѣйствіе сыворотки выразилось еще яснѣе. Именно, здѣсь сыворотка пони-

зила смертность въ 4²/₅ раза. Но чтобы не навлечь на себя упрека въ излишнемъ оптимизмѣ, мы остановимся на цифрѣ, указанной выше, т. е. на 2¹/₂. Основываясь на этой цифрѣ, вычислимъ теперь, сколько жизней спасла у насъ въ Россіи отъ неминуемой гибели противодифтерійная сыворотка со времени ея введенія. Само собою разумѣется, что наши вычисленія будутъ носить характеръ приблизительныхъ разсчетовъ, но зато приблизительныхъ, а не произвольныхъ. Въ основу разсчетовъ положимъ цифру, въ которой выразились случаи смерти за прошлый 1901 годъ. За первые 9 мѣсяцевъ истекшаго года, судя по офиціальнымъ свѣдѣніямъ, умерло въ Россіи отъ дифтерита 39.824 человѣка. Другими словами, въ среднемъ, за мѣсяцъ умирало отъ дифтерита около 4.421 человѣка. Мы будемъ весьма близки къ истинѣ, если примемъ, что со времени введенія у насъ противодифтерійной сыворотки, т. е. съ 1895 года, умираетъ ежемѣсячно отъ дифтерита 4.000 человѣкъ. Если бы проф. Берингъ не подарилъ насъ своимъ открытіемъ, то умирало бы, въ мѣсяцъ, какъ это нерѣдко и бывало до 1895—1896 года, 10.000 человѣкъ въ мѣсяцъ. Ежемѣсячно, слѣдовательно, сыворотка вырываетъ изъ рукъ безжалостной смерти 6.000 человѣкъ. За 6 лѣтъ, значитъ, спасено 432.000 человѣкъ, т. е. около полумилліона. А стоило все это, можно сказать, гроши. Приблизительно считать: 2—3 руб. на человѣка.

Техника приготовленія противодифтерійной сыворотки далеко еще не сказала своего послѣдняго слова. И есть всѣ основанія думать, что не за горами то время, когда эта сыворотка будетъ спасать не ²/₅ всѣхъ жертвъ, а чуть ли не ⁴/₅, если не всѣ ⁵/₅. Для этого требуются только два условія. Во-первыхъ, врачебная помощь должна получить у насъ болѣе совершенное устройство, особенно въ деревняхъ. Въ этомъ отношеніи мы возлагаемъ большія упованія на слушательницъ нашего женскаго медицинскаго института, который въ текущемъ году выпускаетъ первую партію самоотверженныхъ, чуткихъ, какъ женщины вообще, къ страданіямъ ближняго, работницъ на поле медицинской дѣятельности. Во-вторыхъ, общество должно проникнуться сознаніемъ практической цѣнности сывороточнаго метода лѣченія.

Наука, какъ заграничная, такъ и русская, свое дѣло дѣлаетъ и въ напоминаніяхъ не нуждается.

IX.

Къ противодифтерійной сывороткѣ примыкаетъ сыворотка противостолбнячная, которая тоже принадлежитъ къ противоядным сывороткамъ. Противостолбнячная сыворотка вноситъ въ больной организмъ противоядіе, уничтожающее, обезвреживающее столбнячный ядъ.

Откуда берется столбнякъ?

Источникъ столбняка кроется въ почвенной землѣ. Это очень мелкія палочковидныя бактеріи, живущія только тамъ, гдѣ нѣтъ кислорода. А такъ какъ кислородъ представляетъ собою газъ, занимающій одну пятую часть объема воздуха, а воздухъ находится въ почвѣ всегда, то этимъ объясняется, почему зараженіе столбнякомъ происходитъ рѣже, чѣмъ этого можно было бы ожидать.

Но если вѣрно, что столбнячныя бациллы могутъ жить только при отсутствіи кислорода, то какъ онѣ все-таки живутъ въ почвѣ? Это объясняется очень просто. Почва кишитъ различнаго рода микробами и, вообще, низшими организмами. Послѣдніе очень жадно поглощаютъ кислородъ. Этимъ и пользуются столбнячныя бациллы. Имъ помогаютъ другіе представители микроскопическаго міра, въ которомъ принципъ взаимопомощи, вообще, очень широко развитъ.

Въ человѣческій организмъ столбнячный микробъ проникаетъ почти исключительно черезъ раны. Разъ на свѣжую рану попала почвенная земля, то врачъ

уже опасается за зараженіе столбнякомъ и спѣшитъ впрыснуть больному противостолбнячную сыворотку.

Способъ добыванія этой сыворотки, въ общемъ, напоминаетъ способъ добыванія противодифтерійной сыворотки. Лошади впрыскивается ядъ столбнячныхъ бактерій, сначала маленькія дозы, а затѣмъ все болѣе и болѣе значительныя количества. Лошади переносятъ это очень хорошо.

Не будемъ описывать симптомовъ столбняка. Слишкомъ это страшная картина. Врачи, которыхъ спеціальность невольно притупляетъ къ этимъ картинамъ, и тѣ не безъ ужаса вспоминаютъ о своихъ паціентахъ, имѣвшихъ несчастье заразиться столбнякомъ. Съ тѣмъ большей благодарностью мы должны относиться къ ученымъ, которые дали намъ въ руки средство борьбы съ этой болѣзнью. Противостолбнячная сыворотка тоже связана съ именемъ Беринга, который работаетъ надъ ея совершенствованіемъ уже 12 лѣтъ.

Какіе же результаты даетъ въ настоящее время противостолбнячная сыворотка?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, обратимся опять-таки къ статистическимъ даннымъ.

До настоящаго времени опубликовано въ медицинской литературѣ около 120 статистическихъ сопоставленій. Если подвести общій итогъ, то получится, что столбнякъ, лѣчимый безъ сыворотки, даетъ 80% смертности, сыворотка понижаетъ этотъ процентъ до 40. Слѣдовательно, сыворотка спасаетъ отъ тяжелой, неминуемой смерти ровно половину безнадежныхъ больныхъ. Другими словами, изъ каждыхъ двухъ больныхъ, обреченныхъ на смерть отъ столбняка, специфическая сыворотка одного спасаетъ.

Понятно, что и въ данномъ случаѣ надо захватить болѣзнь во-время. Тутъ время впрыскиванія имѣетъ еще бо̀льшее значеніе, чѣмъ при дифтеритѣ, такъ какъ столбнячный ядъ дѣйствуетъ быстрѣе дифтеритнаго яда. При такъ-называемомъ остромъ столбнякѣ смерть можетъ наступить очень быстро.

Названными сортами специфическихъ сыворотокъ исчерпывается пока арсеналъ такъ-называемыхъ противоядныхъ сыворотокъ.

Перейдемъ теперь къ противомикробнымъ сывороткамъ.

X.

Противомикробныя сыворотки пока не всѣ оправдали себя такъ блистательно, какъ сыворотки противоядныя. Но практическая цѣнность ихъ врядъ ли будетъ кѣмъ-нибудь оспариваться. Слишкомъ убѣдительно говоритъ въ ихъ пользу неподкупная статистика.

Наиболѣе удовлетворительные результаты получены отъ примѣненія противосибиреязвенной сыворотки.

Сибирская язва вызывается особыми бактеріями, въ высшей степени злокачественными. Насколько онѣ злокачественны, можно судить по тому, что бѣлая мышь, заразившаяся нѣсколькими бактеріями, погибаетъ по истеченіи 18—20 часовъ. При вскрытіи оказывается, что всѣ органы биткомъ набиты новообразовавшимся бактерійнымъ приплодомъ. Особенно воспріимчивы къ сибирской язвѣ овцы. Гибнутъ и лошади. У насъ, въ Россіи, имѣются мѣстности, въ которыхъ сибирская язва не переводится. Человѣкъ тоже воспріимчивъ къ сибиреязвенной заразѣ. Россія потеряла за первые 9 мѣсяцевъ прошлаго года 1.594 человѣка отъ этой заразы. Послѣдняя среднимъ числомъ похищаетъ у насъ ежегодно около 2.000 жертвъ.

Медицина была безсильна бороться съ этимъ страшнымъ недугомъ. И только въ самое недавнее время появились достовѣрныя свѣдѣнія о томъ, что итальянскій врачъ Скляво и аргентинскій врачъ Мендезъ открыли независимо другъ отъ друга противосибиреязвенную сыворотку. Скляво сообщаетъ, что разные врачи лѣчили его сывороткой 45 больныхъ. Изъ нихъ умеръ

только одинъ. Результатъ, слѣдовательно, болѣе чѣмъ блестящій. Мендезъ лѣчилъ своей сывороткой 25 больныхъ, и всѣ выздоровѣли.

Конечно, эти цифровыя данныя слишкомъ недостаточны, чтобы признать за противосибиреязвенной сывороткой значеніе безусловно вѣрнаго специфическаго средства, но ужъ одно то, что два изслѣдователя въ разныхъ частяхъ свѣта пришли къ одинаковымъ результатамъ, сильно говоритъ въ пользу этого средства.

Къ противомикробнымъ сывороткамъ относится, наконецъ, сыворотка противочумная.

Цѣлебная сила послѣдней внѣ сомнѣній. Но опредѣлить эту силу более или менѣе точно нельзя. Имѣющійся матеріалъ еще недостаточенъ для этого.

Другое дѣло противочумная лимфа. Она примѣнялась уже многократно въ разныхъ частяхъ свѣта, гдѣ дала болѣе или менѣе согласные результаты. Прежде, чѣмъ однако ихъ охарактеризовать, скажемъ нѣсколько словъ о томъ, что такое представляетъ собою эта лимфа и какимъ образомъ она помогаетъ.

Названіе «лимфа» не совсѣмъ удачное и многихъ вводитъ въ заблужденіе. Лимфой, вообще, мы называемъ ту жидкость, которая течетъ у насъ по лимфатическимъ сосудамъ и тканевымъ щелямъ. Противочумная лимфа не имѣетъ съ ней ничего общаго. Она представляетъ собою не что иное, какъ бульонъ, въ которомъ много дней подъ-рядъ росли чумныя бактеріи, впослѣдствіи убитыя нагрѣваніемъ въ теченіе получаса при 60 градусахъ Цельсія. Взвѣшенные въ бульонѣ трупы бактерій сообщаютъ ему мутный видъ. По внѣшнему виду, слѣдовательно, бульонъ этотъ отличается отъ противочумной сыворотки, какъ и отъ всякой сыворотки, тѣмъ, что онъ мутенъ, т. е. тѣмъ же самымъ, что отличаетъ лимфу отъ сыворотки. Отсюда и названіе бульона.

Главное дѣйствующее начало противочумной лимфы заключено въ существѣ убитыхъ чумныхъ бактерій. Бактерія убита, но не убито вредоносное начало. Если впрыснуть «лимфу» животному или человѣку, то вредоносное начало заставляетъ ихъ выработать соотвѣтственное противомикробное вещество (защитникъ), которое (вмѣстѣ съ отразителемъ) дѣлаетъ ихъ невоспріимчивыми въ отношеніи чумы. Въ этомъ все отличіе лимфы отъ сыворотки. Сыворотка вноситъ уже готовыя защитныя вещества, а лимфа заставляетъ человѣка самого выработать эти послѣднія. Разъ человѣкъ заболѣлъ чумой, то необходимо дать ему готовыя средства защиты: впрыскивается сыворотка. Если желательно сдѣлать здороваго человѣка невоспріимчивымъ къ чумѣ, застраховать его на случай зараженія, то впрыскивается лимфа.

Изъ новѣйшихъ статистическихъ данныхъ ясно слѣдуетъ, что лимфа сокращаетъ смертность въ три раза. Что же касается заболѣваемости, то эффектъ лимфы прямо поразителенъ: изъ привитыхъ заболѣваетъ лишь небольшой процентъ.

Если мы окинемъ общимъ взглядомъ все, что нами было изложено о сывороточномъ методѣ лѣченія заразныхъ болѣзней, то придемъ къ заключенію, что методъ этотъ основанъ на безусловно вѣрныхъ и непоколебимыхъ научныхъ данныхъ, что онъ принесъ уже въ высшей степени цѣнные плоды и обѣщаетъ въ будущемъ дать еще болѣе существенные результаты.

Для насъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что близится время, когда всѣ заразныя болѣзни людей и животныхъ будутъ лѣчиться съ желаннымъ успѣхомъ помощью специфическихъ сывороток, а всѣ прочіе способы лѣченія этихъ болѣзней, составляющихъ истинный бичъ человѣчества, будутъ преданы забвенію, какъ отжившіе свой вѣкъ.

* * *

Блѣдный, грустный и покорный,
Угасая, меркнетъ день...
Лѣсъ прозрачный, лѣсъ узорный
Полосой, какъ уголь, черной
Уронилъ на землю тѣнь.

Близокъ ночи безсловесной
Ожидаемый приходъ.
Тишь растетъ, и сводъ небесный
Скоро тайною чудесной
Звѣзды яркія зажжетъ.

И онѣ откроютъ взорамъ
Темь бездонной глубины,
Темь съ таинственнымъ просторомъ,
Гдѣ витаютъ свѣтлымъ хоромъ
Неразгаданные сны.

Леонидъ Афанасьевъ.

Рейгетскіе помѣщики.

Разсказъ **Конанъ-Дойля.**

(Изъ воспоминаній о Шерлокѣ Холмсѣ.)

Произошло это нѣсколько ранѣе, чѣмъ другъ мой, мистеръ Шерлокъ Холмсъ, окончательно оправился отъ нервнаго разстройства, вызваннаго усиленными занятіями по разслѣдованію запутаннаго дѣла Суматра-Нидерландской компаніи.

14-го апрѣля я получилъ изъ Ліона телеграмму, извѣщавшую меня, что Холмсъ лежитъ больной въ Hôtel Dulong. Черезъ двадцать четыре часа я былъ въ комнатѣ больного и съ радостью убѣдился, что болѣзнь его не опасна. Я засталъ его лишь въ состояніи мрачнаго угнетенія. Даже сознаніе, что онъ преуспѣлъ тамъ, гдѣ полиція трехъ государствъ оказалась безсильной, и что онъ перехитрилъ самыхъ ловкихъ мошенниковъ Европы, не могло вывести его изъ нервной прострацiи.

Три дня спустя, мы вмѣстѣ возвратились въ Лондонъ, но ясно было, что для моего друга нужна перемѣна обстановки; меня же соблазняла мысль провести весной недѣльку въ деревнѣ. Мой старый пріятель, полковникъ Гейтеръ, находившійся во время афганской экспедиціи подъ моимъ медицинскимъ надзоромъ, и недавно купившій близъ Рейгета, въ Сёррeѣ, помѣстье, неоднократно приглашалъ его навѣстить. Въ послѣдній разъ онъ сказалъ, что если мой другъ пожелаетъ пріѣхать со мной, то и ему съ радостью будетъ оказано гостепріимство. Надо было пуститься на маленькія хитрости, чтобы убѣдить Холмса принять приглашеніе, и по прошествіи недѣли мы были въ деревнѣ. Гейтеръ, бравый старый воинъ, не мало видавшій видовъ на своемъ вѣку, скоро нашелъ,—какъ я, впрочемъ, и ожидалъ,—что у него съ Холмсомъ очень много общаго.

Вечеромъ въ день нашего пріѣзда мы сидѣли въ оружейной комнатѣ. Холмсъ развалился на диванѣ, а полковникъ показывалъ мнѣ свою коллекцію огнестрѣльнаго оружія.

— Кстати,—сказалъ неожиданно Гейтеръ:—я возьму съ собой наверхъ одинъ изъ этихъ револьверовъ на случай какой-нибудь тревоги.

— Тревоги?—спросилъ я.

— Да, у насъ тутъ теперь не совсѣмъ спокойно. Въ прошлый понедѣльникъ, залѣзли къ старику Актону, одному изъ богачей нашего графства. Положимъ, много убытку воры не надѣлали, но они еще на свободѣ.

— И ничего о нихъ не извѣстно?—

спросилъ Холмсъ, поднимая глаза на полковника.

— Ровно ничего. Да и дѣло это неважное: такъ, одинъ изъ нашихъ маленькихъ деревенскихъ грѣшковъ, который слишкомъ незначителенъ, чтобы заслуживать вашего вниманія.

— Не было ли въ этомъ дѣлѣ какихъ-нибудь интересныхъ особенностей?— спросилъ съ улыбкой удовольствія польщенный комплиментомъ Холмсъ.

— Не думаю. Воры обыскали библіотеку и очень немногимъ вознаградили себя за труды. Они все перевернули въ комнатѣ вверхъ дномъ, раскрыли ящики, повыбрасывали книги изъ шкаповъ и, въ концѣ-концовъ, взяли томикъ Гомера, пару серебряныхъ подсвѣчниковъ, вѣсы изъ слоновой кости для писемъ, небольшой барометръ въ дубовой оправѣ и клубокъ бичевокъ.

— Какой необычайный наборъ!—воскликнулъ я.

— Да, повидимому, они забрали съ собой первое, что попалось имъ подъ руки.

— Полиція графства должна бы воспользоваться этимъ,—проворчалъ съ дивана Холмсъ:—очевидно, что...

Но я, поднявъ палецъ, запротестовалъ противъ дальнѣйшихъ выводовъ.

— Вы пріѣхали сюда для покоя, милый мой. Ради Бога не беритесь за дѣло теперь, когда отъ вашихъ первовъ остались одни лохмотья.

Холмсъ пожалъ плечами, взглянувъ съ комическимъ видомъ покорности на полковника, и разговоръ принялъ болѣе безопасное направленіе.

Однако, всѣ мои докторскія предостереженія пропали даромъ, такъ какъ на другое же утро «дѣло» коснулось насъ такимъ образомъ, что невозможно было оставить его безъ вниманія, и наша поѣздка въ деревню кончилась тѣмъ, чего никто изъ насъ не ожидалъ. Мы сидѣли за утреннимъ кофе, когда дворецкій полковника, позабывъ всю свойственную ему степенность, стремглавъ вбѣжалъ въ комнату.

— Вы слышали, сэръ, — заговорилъ онъ:—что случилось у Куннингамовъ?

— Опять грабежъ? — вскричалъ полковникъ, опрокинувъ чашку съ кофеемъ.

— Убійство!

— Вотъ такъ исторія!—сказалъ полковникъ.—Кто же убитъ? Ужъ не самъ ли мировой судья или его сынъ?

— Ни тотъ, ни другой, сэръ. Убитъ Вильямъ, кучеръ, выстрѣломъ прямо въ сердце.

— А кто стрѣлялъ?

— Разбойникъ, сэръ. Онъ выскочилъ, какъ пуля, и скрылся. Передъ тѣмъ онъ влѣзъ въ окно кладовой и наткнулся на Вильяма, съ которымъ и покончилъ, когда тотъ сталъ защищать хозяйское добро.

— Когда же это случилось?

— Прошлой ночью, сэръ, около двѣнадцати.

— Такъ. Тогда мы сейчасъ туда отправимся,— сказалъ полковникъ.—Скверныя, однако, вещи у насъ тутъ стали твориться,—прибавилъ онъ, когда дворецкій вышелъ.—Куннингамъ — мировой судья и притомъ очень порядочный человѣкъ. Онъ будетъ страшно огорченъ, такъ какъ этотъ слуга жилъ у него много лѣтъ и хорошо зналъ свое дѣло. Очевидно, все это подвиги тѣхъ же самыхъ негодяевъ, которые залѣзли къ Актону.

— И украли такую странную коллекцію,—прибавилъ задумчиво Холмсъ.

— Мнѣ кажется, это какой-нибудь мѣстный спеціалистъ,—сказалъ полковникъ.—А въ такомъ случаѣ, разумѣется, онъ долженъ былъ посѣтить помѣстья Актона и Куннингама, потому что они здѣсь самыя обширныя.

— И самыя богатыя?

— Должно-быть, хотя владѣльцы уже нѣсколько лѣтъ ведутъ между собой тяжбу, которая изъ обоихъ повысосала, я думаю,

порядочно крови. Старикъ Актонъ имѣетъ право на владѣніе половиной земли Куннингамовъ, и его повѣренные руками и ногами ухватились за это право.

— Ну, если это какой-нибудь здѣшній негодяй, его не трудно найти,— сказалъ Холмсъ, позѣвывая.—Успокойтесь, Ватсонъ, я не намѣренъ вмѣшиваться въ эту исторію.

— Инспекторъ Форрестеръ, сэръ,—доложилъ дворецкій, открывая дверь.

Въ комнату вошелъ представитель власти, бойкій молодой человѣкъ съ тонкими чертами лица.

— Съ добрымъ утромъ, полковникъ,— сказалъ онъ.—Надѣюсь, я не помѣшалъ вамъ своимъ приходомъ. Я слышалъ, что здѣсь мистеръ Холмсъ.

Полковникъ протянулъ руку по направленію моего друга. Инспекторъ поклонился.

— Мы хотѣли бы узнать, не примете ли вы, мистеръ Холмсъ, участіе въ раскрытіи преступленія.

— Сама судьба противъ васъ, Ватсонъ,—смѣясь, сказалъ онъ.—Мы только-что разсуждали объ этомъ, господинъ инспекторъ. Можетъ-быть, вы сообщите намъ нѣкоторыя подробности.

Съ этими словами онъ принялъ, откинувшись на спинку стула, свое обычное въ такихъ случаяхъ положеніе, и я увидѣлъ, что всѣ мои возраженія и протесты не поведутъ ни къ чему.

— Дѣло о кражѣ у Актона осталось для насъ загадкой,—началъ инспекторъ:— но въ послѣднемъ происшествіи у насъ есть точка опоры, а въ обоихъ случаяхъ, безъ сомнѣнія, дѣйствовала одна и та же шайка,—человѣка видѣли.

— Въ самомъ дѣлѣ!

— Да, сэръ. Но, убивъ бѣднаго Вильяма Кирвана, онъ скрылся съ быстротой лани. Мистеръ Куннингамъ-отецъ замѣтилъ его изъ окна спальни, а мистеръ Аликъ Куннингамъ видѣлъ его, стоя въ боковомъ проходѣ. Было безъ четверти двѣнадцать, когда поднялась тревога. Мистеръ Куннингамъ только-что легъ въ постель, а мистеръ Аликъ курилъ въ своей уборной. Оба они слышали, какъ кучеръ Вильямъ звалъ на помощь, и мистеръ Аликъ кинулся посмотрѣть, что случилось. Задняя дверь была отперта, такъ что, сбѣжавъ съ лѣстницы, онъ увидѣлъ внѣ дома двухъ человѣкъ, ожесточенно боровшихся. Одинъ изъ нихъ выстрѣлилъ, другой упалъ, и тогда убійца бросился въ садъ и перескочилъ черезъ заборъ. Мистеръ Куннингамъ, выглянувъ изъ своей спальни, увидѣлъ, что бѣгущій достигъ дороги, но тотчасъ же потерялъ его изъ виду. Мистеръ Аликъ остановился, чтобы посмотрѣть, не можетъ ли онъ помочь умирающему, и такимъ образомъ негодяй скрылся. Кромѣ того, что онъ человѣкъ средняго роста и одѣтъ въ платье темнаго цвѣта, мы ничего не знаемъ, но производимъ энергичные розыски и, если онъ явился со стороны, мы его скоро отыщемъ.

— А какъ было съ Вильямомъ? Произнесъ онъ что-нибудь передъ смертью?

— Ни слова. Онъ живетъ вмѣстѣ со своей матерью, и такъ какъ онъ былъ очень надежнымъ слугой, то мы думаемъ, что онъ подходилъ къ дому посмотрѣть, все ли въ порядкѣ. Конечно, недавній случай съ Актономъ каждаго заставилъ насторожиться. Воръ, должно-быть, только-что отворилъ дверь — замокъ оказался взломаннымъ:—когда Вильямъ наткнулся на него.

— Говорилъ что-нибудь Вильямъ своей матери передъ уходомъ?

— Она очень стара и къ тому же глуха, такъ что нельзя ничего отъ нея добиться. Ударъ наполовину лишилъ ее разсудка. Впрочемъ, я думаю, у нея никогда его много и не было. Все-таки есть одна очень важная улика. Взгляните-ка на это!

Онъ вынулъ изъ записной книжки небольшой смятый кусокъ бумаги и расправилъ его на колѣнѣ.

— Эта бумажка была найдена между большимъ и указательнымъ пальцами убитаго. Повидимому, это обрывокъ какого-то бо̀льшаго листка. Замѣтьте, что часъ, обозначенный на листкѣ, какъ разъ совпадаетъ со временемъ совершенія убійства. Вы видите, или убійца вырвалъ остальную часть изъ рукъ пострадавшаго, или послѣдній получилъ этотъ кусокъ отъ убійцы. Въ написанныхъ словахъ звучитъ какъ бы приглашеніе.

Холмсъ взялъ обрывокъ бумаги съ слѣдующими словами:

без четверти двѣнадцать
узнаете то, что
можетъ быть

— Предполагая, что это—приглашеніе,—продолжалъ инспекторъ:—конечно, можно допустить, что этотъ Вильямъ Кирванъ, хотя и пользовался репутаціей честнаго человѣка, вступилъ съ воромъ въ соглашеніе. Онъ могъ встрѣтить вора на мѣстѣ, могъ даже помочь ему взломать дверь, и затѣмъ, вѣроятно, между ними произошла ссора.

— Эта записка чрезвычайно интересна,—промолвилъ Холмсъ, разсматривая ее съ напряженнымъ вниманіемъ. Когда Холмсъ поднялъ голову, я съ удивленіемъ увидѣлъ, что щеки моего друга покрылись румянцемъ, а его глаза пріобрѣли обычное острое выраженіе, которое они потеряли за время болѣзни. Со всей своей прежней энергіей онъ вскочилъ на ноги.

— Знаете что?—воскликнулъ онъ.—Я желалъ бы самъ видѣть обстановку этого происшествія. Если, полковникъ, вы разрѣшите, я покину васъ и моего друга и отправлюсь туда съ инспекторомъ. Черезъ полчаса я вернусь.

Прошло полтора часа, и, наконецъ, инспекторъ вернулся одинъ.

— Мистеръ Холмсъ прогуливается взадъ и впередъ по дорожкѣ,—сказалъ онъ.—Онъ хочетъ, чтобы мы всѣ вчетверомъ отправились въ домъ.

— Къ мистеру Куннингаму?

— Да, сэръ.

— Чего ради?

Инспекторъ пожалъ плечами.

— Не знаю, сэръ. Между нами будь сказано, мнѣ кажется, что мистеръ Холмсъ не совсѣмъ оправился отъ болѣзни. Онъ очень возбужденъ и ведетъ себя не совсѣмъ нормально.

Выйдя въ садъ, мы увидѣли Холмса. Онъ шагалъ взадъ и впередъ, опустивъ голову на грудь и засунувъ руки въ карманы.

— Ну, Ватсонъ, наша экскурсія оказалась не безплодной,—сказалъ онъ, когда мы приблизились.—Я восхитительно провелъ сегодняшнее утро.

— Вы были на мѣстѣ драмы?—спросилъ полковникъ.

— Какъ же; мы видѣли немало интереснаго. Я разскажу вамъ, что̀ мы дѣлали. Прежде всего мы осмотрѣли тѣло несчастнаго. Онъ, разумѣется, умеръ отъ раны, причиненной выстрѣломъ изъ револьвера, какъ намъ и сообщали. Осмотръ трупа длился не долго. Затѣмъ, мы интервьюировали мистера Куннингама и его сына, и они могли намъ точно указать то мѣсто, гдѣ убійца, убѣгая, перелѣзъ черезъ ограду сада. Это въ высшей степени важно и интересно.

— Конечно.

— Затѣмъ, мы повидались съ матерью этого бѣднаго малаго, но ничего не могли отъ нея узнать: она очень стара и слаба.

— Каковъ же результатъ вашихъ разслѣдованій?

— Убѣжденіе, что преступленіе это совершенно особаго сорта. Быть-можетъ, нашъ визитъ туда прольетъ на него свѣтъ и разъяснитъ многое. Я думаю, инспекторъ согласенъ со мной, что клочокъ бумаги въ рукѣ мертвеца, съ обозначеніемъ часа его смерти,—вещь величайшей важности.

— Онъ долженъ дать намъ ключъ ко всему, мистеръ Холмсъ.

— Онъ *даетъ* этотъ ключъ. Напи-

савшій записку, кто бы онъ ни былъ, и есть тотъ человѣкъ, который поднялъ въ указанный часъ Вильяма Кирвана съ постели. Но гдѣ остальная часть отъ листка бумаги?

— Я тщательно осмотрѣлъ почву кругомъ въ надеждѣ ее найти, — сказалъ инспекторъ.

— Она была вырвана изъ руки убитаго. Почему кто-то старался овладѣть ею? И что онъ могъ съ ней сдѣлать? Всего вѣроятнѣе—сунуть ее въ карманъ, не обративъ вниманія на то, что уголокъ ея остался межъ пальцевъ трупа. Очевидно, что если бы мы могли заполучить остальную часть листка, мы значительно сократили бы себѣ путь къ разгадкѣ задачи.

— Да, но какъ намъ залѣзть въ карманъ къ преступнику, прежде чѣмъ мы его поймаемъ?

— Да, да, надъ этимъ стоитъ призадуматься. Очевидно также слѣдующее: записка была послана Вильяму, и написавшій ее человѣкъ не могъ ее самъ вручить, иначе, конечно, онъ объяснился бы на словахъ. Кто же тогда доставилъ записку? Или она была послана по почтѣ?

— Я изслѣдовалъ это,—сказалъ инспекторъ:—Вильямъ получилъ письмо вчера съ дневной почтой. Конвертъ онъ уничтожилъ.

— Превосходно!—воскликнулъ Холмсъ, хлопая инспектора по спинѣ.—Вы видѣли почтальона? Съ вами работать — одно удовольствіе. Ну, вотъ мы и пришли. Если хотите, полковникъ, я покажу вамъ мѣсто дѣйствія.

Мы миновали опрятный домикъ, гдѣ жилъ убитый, и, пройдя по дубовой аллеѣ, приблизились къ красивому зданію временъ королевы Анны. Инспекторъ и Холмсъ обвели насъ кругомъ него, послѣ чего мы подошли къ боковому входу, отдѣленному отъ примыкающей къ дорогѣ ограды участкомъ сада. У дверей въ кухню стоялъ констебль.

— Отворите-ка дверь,—сказалъ ему Холмсъ.—Вотъ та лѣстница, на которой стоялъ молодой мистеръ Куннингамъ и видѣлъ борьбу двухъ человѣкъ, какъ разъ тамъ, гдѣ мы теперь находимся. Мистеръ Куннингамъ старшій смотрѣлъ вотъ изъ этого окна—второго слѣва, когда онъ увидѣлъ человѣка, бѣгущаго налѣво отъ того куста. То же видѣлъ и сынъ. Въ направленіи—влѣво отъ куста—они оба твердо увѣрены. Затѣмъ мистеръ Аликъ выбѣжалъ и опустился на колѣни возлѣ раненаго. Земля очень тверда, какъ вы видите, и на ней нѣтъ слѣдовъ, которые могли бы помочь намъ.

Пока онъ говорилъ, на дорожкѣ изъ-за угла дома показались двое людей. Старшій изъ нихъ отличался мужественными, рѣзкими чертами лица и непріятнымъ взглядомъ; другой, элегантный молодой человѣкъ съ веселымъ, смѣющимся выраженіемъ лица, своимъ жизнерадостнымъ видомъ составлялъ странный контрастъ съ тѣмъ мрачнымъ дѣломъ, которое насъ сюда привело.

— Все еще здѣсь? — сказалъ онъ, обращаясь къ Холмсу. — Я думалъ, что вы, лондонскіе спеціалисты, скоро дѣлаете ваше дѣло. Однако, какъ видно, вы не торопитесь.

— Ахъ! Должны же вы дать намъ сколько-нибудь времени,—весело отвѣчалъ Холмсъ.

— Да, вамъ его понадобится немало,—сказалъ молодой Куннингамъ.—Я что-то не вижу, чтобы вы открыли ключъ ко всему этому.

— Пока мы пришли къ слѣдующему выводу,—вмѣшался инспекторъ.—Мы думаемъ, что если бы только намъ удалось отыскать... Боже! Мистеръ Холмсъ, что съ вами?!

Лицо моего бѣднаго друга внезапно приняло ужасающее выраженіе. Глаза его выступили изъ орбитъ, черты лица исказились, какъ въ агоніи, и съ подавленнымъ стономъ онъ упалъ на землю. Испуганные внезапностью и силой припадка, мы внесли его въ кухню

и усадили на стулъ. Нѣсколько минутъ онъ тяжело дышалъ. Наконецъ, съ выраженіемъ стыда на лицѣ, извиняясь за свою слабость, онъ всталъ.

— Ватсонъ можетъ вамъ сказать,— объяснилъ онъ:—что я только-что оправился отъ тяжелой болѣзни. Я еще подверженъ этимъ внезапнымъ нервнымъ припадкамъ.

— Не уѣхать ли вамъ домой въ моемъ экипажѣ?—спросилъ старый Кунингамъ.

— Разъ ужъ я здѣсь, мнѣ хотѣлось бы убѣдиться въ одномъ обстоятельствѣ, которое мы очень легко можемъ выяснить.

— Въ какомъ?

— Мнѣ представляется вполнѣ возможнымъ, что бѣдняга Вильямъ явился не до, а послѣ проникновенія вора въ домъ. Вы, повидимому, считаете доказаннымъ, что, хотя дверь была взломана, воръ не вошелъ въ нее?

— Я полагаю, что это вполнѣ очевидно,—нехотя отвѣчалъ мистеръ Кунингамъ.—Вѣдь мой сынъ Аликъ еще не ложился и навѣрно услышалъ бы всякое движеніе въ домѣ.

— Гдѣ онъ сидѣлъ?

— Я сидѣлъ и курилъ въ своей уборной.

— Гдѣ окно изъ нея?

— Послѣднее слѣва, рядомъ съ комнатой моего отца.

— Обѣ ваши лампы горѣли, конечно?

— Разумѣется.

— Тутъ есть совершенно непонятныя обстоятельства, — сказалъ съ улыбкой Холмсъ.—Не замѣчательно ли, что воръ,— воръ, имѣвшій уже практику,—сталъ преспокойно ломиться въ домъ въ то время, когда, какъ онъ не могъ не видѣть по свѣту, два человѣка были еще на ногахъ.

— Должно-быть, онъ былъ не трусъ.

— Конечно, не будь этотъ случай такимъ страннымъ, мы не были бы вынуждены спрашивать у васъ объясненія,— сказалъ мистеръ Аликъ.—Но что касается вашего предположенія, будто воръ проникъ въ домъ, прежде чѣмъ Вильямъ засталъ его, по-моему это—чистѣйшая нелѣпость. Развѣ мы нашли что-нибудь въ безпорядкѣ, или какіе-нибудь предметы у насъ пропали?

— Это зависитъ отъ того, каковы были предметы, — возразилъ Холмсъ. — Помните, что мы имѣемъ дѣло съ воромъ весьма оригинальнымъ, который руководствуется своими собственными соображеніями. Посмотрите, напримѣръ, на странный выборъ вещей, которыя онъ стащилъ у Актона,—клубокъ веревокъ, вѣсы для писемъ и, чортъ знаетъ, что еще.

— Хорошо, мы всецѣло къ вашимъ услугамъ, мистеръ Холмсъ,—сказалъ Кунингамъ-отецъ.—Все, что вы или инспекторъ можете найти нужнымъ, непремѣнно будетъ сдѣлано.

— Прежде всего,—сказалъ Холмсъ:— я хотѣлъ бы, чтобы вы предложили вознагражденіе лично отъ себя тому, кто найдетъ преступника. Я уже составилъ здѣсь текстъ объявленія. Вамъ остается только подъ нимъ подписаться. Пятидесяти фунтовъ, я думаю, вполнѣ достаточно.

— Я охотно далъ бы пятьсотъ,—отвѣчалъ мировой судья, взявъ у Холмса кусокъ бумаги и карандашъ, которые тотъ ему протянулъ.—Но здѣсь одно не совсѣмъ вѣрно, — прибавилъ онъ, взглянувъ на бумагу.

— Я торопился, когда писалъ.

— Видите ли, въ началѣ: «Вслѣдствіе того, что во вторникъ около трехъ четвертей перваго часа утра произведена была попытка...» и т. д. На самомъ дѣлѣ убійство совершено было въ безъ четверти двѣнадцать.

Мнѣ сдѣлалось больно за моего друга при видѣ этой ошибки, потому что я прекрасно зналъ, какъ близко къ сердцу Холмсъ принимаетъ всякое упущеніе въ томъ, что касается фактовъ. Но недавняя болѣзнь подѣйствовала на него, и уже эта маленькая случайность показывала мнѣ,

что онъ еще не оправился окончательно. Нѣкоторое время онъ, повидимому, находился въ затрудненіи, не понимая, въ чемъ ошибка. Инспекторъ поморщился, а Аликъ Куннингамъ засмѣялся. Старый джентльменъ исправилъ бумагу и вернулъ ее Холмсу.

— Пусть какъ можно скорѣй напечатаютъ,—прибавилъ онъ.—Благодарю, что поправили.

Холмсъ бережно вложилъ листикъ бумаги въ свою записную книжку.

— А теперь,—сказалъ онъ:—хорошо бы намъ всѣмъ вмѣстѣ пройтись по дому и убѣдиться, не стащилъ ли чего-нибудь, въ концѣ-концовъ, этотъ бродяга.

Прежде чѣмъ войти въ домъ, Холмсъ осмотрѣлъ взломанную дверь. Очевидно было, что орудіемъ взлома послужило долото или крѣпкій ножъ, которымъ, какъ рычагомъ, былъ оторванъ замокъ. На деревѣ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ на него опирали инструментъ, видны были вдавленныя мѣста.

— Вы, значитъ, не употребляете болтовъ?—спросилъ онъ.

— Мы никогда не считали это необходимымъ.

— И не держите собаки?

— Нѣтъ, держимъ, но она привязана съ другой стороны дома.

— Когда ваша прислуга ложится спать?

— Около десяти.

— Я думаю, и Вильямъ въ это время обыкновенно былъ въ постели?

— Да.

— Странно, что какъ разъ въ эту ночь онъ былъ еще на ногахъ. Итакъ, не будете ли вы добры показать намъ домъ, мистеръ Куннингамъ.

Вымощенный каменными плитами проходъ съ дверьми въ кухни и людскія по сторонамъ велъ къ деревянной лѣстницѣ въ первый этажъ. Послѣдняя оканчивалась обширной площадкой, въ противоположный край которой упиралась другая, болѣе изящная лѣстница, ведущая изъ главнаго зала. На эту площадку выходили двери отъ гостиной и спаленъ, и въ числѣ ихъ отъ спальни мистера Куннингама и его сына. Холмсъ подвигался медленно, обращая вниманіе на каждую мелочную подробность въ устройствѣ дома.

— Милѣйшій мой сэръ,—сказалъ съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ мистеръ Куннингамъ:—въ этомъ хожденіи, навѣрное, нѣтъ надобности. Вотъ у лѣстницы моя комната, а вонъ тамъ комната моего сына. Судите сами, могъ ли воръ забраться сюда, не потревоживъ насъ.

— Мнѣ хотѣлось посмотрѣть, какъ далеко видно изъ оконъ спаленъ,—отвѣтилъ Холмсъ.—Это, я полагаю, комната вашего сына,—онъ открылъ дверь,—а это, какъ мнѣ кажется, уборная, въ которой онъ курилъ, когда началась тревога. Гдѣ окно, изъ котораго онъ смотрѣлъ?

Онъ прошелъ черезъ комнату, отворилъ дверь и заглянулъ въ другую.

— Надѣюсь, теперь вы удовлетворены?—спросилъ Куннингамъ.

— Кажется, я видѣлъ все, что хотѣлъ. Благодарю васъ.

— А то, мы можемъ зайти въ мою комнату, если это необходимо.

— Пожалуйста, если это васъ не затруднитъ.

Мировой судья пожалъ плечами и ввелъ насъ въ свою комнату, которая была очень просто убрана. Пока мы подходили къ окну, Холмсъ немного отсталъ, такъ что онъ и я оказались въ хвостѣ всей группы. У кровати стоялъ небольшой четырехъугольный столикъ, а на немъ блюдо съ апельсинами и графинъ воды. Когда мы проходили мимо этого стола, Холмсъ, къ моему невыразимому удивленію, протянулъ руку изъ-за моей спины и съ силой его толкнулъ. Блюдо полетѣло на полъ и разбилось, фрукты покатились во всѣ стороны. Вода полилась на коверъ.

— Ну, и надѣлали же вы дѣлъ, Ватсонъ,—спокойно сказалъ онъ.—Хорошо вы обработали коверъ, нечего сказать.

Я въ смущеніи нагнулся и началъ подбирать апельсины, сообразивъ, что мой спутникъ не безъ цѣли свалилъ вину на меня.

— Эй!—закричалъ инспекторъ.—Куда онъ дѣлся?! Холмсъ исчезъ.

— Подождите минутку здѣсь, — поспѣшно проговорилъ молодой Куннингамъ. — Кажется, этотъ малый совсѣмъ потерялъ голову. Пойдемте, отецъ, посмотримъ, гдѣ онъ!

И они стремглавъ ринулись изъ комнаты, а полковникъ, инспекторъ и я остались, глядя въ недоумѣніи другъ на друга.

Вдругъ раздался крикъ: «Помогите! помогите!» Я съ ужасомъ узналъ голосъ моего друга. Какъ сумасшедшій, выбѣжалъ я на площадку. Крики превратились въ хриплый неясный вой, несшійся изъ комнаты, которую мы посѣтили прежде другихъ. Я бросился въ нее и затѣмъ въ сосѣднюю съ ней уборную. Оба Куннингама насѣли на распростертаго на полу Шерлока Холмса, и пока младшій душилъ его, держа двумя руками за горло, старшій, казалось, крутилъ одну изъ кистей его рукъ. Въ одно мгновеніе мы втроемъ отбросили ихъ прочь. Холмсъ поднялся на ноги блѣдный и, видимо, сильно измученный.

— Арестуйте этихъ людей, инспекторъ!—съ трудомъ дыша, произнесъ онъ.

— За что?

— За убійство ихъ кучера, Вильяма Кирвана.

Инспекторъ уставился въ изумленіи на Холмса.

— Послушайте, мистеръ Холмсъ, — сказалъ онъ наконецъ.—Я увѣренъ, что вы не думаете серьезно, будто......

— Стойте; взгляните скорѣй на ихъ лица!—вдругъ закричалъ Холмсъ.

Никогда не видалъ я, чтобы человѣческая внѣшность болѣе откровенно отражала на себѣ признаніе вины. Отецъ, казалось, былъ ошеломленъ и застылъ неподвижно съ тяжелымъ, мрачнымъ выраженіемъ на лицѣ. Сынъ вмѣстѣ съ игривостью потерялъ весь свой щегольской лоскъ. Свирѣпость разъяреннаго звѣря сквозила въ его глазахъ, искажая красивыя черты лица. Инспекторъ не вымолвилъ ни слова и, подойдя къ двери, далъ свистокъ. На его зовъ явились двое констеблей.

— У меня не остается другого выбора, какъ арестовать васъ, мистеръ Куннингамъ,—заговорилъ инспекторъ:—хотя я увѣренъ, что на дѣлѣ все это окажется глупымъ недоразумѣніемъ, но вы сами можете видѣть, что... А, вы такъ!? Бросьте скорѣй!

Съ этими словами онъ вышибъ изъ рукъ молодого человѣка револьверъ, курокъ котораго тотъ началъ-было взводить. Оружіе со стукомъ упало на полъ.

— Приберегите эту вещицу,—сказалъ Холмсъ, быстро наступая на револьверъ.— Вамъ она пригодится при допросѣ обвиняемыхъ. А вотъ и то, чего намъ недоставало.

Онъ протянулъ небольшой скомканный обрывокъ бумаги.

— Остатокъ записки!—вскричалъ инспекторъ.

— Онъ самый.

— Гдѣ же онъ былъ?

— Тамъ, гдѣ я и предполагалъ. Я скоро вамъ все разскажу. Вы, полковникъ, и Ватсонъ, я думаю, можете вернуться домой, а я присоединюсь къ вамъ черезъ часъ, самое позднее. Инспектору и мнѣ нужно поговорить съ арестованными, но я, вѣроятно, поспѣю къ завтраку.

Шерлокъ Холмсъ оказался вѣрнымъ своему слову и около часа дня вошелъ въ гостиную, гдѣ сидѣли полковникъ и я. Онъ явился въ сопровожденіи низенькаго пожилого господина, который былъ представленъ мнѣ, какъ мистеръ Актонъ, недавно сдѣлавшійся жертвой страннаго грабежа.

— Мнѣ хотѣлось демонстрировать это маленькое дѣльце въ присутствіи мистера Актона, — сказалъ Холмсъ: — такъ какъ подробности преступленія естественно должны его интересовать. Боюсь, дорогой мой полковникъ, что вы проклянете тотъ день и часъ, когда связались съ такимъ безпокойнымъ малымъ, какъ я.

— Наоборотъ, — отвѣчалъ съ жаромъ полковникъ. — Я считаю величайшимъ для себя удовольствіемъ разрѣшеніе заглянуть хоть однимъ глазомъ въ ваши таинственные методы разслѣдованія преступленій.

— Ну, такъ вотъ... Въ искусствѣ раскрытія преступленій, — началъ Холмсъ: — въ высшей степени важно умѣть среди большого числа фактовъ отличать существенные отъ случайныхъ. Въ данномъ случаѣ, въ моемъ умѣ съ самаго начала не было ни малѣйшаго сомнѣнія, что ключъ разгадкѣ всего происшествія нужно искать въ кусочкѣ бумаги, взятомъ изъ руки убитаго. Прежде чѣмъ коснуться подробностей, я обращу ваше вниманіе на то обстоятельство, что, если разсказъ Алика Куннингама былъ правиленъ, и если разбойникъ, выстрѣливъ въ Вильяма Кирвана, немедленно убѣжалъ, то, очевидно, не онъ вырвалъ бумагу изъ руки мертвеца. Если же не онъ, то это сдѣлалъ самъ Аликъ Куннингамъ, такъ какъ къ тому времени, когда къ трупу спустился Куннингамъ-отецъ, на мѣсто дѣйствія уже явились слуги. Фактъ самъ по себѣ весьма простой, но инспекторъ проглядѣлъ его, исходя изъ предположенія, что эти помѣщики не замѣшаны въ дѣлѣ. Я же поставилъ себѣ правиломъ всегда безъ предубѣжденій послушно слѣдовать за тѣмъ, къ чему ведутъ меня факты. И вотъ, на первой же ступени слѣдствія мнѣ нужно было уяснить себѣ роль, которую игралъ во всемъ этомъ дѣлѣ мистеръ Аликъ Куннингамъ. Прежде всего я тщательно изучилъ уголокъ бумаги, который доставилъ намъ инспекторъ, и для меня сдѣлалось яснымъ, что этотъ клочокъ составляетъ часть весьма замѣчательнаго документа. Вотъ онъ. Не бросается ли вамъ въ немъ что-нибудь въ глаза?

— У него какой-то не совсѣмъ нормальный видъ, — сказалъ полковникъ.

— Дорогой мой! — вскричалъ Холмсъ. — Тутъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что записка составлена двумя лицами, причемъ слова писались каждымъ поочередно. Если вы только внимательно всмотритесь въ нее, то сейчасъ же замѣтите, что слова «безъ» и «двѣнадцать» написаны одной рукой, а «четверти» и «узнаете» — другой. Самый поверхностный анализъ этихъ четырехъ словъ заставилъ бы васъ признать, что первыя два изъ названныхъ мною словъ написаны болѣе твердой рукой, чѣмъ вторыя.

— Да, это ясно, какъ день! — воскликнулъ полковникъ. — Зачѣмъ только понадобилось писать письмо такимъ необыкновеннымъ образомъ?

— Очевидно, дѣло, которое они затѣяли, было нечисто, и, не довѣряя другъ другу, они рѣшили, что каждый внесетъ въ него ровную долю участія. Тотъ изъ нихъ, который написалъ слова «безъ» и «двѣнадцать», и былъ коноводомъ.

— Какъ вы дошли до такого заключенія?

— Мы можемъ это вывести изъ сравненія того и другого почерка. Но есть и другія причины, заставляющія предположить то же самое. Если вы хорошенько вглядитесь въ эту бумажку, вы неизбѣжно придете къ убѣжденію, что человѣкъ, обладающій болѣе твердымъ почеркомъ, первый написалъ всѣ выпавшія на его долю слова, оставляя для другого пустыя мѣста. Эти промежутки не всегда были достаточно велики, потому что, какъ вы можете видѣть, писавшій вторымъ долженъ былъ сжать слово «четверти», чтобы помѣстить его между словами «безъ» и «двѣнадцать». Значитъ, послѣднія уже были написаны. Тотъ, кто первый написалъ свои слова, несомнѣнно и есть человѣкъ, всѣмъ руководившій.

— Великолѣпно! — воскликнулъ мистеръ Актонъ.

— Но очень просто, — добавилъ Холмсъ. — Теперь мы подходимъ, — продолжалъ онъ: — къ другому обстоятельству, не лишенному значенія. Вамъ, можетъ-быть, неизвѣстно, что можно опредѣлить возрастъ человѣка по его почерку довольно точно. Я говорю о

нормальныхъ случаяхъ, потому что плохое здоровье и физическая слабость старятъ почеркъ, даже когда страдающій этими недостатками молодъ. Въ данномъ случаѣ, смотря на смѣлыя, твердыя буквы одного и отрывистыя, но еще не потерявшія своей четкости другого, мы можемъ смѣло утверждать, что первый—человѣкъ молодыхъ лѣтъ, а второй—уже пожилой, но еще не старый.

— Безподобно! — воскликнулъ снова мистеръ Актонъ.

— Кромѣ того, налицо имѣются еще и другіе признаки, не столь бросающіеся въ глаза, но гораздо болѣе интересные. Между обоими почерками много общаго. Они должны принадлежать родственникамъ. Я, конечно, даю вамъ только главные выводы, къ которымъ привела меня бумажка, кромѣ двадцати трехъ другихъ, интересныхъ скорѣе для экспертовъ, чѣмъ для васъ. Всѣ они еще болѣе усиливаютъ впечатлѣніе, что это письмо написали отецъ и сынъ Куннингамы. Когда въ своихъ умозаключеніяхъ я зашелъ такъ далеко, первое, что я затѣмъ предпринялъ, было изученіе подробностей преступленія. Я хотѣлъ видѣть, насколько онѣ могутъ облегчить намъ достиженіе нашей цѣли. Для этого я прошелъ вмѣстѣ съ инспекторомъ къ дому и осмотрѣлъ все, что только можно было видѣть. Рана на трупѣ была, какъ я могъ съ увѣренностью опредѣлить, произведена выстрѣломъ изъ револьвера на разстояніи, превышающемъ четыре ярда. Слѣдовательно, мистеръ Аликъ Куннингамъ лгалъ, утверждая, что выстрѣлъ раздался въ то время, когда два человѣка боролись. Показанія отца и сына относительно мѣста ограды, черезъ которое злодѣй перебрался на дорогу, сходились; но въ указанномъ пунктѣ какъ разъ была широкая лужа, а на ней никакихъ слѣдовъ ногъ не оказалось. Тогда я положительно увѣрился, что Куннингамы и тутъ врали, и что вообще на мѣстѣ дѣйствія никакого посторонняго человѣка не было. Теперь мнѣ предстояло выяснить мотивы этого страннаго преступленія. Чтобы узнать ихъ, я постарался разгадать истинныя причины оригинальной покражи у мистера Актона. Изъ того немногаго, что разсказалъ мнѣ полковникъ, я зналъ о тяжбѣ между вами, мистеръ Актонъ, и Куннингамами. Вскорѣ меня осѣнила мысль, что они залѣзли въ вашу библіотеку съ намѣреніемъ добыть какой-нибудь документъ, имѣвшій значеніе въ этой тяжбѣ.

— Совершенно вѣрно,—замѣтилъ мистеръ Актонъ:—въ ихъ намѣреніяхъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Я имѣю безспорное право на половину имѣнія Куннингамовъ; если бы только они отыскали одну, единственную, бумагу,—которая, къ счастью, хранится въ надежномъ бюро моихъ повѣренныхъ, ихъ дѣло, несомнѣнно, было бы выиграно.

— Ну, вотъ! И вы думаете то же самое,—сказалъ съ улыбкой Холмсъ.—Это была опасная, безразсудная попытка, въ которой, мнѣ кажется, видно вліяніе молодого Алика. Не найдя ничего, они пытались отвратить отъ себя подозрѣніе, представивъ происшествіе въ видѣ простой кражи, для чего и взяли, что имъ попалось подъ руку. Все это достаточно ясно, но въ дѣлѣ оставалось еще много темнаго и непонятнаго. Больше всего мнѣ хотѣлось достать недостающую часть этой записки. Я былъ твердо увѣренъ, что ее вырвалъ изъ руки убитаго Аликъ, и былъ почти увѣренъ, что онъ сунулъ ее въ карманъ своихъ брюкъ. Иначе, куда же онъ могъ ее дѣвать? Вопросъ только, была ли она еще тамъ. Необходимо было приложить всѣ старанія, чтобы найти ее, и для этого-то мы всѣ и вошли въ домъ. Куннингамы встрѣтили насъ, какъ вы, конечно, помните, около кухонной двери. Разумѣется, было въ высшей степени важно, чтобы они не вспомнили о существованіи этой бумажонки; иначе они, естественно, безъ замедленія ее бы уничтожили. Инспекторъ собирался объявить имъ

о томъ значеніи; которое мы ей придаемъ, но, по удивительной случайности, я подвергся чему-то въ родѣ припадка, и тѣмъ прервалъ начавшійся разговоръ.

— О, всеблагія небеса! — со смѣхомъ вскричалъ полковникъ. — Неужели наше соболѣзнованіе и сочувствіе было излишне, и мы сдѣлались жертвой обмана?

— Скажу, какъ докторъ, вы разыграли вашу роль восхитительно,—воскликнулъ я, смотря съ изумленіемъ на этого человѣка, который постоянно поражалъ меня какимъ-нибудь новымъ проявленіемъ своей тонкой изобрѣтательности.

— Это—искусство, которое часто бываетъ полезно,—сказалъ онъ.—Оправившись, я заставилъ Куннингама способомъ, который не лишенъ, быть-можетъ, нѣкоторой доли находчивости,—написать слово «двѣнадцать», чтобы сравнить его съ тѣмъ же словомъ на запискѣ.

— Ахъ, что я былъ за оселъ, — воскликнулъ я.

— Я видѣлъ, вы жалѣли, что я такъ слабъ,—смѣясь, сказалъ Холмсъ.—Мнѣ очень досадно, что я причинилъ вамъ огорченіе, которое, я знаю, вы чувствовали. Затѣмъ мы поднялись вмѣстѣ наверхъ, и, войдя въ одну изъ комнатъ, за дверью на крючкѣ я увидалъ брюки. Опрокинувъ столъ и тѣмъ на минуту отвлекши вниманіе Куннингамовъ, я скользнулъ обратно, чтобы освидѣтельствовать карманы панталонъ, и не безъ труда нашелъ бумажку, которая, какъ я ожидалъ, оказалась въ одномъ изъ нихъ. Въ это самое время въ меня впились оба Куннингама и, какъ я глубоко убѣжденъ, задушили бы меня, если бы не подоспѣла ваша быстрая и дружная помощь. Моя шея еще до сихъ поръ чувствуетъ пожатіе руки молодого человѣка, и я хорошо помню, что его отецъ, силясь вырвать записку, чуть не свернулъ мнѣ кисть руки. Они поняли, что мнѣ все извѣстно, и, какъ видите, внезапный переходъ отъ чувства совершенной безопасности къ полному отчаянію привелъ ихъ въ состояніе невмѣняемости. Я говорилъ потомъ съ старымъ Куннингамомъ о причинахъ, побудившихъ его совершить убійство. Съ нимъ еще можно было говорить, тогда какъ его сынъ превратился въ настоящаго дьявола, готоваго размозжить свою или чью угодно голову, попадись ему только револьверъ. Когда Куннингамъ-отецъ увидѣлъ, что улики противъ него слишкомъ вѣски, онъ палъ духомъ и чистосердечно признался во всемъ. Изъ его разсказа явствуетъ, что Вильямъ потихоньку слѣдилъ за своими господами въ ту ночь, когда они забрались въ библіотеку мистера Актона, и, овладѣвъ, такимъ образомъ, ихъ тайной, получилъ возможность ихъ шантажировать угрозами разоблаченій. Однако съ Аликомъ опасно было шутить такія шутки. Съ его стороны было положительно геніально воспользоваться мнимымъ грабежомъ, напугавшимъ весь околотокъ, какъ средствомъ отдѣлаться отъ страшнаго ему человѣка. Вильяма заманили въ западню и убили. Вырви они всю записку цѣликомъ и обрати они больше вниманія на подробности преступленія, противъ нихъ, навѣрно, никогда не возникла бы и тѣнь подозрѣнія.

— А записка?—спросилъ я.

Шерлокъ Холмсъ передалъ намъ слѣдующую записку:

Если вы придете | безъ четверти двѣнадцать
къ двери кладовой—вы | узнаете то, что
очень сильно удивитъ васъ и | можетъ быть
чрезвычайно полезнымъ для васъ, а также для Анны Моррисонъ. Но не говорите ничего никому объ этомъ.

— Я чего-нибудь въ этомъ родѣ и ожидалъ,—сказалъ онъ.—Конечно, мы не знаемъ, какія отношенія могли существовать между Аликомъ Куннингамомъ, Вильямомъ Кирваномъ и Анной Моррисонъ. Но результатъ показываетъ, что ловушка была искусно придумана.

Теперь, Ватсонъ, я думаю, пора положить конецъ нашему тихому деревенскому отдыху, и завтра намъ можно вернуться съ обновленными силами на улицу Бекеръ.

Что новаго въ литературѣ?

Критическіе очерки Р. И. Сементковскаго.

Новое подтвержденіе франко-русскаго союза и отзывы печати.—Моя книга: «Въ ожиданіи войны».—Почему русская печать относилась такъ долго къ союзу отрицательно. — Г. Волжскій объ Успенскомъ и Достоевскомъ. — Идеальный «иностранецъ».—Приговоръ Успенскаго и Достоевскаго надъ русской интеллигенціей.—Гегелевская тріада и кантовская критическая философія.—О народной правдѣ и интеллигентной лжи.—Душевная раздвоенность русской интеллигенціи.—Реальные интересы и теоретическіе принципы. — Воля, долгъ и дѣло. — Когда прекратится душевная раздвоенность русскаго интеллигентнаго человѣка.

I.

«Прекрасные французскіе дни миновали»,—можно воскликнуть, слегка измѣнивъ знаменитый стихъ Шиллера, а вмѣстѣ съ тѣмъ пора разобраться въ томъ, что они намъ дали. Если подвести итогъ всѣмъ разсужденіямъ по поводу «прекрасныхъ французскихъ дней», то получится слѣдующій выводъ: будничная наша жизнь смѣнилась праздничнымъ настроеніемъ; въ воздухѣ пронеслось нѣчто, возвышающее душу; всѣ жили одною мыслью, однимъ чувствомъ; франко-русскій союзъ необходимъ для упроченія великаго народнаго блага—мира; онъ непоколебимъ, потому что вызванъ не хитроумными комбинаціями дипломатовъ, а коренится въ народныхъ симпатіяхъ.

Остановимся на послѣдней мысли. Вѣдь, въ сущности, она немного сомнительна. Когда, собственно, возникли эти глубокія народныя симпатіи между русскими и французами, — со времени ли кронштадтской встрѣчи или же раньше? Всѣмъ извѣстно, что наши симпатіи къ французамъ имѣютъ значительную давность. Уже въ позапрошломъ вѣкѣ русская интеллигенція тяготѣла къ Франціи. Но это нисколько не мѣшало Франціи гадить намъ во внѣшнихъ дѣлахъ, особенно въ Турціи, какъ умѣютъ намъ гадить, по нашему убѣжденію, только англичане. Позапрошлый вѣкъ кончился тѣмъ, что мы вступили въ вооруженную борьбу съ Франціей, и если Суворовъ не столкнулся на полѣ сраженія съ Наполеономъ, то только благодаря случайности. Прошлый вѣкъ, несмотря на наши симпатіи къ Франціи, начался соперничествомъ между двумя государствами, которое привело къ отечественной войнѣ, съ своей стороны заставившей насъ идти на Парижъ. Въ томъ же вѣкѣ Франція образовала новую коалицію противъ Россіи, которой мы обязаны севастопольскимъ погромомъ. Все это привело къ тому, что наши симпатіи къ Франціи значительно охладѣли, и франко-русскій союзъ представлялся намъ чѣмъ-то невозможнымъ, даже дикимъ. Когда Пруссія объявила войну Франціи, то Россія оказалась на сторонѣ первой. Полный разгромъ Франціи насъ, однако, озадачилъ, и когда въ 1875 г. Пруссія собиралась нанести новый ударъ Франціи, чтобы окончательно ее обезсилить, императоръ Александръ II пріѣхалъ въ Берлинъ и заступился за Францію, содѣйствовавъ восторжествованію болѣе миролюбиваго настроенія.

Однако и тогда еще русско-французскій союзъ казался всѣмъ чѣмъ-то совершенно несообразнымъ. Я одинъ не раздѣлялъ этого взгляда на дѣло и имѣлъ случай рѣшительно высказаться въ печати за этотъ союзъ. Я утверждалъ тогда, что даже помимо устныхъ или письменныхъ соглашеній или договоровъ, союзъ между Россіей и Франціей не сегодня—завтра состоится, что онъ неизбѣженъ, что онъ вызывается важными реальными интересами, какъ Россіи, такъ и Франціи. Эту мысль я защищалъ въ теченіе многихъ лѣтъ. Но франко-русскій союзъ казался въ то время все еще такою несообразностью, что выраженная мною мысль не только не встрѣтила въ остальной печати сочувствія, а напротивъ, вызвала только насмѣшки. Въ дружномъ хорѣ русской печати всѣ въ одинъ голосъ заявляли, что русско-французскій союзъ—праздная и безсмысленная мечта. Даже заключеніе тройственнаго союза въ 1879 г. ничего тутъ не измѣнило, и русская печать продолжала подтрунивать надъ безсмысленною мечтою, а покойный Катковъ съ свойственною ему торжественностью и категоричностью заявилъ, что у насъ въ Европѣ есть только одинъ другъ,—князь Бисмаркъ, и что германскій канцлеръ лучше нашихъ дипломатовъ уяснилъ себѣ интересы Россіи.

Только съ 1885 г. начинаетъ происходить переломъ во взглядахъ, и съ конца 80-хъ годовъ, т. е. уже наканунѣ кронштадтской встрѣчи, русская печать кореннымъ образомъ измѣняетъ свой взглядъ и начинаетъ находить, что союзъ между Россіей и Франціей—комбинація вполнѣ возможная и даже естественная.

Почему же, несмотря на всѣ наши симпатіи къ французамъ, русская печать, эта выразительница русскаго общественнаго мнѣнія, рѣшительно не въ состояніи была предусмотрѣть столь популярную теперь политическую комбинацію и даже прямо находила ее немыслимою и дикою? Почему тѣ самыя лица, которыя предаются теперь такому восторгу по поводу «французскихъ» дней, еще такъ недавно осмѣивали франко-русскій союзъ? Чѣмъ объясняется эта близорукость? Почему даже такой ревностный защитникъ русскихъ государственныхъ интересовъ, какъ покойный Катковъ, чуть не называлъ измѣнниками, «государственными ворами» тѣхъ, кто высказывался у насъ за союзъ съ Франціею? Всѣ аргументы, собранные мною въ пользу этого союза въ моей книгѣ: «Въ ожиданіи войны», нашу печать не убѣдили. Будучи переведена на французскій языкъ въ Парижѣ, она тамъ встрѣтила большое сочувствіе. У насъ общество отнеслось къ ней совершенно равнодушно. Что-то мѣшало нашему обществу и его представительницѣ, печати, признать франко-русскій союзъ желательнымъ и плодотворнымъ. Что же именно? Вдуматься въ этотъ вопросъ далеко не лишне, чтобы понять, чѣмъ собственно, руководствуется общественное мнѣніе, т. е. чтобы уяснить себѣ психологію нашего общества.

II.

Какъ это ни покажется страннымъ на первый взглядъ, я позволю себѣ, прежде чѣмъ отвѣтить на поставленный вопросъ, коснуться только-что появившейся книги г. Волжскаго: «Два очерка объ Успенскомъ и Достоевскомъ». Однако,—спроситъ читатель:—что общаго между Успенскимъ, Достоевскимъ и франко-русскимъ союзомъ? Успенскій объ этомъ союзѣ ничего не говорилъ; Достоевскій также о немъ не упоминалъ ни въ своихъ беллетристическихъ произведеніяхъ, ни въ своемъ «Дневникѣ писателя». Правда, въ дневникѣ онъ пророчествовалъ въ 70-хъ годахъ, что республика во Франціи продержится безъ году недѣлю, но изъ этой, очень категорически выраженной, посылки онъ не сдѣлалъ никакого вывода относительно возможности или вѣроятности франко-русскаго союза. Комбинація эта была ему столь чужда, что онъ даже не коснулся ея, хотя очень ревностно обсуждалъ политическое положеніе Европы.

Значитъ, ни у Успенскаго, ни у Достоевскаго мы не находимъ никакихъ указаній на занимающій насъ вопросъ, и, тѣмъ не менѣе, книга г. Волжскаго поможетъ намъ уяснить себѣ, почему мы въ данномъ случаѣ оказались столь близорукими.

Г. Волжскій старается выяснить намъ основу міросозерцанія покойнаго Успенскаго. Всѣмъ извѣстно, что этотъ талантливый писатель былъ народникомъ, что центръ его литературнаго значенія лежитъ въ мастерскихъ описаніяхъ нашего народа. Какъ же онъ, однако, относился къ интеллигенціи? Въ чемъ, по его мнѣнію, должно было состоять служеніе послѣдней народу? Г. Волжскій отмѣчаетъ, что Успенскій относился очень пренебрежительно къ русской интеллигенціи, что онъ, правда, вѣрилъ въ важную роль интеллигенціи вообще, но не той интеллигенціи, которая создалась у насъ, а какой-то другой, которая со временемъ еще народится. Для того, чтобы дѣятельность интеллигенціи была плодотворна, ей необходимо найти душевную гармонію. А пока «внутри интеллигентской души что-то треснуло; дребезжитъ она, и нельзя, некуда уйти отъ этого вѣчно грызущаго мучительнаго разлада съ самой собою. Отъ самого себя не убѣжишь,—и вотъ ядовитый червь дальше и дальше растачиваетъ душу ужаснѣйшими противорѣчіями». Душа русскаго интеллигента «расколота», и характерная «черта ея заключается въ исканіи гигантски-огромнаго дѣла и въ игнорированіи, ради такого большого далекаго дѣла, способнаго въ отдаленности своей, быть-можетъ, облагодѣтельствовать человѣчество, — непосредственнаго, живого дѣла, осязательно-полезнаго, находящагося передъ глазами, хотя и не Богъ вѣсть какого большого. Ради журавля въ небѣ, здѣсь съ величавымъ пренебреженіемъ выпускается синица изъ рукъ, именно то, что Некрасовъ запечатлѣлъ въ образѣ Агарина въ поэмѣ «Саша»:

> Книги читаетъ, да по свѣту рыщетъ,
> Дѣла себѣ исполинскаго ищетъ.
> . . . .
> Что жъ подъ руками, того онъ не любитъ,
> То мимоходомъ безъ умысла губитъ".

Но есть люди, не страдающіе этою «расколотостью» души. Таковъ «Иностранецъ» Успенскаго, весь поглощенный исканіемъ и даваніемъ уроковъ, содержащій себя, помогающій матери и прокармливающій даже одного изъ русскихъ интеллигентовъ съ «расколотой» душою. Этотъ ограниченный, мелочной, жалкій «иностранецъ» при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается человѣкомъ величайшей нравственной красоты и цѣльности. Въ концѣ-концовъ, онъ весь отдается своимъ тремъ воспитанникамъ въ деревнѣ. Одинъ изъ нихъ учительствуетъ, другая по-

ступаетъ на фельдшерскіе курсы, чтобы затѣмъ работать въ деревнѣ, а третій вмѣстѣ съ «иностранцемъ» столярничаетъ. Значитъ, на Руси есть и люди съ цѣльною душою. Какъ странно, однако (и этого не замѣтилъ г. Волжскій), что это почти всегда иностранцы или инородцы! Вспомнимъ Костанджогло у Гоголя, Штольца у Гончарова, Инсарова у Тургенева и т. д. Но въ общемъ, какъ выражается Успенскій, «мысль русскаго человѣка, отвыкшая отъ реальнаго дѣла, привыкла молча и неподвижно присутствовать при созерцаніи того самаго зла, объ уничтоженіи котораго эта мысль смертельно печалится». Люди, посвящающіе себя маленькому дѣлу, но ихъ пока очень мало, представляютъ собою цѣльныя натуры; душа у нихъ не раздвоена. Въ ней установилась полная гармонія воли, долга и дѣла. Но люди, «читающіе книги, рыщущіе по свѣту и ищущіе себѣ исполинскаго дѣла», «молча и неподвижно присутствуютъ при созерцаніи зла», устранить которое они всѣми помыслами своими желаютъ. Хороша, значитъ, наша интеллигенція, по мнѣнію Успенскаго!

Г. Волжскій, однако, не думаетъ, что Успенскій произноситъ приговоръ надъ русскою интеллигенціею. Она только еще не успѣла найти душевную гармонію при исполненіи «великаго» дѣла, а поэтому весь вопросъ заключается въ томъ, чтобы найти эту гармонію, другими словами, чтобы осуществить, какъ думаетъ г. Волжскій, знаменитую тріаду Гегеля. Формулируется она въ данномъ случаѣ слѣдующимъ образомъ: «Безсознательная гармонія народной правды, какъ тезисъ; дисгармонія интеллигентской неправды, какъ антитезисъ и сознательная гармонія идеала, какъ синтезъ». «Придерживаясь вышеизложенной схемы,—говоритъ г. Волжскій:—можно сказать, что Толстой, такъ же какъ и Успенскій, рѣзко возсталъ противъ антитезы. Но Толстой, не желая мириться съ ней, зоветъ человѣчество вернуться назадъ къ тезѣ; Успенскій же тоже не мирится съ антитезой, но ищетъ синтеза, за которымъ не назадъ слѣдуетъ вернуться, а во всякомъ случаѣ идти впередъ»... «Успенскій хочетъ, чтобы общественное, народное дѣло, которое надлежитъ дѣлать интеллигенту, стало его личнымъ дѣломъ, дѣлалось такъ легко и вольно, какъ собственное дѣло личности. Онъ ищетъ гармоніи самопожертвованія»... «Эта нравственная необходимость «пропасть» во имя чужого дѣла, во имя «печали о не своемъ горѣ» остается въ силѣ и для современнаго поколѣнія интеллигенціи, какія бы «новыя средства» оно ни вырабатывало. Печаль его все-таки остается «печалью о не своемъ горѣ», жить ему приходится, «страдая скорбями о всечеловѣческихъ страданіяхъ» и волей-неволей пропадая на міровой задачѣ всеобщаго успокоенія, потому что на меньшемъ ему нельзя помириться, потому что къ этому его привела вся всечеловѣческая жизнь»...

Что касается до Достоевскаго, то онъ уже несомнѣнно относился очень пренебрежительно къ русской интеллигенціи. «Народъ—все, интеллигенція—ничто, — вотъ во что вѣрилъ Достоевскій... Постановка и рѣшеніе проблемы свободы и необходимости (воли и долга) у Достоевскаго совпадаетъ въ общихъ чертахъ съ кантіанской критической философіей».

Мы видимъ, какъ глубоко вникъ г. Волжскій въ міросозерцаніе Успенскаго и Достоевскаго! Успенскій подвелъ общественную эволюцію Россіи подъ гегелевскую тріаду; Достоевскій создалъ общественную философію, совпадающую въ общихъ чертахъ съ кантовскою критическою философіею. Ну, а все-таки, спросимъ мы, какъ же установить гармонію въ раздвоенной русской интеллигентной душѣ? Помогутъ ли намъ тутъ тріады Гегеля и критическая философія Канта? Должно-быть, не помогутъ, потому что г. Волжскій хотя и утверждаетъ, что надо создать синтезъ, т. е. сознательную гармонію идеала, но у него остается невыясненнымъ, въ чемъ, собственно, заключается «безсознательная гармонія народной правды», — той правды, которая къ раздвоенности души не приводитъ.

III.

Вернемся теперь къ франко-русскому союзу. Можетъ-быть, дисгармонія интеллигентной неправды заключалась тутъ въ томъ, что наша интеллигенція такъ долго не могла свыкнуться съ мыслью объ этомъ союзѣ. Но въ такомъ случаѣ безсознательная гармонія народной правды должна была заключаться въ вѣковѣчномъ сочувствіи къ этому союзу. Очевидно, однако, это — нелѣпость, потому что народъ нашъ врядъ ли задумывался надъ пользою или вредомъ союза между Россіей и Франціей, а если задумывался, если предположить, что русская печать до извѣстной степени отражала народную правду, то окажется, что она была противъ союза, такъ какъ печать, за исключеніемъ одного голоса, признавала его очевидною несообразностью. Очевидно, въ этомъ вопросѣ ни критическая философія Канта, ни пресловутая тріада Гегеля нисколько не могутъ намъ помочь.

Но если тутъ съ гегелевской тріадой и съ кантовской критической философіей ничего не подѣлаешь, то можно до нѣкоторой степени уяснить себѣ занимающій насъ вопросъ указаннымъ противопоставленіемъ воли, долга и дѣла. Общегосударственная воля вырази-

лась въ заключенiи союза съ Францiей. Воля эта образовалась вслѣдствiе сознанiя, что союзъ этотъ соотвѣтствуетъ внѣшнимъ интересамъ нашего отечества. Разъ воля получила опредѣленное направленiе, она слилась съ долгомъ. Какъ ни трудно было, вслѣдствiе противоположности политическаго строя двухъ государствъ, свыкнуться съ мыслью объ ихъ союзѣ, долгъ повелѣвалъ отрѣшиться отъ вѣковыхъ традицiй и заключить союзъ. Этотъ долгъ исполнилъ императоръ Александръ III. Затѣмъ наступило и дѣло: союзъ былъ заключенъ. Тутъ наблюдается полная гармонiя. Тутъ нѣтъ разлада между волею, долгомъ и дѣломъ.

Нѣтъ между ними разлада и въ народной душѣ. Русскiй народъ привыкъ въ такихъ общихъ государственныхъ вопросахъ, какъ заключенiе внѣшняго союза, полагаться на предусмотрительность своихъ правителей. Если бы Россiя заключила союзъ не съ Францiей, а съ какою-нибудь другою европейскою державою, то народная воля и тутъ оказала бы государству поддержку. Что же касается до долга и дѣла, то русскiй народъ умѣетъ исполнять свой долгъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и совершать свое дѣло, насколько онъ къ нему подготовленъ, безропотно и съ самоотверженiемъ, неоднократно удивлявшими мiръ. И тутъ разлада между волею, долгомъ и дѣломъ нѣтъ.

Совершенно другое приходится сказать объ интеллигенцiи. Мы видѣли, что опредѣленной воли у нея въ данномъ вопросѣ долго сложиться не могло. Вначалѣ она, вообще сочувствуя французамъ, и не задавалась даже вопросомъ о русско-французскомъ союзѣ, по той простой причинѣ, что за очень рѣдкими исключенiями, она самостоятельности мысли въ вопросахъ внѣшней политики проявляетъ очень мало, да и интересуется ими больше, насколько они касаются другихъ государствъ, а не Россiи. Парламентскiе скандалы въ Парижѣ и Вѣнѣ, имперiалистская политика Англiи и ея козни, Буланже, Дрейфусъ,— все это ее сильно занимаетъ. Но реальные интересы Россiи въ общемъ мало ею обсуждаются. Когда же въ русской печати сдѣлано было указанiе на важное значенiе и неизбѣжность франко-русскаго союза, какъ лучше всего ограждающаго реальные интересы Россiи, наша интеллигенцiя начала, слѣдуя указкѣ берлинскихъ и вѣнскихъ газетъ, издѣваться надъ этимъ будто бы утопическимъ союзомъ. Она до того привыкла смѣшивать интересы внѣшней и внутренней политики, что ей казалось совершенно немыслимымъ, чтобы самодержавная Россiя заключила союзъ съ республиканскою Францiей. Но союзъ этотъ состоялся; надо было считаться съ совершившимся фактомъ. Какъ же тутъ опредѣлилась воля русской интеллигенцiи? Если руководствоваться отзывами печати, — этой выразительницы мысли русской интеллигенцiи,—то окажется, что тѣ органы, которые продуманностью взглядовъ не отличаются, а просто плывутъ по теченiю и подчиняются вѣянiямъ минуты, съ такимъ же жаромъ теперь защищаютъ франко-русскiй союзъ, съ какимъ они въ прежнее время доказывали всю его утопичность. Эти органы выражаютъ мнѣнiе интеллигентной толпы, а толпа, какъ извѣстно, не разсуждаетъ, а сочувствуетъ или негодуетъ, смотря по господствующему теченiю. Но если остановиться на тѣхъ органахъ печати, которые руководствуются въ своихъ сужденiяхъ опредѣленными принципами, то окажется, что они, хотя въ прежнее время также доказывали утопичность франко-русскаго союза, теперь относятся къ нему довольно равнодушно: онъ ихъ не радуетъ и не печалитъ. Это для нихъ просто неожиданный фактъ, съ которымъ надо мириться. Почему же это такъ? Если франко-русскiй союзъ дѣйствительно соотвѣтствуетъ реальнымъ интересамъ Россiи, если онъ, дѣйствительно, содѣйствуетъ обезпеченiю европейскаго мира, то вѣдь къ нему нельзя относиться иначе, какъ съ величайшимъ сочувствiемъ.

Что же мѣшаетъ этимъ органамъ печати, и стоящимъ за ними группамъ интеллигенцiи сочувствовать союзу? На этотъ вопросъ отвѣтить нетрудно: смѣшенiе внутренней и внѣшней политики. Французы пользовались особеннымъ нашимъ сочувствiемъ при Наполеонѣ III. Съ тѣхъ поръ, какъ установилась во Францiи республика, такъ-называемая передовая русская интеллигенцiя стала относиться къ ней уже менѣе сочувственно; а когда окончательно выяснилось, что французскiй народъ, получившiй полную возможность опредѣлять свою судьбу, высказывается подавляющимъ большинствомъ голосовъ за сохраненiе порядка, за удовлетворенiе своихъ реальныхъ интересовъ, что онъ настроенъ въ сущности консервативно, то русская передовая интеллигенцiя отшатнулась отъ него и признала французскую республику республикою сытыхъ буржуа. Можно ли сочувствовать такому государству, а вмѣстѣ съ тѣмъ и союзу съ нимъ? Что намъ за дѣло до того, что этотъ союзъ ограждаетъ реальные интересы Россiи? Вопросъ вѣдь не въ томъ, а въ томъ, чтобы вести неумолимую борьбу съ буржуазными элементами, гдѣ бы они ни встрѣчались.

И вотъ душа русскаго интеллигентнаго человѣка опять «раскололась». Воля его и въ данномъ случаѣ не могла опредѣлиться, а

вмѣстѣ съ тѣмъ, въ его душѣ не можетъ установиться и гармонія между волею, долгомъ и дѣломъ. Не реальная жизнь Россіи его занимаетъ. Если бы онъ имѣлъ въ виду реальные интересы, онъ сказалъ бы себѣ, что совершенно независимо отъ тѣхъ элементовъ, которые восторжествовали во Франціи, союзъ съ этимъ государствомъ является великимъ благомъ, потому что не только обезпечиваетъ европейскій миръ, т. е. служитъ средствомъ устраненія бѣдствія, которое въ тысячу разъ хуже всѣхъ несовершенствъ нашей внутренней жизни, но, кромѣ того, обезпечиваетъ Россіи возможность съ успѣхомъ защищать свои реальные интересы во внѣшней своей жизни. Но русскій интеллигентный человѣкъ слишкомъ теоретиченъ, чтобы ставить такимъ образомъ вопросъ. Теорія его заѣла. Онъ будетъ разсуждать о франко-русскомъ союзѣ съ точки зрѣнія торжества или сокрушенія буржуазныхъ элементовъ, марксизма или неомарксизма, гегелевской тріады или кантовской критической философіи, словомъ, съ точки зрѣнія какого угодно теоретическаго начала, но только не съ точки зрѣнія непосредственныхъ интересовъ нашего отечества. Вотъ почему русская интеллигенція такъ долго не знала, какъ отнестись къ франко-русскому союзу, да и теперь въ лицѣ видныхъ своихъ представителей сомнѣвается, критикуетъ, колеблется, недоумѣваетъ, — словомъ, проявляетъ свойственную ей раздвоенность души. Французы,—тѣ, за ничтожными исключеніями, давно перестали сомнѣваться, потому что они имѣютъ въ виду лишь реальные интересы своего отечества. Ну, а для насъ это вопросъ второстепенный; суть же заключается въ томъ, чтобы торжествовалъ принципъ. Пусть внѣшняя война насъ разоритъ, вызоветъ неисчислимыя бѣдствія, потребуетъ безконечныхъ жертвъ, — все это пустяки: главное, чтобы цѣлъ былъ, вычитанный въ какой-нибудь брошюрѣ или подслушанный у передового человѣка, *принципъ*!..

IV.

И не повторяется ли то же вездѣ? Не руководствуемся ли во всѣхъ общественныхъ и политическихъ вопросахъ вычитанными или подслушанными принципами, а не трезвымъ наблюденіемъ надъ жизнью и опытомъ, вынесеннымъ изъ работы, которую возлагаетъ на насъ долгъ и избранное нами дѣло? Мы всю эту работу, — когда мы вынуждены, вслѣдствіе необходимости добывать себѣ насущный хлѣбъ, посвящать себя ей, — подчиняемъ обыкновенно отвлеченному принципу, имѣющему весьма часто очень слабое отношеніе къ окружающимъ насъ условіямъ. Собственно только теоретическая работа или теоретическое верхоглядство насъ и занимаетъ; работа же для жизни и въ самой жизни насъ мало интересуетъ. Мы отвергаемъ или признаемъ общинное начало; мы отвергаемъ или признаемъ пользу института земскихъ начальниковъ; мы отвергаемъ или признаемъ пользу дѣятельности сельскаго духовенства въ сферѣ народнаго просвѣщенія, но все это съ точки зрѣнія того или другого принципа. Многіе ли изъ насъ присматриваются къ самой жизни и дѣйствуютъ въ ней сознательно, самостоятельно, съ открытымъ умомъ, освобожденнымъ отъ шоръ теоретическаго верхоглядства. Воля наша опредѣляется именно принципомъ. Мы хотимъ служить народу, но служеніе это опять-таки у насъ получаетъ чисто - теоретическую окраску. Кто изъ насъ путемъ непосредственнаго наблюденія уяснилъ себѣ, что народу не вообще, а народу въ данной мѣстности болѣе всего нужно? Кто избралъ себѣ дѣло соотвѣтственно съ выводомъ, къ которому онъ пришелъ путемъ непосредственнаго изученія жизни? Такихъ людей у насъ почти нѣтъ. Даже тѣ самоотверженные труженики, которые идутъ въ народъ, чтобы ему служить, руководствуются теоретическимъ принципомъ. У нихъ есть воля, у нихъ есть глубокое сознаніе долга, доходящее до самопожертвованія, иногда до подвига. Но какъ приняться за дѣло, они по большей части не знаютъ, и чѣмъ дѣло имъ хуже дается, тѣмъ сильнѣе проявляется въ ихъ душѣ расколъ между волею, долгомъ и дѣломъ. Какъ сильна ихъ воля, какъ глубоко сознаніе ихъ долга и на какія нелѣпыя препятствія они натыкаются въ жизни! И вотъ происходитъ раздвоеніе души, и только немногіе истинные подвижники продолжаютъ посвящать себя дѣлу, нести свой долгъ, часто даже не вѣря въ плодотворность своей работы.

Неужели это печальное положеніе дѣлъ будетъ вѣчно продолжаться? Неужели Россія не доживетъ до того радостнаго дня, когда у громаднаго большинства русской интеллигенціи воля, долгъ и дѣло гармонически сольются? Ни Успенскій, ни Достоевскій намъ не указали, какимъ путемъ можетъ быть достигнута эта гармонія. Оба они исходили изъ ложнаго предположенія, будто бы въ народѣ правда, а въ интеллигенціи ложь. Если это положеніе и можетъ быть признано вѣрнымъ, то только въ очень условномъ смыслѣ. Для того, чтобы государство, страна, народъ процвѣтали, требуется прежде всего извѣстное отрѣшеніе отъ личной жизни во имя общей пользы. Народъ нашъ, конечно, больше интеллигенціи привыкъ забывать о себѣ и трудиться для другихъ. Но можно ли сказать,

что его трудъ въ этомъ отношенiи сознателенъ, и не имѣемъ ли мы полное основанiе думать, что трудъ интеллигенцiи могъ бы быть гораздо болѣе сознательнымъ? Надъ всѣми нами — надъ интеллигенцiей и народомъ — тяготѣетъ одинъ высшiй законъ: мы всѣ должны трудиться для цѣлаго, чтобы обезпечить благополучiе каждой части. Но неужели этотъ трудъ долженъ вѣчно напоминать собою тотъ трудъ, который совершаетъ растенiе? Неужели такой трудъ наиболѣе желателенъ и плодотворенъ? Кто съ этимъ согласится? Сознательный трудъ стоитъ неизмѣримо выше безсознательнаго, и поэтому успѣхи родины полнѣе всего могутъ быть обезпечены, если вездѣ, во всѣхъ сферахъ народной, общественной и государственной жизни будетъ совершаться трудъ сознательный. Бѣда наша, однако, въ томъ, что мы, т. е. интеллигенцiя, посвящая себя тому или другому труду, мало обращаемъ вниманiя на то, каковъ долженъ быть этотъ трудъ, чтобы онъ въ самой жизни далъ наиболѣе желательные и полные результаты. Теоретическiй принципъ замѣняетъ у насъ наблюдательность и практическую подготовку. Почему наша интеллигенцiя признаетъ трудъ народнаго учителя, фельдшера или даже ремесленника, если ремеслу посвящаетъ себя интеллигентъ, трудомъ достойнымъ, а трудъ волостного писаря, мелкаго землевладѣльца, земскаго начальника — трудомъ менѣе достойнымъ. Почему всякiй интеллигентъ, избирающiй себѣ профессiю народнаго учителя, признается чуть ли не героемъ, а какой-нибудь полицейскiй чинъ, переносящiй всевозможныя лишенiя и подвергающiй нерѣдко даже свою жизнь опасности, чтобы спасти жизнь другихъ людей, героемъ, по меньшей мѣрѣ, не признается. Почему, спросимъ мы далѣе, тѣ именно профессiи, въ которыхъ интеллигенцiя могла бы принести громадную непосредственную пользу народу, избѣгаются ею, а особеннымъ расположенiемъ пользуются тѣ, гдѣ человѣкъ совершаетъ почти чисто-механическiй трудъ ради насущнаго хлѣба, но въ то же время имѣетъ досугъ читать разныя интересныя книги, посѣщать концерты, публичныя лекцiи и театральныя представленiя? Не лежитъ наша душа къ работѣ въ самой жизни, и если не лежитъ, то потому, что воля, сознанiе долга, способность къ дѣлу не вырабатываются у насъ въ самой жизни. Все это имѣетъ у насъ теоретическое происхожденiе. Нѣтъ страны въ мiрѣ, гдѣ менѣе, чѣмъ въ Россiи, интеллигенцiя понимала бы ту простую истину, что государство, какъ цѣлое, нуждается всюду въ сознательныхъ и умѣлыхъ работникахъ, что каждый работникъ, гдѣ бы онъ ни дѣйствовалъ, двигаетъ общее благополучiе, а вмѣстѣ съ тѣмъ повышаетъ уровень благосостоянiя народа, надъ бѣдствiями котораго мы такъ сильно сокрушаемся; что работникъ можетъ только тогда исполнять свою работу хорошо, когда онъ изучилъ хорошо условiя этой работы, что цѣнность труда обусловливается любовью къ нему, а любовь эта, въ свою очередь, обусловливается сознанiемъ пользы даннаго труда для себя и для другихъ. Государство любятъ сравнивать съ организмомъ. Но въ здоровомъ организмѣ всякая микроскопическая клѣтка дѣйствуетъ на своемъ мѣстѣ исправно. Не можетъ быть полезенъ чиновникъ, который ходитъ на службу только для того, чтобы получать жалованье и затѣмъ читать разныя книги; но не можетъ быть полезенъ и интеллигентъ, который, не обладая ни способностями, ни подготовкою для того, чтобы разсуждать о мiровыхъ вопросахъ или писать о нихъ, коптитъ небо въ ожиданiи какого-то исполинскаго дѣла. Не маленькое или большое дѣло устанавливаютъ душевную гармонiю, не маленькимъ или большимъ дѣломъ опредѣляется благополучiе страны, которой они одинаково нужны; опредѣляется оно умѣнiемъ каждаго работника честно и исправно совершать свою работу, а это умѣнiе, въ свою очередь, опредѣляется любовью къ ней, вѣрною оцѣнкою своихъ силъ и надлежащею практическою подготовкою. Но если маленькiе люди будутъ браться за большое дѣло, и обратно, то отъ этого ни они сами, ни страна ничего не выиграютъ. Народится только множество неудачниковъ, людей съ раздвоенною душою. Вотъ, когда наша интеллигенцiя проникнется этими простыми истинами, тогда прекратится ея душевная раздвоенность, тогда воля, долгъ и дѣло сольются для каждаго изъ насъ въ одно прекрасное гармоническое цѣлое.

Библiографiя.

(Книги, поступившiя въ редакцiю.)

Августусъ, Е. Воспоминанiе участника англо-бурской войны. Варшава. 1902.

Очень живые очерки г. Августуса читаются съ интересомъ, какъ разсказъ наблюдательнаго очевидца, англо-бурской войны, рисующаго сцены, ея съ натуры.

Aventino. По слѣдамъ Гоголя въ Римѣ. М. 1902. Ц. 30 к.

Г. Aventino въ своей брошюрѣ, изданной по поводу 50-ти-лѣтiя кончины Гоголя, дѣлаетъ литературную экскурсiю къ тѣмъ домамъ и мѣстамъ въ Римѣ, въ которыхъ жилъ и побывалъ

нашъ великій писатель. Брошюрка снабжена 5-ью фотографическими снимками съ дома въ ул. Sistina-Felice, виллы кн. Волконскихъ и др.

Анапа. Курортъ морскихъ купаній. Климатич. ст. на Кавказск. берегу Чернаго моря. Докладъ, читан. д-ромъ В. А. Будзинскимъ въ харьков. отдѣл. Общ. Охран. Народн. здравія. Харьковъ. 1902.

Африка. Иллюстрированный географическій сборникъ. Составл. преподав. географіи А. Круберомъ, С. Григорьевымъ, А. Барковымъ и С. Чефрановымъ. Изд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. Москва. 1902. Ц. 2 р.

Вальтеръ, В. Г. Какъ учить игрѣ на скрипкѣ. Практическое пособіе для учителей и учащихся. Изд. 2-е. СПБ. 1902. Ц. 50 к.—**Музыкальное образованіе любителя.** Опытъ общедоступнаго изложенія музыкальной теоріи и эстетики. СПБ. 1902. Ц. 1 р. **Начинающій скрипачъ.** Упражненія, мелодіи и этюды для первоначальнаго изученія игры на скрипкѣ. Ч. I. Первая позиція и основные штрихи. Ц. 1 р. Ч. II. Вторая, третья, четвертая и пятая позиціи. Ц. 1 р.

Березинъ, Н. I. Приключеніе въ пустынѣ. Ц. 40 к. II. **Три мѣсяца среди людоѣдовъ.** Ц. 60 к. СПБ.

Бертенсонъ, В. А. Виноградарство на сѣверѣ. Одесса. 1902. Ц. 20 к.

Битовтъ, Ю. Руководство къ библіографическому описанію книгъ. Необходимое пособіе для библіотекарей. Изд. М. Я. Парадѣлова. Москва. 1902. Ц. 2 р.

Божеряновъ, И. Невскій просп., 1703—1903 г. Культурно-истор. очеркъ жизни С.-Петербурга за два вѣка—XVIII и XIX. Изданіе А. И. Вильборга. СПБ. Цѣна по подпискѣ за все изд. въ 5 вып., сост. 2 тома, 15 р.

Будищевъ, А. Н. Разсказы. СПБ. Изд. Т-ва „Общ. Польза". 1902. Ц. 50 к.

Булгакова. О. Значеніе музыки и пѣнія въ дѣлѣ воспитанія и въ жизни человѣка. Кіевъ.

Бычихинъ, А. А. Результаты удобренія виноградниковъ Бессарабіи минеральными туками въ 1901 г. Одесса. 1902.

Бѣлавенецъ, М. И. Глиновѣдѣніе. Кафельное производство. I. **Вымораживаніе и отмучиваніе глины.** СПБ. 1901. II. **I-й способъ глиняной заминки и формированіе десятивершковыхъ кафель.** СПБ. 1902. Ц. 60 к.

Герзуни, Робертъ, д-ръ. **Врачи и больные.** Практическіе совѣты тѣмъ и другимъ. Переводъ съ нѣм. Д. Михайловскаго. Подъ редакціей К. Скурховича. Москва. Ц. 60 к.

Gogol, N. V. Taras Bulba. Romanzo tradotto dal russo da F. Trinko. Udine, 1902.

Гнѣдичъ, П. П. Антиподъ и другіе разсказы. СПБ. 1902. Ц. 1 р. 50 к.

Художественное дарованіе г. Гнѣдича хорошо знакомо читателямъ нашего журнала. Два изъ вошедшихъ въ эту книжку разсказовъ („Рабъ" и „На вершину библейской горы") были напечатаны въ „Нивѣ". Въ „Антиподѣ" талантливый писатель даетъ намъ чрезвычайно живой и новый типъ „интеллигентнаго бродяги", старающагося освободиться отъ всѣхъ „условностей жизни". Разсказъ написанъ съ тонкимъ юморомъ и теплымъ чувствомъ къ изображенному типу. Съ тѣмъ же безобиднымъ юморомъ написанъ и разсказъ: „На вершину библейской горы", заканчивающій книгу.

Гречинскій, д-ръ. **Фотографія.** Элементарный самоучитель фотографіи для любителей. К.-Подольскъ. 1902. Ц. 1 р. 50.

Гусевъ, А. Ѳ. проф. **О сущности религіозно-нравственнаго ученія Л. Н. Толстого.** Изд. 2-е А. А. Дубровина. Казань. 1902. Ц. 2 р. 50 к.

Данте Алигіери. Божественная комедія. Адъ. Т. I, пер. Д. Минъ. Изд. А. С. Суворина. СПБ. 1902 г. Ц. за 3 тома 7 р. 50 к.

Дебольскій, В. Н. Духовныя и договорныя грамоты московскихъ князей, какъ историко-географическій источникъ. II. СПБ. 1902.

Д-тъ Земледѣлія М-ва Земледѣлія и Государственныхъ имуществъ. I. **Зерновая моль.** II. Простѣйшій способъ ея уничтоженія. I. А. Порчинскаго. Ц. 3 к. II. **Кротъ.** Важнѣйшіе способы борьбы съ нимъ. Я. Ѳ. Шрейнера съ 8-ю рис. Ц. 5 к. III. **О мѣрахъ борьбы съ хрущами.** К. Н. Россикова. Ц. 3 к. СПБ. 1902.

Дингельштедтъ-фонъ, Николай. Разсказы: 1) **Привидѣніе въ корпусѣ.** 2) **Невольный душегубъ.** 3) **Трагедія въ музеѣ.** 4) **Душа спящаго.** 5) **Отрашный паукъ.** СПБ. 1902. Ц. 40 к.

Добрянскій, I. О. Волосы, ихъ гигіена, болѣзни, лѣченіе и косметика. СПБ. 1902. Ц. 1 р. 50 к.

Д-ръ медицины вѣнскаго университета г. Добрянскій написалъ очень подробное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, популярное изслѣдованіе о волосахъ, ихъ болѣзняхъ, лѣченіи, гигіенѣ и косметикѣ. Книга эта можетъ быть прочитана съ несомнѣнной пользой всѣми, кто озабоченъ сохраненіемъ своихъ волосъ и кто склоненъ увлекаться разными рекламными и „патентованными" средствами, которымъ д-ръ Добрянскій дѣлаетъ надлежащую оцѣнку.

Дорофеевъ, Георгій. Характеристика творчества Н. В. Гоголя. Тифлисъ. 1902. Ц. 60.

Дремцовъ, О. „Сельскій трудъ", кн. № 4". Бесѣды о вредныхъ насѣкомыхъ. Изд. СПБ. Собр. Сел. Хозяевъ. СПБ. 1902. Ц. 8. к.

Дю-Планти. Тетушка Пико. Разсказы для дѣтей. Съ франц. Съ рис. Изд. Гребенщиковой и Ѳедоровой. СПБ. 1902. Ц. 1.

Женщина передъ судомъ юмористики. Стихотворенія. Москва. 1902. Ц. 50 к.

Зелинскій. В. Русская критическая литература о произведеніяхъ Л. Н. Толстого. Хронологическій сборникъ критико-библіографическихъ статей. Москва. 1902. Ц. 1 р.

Змигродскій, I. Памяти В. А. Жуковскаго. Юрьевъ. 1902.

Иноземцева, Анна. Внѣ почвы. Драма въ 5-ти дѣйств. Нижній-Новгородъ. 1902. Ц. 50 к.

Іоксимовичъ, Ч. М. Теорія ручного и механическаго ткачества. Ч. II-я. Ручной ткацкій станокъ. Вып. I. Скл. изд. у автора: м. Сребное, Полтав., 1902 Ц. 1 р. 70 к.

Кобельтъ, В. д-ръ. **Географическое распредѣленіе животныхъ въ холодномъ и умѣренномъ поясахъ сѣвернаго полушарія.** Пер. съ нѣм. В. Л. Біанки. Вып. I. Изд. А. Ф. Девріена. 1902. Ц. за все соч. въ 5 вып. 8 р. 50 к.

Ковальскій, Н. А. Вечернія пѣсни. Разсказы, очерки, наброски. Москва. 1902. Ц. 1 р.

Колышко, I. Волки и овцы. Романъ. СПБ. 1902. Ц. 1 р. 50 к.

Крепелинъ, К. Природа въ саду. Бесѣды о животномъ и растительномъ мірѣ сада. Пер. съ нѣм. П. Ю. Шмидта. Изд. А. Ф. Девріена. Ц. 75 к.

Кроуфордъ, Маріонъ. Донъ-Жуанъ. Пер. съ англ. подъ ред. А. Трачевскаго. Рядъ историческихъ романовъ. СПБ. 1902. Ц. 1 р. 25 к.

Крымскый, А. Е. Изъ повистокъ и эскизовъ Москва. 1902. Ц. 50 к.

Кублицкій, К. П. Родные углы. „Кусково" Вып. I. Оттискъ изъ журн. „Русскій Туристъ" СПБ. 1902 Ц. 30 к.

Купчинскій, Ф. П. Сочиненія въ 2-хъ частяхъ СПБ. 1902. Ц. 1 р. 50 к.

Ландезенъ-фонъ, Ѳ. Э. Къ вопросу о борьбѣ съ пожарами въ имперіи. СПБ. 1902. Ц. 45 к.

Лекки, Вильямъ. Планъ жизни, характеръ и поведеніе. Пер. съ англ. Л. Лакіера. Изд. Ф. Павленкова. СПБ. 1902. Ц. 1 р. 25 к.

„Жизнь—не удовольствіе или страданіе, а возложенное на насъ серьезное дѣло, которое мы должны вести и закончить съ честью". Очевид-

но, для того, чтобы вести и закончить дѣло, нуженъ обдуманный планъ. Этотъ планъ и даетъ въ своей книгѣ Лекки, удачно выясняя элементы воли, счастья, добра, зла и характера. Книга написана понятнымъ языкомъ и читается съ большимъ, неослабѣвающимъ интересомъ.

Липпсъ, Т. Основы логики. Пер. съ нѣм. Н. О. Лосскаго. Изд. О. Н. Поповой. СПБ. 1902. Ц. 1 р.

Всѣмъ желающимъ оріентироваться въ основныхъ понятіяхъ логики, можно смѣло рекомендовать книгу проф. мюнхенскаго университета Липпса, прекрасно переведенную прив.-доц. Лосскимъ. Изложеніе предмета разбито на краткіе параграфы и отличается простотою и ясностью. Въ терминологіи авторъ отступаетъ нѣсколько отъ общепринятой, но съ его терминологіей осваиваешься очень скоро, и она нисколько не мѣшаетъ изученію предмета.

Лункевичъ, В. Научно-популярная библіотека для народа. Сорокъ книжекъ. СПБ. 1902.

Въ эту интересную серію научно-популярныхъ очерковъ вошли брошюры г. Лункевича самаго разнообразнаго содержанія: „Земля", „Небо и звѣзды", „Каменный уголь", „Исторія земли", „Громъ и молнія", „Какъ идетъ жизнь въ человѣческомъ тѣлѣ" и пр. Г. Лункевичъ является въ нихъ отличнымъ популяризаторомъ научныхъ знаній. Откидывая въ своемъ изложеніи все мелкое, несущественное, маловажное, онъ излагаетъ основные вопросы предмета отчетливо, просто и ясно. Брошюры прекрасно изданы и обильно иллюстрированы. Цѣна имъ общедоступная въ широкомъ значеніи слова: отъ 8 до 24 коп.

Люстъ, А. Сельскій трудъ № I. Клеверъ и Тимофѣевка. Съ 6 рис. Изд. Спб. Собр. Сельск. хозяевъ. СПВ. 1902. Ц. 5 к.

Майковъ, В. Н. Сочиненія въ двухъ томахъ. Изд. Б. К. Фукса. Кіевъ. Ц. 1 р.

Маргарита (св. Пелагія). Изъ поэмы „Жаждущіе Бога". Ц. 20 к.

Мибиховъ, М. Я. Исторія еврейскаго народа. СПБ. 1901. Ц. 3 р.

Исторія г. Мибихова охватываетъ періодъ отъ Вавилонскаго плѣненія до первой эпохи Танаевъ, т. е. кончается царствованіемъ императора Тиверія. Это—древняя исторія еврейскаго народа, и изложена она живо и занимательно. Въ особенности интересна гл. IV—„страна и жители Палестины", въ которой описывается столица Палестины, ея знаменитый храмъ и пр.

Мижуевъ, П. Г. Школа и общество въ Америкѣ. СПБ. 1902. Ц. 75 к.

Минцловъ, С. Р. Кладъ. Повѣсть. Изд. 2-е. СПБ. 1902. Ц. 60 к.

Митропольскій, И. Дуэль. Повѣсть. Москва. 1900. Ц. 50 к.

Михаилъ, Іеромонахъ. Обиженныя дѣти. (Изъ публичныхъ лекцій). Казань. 1902. Ц. 50 к.

Мѣропріятія Нижегородск. губерн. земства по воспособленію кустарной промышленности. 1895—1902 года. Сост. Д. Ю. Бехли. Изд. Нижегород. губ. земства. СПБ. 1902 г. Ц. 40 к.

Народный университетъ. I. Доисторическій человѣкъ. Въ 2-хъ ч. Подъ ред. В. В. Битнера. Ц. 1 р. **II. Мозгъ какъ органъ мышленія.** Подъ ред. В. В. Битнера. Ц. 50 к. **III. Прогулки по небу.** Съ 30-ю рисунками. Ц. 50 к. Изд. П. П. Сойкина. СПБ.

Начальное народное образованіе въ Россіи. Подъ ред. I. Фальборка и Б. Чарнолускаго. Изд. Императ. вольнаго экономич. общества. Т. IV.

Немировичъ-Данченко, Вас. Ив. I. Облетѣвшіе листья. Ц. 1 р. 50 к. **II. Сластеновскіе милліоны.** 4-ое изд. Ц. 1 р. 50 к. Изд. П. П. Сойкина. СПБ.

Новиковъ, Александръ. Записки о сельской школѣ. СПБ. 1902. Ц. 1 р.

Записки о сельской школѣ написаны г. Новиковымъ съ такой же искренностью, какъ и его же „Записки земскаго начальника", имѣвшія нѣкоторый успѣхъ. Секретъ этого успѣха и заключается въ искренности автора и еще въ той любви къ деревнѣ, которая сквозитъ на каждой страницѣ и новой его книги о школѣ. Книга эта достойна самаго внимательнаго чтенія и самаго вдумчиваго отношенія. Важные вопросы, разбираемые въ ней, вмѣстѣ съ тѣмъ и наиболѣе наболѣвшіе вопросы русской дѣйствительности.

Оссовскій, О. А. На досугѣ. Стихотв. Владикавказъ. Ц. 50 к.

Отчетъ Государственныхъ сберегательныхъ кассъ за 1900 г. СПБ.

Памятная книжка Новгородск. губ. на 1902 г. Новгородъ. 1902.

Паленгутъ, А. Колодцы. Руководство къ устройству обыкновенныхъ, шахтныхъ и трубныхъ колодцевъ. Съ 44 рис. Изд. А. Суховой. СПБ. 1902. Ц. 75 к.

Писменный, Н. Н. Общепонятныя бесѣды объ устройствѣ и жизни человѣческаго тѣла. Изд. К. И. Тихомирова. Москва. 1902. Ц. 10 к.

Покровская, М. И., жен.-врачъ. **Женщины и дѣти.** СПБ. 1902. Ц. 30 к.

Поповъ, Ив. Сельскій трудъ № 2. Выборъ молочной коровы, кормленіе и уходъ за нею. Съ 4 рис. Изд. СПБ. собр. сел. хозяевъ. СПБ. 1902. Ц. 4 к.

Португаловъ, А. В. На помощь экстернамъ. Полезные совѣты и указанія лицамъ, готовящимся къ окончат. испыт. при гимназіяхъ и реальн. училищахъ. Изд. М. Е. Череванa. Кіевъ. 1902. Ц. 50 к.

Пружанскій, Н. Разсказы. Т. I. СПБ. 1902. Ц. 1 р. 50 к.

Разсказы о звѣряхъ. Пер. съ англ. О. Н. Бутеневой. Изд. Н. Березина. СПБ. 1902. Ц. 1 р.

Рождественъ, А. Николай Ивановичъ Пироговъ какъ педагогъ. Казань. 1902. Ц. 30 к.

Руданськый, Степанъ. Творы. Т. I. Кіевъ. 1902. Ц. 50 к.

Рыбальченко, Л. В., д-ръ. Къ вопросу объ оздоровленіи города Самары. Самара. 1899.

Семейный университетъ Ф. Комарскаго. Собраніе популярныхъ лекцій для самообразованія. Курсъ IV. Вып. II. СПБ. 1902. Цѣна за 5 вып. 10 р., съ перес. 12 р.

Мы уже неоднократно говорили о „Семейномъ университетѣ". Курсы популярныхъ лекцій, издаваемые Ф. С. Комарскимъ, вступили уже въ четвертый годъ, и кругъ ихъ все расширяется. Давъ въ прошлые три года подробныя лекціи по двадцати предметамъ, издатель въ настоящемъ выпускѣ началъ печатаніе новыхъ популярныхъ лекцій: по нервнымъ и душевнымъ болѣзнямъ, общей патологіи и патологической анатоміи, исторіи сцены. Характеръ лекцій и самаго изданія остается прежній.

Спасскій, В. Н. Ива, польза ея, описаніе и разведеніе. Изд. К. И. Тихомирова. Москва. 1901. Ц. 15 к.

С. . . , А. Я. Сборникъ стихотвореній и разсказовъ. Самара. 1901 г. Ц. 1 р.

Тарасовъ, И. Т. Очеркъ политической экономіи. Москва. 1899.

Тиханова, Е. Разсказы и повѣсть. СПБ. 1902. Ц. 1 р.

Троицкій, А. Д. Идеалы и завѣты поэта-христіанина и христіанина-философа. В. А. Жуковскаго. Кіевъ. 1902. Ц. 20 к.

Труды комитета виноградарства Императорскаго общества сельскаго хозяйства южной Россіи. В. I. 1898—1900. Подъ ред. А. А. Бычихина. Одесса. 1901.

Федоровъ-Давыдовъ, А. А. Зори весенніе. Сказки, разсказы и стихотворенія. Изд. ред. журн. „Свѣтлячекъ". Ц. 40 к.

Фонъ-Поленцъ. Крестьянинъ. Романъ, съ пред. гр. Л. Н. Толстого. Москва. 1902. Ц. 1 р. 20 к.

Фругъ, С. Г. Сіониды и др. стихотворенія. (1897—1902). СПБ. 1902. Ц. 1 р. 50 к.

Чаплыгинъ, И. А. Сельскохозяйственное естествознаніе. Общедоступный курсъ. Изд. К. И. Тихомірова. Москва. 1902. Ц. 1 р. 25 к.

Червяковскій, А. И. I. Замѣтки по огородничеству. Изд. К. И. Тихомірова. Ц. 6 к. **II. Замѣтки по садоводству.** Изданіе К. И. Тихомірова. Ц. 8 к. М. 1902.

Шнауссъ, Германъ. Руководство къ изготовленію діапозитивовъ. Перев. Н. Будаевскаго. Москва. 1902. Ц. 1 р.

Шуфъ, Владиміръ (Борей). **Гибель Шемахи.** Поэма съ рисунк. художн. И. А. Владимірова. СПБ. 1902. Ц. 40 к. Въ пользу пострадав. отъ землетр. въ г. Шемахѣ.

Энгельгардтъ, М. А. Лѣса и климатъ. Изд. Ф. Павленкова. СПБ. 1902. Ц. 40 к.

Энсвортъ, Уильямъ. Уатъ Тайлеръ. Пер. съ англ. К. П. Русановой. Подъ ред. проф. А. Трачевскаго. Рядъ историческихъ романовъ. СПБ. 1902. Ц. 1 р. 25 к.

Ячевскій, А. „Сельскій трудъ", кн. № 3". Грибныя болѣзни хлѣбовъ, картофеля, капусты и яблони. Съ 6 рис. Изданіе СПБ. собр. сел. хозяевъ. СПБ. 1902. Ц. 8 к.

СМѢСЬ.

Рубенсъ, какъ ученый.—Извѣстный біографъ Рубенса Максъ Роозесъ въ своемъ недавно вышедшемъ въ Амстердамѣ обширномъ трудѣ говоритъ, между прочимъ, о ходѣ общаго образованія знаменитаго художника. Какъ извѣстно, Рубенсъ родился въ 1577 году въ Зигенѣ, куда его мать послѣдовала за своимъ мужемъ, бывшимъ въ плѣну у графа Нассаускаго въ наказаніе за преступную связь съ супругой его брата, принца Вильгельма Оранскаго; впослѣдствіи, однако, отецъ Рубенса получилъ свободу и поселился въ Кёльнѣ. Здѣсь Петръ-Павелъ Рубенсъ провелъ свое раннее дѣтство. Отецъ его, раньше занимавшій должность старшины въ Антверпенѣ, совмѣщая ее съ обязанностями секретаря принцессы Оранской, ознакомилъ сына съ начатками латыни. Молодому Рубенсу было 11 лѣтъ, когда онъ съ матерью получилъ позволеніе вернуться въ Антверпенъ. Тамъ онъ посѣщалъ два года приходскую школу, программа которой состояла главнымъ образомъ изъ древнихъ языковъ и на первомъ мѣстѣ латинскаго; школой этой при церкви Богоматери завѣдывалъ Румольдусъ Вердонкъ. Рубенсъ былъ однимъ изъ самыхъ дѣльныхъ учениковъ и, покидая заведеніе, имѣлъ отличныя познанія въ классической литературѣ Рима; Виргилій, Цицеронъ, Плутархъ, Теренцій и др.,—были его любимыми авторами. Войны, изгнаніе и переѣзды съ мѣста на мѣсто такъ уменьшили рессурсы семьи, что мать мальчика, которая между тѣмъ овдовѣла и имѣла еще нѣсколько человѣкъ дѣтей, не могла больше о немъ заботиться. Тогда Рубенсъ поступилъ, въ качествѣ пажа, на службу къ вдовѣ графа Лалэнгъ, Маргаритѣ де-Линь, окружавшей себя цѣлымъ придворнымъ штатомъ въ своемъ анденардскомъ помѣстьѣ. Здѣсь мальчикъ усвоилъ манеры высшаго круга, тонкій тактъ и знаніе людей, которые отличали его потомъ всю жизнь. Однако, уже черезъ годъ блестящая, но пустая жизнь въ замкѣ де-Линь ему надоѣла, а страсть къ живописи привела его обратно въ Антверпенъ, гдѣ у одного дальняго родственника ему посчастливилось найти пріютъ и средства для изученія любимаго искусства. Его дальнѣйшіе шаги на поприщѣ живописи извѣстны. На ряду съ этимъ онъ посвящалъ много времени и своему научному образованію. Римскимъ поэтамъ, историкамъ и ораторамъ онъ былъ преданъ до самой смерти. Вообще, онъ усердно занимался исторіей, археологіей и нумизматикой, въ то же время принимая живое участіе въ умственной жизни своего времени. Одинъ иностранецъ, посѣтившій Рубенса въ Антверпенѣ, когда онъ былъ уже знаменитостью, будто бы видѣлъ, какъ художникъ въ своей мастерской одновременно писалъ картину, слушалъ Ливія и диктовалъ ученику письмо. Если это преданіе и преувеличено, то все же оно доказываетъ, что Рубенсъ пользовался репутаціей ученаго у своихъ современниковъ. Великій художникъ былъ очень свѣдущъ и въ новыхъ языкахъ. Итальянскій онъ изучилъ въ Антверпенѣ и такъ въ немъ усовершенствовался, во время своего перваго пребыванія въ Италіи, что говорилъ и писалъ на немъ съ бѣглостью и законченностью формъ природнаго итальянца образованныхъ классовъ. Итальянскій языкъ сталъ для него роднымъ языкомъ; художникъ особенно охотно пользовался имъ въ своихъ письмахъ. Не хуже онъ владѣлъ французскимъ языкомъ, въ то время—языкомъ брюссельскаго двора, дипломатіи и фламандской аристократіи. Затѣмъ, онъ понималъ по-испански и, наконецъ, говорилъ по-фламандски въ своемъ домашнемъ обиходѣ и интимномъ кругу друзей. Оригинально, что вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не имѣлъ понятія о фламандскомъ правописаніи и грамматикѣ. Когда ему приходилось писать по-фламандски, письмо бывало обыкновенно пересыпано безчисленными французскими вставками.

Америка, открытая за 2.000 лѣтъ до Колумба.—Таково заглавіе интересной статьи одного англійскаго еженедѣльнаго журнала, изъ которой мы заимствуемъ слѣдующія данныя:

Китайцы предъявляютъ притязанія почти на всѣ открытія и изобрѣтенія, которыя мы встрѣчаемъ въ исторіи западно-европейской цивилизаціи — за исключеніемъ, само собою разумѣется, изобрѣтеній послѣдняго времени, и нужно имъ отдать справедливость, что эти притязанія, дѣйствительно, вполнѣ основательны и опираются на древніе документы. Сюда принадлежитъ и открытіе Америки, т. е. западной части континента, почти за двѣ тысячи лѣтъ раньше того, какъ Колумбъ открылъ восточный берегъ; вмѣстѣ съ тѣмъ

китайцы въ свое время оказали важное вліяніе на тогдашнюю и позднѣйшую американскую культуру. Въ виду этого, совсѣмъ особый интересъ представляютъ офиціальныя китайскія записи тѣхъ временъ, поскольку онѣ стали доступны изученію европейскихъ ученыхъ.

Изъ документовъ, относящихся къ 499 году до Р. Х., явствуетъ, что около этого времени открытъ американскій материкъ китайскимъ миссіонеромъ-буддистомъ Вуй-Шаномъ, который и описываетъ въ этихъ актахъ Аляску, а еще подробнѣе Мексику, центральную Америку и промежуточныя области тихоокеанскаго прибрежья, хотя подъ другими именами, но достаточно ясно, чтобы ихъ узнать.

Вуй-Шанъ отправился въ путь съ пятью другими китайскими буддистами и достигъ сначала Алеутскихъ островов, потомъ Аляски, потомъ одной части прибрежья Британской Колумбіи и, наконецъ, той земли, о произведеніяхъ и народныхъ обычаяхъ которой онъ больше всего повѣствуетъ,—земли «Фузангъ» или «шелковичнаго дерева». Это не что иное, какъ Мексика, и разстояніе ея отъ Аляски опредѣлено авторомъ записей сообразно съ дѣйствительностью въ «дважды десять тысячъ ли» (около семи тысячъ англійскихъ миль) въ юго-восточномъ направленіи. Онъ описываетъ жилища туземцевъ «Фузанга», мексиканскую «агаву» и ея многостороннее употребленіе, похожій на молоко, опьяняющій народный напитокъ, очевидно тождественный съ «palque» нашихъ дней. Все свое богатое открытіями путешествіе Вуй-Шанъ совершилъ исключительно въ интересахъ распространенія буддійской религіи; но его открытія вызвали сенсацію въ Китаѣ, и правительство издало приказъ, повелѣвавшій самымъ подробнымъ образомъ описать новыя страны.

Что̀ въ нихъ происходило дальше, объ этомъ, къ сожалѣнію, умалчиваетъ китайская лѣтопись. Если бы впослѣдствіи испанскіе завоеватели въ своемъ безпримѣрномъ фанатизмѣ не сожгли священныхъ книгъ «майя» или «манга», мы, вѣроятно, имѣли бы теперь крайне интересныя разоблаченія о воздѣйствіи китайской культуры на бытъ и тогдашній уровень развитія туземцевъ. Насколько извѣстно, отъ истребленія уцѣлѣла лишь одна книга «майя», находящаяся въ настоящее время въ національномъ музеѣ испанской столицы. Іероглифы этой книги еще не прочитаны; но нужно думать, что позднѣйшимъ изслѣдователямъ и знатокамъ письменъ «майя» удастся пролить нѣкоторый свѣтъ на темное еще прошлое центральной Америки до Колумба. Достойно вниманія, что матеріалъ таинственной пока книги имѣетъ большое сходство съ китайской бумагой, и что книга сложена совершенно такъ же, какъ складывались древнія книги китайцевъ. Слѣды посѣщенія буддійскими миссіонерами тихоокеанскаго прибрежья Александръ фонъ-Гумбольдтъ нашелъ во многихъ частяхъ Мексики въ видѣ нравовъ и обычаевъ, очевидно привитыхъ когда-то китайцами. Позднѣйшіе путешественники по Мексикѣ и центральной Америкѣ наблюдали, на ряду со многими другими вещами, удивительное пристрастіе туземныхъ расъ къ самодѣльнымъ фейерверкамъ (трудно предположить, чтобы нужныя для этого техническія свѣдѣнія были занесены сюда въ древности кѣмъ-либо помимо китайцевъ), а также многіе предметы одежды и домашней утвари, ясно указывающіе на китайское происхожденіе.
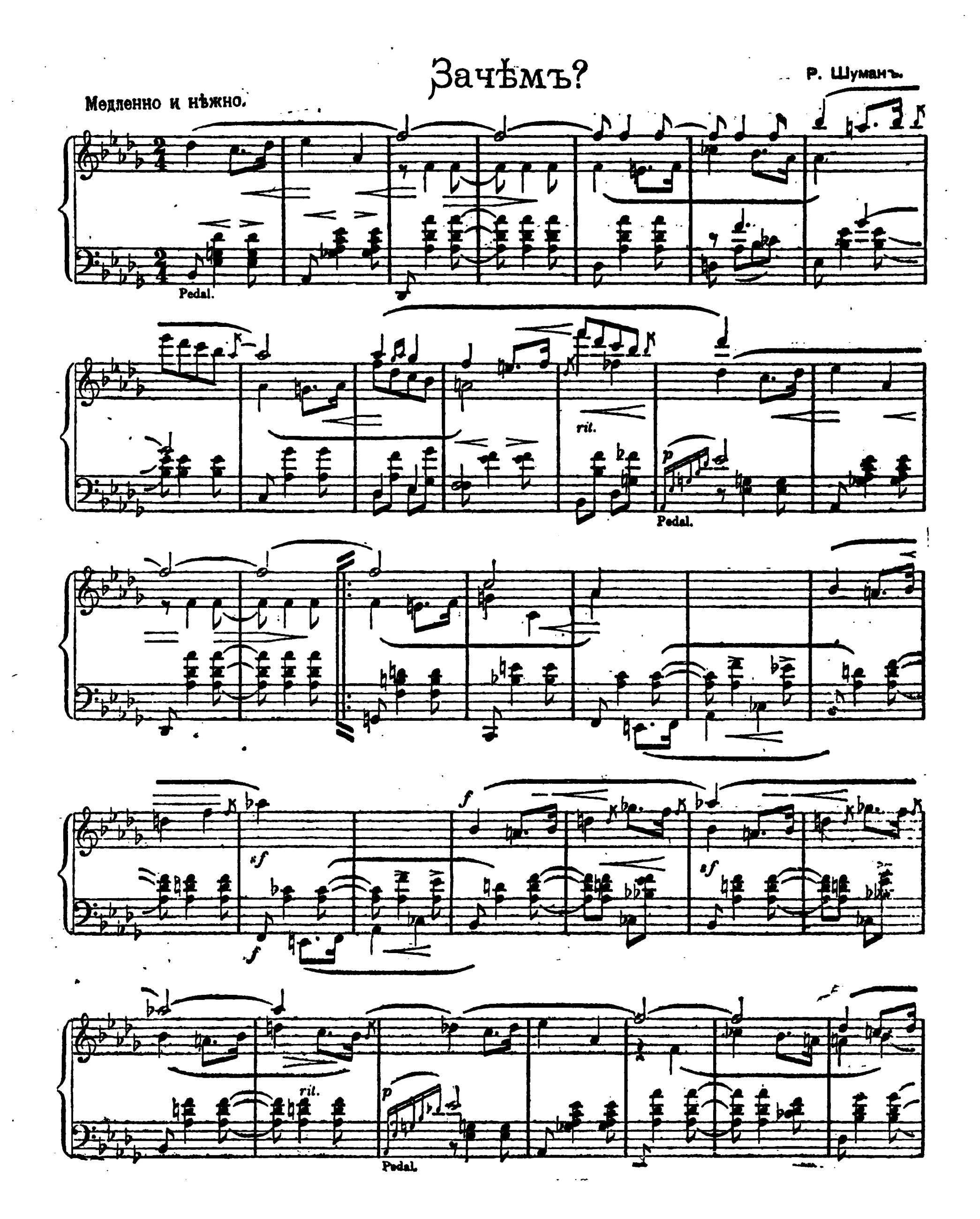
Кто же были тѣ мексиканскіе туземцы, среди которыхъ проявилась миссіонерская и цивилизаторская дѣятельность Вуй-Шана и его спутниковъ? Судя по всему, это были тольтеки, къ которымъ должны быть причислены и майябы; воинственные и почти нецивилизованные ацтеки, повидимому, пришли впослѣдствіи съ сѣвера и, покоривъ тольтековъ, усвоили ихъ цивилизацію подобно тому, какъ римляне усвоили греческую. Слоновьи головы на развалинахъ древнихъ храмовъ Юкатана безусловно нельзя объяснить ничѣмъ инымъ, какъ вліяніемъ буддійской, перешедшей изъ Индіи черезъ Китай, цивилизаціи.
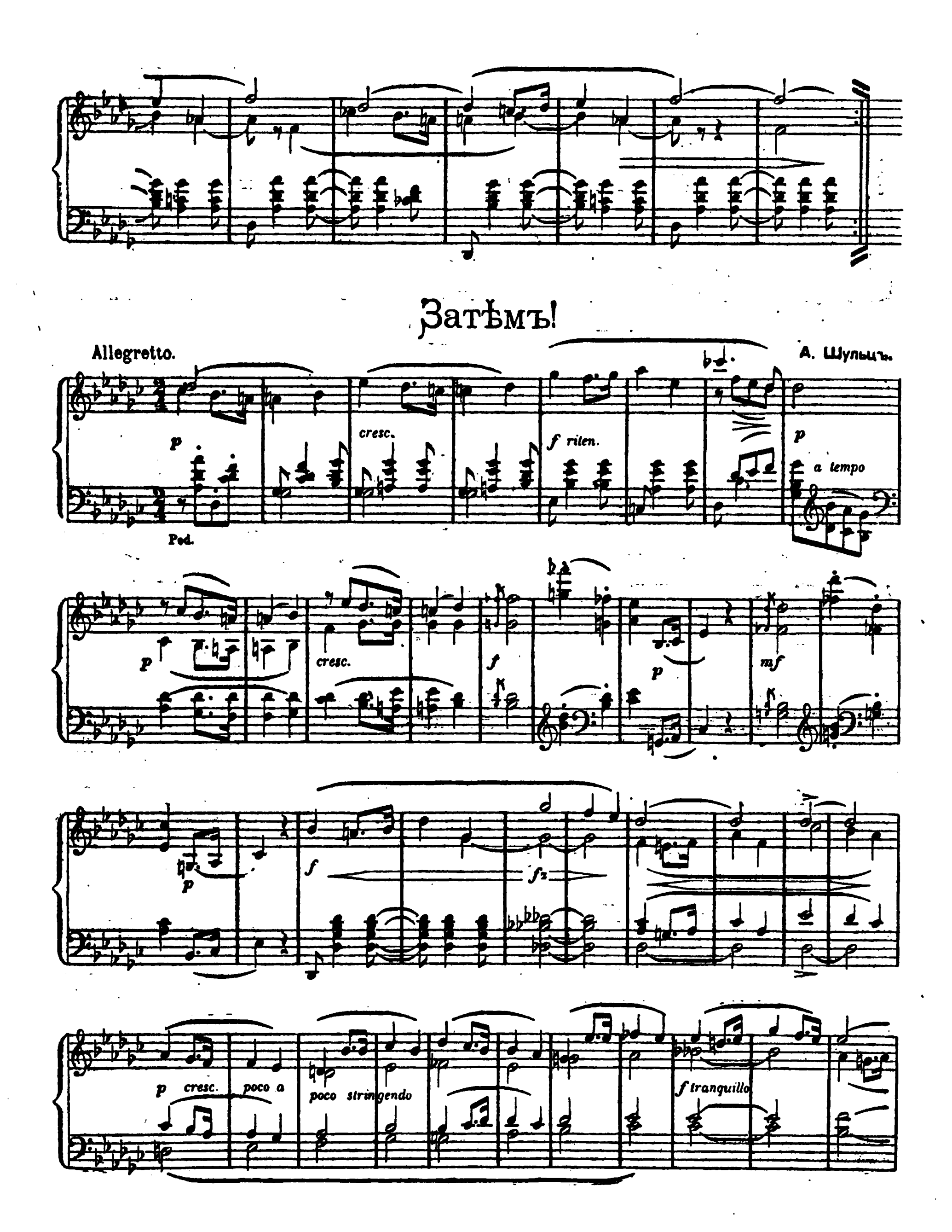
Нѣкоторыя характерныя особенности монгольской расы, встрѣчаемыя у современныхъ намъ потомковъ майябовъ и другихъ мексиканскихъ и центрально-американскихъ племенъ, уже, впрочемъ, переходятъ за предѣлы простыхъ обычаевъ, указывая на примѣсь монгольской крови. Дѣйствительно, нѣтъ ничего неправдоподобнаго въ томъ, что послѣ Вуй-Шана въ Мексикѣ и центральной Америкѣ отъ времени до времени бывали значительные приливы переселенцевъ изъ Китая, и пришлый элементъ сливался съ туземнымъ. Въ наше время наблюдается, напримѣръ, необычайно быстрое сближеніе пріѣзжихъ китайскихъ «кули» съ потомками тольтековъ, что̀ всего проще объясняется возобновленіемъ древнихъ кровныхъ связей.

Въ общемъ, можно надѣяться, что изысканія ученыхъ, преодолѣвъ трудности языка и письменъ «майя», рано или поздно окончательно разрѣшатъ вопросъ объ открытіи Америки и ея первыхъ цивилизаторовъ.
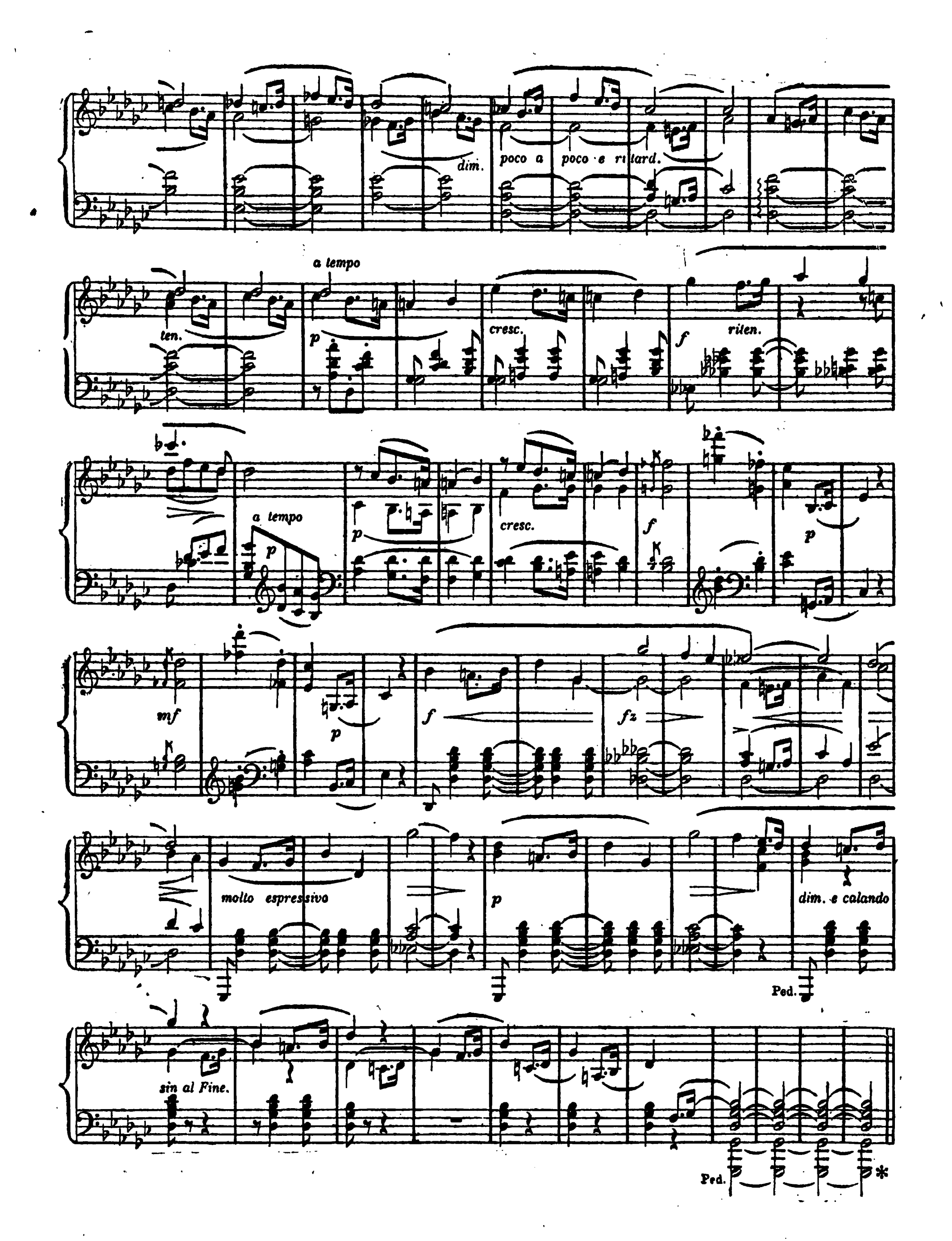
Зачѣмъ?

Р. Шуманъ.

Затѣмъ!
Allegretto.
А. Шульцъ.
p
Ped.
cresc.
f riten.
p
a tempo
p
cresc.
f
p
mf
p
f
fz
p cresc. poco a
poco stringendo
f tranquillo

dim.
poco a poco e ritard.
a tempo
ten.
p
cresc.
f
riten.
a tempo
p
cresc.
f
p
mf
p
f
fz
molto espressivo
p
dim. e calando
Ped.
sin al Fine.
Ped.

ШАХМАТЫ

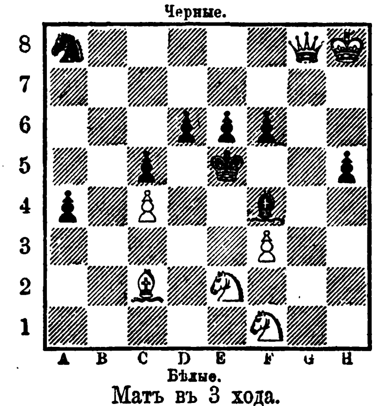
подъ редакціей М. И. Ч.

Письма просимъ адресовать въ редакцію журнала съ припискою на конвертѣ: по шахматному отдѣлу.

Задача № 26.

Franz Schrüfer.

Черные.

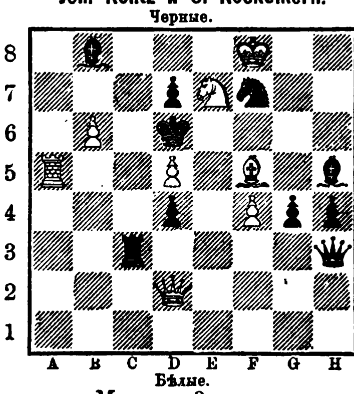
Бѣлые.

Мать въ 3 хода.

Задача № 27.

Joh. Kohtz и C. Kockelkorn.

Черные.

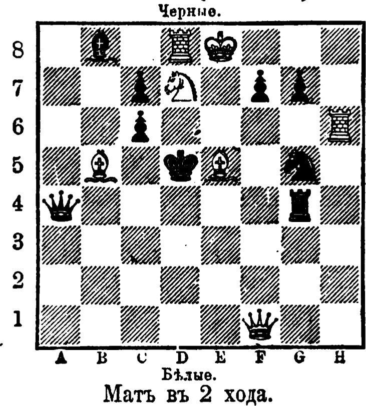
Бѣлые.

Мать въ 3 хода.

Задача № 28.

G. Heathcote (въ Англіи).

Черные.

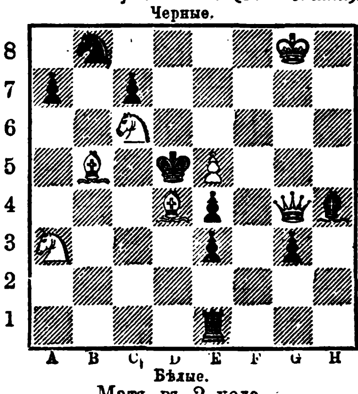
Бѣлые.

Мать въ 2 хода.

Задача № 29.

J. Tolosa y Carreras (въ Испаніи).

Черные.

Бѣлые.

Мать въ 2 хода.

Этюдъ № 30. Л. Б. Залкинда (въ Костромѣ). ♔ c3 ♗ a2 ♘ e5, f5 ♙ b4, g3, g5. ♚ e1 ♛ h1 ♟ b5, f7, h5

Бѣлые начинаютъ и выигрываютъ.

NB. Задачи №№ 26, 28 и 29 заимствованы изъ послѣдней книжки шахм. журн. „I. Uppnami“, издающагося на исландскомъ яз. Журналъ выходитъ 4 раза въ годъ выпусками въ 8-мь листовъ.

Задача № 27 была предложена на конкурсѣ рѣшеній въ Рижскомъ Шахм. Об-вѣ. Первымъ ее рѣшилъ г. Лурье въ 30-ть минутъ.

Опечатка. Задача г. Feigl, № 22, рѣшается не въ два, а въ три хода.

№ 20. ИСПАНСКАЯ ПАРТІЯ.

Играна на турнирѣ въ Монте-Карло 3-го марта 1902 г.

(Премирована 100 франк.).

	Марко.	Маршаль.
	Бѣлые.	Черные.
1.	e2 — e4	e7 — e5
2.	К. g1 — f3	К. b8 — c6
3.	С. f1 — b5	f7 — f5

Эта защита считается справедливо слабѣе 3. . . . a7—a6 или 3. . . . К. g8—f6. При лучшемъ отвѣтѣ 4. d2—d3 у черныхъ встрѣтятся нѣкоторыя затрудненія въ дальнѣйшемъ развитіи игры.

4. d2 — d4 . . .

Многіе предпочитаютъ 4. d2—d3, а также и 4. 0—0. Менѣе хорошо 4. С. b5 : c6, d7 : c6; 5. К. f3 : e5; черные возвратятъ пѣшку, сыгравъ 5. . . . Ф. d8—d4. Если 6. Ф. d1—h5+(?), то g7—g6,—и бѣлымъ не остается ничего лучшаго, какъ жертвовать коня: 7. К. e5 : g6, h7 : g6; 8. Ф. h5 : g6+, Кр. e8—d8; 9. d2—d3, но они не могутъ удержать трехъ пѣшекъ за коня послѣ 9. . . . К. g8—e7.

4. . . . f5 : e4

Продолженіе 4. . . . e5 : d4; 5. К. f3 : d4, К. c6 : d4; 6. Ф. d1 : d4, c7—c6; 7. С. b5—d3, f5 : e4; 8. С. d3 : e4, d7—d5 и т. д. даетъ равную партію.

Въ руководствѣ Стейница приведенъ интересный варіантъ: 4. . . . e5 : d4; 5. e4—e5, С. f8—c5; 6. 0—0, К. g8—e7; 7. c2—c3, d4 : c3; 8. Ф. d1—b3!, c3 : b2; 9. С. c1 : b2, a7—a6; 10. К. f3—g5, Л. h8—f8; 11. С. b5—c4; у бѣлыхъ превосходная партія.

5. К. f3 : e5 . . .

Бѣлымъ слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, брать слономъ коня c6, а затѣмъ конемъ пѣшку e5.

5. . . . К. c6 : e5
6. d4 : e5 c7 — c5
7. 0 — 0 . . .

Бѣлые необходимостью вызываются къ пожертвованію слономъ. Еще хуже было бы 7. С. b5—e2, Ф. d8—a5+,—и черные выигрываютъ пѣшку e5 съ превосходнымъ положеніемъ.

7. . . . c6 : b5

Черные получали хорошую партію, играя 7. . . . d7—d5; 8. e5 : d6, Ф. d8 : d6. У нихъ найдется достаточно средствъ для защиты пѣшки e4. Напримѣръ, 9. Ф. d1 : d6, С. f8 : d6; 10. С. b5—a4 или e2, С. c8—f5, затѣмъ 11. 0—0—0 и т. д.

8. К. b1 — c3 d7 — d5
9. e5 : d6 Ф. d8 : d6
10. Ф. d1 — h5+ g7 — g6
11. Ф. h5 : b5+ С. c8 — d7

Черные напрасно отдаютъ пѣшку b7. Лучше было бы 11. . . . Кр. e8 f7. Если 12. К. c3 : e4, то Ф. e6—c6; 13. Ф. b5—e5, К. g8—f6; 14 К. e4—g5+, Кр. f7—g7, и послѣ С. c8—f5 и Л. a8—e8, или 15. С. f8—d6 атака бѣлыхъ можетъ быть отражена.

12. Ф. b5 : b7 Ф. a6 — c6
13. Ф. b7 — b3 С. f8 — d6

Черные угрожаютъ Л. a8—b8. Но лучше было бы вызвать мѣну ферзей, играя 13. . . . С. d7 — e6.

14. Л. f1 — e1 К. g8 — f6

Теперь на 14. . . . Л. a8—b8 бѣлые сыграли бы 15. Ф. b3—a4!, не проигрывая фигуры.

15. a2 — a4 С. d6 — e5
16. С. c1 — g5 Л. a8 — b8
17. Ф. b3 — a3 С. e5 : c3
18. b2 : c3 Л. h8 — f8
19. Л. a1 — d1 Л. b8 — b6
20. a4 — a5 Л. b6 — b5

Черные могли бы, кажется, лучше защищаться, играя 20. . . . Л. b6—a6.

21. Л. d1 — d6 Л. b5 : g5
22. Л. d6 : c6 С. d7 : c6
23. Ф. a3 — d6 С. c6 — d7
24. f2 — f3 Л. g5 — d5
25. Ф. d6 — c7 Кр. e8 — f7
26. f3 : e4 Л. f8 — c8
27. Ф. c7 — f4 g6 — g5
28. Ф. f4 — g3 Л. d5 : a5
29. e4 — e5 К. f6 — g4
30. h2 — h3 К. g4 — h6
31. Ф. g3 : g5 К. h6 — f5
32. Ф. g5 — f6+ Кр. f7 — g8
33. e5 — e6 С. d7 — e8
34. e6 — e7 С. e8 — d7
35. Л. e1 — d1 К. f5 — e3
36. Л. d1 : d7 Л. a5 — a1+
37. Кр. g1 — h2 К. e3 — f1+
38. Ф. f6 : f1 Л. a1 : f1
39. Л. d7 — d8+ Л. f1 — f8
40. e7 : f8 Ф✕

№ 21. ГАМБИТЪ ЭВАНСА.

Играна на турнирѣ въ Монте-Карло 10-го марта 1902 г. (Премирована 100 франк.).

Нэпиръ. Бѣлые.	Чигоринъ. Черные.
1. e2 — e4	e7 — e5
2. К. g1 — f3	К. b8 — c6
3. С. f1 — c4	С. f8 — c5
4. b2 — b4	С. c5 : b4
5. c2 — c3	С. b4 — a5
6. d2 — d4	e5 : d4
7. 0 — 0	d7 — d6
8. c3 : d4	С. a5 — b6
9. С. c1 — b2	. . .

Въ прежнее время чаще практиковалась такъ-называемая „нормальная“ атака въ гамбитѣ Эванса: 9. d4—d5, К. c6—a5; 10. С. c1—b2, К. g8—e7; 11. С. c4—d3, 0—0; 12. К. b1—c3.

Нынѣ въ большомъ ходу атака Гёринга: 9. К. b1—c3, К. c6—a5; 10. С. c1—g5,! f7—f6; 11. С. g5—f4 или e3.

9. . . . К. c6 — a5

Менѣе хорошо 9. . . . К. g8—f6; бѣлые продолжаютъ атаку съ 10. e4—e5, d6 : e5; 11. С. c1—a3.

10. К. b1 — c3 К. g8 — e7

Въ шахматныхъ журналахъ высказываютъ, что лучше было бы 10. . . . К. a5 : c4; 11. Ф. d1—a4+, С. c8—d7; 12. Ф. a4 : c4, К. g8—e7. Едва ли у бѣлыхъ ослабѣваетъ атака послѣ 13. e4—e5, d6 : e5; 14. d4 : e5.

11. С. c4 — d3 0 — 0
12. d4 — d5 . . .

Необходимо; иначе черные сыграютъ 12. . . . К. a5—c6.

12. . . . К. e7 — g6
13. К. c3 — e2 c7 — c5
14. Ф. d1 — d2 С. c8 — g4

Черные отступаютъ отъ обычнаго продолженія защиты: 14. . . . С. b6—c7; 15. К. e2—g3, f7—f6. Послѣдній ходъ черныхъ необходимъ: бѣлые угрожали 16. С. b2 : g7, Кр. g8 : g7; 17. К. g3—h5+, Кр. g7—h8; 18. Ф. d2—h6, Л. f8—g8; 19. К. f3—g5.

15. К. e2 — g3 С. g4 : f3
16. g2 : f3 К. g6 — h4

Въ расчетѣ на отвѣтъ 17. С. d3—e2; тогда К. a5—c4.

17. Ф. d2 — f4 К. h4 — g6

Комбинація 17. . . . Ф. d8—g5; 18. Ф. f4 : g5. К. h4 : f3+ ошибочна: черные проиграютъ коня послѣ 19. Кр. g1—g2, К. f3 : g5; 20. h2—h4.

18. Ф. f4 — f5 Л. a8 — c8
19. С. b2 — c3! f7 — f6
20. Кр. g1 — h1 Л. c8 — c7
21. Л. a1 — g1 Л. c7 — f7?
22. С. d3 — f1 . . .

Ходъ этотъ восхваляется коментаторами, но едва ли заслуженно.

22. . . . c5 — c4
23. С. f1 — h3 С. b6 : f2
24. К. g3 — e2 . . .

У бѣлыхъ нѣтъ другого хода для поддержанія атаки.

24. . . . К. g6 — e5?

Слѣдовало взять слономъ ладью, затѣмъ b7—b5 и К. a5—b7. Еслибъ впослѣдствіи чернымъ пришлось возвратить качество въ виду К. e2—d4 и К. d4—e6, то у нихъ оставались двѣ лишнія пѣшки.

25. Л. g1 — g2 С. f2 — e3
26. К. e2 — f4 С. e3 : f4
27. Ф. f5 : f4 Кр. g8 — h8
28. С. h3 — e6 g7 — g5?

Ошибка. Черные, сыгравъ поспѣшно, просмотрѣли отвѣтъ бѣлыхъ.

29. Ф. f4 — d2 b7 — b6
30 С. e6 : f7 Л. f8 : f7
31. f3 — f4! g5 : f4
32. Ф. d2 : f4 К. a5 — b7?

Еще плохой ходъ. Лучше было 32. . . . Л. f7—g7; 33. Л. a1—g1, Л. g7 : g2; 34. Л. g1 : g2, Ф. d8—f8.

33. Л. a1 — g1 К. b7 — c5
34. С. c3 : e5 d6 : e5
35. Ф. f4 — g4 h7 — h6
36. Ф. g4 — h5 Ф. d8 — f8
37. Л. g2 — g6 Кр. h8 — h7
38. Л. g6 : h6+ и матъ въ два хода.

Рѣшенія задачъ №№ 15—18 и этюда № 19.

№ 15. Девизъ „Rosa“*). Матъ въ 3 хода.

1. Ф. d2—a5, b6 : a5; 2. К. d6—e4, ∾; 3. К×
1. . . . С. c7 : d6; 2. Ф. a5 : b6, ∾; 3. Ф : d6×
1. . . . Л. b3 : b5; 2. С. b7—c8+ и 3. Ф. a5—a8×
1. . . . С. f1 : b5; 2. К. d6—e4 и 3. К×
1. . . . ∾; 2. С. b7—c8+ и т. д.

№ 16. Девизъ „Lege Artis“. Матъ въ 3 хода.

1. Л. f8—e3, С. f2 : e1; 2. К. c5—d7+, ∾; 3. С×
1. . . . С. f2 : e3; 2. Ф. e1—g3+, Кр. d4; 3. Ф. g7×
1. . . . К. a8—b6; 2. Ф. e1—a1+ и 3. С. e7—g5×
1. . . . С. a6—c8; 2. К. c5—d3+ и 3. С.×

№ 17. Девизъ „Liberti II“. Матъ въ 2 хода.

1. Ф. d1—g4.

№ 18. Девизъ „Risum“ и проч. Матъ въ 2 хода.

1. Ф. h8—f1.

Этюдъ № 19. Бѣлые начинаютъ и выигрываютъ.

1. Кр. b6—c5, Кр. d2—c1; 2. С. c4—d3, b2—b1 Ф; 3. С. d3 : b1, Кр. c1 : b1; 4. Л. a2 — h2!, a4 — a3; 5. Кр. c5 : d4, a3 — a2; 6. Кр. d4 — c3, a2 — a1 Ф+; 7. Кр. c3—b3,—и бѣлые выигрываютъ.

Та же идея проще и лучше выражена въ давно извѣстномъ этюдѣ г. Бетинга (въ Ригѣ): бѣл. Кр. d3, Л. h2, П. c5. Черн. Кр. b1, П. a2, c3, d7. 1. c5—c6! Необходимо замаскировать діагональ a8—h1, чтобы впослѣдствіи ферзь черныхъ не могъ препятствовать бѣлымъ дать матъ ладьей на h1.

Правильныя рѣшенія всѣхъ задачъ сообщили: І. Бодкеръ (Варшава), А. М. Зильбербергъ (Сувалки), Н. В. Изюмовъ (Вологда), Н. А. Михелевъ (Н. Новгородъ), М. А. Можаровскій (Ст. Молодечна, Вил.), И. З. Рапопортъ (Ст. Комаровцы), Л. Ротштейнъ (Ст. Комаровцы, Ю.-З. ж. д.), В. А. Стетюхъ (Николаевъ, Херс.), В. и Э. Стюксъ (Одесса).

— № 16. А. И. Елисѣевъ и Л. Б. Залкиндъ (Кострома).

— № 17 и 18. П. К. Ануфріевъ (Орѣхово, Влад.), Ш. Я. Бердичевскій (Тульчинъ), А. Θ. Вундеръ (Житоміръ), К. Ф. Генрихсонъ (Перновъ), М. Д. Дугласъ (Москва), А. И. Елисѣевъ, В. Ермолаевъ (Москва), Л. Б. Залкиндъ, Н. В. Зейфертъ (СПБ.), А. Ивановъ (с. Волица Подевая, Вол.), г. Кондратьевъ (Харьковъ), г-жа Любовь Мееровичъ (Екатеринодаръ), С. Рабиновичъ (Тульчинъ), М. А. Стельникъ (Ковель). Г. Сукерникъ (Балта).

— № 17. К. Гулевичъ (с. Голадьки, Кіев.), А. В. Филатьевъ (Либава).

— № 18. Г-жа Елена Ив. Вилькенъ (Острогожскъ), В. Жидковъ (Либава), Г. Ф. Гибшманъ (Прилуки, Полт.).

— Этюдъ № 19. Первые два-три хода рѣшенія сообщили нѣсколько лицъ, но никто изъ нихъ, кромѣ Н. В. Изюмова, не нашелъ главнаго хода 4. Л. a2—h2!, лишь при которомъ бѣлые могутъ выиграть.

*) Имена авторовъ задачъ не опубликованы и въ майской книжкѣ „Strategie“.

Корреспонденція со всѣми для всѣхъ.

— А. Г. Ш-ну (Шадринскъ). Сообщаемъ просимую вами „индійскую“ задачу: Бѣл. Кр. a1, Л. d1, С. g2 и h6, П. b2, f2 и g4. Черн. Кр. e4, К. f3, П. b7 и e5. Матъ въ 4 хода. 1. С. h6—c1, b7—b5; 2. b2—b3, b5—b4, 3. Л. d1—d2, Кр. e4—f4; 4. Л. d2—d4,—двойной шахъ и матъ.

— Н. И. Г-ву (Вологда).—В. В. Р-фу (Подгорное). Въ рѣшеніяхъ двухъ-ходовыхъ задачъ достаточно сообщать только первый ходъ; въ 3-хъ-ходовыхъ—и главные, существенные варіанты. Желательно получать ихъ по той формѣ, въ какой они печатаются у насъ, и не позже 25-го числа слѣдующаго за выходомъ книжки мѣсяца. Достаточно указывать лишь № задачи безъ другихъ лишнихъ подробностей.

— М. А. С—ку (Ковель). Начало 1. К. b1—c3, e7—e5; 2. К. g1—f3, К. b8—c6, конечно, встрѣчалось на практикѣ, но крайне рѣдко. „Теорія“ его не разсматриваетъ. Оно несомнѣнно „правильно“, ибо послѣ 3. e2—e4 получаются положенія, встрѣчающіяся въ разныхъ дебютахъ (въ Итальянской, Испанской, Русской партіяхъ, въ дебютѣ 4-хъ коней).—Пропустили вашу фамилію въ числѣ рѣшившихъ задачу № 35, вѣроятно, не случайно, а потому, что не имѣли вашего письма ко времени составленія шахматнаго отдѣла.

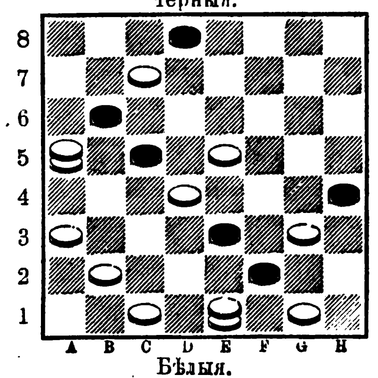
— М. М. Г—ву (Котельничъ).—Б. М. Т-му (Елисаветградъ).—І. Б-ру (Варшава).—Н. А. К-ну (Курскъ). Благодаримъ; но присланными задачами не можемъ воспользоваться.

ШАШКИ

подъ редакціей В. И. Шошина.

Задача №. 11.

Н. Г. Пичугина (въ Хабаровскѣ).

Запереть дамку и двѣ простыхъ.

Задача №. 12.

И. С. Роменскаго (ст. Анновка, Екат. ж. д.).

Черныя.

8 7 6 5 4 3 2 1

A B C D E F G H

Бѣлыя.

Запереть двѣ дамки и простую.

ПАРТІЯ № 9.

Играна по переспискѣ съ 1 февраля по 31 іюня 1890 г.

	Е. И. Лебедевъ (Орелъ). Бѣлыя.	В. И. Шошинъ (Петербургъ). Черныя.
1.	e3 — d4	f6 — e5
2.	d4 : f6	g7 : e5
3.	g3 — h4	h8 — g7
4.	c3 — b4	g7 — f6
5.	f2 — g3	b6 — c5
6.	d2 — e3	. . .

Повидимому, сильнѣе было бы 6. g3—f4, e5 : g3; 7. h4 : f2.

6.	. . .	e5 — d4
7.	b4 — a5	. . .

Слабый ходъ. Лучше было бы 7. e1—d2, d4 : f2; 8. g3 : e1 или 7. e1—f2. Ошибочно было бы здѣсь 7. g1—f2, тогда d6—e5; 8. b4 : f4, c7—d6; 9. e3 : c5, d6 : b4; 10. a3 : c5, f6—g5; 11. h4 : f6, e7 : g1 и черн. выигрываютъ.

7.	. . .	d4 : f2
8.	g1 : e3	f6 — g5
9.	h4 : f6	e7 : g5
10.	g3 — f4	. . .

Этимъ ходомъ бѣлыя окончательно погубили свою партію. Слѣдовало бы сыграть 10. e3—f4, g5 : e3; 11. e1—d2 и бѣлыя, кажется, имѣли бы нѣкоторые шансы на ничью.

10.	. . .	c5 — d4!
11.	e3 : e7	g5 : e3
12.	b2 — c3	. . .

Если 12. e1—d2, то g8 : f6; 13. d2 : f4, f6—g5; 14. a5—b6!, a7 : c5; 15. b2—c3, g5 : e3; 16. c3—d4, c7—d6; 17. d4 : f2, d6—e5; 18. a1—b2 (если 18. f2—g3, то h1—g5; 19. c1—d2, g5—f4; 20. a1—b2, f8—e7; 21. b2—c3, e7—d6; 22. c3—b4. [если 22. g3—h4, то c5—d4 и т. д.], b8—c7; 23. g3—h4, c5—d4; 24. d2—c3, d4 : b2; 25. a3 : c1, e5—d4 и выигр.; если 18. h2—g3, то h6—g5; 19. g3—h4, g5—f4; 20. f2—e3, f4 : d2; 21. c1 : e3, e5—d4 и выигр.; если же 18. f2—e3, то e5—f4; 19. e3 : g5, h6 : f4 и выигр.), f8—e7; 19. b2—c3, e7—d6; 20. c1—d2 (если 20. h2—g3, то h6—g5; 21. g3—h4, c5—d4; 22. h4 : f6, d4 : b2; 23. f6 : d4, b2—a1 и выигр.), b8—c7; 21. c3—b4 (если 21. f2—e3, то e5—d4; 22. c3 : e5, d6 : f4; 23. e3 : g5, h6 : f4; 24. d2—c3, c7—d6; 25. c3—b4, d6—e5; 26. b4 : d6, e5 : c7 и выигр.; если же 21. f2—g3, то h6—g5; 22. c3—b4 [если 22. g3—h4, то c7—b6 и выигр.], e5—d4; 23. b4—a5, g5—h4; 24. d2—c3 [если 24. g3—f4, то d4—e3 и выигр.], h4 : f2; 25. e3 : g1, d4—e3 и выигр.), h6—g5; 22. d2—c3 (если 22. b4—a5, то c7—b6; 23. a5 : c7, d6 : b8 и выигр.), g5—f4; 23. f2—e3, f4 : d2; 24. c3 : e1, e5—f4; 25. e1—d2, c5—d4; 26. d2—c3, d4 : b2; 27. a3 : c1, c7—b6; 28. b4—a5 (если 28. c1—d2, то b6—a5; 29. d2—c3, f4—e3; 30. h2—g3, e3—d2; 31. c3 : e1, a5 : c3 и выигр.), b6—c5; 29. c1—d2, d6—e5; 30. d2—c3, c5—b4; 31. a5—b6 (если 31. c3—d4, e5 : c3; 32. a5—b6, то c3—b2; 33. b6—c7, b2—a1; 34. c7—d8, f4—e3 и т. д.), b4 : d2; 32. b6—c7, d2—e1; 33. c7—d8, f4—e3 и черныя должны выиграть.

12.	. . .	d8 : f6
13.	c3 — b4	a7 — b6
14.	a1 — b2	f8 — g7
15.	h2 — g3	. . .

Очевидно, если 15. b2—c3, то c7—d6; 16. a5 : e5, f6 : b2 и выигрываютъ.

15.	. . .	e3 — f2
16.	b2 — c3	f2 : h4
17.	c3 — d4	h4 — g3
18.	b4 — c5	b8 — a7
19.	c5 — d6	c7 : c3
20.	a5 : c7	g3 — h2
21.	c7 — d8	. . .

Если 21. c7—b8, то h6—g5, затѣмъ 22. ... g5—f4 и выигрываютъ.

21.	. . .	h6 — g5
22.	d8 — a5	c3 — b2
23.	e1 — f2	a7 — b6

Лебедевъ сдался.

Если 24. a5 : c7, то g5—f4; 25. c7 : g3, h2 : f4 и выигр.; если же 24. a5 : d8, то g5—h4; 25. d8 : g5, h4 : f6 и выигрываютъ.

Рѣшенія задачъ, помѣщенныхъ въ № 4 Литер. Прил. „Нивы" за апрѣль 1902 г.

— № 7. Н. П. Смирнова. 1. h6—f4; 2. f4 : c7, e7—d6 (A, B); 3. c7 : e5; 4. c3—b4; 5. e5—h8; 6. e1—d2 и если черн. берутъ 5 шашекъ, то 7. h8—c3 и 8. c3—e1, а если—одну, то 7. d2—e3 и 8. c3—e1. A) 2. ... e7—f6; 3. d4—e5; 4. c3 : e5; 5. c7—a5; 6. e5—d4; 7. d4—a7; 8. e1—d2; 9. a7—e3; 10. d2—e3 и 10. a5—e1. B) 2. ... h6—g5; 3. c7—d6; 4. c3—d2 и 5. d2 : h6.

— № 8. М. И. Туманова. 1. c5—b6, e3 : a3 (A); 2. h4—g3; 3. d6 : b4, a3 : h2 (если 3. ... f8 : h2, то 4. f2—c5); 4. c1—d2; 5. b2—e5; 6. f2—g3 и 7. d2 : f4. A) 1. ... a7 : a3; 2. d4—b6; 3. g1—h2; 4. d6—b4; 5. b2—c3; 6. c3—d4; 7. h2—g3; 8. h4—f2 и 9. c1 : e3.

Рѣшили: П. П. Васильевъ (СПБ.), Ѳ. Ѳ. Старостинъ (Юрьевъ), И. С. Роменскій (ст. Анновка, Екат. ж. д.), А. Кашкинъ (Тамбовъ) и Н. Г. Пичугинъ (Хабаровскъ).— — №№ 7 и 8; Е. М. Максимовъ (с. Починки, Рязанск. г.) и Н. Гулинъ (Симбирскъ)—№ 7; Н. П. Смирновъ (Москва), П. К. Ануфріевъ (Орѣхово-Зуево, Влад. г.), П. Я. Березнеговскій (с. Никольское, Волог... г.), Т. Ш. Шалитъ (Рига) и А. Ивановъ (Мосальскъ)—№ 8.

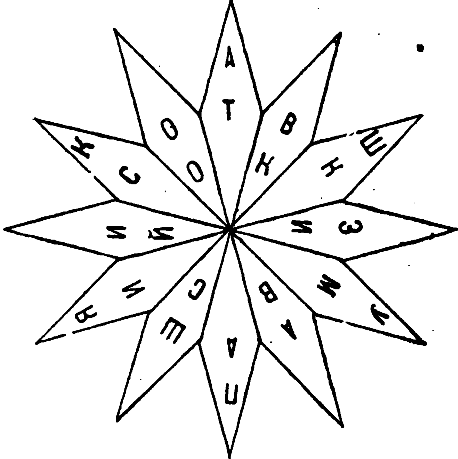
Правильныя рѣшенія задачъ №№ 5 и 6, кромѣ лицъ, упомянутыхъ въ апр. кн. „Нивы", прислали: П. П. Васильевъ (СПБ.), М. И. Поповъ (Соликамскъ), А. И. Жоглевъ (Самара), А. К. Мишинъ (Б. Верейка, Ворон. г.), Н. А. Поповъ (Мал.Варыпаево, Сарат. г.), Т. Ш. Шалитъ (Рига), О. И. Лійкъ (Даго-Кертель, Эстл. г.).

Въ задачѣ г. Залкинда, помѣщенной въ прошломъ отдѣлѣ, дамка f6, во избѣжаніе 2-го рѣшенія, должна быть замѣнена простой на e7. Эта, а также и задача г. ... ина .. ина ошибочно напечатаны, какъ получившія 3-й призъ на конкурсѣ „Шахматнаго Обозрѣнія". Призъ этотъ присужденъ, какъ извѣстно, задачамъ гг. Смирнова и Туманова, помѣщеннымъ въ апр. кн. „Нивы".

ЗАДАЧИ, ЗАГАДКИ и РЕБУСЫ

подъ редакціей Н. В. Панкова.

Задача буквъ № 15.

Разрѣзать предлагаемую фигуру по линіямъ на 12 равныхъ частей, которыя за-

тѣмъ вновь собрать, но въ такомъ порядкѣ, чтобы изъ буквъ составилась пословица.

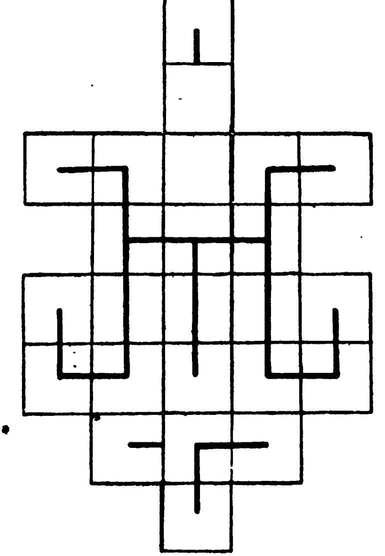
Части фигуры позволяется перевертывать.

	а	ѣ	е	
т	н	и	н	в
д	е	п	р	г
	и	а	з	
д	ы	ь	о	а
	н	ц	с	
т	я	р	е	ь
е	с	п	ч	р
	е	ь	т	

Загадка № 16.

Предлагается прочесть **ходомъ коня** загадку, которую и разгадать.

Задача № 17.

24 квадрата, составляющіе данную фигуру, размѣстить по 8 въ рядъ такъ, чтобы изъ линій, находящихся на квадратахъ, образовались буквы фамиліи одного композитора.

Рѣшеніе задачи № 10 (помѣщ. въ «Литер. Прил.» за апрѣль 1902 г.)

Учитель задалъ ученику перемножить два числа: 644112 и 79534.

Рѣшеніе задачи-шутки № 11
(помѣщенной тамъ же).

Три купца переправились черезъ рѣку слѣдующимъ образомъ: 1) поѣхали купецъ и разбойникъ (или два разбойника); одинъ разбойникъ остался на противоположномъ берегу, а купецъ (или другой разбойникъ) возвратился обратно; 2) поѣхали два разбойника: изъ нихъ одинъ возвратился въ лодкѣ; 3) отправились два купца; одинъ купецъ высадился на противоположномъ берегу, а взамѣнъ его сѣлъ въ лодку разбойникъ, и оба вернулись обратно; и 4) переправились два купца, а оставшійся на противоположномъ берегу разбойникъ перевезъ черезъ рѣку другихъ двухъ разбойниковъ.

Рѣшеніе ариѳмогрифа № 12
(помѣщ. тамъ же).

Г	У	**С**	Л	И
Ш	**К**	И	**В**	Ъ
І	Е	Д	Д	**О**
Е	**Й**	С	**К**	Ъ
А	К	**У**	Л	А
Д	**Ж**	И	**Н**	Ъ
В	З	В	О	**Д**
Д	**А**	В	**И**	Д
Л	А	**Н**	Д	О

В. Жуковскій. Ундина.

Вѣрныя рѣшенія всѣхъ трехъ задачъ прислали: П. Л. Арчаковъ, Б. и В., Василвчъ, І. Гурскій, І. М. Дмитріевъ, А. И. Егоровъ, Зеленодольскіе, Л. И. Ильинскій, А. Ильницкій, А. Ивановъ, П. А. Кавалеровъ, Г. А. Пажитновъ, С. Рабиновичъ, С. И. Шерстюкъ. Фамиліи лицъ, рѣшившихъ двѣ или одну изъ задачъ, къ сожалѣнію, не могутъ быть помѣщены за недостаткомъ мѣста.

Кромѣ упомянутыхъ въ апрѣльской и майской книжкахъ «Литературныхъ Приложеній», слѣдующія лица доставили правильныя рѣшенія задачъ:

№ 5.—Генрихъ Вас—ій (ст. Дузундзе, Манчжурія).

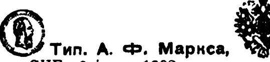
№ 7. А. К. Дилинъ, А. А. Зиновьевъ, Н. М. Житковичъ, А. И. и Д. И. Кардашевы, Перетерскій, П. А. Смирновъ, Г. П. Чаплыгинъ.

№ 8. С. В. Кудринъ (Новая Александрія).

Корреспонденція.

Л. Шебалину. Задача принята. *К. П. Ермолаеву, П. А. Кавадерову, А. И. Кардашеву, Д. Когесону, К. К. Магонову, Скоробогатову, В. Ѳаворскому.* Задачи не пригодились.

Издатель **А. Ф. Марксъ.** Редакторъ **Р. И. Сементковскій.**

Тип. А. Ф. Маркса, Измайл. пр., № 29.

Дозволено цензурою. СПБ. 8 іюня 1902 г.

Безъ раковины.

Повѣсть **Н. И. Тимковскаго.**

(Окончаніе.)

VIII.

Прошла недѣля, было опять воскресенье. Зіягинъ велѣлъ горничной говорить всѣмъ, что никого дома нѣтъ.

Въ пятницу вечеромъ Ксенія Владиміровна уѣхала въ Тверь, и теперь онъ былъ одинъ въ квартирѣ. Онъ охотно ушелъ бы изъ этихъ опустѣвшихъ комнатъ, но онъ съ часу на часъ ждалъ Марью Дмитріевну.

Согласно уговору, онъ въ пятницу утромъ, какъ только окончательно опредѣлился срокъ отъѣзда жены, послалъ Марьѣ Дмитріевнѣ телеграмму. Въ субботу онъ ждалъ ее съ самаго утра; во время пріема больныхъ чутко прислушивался къ каждому звонку и къ звукамъ голосовъ въ передней; но это были все паціенты. Вечеромъ онъ съѣздилъ на квартиру Мелитонова, но тамъ не засталъ ни дочери, ни отца; оставилъ Марьѣ Дмитріевнѣ записку, вернулся домой и еще въ продолженіе двухъ-трехъ часовъ напрасно ждалъ ее. Спать онъ не могъ и до утра просидѣлъ надъ своей работой—классификаціею нервныхъ болѣзней съ новой точки зрѣнія. Послѣ этого онъ легъ спать и видѣлъ во снѣ какую-то огромную больницу, гдѣ онъ размѣщалъ больныхъ по своей классификаціи; больница была настолько велика, что въ ней ходили поѣзда и электрическіе трамваи, подвозившіе все новые и новые транспорты больныхъ. Паровозы ходили беззвучно, какъ больничныя сидѣлки въ мягкихъ туфляхъ, а трамваи тихонько гудѣли и потрескивали, какъ электрическая машина въ кабинетѣ Зіягина, когда онъ электризовалъ своихъ паціентовъ.

Проснулся Зіягинъ поздно съ тяжелой головой и долго не могъ отдѣлаться отъ впечатлѣнія больницы, грезившейся ему во снѣ. Вплоть до вечера онъ каждую минуту поджидалъ Марью Дмитріевну, но она не являлась и никакой записки не присылала. Въ 4 часа онъ отправилъ къ ней горничную съ запиской; горничная вернулась съ отвѣтомъ, что Марья Дмитріевна съ ранняго утра ушла изъ дому... Наказавъ горничной, чтобы она не принимала никого, кромѣ Марьи Дмитріевны, онъ сѣлъ въ кабинетѣ за работу, но работа на этотъ разъ не давалась ему: мѣшали навязчивыя мысли. Въ головѣ сидѣлъ неотступный вопросъ: «Почему она не идетъ?» Она не больна, потому что выходитъ изъ дому, а если бы случилось съ ней что-нибудь неожиданное, она написала бы ему,—но она не идетъ и не пишетъ! Недоумѣніе и нетерпѣніе его росли съ каждой ми-

нутой и, наконецъ, дошли до того, что онъ не могъ ни думать о чемъ-нибудь, ни читать, ни просто сидѣть на мѣстѣ. Онъ вскочилъ и принялся ходить по всѣмъ комнатамъ, безпрестанно заглядывая въ окна.

Вотъ раздался вибрирующій звукъ электрическаго звонка; но это не *ея* звонокъ: она звонитъ всегда нѣсколько разъ, отрывисто, рѣзко, нетерпѣливо, а это — какой-то осторожный звонокъ... И дѣйствительно, это оказался запоздавшій къ пріему паціентъ, котораго горничная выпроводила. Вскорѣ затѣмъ она принесла Зіягину письмо. «Не отъ нея ли?» Нѣтъ, это женинъ почеркъ: ровный, красивый, отчетливый...

«Теперь, когда я въ первый разъ за время нашей совмѣстной жизни очутилась вдали отъ тебя,—писала Ксенія Владиміровна: — мнѣ такъ ясно стало то, о чемъ я говорила съ тобой въ воскресенье вечеромъ и о чемъ я всю дорогу думала. Я знаю, ты не изъ тѣхъ людей, которые способны коверкать свою и чужую жизнь ради минутнаго увлеченія. Нѣтъ, тутъ причина лежитъ въ какой-то болѣзненной идеѣ, завладѣвшей тобою. Вспоминая тебя съ первой нашей встрѣчи и до послѣдняго дня, проведеннаго съ тобою, я все больше и больше убѣждаюсь, что эта фатальная идея незамѣтно зародилась въ тебѣ еще съ молодости, потомъ незамѣтно разросталась въ тебѣ и, какъ червякъ, подтачивала всѣ основы твоей жизни. И теперь все то, чтò ты понимаешь подъ словами: «новая жизнь», «новыя формы», все это— только навязчивыя галлюцинаціи, сущность же сводится у тебя къ простому отрицанію всякой жизни. Какъ больному кажется все неудобнымъ, невкуснымъ, надоѣдливымъ, такъ вся реальная жизнь представляется тебѣ сплошнымъ убожествомъ или уродствомъ. Какъ иному больному чудится, что достаточно ему выскочить на холодъ или съѣсть чего-нибудь соленаго, и онъ станетъ совершенно здоровъ,— такъ и ты воображаешь, что довольно тебѣ остаться одному или, еще лучше, вдвоемъ съ М. Д.,—и жизнь твоя наполнится живымъ содержаніемъ и получитъ тотъ смыслъ, котораго ты ищешь. Это у тебя галлюцинація, Андрей! Ты все дальше и дальше отходишь отъ жизни, и скоро тебѣ *нечѣмъ будетъ жить*... Пишу тебѣ это потому, что боюсь за тебя, мучусь за тебя... У меня сейчасъ нѣтъ мысли о самой себѣ. Во мнѣ нѣтъ обиды; всю мою душу наполняетъ боль за тебя, потому что ты на моихъ глазахъ идешь къ пропасти. Если ты самъ поймешь или почувствуешь, что это въ тебѣ—болѣзненное, я забуду все и пріѣду къ тебѣ, чтобы выхаживать тебя, какъ больного. Подумай надъ тѣмъ, чтò я пишу,— умоляю тебя: подумай!..»

Зіягинъ схватилъ перо и началъ лихорадочно-быстро писать отвѣтъ:

«Ксенія! Читая твое письмо, я съ новой силой почувствовалъ, какая ты хорошая, умная, великодушная... Но ты ошибаешься, думая, что это у меня — болѣзненное: если тутъ и есть что болѣзненнаго, такъ только то, что я всю жизнь насильно гнулъ себя въ томъ направленіи, которое ты признаешь нормальнымъ и обязательнымъ для всякаго порядочнаго человѣка. Если порядочнымъ человѣкомъ называется тотъ, кто любитъ и признаетъ порядокъ жизни, которому и спѣшитъ подчиниться, то я по самому существу своему—*непорядочный* человѣкъ, и не думаю, чтобы я когда-нибудь на самомъ дѣлѣ сдѣлался имъ; а симулировать такого порядочнаго человѣка мнѣ противно. Шлю тебѣ мою искреннюю благодарность за твое участіе ко мнѣ, но я не больной, а если я и боленъ, то ты не можешь понять моей болѣзни. Крѣпко жму твою чест-

ную руку и еще разъ говорю тебѣ отъ души: спасибо!»

Только-что онъ послалъ горничную опустить письмо въ ящикъ, какъ послышался звонокъ. Зіягинъ торопливо отперъ дверь и увидѣлъ передъ собою Михаила Николаевича, который за недѣлю какъ будто еще больше растолстѣлъ и обрюзгъ.

— Говорятъ, жена твоя уѣхала?— спросилъ онъ, подавая брату толстую, красную руку.

— Да.

— Куда: зачѣмъ? почему?

— Уѣхала въ Тверь,—а «зачѣмъ» и «почему», объ этомъ я сейчасъ не хочу говорить.

Братья стояли другъ противъ друга въ передней. Михайло Николаевичъ не раздѣвался, а Андрей Николаевичъ не предлагалъ ему раздѣться.

— Ну, чортъ съ тобой, не говори,— произнесъ Михайло Николаевичъ своимъ грубовато-добродушнымъ тономъ.— Я вижу, ты поникъ головой, точно балаганный Петрушка, котораго ударили сзади по затылку. Разругался съ женой, что ли?.. Впрочемъ, нѣтъ: вы съ ней не умѣете ругаться... А моя, знаешь ты, оказалась опять въ положеніи: рѣшила теперь, пока что, дома посидѣть... Стало-быть, я одинъ разгуливаю. Вчера вечеромъ выхожу я изъ ресторана съ теплой компаніей: всѣ пьяненькіе—хоть выжми! Вдругъ вижу: подъѣзжаетъ Сашка съ этой... какъ ее? Ханиной... Я отвелъ его въ сторону и говорю: «Зачѣмъ, бестія, барышенъ по ресторанамъ таскаешь?» А онъ только зубищи свои скалитъ... Вотъ подлецъ!.. Знаешь что, Андрей: пойдемъ въ трактиръ, покалякаемъ!.. Ну, чего тебѣ безъ жены-то?

— Нѣтъ, ступай одинъ,—отвѣтилъ Зіягинъ съ явнымъ нетерпѣніемъ.

— Свинья ты все-таки... Это я тебѣ, братанъ, говорю по секрету. Никогда компаніи не составишь: всѣхъ чураешься! Я къ тебѣ ходить не буду... ей-Богу! Ну тебя совсѣмъ!.. А то пойдемъ сейчасъ ко мнѣ... Не хочешь? У меня есть хорошее винцо: паціентъ одинъ преподнесъ... Нынче я обѣдалъ съ купцами въ ресторашкѣ: порядочно хлопнули,—а теперь вотъ остановиться не могу... Ну, коли не хочешь,—оставайся тутъ одинъ, кисни!

Онъ повернулся и пошелъ къ выходу, но въ дверяхъ остановился.

— Да. Встрѣтилъ я сейчасъ этого носорога Мелитонова: гуляетъ для пищеваренія. Говоритъ: «Въ Европу ѣду».— «Что же, показываться тамъ будете?» — говорю... Ха-ха-ха!.. Ничего мнѣ не отвѣтилъ, только выпятилъ животъ и прослѣдовалъ дальше. Вѣдь никогда, каналья, не хвораетъ — вотъ что скверно... для нашего брата, эскулапа, конечно. Такъ не пойдешь со мной? Ну, въ бокъ тебѣ дышло за это... Прощай! Пойду къ колбаснику Кюммелю: у него жена такая... аппетитная. Въ моемъ вкусѣ бабешка и въ карты любитъ перекинуться... А ты такъ-таки и не идешь?.. Ну, прокисай тутъ, меланхоликъ проклятый!..

И Зіягинъ опять остался одинъ въ какомъ-то недоумѣніи. Пробовалъ читать, бралъ то одну, то другую книгу, но все казалось ему неинтереснымъ, ненужнымъ. Горничная принесла ему почту. Тутъ была повѣстка съ приглашеніемъ на засѣданіе, письмо отъ одного бывшаго паціента и еще письмо отъ стараго товарища, земскаго врача Ларгина, которому онъ не писалъ больше года. Ларгинъ упрекалъ его за измѣну дружбѣ, описывалъ яркими красками свое тяжелое положеніе въ деревенскомъ захолустьѣ:

«...Чтобы только объѣхать весь тифозный районъ, мнѣ нужно не менѣе недѣли. Живутъ въ тѣснотѣ, въ грязи, спятъ всѣ вмѣстѣ. Что тутъ можно сдѣлать? Пройдетъ эпидемія по

району и не успокоится до тѣхъ поръ, пока не сдѣлаетъ всего, что можетъ сдѣлать. Лѣтомъ повальное разстройство животовъ, а крестьяне ѣдятъ огурцы, лукъ съ квасомъ: и взрослые, и дѣти... Вѣдь въ сущности только регистрируешь болѣзни, и весь смыслъ моей дѣятельности сводится въ концѣ концовъ... къ статистикѣ. Зубами скрежещешь отъ безсилія!» Въ заключеніе, Ларгинъ умолялъ Андрея Николаевича писать ему почаще: «вѣдь съ волками живу!»—а также выслать ему книгъ по прилагаемому списку: «деньги посылаю переводомъ...»

Этотъ уродливый почеркъ, эти скачущія во всѣ стороны буквы и диковинныя закорючки, которыми пестрѣло письмо, сразу перенесли Зіягина въ былое время, теперь казавшееся ему страшно далекимъ. Когда-то онъ вмѣстѣ съ Ларгинымъ мечталъ быть земскимъ врачомъ, но его удержали въ столицѣ научные интересы. Ларгинъ получилъ мѣсто земскаго врача въ одной изъ сѣверныхъ губерній, и Андрей Николаевичъ первое время аккуратно переписывался съ нимъ; его интересовали издали деревня и деревенская медицина, ему долго еще казалось, что вотъ тамъ-то именно, гдѣ дѣйствуетъ Ларгинъ, среди суровой природы и тяжелой крестьянской лямки, въ неустанной, даже непосильной для отдѣльнаго человѣка, борьбѣ съ многочисленными язвами народной жизни, — тамъ-то и могли бы вырости у него крылья, и заполнилась бы сосущая его сердце пустота, которую онъ здѣсь, въ столицѣ, вѣчно ощущаетъ, несмотря на всѣ научные интересы и лихорадочную работу въ занимательной для него области. Потомъ, мало-по-малу, Ларгинъ со своей деревней, неурожаями, эпидеміями, цынгой, отходили отъ него все дальше и дальше; наконецъ, стали для него чѣмъ-то совершенно чуждымъ, точно все это происходитъ на другой планетѣ. Зіягинъ все больше уходилъ въ глубь своей души, все настойчивѣе искалъ разрѣшенія вопросовъ жизни въ своей идеѣ «новаго человѣка», съ точки зрѣнія которой нервное и психическое здоровье и нездоровье представлялись Зіягину въ совсѣмъ новомъ свѣтѣ...

Письмо товарища всколыхнуло въ немъ что-то живое, забытое; но черезъ нѣсколько минутъ Андрей Николаевичъ уже отложилъ равнодушно письмо въ сторону.

«Да... эпидемія... разстройство животовъ...—бормоталъ онъ машинально, думая уже о своемъ. — Съ волками живетъ... гм!.. Да, вотъ надо книги ему выслать...»

IX.

Рѣзкій, нетерпѣливый звонокъ заставилъ его вздрогнуть: нервы его были такъ напряжены, что звонокъ показался ему просто оглушительнымъ. «Она!» пронеслось молніей въ его головѣ. Онъ бросился въ переднюю, но оттуда раздавались уже тяжелые шаги, по которымъ онъ тотчасъ же узналъ брата.

И дѣйствительно, это былъ Александръ Николаевичъ, но какой-то странный, непохожій на себя. Онъ горбился на ходу, морщилъ лицо, точно отъ зубной боли; его свѣтлые глаза были подернуты какой-то темной пленкой и, казалось, ничего не видѣли передъ собой. Забывъ поздороваться съ братомъ, онъ прошелъ прямо въ кабинетъ и почти упалъ въ кресло.

— Ханина отравилась, — сказалъ онъ, глядя мутнымъ взоромъ на брата.

Голосъ его звучалъ глухо и былъ точно чужимъ голосомъ: казалось, что-то застряло у него въ горлѣ и причиняло ему боль...

— Ты былъ правъ, Андрей...—продолжалъ онъ съ такимъ видомъ, точно съ болью вырывалъ изъ себя каждое

слово: — все это безобразно, гнусно, мерзко!

— Что это? — спросилъ тихо Зіягинъ, начиная уже догадываться, и машинально притворилъ плотнѣе дверь.

Александръ Николаевичъ тяжело дышалъ и молчалъ; лицо его подергивалось.

— Прошлое воскресенье я привезъ ее къ себѣ...—заговорилъ онъ съ ожесточеніемъ въ тонѣ.—Вчера мы были съ ней въ ресторанѣ... въ отдѣльномъ кабинетѣ... Будь прокляты эти отдѣльные кабинеты, эти гнусныя клоаки!—крикнулъ онъ, сжимая судорожно кулаки.

Онъ ударилъ себя кулакомъ по головѣ и, вскочивъ съ кресла, заметался по комнатѣ; его лицо, искаженное гнѣвомъ, стыдомъ и тоскою, казалось почти старымъ.

— Я убилъ въ ней душу... понимаешь ты?—со стономъ вырвалось у него. — Въ первый разъ въ жизни я почувствовалъ, что̀ значитъ убить, растоптать въ человѣкѣ душу... Мнѣ случалось обманывать женщинъ, но онѣ отвѣчали мнѣ на это или упреками, которые я всѣ наизусть знаю, или тѣми водянистыми слезами, которыя возбуждаютъ во мнѣ только насмѣшку... Но здѣсь, здѣсь... Есть у тебя вино? Дай мнѣ вина... Какого-нибудь,—все равно!

Зіягинъ позвонилъ и велѣлъ горничной принести вина. Александръ Николаевичъ сѣлъ на кушетку, опустилъ голову на руки и точно застылъ въ этомъ положеніи; только изрѣдка вся его плотная, широкоплечая фигура вздрагивала, какъ отъ внезапнаго толчка. Зіягинъ, понуривъ голову, ходилъ по кабинету и сосредоточенно кусалъ кончики усовъ: онъ чувствовалъ, какъ изъ глубины души его поднимается какая-то неиспытанная еще имъ тревога, что-то жуткое и зловѣще-мрачное...

Горничная принесла бутылку рислинга. Александръ Николаевичъ выпилъ залпомъ стаканъ, разстегнулъ мундиръ, жилетку и долго дышалъ, конвульсивно потирая себѣ грудь...

— Она меня любила... Она всю душу свою поставила на карту; значитъ, беззавѣтно вѣрила мнѣ...—заговорилъ онъ голосомъ, похожимъ на стонъ.—У нея была такая же честная душа, какъ у твоей Ксеніи, и она отдавала мнѣ эту душу безъ оглядки... Да, конечно, ей не Ибсенъ былъ нуженъ, а я,—но она вѣрила, что во мнѣ сидитъ не подлое животное, а человѣкъ, который пойметъ расцвѣтъ ея чувства, пойдетъ ей навстрѣчу со всѣмъ, что въ немъ есть свѣтлаго, человѣческаго... А когда я, взявъ у нея все, сразу прекратилъ эту забавлявшую меня игру въ чувства и, какъ честный человѣкъ («какъ честный»... ха-ха!) признался ей, что собственно я никогда не любилъ ее, да и никого не любилъ, а только производилъ надъ людьми эксперименты, что собственно тутъ дѣло очень простое, если убрать всѣ декораціи, что у меня въ жизни есть только одинъ живой интересъ: обнажать вездѣ правду, которую всѣми силами стараются замазать; когда я объяснилъ ей въ заключеніе, что разъ правда передъ нами вскрылась, намъ уже незачѣмъ обманывать другъ друга и самихъ себя,—она посмотрѣла на меня помертвѣвшими отъ ужаса глазами... Никогда не забуду этого взгляда, этого ея ужаса передъ моей гнусной «правдой»... Точно что-то тяжелое, безобразное, безпощадное обрушилось на нее, скомкало, раздавило ей душу—разомъ и навсегда... и тутъ только, Андрей, я почувствовалъ эту *душу* въ человѣкѣ, которую я до тѣхъ поръ такъ нагло развѣнчивалъ вездѣ, гдѣ только могъ, сводилъ на вожделѣнія тѣла, прикрываемыя ложью... Мое проклятіе—въ томъ, что я слишкомъ поздно почувствовалъ это: мнѣ надо

было для этого убить сначала молодую, свѣтлую, довѣрчивую душу!..

— Но постой, Александръ... Вѣдь ты могъ тогда же сказать ей все это...— перебилъ его Зіягинъ, волнуясь все больше и больше. — Ты смягчилъ бы этимъ ея ужасъ и горе... Можетъ-быть, ты примирилъ бы ее...

— Я что-то говорилъ ей—самъ не помню, что... Я тогда еще не сознавалъ путемъ... Я только чувствовалъ, что внутри меня что-то рушится, что ея взглядъ заключаетъ для меня что-то страшное, фатальное, но первое время я не могъ разобраться въ этомъ: точно какой вихрь все закружилъ во мнѣ и не давалъ мнѣ опомниться. Я какъ будто утѣшалъ ее, какъ будто просилъ прощенія, но она ничего не слыхала, не понимала. Глаза ея точно остановились на одной ужасной точкѣ... Она машинально одѣвалась, руки у нея дрожали и не слушались... Когда я хотѣлъ помочь ей, она затряслась всѣмъ тѣломъ и шарахнулась отъ меня въ сторону... Уходя, она въ послѣдній разъ взглянула на меня, и въ глазахъ ея я увидѣлъ смерть... да смерть!..

— То-есть, что именно увидѣлъ?— спросилъ Зіягинъ, всматриваясь въ брата и стараясь по его лицу прочесть недосказанное...

Въ тонѣ его уже слышалось не только чувство глубоко взволнованнаго человѣка, но и жадная любознательность мыслителя, стремящагося заглянуть поглубже въ интересный вопросъ... Александръ Николаевичъ налилъ въ стаканъ вина, проглотилъ его однимъ глоткомъ и, охвативъ руками колѣни, заговорилъ угрюмо:

— Вотъ ты прошлый разъ толковалъ мнѣ про омертвѣніе души, когда у нея гніютъ или высыхаютъ корни... Я у этой дѣвушки вырвалъ душу съ корнемъ, и ей нечѣмъ стало жить: она пришла домой и отравилась.

— Какъ ты узналъ про это? Когда?

— Сейчасъ только... Весь день я былъ въ какомъ-то кошмарѣ: мнѣ все мерещился ея послѣдній взглядъ. Наконецъ, я не выдержалъ и пошелъ къ ней: тамъ было уже все кончено... Отравилась опіемъ... Да въ сущности она умерла раньше... умерла въ тотъ моментъ, когда я, мерзавецъ, отравилъ ей душу: ей оставалось только прекратить жизнь въ своемъ тѣлѣ...

— Оставила она какую-нибудь записку?

— Да... всего нѣсколько словъ: «Умираю, потому что страшно жить»... Это я еще наканунѣ прочелъ въ ея глазахъ... Вотъ это и есть смерть, которую я всю жизнь ношу въ себѣ и распространяю вокругъ себя. Вѣдь я только тѣмъ и занимался, что убивалъ вездѣ, гдѣ только могъ, человѣческую душу. Я вспоминаю теперь взгляды и слова женщинъ, обманутыхъ мною, вспоминаю мужскую молодежь— студентовъ, гимназистовъ, — которые искали у меня разрѣшенія вопросовъ жизни, совѣсти, души, и которыхъ я систематически отравлялъ своей бездушной правдой,—и я кажусь самому себѣ убійцей, злорадно уничтожавшимъ въ зародышѣ жизнь.

— Но вѣдь теперь ты самъ возненавидѣлъ свою «правду»? Теперь тебѣ открылась другая, для которой стóитъ жить?

Александръ Николаевичъ угрюмо и нехотя усмѣхнулся; эта мертвенная улыбка такъ и осталась, забытая, на его губахъ, пока онъ съ усиліемъ, съ отвращеніемъ говорилъ въ отвѣтъ брату:

— «Другая правда»?.. А что мнѣ съ ней дѣлать?.. Я увидѣлъ въ человѣкѣ душу, да въ себѣ-то самомъ я не нахожу ея: можетъ-быть, она и была у меня, но когда-то — даже не помню, когда—сгнила во мнѣ, что ли...

или высохла?.. Съ тѣхъ поръ и глаза у меня стали никкелированные... ха!.. Мнѣ тоже, какъ Ханиной, теперь страшно жить: кругомъ меня живые, а я—мертвый... Понялъ?.. Я—грубая поддѣлка подъ живого, я, по твоему выраженію,—трупъ, который надо безпрестанно гальванизировать... Но скоро, Андрей... Можетъ-быть, ты и не меня имѣлъ въ виду, но ты попалъ въ точку... да. Пойду опять туда, къ *ней*... — прибавилъ онъ, неожиданно вставая съ мѣста.

— Зачѣмъ?.. Посиди у меня. Можетъ-быть, тебѣ лучше не ходить туда...

— Нѣтъ, я пойду... Надо же гальванизировать трупъ!

— Александръ, что ты говоришь?

— Я говорю не для красоты слога. Мнѣ нужно видѣть ее, чтобы опять во всей силѣ почувствовать, что я— подлецъ, убійца, что правда моя омерзительна... почувствовать вотъ все то, о чемъ я сейчасъ говорилъ тебѣ,— иначе опять все затянется во мнѣ тиной...

— Не можетъ этого быть, Александръ!

— Да, если бы я былъ въ самомъ дѣлѣ живой,—а то вѣдь я... Знаю, что не забыть мнѣ ея взгляда, ея ужаса; но знаю также, что та новая для меня правда, которою ты меня утѣшаешь, скоро опять потускнѣетъ въ моихъ глазахъ, и я только ожесточусь отъ своей душевной мерзости... Прощай!

— Что же ты будешь дѣлать, Александръ?—спросилъ съ безпокойствомъ Зіягинъ, удерживая его руку.—Какъ ты будешь жить теперь?

— А вотъ посмотримъ, что *она* мнѣ скажетъ... — отвѣтилъ съ холоднымъ смѣхомъ Александръ Николаевичъ.

Глаза его были подернуты темной пленкой; онъ глядѣлъ въ упоръ на брата, но, казалось, видѣлъ передъ собой не его, а что-то совсѣмъ другое...

Зіягинъ раскрылъ-было ротъ, чтобы возразить ему, но услыхалъ стукъ въ дверь и знакомый голосъ:

— «Можно къ вамъ?»

Онъ вздрогнулъ, поспѣшно отворилъ дверь и увидѣлъ передъ собою Марью Дмитріевну.

X.

На ней было ея неизмѣнное коричневое платье и отложной воротничокъ. Она, очевидно, шла очень быстро,—запыхалась, лицо ея горѣло отъ свѣжаго воздуха, тяжелыя косы слегка растрепались, и она небрежно поправляла ихъ обѣими руками.

— Опять, какъ прошлое воскресенье, застаю васъ обоихъ въ братской бесѣдѣ,—сказала она, здороваясь съ Зіягиными и наполняя кабинетъ звуками своего сочнаго, свѣжаго голоса.—Однако, что̀ это значитъ, господа? Вы оба какіе-то пришибленные.

Александръ Николаевичъ стоялъ, прислонясь къ книжному шкапу, и смотрѣлъ на дѣвушку; но это былъ совсѣмъ не тотъ блестящій взглядъ, которымъ онъ прежде пожиралъ ея сильную, гибкую фигуру; нѣтъ, теперь глаза его смотрѣли угрюмо, почти брезгливо, а выпяченная нижняя челюсть придавала его лицу черствое, даже озлобленное выраженіе...

— Можетъ-быть, я вамъ помѣшала?—спросила Марья Дмитріевна, обводя недоумѣвающимъ взглядомъ обоихъ братьевъ.

— Прощай, Андрей...—сказалъ коротко Александръ Николаевичъ и, не взглянувъ на Марью Дмитріевну, вышелъ.

XI.

Марья Дмитріевна проводила его большими удивленными глазами, потомъ остановила ихъ на Зіягинѣ, который топтался по кабинету въ состояніи мучительной нерѣшительности. Сначала онъ хотѣлъ-было остановить

брата, потомъ сдѣлалъ движеніе, чтобы проводить его; когда тотъ вышелъ, онъ думалъ догнать его и сказать ему нѣсколько словъ на прощанье,—а самъ все продолжалъ топтаться на мѣстѣ... Недоумѣніе, которое онъ испытывалъ весь этотъ день, съ приходомъ Марьи Дмитріевны, казалось, возросло еще больше. Въ ушахъ его еще звучалъ голосъ брата, а внутри еще дрожала тревога, овладѣвшая имъ при первыхъ словахъ Александра Николаевича; но съ того момента, какъ вошла Марья Дмитріевна, все это покрылось для него однимъ безпокойнымъ вопросомъ:

«Съ какими мыслями она пришла ко мнѣ?»

Раньше онъ представлялъ себѣ, что она явится къ нему не такою, какова она сейчасъ, а какою-то новою... и все какъ-то будетъ у нихъ по-новому; что какъ только она придетъ къ нему, такъ сейчасъ же, въ одно мгновеніе, все станетъ ясно между ними, и радостное чувство свободы забьется въ сердцахъ обоихъ. А вмѣсто этого странное, небывалое стѣсненіе охватило и его, и ее. И сама она казалась ему какой-то странной: глаза ея были, какъ у Александра, подернуты пленкой, за которой пряталось ея подлинное «я», и во всей ея фигурѣ виднѣлось что-то напряженное, неестественное и подозрительно-суетливое...

— Что случилось? — спросила она, подходя къ Зіягину.

Руки ея поднялись, чтобы лечь на его плечи или обнять его, но тотчасъ же опустились; а Андрей Николаевичъ стоялъ передъ ней, точно парализованный, стараясь сквозь эти загадочныя пленки прочитать ея мысли...

— Да что такое, наконецъ, у васъ вышло?—повторила Марья Дмитріевна съ нетерпѣніемъ.

— Почему вы такъ долго не приходили ко мнѣ и не давали о себѣ никакихъ извѣстій?—спросилъ вмѣсто отвѣта Зіягинъ, продолжая всматриваться въ ея глаза.

— Развѣ такъ долго? — удивилась Марья Дмитріевна.—Я получила вашу телеграмму только третьяго дня.

— Утромъ... — прибавилъ Зіягинъ съ удареніемъ.

— Да, утромъ... Не отвѣтила вамъ, потому что хотѣла въ тотъ же день забѣжать къ вамъ; а не забѣжала потому, что случилось много разныхъ хлопотъ...

— А вчера?

— Вчера тоже хлопоты. Папа уѣзжаетъ на-дняхъ за границу: пришлось закупить разныя вещи, приготовить кое-что къ отъѣзду... Словомъ, сутолока.

— Такъ неужели за все это время не нашлось свободныхъ получаса, чтобы написать записку или заѣхать ко мнѣ на минутку?

— Все думала: вотъ-вотъ отдѣлаюсь,—забѣгу... Да такъ и не могла выбрать времени.

— А я вотъ не могу понять этого.

— Вы меня упрекаете?

Зіягинъ отвернулся отъ нея и сталъ молча ходить по кабинету, кусая кончики усовъ. Марья Дмитріевна тоже молчала, и въ этомъ молчаніи обоихъ чудилось что-то роковое: оно еще неясно, оно не высказано, но оно зрѣетъ въ этой тишинѣ, надвигается; вотъ-вотъ это роковое сейчасъ станетъ яснымъ для обоихъ, и каждый почувствуетъ, что другой уже догадался объ этомъ,—и оба инстинктивно стараются отдалить грозный моментъ...

— Знаете,—сказалъ вдругъ Зіягинъ, круто повертываясь къ Марьѣ Дмитріевнѣ:—мнѣ приходитъ въ голову странная мысль. Когда жена моя была здѣсь, въ этихъ комнатахъ, она связывала насъ съ вами... какъ мостъ, соединяющій два берега; теперь же, когда она развязала насъ, мостъ рухнулъ, и берега ничѣмъ не соединены.

Это до такой степени странно, что ставитъ меня втупикъ.

Онъ сказалъ это какъ будто ровнымъ, вдумчивымъ тономъ, но въ голосѣ его слышалась дрожь взволнованнаго до дна души человѣка и глухой, пока еще несознанный протестъ противъ этого молодого, красиваго существа, которое смотритъ на него исподлобья и съ такимъ выраженіемъ, точно готовится къ оборонѣ...

— Я уѣзжаю съ папой за границу... — процѣдила она сквозь зубы.

Зіягинъ вздрогнулъ...

— Вы... вы уѣзжаете?

— Да, я ѣду...

Лицо ея вдругъ приняло то упрямо-деревянное выраженіе, какое появлялось у ея отца, когда онъ спорилъ о чемъ-нибудь и, не желая ничего слышать, упорно стоялъ на своемъ. Кровь бросилась Зіягину въ голову, и щеки, и уши, и глаза его сразу покраснѣли...

— Зачѣмъ... почему вдругъ за границу? Какъ вы это надумали?—спросилъ онъ очень тихо, и по этому заглушенному голосу Марья Дмитріевна поняла, что внутри у него все клокочетъ; и какъ только она почувствовала это, брови ея сдвинулись, губы плотно сжались, и въ лицѣ застыло что-то неумолимое...

— Потому что мнѣ *хочется* за границу,—отвѣтила она съ примѣсью запальчивости.—Потому что я такъ хочу... — прибавила она вызывающимъ тономъ.

Въ Зіягинѣ, при этихъ словахъ, вспыхнулъ гнѣвъ, но его мгновенно смѣнило безумное горе отъ мысли, что она уѣзжаетъ отъ него, что она увозитъ съ собой все живое и дорогое ему...

— Да развѣ это можно?—воскликнулъ онъ, хватая ее за руки и стискивая ихъ. — *Теперь* уѣхать? Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!.. Вы не уѣдете, вы не уѣдете!—твердилъ онъ, глубоко и любовно заглядывая ей въ глаза. — Вы пошутили!

Она сдѣлала надъ собой усиліе, тряхнула головой и, порывисто схвативъ Зіягина подъ руку, стала ходить съ нимъ по комнатѣ все быстрѣй и быстрѣй, заставляя его почти бѣгать...

— Въ Европу, въ Европу, въ Европу, какъ говоритъ папа... не римскій, а мой! Фу, какія пошлости я болтаю! — засмѣялась она. — Знаете, мнѣ хочется дурить, врать всякій вздоръ, повѣсничать... Вы этого не понимаете, серьезный человѣкъ?.. Поѣдемте съ нами за границу!

— Съ вами и съ вашимъ папой?

— Да, со мной и съ моимъ папой. Увидимъ море, такое широкое-широкое, глубокое-глубокое, все голубое или синее, все залитое солнцемъ. Папа будетъ пить какія-нибудь воды, дѣлать свой моціонъ, а мы станемъ вездѣ бѣгать, все осматривать, дурачиться и другихъ дурачить. Вѣдь хорошо, а? Я непремѣнно хочу видѣть всѣ города, всѣ музеи, театры, всѣ достопримѣчательности... Буду бѣгать вездѣ, сломя голову: такая жадность на меня напала! Я хочу красокъ, пестроты, шуму, смѣху, разнообразія, хочу видѣть пропасть всякихъ мѣстъ, лицъ, зданій, горъ, хочу слышать всякіе звуки, всякіе голоса. Мнѣ нужно французовъ, нѣмцевъ, итальянцевъ, австрійцевъ, англичанъ... мнѣ нужно всѣхъ! Ха-ха!

Она дергала Зіягина за руку, и говорила, и смѣялась, какъ пьяная, съ трудомъ удерживаясь, чтобы не прыгать, не вертѣться, не крикнуть чего-нибудь задорнаго, весело-нелѣпаго, сумасброднаго. Въ глазахъ у нея блестѣло и переливалось что-то шалое, безпокойное и жадное, въ голосѣ звучали ноты дикаго веселья и какой-то странной, не внушающей довѣрія ласки, смѣшанной съ беззаботной и не зна-

ющей жалости насмѣшкой; во всемъ ея молодомъ необузданномъ существѣ, въ каждой чертѣ ея овальнаго подвижного лица, въ бровяхъ, въ складкахъ около румяныхъ губъ, въ небрежной прическѣ ея непокорныхъ волосъ—во всемъ трепетала какая-то безпредметная, безцѣльная и неудержимая стремительность. Зіягину казалось, что она внесла съ собою въ его тихій, вдумчивый кабинетный міръ крикливую, шумную, пеструю улицу, со всѣми ея звуками и красками, ея неустанной торопливой суматохой... Не заботы, не нужды, не борьбу за существованіе и тяжелыя, гнетущія думы принесла она съ собой изъ этой уличной жизни, а только ея гулъ, ея лихорадочную, возбуждающую нервы сутолоку, не дающую остановиться, оглянуться, вдуматься, всю эту огромную и страшную смѣсь людей, экипажей, вывѣсокъ, роскоши и нищеты, великолѣпныхъ зданій и жалкихъ притоновъ, весь этотъ гигантскій муравейникъ, вѣчно подвижной, судорожно торопливый, захватывающій тебя противъ твоей воли потокомъ своей кипучей жизни. И Зіягинъ чувствовалъ нѣчто похожее на то, что происходило съ нимъ, когда онъ въ молодости, просидѣвъ нѣсколько дней надъ лекціями и книгами, выходилъ на шумную столичную улицу: сначала онъ терялся и испытывалъ головокруженіе, потомъ улица захватывала его, онъ точно пьянѣлъ отъ ея пестроты, разноголосицы, ему хотѣлось жадно глотать всякія уличныя впечатлѣнія, хотѣлось нестись куда-то съ этимъ уличнымъ потокомъ, раствориться въ немъ безъ остатка и чувствовать въ себѣ только безпрестанную смѣну разнокалиберныхъ и не связанныхъ другъ съ другомъ ощущеній. Но это скоро проходило, и въ немъ выросталъ органическій протестъ противъ этого колоссальнаго живого калейдоскопа, насильственно врывающагося въ его душу, гдѣ молчаливо зрѣютъ дорогія ему идеи, мечты, стремленія... Такъ и теперь: слушая возбужденный голосъ дѣвушки, ощущая около себя ея безпокойное, рвущееся куда-то тѣло, онъ одновременно и пьянѣлъ, захваченный ея порывомъ, и глухо негодовалъ на то, что она, какъ нѣкогда улица, врѣзывалась клиномъ въ стройное теченіе его мыслей, вносила возбуждающую, тревожную муть въ логическое царство его любимой идеи «новой жизни», «новаго человѣка». А Марья Дмитріевна, заглядывая ему въ глаза и какъ-будто весело издѣваясь надъ нимъ, повторяла:

— Вы ѣдете съ нами? Ну, конечно, вы ѣдете съ нами... Да отвѣчайте же скорѣй!

— Постойте... — сказалъ Зіягинъ, проводя рукой по лбу.—Я все еще не могу отдать себѣ отчета: что такое между нами происходитъ? Ѣхать или не ѣхать — это для меня внутренно безразлично; но мы ни слова не сказали съ вами о томъ, что для меня единственно важно...

— Что же это такое?

— Это—то, съ чего мы сегодня должны были начать.

— Ну?

— То-есть, будете ли вы со мной или нѣтъ?

— Конечно, буду, если вы поѣдете съ нами... Вотъ смѣшной!

— Вы нарочно не хотите понять меня. Я спрашиваю: будете ли вы самымъ близкимъ моимъ... сольете ли вы свою жизнь съ моею? Вѣдь дѣло не въ томъ, гдѣ мы съ вами будемъ: въ Петербургѣ, въ Москвѣ, въ Вѣнѣ, въ Парижѣ. Мы можемъ объѣхать вмѣстѣ весь свѣтъ, осмотрѣть совмѣстно всѣ музеи, соборы, всѣ достопримѣчательности—и быть другъ для друга внутренно далекими и чуждыми. Вѣдь человѣкъ живетъ не тѣмъ, что

онъ видитъ, слышитъ и дѣлаетъ, а тѣмъ, какъ онъ чувствуетъ жизнь и къ чему тянется въ глубинѣ своего существа. Мы съ вами много говорили объ этомъ, и мнѣ казалось, что мы одинаково чувствуемъ жизнь и стремимся къ одному и тому же: я—болѣе сознательно, вы—менѣе сознательно, но не менѣе сильно...

— Да, да! Я точно такъ же, какъ и вы, прежде всего не хочу жить въ раковинѣ... А вотъ вы, кажется, хотите теперь вогнать меня въ нее.

Зіягинъ, опѣшивъ, глядѣлъ въ недоумѣніи на Марью Дмитріевну: опять ея брови были сдвинуты, а губы сжаты съ выраженіемъ безпощадной непреклонности, и все лицо закаменѣло.

— Что произошло съ вами?—произнесъ Зіягинъ дрогнувшимъ голосомъ.—Мы перестали понимать другъ друга. Я всегда звалъ васъ и теперь зову жить вмѣстѣ для того, чтобы вмѣстѣ создать внутри себя новую жизнь, прекрасную, свободную, широкую, вмѣстѣ стряхнуть съ себя одну за другой путы, все еще связывающія нашу мысль, чувство, совѣсть... Мой идеалъ это—неограниченно свободная душа; а вы говорите, что я хочу вогнать васъ въ раковину! Что могутъ дать всѣ эти французы, нѣмцы, итальянцы, музеи, галлереи, театры, о которыхъ вы такъ мечтаете, для нашей главной цѣли? Научатъ ли они насъ быть свободными?

— Я и такъ свободна,—возразила Марья Дмитріевна упрямымъ, какъ у ея отца, тономъ.—Я не чувствую на себѣ никакихъ путъ. Если прежде были на мнѣ эти путы, такъ я теперь научилась отъ васъ презирать ихъ. Вамъ это должно быть лестно.

Въ послѣдней фразѣ слышалась насмѣшка, и это больно кольнуло Зіягина.

— Такъ вы считаете себя совсѣмъ ужъ свободнымъ человѣкомъ?—спросилъ онъ, невольно впадая въ ироническій тонъ.

— Да... и безпутнымъ, потому что я стряхнула съ себя всѣ путы,—засмѣялась она, и смѣхъ ея, какой-то загадочный, недобрый, тяжело отозвался въ душѣ Зіягина, а маленькіе острые зубы, которые она показала при этомъ, представились ему зубами красиваго хищнаго звѣрка...

— Я выскочила изъ своей раковины и теперь хочу болтаться по свѣту и осматривать чужія раковины,—продолжала она не то серьезно, не то глумясь надъ чѣмъ-то.—Знаете, какъ дѣти слоняются по берегу, собираютъ раковинки, играютъ съ ними? Вотъ и я такъ же хочу... Эти раковины ни на что не нужны мнѣ, да это именно и хорошо: посмотрѣла, полюбовалась—и бросила... Нѣтъ, это интересно: раковинъ всякихъ такъ много, и такія между ними есть красивыя, блестящія, оригинальныя или просто забавныя... Что вы на меня такъ смотрите? Знаете, у васъ есть какое-то сходство съ моимъ папой...

— Съ вашимъ папой?

— Да... Онъ вѣчно думаетъ, что нужно, полезно для его тѣла, а вы вѣчно соображаете, что пригодно и полезно для вашей души. Въ этомъ и сходство, и разница. Вамъ обоимъ нуженъ порядокъ, моціонъ, система... Папа говоритъ мнѣ: «Ну, чего ты по ночамъ бѣгаешь? Это вредно для здоровья». А вы ворчите на меня, зачѣмъ я за границу ѣду: «Это безполезно для души»... А я ни о чемъ не думаю, не забочусь ни о тѣлѣ, ни о душѣ, а просто живу. Я думаю, что вамъ обоимъ будетъ скучно со мной... или безпокойно.

Зіягинъ слушалъ ее и чувствовалъ, что онъ зашелъ въ какой-то туманъ. Онъ могъ бы возразить противъ смысла ея рѣчей, могъ бы указать ей на ея ошибки и противорѣчія, но онъ

сознавалъ въ глубинѣ души, что это безполезно: за ея мыслями стояла стѣной ея натура, для которой ничего не значили ни логика, ни авторитеты, ни идеалы, ни прошлое, ни будущее. Эта натура такъ ярко отражалась и въ ея тонѣ, и въ ея лицѣ, и во всей ея фигурѣ, несокрушимо крѣпкой, какъ у ея отца, и гибкой, подвижной, какъ у змѣи.

— А мнѣ съ вами будетъ тѣсно, душно, потому что папа будетъ мнѣ безпрестанно твердить: «думай о здоровьѣ», т. е. о тѣлѣ, а вы: «думай о своей душѣ, о своей идеѣ, о своей свободѣ»... Занимайся своей свободой, какъ службой! Благодарю покорно!

— Мнѣ только одно хочется узнать у васъ,—произнесъ Зіягинъ, чувствуя, какъ холодъ заползаетъ въ самыя глубокія, сокровенныя складки его души:—чтò побуждало васъ такъ много, такъ долго и горячо разговаривать со мной о вещахъ, къ которымъ вы теперь относитесь съ такою насмѣшкой?

— Очень просто,—сказала Марья Дмитріевна, надменно оттопыривъ губку въ отвѣтъ на его враждебный тонъ.— Вы такъ умно, такъ ловко разбивали всѣ раковины... Я вообще люблю, когда разбиваютъ... Такъ онѣ хорошо трещали подъ вашими ударами! А теперь вы изъ этихъ обломковъ хотите что-то слѣпить: это—кропотливая работа... да она и не интересуетъ меня. Давайте лучше топтать ногами эти обломки.

— А потомъ?

— Не знаю... Я въ будущее не заглядываю.

Она вынула изъ-за пояса золотые часики, взглянула на нихъ и спросила:

— Такъ вы не хотите ѣхать съ нами? Окончательно?

Зіягинъ стоялъ блѣдный—не то отъ горя, не то отъ гнѣва; въ его темноголубыхъ, какъ будто впавшихъ, глазахъ свѣтилась мрачнымъ огнемъ тяжелая, непримиримая тоска.

— Предположимъ, что я поѣду съ вами...—не сразу отвѣтилъ онъ своимъ подозрительно-безстрастнымъ тономъ.—Совершимъ это путешествіе... Ну, а затѣмъ чтò?

— Не знаю... Я ничѣмъ не хочу связывать себя.

— Но мнѣ казалось, что мы... любимъ другъ друга. Объ этомъ говоритъ мнѣ все, чтò мы съ вами переживали послѣднее время... вплоть до отъѣзда моей жены,—прибавилъ онъ многозначительно.

Марья Дмитріевна молчала, раскачивая въ воздухѣ своими часиками, какъ маятникомъ; лицо ея было сердито и непроницаемо.

— Вы мнѣ не одинъ разъ давали понять, что любите меня...—сказалъ Зіягинъ, понижая до послѣдней степени голосъ.

Марья Дмитріевна вдругъ закинула голову и остановила на Зіягинѣ тотъ смѣющійся, задорно-шальной и вызывающій взглядъ, которымъ она смотрѣла съ своей карточки.

— Сегодня люблю, а завтра не люблю...—отвѣтила она съ какой-то запальчивою веселостью.—Сегодня мнѣ съ вами хорошо, весело, а завтра скучно... А если говорить по правдѣ, такъ я никого и ничего не люблю... т. е., постоянно. У людей бываетъ такъ: если они добры, такъ эта доброта въ нихъ всегда сидитъ; если любятъ,—такъ всегда чувствуютъ въ себѣ эту любовь... вотъ какъ я чувствую у себя всегда гребенку въ головѣ, часы за поясомъ, воротничокъ на шеѣ... — засмѣялась она своимъ «бисернымъ» смѣхомъ, такимъ заразительнымъ, беззаботнымъ и, вмѣстѣ, безпощадно-дерзкимъ.—Ну, а у меня такого ничего нѣтъ... Мнѣ вотъ хочется выйти сейчасъ на свѣжій воздухъ и шляться по улицамъ: больше

ничего. А потомъ мнѣ хочется ѣхать, ѣхать, ѣхать, все дальше, все впередъ.

— Куда бы то ни было?

— Да... Въ пространство! — воскликнула она, дѣлая широкій жестъ, и звонко расхохоталась.—Ну, я пойду... Я какъ-то устала быть въ комнатѣ. Хотите проводить меня?

— Постойте... Два слова только...

— Ну?.. Говорите свои два слова.

Она стояла передъ нимъ, поправляя обѣими руками прическу и посматривая въ окно, сквозь которое виднѣлся клочокъ свѣтло-голубого, освѣщеннаго луной неба, съ крошечными, похожими на дымъ, облачками... Зіягинъ пристально глядѣлъ на нее, собираясь съ мыслями и силясь овладѣть душившимъ его волненіемъ; горькая, тоскливая усмѣшка подергивала его губы...

— Марья Дмитріевна...—произнесъ онъ глухо.—Прежде чѣмъ уйти отсюда, объясните мнѣ, пожалуйста: чтò вы за человѣкъ? У меня было такъ много связано съ вами... самаго живого, завѣтнаго для меня,—и мнѣ теперь хочется знать: съ кѣмъ я имѣлъ дѣло, кому повѣрялъ свои любимыя мысли? Вѣдь есть же что-нибудь такое въ жизни, чтò вы любите и чтò ненавидите? Вѣдь не деревянная же вы! Тянетъ же васъ куда-нибудь, въ какую-нибудь опредѣленную сторону? Вѣдь хотите же вы, наконецъ, чего-нибудь отъ жизни? Или у васъ нѣтъ ничего, кромѣ молодого, здороваго тѣла, которому нужно двигаться, бѣгать, смотрѣть, слушать, смѣяться, грѣться на солнцѣ?

Онъ продолжалъ говорить, не замѣчая, какъ презрительная нотка вкралась въ его голосъ и дѣлалась съ каждымъ словомъ замѣтнѣе; Марья Дмитріевна слушала, глядя на него исподлобья сверкающими глазами... Она больно закусила губу и была въ эти минуты похожа на молодую горячую лошадь, которая закусила удила и вотъ-вотъ понесетъ. Когда Зіягинъ кончилъ говорить, на ея смугломъ, покраснѣвшемъ лицѣ было написано такое откровенное и высокомѣрное презрѣніе, что Андрей Николаевичъ внутренно дрогнулъ и стиснулъ зубы, точно уже услыхалъ невыносимо оскорбительное слово.

— Вамъ все хочется узнать, чтò я люблю въ жизни?—сказала она надменно и пренебрежительно.—Извольте, я вамъ отвѣчу: я люблю жизнь вообще—и ничего въ частности. Я просто люблю жить, какъ люблю все вкусное... А вотъ вы-то, Андрей Николаевичъ, чтò любите? Вы вонъ даже не понимаете, какъ это можно просто любить жизнь: вамъ непремѣнно надо, чтобы все было упорядочено, обдумано, приведено въ систему, дозволено вашей цензурой, высчитано по пальцамъ вашего разсудка... Вы хотите втиснуть меня въ такую раковину, которая несноснѣе всякихъ другихъ... Я вотъ пришла къ вамъ сегодня... Развѣ не довольно этого съ васъ?... Если бы я была мужчиной, я бы на вашемъ мѣстѣ... Вы говорили мнѣ, что любите меня: и прежде, и теперь говорили... и опять говорили, и сто разъ говорили... Ахъ, какъ много вы говорите! Вашъ братъ не говорилъ бы такъ много... Право же, мнѣ стало скучно, точно я въ богадѣльню попала. Если бы я была мужчиной, я бы жила за десятерыхъ—вотъ и все... Заглянула бы во всѣ уголки жизни... Если бы я любила, такъ по-настоящему любила бы, а надоѣло—бросила бы безъ зазрѣнія совѣсти... зато и сама не хныкала бы, если бы меня бросили, а просто искала бы жизни въ другомъ мѣстѣ... Вамъ вотъ непремѣнно нужно опредѣлить, чтò я за птица и кàкъ мы съ вами будемъ жить, и о чемъ разговаривать, и въ чемъ будемъ согласны и въ чемъ несогласны... Фу,

какъ это скучно! Вы изъ своихъ мыслей создали себѣ раковину, облѣпили ею себя со всѣхъ сторонъ... да еще хотите, чтобы я тамъ съ вами помѣстилась!.. Помилуйте, да вамъ тамъ и одному-то тѣсно! Прощайте, Андрей Николаевичъ... Пора васъ сдать въ архивъ вмѣстѣ съ другими старыми улитками... честное слово, пора!.. Откройте-ка у себя форточку: можетъ-быть, это освѣжитъ васъ... Прощайте!

И она со смѣхомъ вышла изъ комнаты. Зіягинъ остался, ошеломленный, неподвижный... Онъ слышалъ, какъ Марья Дмитріевна, одѣваясь, что-то напѣвала въ передней, какъ потомъ горничная заперла за ней дверь. Машинально подошелъ онъ къ окну и смотрѣлъ, какъ она шла своей легкой походкой вдоль улицы... Ему казалось, что она дышитъ съ облегченіемъ и наслаждается тѣмъ, что вырвалась, наконецъ, отъ него на свѣжій воздухъ. Это странное, непонятное для него существо было и дорого ему, и какъ будто ненавистно, и близко ему, и чуждо...

Но вотъ она скрылась изъ виду, а Зіягинъ все стоялъ у окна и глядѣлъ въ пространство, — глядѣлъ и думалъ:

«Такъ неужели то, чѣмъ я живу, моя любимая идея, въ которую я вложилъ всю душу, есть только болѣзненная мечта, и самъ я—не болѣе, какъ улитка, неспособная обходиться безъ раковины? Неужели жена права?.. Или, можетъ-быть, право это необузданное созданіе, сотканное изъ ребячества, цинизма и своеволія? Ей никого не нужно, но зато ей нужны всѣ и все... для ея развлеченія; а мнѣ нуженъ только одинъ человѣкъ, мое второе «я», но его не существуетъ... А больше мнѣ ничего не нужно. Всѣ эти улицы, дома, башни, люди, облака—на что они мнѣ? Что меня съ ними соединяетъ?.. Вонъ зарево гдѣ-то... Чу! проѣхали пожарные... Вонъ карета прокатила... Внизу хлопнули дверью... За стѣной играютъ на скрипкѣ... Что мнѣ дѣлать со всѣми этими звуками, красками, лицами? Если это именно и есть жизнь, то она безсмысленна, какъ сонъ, полный странныхъ, несвязныхъ видѣній. Или, можетъ-быть, я чувствую такъ потому, что у меня оборвались одна за другой нити, прикрѣплявшія меня къ этой жизни?.. Нѣтъ, нѣтъ,—все это я долженъ былъ выкинуть за бортъ, чтобы заново создать себѣ жизнь по собственному плану, по требованіямъ своей свободной личности... У меня нѣтъ только друга, союзника, сотрудника... Если бы я встрѣтилъ такого человѣка... Но, Боже мой! Не болѣзнь ли, не безуміе ли, въ самомъ дѣлѣ, всѣ эти мои порыванія, обрекающія меня на одиночество?!»

Онъ обернулся и оглядѣлъ свой кабинетъ, какъ бы отыскивая тамъ разгадку; но ни шкапы съ книгами, ни мелко исписанныя страницы его завѣтной рукописи, въ которую онъ вложилъ столько труда, ни пустыя, почти темныя комнаты, виднѣвшіяся черезъ открытую дверь,—ничто не давало ему отвѣта. Онъ приникъ пылающимъ лбомъ къ холодному стеклу и обвелъ тоскливымъ взглядомъ все, открывавшееся ему изъ окна; но ни дома, ни люди, ни церкви, ни башни, ни небо съ его прозрачными облаками,—ничто не давало ему отвѣта на роковой для него вопросъ... А онъ все стоялъ, и не чувствовалъ, какъ по щекамъ его одна за другой медленно ползутъ ядовитыя слезы.

ИЗЪ ДОРОЖНАГО АЛЬБОМА.

Алόэ.

Гдѣ, играя въ своихъ жемчугахъ,
Блещетъ море въ лазурномъ прибоѣ,
На скалистыхъ морскихъ берегахъ
Тамъ взростаетъ алόэ.

Въ вышину стройныхъ листьевъ мечи
Поднимаются въ гордомъ покоѣ,
И полдневнаго солнца лучи
Нѣжно грѣютъ алόэ.

Издалёка къ нему долетѣвъ,
Освѣжая въ полуденномъ зноѣ,
Южный вѣтеръ поетъ свой напѣвъ
И лелѣетъ алόэ.

Онъ несетъ ему запахъ волны
И дыханіе розъ молодое,
Шепчетъ сказки чужой стороны...
И мечтаетъ алόэ.

Но—въ шестнадцатый разъ, какъ весна
Въ свое царство слетитъ голубое,
Пробуждаясь отъ сладкаго сна,
Расцвѣтаетъ алόэ.

Ночью вѣтеръ приноситъ ему,
Потревоживъ въ блаженномъ покоѣ,
Поцѣлуй, сквозь душистую тьму,
Отъ другого алόэ.

И прекрасную тайну храня
И принявши лобзанье живое,
Алымъ цвѣтомъ любви и огня
Расцвѣтаетъ алόэ.

И пылаютъ на солнцѣ цвѣты...
Но, лишь лѣто уйдетъ золотое,
Въ полномъ блескѣ своей красоты
Умираетъ алόэ.

Только разъ полюбить, расцвѣсти,
И покинуть навѣкъ все земное...
Если бъ *мнѣ* такъ отъ жизни уйти,
Полюбивъ, какъ алόэ!..

Мимоза.

Цвѣты порочныхъ орхидей
Прелестны тайною своей;

Красою пышной рдѣетъ роза...
Но для меня всего милѣй
Моя мимоза!

На солнцѣ золотомъ сквозя,
Она полна благоуханья;
Но взять ее тебѣ нельзя—
Она страшится и дыханья!
Смотри! Боясь людской руки,
Стыдливо сжались лепестки;
Ей словно чудится угроза—
Полна смятенья и тоски
Моя мимоза.

О, пожалѣй ее, не рви!
Погубишь нѣжную мимозу...
Такъ сердца золотую грёзу
Убьетъ дыханье злой любви.

Звонятъ колокола.

Сижу на Пинчіо, смотря на купола,
На море черепицъ, на обелиски Рима.
Волнуются холмы, и даль необозрима,
А синева небесъ прозрачна и свѣтла.
Звонятъ колокола!..
Жизнь города растетъ, и сѣтью тонкихъ линій
Отъ шумныхъ площадей далёко отошла,
Но горизонтъ широкъ... Вотъ группа темныхъ пиній,
А рядомъ кипарисъ, какъ тонкая игла.
Итакъ, я снова здѣсь, въ Италіи прекрасной,
Что родиной души когда-то я звала,
И снова слушаю, какъ гаммой многогласной
Звучатъ торжественно, звонятъ колокола.
Но страшнымъ кажется мнѣ этотъ гулъ призывный,
Пѣснь величавая для сердца тяжела...
По прошлымъ днямъ моимъ, по юности наивной
Мнѣ погребальный гимнъ, печальный, заунывный
Поютъ колокола!..

Въ церкви.

Во mракѣ полутемной церкви
Съ священнымъ трепетомъ горя,
Мерцаютъ пурпурныя свѣчи
У золотого алтаря.
На стершихся могильныхъ плитахъ
Не видно надписей, ни лицъ;
И спятъ фигуры кардиналовъ
На ложѣ каменныхъ гробницъ.

Спокойно сложены ихъ руки,
На твердой мраморной груди,
И крѣпокъ сонъ пятивѣковый
Безъ пробужденья впереди.
Изъ тѣсныхъ нишъ, изъ-за рѣшетокъ—
Повсюду смотрятъ черепа;
А въ церкви мрачной и суровой
Живая, южная толпа.
Звучатъ, поютъ органа волны,
Стремится къ небу стройный хоръ;
Онъ заглушаетъ нѣжный шопотъ
И пылкій, грѣшный разговоръ.
А черепа изъ-за желѣза
Глядятъ на женщинъ, на дѣтей
И вторятъ ихъ улыбкамъ свѣжимъ
Усмѣшкой страшною своей.
Но тотъ, кто старъ, убогъ и жалокъ,
Судьбою загнанный бѣднякъ—
Подальше станетъ, въ тѣнь колонны,
И молится, уйдя во мракъ.
И онъ завидуетъ тѣмъ... спящимъ,
Сложившимъ руки на груди,
Ихъ сну безъ тяжкихъ сновидѣній,
Безъ пробужденья впереди!..

На озерѣ.

Привѣтъ мой, лазурное Комо!
Ты сердцу давно ужъ знакомо,
Съ живымъ серебромъ твоихъ водъ,
Съ твоей голубой тишиною,
Укрытое мощной стѣною
Увѣнчанныхъ снѣгомъ высотъ.
И тайна скалистыхъ ущелій,
И розовый жемчугъ снѣговъ,
И роскошь пунцовыхъ камелій
Цвѣтущихъ твоихъ береговъ;
Лиловые гроздья глициній
По каменнымъ старымъ стѣнамъ,
И куполъ небесъ свѣтло-синій,
Смѣющійся тихимъ волнамъ,—
Все это видала во снѣ я,
Объ этомъ мечтала, блѣднѣя
Отъ сказки твоей красоты...
Привѣтъ мой, лазурное Комо,
Ты сердцу давно ужъ знакомо,
Но ты... Но узнало ли ты?

Т. Щепкина-Куперникъ.

Девятнадцать дней въ пустынѣ Гоби.

Очеркъ **М. Е. Грумъ-Гржимайло.**

(Съ 9-ю рисунками и 2 картами).

I.

Удачная охота за дикими лошадьми (Equus Przewalskii) побудила насъ попытать счастье добыть скелеты и шкуры дикихъ верблюдовъ. Съ этой цѣлью, вернувшись изъ солончаковой пустыни Чжунгаріи въ городъ Гученъ и желая пробраться къ Лобъ-Нору, мы перевалили черезъ горы Тянь-Шань на южную сторону и попали въ оазисъ Турфанскій, составляющій преддверіе огромной пустыни центральной Азіи, называемый въ географическихъ учебникахъ пустыней Гоби или Шамо. Названіе: Гоби въ переводѣ значитъ — пустыня; названіе же Шамо почему-то пріурочено къ этой мѣстности, хотя мѣстные жители его не знаютъ.

Турфанскій оазисъ, заключающій въ себѣ нѣсколько городовъ, какъ-то: Турфанъ, Лемджинъ, Лукчунъ, Пичанъ и массу поселеній и поселковъ, а равно и отдѣльныхъ фанзъ, посѣщенъ былъ до насъ только однажды миссіонерами и докторомъ Регелемъ въ 1878 г. *), такъ что свѣдѣній объ этой странѣ въ литературѣ почти не было вовсе. Между тѣмъ, попавъ сюда послѣ долгихъ странствованій, мы встрѣтили такую интересную мѣстность, что пришлось провести здѣсь около двухъ мѣсяцевъ, съ цѣлью ознакомиться съ нею. Къ этому насъ побуждало и то обстоятельство, что послѣ полугодового странствованія по горамъ сѣверныхъ склоновъ Тянь-Шаня, послѣ пустынь Чжунгаріи и пребыванія то среди горныхъ тумановъ, то солончаковой пыли, вѣчно преслѣдуемые холодными сѣверо-восточными вѣтрами, мы, наконецъ, попали въ совершенную тишину, въ сухой и теплый воздухъ; съ послѣднимъ горнымъ уступомъ мы оставили за собой и холодъ, и сырость; передъ нами разстилалась всхолмленная мѣстность каменистыхъ и лѣсовыхъ степей, прорѣзанная довольно глубокими оврагами и промоинами; въ низинахъ виднѣлись зеленыя лужайки и древесная растительность и ютились глиняныя постройки мѣстныхъ жителей сартовъ— чанту, какъ они сами себя называютъ. Голубое небо, необыкновенной прозрачности, лишенное облаковъ, и вѣчно сіяющее днемъ солнце дополняли чудную картину.

Мѣстные жители перваго же селенія Чектымъ встрѣтили насъ привѣтливо. До сего времени они объ европейцахъ только слыхали, но никогда ихъ не видѣли. Названіе «западныхъ чертей—янъ гуйза», которымъ окрестили китайцы всѣхъ европейцевъ, конечно заставляло ихъ первое время насъ чуждаться, но видъ ихъ земляковъ, хамійцевъ, андижанцевъ и кашгарлыковъ, сартовъ, входившихъ въ составъ нашего каравана, скоро ихъ успокоилъ. Когда же распространилась вѣсть о томъ, что мы никого не обижаемъ, всѣмъ исправно платимъ деньги и что у насъ есть чудесный музыкальный инструментъ—гармоника, на которомъ артистомъ игралъ сибирецъ Комаровъ, то отъ посѣтителей не было отбоя. Впослѣдствіи сближенію съ мѣстными жителями содѣйствовало и то, что мы

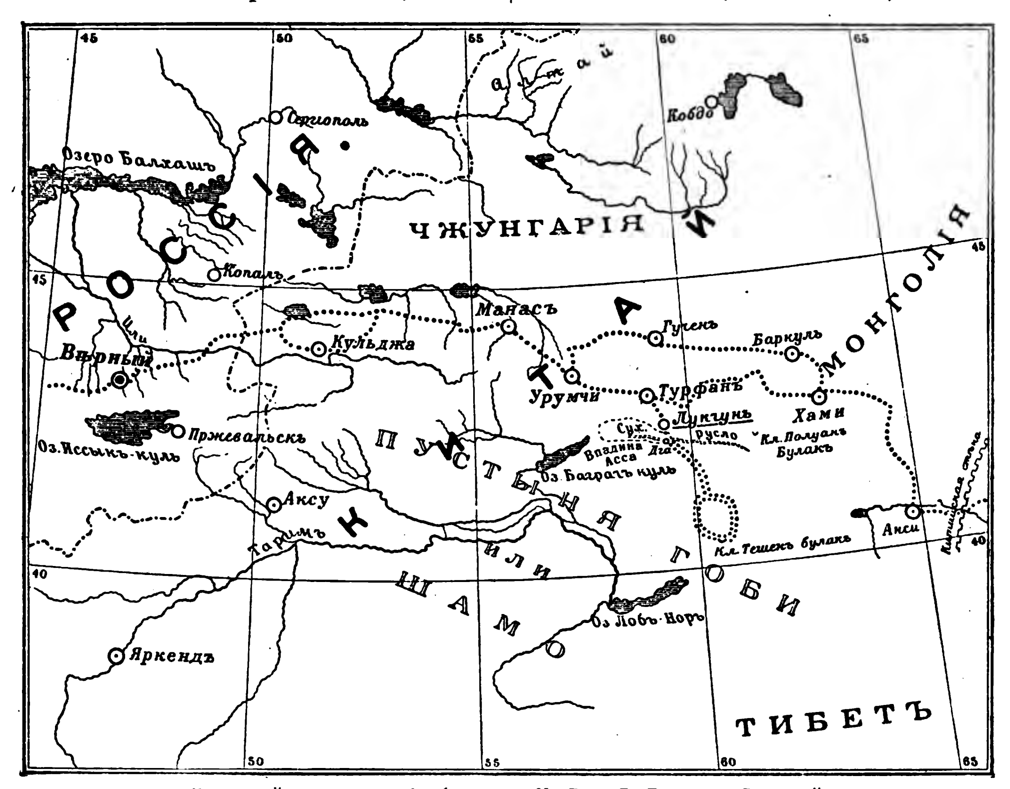
*) Это путешествіе было совершено при такихъ политическихъ неурядицахъ, что путешественникъ съ трудомъ могъ собрать самыя поверхностныя свѣдѣнія.

охотно помогали, пользуясь имѣвшимся у насъ запасомъ лѣкарствъ, тѣмъ людямъ, съ ихъ несложными болѣзнями, которые къ намъ обращались, и при этомъ лѣчили безвозмездно.

Съ цѣлью поправленія нашихъ вьючныхъ животныхъ мы передвинулись къ самой южной окраинѣ оазиса, южнѣе города Лукчуна, резиденціи тамошняго вана или князя, который правитъ турфанцами деспотически. Здѣсь мѣстность значительно ниже и почва нѣсколько сырѣе, и потому подножнаго корма, особенно осенью, довольно много.

Турфанскій оазисъ образованъ трудами людей въ продолженіе столѣтій, ибо вся вода, необходимая для жизни, добывается или, вѣрнѣе сказать, выводится на поверхность земли изъ нѣдръ помощью подземныхъ каналовъ протяженіемъ иногда до десятка верстъ.

Дѣло въ томъ, что южные склоны горъ Тянь-Шаня въ значительной степени разрушены и представляютъ пологіе склоны, при чемъ всѣ бывшіе когда-то, можетъ-быть нѣсколько тысячъ лѣтъ тому назадъ, складки мѣстности, т. е. долины, балки и т. п.,—засыпаны болѣе или менѣе крупными обломками горныхъ породъ и сглажены осѣвшей и осѣдающей атмосферной пылью, сдуваемой съ горъ. Всѣ рѣки, берущія начало на южныхъ склонахъ громадныхъ снѣговыхъ горъ, дойдя до половины горнаго склона, постепенно впитываясь въ неплотную массу наноса, мало-по-малу исчезаютъ. До подошвы горъ не доходитъ ни капли воды изъ рѣки, которая верстахъ въ двухъ-трехъ

Карта района экспедиціи братьевъ М. Е. и Г. Е. Грумъ-Гржимайло.

образуетъ свирѣпый, бушующій потокъ, уносящій и ломающій все на пути. Вода, ушедшая въ землю, доходитъ до твердаго материка, иногда каменистаго, а иногда глинистаго, и тутъ расплывается.

Если прорыть колодцы на всю глубину наноса, то, конечно, въ колодцѣ появится эта вода. Турфанцы такъ и поступаютъ; они выбираютъ мѣсто пониже и съ хорошей, пригодной для культуры землей и отсюда по направленію къ горамъ начинаютъ рыть каналъ; сначала дѣлаютъ открытую канаву, покуда она не достигнетъ большой глубины; затѣмъ, отступя по направленію канала сажени на три, а иногда на 5 и 10 саженъ, роютъ узкій колодецъ такой глубины, чтобы дно его было выше дна канавы, и затѣмъ соединяютъ колодецъ съ отрытой канавой горизонтально прорытымъ ходомъ, при чемъ образуется какъ бы подземный тунель. Земля въ Турфанѣ такова, что стѣны колодцевъ держатся вертикально, совершенно не осыпаясь. Чѣмъ дальше идетъ тунель, тѣмъ глубже и глубже становятся колодцы, иногда достигая 50 саженъ. Такой колодецъ роетъ цѣлая семья лѣтъ десять. Отъ главнаго тунеля идутъ развѣтвленія, для того, чтобы захватить бóльшую площадь водоносного слоя. Результаты такой работы поразительны. Выводимая изъ тунелей вода несется въ громадномъ количествѣ и съ быстротой, совершенно напоминающей горные потоки. Вода эта чиста, какъ кристаллъ, и чуднаго вкуса; зато какой гигантской работой она добыта! Все предгоріе, площадью въ сотни квадратныхъ верстъ, имѣетъ видъ поля, покрытаго кучами песку и гальки, наподобіе поля, изрытаго кротами. Пóтомъ и кровью турфанецъ добылъ себѣ пропитаніе и жизнь!

Во время посѣвовъ вода до конца оазиса не доходитъ, такъ какъ вся разбирается помощью цѣлой сѣти канавъ (арыковъ) для орошенія полей; осенью же ею заливаютъ южныя окраины оазиса, и тутъ, на границѣ, появляется растительность, которая защищаетъ воздѣланныя поля отъ заноса песками.

Мѣстность, гдѣ мы остановились для поправки своихъ измученныхъ длиннымъ походомъ лошадей, была на громадномъ пространствѣ открытой; кое-гдѣ виднѣлись отдѣльныя фанзы земледѣльцевъ, отвоевавшихъ у солончака болѣе или менѣе большія пространства подъ пашню. Какъ оказалось впослѣдствіи, при опредѣленіи высоты мѣстности, мы стояли почти на уровнѣ дна, бывшаго здѣсь когда-то огромнаго озера, протяженіемъ около 45 верстъ и шириною около 15 вер. Это мѣсто находится ниже уровня воды въ океанѣ на 169 футъ и представляетъ единственную во всемъ мірѣ впадину въ центрѣ материка. Открытіе этой впадины составляетъ славу нашего научнаго путешествія, такъ какъ дало возможность провѣрить законы распредѣленія атмосферныхъ давленій нашему извѣстному ученому Тилло. Опредѣленіе пониженія этой впадины было сдѣлано весьма просто—измѣреніемъ температуры кипѣнія дистиллированной воды. Эта температура оказалась въ 100,3° по Цельсію, т. е. на 0,3 градуса выше той температуры въ 100°, при которой вода закипаетъ на уровнѣ моря.

Турфанцы за свои труды по орошенію обильно вознаграждаются дарами природы. Пашня даетъ два урожая въ лѣто, при томъ эти урожаи нерѣдко составляютъ самъ-сто и болѣе. Тутъ сѣется пшеница, разнаго вида просо, дыни, арбузы, табакъ, хлопокъ, разныя фруктовыя деревья, преимущественно абрикосы, и виноградъ. Виноградъ мелкій, чрезвычайно сладкій и безкостный; изъ него приготовляютъ кишмишъ, который цѣнится сравнительно крайне дешево, около 3 р. 50 к. пудъ. Несмотря на такіе богатые урожаи, турфанцы живутъ бѣдно, такъ какъ платятъ огромные налоги какъ своему владыкѣ, вану, такъ и мелкимъ китайскимъ чиновникамъ.

Будучи спеціально земледѣльцами, турфанцы держатъ домашній скотъ только въ мѣрѣ необходимости, главнымъ образомъ лошадей, ишаковъ и барановъ. Въ рѣдкихъ случаяхъ держатъ верблюдовъ, рѣже коровъ, но зато почти въ каждой семьѣ есть куры.

По своему нраву турфанцы не отступаютъ отъ своихъ сородичей—сартовъ; поэтическая жилка въ ихъ натурѣ пробивается постоянно, несмотря на рабское подчиненіе и угнетеніе со стороны начальства. Звукъ балалайки, — дутары по-мѣстному,— акомпанирующей голосу пѣвца, часто слышится при проѣздѣ черезъ деревню. Пѣніе отличается крайней мелодичностью и мягкостью; поютъ и хоромъ, и соло; нерѣдко пѣніе сопровождается пляской не безъ лихихъ вывертовъ. Вотъ образчикъ поэзіи этого народа:

Любовь по тебѣ меня въ скелетъ обратила,
А ты и надъ скелетомъ все еще издѣваешься!
Вся душа истрадалась во мнѣ,
И всѣ мысли давно ужъ изсякли—
Видно, по свѣту летать имъ болѣе уже силы нэ стало!
Эхъ, кабы и мнѣ такъ летать, какъ мысли летаютъ!
Придѣлалъ бы я крылья себѣ и леталъ
Въ поискахъ по бѣлу свѣту за красавицей,
На тебя похожей, моя ясочка!

Уроженки Лукчуна.

Трудовая жизнь этого тихаго и скромнаго народа, конечно, не способствуетъ развитію физической красоты, но въ общемъ иранскій типъ вполнѣ сохранился, и надо сказать, что среди молодыхъ женщинъ и дѣвушекъ, а равно и среди ребятишекъ, встрѣчаются лица очень правильныя и съ очень тонкими чертами; случалось видѣть двухъ-трехъ дѣвушекъ положительно красивыхъ, которыя не уступили бы нашимъ красавицамъ-европеянкамъ. Волосы у всѣхъ преимущественно каштановаго цвѣта, цвѣтъ лица смуглый, матовый, съ сильнымъ румянцемъ; глаза свѣтлые, преимущественно голубые; ростъ скорѣе средній, чѣмъ малый. Мужчины же преимущественно высокаго роста. Женщины и мужчины страшно любятъ наряды и на нихъ не скупятся; такъ, напр., я видѣлъ у продавцовъ сафьяновыя ботинки, цѣною въ 4—5 рублей пара. И это при общей бѣдности населенія! Любимый цвѣтъ населенія красный и зеленый.

Въ пищѣ турфанецъ не прихотливъ и вообще ѣстъ мало, но все, что готовится мѣстными жителями, приготовляется вкусно, начиная съ простыхъ лепешекъ изъ просяной и пшеничной муки. Любимую пищу составляетъ дыня съ хлѣбомъ. Но эти дыни, дѣйствительно, заслуживаютъ вниманія; онѣ продолговаты, какъ огурецъ, и покрыты кожей съ мелкими трещинками, мясо плотное, сахаристое и очень сочное; при разрѣзѣ слышится трескъ, точно дыню не рѣжутъ, а ломаютъ; при ломаніи кусковъ руками изломъ имѣетъ видъ мелкихъ кристалловъ. Мясо, преимущественно баранье, варятъ и ѣдятъ супъ—шурна и вареное мясо, обмакивая его въ соль и особую жидкость, въ родѣ нашей сои, изготовляемой населеніемъ изъ особаго рода бобовъ. Соль обыкновенно подаютъ въ растворѣ, ибо она находится въ оазисѣ, на границѣ древняго озера, но смѣшанная съ землистыми частями. Обыкновенно куски такой соленой земли выламываютъ и по мѣрѣ нужды растворяютъ въ водѣ и отстаиваютъ.

Семейство турфанскихъ тюрковъ.

Дома строятъ изъ дерева и глины съ плоской крышей. Домъ чаще всего состоитъ изъ двухъ или трехъ комнатъ съ окномъ въ потолкѣ и рѣдко въ стѣнѣ, полъ устраиваютъ глинобитный; въ стѣнахъ имѣются полки; каминъ съ прямой трубой; иногда, слѣдуя китайскому обычаю, въ комнатахъ устраиваютъ канжины, нѣчто въ родѣ палатей, съ пустотой подъ ними; туда кладутъ горючій мате-

ріалъ, обыкновенно медленно горящій; дѣлаютъ вылетъ въ трубу и топку со двора. Въ сильные морозы зажигаютъ горючій матеріалъ черезъ топку, которую закрываютъ. На нагрѣтомъ такимъ образомъ канжинѣ семья проводитъ всѣ свои досуги. Около дома обыкновенно проходитъ арыкъ, тутъ же устраиваютъ маленькую бахчу. Дыни хранятъ въ сухомъ помѣщеніи на полкахъ. Домашнюю утварь составляютъ деревянная и глиняная посуда и чугунные плоскіе котлы и мѣдные чайники, служащіе для варки пищи и согрѣванія воды. По стѣнамъ комнаты складываются ватныя одѣяла и подушки, тутъ же ставятъ сундучки съ болѣе цѣнной ветошью. Женщины носятъ рубашки безъ ворота, штаны, застегиваемые у пояса и щиколотки, и халатъ. Въ праздничные дни дѣвушки носятъ сапоги изъ цвѣтного сафьяна съ узкими носками, цвѣтную рубашку, поверхъ которой надѣвается коротенькій, до колѣнъ, шелковый или бархатный цвѣтной или черный тулупчикъ, на манеръ нашего романовскаго полушубка; иногда этотъ тулупчикъ оторочен мѣхомъ. На головѣ носятъ тюбитейку или повязанный платокъ, или шапочку съ мѣховой опушкой; на шею надѣваютъ бусы, или проколотыя серебряные кружочки, нанизанные на проволоку. Мужской костюмъ значительно проще, хотя молодые люди любятъ надѣвать цвѣтные кафтаны наподобіе женскихъ. Мужчины бороды и усовъ не бреютъ, волосы носятъ короткіе. Женщины заплетаютъ волосы въ косы, а иногда дома носятъ ихъ распущенными.

Магометанская религія сохраняется тутъ очищенная отъ всякихъ предразсудковъ. Женщины и дѣвушки лицъ не закрываютъ.

Усадьба турфанскаго тюрка близъ Лукчана.

Зерно размалываютъ на водяныхъ мельницахъ или на ручныхъ жерновахъ, а иногда приготовляютъ хлѣбъ, не размалывая его въ муку, а раздалбливая сырое зерно въ ступахъ. Для выпечки хлѣба, имѣющаго видъ нетолстыхъ лепешекъ, дѣлаютъ печь въ землѣ, въ видѣ цилиндра-конуса, съ единственнымъ выходнымъ отверстіемъ наверху; глубина такой печи около 2-хъ аршинъ, ширина $1^1/_4$—$1^1/_2$ аршина. Печь вытапливаютъ и, когда стѣнки накалятся, сгребаютъ

уголь къ срединѣ дна печи; приготовленныя лепешки кладутъ на руку и, ставъ на колѣни около отверстія, опускаютъ лепешку на рукѣ внизъ и прилѣпляютъ къ стѣнкѣ; когда хлѣбъ спечется, онъ отваливается и падаетъ на дно печи, откуда лепешку достаютъ лопаткой. Весьма часто въ эти печи, по неосторожности матерей, попадаютъ дѣти и получаютъ страшные ожоги, а иногда и задыхаются. Лѣченіе этихъ обожженныхъ дѣтей сдѣлало насъ популярными среди жителей и дало возможность изслѣдовать самую страшную пустыню, по словамъ путешественниковъ, залегающую между турфанскимъ оазисомъ и урочищемъ Лобъ, въ которомъ лежитъ озеро Лобъ-Норъ.

До насъ изслѣдованіе пустыни Гоби было произведено въ восточной части, по извѣстной дорогѣ, пересѣкающей эту пустыню по меридіану города Хами и далѣе по меридіану города Ганьчжау, но эти части пустыни не такъ страшны и легче проходимы, потому что въ зимнее время тамъ нерѣдко выпадаетъ снѣгъ. Въ этой же части пустыни атмосферныхъ осадковъ почти нѣтъ.

II.

Мы уже простояли подъ Лукчуномъ около 3 дней, какъ вдругъ одинъ изъ мѣстныхъ жителей, сына котораго мы удачно вылѣчили отъ обжога груди, разсказывая про свое житье, упомянулъ, что самымъ лакомымъ блюдомъ у нихъ считается вареное верблюжье мясо. Конечно, мы этому удивились.

— Развѣ къ вамъ пригоняютъ на убой верблюдовъ?—спросилъ переводчикъ.

— Нѣтъ, этихъ верблюдовъ мы не ѣли бы. Мясо намъ привозятъ наши охотники. Вотъ скоро поѣдутъ опять на охоту и привезутъ.

— Да гдѣ же вы на нихъ охотитесь?

— Въ Гоби (пустынѣ),—былъ отвѣтъ:—они туда ѣздятъ каждую зиму, иногда два раза, и всегда привозятъ что-нибудь. Охотники—народъ богатый, у нихъ всегда есть мясо или свѣжее, или соленое и сушеное.

Хотя Пржевальскій и разсказывалъ, что въ пескахъ около Лобъ-Нора имѣются дикіе верблюды, но такой близости ихъ къ Лукчуну мы не подозрѣвали. «Ужъ не путаетъ ли нашъ собесѣдникъ и смѣшиваетъ пустыню къ югу отъ Лукчуна съ землями Лобъ-Нора»,—думалось мнѣ? Но нѣтъ, его разсказъ казался правдоподобнымъ.

— Вотъ недавно,—говорилъ онъ, услыхавъ, что мы охотно заплатили бы 10 ланъ (около 25 рублей) за шкуру верблюда:—пріѣхали съ охоты наши охотники, они привезли верблюда, я имъ скажу, чтобы привезли вамъ шкуру; можетъ-быть, они еще не раздѣлили ее между собою! Завтра же пришлю ихъ

Можете представить наше волненіе въ ожиданіи обѣщаннаго пріѣзда охотника. Одна мысль, что возможно было бы на мѣстѣ изучить нравы дикихъ верблюдовъ, достать ихъ костяки и шкуры и разрѣшить этимъ научный вопросъ, дѣйствительно ли имѣются дикіе верблюды, или это только одичавшіе, приводила насъ въ восторгъ.

Утромъ, дѣйствительно, пріѣхалъ охотникъ, но, къ сожалѣнію, вся шкура верблюда уже была разрѣзана и выдѣлывалась; осталась нога, которую онъ намъ и привезъ. Нога была не велика, и если сравнивать съ нашими верблюдами, то это былъ верблюдъ средняго роста; цвѣтъ же шерсти такой, какъ и обыкновенныхъ домашнихъ.

— Далеко ли до мѣста, гдѣ встрѣчаются дикіе верблюды?

— Нѣтъ, не очень далеко: всего три перехода; но на этихъ переходахъ нѣтъ совсѣмъ воды, поэтому ѣхать можно только въ холодное время.

— А тамъ, гдѣ водятся верблюды, ихъ можно постоянно встрѣтить?

— Нѣтъ, верблюды не пасутся на одномъ мѣстѣ; они постоянно бродятъ и двигаются, то къ Карашару, то обратно

идутъ на востокъ. На востокъ изъ Карашара они идутъ осенью, направляясь къ горамъ Тогра-Тау и Карачоку, а въ Карашаръ, къ горамъ Ушакъ-Тау,—весною, поэтому застать ихъ на ключахъ очень трудно, и наши охотники не всегда ихъ убиваютъ, зато антилопъ и аркаровъ привозятъ постоянно.

— Должно-быть, убить верблюда трудно?

— Нѣтъ, убить его, если застигнешь на водопоѣ или подкрадешься, не трудно. Если верблюда ранить, особенно въ ногу или шею, то онъ такъ пугается, что остается на мѣстѣ, не двигаясь, и даетъ время охотнику вновь зарядить ружье. Но подойти къ верблюду очень трудно; онъ не особенно хорошо видитъ, но великолѣпно слышитъ. Услыхавъ что-либо подозрительное, онъ поднимаетъ голову, и тогда бѣда пошевелиться. Надо сидѣть смирно, пока онъ вновь не опуститъ голову, чтобы ѣсть траву: тогда онъ не слушаетъ, и можно къ нему идти смѣло, но стараясь прятаться за кустики и камни. Если же верблюдъ почуетъ опасность или услышитъ шумъ, то уходитъ и иногда, не останавливаясь, идетъ день, два и три.

Весь этотъ разсказъ былъ намъ крайне интересенъ, хотя, конечно, пугливость верблюдовъ, вѣроятно, была преувеличена, какъ и слышанные нами разсказы про чуткость дикихъ лошадей.

Разспросивъ охотника про мѣсто его жительства, мы рѣшили съ братомъ, что поѣздку на охоту надо предпринять, тѣмъ болѣе, что вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ изслѣдована хотя часть загадочной страны между обоими горными кряжами, т. е. сѣвернымъ Тянь-Шанемъ и южнымъ Нянь-Шанемъ. Трудность и опасности, сопряженныя съ такими рискованными поѣздками, насъ не могли пугать; предыдущій нашъ путь, да и вообще прежнія изслѣдованія дикихъ, невѣдомыхъ странъ показали, что извѣстная доля благоразумія и осторожность никогда не бывали лишними, но обезпечивали успѣхъ предпріятія. Боязнь же давно была исключена изъ нашего словаря. Вѣрнѣе, усталость и необходимый отдыхъ заставляли насъ порою отказываться отъ предпріятій, которыя сами собой напрашивались и возбуждали пытливость.

Итакъ, вопросъ былъ рѣшенъ. Братъ

Арба тюрковъ.

оставался въ Лукчунѣ со всѣми тяжестями и людьми и долженъ былъ по возможности изслѣдовать древнія строенія, находившіяся на югъ отъ Лукчунской впадины, а равно собрать всевозможныя свѣдѣнія по геологіи, зоологіи и этнографіи края; я же, снарядившись налегкѣ, съ казакомъ-сибирцемъ Комаровымъ и джигитомъ Ташъ-Муллой верхами, при вьючномъ верблюдѣ, должны были проникнуть въ глубь ужасной пустыни Гоби или Шамо.

Снарядиться пришлось очень легко, т. е. не брать ни палатки, ни постелей, я даже не могъ взять съ собой фотографическаго аппарата, въ виду его громоздкости, ибо мы не могли найти лишняго верблюда, которыхъ мѣстные жители не держатъ. Все взятое имущество состояло изъ запасовъ корма и воды, съ расчетомъ на 10-тидневную поѣздку. При этомъ, имѣвшіяся у насъ 3 баклаги для воды давали возможность взять ее всего 90 фунтовъ.

17-го октября нашъ маленькій караванъ тронулся съ бивака, сопровождаемый добрыми пожеланіями остающихся. Дорога, вѣрнѣе тропа, направляясь на юго-юго-востокъ, была первоначально довольно сносной, ибо шла по культурной полосѣ, но затѣмъ пошли солончаки, поросшіе мѣстами корневищами тростника; при этомъ почва была кочковатая, сильно сцементированная солью и, кромѣ того, промерзшая отъ ночныхъ морозовъ; идти пѣшкомъ было невозможно, и только наши добрыя лошадки, привыкшія къ горнымъ тропинкамъ, легко преодолѣвали препятствія. Верблюдъ же шелъ съ трудомъ и неохотно, то и дѣло останавливался и, какъ бы утѣшая себя за трудность дороги, хваталъ кусты густо растущей тутъ колючки (Alchagia Camelorum), своей любимой пищи.

Въ глубокихъ арыкахъ текла вода по песчаному грунту, повидимому нанесенному водой. Впрочемъ, арыки не пересѣкаютъ тутъ дна когда-то бывшаго озера, а огибаютъ его. Дорога была однообразно-скучная; разстояніе между отдѣльными фанзами огромное, версты въ 2—3. Но вотъ виднѣется группа тополей и среди нихъ домикъ. Оттуда слышатся звуки музыки и пѣніе; около деревьевъ стоятъ нѣсколько лошадей подъ пестрыми чепраками. Это празднуется свадьба и идетъ угощеніе всѣхъ пріѣхавшихъ родныхъ и знакомыхъ. На пристроенномъ къ дому крылечкѣ разложены по краямъ коврики, и сидятъ пріѣзжія женщины и дѣвушки; по серединѣ, на гладко утоптанномъ полу, танцуютъ желающіе поодиночкѣ, подъ звуки двухъ и трехструнныхъ балалаекъ и бубна. Несмотря на то, что мы торопились, пришлось остановиться и слѣзть съ лошадей, уступая просьбамъ собравшихся. Я сѣлъ на приступочку, на вынесенный мнѣ коврикъ, и принялъ пассивное участіе въ празднествѣ, такъ какъ мой джигитъ, хотя тюркъ по происхожденію, не могъ говорить на турфанскомъ нарѣчіи, а болѣе догадками и знаками объяснялся съ присутствующими. Все же я попросилъ его передать, чтобы музыканты поиграли и кто-нибудь потанцовалъ и спѣлъ. Это было исполнено съ величайшей охотой. Танцовала молодая женщина, а за ней какой-то парень. Женщина имѣла очень странную фигуру, была одѣта въ красное съ зеленымъ— юбку и кофту, голова была повязана, на манеръ чалмы, бѣлой матеріей, поверхъ пестрой шапочки; черные волосы красивыми волнами выбивались изъ-подъ затѣйливаго головного убора и были, вѣроятно, заплетены и подобраны подъ шапочку. На груди болтались украшенія изъ серебряныхъ пластинокъ; руки были невелики и красивы; ноги, повидимому маленькія, были обуты въ сафьяновые зеленые, съ узорами, сапожки на высокихъ каблучкахъ и съ узкими носками. Движенія танцующей напоминали танцы нашихъ великорусскихъ крестьянокъ; это были мягкія передвиженія ступни въ стороны при движеніи всего человѣка по

кругу. Въ зависимости отъ быстроты игравшихъ, движенія ступней то ускорялись, то замедлялись; при этомъ женщина слегка покачивала туловищемъ.

Пляска эта мнѣ очень понравилась; говорятъ, однако, что пляска женщинъ не всегда бываетъ плавная и скромная, Меня очевидно стѣснялись. Ухарство и веселость, повидимому, присуща этому добродушному и трудолюбивому народу. Послѣ танцевъ слѣдовало пѣніе той же женщины съ аккомпанементомъ всѣхъ окружающихъ. Наемные музыканты, поигравъ около получаса, повернувъ инструментъ, похожій на нашъ бубенъ, и покрывъ его платкомъ, подошли ко мнѣ за деньгами и были очень благодарны, когда я положилъ нѣсколько мелкихъ кусочковъ серебра. Къ этой монетѣ турфанцы не привычны, и многіе съ любопытствомъ разсматривали нарубленные кусочки металла. Здѣсь обыкновенно расплачиваются за все натурою или мѣдными китайскими чохами, круглыми латунными или красной мѣди бляшками съ квадратнымъ отверстіемъ и китайскими буквами; на мискалъ, т. е. золотникъ серебра, идетъ такихъ монетъ около 250, а въ иныхъ мѣстахъ Китая и до 450 штукъ.

Вотъ, наконецъ, и наше селеніе Дга, гдѣ жили наши охотники. Это селеніе состояло изъ трехъ десятковъ опрятныхъ глиняныхъ домиковъ, образующихъ улицу съ переулками, различныхъ амбарчиковъ, маленькой мечети и мельницы; оно расположено въ углу, образованномъ двумя

М. Е. Грумъ-Гржимайло. Джигитъ Ташъ-Мулла. Спб. казакъ Колотовкинъ. Сибир. казакъ. Г. Е. Грумъ-Гржимайло. Казакъ Григорій. Семир. казакъ Глаголевъ. Артиллер. Жиляевъ.
Сиб. казакъ М. Комаровъ. Сиб. казакъ И. Комаровъ. Калмыкъ-переводчикъ.
Дунганинъ-переводчикъ. Семир. каз. Чуркинъ.

Составъ экспедиціоннаго отряда.

взаимно-перпендикулярными хребтами сѣвернаго отрога Чоль-Тагъ, на югѣ самого хребта Чоль-Тагъ и почти на берегу глубокаго и широкаго водостока, выходящаго изъ вышеупомянутаго угла горъ и направляющагося въ лукчунскую впадину.

Растительность, какъ древесная, такъ и травяная, возродившаяся тутъ трудами жителей, прекращаетъ дальнѣйшее движеніе песковъ, скопившихся къ юго-востоку отъ селенія, въ Лукчунскую впадину. Весь песокъ близъ селенія, благодаря влагѣ, поросъ тамарискомъ и различными песчаными травами, изъ которыхъ чій и ползучій камышъ, а равно и колючка, являются преобладающими. Вся же масса песковъ какъ бы наброшена на горы Чоль-Тагъ, вѣроятно, преобладающими тутъ мѣстными сѣверо-западными вѣтрами.

Селеніе Дга состоитъ сплошь изъ земледѣльцевъ и охотниковъ; славится своими дынями, изюмомъ и курительнымъ табакомъ. Я былъ тутъ очень поздно осенью, когда все было уже снято съ полей; поэтому оцѣнить лично величину урожая не могъ, но, судя по тому, что оставшіеся еще на поляхъ кусты хлопка были сильнѣе развиты, чѣмъ таковые же, видѣнные въ Ферганской области, славящейся своимъ плодородіемъ, думаю, что урожаи всѣхъ злаковъ вообще должны быть очень значительны.

Нашъ пріѣздъ не произвелъ на жителей почти никакого впечатлѣнія; только нѣсколько ребятишекъ выбѣжали къ намъ и, скромно остановившись, смотрѣли на невиданныхъ до сихъ поръ людей. Мы остановились около мечети и попросили муллу дать намъ помѣщеніе. Это было сдѣлано охотно. Мулла былъ старикъ небольшого роста, съ симпатичными голубыми глазами, большой бѣлой, хотя и рѣдкой, бородой; простой его костюмъ былъ опрятенъ и даже щеголеватъ; онъ насъ отвелъ къ отдѣльному домику, около минарета, состоящему изъ двухъ комнатъ, съ выбѣленными стѣнами и свѣтомъ, идущимъ изъ отверстія въ потолкѣ. Мулла понималъ моего джигита, поэтому разговоръ могъ быть оживленнымъ.

— Ташъ-Мулла, скажи старику, что я извиняюсь, что вхожу въ его чистенькое помѣщеніе въ своемъ грязномъ отъ дороги платьѣ и вношу вещи, покрытыя пылью.

Старикъ улыбнулся и отвѣтилъ:

— Съ людей дорожныхъ, прошедшихъ такое большое пространство, нельзя требовать чистоты; пыль и грязь можно вычистить, лишь бы вамъ, дорожнымъ людямъ, было тутъ хорошо и удобно. Вамъ принесутъ сейчасъ воды, и вы можете умыться.

Я попросилъ показать, куда можно поставить лошадей, гдѣ можно согрѣть чайники и гдѣ достать кормъ для лошадей; при этомъ прибавилъ, что за все, что̀ будетъ намъ дано, будетъ уплачено по существующимъ въ деревнѣ цѣнамъ.

Старикъ опять улыбнулся и сказалъ:

— Мы о васъ давно слыхали, вы не китайцы и за все платите хорошими деньгами,—и съ этими словами вышелъ, позвавъ съ собой моихъ людей.

Оставшись одинъ, я не зналъ, что̀ дѣлать. Багажъ мой былъ такъ малъ, что и разбирать было нечего, идти же гулять и осматривать мѣстность не представлялось удобнымъ; къ счастью, минутъ черезъ пятнадцать вошелъ джигитъ, сопровождаемый муллой, и принесъ чайникъ и чашки. Предложивъ муллѣ чаю, я приступилъ къ интересовавшимъ меня вопросамъ.

— Вашъ охотникъ говорилъ, что въ Гоби водятся дикіе верблюды; для насъ это животное очень интересно, ибо въ нашей странѣ его не знаютъ. Насъ послали, чтобы мы осмотрѣли и описали все, что̀ находится въ чужомъ для насъ краѣ: привезли животныхъ, которыя водятся у васъ, сдѣлали бы рисунки вашихъ домовъ и жителей, разсказали бы, какой вы сѣете хлѣбъ и какъ онъ ро-

дится, и дополнили бы карту вашей мѣстности, — при этомъ я показалъ карту, которой мы руководствовались въ путешествіи.—Нельзя ли пройти въ тѣ мѣста, гдѣ живутъ дикіе верблюды, вмѣстѣ съ вашими охотниками?

— Наши охотники очень хорошіе и смѣлые люди, — отвѣчалъ старикъ. — Только я не знаю, остались ли они здѣсь; вчера, какъ я слыхалъ, ушла одна партія, но, можетъ-быть, кто-нибудь еще остался тутъ. Сейчасъ всѣ мужчины заняты, кто на работѣ, а кто занятъ со сборщикомъ податей, лошадь котораго вы, вѣроятно, видѣли при въѣздѣ въ селеніе. Но вечеромъ всѣ соберутся, и тогда узнаемъ, чтò можно сдѣлать.

Я зналъ общую подозрительность всѣхъ вообще людей Востока, и потому такой уклончивый отвѣтъ ничуть меня не поразилъ, но вѣсть о томъ, что партія охотниковъ ушла наканунѣ, была не изъ пріятныхъ, ибо нашъ пріѣздъ въ Дга, съ цѣлью поѣздки на охоту, былъ извѣстенъ охотникамъ за нѣсколько дней.

Мулла очень интересовался нашей поѣздкой, разсматривалъ карту; просилъ показать, гдѣ мѣстность, откуда мы пришли, кто у насъ царь и какъ у насъ живутъ. Эти разспросы заняли время до вечера, когда постепенно стали появляться къ намъ гости, мужчины и подростки-дѣти. Помѣщеніе было маленькое, поэтому старики сортировали сами гостей: иныхъ впускали, а другихъ выпроваживали. Женщинъ не пускали въ комнату, и онѣ, оставаясь на улицѣ, довольствовались только пересказами разговоровъ, ведшихся со мною, да наблюдали за дѣйствіями моего джигита и казака. Но вотъ Ташъ-Мулла внесъ котелокъ съ вареной бараниной. Всѣ гости моментально встали и вышли изъ комнаты, чтобы дать намъ пообѣдать на свободѣ; такого вниманія и уваженія къ личности я почти не встрѣчалъ нигдѣ въ Китаѣ, за исключеніемъ мѣстностей, населенныхъ таранчами или чанту. Китайцы и монголы, наоборотъ, всегда лѣзли къ намъ и не давали покою своею назойливостью и нахальствомъ, почему нерѣдко приходилось ихъ выгонять, чтобы хотя минуту остаться одному.

Послѣ обѣда я пригласилъ всѣхъ войти и предложилъ старикамъ чаю съ привезеннымъ нами изъ Россіи сахаромъ въ кускахъ. Въ отвѣтъ на это, по распоряженію одного изъ стариковъ, мнѣ была принесена чашка съ чуднымъ изюмомъ мѣстнаго производства.

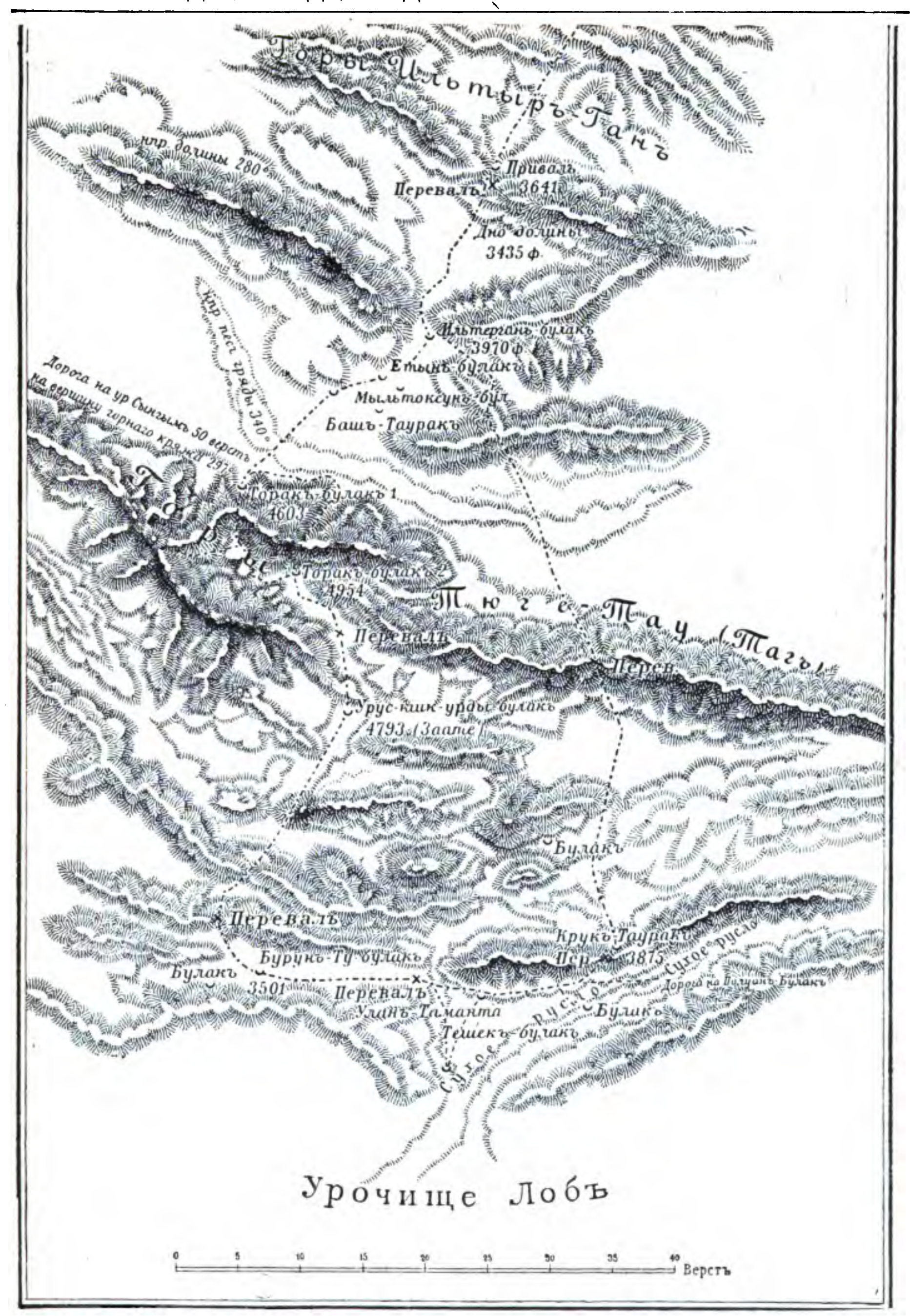
Вся компанія, напившись чаю, ждала прихода главнаго охотника, который, по словамъ жителей, великолѣпно зналъ всю мѣстность, такъ какъ пришелъ сюда съ юга, изъ какого-то населеннаго оазиса, находящагося въ пустынѣ.

Вотъ снаружи раздалось брянчанье струнъ, и въ комнату вошли двое молодыхъ турфанцевъ съ балалайками. Это было начало тамаши (празднества). Къ двумъ пришедшимъ пристроился третій, съ инструментомъ наподобіе скрипки, при чемъ, однако, тетива смычка проходила между струнами инструмента. Играли и заунывные, и веселые мотивы, въ большинствѣ случаевъ мнѣ уже знакомые. Поигравъ съ полчаса, гости обратились ко мнѣ съ просьбой показать, на какомъ инструментѣ я играю. Это была маленькая гармоника, которую я показывалъ охотнику въ Лукчунѣ. Она была со мною, поэтому я поспѣшилъ удовлетворить любопытство моихъ гостей и сыгралъ нѣсколько вещичекъ—и плясовыхъ, и пѣсенъ. Восторгъ былъ неописанный. Даже дѣвушки и женщины, остававшіяся скромно снаружи, стали протискиваться въ комнату, и поднялся шумъ, говоръ, смѣхъ... Я далъ инструментъ ближайшимъ и предложилъ показать ее всѣмъ.

Къ счастью, пришелъ давно ожидаемый охотникъ Рахметъ-Улла, и порядокъ моментально возстановился. Это былъ худощавый, высокаго роста, лѣтъ подъ 45 мужчина, съ тонкими чертами лица, нѣсколько сгорбленнымъ тонкимъ носомъ,

Карта пути пройденнаго экспедиціей братьевъ М. Е. и Г. Е. Грумъ-Гржимайло отъ Лукчуна до горъ Ильтыръ-Ганъ.

Карта дальнѣйшаго пути, пройденнаго экспедиціей братьевъ М. Е. и Г. Е. Грумъ-Гржимайло отъ горъ Ильтыръ-Ганъ до урочища Лобъ.

узкими скулами и средней величины сѣрыми, умными глазами; рѣдкая, короткая съ просѣдью бородка и усы, темные волосы и высокій лобъ, заставляли причислить его къ кавказской расѣ.

— Селямъ-алекюмъ, алекюмъ-ассе-лямъ!—послѣдовало обоюдное привѣтствіе, и вновь прибывшій сѣлъ на указанное мною мѣсто.

— Ташъ-Мулла,— обратился я къ джигиту: — попроси муллу сказать, чего я хочу отъ Рахмета-Уллы, при чемъ прибавь, что за проводы въ пустыню я предлагаю охотнику 5 ланъ, за каждаго убитаго звѣря, за исключеніемъ кіиковъ (кара-сультъ) и тюльке (лисица), я буду платить, какъ будто убилъ все Рахметъ-Улла, а именно: за верблюда 25 ланъ, за аркара самца—5 ланъ, самку—4 лана, корсака (дикую кошку)—5 ланъ. (Ланъ въ то время стоилъ 2 р. 40 к. на наши деньги.) Мясо мнѣ не нужно, я возьму только шкуры и кости.

Начались безконечные разговоры, которые я понималъ наполовину, да, вѣроятно, и мой сартъ объяснялся не совсѣмъ понятно, что̀, однако, я старался исправить, говоря джигиту и муллѣ наполовину по-русски, наполовину по-сартовски. У присутствующихъ на лицахъ выражалось то недоумѣніе, то радостное выраженіе и восклицаніе, указывавшее, что вопросъ понятъ. Рахметъ-Улла слушалъ внимательно, но, видимо, былъ чѣмъ-то опечаленъ.

— Все хорошо, что̀ вы говорите, и я охотно повелъ бы васъ,—наконецъ, сказалъ онъ. — Такихъ денегъ мы никогда не зарабатывали, но я не имѣю права васъ вести безъ разрѣшенія вана, а онъ если и разрѣшитъ, то всѣ ваши деньги возьметъ себѣ.

Это было, дѣйствительно, неожиданное препятствіе, если не уничтожавшее возможность поѣздки, то во всякомъ случаѣ отсрочивавшее ее не менѣе, какъ на два дня.

— Ванъ разрѣшитъ тебѣ, Рахметъ-Улла, вести насъ, потому что на это есть приказъ богдыхана. Относительно же денегъ, не безпокойся—все, что ты заработаешь, останется при тебѣ. Скажи, на сколько дней надо разсчитывать поѣздку и что нужно съ собой взять?

Пока продолжались переговоры, я написалъ брату записку о встрѣтившемся препятствіи, прося съѣздить лично къ вану, обѣщая пріѣхать обратно въ Лукчунъ за отвѣтомъ. Откровенно говоря, я не расчитывалъ на благопріятный отвѣтъ, ибо китайскія власти, зорко слѣдившія за нами, старались намъ дѣлать всякія затрудненія, относясь крайне подозрительно къ нашей поѣздкѣ.

Въ виду поздняго часа я попросилъ гостей дать мнѣ отдохнуть, и вся компанія, пожелавъ доброй ночи, ушла, сопровождаемая звуками балалаекъ и пѣсенъ. По уходѣ всѣхъ я велѣлъ казаку Комарову сѣдлать лошадь и ѣхать съ письмомъ въ Лукчунъ.

Утромъ около 10 ч. я уже былъ у нашихъ юртъ, а къ полудню вернулся братъ, который не безъ труда получилъ разрѣшеніе лица, замѣнявшаго вана, на то, чтобы селеніе Дга дало мнѣ проводника. Главными доводами противъ такого разрѣшенія были опасности, сопряженныя съ этой поѣздкой, и боязнь отвѣтственности передъ китайскимъ правительствомъ. Конечно, это были однѣ придирки.

— Если вы не дадите проводника брату, то мы поднимемся всѣмъ караваномъ и уйдемъ къ Лобъ-Нору, тамъ мы найдемъ все, что намъ нужно, — сказалъ братъ, и этотъ доводъ былъ вполнѣ достаточенъ для трусливыхъ совѣтниковъ вана.

Въ это время, къ югу отъ Лукчуна, въ мѣстности, намъ совершенно неизвѣстной, но во всякомъ случаѣ по дорогѣ къ Лобъ-Нору, было какое-то броженіе, и туда предполагали послать китайскихъ солдатъ. Какая это дорога,—осталось для насъ неизвѣстнымъ, но черезъ мѣстныхъ жителей мы узнали, что по ней совершается

торговое движеніе и административное сообщеніе съ городомъ Урумчи, столицей всего восточнаго Туркестана (китайскаго).

Посланецъ отъ вана поѣхалъ въ Дга еще при братѣ, и я могъ свободно двинуться въ путь завтра. Для перевозки фуража нашимъ лошадямъ пришлось взягь двухъ ишаковъ, съ платою по 5 ланъ за каждаго. Запасъ нашъ состоялъ изъ 50 лепешекъ, жареныхъ на бараньемъ салѣ, около 20 ф. муки, 3-хъ дадановъ проса, 10 ф. риса, бутылки спирта и 90 ф. воды; кромѣ того, мы захватили около 40 штукъ дынь, расчитывая давать корки нашимъ лошадямъ для утоленія жажды во время безводныхъ переходовъ. Котелокъ, чайникъ и жестянка съ сахаромъ и чаемъ дополняли нашъ скромный багажъ. Для спанья у каждаго была подушка и хорошій войлокъ. Каждый изъ людей имѣлъ винтовку, а я, кромѣ штуцера Hedg'a, взялъ дробовикъ, который возилъ мой джигитъ.

III.

Къ утру 20-го октября мы были готовы къ выступленію; осталось только налить въ жестянки воду, но къ ужасу нашему оказалось, что онѣ текутъ; къ счастью однако, въ Дга былъ хорошій ружейный мастеръ, который запаялъ нашу посуду, и къ $11^{3}/_{4}$ ч. дня мы выступили изъ селенія, сопровождаемые всѣми свободными отъ работъ жителями. Впереди ѣхалъ Рахметъ-Улла верхомъ, за нимъ его сынъ гналъ 3-хъ ишаковъ, нагруженныхъ мѣшками съ просомъ, потомъ выступалъ нашъ верблюдъ, ведомый джигитомъ, а въ хвостѣ по обыкновенію ѣхалъ я съ казакомъ. Вооружившись буссолью, я съ мѣста повелъ съемку.

Ущелье, куда мы направлялись, было видно изъ селенія, и, взявъ на него направленіе, я могъ свободно ѣхать и заносить въ свою дорожную книжечку всѣ измѣненія въ рельефѣ мѣстности.

Охотники ходятъ въ пустыню, пересѣкая горы Чоль-Тагъ, тремя перевалами: восточнымъ Таше-Уа, южнымъ Ильтыръ-Гушна-Аузе и западнымъ Урульша-Аузе. Мы пошли по южному, или среднему, ущелью. По выходѣ изъ селенія, мы пересѣкли культурныя поля, а затѣмъ попали въ закрѣпленные пески, которые шли вплоть до широкаго каменистаго русла, направлявшагося изъ восточнаго ущелья Таше-Уа. Воды тутъ не было ни капли, да вообще въ этой мѣстности дождей не бываетъ, а между тѣмъ видъ водостока былъ таковъ, будто тутъ только-что текла вода,—до такой степени были ясны на пескѣ слѣды маленькихъ водяныхъ струекъ. Это происходитъ благодаря удивительному безвѣтрію въ этой мѣстности. Если тутъ иногда и чувствуется колебаніе атмосферы, то это явленіе чисто-мѣстное, происходящее отъ неодинаково-быстраго и охлажденія, и нагрѣванія почвы различныхъ качествъ.

Все пространство между русломъ и ущельемъ представляло нѣсколько повышавшуюся къ горамъ мѣстность и было покрыто мелкой пылью, находящеюся подъ сплошной верхней коркой; пробивъ эту корку копытомъ, лошади наши погружались въ пыль почти до колѣна.

Уже подходя къ ущелью, я былъ пораженъ удивительной окраской, которую приняло предгоріе.

На ровномъ фонѣ желтовато-сѣрыхъ воздушныхъ отложеній ярко выступали бѣлыя, желтыя, коричневыя и красныя пятна, точно какая-то гигантская кисть, обмокнутая въ краску, падала на землю и окрашивала ее.

Это были выходы полуразрушенныхъ яшмъ, сердоликовъ, горнаго хрусталя, сохранившихъ форму своихъ кристалловъ. Видя это впервые, я сошелъ съ лошади и хотѣлъ найти основную жилу этихъ самоцвѣтныхъ камней, но оказалось, что эти камни лежатъ только на поверхности, а подъ ними та же вѣковая пыль. Какъ объяснить появленіе камней на поверхности, осталось загадкой. Можетъ быть только одно предположеніе, что тутъ въ

далекомъ прошломъ господствовали совсѣмъ иные вѣтры, чѣмъ нынѣ, которые погребли остатки кристалловъ. Нынѣ же эта пыль постепенно сдувается, а кристаллы остаются, какъ болѣе тяжелые, на мѣстѣ; мелкая пыль уносится въ юго-восточномъ и юго-западномъ направленіи.

Ущелье, въ которое мы втянулись, состояло изъ кристаллическихъ сланцевъ желтоватаго и буроватаго цвѣта и, повидимому, было конгломератомъ песка. Глубокая промоина и слѣды разрушенія свидѣтельствовали, что здѣсь когда-то бушевалъ потокъ, обильный водой; мѣстами огромныя плиты были нагромождены одна на другую, попадались и шарообразныя, точно выточенныя, углубленія, которыя происходятъ оттого, что камень, попавъ въ углубленіе, начинаетъ двигаться вѣтромъ или водою и постепенно вытираетъ углубленіе, похожее на ступу, а самъ обращается или въ шаръ, или въ шаровидное тѣло. Глубокій каньонъ (рѣчная долина и овраги, въ видѣ глубокихъ ущелій съ отвѣсными стѣнами) тянулся верстъ восемь; однообразная картина узкаго коридора, безмолвные камни, отсутствіе какихъ-либо растеній и животной жизни, дѣйствовали страшно утомительно.

Вечерній холодокъ потянулъ изъ долины, появился Юпитеръ, и мало-по-малу небо потемнѣло.

Надо было остановиться, ибо быстро наступившія въ ущельѣ сумерки заставляли лошадей спотыкаться о выступы камней. Мы прошли отъ Дга всего 34 версты. По забывчивости, а частью и по незнанію, мы не захватили съ собой дровъ, а потому пришлось ложиться спать, не пивши чаю, а только пожевать какую-то корочку, случайно попавшую въ карманъ. Впрочемъ, такія невзгоды приходилось испытывать не въ первый разъ, и мы, развьючивъ верблюда и положивъ его на кошму (войлокъ), безъ всякихъ сѣтованій сами улеглись около него, положивъ головы на сѣдла. Надо сознаться, что постель была жестковата, и, проснувшись до зари отъ холода, я съ трудомъ расправилъ застывшіе члены. Некормленныя и непоенныя лошади стояли, понуривъ головы, верблюдъ, вытянувъ свою длинную шею на камни, дрожалъ. Не шевелились и другіе товарищи по поѣздкѣ.

— Эй, Рахметъ, челпанъ чекды, булды юхлайде! (Рахметъ, заря взошла, довольно спать!)—сказалъ я, посмотрѣвъ на часы при помощи зажженной спички.

Было около 3 ч. утра.

Кажется, этого возгласа ждали; видно, и всѣмъ не было сладко спать; сразу молча всѣ поднялись и стали сѣдлать. Черезъ четверть часа мы вновь двигались, все поднимаясь и поднимаясь вверхъ. Ущелье перемѣнилось, тутъ ужъ не было, ни узкаго каньона, ни нагроможденныхъ камней; довольно широкая долинка, по срединѣ которой былъ замѣтенъ водостокъ, окаймлялась однообразными, какими-то сглаженными холмами, покрытыми кусочками щебня. Эти холмики темно-коричневаго, даже скорѣе шоколаднаго цвѣта, казались точно облитыми жиромъ, такъ сгладилъ ихъ мелкій, какъ пыль, песокъ. И опять ни травинки, никакой животной жизни. Если бы не необходимость вести съемку,—я, по примѣру охотника и джигита, заснулъ бы на сѣдлѣ, но при этой работѣ надо столько вниманія, что сонъ какъ-то убѣгалъ отъ меня.

Вотъ засвѣтился востокъ, и первые лучи солнца заиграли на жирныхъ камешкахъ горъ. Рахметъ пересталъ дремать, соскочилъ съ лошади и сотворилъ намазъ. Потомъ вновь влѣзъ и закурилъ свою трубочку, набитую стертымъ въ мелкій порошокъ табакомъ. Закурилъ и я; долина вдругъ начала подниматься быстрѣе; вотъ за поворотомъ показался гребень. Это перевалъ; съ него все окружающее стало видно, какъ на ладони. Ландшафтъ на сѣверъ былъ угрюмъ; безконечныя горки были нагромождены другъ на друга, безъ всякихъ рѣзкихъ конту-

ровъ; только къ западу виднѣлся родъ хребтика, да и то такъ слабо очерченный, что даже мнѣ, привычному разбираться въ направленіи горныхъ хребтовъ, не представлялось возможности взять точнаго его направленія. Зато къ югу панорама открывалась чудная. Внизу, почти подъ ногами, на огромной глубинѣ была развернута бѣлая, какъ снѣгъ, скатерть, тянувшаяся съ запада на востокъ, насколько хваталъ глазъ, и искрившаяся кристаллами, точно алмазами; впереди виднѣлась зелень въ нѣсколькихъ группахъ; вдали, точно чешуя, шли маленькія горныя складки, зато справа стояла, какъ колоссъ, огромная скала, доходившая высотою почти до высоты перевала и падавшая отвѣсно внизъ. Этимъ обрывомъ кончался горный хребетъ, тянувшійся на западъ-сѣверо-западъ и повидимому сливавшійся съ хребтомъ, на которомъ мы стояли. Передъ нами былъ ключъ, называемый Ачикъ-Су (горькая вода) или Катаръ-Хомунъ; взявъ высоту перевала, которая оказалась въ 2.958 ф., мы быстро спустились внизъ.

— А что, Комаровъ, вотъ говорили, что корма нѣтъ для лошадей, а посмотри, какая тутъ зелень.

— Да вѣдь эта орда вѣчно вретъ, чтобы запугать,—отвѣтилъ сибирецъ.

Но проводникъ не вралъ; то, что казалось такъ заманчиво сверху, становилось все отвратительнѣе и отвратительнѣе по мѣрѣ приближенія. Это были жалкіе кустики тамариска, всего въ 4 — 5 вершковъ высотою, съ корявыми, узловатыми корнями, наполовину покрытыми солью, какая-то зеленая травка, точно плѣсень на топкихъ берегахъ почти незамѣтнаго ключа, бьющаго въ соляныхъ кристаллахъ, да нѣсколько тощихъ кустовъ чія, стоявшихъ точно на тумбахъ изъ застывшей, пропитанной солью грязи.

Все же, имѣвшійся тамарискъ былъ достаточенъ для согрѣванія чайника. И мы, наконецъ, послѣ 23-часового поста, напились горячей влаги и поѣли нашихъ лепешекъ. Лошади получили по двѣ кружки привезенной съ собой воды, по 5-ти пригоршней проса и нѣсколько дынныхъ корокъ. До Ачикъ-Су мы прошли всего около 62 верстъ. Тутъ впервые появилась животная жизнь, — водились розовые воробьи и своимъ чириканьемъ и перепархиваніемъ скрашивали обстановку. Согрѣвало солнце, и намъ хотѣлось поспать, но надо было двигаться впередъ, ибо мы могли найти воду не ближе 60-ти верстъ впереди.

(Окончаніе будетъ).

Закулисныя тайны рѣчной жизни.

(Санитарный надзоръ на Волгѣ.)

Очеркъ **Б. П. Никонова.**

Съ 1900 года наши русскія судоходныя рѣки и, главнымъ образомъ, Волга, попали подъ постоянный надзоръ къ медикамъ. Въ 1900 году учрежденъ «санитарный надзоръ на водныхъ путяхъ». Это — совершенно новое дѣло: до самаго послѣдняго времени санитары вѣдали лишь морскія (преимущественно военныя) суда, а внутренній рѣчной флотъ—въ особенности, волжскій, разросшійся нынѣ до неимовѣрныхъ предѣловъ, и жизнь его обитателей совершенно ускользали отъ вниманія медиковъ.

А между тѣмъ, Волга, благодаря, между прочимъ, своему неряшеству, имѣетъ для Россіи роковое значеніе: всѣ холерныя эпидеміи (1823, 1830, 1831, 1847 и др. годовъ) пышно разростались, вступая въ ея раіонъ, и быстро поднимались по ней въ самое сердце Россіи. Астрахань по-

стоянно служила какъ бы гостепріимно-раскрытыми воротами для страшной азіатской гостьи. Въ низовьяхъ Волги появлялась не одинъ разъ и еще того болѣе страшная гостья—чума. Затѣмъ, по всему Поволжью, въ теченіе навигаціоннаго времени, постоянно свирѣпствуютъ эпидеміи тифа всѣхъ видовъ, и причина ихъ стойкости и упорства коренится почти исключительно въ волжскихъ санитарныхъ неурядицахъ. Наконецъ, съ низовьевъ Волги ежегодно пробирается на баржахъ и пароходахъ «въ Нижній, Рыбинскъ и попутные города» злая малярія, обезсиливающая несчастныхъ босяковъ-судорабочихъ.

За послѣдніе годы волжское судоходство и волжское судовое населеніе сильно разрослось. Въ навигаціонный періодъ, т. е. въ теченіе почти шести мѣсяцевъ, Волга съ ея притоками кишмякишитъ пароходами, баржами, бѣлянами, плотами и плавающимъ на нихъ людомъ. Въ 1897 году, въ волжскомъ бассейнѣ плавало 1.593 парохода, въ томъ числѣ 394 пассажирскихъ—съ 125.000 мѣстъ. Всѣхъ служащихъ на судахъ насчитывалось 95.608 человѣкъ. Въ 1899 году на пристаняхъ одной только Волги было нагружено и отправлено 52.403 судна и 26.038 плотовъ. Грузовъ въ этомъ году было перевезено по волжскому бассейну 956 милліоновъ пудовъ. Въ 1901 году изъ одного Рыбинска выѣхало 173.758 пассажировъ, а изъ Нижняго (по свѣдѣніямъ только 4-хъ пароходныхъ компаній изъ 17!) 549.310 человѣкъ, при чемъ въ эти цифры не вошла главная масса волжскихъ путешественниковъ,—артельные пассажиры IV-го класса, набивающіеся на пароходы безъ всякаго счета и въ такомъ изобиліи, что даже, пожалуй, и городничему среди нихъ не найдется мѣста. Вообще, пассажирское движеніе по Волгѣ выражается теперь въ десяткахъ милліоновъ человѣкъ.

Такое громадное водяное населеніе обратило, наконецъ, на себя вниманіе медиковъ. Съ одной стороны, подобное перенаселеніе рѣки послужило главной причиной ея загрязненія, а съ другой стороны, являлась настоятельная необходимость обезопасить суда, дебаркадеры и иныя мѣста, гдѣ скучивается такъ много народа, отъ дурныхъ результатовъ такой скученности.

Для этого-то и былъ учрежденъ въ 1900 году упомянутый надзоръ.

Организація и общее руководство санитарнымъ надзоромъ было поручено управленію водяныхъ и шоссейныхъ сообщеній и торговыхъ портовъ. Управленіемъ были выработаны временныя санитарныя правила для судовъ и плотовъ, расширенныя и дополненныя въ 1901 году особой комиссіей подъ предсѣдательствомъ лейбъ-медика Е. А. Головина. Главное вниманіе комиссіи было обращено на Волгу и, на первыхъ порахъ, на состояніе пассажирскихъ и буксирныхъ пароходовъ. На нихъ было сдѣлано спеціально-командированными санитарными врачами—въ теченіе двухъ лѣтъ—3.256 осмотровъ. Затѣмъ были осмотрѣны дебаркадеры, баржи и иныя непаровыя суда, и были произведены анализы волжской воды.

Эта первоначальная «ревизія» дала очень поучительные результаты, ярко освѣтивъ нашу рѣчную жизнь и бытъ рѣчныхъ тружениковъ. Результаты эти собраны и изданы въ видѣ отдѣльной книжки: «Сборникъ докладовъ и отчетовъ врачей санитарнаго надзора казанскаго округа путей сообщенія». Изъ нея мы и почерпаемъ любопытныя данныя о современномъ состояніи волжской рѣчной жизни и объ ея «закулисныхъ тайнахъ».

I.

Когда мы въ качествѣ туристовъ проѣзжаемъ на огромномъ, великолѣпно обставленномъ пароходѣ по разливу прекрасной рѣки, протянувшейся «безъ мѣры въ длину, безъ конца въ ширину», когда мы встрѣчаемъ на пути стройныя бѣляны и раскрашенныя баржи, красиво

отражающіяся въ рѣчномъ просторѣ,—приходитъ ли тогда намъ въ голову мысль: каково-то живется ихъ населенію среди этой поэтической обстановки, полной свѣта, чуднаго воздуха и простора? Думаемъ ли мы тогда о томъ, какъ живутъ на нашемъ превосходномъ пароходѣ матросы, кочегары, масленьщики и прочіе служащіе?

Казалось бы, и думать тутъ нечего! Чего еще имъ надо? Живутъ среди чистаго воздуха, среди вѣчно смѣняющихся живописныхъ пейзажей, ѣдятъ свѣжую рыбу, купаются, сколько душѣ угодно! Но—увы!—санитарный надзоръ своими изслѣдованіями совершенно разрушаетъ эту идиллію. Оказывается, что наши матросы и судорабочіе, живя среди чистаго воздуха, задыхаются отъ недостатка кислорода. Живя среди воды, они за все лѣто иной разъ не могутъ не только выкупаться, но, просто, помыться какъ слѣдуетъ. А ихъ питаніе и того менѣе идиллично!

Казовый конецъ парохода—I-й и II-й классы, помѣщающіеся на верхней чистой палубѣ, изолируютъ насъ отъ всего неприличнаго и зловоннаго, сосредоточеннаго внизу — на первой палубѣ—и подъ нею, т. е. въ трюмѣ. Этотъ «насъ возвышающій обманъ» отвлекаетъ насъ отъ «низкихъ истинъ» трюма, гдѣ живутъ или, вѣрнѣе, не живутъ, а маются низшіе служащіе, и отъ нижней палубы, гдѣ помѣщаются въ ужасной тѣснотѣ и грязи пассажиры IV-го класса!

А между тѣмъ, если даже мы—упорные эгоисты и ничего знать не хотимъ о нашихъ ближнихъ, то и тогда намъ не мѣшаетъ подумать объ ихъ неблагополучіи: въ немъ весьма легко можетъ корениться наше собственное неблагополучіе! Вѣдь съ нижней палубы такъ легко могутъ пробраться къ намъ наверхъ болѣзнетворныя начала изъ тѣсно скученной среди грязи и всяческихъ отбросовъ толпы людей! Дурная вода рѣки, зловонныя испаренія трюма, все это, вредно дѣйствуя на меньшую братію, можетъ вредно подѣйствовать и на насъ. «Здоровье каждаго отдѣльнаго человѣка зависитъ не только отъ его личной обстановки, но и отъ здоровья всего окружающаго общества». Это основное положеніе общественной гигіены придаетъ ей огромное соціальное значеніе: общественная гигіена дѣлаетъ людей волей-неволей альтруистами и заставляетъ ихъ обращать вниманіе на своихъ ближнихъ, состоящихъ на низшихъ ступеняхъ соціальной лѣстницы. И въ этомъ смыслѣ пароходныя палубы являются прообразомъ цѣлаго общественнаго строя, а наблюденія, произведенныя санитарнымъ надзоромъ надъ волжскими пароходами, являются очень поучительными для всего общества.

Санитарный надзоръ на первыхъ же порахъ все свое вниманіе обратилъ именно на низшіе слои судового общества и изслѣдовалъ, главнымъ образомъ, бытъ мелкихъ судовыхъ служащихъ и обстановку низшихъ пассажирскихъ классовъ. Первый и второй классы изслѣдованы имъ сравнительно поверхностно, и въ нихъ были найдены лишь незначительныя и мало интересныя съ гигіенической точки зрѣнія упущенія. Зато изслѣдованіе быта меньшей братіи дало очень богатые выводами результаты, и санитарный надзоръ рисуетъ намъ очень интересныя и поучительныя картинки изъ этого быта.

Волжскій пароходъ, это—широкое и высокое трехпалубное судно, имѣющее до 40 саженъ длины. Казалось бы, на немъ должно было бы найтись достаточно мѣста, чтобы не набивать людей, какъ сельдей въ бочку. А между тѣмъ, иной разъ трудно пробраться по палубѣ IV-го класса,—такъ она переполнена народомъ! Тутъ же,—на этой палубѣ, складывается въ большомъ количествѣ и грузъ, не помѣстившійся въ трюмѣ; грузъ самый разнообразный! Встрѣчаются здѣсь и товары, дающіе течь—рыба, солонина, патока, масло; и товары пыльные—мука,

сахаръ; и товары съ вредными испареніями—хлорная известь, сѣрная кислота; и даже товары съ заразительными микробами,—напримѣръ, невыдѣланныя кожи, отъ которыхъ можно легко заразиться сибирской язвой.

Все это складывается въ бочкахъ, тюкахъ и ящикахъ кругомъ машиннаго люка и почти по всему протяженію нижней палубы (за исключеніемъ носовой ея части, спеціально отводимой на большихъ пароходахъ для III-го класса)—и страшно стѣсняетъ четвертоклассниковъ, безъ того путешествующихъ «и въ тѣснотѣ, и въ обидѣ». Кромѣ того, эти товары, конечно, оставляютъ великое множество грязи.

Для IV-го класса устроены, собственно говоря, нары—широкія, въ два этажа, деревянныя настилки безъ всякихъ раздѣленій на мѣста. Но, сплошь и рядомъ, пассажировъ набивается такое количество, что они помѣщаются не только на нарахъ, но и подъ нарами, и на ящикахъ съ грузомъ—и, наконецъ, просто, въ повалку на грязной палубѣ, заполняя всѣ проходы. Пьютъ, ѣдятъ, спятъ на грязномъ полу! Проходящіе по палубѣ пароходные служащіе и пассажиры, словно какіе-нибудь Тамерланы, путешествуютъ прямо по тѣламъ людей, отдавливаютъ маленькимъ ребятамъ руки и ноги. И ничего не подѣлаешь! Въ такой тѣснотѣ поневолѣ будешь Тамерланомъ. Въ исключительныхъ случаяхъ набивается на палубу столько народу, что отъ пристани до пристани ѣдутъ уже стоя, плечомъ къ плечу.

Не трудно понять, что̀ представляетъ собою въ подобныхъ случаяхъ нижняя палуба, и какую убійственную, антигигіеническую обстановку создаетъ на ней такая тѣснота и такая скученность и людей, и товаровъ! Сколько всевозможныхъ отбросовъ оставляется на ней, впитывается въ деревянную настилку пола, разносится ногами служащихъ по всему пароходу—и, между прочимъ, на верхнюю, аристократическую, палубу!

Особенное переполненіе пароходовъ сѣрымъ людомъ наблюдается въ разныхъ пунктахъ волжскаго бассейна раннею весной и поздней осенью. Въ осеннее время астраханскіе пароходы, напримѣръ, берутся прямо съ боя рабочими, спѣшащими убраться домой съ рыбныхъ промысловъ до начала заморозковъ. Трудно винить пароходную администрацію въ переполненіи пароходовъ, когда сами пассажиры приступомъ лѣзутъ на пароходъ и просятъ Христомъ-Богомъ везти ихъ хоть на крышѣ. Но нѣкоторая доля грѣха все-таки лежитъ и на пароходныхъ компаніяхъ, и на пароходной администраціи: дѣло въ томъ, что пассажиры III-го и IV-го классовъ—самая доходная статья послѣ перевозки грузовъ. Это—главные кормильцы пароходныхъ обществъ (и пароходной администраціи, такъ какъ командиръ и его помощники получаютъ извѣстный % съ пассажирскихъ билетовъ и съ багажа). Пароходства наживаются не отъ дорого оплачиваемыхъ мѣстъ I-го и II-го классовъ, но отъ грошовыхъ фрахтовъ за перевозку груза и отъ копеечныхъ билетовъ сѣрой пассажирской массы IV-го класса. Поэтому является слишкомъ большой соблазнъ набивать такихъ пассажировъ на пароходы, какъ сельдей въ бочку.

Что касается III-го класса, то онъ на большихъ пароходахъ содержится чище и даже имѣетъ отдѣльныя каюты. Но на небольшихъ пароходахъ онъ совершенно смѣшивается съ IV-мъ классомъ и содержится въ такой же отвратительной обстановкѣ, которая улучшается лишь въ томъ случаѣ, если пассажировъ бываетъ немного. Но сѣрый народъ путешествуетъ усердно, и пассажировъ дешеваго тарифа всегда бываетъ много. Тѣмъ-то они и выгодны для пароходныхъ компаній!

Пароходная администрація,—надо ей отдать справедливость,—старательно чиститъ нижнюю палубу при первой возможности. Но, къ сожалѣнію, такая возможность представляется не часто: въ

пути пароходъ переполненъ людьми и товаромъ, а на пристаняхъ остановки сравнительно коротенькія. И лишь 1—2 раза въ мѣсяцъ, во время стоянки въ конечныхъ пунктахъ рейса, когда пароходъ имѣетъ $1^1/_2$—2 дня свободныхъ, на немъ производится генеральная чистка,—и вся астраханская грязь, цѣликомъ привезенная въ Нижній-Новгородъ, спускается въ Волгу-матушку для обратнаго препровожденія.

II.

Но какъ ни плоха участь пассажировъ низшихъ классовъ, все же имъ остается хоть то утѣшеніе, что они на пароходѣ—временные жители. Гораздо хуже приходится постояннымъ пароходнымъ жильцамъ, а именно: матросамъ, кочегарамъ, масленьщикамъ и иной мелкой служивой командѣ.

Санитарный надзоръ подвергъ изслѣдованію *жилище, питаніе, условія дѣятельности* и *степень заболѣваемости волжскихъ судорабочихъ и матросовъ.* Особенно печальными оказались вездѣ (и на пароходахъ, и на непаровыхъ судахъ) помѣщенія низшей судовой команды. Затѣмъ, пальму первенства въ негигіеничности слѣдуетъ отдать питанію судорабочихъ. Условія труда оказались почти вездѣ слишкомъ тяжелыми, а обстановка труда—преимущественно на баржахъ,—являлась нерѣдко, прямо-таки, убійственной.

О судорабочихъ на баржахъ мы еще будемъ говорить особо, а теперь коснемся многочисленнаго класса низшихъ пароходныхъ служащихъ.

Опять-таки приходится удивляться, что на огромныхъ пароходахъ, съ ихъ громадными рубками и палубными постройками, съ ихъ громадною палубною площадью, почти не находится мѣста для команды на палубѣ: матросамъ, а также кочегарамъ отводятся мѣста исключительно въ трюмѣ, да и то въ самой неудобной его части—въ носу и кормѣ. Помѣщенія эти, невозможно тѣсныя и по своему виду, и устройству, совершенно не мирятся съ представленіемъ о человѣческомъ жилищѣ.

Входомъ въ такое трюмное помѣщеніе служитъ «люкъ», т. е. квадратное отверстіе, размѣры котораго бываютъ такъ малы, что даже средняго роста люди не всегда свободно пролѣзаютъ въ него. Лѣстница, ведущая внизъ, невозможно крута, неудобна и неустойчива. Матросы иной разъ и совсѣмъ игнорируютъ ее, чтобы какъ-нибудь не расшибиться, упавъ внизъ, объ острые углы коекъ,—и спускаются при помощи гимнастическихъ туръ-де-форсовъ. Опускаясь, приходится хвататься руками за грязную палубу и неизбѣжно вносить съ собою внизъ грязь.

Внутри ужасная тѣснота, тьма и зловоніе; два крошечныхъ круглыхъ окошечка, обыкновенно, тепла ради, заставляются и законопачиваются, и свѣтъ проникаетъ лишь чрезъ верхній люкъ. Стѣны—косыя, постепенно сходящіяся книзу, а впереди имѣется такъ-называемый «мертвый уголъ» (внутренность остроконечнаго пароходнаго носа). Этотъ «мертвый уголъ» не можетъ быть использованъ ни для какой путной практической надобности и служитъ лишь типичной помойной ямой, такъ какъ въ него, обыкновенно, сваливается всякій соръ.

Вдоль стѣнъ, въ страшной тѣснотѣ, устроены въ два или даже въ три яруса деревянныя нары—койки, примыкающія къ наружнымъ стѣнамъ. Въ прежнее—сравнительно очень недавнее—время стѣны эти (желѣзныя) обыкновенно ничѣмъ даже изнутри не обшивались и непосредственно передавали матросскимъ спинамъ весь наружный холодъ или жаръ. Благодаря настояніямъ санитарныхъ врачей, теперь кое-гдѣ устраивается деревянная обшивка.

Размѣры матросскихъ и кочегарскихъ трюмныхъ каютъ не превышаютъ размѣровъ обыкновеннаго чулана, maximum въ 1.197 куб. футовъ. А помѣщается въ нихъ по 10—15 и болѣе человѣкъ.

И при такой-то тѣснотѣ въ каютахъ даже не имѣется хоть сколько-нибудь сносной вентиляціи: стѣны непроницаемы для воздуха, и притокъ свѣжаго воздуха совершается лишь черезъ люкъ; да, къ счастію, потолокъ, т. е. палуба, крыта деревомъ и доступна диффузированію сквозь нее внѣшняго «благорастворенія воздуховъ». Но, на ряду съ этой пріятной диффузіей, нерѣдко наблюдается еще иная «диффузія»—крайне непріятная: сквозь щели потрескавшейся палубы на спящихъ матросовъ льется дождевая вода.

Желѣзныя стѣны, при наступленіи холода, сильно «потѣютъ»—и такимъ образомъ, съ своей стороны, доставляютъ источникъ почти постоянной сырости въ матросскихъ каютахъ.

Вся обстановка ограничивается нарами, да изрѣдка деревяннымъ столомъ. Нѣтъ никакихъ приспособленій для храненія одежды, бѣлья и съѣстныхъ припасовъ, и все это валяется тутъ же, на койкахъ, поддерживая специфическое зловоніе, которое усиливается и доводится до невозможной степени отвратительными, почти совершенно при томъ неистребимыми, спеціально трюмными міазмами, крайне вредными и даже ядовитыми.

Сожалѣя о томъ, что помѣщенія низшей пароходной команды устраиваются въ трюмѣ, мы имѣли въ виду именно это послѣднее обстоятельство. Что такое, въ самомъ дѣлѣ, представляетъ собою пароходный трюмъ?

«Пароходный трюмъ,—это прекрасная почва для фермента,—говорятъ врачи-санитары:—въ немъ находится въ изобиліи питательный матеріалъ для разводки всевозможныхъ бациллъ». Почему? Да, во-первыхъ, потому, что въ трюмѣ вѣчная сырость; во-вторыхъ, потому, что въ немъ вѣчная тьма и солнечный свѣтъ—лучшій дезинфекторъ въ мірѣ—не заглядываетъ ни разу въ трюмъ. Наконецъ, провозимые въ трюмѣ товары и грузы всегда оставляютъ по себѣ слѣды, а вслѣдствіе особаго устройства пароходнаго трюма его никакъ нельзя основательно вычистить отъ этихъ слѣдовъ.

Днище парохода состоитъ изъ многочисленныхъ, высокихъ и низенькихъ, перегородокъ—перпендикулярныхъ длинѣ корпуса (шпангоуты и флортимберсы) и продольныхъ (кильсоны). Перегородки эти образуютъ великое множество клѣтокъ и ящичковъ и сверху покрываются—приблизительно на 1/2 аршина отъ днища—такъ-называемой «сланью», т. е. вторымъ (деревяннымъ) дномъ. На «слань» кладутся грузы; пыль и соръ отъ нихъ попадаетъ сквозь щели слани въ подсланевое пространство и тамъ гніетъ въ постоянной сырости и водѣ. Для чистки трюма слань поднимаютъ; но, тѣмъ не менѣе, выскоблить грязь изо всѣхъ закоулковъ днища представляется своего рода геркулесовымъ подвигомъ, невозможнымъ для простыхъ смертныхъ! Но главное зло трюма—это «тузлукъ».

Тузлукъ получается при посолѣ рыбы. Рыба засыпается въ бочкахъ солью, и соль, будучи веществомъ крайне гигроскопическимъ, быстро (въ теченіе сутокъ) втягиваетъ въ себя всю влагу изъ организма рыбы, сама растворяется въ ней,—и рыба оказывается такимъ образомъ залитою органическою жидкостью, съ сильнымъ растворомъ соли. Эта жидкость и есть тузлукъ. Самъ по себѣ, тузлукъ обладаетъ большой силой противодѣйствія процессу гніенія, хотя и содержитъ въ себѣ массу органическихъ веществъ.

Но когда онъ вытекаетъ въ трюмѣ сквозь щели бочекъ и, попадая въ подсланевое пространство, смѣшивается съ постоянно находящеюся тамъ водой, то процентъ соли въ немъ убавляется, и тузлукъ начинаетъ быстро гнить. А гніеніе въ темныхъ и при томъ теплыхъ (близъ машины и котловъ) нѣдрахъ трюма совершается въ высшей степени энергично. Поднимаются вредные газы, которые способны быстро превратить здо-

роваго человѣка въ больного и даже убить его.

Тузлучныя міазмы почти неистребимы, потому что рыбныхъ грузовъ на пароходахъ провозится чрезвычайно много. Астрахань снабжаетъ рыбою все Поволжье, и трюмы пароходовъ постоянно бываютъ завалены бочками съ соленой осетриной, бѣлорыбицей и пр., и сильный, одуряющій запахъ гнилой рыбы все время господствуетъ въ пароходномъ «подвалѣ».

Вотъ, что такое трюмъ волжскаго парохода! Это, поистинѣ, какая-то «злая яма», которую принимаются чистить два раза въ мѣсяцъ, но такъ и не могутъ вычистить окончательно. Надъ этой ямой помѣщаются сравнительно счастливые пассажиры III-го класса, и почти въ ней самой спятъ и живутъ въ теченіе 1/3 дня несчастные аборигены парохода—матросы и кочегары. Отъ товарнаго трюма ихъ жилье отдѣляется лишь тонкой перегородкой, и они чрезъ общее подсланевое пространство вполнѣ свободно отравляются трюмными запахами.

Но еще того ужаснѣе каюты машинной прислуги, устраиваемыя въ самомъ машинномъ отдѣленіи. Къ счастію, это безобразіе встрѣчается лишь на нѣкоторыхъ пароходахъ, и санитарный надзоръ старательно хлопочетъ о полномъ упраздненіи подобныхъ, съ позволенія сказать, «жилыхъ помѣщеній». Ко всѣмъ прелестямъ трюма здѣсь присоединяются еще спеціальныя напасти отъ топокъ, котловъ и машины.

Машинное отдѣленіе съ котлами и кочегаркой занимаетъ всю середину пароходнаго корпуса. Отъ товарныхъ трюмовъ оно отдѣляется перегородками и все кругомъ бываетъ выстлано желѣзомъ. Температура внутри его, разумѣется, невозможно-жаркая.

Такъ, напримѣръ, на разстояніи одной сажени отъ котловъ, при температурѣ наружнаго воздуха въ +5° по Реомюру, термометръ въ машинномъ отдѣленіи показывалъ 31°. На разстояніи 23—30 футовъ отъ котловъ, близъ выхода и подъ самою вентиляціонной трубой, температура понижалась всего лишь до 25°. Въ августѣ мѣсяцѣ близъ открытаго окна и у наружной стѣны жара доходитъ до 40°. Вообще, въ жаркое время температура у котловъ *поднимается выше 40°*, а во всемъ остальномъ помѣщеніи машиннаго отдѣленія *не спускается ниже 40°!*

Для топки употребляются жидкіе нефтяные остатки (мазутъ). Для смазки машинъ расходуются въ громадномъ количествѣ (до 2—3 пудовъ въ сутки) разныя нефтяныя масла, олеинъ и мазутъ. Все это стекаетъ съ машины на особые противни и потомъ снова пускается въ дѣло; но, несмотря на эти противни, все-таки довольно много смазки попадаетъ на слань, а сквозь ея щели—опять-таки внутрь днища—въ злополучное подсланевое пространство. Такимъ образомъ, въ машинномъ отдѣленіи и вверху, и внизу, и съ боковъ—всюду находятся разныя масла и мазутъ. При высокой температурѣ они или испаряются, или подвергаются неполному сгаранію и наполняютъ воздухъ газообразными веществами, отравляющими организмъ.

Такъ вотъ, въ такомъ-то аду иногда и устраиваются «квартиры» кочегаровъ и масленьщиковъ. Каюты для нихъ отводятся въ противоположномъ котламъ концѣ. Путь туда идетъ чрезъ все отдѣленіе мимо разныхъ частей машины, и на ходу можно легко попасть подъ удары ея поршней и застрянуть въ ея частяхъ; поэтому, пробираясь въ каюты, приходится напрягать все вниманіе, сильно наклоняться и лавировать то такъ, то этакъ. А въ случаѣ пожара и иного несчастія, изъ этихъ милыхъ помѣщеній уже и совершенно невозможно выбраться! Однимъ словомъ, жилыя помѣщенія въ машинномъ отдѣленіи — величайшее зло на рѣчныхъ пароходахъ.

Для команды чиномъ повыше, т. е. для штурвальныхъ, лоцмановъ, практи-

кантовъ (т. е. кандидатовъ въ помощники командира, обучающихся на практикѣ судоходному ремеслу), а также для почтовыхъ чиновниковъ, поваровъ и офиціантовъ каюты устраиваются уже наверху. Но, допуская такую роскошь, пароходство никакъ не можетъ избавить себя отъ удовольствія поэкономить въ количествѣ отводимаго для нихъ мѣста. Каюты и здѣсь поражаютъ своей тѣснотою; хорошо еще хоть то, что въ такихъ каютахъ имѣются огромныя окна, и, стало-быть, насчетъ вентиляціи дѣло обстоитъ, такъ или иначе, благополучно.

По кубическому объему воздуха вполнѣ удовлетворительными можно счесть лишь каюты гг. капитановъ, на долю которыхъ отводится 754 куб. ф. Затѣмъ, сообразно рангу служащихъ, количество футовъ уменьшается. Такъ, кассиры имѣютъ уже всего лишь 562 куб. ф., машинисты 528, лоцмана 505 и т. д. Можно, пожалуй, подумать, что у капитановъ отъ ностоянныхъ начальственныхъ окриковъ грудь развита сильнѣе, чѣмъ у прочей команды, и потому имъ и воздуха требуется болѣе!

Освѣщеніе полагается электрическое. Даже матросы и кочегары, которымъ не удается пользоваться въ своихъ каютахъ дешевымъ солнечнымъ свѣтомъ, имѣютъ дорогія электрическія лампочки. Для отопленія повсюду проведены паровыя трубы. Къ сожалѣнію, въ каютахъ низшихъ служащихъ онѣ ничѣмъ не обшиваются, и матросы преисправно получаютъ отъ нихъ обжоги.

III.

Но пароходные служащіе — это, безусловно, баловни судьбы и избалованные аристократы сравнительно съ волжскими паріями — судорабочими на баржахъ и плотахъ. Положеніе этихъ послѣднихъ до такой степени незавидно, что, пожалуй, трудно придумать что-нибудь плачевнѣе и хуже.

Громадныя баржи, достигающія иной разъ 50 саженъ и болѣе, совершенно не приспособлены для жилья. И такъ жить, какъ живутъ ихъ обитатели, могутъ одни только волжскіе зимогоры—босяки, прошедшіе сквозь огонь и воду.

Въ большинствѣ случаевъ на баржи и народъ идетъ «таковскій», «аховый». Но и «аховому» человѣку крайне трудно мириться съ тѣми условіями труда, которыя онъ встрѣчаетъ на баржахъ.

Съ малоизвѣстнымъ міромъ жизни болѣе чѣмъ стотысячнаго населенія непаровыхъ судовъ насъ знакомитъ обстоятельный докладъ А. В. Чирикова, сдѣланный имъ 16-го ноября 1901 г. III-му отдѣленію русскаго общества охраненія народнаго здравія.

На всемъ громадномъ протяженіи палубы баржи нѣтъ никакихъ надпалубныхъ построекъ, кромѣ маленькой каютки-домика, такъ-называемой «казенки», гдѣ помѣщается командиръ баржи—водоливъ, и гдѣ находится небольшая кухня. Помѣщенія остальной команды находятся въ корпусѣ баржи (въ трюмѣ)—въ носу и въ кормѣ.

Спускаются туда сверху — такъ же, какъ и на пароходѣ—сквозь крохотный люкъ, уподобляясь опернымъ Мефистофелямъ, которые совершенно такъ же проваливаются въ экстренныхъ случаяхъ сквозь люкъ подъ сцену. Но на сценѣ все это устраивается гораздо безопаснѣе, а здѣсь ничего не стоитъ сломать себѣ шею.

Внутри тьма, освѣщаемая лишь многочисленными щелями въ палубѣ и бортахъ, послѣ того какъ закроютъ наглухо люкъ. Да и отъ открытаго люка, при его малыхъ размѣрахъ, свѣта бываетъ немного. Рутина и какое-то удивительное безразличіе, доводящее строителей баржъ до нелѣпостей, не позволяетъ продѣлывать хотя бы небольшія окошечки въ стѣнахъ баржъ, наподобіе пароходныхъ иллюминаторовъ. Не имѣется никакихъ признаковъ обшивки на стѣнахъ, и «квартиранты» сами своими средствами заклеиваютъ или затыкаютъ щели. Вдоль стѣнъ тянутся въ постоянномъ мракѣ нары, устраиваемыя обыкно-

венно въ половинномъ количествѣ противъ настоящаго числа судорабочихъ, находящихся на баржѣ. Дѣлается это опять-таки въ силу какой-то непонятной экономіи мѣста: покуда, дескать, одна половина рабочихъ находится на вахтѣ, другая половина пусть спитъ на ихъ мѣстахъ, а потому устраивать мѣста для всѣхъ не стоитъ! Такимъ образомъ одна и та же постель служитъ двоимъ (а иногда—при наймѣ дополнительныхъ рабочихъ) и троимъ лицамъ, и судорабочіе на баржахъ за все навигаціонное время совершенно не имѣютъ собственнаго своего угла. Ниже мы еще будемъ имѣть случай убѣдиться, насколько трудно бываетъ «аховымъ» людямъ мириться съ этимъ неудобствомъ и какъ они цѣнятъ именно свой уголъ—хоть какой угодно скверный, да лишь бы свой! Въ гигиеническомъ отношеніи такое непрерывное пользованіе постелями, конечно, привело въ вполнѣ справедливый ужасъ волжскій санитарный надзоръ. Много было имъ обнаружено «при сей вѣрной оказіи» всякихъ любопытныхъ обстоятельствъ, но о «сихъ мерзостяхъ» приходится молчать!

Матрацы и подушки замѣняются одеждой и бѣльемъ рабочихъ. Тутъ же на нарахъ—за неимѣніемъ мѣста (какъ-то странно звучитъ это «за неимѣніемъ мѣста», когда мы вспомнимъ, что баржа-то 40—50 саженъ длиной!)—лежитъ хлѣбъ и иная провизія, а также и вещи рабочихъ—чайники, ложки и пр. Судорабочихъ, обыкновенно, обвиняютъ въ неряшествѣ и въ «свинствѣ», но, положительно, можно сказать, что при такой обстановкѣ самый чистоплотный и порядочный человѣкъ не убережется отъ «свинства».

Воздухъ внутри такого помѣщенія, нечего и говорить, отвратительный, хотя его здѣсь и много! Деревянныя стѣны слишкомъ свободно диффузируютъ... Получается даже такая диффузія, что, Боже упаси! Но днище баржи еще загрязненнѣе, чѣмъ днище парохода. Здѣсь гніютъ всевозможные отбросы и соръ отъ перевозимыхъ на баржѣ товаровъ. Тузлукъ и здѣсь имѣется въ достаточномъ количествѣ, а между тѣмъ, чистки въ баржѣ никогда никакой не производится! На пароходѣ все-таки разъ или два раза въ мѣсяцъ ведется серьезная борьба съ трюмными міазмами; но на баржѣ производится лишь откачиваніе воды со дна, при чемъ откачивается только нижній слой ея, а верхній—такъ и остается нетронутымъ, и всѣ находящіеся на немъ отбросы и жиръ тузлука благополучно гніютъ и образуютъ изъ постоянно-имѣющейся въ корпусѣ баржи воды—зловонное болото, которое никогда не высыхаетъ, непрерывно пополняется новымъ матеріаломъ для гніенія и щедро награждаетъ обитателей баржи ужасными ароматами, систематически расшатывающими ихъ здоровье.

Вотъ онѣ каковы, эти поэтически-отражающіяся въ зеркальной влагѣ, стройныя и красивыя баржи!

Но всего хуже то, что на нихъ совсѣмъ нѣтъ никакого отопленія. Печей, кромѣ кухонной печки въ «казенкѣ», нѣтъ и въ поминѣ. Пароходная команда хотя и обжигается о трубы парового отопленія, хотя и угораетъ отъ нихъ, но все-таки пользуется отъ нихъ и тепломъ. Команда же баржи въ холодное время согрѣвается лишь работой, да бѣгаетъ погрѣться въ тѣсную кухонку казенки, гдѣ могутъ помѣститься человѣкъ 5—6, не болѣе. Нужно имѣть нечеловѣческое здоровье, чтобы не схватить жестокой простуды, проспавъ часовъ 5—6 въ сыромъ и холодномъ подвалѣ, гдѣ вѣютъ ледяные сквозняки, послѣ продолжительной работы подъ дождемъ и вѣтромъ на совершенно открытой палубѣ! И дѣйствительно, какъ мы и увидимъ ниже, процентъ простудныхъ заболѣваній среди рабочихъ чрезвычайно высокъ!

И вѣдь стыдно сказать—вся эта вопіющая обстановка является лишь слѣд-

ствіемъ невнимательности судохозяевъ, презрѣнія ихъ къ «таковскому народу», а также и слѣдствіемъ укоренившагося обычая и привычки. Какъ велось съ давнихъ поръ, такъ ведется и теперь. И баржи строятъ такъ, а не иначе, по обычаю. Да и мастера не умѣютъ строить ихъ иначе!

Такъ разсуждаютъ судохозяева.

Продовольствіе судорабочихъ организуется двумя способами — артельнымъ и одиночнымъ, или, вѣрнѣе — «способомъ горячаго продовольствія» и «способомъ ѣды въ сухомятку».

Артель выбираетъ изъ своей среды кашевара, и онъ закупаетъ провизію и варитъ въ «казенкѣ» ѣду. Но такой способъ питанія возможенъ только тогда, когда баржа находится въ пути. Во время же стоянки въ большихъ городахъ (Рыбинскѣ, Нижнемъ, Астрахани) варить пищу нельзя, потому что, согласно «правиламъ плаванія по внутреннимъ воднымъ путямъ», разведеніе огня въ «караванѣ» строжайше воспрещается.

И вотъ, когда баржи становятся въ караванъ близъ большого города, артельный способъ продовольствія уступаетъ мѣсто способу одиночному, и каждый рабочій самъ промышляетъ себѣ ѣду.

Въ теченіе всего времени стоянки—а именно, отъ двухъ до трехъ недѣль, судорабочіе питаются въ сухомятку, потому что не имѣютъ средствъ пользоваться горячей пищей на берегу въ трактирахъ и не могутъ пристроиться съ самостоятельной варкой ѣды гдѣ-нибудь тамъ же, на берегу. Опи не имѣютъ возможности даже вскипятить воды для чая и ѣдятъ тогда сухую воблу, хлѣбъ, овощи, а пьютъ сырую волжскую воду. Но главнымъ кушаньемъ въ это время у нихъ является «мурцовка».

Это знаменитое «національное» блюдо волжскихъ босяковъ состоитъ изъ сырой воды съ кусками хлѣба и лука, а также, конечно, и изъ нефтяныхъ остатковъ, въ изобиліи почерпаемыхъ вмѣстѣ съ водой. Но волжская вода, особенно у большихъ городовъ, полна еще и другими «ингредіентами», и поэтому, если мы хотимъ быть вполнѣ точными, то должны прибавить, что мурцовка составляется (конечно, помимо воли самихъ стряпающихъ!) и изъ этихъ «ингредіентовъ». И рабочіе, употребляя въ пищу всю эту грязь, обязательно заболѣваютъ желудочными болѣзнями и нерѣдко схватываютъ брюшной тифъ.

И опять-таки «обычай» или, вѣрнѣе, безразличіе и косность судохозяевъ не позволяетъ исправить этотъ порядокъ вещей. И только одинъ, недавно умершій, купецъ Николай Башкировъ явился какъ бы протестантомъ среди волжскихъ рутинеровъ-старовѣровъ: на его судахъ рабочіе и помѣщались гораздо комфортабельнѣе, и во время стоянокъ онъ на свои деньги снималъ для нихъ на берегу особую кухню, такъ что его рабочіе были избавляемы отъ мурцовки и сухоѣденія. Но это исключеніе, которое только подтверждаетъ печальное правило. И на обязанности волжскаго санитарнаго надзора лежитъ обязательпая борьба съ непозволительными «обычаями» и традиціями, отъ которыхъ зря гибнутъ люди.

Питаются рабочіе на баржахъ, вообще говоря, плохо. «По количеству съѣдаемыхъ ими пищевыхъ веществъ, — говоритъ авторъ вышеупомянутаго доклада: — судорабочіе напоминаютъ скорѣе воспитанниковъ и воспитанницъ учебныхъ заведеній или женщинъ, кормящихъ грудью, чѣмъ рабочихъ, отъ которыхъ требуется напряженный, интенсивный трудъ».

Такъ, напримѣръ, въ докладѣ приведены слѣдующія данныя, почерпнутыя изъ разныхъ источниковъ:

«Вѣсъ пищи судорабочихъ = суточному вѣсу пищи воспитанника кіевской 1-й гимназіи».

«Вѣсъ бѣлковъ судорабочихъ = суточному вѣсу бѣлковъ женщины, кормящей грудью».

«Вѣсъ жировъ судорабочихъ = суточному вѣсу жировъ воспитанника въ Токіо.

«Вѣсъ углеводовъ судорабочихъ = суточному вѣсу углеводовъ воспитанницъ 14—19 лѣтъ въ Эссенѣ».

Малопитательныя вещества, поглощаемыя рабочими, обходятся имъ въ то же время слишкомъ дорого — по $17^{1}/_{7}$ коп. въ день, и эта цѣна является слишкомъ дорогой для той дряни, которую они ѣдятъ. Происходитъ это вслѣдствіе нѣкоторыхъ побочныхъ причинъ, объясненіе которыхъ заняло бы теперь слишкомъ много мѣста.

Хранится провизія возмутительно: нѣтъ мѣста, гдѣ бы можно было держать ее отдѣльно отъ всякаго хлама и сора. Мѣшки съ картофелемъ, крупой, хлѣбъ и пр., хранятся на нарахъ и подъ нарами. Рѣдкое лакомство рабочихъ, говядина, развѣшивается «на воздухѣ», т. е. на наружныхъ стѣнахъ кухни, и очень скоро разлагается до самой невозможной степени.

Не менѣе тяжкимъ и антигигіеническимъ условіемъ жизни судорабочихъ является, наконецъ, невозможность для нихъ хоть сколько-нибудь соблюдать чистоту своего собственнаго тѣла въ теченіе всей навигаціи.

На первый взглядъ это кажется въ высшей степени страннымъ: живутъ все время у воды и не могутъ помыться! Но это, дѣйствительно, такъ. Во время стоянокъ у судорабочихъ нѣтъ времени ни сходить въ баню, ни выкупаться. Сложная работа по выгрузкѣ и нагрузкѣ, — работа, обыкновенно, очень спѣшная и лихорадочная, отнимаетъ у нихъ массу времени. А по окончаніи работы, уставшій, измаявшійся человѣкъ только и мечтаетъ о томъ, какъ бы приткнуться въ уголъ, да уснуть. Тутъ уже не до купанья. Нельзя купаться и во время пути. Даже просто умываться — и то затруднительно, потому что на баржахъ нѣтъ никакихъ приспособленій для умыванья, и рабочіе, чтобы не полетѣть за бортъ при операціи омовенія (перилъ на баржахъ совсѣмъ «и въ заводѣ нѣтъ»)— предпочитаютъ совсѣмъ не мыться.

— Просто, обидно воду видѣть! — говорятъ они.—Кругомъ вода, а и помыться-то нельзя!

Избѣгаютъ они также и пріобрѣтать мыло, потому что его негдѣ прятать, и этотъ драгоцѣнный предметъ постоянно похищается или своими же товарищами, или «передаточными» (нанимаемыми временно для спѣшныхъ работъ) рабочими.

Тяжела обстановка труда, который несутъ судорабочіе, но не легокъ и самый трудъ.

За скудное вознагражденіе 8—10 рублей въ мѣсяцъ (при частыхъ штрафахъ!) судорабочій долженъ исполнять слѣдующія обязанности: нагружать и выгружать товары; ежедневно въ теченіе долгаго времени откачивать воду изъ трюма; управлять рулемъ, что требуетъ сильнѣйшаго напряженія и особаго вниманія, такъ какъ руль у баржи огромныхъ размѣровъ. Въ сезонъ мелководья являются новыя обязанности — по стягиванію баржи съ мели, по распаузкѣ ея*) и пр. Наконецъ, судорабочіе должны нести труды по оборудованію баржи и уходу за ней, а также они исполняютъ обязанности прислуги у «водолива» (командира баржи), ставятъ ему самовары, чистятъ сапоги и пр.

Такъ какъ команды на баржѣ, обыкновенно, бываетъ немного — въ самый обрѣзъ, то и количество труда, выпадающее на долю каждаго, бываетъ слишкомъ значительно. По отбытіи четырехчасовой вахты рабочій имѣетъ право на соотвѣтственный отдыхъ, но въ условіяхъ найма, обыкновенно, оговаривается, что никто изъ рабочихъ подъ страхомъ штрафа не смѣетъ отказываться отъ работы и во время отдыха, ежели явится надобность въ таковой работѣ. Въ осеннее время, когда такая надобность постоянно налицо,

*) «Распаузка»—перекладываніе груза съ одного судна на нѣсколько другихъ, болѣе мелко сидящихъ въ водѣ.

эта оговорка и примѣняется къ дѣлу, и вахта дѣлается почти несмѣнной.

Нужно замѣтить къ тому же еще вотъ что. Очень большой процентъ судорабочихъ составляетъ несовершеннолѣтняя молодежь: парни 16—18 лѣтъ. Водоливъ, который самъ комплектуетъ команду (по полномочію отъ хозяина баржи) и является почти неограниченнымъ властелиномъ на баржѣ, предпочитаетъ вербовать въ рабочіе молодыхъ парней, потому что они и стоятъ дешевле, и повинуются ему, водоливу, охотнѣе. И на такихъ-то, иной разъ даже недоразвившихся физически, ребятъ взваливается тяжелый трудъ, который не всегда подъ силу даже здоровому крючнику. На это зло, являющееся уже прямымъ преступленіемъ, санитарный надзоръ указываетъ наравнѣ съ другими упущеніями, но для предотвращенія и искорененія его требуются уже спеціальныя мѣры.

Всѣ эти описанныя нами условія быта волжскихъ судорабочихъ и являются причинами частыхъ и упорныхъ заболѣваній среди нихъ. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, безнаказанно прожить цѣлые полгода въ грязи, сырости, холодѣ и при томъ еще, неся непосильный трудъ! И тѣ сто тысячъ судорабочихъ, съ бытомъ которыхъ насъ знакомитъ докладъ А. В. Чирикова, въ теченіе навигаціи одинъ за другимъ сваливаются съ ногъ. Тифъ, желудочныя болѣзни, малярія, ревматизмы, малокровіе, наконецъ пораненія и увѣчья — съ неумолимой настойчивостью преслѣдуютъ эту стотысячную армію и вырываютъ изъ ея строя постоянныя жертвы.

Что же, спрашивается, предпринимаютъ пароходовладѣльцы и судохозяева въ томъ случаѣ, когда рабочіе серьезно заболѣваютъ? Какова врачебная помощь на Волгѣ?

На эти вопросы приходится дать очень грустные отвѣты.

Заболѣвшіе рабочіе на-скоро разсчитываются, высаживаются въ городахъ и затѣмъ предоставляются на произволъ судьбы. На пароходахъ, правда, имѣются довольно жалкія и плохія аптечки, но онѣ предназначаются почти исключительно для гг. пассажировъ. Что же касается баржъ, то тамъ безусловно не существуетъ никакой врачебной помощи.

IV.

Таковы «закулисныя тайны» нашей великой рѣки! Теперь обращено, наконецъ, вниманіе на эти тайны, и надо надѣяться, что санитарный надзоръ, который уже за короткое время успѣлъ выяснить столь многое и собрать такъ много поучительнаго матеріала, не остановится на полпути, но будетъ энергически дѣйствовать и далѣе въ цѣляхъ упорядоченія невозможной жизненной обстановки волжскихъ тружениковъ.

Всего убѣдительнѣе дѣйствуетъ живой примѣръ. Ссылаясь на яркое фактическое доказательство, находящееся тутъ же передъ глазами, всего легче побѣдить упорную рутину и опровергнуть ложныя увѣренія. Къ счастію, санитарный надзоръ нашелъ такое яркое доказательство и такой яркій примѣръ, и при помощи этого примѣра можно убѣдить волжскихъ старовѣровъ измѣнить свой образъ воззрѣній и на «таковскій народъ» и на невозможность устраивать баржи иначе.

Оказалось, что на Волгѣ имѣются суда съ безусловно гигіенической обстановкой Это—такъ-называемыя «асланки». «Асланки» представляютъ собою нѣчто, очень похожее на древніе корабли. Онѣ имѣютъ высокіе борта, чрезвычайно приподнятые носъ и корму и громадный парусъ. Плаваютъ онѣ самостоятельно и служатъ для перевозки грузовъ въ небольшомъ количествѣ и на небольшія разстоянія (асланки невелики по размѣрамъ).

Содержатся онѣ очень чисто и имѣютъ для рабочихъ настоящія каюты, съ отдѣльными скамьями, съ тюфяками и изголовьями. Въ каютахъ имѣется и достаточное освѣщеніе и отличная вентиляція при помощи вытяжныхъ трубъ. Для ото-

пленія устраиваются небольшія каменныя печки. Мало того: имѣется и даже такая роскошь, какъ шкапики для посуды, бѣлья и пр.

Вся эта роскошь и благополучіе объясняются тѣмъ, что на асланкахъ, обыкновенно, живутъ и сами ихъ владѣльцы. Объясненіе весьма характерное: я хочу жить въ чистотѣ, но боюсь грязи со стороны рабочихъ, поэтому я устраиваю чистую обстановку и для нихъ.

И вотъ, что всего удивительнѣе: тѣ же русскіе люди, которые на баржахъ и пароходахъ живутъ въ «свинствѣ», «поскотски», здѣсь, на асланкахъ, оказываются чистоплотными! И порядокъ поддерживаютъ, и ведутъ себя аккуратно!

Говорятъ, что на баржи идутъ и живутъ на нихъ «таковскіе», спеціально оголтѣлые люди, а на асланкахъ хозяева сами подбираютъ себѣ рабочихъ солидныхъ и обстоятельныхъ. Но, во-первыхъ, команда баржи комплектуется вовсе не изъ однихъ золоторотцевъ, а во-вторыхъ, многіе матросы на пассажирскихъ пароходахъ солидные домохозяева, которые у себя въ деревнѣ зимою живутъ вполнѣ исправно. Однако, и они на пароходахъ обязательно впадаютъ въ «свинство».

Гораздо правдоподобнѣе на этотъ счетъ объясненіе одного изъ рабочихъ асланки:

— Каждый изъ рабочихъ на баржахъ хотѣлъ бы обставить себя получше: захватилъ бы съ собой изъ дому и подушечку, и одѣяльце, и устроилъ бы себѣ поудобнѣе кроватку. Да нѣтъ ея, кровати-то! Сейчасъ сплю я, къ примѣру сказать, здѣсь, на этомъ мѣстѣ, а затѣмъ приходитъ другой съ вахты и ложится сюда же, гдѣ я спалъ. Какъ же тутъ положить свою подушку да одѣяло? Для друга, что ли, это дѣлать?

Въ этихъ словахъ съ яркой наглядностью рисуется любовь русскаго простолюдина къ своему углу, къ уюту, къ дому, къ «подушечкѣ», къ «кроваткѣ» — и ненависть къ оголтѣлой срамной жизни въ нечистотѣ и безпорядкѣ, въ которомъ онъ живетъ только поневолѣ. И такимъ образомъ всѣ доводы судохозяевъ и указанія на то, что русскій человѣкъ не можетъ обходиться безъ «свинства» — разбиваются объ эти простыя слова, и выясняется настоящая сокровенная причина всѣхъ судовыхъ неурядицъ. Жаль денегъ! Жаль денегъ на устройство лишнихъ наръ, на постановку печей, жаль мѣста, которое заняли бы въ баржѣ товары и которое приходится отводить людямъ!

Прекрасный примѣръ асланокъ, къ сожалѣнію, являющихся лишь исключеніемъ среди волжскаго судоходства, даетъ козырь въ руки санитарнаго надзора. Стало-быть, можно же и жить гигіенически, и не мучить людей. И окна можно прорубать, и печи ставить! Только денегъ не надо жалѣть, да надо помнить, что, улучшая бытъ и заботясь о здоровьѣ низшихъ братій, предохраняешь и себя отъ заболѣваній и разныхъ непріятностей. Вѣдь и въ обществѣ «нижняя палуба» такъ близка отъ верхней!

Мы ничего не говорили о тѣхъ трудахъ санитарнаго надзора, которые были предприняты съ цѣлью изслѣдованія волжской воды. Но объ этомъ уже такъ много говорилось и говорится въ печати, что намъ пришлось бы повторять всѣмъ извѣстное. Вода рѣки у большихъ городовъ крайне загрязнена. «Лазурныя» волны Волги таятъ въ себѣ и нефть, и всевозможные отбросы. Даже рыба чувствуетъ себя въ такой водѣ совсѣмъ не «какъ въ водѣ» и пропадаетъ. А о людяхъ мы уже говорили, разсказывая о «мурцовкѣ».

Санитарный надзоръ стремится къ тому, чтобы вода Волги не была загрязняема колоссальнымъ количествомъ нечистотъ отъ большихъ и малыхъ городовъ; чтобы нефть не выливалась въ нее тысячами пудовъ; но, главное, онъ заботится о здоровьѣ и благополучіи тѣхъ скромныхъ тружениковъ, руками которыхъ создаются капиталы волжскихъ крезовъ. Дѣятельность санитарнаго надзора особенно важна здѣсь на главной водяной артеріи, которая

омываетъ собою сѣверъ, западъ и югъ нашего государства почти на 3.000 верстъ. Сколько милліоновъ народа имѣетъ тѣсную связь съ ней! Надо охранять здоровье этого народа, потому что «здоровье народа — источникъ богатства страны».

Для иллюстраціи этого положенія мы позволимъ себѣ привесть интересный «разсчетъ стоимости болѣзней», сдѣланный знаменитымъ нынѣ уже покойнымъ мюнхенскимъ профессоромъ М. Петтенкоферомъ для г. Мюнхена.

Въ 1892 г. въ Мюнхенѣ уменьшилась на извѣстный % цифра смертности; соотвѣтственно этому, по вычисленію Петтенкофера, населеніе избавилось отъ $1^3/_4$ милліоновъ дней болѣзни. Считая ежедневный расходъ на болѣзнь въ 1,5 марки, Петтенкоферъ нашелъ, что Мюнхенъ получилъ въ теченіе года сбереженіе въ $2^1/_2$ милліона марокъ, благодаря тому, что улучшилъ свою гигіеническую обстановку.

Съ 1876 г. по 1892 г. смертность въ Берлинѣ уменьшилась на 10%. Происходящее отсюда сбереженіе равняется 40 милліонамъ марокъ въ годъ!

Вотъ, каково экономическое значеніе гигіены! Цифры эти достаточно краснорѣчивы сами по себѣ, и намъ теперь остается лишь пожелать, чтобы и у насъ появились подобныя сбереженія. Учрежденіе санитарнаго надзора на водныхъ путяхъ даетъ намъ такую надежду относительно огромнаго волжскаго бассейна. Пословица говоритъ, что «лиха бѣда починъ!» Къ счастію, починъ теперь уже есть, и, какъ мы видѣли, починъ энергичный и заслуживающій вниманія.

НА КЛАДБИЩѢ.

Мнѣ не боязно
Здѣсь на кладбищѣ
Въ ночь безсвѣтную
Встрѣтить призраки.
Но боязнію
Безпредметною
Весь охваченный,
Духъ безпомощно
Содрогается.
Кто, скажите, здѣсь
Эхомъ прошлаго
Откликается...
И ничья-то рѣчь,
Вѣтра легкаго
Дуновеніемъ,
Не касается
Слуха чуткаго
Откровеніемъ
О таинственной,
Неразгаданной
Нашей участи,
О загробнаго
Безконечности
И живучести.
Дотлѣваютъ тутъ
Лишь, какъ ризы душъ,
Опочившіе,
Безразсудствомъ ли,
По разсчету ли,
Совершившіе
Преступленія
Или подвиги
Многотрудные,—
Безвопросные,
Безотвѣтные,
Непробудные.—
Всѣмъ была ли имъ
Жизнь грядущая
Тамъ обѣщана?..
Здѣсь крестами жизнь,
Словно вымарка,
Перекрещена.

П. М. Поповъ.

Къ положенію фельдшерскаго персонала.

Очеркъ **Р. Н. Шора.**

I.

Почему-то на страницахъ общей періодической печати очень рѣдко можно встрѣтить статьи, посвященныя фельдшерскому вопросу и, вообще, быту фельдшеровъ. Поэтому публика мало или совсѣмъ не знакома съ условіями жизни и труда фельдшерскаго персонала у насъ, въ Россіи. Правда, въ С.-Петербургѣ существуетъ уже болѣе десяти лѣтъ органъ печати подъ названіемъ «Фельдшеръ», посвященный, между прочимъ, и вопросамъ фельдшерскаго быта; но эту газету выписываютъ бо̀льшею частью тѣ же фельдшера или лица, такъ или иначе причастныя къ медицинѣ; остальная же публика ее совсѣмъ не выписываетъ и едва ли знаетъ о существованіи этого органа печати.

Въ силу всего вышеизложеннаго, пожалуй, могутъ подумать, что или фельдшерскому сословію живется такъ хорошо и вольготно, что оно вполнѣ довольно своею судьбою, или, чего добраго, что фельдшерскаго персонала у насъ въ Россіи почти нѣтъ. На самомъ же дѣлѣ это вовсе не такъ. Во-первыхъ, фельдшерскаго персонала у насъ въ Россіи насчитываютъ болѣе 16 тысячъ человѣкъ, а это ужъ, какъ хотите, цифра такая, которою пренебречь нельзя; во-вторыхъ, фельдшерскому персоналу живется не только не сладко, но подчасъ его положеніе просто безотрадно.

Чтобы не быть голословнымъ, я перейду къ фактамъ. Т. Иваницкій характеризуетъ положеніе фельдшеровъ («Фельдшеръ», 1900 г., № 19) въ кіевской губерніи слѣдующими словами: «Скудное вознагражденіе отъ 180 до 240 р. (въ томъ числѣ и разъѣздные 40 р.) въ годъ заставляетъ жить семейныхъ фельдшеровъ болѣе чѣмъ ограниченно; изъ этихъ денегъ надо нанимать помѣщеніе для себя съ семьею и для амбулаторіи съ аптекой, отопить, освѣтить ее, обзавестись коекакою обстановкою; употребить на разныя непредвидимыя нужды, одѣться, прокормиться всему семейству, а также расходовать и на разъѣзды по участку все изъ этихъ же суммъ. Неблагопріятны условія жизни фельдшера и въ служебномъ отношеніи: нѣтъ никогда опредѣленнаго времени ни для чего, надо постоянно быть готовымъ ко всему...» Г. Каш—скій («Фельдшеръ», № 19, 1901 г.) пишетъ изъ волынской губерніи, между прочимъ, слѣдующее: «Жалованье съ разъѣздными фельдшера получаютъ 14 р. 88 коп. въ мѣсяцъ, квартиры и квартирныхъ денегъ не полагается. Правда, нѣкоторые сострадательные старшины отводятъ маленькія комнатки подъ сельскія аптеки при «холодной», предназначенныя для сторожей, а то разрѣшаютъ жить въ комнатѣ помощника волостного писаря. Такіе фельдшера считаютъ свою жизнь уже хорошею, такъ какъ имъ не приходится отнимать нѣсколько рублей изъ своего скуднаго содержанія на наемъ квартиры; приготовить лѣкарство негдѣ, а о пріемной для больныхъ и говорить нечего: не только

положить больного, но и посадить его не на чемъ, все приходится дѣлать въ одной комнаткѣ, а то и въ половинѣ, такъ какъ другую половину занимаетъ помощникъ писаря. При такихъ условіяхъ работаютъ волынскіе фельдшера. Въ своемъ уѣздѣ,—пишетъ авторъ цитируемой статьи:—я знаю два участка съ довольно хорошими квартирами, а остальные—еще хуже описанныхъ». На нашихъ окраинахъ положеніе фельдшеровъ еще хуже. Въ Забайкальѣ фельдшера получаютъ: младшіе по 4 р. 50 коп., а старшіе пять рублей и на «прочія довольствія» десять рублей, а всего пятнадцать рублей въ мѣсяцъ.

Въ семирѣченской области фельдшера получаютъ жалованья 16 р. 33 коп. въ мѣсяцъ, котораго, особенно семейнымъ фельдшерамъ, не хватаетъ на удовлетвореніе самыхъ насущныхъ потребностей—квартиру, столъ и одежду. Насколько тяжелы условія жизни и дѣятельности медицинскаго персонала въ Сибири, видно изъ слѣдующихъ описаній: «За неимѣніемъ квартиры на Ольханѣ,—пишетъ въ «Сибир. Жизнь» отъ 25-го сентября 1901 г. разъѣздной фельдшеръ г. Рабиновичъ: — я помѣщаюсь въ шалашѣ изъ рогожъ. Аптека помѣщается подъ крышей крылечка часовни, а оградка ея служитъ пріемной и амбулаторіей для больныхъ; тутъ же огонекъ на случай согрѣванія воды для промыванія язвъ и т. д. Но когда подуетъ вѣтеръ съ Байкала, такъ-называемый горный, то всѣ бутылочки моей аптеки превращаются въ предметы одушевленные: все это по крылечку и около него движется, скачетъ, стучитъ, ломается, брякаетъ. Во время дождя фельдшеръ укрывается въ овечьемъ сараѣ!» «Представьте себѣ участокъ длиною въ 250—300 верстъ и нѣсколько десятковъ верстъ ширины. На этомъ участкѣ, на десяткахъ верстъ, разбросаны поселки съ 60—100 жителями... Что могутъ сдѣлать несчастные фельдшера, скитаясь по такой огромной территоріи своего участка, среди непроходимыхъ, первобытныхъ дорогъ?! Уляжешься въ постель — косточки ноютъ, болятъ, отколесивши сотню верстъ, и хочется отъ жизни только лишь сна, только бы уснуть и забыть всѣ невзгоды, но часто и въ этомъ отказываетъ судьба-злодѣйка!.. За что же? О, Боже!.. Но ѣсть нужно, нужно кормить семью... Поднимаешься... и... снова все то же... Бѣдность, голодъ, болѣзни, убійства, вражда... Зачѣмъ же жить, зачѣмъ? Спутники этой жизни—алкоголизмъ, морфинизмъ и всякіе проклятые «измы»,—точно шакалы, подбираютъ по пути эти несчастныя жертвы! Среди непривѣтливой, дикой, суровой природы одно спасеніе для человѣка, примиряющее его съ жестокостью жизни, — это глубокая, чистая вѣра. Въ сибирскихъ городахъ фельдшера совершенно завалены работой, и здѣсь, какъ и вездѣ, положеніе фельдшера не изъ завидныхъ. Работы такъ много, что выполнить ее, какъ бы хотѣлось, лучше—рѣшительно не хватаетъ ни времени, ни силъ... Впереди же ничего не предвидится, а если чего и можно ожидать, то только полнаго истощенія организма черезъ 3—5 лѣтъ подъ вліяніемъ почти непосильнаго труда, а тамъ и близкая смерть отъ какой-либо инфекціонной болѣзни или отъ туберкулёза легкихъ». («Фельдшеръ», № 7, 1902 г.). Какой горечью, какой тоскою вѣетъ отъ этихъ словъ!.. Нѣсколько лучше въ матеріальномъ отношеніи поставлены фельдшера въ земствахъ, на заводахъ и желѣзныхъ дорогахъ, хотя и тамъ большею частью не имѣется квартиръ для фельдшеровъ, и имъ приходится ютиться Богъ знаетъ какъ. На рѣдкомъ фельдшерскомъ пунктѣ содержится прислуга отъ земства, и поневолѣ приходится фельдшеру или самому нанимать прислугу, или, что чаще бываетъ, кто-либо изъ семьи убираетъ амбулаторію. Недостатокъ лѣкарствъ на фельдшерскихъ пунктахъ почти постоянное зло въ фельдшерской дѣятельности: нѣтъ

хуже того положенія, когда больной обращается за помощью, и его нечѣмъ лѣчить.

II.

Кромѣ лишеній и разныхъ невзгодъ, зависящихъ отъ матеріальной необезпеченности фельдшеровъ, имъ еще болѣе приходится страдать нравственно отъ нападокъ, притѣсненій и произвола разныхъ лицъ, начиная любымъ мужикомъ въ деревнѣ и кончая начальникомъ-врачомъ. Нижеприведенные случаи достаточно иллюстрируютъ положеніе и беззащитность фельдшеровъ, живущихъ въ глухихъ мѣстахъ, «гдѣ до царя далеко, а до Бога высоко», гдѣ человѣческія права попираются на каждомъ шагу и гдѣ всецѣло царитъ произволъ. Въ селѣ Верхней-Нердвѣ, соликамскаго уѣзда, пермской губерніи («Фельдшеръ», 1901 г., № 7), служилъ фельдшеръ Федосенко. Какъ человѣкъ честный, онъ первый сталъ подозрѣвать въ убійствѣ незаконнаго ребенка дочь нѣкоего Максима Останина. За его правдивость Федосенко не любили всѣ, начиная писаремъ и волостнымъ старшиною и кончая сельскимъ духовенствомъ, и всѣ точили зубы на Федосенко. Но вотъ въ послѣднихъ числахъ декабря 1900 года Федосенко былъ приглашенъ на вечеръ къ волостному писарю, какъ говоритъ мѣстный сидѣлецъ казенной винной лавки Григорій Никоновъ, «съ цѣлью мщенія». Тамъ, на вечерѣ, несчастнаго Федосенко подпоили, и началась расправа. Первыя оплеухи преподнесъ фельдшеру псаломщикъ, послѣ чего ужъ онъ совмѣстно со старшиною выбросили несчастнаго Федосенко во дворъ изъ сѣней квартиры писаря. Тамъ Федосенко кричалъ, звалъ на помощь, но, понятно, никто не явился на выручку. Когда же онъ попытался убѣжать со двора, несчастнаго поймали, и старшина съ десятскими потащили его въ арестантскую, гдѣ Федосенко умеръ... отъ задушенія, какъ послѣ о томъ ходили упорные слухи. Но хотя всѣ подозрѣвали, что смерть Федосенко произошла неестественнымъ образомъ, однако, виновные въ этомъ преступномъ дѣяніи, кажется, еще и до сихъ поръ не обнаружены, и, мало того, жену покойнаго, оставшуюся безъ всякихъ средствъ къ жизни, всякими мѣрами стѣсняли и, въ концѣ концовъ, выселили ее совсѣмъ изъ села Верхней-Нердвы.

Аналогичный случай, хотя съ менѣе печальными послѣдствіями, былъ съ однимъ фельдшеромъ въ вятской губерніи. Въ качествѣ больного, къ нему явился крестьянинъ. При изслѣдованіи, у него оказался сильный ревматизмъ и лихорадочное состояніе. Фельдшеръ, назначивъ лѣченіе, строго приказалъ сидѣть дома, во избѣжаніе простуды и осложненій. Но крестьянинъ оказался сборщикомъ податей и во время болѣзни получилъ приказъ изъ волостного правленія немедленно отправиться въ свое общество за взыскиваніемъ податей. Фельдшеръ письменно попросилъ волостное правленіе освободить крестьянина отъ исполненія его обязанностей въ виду болѣзни его; но волостной старшина не повѣрилъ письменному заявленію фельдшера и донесъ объ этомъ земскому начальнику. Тотъ вызвалъ къ себѣ больного за двадцать верстъ, оштрафовалъ его на пять рублей и пригрозилъ судомъ за уклоненіе отъ служебныхъ обязанностей. Крестьянинъ, боясь ослушаться начальства, отправился за сборомъ. Но болѣзнь продолжала свое дѣло, и 3-го марта онъ явился опять къ фельдшеру, уже на этотъ разъ съ признаками психическаго разстройства. Не находя возможнымъ пользовать его у себя на пунктѣ, фельдшеръ написалъ волостному правленію о необходимости отправить больного въ земскую больницу, присовокупивъ къ тому же, что больной можетъ быть опасенъ для окружающихъ. Но на это заявленіе фельдшера волостное правленіе не обратило ника-

кого вниманія, и больного не отправили въ больницу. Когда же черезъ нѣсколько дней у больного появились припадки буйства, волостной старшина пришелъ къ фельдшеру за совѣтомъ. Фельдшеръ опять подтвердилъ, что нужно немедленно больного отправить въ больницу. Наконецъ-таки черезъ недѣлю отправили больного въ больницу, а оттуда въ вятскую психіатрическую больницу, гдѣ онъ скоро и умеръ. Боясь отвѣтственности, старшина и волостной писарь стали наговаривать на фельдшера земскому начальнику, результатомъ чего было то, что потребовали отъ уѣздной управы «убрать фельдшера», грозя въ противномъ случаѣ добиться этого черезъ губернатора. И фельдшера уволили безъ всякой вины, не пощадивъ его больной жены и трехъ маленькихъ ребятишекъ, изъ которыхъ одинъ въ скоромъ времени умеръ *съ голоду*. Я могъ бы привести массу случаевъ, гдѣ отъ произвола и самодурства власть имущихъ лицъ приходится страдать бѣднымъ фельдшерамъ, но и сообщенныхъ фактовъ вполнѣ достаточно.

Что касается отношеній врачей къ своимъ помощникамъ-фельдшерамъ, то надо сознаться, что рѣдкій врачъ обращается гуманно съ фельдшеромъ. Многіе врачи прямо-таки не терпятъ фельдшеровъ, не хотятъ видѣть и допустить существованія человѣка въ фельдшерѣ и всячески стараются стереть ихъ съ лица земли. Изъ этой категоріи фактовъ я могу привести исторію похода врача Гиндина на фельдшеровъ ананьевскаго земства. Въ «Одес. Нов.» (отъ 27-го іюня 1901 г.) читаемъ: «Въ ананьевскомъ уѣздѣ врачи пошли походомъ противъ фельдшеровъ, имѣя на своей сторонѣ сочувствіе и поддержку управы. Впрочемъ, не всѣ врачи, а главнымъ образомъ одинъ — именно В. А. Гиндинъ, недавно назначенный на должность завѣдывающаго ананьевской больницей. Уже чуть ли не на третій день послѣ вступленія въ должность г. Гиндина, одинъ фельдшеръ былъ уволенъ, а акушеркѣ С., болѣе 20 лѣтъ прослужившей земству, предложено было убираться куда угодно». Экономка больницы сама подала въ управу заявленіе объ увольненіи, жалуясь на грубое обращеніе съ нею врача. Вскорѣ затѣмъ весь низшій медицинскій персоналъ ананьевской больницы и многіе изъ участковыхъ, человѣкъ двадцать, подали коллективное заявленіе объ увольненіи. Почтенный авторъ заканчиваетъ свою статью слѣдующими словами: «Жизнь фельдшерскаго персонала вѣдь не красна и не такова, чтобы можно было безъ риска оставлять службу: всѣ ушедшіе, что называется, гроша за душой не имѣли, а между тѣмъ ушли... ушли «въ пространство», не зная, будетъ ли у нихъ завтра что-либо для утоленія голода».

Корреспондентъ «Сѣв. Края» разсказываетъ слѣдующее: «Въ теченіе многихъ лѣтъ почти никто изъ медицинскаго персонала фабрики товарищества новой льняной мануфактуры въ Костромѣ не уходилъ. Всѣ дружно работали. Но вотъ пришла врачъ г-жа Радванская, и всѣ стали уходить... Въ теченіе одной недѣли три лица изъ медицинскаго персонала на фабрикѣ подали заявленіе объ оставленіи службы: акушерки Башкирова, Соколова и Троицкая. А. Ф. Башкирова служитъ при фабричной больницѣ уже 12 лѣтъ. За этотъ періодъ времени она сумѣла пріобрѣсти любовь, а главное, довѣріе къ себѣ фабричнаго люда. Стóитъ побывать въ пріемные дни въ больницѣ, чтобы видѣть, къ кому именно больше всего идутъ на осмотръ больныя женщины... Г-жа Башкирова простотой обращенія какъ бы привораживала къ себѣ больныхъ, а это послѣднее, т. е. сердечное отношеніе къ «третьестепеннымъ», кажется, и погубило ее. А жаль! Она по первому зову, будь то глухая ночь, спѣшила на помощь больной роженицѣ! Г-жа Соколова, поступившая въ больницу пять лѣтъ назадъ и фигурировавшая въ качествѣ свидѣтельницы по дѣлу г-жи

Радванской, обвинявшейся по 1522 ст. улож. о наказ., т. е. въ отказѣ подать медицинскую помощь, на-дняхъ подала заявленіе объ оставленіи службы; но г-жа Соколова, къ слову сказать, оставшаяся теперь съ сыномъ-гимназистомъ почти безъ всякихъ средствъ къ существованію, и не скрываетъ, что она уходитъ изъ-за недоразумѣній съ женщиной-врачомъ, такъ какъ въ заявленіи своемъ объ оставленіи службы она прямо сказала, что «по невозможности служить съ врачомъ Радванской, принуждена уйти, къ крайнему моему сожалѣнію». Г-жа Троицкая, недавно приглашенная г-жою Радванскою на мѣсто отказавшейся г-жи Завадской, тоже уходитъ. По слухамъ, пріискиваетъ болѣе подходящее мѣсто еще одно близкое къ медицинскому персоналу лицо. А сколько за послѣдніе три года сидѣлокъ перемѣнилось!.. Какъ видите, всѣ уходятъ, уходятъ и уходятъ!..»

Кромѣ такихъ единичныхъ случаевъ нападокъ врачей на фельдшеровъ, даже и на разныхъ съѣздахъ врачей, какъ въ провинціальныхъ городахъ, такъ и столичныхъ, нерѣдко фельдшеровъ называютъ зломъ, и при томъ зломъ большимъ, съ которымъ нужно бороться не только врачамъ, но чуть ли не всѣмъ россійскимъ гражданамъ. Противники фельдшеровъ указываютъ постоянно на отрицательныя стороны дѣятельности нѣкоторыхъ фельдшеровъ и совсѣмъ забываютъ, какую громадную пользу въ общемъ приносятъ эти труженики деревенскому страждущему населенію Россіи. Они совсѣмъ забываютъ, что Россія, вслѣдствіе своей обширности и недостатка врачей, вынуждена пользоваться услугами фельдшеровъ. Статистическія данныя показываютъ, что въ 1899 году въ Россіи насчитывалось 12.482 врача, изъ которыхъ въ городахъ жило 9.422 и только 3.060 въ деревняхъ, т. е. менѣе $^1/_4$, при чемъ въ городахъ на одного врача приходится 1.700 человѣкъ, а въ деревнѣ 36.000. Для деревень нужно еще 62.000 врачей, чтобы сравнять ихъ съ городами въ отношеніи врачебной помощи. Можно заранѣе сказать, что трудно даже предвидѣть, когда этотъ комплектъ врачей пополнится и когда все наше деревенское населеніе будетъ пользоваться врачебною помощью!

III.

Пока же наступитъ такая счастливая пора, намъ приходится только и слышать, какъ со всѣхъ концовъ Россіи несутся горькія жалобы на недостатокъ или полное отсутствіе медицинской помощи. Недостатокъ медицинской помощи ощущается вездѣ, какъ въ центральныхъ губерніяхъ, такъ и на окраинахъ. По всему пространству необъятной нашей матушки-Россіи свободно разгуливаютъ разныя эпидемическія заболѣванія, которыя ежегодно уносятъ десятки тысячъ жертвъ, не видѣвшихъ, быть-можетъ, не только врача, но и фельдшера! Сельская медицина, въ лицѣ немногочисленныхъ врачей, совершенно безсильна придти на помощь всѣмъ нуждающимся, потому что физически невозможно пользовать такое количество больныхъ, какое приходится на каждаго лѣкаря.

Если же принять во вниманіе скверные пути сообщенія, изъ-за которыхъ, при всемъ желаніи, ѣхать къ больному подчасъ невозможно, то станетъ понятно, какъ безпомощны бываютъ больные въ тайгахъ, степяхъ и тундрахъ. Въ газету «Енисей» (1899 г. № 78) изъ Олекминска пишутъ: «Въ нѣкоторыхъ селахъ здѣшняго округа появилась болѣзнь—скарлатина. Населеніе находится почти въ безпомощномъ положеніи, благодаря отсутствію достаточной медицинской помощи на мѣстѣ. Предполагается, что имѣющаяся въ Олекминскѣ казенная больница должна удовлетворять нуждамъ крестьянскаго населенія въ этомъ отношеніи; однако, такое предположеніе далеко не оправдывается дѣйствительностью. Проѣхать двѣсти верстъ до города, по здѣшнимъ ужаснымъ дорогамъ, не только больному, но и здоровому, въ весеннюю

распутицу, не подъ силу, да и мужикамъ близлежащихъ подъ городомъ деревень не всегда бываетъ удобно и возможно ѣхать въ городскую казенную больницу, къ тому же весьма ограниченную по размѣрамъ и по числу работающаго въ ней медицинскаго персонала. Необходимость врачебной помощи на мѣстѣ, по селамъ и деревнямъ, сильнѣе всего сказывается въ весеннее время, когда особенно развиваются здѣсь эпидемическія заболѣванія. Почти вполнѣ предоставленное самому себѣ — такъ какъ нельзя же въ серьезъ считать помощью одного врача на громадный по пространству и населенію округъ,—населеніе округа лѣчится своими, подчасъ далеко не безопасными средствами». Въ «Восточномъ Обозрѣніи» (1898 г. № 152) читаемъ: «Организація врачебной помощи составляетъ въ Киренскѣ, какъ вездѣ въ Сибири и во многихъ мѣстностяхъ Россіи, слабый пунктъ. На весь округъ, занимающій площадь въ 359.798,2 кв. верстъ съ 46.154 жителями, имѣется всего одинъ врачъ. Въ городѣ нѣтъ даже болѣе или менѣе сносной больницы; такъ-называемая гражданская больница — при ней же аптека — занимаетъ временное помѣщеніе въ центрѣ города, арендуемое думою отъ одного изъ здѣшнихъ обывателей. Ею же пользуются арестанты. При больницѣ состоитъ 1 фельдшеръ, онъ же и аптекарь,—и немудрено, что самъ онъ не можетъ справиться со всѣми возложенными на него обязанностями. Самые распространенные недуги— сифилисъ, глазныя болѣзни и алкоголизмъ. Весною почти каждый годъ свирѣпствуютъ среди дѣтей заразныя болѣзни, въ особенности скарлатина, и смерть собираетъ обильную жатву: въ нѣкоторыхъ семьяхъ вымираютъ поголовно всѣ дѣти. При отсутствіи врачебной помощи и существующихъ общихъ условіяхъ жизни это отнюдь не удивительно».

Изъ села Пелыма, Туринскаго округа, пишутъ въ «Сибирск. Жизнь» (1898 г. № 266), что пелымскій врачъ живетъ въ Туринскѣ за 300 (!) верстъ отъ Пелыма. Разумѣется, если «обыватель» заболѣетъ насморкомъ или занозитъ себѣ руку, то онъ не обратится къ врачу даже въ томъ случаѣ, если послѣдній будетъ жить у него «подъ носомъ»; но если онъ заболѣетъ чѣмъ-либо «посерьезнѣе», то ужъ, конечно, не поѣдетъ, буде даже пожелаетъ, за 300 верстъ къ доктору по тѣмъ простымъ соображеніямъ, на которыхъ мы, по ихъ очевидности, считаемъ совершенно лишнимъ останавливаться». «Въ кокчетавскомъ уѣздѣ,—пишутъ въ «Биржж. Вѣдом.» 1899 г., № 11.—немногіе врачи, проживающіе въ г. Кокчетавѣ, должны оказывать врачебную помощь жителямъ всѣхъ поселковъ кокчетавскаго уѣзда, разбросанныхъ на площади въ нѣсколько тысячъ кв. верстъ. На обязанности ихъ же лежитъ медицинская помощь жителямъ нѣсколькихъ десятковъ деревень и больница самого города». Совершенно такъ же, по словамъ «Вост. Обозр.» (1899 г. № 75), обстоитъ дѣло въ Нижней Тунгускѣ: «Участковому врачу положительно нѣтъ физической возможности оказывать врачебную помощь многимъ и многимъ больнымъ своего участка, раскинутаго нерѣдко на 500 верстъ. Въ продолженіе года онъ успѣетъ два, рѣдко три, раза объѣхать свой участокъ, побывать въ каждомъ селеніи часъ времени, осмотрѣть больныхъ, среди которыхъ большинство окажется съ застарѣлыми болѣзнями, требующими упорнаго и продолжительнаго лѣченія, дастъ больному лѣкарство и спѣшитъ опять въ другое мѣсто или домой, такъ какъ и дома есть дѣла, не терпящія отлагательства. Тѣ лѣкарства, которыми онъ снабдилъ больныхъ при объѣздахъ селеній, будутъ испробованы больными; если они не окажутъ немедленно облегченія, будутъ, конечно, лежать на божничкѣ неопредѣленное время, пока по просьбѣ больного не посѣтитъ нашъ доморощенный лѣкарь и, убѣдившись въ его непригодности, выброситъ въ такое мѣсто, гдѣ бы и ку-

рица не клюнула». Въ деревнѣ Пинчугской, Енисейской области, уже восемь лѣтъ свирѣпствуетъ тифъ. Главная причина его—постоянное недоѣданіе. Молодой врачъ только-что назначенъ туда, но что онъ можетъ сдѣлать одинъ на Ангарскій край, живя въ селѣ Богучанскомъ, когда по одной рѣкѣ Чунѣ его участокъ простирается на 700 верстъ?

Плохо организована медицинская помощь и въ Европейской Россіи. Въ «Южанинѣ» (1899 г. № 60) читаемъ: «Мы указывали уже на примѣръ ѳеодосійскаго земства, гдѣ площадь нѣкоторыхъ медицинскихъ участковъ достигаетъ полуторы тысячи квадратныхъ верстъ, при одномъ врачѣ и двухъ-трехъ фельдшерахъ; теперь можемъ отмѣтить любопытныя цифровыя данныя о положеніи врачебнаго дѣла въ мелитопольскомъ уѣздѣ. Здѣсь на всю площадь уѣзда въ 12.383 кв. версты, съ населеніемъ въ 384.285 душъ, насчитывается 14 врачебныхъ участковъ. Иначе говоря, одинъ врачъ приходится на 800 кв. верстъ и 27.448 душъ жителей, одинъ фельдшеръ на 300 кв. верстъ и 9.373 души населенія, одна лѣчебница на 1.423 кв. верстъ и 58.053 души населенія и одна кровать на 108 кв. верстъ и 3.660 душъ населенія. Необходимо замѣтить, что, сравнительно съ другими крымскими уѣздами таврической губерніи, мелитопольскій уѣздъ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ». Корреспондентъ «Волжскаго Вѣстника» (1899 г. № 124) сообщаетъ изъ спасскаго уѣзда, казанской губерніи: «Село Юхмачи въ настоящее время лишено медицинской помощи, потому что единственный здѣшній фельдшеръ уволенъ, а его мѣсто до сего времени еще никѣмъ не занято. Между тѣмъ, юхмачамъ оставаться безъ медицинской помощи положительно немыслимо, такъ какъ село это базарное, и, въ виду нахожденія пріемнаго покоя, больныхъ всегда, въ особенности въ базарные дни, является очень много. Кромѣ этого, мѣстность болотистая, и весна каждый годъ здѣсь приноситъ массу всевозможныхъ болѣзней. Тифъ данный край почти не покидаетъ, лихорадка мучаетъ населеніе постоянно, а въ весеннее время и особенно; къ тому же еще господствуетъ оспа, принимающая иногда громадные размѣры. Если прибавить къ этому всевозможныя болѣзни дѣтей, то, поистинѣ, въ очень и очень незавидномъ положеніи окажется населеніе Юхмачей, и не только одного села, но и всего вообще здѣшняго края, составляющаго участокъ фельдшера — участокъ изъ пятнадцати почти большихъ селеній».

Въ «Биржевыя Вѣдомости» (1899 г. № 175) сообщаютъ изъ острогожскаго уѣзда, воронежской губ.: «Печальная въ медицинскомъ отношеніи участь участка по настоящее время нисколько не измѣнилась... Правда, съ 15-го мая по 15-е іюня въ участковую больницу былъ командированъ земствомъ студентъ, а разъ въ недѣлю наѣзжаетъ туда же врачъ сосѣдняго участка. Но ни то, ни другое не могло удовлетворять запросамъ и нуждамъ населенія до 80.000 душъ. Не покинувшій еще школьной скамейки студентъ, ясное дѣло, не могъ пользоваться среди населенія авторитетомъ, а навѣщающій разъ въ недѣлю врачъ едва ли можетъ слѣдить, какъ должно, за ходомъ болѣзней своихъ «добавочныхъ паціентовъ». Любопытно то, что все это происходитъ въ земскихъ губерніяхъ, гдѣ вопросъ о народномъ здравіи поставленъ чуть ли не на первомъ планѣ. Въ юго-западномъ и сѣверо-западномъ краяхъ во многихъ мѣстахъ медицинская помощь также отсутствуетъ. Изъ м. Купинъ (каменецкаго уѣзда, под. губ.) пишутъ въ той же газетѣ: «Въ мѣстечкѣ свирѣпствуетъ въ настоящее время скарлатина, безпощадно уносящая ежедневно новыя и новыя жертвы. Между тѣмъ медицинскій персоналъ въ мѣстечкѣ состоитъ главнымъ образомъ изъ двухъ-трехъ цирульниковъ, умѣло пользующихся несчастнымъ положеніемъ согражданъ. За посѣщеніе и лѣченіе боль-

ного они требуютъ по 1 рублю и больше, и, за неимѣніемъ въ мѣстечкѣ врача, обыватели поневолѣ должны подчиняться ихъ требованіямъ. Въ цѣломъ рядѣ приходовъ и поселеній (числомъ до 15) ольгопольскаго и ямпольскаго уѣздовъ, подол. г., свирѣпствуютъ дѣтскія эпидемическія болѣзни, принявшія, по сообщеніямъ мѣстныхъ уѣздныхъ наблюдателей, настолько широкое и повальное развитіе, что большинство школъ этихъ уѣздовъ пришлось закрыть». Читатель можетъ подумать, что приведенные мною здѣсь случаи медицинской безпомощности были нѣсколько лѣтъ тому назадъ—и что теперь, быть-можетъ, медицинская помощь обставлена лучше? На этотъ вопросъ можетъ отвѣтить слѣдующее недавнее официальное заявленіе казанской губернской управы: «Въ послѣднее время нѣкоторыя уѣздныя управы просили губернскую управу о командированіи въ уѣзды фельдшеровъ для борьбы съ цынгой. На это губернская управа разъясняетъ уѣзднымъ, что свободныхъ фельдшеровъ со школьнымъ образованіемъ, а также фельдшерицъ положительно нѣтъ. Губернская управа доселѣ командировала или ротныхъ фельдшеровъ (но теперь и такихъ фельдшеровъ въ виду уже не имѣется), или лицъ, не имѣющихъ фельдшерскаго званія, но практикой пріобрѣвшихъ знанія для исполненія фельдшерскихъ обязанностей. Что касается приглашенія студентовъ-медиковъ III-го курса для исполненія фельдшерскихъ обязанностей, то они изъявляютъ согласіе принять участіе въ борьбѣ съ цынгой, но не ранѣе половины апрѣля (въ виду учебныхъ занятій)». «Волжскій Вѣстникъ» (№ 58, 1902 г.).

IV.

Но, несмотря на всѣ эти горькія жалобы о медицинской необезпеченности, раздающіяся въ одинаковой мѣрѣ какъ изъ культурныхъ нашихъ губерній, такъ и изъ некультурной Сибири, фельдшерофобы съ поразительною хладнокровностью и полнымъ непониманіемъ истинныхъ нуждъ народнаго здравія составляютъ проекты объ уничтоженіи самостоятельнаго персонала фельдшеровъ и замѣнѣ ихъ врачами, доказывая, что врачебная помощь лучше фельдшерской. Конечно, никто не станетъ спорить, что совѣтъ врача стоитъ качествомъ выше совѣта фельдшера, точно такъ же, какъ совѣтъ профессора-клинициста долженъ быть выше качествомъ обыкновеннаго врача; однако, никому и въ голову не приходитъ предложить замѣнить всѣхъ врачей профессорами, какъ то предлагается по отношенію къ фельдшерамъ. Понятное дѣло, что было бы очень отрадно, если бъ каждый деревенскій обыватель могъ бы безпрепятственно пользоваться услугами врача, но гдѣ взять недостающихъ 62.000 врачей?

Пока же въ Россіи нѣтъ нужнаго количества врачей, до тѣхъ поръ нельзя и думать объ упраздненіи фельдшеровъ, а когда настанетъ та счастливая пора, фельдшера сами собой исчезнутъ. На дѣлѣ мы видимъ, что фельдшера, получившіе образованіе въ фельдшерскихъ школахъ, прекрасно справляются со своимъ дѣломъ въ земствахъ даже на самостоятельныхъ пунктахъ, и что не одинъ десятокъ тысячъ больныхъ пользуется ихъ услугами. Вѣдь всѣмъ извѣстно, хотя многими это умалчивается, что фельдшера въ настоящее время являются единственными врачевателями въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ врачей и гдѣ имъ приходится работать на свой рискъ и страхъ почти самостоятельно. Несомнѣнно, что еще далеко то время, когда въ каждомъ селѣ или деревнѣ нашего обширнаго отечества будетъ находиться врачъ, и населеніе поголовно станетъ пользоваться врачебною помощью. Еще позже настанетъ пора, когда врачи сумѣютъ и станутъ обходиться безъ какихъ-либо помощниковъ совсѣмъ. Кому изъ насъ не извѣстно, что вся такъ-называемая черная больничная работа, какъ уходъ за больными, электризація, массажъ, приготовленіе инструментовъ и перевязочнаго

матеріала, перевязки, писаніе рецептовъ и приготовленіе лѣкарствъ — все это лежитъ на обязанности помощниковъ врачей? Врачи же большею частью «назначаютъ», «предписываютъ» и первые пользуются всегда трудами своихъ помощниковъ. Не безызвѣстно также, что часто, за отъѣздомъ врача въ свой участокъ или за уходомъ его совсѣмъ со службы, фельдшеру приходится временно, а иногда и довольно долго завѣдывать больницей и иногда еще участкомъ. Часто же врачъ настолько занятъ стаціонарными больными, что, при всемъ желаніи своемъ ѣхать въ участокъ по вызову больныхъ, не можетъ отлучиться и поневолѣ вынужденъ послать вмѣсто себя фельдшера.

Кромѣ того, врачъ часто имѣетъ громадный, по народонаселенію или по протяженію, участокъ, такъ, что ему буквально бываетъ не подъ силу отвѣчать на всѣ вызовы больныхъ своего участка, почему является необходимость посылать вмѣсто себя фельдшера. Изъ всего вышеизложеннаго очевидно, что, при существующей организаціи медицины у насъ въ Россіи, фельдшера необходимы, и съ уничтоженіемъ института фельдшеровъ безотрадное положеніе подачи медицинской помощи въ деревняхъ еще усугубится. Если же это такъ, то не лучше ли будетъ расширить программу существующихъ фельдшерскихъ школъ, чтобы дать фельдшерамъ тѣмъ возможность больше приносить пользы, а для освѣженія знаній по медицинѣ командировать ихъ въ клиники или болѣе устроенныя губернскія больницы. Кромѣ того, необходимою потребностью является открытіе возможно большаго количества фельдшерскихъ школъ. Болѣе удовлетворительная постановка медицины въ деревняхъ и селахъ могла бы послужить лучшимъ средствомъ противъ развитія тамъ разнаго рода колдовства, знахарства, которыя, быть-можетъ, единственно и поддерживаются вслѣдствіе отсутствія болѣе или менѣе раціональной медицинской помощи среди крестьянъ. За неимѣніемъ врача или фельдшера мужикъ обращается и къ знахарю, и къ колдуну, зачастую заранѣе зная, что эти послѣдніе не принесутъ ему никакой пользы, но что̀ дѣлать — «утопающій и за соломинку хватается!..» Мы видимъ и теперь, что тамъ, гдѣ имѣется врачъ или фельдшеръ, населеніе охотно обращается къ нимъ за помощью и очень рѣдко прибѣгаетъ къ помощи знахарей.

Вмѣстѣ съ лучшей постановкой медицины въ деревняхъ и расширеніемъ программы фельдшерскихъ школъ нужно расширить также и права фельдшеровъ, т. е. предоставить имъ право писать нѣкоторые рецепты, а аптекамъ дозволить отпускать по этимъ рецептамъ лѣкарства. Получивъ разрѣшеніе прописывать лѣкарства и получать ихъ по своимъ рецептамъ изъ аптекъ, фельдшера могли бы выйти изъ настоящаго затруднительнаго своего положенія: помогать и оказывать медицинское пособіе — имъ обязательно нужно, какъ гласятъ о томъ статьи закона, а лѣчить больныхъ, къ которымъ фельдшера должны явиться по первому зову, имъ закономъ запрещено. Очевидно, что этотъ вопросъ требуетъ разъясненія. Говоря объ улучшеніи положенія фельдшерскаго персонала, нельзя не упомянуть о желательности улучшенія участи вдовъ и сиротъ, оставшихся послѣ смерти фельдшеровъ во время эпидемій, назначеніемъ имъ пенсіи или единовременнаго пособія.

Домикъ съ геранью.

Очеркъ **Г. фонъ-Болье.**

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я ѣздила каждое воскресенье изъ Амстердама въ Ларенъ. Это мѣстечко, окрещенное «деревней художниковъ»,—одинъ изъ оригинальнѣйшихъ уголковъ земли. Со временъ Мова, недавно умершаго нидерландскаго художника, который жилъ тамъ въ одномъ изъ крестьянскихъ домовъ, Ларенъ пользуется міровой извѣстностью.

Съ перваго взгляда голландскій пейзажъ (какъ и окрестности Ларена)—нѣчто крайне однообразное: обширныя низменности, зеленыя поля, прорѣзанныя каналами, вѣтряныя мельницы, тихо шевелящія крыльями. Но у самаго Ларена мѣстность принимаетъ нѣсколько иной характеръ: въ Голландіи, этой вошедшей въ поговорку «мокрой странѣ», Ларенъ представляетъ собою сухой оазисъ. Здѣсь встрѣчаются сосновые лѣса и ярко-желтыя песчаныя пространства.

Мовъ съ особенной любовью изображалъ въ своихъ картинахъ стада овецъ въ пустынной равнинѣ, подъ низко нависшимъ, покрытымъ тяжелыми облаками небомъ. Благодаря нѣжному, туманно-сѣрому тону и молчаливой пустынности пейзажа, его картины заставляютъ зрителя испытывать мирное, созерцательное настроеніе, которое кажется особенно привлекательнымъ въ сравненіи съ современной суетой и сутолокой.

Деревня Ларенъ состоитъ всего изъ одной улицы. Ея дома расположены между фруктовыми садами, благоухающими стогами сѣна и огородами, въ которыхъ большіе подсолнечники тихо и гордо раскрываютъ свои огненные цвѣты. Дома здѣсь—еще настоящіе деревенскіе дома, и глазъ художника сіяетъ отъ восторга, когда увидитъ ихъ. Внутри каждаго дома имѣется обширное помѣщеніе, служащее одновременно и кухней, и жилою комнатою. На стѣнахъ, покрытыхъ свѣтло-голубыми изразцами, старыя, прадѣдовскія тарелки чередуются съ яркими изображеніями святыхъ: жители Ларена, по большей части, католики. То здѣсь, то тамъ на стѣнѣ видна бѣлая занавѣска: она прикрываетъ собою «bedsteel», т. е. сдѣланную въ стѣнѣ нишу, служащую спальней. Такія «bedsteels», изображающія изъ себя что-то въ родѣ корабельныхъ коекъ, встрѣчаются въ деревняхъ во всей Голландіи и указываютъ на то, что народъ, привыкшій къ мореплаванію, сохраняетъ свои морскія привычки и на твердой землѣ. Эти душныя, но зато ослѣпительно чистыя «спальныя мѣста» чрезвычайно походятъ на ящики стѣнного шкапа. Голландцы находятъ ихъ очень удобными и уютными.

Примыкающій къ дому хлѣвъ также составляетъ часть жилого помѣщенія, такъ какъ коровы все лѣто остаются на лугахъ. Здѣсь, надъ временнымъ очагомъ, виситъ на большомъ желѣзномъ крюкѣ мѣдный котелъ, и все это представляетъ чрезвычайно живописную картину, особенно въ ту пору, когда крестьянка—хозяйка дома, въ своемъ кружевномъ чепчикѣ, который такъ идетъ къ ней, готовитъ тутъ обѣдъ.

Съ художниками крестьяне обходятся со

свойственнымъ имъ нѣкоторымъ лукавствомъ. Крестьянамъ кажется страннымъ, что все то, что сами они находятъ отвратительнымъ,—у «schilders» и «schilderesses» считается за прекрасное, а все старое и ненужное—за самое желанное. Но удивительные господа приносятъ крестьянамъ съ собою блестящіе гульдены, и это, по мнѣнію ларенскихъ обывателей, служитъ совершенно достаточнымъ основаніемъ, чтобы уважать всѣ причуды художниковъ. Къ тому же, мѣстные крестьяне, какъ и всѣ вообще голландцы, имѣютъ тонкое чувство красокъ и расписываютъ въ своихъ домахъ рамы оконъ и косяки дверей очень живописными, хотя нерѣдко слишкомъ смѣлыми сочетаніями тоновъ.

Изъ нѣмецкихъ художниковъ въ Ларенѣ много работалъ извѣстный Либерманъ. И если ему когда-нибудь попадутся на глаза эти строки, то онъ, навѣрное, вспомнитъ о нашемъ совмѣстномъ путешествіи къ «домику съ геранью», которымъ онъ однажды воспользовался, какъ сюжетомъ, для одной изъ своихъ картинъ. Мы тогда пришли въ восторгъ и отъ живописнаго домика, и отъ двухъ хорошенькихъ крестьянокъ, которыя жили въ немъ со своимъ братомъ-садовникомъ. И Маленъ тогда же рѣшила поселиться у нихъ на всю зиму въ качествѣ жилички.

Однако, я еще не сказала, кто такая Маленъ. Это — молодая голландская художница. Предъ тѣмъ, какъ устроиться на жительство въ «домикѣ съ геранью», она прожила нѣсколько недѣль въ единственномъ ларенскомъ «пансіонѣ» для пріѣзжихъ иностранцевъ, и ей тамъ не понравилось. Тамъ все кишѣло американцами, англичанами, французами. Много болтали и мало работали. Въ самомъ дѣлѣ, эти господа думаютъ, что достаточно, просто, пожить въ Ларенѣ, чтобы усвоить себѣ настроеніе и колоритъ Мова. А покуда это снизойдетъ на нихъ, мужчины и дамы развлекаются такъ усердно, какъ только могутъ. Среди простыхъ крестьянскихъ домовъ этотъ пансіонъ былъ какъ бы клочокъ другого міра, клочокъ рафинированной культуры съ ея преимуществами и недостатками.

Маленъ тотчасъ же заключила дружбу съ хозяйками «домика» и рѣшила на той же недѣлѣ переселиться къ нимъ.

Я оставила ее вечеромъ этого воскресенья возбужденной и радостной. Ей было пріятно думать, что она освободится отъ флирта и болтовни пріѣзжихъ иностранцевъ, которые была такъ мало симпатична ея замкнутой натурѣ. Она проводила меня до станціи желѣзной дороги и распрощалась со мною съ бурной нѣжностью. Впрочемъ, эта нѣжность относилась, собственно говоря, не ко мнѣ, но къ мысли, что Маленъ въ скоромъ времени поселится въ восхитительномъ «домикѣ съ геранью» и будетъ тамъ жить свободной и счастливой.

Я словно сейчасъ вижу ее предъ собою въ полумглѣ лѣтняго вечера. Въ своемъ свѣтломъ лѣтнемъ платьѣ она стояла на маленькой, осѣненной деревьями, площадкѣ, гдѣ останавливались поѣзда. Между стволами деревьевъ виднѣлась ея стройная фигура, тонкая и высокая, словно елочка, но уже вполнѣ сформировавшаяся. Я словно сейчасъ вижу ея благородное, полное внутренной жизни лицо, ея ясные глаза, ея страстно раскрывшіяся губы. И я знала тогда, что эта страсть, не касаясь ни одного мужчины во всемъ мірѣ, относилась лишь къ искусству и къ красотѣ, которая съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе открывалась ей въ природѣ. Природу Маленъ любила страстно. Она пылала къ ней такою же нѣжной любовью, какою пылаетъ юноша къ любимой имъ дѣвушкѣ.

— Боже меня сохрани влюбиться! — еще тогда же сказала она мнѣ. — Я не имѣю времени для этого. Я хотѣла бы посвятить всю себя только одному искусству, а оно желаетъ имѣть всего человѣка и должно его имѣть!

Подъ гулъ поѣзда, во время долгаго пути въ Амстердамъ по широкимъ прорѣзаннымъ каналами луговымъ пространствамъ, я все время думала о моей юной пріятельницѣ.

Маленъ была рѣдкая и своеобразная дѣвушка. Рано осиротѣвъ, она осталась совершенно одинокой. Рента отъ небольшого капитала доставляла ей полную независимость отъ матеріальныхъ заботъ, тѣмъ болѣе, что Маленъ имѣла очень ограниченныя потребности. Я познакомилась съ ней въ амстердамскомъ «музеѣ», гдѣ мы вмѣстѣ изучали многочисленныя въ этомъ музеѣ картины Рембрандта. Въ просторномъ залѣ было такъ мирно, такъ тихо, въ противоположность шумной уличной жизни Амстердама—и я всегда тамъ отдыхала и только тамъ чувствовала себя вполнѣ хорошо и совершенно какъ дома.

Въ день нашего знакомства мы такъ увлеклись съ Маленъ работой, что оторвались отъ нея только тогда, когда служитель музея сталъ уже позвякивать своими ключами, давая намъ знать этимъ деликатнымъ звукомъ, что намъ пора уходить. Съ невольнымъ вздохомъ поднялись мы обѣ съ нашихъ мѣстъ — подруги по судьбѣ, изгонявшей насъ изъ рая созерцательныхъ наслажденій.

Судьба соединила насъ и далѣе: вмѣстѣ получили мы въ гардеробѣ наши зонтики, вмѣстѣ вышли на улицу, а позднѣе вмѣстѣ и пообѣдали у Краснопольскаго.

Я узнала, что Маленъ изъ робости не рѣшалась идти въ ресторанъ и обыкновенно удовлетворялась чашкой шоколада или молока въ одной изъ чистенькихъ амстердамскихъ молочныхъ лавочекъ.

— Да вѣдь этого мало! — увѣщевала я ее.—Вы много работаете, утомляетесь и должны питаться, какъ слѣдуетъ!

— Одной идти въ ресторанъ какъ-то неловко, — отвѣтила она, покраснѣвъ: — а у моей квартирной хозяйки кормятъ невкусно. Я, видите ли, живу, именно, въ меблированной комнатѣ: пансіоны, съ ихъ многочисленными равнодушными людьми мнѣ противны!

— Пойдемте со мной! — предложила я. — Я иду сегодня къ «Красу» (такъ амстердамцы зовутъ ресторанъ Краснопольскаго, одинъ изъ лучшихъ городскихъ ресторановъ).

— Если вы мнѣ разрѣшите, я буду вамъ очень благодарна.

Такъ завязалось и окрѣпло наше знакомство. Мы стали посѣщать другъ друга и иногда вечеромъ отправлялись вмѣстѣ въ театръ. Поэтому я совершенно осиротѣла, и мнѣ стало очень грустно, когда Маленъ уѣхала въ Ларенъ.

Удивительно, въ самомъ дѣлѣ, какъ привязалась я къ этой дѣвушкѣ! Другимъ, наоборотъ, она далеко не казалась привлекательной. «Пожалуй, у нея красивое лицо, — обыкновенно говорили о ней:—но лицо слишкомъ гордое и самонадѣянное. Черты, правда, гармоничныя, но черезчуръ холодныя и безжизненныя!..»

Люди, такъ говорившіе, не видали Маленъ въ тѣ мгновенія, когда что-нибудь приводило ее въ восхищеніе. Тогда вокругъ ея тонко-очерченнаго рта порхала милая, одной ей свойственная улыбка. Мнѣ казалось, что если бъ лилія вздумала улыбнуться, то улыбнулась бы именно такъ.

И я была твердо увѣрена, что у Маленъ, какъ это часто бываетъ у многихъ, холодныхъ по внѣшности, людей, въ глубинѣ сердца скрыта сильная страсть, которая ждетъ лишь голоса пробужденія, чтобы сразу вырваться наружу.

Прошло нѣсколько недѣль. Я не могла выѣхать въ урочные воскресные дни въ Ларенъ и поэтому не видала Маленъ, такъ какъ она, съ своей стороны, ни разу не являлась въ Амстердамъ съ тѣхъ поръ, какъ поселилась въ деревнѣ. Даже ея возлюбленные рембрандты не могли

заманить ее въ городъ. Наконецъ, мое желаніе увидѣть Маленъ стало слишкомъ велико. Я оставила свои работы и въ одно воскресное утро собралась-таки проѣхаться въ «деревню художниковъ».

Чтобы не было слишкомъ жарко ѣхать, я встала очень рано. Даже конка, которая въ Амстердамѣ начинаетъ ходить съ восьми часовъ утра, еще бездѣйствовала, и я должна была идти пѣшкомъ до Weesperpoort, гдѣ находится станція желѣзной дороги. Утро было удивительное, и дорогой мнѣ встрѣтилось уже много разряженныхъ по-праздничному людей. Я прошла мимо музея и съ особой любовью поглядѣла на окна нижняго этажа. Тамъ я познакомилась съ Маленъ — и если та комната музея была для меня пріятна и прежде, то теперь она стала мнѣ вдвое милѣе.

У Weesperpoort стоялъ поѣздъ, уже совсѣмъ готовый къ отходу. Въ вагонахъ сидѣли веселые, словоохотливые горожане. Насколько чопорны и натянуты знатные люди въ Голландіи, настолько простодушно-веселъ, болтливъ и общителенъ простой народъ. Это же доказываютъ и картины изъ крестьянской жизни, принадлежащія кисти великихъ старыхъ голландскихъ художниковъ.

Среди этой веселой и простой публики невольно обращалъ на себя вниманіе одинъ господинъ, выглядѣвшій аристократомъ. Онъ имѣлъ сухощавое, тонкое лицо съ заостренной черной бородой, съ блестящими темными глазами и ярко-красными губами. Его костюмъ заставлялъ предполагать въ немъ художника: онъ былъ въ просторномъ бархатномъ пиджакѣ, свободно завязанномъ галстукѣ и свѣтлой войлочной шляпѣ на бекрень.

Такъ какъ окрестности, по которымъ уже катился нашъ поѣздъ, не представляли для меня ничего новаго, то я стала разсматривать этого интереснаго, хотя и антипатичнаго на мой взглядъ, незнакомца, и невольно спрашивала себя, могъ ли быть этотъ человѣкъ опасенъ для дѣвушки?

— Сударыня, вы говорите по-французски? — вдругъ промолвилъ онъ любезнымъ тономъ, обращаясь ко мнѣ.

— Да!

— Я, къ сожалѣнію, не говорю по-голландски. Могу я говорить по-французски?

Я отвѣтила утвердительно.

— Дѣло въ томъ, сударыня, что я вижу отсюда нѣкое чудо и желалъ бы попросить у васъ объясненія, такъ какъ вы знаете эту страну и вашу поѣздку совершаете уже не въ первый разъ.

Я посмотрѣла на него съ изумленіемъ. Откуда онъ это зналъ?

— Да! — продолжалъ онъ. — Это сразу замѣтно по тому взгляду собственника, который вы бросаете на окрестный пейзажъ. Вы смотрите на него съ такимъ выраженіемъ, какъ будто бы желали сказать: «Ты принадлежишь мнѣ, и мнѣ это очень пріятно, и я съ удовольствіемъ считаю тебя родственнымъ себѣ».

— Въ этомъ послѣднемъ вы правы. Хотя я и не голландка, но испытываю къ этой странѣ такое же чувство, какъ къ родинѣ.

— Она очень своеобразна — ваша страна! Такъ широка, такъ безконечна! Небо такъ близко: кажется, вотъ-вотъ, схватишь его, это глубокое, тяжелое, меланхолическое небо! И, однако, какъ нѣженъ его колоритъ! Истинное наслажденіе для глазъ и... для руки! Вотъ, и воздухъ — тоже почти можно взять въ руки!

Я улыбнулась.

— Вы улыбаетесь! Значитъ, вы понимаете меня! Знаете ли, чему меня научилъ этотъ ландшафтъ? Почему Метерлинкъ, фламандецъ по рожденію, хотя онъ и живетъ у насъ, въ Парижѣ, долженъ писать именно такъ, какъ онъ пишетъ? Я думаю, что въ этой странѣ нельзя быть иначе настроеннымъ, какъ въ со-

звучіи съ природой: видимое есть только символъ для невидимаго!

— Вы правы! Именно поэтому я и люблю такъ этотъ ландшафтъ.

Пока я разговаривала съ моимъ спутникомъ, онъ, къ моему удивленію, потерялъ свое первое — непріятное, почти отталкивающее выраженіе, и въ немъ осталось лишь интересное и привлекательное.

— Вы хотѣли спросить у меня объясненія насчетъ какого-то чуда?

— Вотъ, именно, сударыня! Я вижу, вонъ тамъ, по лугу, скользитъ корабликъ, словно его двигаютъ какіе-то духи. Не видно ни парусовъ, ни воды, по которой онъ могъ плыть...

— Ѳ, это простой, прозаическій трешкоутъ! Его тащатъ люди, идущіе по берегу. А двигается онъ по каналу, прорѣзывающему лугъ. Вы не видите отсюда воды, но вода тамъ есть. Оттого и кажется, что этотъ корабликъ несется, словно какое-то привидѣніе.

— Удивительная страна!

— Я ѣхала однажды на такомъ трешкоутѣ. Лодочники взяли меня съ собою за одну quartje (пять су) на довольно далекое разстояніе. Удивительное удовольствіе! Я сидѣла на палубѣ и не чувствовала движенія судна, и только берегъ плылъ предо мною, словно двигающаяся декорація въ театрѣ. Не было слышно кругомъ ни звука, кромѣ легкаго плеска воды и хрипѣнія трубокъ у двухъ старыхъ лодочниковъ. Нигдѣ въ иномъ мѣстѣ жизнь не можетъ быть такою созерцательной, какъ на трешкоутѣ! Двигаешься безшумно и плавно, словно сѣрыя облака, которыя такъ близки и фантастическіе образы которыхъ сосредоточенно наблюдаешь въ это время.

— Вы, сударыня, часто ѣздите здѣсь?

— О, да! Я ѣзжу въ Ларенъ къ своей подругѣ-художницѣ. Она теперь живетъ тамъ и хочетъ тамъ остаться въ уединеніи на всю зиму. Мы нынче нашли въ Ларенѣ восхитительный крестьянскій «домикъ съ геранью». Тамъ она и устроилась.

— Домикъ съ геранью? — переспросилъ онъ.

— Мы назвали его такъ вслѣдствіе того, что у него изъ оконъ выглядываетъ красная герань и придаетъ ему необыкновенно милый и живописный видъ. Намъ показалъ его Максъ Либерманъ, который однажды нарисовалъ этотъ домъ.

— А! извѣстный нѣмецкій художникъ!

— Да! Онъ часто бываетъ въ Ларенѣ и каждое лѣто живетъ въ Голландіи.

— Вы знаете,—спросилъ, помедливъ, мой спутникъ: — пансіонъ для иностранцевъ «Зееландъ» въ Ларенѣ?

— Какже! Въ немъ постоянно обрѣтаются художники чуть ли не изъ всѣхъ странъ! Я вамъ скажу, что это довольно любопытно — наблюдать интернаціональную артистическую публику въ маленькомъ голландскомъ мѣстечкѣ. Эта публика и мѣстечко какъ-то совсѣмъ не подходятъ другъ къ другу.

— Кто же кого подчиняетъ себѣ?

Этотъ вопросъ показался мнѣ нѣсколько страннымъ.

— Развѣ ужъ всегда одна изъ двухъ сторонъ должна подчиняться другой? Развѣ не могутъ два лица дополнять одно другого, обмѣниваться своими свойствами?

— Я думаю,—возразилъ мой собесѣдникъ: — что разнообразные элементы не могутъ ассимилироваться. Да и вообще, я не вѣрю въ перемѣны. Кто какимъ былъ, такимъ и останется. Дѣлайте, что хотите, а все же человѣкъ опредѣляется на всю жизнь уже при самомъ рожденіи.

— Неутѣшительный взглядъ!

— Можетъ-быть! А все же это такъ! Приходилось ли вамъ наблюдать, чтобы кто-нибудь измѣнилъ свой темпераментъ?

— Что-жъ? Все дѣло въ томъ, есть ли желаніе и достаточно ли сильно вліяніе?..

— Вотъ, въ особенности это суевѣріе играетъ роль въ такъ-называемой «люб-

ви»,—сентенціозно промолвилъ мой спутникъ.

Я быстро взглянула на него. Какъ и въ первое мгновеніе, онъ снова показался мнѣ отталкивающимъ.

— Такъ-называемая любовь! — воскликнула я.—А вы говорили еще о трагедіяхъ души Метерлинка! Съ одной стороны символизмъ, а съ другой — раціонализмъ!

— Нужно умѣть проникать въ каждый образъ мышленія!

— И ни одного не раздѣлять? Не правда ли?

— Да! — возразилъ онъ спокойно. — Только къ одному слѣдуетъ относиться вполнѣ серьезно—къ искусству!

— Почти такъ же думаетъ и Маленъ! — невольно вырвалось у меня. — И для нея: искусство—тоже нѣчто высочайшее!

— Маленъ? Кто же это?

Я смутилась.

— Извините! Я привыкла такъ называть ее. Это именно моя подруга!..

— Я былъ бы очень счастливъ познакомиться съ ней! — галантно промолвилъ онъ.

— О, нѣтъ!—промолвила я такъ энергично и свирѣпо, что онъ улыбнулся.

— Ревность? Уже при одной мысли?

— Нѣтъ, не ревность; но Маленъ такъ своеобразна! У ней все такъ интенсивно... Я не хотѣла бы, чтобы ей помѣшали въ ея работахъ...

Я не могла сказать моему собесѣднику, что какой-то смутный инстинктъ предостерегалъ меня не давать повода къ этому знакомству. Я не могла сказать этого и потому вертѣлась въ разговорѣ вокругъ да около истины. Нелѣпый, хотя и учтивый пріемъ!

— Въ работахъ?—промолвилъ онъ.— Она учится? Значитъ, она еще молода?

— Ей нѣтъ еще и 22-хъ лѣтъ.

У моего сосѣда заблестѣли глаза.

— О! Ей 22 года! Она всю себя посвятила искусству, живетъ въ уединеніи! Зовется Маленъ! Удивительно!

— Да, она совсѣмъ не такова, какъ другія дѣвушки.

— Красива она?

— Это дѣло вкуса,—замѣтила я сдержанно.

Мнѣ хотѣлось отвѣтить: «Да, чудесно красива! На мой взглядъ, не бываютъ красивѣе!» Но мнѣ не хотѣлось укрѣплять его въ желаніи завести знакомство съ Маленъ, и поэтому я прибавила, какъ мнѣ думалось, очень хитро:

— Лишь весьма немногіе находятъ Маленъ красивой.

— Это, поистинѣ, меня восхищаетъ! То, что любятъ лишь немногіе, нравится мнѣ уже въ силу противорѣчія.

Въ это время нашъ поѣздъ загремѣлъ въ маленькой крѣпости Нарденъ. Вагоны покатились по узенькой главной улицѣ, заполнивъ собою почти всю ее, и остановились у офицерскаго клуба. Въ этотъ ранній часъ онъ былъ еще пустъ. Лишь какой-то артиллеристъ сидѣлъ съ газетой у двери, рядомъ съ унылыми олеандрами въ кадкахъ, почти сожженными солнцемъ.

Когда поѣздъ далъ свистокъ, онъ вскочилъ и вошелъ въ нашъ вагонъ.

Послѣ того мы ѣхали уже не долго. Мы прокатили мимо «Jan tabak»—гостиницы близъ лѣсочка, который въ бѣдной деревьями Голландіи уже считается солиднымъ лѣсомъ. Потомъ потянулись дачные дома съ пышными надписями на воротахъ: «Weltevreden», «Grootgenolg», «Buitenzorg», «Lust en Rust». Наконецъ, мы достигли цѣли моего путешествія и поѣхали по улицѣ Ларена съ его маленькими садами и живописными домами. Вотъ и площадь, осѣненная деревьями, гдѣ находится домъ проповѣдника, ратуша, отель и станція желѣзной дороги.

Мнѣ показалось, что между деревьями мелькнуло свѣтлое платье.

Мой vis-à-vis такъ же, какъ и я, смотрѣлъ туда пристальнымъ взоромъ. А когда мы подъѣхали поближе, у него вырвалось невольно восклицаніе:

— Ah, comme elle est belle!

Да, это была Маленъ. Это не могъ быть никто другой: въ такой ранній часъ дамы пансіона «Зееландъ» еще не выходили на воздухъ.

— Ты здѣсь, дитя? Какъ узнала ты, что я пріѣду?—спросила я.

— Мнѣ сердце подсказало это!—отвѣтила она такимъ тономъ, какъ будто бы сказала самую обыкновенную вещь въ мірѣ.

— Почему же именно въ это воскресенье?

— Я приходила сюда объ эту пору каждое воскресенье. Прежде это всегда былъ вашъ часъ.

Нужно замѣтить, что по мѣстному обычаю, я обращалась къ Маленъ на «ты», а она ко мнѣ на «вы». Такъ заведено въ Голландіи, гдѣ разница въ лѣтахъ обусловливаетъ манеру обращенія: старшіе говорятъ младшимъ «ты», а младшіе—даже дѣти своимъ родителямъ—обязательно «вы».

Мой спутникъ имѣлъ достаточно такта, чтобы не вмѣшиваться въ наше свиданіе. Онъ лишь вѣжливо приподнялъ шляпу и, промолвивъ: «имѣю честь кланяться, сударыня!»—ушелъ въ сторону.

— Кто это, дорогая?—спросила меня съ удивленіемъ Маленъ.

Ей было извѣстно, что прежде я никогда не привозила сюда съ собою знакомыхъ.

— О, это одинъ французъ! Онъ ѣхалъ сюда въ пансіонъ «Зееландъ».

— Художникъ?

— Конечно. Кто же другой? Я разговорилась съ нимъ въ поѣздѣ: онъ спросилъ меня кое-что насчетъ окрестностей. Я, видишь ли, показалась ему здѣшней уроженкой.

— Да вѣдь вы и въ самомъ дѣлѣ уже почти голландка!—замѣтила Маленъ.

Такъ какъ она очень любила свою страну, то хотѣла сказать мнѣ этими словами самое пріятное, что только могла сказать.

Она предложила мнѣ руку и заботливо повела меня.

— Вы должны прежде всего видѣть мое жилище! Я такъ счастлива здѣсь!

— А потомъ пойдемъ обѣдать въ гостиницу. Я не хочу безпокоить твоихъ хозяекъ.

— Да, сегодня было бы, дѣйствительно, гораздо лучше отобѣдать гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, — сказала Маленъ безъ всякихъ церемоній, со своей обычной прямотою.—Одна изъ хозяекъ—та самая, которая завѣдуетъ стряпней, поранила себѣ руку, и у насъ сегодня обѣдать нельзя.

— Почему же ты, милочка, вообще, и въ другое время не ходишь обѣдать въ гостиницу или пансіонъ? Ты все такая же, какъ и въ Амстердамѣ?

— Я ненавижу общество говоруновъ! Да и одной идти туда непріятно!

Спустя пять минутъ, мы были уже предъ домикомъ съ геранью. Что это была за прелесть! Въ саду, предъ окнами, изъ которыхъ выглядывала знаменитая герань, стоялъ столъ. На немъ лежала ручная работа Маленъ, рядомъ стояла пузатая ваза, въ которой красовались полевые цвѣты. Тутъ же, около стола, стояли весьма соблазнительное кресло-качалка и плетеный стулъ.

— Не правда ли,—сказала Маленъ довольнымъ тономъ: — вѣдь это идеальное помѣщеніе для меня? Но прежде всего вы должны посмотрѣть мою комнату.

Мы вошли внутрь дома — въ обширное пространство, которое служитъ наполовину стойломъ и амбаромъ, наполовину жилой комнатой.

— Зравствуйте. Какъ вы поживаете? — привѣтствовала я двухъ хорошенькихъ хозяекъ, свѣжія физіономіи которыхъ дружелюбно выглядывали изъ кружевныхъ чепчиковъ.

Затѣмъ мы съ Маленъ вошли въ ма-

леньую и низенькую комнатку, въ святилище моей юной подруги. Стѣны здѣсь были просто лишь выбѣлены, и имѣлось всего одно окно, но какъ уютно и мило было тутъ! Все было ослѣпительно чисто: окно, стѣны, потолокъ, мебель и тарелки на стѣнѣ. Маленъ всюду наставила цвѣтовъ, а также разставила и развѣшала свои эскизы и этюды. Я очень удивилась, увидѣвъ здѣсь гармоніумъ. На пюпитрѣ лежало раскрытое «Wohltemperirtes Clavier»—Себастіана Баха.

— Какой прелестный гармоніумъ! Откуда онъ у тебя, дитя?

Маленъ посмотрѣла на меня сіяющими глазами.

— Съ тѣхъ поръ, какъ оно у меня, я совсѣмъ счастлива. Откуда оно? Взято на-прокатъ изъ Амстердама. Я имѣю возможность доставить себѣ такую роскошь. Теперь я ни о чемъ на свѣтѣ больше не забочусь! Я имѣю подъ руками мое искусство, музыку и къ тому же еще пару книгъ.

— Ты что читаешь?

— Да вѣдь вы же знаете: Гомера и Марка Аврелія.

Она сказала это такъ, какъ будто бы обѣ эти книги были самое обыкновенное чтеніе для молодой дѣвушки.

— Ты довольна ли своими хозяйками, Маленъ?

— О, онѣ балуютъ меня! Едва я что-нибудь пожелаю, какъ это уже является у меня. Еще въ постели утромъ я уже должна пить свѣжее молоко. Не хотите ли теперь взглянуть на мою спальню?

Мнѣ пришлось подняться на двѣ ступеньки вверхъ — въ другую комнатку, которая также была выбѣлена. Во внутренней стѣнѣ я увидѣла за бѣлой занавѣской «beedsteel» Желѣзный умывальникъ и два тростниковыхъ стула дополняли обстановку.

— Какъ чисто! Вотъ ужъ именно, что называется, пахнетъ чистотой!

Маленъ улыбалась, глядя на мой восторгъ.

— Да, это идеалъ!—промолвила она.— Ну, а теперь пойдемъ въ садъ!

Она привела меня къ упомянутой качалкѣ. Несмотря на мое сопротивленіе, она усадила меня на нее: подушка за спиной, подушка подъ ногами—такимъ манеромъ должна была я возлежать и принимать ухаживанія. Эти ухаживанія доставляли Маленъ удовольствіе, и поэтому я позволила ей повозиться со мной и была послушна на подобіе дитяти. Я даже заснула по ея приказанію.

— Я васъ разбужу, когда придетъ пора! Вы сегодня такъ рано встали!— убѣждала она меня.—Вы должны отдохнуть предъ обѣдомъ!

Я, въ самомъ дѣлѣ, почувствовала себя гораздо свѣжѣе, когда немножко подремала въ качалкѣ. Проснулась я сама, и, прищурившись, долго разсматривала Маленъ сквозь полусомкнутыя рѣсницы.

Она была немного блѣдна, но чудно хороша. Это уединеніе шло къ ней, и я теперь уже не могла представить ее иначе, чѣмъ въ этой обстановкѣ — въ домикѣ съ геранью, съ ся искусствомъ, гармоніумомъ, Бахомъ и Гомеромъ, окруженную цвѣтами и дружескими заботами хорошенькихъ хозяекъ. Я не могла уже представить ея стройную фигуру, ея спокойное, ясное лицо съ задумчивыми, глядѣвшими какъ бы въ другой міръ, глазами — среди шума и сутолоки большого города.

Маленъ улыбнулась, когда я встала съ качалки.

— Хорошо вздремнули, дорогая?

— Очень! Знаешь, Маленъ, у тебя здѣсь словно въ раю!

— Вы очень снисходительны, — спокойно возразила она:—вы немножко преувеличиваете по дружбѣ, но я и сама нахожу, что здѣсь прелестно. Я очень рада, что все устроилось такимъ образомъ. Вѣдь все должно случиться такъ, какъ предназначено! Не правда ли?

— Опять твой ужасный фатализмъ! Я

вовсе не нахожу, что все должно такъ быть, какъ оно есть. Что сдѣлаешь самъ, то и будетъ! Преклоняться предъ какою-то тайной судьбой—нѣтъ: я этого не хочу!

— Такъ вы вѣрите въ свободную волю?

— Конечно!

— Счастливая! Однако, пойдемте... Пора обѣдать. Мы завели слишкомъ мрачный разговоръ для такого великолѣпнаго воскресенья.

Мы пошли по улицѣ деревни. Я съ удовольствіемъ замѣтила, что Маленъ пользовалась здѣсь всеобщей любовью. Старые мужчины и женщины, встрѣчаясь, кланялись ей; Маленъ разспрашивала у нихъ, какъ идутъ ихъ дѣла, терпѣливо выслушивала ихъ жалобы и утѣшала, пожимая своей бѣлой ручкой мозолистыя, коричневыя руки крестьянъ. Дѣти прыгали кругомъ насъ и весело здоровались съ моей юной спутницей.

— Вотъ, этому я на-дняхъ подарила кисти и краски,—сказала она, указывая на десятилѣтняго мальчугана.—Онъ рисуетъ все, чтб увидитъ. Я думаю, что у него большой талантъ.

— Какъ идетъ рисованье, Янъ? — спросила она его. — Я вскорѣ приду и помогу тебѣ.

Мальчикъ стащилъ съ головы свою шапочку:

— Dank U wel, Iuffrouw!

— Ахъ, благодарить вовсе не за что, Янъ!—возразила Маленъ, весело взглянувъ на него своими лучистыми глазами.

Когда мы вошли въ маленькую залу деревенской гостиницы, тамъ оказался всего одинъ посѣтитель, но именно тотъ, отъ котораго я всего охотнѣе ушла бы подальше: мой французъ изъ поѣзда!

Онъ говорилъ, что остановится въ пансіонѣ для иностранцевъ: «Зееландъ», и поэтому я никакъ не расчитывала встрѣтить его здѣсь.

Когда онъ раскланивался со мной, я не утерпѣла и замѣтила ему что-то въ этомъ смыслѣ. Онъ слегка улыбнулся, но былъ достаточно джентльменъ, чтобы не обратить вниманія на то недружелюбіе, которое проявилось въ моемъ обращеніи. Онъ лишь промолвилъ:

— Въ пансіонѣ «Зееландъ» въ настоящее время не оказалось мѣста. Потому я и принужденъ былъ направиться сюда.

Затѣмъ онъ представился:

— Эрнестъ Рибо!

Волей-неволей назвала я ему фамилію моей подруги и мою собственную.

— Рибо?—спросила Маленъ.—Пейзажистъ?

— Къ вашимъ услугамъ.

— О, въ такомъ случаѣ, я васъ уже знаю; по крайней мѣрѣ, ваши картины.

— Значитъ, вы знаете лучшее, чтѣ есть во мнѣ. Остальное можетъ васъ только разочаровать.

Повидимому, онъ ожидалъ комплимента, но Маленъ совершенно спокойно промолвила:

— Произведенія и должны быть лучшее въ человѣкѣ, потому что творчество, это—истина!

Французъ хотѣлъ, какъ мнѣ казалось, продолжать разговоръ, но Маленъ поклонилась ему со своей обычной спокойной граціей и, сказавъ мнѣ:

— Пойдемте, милочка! — заняла два мѣста близъ окна.

Рибо понялъ, что его избавляютъ отъ бесѣды, и опять усѣлся на своемъ прежнемъ мѣстѣ—посрединѣ комнаты.

Мы молчали за обѣдомъ. Я чувствовала, что взоры француза блуждали по насъ—вѣрнѣе, по Маленъ. Она же, казалось, ничего не замѣчала. Когда мы кончили обѣдъ и направились къ выходу, Рибо всталъ и раскланялся. Маленъ молча, почти холодно, склонила свою хорошенькую головку, и затѣмъ мы покинули гостиницу.

Слава Богу! Мой страхъ былъ напрасенъ, и я окончательно успокоилась, когда молодая дѣвушка сказала мнѣ своимъ спокойнымъ голосомъ:

— Вашъ спутникъ производитъ довольно-таки несимпатичное впечатлѣніе, хотя у него прекрасныя манеры, и онъ кажется интереснымъ. Въ его глазахъ есть что-то отталкивающее: они глядятъ безпощадно и жестоко.

— Ты такъ основательно наблюдала его?

Легкая краска покрыла ея серьезное лицо. Маленъ краснѣла не такъ, какъ другія дѣвушки. Ея блѣдныя щеки лишь слегка розовѣли, когда она приходила въ возбужденіе.

— Я художница,—возразила она:—и, какъ художница, вижу лучше, чѣмъ другіе. Я его не наблюдала, но сужу лишь по первому впечатлѣнію при встрѣчѣ. У мужчинъ такъ много самомнѣнія, что я неохотно даю имъ поводъ еще болѣе гордиться собою. А этотъ въ особенности занятъ собою, да при томъ еще и гордъ и считаетъ это своимъ правомъ. Но искусство — прибавила Маленъ: — онъ понимаетъ, а это главное. Пойдемте теперь въ лѣсъ, милая! А не то, поѣдемте, если вамъ не покажется далеко, въ Бларикумъ и въ Гюиценъ у Зюйдерзее? До Бларикума всего удобнѣе проѣхать по желѣзной дорогѣ.

— Что-жъ, я не прочь взглянуть еще разъ на Зюйдерзее. А въ Бларикумѣ интересно?

— Да, тамъ есть еще старинные живописные крестьянскіе дома и оригинальные костюмы.

— Такъ, значитъ, ѣдемъ, Маленъ!

Мы проѣхали въ поѣздѣ чрезъ обширную равнину и вышли въ деревнѣ Бларикумъ. На станціи собралось множество крестьянъ, для которыхъ встрѣча поѣздовъ составляетъ, повидимому, воскресное удовольствіе.

— Какіе курьезные костюмы у крестьянскихъ ребятъ! — сказала я. — Они одѣты совершенно такъ же, какъ взрослые Смотри! Видишь, маленькая дѣвочка въ черномъ? Точно уменьшенная копія старой крестьянки! Такая степенная, полная достоинства въ своемъ трауръ!

— Да, здѣсь дѣти носятъ трауръ, совершенно какъ взрослые,—подтвердила Маленъ.

Мы прошли по деревнѣ до рыбачьяго поселка Гюнценъ. Виднѣвшіяся впереди мачты судовъ указывали на близость воды. И вотъ, предъ нами, въ самомъ дѣлѣ, блеснула широкая водная равнина, надъ которой вились чайки. Вода лишь слегка рябилась—такъ было тихо сегодня! На берегу мы увидѣли толпу дѣтей и въ числѣ ихъ нѣсколько взрослыхъ парней, благодушно покуривавшихъ свои трубки. Когда мы подошли поближе, то оказалось, что центромъ вниманія этой толпы былъ художникъ. Онъ сидѣлъ на складномъ стулѣ подъ зонтикомъ и рисовалъ, не глядя на окружающихъ, картину, стоявшую предъ нимъ на мольбертѣ.

Кое-кто изъ дѣтей побѣжалъ навстрѣчу къ Маленъ, протягивая къ ней свои маленькія, грязныя ручонки и крича:

— Mooien dag, Iuffrouw! Hoe gaat het U?

Эти слова заставили художника оторваться отъ работы. Его глаза засіяли, когда онъ увидѣлъ Маленъ.

— Сегодня я уже имѣлъ случай поздороваться съ вами, mesdames,—сказалъ онъ, вставая.

Маленъ, повидимому, попыталась-было ретироваться, но ей, вѣроятно, пришла мысль, что это имѣло бы видъ бѣгства. И она обратилась къ Рибо, привѣтствовала его и подошла къ мольберту.

На картинѣ была изображена часть берегового склона, суда и далекая равнина воды. Посрединѣ залитаго солнцемъ пейзажа стояли рука объ руку двое крестьянскихъ дѣтей въ трауръ.

Эти маленькія, покинутыя существа имѣли чрезвычайно трогательный видъ въ смѣющейся, радостной обстановкѣ. Сюжетъ не могъ быть проще, но характеръ пейзажа, игра солнца на водѣ, свѣтъ и воздухъ были переданы съ изумительной правдивостью.

— Боже, какая прелесть!—тихо сказала Маленъ, сложивъ въ восхищеніи свои бѣлыя, прекрасныя руки.

Мнѣ показалось (впрочемъ, можетъ-быть, я и ошиблась), что избалованный французъ, который уже въ грошъ не ставилъ уваженіе и благоговѣніе передъ собою, вдругъ покраснѣлъ при этой похвалѣ, невольно вырвавшейся у молодой дѣвушки. По крайней мѣрѣ, рука его, державшая палитру и муштабель, тихо, едва замѣтно задрожала.

— У васъ здѣсь нѣтъ руководителя?— мягко спросилъ онъ Маленъ.

— Нѣтъ, я не знаю въ Ларенѣ никого, кто бы взялся руководить мною.

— Не могу ли я?

Онъ сказалъ это, слегка замявшись, почти робко и имѣлъ въ это мгновеніе такой серьезный и честный видъ, что я сочла всѣ свои опасенія игрою фантазіи. Маленъ была слишкомъ простой и прямой дѣвушкой, чтобы не принять такъ искренно сдѣланнаго ей предложенія. И въ этомъ предложеніи она не нашла ничего посторонняго, никакой задней мысли, никакого скрытаго намѣренія.

И она отвѣтила съ полной откровенностью и простодушіемъ:

— Если вы научите меня такъ же хорошо рисовать воздухъ, какъ на вашей картинѣ, то я охотно беру васъ въ учителя.

Она думала только о томъ, что они оба художники. Она забыла, что онъ былъ избалованный побѣдами самонадѣянный мужчина, а она—неопытная дѣвушка.

Само собой разумѣется, что съ этого времени я аккуратно каждое воскресенье пріѣзжала въ Ларенъ. Я чувствовала себя отвѣтственной за отношенія, которыя возникли, хотя и безъ моего прямого содѣйствія, между Маленъ и Рибо. Я имѣла глупость полагать, что я своимъ присутствіемъ могу предотвратить опасность. Но что̀, въ сущности, могла я сдѣлать. Недѣля отъ воскресенья до воскресенья была достаточно длинна, и оба они могли свободно видѣться, когда и гдѣ хотѣли, и никто не могъ воспрепятствовать этому.

И все случилось, какъ и должно было случиться.

Каждое воскресенье я убѣждалась, что французъ-художникъ начинаетъ занимать въ мысляхъ Маленъ все болѣе и болѣе мѣста. Сначала это относилось къ его искусству, а затѣмъ и къ его особѣ. Когда холодные по внѣшности люди бываютъ впервые охвачены страстью, она дѣлается для нихъ вопросомъ жизни и смерти. Если бы я теперь напомнила Маленъ о томъ первомъ впечатлѣніи, которое произвелъ на нее Эрнестъ Рибо, она, попросту, мнѣ не повѣрила бы: такъ измѣнился ея взглядъ на него. Такія женщины, какъ Маленъ, нуждаются въ идеалѣ, въ томъ, чему бы они могли поклоняться. Сначала ея идеаломъ было искусство, а теперь она нашла человѣка, и онъ сталъ для нея всѣмъ на свѣтѣ.

Его, г. Рибо, я не видала, когда пріѣзжала къ Маленъ. Онъ исчезалъ, когда я являлась, и, разумѣется, это еще болѣе увеличивало мою непріязнь къ нему. Даже сама Маленъ за послѣднее время избѣгала говорить о своемъ учителѣ. Но это молчаніе было для меня краснорѣчивѣе, чѣмъ громкія слова.

Пришла зима.

Я поѣхала въ Ларенъ въ сочельникъ. Далекія луговыя равнины были покрыты снѣгомъ. Словно гробовой покровъ, лежалъ онъ поверхъ спящихъ полей, укрывая зачинавшуюся подъ снѣгомъ жизнь. Деревья маленькой площади въ Ларенѣ сіяли ослѣпительно бѣлымъ инеемъ. Они имѣли фантастическій видъ среди живописныхъ деревенскихъ зданій.

Но какъ я ни всматривалась, я не находила сегодня между деревьями высокой, стройной фигуры Маленъ. Ужъ не захворала ли она? Меня охватилъ такой страхъ за мою любимицу, что я не шла, а летѣла, и въ нѣсколько минутъ добралась до домика съ геранью.

Мое подозрѣніе меня не обмануло: Маленъ полулежала на своемъ складномъ

креслѣ, служившемъ ей въ качествѣ софы (мы съ Маленъ купили его въ амстердамской гавани съ аукціона на одномъ остъ-индскомъ пароходѣ). Подлѣ нея стоялъ гармоніумъ съ раскрытымъ «Wohltemperirtes Clavier» Баха. По другую сторону стоялъ ея мольбертъ, а на немъ была та самая картина, которая рѣшила судьбу Маленъ: берегъ Зюйдерзее, залитое солнцемъ прибрежье и двое крестьянскихъ дѣтей въ траурѣ, державшихъ другъ друга за руки. Художникъ назвалъ эту картину: «Покинутые».

— Съ праздникомъ, дорогая!—сказала Маленъ, слегка приподнявшись и протянувъ мнѣ тонкую бѣлую руку (она была холодна, какъ ледъ):—не сердитесь, что я не устроила для васъ елки. Я хотѣла сдѣлать это, но имѣла глупость расхвораться, и никуда не гожусь сегодня!

— Ну, къ чему елка? Мнѣ, вотъ, очень грустно, что ты больна! Надѣюсь, ничего серьезнаго?

— О, нѣтъ!

Маленъ улыбнулась. Это была жалкая безпомощная улыбка, заблудившаяся на ея устахъ, какъ слабый солнечный лучъ на снѣговомъ пейзажѣ.

Я невольно взглянула на картину. Маленъ прослѣдила за моимъ взглядомъ и замѣтила:

— Я не должна была бы ставить ее сюда, это напоминаетъ мнѣ о моемъ несчастіи! Но я не могу иначе... Вѣдь это все-таки часть его!

— Маленъ!

Она твердо взглянула на меня своими большими свѣтлыми глазами.

— Что-жъ, я не скрою отъ васъ этого: я люблю его... А онъ уѣхалъ!

Въ этихъ немногихъ словахъ заключалась цѣлая драма. Я такъ и знала!

Маленъ сказала это спокойно, но когда я взяла ея руку и промолвила: «Бѣдняжка ты моя!»—она разразилась страстными рыданіями, которыя потрясали ея тѣло, какъ порывъ бури.

— Я нервничаю! Не обращайте на это вниманіе!—говорила она между рыданіями.

— Выскажись, милая! Можетъ-быть, я чѣмъ-нибудь тебѣ помогу!

— Помочь мнѣ никто, никто не можетъ! Развѣ вы можете приказать ему любить меня, вернуться ко мнѣ? Этого не приказываютъ! Такъ, видно, ужъ должно быть!

Какъ мало ни цѣнила я Эрнеста Рибо, но все-таки я пожелала въ это мгновеніе, чтобы онъ отвѣтилъ на ея любовь, чтобы вернулся.

— Можетъ-быть, это просто недоразумѣніе, и все потомъ уладится!—попыталась я успокоить Маленъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! Все уже кончено! Онъ не покинулъ бы меня безъ единаго слова, если бъ онъ меня любилъ? Не правда ли?

Она говорила такимъ умоляющимъ тономъ, что я все на свѣтѣ отдала бы за то, чтобы сказать ей что-либо утѣшительное.

— По-моему, это даже хорошій признакъ!—промолвила я.—Вполнѣ равнодушные поступаютъ иначе.

— Ахъ, если бы вы были правы, дорогая!

Какъ утопающій хватается за соломинку, такъ схватилась она за это утѣшеніе. Она страстно сжимала мои руки и покрывала ихъ горячими поцѣлуями. Они, эти поцѣлуи, относились не ко мнѣ, я это хорошо знала, и все-таки они меня прожигали, какъ огонь, и давали знать о той страсти, которая до поры до времени дремала въ этомъ холодномъ дѣвическомъ тѣлѣ, а теперь рвалась наружу съ неудержимой силой.

Поплакавъ, она успокоилась и уснула, какъ ребенокъ, съ улыбкой на устахъ.

На утро я должна была вернуться въ Амстердамъ. Я поручила мою подругу ея хозяйкамъ, а сама рѣшила опять пріѣхать въ Ларенъ въ самомъ непродолжительномъ времени.

Уже на второй день Рождества я снова отправилась въ Ларенъ. Все время предъ этимъ я жила исключительно лишь надеждой на свиданье съ Маленъ и старалась стряхнуть съ себя какъ можно скорѣе тяжесть промежуточныхъ дней.

Въ этотъ разъ я не расчитывала увидѣть Маленъ на площади, у станціи желѣзной дороги. Она, навѣрное, еще не была достаточно здорова для этого. Поэтому я спокойно пошла одна къ домику.

Въ дверяхъ меня встрѣтила хозяйка съ смущенной миной, которая очень рѣдко появлялась на ея кругломъ и розовомъ лицѣ.

— Я увидѣла, что вы идете, и захотѣла избавить васъ отъ перваго страха!— начала она.

Это былъ, разумѣется, отличный способъ нагнать на меня самый настоящій «первый» страхъ!

— Маленъ стало хуже? — пролепетала я.

— Хуже? Да она совсѣмъ здорова, — такъ здорова, что даже уѣхала!

— Какъ? И она тоже?—невольно вырвалось у меня.

— Что разумѣетъ Mevrouw подъ этимъ «тоже»?—спросила лукавая крестьянка.

— О, ничего!—постаралась я поправиться.

Я не хотѣла выставлять предъ нею Маленъ въ сомнительномъ видѣ и храбро солгала:

— Такъ уѣхала? Ну, да! Она уже давно говорила объ этомъ.

— Намъ она ничего не говорила!— продолжала крестьянка.—Вчера утромъ пришло къ ней письмо изъ Франціи,—я узнала это по почтовой маркѣ:—и она вдругъ вскочила и воскликнула: «Я должна ѣхать! Надолго ли—не знаю»! Она заплатила за квартиру впередъ, велѣла мнѣ принести изъ гостиницы желѣзнодорожное расписаніе и укатила. Я снесла ей на станцію маленькій желтый чемоданчикъ, а другой она оставила здѣсь. Для Mevrouw она оставила письмо. Оно лежитъ на гармоніумѣ.

Я поспѣшила въ комнату. Какъ пусто выглядѣла она безъ моей любимицы! Я разорвала дрожащими руками конвертъ. Въ немъ лежала записка Маленъ и чье-то постороннее письмо, написанное мужскимъ почеркомъ.

Записка была написана невѣрною рукою, какъ будто Маленъ торопилась или была взволнована, и въ ней я прочла вотъ что:

«Онъ любитъ меня и зоветъ меня къ себѣ! Я должна ѣхать туда! Я не могу иначе. Извините меня, но я иначе не могу! Это сильнѣе меня.

Всегда вѣрная вамъ М. I.»

А прилагаемое письмо было слѣдующаго содержанія:

«Дорогая! Я рѣшилъ уѣхать отъ тебя, такъ какъ я зналъ, что не могу сдѣлать тебя счастливою. Ты слишкомъ благородна для меня. Я—непостоянный человѣкъ, который ни къ чему крѣпко не привязывается, для котораго ничто не свято. Но, по крайней мѣрѣ, я настолько еще честенъ, что говорю тебѣ это прямо, и ты теперь это, стало-быть, знаешь! Но, все-таки, я говорю тебѣ—приди! Я молю тебя объ этомъ у твоихъ ногъ. Я пламенно цѣлую твои милыя ручки! Мадонна моя, приди! Я не могу жить безъ тебя! Я умру безъ тебя! Слышишь, умру! Будь же милосердой! Можетъ-быть, ты сдѣлаешь изъ меня другого человѣка. Вѣдь мнѣ до сихъ поръ недоставало только тебя. Если бы я узналъ тебя раньше, я былъ бы лучше, чѣмъ теперь. Ты можешь выполнить святую миссію—спаси меня! Приди, мадонна, приди! Совѣтую тебѣ ѣхать на ночномъ поѣздѣ, который отходитъ вечеромъ изъ Буссума. Ожидающій тебя въ Парижѣ на Gare du Nord

Твой Эрнестъ.»

Какъ ударъ грома, поразили меня оба эти письма.

Можетъ-быть, мнѣ слѣдовало ѣхать

сейчасъ вслѣдъ за Маленъ? Но теперь она должна была уже быть въ Парижѣ, у него! Къ тому же, Маленъ была совершеннолѣтняя. Я не имѣла, въ сущности, никакого права вмѣшиваться въ ея дѣла. Да и бѣда все равно уже случилась!

Такъ смѣнялись у меня въ головѣ мысли одна за другою.

Хозяйка высунула въ дверь свое круглое красное лицо въ чистомъ кружевномъ чепчикѣ.

— Что пишетъ Iuffrouw?

— Она должна была внезапно уѣхать въ Парижъ на выставку своей картины. Нашелся покупатель. Маленъ получитъ за нее много денегъ!—сочиняла я.

Крестьяне, особенно голландцы, всегда относятся съ уваженіемъ къ тѣмъ причинамъ, которыя бываютъ связаны съ денежными обстоятельствами.

— Ну, коли такъ, то ей, конечно, слѣдовало ѣхать,—разсудительно сказала хозяйка и дружелюбно кивнула головой.

— А не знаете ли, Mevrouw, какая это была картина? Нѣкоторыя она уже давно послала въ Амстердамъ.

— Большая картина съ вашимъ домикомъ,—продолжала я фантазировать:—торговецъ картинами на Kalversiereat послалъ ее изъ Амстердама въ Парижъ.

Она ударила въ пухлыя ладони:

— Прекрасно! Она отправлена въ Парижъ! А я нарисована на этой картинѣ? Я сейчасъ скажу объ этомъ сестрѣ!

И она такъ быстро убѣжала, что коротенькія юбки захлопали по ея толстымъ ногамъ.

У меня на душѣ было несказанно печально. Итакъ, я ее потеряла! Боже мой! И изъ-за кого? Я не могла даже думать объ этомъ. Я закрывала глаза, чтобы отогнать тѣснившіеся кругомъ меня призраки, но тщетно! Они опять являлись, и то, что они мнѣ говорили,—объ этомъ я не осмѣливалась сама себѣ дать отчетъ.

———

Работа удерживала меня въ Голландіи, но для меня въ ней погасъ свѣтъ безъ милой Маленъ.

Лѣтомъ я оставила на короткое время жаркій городъ и поселилась у моря. Ѣхать въ Ларенъ я не могла. Мнѣ это было бы слишкомъ печально.

За это время я всего одинъ разъ получила записочку отъ Маленъ изъ Парижа. Немногія строчки этой записки дышали счастьемъ. Между прочимъ, Маленъ просила меня сказать хозяйкѣ домика съ геранью, что обратно въ Ларенъ она уже не вернется.

Вслѣдъ затѣмъ моя подруга совершенно замолчала.

Опять наступила зима и опять прошла. Прошла и весна. Въ іюнѣ мѣсяцѣ, когда въ амстердамскомъ Vondelparke уже цвѣли розы, я получила новое письмо съ почеркомъ Маленъ изъ... Ларена! Дрожа отъ волненія, я разорвала конвертъ и прочитала слѣдующее:

«Я опять здѣсь, дорогая! Можете ли вы простить меня? Не пріѣдете ли вы ко мнѣ завтра? Вы оказали бы большую услугу вашей Маленъ!»

Я должна сознаться, что нѣкоторое время я боролась сама съ собой. Во мнѣ говорилъ какой-то тайный голосъ, который осуждалъ Маленъ и шепталъ мнѣ: «теперь, когда она нуждается въ тебѣ, она зоветъ тебя! А что было прежде? Не ходи!»—Но страстное желаніе вновь увидѣть Маленъ было во мнѣ сильнѣе, чѣмъ этотъ строгій запрещающій голосъ.

И я отправилась въ Ларенъ. Дорога туда показалась мнѣ на этотъ разъ безконечной. Но вотъ я достигла своей цѣли: Маленъ опять стояла, ожидая меня, подъ деревьями площади — высокая и стройная, какъ прежде. Впрочемъ, не совсѣмъ такая, какъ прежде: выраженіе ея прелестнаго лица измѣнилось; прежде это было невинное, свѣжее, полное надеждъ лицо, ясное и чистое, словно бѣлый листъ тетради. А теперь жизнь исписала его своими рунами, и страданіе

напечатлѣло на немъ свой знакъ. И этотъ видъ ея меня окончательно обезоружилъ. Я позабыла непріязнь, все еще скрывавшуюся въ глубинѣ моей души, и чувствовала только одно: мою горячую любовь къ Маленъ.

Стремительно бросилась я къ ней на шею, и мы сердечно расцѣловались. И она, какъ прежде, заботливо повела меня по хорошо знакомой дорогѣ.

— Какъ хорошо вы сдѣлали, дорогая, что пріѣхали!—сказала она мнѣ и, въ отвѣтъ на мой вопросительный взглядъ, прибавила:—я опять живу въ домикѣ съ геранью, все у тѣхъ же милыхъ Iffrouwen. Все тамъ и зеленѣетъ, и цвѣтетъ попрежнему, только та, которая туда вернулась,—сдѣлалась уже другою.

Это было покамѣстъ все, что Маленъ сказала мнѣ о себѣ. Но я знала, что она потомъ мнѣ объяснитъ и разскажетъ все, когда придетъ для этого часъ. И поэтому я не приставала къ ней съ разспросами.

Мы тихо наслаждались счастьемъ нашей встрѣчи. У домика я нашла ту же картину, чтó и два года тому назадъ: предъ окнами въ саду стояло кресло-качалка, плетеный стулъ, столъ, а на столѣ ручная работа и цвѣты въ пузатой вазѣ. Меня тронуло, что вся эта обстановка осталась неизмѣненной въ то время, когда люди кругомъ сдѣлались другими.

Мы пообѣдали на этотъ разъ дома. Крестьянки кое-что состряпали для насъ въ своемъ живописномъ мѣдномъ котлѣ надъ очагомъ. Послѣ обѣда мы пошли въ лѣсъ, и Маленъ при этомъ не преминула нагрузиться пледомъ и подушкой для меня.

Въ заботахъ обо мнѣ она осталась прежнею.

Мы благодушно улеглись на травѣ, испещренной солнечными лучами, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Мовъ такъ часто рисовалъ своихъ овецъ. И сегодня передъ нами потянулось по дорогѣ ихъ стадо; посрединѣ его шелъ пастухъ со своимъ вязаньемъ.

Мы молча наблюдали игру свѣта на свѣтло-коричневой шерсти овецъ. Косматое руно переливалось разнообразными тонами, и солнце такъ славно сіяло на немъ. Я только теперь поняла, почему Мовъ такъ любилъ этотъ сюжетъ и почему эту будничную сцену онъ такъ часто бралъ темою для своихъ картинъ.

Большіе глаза Маленъ слѣдили за моимъ взоромъ.

— Сейчасъ я впервые ясно чувствую миръ и спокойствіе этого ландшафта!—сказала она.—И какъ отрадна эта тишина! Надо испытать тяжелое горе, чтобы вполнѣ оцѣнить ее.

Маленъ поднялась; ея стройная фигура выпрямилась, и на блѣдныхъ щекахъ выступила краска.

— А теперь,—промолвила она, вдохновенно глядя предъ собой:—теперь я сдѣлаюсь художницей! Любовь увлекла меня въ сторону. Любовь?—переспросила она сама себя.—Нѣтъ, не любовь, а вихрь слѣпой страсти. Навѣрное, вы тогда, на Рождествѣ, не понимали меня, дорогая? Не правда ли?

Я утвердительно кивнула головой.

— Вы считали его за фривольнаго, легкомысленнаго человѣка, а меня, по вашей добротѣ, за нѣчто лучшее. И я тогда еще говорила, что любовь никогда не заставитъ меня измѣнить моему искусству. Боже мой! Что значатъ всѣ намѣренія, когда является страстное чувство! Всѣ они тогда бываютъ развѣяны, какъ мякина по вѣтру! Сначала я удивлялась ему. Ему и его, дѣйствительно, большому таланту. Я и теперь, послѣ всего пережитаго, еще удивляюсь ему. Затѣмъ вскорѣ онъ сталъ для меня всѣмъ на свѣтѣ... Я сама не знаю, чтó было тому причиной — я вѣдь была тогда такой еще ребенокъ! — Уединеніе ли, совмѣстная ли работа, ухаживаніе ли его? Всѣ мои мысли были заняты только имъ однимъ. И вотъ, тогда-то

онъ и уѣхалъ. Я оставила вамъ то письмо, которое онъ мнѣ тогда написалъ. Мнѣ было тяжело разстаться съ нимъ, но я должна была вамъ все разъяснить и думала, что только его собственныя слова дадутъ вамъ вполнѣ достаточное объясненіе. Вы знаете, что я послѣдовала на его призывъ. Эрнестъ, дѣйствительно, ждалъ меня на Gare du Nord. Я стала его женой.

— Женой?

— А вы ожидали иного?—удивленно спросила Маленъ.—Нѣтъ, настолько дуренъ онъ не былъ. Я-то, конечно, была такъ ослѣплена, что послѣдовала бы за нимъ и безъ кольца на пальцѣ. Ахъ, дорогая, вы думали обо мнѣ такъ дурно и все-таки любили меня, и все-таки пришли ко мнѣ! Благодарю васъ! Сердечно благодарю!

Маленъ бурно схватила мою руку.

— Нѣтъ,—продолжала она:—настолько несчастной я, все-таки, не была. Я стала законной женою Эрнеста. Иногда я думала, правда, что онъ расчитывалъ на мой капиталъ: вѣдь я не безъ состоянія; но это недобрая и дурная мысль, и я не хочу думать объ этомъ. Отецъ моего сына долженъ быть святъ для меня!

— Твоего сына, Маленъ? Гдѣ же онъ?

— Умеръ, спустя нѣсколько мѣсяцевъ. Я перенесла за это время слишкомъ много горя: у него не хватило силы для жизни. Теперь вамъ будетъ ясно, почему я такъ долго оставалась у Эрнеста: сначала я ожидала ребенка, а затѣмъ начались заботы о ребенкѣ. А когда онъ умеръ—тогда я и ушла. Эрнестъ измѣнилъ мнѣ уже давно: онъ сталъ мнѣ невѣренъ еще до рожденія моего сына. Я наскучила ему, потому что онъ искалъ во мнѣ не жену, а только возлюбленную. Даже теперь я все еще съ содроганіемъ вспоминаю тотъ день, когда у меня родился ребенокъ. Вечеромъ этого дня Эрнестъ пошелъ со своей новой возлюбленной—чужою женой—на «Фауста», а я лежала одна въ чужой странѣ, въ неудобной, скверной меблированной комнатѣ.

Маленъ вздохнула. Въ ея оживленныхъ чертахъ мелькнуло несказанно печальное выраженіе.

— Не разъясняй мнѣ ничего этого, милочка! Я понимаю тебя; и я ничего дурного не думаю даже и объ... — я чрезъ силу промолвила: — даже и о немъ.

Маленъ ласково взглянула на меня, и напряженность въ ея чертахъ исчезла.

— Какъ вы добры! Онъ вѣдь и вправду лишь слѣдовалъ своей натурѣ. Онъ и не могъ поступать иначе. А когда мой маленькій умеръ, Эрнестъ былъ искренно огорченъ. Онъ плакалъ горькими слезами. Онѣ падали на мои руки, и я глотала ихъ соленыя капли и снова вѣрила въ его любовь. «Я закажу надгробный памятникъ,—говорилъ онъ:—бѣлый мраморный крестъ; онъ будетъ ярко блестѣть на солнечномъ небѣ Парижа. Вокругъ могилы я положу фіалокъ — цѣлую гору, цѣлый лѣсъ! Это будетъ море благоуханія. Какою поэзіей будетъ окружено тихое мѣсто, гдѣ будетъ покоиться нашъ милый!» Какъ въ бреду слышала я эти слова. Я была тяжело больна. А когда я выздоровѣла, Эрнестъ уѣхалъ въ Трувилль: у него тамъ оказалась работа, какъ сообщилъ онъ мнѣ въ оставленной запискѣ. Лично попрощаться со мною онъ не захотѣлъ. Прежде всего я отправилась на кладбище, которое мнѣ указалъ Эрнестъ. Моя хозяйка любезно вызвалась сопровождать меня, но мнѣ была несносна ея болтовня, и я поѣхала туда одна. Пріѣхавъ на кладбище, я спросила сторожа, гдѣ могила? Я назвала имя ребенка, день и число погребенія, и сторожъ послѣ долгаго исканья по книгамъ заявилъ мнѣ: «Вѣдь это могила для бѣдныхъ? Не правда ли, madame?» «О, нѣтъ!»—отвѣчала я. «Увѣряю васъ, что это могила для бѣдныхъ, — настаивалъ онъ: — такъ по-

желалъ monsieur: могила за одинъ франкъ; два ребенка въ одной могилѣ. Вотъ и число, и имя—Рибо. Итакъ, сороковой рядъ, могила нумеръ двадцать первый. Madame не ошибется!» Никакого мраморнаго креста не сіяло на этой могилѣ! Никакого лѣса фіалокъ не возвышалось кругомъ того мѣста, гдѣ покоился нашъ милый! Не вѣяло никакого моря благоуханія тамъ, гдѣ спалъ мой милый мальчикъ! Эрнестъ, проматывавшій тысячи, пріобрѣлъ лишь нищенскую могилку для своего ребенка. А вѣдь онъ ежедневно посылалъ своей возлюбленной княжескія цвѣточныя подношенія, каждый цвѣтокъ которыхъ стоилъ дороже, чѣмъ эта бѣдная могилка. Всѣ его прекрасныя рѣчи были пустыя слова. Поэтому вы не удивитесь, дорогая, что я немедленно уѣхала отъ него. Я поручила адвокату добиться развода. Можетъ-быть, мнѣ придется взять вину на себя, но для меня это все равно! Мнѣніе свѣта для меня не имѣетъ ни малѣйшаго значенія. Я имѣю только одно страстное желаніе, одну цѣль—добиться чего-нибудь въ искусствѣ. Какъ вы думаете, дорогая, проститъ мнѣ искусство мою короткую измѣну?

Маленъ смотрѣла на меня со страхомъ, словно я держала въ своихъ рукахъ ея судьбу.

— Конечно, Маленъ, оно проститъ! Я думаю даже, что для тебя было очень полезно испытать горе. Ты испытала все то, что̀ испытываютъ люди; ты была прежде слишкомъ холодна, а теперь ты знаешь, что̀ такое страданіе и страсть.

— Въ самомъ дѣлѣ? Вы такъ думаете?

Ея исхудавшія щеки снова покрылись румянцемъ.

— Ахъ, если такъ, то я могу думать о немъ безъ непріязни. Если такъ, то я еще должна быть благодарной ему. То, что я пережила,—было мое учебное время, и я должна была пройти этотъ учебный періодъ, чтобы стать настоящей художницей!

У кого хватило бы духа отнять у Маленъ это утѣшеніе?

Маленъ сдѣлалась художницей. Все свое чувство, всю свою страсть она влагаетъ теперь въ свои произведенія. Ея личное «я», словно солнце, просвѣчиваетъ въ тѣхъ простыхъ предметахъ, которые она избираетъ сюжетами для своихъ картинъ: лѣсъ, озеро, берегъ.

Когда на выставкахъ встрѣчаются ея картины, онѣ переносятъ зрителя въ какой-то особый міръ, полный глубокаго спокойствія. Это потому, что въ нихъ живетъ ея душа—душа чистаго, хорошаго человѣка, который не зачерствѣлъ и не потерялъ ясности и гармонической уравновѣшенности, несмотря на страданія, которыя онъ испыталъ.

---

* * *

Можетъ-быть это счастье, какъ сонъ, промелькнетъ,
Оборвется, какъ тучекъ жемчужная нить,
Если вѣтеръ нежданно въ лазури дохнетъ—
Можетъ-быть, можетъ-быть!

Но покуда вокругъ лучезарная тишь,
Нѣтъ блаженству конца, нѣтъ предѣла мечтамъ:
Ты въ душѣ нераздѣльно и властно царишь,
Мое сердце—твой храмъ!

Мы не станемъ глядѣть въ ненавистную даль,
Точно волны морскія, мелькающихъ дней,
Пусть сердца посѣтитъ, если хочетъ, печаль—
Не пойдемъ мы за ней!

Будемъ жить и цѣнить это счастье минутъ,
Уводящихъ мечты въ неизвѣданный край,
И пока ты со мной, дорогая, вотъ тутъ—
Въ этомъ жизнь, въ этомъ рай!

Мих. Гербановскій.

Что новаго въ литературѣ?

Критическіе очерки Р. И. Сементковскаго.

Книги г. Добролюбова и Мякотина.—О критикахъ-семинаристахъ.—Сословное начало въ нашей критикѣ.—Можно ли придавать ему значеніе.—Честь, оказанная мнѣ г. Энгельгардтомъ.—Содѣйствовала ли литература освобожденію крестьянъ.—Геніальность критиковъ 60-хъ годовъ.—Ихъ духовные отцы.—Французскіе энциклопедисты.—Отсталость эпигоновъ движенія 60-хъ годовъ.—Кому Россія обязана освобожденіемъ крестьянъ.—О ретроградствѣ корифеевъ нашей литературы.—Екатерина и Радищевъ.—Мнѣніе Пушкина о Радищевѣ.—Цари и писатели.—Приговоръ г. Мякотина надъ Пушкинымъ и Кавелинымъ.—Почему намъ такъ симпатичны Чацкіе и Рудины.—Протестъ и дѣло.

I

Предъ нами двѣ интересныя книги. Одна изъ нихъ озаглавлена: «Ложь гг. Николая Энгельгардта и Розанова о Н. А. Добролюбовѣ, Н. Г. Чернышевскомъ и духовенствѣ» и принадлежитъ брату нашего извѣстнаго критика, г. Добролюбову; другая озаглавлена: «Изъ исторіи русскаго общества» и принадлежитъ г. Мякотину. Первая, какъ видно изъ заглавія, написана въ защиту двухъ выдающихся русскихъ критиковъ противъ нападокъ на нихъ со стороны гг. Энгельгардта и Розанова; вторая трактуетъ о протопопѣ Аввакумѣ, публицистѣ екатерининской эпохи, кн. Щербатовѣ, Радищевѣ, Пушкинѣ, Грановскомъ и Кавелинѣ, какъ о выразителяхъ русскаго общественнаго мнѣнія въ теченіе трехъ послѣднихъ вѣковъ. И такъ какъ нашъ извѣстный критикъ Добролюбовъ былъ до извѣстной степени также выразителемъ русскаго общественнаго мнѣнія въ самую бурную эпоху минувшаго XIX вѣка, то обѣ книги взаимно дополняютъ другъ друга, тѣмъ болѣе, что, какъ мы сейчасъ увидимъ, онѣ написаны въ одномъ духѣ и авторы ихъ подчиняются одной общей руководящей идеѣ. Г. Мякотинъ говоритъ въ предисловіи къ своему труду, что для него «путеводною нитью была исторія идейнаго движенія, совершавшагося въ нѣдрахъ русскаго общества». Г. Добролюбовъ говоритъ о критикахъ 60-хъ годовъ, что они были выразителями «идей и ощущеній, бродившихъ въ обществѣ въ ту великую, свѣтлую эпоху 60-хъ годовъ, когда весь русскій народъ возлагалъ на будущее самыя лучшія надежды». «У всѣхъ переживших 60-е годы,—продолжаетъ авторъ:—свѣжи воспоминанія о томъ воодушевленіи, которое охватило общество, вышедшее изъ прежняго гнета, казарменной жизни, вслѣдствіе призыва къ общественному дѣлу. Эти годы были лучшія въ нашей жизни. Н. А. Добролюбовъ и Н. Г. Чернышевскій явились провозвѣстниками далекаго будущаго, открывавшагося въ то время великими реформами».

Итакъ, въ обѣихъ книгахъ предъ нашимъ умственнымъ взоромъ проходитъ цѣлый рядъ дѣятелей, бывшихъ выразителями русскаго общественнаго мнѣнія.

Начнемъ съ книги г. Добролюбова. Въ ней, главнымъ образомъ, идетъ рѣчь о его братѣ, котораго вся просвѣщенная Россія признаетъ однимъ изъ наиболѣе выдающихся русскихъ критиковъ. Гг. Энгельгардтъ и Розановъ, съ своей стороны, также нисколько не отрицаютъ этого важнаго значенія нашего критика. Но первый изъ нихъ имѣлъ неосторожность указать на нѣкоторыя отрицательныя стороны того общественнаго движенія, которое мы объединяемъ подъ об-

щимъ названіемъ движенія 60-хъ годовъ, и вотъ почему г. Добролюбовъ счелъ нужнымъ вступиться за своего брата, обѣлить его память отъ грязи, которой будто бы закидываютъ его гг. Энгельгардтъ и Розановъ. Я говорю: «имѣлъ неосторожность», потому что извѣстная часть нашей интеллигенціи, къ которой принадлежитъ и г. Добролюбовъ, не допускаетъ, чтобы на солнцѣ могли быть пятна, т. е. чтобы движеніе 60-хъ годовъ имѣло какія бы то ни было отрицательныя стороны. Между тѣмъ, гг. Энгельгардтъ и Розановъ осмѣлились — о, ужасъ! — обвинить критиковъ 60-хъ годовъ въ семинарской безвкусицѣ, т. е. указать на ихъ духовное происхожденіе. Это очень разсердило г. Добролюбова — и совершенно напрасно. Эта сторона вопроса не имѣетъ серьезнаго значенія. Между критиками 60-хъ годовъ были вѣдь люди вовсе не духовнаго происхожденія, но это не помѣшало всѣмъ имъ дѣйствовать болѣе или менѣе въ одномъ духѣ, руководствоваться болѣе или менѣе общими идеями, а эти идеи, въ свою очередь, вызваны предыдущимъ движеніемъ нашей общественной мысли, которая создалась подъ вліяніемъ лицъ всѣхъ сословій. Такимъ образомъ, мысль гг. Энгельгардта и Розанова можетъ быть названа невѣрною или, во всякомъ случаѣ, слишкомъ узкою. Чтобы уяснить себѣ то или другое общественное движеніе въ Россіи, сословное начало можетъ быть принято во вниманіе, лишь какъ весьма второстепенный элементъ. Мы часто объединяемъ дѣятельность Добролюбова и Писарева, видимъ въ нихъ представителей одного и того же общественнаго движенія, хотя Добролюбовъ былъ сынъ священника, а Писаревъ—сынъ помѣщика.

Но очень основательною признаю я мысль г. Энгельгардта, что общественное движеніе 60-хъ годовъ имѣло свои отрицательныя стороны, и что эти стороны были такъ печальны, что наши лучшіе писатели не только не признавали себя солидарными съ этимъ движеніемъ, но считали даже своимъ долгомъ прямо его осуждать. Я не могу не согласиться съ этою мыслью, потому что защищаю ее въ печати вотъ уже болѣе четверти вѣка. Резюмировалъ я ее въ статьѣ: «Шестидесятые годы и современная беллетристика», помѣщенной лѣтъ десять тому назадъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ». Г. Энгельгардтъ сдѣлалъ мнѣ честь и почти буквально воспроизвелъ мои тогдашнія разсужденія въ недавнемъ своемъ фельетонѣ, который и разсердилъ г. Добролюбова до того, что онъ посвятилъ ему чуть ли не цѣлый томъ. Значитъ, защищая г. Энгельгардта въ данномъ вопросѣ, я защищаю собственно не его, а свою мысль. Мысль же эта заключается въ томъ, что по какому-то недоразумѣнію все движеніе 60-хъ годовъ объединяется въ одно общее представленіе, хотя оно имѣло весьма различныя стороны, изъ которыхъ однѣ возбуждаютъ до сихъ поръ безусловное сочувствіе, а другія, по меньшей мѣрѣ, сочувствія возбуждать не могутъ. Мало того, именно то, что менѣе всего заслуживаетъ сочувствія, усиленно прославляется нѣкоторыми критиками и публицистами, которые изъ опасенія, что они будутъ выведены на свѣжую воду, всячески стараются прикрыть себя знаменемъ великихъ реформъ Царя-Освободителя, осуществившихся, какъ мы сейчасъ увидимъ, не *благодаря*, а *вопреки* дѣятельности этихъ писателей и ихъ духовныхъ отцовъ.

II

Въ книгѣ г. Добролюбова есть очень интересная цитата изъ сочиненій его брата, который доказываетъ, что «наша литература не имѣла никакого вліянія ни на освобожденіе крестьянъ, ни на реформы, ни даже... на проведеніе желѣзныхъ дорогъ, начиная говорить обо всемъ только тогда, когда появлялись правительственныя сообщенія о чемъ-либо или приступъ къ дѣлу». «Отмѣна крѣпостного права, — пишетъ нашъ извѣстный критикъ:—была рѣшена правительствомъ еще до конца восточной войны. Многія правительственныя дѣйствія уже указывали въ это время на то, что дѣло освобожденія приближается... А литература во все продолженіе 1857 г. ограничивалась слабыми намеками, да кое-какими поучительными указаніями на другія страны. Только съ февраля прошлаго года (т. е. 1858 г.), послѣ того, какъ уже шесть губерній изъявили свое желаніе на улучшеніе быта крѣпостныхъ крестьянъ, литература дѣятельно принялась за крестьянскій вопросъ, да и то съ какими колебаніями».

Добролюбовъ имѣетъ въ виду современную ему печать, и, можетъ-быть, онъ въ этомъ отношеніи не совсѣмъ правъ. Цензурныя условія тогда были таковы, что о многомъ приходилось умалчивать. Однако, вѣрно то, что, когда цензурныя рамки были расширены, та часть печати, которая прославляется сторонниками журнальнаго движенія 60-хъ годовъ, вступила на путь, не только не способствовавшій великимъ реформамъ Царя-Освободителя, а напротивъ, тормозившій ихъ. И вотъ съ этого момента начинается провозглашеніе и упорное отстаиваніе завѣдомой лжи, будто бы журнальные дѣятели 60-хъ годовъ были провозвѣстниками и наиболѣе вѣрными защитниками освободительныхъ реформъ. Правда же заключается въ томъ, что, какъ мы сейчасъ увидимъ, никто, болѣе этихъ дѣятелей, не тормозилъ начинаній Царя-Освободителя.

Какъ же могла сложиться подобная оче-

видная ложь, при томъ со стороны многихъ лицъ совершенно искренняя? Сложилась она слѣдующимъ образомъ. Дѣятели 60-хъ годовъ, конечно, нисколько не возставали противъ великихъ реформъ своего времени. Наоборотъ, они имъ сочувствовали, но въ то же время находили, что онѣ недостаточны, что онѣ представляютъ только слабое начало необходимыхъ преобразованій. Въ такой моментъ, когда надо было осуществить начало, они требовали, если не конца, то во всякомъ случаѣ гораздо больше того, что предполагалось дать. Отсюда—враждебность по отношенію къ предпринятымъ реформамъ: все это, дескать, то, да не то; всего этого слишкомъ мало; все это полумѣры, палліативы. Лучшее, какъ всегда бываетъ, оказалось и тутъ врагомъ хорошаго. Но вмѣстѣ съ тѣмъ сложилась легенда, будто бы журнальные дѣятели 60-хъ годовъ и были настоящими дѣятелями, а всѣ тѣ, кто приложилъ дѣятельную руку къ осуществленію великихъ реформъ Царя-Освободителя, были только жалкіе постепеновцы. Эта легенда развивалась, упрочивалась и достигла геркулесовыхъ столбовъ по мѣрѣ того, какъ эти журнальные дѣятели пожинали плоды своихъ усилій, т. е. по мѣрѣ того, какъ дальнѣйшія реформы были пріостановлены вслѣдствіе обнаружившагося въ обществѣ нежелательнаго настроенія. И вотъ теперь оказывается, что журнальные дѣятели 60-хъ годовъ были какими-то глубокими мыслителями и великими людьми, были тѣмъ солнцемъ, на которомъ нѣтъ ни одного пятна! «Ихъ величіе,—говоритъ г. Добролюбовъ:—заключается въ ихъ могучемъ аналитическомъ умѣ, въ ихъ благородномъ вліяніи на всѣхъ, кто ихъ читалъ и понялъ, въ ихъ безукоризненной нравственности... глубочайшемъ, точномъ, разнообразномъ знаніи, что доказываютъ ихъ творенія, въ томъ великомъ качествѣ, что они опередили свое поколѣніе, да и настоящее *на сотни лѣтъ* и давно рѣшили тѣ вопросы, съ которыми мы безъ толку возимся до сихъ поръ и будемъ такъ же безъ толку возиться еще десятки лѣтъ». Въ частности Н. А. Добролюбовъ, будучи 24-хъ лѣтъ отъ роду, «кажется,—пишетъ его братъ:—все зналъ». Вотъ, значитъ, какіе это были геніи, и понятно, что всѣ тѣ лица, которыя признаютъ себя ихъ сторонниками, ихъ послѣдователями, составляютъ «лучшую часть» русскаго общества, какъ объ этомъ также прямо заявляетъ г. Добролюбовъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, если они, эти свѣтила 60-хъ годовъ, опередили не только свое, но и настоящее поколѣніе на сотни лѣтъ, то что же остается всему русскому обществу, какъ не слѣпо воспринимать ученіе этихъ свѣтилъ и всѣми силами души возставать противъ тѣхъ несчастныхъ постепеновцевъ и ретроградовъ, которые ихъ безусловными авторитетами признать не могутъ?

Но, подъ опасеніемъ вооружить противъ себя г. Добролюбова, я рѣшительно отказываюсь признать авторитетъ дѣятелей 60-хъ годовъ. Ни одинъ серьезный изслѣдователь европейской и русской литературы не станетъ отрицать, что взгляды корифеевъ 60-хъ годовъ по существу совершенно совпадаютъ со взглядами Гольбаха, Дидро и другихъ носителей умственнаго движенія, охватившаго Францію и остальную Европу во второй половинѣ XVIII вѣка. Матеріализмъ, утилитаризмъ, атеизмъ или деизмъ, прославленіе третьяго сословія (по-нашему, разночинцевъ), соціализмъ,—все это дѣятели 60-хъ годовъ почерпнули почти цѣликомъ у философовъ XVIII вѣка и на этомъ и остановились въ своемъ міросозерцаніи. Поэтому правильнѣе сказать, что не наши журнальные дѣятели 60-хъ годовъ, а философы XVIII вѣка предрѣшили на сотни лѣтъ всѣ вопросы. Но и по отношенію къ нимъ это будетъ великая ложь, потому что многое, наболѣвшее у современнаго поколѣнія, многое, что составляетъ истинную злобу настоящаго дня, не было ни предусмотрѣно, ни даже предчувствовано ни философами XVIII вѣка, ни ихъ послѣдователями въ русской журналистикѣ. Какъ эти философы, такъ и ихъ русскіе послѣдователи усматривали въ свободѣ панацею противъ всѣхъ общественныхъ и политическихъ недуговъ. Они были болѣе или менѣе увѣрены, что человѣкъ по природѣ своей склоненъ къ добру и что только политическія учрежденія мѣшаютъ ему проявить тѣ нравственныя качества, которыя заложены въ немъ природою. Если бы отцы французскаго революціоннаго движенія пережили бы ужасы великой революціи, если они дождались бы воцаренія Наполеона I, Бурбоновъ, Орлеановъ, Наполеона III, то ихъ вѣра въ свободу и въ прирожденную доброту человѣка потерпѣла бы сильное испытаніе. Ошибка же нашихъ журнальныхъ дѣятелей 60-хъ годовъ заключалась въ томъ, что они не обратили никакого вниманія на тяжеловѣсные уроки исторіи. Поэтому о нихъ вѣрнѣе сказать, что они не только не предрѣшили вопросы, съ которыми мы теперь возимся, на сотни лѣтъ, а, напротивъ, отстали отъ правильнаго ихъ рѣшенія, если не на сотни, то по крайней мѣрѣ на 80 лѣтъ. Что же касается эпигоновъ движенія 60-хъ годовъ, то тѣ отстаютъ отъ правильнаго рѣшенія этихъ вопросовъ ужъ, конечно, болѣе чѣмъ на сто лѣтъ.

III.

Но оставимъ французскихъ философовъ и обратимся къ нашей литературѣ—тогда ошиб-

ка, совершенная корифеями движенія 60-хъ годовъ, обнаружится для насъ въ полномъ блескѣ. Возьмемъ хотя бы освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Современные защитники журнальнаго движенія 60-хъ годовъ стараются увѣрить, что ихъ духовные отцы и являются главными дѣятелями въ этой великой исторической реформѣ. Сколько требуется невѣжества или лжи, чтобы защищать такой взглядъ на дѣло! Кто первый у насъ возсталъ противъ рабства? Кто первый въ стихахъ, всѣмъ памятныхъ, клеймилъ жестокое обращеніе господъ съ крѣпостными и самъ подавалъ примѣръ не только гуманности, но и свободолюбія въ этомъ отношеніи? Не былъ ли это Кантемиръ? Кто первый у насъ назначилъ щедрую премію за лучшее сочиненіе по освобожденію крѣпостныхъ крестьянъ? Не была ли это Екатерина II? Кому принадлежитъ первая попытка на дѣлѣ освободить крестьянъ и намѣреніе даровать всѣмъ русскимъ крестьянамъ свободу? Не Александру ли I? Не носился ли Николай I всю свою жизнь съ этою великою реформою и не поддерживали ли его въ этомъ благомъ намѣреніи выдающіеся представители русской литературы,—Пушкинъ, Григоровичъ, Тургеневъ? Не воспиталъ ли Царя-Освободителя Жуковскій, вложившій въ его душу то настроеніе, которое привело къ великимъ реформамъ освободительной эпохи?

При чемъ же тутъ журнальное движеніе 60-хъ годовъ? Освобожденіе крестьянъ подготовлялось въ теченіе долгихъ лѣтъ. Цѣлыя поколѣнія работали надъ осуществленіемъ этой великой реформы. Но совершена она была въ 60-е годы миновавшаго вѣка, и вотъ сторонники журнальнаго движенія 60-хъ годовъ съ комическимъ самодовольствомъ провозглашаютъ: «а пахали-то мы!» Не они пахали, пахали другіе; сѣяли не они, сѣяли другіе. Имъ же предстояла задача умѣло и бережно воспользоваться обильнымъ урожаемъ. Но они не только не сумѣли воспользоваться имъ, а, напротивъ, промотали его, о чемъ, между прочимъ, свидѣтельствуетъ нынѣшнее печальное положеніе крестьянъ.

Но допустимъ даже, что въ нынѣшнихъ крестьянскихъ невзгодахъ дѣятели 60-хъ годовъ нисколько не повинны, т. е. что тутъ дѣйствуютъ многообразныя причины. Не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что никогда въ Россіи недовольство существующимъ не проявлялось съ такою силою, какъ именно въ тотъ историческій моментъ, когда Царь-Освободитель приступилъ къ великимъ своимъ реформамъ, когда проявились результаты дѣятельности многихъ поколѣній. Какъ же мы объяснимъ себѣ это явленіе, какъ понять тотъ странный фактъ, что люди, наиболѣе дорожившіе реформами, протестовали громче всего именно въ то время, когда эти реформы осуществлялись? Казалось бы, что въ этотъ высоко-торжественный моментъ недовольство, существовавшее раньше, должно было замѣниться если не чувствомъ глубокаго удовлетворенія, то, во всякомъ случаѣ, твердою рѣшимостью дѣятельно приложить руку къ осуществленію великихъ начинаній и воздержаться отъ всего, что могло ихъ затормозить. Я думаю, что ни одинъ безпристрастный человѣкъ не станетъ отрицать, что журнальные дѣятели 60-хъ годовъ и ихъ многочисленные сторонники дѣлали въ этомъ отношеніи все, отъ нихъ зависѣвшее, чтобы пріостановить всякія дальнѣйшія реформы. Такъ взглянули на дѣло лучшіе русскіе писатели: Тургеневъ, Гончаровъ, Достоевскій, Писемскій, Лѣсковъ, съ удивительнымъ единодушіемъ осудившіе въ своихъ произведеніяхъ журнальноо движеніе 60-хъ годовъ. Его осуждаютъ въ своихъ произведеніяхъ и современные беллетристы, какъ это я выяснилъ въ цѣломъ рядѣ очерковъ. Этотъ единодушный приговоръ можетъ казаться весьма страннымъ по отношенію къ людямъ, которые, по словамъ г. Добролюбова, на сотни лѣтъ предрѣшили всѣ вопросы! Если они дѣйствительно были такъ геніальны, то почему же лучшіе русскіе писатели второй половины истекшаго вѣка отнеслись къ нимъ такъ недружелюбно? И если правъ г. Добролюбовъ, то намъ остается только признать самыхъ выдающихся представителей новѣйшей русской литературы людьми отсталыми. Такъ и поступаютъ самые послѣдовательные изъ эпигоновъ движенія 60-хъ годовъ.

Но, вѣроятно, немногіе изъ нашихъ читателей рѣшатся съ легкимъ сердцемъ признать и Тургенева, и Гончарова, и Достоевскаго, и Лѣскова людьми отсталыми. Въ такомъ случаѣ, спрашивается, почему же произошло это странное недоразумѣніе? Мнѣ кажется, что лучшій отвѣтъ на этотъ вопросъ мы найдемъ во второй изъ разсматриваемыхъ нами книгъ, въ трудѣ г. Мякотина: «Изъ исторіи русскаго общества».

Основная мысль г. Мякотина чрезвычайно проста. Русское общество, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей,—кн. Щербатова, Радищева, Пушкина, Грановскаго, Кавелина,—стремилось къ благороднѣйшимъ цѣлямъ, очень глубоко взглянуло на русскую дѣйствительность, но проклятіе нашей исторіи въ томъ, что всѣ эти взгляды и стремленія не могутъ найти себѣ надлежащаго развитія въ жизни, что они постоянно отцвѣтаютъ раньше, чѣмъ расцвѣли, что какая-то сила ихъ неумолимо давитъ и уничтожаетъ.

Нельзя сказать, чтобы эта простая мысль была очень глубока... Это одно изъ избитыхъ

мѣстъ русскаго либеральнаго катехизиса. Ахъ, какъ все у насъ было бы хорошо, если бъ только намъ не мѣшали! Но бѣда въ томъ, что намъ постоянно мѣшаютъ проявлять свои возвышенныя стремленія, а мы... мы, конечно, никому не мѣшаемъ. Мы, напротивъ, дѣлаемъ все, отъ насъ зависящее, чтобы благородныя стремленія восторжествовали въ жизни...

IV.

Возьмемъ выдержку изъ этюда г. Мякотина о Радищевѣ. Рѣчь идетъ о критикѣ Екатерины II на знаменитое «Путешествіе» этого русскаго публициста. «Но если такимъ образомъ,—говоритъ г. Мякотинъ:—въ полемикѣ, предпринятой Екатериною, преимущества, даваемыя точнымъ знаніемъ фактовъ (?), и искренностью и послѣдовательностью мысли, въ большинствѣ случаевъ были не на ея сторонѣ, то это обстоятельство могло не облегчить, а развѣ усугубить тяжесть тѣхъ обвиненій, какія она выставляла противъ автора книги. Черезъ весь разборъ «Путешествія», написанный Екатериною, красною нитью проходитъ тенденція отыскать въ немъ противозаконныя мысли и преступныя стремленія. Въ этомъ разборѣ трудно узнать ту самую государыню, которая нѣкогда переписывала въ свой «Наказъ» афоризмы Монтескье, утверждая, что «все извращаетъ и опровергаетъ тотъ, кто дѣлаетъ изъ словъ преступленіе, смертной казни достойное», и что «великое было бы несчастіе въ государствѣ, если бы не смѣлъ никто представлять своего опасенія о будущемъ какомъ приключеніи... ниже свободно говорить своего мнѣнія». Теперь общіе взгляды, высказанные въ книгѣ Радищева, представлялись ей равносильными преступленію, а критика, направленная не на отдѣльныхъ лицъ, а на нравы и учрежденія, казалась ей «опорочиваніемъ всего установленнаго и принятаго». Въ концѣ своихъ замѣчаній Екатерина написала еще: «Скажите сочинителю, что я читала его книгу отъ доски до доски и, прочтя, усумнилась,—не сдѣлано ли ему мною какой обиды? Ибо судить его не хочу, дондеже не выслушанъ, хотя онъ судитъ о царяхъ, не выслушивая ихъ оправданія».

Потомъ идетъ у г. Мякотина длинное описаніе того, какъ Радищевъ былъ «выслушанъ» и какъ постепенно онъ доведенъ былъ до трагическаго своего конца.

Авторъ, однако, не касается вопроса, почему же, собственно, Екатерина, начавъ съ «Наказа» и переписыванія въ него афоризмовъ французскихъ философовъ, кончила тѣмъ, что отреклась и отъ «Наказа», и отъ афоризмовъ этихъ философовъ, осудивъ въ то же время и писанія человѣка, вдохновлявшагося ихъ философіею. Другими словами, авторъ не разъясняетъ намъ вопроса, почему единомышленники, какими были Екатерина II въ началѣ своего царствованія и Радищевъ, такъ круто разошлись, или, вѣрнѣе говоря, почему Екатерина, уже будучи на престолѣ, т. е. сосредоточивая въ своихъ рукахъ всю государственную власть, сперва съ такимъ сочувствіемъ относилась и къ Вольтеру, и къ Дидро, и къ Даламберу, и даже къ Гольбаху, а затѣмъ совершенно отшатнулась отъ нихъ. Вѣдь и XVIII вѣкъ имѣлъ свои 60-е годы. Но тогдашнему движенію былъ скоро положенъ конецъ, и ни одинъ человѣкъ, знакомый съ исторіею, не можетъ сомнѣваться, что это вызвано было ходомъ событій во Франціи, т. е. наступленіемъ великой французской революціи. Оставаясь на почвѣ освобожденія крестьянъ и не касаясь другихъ реформъ, мы видимъ, что Екатерина гораздо раньше Радищева возымѣла мысль покончить съ крѣпостнымъ правомъ, но затѣмъ отреклась отъ этой мысли. Тою же мыслью, послѣ кратковременнаго царствованія Павла, былъ воодушевленъ Александръ Благословенный. Освободивъ крестьянъ въ Остзейскомъ краѣ, онъ собирался распространить эту реформу и на остальную Россію, но, съѣздивъ въ Москву и убѣдившись въ недружелюбномъ настроеніи собравшейся тамъ знати, онъ поколебался въ своемъ намѣреніи, а семеновская исторія и послѣдовавшее за нею броженіе окончательно его смутили. Настали декабрьскіе дни 1825 г., и мысли объ освобожденіи крестьянъ надолго былъ положенъ конецъ, какъ и другимъ реформамъ, задуманнымъ и Екатериною, и ея внукомъ.

Если мы вникнемъ въ эти историческіе факты, то для насъ отчасти выяснится, почему люди, воодушевленные «возвышеннѣйшими мыслями и благороднѣйшими стремленіями», какими были дѣятели и писатели, взгляды которыхъ излагаетъ намъ г. Мякотинъ въ своей книгѣ, не только не пользовались сочувствіемъ на престолѣ, но даже признавались иногда опасными. Во всякомъ случаѣ мы совершенно ясно поймемъ, почему 60-е годы XVIII вѣка, какъ и 60-е годы XIX-го, смѣнились тенденціями и начинаніями, рѣзко противорѣчившими ихъ основному характеру. Мы, кромѣ того, поймемъ, что врагами «возвышеннѣйшихъ взглядовъ и благороднѣйшихъ стремленій» были неоднократно именно сами носители этихъ взглядовъ и стремленій, или, какъ мы выразились, что въ данномъ случаѣ оправдалась поговорка: лучшее—врагъ хорошаго. Знаменитое «Путешествіе» Радищева содержитъ въ себѣ только повтореніе тѣхъ взглядовъ и стремленій, которыми вдохновилась Екатерина въ началѣ

своего царствованія. Если она впослѣдствіи отреклась отъ нихъ, если въ душѣ ея совершился переломъ, произошла мучительная борьба, то, конечно же, не потому, что самая эта борьба имѣла для нея какую-нибудь привлекательность. Событія громаднаго государственнаго значенія поколебали въ ней увѣренность, что эти взгляды и стремленія приводятъ къ благу, и, значитъ, душевную борьбу слѣдуетъ приписать именно этимъ событіямъ и ихъ виновникамъ. То же слѣдуетъ сказать и о другихъ царствованіяхъ, на которыя я только-что указывалъ. И замѣтимъ, этотъ переломъ, эта мучительная борьба происходили не только въ душѣ царей, но и въ душѣ многихъ дѣятелей, стоявшихъ въ сторонѣ и вдали отъ престола,—въ душѣ выдающихся нашихъ мыслителей и писателей. Это случилось въ царствованіе Екатерины, напримѣръ, съ Фонвизинымъ, въ царствованіе Александра съ Карамзинымъ, при Николаѣ—съ Пушкинымъ, при Александрѣ II—съ Тургеневымъ, Достоевскимъ, Лѣсковымъ и многими другими. Неужели душевная борьба всѣхъ этихъ свѣтилъ русской литературы можетъ быть приписана только ихъ капризу, а не тѣмъ серьезнымъ событіямъ, свидѣтелями которыхъ они были. Неужели всѣ они заботились только о личномъ своемъ благополучіи или о карьерѣ? Екатерина II отнеслась недружелюбно къ «Путешествію» Радищева. Ну, а какъ же отнесся къ нему геніальнѣйшій изъ русскихъ писателей?«Радищевъ,—говоритъ Пушкинъ:—есть истинный представитель *полупросвѣщенія*. Невѣжественное презрѣніе ко всему прошедшему, слабоумное изумленіе передъ своимъ вѣкомъ, слѣпое пристрастіе къ новизнѣ, частныя поверхностныя свѣдѣнія, наобумъ приноровленныя ко всему,—вотъ что́ мы видимъ въ Радищевѣ». А, между тѣмъ, г. Мякотинъ возноситъ Радищева чуть не до небесъ, видя въ немъ одного изъ самыхъ яркихъ представителей общественнаго начала, а къ Пушкину относится съ нѣкоторымъ соболѣзнованіемъ, усматривая въ немъ «наклонность къ компромиссамъ, неопредѣленность въ воззрѣніяхъ и уступки духу времени».

Съ такимъ же чувствомъ соболѣзнованія относится г. Мякотинъ и къ одному изъ наиболѣе видныхъ русскихъ мыслителей второй половины истекшаго вѣка, Кавелину, объявившему жизнь русскаго образованнаго класса «холодною, безплодною и мертвою» и призывавшаго его «опуститься изъ неопредѣленной шири на русскую почву». Этотъ призывъ признается г. Мякотинымъ «неяснымъ и неудачнымъ синтезомъ западническихъ и славянофильскихъ идей». Между тѣмъ, этотъ призывъ слышится почти у всѣхъ выдающихся писателей второй половины истекшаго вѣка. Всѣ они болѣе или менѣе жалуются на безпочвенность русской общественной мысли, на отрѣшенность ея отъ запросовъ и интересовъ дѣйствительной жизни, призываютъ русскую интеллигенцію «опуститься изъ неопредѣленной шири на русскую почву» и умѣло пользоваться исторически сложившимися силами для развитія и распространенія культуры въ нашемъ отечествѣ. Но ихъ г. Мякотинъ не признаетъ представителями истинной общественности. Его сердце льнетъ только къ тѣмъ, кто стремится въ «неопредѣленную ширь», кто не хочетъ признавать дѣйствительности, кто протестуетъ противъ нея, хотя бы этотъ протестъ, какъ мы видѣли, и приводилъ только къ усугубленію окружающихъ насъ условій. Онъ, очевидно, не отдаетъ себѣ отчета въ томъ, что протесты бываютъ различные, и что у насъ обыкновенно громко протестуютъ на словахъ и очень легко мирятся со зломъ на дѣлѣ. На каждомъ шагу встрѣчаются люди, протестующіе противъ чиновничества и вмѣстѣ съ тѣмъ служащіе въ разныхъ департаментахъ. Поэтому естественно, что всѣмъ здравомыслящимъ людямъ эти безплодные протесты пріѣлись до безконечности. Всѣмъ этимъ протестантамъ хочется крикнуть: «врачу, исцѣлися самъ!», а отъ руководителей общественнаго мнѣнія въ странѣ, гдѣ люди такъ много говорятъ хорошихъ словъ и такъ мало дѣлаютъ хорошаго дѣла, слѣдуетъ съ особенною настойчивостью требовать, чтобы они не поощряли общества къ безплодному словоизверженію, а призывали его къ жизненному дѣлу. Такова была проповѣдь самыхъ выдающихся русскихъ писателей и мыслителей, начиная съ Кантемира и кончая видными представителями современной беллетристики. Всѣ они единодушно призывали русское общество къ живому дѣлу, осмѣивая Чацкихъ и Рудиныхъ, этихъ типичныхъ представителей русскаго фразерства. Но Чацкіе и Рудины особенно любезны нашему сердцу. Очень многіе у насъ до сихъ поръ не могутъ уяснить себѣ всего комизма этихъ фигуръ. Чацкіе и Рудины все насъ еще прельщаютъ, русскіе интеллигенты все еще склонны видѣть въ нихъ истинныхъ героевъ, а русскія женщины — влюбляться въ нихъ, какъ въ лучшихъ представителей нашего общества.

Кому оказываютъ услугу тѣ, кто возвеличиваетъ этихъ говоруновъ? Мнѣ думается, только тѣмъ, кто заинтересованъ въ распространеніи мнѣнія, будто бы русское общество способно только на безплодные протесты, а работать въ жизни для осуществленія первостепенныхъ культурныхъ задачъ не умѣетъ.

Библіографія.

(Книги, поступившія въ редакцію.)

Арищенко, Григорій. Любовь. Стихотворенія. СПБ. 1902 г. Ц. 1 р.

Арнольдъ, Мэтью. Задачи современной критики. Изд. „Посредника". Москва. 1902. Ц. 15 к.

Байе, К. Исторія искусствъ. Кіевъ. 1902 г. Ц. 4 р.

Изъ 400 страницъ этой книги около 250 посвящены старому искусству, около 100 новому и около 75 русскому. Если же принять во вниманіе, что иллюстраціи, по большей части воспроизведенныя неудовлетворительно, вытѣсняютъ почти половину текста, то читатель убѣдится, что передъ нами книга, которую можно назвать развѣ конспектомъ исторіи искусствъ. За такую книгу назначена сравнительно очень высокая цѣна—4 р.

Брандесъ, Георгъ. Собраніе сочиненій. Кіевъ. 1902. Ц. за 12 т. 5 р.

Въ настоящее время вышло 4 тома сочиненій извѣстнаго датскаго критика Брандеса, въ переводѣ на русскій языкъ. Въ эти томы вошли: „Скандинавская литература" и „Главныя теченія въ литературѣ XIX в.". Переводъ сдѣланъ подъ ред. М. В. Лучицкой и отличается серьезными достоинствами. Къ первому тому приложенъ портретъ критика и біографическая статья о немъ.

Бродовскій, И. Еврейская нищета въ Одессѣ. Изд. С. В. Можаровскаго. Одесса. 1902. Ц. 30 к.

Будзинскій, В. А. Анапа. Харьковъ. 1902. Ц. 20 к.

Русская публика, обладающая средствами, хорошо знаетъ самые даже незначительные курорты западной Европы и совершенно равнодушна къ своимъ отечественнымъ, по малому знакомству съ ними. Д-ръ Будзинскій, въ своей брошюркѣ, знакомитъ нашу публику съ однимъ изъ курортовъ морскихъ купаній — Анапой, которая является, вмѣстѣ съ тѣмъ, и прекрасной климатической станціей на кавказскомъ берегу Чернаго моря.

Бунинъ, Иванъ. Новыя стихотворенія. М. 1902. Ц. 1 р.

Бутурлинъ, С. Охотничье пульное оружіе. Брестъ-Литовскъ. 1902. Ц. 1 р. 50 к.

Величко, В. Л. Владиміръ Соловьевъ. Жизнь и творенія. СПБ. 1902. Ц. 1 р. 50 к.

Авторъ этой біографіи покойнаго нашего философа былъ лично съ нимъ знакомъ и въ своей книгѣ сообщаетъ много интересныхъ фактовъ изъ его жизни. Въ общемъ онъ даетъ прекрасный портретъ симпатичной личности Соловьева. Что же касается до оцѣнки его твореній, то авторъ резюмируетъ ихъ значеніе въ слѣдующихъ словахъ: „Главное, что останется изъ нихъ (изъ твореній Соловьева), это произведенія религіозныя, а если выразиться еще строже, религіозное настроеніе... Политическія писанія его, взятыя независимо отъ основныхъ побужденій, проживутъ менѣе долго,— продолжаетъ авторъ.—Въ нихъ особенно цѣнны не столько выводы, иногда не оправдываемые дѣйствительностью, сколько опять-таки *настроеніе*". Таковъ взглядъ автора на писательскую дѣятельность покойнаго философа.

Весновскій, В. А. Путеводитель по курортамъ Урала. Спутникъ туриста по Уралу. Екатеринбургъ. 1902. Ц. 60 к.

„Викъ" (1798—1898) Украинська поэзія видъ Котляревського до останнихъ часивъ. Томы: I, II и III. Цѣна каждому тому 2 р.

Волжинъ, В. А. Наши тулуповцы. Повѣсти. СПБ. Изд. Сойкина. Ц. 1 р.

Вундтъ. Система философіи. СПБ. 1902. Ц. 3 р.

Это капитальное сочиненіе Вундта давно уже требовало научно-литературнаго перевода и тщательнаго русскаго изданія. Такое изданіе мы и имѣемъ теперь въ выпущенномъ г. Пантелѣевымъ томѣ.

Гагры, новый климатическій курортъ на кавказскомъ берегу Чернаго моря. Историко-географическій очеркъ. Сост. А. В. Зеленинъ. Изд. П. П. Сойкина. СПБ. 1902. Ц. 30 к.

Гейденрейхъ, Ѳ. Б. Памятка самарянина. Первая помощь при несчастныхъ случаяхъ и внезапныхъ заболѣваніяхъ. Съ 19 рис. СПБ. 1902. Ц. 50 к. въ перепл.

Эта изящно изданная с.-петербургскимъ обществомъ самаритянъ книжка д-ра Гейденрейха должна быть въ каждомъ домѣ, въ каждой семьѣ. Въ видѣ цѣлаго ряда удобно расположенныхъ таблицъ даны въ ней подробныя указанія всѣхъ важнѣйшихъ и чаще встрѣчающихся болѣзней и несчастныхъ случаевъ, описаны болѣзненныя явленія, кратко опредѣлены причины ихъ и затѣмъ указано, какія слѣдуетъ принять мѣры въ каждомъ подобномъ случаѣ до прихода врача. Все это изложено ясно, толково. Книжка заслуживаетъ вниманія и по своей цѣли: весь доходъ съ нея идетъ въ пользу недавно народившагося у насъ по заграничному образцу Общества самаритянъ, заслуживающаго всяческой поддержки.

Гри-Гри. Женщина передъ судомъ юмористики. М. 1902. Ц. 50 к.

Григорьевъ, К. Бредъ жизни. Повѣсти, разсказы. Изданіе Г. Г. Арищенко. СПБ. 1902. Ц. 80 к.

Гюго, Викторъ. Несчастные. Изд. О. Н. Поповой. СПБ. 1902. Ц. 3 р.

Ди-Сеньи, Н. Курсъ прямолинейной тригонометріи. СПБ. 1902. Ц. 1 р. 25 к.

Длусскій, Н. М. Въ благопріятной средѣ. СПБ. 1902. Ц. 1 р.

Другъ животныхъ. Книга о вниманіи, состраданіи и любви къ животнымъ. „Библіотека для дѣтей и юношества". Подъ ред. И. Горбунова-Посадова. Москва. 1902. Ц. 85 к.

Друммондъ, Б. В. Дитя. Его природа и воспитаніе. Перев. съ англ. А. Г. Каррикъ и С. Л. Федоровичъ. Изд. т-ва „XX вѣкъ". СПБ. 1902. Ц. 1 р.

Душа Гоголя. Избранныя мѣста изъ писемъ Н. В. Гоголя и его статей автобіогр. характера. Сост. Г. А. Русановъ. Изд. „Посредника". Москва. 1902. Ц. 25 к.

Дэджонъ, А., д-ръ. **Искусство долго жить.** Пер. съ англійск. д-ра А. Нѣманскаго. Изд. т-ва „XX вѣкъ". СПБ. 1902. Ц. 40 к.

Д'Эйхталь, Е. Алексисъ Токвиль и либеральная демократія. Пер. М. Г. Васильевскаго подъ ред. Н. И. Карѣева. Изд. т-ва „XX вѣкъ". СПБ. 1902. Ц. 1 р.

Елпатьевскій, С. Савелій. Разсказъ. Москва. 1901. Ц. 3 к.

Ершовъ, Конекъ-горбунокъ. Русская сказка. Съ рис. Е. Самокишъ-Судковской. Изд. 19-е. СПБ. 1902. Ц. 1 р.

Прелестная русская сказка Ершова, пріобрѣвшая такую быструю популярность и широкое распространеніе въ Россіи, ставшая классическимъ произведеніемъ русской литературы, благодаря легкому, колоритному, мѣткому и остроумному стиху, а также тому народному духу, который сумѣлъ сохранить въ ней авторъ, вышла недавно въ новомъ изданіи, украшенномъ многочисленными рисунками, виньетками, за-

ставками и концовками талантливой нашей художницы Е. П. Самокишъ-Судковской. Рисунки ея удивительно дополняютъ текстъ сказки и улавливаютъ духъ ея. Въ нихъ словно сохраненъ ароматъ этого произведенія, и отличаются они художественной простотой и прекрасной композиціей, въ которой много фантазіи. То, что особенно дорого въ художественной иллюстраціи,—строгость и красота *рисунка*—выгодно отличаетъ произведеніе, г-жи Самокишъ-Судковской отъ большинства нашихъ русскихъ иллюстраторовъ, которыхъ, впрочемъ, очень и очень немного.

Зангвилль, И. Трагедіи Гетто. СПБ. 1902. Ц. 1 р. 25 к.

Это рядъ живыхъ очерковъ изъ быта современныхъ евреевъ,—быта чрезвычайно интереснаго по своимъ колоритнымъ чертамъ и очень мало извѣстнаго русской читающей публикѣ. Трогательныя сцены чередуются съ комическими, и въ тѣхъ и другихъ не мало настоящаго жизненнаго трагизма.

Ильинскій, А. И. Маріенбадскія минеральныя воды и натуральная маріенбадская соль. Спеціально для врачей. 4-е изд. Москва.

Календарь Императорскаго Человѣколюбиваго Общества. 1902—годъ столѣтняго юбилея. СПБ. 1902.

Содержа въ себѣ всѣ обычныя календарныя свѣдѣнія и много полезныхъ справочныхъ данныхъ, этотъ календарь имѣетъ совершенно особое значеніе: онъ представляетъ собою полный обзоръ всѣхъ учрежденій Императорскаго Человѣколюбиваго Общества, только-что отпраздновавшаго столѣтіе своего существованія. Дѣятельностью этихъ учрежденій долженъ быть заинтересованъ каждый русскій человѣкъ: помощью Общества—деньгами, предоставленіемъ работы, опредѣленіемъ въ пріюты, богадѣльни и т. д.—воспользовалось болѣе пяти милліоновъ человѣкъ, и всѣ тѣ 60 милліоновъ рублей, которые Общество израсходовало за сто лѣтъ на помощь нуждающимся, собраны отъ щедротъ Монаршихъ и пожертвованій частныхъ лицъ. На эти средства выросли по всей Россіи убѣжища для нуждающихся, находящихъ себѣ тамъ всегда помощь и поддержку. Въ календарѣ даны описанія и изображенія всѣхъ этихъ учрежденій Общества, и имъ предпосланы историческій очеркъ и портреты всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя особенно поработали на пользу Общества, стоя во главѣ его.

Каменскій, И. В. Панславизмъ, пангерманизмъ и панроманизмъ въ XX вѣкѣ. Одесса. 1902. Ц. 40 к.

Клейнъ, Карлъ. Подъ громъ пушекъ. Пер. съ нѣмецк. С. А. Порѣцкаго. Москва. 1902. Ц. 80 к.

Клементцъ, Н. Всего понемножку. Москва. 1902. Ц. 60 к.

Кольцовъ, А. В. Избранныя стихотворенія. Кн. I-я для мл. и ср. возр. Кн. II-я для старш. возр. 2-е изд. И. Ѳ. Жиркова. Москва. 1902. Ц. кажд. кн. 5 к.

Комитетъ для помощи поморамъ русскаго Сѣвера. Научно-промысловыя морскія изслѣдованія у береговъ Мурмана. СПБ. 1902.

Конанъ Дойль, А. Война въ Южной Африкѣ, ея причины и способъ ея веденія. Пер. съ англ. подъ ред. В. В. Язева. Одесса. 1902 г. Ц. 25 к.

Кочетковъ, В. Краткое наставленіе къ устройству крестьянскаго травосѣянія. „Деревенское хозяйство" вып. 30-й. Подъ ред. И. Горбунова-Посадова. Москва.

Кривенко, В. С. На окраинахъ. СПБ. 1902 г. Ц. 1 р.

Эта изящно изданная книга представляетъ собою путевыя впечатлѣнія г. Кривенко. Предъ читателемъ развертываются картины Крыма, Константинополя, Кавказа и Остзейскаго края. Читается книга съ большимъ интересомъ, а по временамъ читатель находитъ въ ней и болѣе или менѣе серьезныя указанія на тѣ или другія стороны жизни нашихъ окраинъ.

Кроуфордъ, Маріонъ. Донъ-Жуанъ. Ром. СПБ. 1902. Ц. 1 р. 25 к.

Крыловъ, И. А. Басни. Кн. I-я для младш. возр. Кн. II-я для средн. возр. Кн. III-я для старш. возр. 2-е изд. И. Ѳ. Жиркова. Москва. 1902. Ц. кажд. кн. 5 к.

Кузнецовъ, В. А. Нивеллированіе и съемка секстаномъ. СПБ. 1902. Ц. 2 р. 75 к.

Лебазейль, Е. Чудеса полярнаго міра. Перев. Е. Костко. „Полезная библіотека". Изд. П. П. Сойкина. СПБ. Ц. 50 к.

Лендеръ, Н. Н. Разсказы путника. Изд. А. С. Суворина. СПБ. 1902. Ц. 1 р.

Липскій. Цѣны на рабочія руки при заблаговременномъ наймѣ на сельскохозяйственныя работы. Изд. А. Новикова. СПБ. 1902. Ц. 80 к.

Малое великимъ 1852—1902 г. Сборникъ стихотвореній, посвящ. Гоголю, Жуковскому и Загоскину. Москва. 1902. Ц. 10 к.

Марлинскій, А. (А. А. Бестужевъ). Замокъ Нейгаузенъ. Рыцарская повѣсть. **Кровь за кровь.** Разсказъ. Изданіе А. С. Суворина. Дешевая библіотека. СПБ. Ц. 15 к.

Мацкевичъ, Андрей. Воспоминаніе объ экскурсіи по историческимъ мѣстамъ Новгорода лѣтомъ 1901 г. СПБ. 1902.

Maïkoff, Apollon. Poésies. Traduites pour la première fois pur Tancrède Martel et Thadée Larghine. Paris. 1902. Pr. 3 fr. 50 c.

Этотъ переводъ произведеній нашего знаменитаго поэта, хотя и прозаическій, сдѣланъ превосходно. Нѣкоторыя вещи читаются на французскомъ языкѣ съ такимъ же наслажденіемъ, какъ въ оригиналѣ, а это доказываетъ, что, несмотря на отсутствіе стихотворной формы, переводъ сохраняетъ достоинства оригинала. Не можетъ подлежать сомнѣнію, что, благодаря труду гг. Мартеля и Ларгина, французы оцѣнятъ и полюбятъ нашего поэта.

Меркель, Адольфъ, д-ръ. Юридическая энциклопедія. Пер. Ф. К. Зейделя подъ ред. В. М. Грибовскаго. Изд. Н. К. Мартынова. СПБ. 1902. Ц. 1 р. 50 к.

Мигулинъ, П. П. Реформа денежнаго обращенія въ Россіи и промышленный кризисъ 1893—1902. Харьковъ. 1902. Ц. 2 р.

Мижуевъ, П. Г. Школа и общество въ Америкѣ. СПБ. 1902. Ц. 75 к.

Американская школа и отношеніе къ ней американскаго общества давно уже возбуждаютъ всеобщій интересъ въ государствахъ Европы какъ своимъ возможнымъ совершенствомъ, такъ своей практической постановкой и быстрыми, прочными успѣхами въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи. Книга г. Мижуева обнимаетъ всѣ области средняго, высшаго, женскаго и профессіональнаго образованія въ Америкѣ и читается съ большимъ интересомъ.

Михаилъ, іеромонахъ. **Обиженныя дѣти.** Казань. 1902. Ц. 50 к.

Цѣль почтеннаго и даровитаго автора дать рядъ картинъ изъ жизни обездоленныхъ и обиженныхъ дѣтей и въ заключеніе сказать: „Помогите" Благая и симпатичная цѣль эта выполнена прекрасно: картины получаются яркія, и нарисованы онѣ перомъ автора колоритно; такъ что, къ концу книжки, дѣйствительно, вѣришь эпиграфу изъ В. Гюго, взятому авторомъ для своихъ очерковъ-лекцій: „Есть дѣло болѣе важное, чѣмъ ваша политика, ваша дипломатія—это брошенный ребенокъ".

Молоствовъ, Н. Г. Борецъ за идеализмъ. Рига. 1902 г. Ц. 1 р.

Москвичъ, Григорій. Иллюстрированный практическій путеводитель по Волгѣ. Одесса. 1902. Ц. 1 р.

Народный университетъ. 1) Въ Новый Свѣтъ прежде и теперь. Ц. 50 к. **2) Страна чудесъ Новаго Свѣта.** Ц. 50 к. **3) Невидимые враги и друзья.** Ц. 50 к. Подъ ред. В. В. Битнера. Изд. П. П. Сойкина. СПБ.

Немировичъ-Данченко, Вас. Ив. 1) Жертва покаянная. Ром. Ц. 1 р. 2) **Ежовыя рукавицы.** Ром. Ц. 1 р. 25 к. 2-ое изд. П. П. Сойкина. СПБ.

Новиковъ, Александръ. Второй сборникъ статей. 1901—1902 г. СПБ. 1902 г. Ц. 1 р.

Оржешко, Элиза. Собраніе сочиненій. Т. I, II и III. Кіевъ. 1902. Ц. за 12 т. 4 р.

Въ вышедшихъ трехъ томахъ сочиненій знаменитой польской писательницы Э. Оржешко помѣщены два ея едва ли не самыхъ популярныхъ произведеній: „Надъ Нѣманомъ" и „Мейеръ Езофовичъ". Переводъ, подъ редакціей С. С. Зелинскаго, вполнѣ литературный, и книжки изданы весьма изящно. Нельзя не привѣтствовать мысли издать полное собраніе сочиненій этой писательницы на русскій языкъ; многія изъ ея произведеній уже раньше появились на нашемъ книжномъ рынкѣ въ хорошихъ переводахъ, но полное собраніе является впервые.

Оскольскій. В. Стихотворенія. Харьковъ. 1902. Ц. 25 к.

Памятная книжка окончившихъ курсъ на с.-петербургскихъ высшихъ женскихъ курсахъ 1882—1889 гг., 1893—1901 г.

Петровъ, Г., свящ. **Школа и жизнь.** СПБ. 1902. Ц. 50 к.

Покровская, М. И. Женщины и дѣти. СПБ. 1902. Ц. 30 к.

Два разсказа женщины-врача М. И. Покровской, соединенные подъ общей обложкой и общимъ заглавіемъ, написаны съ искренней теплотой и горячей любовью къ дѣтямъ; искренность же писателя всегда подкупаетъ читателя. И оба разсказа: „Котораго?" и „Литературный вечеръ"—могутъ доставить нѣсколько пріятныхъ минутъ чтенія.

„Полезная библіотека". Какъ узнать характеръ человѣка. 3-е, дополненное и исправленное изданіе П. П. Сойкина. СПБ. Ц. 50 к.

„Полезная библіотека". Жизнь въ морѣ. Соч. проф. К. Келлера. Пер. съ нѣм. В. Шацкаго. Второе, исправленное и дополненное изданіе П. П. Сойкина. Ц. за 2 части 1 р.

Порѣцкій, О. А. Друзья растеній. Разсказы о дружбѣ растеній съ животными. Съ 53 рис. Подъ ред. И. Горбунова-Посадова. Москва. 1902. Ц. 50 к.

Путеводитель по Волгѣ, Окѣ, Камѣ, Вяткѣ и Бѣлой. Изд. И. И. Иванова. 1902. Ц. 25 к.

Риманъ, Г. Музыкальный словарь. Пер. съ нѣм. Б. Юргенсона, подъ ред. Ю. Энгеля. Вып. V. Изд. П. Юргенсона. Москва. Ц. всего изд. 6 р.

Ренанъ, Эрнестъ. Собраніе сочиненій. Кіевъ. 1902. Ц. за 12 т. 5 р.

Въ вышедшихъ 2 томахъ помѣщено капитальное сочиненіе французскаго философа: „Будущее науки", которому предпосланъ обстоятельный біографическій очеркъ и портретъ Ренана. Вообще, изданіе это сдѣлано тщательно и полно, какъ и заслуживаютъ этого такія цѣнныя произведенія, каковыми являются въ научной литературѣ труды знаменитаго философа.

Сельско-хозяйственная библіотека. I. Какъ удобрять садъ и огородъ. Ц. 50 к. **II. Земляная теплица и ея использованіе.** Съ 36-ю рис. Изд. П. П. Сойкина. СПБ. 1902. Ц. 1 р.

Серао, М. „Сестра Джіованна". Переводъ съ итальянск. Е. М. Лазаревской. Изд. т-ва „Общественная Польза". СПБ. Ц. 1 р.

Соловьевъ, Н. И. Православное духовенство. Очерки, повѣсти и разсказы изъ жизни приходскаго духовенства. Изд. И. Л. Тузова. СПБ. 1902. Ц. 1 р.

Справочная книга и календарь для инженеровъ и техниковъ путей сообщенія на 1902 г. Сост. инженеръ Н. И. Ефимовичъ. 3-й годъ изд. СПБ. 1902. Ц. 5 р.

Спутникъ по р. Волгѣ, ея притокамъ, Камѣ и Окѣ. Изданіе типо-литографіи П. С. Феокритова, годъ 2-й. Саратовъ. 1902 г.

Объемистая тетрадь этого „Спутника" снабжена очень недурно выполненными видами Волги, Оки, Камы и Урала, а также видами и планами нѣкоторыхъ волжскихъ городовъ. Главнѣйшее же достоинство „Спутника" заключается въ прекрасно составленныхъ картахъ рѣкъ—Волги, Камы и Оки, при чемъ наиболѣе обстоятельно, толково и интересно изображены Кама и нижній плесъ Волги—отъ Нижняго-Новгорода до Астрахани. Въ текстѣ „Спутника" помѣщены довольно отрывочныя историческія и современныя свѣдѣнія о волжскихъ городахъ. Въ общемъ, это изданіе заслуживаетъ безусловнаго вниманія гг. туристовъ. Очень портятъ его (съ художественной стороны) рекламы и иллюстрированныя объявленія, помѣщенныя среди самаго текста „Спутника".

Сѣверцевъ, Г. Т. Своя вина. Романъ. СПБ. 1902.

Г. Сѣверцевъ, очевидно, много путешествовалъ и много наблюдалъ. Картинки далекаго быта оживляютъ его большой и интересный, во многихъ отношеніяхъ, романъ. Авторъ—хорошій и занимательный разсказчикъ, умѣющій поддерживать вниманіе читателя и не давать ему скучать.

С — кій, Н. Стихотворенія. Томскъ. 1902. Ц. 1 р. 50 к.

Тардъ, Г. Общественное мнѣніе и толпа. Пер. съ франц. подъ ред. П. С. Когана. Москва. 1902 г. Ц. 1 р.

Всѣмъ желающимъ составить себѣ ясное понятіе о томъ, что такое общественное мнѣніе и насколько имъ можно дорожить, нельзя не посовѣтовать прочесть книгу извѣстнаго французскаго соціолога. Переводъ сдѣланъ вполнѣ удовлетворительно.

Твэнъ, М. Жанна д'Аркъ. Пер. съ англ. подъ ред. проф. А. Трачевскаго. Изд. А. Ильина. СПБ. 1902. Ц. 1 р. 25 к.

Телеоптиконъ. Электрическая передача видѣнія. СПБ. 1902. Ц. 75 к.

Тумановъ, Г. М. Замѣтки о городскомъ самоуправленіи на Кавказѣ. Тифлисъ. 1902. Ц. 60 к.

Ученіе графа Толстого о жизни. Изд. „Посредника". Москва. 1902. Ц. 15 к.

Фаресовъ, А. И. Земледѣльческія и ремесленныя коопераціи въ Россіи. СПБ. 1902. Ц. 40 к.

Фаресовъ, А. И. Мой отвѣтъ. (Изъ литературной полемики). СПБ. 1902 г. Ц. 40 к.

Федорченко, И. „Въ чаду мрій". Вирши и писни. Изд. ж. „Кіевская старина". Кіевъ. Ц. 10 к.

Фильдингъ. Душа одного народа. Пер. съ англ. Изд. „Посредника". Москва. 1902. Ц. 1 р.

Шперль, Августъ. Сыновья Будивоя. Пер. съ нѣм. подъ ред. А. Трачевскаго. „Рядъ историческ. романовъ". Изд. А. Ильина. СПБ. 1902 г. Ц. 1 р. 25 к.

Шуфъ, Вл. Гибель Шемахи, поэма. Въ пользу пострадавшихъ отъ землетрясенія въ г. Шемахѣ. СПБ. 1902. Ц. 40 к.

Эрастовъ, Г. Открытое письмо Максиму Горькому. Изд. Ѳ. И. Митюрникова. СПБ. 1902. Ц. 15 к.

Эмерсонъ, Р. В. Высшая душа. Замѣчательные мыслители древняго и новаго міра. Изд. „Посредника". Москва. 1902. Ц. 20 к.

Ѳоминъ, Г. А. Справочная книга для продавцовъ винныхъ лавокъ. Екатеринославъ. 1902 г. Ц. 50 к.

СМѢСЬ.

Голь на выдумки хитра. Лучшимъ знатокомъ быта низшихъ классовъ парижскаго населенія былъ Прива д'Англемонъ, самъ по себѣ яркій представитель чистокровной богемы, авторъ интересныхъ записокъ, начатыхъ имъ всего за нѣсколько лѣтъ до своей смерти. Онъ говоритъ между прочимъ: «Если мнѣ кто-нибудь разскажетъ, что въ какой-нибудь отдаленной улицѣ живетъ

человѣкъ, фабрикующій черенки ножей изъ старой луны, я непремѣнно повѣрю. Въ Парижѣ не слѣдуетъ ничему удивляться, да и самая способность удивляться съ теченіемъ времени атрофируется. Чего только я не насмотрѣлся, рыская по Парижу. Я видѣлъ геніевъ въ родѣ Колумба, которые, для того, чтобы поѣсть и провести ночь подъ крышей, каждое утро принуждены были открывать новую Америку».

Немыслимо перечислить всѣ разнообразныя, часто необыкновенно хитроумныя профессіи, въ которыхъ изощряется умъ парижанина «безъ опредѣленныхъ занятій» для снисканія насущнаго хлѣба: за кулисами показного Парижа,—Парижа блестящихъ бульваровъ и роскошныхъ магазиновъ, — начинается настоящее царство микрокосма человѣческаго генія. Кварталъ Mont - Saint - Hilaire цѣликомъ принадлежитъ маленькимъ промышленникамъ, занимающимся такъ - называемыми «petits métiers». Въ старыхъ домахъ здѣсь живутъ изобрѣтатели, которымъ недостаетъ только широкой арены дѣйствія, чтобы стать знаменитостями. Тайна успѣха состоитъ въ спеціальности. Mademoiselle Роза имѣла таковую: она была... воспитательницей муравьевъ. Она углубилась исключительно въ нравы и привычки этихъ умныхъ насѣкомыхъ, содѣйствовала далеко выше обычной нормы процедурѣ размноженія, держа маленькихъ производителей всегда въ жарко натопленномъ помѣщеніи. Но домовладѣльцы не раздѣляли вкусовъ m-lle Розы; со своимъ оригинальнымъ пансіономъ ей очень трудно было находить прочное пристанище, пока, наконецъ, она не поселилась за городомъ въ домѣ-особнякѣ на открытомъ мѣстѣ. Во всѣхъ департаментахъ Франціи, гдѣ только есть большіе лѣса, у нея имѣются агенты, ежедневно доставляющіе ей не менѣе десяти большихъ мѣшковъ муравьевъ. M-lle Роза очень гордится своимъ муравьинымъ «заводомъ»; она продаетъ яйца аптекамъ, зоологическому саду, большинству фазаньихъ садковъ,—и она зарабатываетъ ежедневно по крайней мѣрѣ 30 франковъ. Въ то время, какъ m-lle Роза получаетъ доходы съ муравьевъ, нѣкто Салэнъ разводитъ червей для уженья рыбы, и эта его не совсѣмъ опрятная спеціальность приноситъ ему отъ 10 до 15 франковъ въ день дохода въ рыболовный сезонъ и 7—8 франковъ въ день въ другое время.

Въ чемъ отказываетъ природа, то долженъ восполнять человѣкъ. Старый Лекокъ заинтересовался пѣтушьими гребешками. Ихъ особенно любили великіе гастрономы въ древнемъ Римѣ: для обѣда 50 патриціевъ нужно было 10.000 пѣтуховъ, потому что патриціи ѣли только гребешки, все остальное предоставлялось рабамъ. Въ Парижѣ ежедневно разстаются съ жизнью 30.000 штукъ домашней птицы; въ томъ числѣ не малое количество пѣтуховъ, гребешки которыхъ идутъ на приготовленіе рагу, паштетовъ и т. под. Потребность въ этихъ цѣнныхъ гребешкахъ возрастала со дня на день! И вотъ дядюшка Лекокъ изобрѣлъ машинку, которая изъ бычачьихъ, бараньихъ и телячьихъ глотокъ фабриковала превосходные пѣтушьи гребешки, которые онъ продавалъ по 15—20 сантимовъ за дюжину. Гребешки эти создали ему состояніе, и изъ признательности онъ до самой смерти остался вѣренъ своей спеціальности.

Другой бѣднякъ сталъ обладателемъ значительнаго состоянія безъ всякаго аппарата, исключительно благодаря одному своеобразному дарованію—легко разгадывать всевозможные ребусы. Въ кварталахъ маленькихъ рантье рестораны и кафэ обыкновенно бываютъ очень оживлены въ дни появленія въ журналахъ ребусовъ и шарадъ. Каждый выходитъ изъ себя, споритъ, бьется объ закладъ и, наконецъ, въ видѣ послѣдней инстанціи, обращается къ третейскому судьѣ—хозяину, который, весьма тронутый тѣмъ, что къ нему обращаются всѣ посѣтители, очень конфузился тѣмъ, что не могъ помочь ихъ горю. Не его ума это было дѣло. Это обстоятельство универсальный Эдипъ и принялъ къ свѣдѣнію: онъ сталъ еженедѣльно аккуратно являться къ почтеннѣйшимъ хозяевамъ ресторановъ и кафэ и вручалъ имъ письменныя рѣшенія по 25 сантимовъ за экземпляръ. Онъ зарабатывалъ этимъ въ общей сложности 600 франковъ въ мѣсяцъ. Теперь уже у него цѣлое разгадочное бюро: онъ держитъ нѣсколькихъ помощниковъ.

Интересную спеціальность придумалъ себѣ Шапелье. Онъ изобрѣлъ черный лакъ для куриныхъ лапокъ; благодаря этому старыя куры сходили за молодыхъ. Успѣхъ его былъ такъ великъ, что скоро онъ продалъ свое изобрѣтеніе за 1.000 франковъ, и его преемникъ могъ удалиться на покой съ очень почтенной рентой.

На рѣдкость крупные побочные доходы—хотя буквально «въ потѣ лица своего»—имѣютъ такъ-называемые «Laveurs de vaisselle»» (судомойки—и женщины, и мужчины) въ большихъ ресторанахъ. Банная температура, въ которой они проводятъ жизнь, сокращаетъ ее очень сильно, и жалованье они получаютъ довольно жалкое: франковъ 25 въ мѣсяцъ. Зато имъ достаются всѣ остатки кушаній. Это ихъ Голконда, изъ которой они выуживаютъ цѣлый капиталъ, отъ 400 до 500 франковъ въ мѣсяцъ. Они продаютъ за 3 франка ведро объѣдковъ, въ которомъ бренные останки нафаршированной трюфелями

пулярки покоятся въ мирномъ сосѣдствѣ съ кускомъ варенаго мяса изъ щей; жиръ, кости и шелуха продаются отдѣльно. Жиръ покупается фабрикантами илюминаціонныхъ лампочекъ по семи франковъ за боченокъ. Словомъ, за кулисами элегантныхъ ресторановъ примостилась и процвѣтаетъ цѣлая своеобразная биржа отбросовъ.

Для контраста укажемъ здѣсь на «petit métier», посвященное служенію высшимъ цѣлямъ,—таковы обязанности «Ange Gardien». Въ кабачкахъ роль «ангела-хранителя поневолѣ» играетъ за нѣсколько су какой-нибудь бѣднякъ, нанятый хозяиномъ для охраны его упившихся кліентовъ. Онъ долженъ доставлять пьянчужекъ домой, защищать ихъ отъ всякихъ несчастныхъ случаевъ и, въ случаѣ необходимости, укладывать въ постель. «Ангелъ-хранитель» предварительно подвергается экзамену; онъ долженъ быть безусловнымъ трезвенникомъ. Обыкновенно у него замѣчаются поэтическіе задатки, склонность къ мечтательности и созерцательному мышленію; это парижскій лаццарони и въ то же время честный по отношенію къ чужой собственности человѣкъ.

Не менѣе оригинальна профессія «la Reveilleuse». Кліенты «будильницы»—спящіе рабочіе. Въ 3 часа утра она начинаетъ свой обходъ, взбирается съ лѣстницы на лѣстницу и оглашаетъ квартиры рабочихъ болѣе или менѣе громкими приглашеніями вставать—отъ нѣжнаго pianissimo до самаго зычнаго fortissimo, смотря по крѣпости сна. Она услуживаетъ ежедневно 10—15 человѣкамъ, боящимся проспать часъ вставанія, получая за это отъ каждаго по 10—15 сантимовъ. Если эта услужливая особа и не зарабатываетъ столько, сколько упомянутые выше представители парижской голи, то все же ее утѣшаетъ сознаніе, что она имѣетъ вполнѣ почтенную спеціальность.

Судъ Линча въ Америкѣ.—Кому неизвѣстно, что такое судъ Линча?—Тысячная толпа, разъяренная жестокостью или гнусностью преступленія, набрасывается на караулъ, сопровождающій преступника, или на тюрьму, въ которую его заключили, и освобождаетъ преступника... только для того, чтобы повѣсить его, безъ всякаго слѣдствія и суда, на ближайшемъ же деревѣ.

Мы, въ Европѣ, совершенно не привыкли къ подобнымъ дикимъ расправамъ, которыя можно назвать *судомъ* только по какому-то недоразумѣнію. Даже въ низшихъ классахъ нашего населенія подобный самосудъ встрѣчается, какъ совершенно исключительное явленіе, и то только по отношенію къ заклятымъ врагамъ крестьянства — конокрадамъ. Между тѣмъ, въ Америкѣ подобный судъ, обязательно сопровождаемый казнью преступника, имѣлъ мѣсто, по статистикѣ одного журнала въ Чикаго, не менѣе 150 разъ въ годъ въ теченіе послѣднихъ 15 лѣтъ. Въ 1893 г. число жертвъ превышало 200; а въ 1892 достигло цифры 235!

Начиная съ 1898 г., число жертвъ падаетъ; наименьшее количество (за послѣднія 17 лѣтъ) наблюдалось въ 1899 г.:—107.

Какъ и можно было ожидать, наибольшее количество расправъ по суду Линча наблюдается въ южныхъ штатахъ, при чемъ, жертвами, въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ, являются негры. Такъ, на 135 случаевъ суда Линча въ 1901 г. 121 приходится на южные, и только 14—на сѣверные штаты. Жертвами же народнаго самосуда явились: 1 индіецъ, 1 китаецъ, 26 бѣлыхъ и 107 негровъ. Очевидно, что съ неграми, этими бывшими рабами, которыхъ плантаторы южныхъ штатовъ и по сю пору глубоко ненавидятъ и презираютъ, всего меньше считаютъ нужнымъ церемониться, и они поэтому чаще всего становятся жертвами народной ярости. Мотивы для примѣненія толпой суда Линча были самые разнообразные; такъ, въ 39 случаяхъ поводомъ къ его примѣненію послужило убійство; затѣмъ, идетъ насиліе надъ бѣлыми женщинами; въ 9 случаяхъ причиной послужила просто «расовая антипатія» (!!), и въ одномъ случаѣ — «ошибка въ личности» (!).

По счастью, этотъ обычай, въ силу котораго человѣкъ предается безъ слѣдствія и суда «казни толпой «по ошибкѣ» или по «расовой антипатіи»,—ужъ и въ самой Америкѣ начинаетъ искореняться, и число жертвъ суда Линча съ теченіемъ времени уменьшается.

Приведемъ тутъ кстати и общую статистику случаевъ насильственной смерти въ Соединенныхъ Штатахъ въ 1901 г. Количество это достигло въ указанномъ году довольно высокой цифры—7.852 (противъ 8.275 въ 1900 г.), при чемъ въ это число не вошли жертвы суда Линча, казни по суду и самоубійства. Главнѣйшія причины насильственной смерти располагаются въ слѣдующемъ порядкѣ: 4.646 человѣкъ было убито во время спора и драки; въ 820 случаяхъ причиной было состояніе опьяненія; въ 284—ревность; въ 193—убійство съ цѣлью грабежа, на большой дорогѣ; въ 174—помѣшательство; въ 149—дѣтоубійство; въ 134—сопротивленіе вооруженнымъ властямъ; въ 23—законная самозащита; 20 человѣкъ было убито во время стачекъ и 36—во время народныхъ волненій. 70 человѣкъ было, наконецъ, убито при покушеніи на ограбленіе.

Первая спасательная лодка. — Генри Гретхэдъ, умѣлый и трудолюбивый молодой человѣкъ, въ 1789 году былъ первымъ мастеромъ на извѣстной въ то время корабельной верфи Джоржа Адамса въ Шильдсѣ. У послѣдняго была хорошенькая дочь, которую Генри мечталъ сдѣлать своей женой. Молодая дѣвушка отвѣчала ему взаимностью. Но отецъ скоро провѣдалъ ихъ планы и тотчасъ же уволилъ мастера, который, не найдя на первыхъ же порахъ подходящаго мѣста, открылъ на свой страхъ и рискъ маленькую лодочную мастерскую.

Шильдсъ лежитъ у устья рѣки Тайнъ; гавань его посѣщается множествомъ судовъ, вслѣдствіе большого вывоза каменнаго угля. Нѣсколько скалъ и песчаныхъ мелей, къ сожалѣнію, затрудняютъ доступъ къ рѣчному устью и дѣлаютъ его въ бурную погоду даже опаснымъ; несмотря на то, что мѣстные лоцмана издавна славились во всей Англіи, какъ самые надежные и искусные, здѣсь все-таки въ то время происходили частыя кораблекрушенія, при чемъ гибло много человѣческихъ жизней.

Въ октябрѣ 1789 года совсѣмъ близко отъ гавани, во время необычайно сильной бури, разбился большой бригъ. Въ гавани на молѣ стояли и видѣли несчастье многіе жители Шильдса, въ томъ числѣ и Генри Гретхэдъ. Корпусъ брига уже скрылся подъ водой; только мачты возвышались еще надъ дико пѣнившимися волнами, да на ихъ такелажѣ виднѣлись темные силуэты смертельно перепуганныхъ людей, искавшихъ спасенія отъ разъяренной стихіи.

Опытные старые мореходы говорили, качая головой, что было бы не только безполезно, но прямо-таки похоже на самоубійство пытаться спасти погибавшій экипажъ судна въ такую погоду, когда ни одна лодка не удержится въ ужасномъ водоворотѣ волнъ. Тѣмъ не менѣе, нѣсколько мужественныхъ молодыхъ людей сѣли въ лодку и смѣло направили ее къ выходу изъ гавани, одушевляемые чувствомъ любви къ ближнему. Но едва они сдѣлали четвертую часть пути къ бригу, какъ ихъ лодка опрокинулась, и огромный валъ, пѣнясь, прошелъ надъ нею. Ни одинъ изъ смѣльчаковъ не достигъ живымъ берега. Вскорѣ и мачты разбитаго судна погрузились, вмѣстѣ съ своимъ человѣческимъ грузомъ, въ мрачную водную могилу.

Возвращаясь домой, Генри Гретхэдъ много размышлялъ надъ только-что видѣннымъ несчастнымъ случаемъ. «Обыкновенныя лодки, — шепталъ онъ про себя: — конечно, непримѣнимы для такого опаснаго предпріятія, какъ спасаніе утопающихъ во время бури. Слѣдуетъ построить спеціально для этого такую лодку, которая не могла бы ни перевернуться, ни затонуть даже въ томъ случаѣ, если до краевъ наполнится водою».

Такую лодку онъ придумалъ и изготовилъ. Она была построена очень прочно, имѣла своеобразный киль и непроницаемыя для воды пустоты съ обоихъ боковъ, а также на носу и кормѣ. Свою новую спасательную лодку изобрѣтатель спустилъ на воду въ гавани и дѣлалъ съ нею всевозможные опыты въ бурную погоду. Она превосходно держалась, не опрокидываясь даже тогда, когда употребляли усилія, чтобы привести ее въ это положеніе. Въ мартѣ 1790 года на большой мели въ виду Шильдса снова разбилось судно, и Гретхэдъ, несмотря на сильный вѣтеръ и бурю, сдѣлалъ съ своей спасательной лодкой первый практическій опытъ, который удался, какъ нельзя лучше. Экипажъ разбитаго судна былъ спасенъ.

Теперь новое полезное изобрѣтеніе привлекло всеобщее вниманіе и было по достоинству оцѣнено и расхвалено въ печати. Подлежащее вѣдомство купило у изобрѣтателя его первую спасательную лодку, а вскорѣ ему было заказано много такихъ же лодокъ, сперва для Сэндерленда и Ярмаута, потомъ для многихъ другихъ гаваней. Образовалось большое общество снабженія спасательными лодками особенно опасныхъ мѣстъ прибрежія Великобританіи; въ мастерскую Гретхэда посыпались заказы, давшіе ему большой заработокъ. Не было недостатка и въ вещественныхъ знакахъ одобренія. Парламентъ ассигновалъ ему награду въ 1.500 фунтовъ стерлинговъ (15.000 рублей). Русскій императоръ Александръ I заказалъ въ 1803 году спасательную лодку, какъ образецъ для русскихъ гаваней, и послалъ Гретхэду за нее крупную денежную награду и драгоцѣнный брильянтовый перстень. Благодаря своему изобрѣтенію, Гретхэдъ сталъ знаменитъ, богатъ и счастливъ; его прежній хозяинъ Адамсъ вынужденъ былъ теперь смотрѣть на него другими глазами и болѣе не противился склонности своей дочери: такой баловень фортуны, какъ Гретхэдъ, былъ для него вполнѣ подходящимъ компаньономъ и зятемъ.

Само собой разумѣется, съ тѣхъ поръ спасательныя лодки и вообще всѣ приспособленія спасательныхъ станцій подверглись значительному улучшенію и усовершенствованію; однако, лодка Генри Гретхэда все же была первымъ шагомъ въ этой важной области, и потому имя этого человѣка должно быть увѣковѣчено въ памяти потомства.

Мазурка.

Л. Дофенъ.

Presto ma non troppo 152 = 𝅗𝅥

PIANO

ten.

p

rfz

p

Ped * Ped * Ped

f

con anima

* Ped * Ped * Ped

dim.

rit.

legato

pp

* Ped * Ped *

stretto

p

mf
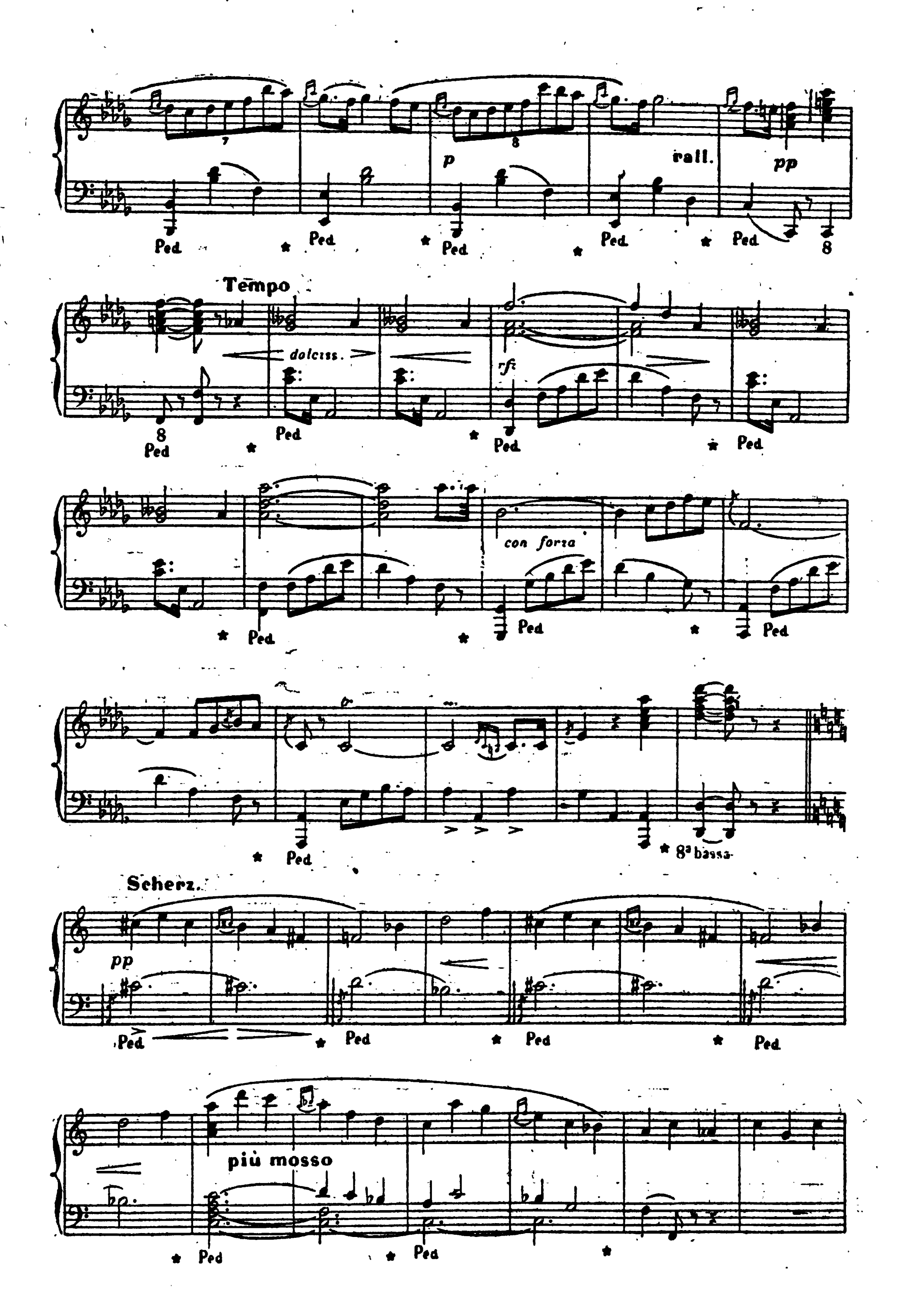
Ped * Ped * Ped * Ped * Ped *

f

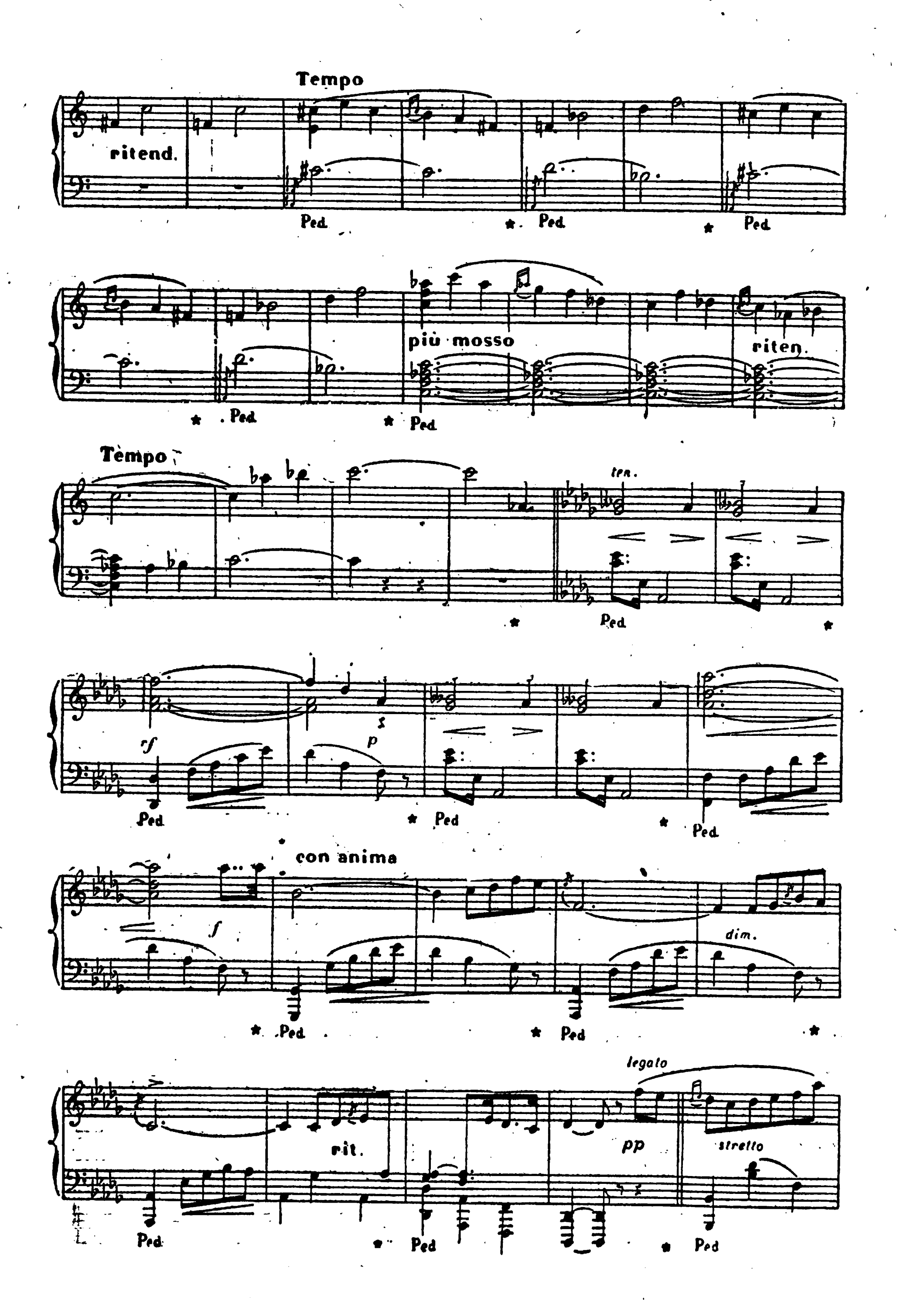
pp ff
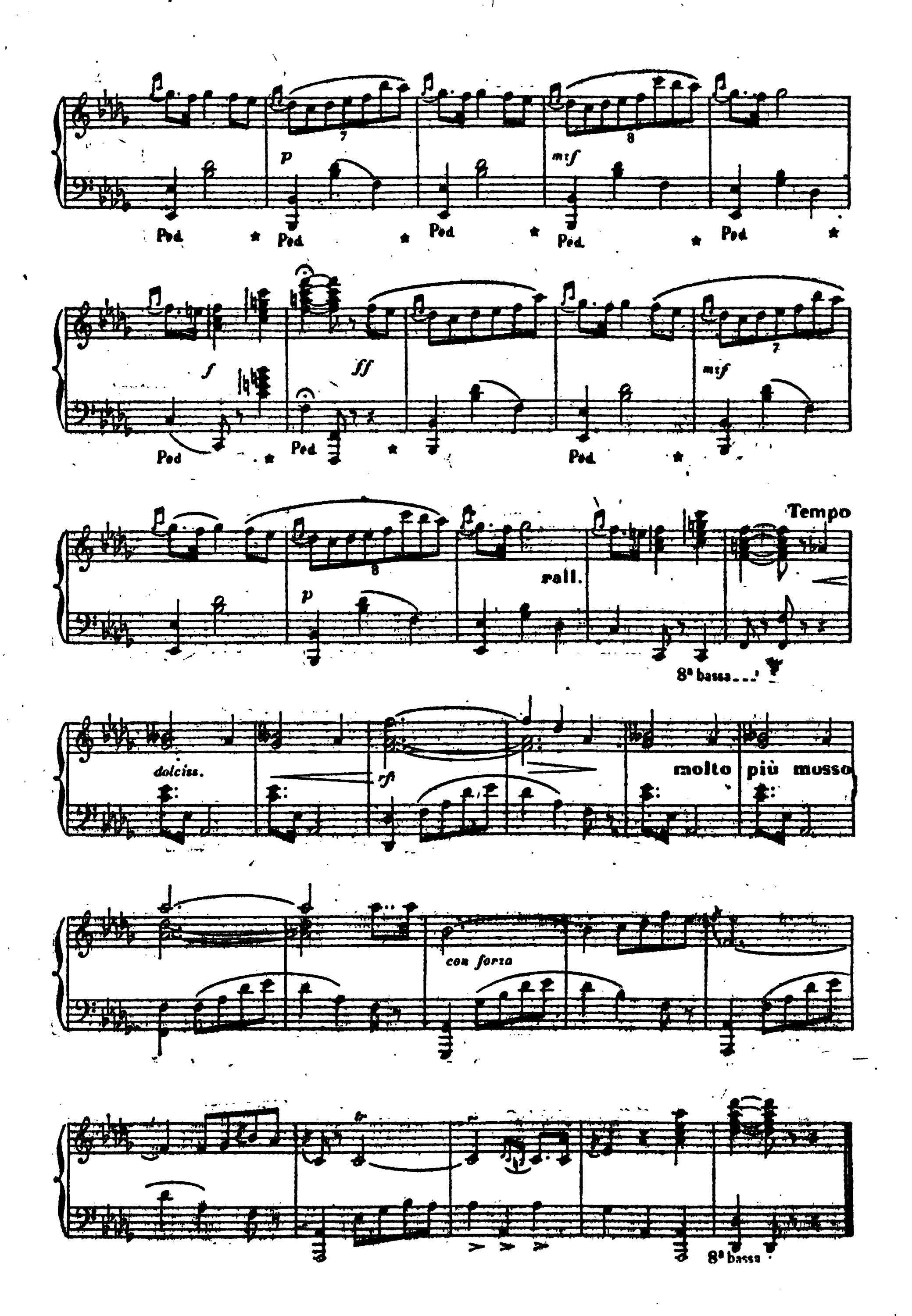
mf

Ped * Ped * Ped * Ped * Ped *

rall.
pp
Ped
Tempo
dolciss.
rf
con forza
8a bassa
Scherz.
pp
più mosso

Tempo
ritend.
Ped
più mosso
riten.
Tempo
ten.
rf
p
con anima
f
dim.
rit.
legato
pp
stretto

p
mf
Ped.
f
ff
rall.
Tempo
8a bassa
dolciss.
rf
molto più mosso
con forza

СПОРТЪ, ИГРЫ И ЗАБАВЫ.

Подъ редакціей **В. К. Анфилова.**

Искусство лежанія на водѣ.

Докторъ Арно, большой знатокъ плаванія и написавшій книгу: «Теорія положенія человѣческаго тѣла въ водѣ», утверждаетъ, что, если бы люди не утрачивали въ моменты опасности самообладанія, они бы никогда не тонули, имѣя въ виду, что, лежа на спинѣ, человѣкъ можетъ плыть по поверхности воды, подобно сухой доскѣ.

Это, говоритъ Арно, не искусство, а свойство, присущее всякому смертному. Правда, имъ въ наше время немногіе умѣютъ пользоваться, а между тѣмъ необходимость усвоенія таковаго—внѣ всякаго сомнѣнія.

Привыкнуть къ лежанію на водѣ весьма легко. Для этого нужно легко и быстро закинуться на спину, опустивъ въ воду возможно глубже затылокъ, вытянуть руки и ноги и... плыть, не шевелясь, по теченію.

Однако, при этомъ непремѣнно нужно держать грудь возможно наполненной воздухомъ. Дышать слѣдуетъ короткими, неглубокими вздохами, а для полнаго обновленія воздуха въ легкихъ дѣлать вздохи быстрые, но сильные. Впрочемъ, рекомендуется при лежаніи на водѣ вовсе не дѣлать глубокихъ вздоховъ.

Тѣло человѣка лишь незначительно тяжелѣе количества вытѣсняемой имъ воды; наполненное же воздухомъ оно дѣлается уже легче ея и свободно держится на ея поверхности, подобно плавательному пузырю.

Плывущему такимъ образомъ необходимо пріучать себя не пугаться погруженія ушей въ воду, оставляя на воздухѣ лишь глаза, носъ да ротъ. Чѣмъ спокойнѣе онъ будетъ лежать, тѣмъ успѣшнѣе онъ будетъ держаться на водѣ, хотя бы даже и волнуемой...

Зато стóитъ лишь поднять руку или ногу,—и пловецъ быстро идетъ ко дну, ибо всякая часть его тѣла, высунутая изъ воды, увеличиваетъ его вѣсъ и служитъ опаснымъ грузомъ...

По увѣренію Арно, для человѣка, свыкнувшагося съ лежаніемъ на водѣ, эта послѣдняя такъ же страшна, какъ и земля: онъ погрузится въ воду только лишь по своей охотѣ!

Многіе думаютъ, что для избѣжанія погруженія въ воду необходимо быть на груди, слѣдуетъ возможно чаще болтать ногами и барахтаться руками, силясь при этомъ поднимать голову возможно выше отъ воды.

Это очень опасное убѣжденіе! Вѣдь при такомъ положеніи почти невозможно долгое время держать голову внѣ воды; для привольнаго же дыханія на водѣ достаточно имѣть на воздухѣ лишь одно лицо. Нужно помнить, что ушами захлебнуться нельзя, а потому, повторяется, не слѣдуетъ бояться непріятнаго ощущенія отъ попавшей въ таковыя воды.

Любителямъ купанья не мѣшаетъ принять къ свѣдѣнію совѣты д-ра Арно.

Асколіасмосъ.

Древняя игра, какъ кажется, окончательно забытая нашими спортсменами. Въ минувшіе вѣка греческая молодежь очень увлекалась ею; она даже долгое время была включена въ обычную программу публичныхъ ристалищъ на почетныя награды отъ городовъ и цѣлыхъ общинъ.

Асколіасмосъ занимаетъ среднее мѣсто между атлетикою и гимнастикою. Игра, вѣрнѣе—упражненіе, не сложна, но далеко не легка, и нужно не мало опытности, чтобы сдѣлаться виднымъ ея представителемъ.

На гладкой площадкѣ или лужайкѣ свободно ставится деревянная фигура, выточенная въ видѣ обыкновенной кегли, но лишь со срѣзанной горизонтально головою, шириною въ этомъ срѣзѣ не менѣе вершка, а въ основаніи — двухъ вершковъ или немного болѣе. Вышина этой кегли не должна превышать трехъ четвертей аршина.

Участвующіе въ этомъ упражненіи становятся въ условномъ отдаленіи отъ кегли, въ линію, и поочередно подбѣгаютъ къ ней, съ разбѣга вскакиваютъ одною ногою на срѣзанную часть кегли и, вытянувшись во весь ростъ, стараются удержаться такъ, балансируя свободною ногою и руками.

Кто сумѣетъ удержаться на этомъ шаткомъ предметѣ дольше всѣхъ, тотъ и считается побѣдителемъ.

Разумѣется, для удостовѣренія продолжительности стоянія каждаго изъ соперниковъ необходимъ обыкновенный секундомѣръ, который пускается въ ходъ съ момента постановки ноги прыгуна на кеглю, съ отдѣленіемъ другой отъ земли.

Упражненіе это требуетъ чрезвычайной ловкости и легкости прыжка. Иначе кегля неминуемо будетъ падать.

ШАХМАТЫ

подъ редакціей М. И. Ч.

Письма просимъ адресовать въ редакцію журнала съ припиской на конвертѣ: по шахматному отдѣлу.

Задача № 31.

К. Fraxler (въ Богеміи).

1-я премія

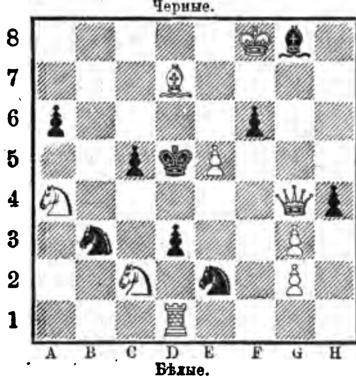
Задача № 32.

L. Kollijn (въ Швеціи).

2-я премія

на конкурсѣ задачъ шведскаго журнала «Tidsskrift for Skak».

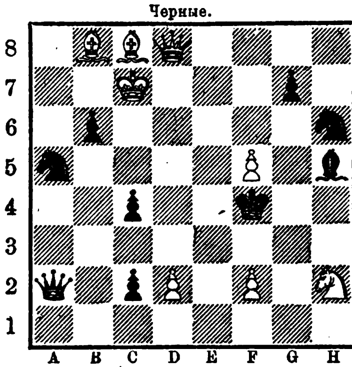
Черные.

Бѣлые.

Матъ въ 3 хода.

Черные.

Бѣлые.

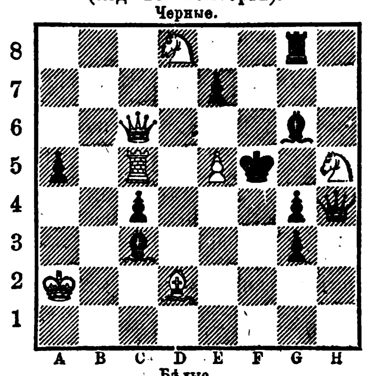
Матъ въ 3 хода.

Задача № 33.

Zd. Mach.

1-я премія на конкурсѣ «Ilustracya Polska» (изд. въ Лембергѣ).

Черные.

Бѣлые.

Матъ въ 2 хода.

Задача № 34.

К. К. Лембке (въ Москвѣ).

Черные.

Бѣлые.

Матъ въ 2 хода.

№ 35. Задача „миніатюра“ О. Блюменталя (въ Берлинѣ).

♔ f7 ♕ h1 ♖ b7 ♘ g8. ♚ a8 ♜ b7. Матъ въ 3 хода.

Въ іюньской книжкѣ „Stratégie“ объявлены имена участниковъ международнаго конкурса задачъ, устроеннаго журналомъ по случаю международной выставки въ Парижѣ въ 1900 г. Авторомъ 3-хъ-ходовой задачи подъ девизомъ „Rosa“, помѣщенной у насъ въ апрѣльской книжкѣ, подъ № 15, оказался V. Marin въ Барселонѣ. Задача № 16, подъ девизомъ „Lege Artis“, принадлежитъ M. Feigl'ю въ Вѣнѣ. Интересная по варіантамъ двухъ-ходовая задача подъ девизомъ „Liberti II“ (у насъ подъ № 17), получившая первую премію, составлена H. W. Barry (въ Бостонѣ). Вторая премія присуждена чеху B. Prikryl'ю (въ Австріи). Съ этюдомъ подъ девизомъ „Longa Via“ (у насъ подъ № 19) конкурировалъ извѣстный составитель задачъ пасторъ Jespersen (въ Даніи).

Нашъ соотечественникъ, А. В. Галицкій (ст. Суна, Вятской губ.) получилъ третью премію за очень ми-

леньную, хотя и не сложную задачу, подъ девизомъ „La Donna e mobile“ (см. кн. „Нива“, май, зад. № 20).

Новости.

Въ Карлсбадѣ мѣстнымъ шахматнымъ кружкомъ было организовано небольшое шахматное состязаніе между извѣстными читателямъ г. Яновскимъ, живущимъ нынѣ въ Парижѣ, и г. Шлехтеромъ изъ Вѣны. Оба противника, по условію, должны были сыграть 10-ть партій. Г. Шлехтеръ неожиданно для шахматистовъ всего свѣта оказался побѣдителемъ, выигравшимъ 6 партій, проигравшимъ только одну при трехъ ничьихъ. По партіи, приведенной въ настоящемъ отдѣлѣ, читатели могутъ судить насколько г. Яновскій игралъ ниже своей силы.

Въ Ганноверѣ, 8-го (21-го) іюля долженъ былъ начаться международный шахматный турниръ. Имена его участниковъ могли быть извѣстны лишь за два дня до его начала. По достовѣрнымъ извѣстіямъ, въ немъ будутъ играть: Пильсбери и Маршаль изъ Нью-Іорка, Яновскій изъ Парижа, Мизесъ изъ Лейпцига, Вольфъ и Шлехтеръ изъ Вѣны, Левинъ и Чигоринъ изъ Петербурга, Олландъ изъ Утрехта (сильнѣйшій игрокъ въ Голландіи), Аткинсъ и Блэкбернъ изъ Лондона; кромѣ нихъ—германскіе игроки.

№ 22. СИЦИЛІАНСКАЯ ПАРТІЯ.

Играна на турнирѣ въ Монте-Карло 28-го февраля 1902 г.

	Реджіо. Бѣлые.	Д-ръ Таррашъ. Черные.
1.	e2 — e4	c7 — c5
2.	К. b1 — c3	К. b8 — c6
3.	К. g1 — f3	e7 — e6
4.	d2 — d4	c5 : d4
5.	К. f3 : d4	К. g8 — f6
6.	К. d4 — b5	С. f8 — b4
7.	С. c1 — f4	. . .

Въ прежнее время почти исключительно играли: 7. К. b5—d6+ (съ каковою цѣлью и дѣлали ходъ конемъ на b5), Кр. e8-e7!; 8. С. c1—f4, e6—e5; 9. К. d6—f5+, Кр. e7—f8; 10. С. f4—g5, но съ теченіемъ времени это продолженіе признали невыгоднымъ для бѣлыхъ, такъ какъ послѣ 10. ... d7—d5; 11. e4 : d5, С. c8 : f5 атака переходитъ въ руки черныхъ.

Б. Энглишъ (†) въ одной турнирной партіи съ Л. Паульсеномъ (†) съ успѣхомъ сыгралъ 7. a7—a6, и съ тѣхъ поръ ему стали подражать. Черные почти вынуждены брать слономъ коня c3 и затѣмъ играть 8. ... d7—d5; 9. e4 : d5, e6 : d5. Изолированная пѣшка d5, о защитѣ которой приходится постоянно заботиться, является несомнѣнно слабымъ пунктомъ партіи черныхъ.

Ходъ 7. С. c1—f4 впервые, кажется, сдѣлалъ К. Шлехтеръ въ турнирной партіи съ г. Блэкбёрномъ (Монте-Карло, 1901 г.). Послѣдній отвѣтилъ 7. ... e6—e5, и на 8. С. f4—g5, 0—0; 9. a2—a3, С. b4 : c3 и т. д. Вскорѣ его партія пришла въ полное разстройство вслѣдствіе атаки бѣлыхъ, обрушившейся на позицію короля (черн. вынуждены были играть h7—h6 и g7—g5).

Въ „Нов. Вр.“ (15-го марта 1901 г.) г. Чигоринъ указывалъ на благопріятный для черныхъ результатъ, получающійся послѣ 7. (С. c1—f4), К. f6 : e4. Настоящая партія это подтверждаетъ.

7.	. . .	К. f6 : e4
8.	К. b5 — c7+	Кр. e8 — f8
9.	К. c7 : a8	Ф. d8 — f6
10.	Ф. d1 — f3	К. e4 : c3
11.	С. f4 — d2	К. c6 — d4!
12.	Ф. f3 — d3	Ф. f6 — e5+
13.	С. d2 — e3	. . .

И 13. С. f1—e2 не спасаетъ партію. Черные сыграютъ 13. ... К. d4 : c2+; 14. Кр. e1—f1, К. c3—e4. Если 15. Ф. d3 : c2, то К. e4 : d2+; 16. Кр. f1—g1, Ф. e5 : e2; 17. Ф. c2 : c8+, Кр. f8—e7; 18. Ф. c8—c7 (18. Ф. c8 : h8, С. b4 — c5), 18. ... К. d2 — e4; 19. Ф. c7—f4, С. b4—c5; 20. Л. a1—f1, Л. h8 : a8,—и черные должны выиграть.

13.	. . .	К. c3 — a4+
14.	c2 — c3	К. a4 : b2!

Бѣлые сдались, такъ какъ проигрываютъ ферзя.

№ 23. ФРАНЦУЗСКАЯ ПАРТІЯ.

Играна на турнирѣ въ Монте-Карло 1-го марта 1902 г.

	Вольфъ. Бѣлые.	Гунсбергъ. Черные.
1.	e2 — e4	e7 — e6
2.	d2 — d4	d7 — d5
3.	К. b1 — c3	d5 : e4

Хотя на послѣднихъ турнирахъ довольно часто такъ играли, но старинное продолженіе 3. ... К. g8—f6 несомнѣнно лучше.

4.	К. c3 : e4	С. f8 — e7
5.	К. g1 — f3	К. b8 — d7
6.	С. f1 — d3	К. g8 — f6
7.	0 — 0	b7 — b6
8.	Ф. d1 — e2	0 — 0
9.	К. e4 — g5	С. e7 — d6?

Г. Гунсбергъ, конечно, не предусмотрѣлъ, что послѣ 10. К. g5 : h7, К. f6 : h7; 11. С. d3 : h7+, Кр. g8 : h7; 12. Ф. e2—e4+ онъ проигрываетъ ладью. Лучшій ходъ былъ 9. ... С. c8—b7. Нехорошо 9. ... h7—h6 въ виду 10. К. g5 : e6, f7 : e6; 11. Ф. e2 : e6+, Кр. g8—h8; 12. К. f3—h4 и т. д.

10.	К. g5 : h7	К. f6 : h7
11.	С. d3 : h7+	Кр. h8 : h7
12.	К. f3 — g5+	Кр. h7 — g6

Если 12. ... Кр. h7—g8, то 13. Ф. e2—e4,—и бѣлые, угрожая матомъ, выигрываютъ ладью.

13.	Ф. e2 — e4+	f7 — f5
14.	Ф. e4 : a8	Кр. d7 — f6
15.	Л. f1 — e1	К. f6 — e4
16.	Л. e1 : e4	Л. f8 — h8
17.	Л. e4 : e6+	С. c8 : e6
18.	Ф. a8 : d8	С. d6 : h2+
19.	Кр. g1 — h1	Л. h8 : d8
20.	К. g5 : e6	Сдался.

№ 24. ДЕБЮТЪ ФЕРЗЕВЫХЪ ПѢШЕКЪ.

Играна на турнирѣ въ Монте-Карло 14-го февраля 1902 г.

	Шлехтеръ. Бѣлые.	Пэпиръ. Черные.
1.	d2 — d4	d7 — d5
2.	К. g1 — f3	c7 — c5
3.	e2 — e3	К. g8 — f6
4.	c2 — c3	e7 — e6
5.	С. f1 — d3	С. c8 — d7

Если бы черные сдѣлали ходъ a7—a6 или h7—h6, то цѣль каждаго изъ нихъ была бы понятна, и они имѣли бы болѣе значенія, чѣмъ ходъ, сдѣланный въ партіи...

6.	К. b1 — d2	С. d7 — c6?
7.	d4 : c5	С. f8 : c5
8.	b2 — b4	С. c5 — d6
9.	b4 — b5	С. c6 — d7
10.	0 — 0	a7 — a6
11.	c3 — c4	0 — 0
12.	С. c1 — b2	a6 : b5
13.	c4 : b5	Ф. d8 — e7
14.	К. f3 — e5	С. d7 — e8
15.	a2 — a4	К. b8 — d7
16.	К. e5 : d7	С. e8 : d7
17.	e3 — e4	e6 — e5
18.	e4 : d5	К. f6 : d5
19.	К. e2 — c4	Л. f8 — d8
20.	Л. f1 — e1	К. d5 — f4

Черные жертвуютъ фигуру за многообѣщающую на первый взглядъ атаку.

21.	К. c4 : d6	Ф. e7 — g5
22.	С. d3 — e4!	С. d7 — f5

Если 22. ... С. d7—h3; то 23. С. b2—c1!, С. h3 : g2; 24. С. c1 : f4 и т. д.

23.	К. d6 : f5!	Л. d8 : d1
24.	Л. a1 : d1	h7 — h5
25.	С. b2 : e5	К. f4 : g2
26.	С. e4 : g2	Ф. g5 : f5
27.	a4 — a5	Л. a8 — e8
28.	a5 — a6	b7 : a6

Если 28. ... Л. e8 : e5, то 29. Л. e1 : e5, Ф. f5 : e5; 30. a6 : b7, Ф. e5—e8; 31. Л. d1—c1,—и бѣл. выигр.

29.	b5 : a6	h5 — h4
30.	a6 — a7	Ф. f5 — g4
31.	С. e5 — b8	Сдался.

Рѣшенія задачъ (Лит. Прил. „Нивы“, май, 1902).

— № 20. Дев. „La Donna e mobile“. Авторъ задачи А. В. Галицкій (ст. Суна, Вятской губ.). Матъ въ 3 хода.

1. b2 — b4, Л h2 : h4; 2. К. f5 — d6+, Кр. e4 : d4; 3. Ф. g1—g7×
1. . . . Л. h2 : f2; 2. h4 — h5, ∾; 3. Ф. или К.×
1. . . . Л. h2—g2; 2. К. f5—d6+ и 3. Ф. g1—a1×
1. . . . Кр. e4 : f5; 2. Ф. g1—g5× и 3. Ф. g5—e5×

— № 21. Дев. „Gem“. Авторъ задачи A. Charlik (въ Австраліи).

1. С. d6—g3.

— № 22. Задача оказалась съ опечаткой (рѣшается не въ два, а въ три хода); ея рѣшеніе отлагается до слѣдующаго отдѣла.

— № 23. Залкинда. Матъ въ 2 хода.

1. Л. g1—g5.

— № 24. Авторъ задачи Oltmar Nemo (въ Вѣнѣ).

Обратный матъ въ 3 хода.

1. Л. g3 — h8, С. d6 — c7; 2. Л. d5 — d4+, e5 : d4; 3. Ф. g4—g2+, К. f4 : g2×
1. . . . f7 : e6; 2. Ф. g4 — e2+, К. f4 : e2; 3. Л. d5 : e5+, f6 : e5×
1. . . . b6 — b5 или С. d8 — e7; 2. Ф. g4 — e2+, К. f4 : e2; 3. К. e6—g5+, f6 : g5×

Это авторское рѣшеніе было напечатано въ журналѣ „Stratégie“. Впослѣдствіи судьи конкурса усмотрѣли, что во всѣхъ варіантахъ бѣлые могутъ играть на второмъ ходѣ Ф. g4—e2+ или Ф. g4 : f4+; поэтому первая премія, присужденная первоначально г. Nemo, выдана г. M. Feigl'ю за слѣдующую задачу: Бѣл. Кр. b8, Ф. e1, Л. e6 и f8, С. g1, К. b4 и c6, П. a3 и d6. Черн. Кр. e3, Л. f2, С. b8 и f1, К. e2 и e4, П. b6, c7 и g2. Обратный матъ въ 3 хода.

— Этюдъ № 25. Дев. „Agricola“. Авторъ его H. Delimbourg (въ Брюсселѣ). Бѣлые начинаютъ и выигрываютъ.

1. g2—g4, h4 : g3; 2. h3—h4, С. e5—f6; 3. h4—h5, g3 — g2; 4. С. d5 : g2, Кр. e7 : e6; 5. С. g2 — h3+, Кр. e6—e7; 6. h5—h6, g7 : h6; 7. d7—d8Ф+, Кр. e7 : d8, 8. Кр. g6 : f6,—и бѣлые должны выиграть.

Правильныя рѣшенія прислали (къ 26-му іюня) всѣхъ задачъ и этюда: Г-жи Реввека и Рашель Зильбербергъ (Сувалки), Н. В. Изюмовъ (Вологда) и г-жа Кл. Пав. Левина (Муромъ).

Задачъ №№ 20, 21, 23 и 24. А. Галлеръ (СПБ.), М. Данюшевскій (Лодзь), Л. Ротштейнъ (ст. Комаровцы), В. А. Стетюгъ (Николаевъ, Херс.).

№ 21. П. К. Ануфріевъ (Орѣхово-Зуево, Влад.), С. Д. Гельманъ (Житоміръ), М. Д. Дугласъ (Москва), А. В. Залкиндъ (Кострома), А. Ф. Каневскій (Градижкъ, Полт.), Ѳ. С. Орловскій (Кѣльцы), С. Рабиновичъ (Тульчинъ), В. и Г. Стуксъ (Одесса), Е. Н. Сынгаевскій (Москва), М. А. Стельникъ (Ковель, Вол.). П. Смирновъ (Шацкъ, Тамб.), А. А. Убланъ (СПБ.).

— № 23 рѣшили тѣ же лица и К. Авруинъ (Свѣнская, Л. Р. ж. д.), Ш. Я. Бердичевскій (Тульчинъ), В. Ермоловъ (Москва), Свящ. Ан. Ивановъ (с. Волица), Ш. А. Насельскій (Варшава), М. А. Русаковъ (Кизелъ, Перм.), Л. Суница (Мглинъ, Черн.).

— № 24 рѣшили: Л. Б. Залкиндъ и В. Прокунинъ Москва).

Корреспонденція со всѣми для всѣхъ.

— М. Д. Д—су (Москва). Предполагается, что рѣшающіе задачи догадаются сдѣлать матъ въ одинъ ходъ, если въ варіантахъ рѣшеній на каждый ходъ черныхъ не указывается иногда отвѣтъ бѣлыхъ, съ которымъ они даютъ матъ. Если 2. . . . Кр. e4 : f4, то разумѣется не 3. Ф. e1—e5×(?), ибо черные возьмутъ ферзя королемъ, а 3. g2—g3×.

— Н. К—му (Рыбинскъ). Въ Петербургѣ издается одинъ только „Шахматный Журналъ“. Ц. 6 р. въ годъ. Подписка въ кн. маг. Карбасникова. Литейный пр., д. 46.

— NB. Въ „Корреспонденціи“ даются лишь отвѣты, имѣющіе какой-либо интересъ для читателей, или къ ихъ свѣдѣнію.

ШАШКИ

подъ редакціей В. И. Шошина.

Задача № 13.

А. И. Шошина.

Посвящается судьямъ 2-го конкурса шашечныхъ задачъ журнала „Шахматное Обозрѣніе“.

Черныя.

Бѣлыя.

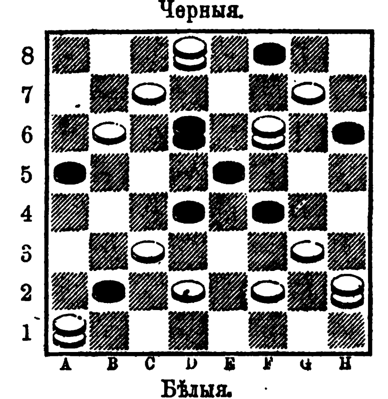
Запереть дамку.

Задача № 14.

С. П. Звѣрева.

Изъ „Шахматнаго Листка“ 1881 г. Рѣшенія этой интересной задачи напечатано не было.

Черныя.

Бѣлыя.

Запереть дамку.

ПАРТІЯ № 10.

Играна на 3-мъ всероссійскомъ турнирѣ въ Москвѣ 2 іюня 1898 г.

С. В. Васильевъ. Бѣлыя.		М. С. Ивановъ. Черныя.
1.	c3 — d4	d6 — c5
2.	d2 — c3	f6 — e5
3.	g3 — h4	. . .

Обыкновенно здѣсь играютъ 3. c3—b4 или 3. g3—f4. Ходъ въ партіи, по нашему мнѣнію, не слабѣе.

3.	. . .	c7 — d6
4.	h4 : f6	g7 : e5
5.	d4 : f6	e7 : g5
6.	h2 — g3	g5 — h4
7.	g3 — f4	b6 — a5
8.	c1 — d2	d8 — e7

Этотъ ходъ ведетъ къ проигрышу партіи. Слѣдовало играть 8. ... h8—g7 и если 9. c3—b4, a5 : c3; 10. b2 : b6, a7 : c5; 11. a1 — b2, то g7 — f6; а если 9. c3 — d4, то d8—e7; 10. d4 : b6, a5 : c7 и въ обоихъ случаяхъ черныя получали приблизительно равное положеніе.

9.	c3 — b4!	a5 : c3
10.	b2 : b6	a7 : c5
11.	a1 — b2	h8 — g7

Если 11. ... b8—a7, то 12. d2—c3, угрожая 13. f2—g3, и выигрываютъ.

12.	d2 — c3	e7 — f6

Если 12. ... g7—f6, то очевидно 13. f2—g3, h4 : d4; 14. c3 : g7 и выигрываютъ. Если же 12. ... b8—a7, то 13. c3—b4, g7—f6; 14. b4—a5, f6—e5 (если 14. ... f6—g5, то 15. a5—b6 и выигр.); 15. g1—h2, e5 : g3; 16. h2 : f4 и если f8—g7, то 17. a5—b6 и выигрываютъ.

13.	c3 — d4	b8 — a7
14.	d4 : b6	a7 : c5
15.	b2 — c3	f6 — e5
16.	g1 — h2	e5 : g3
17.	h2 : f4	f8 — e7

Если 17. ... g7—f6, то 18. c3—d4, f8—e7; 19. d4 : b6, f6—e5; 20. b6—a7, e5 : g3; 21. e3—f4, g3 : e5; 22. a7—b8 и если h6—g5, то 23. f2—e3, затѣмъ 24. e3—d4 и выигрываютъ.

18.	e1 — d2	g7 — f6
19.	c3 — d4	f6 — g5
20.	d4 : b6	e7 — f6
21.	b6 — c7!	d6 : b8
22.	d2 — c3	f6 — e5

Если 22. ... b8—c7, то 23. c3—d4, затѣмъ 24. a3—b4 или 24. d4—c5, смотря по ходу черныхъ, и выигрываютъ.

23.	f4 : d6	g5 — f4
24.	e3 : g5	h6 : f4
25.	d6 — e7	f4 — g3
26.	f2 — e3	g3 — h2
27.	e7 — d8	h2 — g1
28.	c3 — d4	b8 — a7

Если 28. ... g1—h2, то 29. d4—c5, b8—c7; 30. d8 : a5, h2—b8; 31. a5—e1 и выигрываютъ.

29.	d8 — c7	g1 — h2
30.	c7 — b8	h4 — g3

Если 30. ... h2—g1, то 31. b8—h2, a7—b6; 32. a3—b4 и выигрываютъ.

31.	a3 — b4	a7 — b6
32.	b4 — c5	b6 — a5
33.	b8 — a7	g3 — f2

Если 33. ... h2—g1, то 34. c5—b6, a5 : c7; 35. d4—c5, g1 : b6; 36. a7 : h4 и выигрываютъ.

34.	e3 : g1	h2 — c7
35.	a7 — b8	Ивановъ сдался.

Журналъ „Шахматное Обозрѣніе“ объявилъ третій конкурсъ шашечныхъ задачъ. Главныя условія таковы: (1 Каждый желающій присылаетъ не более пяти задачъ на заключеніе одной и болѣе шашекъ, при чемъ число запертыхъ шашекъ ограничивается двумя дамками и тремя простыми. 2) При каждой задачѣ прилагается подробное рѣшеніе, изложенное по общепринятой алгебраической нотаціи. 3) Задачи посылаются или каждая отдѣльной посылкой, или по нѣскольку задачъ въ одной посылкѣ. Каждая посылка означается особымъ девизомъ. Подъ тѣмъ же девизомъ, въ общемъ пакетѣ, но въ особо запечатанномъ конвертѣ прилагается имя, фамилія и адресъ автора посылки. 4) Посылки адресуются въ редакцію „Шахм. Обозр.“ (Москва, 1-я Мѣщанская, д. Морозовой) до 1-го сентября 1902 г. 5) Задачи, неудовлетворяющія общепринятому уставу русской шашечной игры, бывшія въ печати, нерѣшающіяся и съ двумя (и болѣе) рѣшеніями,—не будутъ приняты на конкурсъ. 6) Четыре лучшія задачи получатъ призы: 1-й—15 руб. и роск. изд. „Ш. О.“ за 1901 г.; 2-й—7 руб. и роск. изд. „Ш. О.“ за 1901 г.; 3-й—годовой абонементъ на „Ш. О.“ 1903 г. и 4-й—веленевый экз. альманаха „Шахм. Вечера“. Три слѣдующія по достоинству задачи получатъ почетные отзывы. 7) Судьею конкурса будетъ А. И. Шошинъ.

Рѣшенія задачъ, помѣщенныхъ въ № 5 Литер. Прил. „Нивы“ за май 1902 г.

— № 9. ... пиа ... ина. 1. f2—g3; 2. e7 : e1; 3. e5—f6, e7 : g5 (3. ... a3 : c5; 4. g1 : a7; 5. e1—h4 и т. д.); 4. e1—h4; 5. g1 : a7; 6. h4—g3 и 7. a7—g1.

— № 10. Л. Б. Залкинда. 1. e7—d8, c7—d6 (1. ... c7—b6; 2. d8 : a5; 3. h8—d4; 4. d4—e3 и т. д.—1. ... a7—b6; 2. f2 : a7, c7—d6 [2. ... c7—b6; 3. a7 : f2; 4. h8—d4 и 5. d4—e3]; 3. d8—c7, d6—e5 [3. ... d6—c5; 4. c5 : d6]; 4. f4 : d6; 5. h4—g5; 6. h8—d4 и т. д.); 2. d8—c7, d6—e5 (2. ... d6—c5; 3. b4 : d6 и 4. f2 : a7); 3. f4 : d6; 4. h4—g5; 5. h8—d4; 6. b4—c5; 7. f2—e3; 8. e3—f2 и 9. c5 : a7.

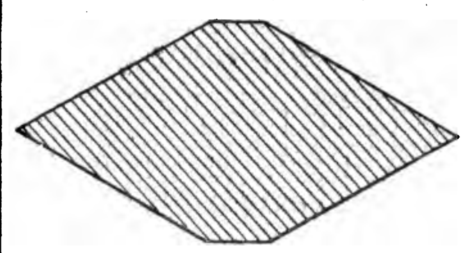
Рѣшили: Н. В. Панковъ, П. П. Васильевъ, С. П. Ивановъ (СПБ.), Н. П. Смирновъ (Москва), Ѳ. Ѳ. Старостинъ (Юрьевъ), П. К. Ануфріевъ (Орѣхово-Зуево, Влад. г.), М. А. Шибаловъ (Псковъ), В. Н. Красильниковъ (Москва), Т. Ш. Шалитъ (Рига), П. Я. Бѣлозеровъ (ст. Бологое, Ник. ж. д.), А. К. Мишинъ (В. Верейка, Ворон. г.), М. Данюшевскій (Лодзь), А. И. Левитскій (Екатеринославъ), П. Я. Березнеговскій (с. Никольское, Волог. г.), И. П. Смирновъ (Ново-Деревня, Томб. г.), Е. М. Максимовъ (с. Починки, Рязанск. г.), г-жа Л. Гаврилова (с. Архангельское, Ставр. г.) и Т. Бычковъ (ст. Прѣсновская, Акм. обл.)—№№ 9 и 10; П. Н. Водянскій (Кіевъ), А. Ивановъ (Мосальскъ) и М. П. Соколовъ (д. Липники, Яросл. г.)—№ 9.

ЗАДАЧИ, ЗАГАДКИ и РЕБУСЫ

подъ редакціей Н. В. Панкова.

Задача № 18.

Н. А. Галкина (въ СПБ.).

Раздѣлить предлагаемую фигуру на возможно меньшее число частей, изъ которыхъ сложить ромбъ.

Домино-пасьянсъ № 19.

Къ 8 камнямъ домино приставить остальные 20 камней, какъ показано на рисункѣ, но такъ, чтобы суммы очковъ по вертикальнымъ, горизонтальнымъ и діагональнымъ направленіямъ были одинаковы.

Рѣшеніе задачи № 13 (помѣщ. въ Литер. Прилож. за май 1902 г.).

Эта задача имѣетъ нѣсколько рѣшеній. Обозначивъ кружки, начиная съ верхняго горизонтальнаго ряда, числами отъ 1 до 36, отмѣтимъ слѣдующія группы кружковъ, по удаленіи которыхъ, число кружковъ, оставшихся въ каждомъ изъ рядовъ квадрата (см. рисун. къ задачѣ) будетъ четнымъ: I) 1, 2, 13, 18, 32, 36; II) 1, 3, 21, 22, 31, 34; III) 1, 3, 21, 24, 31, 36; IV) 1, 4, 7, 12, 22, 24; V) 2, 4, 19, 20, 25, 28; VI) 1, 4, 25, 30, 34, 36; VII) 2, 5, 8, 9, 27, 29; VIII) 2, 5, 13, 14, 19, 23; IX) 2, 5, 14, 15, 27, 29; X) 2, 6, 19, 24, 31, 32; XI) 5, 6, 7, 11, 19, 24; XII) 5, 6, 19, 24, 31, 35; XIII) 9, 12, 15, 17, 29, 30; XIV) 10, 11, 15, 17, 21, 22; XV) 14, 15, 27, 30, 32, 36 и XVI) 17, 18, 19, 23, 25, 30.

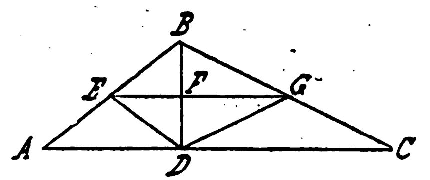
Рѣшили: П. Баевъ, Б. Буньковскій, Н. Я. Власовъ, А. Величковъ, С. Волкановичъ, Н. И. Гречишкинъ, А. А. Зиновьевъ, А. К—ая, А. И. Калишевъ, Н. А. Мямлинъ, І. Пархоменко, В. Пек—ій, Н. Г. Праведниковъ, А. Розановъ, Е. Сиверсъ, Л. Стадницкій, П. Филипповъ, П. К. Фраже, С. Хреневъ, П. Ящинскій.

Рѣшеніе задачи № 14 (помѣщ. въ Литер. Прилож. за май 1902 г.).

Скорняку необходимо неправильно выкроенный имъ изъ мѣха треугольникъ разрѣзать на нѣсколько равнобедренныхъ треугольниковъ.

На основаніи общеизвѣстной теоремы всякій остроугольный треугольникъ можно разбить на три равнобедренныхъ, для чего необходимо найти точку, равно отстоящую отъ вершинъ угловъ треугольника. Слѣдствіемъ этой теоремы является, что всякій прямоугольный треугольникъ можетъ быть раздѣленъ на два равнобедренныхъ.

Въ данномъ случаѣ треугольникъ, имѣющій стороны въ 5, 7 и 11 вершк.,—тупоугольный, и къ такому треугольнику можно приложить только слѣдствіе вышеуказанной теоремы, т. е. разбить его на два прямоугольныхъ треугольника, а послѣдніе на двѣ пары равнобедренныхъ.

На этомъ чертежѣ BD—перпендикуляръ къ AC, $BF=FD$ и EG параллель къ AC. Треугольники AED, BED, BGD и DGC—равнобедренные. Какъ видно изъ того же чертежа, заплата должна быть разрѣзана всего на три части, которыя, благодаря ихъ симметричности, могутъ быть перевернуты на изнанку.

Правильныя рѣшенія задачи № 14 доставили: И. В. Волковъ, Л. В. Гладыревскій, Н. М. Жолкевичъ, А. А. Зиновьевъ, А. И. Калишевъ, В. Л. Кругловъ, Н. А. Мямлинъ, І. Пархоменко, С. М. Пугинъ, П. Шафрановъ.

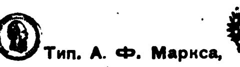
Кромѣ упомянутыхъ въ іюньской книжкѣ «Литер. Прилож.», слѣдующія лица доставили правильныя рѣшенія задачъ №№ 10, 11 и 12: И. Бѣлугинъ, И. П. Двухшерстновъ, Д. И. и А. И. Кардашевы, И. Кокочинскій, К. П. Чаплыгинъ и К. П. Чакинъ.

Корреспонденція.

Н. М. Смоленскому. Вашей задачей воспользуемся.

Д. С. Александровскому, П. Баеву, кн. *М. И. Бебутову, П. А. Васильеву, Д. Д. Васюку, А. Герасимову, Г. Манчжурскому, Б. Памфилову, Ю. И. Сайдашеву, А. Чубарову.* Ваши задачи не пригодились.

Издатель **А. Ф. Марксъ.** Редакторъ **Р. И. Сементковскій.**

Тип. А. Ф. Маркса, Измайл. пр., № 29.

Дозволено цензурою. СПБ. 10 іюля 1902 г.

Исключенный.

Разсказъ **П. М. Невѣжина.**

I.

Было лѣто. Въ деревенскомъ саду Ивана Викторовича Голубцова въ обѣденное время, пригорюнившись, сидѣлъ на скамьѣ мальчикъ четырнадцати лѣтъ, Митроша, одѣтый въ поношенную гимназическую курточку и подпоясанный форменнымъ поясомъ. Молодой Голубцовъ погрузился въ невеселыя думы. Истекшій учебный годъ принесъ ему много огорченій. Какъ реалистъ, получившій изъ трехъ предметовъ неудовлетворительные баллы, онъ не могъ оставаться на третій годъ въ классѣ и былъ уволенъ изъ заведенія. Послѣдствія такого провала почти всегда одни и тѣ же. Ребенокъ становится немилъ всѣмъ домашнимъ; на него косятся, читаютъ ему наставленія и указываютъ на него другимъ дѣтямъ, какъ на дурной примѣръ, которому не нужно слѣдовать. Однимъ словомъ, неудачника ѣдятъ поѣдомъ и доводятъ до того, что несчастный радъ провалиться сквозь землю. Такъ было и съ Митрошей. Его не только кололи словами, но при каждомъ случаѣ срамили и высмѣивали. Особенно неумолимъ былъ отецъ. При видѣ сына, входившаго въ комнату, Иванъ Викторовичъ насмѣшливо фыркалъ и саркастически смотрѣлъ на мальчика, не знавшаго, куда дѣвать глаза. Самымъ ненавистнымъ временемъ для провинившагося было, когда ему приходилось садиться съ семействомъ за столъ. Голубцовъ придирался ко всему, чтобъ выместить зло на «оболтусѣ». Этотъ эпитетъ до того часто повторялся неумолимымъ родителемъ, что окончательно отравилъ жизнь самолюбивому ребенку, и онъ старался какъ можно рѣже быть на глазахъ. Желаніе удалиться отъ своихъ преслѣдователей и загнало его въ садъ.

Добрый часъ сидѣлъ Митроша неподвижно на скамьѣ и только изрѣдка отгонялъ рукой мухъ, садившихся ему на лицо.

— Митроша!—вдругъ раздался издали дѣтскій голосъ. — Иди обѣдать.

При этихъ словахъ мальчикъ вздрогнулъ и, поднявшись съ мѣста, сталъ оправлять сбившуюся куртку и покосившійся поясъ. На пріятномъ лицѣ съ неправильными чертами выразилось неудовольствіе, на широкомъ выпукломъ лбу показались морщины. Постоявъ нѣкоторое время въ нерѣшительности, Митроша медленно направился къ дому. На дорогѣ его встрѣтилъ меньшой братъ Боря, миловидный блондинъ лѣтъ двѣнадцати.

— Ну, чего ты насупился? Эка важность, что ругаютъ! Да пускай ругаютъ! Имъ хорошо браниться, а нѣтъ

чтобы подумать: почему, за что залѣпили двойки?

— Говори тише, а то услышатъ и скажутъ, что я учу тебя грубіянить.

Когда дѣти вошли въ столовую, Иванъ Викторовичъ и Людмила Семеновна Голубцовы сидѣли уже на своихъ мѣстахъ.

—Что это за манера опаздывать?—съ раздраженіемъ замѣтилъ Голубцовъ.—Курьеровъ за вами разсылать, что ли? А все кто? Ты, лѣнтяй. Пожалуйста, хоть брата оставь въ покоѣ, а то ты такъ хорошо повліяешь на него, что и его выпроводятъ изъ гимназіи.

Мать съ грустью смотрѣла на сконфуженнаго сына, но, зная крутой нравъ мужа, не рѣшалась возражать ему.

Митроша, чтобы угодить отцу, воткнулъ за воротникъ салфетку и, взявъ поданную ему тарелку, молча сталъ ѣсть супъ. Но, очевидно, пища не шла ему на умъ, и онъ оставилъ болѣе половины налитого. Этого было достаточно, чтобы снова вызвать неудовольствіе Голубцова.

— Что? Невкусно приготовлено? Вотъ, погоди, найму повара, такъ тотъ лучше угодитъ тебѣ. Кстати теперь и деньги лишнія останутся въ карманѣ, такъ какъ не придется платить въ гимназію.

Митроша, не желая огорчать матери, не возразилъ на эти слова, но слезы показались на его глазахъ. Чтобъ скрыть ихъ, онъ отвернулся и смотрѣлъ въ сторону.

— Что отворачиваешься? Это неприлично. Чтобъ не слышать того, что я говорю, нужно было учиться прилежно, а не балбесничать. Другія дѣти стараются и переходятъ изъ класса въ классъ. Это утѣшеніе для родителей, а тебя вышвырнули, какъ негодную дрянь.

— Иванъ Викторовичъ, оставь его,—вмѣшалась Людмила Семеновна.

— Нѣтъ, не оставлю. Пусть онъ навсегда запомнитъ, что̀ значитъ не учиться.

Круглое лицо говорившаго, съ крупными чертами, покраснѣло, и его тучная фигура колыхалась.

Обѣдъ прошелъ томительно. Какъ Голубцовы, такъ Боря и семилѣтняя дѣвочка Лена съ нетерпѣніемъ ждали, когда имъ можно будетъ встать изъ-за стола.

По уходѣ отца въ кабинетъ, куда онъ отправлялся отдохнуть, всѣ вздохнули свободнѣе и стали расходиться.

Людмилѣ Семеновнѣ очень хотѣлось приласкать Митрошу и ободрить его, но она не хотѣла ставить Ивана Викторовича въ неловкое положеніе передъ сыномъ и выпила молча.

Мальчики отправились въ садъ и усѣлись на ту скамью, гдѣ сидѣлъ Митроша до обѣда.

— Каково достается мнѣ, Боря?

— Да, пробираетъ здо̀рово. И какъ мнѣ хотѣлось сегодня выкинуть штуку.

— Ну, что же бы ты сдѣлалъ?

— Задрожалъ бы весь и закричалъ: «боюсь, боюсь, боюсь!»

— Эка важность! Тебя вытащили бы изъ-за стола и дали бы хорошаго подзатыльника.

— Я этого и хотѣлъ добиться. Пускай бы ужъ ругалъ меня, а не тебя. А то злость беретъ.

— Вотъ, Боря, что обидно! Если-бъ я былъ дѣйствительно виноватъ и не занимался, а то часъ сидишь, учишься, два, три, а словно книги въ рукахъ не держалъ. Потому совсѣмъ не то у меня на умѣ. Вижу строчки, слова, буквы, но онѣ скользятъ передъ глазами, а въ память нейдутъ. Возьму повѣсть, романъ, стихотвореніе—не оторвусь. Все, что описывается, мнѣ мило, понятно, а учебники—противны они мнѣ. Кажется, я не дуракъ, все могу обсудить, что дѣлается вокругъ меня, а какъ возьмусь за то, что задано, — словно туманъ въ головѣ:

ничего не могу сообразить. Ну, и нейдетъ въ голову, и нейдетъ.

— Это, Митроша, что-то чудно̀. Мнѣ вонъ разъ-другой прочесть, а тамъ и четверка. Отчего это тебѣ не дается?

— Значитъ, не далъ Богъ способностей.

Этой-то особенности дѣтской натуры и не могли сообразить педагоги, а съ ними вмѣстѣ и разгнѣванный Голубцовъ. Для него, какъ для человѣка, не имѣющаго понятія о воспитаніи, душа ребенка была потемками. Иванъ Викторовичъ, какъ добрый семьянинъ и честный человѣкъ, требовалъ, чтобъ все шло хорошо и установленнымъ порядкомъ. Если лучшимъ ученикамъ ставятъ пятерки и четверки, почему же его дѣтямъ не получать ихъ? И разъ кто-нибудь изъ нихъ нарушалъ то, что не должно быть нарушаемо, Иванъ Викторовичъ выходилъ изъ себя. Къ тому же и учителя, занимающіеся въ классѣ съ сорока человѣками, не имѣютъ возможности опредѣлить, кто плохо учится отъ лѣности, а кто—отъ другихъ причинъ. Конечно, отецъ, какъ стоящій ближе къ своему сыну, можетъ лучше уяснить себѣ причины, но дѣла, заботы о матеріальныхъ средствахъ, часто отнимаютъ у родителей столько времени, что и имъ некогда заниматься съ дѣтьми, и они полагаются на педагоговъ, которымъ вручаютъ ребенка.

Однимъ словомъ, къ Митрошѣ никто серьезно не приглядывался, и всѣ неразвившагося умственно мальчика принимали за лѣнтяя. Только самъ онъ доходилъ до отчаянія, что не можетъ ничѣмъ опровергнуть несправедливости.

Отчужденность отъ близкихъ людей заставляла мальчика думать и думать, и въ эти-то минуты раздумья ему приходили въ голову разныя соображенія, и онъ составлялъ планъ, какъ бы отдѣлаться отъ того ужаснаго положенія, въ которое онъ попадетъ, оставшись на зиму дома. Единственной посредницей между имъ и отцомъ могла быть мать, и Митроша обратился къ ней.

— Мамаша, — началъ онъ, оставшись съ ней наединѣ: — когда отецъ бранится, я вижу по вашему лицу, что вы жалѣете меня, и чувствую столько благодарности, что готовъ броситься къ вамъ и обнять васъ. Мамаша, мнѣ кажется, что вы не только жалѣете, но и понимаете меня. Клянусь вамъ, я не лѣнтяй!

При этихъ словахъ Митроша упалъ на грудь матери и громко зарыдалъ. Людмила Семеновна также плакала.

— Вѣрю, мой милый, вѣрю. Но что же дѣлать, когда люди не хотятъ знать этого и требуютъ отъ всѣхъ одинаковыхъ успѣховъ. Передай я твои слова отцу, онъ назоветъ ихъ ложью, и это будетъ лишнимъ предлогомъ разбранить тебя.

Теплыя слова, сказанныя Голубцовой, вполнѣ гармонировали съ ея наружностью. Людмила Семеновна была красивая шатэнка съ крупными чертами лица, голубыми глазами и кроткой улыбкой. Митроша обожалъ мать, съ восторгомъ принималъ ея ласки и то, что его при ней ежедневно оскорбляли, особенной тяжестью ложилось на дѣтское его сердце.

«Я хочу, чтобъ она гордилась мной, какъ старшимъ сыномъ, а что она слышитъ обо мнѣ? «Негодяй», «оболтусъ»... Боже, за что это?»

Постоянное уныніе, въ которомъ находился мальчикъ, не могло не отразиться на его здоровьѣ. Онъ поблѣднѣлъ и похудѣлъ. Этого не могла не замѣтить Людмила Семеновна. Она заговорила съ мужемъ.

— Послушай, Иванъ Викторовичъ, тебѣ надо серьезно подумать о Митрошѣ. Бранью и непріятностями ты

только озлобляешь его, а пользы отъ этого нѣтъ никакой.

— Что же мнѣ дѣлать? Молчать? А потомъ отдать его въ пастухи?

— Поговори съ нимъ спокойно и разспроси его. Можетъ-быть, добромъ и снисходительностью повліяешь гораздо больше и узнаешь то, что онъ отъ тебя скрываетъ.

Нѣсколько суровый Иванъ Викторовичъ призадумался.

— Что-жъ, поговорю. А что изъ этого выйдетъ—увидимъ.

Какъ-то проходя мимо рощи, прилегавшей къ усадьбѣ, онъ увидѣлъ Митрошу, лежавшаго на травѣ.

— Подойди ко мнѣ.

Мальчикъ вскочилъ и робко подошелъ къ отцу.

— Намъ надо съ тобой до чего-нибудь договориться. Не хочешь же ты осрамить меня, оставшись недорослемъ. Нынче не тотъ вѣкъ, чтобъ можно было прожить, не учившись, а ты забываешь это. Что же мнѣ съ тобой дѣлать? Научи меня.

— Отдайте меня какому-нибудь учителю. Можетъ-быть, когда со мной будутъ заниматься отдѣльно, я лучше пойду.

— Въ твоихъ словахъ есть смыслъ. Но не будешь ли ты опять болтаться безъ толку?

— Папаша, я и до этого времени занимался, но у меня нѣтъ памяти.

— Вздоръ! Ты не глупъ, сообразителенъ и складно говоришь, а уроковъ заучивать не можешь.

— Я самъ знаю, что не дуракъ, а вызубривать того, что задано, не могу, особенно когда на меня кричатъ, стращаютъ и наказываютъ меня. Тогда мнѣ ничего не идетъ въ голову.

— Изволь, я сдѣлаю еще опытъ и отдамъ тебя тому, кого укажетъ мнѣ директоръ.

Не дожидаясь начала курса, Голубцовъ отправился въ гимназію и получилъ извѣстныя указанія. Послѣ этого въ назначенное время онъ отвезъ мальчика къ учителю.

II.

Наставникъ, къ которому попалъ Митроша, былъ суровый педагогъ. Якова Алексѣевича Шнырова боялось все училище, а жившіе у него четверо воспитанниковъ дрожали передъ нимъ. Онъ бралъ за пансіонъ хорошія деньги и старался добросовѣстно исполнить свой долгъ, и горе было каждому, отступавшему отъ установленнаго режима. Ученики вставали въ установленное время, въ извѣстный часъ садились заниматься, и каждый день оканчивался не иначе, какъ разъясненіемъ пройденнаго и спросомъ выученнаго.

Голубцовъ, отличавшійся разсѣянностью, сразу попалъ у Шнырова на дурное замѣчаніе. Онъ также не вникалъ въ истинную причину, а приписывалъ все лѣности. Баталія шла непрерывная, и Митроша съ каждымъ днемъ чувствовалъ болѣе и болѣе отвращеніе къ наукамъ. Наконецъ, онъ выбился изъ силъ и задумалъ бѣжать. Но куда? Въ Уколовку? Эта мысль приводила мальчика въ ужасъ; онъ зналъ, что̀ такое гнѣвъ отца. Не видя другого выхода, Голубцовъ рѣшилъ отправиться къ дядѣ, жившему въ одномъ изъ крупныхъ поволжскихъ городовъ.

Не скрывая ничего отъ брата, онъ разсказалъ ему все.

— Что ты затѣялъ, Митроша! Развѣ это возможно? Идти пѣшкомъ столько верстъ!

— Что за важность? Осень теплая, погода отличная.

— Да вѣдь страшно. Можетъ лихой человѣкъ напасть, наконецъ волки...

— Люди мнѣ не страшны: что съ меня взять? То, что припасъ, спрячу въ носокъ. А волки... я буду идти только днемъ. Но что бы ни случи-

лось, все будетъ лучше той муки, которую терплю тутъ. Безжалостные они, злые. А тамъ... ужъ какъ хорошо тамъ! Поля, перелѣски, виды различные, чистый воздухъ! Не то что городская пыль. Люблю природу... и—и какъ люблю! Почитай-ка Купера, Майнъ-Рида, да и Тургенева».

— А какъ дядя не приметъ тебя?

— Гмъ, не приметъ?! Что-жъ, пойду еще куда-нибудь.

— Ахъ, Митроша, что ты говоришь! Мнѣ теперь за тебя страшно стало. Нѣтъ, ты не ходи никуда, ради Бога, не ходи.

— Ужъ не собираешься ли ты выдать меня?

Борисъ обидѣлся и недовольнымъ тономъ замѣтилъ:

— Я не фискалъ.

— Значитъ, не о чемъ и толковать. Дѣло рѣшенное — я иду... завтра же. Гдѣ мой видъ лежитъ—знаю, стòитъ забраться въ ящикъ, а это сдѣлать очень просто, такъ какъ нашъ злюка насчетъ ключей неакуратенъ. Затѣмъ, adieu, и тутъ поминайте, какъ звали. Пока не дойду до мѣста, писать не буду, а какъ доберусь, сейчасъ черкну, какъ и что.

Видя брата бодрымъ, смѣлымъ, Борисъ пересталъ хмуриться, и мальчики, горячо обнявшись, разстались въ хорошемъ настроеніи духа.

Выбравшись изъ дома учителя, бѣглецъ разспросилъ о дорогѣ и бодро зашагалъ.

Осень, дѣйствительно, стояла теплая, сухая, и мальчикъ безъ особыхъ приключеній переходилъ отъ ночлега къ ночлегу. Въ избахъ, куда онъ заходилъ искать пріюта, съ удивленіемъ и подозрительно смотрѣли на юнаго путешественника, но онъ показывалъ свой видъ, хозяева жалостливо относились къ временному постояльцу и сажали съ собой за столъ.

«Какіе добрые люди есть на свѣтѣ!» — думалъ онъ, укладываясь на подостланный тулупъ или охапку соломы.

Истомленный, измученный, съ потертыми ногами добрался, наконецъ, Голубцовъ до желаннаго мѣста и со слезами на глазахъ разсказалъ дядѣ, что его къ нему привело.

Выслушавъ племянника, Сибелинскій поморщился, но не выразилъ неудовольствія. Жалкій видъ мальчика тронулъ жесткое сердце стараго чиновника. Егоръ Семеновичъ представлялъ собою истинный типъ предсѣдателя палаты: круглолицый, съ сѣдыми бакенбардами въ видѣ котлетокъ, бритыми усами, онъ былъ разсчетливъ не только на деньги, но и на слова. Положеніе мальчика казалось ему крайне щекотливымъ. Держать у себя племянника, сбѣжавшаго изъ родительскаго дома, онъ рѣшительно отказывался; съ другой стороны, выпроводить шалуна, не выказавъ участія,—также не соотвѣтствовало правиламъ Сибелинскаго. Приходилось подумать, какъ поступить, не портя родственныхъ отношеній съ сестрой и ея мужемъ.

Для начала своихъ дипломатическихъ дѣйствій Егоръ Семеновичъ обратилъ вниманіе на то, что у Митроши сбиты сапоги и разорваны калоши. Тотчасъ были куплены ему новыя вещи, заказано бѣлье и сшита приличная пара платья и пальто. Когда все это было исполнено, генералъ позвалъ нежданнаго гостя къ себѣ и участливо обратился къ нему:

— Ты знаешь, Митроша, что я очень люблю твою мать, поэтому ты, конечно, не удивишься, что эти дни я разговаривалъ только о ней, ея дѣлахъ и не коснулся того, чтò привело тебя ко мнѣ. Дольше молчать я считаю однако непростительнымъ и прошу тебя высказать свои соображенія и намѣренія, такъ какъ оставаться въ теперешнемъ положеніи тебѣ невозможно.

При этомъ намекѣ мальчикъ усиленно заморгалъ глазами и съ дрожью въ голосѣ заговорилъ:

— Дядя, я такъ дурно учился, что оставался два года въ классѣ и все-таки получилъ три неудовлетворительныхъ балла, за что меня и исключили. Но я не лѣнтяй, мнѣ просто не подъ силу проходить столько, сколько съ насъ требовали. У меня слабыя способности.

— Это не рѣдкость, но изъ этого не слѣдуетъ, что надо бѣжать изъ отцовскаго дома.

— Я не убѣжалъ бы, если бъ отецъ понялъ меня и относился снисходительно, но онъ считалъ мои объясненія пустыми отговорками и такъ оскорбительно обходился со мною, что нашъ домъ мнѣ опостылѣлъ.

— Ахъ, мой другъ! Про родительскій домъ грѣшно такъ говорить. Ну, вы не ладили, что-жъ изъ этого? Отецъ не можетъ не принимать близко къ сердцу участи дѣтей, и ему слѣдуетъ прощать раздраженіе, а ты этого не дѣлалъ. До чего же довела тебя излишняя обидчивость? До того, что ты не возвратился, какъ бы слѣдовало, въ Уколовку, а пѣшкомъ прошелъ такое пространство. Къ чему ты это сдѣлалъ? На что надѣялся? Въ какой мѣрѣ я могу быть тебѣ полезнымъ?

— Я одного прошу у васъ—пріюта. Дайте мнѣ возможность спокойно и не торопясь учиться,—такъ учиться, чтобъ надо мной не было грозы, и я не зналъ вѣчной спѣшки. Мнѣ кажется, я оттого провалился, что всегда чувствовалъ страхъ получить дурной баллъ, бросался съ предмета на предметъ и ни въ чемъ не успѣвалъ.

Сибелинскій окинулъ племянника пытливымъ взглядомъ и, покачавъ головой, замѣтилъ:

— Напрасно ты говоришь, что у тебя слабыя способности. Ты очень неглупъ.

— Да доктора говорятъ, у меня нервы не въ порядкѣ; одинъ сказалъ, что я истериченъ, а другой назвалъ меня неврастеникомъ. Я не понимаю, что это значитъ, но думаю, что они говорили неправду. Чѣмъ я боленъ? Когда меня не разстраиваютъ, я хорошо ѣмъ и сплю. Гдѣ же тутъ болѣзнь? Только пусть меня не треплятъ, а то посудите сами: то директоръ напустится, то инспекторъ, то классный наставникъ. Имъ не трудно сказать: «останься на два часа послѣ класса», а мнѣ это невыносимо. Я и то томлюсь на урокахъ, а тутъ сиди и голодай. Кромѣ того, стыдно передъ товарищами.

Егоръ Семеновичъ съ любопытствомъ смотрѣлъ на говорившаго. Сибелинскій жалѣлъ Митрошу, но не находилъ возможности держать его у себя. Это неминуемо поссорило бы его съ щепетильнымъ Иваномъ Викторовичемъ, да и присутствіе посторонняго ребенка казалось ему стѣснительнымъ. Неловко было обдать сразу племянника холодной водой, но еще нетактичнѣе казалось ему обнадеживать тѣмъ, чего нельзя было исполнить. Поэтому онъ нерѣшительно и грустнымъ тономъ объявилъ, что сочувствуетъ Митрошѣ, какъ своему родственнику, но совѣтуетъ немедленно возвратиться домой.

— Дядя, умоляю васъ!..

— И не проси,—перебилъ его Сибелинскій. — Оставаться тебѣ у меня невозможно. Я не могу укрывать дѣтей, поступающихъ необдуманно. Что скажутъ обо мнѣ отцы и матери? Ты видишь, я не отшатнулся отъ тебя, одѣлъ и дамъ на дорогу денегъ. Больше ты ни на что не можешь расчитывать. Побудь еще денька два и—въ путь.

Проговоривъ это, Сибелинскій вышелъ, не взглянувъ на мальчика, стоявшаго растерянно.

Возвращаться домой казалось Ми-

трошѣ невѣроятнымъ. Ему представлялся разгнѣванный отецъ, съ безконечными упреками, наставленіями и бранью, особенно раздраженный послѣ его побѣга. Даже ласки матери, которыя онъ такъ цѣнилъ, не отгоняли страха передъ недовольнымъ родителемъ.

Несмотря на рѣшеніе дяди, Митроша еще не терялъ надежды остаться у него, такъ какъ жена Сибелинскаго, Розалія Антоновна, очень сочувственно относилась къ нему. Тотчасъ послѣ объясненія съ дядей Митроша отправился къ теткѣ и, поцѣловавъ ея руку, умоляющимъ голосомъ заговорилъ:

— Тетя, спасите меня. Дядя хочетъ, чтобъ я ѣхалъ къ отцу, а я не могу этого сдѣлать. Попросите его, чтобъ онъ оставилъ меня здѣсь.

Сибелинская, полная женщина, лѣтъ сорока, съ красивымъ, энергичнымъ лицомъ, выслушала говорившаго съ участіемъ и, погладивъ по головѣ, мягко замѣтила:

— Бѣдный мальчикъ, мнѣ очень жаль тебя, но Егоръ Семеновичъ не можетъ поступить иначе. Теперь ты не понимаешь этого, а когда выростешь, поймешь. Не пеняй же на своего дядю и съ Богомъ отправляйся домой.

Тутъ Митроша увидѣлъ, что послѣдняя надежда его рушилась, и онъ, скрѣпя сердце, сталъ собираться въ путь, но не домой. Внезапно у него явилась мысль отправиться въ Москву и тамъ искать счастья.

III.

Наступилъ октябрь мѣсяцъ, но погода все-таки стояла благопріятная. Утромъ морозило, но всходившее солнце обогрѣвало землю, и температура доходила до 11—12°. Такая погода казалась Митрошѣ очень благопріятной, и онъ, чтобъ не тратить денегъ на покупку желѣзнодорожнаго билета, предпочелъ опять идти пѣшкомъ.

«Ломоносовъ бѣжалъ же изъ Холмогоръ, а тогда было не такое время, какъ теперь, — размышлялъ онъ. — Могли убить или волки съѣсть. Я читалъ, что происходило въ то время. О, я понимаю великаго ученаго! Развѣ можно сравнить телѣгу или душный вагонъ съ этимъ просторомъ!»

Однако, мечтатель не могъ безпрепятственно на своихъ ногахъ добраться до столицы. Пошелъ мелкій, осенній дождь, промочившій его пальто. Поневолѣ пришлось отказаться отъ намѣренія пройти дорогу пѣшкомъ, и Митроша, обсушившись въ крестьянской хатѣ, побрелъ на вокзалъ желѣзной дороги.

Москва, куда онъ прибылъ, привлекала его еще и потому, что въ ней жилъ родственникъ отца, помощникъ нотаріуса Федоръ Федоровичъ Зебровъ. Къ нему-то онъ и направился по пріѣздѣ. Но здѣсь его ожидало новое разочарованіе.

Помощникъ нотаріуса оказался еще болѣе педантомъ, чѣмъ предсѣдатель палаты, и даже не оставилъ своего родственника у себя ночевать.

— Нѣтъ, голубчикъ, — замѣтилъ онъ.—Я вашему брату не потатчикъ. Тутъ у тебя еще есть родные, а у меня для тебя нѣтъ мѣста.

Такая рѣзкость озадачила мальчика, и онъ растерялся.

— Въ такомъ случаѣ дайте мнѣ денегъ, я напишу отцу, онъ вамъ вышлетъ. У меня нѣтъ ни копейки, не умирать же мнѣ съ голода.

— Ахъ, баловники! Прохворостить бы тебя хорошенько, не шатался бы по бѣлу свѣту. На тебѣ десять рублей, этого хватитъ на дорогу съ избыткомъ. Поклонись Ивану Викторовичу и пожелай ему, чтобъ другія дѣти не были похожи на тебя. Ну, съ Богомъ!

Митроша не возражалъ и, поблагодаривъ за врученныя деньги, вышелъ на улицу.

Соображая, какъ быть, Голубцовъ рѣшался на все, кромѣ того, чтобъ возвратиться въ Уколовку. Онъ вспомнилъ, что въ одномъ изъ ближайшихъ къ столицѣ губернскихъ городовъ проживаетъ другая родственница его, богатая старушка, тетка Людмилы Семеновны, — Бурнашева.

«Женщины добрѣе»,—подумалъ онъ и сталъ наводить справки, какъ добраться до желаннаго мѣста.

Неся подъ мышкой узелокъ съ бѣльемъ, Митроша добрался до желѣзнодорожнаго вокзала. Поѣздъ долженъ былъ отходить черезъ три часа. Имѣя много времени, мальчикъ отправился въ сосѣднюю лавку, купилъ колбасы, калачъ, съ аппетитомъ закусилъ и, подкрѣпившись, сталъ ожидать выдачи билетовъ.

Сидя на желтомъ деревянномъ диванѣ, онъ наблюдалъ, какъ мимо него проходили носильщики, таща сундуки и чемоданы, и прислушивался къ тому, что говорили вокругъ него. Наконецъ, касса открылась, и Митроша, купивъ себѣ билетъ, направился къ поѣзду, уже подошедшему къ платформѣ. Сильно билось сердце мальчика, когда онъ вошелъ въ вагонъ.

«А что, если тетка приметъ меня такъ же, какъ и Федоръ Федоровичъ? Тотъ, по крайней мѣрѣ, хоть денегъ далъ, а если она и этого не сдѣлаетъ?»

Боязнь неудачи и полное одиночество нагоняли на мальчика тоскливое чувство, и онъ съ болью въ сердцѣ вспоминалъ свой домъ. Ему видѣлся милый образъ матери, Боря, Лена, лепетавшая ему ласковыя слова и часто вѣшавшаяся ему на шею, и слезы подступали къ его глазамъ. Радостно было вспоминать близкихъ людей, и какъ противны казались неопрятно одѣтые пассажиры, произносившіе неприличныя фразы.

«Господи, помоги мнѣ и защити меня!»

Бѣглецъ незамѣтно крестился и прижимался къ углу.

Наконецъ, раздался второй звонокъ, третій, и послѣ свистка кондуктора поѣздъ тронулся.

«Что-то будетъ? Что-то будетъ?»— повторялъ Митроша, смотря въ окно.

Едва проѣхали одну станцію, какъ маленькаго пассажира стало клонить ко сну. Приложивъ свой узелокъ къ стѣнѣ, въ видѣ подушки, утомленный Митроша такъ крѣпко заснулъ, какъ могутъ спать только дѣти.

Ѣхать Голубцову нужно было съ небольшимъ пять часовъ, но это недолгое время казалось ему вѣчностью, такъ велико было его нетерпѣніе скорѣе узнать свою участь. Наконецъ, поѣздъ пошелъ тише, и проходившій по вагону кондукторъ назвалъ станцію, гдѣ долженъ былъ мальчикъ высадиться.

Надписывая на письмахъ матери адресъ Бурнашевой, онъ зналъ, гдѣ живетъ тетка, и, выйдя на вокзальное крыльцо, нанялъ извозчика.

Старушка жила на одной изъ небойкихъ улицъ и занимала пятиоконный домикъ. Взойдя на деревянное крылечко, Голубцовъ робко позвонилъ.

Вышедшая прислуга, не знавшая пришедшаго, съ удивленіемъ спросила:

— Вамъ кого?

— Анну Филипповну Бурнашеву. Здѣсь она живетъ?

— Здѣсь. Вамъ для чего ее нужно?

— Я ея родственникъ.

— Сродственникъ? Такъ пожалуйте. Я доложу.

Введя мальчика въ прихожую, Ѳедосья отправилась во внутреннія комнаты, откуда скоро донеслись слова:

— Какой такой мальчикъ? Впусти.

Возвратившись, Ѳедосья объявила:

— Барыня желаетъ васъ видѣть.

Сбросивъ пальто и положивъ узелокъ и шапку на стулъ, Митроша робко вошелъ въ комнату, гдѣ увидѣлъ полную

женщину съ красноватымъ лицомъ и густыми сѣдыми волосами.

— Я Голубцовъ,—запинаясь, отрекомендовался вошедшій.

— Какой Голубцовъ? Сынъ Ивана Викторовича?

— Да.

— Въ такомъ случаѣ здравствуй, очень рада тебя видѣть. Но зачѣмъ ты попалъ въ нашъ городъ?

Такой вопросъ сразу смутилъ нежданнаго гостя. Обернувшись назадъ и увидя Ѳедосью, стоявшую въ дверяхъ, Митроша сконфузился и, потупя голову, молчалъ.

Бурнашева догадалась, что ребенокъ стѣсняется прислуги, и обратилась къ горничной:

— Ступай. А ты садись и говори, въ чемъ дѣло.

Мальчикъ подошелъ къ старушкѣ, поцѣловалъ крѣпко ея руку и заплакалъ.

— Э, да тутъ есть что-то неладное. Ужъ не сбѣжалъ ли ты?

— Да, тетушка, я ушелъ безъ разрѣшенія отца.

— А въ нашъ городъ зачѣмъ тебя принесло?

— Я хочу учиться.

— Учиться? — со смѣхомъ повторила Анна Филипповна. — Что-жъ, у насъ слаще, что ли?

Митроша разсказалъ теткѣ все, что было, и о томъ, чего онъ хочетъ. Бурнашева выслушала внимательно и призадумалась.

— Я живу одна, угла у меня ты не отлежишь и кускомъ не объѣшь. Но какъ же мнѣ, голубчикъ, пріютить тебя? Вѣдь это будетъ укрывательство. Что подумаетъ обо мнѣ твоя мать? Мы съ ней всегда жили въ добромъ согласіи, и то, что я стану потакать тебѣ, поссоритъ насъ. Зачѣмъ же это дѣлать? При томъ, Иванъ Викторовичъ вытребуетъ тебя, задастъ хорошую встряску, тѣмъ и кончится эта глупая исторія.

Противъ такихъ соображеній мальчикъ не находилъ, что возразить, и только умолялъ тетку не прогонять его.

— Я не гоню, живи пока. А все-таки, завтра напишу Людмилѣ Семеновнѣ, и пусть она рѣшитъ, какъ я должна поступать. Если съ ихъ стороны не будетъ препятствія, я буду очень рада такому сожителю. Мнѣ одной, признаться, скучновато. Только не баловникъ ли ты? Я такихъ не люблю.

Митроша сталъ клясться, что онъ ничѣмъ не огорчитъ своей благодѣтельницы, и увѣрялъ, что у него одно на умѣ—учиться.

На другой день Бурнашева, дѣйствительно, написала Голубцовой и ждала, какой отъ нея получится отвѣтъ.

IV.

Иванъ Викторовичъ, узнавъ о бѣгствѣ Митроши, пришелъ въ ярость.

— Ахъ, дрянной мальчишка! Что затѣялъ! Только вернись—я тебѣ покажу, какъ лататы задавать. Вѣкъ не забудешь этой продѣлки.

Совсѣмъ иначе отнеслась Людмила Семеновна къ извѣстію о бѣгствѣ сына. Она не высказала вслухъ своего порицанія, а вышла изъ комнаты и горько заплакала.

— «Но куда же онъ дѣлся?—спрашивалъ себя Голубцовъ. — Ужъ не покончилъ ли съ собой? Вотъ удеретъ штуку! Я бранилъ его, но вѣдь потому, что онъ мой сынъ.»

Свою тревожную мысль Иванъ Викторовичъ не сообщилъ женѣ, но она и сама со страхомъ представляла возможность такого исхода.

«Бѣдненькій! Значитъ, ему лихо пришлось. Да и то сказать, грызли его, грызли... Этакъ и собака со двора убѣжитъ.»

Какъ ни чувствовалъ себя неловко Голубцовъ, а отмалчиваться было нельзя, и онъ, придя къ женѣ, опять хотѣлъ разразиться бурными рѣчами, но Людмила Семеновна остановила его.

— Пожалуйста, не кричи. Ты довольно кричалъ на него, когда онъ былъ тутъ, а теперь твой крикъ никому не страшенъ. Подумай лучше, какъ разыскать мальчика. Вѣдь не его осудятъ люди, а насъ за то, что мы довели своего ребенка до того, что онъ бросилъ родной кровъ. Особенно же осудятъ тебя, и это очень подорветъ твою репутацію, какъ человѣка и семьянина.

— Я ничего дурного не сдѣлалъ и никого не боюсь.

— Если ты не боишься, то я не хочу, чтобъ о моемъ мужѣ отзывались съ неуваженіемъ. Не горячись и подумай хорошенько, какъ намъ быть.

Но что могъ предпринять Голубцовъ? Онъ подалъ заявленіе о томъ, что сынъ неизвѣстно куда исчезъ, и просилъ, по розысканіи, доставить его къ себѣ.

Проходили дни, а о пропавшемъ мальчикѣ не было ни слуха, ни духа. Людмила Семеновна приходила въ отчаяніе. Она почти ничего не ѣла и ночи проводила безъ сна. Сердце матери не могло примириться съ мыслью, что ея ребенокъ, можетъ-быть, бросился въ воду или раздавленъ желѣзнодорожнымъ поѣздомъ. Въ такомъ состояніи она провела двѣ недѣли и до того исхудала, что ее нельзя было узнать. Иванъ Викторовичъ также измѣнился. Онъ ходилъ хмурый, и въ домѣ не стало слышно его голоса, но, выходя къ рабочимъ, онъ срывалъ свой гнѣвъ на невинныхъ людяхъ.

Наконецъ, о Митрошѣ пришла вѣсть отъ Сибелинскаго. Онъ описывалъ прибытіе маленькаго Голубцова и извѣщалъ, что отправилъ бѣглеца обратно домой. Всѣ успокоились и съ нетерпѣніемъ стали ждать, когда возвратится «негодный мальчикъ». Иванъ Викторовичъ готовилъ громовую рѣчь, съ которой онъ встрѣтитъ непокорнаго сына. Но сколько ни смотрѣли они въ окна и ни прислушивались по вечерамъ къ грохоту повозокъ, ѣхавшихъ съ желѣзной дороги, Митроша не появлялся.

«Ему пора уже пріѣхать. Если онъ выѣхалъ на другой день послѣ отправки письма, онъ долженъ бы быть здѣсь,—соображалъ Голубцовъ.— Куда онъ могъ дѣваться?

Иначе думала Людмила Семеновна. Ея женскій инстинктъ помогалъ понять лучше ощущенія, которыя испытывалъ Митроша.

«Несчастный знаетъ, что его ожидаетъ по возвращеніи. Онъ думаетъ, что если прежде отецъ его грызъ, такъ теперь и не то будетъ. Вѣрно, еще куда-нибудь уѣхалъ.»

Но, все-таки, добрая женщина перестала мучиться такъ, какъ прежде. Она убѣждена была, что если мальчикъ сразу не лишилъ себя жизни, то, стало-быть, у него совсѣмъ другое на умѣ, и ждала, что скоро придутъ новыя вѣсти.

Дѣйствительно, Федоръ Федоровичъ Зебровъ не замедлилъ оповѣстить родителей о томъ, что къ нему являлся ихъ сынъ.

«Ишь, куда пробрался, негодяй! И чего они съ нимъ церемонятся? Сдать бы болвана полиціи, она и препроводила бы его по мѣсту жительства. Такъ нѣтъ, нѣжничаютъ. Ну, погоди-жъ!»

Такія угрозы Иванъ Викторовичъ произносилъ наединѣ, такъ какъ каждое лишнее слово разстраивало нервы его жены.

Послѣ письма Зеброва Людмилѣ Семеновнѣ не долго пришлось безпокоиться. Вскорѣ пришло извѣстіе отъ

Анны Филипповны. Письмо Бурнашевой, написанное въ мягкомъ и примирительномъ тонѣ, заставило сильно призадуматься Голубцова. Но Иванъ Викторовичъ и тутъ не сдержался и закричалъ:

— На что это похоже! Шатается по всей Россіи! Если и тамъ не станутъ держать его, пожалуй отправится къ бурамъ. Отъ такого проходимца всего жди.

— Крикомъ дѣла не поправишь. Намъ надо рѣшить, какъ поступать: согласиться ли на предложеніе Бурнашевой и оставить Митрошу у нея, или же потребовать его домой.

— Неужели же одолжаться родственникамъ? Конечно, потребовать его домой.

— А я съ тобой несогласна. Ты добрый человѣкъ и заботливый отецъ, но слишкомъ горячъ. Что будетъ, когда Митроша возвратится? Какого обращенія онъ долженъ ждать отъ тебя? Пойдутъ ссоры, отъ которыхъ больше всѣхъ буду страдать я. За что же ты хочешь меня мучить?

Иванъ Викторовичъ собирался увѣрить жену, что ничего этого не будетъ, но, какъ правдивый человѣкъ, хорошо знавшій свою натуру, устыдился лжи и съ неудовольствіемъ согласился.

— Да, да, ты права. Ничего нельзя ждать хорошаго.

— Такъ уступи Бурнашевой и посылай ежемѣсячно на его содержаніе. Отъ этого Анна Филипповна, я надѣюсь, не откажется. Что касается Митроши, то онъ всегда выражалъ желаніе учиться безъ понуканій. Можетъ-быть, онъ, и въ самомъ дѣлѣ, успѣетъ тамъ гораздо больше, чѣмъ въ заведеніи.

Неохотно, но Иванъ Викторовичъ согласился съ доводами жены, и Голубцова тотчасъ же послала свое согласіе на то, чтобъ ея сынъ остался жить у тетки.

Такимъ образомъ, прискорбная семейная исторія теряла первоначальную остроту и какъ бы затихала. Однако, она оставила въ сердцѣ матери глубокій слѣдъ. Строгость Ивана Викторовича стала ей казаться жестокостью, и Людмила Семеновна не смотрѣла уже на Голубцова, какъ на непогрѣшимаго отца, внушавшаго ей когда-то полное довѣріе. Иванъ Викторовичъ не могъ не замѣтить этого и неоднократно допытывался, почему въ женѣ произошла такая перемѣна.

— Если тебя разстраиваетъ разлука съ нимъ, я немедленно притащу сюда молодчика, изъ-за котораго заварилась вся эта каша.

— Видишь, какъ ты выражаешься? «Молодчика».

— Что-жъ, прикажешь мнѣ восхвалять его? Только этого и недоставало.

— Какъ ты нетерпимъ! Каждое слово раздражаетъ тебя. И послѣ этого ты хочешь, чтобъ я согласилась на возвращеніе домой Митроши? Ни за что? Мнѣ легче терзаться такъ, какъ я терзаюсь теперь, чѣмъ опять стать свидѣтельницей тѣхъ сценъ, которыя ты устраивалъ ему когда-то. Все на свѣтѣ мѣняется, и въ тебѣ произойдетъ когда-нибудь перемѣна. Ты поймешь, что многое измѣнилось въ жизни. Насъ держали вдали отъ взрослыхъ, мы ютились въ дѣтской, куда не доносились изъ гостиной разговоры и сужденія. Теперь же дѣти всегда подлѣ насъ, имъ не зажмешь уши, и они слышатъ то, чего мы не слыхали. Послѣ этого невольно приходится въ дѣлѣ воспитанія употреблять другіе пріемы, а не прибѣгать къ крику и брани. Вотъ, если ты проникнешься тѣмъ, что я говорю, и я замѣчу, что ты сталъ гуманнѣе, то первая скажу: поѣзжай и привези нашего ребенка домой. А до тѣхъ поръ, если ты дорожишь не только моимъ здоровьемъ, но

и жизнью, оставь Митрошу тамъ, гдѣ онъ теперь.

Голубцовъ удивился. Всегда тихая и спокойная Людмила Семеновна никогда не проявляла такой смѣлости и энергіи, какъ теперь.

«Вотъ до чего дошло!—думалъ Голубцовъ.—Дрянной мальчишка вноситъ въ семью раздоръ. Если бы жена еще выражала рѣзко свое неудовольствіе, я сумѣлъ бы постоять за себя. Но эти слезы и голосъ, проникающій въ душу... они просто уничтожаютъ меня.»

Иванъ Викторовичъ, тяжело ступая, ходилъ по кабинету.

Находившись вволю, онъ бросился на диванъ и задумался:

«Ужаснѣе всего то, что я не знаю, что дѣлать. О бѣгствѣ мальчишки, конечно, теперь знаютъ всѣ, и, вѣроятно, на меня сыпятся обвиненія. Никто не приметъ моей стороны и не скажетъ, что моя строгость вызвана желаніемъ пользы и добра».

V.

Въ то время, когда въ Уколовкѣ шли суды и пересуды о Митрошѣ, виновникъ всего этого чувствовалъ себя прекрасно. Бабка, которую Митроша, изъ деликатности, называлъ теткой, смотрѣла сначала на своего жильца съ недовѣріемъ, но скоро убѣдилась, что ея родственникъ—не сорванецъ, а ребенокъ, какого дай Богъ имѣть всякому. Старуха никакъ не могла понять, что̀ довело мальчика до такого рискованнаго поступка, какъ бѣгство.

Разъ какъ-то, сидя за вечернимъ чаемъ, Анна Филипповна долго и пристально смотрѣла на внука и мягко замѣтила:

— А вѣдь ты славный малый.

— Благодарю васъ, тетенька, за похвалу, но вы говорите это по своей добротѣ.

— А развѣ ты самъ считаешь себя нехорошимъ? Я не вижу этого. Или ты очень скрытенъ?

— О, нѣтъ! Я не умѣю представляться, обманывать и лгать—это мнѣ противно. Папа думаетъ, что я прикидываюсь неспособнымъ, чтобъ не учиться. Это неправда!

Бурнашева покачала головой.

— Ты извини меня, но и я нахожусь въ сомнѣніи. Тебя никто не сочтетъ неспособнымъ. Мальчикъ ты, какъ мальчикъ.

Митроша вдругъ закрылъ руками лицо, опустился головой на столъ и заплакалъ.

— И вы, тетенька, не вѣрите!—говорилъ онъ сквозь слезы.—Но если бъ вы знали, что я чувствую! Ахъ, если бъ вы знали!

— Что же ты чувствуешь? — съ участіемъ и волненіемъ спросила Бурнашева.

— Что чувствую?—дрожащимъ голосомъ заговорилъ Митроша.—Когда я дѣлалъ усилія, чтобы вызубрить заданное, въ моей головѣ начинало шумѣть и ныть... будто кто-то сжималъ виски. Это нагоняло на меня страхъ, и я опять принимался за урокъ. О томъ, что я вижу, слышу и что мнѣ интересно, я могу разсказать, а вдалбливать непонятное—выше моихъ силъ, а этого требовали и, когда я не могъ отвѣчать, ругали меня и называли лѣнтяемъ. Только мама, одна она, бывало, погладитъ меня и скажетъ: «Милый мой, по твоимъ глазамъ я вижу, что ты не обманываешь. Молись Богу, чтобъ онъ просвѣтилъ твой разумъ».

— Ну, и что же? Ты молишься?—уже совсѣмъ другимъ тономъ спросила Анна Филипповна.

— Молюсь, усердно молюсь. И по временамъ, тетушка, чувствую что-то особенное. То словно гдѣ-то поютъ, то свистъ паровоза, а то ко всенощной благовѣстятъ. Я слушаю это, и мнѣ

представляется, какъ поѣздъ мчится, народъ идетъ въ церковь и тамъ пѣвчіе. Ахъ, какъ у насъ хорошо въ городѣ въ соборѣ пѣли! А вотъ, что̀ они пѣли,— этого я не помню. Бывало вспоминаешь, вспоминаешь... и сейчасъ шумъ въ головѣ.

Разсказъ Голубцова запалъ глубоко въ доброе сердце Бурнашевой. Ничего подобнаго не приходилось встрѣчать Аннѣ Филипповнѣ въ жизни, и она рѣшительно терялась въ догадкахъ.

«Ужъ не сумасшедшій ли онъ?»— невольно задавала она себѣ вопросъ. Но ея здравый смыслъ тотчасъ протестовалъ, и старушка съ душевной болью смотрѣла на загадочнаго мальчика.

— Докторамъ-то показывали тебя?

— Да, показывали.

— Что-жъ они нашли?

— Ничего. Сказали, что мнѣ поможетъ время.

— Ну, время, такъ время. А пока поменьше думай о непріятномъ, да и порѣже домъ вспоминай. Все перемелется — мука будетъ. Вернешься къ своимъ и опять будешь подлѣ матери.

— Дай-то Богъ! Дай-то Богъ! А впрочемъ, тетушка, я вами не обиженъ. Господь наградитъ васъ за меня.

Бесѣда съ теткой, ея ласки и радость, что никто не кричитъ на него и не понукаетъ, дѣйствовали на молодого Голубцова, какъ бальзамъ. Входя въ комнату, гдѣ была Анна Филипповна, Митроша улыбался такой свѣтлой улыбкой, что невольно радовалъ Бурнашеву.

— Ну, подойди ко мнѣ, милый мальчикъ. Хорошо спалъ?

— Хорошо, тетенька.

— И Богу молился?

— Какъ же, молился.

— Ну, садись пить чай.

При словѣ: «молился» — Митроша обыкновенно вздыхалъ, и на лицѣ его появлялось блаженное выраженіе. Дѣйствительно, для него молитва не была пустымъ обрядомъ, а онъ переносился мысленно въ заоблачныя сферы, отыскивая тамъ тотъ свѣтлый міръ, куда стремятся всѣ обездоленныя человѣческія души. Ему представлялся громадный тронъ, на которомъ сидѣлъ Царь царей, окруженный ангелами. Голубоватый свѣтъ дѣйствовалъ на зрѣніе особенно успокоительно. По временамъ въ глазахъ мальчика, лежавшаго ницъ, показывались какіе-то радужные круги, смѣнявшіеся порой желтоватымъ свѣтомъ лучей солнца. Эта радуга пріятно дѣйствовала на все существо молившагося, и онъ взволнованный поднимался на ноги. Шумъ и звонъ, отягощавшіе его во время молитвы, постепенно стихали, и онъ успокоеннымъ отходилъ отъ образа.

Прошли мѣсяцы, и ничто рѣзко не измѣнилось въ натурѣ Голубцова. Онъ сидѣлъ за книгами, вдумывался, но результаты получались слабые.

Подмѣтивъ уныніе и недовольство своего любимца и понимая, что̀ безпокоитъ его, Анна Филипповна рѣшила свезти мальчика въ столицу, чтобъ посовѣтоваться съ лучшими психіатрами. Такъ она и сдѣлала.

Профессоръ, къ которому она обратилась, съ большимъ интересомъ разспрашивалъ мальчика, при чемъ часто задумывался и что-то соображалъ. Потомъ съ удареніемъ и какъ бы не вполнѣ увѣренно проговорилъ:

— Сударыня, въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло не съ больнымъ, а съ несложившимся еще умомъ. Въ такихъ случаяхъ лучшее средство дать ему покой. Пусть мальчикъ ничѣмъ не занимается, а если будетъ тяготиться бездѣятельностью, то разрѣшите ему читать о путешествіяхъ и научно-по-

пулярныя книги. Пусть онъ гуляетъ, купается, ходитъ, бѣгаетъ... можетъ-быть, природа сама додѣлаетъ то, что она до сихъ поръ не успѣла сдѣлать, то-есть оживитъ спящій еще мозгъ. Въ его головѣ усиленно работаетъ фантазія, а память и соображеніе въ застоѣ. Возстановится равновѣсіе—мальчикъ станетъ жить нормальной жизнью, а нѣтъ—никакія лѣкарства не помогутъ ему.

Получивъ такія указанія, Анна Филипповна отправилась домой съ твердымъ намѣреніемъ исполнить указаніе доктора. Но это нужно было сдѣлать съ большимъ тактомъ, чтобъ мнительный мальчикъ не призналъ своего положенія безнадежнымъ.

Добравшись до дому, Бурнашева осторожно приступила къ дѣлу.

— Какъ же ты собираешься теперь проводить время? Попрежнему чуть не по полсутокъ сидѣть за книгой?

— Какъ же, тетенька, не заниматься? Хоть я и плохо запоминаю, а все-таки что-нибудь остается въ головѣ. Не могу же я балбесничать. Это стыдно. Не даромъ папаша говорилъ, что я угожу въ пастухи. Нѣтъ, этого не будетъ.

— Иванъ Викторовичъ тебя стращалъ, и больше ничего. Кто же допуститъ тебя быть пастухомъ? Ты выйдешь въ люди не хуже всякаго другого, только не нужно надрывать себя, а ты надрываешься. Книгу надо на время оставить. Профессоръ нашелъ тебя мальчикомъ здоровымъ, но утомленнымъ.

— Тетенька, что же я буду дѣлать?

— Гулять, пользоваться удовольствіями, читать, но не учебники.

Слова тетки озадачили мальчика.

«Какъ? Я завтра встану и не буду долбить то, что мнѣ такъ опостылѣло?»

При этой мысли радость невольно разлилась по всему организму Митроши. Висѣвшій столько лѣтъ надъ его неразвитой головой гнетъ вдругъ перестанетъ быть вѣчной грозой. Мальчикъ почувствовалъ такой приливъ удовольствія, что бросился цѣловать руки Бурнашевой.

— Тетенька, я буду дѣлать все, что вы мнѣ укажете, все! Вы не можете посовѣтовать нехорошее, не можете.

Анна Филипповна смотрѣла на ласкавшагося ребенка и замѣтила, какъ на его лбу разгладились складки, не перестававшія никогда придавать Митрошѣ хмурый видъ. Это убѣждало старушку, какъ правъ былъ профессоръ.

Бурнашева немедленно написала въ Уколовку и подробно разсказала о томъ, что сказалъ ей профессоръ, и какъ она поступила.

Читая письмо, Иванъ Викторовичъ иронически улыбался и, когда кончилъ, съ неудовольствіемъ бросилъ бумагу.

«Старая исторія о переутомленіи. И съ чего это было ему переутомиться, когда онъ только и дѣлалъ, что балбесничалъ.»

Такъ думалъ Иванъ Викторовичъ, но Людмила Семеновна вздохнула легко и, перекрестившись, прошептала:

«— Богъ еще не покинулъ насъ».

Съ этого дня Голубцова даже наружно очень измѣнилась. Она не тосковала объ отторгнутомъ ребенкѣ, а утѣшала себя тѣмъ, что все идетъ къ лучшему.

(Окончаніе будетъ).

НЕИЗДАННОЕ СТИХОТВОРЕНІЕ

Аполлона Григорьева *).

О, говори, хоть ты, со мной,
Подруга семиструнная!
Душа полна такой тоской,
А ночь такая лунная.

Вонъ тамъ звѣзда одна горитъ
Такъ ярко, и мучительно
Тоскою сердце шевелитъ,
Дразня его язвительно.

Чего отъ сердца надо ей?
Вѣдь знаетъ безъ того она,
Что къ ней тоскою долгихъ дней
Вся жизнь моя прикована.

И сердце вѣдаетъ одно,
Отравою облитое,—
Что я впивалъ въ себя ея
Дыханье ядовитое.

Я отъ зари и до зари
Тоскую, мучусь, сѣтую...
Допой же мнѣ, договори
Ту пѣсню недопѣтую.

Договори сестры своей
Всѣ недомолвки странныя;
Луна горитъ еще яснѣй—
О, пой, моя желанная!

Двѣ гитары за стѣной
Жалобно заныли.
Съ дѣтства памятный напѣвъ!
Милый другъ мой, ты ли?

Это ты: я узнаю
Ходъ твой въ ге минорѣ
И мелодію твою
Въ частомъ переборѣ.

Какъ тебя мнѣ не узнать:
На тебѣ лежитъ печать
Буйнаго веселья,
Страстнаго похмелья.

Это ты, загулъ лихой,
И сліянье грусти злой
Съ сладострастьемъ баядерки—
Ты, мотивъ венгерки.

---

*) Сообщено В. А. Григорьевымъ.

Родныя души.

Повѣсть С. Т. Семенова.

I.

Гаврилѣ Скворцову шелъ 19-й годъ. Онъ былъ единственный сынъ самыхъ достаточныхъ мужиковъ въ Грядкахъ. Его родители, Илья и Дарья, хорошо жили. Въ ихъ роду всѣ отличались трудолюбіемъ и заботливостью. Когда объявлена была воля, Скворцовыхъ было три брата, и былъ еще въ силѣ старикъ, ихъ отецъ. Но потомъ одинъ братъ отдѣлился, другой пошелъ въ солдаты и попалъ подъ пулю на войнѣ 1877 года. Старикъ тоже вскорѣ свалился; во всемъ домѣ остались только Илья съ Дарьей. Первыя дѣти у нихъ не жили, всѣ умирали отъ плохого ухода. Да и некогда было за ними хорошо ходить. Работы у нихъ всегда было много; земли они какъ держали при старикахъ три души, такъ не бросали ее и теперь. Убавлять имъ ничего не хотѣлось: они привыкли, чтобы у нихъ всего хватало. Но послѣднимъ мальчикомъ они дорожили. Онъ у нихъ былъ «поскребышъ», такъ какъ Дарья послѣ него перестала родить, и имъ хотѣлось вырастить его сперва на утѣшеніе, а потомъ на прокормленіе. Гаврила мальчикомъ былъ здоровенькій, онъ выжилъ и сталъ подниматься на ноги. Годъ отъ года онъ крѣпъ тѣломъ и умомъ, дѣлался смышлененькимъ, любознательнымъ. Едва онъ научился выговаривать слова, какъ сталъ закидывать отца съ матерью вопросами на каждомъ шагу. Онъ спрашивалъ о каждомъ попадавшемся предметѣ. Въ особенности онъ надоѣдалъ разспросами, когда его куданибудь брали: на мельницу, на базаръ, въ городъ. Онъ допытывался, какъ зовутъ попавшуюся деревню, много ли есть деревень, есть ли такіе города, какъ ихъ городъ. Ему отвѣчали, что знали: что деревнямъ всѣмъ нѣсть числа, что изъ городовъ есть Москва, въ которой однѣхъ церквей сорокъ-сороковъ; есть городъ Питеръ, гдѣ живетъ царь, который все равно, что земной богъ. Есть другія царства, въ которыхъ люди и говорятъ-то не по-нашему и которые въ нашего Бога не вѣруютъ, а молятся не знамо кому. Нашъ Богъ живетъ на небесахъ съ ангелами, архангелами, святыми угодниками, а ихъ— не знамо гдѣ; и такая вѣра не одна, а ихъ на свѣтѣ семьдесятъ семь. Говорили мальчугану, что земля такъ велика, что ей конца-края нѣтъ; стоитъ она на трехъ китахъ, и если одинъ китъ хвостомъ вильнетъ—солнце взойдетъ, другой вильнетъ—солнце сядетъ, а какъ третій китъ шевельнется — тогда «свѣтопреставленіе» начнется. На мѣсяцѣ—говорили,—видно, какъ Каинъ Авеля убиваетъ. Звѣзды— это людскія души; какъ человѣкъ помретъ, такъ и его звѣздочка угаснетъ. Мальчикъ до школы очень довѣрчиво относился ко всѣмъ этимъ разсказамъ, но когда онъ походилъ въ школу, послушалъ бесѣды учителя объ устройствѣ міра, почиталъ книжекъ, то онъ понялъ, что многое, что ему сообщалось, были просто басни. И когда онъ послѣ этого слышалъ эти разсказы, то онъ всегда уже оспаривалъ ихъ, доказывалъ ихъ вздорность и съ жаромъ говорилъ, что знаетъ это достовѣрно. Иной разъ онъ убѣждалъ тѣхъ, кто его слушалъ, иногда же его рѣчи были—что въ стѣну горохъ, тогда онъ раздражался и начиналъ глядѣть на того, кто оказывалъ такое упрям-

ство, съ непріязней: или ѣдко вышучивалъ его, или же говорилъ какую-нибудь грубость.

Въ работѣ старательностью онъ задался въ стариковъ. Онъ безъ понужденья брался за все, что̀ ему было подсильно, и такъ во все втянулся, что къ восемнадцати годамъ онъ по крестьянству могъ что угодно сдѣлать. Когда не было работы въ полѣ, онъ копался на задворкахъ Тамъ онъ развелъ небольшой садъ. Натаскалъ изъ лѣсу дикихъ яблонь, смородины, малины, орѣховыхъ кустовъ; все это насажалъ рядами. Когда яблони прижились, онъ самъ ихъ привилъ. Онъ прививалъ яблони и другимъ, кто пожелаетъ, и дѣлалъ это всегда охотно. Отличался онъ способностью и въ другихъ дѣлахъ: ему ничего не стоило составить какой-нибудь приговоръ, смекнуть любой разсчетъ, разверстать въ покосъ клинъ травы, уставить разстроившійся плугъ. Илья головой былъ слабъ; поэтому онъ всегда изумлялся, какъ это парень такъ легко соображаетъ. Онъ думалъ, что сынъ съ такими способностями далеко пойдетъ. Такія головы нужны. Вотъ войдетъ онъ въ годы, ужъ непремѣнно его выберутъ въ старосты, а тогда ему придется ходить въ волость, тамъ увидятъ его смышленность многіе, какъ-нибудь замѣтитъ начальство, и ему придется верховодить не однимъ крестьянскимъ міромъ. Старуха держала въ головѣ свое. Она ничего далеко не загадывала, а думала только, какую изъ сына извлечь пользу. Ее прежде всего занимала забота о женитьбѣ сына. Думала она объ этомъ по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, ей нужна была теперь помощница: какъ ни какъ, а она ужъ человѣкъ не молодой, во всякій слѣдъ ей ужъ трудно соваться, у ней хлопотъ полонъ ротъ въ будни и въ праздникъ; другая баба будетъ имъ не только не лишняя, а какъ нельзя больше кстати. Во-вторыхъ, ее очень соблазняла самая свадьба. Она думала, что они свадьбой заставятъ говорить весь округъ. Они живутъ, слава Богу, хорошо̀; женихъ изъ себя любо-дорого посмотрѣть, при томъ одинъ сынъ, въ солдаты ему не идти, значитъ, невѣсту можно взять какую захочешь; на свадьбу раскошелиться имъ тоже есть изъ чего. Нужно хоть разъ въ жизни себя показать да людямъ въ глаза пыль пустить.

И она часто представляла себѣ длинный веселый поѣздъ, нарядныхъ «ублаготворенныхъ» гостей съ веселыми пѣснями, по цѣлымъ днямъ толпящійся у ихъ двора народъ. А какую невѣсту-то они отхватятъ, а какой сундукъ добра-то отъ нея привезутъ! «Напрасно вы ластитесь, родимыя матушки деревенскихъ невѣстъ: не бывать намъ съ вами родными по цѣлый вѣкъ. У васъ еще для этого кишка жидка!»

II.

Скворцовы мало кого уважали въ своей деревнѣ. Такихъ, какъ они, въ Грядкахъ было двѣ-три семьи, а остальныя, по ихъ мнѣнію, стояли ниже ихъ и по старательности, и по достатку. Половина деревни жила еще такъ себѣ, а остальные или бѣдно, или того хуже. Къ Скворцовымъ часто ходили кланяться съ нуждой. Кто шелъ перехватить мучки, кто крупицъ, кто занять денегъ, кто попросить соломки, колоску, сѣнца постомъ изголодавшейся скотинѣ. У Скворцовыхъ все это можно было найти, только они не очень охотно дѣлились этимъ; особенно разсчетлива была старуха. Ужъ если она кого и выручитъ, такъ передъ этимъ напоетъ. «Что-жъ мы, родные, нешто на людей готовимъ? У насъ все для себя, кто же вамъ самимъ не велѣлъ заботиться? Вѣдь и мы тоже такіе хрестьяне, не съ неба звѣзды хватаемъ, а съ такой же полосы горбомъ добываемъ все». Просившій или просившая стояли въ это время, понуривъ голову, и читали про себя молитву: «Помяни, Господи, царя Давыда и всю кротость его». Старикъ во всемъ полагался

на старуху, которая была бойчѣе его. И Гаврила соглашался съ тѣмъ, что мать говорила. Онъ зналъ, кто у нихъ проситъ, и видѣлъ, отчего они доходятъ до этого. Въ Грядкахъ были такіе мужики, которые пили при каждомъ случаѣ: и на мельницѣ, и на базарѣ, и въ праздникъ. Пропивали такія деньги, на которыя можно много бы сдѣлать, а потомъ, когда приходила нужда, поневолѣ многое упускали. Въ покосъ они везли въ городъ лучшій возъ сѣна и отдавали его за гроши; осенью за безцѣнокъ шелъ хлѣбъ, а потомъ у самихъ же голодала скотина, хлѣбъ покупался весной за двойную цѣну, или же изъ-за него люди закабалялись на какую-нибудь невыгодную работу. Другіе терпѣли отъ лѣности. Сладка имъ была печка-матушка, боялись они съ нею разстаться. Лежитъ мужикъ всю зиму, придетъ весна, нужно ѣхать пахать, а онъ посылаетъ въ поле бабу или дѣвку, а самъ принимается холышки вострить или прутья на плетень вертѣть, а все можно было бы сдѣлать и въ ненастье. Бабья или дѣвичья пахота, конечно, ужъ была не та, изъ-за этого плохо родилось, хотя причиной неурожая считали, что Богъ не далъ,—а при чемъ тутъ Богъ? Гаврила часто возмущался на такихъ хозяевъ. Онъ не жалѣлъ даже, если мать имъ рѣзко отказывала. Ему жалко было только, когда въ такихъ семьяхъ страдали малыши. Всѣ они большею частью были тонконогіе, большеголовые, или съ вѣчнымъ кашлемъ, или со струпьями отъ золотухи. Ихъ плачъ доставалъ его до души, и у него всегда сжималось сердце. Также не спокоенъ онъ былъ, когда на первой пашнѣ онъ видѣлъ лохматыхъ, съ выдавшимися ребрами, съ осовѣлыми глазами лошадей, которыя, потныя, съ дрожащими мышцами, тащились бороздой. Охъ, какъ имъ тяжело было, а ихъ еще стегали кнутомъ.

— Самихъ бы васъ такъ, — ворчалъ онъ, глядя на такую расправу.

Гаврила, пожалуй, изо всей семьи меньше всѣхъ былъ способенъ отнестись съ почтеніемъ ко многимъ изъ односельчанъ. Его отталкивало отъ нихъ больше всего то, что они какъ-то легко смотрятъ на жизнь. Этимъ отличались старые люди, въ этомъ грѣшны были и молодые. Никто ничего особенно не любилъ, никто ничего не желалъ. У Гаврилы часто зарождались такіе вопросы: зачѣмъ это люди такъ неодинаковы, а сколько головъ, столько умовъ? Онъ пробовалъ задавать такіе вопросы и пожилымъ, и своимъ сверстникамъ, но ему никогда никто не далъ удовлетворительнаго отвѣта, а по большей части люди выражали самое тупое равнодушіе или отдѣлывались шуточками. Въ Грядкахъ вся молодежь только и склонна была позубоскалить, потрепаться, или весело проводить время. Стоило имъ очутиться гдѣ-нибудь вмѣстѣ, на какой-нибудь работѣ, сейчасъ у нихъ первое занятіе—веселье. Если они не плясали и не пѣли, то говорить старались такъ, чтобы каждое слово ихъ вызывало смѣхъ. Шутили иногда такъ, что его отъ этихъ шутокъ коробило. Если же они говорили серьезно, то только о томъ, что попадалось на глаза. Въ покосъ они говорили о покосѣ, въ жнитво—о жнитвѣ, осенью о рекрутахъ, зимой о свадьбахъ. Если дѣвки въ праздникъ ходили къ обѣднѣ, то ни о службѣ, ни о проповѣди у нихъ никогда не было и рѣчи, а говорилось только о томъ, какая изъ дѣвокъ была всѣхъ наряднѣй, кому на комъ понравился рисунокъ платья, чьи были ребята у обѣдни, какіе изъ нихъ хороши, какіе худы. Такіе разговоры перемѣшивались какой-нибудь сплетней. Вотъ и все, что интересовало деревенскихъ дѣвицъ.

Гаврила зналъ, что его женитьбу долго оттягивать не будутъ. Иногда онъ задумывался о томъ, съ кѣмъ-то ему Богъ приведетъ соединить свою судьбу; но когда онъ вспоминалъ всѣхъ знакомыхъ дѣвокъ

и представлялъ себѣ, что вотъ изъ нихъ ему нужно будетъ выбрать себѣ подругу, — онъ торопливо начиналъ отмахиваться. «Нѣтъ, нѣтъ, не дай Господи, лучше неженатымъ проходить». Поэтому онъ какъ-то не долюбливалъ и бывать съ молодежью. Въ праздникъ зимой онъ просиживалъ за книжкой, а весной и лѣтомъ уходилъ куда-нибудь изъ деревни. Или бродилъ по бѣжавшей ихъ полемъ рѣчкѣ, выслѣживалъ рыбу, утокъ и ловилъ ихъ, или забирался въ лѣсъ, отыскивалъ тамъ барсучьи норы и выгонялъ оттуда барсуковъ, чтобы поглядѣть на нихъ, или приглядывался и прислушивался къ дуплистымъ деревьямъ, стараясь найти въ нихъ любопытное гнѣздо. Онъ часто слѣдилъ за какой-нибудь птичкой, звѣркомъ, а то просто разваливался на опушкѣ подъ березами и лежалъ, уставясь въ голубое небо, глядя на разгуливавшія тамъ облака или прислушиваясь, какъ перешептываются между собою дерево съ деревомъ. Когда же за нимъ увязывался кто-нибудь изъ товарищей или просто ребятишекъ, тогда день для него проходилъ очень интересно.

Сказать, что Гаврила совсѣмъ не любилъ веселиться, было нельзя. Его часто охватывало такое желаніе пойти на люди разгуляться, что онъ сдержать себя не могъ. Тогда онъ шелъ на улицу, начиналъ дурачиться, сыпать шутками или заводилъ хороводы и самъ затягивалъ пѣсню. Въ хороводѣ онъ иногда ходилъ до того, что у него пересыхало въ горлѣ отъ пѣсенъ. Въ это время никто изъ деревенскихъ ребятъ не могъ тягаться съ нимъ въ удали.

III.

Такой стихъ на него нашелъ весною въ одно изъ воскресеній. Съ утра онъ занялся устройствомъ себѣ шалашика въ саду для спанья лѣтомъ. Все утро провозился онъ за работой и утомился. Когда онъ кончилъ работу, то ему стало скучно, и его потянуло разгуляться. Онъ вышелъ на улицу, въ деревнѣ изъ молодежи уже никого не было. Гаврилѣ сказали, что всѣ ушли гулять на барскій дворъ. Барскій дворъ былъ при имѣньѣ, верстахъ въ пяти отъ Грядокъ. Къ нему прежде и принадлежала деревня. Туда всегда по веснамъ собиралась гулять молодежь изъ окружающихъ деревень. Этотъ обычай велся со старины, съ барщины. Молодежи всегда собиралось очень много, и гулянье шло такое, какого, разумѣется, ни въ какой деревнѣ было устроить нельзя. Гаврилѣ пришлось одному отправляться туда. Онъ надѣлъ хорошіе сапоги, пиджакъ, новый картузъ. Когда онъ пришелъ на господскій дворъ, то веселье было въ полномъ разгарѣ. Посреди двора раскинулся огромнымъ кругомъ широкій хороводъ, похожій на вѣнокъ изъ всевозможныхъ цвѣтовъ самыхъ яркихъ окрасокъ. Въ немъ участвовали и знакомые, и незнакомые, но, несмотря на это, пѣсня пѣлась дружно, стройно. Кругомъ хоровода пестрѣли кучки собравшихся просто изъ любопытства. Тутъ были молодыя и пожилыя бабы, мужики, парни и дѣвки, которые не хотѣли почему-нибудь принять участія въ хороводѣ. Была тутъ и чистая публика. Изъ оконъ господскаго дома, стараго и обширнаго, всегда оживавшаго на лѣто, выглядывали какія-то барыни. Два барчука и нарядная дѣвочка-барышня стояли поодаль на лужкѣ и, смѣясь, говорили что-то между собой, глядя на хороводъ. Въ другомъ мѣстѣ виднѣлась кутейничья семья изъ села. Гаврила немного растерялся, очутившись передъ такою пестротой, нетвердыми шагами подошелъ къ хороводу и снялъ картузъ. Ему кто отвѣтилъ, кто нѣтъ. Онъ приблизился къ ближайшей отъ него кучкѣ и изъ нея сталъ оглядывать хороводъ.

Въ хороводѣ мелькали все больше знакомыя лица. Гулянье собиралось каждый годъ, и ребята приглядѣлись уже къ тѣмъ, кто на нихъ ходилъ. Были очень

нарядныя дѣвки, развязные парни, лица красивыя, миловидныя и уродливыя. Гаврила хотѣлъ-было перевести глаза на сторону, какъ вдругъ мелькнуло совсѣмъ новое дѣвичье лицо, которое сразу притянуло Гаврилу къ себѣ. Онъ впился въ это лицо взглядомъ, и когда разсмотрѣлъ его, то почувствовалъ, что у него что-то шевельнулось на сердцѣ. Въ выраженіи лица, во взглядѣ дѣвушки было что-то необычное. Другія дѣвки наперерывъ старались выставлять свои особенности. Одна щеголяла своимъ платьемъ, другая—платкомъ, третья выѣзжала на голосѣ. Эта же держала себя необыкновенно просто. Она, видимо, не думала ничего ни о себѣ, ни о другихъ, а унеслась мыслью куда-то далеко-далеко. Она не отличалась ни нарядомъ, ни особой красотой. Внѣшность ея была ничѣмъ не выдающаяся. Небольшого роста, смуглая, съ правильными чертами лица. Хороши у ней были только большіе темные глаза да частые сверкающіе зубы. Но Гаврила не могъ уже оторвать отъ нея своего взгляда.

Кругъ медленно двигался, дѣвушка приближалась къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ Гаврила. Поровнявшись съ этимъ мѣстомъ, она вдругъ вышла изъ хоровода и направилась къ его кучкѣ. У Гаврилы дрогнуло сердце. Она остановилась чуть не рядомъ съ нимъ и, улыбаясь и слегка вздохнувъ, поправила платокъ на головѣ.

— Что-жъ ты бросила? Допѣвала бъ пѣсню-то,—обратилась къ дѣвушкѣ другая, видимо, ей знакомая, тоже улыбаясь и уступая ей мѣсто рядомъ съ собой.

Дѣвушка улыбнулась опять и проговорила:

— Будетъ, и то чуть не двѣ пѣсни проходила.

— Може, какой парень въ хороводы вывелъ бы.

Дѣвка перестала улыбаться и уже другимъ голосомъ сказала:

— Эка невидаль, подумаешь, стоитъ изъ-за того землю топтать.

И она окинула глазами кругомъ и остановилась взглядомъ на Гаврилѣ; скользнувъ по немъ, она отвела взглядъ и стала глядѣть на хороводъ.

Гаврила думалъ, что онъ, навѣрное, отъ ея взгляда перемѣнился въ лицѣ. Лишь только она отвернулась, онъ отошелъ отъ этой кучки, медленно обошелъ весь хороводъ и набрелъ на толпу, въ которой стояли дѣвки и бабы изъ ихъ деревни. Гаврила приблизился къ одной бабѣ и, показывая на заинтересовавшую его дѣвку, спросилъ, не знаетъ ли она, откуда та. Эта баба не знала, но другая, стоявшая рядомъ съ нею, разсказала Гаврилѣ, и откуда она, и кто она, и у кого живетъ.

Дѣвушка оказалась изъ села. Звали ее Аксиньей. Она была сирота и жила въ селѣ съ осени у дяди. До этой поры она росла въ другой деревнѣ, подъ городомъ, у тетки, которую звали монашкой за то, что она знала грамотѣ, любила ходить по богомольямъ, читала по покойникамъ псалтырь. Передъ Покровомъ она умерла, оставивъ Аксинью одну. Тутъ дѣвушку взялъ къ себѣ дядя, и она жила у него теперь работницей.

Гаврила опять подошелъ къ кучкѣ, гдѣ стояла Аксинья, и еще разъ взглянулъ на нее. Ему было какъ-то пріятно сознавать, что вотъ ужъ онъ кое-что знаетъ о ней, и она отъ этого показалась ему еще ближе. Ему думалось, что она очень мила. Онъ оглядывалъ другихъ дѣвушекъ, сравнивалъ ее съ ними и ни въ одной не находилъ того, что было въ Аксиньѣ. Онъ еще разъ обошелъ вокругъ хоровода; ребята, свои и чужіе, знавшіе его, приглашали его вступить къ нимъ въ кругъ, съ этимъ же приставали къ нему и дѣвушки, но онъ загадалъ себѣ: «если она пойдетъ, и я пойду и выберу ее; если она не пойдетъ, и я не пойду», отшучивался отъ товарищей и наблюдалъ, не станетъ ли Аксинья въ кругъ; но Аксинья не становилась, не пошелъ въ хороводъ и Гаврила.

IV.

Когда гулянье кончилось, и Гаврила съ своею молодежью пошелъ домой, то онъ думалъ, что дома онъ забудетъ все. Но онъ ошибся. И дома онъ представлялъ себѣ ея лицо, ея взглядъ, ея голосъ. Это было и на другой день, и на третій. И когда недѣля прошла и подошелъ снова праздникъ, онъ уже самъ сталъ собирать молодежь на гулянье.

На этотъ разъ ему удалось ходить съ Аксиньей въ хороводѣ и перекинуться нѣсколькими, совершенно незначительными, словами. Въ слѣдующій праздникъ, Гаврила, при встрѣчѣ съ ней, поклонился ей особо и получилъ въ отвѣтъ очень дружественную улыбку. Сердце его разгорѣлось, и когда гулянье кончилось, онъ подговорилъ своихъ ребятъ, и они пошли провожать сельскую молодежь. Дорогой онъ очутился рядомъ съ Аксиньей, опять заговорилъ и успѣлъ сказать ей въ шутливомъ тонѣ, что она, должнобыть, имѣетъ приворотный корешокъ, такъ какъ его разъ отъ разу тянетъ къ ней больше и больше. Аксинья, принявъ это за шутку, отвѣтила тоже шуткой. Когда грядковскіе ребята очутились въ селѣ, то сельская молодежь продолжала гулять и завела хороводъ у себя. Аксинья въ своемъ селѣ въ хороводѣ не выступала, а сѣла у сторонки на лежавшія тутъ бревна и стала глядѣть на гуляющихъ. Гаврила подсѣлъ къ ней и проговорилъ:

— Ты что же отстаешь отъ подругъ?

— Такъ, что-то охоты нѣтъ.

— Веселиться охоты нѣтъ; дѣвичье дѣло такое, чтобы веселиться.

— Хорошо, когда тянетъ къ веселью, а если не тянетъ — тогда что-жъ подѣлаешь?

— О чемъ же ты грустишь?

— Ни о чемъ особенно, а такъ не весело.

— Со мной это тоже бываетъ,—вздохнувъ, сказалъ Гаврила: — когда разгуляешься, а то вотъ лучше въ углу просидѣть, и то пріятнѣй.

— Я, бывало, этого не чувствовала, а вотъ какъ тетушка умерла, послѣ этого стало находить, думы разныя въ голову лѣзутъ, особливо за работой, да когда одна.

— Какія же думы?

— Да всякія: и о живыхъ, и о мертвыхъ думаешь. Иной разъ такое придетъ въ голову, что въ глазахъ зарябитъ... Отчего, кажется, такъ устроено, что вотъ родится человѣкъ, поживетъ и помретъ. И умираютъ-то не по выбору, а такъ, зря: кому бы, кажется, умереть, а онъ живетъ, а кому бы жить надо, онъ умираетъ.

Гаврила не разъ самъ задумывался объ этомъ, и ему вдругъ стало очень пріятно узнать, что вотъ и эта дѣвушка ломаетъ голову надъ этимъ. Подумавши, онъ проговорилъ:

— Должно, такъ Богомъ устроено.

— Мнѣ это тетушка говорила, а всетаки, почему Богомъ дѣлается такъ, а не этакъ?

Гаврила не зналъ, что отвѣтить на это. Помолчавъ, онъ сказалъ:

— Знать, тетка-то твоя хорошая была?

— Хорошая. Тихая такая, богобоязненная, вотъ только недужилось. Сколько она всего видала. Она вѣдь и въ старый Ерусалимъ ѣздила, и въ Соловки. Каталась и на машинѣ, и по морямъ. Бывало, разсказываетъ-разсказываетъ, гдѣ какая сторона, какіе люди, какъ живутъ, какое одѣяніе у нихъ. Наслушаешься—и рада бы сама пойтить куда: очень ужъ любопытно-то. А какъ по морю-то ѣздятъ! Господи, думаешь, живешь ты вотъ тутъ, только и видишь свое мѣсто да неба на три версты, а бѣлый свѣтъ-то каковъ, людей-то въ немъ сколько!

— Я хоть нигдѣ не бывалъ, зато читалъ много, потомъ у насъ въ училищѣ глобусъ былъ... Такъ учитель по немъ показывалъ, гдѣ какая сторона, какъ на нее свѣтитъ солнце, какіе люди въ ней живутъ, какіе звѣри есть,—очень занятно.

— А я только знаю, что отъ нея слышала. Просилась я разъ у ней взять въ Кіевъ меня; она собиралась, да не пришлось.

— Можетъ-быть, теперь придется.

— Гдѣ жъ придется, съ кѣмъ я пойду? Да и дядя не пуститъ. Такъ, должно, и прокоптишь весь вѣкъ, ничего не увидя.

— Да, насчетъ этого вашей сестрѣ плохо; нашего брата хоть въ солдаты возьмутъ, что-нибудь увидитъ, а вы что?

— Оттого-то наша сестра такая. Что она знаетъ-то? Ничего. Ни понять она ничего не можетъ, ни слова путнаго сказать. Вонъ, бывало, тетушка: она видала кое-что, да грамоту-то знала—вота, бывало, въ разговорахъ-то любого мужика загоняетъ. И какіе она разсказы разсказывала!

Въ это время грядковскіе ребята, окончивъ пѣсню, вышли изъ хоровода и подошли къ Гаврилѣ съ Аксиньей.

— Вы что тутъ, сказки, что-ль, другъ дружкѣ разсказываете? — воскликнулъ одинъ парень и громко засмѣялся.

— Бобы, должно-быть, разводятъ, — тоже со смѣхомъ промолвилъ другой.

— Ну, а мы домой хотимъ отправляться. Пойдешь, что ли, Гаврила? — сказалъ третій.

— Конечно, пойду, неужели здѣсь останусь?—отвѣтилъ Гаврило, вставая съ мѣста и обрывая такимъ образомъ эту, очень пріятную для него, бесѣду съ дѣвушкой.

Сельскія дѣвки пошли провожать грядковцевъ. На концѣ села онѣ распрощались. Сельскія просили грядковцевъ опять приходить къ нимъ какъ-нибудь вечеркомъ, тѣмъ болѣе, что наступали Петровки, подходила навозница, и на барскомъ дворѣ, по случаю рабочей поры, сборища должны были прекратиться до будущей весны. Ребята обѣщались, а Гаврила нѣсколько разъ повторилъ:

— Непремѣнно придемъ.

V.

Но придти въ село еще разъ молодежи не пришлось. Навозница, потомъ пахота, а тамъ покосъ захватили всю деревню. О гуляньѣ уже некогда было и думать. Работа была всѣмъ даже въ праздники, хотя небольшая, но все-таки не отпускавшая отъ себя. Гаврила нѣсколько разъ порывался пойти въ село, но онъ не находилъ себѣ товарищей. Всѣ они были чѣмъ-нибудь да заняты. Да ихъ и не тянуло туда такъ, какъ Гаврилу. У другихъ уже не осталось никакихъ воспоминаній о томъ, что происходило весной, и только Гаврила все ясно помнилъ и переживалъ въ своихъ воспоминаніяхъ каждый день. Передъ нимъ возникали пестрый кругъ хоровода, ходившая въ немъ Аксинья, ея лицо, ея голосъ. Гаврила вспоминалъ послѣдній разговоръ съ ней, и все ему казалось въ ней такъ мило и хорошо, какъ ни въ комъ изъ другихъ дѣвушекъ.

Время проходило, но эти чувства все сильнѣй укрѣплялись въ его сердцѣ. Къ концу покоса Гаврила почувствовалъ, что ему не отдѣлаться отъ нихъ. Они овладѣли имъ такъ сильно, что онъ ужъ не могъ заглушить ихъ. Ему захотѣлось хоть издали увидать Аксинью, но онъ не зналъ, какъ ему это лучше устроить. Тогда онъ надумалъ сходить въ село къ обѣднѣ, надѣясь въ церкви встрѣтить ее, и въ слѣдующій праздникъ онъ пошелъ. До села отъ Грядокъ было верстъ десять, и грядковскіе рѣдко посѣщали приходскую церковь. Особенно мало усердниковъ бывало лѣтней порой. Гаврила пошелъ одинъ. По случаю рабочей поры въ церкви было немного народа. Причтъ, видя это, быстро дѣлалъ свое дѣло, не желая задерживать и этихъ немногихъ. Гаврила машинально помолился и сталъ глядѣть направо и налѣво. Но та, которую онъ такъ горячо хотѣлъ увидѣть, не попадалась ему на глаза. Онъ прошелъ съ одной стороны церкви на другую. Совсѣмъ отвертѣлъ голову, оглядываясь на каждаго входящаго, но Аксинья не показывалась. Гаврилѣ стало скучно, онъ вышелъ на паперть, сошелъ со ступенекъ

и сѣлъ на камень у ограды. Вслѣдъ за нимъ изъ церкви вышла одна сельская дѣвушка и, проходя мимо, поклонилась ему.

Гаврила не утерпѣлъ и спросилъ:

— Что же это такъ мало сегодня вашихъ въ церкви.

— Работаютъ,—отвѣтила дѣвушка.— У батюшки рожь жнутъ. Всѣ поголовно ушли.

Гаврила понялъ, что ему Аксиньи не увидать. Ему стало досадно. Онъ боролся нѣсколько минутъ, чтобы прогнать это чувство. Наконецъ, это чувство исчезло, и онъ, вздохнувъ, проговорилъ:

— Ну, что-жъ, и ладно. Взглянуть на нее очень хотѣлось бы, а говорить стоитъ ли? Какъ и что я буду ей говорить? Надо брать сватовъ, да ѣхать на домъ къ нимъ. Тамъ и сказать, что хочешь, можно. Напрасно я самъ себя терзаю.

И онъ почувствовалъ какую-то легкость на душѣ и бодро зашагалъ изъ села. Іюльское солнце ярко сіяло, поспѣвающая рожь блестѣла отъ его лучей и уже не волновалась, какъ это бывало, когда она была еще не налившаяся. Въ травѣ на межникахъ еще не выпарилась роса, отъ шаговъ по дорогѣ поднималась легкая пыль; становилось жарко, но Гаврила чувствовалъ себя очень легко. Онъ думалъ, что вотъ онъ придетъ домой и объявитъ старикамъ, что онъ нашелъ себѣ невѣсту, и что нужно сватать ее. И они поѣдутъ ее сватать, а потомъ сыграютъ свадьбу, и Аксинья будетъ его, его на всю жизнь. Она будетъ съ нимъ и дома, и въ полѣ на работѣ. Съ ней онъ будетъ ходить на улицу, ей будетъ разсказывать, что онъ зналъ и что впередъ узнаетъ. Жить они будутъ не какъ другіе, а въ любви, согласіи, чтобы, глядя на нихъ, имъ завидовали люди и ставили ихъ въ примѣръ другимъ.

VI.

Придя домой, Гаврила сразу ничего не могъ сказать старикамъ. У него какъ-то не хватало смѣлости и не повертывался языкъ, но вечеромъ, за ужиномъ, зашелъ подходящій разговоръ, и Гаврила, преодолѣвая свою робость, проговорилъ:

— А что, вы меня думаете нонче женить?

— Какъ же, какъ же, — поспѣшно заявила Дарья.—Надо женить, чего жъ ждать? Слава Богу, года вышли, человѣкъ намъ нуженъ. Мы теперь люди не молодые, какъ никакъ, а вѣкъ доживаемъ. Мнѣ-то вотъ трудненько становится. Нужно и стряпать, и васъ обшить да обмыть, и на дворѣ уходить,—помощница какъ нельзя больше кстати.

— Такъ мнѣ хотѣлось бы въ селѣ одну дѣвку посватать.

— У кого это?

Гаврила сказалъ.

— Что-жъ, если дѣвка подходящая, гдѣ хошь можно. Вотъ я какъ-нибудь утречкомъ доѣду туда да спрошу у церковной сторожихи, она мнѣ подругой въ дѣвкахъ была, баба хорошая, душой кривить не станетъ—все выскажетъ.

У Гаврилы какъ гора съ плечъ свалилась, такъ ему стало легко. Значитъ, главное сдѣлано — старикамъ объявлено, скоро и дѣло пойдетъ. И онъ опять сталъ думать о будущемъ и весь ушелъ въ эти думы.

Дарья среди недѣли рано утромъ, истопивши печку, отправилась въ село. Она поѣхала какъ будто нанимать жней. Они всегда брали постороннихъ работницъ на жнитво. Гаврила думалъ, что эта поѣздка только для виду, но оказалось, вышло совсѣмъ не то. Старуха вошла въ избу, перевела духъ и заговорила:

— Ну, была я въ селѣ, разспросила про эту дѣвку... Чѣмъ это, сынокъ, она тебѣ такъ полюбилась?

Гаврила былъ огорошенъ. Странное дѣло,—чѣмъ? Полюбилась и полюбилась— очень просто. Онъ даже не нашелся, что бы отвѣтить матери. Старуха продолжала:

— Мнѣ ее показывали издали. Шла она за лошадьми въ стадо; сторожиха-то

меня и кликнула. Такъ себѣ, не то чтобы очень дурна, и не красива. Сирота, жила у бобылки, по хозяйству что едва ли хорошо знаетъ. Нѣтъ у ней ни наряду хорошаго, ни одёжи. Тетка-то кой изъ чего перебивалась; и у дяди-то живетъ первый годъ: если ему награждать ее, то не изъ чего.

— Коли такъ, то завиднаго мало,— проговорилъ Илья: — это какая жъ невѣста!

— Сторожиха говоритъ, что отъ ней еще никто не видалъ ни зла, ни добра. Дѣвка какъ дѣвка.

— Сторожиха по-своему разсуждаетъ, а я по-своему гляжу,—въ сильномъ волненіи проговорилъ Гаврила: — не ей съ ней жить-то, а мнѣ.

— Знамо, тебѣ, — воскликнула старуха: — только всякое дѣло нужно дѣлать съ разсудкомъ, нужно рубить подходящее дерево. Нештo намъ, сынокъ, такую невѣсту надо? Не такую, а первую изъ околотка. Ты у насъ одинъ, живемъ мы слава Богу. Разсчетливый человѣкъ, коли хошь знать, намъ съ наградой невѣсту-то дастъ: выложитъ два ста или три ста, скажетъ: только возьмите.

— Никакой мнѣ награды не нужно, мнѣ человѣкъ дорогъ,—стоялъ на своемъ Гаврила.

— И человѣка дадутъ. Ты думаешь, съ деньгами-то овцу нарядятъ? Такую дадутъ, что изъ-подъ ручки поглядѣть.

— Знамо, надо обстоятельную брать,— проговорилъ Илья. — Какъ никакъ, а, въ самъ дѣлѣ, что же это мы къ такому дому да кой съ чѣмъ-то приведемъ? Нужно порядокъ блюсти. Мы помремъ, вы двое только останетесь; твое-то вонъ какое имущество будетъ, а съ ея-то доли что? Это тоже не дѣло.

— Да что говорить, ужъ эту возьмешь прямо на все попеченье, потому у ней ни мать, ни отецъ. Дяди-то только съ шеи ее стрясть. Ни тебѣ у него погостить, ни совѣта какого спросить. Другіе вонъ изъ-за жениной родни-то на ноги становятся, а тутъ ужъ надѣяться не на что!

— Все ты не то, матушка, говоришь...— сказалъ Гаврила.—Мы не до того дожили, чтобы намъ поправляться отъ свадьбы. Мнѣ думается, женитьба дѣло не такое... Зачѣмъ все разсчитывать?

— А то какъ же, по-твоему безъ разсчета?

И старуха опять заговорила, повторяя уже сказанное и приводя новые доводы. Илья соглашался съ ней и поддакивалъ чуть не каждому слову. Гаврилу это такъ раздражило, что онъ спутался въ мысляхъ и не находилъ нужныхъ словъ, чтобы выразить то, что̀ чувствовалъ. Поэтому, что онъ ни говорилъ, старуха все опровергала. Гаврила рѣшилъ не сдаваться. Старики, видимо, стояли на своемъ; такъ они ни до чего и не договорились.

VII.

Рожь была сжата, обмолочена, и посѣяно озимое. Осталось убирать одно яровое поле. Всѣмъ стало вольготнѣй. Народу какъ будто полегчало. Прошли жары, такъ допекавшіе лѣтомъ людей, ночи становились длиннѣй, можно было вволю и высыпаться. Обновились харчи: въ огородахъ поспѣлъ свѣжій картофель, капуста и другіе овощи, кое-кто рѣзалъ ягнятъ и начиналъ питаться убоинкой. Все стало выглядывать веселѣй.

Съ окончаніемъ главныхъ работъ пошли и другіе интересы: кто подумывалъ о свадьбахъ, кто о солдатчинѣ. Старики Скворцовы, къ великой досадѣ Гаврилы, о свадьбѣ больше разговора не заводили, точно они совсѣмъ раздумали парня женить. Гаврилу разбирала злость на такое упорство ихъ; и онъ все думалъ поднять объ этомъ снова разговоръ и добиться, во что бы то ни было, согласья на бракъ съ Аксиньей. Онъ чувствовалъ, что разговоръ будетъ рѣшительный, и выжидалъ удобнаго момента.

Въ одно воскресенье, въ концѣ августа, Гаврила послѣ обѣда пошелъ въ лѣсъ,

чтобы поразмяться и чтобы поосвѣжить мозги, какъ думалъ онъ. Въ лѣсу онъ прошлялся очень долго. Тамъ было такъ хорошо. Годъ былъ не грибной, и ему тамъ не попалось ни одной души. Трава была давно скошена, и нога ступала свободно по мшистымъ площадкамъ. По вершинамъ деревьевъ шелъ легкій шумъ отъ вѣтра. Листья, начавшіе кое-гдѣ краснѣть и желтѣть, обрывались и, медленно крутясь, тихо падали на землю. Щебетали дрозды, шуршали ящерицы. Гаврилѣ было очень хорошо тутъ, и онъ не замѣтилъ, какъ день подходилъ къ концу. Стало свѣжѣть, по деревьямъ пробивались уже совсѣмъ косые лучи солнышка. Парень отправился домой. Онъ шелъ не спѣша, и когда пришелъ въ деревню, совсѣмъ завечерѣло. Скотину пригнали домой, и на середину улицы высыпала уже толпа дѣвушекъ. Дѣвушки о чемъ-то громко разсуждали. Гаврилу взяло любопытство, и онъ подошелъ къ нимъ, напустилъ на себя веселости и крикнулъ:

— Что за шумъ, а драки нѣтъ?

— Бить некого,—бойко отвѣтила ему одна дѣвушка.

— Вотъ ихъ собрать всѣхъ, да отколошматить,—проговорила другая.

— За что такое?—спросилъ Гаврила.

— За старо, за ново, за два года впередъ, что не по совѣсти дѣлаете: хороводы водить да плясать — къ намъ, а какъ невѣсту сватать, то въ чужую деревню!

— Плевать, — сказала еще одна дѣвушка: — пущай ихъ поѣздятъ, лучше насъ не приведутъ.

— Кто же такое за невѣстой ѣздилъ?

— Кто? Пріятель твой, Арсеній Сушкинъ. А ты и не знаешь?

— Почемъ же я знаю? Спасибо, что сказала.

— Ну, вотъ; а въ селѣ энту новенькую дѣвку-то знаешь? Вотъ сироту-то?

— Аксинью?—спросилъ Гаврила и почувствовалъ, какъ въ груди у него точно похолодѣло.

— Вотъ, вотъ. Ее сосваталъ и зарушники взялъ.

— Вотъ однимъ человѣкомъ въ деревнѣ прибудетъ!

— Лиха бѣда начало, а то, може, за однимъ-то другой да третій. И ужъ повеличаемъ мы!

— Говорить нечего, голова закружится!

Гаврилу точно ударили по головѣ обухомъ, и онъ стоялъ, не зная ни что ему дѣлать, ни что говорить. Въ глазахъ у него забѣгали красные круги, и ему думалось, что подъ нимъ земля вертится. Постоявъ съ минуту около дѣвушекъ, онъ воспользовался первымъ удобнымъ случаемъ и ушелъ отъ нихъ. Онъ пришелъ въ избу, легъ на конникъ и весь отдался охватившимъ его чувствамъ.

«Что они сдѣлали! Что они сдѣлали!— думалъ онъ про стариковъ. — Оттянули! Упустилъ я дѣвушку! Да какъ же это такъ?»

И парень чувствовалъ, что сердце у него разрывается на части и въ головѣ все идетъ кругомъ. Нѣтъ, я самъ виноватъ, чего я ждалъ? Надо бы приставать къ нимъ, вынуждать ихъ, чего на нихъ было глядѣть? И теперь бы не у Арсенія, а у него были зарушники. Нешто его сравняли бы съ Арсеньемъ?

Арсеній былъ изъ себя хуже его. Онъ былъ маленькій, невзрачный, недалекій умомъ, и по дому у нихъ хуже жили. Отца у Арсенья не было давно, а была только мать-старуха, да дѣвка-невѣста. Они тоже жили безъ нужды, но все-таки у нихъ далеко было не то, что у Скворцовыхъ.

И какъ этого тихоню только толкнуло къ ней посвататься? И нанесло же его, прости Господи! Если пойти на перебой, то какъ же это сдѣлать?.. Ахъ, если бы у него не такіе были старики! Они ни за что не пойдутъ на скандалъ. Они теперь обрадуются этому. Господи, какой онъ несчастный!

На душѣ Гаврилы такъ было нехорошо,

что онъ готовъ былъ застонать отъ внутренней боли. Онъ перевернулся и опять сталъ думать.

«Такъ что же дѣлать? Что же дѣлать?»

И у него стали зарождаться въ головѣ совсѣмъ безумные планы. То онъ надумалъ пойти къ Арсенью и объявить ему, что онъ не допуститъ жениться его на этой дѣвушкѣ, то ему представилось, что ему нужно прямо заявиться къ Аксиньѣ и ей высказать все. Но это не долго умѣщалось у него въ головѣ, ему пришло на умъ: а что, какъ Аксинья совсѣмъ къ нему такъ равнодушна, что и слушать его рѣчей не будетъ,—тогда каково ему будетъ?

Въ избу вошла старуха. Она рыла картофель къ утру. Гаврила поднялся ей навстрѣчу и проговорилъ:

— Что вы со мною надѣлали? Дѣвку-то просватали!

— Къ кому?

— Къ Сушкинымъ.

— Ну, вотъ и слава Богу,— спокойнымъ голосомъ сказала старуха: — тутъ она и къ мѣсту, а намъ она не невѣста.

— Конечно, вамъ кукла нарядная лучше человѣка! — сквозь слезы воскликнулъ Гаврила.—Вѣкъ вы доживаете, а не понимаете, что нужно понимать!

И онъ не могъ уже больше говорить отъ подступившихъ рыданій, а взялъ съ конника одежину, накинулъ ее на голову, вышелъ изъ избы и прошелъ въ садъ къ себѣ въ шалашикъ.

VIII.

Свадьба Арсенья, какъ и всякая свадьба въ сѣренькой деревенской жизни, внесла въ нее необычайное оживленіе. Застоявшаяся жизнь всколыхнулась. Началось движеніе, толки, разговоры. Всякая мелочь вызывала такой интересъ, который для человѣка изъ другой среды показался бы непонятнымъ. Прежде бѣгали глядѣть платки, какими невѣста обнесла жениха и его родныхъ въ рукобитье, потомъ провожали жениха съ гостинцами, но этимъ больше интересовался женскій полъ. Когда же наступило время свадьбы, то у двора Сушкиныхъ столпилась вся деревня. Дѣвушки величали гостей, бабы глазѣли во всѣ глаза на происходившее; мужики пришли за обычной четвертушкой водки и пивомъ и, распивши ихъ, помогали справлять поѣздъ: вплетали ленточки въ гривы лошадей, улаживали пристяжи, помогали надѣвать хомуты. Кто служилъ дѣломъ, кто словомъ. Тутъ же толпились ребята, и только Гаврилы никто не видалъ за все время. Онъ какъ-то сторонился отъ всей этой суетности и ни разу не подходилъ къ двору Сушкиныхъ. Арсеній, справляясь съ гостинцами, пришелъ звать его съ собою. Гаврилу сначала очень соблазнило это приглашеніе: «Поѣхать, поглядѣть на нее, перемолвиться словомъ, сказать ей, что онъ чувствуетъ». Но эта мысль только мелькнула въ его головѣ, и онъ сейчасъ же вслѣдъ за этимъ подумалъ: «Зачѣмъ? Къ чему? Что изъ этого выйдетъ? Только свое сердце терзать?» И онъ рѣшительно отказался отъ поѣздки, какъ его ни упрашивалъ Арсеній.

И только на другой день свадьбы, когда раскрыли молодыхъ, онъ не вытерпѣлъ и пошелъ взглянуть на нихъ. Изба была набита народомъ. Въ ней было душно и темно. Онъ только втиснулся въ задніе ряды, но ему и изъ толпы удалось увидѣть молодыхъ. Они сидѣли за столомъ. Со всѣхъ сторонъ ихъ окружали гости. Гости всѣ точно бѣсновались: кричали, пѣли, пили вино и пиво, требовали подсластить. Молодые казались всѣмъ не простыми, обыкновенными людьми, а гораздо значительнѣй. Что-то поднимало ихъ въ глазахъ и во мнѣніи всѣхъ. Такими они показались и Гаврилѣ. Арсеній, обыкновенно тихенькій, не шустрый паренекъ, теперь казался молодцеватѣй, въ глазахъ его сверкалъ какой-то огонекъ, все лицо сіяло торжествомъ и счастьемъ. Аксинья же прямо заставила

сжаться сердце Гаврилы тяжелой болью и тоской. Какъ она была мила въ этомъ новомъ платьѣ и голубомъ кашемировомъ платкѣ. Она сидѣла съ опущенными глазами, выраженіе лица ея было сконфуженное, но все-таки она выглядывала какъ будто расцвѣтшею. Она теперь казалась ему милѣе, чѣмъ когда бы то ни было. Какое чувство зависти поднялось въ его груди къ счастью Арсенья! Въ немъ все закипѣло, заволновалось, къ глазамъ подступили слезы. Онъ повернулся, вышелъ изъ избы, ушелъ домой, но и дома поднявшееся въ немъ чувство все бурлило и омрачало ему бѣлый свѣтъ.

На первыхъ порахъ, чтобы заглушить все въ своемъ сердцѣ, Гаврила надумалъ самому пойти по слѣдамъ Арсенья. Поѣхать и посватать какую-нибудь дѣвушку, жениться и жить, какъ заживется. Тогда, можетъ-быть, скорѣй забудется все, что теперь разрываетъ ему сердце. Но, думая дальше, Гаврила понялъ, что это будетъ безразсудно. Нужно придумать что-нибудь другое, что помогло бъ затянуть душевную рану. Не лучше ли ему теперь на время уйти изъ деревни, скрыться ото всего, ну, хотя поѣхать въ Москву? Этотъ исходъ показался ему самымъ лучшимъ. «Поживу тамъ, испробую новой жизни, погляжу, какъ другіе люди живутъ; тамъ, може, скорѣе горе забуду».

IX.

Осень кончалась. У Скворцовыхъ былъ уже перемолоченъ хлѣбъ, и все прибрано на свое мѣсто.

Разъ какъ-то вечеромъ всѣ рано собрались въ избѣ. Мужикамъ было дѣлать нечего, и только старуха что-то хлопотала около суденки. Гаврила взглянулъ па сидѣвшаго въ простѣнкѣ отца и, опускаясь самъ на другую лавку по конецъ стола, проговорилъ:

— Я вотъ что надумалъ, батюшка; хочу пачпортъ взять да отправиться на годикъ въ Москву пожить.

У Ильи дрогнули мускулы па щекахъ. Онъ точно испугался этихъ словъ. Изумленно взглянувъ на красивое, съ прямыми, твердо очерченными чертами лицо сына и слегка заминаясь сначала, проговорилъ:

— Съ чего это ты выдумалъ-то?

— А съ того и выдумалъ,—уже болѣе твердо проговорилъ Гаврила:—что это для меня самое подходящее.

— Подходящее это тому, у кого хлѣба не хватаетъ, а у насъ, слава Богу, всего вдосталь!—опять проговорилъ старикъ.

— И хлѣбъ есть, и оброкъ заплаченъ, и обуться-одѣться есть во что, чего тебѣ еще надо?—вмѣшалась въ разговоръ старуха, бросая свое дѣло и оборачиваясь лицомъ къ сыну.

— Я знаю, что все-это есть, да дѣла мнѣ на зиму нѣту,—попрежнему проговорилъ Гаврила:—а въ бабки играть съ ребятишками ужъ стыдно.

— Зачѣмъ въ бабки играть,—скотину будешь убирать, и то занятье, а намъ бы съ матерью спокой; а то теперь, ну-ка кто захвораетъ изъ насъ, что будемъ дѣлать?

— Скотину пока ты уберешь, а трудно захвораете, мнѣ вѣсть дадите, я пріѣду тогда.

— Ну, гдѣ ужъ пріѣхать, въ людяхъ не своя воля, не отпустятъ,—проговорила старуха и, пригорюнившись, сѣла на лавку у средняго окна.

Старикъ помялся съ минуту, собираясь съ духомъ, чтобы высказать то, что онъ хотѣлъ сказать, и проговорилъ:

— А какъ же невѣсту-то сватать да свадьбу играть, вѣдь про это думали?

Лампа въ избѣ горѣла тускло, но и при ея блѣдномъ свѣтѣ можно было замѣтить, какъ на лицѣ Гаврилы появилось страдальческое выраженіе. Онъ отпрянулъ отъ стола, привалился къ стѣнѣ и ужъ совсѣмъ другимъ голосомъ проговорилъ:

— Что же это вы смѣетесь надо мной, что ли? А гдѣ же вы раньше-то были?

И Гаврила оперся лѣвой рукой о столъ,

поднялся съ мѣста и, подойдя къ приступкѣ, сѣлъ на нее.

— Раньше, самъ знаешь, работой были связаны, — прежнимъ тономъ и какъ будто совсѣмъ не замѣчая волненія сына, проговорилъ Илья. — И теперь время не пропущено, до Филипповокъ-то пять свадебъ сыграешь.

— А невѣста-то гдѣ? — дрогнувшимъ голосомъ и не поворачивая головы, проговорилъ Гаврила.

— За невѣстой, сынокъ, дѣло не станетъ, — опять ввязалась въ разговоръ Дарья.—Дѣло за тобой, только пожелай, гдѣ хошь найдемъ.

— Негдѣ теперь и искать — упустили! — глухо проговорилъ Гаврила и совсѣмъ отвернулся въ уголъ.

— Опять ты, сынокъ, свое. Коли такъ вышло, значитъ — не судьба тебѣ ей владѣть; надо тебѣ этому покориться, что-жъ самому себя зря разстраивать.

— Не судьба! — вскрикнулъ Гаврила и вскочилъ съ мѣста.—А въ чьихъ рукахъ эта судьба была? Въ вашихъ! Вы не захотѣли дѣло уладить! Вамъ всякія тряпки дороже сыновняго счастья...

— Ахъ, глупый! — опять заговорила старуха и начала снова приводить свои резоны. Старикъ поддерживалъ ее. Долго они говорили такъ.

Гаврила подсѣлъ опять къ столу, уперся на него локтями, прижалъ виски ладонями и сидѣлъ, ничего имъ не возражая. Онъ все-таки не убѣдился ихъ рѣчами, а когда они кончили, онъ рѣшительно поднялъ голову и рѣзко проговорилъ:

— Нечего теперь мнѣ зубы-то заговаривать. Я не ребенокъ, могу и понять, и разсудить, что нужно. Не женюсь я теперь, вотъ и все тутъ. Давайте мнѣ пачпортъ, я поѣду въ Москву.

Старики насупились и долго молчали. У старухи загорѣлись огоньки въ глазахъ, она взглянула на старика и съ раздраженіемъ въ голосѣ сказала:

— Ну, что-жъ, пущай поживетъ въ Москвѣ, пущай! Если худо выйдетъ,— никому, а ему. Мы-то, какъ никакъ, домаячимъ вѣкъ, а тебѣ-то еще много предстоитъ впереди.

— Я самъ себѣ не врагъ, — проговорилъ Гаврила:—и худого не желаю; мнѣ хочется, чтобы и мнѣ, и вамъ было хорошо, а вы сами не понимаете, чего вы хотите!

— Знамо, не понимаемъ, гдѣ намъ понять!—съ неудовольствіемъ проговорилъ Илья.—У тебя голова на плечахъ, а у насъ котелъ пустой.

— Ну, будетъ, оставь!—оборвала старика старуха.—Пускай самъ себя потѣшитъ, въ Москвѣ поживетъ.

X.

Гаврила, отправляясь въ Москву, больше всего желалъ заглушить свою сердечную муку, вытравить всякое воспоминаніе объ обрушившейся на него невзгодѣ. И это ему удалось.

Лишь только онъ очутился въ Москвѣ, все деревенское, пережитое имъ, какъ-то отошло на задній планъ. Сначала его захватили впечатлѣнія отъ одного вида громаднаго города. Все въ немъ было для него удивительно: дома, улицы, бульвары, памятники, магазины, экипажи, люди. Потомъ началось хожденіе по землякамъ, свиданія съ ними, разговоры. Земляки его встрѣтили очень радушно. Одинъ, жившій артельщикомъ въ магазинѣ, ровесникъ ему, бойкій парень, нѣсколько разъ высказывалъ свое одобреніе тому, что онъ пріѣхалъ въ Москву.

— Вотъ это прекрасно! Хоть поглядишь, какъ люди живутъ. А то что въ деревнѣ? Тамъ буквально никакихъ удовольствіевъ; лѣсъ и лѣсъ темный; съ деньгами, и то некуда дѣваться.

Земляки начали хлопотать о пріисканіи мѣста Гаврилѣ. Они не надѣялись найти ему теперь хорошее мѣсто, такъ какъ наступала зима, когда всякій за хозяина держится. Гаврилѣ было все равно куда ни поступить, и его вскорѣ опредѣлили

въ возчики при овощной лавкѣ; при этой же лавкѣ была хлѣбная пекарня.

Мѣсто было не мудреное, но Гаврила былъ радъ и этому. Онъ боялся, какъ бы ему не пришлось ѣхать домой. Онъ старательно принялся за дѣло, сталъ присматриваться, ко всему пріучаться. Обязанности его заключались въ томъ, чтобы по утрамъ развозить хлѣбъ изъ пекарни по мелочнымъ лавкамъ, ѣздить съ хозяиномъ на базары, разносить по домамъ то, что у нихъ покупали, ухаживать за лошадью. На первыхъ порахъ ему казалось очень трудно, работы много и суетливо, а харчи не важные, и помѣщеніе плохое. Для него не было нигдѣ особаго мѣста, и ему пришлось устроить себѣ постель въ конюшнѣ, гдѣ стояла хозяйская лошадь; и когда было не очень холодно, онъ спалъ тамъ; когда же его пробиралъ холодъ, онъ уходилъ въ пекарню. Въ пекарнѣ было тепло, но очень шумно: ночью въ ней шла самая усиленная работа, и ему приходилось долго привыкать, чтобы спать подъ крикъ и стукъ пекарей. Цѣлый день ему приходилось быть на ногахъ, не раздѣваясь. Не раздѣваясь, онъ обѣдалъ, не раздѣваясь, пилъ чай, не раздѣваясь, ложился спать, когда спалъ въ конюшнѣ. Отъ этого бѣлье на немъ быстро тлѣло, одежда его замаслилась, и въ ней ужъ неловко было куда-нибудь показаться, если бы онъ вздумалъ отправиться со двора.

Но ко всему этому Гаврила скоро привыкъ. Только не могъ онъ привыкнуть къ тому, какъ съ нимъ обращались. Въ деревнѣ всѣ обходились съ нимъ по-человѣчески; одни его уважали, какъ трезваго умнаго парня, другіе считали его завиднымъ женихомъ; поэтому въ обращеніи съ нимъ никто никогда не допускалъ чего-нибудь обиднаго, и онъ привыкъ къ такому обращенію. Тутъ же съ нимъ не церемонились ни въ чемъ. Никто почти не звалъ его по имени, всѣ кричали просто: «возчикъ». Хозяинъ, толстый, бородатый ярославецъ въ широкомъ двубортномъ пиджакѣ, глухой жилеткѣ и коленкоровомъ фартукѣ, всегда относился къ нему полупрезрительно. Онъ терпѣть не могъ, если Гаврила шелъ когда-нибудь съ порожними руками.

— Эй ты, деревенщина, — кричалъ онъ:—выкидай навозъ-то! Смахни пыль-то со сбруи! Что ходишь зря, все бы тебѣ лодырьничать!

Хозяйка, толстая баба съ маленькой головой, похожая всей фигурой на копну ржи, то-и-дѣло кричала, чтобы онъ принесъ дровъ въ квартиру или угольевъ, заставляла его выносить помои, и, когда парень, занятый чѣмъ-нибудь, отговаривался, она брюзжала на то, что онъ такъ нескоро поворачивается: долженъ бы быть пошустрѣй, ему не даромъ жалованье платятъ да хлѣбомъ кормятъ. Дѣти ихъ, двѣ дѣвочки-погодки, всегда пышно одѣтыя, чванныя, надутыя, при встрѣчѣ съ нимъ не отвѣчали на его поклонъ: или отворачивались, или опускали внизъ глаза.

Гаврилу это очень обижало, и онъ однажды пожаловался на такое положеніе свое зашедшему къ нему земляку. Землякъ, болѣе его знавшій московскую жизнь, ничуть не удивился этому, а сказалъ, что это въ порядкѣ вещей, ничего тутъ возмутительнаго нѣтъ, такое дѣло: «Нанялся — продался» — гласитъ пословица, — все надо терпѣть. Гаврилѣ по его службѣ больше всего приходилось видѣть дворни, и вездѣ положеніе ея одинаковое. Вездѣ хозяева помыкали наемниками, а тѣ старались дать о себѣ знать всякими доступными имъ средствами. И изъ-за этого между этими двумя сторонами шла глухая, упорная борьба, —борьба грубая, постыдная, не считающаяся ни съ какими понятіями о чести и правдѣ. Гаврила, живя до сихъ поръ въ деревнѣ, очень уважительно относился къ чужой собственности. Онъ видѣлъ, что у нихъ въ деревнѣ лучшіе люди тоже такъ, какъ и онъ, понимали, что пользоваться чѣмъ-нибудь чужимъ—грѣхъ. Тутъ же была совсѣмъ другая политика. Изъ служащихъ всѣ, кому только представлялся случай, безъ

зазрѣнія совѣсти пользовались хозяйскимъ добромъ. Брали, что только можно. Молодцы забирались въ выручку, изъ товара тащили чай, папиросы, мыло; кухарки безбожно набавляли въ счетахъ на провизію; кучера пользовались отъ сѣна и овса. Это называлось доходомъ и считалось безгрѣшнымъ; нѣкоторые даже хвастались этимъ. Хозяева знали это и принимали мѣры, которыя должны были бы оскорбить всякаго честнаго человѣка. На фабрикахъ и заводахъ практиковался обыскъ всякаго выходящаго со двора; въ другихъ заведеньяхъ въ окнахъ были, какъ въ острогѣ, желѣзныя рѣшетки; у нихъ въ пекарнѣ окна были затянуты проволочной сѣткой.

«А тутъ еще живутъ люди умные,— думалъ Гаврила:—все хорошо знаютъ».

И ему порой такъ бывало тяжело, что хоть бы бѣжать отсюда. Но при мысли о деревнѣ тотчасъ же выплывало наружу то, почему онъ очутился здѣсь. Сердце его начинало ныть, на него нападала какая-то угрюмость. Онъ тогда считалъ себя очень несчастнымъ и начиналъ ненавидѣть все: и условія своей жизни, и окружающихъ людей. Онъ стискивалъ зубы и дѣлалъ усилія, чтобы сдержать языкъ и не сказать окружающимъ того, что онъ думалъ и чувствовалъ.

XI.

Однажды, весной уже, Гаврила, пріѣхавшій съ вокзала, очень усталъ, такъ какъ наваливалъ и сваливалъ тамъ тяжелые мѣшки. Убравъ лошадь, онъ пришелъ въ пекарню, сѣлъ на окно и сталъ просматривать валявшуюся тутъ газету, взятую изъ лавки пекарями на папиросы. Руки его точно онѣмѣли отъ тяжести, пальцы еле держали газету, въ нихъ чувствовалась дрожь; въ спинѣ, между лопатокъ, стояла ноющая боль. Гаврила ожидалъ обѣда. Онъ очень углубился въ газету. Въ это время въ пекарню вошла хозяйка и, увидѣвъ сидящаго на окнѣ возчика, проговорила, растягивая слова:

— Говрило, чего ты безъ дѣла-то сидишь, пошелъ бы въ садочкѣ грядки взрылъ, а мы бы тамъ огорошку посѣяли.

— Ладно, послѣ обѣда взрою,—буркнулъ Гаврила, досадливо нахмуря брови и не отрываясь отъ газеты.

— Чего жъ послѣ обѣда, ты сейчасъ иди, небось, не велико дѣло-то дѣлаешь.

— Кому не велико, а мнѣ большое,— грубо сказалъ Гаврила.

— Чего хотѣть—газетину читать! Зачитаешься — съ ума сойдешь. Я, вонъ, дѣвокъ своихъ и то браню за это.

— Ну, это напрасно, — сквозь зубы процѣдилъ Гаврила:—имъ-то сходить не съ чего.

Старшій пекарь, ворочавшійся у квашни, одобрительно взглянулъ на Гаврилу, другіе насторожили уши и стали внимательно прислушиваться къ бесѣдѣ хозяйки съ возчикомъ. Хозяйка, видимо, раскусила смыслъ словъ Гаврилы и окрысилась.

— Какъ это не съ чего? Что же онѣ дурѣе тебя, что ли? Какъ это ты только сказалъ! Можешь ли ты про хозяевъ такъ говорить?

— А если бъ не могъ, и не говорилъ бы!—сказалъ Гаврила и, бросивъ газету, всталъ съ окна и потянулся.—Что-жъ, если они хозяева, такъ ихъ теперь въ затылокъ цѣловать?

— Хозяева не тебѣ чета, — совсѣмъ вышла изъ себя хозяйка:—ты ихъ уважать долженъ, они тебѣ жалованье платятъ да хлѣбомъ кормятъ.

— Не задаромъ! Заплатятъ рубль, а на десять вытянутъ. А то кто же бы велѣлъ имъ держать насъ!

Пекаря бросили свое дѣло и съ загорѣвшимися глазами прислушивались къ схваткѣ. Хозяйка побагровѣла, у ней задрожали губы; Гаврила же былъ совершенно спокоенъ, только брови его были сдвинуты да глаза горѣли дикимъ огнемъ.

— Ахъ ты, злая рожа,—не выдержала и заругалась хозяйка: — вытянешь съ васъ что! Да за вами, мошенниками, только гляди, вы только и думаете, какъ хозяевъ оплесть. Съ вами у хозяина-то день и ночь сердце сохнетъ!

— Сердце сохнетъ, а самъ чуть не лопнетъ!

Пекаря не удержались и фыркнули. Хозяйка выкрикнула еще какое-то ругательство и съ шумомъ вышла изъ пекарни. Старшій пекарь проговорилъ:

— Молодецъ! Отбрилъ ты ее, какъ нельзя лучше; такъ ее и надо.

— Она теперь хозяину нажалится,— сказалъ одинъ изъ помощниковъ.

— Наплевать!—хладнокровно проговорилъ Гаврила и снова потянулся.

— Конечно, чего бояться, теперь скоро лѣто, мѣсто-то еще получше найдешь.

Черезъ минутъ пять въ пекарню прибѣжалъ мальчикъ и позвалъ Гаврилу въ лавку. Гаврила пошелъ и вернулся черезъ четверть часа. Въ рукахъ его были паспортъ и деньги. Ему выдали разсчетъ.

XII.

Черезъ недѣлю Гаврила жилъ уже на новомъ мѣстѣ. Онъ поступилъ дворникомъ на дачу въ Петровскій паркъ. Это мѣсто было не то, что въ возчикахъ, а гораздо лучше по многому. Работы было меньше. Ему нужно было только размести дорожки въ садахъ, изрѣдка сходить съ паспортомъ въ участокъ и кое-когда дежурить по ночамъ у воротъ. Всѣ эти работы были очень не тяжелы; у него было много досуга, а такъ какъ хозяева на этой дачѣ не жили, а жили на другой, то онъ могъ пользоваться имъ по своему усмотрѣнію. На первыхъ порахъ Гаврила вволю спалъ, выспавшись, уходилъ въ ближайшій трактиръ попить чайку и почитать газеты. Потомъ онъ опять приходилъ домой или опять разваливался на постели и читалъ какую-нибудь книжку, или же бродилъ между дачъ и наблюдалъ за жизнью дачниковъ. Дачниковъ на дачѣ жило много, и это были люди всякихъ сословій: и богатые, и бѣдные, и шумливые, и скромные; одни были семейные, другіе одинокіе. Гаврила на первыхъ порахъ очень внимательно присматривался къ каждой семьѣ, вызнавалъ, къ какому сорту людей они принадлежатъ и что изъ себя представляютъ. Одни напоминали его прежняго хозяина, ярославца, другіе были какіе-то непонятные, не то хорошіе, не то дурные. Жили они очень шумно: то собирали у себя гостей, то сами ходили въ гости. Они занимались музыкой, пѣли, играли въ карты, танцовали. Гаврилѣ ни тѣ, ни другіе не были по душѣ.

Его только притягивала къ себѣ одна семья. Глава семьи былъ какой-то профессоръ, старикъ, съ сѣдою подстриженной бородою, длинными волосами и въ очкахъ. Его жена была молодая, красивая женщина. Они имѣли сына, мальчика лѣтъ 9, котораго наемный студентъ подготовлялъ уже въ училище. Всѣ они были очень добры, вѣжливы и деликатны. Гаврилѣ думалось, что они никогда никого не могли обидѣть. Они даже съ нимъ, дворникомъ, держали себя необычайно ласково. При встрѣчѣ первые здоровались, говорили ему «вы», спрашивали, какъ онъ поживаетъ, какъ у него идутъ дѣла. Это было такъ пріятно Гаврилѣ, что его всегда какъ-то поднимало отъ общенія съ ними. Ему хотѣлось самому быть лучше, честнѣй, благороднѣй. Онъ внимательно приглядывался къ каждому шагу профессорской семьи и изучилъ, когда они встаютъ, когда пьютъ чай, когда обѣдаютъ, когда уходятъ гулять. Они ходили кое къ кому въ гости, но къ нимъ собирались чаще. Собирались къ нимъ люди разныхъ возрастовъ, ходили по саду или усаживались на террасу и вступали въ разговоръ. Гаврилѣ очень хотѣлось узнать внутренній міръ этихъ людей, и онъ пробовалъ нѣсколько разъ, забравшись въ садъ и укрывшись за какимъ-нибудь

кустомъ, послушать ихъ разговоръ. Но это былъ напрасный трудъ. Ихъ рѣчи были совсѣмъ ему непонятны, несмотря на то, что онъ цѣлыми десятками минутъ напрягалъ все свое вниманіе, вслушивался въ каждое слово и все-таки, за исключеніемъ отдѣльныхъ словъ, ничего постичь не могъ. Слова были большею частію русскія, но такія «чудныя», и фразы изъ нихъ были такъ составлены, что Гаврилѣ онѣ казались китайской грамотой. Всякій разъ Гаврила покидалъ свой наблюдательный пунктъ съ тяжелымъ вздохомъ и уходилъ въ свою комнатку грустный, неудовлетворенный.

«Нѣтъ,—говорилъ онъ самъ себѣ:—стало-быть, у меня не тѣмъ струментомъ голова обтесана, чтобы понять то, что они говорятъ».

Но это вовсе не отбивало у Гаврилы охоты уяснить себѣ смыслъ ихъ рѣчей. Онъ думалъ, что у нихъ говорятъ непремѣнно что-нибудь дѣльное и важное.

Чтобы удовлетворить своему любопытству, Гаврила рѣшилъ употребить другое средство: сойтись поближе съ профессорской прислугой и отъ нея попробовать что-нибудь узнать.

У профессора были три прислуги: кухарка, горничная и няня. Самой подходящей для этого была горничная, такъ какъ она стояла ближе всего къ господамъ. Но эта была и меньше всѣхъ доступной для Гаврилы. Ее звали Вѣрой. Она была очень хорошенькая, всегда чистенько, даже нарядно одѣтая, всегда веселая. Она была лучшей изъ всѣхъ дачныхъ прислугъ. Гаврилѣ пріятно было встрѣчаться съ нею, лестно перекинуться словечкомъ. Вѣра на слова съ нимъ была однако какъ-то скупа. Она какъ будто не замѣчала его. Гаврилу это немного раздражало. Онъ подумывалъ, чѣмъ бы ему лучше обратить на себя ея вниманіе, но ничего придумать пока не могъ.

XIII.

Дѣлу помогъ случай. Какъ-то Гаврила шелъ утромъ мимо профессорской дачи со стороны кухни. Только-что онъ поравнялся съ кухней и повернулъ голову къ открытому окну, надѣясь увидать кого-нибудь изъ прислуги, чтобы поздороваться съ ними, какъ изъ окна что-то выскочило и моментально хлестнуло его по лицу, и что-то полилось по щекѣ, за шею, по одежинѣ. Гаврила мгновенно остановился и услыхалъ возгласъ: «Ахъ, Боже мой!» Потомъ послышался смѣхъ, мелькнуло розовое лицо и розовое платье Вѣры, и она подскочила къ Гаврилѣ съ полотенцемъ въ рукахъ и, сыпля извиненія, принялась вытирать ему лицо и пиджакъ, которые она облила водой.

— Простите, пожалуйста! — по-кошачьи заглядывая ему въ глаза и лукаво улыбаясь, говорила ему Вѣра: — я совсѣмъ не предвидѣла, что вы здѣсь пойдете. Я хотѣла воду вылить въ ведро, а кухарка унесла его куда-то, я и плеснула въ окно-то, а вы тутъ и есть; вы ужъ извините, пожалуйста.

Гаврила, растопыривъ руки, повертывался передъ ней изъ стороны въ сторону, когда она вытирала его, и не зналъ, что сказать. Но онъ никакого неудовольствія не испыталъ оттого, что его такъ безцеремонно облили. Онъ въ душѣ даже былъ радъ этому случаю, такъ приблизившему ее къ нему.

— Что вы извиняетесь, стóитъ того! Съ кѣмъ оплошки не бываетъ. Я самъ виноватъ, зачѣмъ меня сюда понесло?— проговорилъ Гаврила, стараясь быть какъ можно вѣжливѣе съ Вѣрой.

— Нѣтъ, чѣмъ же вы виноваты? Одна моя вина.

— Ну, вотъ и все, почти незамѣтно,— говорилъ Гаврила, осматривая свой пиджакъ, обтертый полотенцемъ: — чуточку просохнетъ, вотъ и совсѣмъ.

— Такъ зайдите къ намъ, посидите немножко у плиты, и просохнете.

— Нѣтъ, зачѣмъ же, онъ и на мнѣ высохнетъ,—отговаривался Гаврила.

— А у плиты все-таки скорѣе. Она

у насъ ужъ топится. Или вы гордитесь, не желаете съ нами знакомства имѣть?

— Что вы, съ какой стати!—проговорилъ обрадованный и сконфуженный Гаврила.

И онъ, не возражая больше, направился за Вѣрой. Горничная ввела Гаврилу въ кухню и, поставивъ табуретку къ плитѣ, посадила его на нее. Гаврила покраснѣлъ, а горничная начала осыпать его вопросами: откуда онъ родомъ, давно ли въ Москвѣ, гдѣ онъ раньше жилъ. Гаврила разсказалъ. Вѣра разъяснила, что она попала въ Москву раньше его и живетъ въ Москвѣ вотъ уже сколько лѣтъ, перемѣнила нѣсколько мѣстъ, что у нея тутъ ни родныхъ ни знакомыхъ, ни подруги, ни друга. Гаврила совсѣмъ растаялъ отъ ея рѣчей. Онъ чувствовалъ, что теперь завязалось желательное ему знакомство.

Когда Гаврила обсохъ, и они обмѣнялись съ Вѣрой первоначальными свѣдѣніями другъ о дружкѣ, Гаврила сталъ прощаться, а Вѣра просила его почаще заходить къ нимъ; Гаврила обѣщалъ и ушелъ изъ кухни съ цѣлымъ роемъ пылкихъ думъ въ головѣ. Но онъ ужъ теперь не думалъ разузнавать о профессорской семьѣ, какъ хотѣлъ раньше. Это желаніе какъ-то вдругъ отхлынуло отъ него и замѣнилось другимъ. Ему хотѣлось поближе сойтись съ Вѣрой для себя.

«Какъ она хороша, —думалъ онъ: — нешто она чета какой-нибудь деревенской красавицѣ. Въ деревнѣ, може, одна Аксинья для меня лучше ея; только что жъ Аксинья, она теперь пропала для меня».

Гаврила давно сознавалъ, что надо замѣнить Аксинью другой дѣвушкой, а кѣмъ же лучше, какъ не Вѣрой? Только бы пришлось ее назвать невѣстой. Онъ бы тогда былъ самый счастливый человѣкъ.

И эти мысли занимали его весь день. Передъ вечеромъ онъ нарочно прошелъ мимо профессорской дачи, надѣясь увидѣть Вѣру. Онъ втайнѣ думалъ, что она, какъ увидитъ его, непремѣнно позоветъ къ себѣ, но Вѣры въ кухнѣ не было. Не было ея видно и на террасѣ. Онъ прошелъ весь дачный дворъ и вышелъ въ переулокъ.

Выйдя въ переулокъ, онъ сѣлъ на свое мѣсто у воротъ и сталъ разсѣянно глядѣть по сторонамъ. Вдругъ онъ увидѣлъ шедшую по переулку Вѣру. Она шла, нагруженная разными пакетами, видимо изъ лавки. Замѣтивъ Гаврилу, она весело улыбнулась и кивнула ему головой; поровнявшись съ нимъ, она предложила ему горсть кедровыхъ орѣховъ.

— Благодарю васъ; кажется, не къ чему,—стараясь сохранить принятый имъ въ обращеніи съ дѣвушкой тонъ, сталъ отговариваться Гаврила.

— Берите, что вы ломаетесь: мнѣ лавочникъ далъ,—потчивала его Вѣра.

Гаврила взялъ орѣхи, и обуявшее его чувство поднялось въ немъ съ новой силой.

(Продолженіе будетъ).

Девятнадцать дней въ пустынѣ Гоби.

Очеркъ **М. Е. Грумъ-Гржимайло.**

(Съ 9-ю рисунками и 2 картами).

(Окончаніе.)

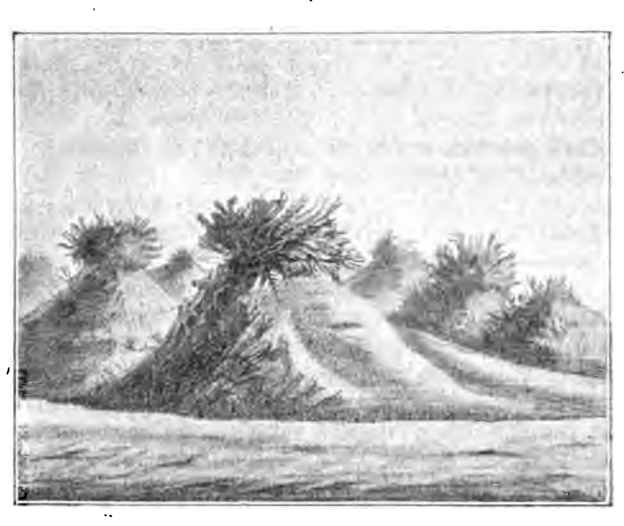
Въ половинѣ второго мы вновь выступили по еле замѣтной тропинкѣ, вѣроятно оставшейся еще отъ когда-то проходившихъ охотниковъ. Здѣсь почва была такая же пыльная, солонцеватая, какъ и въ подгоріи Чоль Тага; съ тѣми же характерными разноцвѣтными пятнами разрушенныхъ сердоликовъ и горнаго хрусталя. Одинъ изъ рукавовъ солончака долго тянулся съ западной стороны нашего пути. Вдругъ Рахметъ, ѣхавшій впереди, остановился и началъ что-то разсматривать.

— Что тамъ Рахметъ?—спросилъ я, стараясь обогнать ѣхавшихъ впереди и проваливаясь въ пыль солончака.

Рахметъ указалъ на землю. Тутъ были ясно видны три слѣда верблюдовъ: два большихъ и одинъ малый, шедшіе на западъ.

— Не понимаю — сказалъ Рахметъ черезъ переводчика:—почему слѣдъ идетъ на западъ не въ урочное время. Вѣроятно, верблюдовъ что-то испугало.

Дорога наша начала поворачивать на западъ, обходя какую-то возвышенность, почва стала твердой, и невдалекѣ показались небольшіе, сажени въ полторы, холмики, на вершинахъ которыхъ росъ жиденькій тамарискъ, по мѣстному юлгунъ. Странный видъ имѣютъ эти холмики; тамарискъ росъ, точно дерево, у котораго почва близъ корня постоянно выдувается; само дерево, благодаря этому, не растетъ, а растетъ одинъ корень; этотъ корень виденъ наружу на цѣлую сажень, и около него, какъ бы облипши, стоитъ земля. Иногда корни достигаютъ баснословныхъ размѣровъ; напр., корень имѣлъ 4 вершка толщины при ростѣ ствола растенія фута въ два и толщинѣ въ четверть или полдюйма. Это было мѣстомъ нашей ночевки; тутъ же разстилалась небольшая площадка, покрытая ползучимъ жесткимъ камышомъ. Урочище звалось Шалдрунъ и отстояло отъ Ачикъ-су въ 11 верстахъ.

Холмики, поросшіе тамарискомъ.

Такъ какъ топлива было много, мы сейчасъ же принялись варить рисъ съ бараньимъ саломъ и мясомъ, которое захватили въ Дга. Съ трудомъ дождавшись, отъ усталости, вкуснаго варева, мы поѣли и остывшіе остатки завернули въ полотенце, а изъ котла напоили лошадей, давъ имъ по $2^1/_2$ кружки Ословъ мы не поили, потому что эти животныя легко выдерживаютъ жажду два-три дня, да и лошадей можно было бы тоже не поить, но жаль было этихъ животныхъ, тѣмъ болѣе, что впереди отъ нихъ могла потребоваться усиленная работа. Спать было холодно: ночью температура спустилась до —7° Ц.; тѣмъ не менѣе, мы выступили только около 6 ч. утра. Мѣстность совершенно измѣнила свой характеръ; это была почти плоскость, повышающаяся къ югу, на которой тянулись въ безпорядкѣ горныя гряды; первыя гряды были не высоки, всего 3—4 сажени, и разноцвѣтныя: то желтыя, то сѣрыя, то красныя; иногда казалось, что онѣ имѣютъ синеватый отливъ. Вспоминая сѣверный склонъ Чоль Тага и его горныя породы, мы невольно приходили къ заключенію, что эти мелкіе хребты съ тѣми же породами составляютъ гигантскій сдвигъ, дно котораго—долина Катаръ-Холгуна. За рядами этихъ хребтовъ, которые имѣли видъ большой скребницы, горы были уже совершенно обособленными, и мы шли по

совершенно открытой мѣстности, замыкавшейся впереди небольшимъ хребтомъ, имѣвшимъ совершенно ясное и рѣзко выраженное направленіе.

Мѣстность, только-что пройденная, представляла такой лабиринтъ горъ, долинъ, промоинъ и т. под., что я никакъ не могъ оріентироваться съ своей съемкой, да и не могъ понять, какимъ образомъ Рахметъ Улла ведетъ насъ, не полюбопытствовавъ даже въѣхать на какую-либо возвышенность, чтобы осмотрѣться; мы шли цѣлиной, да едва ли тутъ на почвѣ и могли оставаться слѣды.

— Рахметъ, какъ ты узнаешь дорогу?— спросилъ я наконецъ.

Рахметъ улыбнулся и показалъ мнѣ на землю впереди. Я сталъ смотрѣть, но ничего не видѣлъ; обломки камней одинъ, какъ другой, и больше ничего.

— Я не понимаю, Рахметъ,—отвѣтилъ я.

Тогда проводникъ остановился и показалъ на камень подъ ногами лошади. Этотъ камень, плоскій и продолговатый, стоялъ ребромъ и былъ вклиненъ между двумя другими камнями. Такое положеніе было искусственнымъ, и зоркіе глаза охотника ясно различали такіе камни среди массы другихъ. Узнавъ разгадку, я, однако, не сразу могъ найти такой же указатель впереди.

— Рахметъ, не можешь ли показать, куда мы пойдемъ сегодня, завтра или вообще нельзя ли видѣть отсюда той горы, около которой мы наконецъ будемъ? — этотъ вопросъ я предложилъ, потому что этимъ путемъ, взявъ азимутъ по буссоли, легко было повѣрить съемку, когда пріѣдемъ къ указанному мѣсту. Рахметъ отвѣтилъ, что покажетъ, и сталъ послѣ этого въѣзжать на холмы и всматриваться вдаль. Вотъ онъ поманилъ рукой, и я влѣзъ къ нему на вершину холма. Отсюда открывался горизонтъ на очень большое пространство. Такъ какъ вся лежавшая впереди мѣстность къ югу поднималась, то рельефъ былъ виденъ довольно ясно. Горизонтъ прикрывался высокимъ хребтомъ съ скалистыми остроконечными вершинами, группировавшимися въ одномъ мѣстѣ особенно густо.

— Тюге-Тау,—сказалъ Рахметъ, показывая на эти горы: — мана Торракъ-Булакъ». (Горы Тюге, вотъ ключъ Торракъ*).

Я занесъ рельефъ на страничку записной книжечки и взялъ направленіе на мѣсто Торракъ.

Несмотря на позднюю осень, тутъ и тамъ появлялись лужайки, покрытыя еще зеленой, хотя и рѣдкой, мѣстами высохшей травой; появились блясы (жукъ), и даже подъ однимъ изъ камней я нашелъ мертваго плоскаго карабуса; оказались и мышиныя норки; съ одной изъ лужаекъ мы согнали двухъ антилопъ, которыя быстро исчезли. Вообще, я долженъ сказать, что пустыня вовсе не оправдывала своего названія и далеко не согласовалась съ тѣмъ, какъ мы себѣ ее представляли по учебникамъ. Твердая почва, покрытая крупнымъ пескомъ, отсутствіе вообще какихъ-либо песчаныхъ отложеній, растительность и животная жизнь, хотя и небогатая,—вотъ что мы нашли въ этой ужасной пустынѣ Гоби. Пройдя около половины пути, мы остановились почти на высотѣ упомянутаго выше хребта, сварили чай, разогрѣли оставшійся съ вечера ужинъ и въ веселомъ настроеніи двинулись далѣе по долинѣ къ новой грядѣ, виднѣвшейся впереди. Солнце пригрѣвало такъ, что пришлось снять полушубки, которыхъ мы не снимали почти двое сутокъ. Но вотъ гряда горъ все ближе и ближе, вотъ и ущелье, къ которому мы идемъ; лошади прибавили хода, видно почуяли воду... «Ильтырганъ» **)—сказалъ Рахметъ, указывая на какую-то возвышенность, виднѣвшуюся за ущельемъ. Ущелье оказалось прорытымъ русломъ рѣки, текшей, вѣроятно,

*) Вѣрнѣе Тогракъ-Булакъ, т. е. ключъ, на которомъ растутъ тополя.

**) Испорченное калмыцкое Зултургунъ, что значитъ малая соленая вода; это показываетъ, что прежніе жители были не иранцы, а монголы.

въ давно прошедшія времена на юго-западъ, т. е. къ Каратару. Когда мы миновали промоину, передъ нами открылась огромная площадь въ нѣсколько десятковъ верстъ. Тутъ, ближе къ пересѣченнымъ нами горамъ, виднѣлась довольно обширная, въ нѣсколько десятинъ, песчаная возвышенность, состоявшая изъ цѣлаго ряда холмовъ, поросшихъ тамарискомъ, камышомъ и злаками. Вся мѣстность вокругъ этого холма представляла солончакъ, истоптанный слѣдами животныхъ. Ближе къ ущелью былъ еще холмикъ, густо заросшій камышомъ, у подножія котораго билъ ключъ соленой воды, повидимому неся въ растворѣ поваренную соль.

Наконецъ, мы у воды; тутъ можно отдохнуть денекъ-другой и посмотрѣть, не придутъ ли дикіе верблюды полакомиться хорошей водой. Пройденное пространство оказалось въ 42 версты.

Мы выбрали укрытое мѣстечко среди холмовъ для своего незатѣйливаго бивака. Вода была тутъ же въ 3-хъ ямкахъ, каждая глубиною около $^3/_4$ аршина, и была затянута льдомъ. Мы наполнили свои жестянки водой; она оказалась нѣсколько солоноватой, но не горькой;—вѣроятно, въ растворѣ была одна поваренная соль; затѣмъ напоили верблюда, лошадей и ословъ; животныя такъ хотѣли пить, что выпили всю бывшую въ ямкахъ воду.

— Почему воды мало?—спросилъ я проводника.

— Я думаю, что тутъ только-что были охотники и вода не успѣла вновь набраться; но это ничего, завтра будетъ воды значительно больше.

Хотя недавнее присутствіе охотниковъ не обѣщало никакой утренней охоты, тѣмъ не менѣе, до свѣта мы разбрелись. Я засѣлъ вмѣстѣ съ сыномъ проводника въ камышевую заросль, о которой упомянулъ выше. Мы рѣшили стрѣлять только по верблюдамъ, какъ добычѣ, составлявшей главную задачу нашей поѣздки. Холодный утреникъ пробиралъ насъ сравнительно очень сильно, почему время, казалось, тянулось безконечно долго; ни одно животное не появлялось на горизонтѣ, только неожиданно появилась у воды лиса и долго, насторожившись, вслушивалась и, наконецъ, успокоившись, принялась пить. Мой товарищъ схватилъ ружье и собирался-было стрѣлять, но я это воспретилъ. Долгое сидѣніе дало возможность осмотрѣть всю прилегающую мѣстность и вывести заключеніе о пройденномъ пространствѣ. До сихъ поръ мѣстность все повышалась, и анероидъ послѣдовательно показалъ слѣдующія высоты надъ уровнемъ моря: С. Дга—299 футъ, перевалъ черезъ Чаль-Тау—2.958 футъ; Ачикъ-су—2.667; привалъ—3.641; Ильтыръ-Ганъ—3.970 ф. Къ югу шло замѣтное повышеніе мѣстности, и скалы съ отвѣсными почти боками явно свидѣтельствовали о весьма плотныхъ породахъ, составляющихъ основу этого хребта. Не представлялось сомнѣнія въ томъ, что все пространство отъ Дга до Тюге-Тау, есть сѣверный склонъ огромной антиклинальной складки, средину которой составляетъ хребетъ Тюге-Тау. Всѣ остальные маленькіе хребты суть рядъ сдвиговъ породъ, настилавшихъ породу, составлявшую хребетъ Тюге. Къ такимъ сдвигамъ относился и мелкосопочникъ горъ Ильтырганъ. Въ зависимости отъ бóльшей или меньшей плотности породъ, разрушеніе ихъ атмосферой оказало бóльшее или меньшее вліяніе на фигуру горъ и на нивелировку ихъ поверхности.

Всѣ привезенные мною образцы горныхъ породъ оказались древне-кристаллическими. По мѣрѣ возвышенія мѣстности появлялись послѣдовательно породы осадочныя, вѣроятно силлурійскія, кварциты и сланцы, затѣмъ выше встрѣчались гнейсы и гранито-гнейсы и еще выше изверженныя породы, какъ-то: сіениты, граниты, порфиры и порфириты. Болѣе молодыхъ породъ я не встрѣчалъ, не было найдено мною и

какихъ-либо признаковъ ханхайскихъ отложеній.

Какъ я выше замѣтилъ, урочище Ильтырганъ лежало на краю огромнаго равниннаго пространства; въ юго-восточномъ направленіи виденъ былъ сай, выходящій изъ мелкихъ горъ; этимъ саемъ, вѣроятно, и приносилась когда-то вода, образовавшая солончакъ у Ильтыргана, отсюда же вода уносилась въ с.-в. направленіи по протоку, который мы пересѣкли вчера. Горы къ сѣверу тянулись однообразнымъ и довольно стройнымъ хребтомъ, и тутъ замѣтна была кое-какая растительность, которую нельзя было опредѣлить, такъ какъ она была совершенно сухая; развитію растительности способствуетъ то обстоятельство, что камни этихъ горъ мѣстами прикрыты пригодной для растительности пылью. Можетъ-быть, тутъ выпадаетъ и снѣгъ въ зимнее время, иначе трудно себѣ объяснить происхожденіе ключей на такихъ высотахъ. Къ востоку горы мельчали; напротивъ, къ западу горы, казалось, были значительно выше.

Въ то время, какъ мы сидѣли въ тщетномъ ожиданіи добычи, къ юго-востоку отъ насъ раздался страшный трескъ, сопровождаемый громовыми раскатами. Звукъ былъ такъ силенъ, что почувствовалось даже дрожаніе воздуха. Очевидно, это упала и разсыпалась какая-либо горная громада. Такія паденія вообще не должны быть рѣдки въ этой мѣстности и главнымъ образомъ въ главномъ хребтѣ Тюге-Тау, такъ какъ въ немъ я находилъ крупнозернистый гранитъ, который, какъ извѣстно, довольно легко разрушается.

Къ одиннадцати часамъ всѣ вернулись на бивуакъ. Подходя къ нему, я замѣтилъ массу лисицъ, которыя были, повидимому, близко отъ нашей стоянки. Взявъ ружье, я пошелъ посмотрѣть, не удастся ли подстеречь какую-либо изъ нихъ. Слѣды привели меня къ холму, по которому я взобрался, и сѣлъ, осматривая мѣстность.

При приближеніи моемъ я замѣтилъ быстро скрывшуюся лису: тутъ же встрѣтилась мнѣ саксаульная сойка (Podoces Hendersoni); очевидно, здѣсь было логовище этого животнаго, ибо мнѣ казалось, что скрывшаяся лиса что-то рыла, но каково же было мое удивленіе, когда я вдругъ увидѣлъ подъ нависшимъ кустомъ тамариска рога, а затѣмъ и ободранную ногу и голову джейрана. Это оказался складъ мяса убитыхъ животныхъ, оставленный, вѣроятно, охотниками. О своемъ открытіи я сообщилъ нашему проводнику, который, не долго думая, отправился къ указанному мною холму, вырылъ цѣлаго джейрана и, отрѣзавъ задокъ, вернулся на бивуакъ.

Я, было, сталъ протестовать, но Рахметъ возразилъ:

— Э, тюря, если лисица добралась до склада мяса, то ужъ охотники все равно ничего не найдутъ по возвращеніи. Лиса все выроетъ и съѣстъ.

Его доводы были основательны, почему я охотно примкнулъ къ вкусному ужину изъ джейрана, который поспѣлъ къ вечеру.

На утро мы вновь отправились на свои мѣста поджидать верблюдовъ, но опять совершенно безполезно просидѣли зарю. Наша охота была на этотъ разъ прервана совершенно неожиданно нашимъ же верблюдомъ. Часовъ въ 9 я вышелъ изъ засадки и пошелъ на бивуакъ, чтобы разогрѣть чайники. Каково же было мое удивленіе, когда, осмотрѣвъ нашихъ вьючныхъ животныхъ, я замѣтилъ отсутствіе верблюда; я обѣжалъ весь оазисъ, лазилъ на холмики, но верблюда и слѣдъ простылъ; выйдя изъ оазиса, я, наконецъ, нашелъ выходной слѣдъ бѣглеца: онъ направлялся на сѣверъ, но нигдѣ на горизонтѣ его не было видно. Ничего не оставалось дѣлать, какъ дать тревожные выстрѣлы, чтобы созвать людей. Гулко раздались и повторились эхомъ два выстрѣла. Въ ожиданіи прихода людей, я сталъ сѣдлать лошадей, чтобы погнаться за верблюдомъ.

Прошло около получаса. Лошади были готовы, а людей не было. Еще два выстрѣла прокатились эхомъ по горамъ, я сѣлъ на лошадь и, взявъ остальныхъ въ поводъ, поѣхалъ въ сторону, куда ушли мои люди на охоту. Не успѣлъ я выѣхать, какъ увидѣлъ бѣгущаго ко мнѣ джигита.

— Тюря, что случилось?—закричалъ онъ, весь запыхавшись.

— Да, Ташъ Мулла, верблюдъ ушелъ по старой дорогѣ, и его не видать уже.

— Ахъ, тюря, какъ ты насъ напугалъ! Мы давно уже верблюда поймали, онъ шелъ мимо нашей засадки, и мы сначала думали, что это дикій, хотѣли стрѣлять, да увидали болтающійся бурундукъ, бросились ловить его. Онъ побѣжалъ, да случайно наступилъ на бурундукъ и остановился. Вонъ его ведетъ Комаровъ.

Тутъ подошелъ казакъ и укоризненно замѣтилъ сарту:

— Говорилъ я тебѣ, отведи верблюда на станъ; придетъ раньше насъ баринъ, увидитъ, что верблюда нѣтъ, и подниметъ тревогу.

Выстрѣлы, конечно, уничтожили всякую надежду на встрѣчу тутъ верблюдовъ, поэтому рѣшено было назавтра выступить дальше. Вечеромъ я убилъ представителей пернатыхъ этого мѣста, а именно: сойку и воробья-пустынника, которыхъ и препарировалъ.

На утро мы выступили на юго-западъ, обходя увалы западнаго хребта. Этотъ хребетъ оказался съ очень большимъ заложеніемъ къ югу и имѣлъ довольно высокія вершины.

Мѣстность была твердая, песчанистая. Съ востока горы отступали попрежнему на 7 — 8 верстъ, и то это были незначительные холмики; къ западу были невысокіе отроги, маскировавшіе горизонтъ, такъ какъ мы шли водостокомъ. Вскорѣ у подножія небольшого каменистаго холмика мы встрѣтили углубленіе съ вертикальной стѣнкой въ сторону холма и очень крутымъ спускомъ. Воды тутъ почти не было. Около ключа на кустѣ тамариска были навязаны тряпочки.

— Это сдѣлали охотники, чтобы отпугивать джейрановъ отъ этого ключа,—сказалъ проводникъ. — Этотъ ключъ зовутъ Етынъ-Булакъ, а вонъ тамъ,—показалъ онъ на востокъ, гдѣ верстахъ въ 4-хъ виднѣлась зелень тамарисковъ,—Батъ-Тауракъ.

Батъ-Тауракъ значитъ «голова воды», и это названіе было правильно, ибо водостокъ, по которому мы шли, раздѣлился, и главная вѣтвь пошла по направленію къ ключу.

Продолжая идти у подошвы холмовъ, мы вскорѣ встрѣтили глубокій оврагъ, который образовалъ какъ бы тупикъ, т. е. не имѣлъ выходного конца; въ глубинѣ росли крупные тамариски и камышъ, но воды я тутъ не нашелъ. Объѣзжая оврагъ, чтобы разъяснить себѣ его происхожденіе, я неожиданно замѣтилъ на днѣ оврага, среди зарослей, почти подъ ногами, огромную кошку желтаго цвѣта безъ замѣтныхъ пятенъ, не менѣе аршина длины, съ крупной головой и толстымъ, какъ мнѣ показалось, короткимъ хвостомъ. Я соскочилъ съ лошади и сталъ на краю оврага на камни, чтобы слѣдить за движеніями кошки между вѣтвями и корнями деревьевъ, и, протянувъ назадъ руку, шепталъ джигиту:

— Ташъ Мулла, давай ружье... скорѣй... скорѣй...

Я ждалъ дробовика, который былъ у сарта, но напрасно. Джигитъ думалъ, что надо держать лошадь, и сталъ ее ловить. Дѣлать было нечего, кошка могла совсѣмъ скрыться, пришлось сорвать съ плечъ штуцеръ и выстрѣлить по виднѣвшемуся пятну. Кошка прыгнула и скрылась. Пуля, повидимому, прошла нѣсколько выше головы.

Раздосадованный я поднялся съ колѣнъ и отъ души выругалъ джигита.

— Я ловилъ лошадь, — оправдывался

джигитъ.—Я не понималъ, что̀ ты, тюря, хочешь...

Конечно, эти извиненія меня только раздражали. Я взялъ дробовикъ, послалъ людей по краю оврага, а самъ спустился внизъ, но все напрасно—кошка куда-то исчезла. Неудача меня страшно огорчила, ибо дикая кошка, найденная въ пустынѣ, имѣетъ большой зоологическій интересъ.

Этотъ ключъ носитъ названіе Мыль-Токсунъ.

Пройдя около 5 верстъ прежнимъ направленіемъ, мы подошли къ хребту, который поднимался круто вверхъ, безъ предгорій. Нѣсколько не доходя до него, мы попали въ сыпучіе подвижные пески. Длина песковъ была весьма незначительна, и направленіе гряды оказалось З.-С.-З. т. е. барханы образововались В.-С.-В. вѣтрами. Гряда эта, встрѣтивъ на своемъ пути крутой хребетъ Тюге-Тагъ, постепенно на него всползала и покрывала его, какъ пеленой. Сила вѣтровъ была, вѣроятно, очень значительна, ибо пески поднимались на высоту болѣе 600 футъ. При этомъ, движеніе песковъ было непрерывное, какъ движеніе волны, такъ что восточный край горъ былъ уже почти свободенъ отъ песчанаго покрова. Можно себѣ представить, какой песчаный ураганъ поднимается тутъ при вѣтрѣ, и какую страшную нивелировку произведетъ этотъ песокъ въ горномъ кряжѣ! Ширина песка не превосходила полуверсты. Подойдя къ обрывистому краю его, мы очутились передъ узкимъ ущельемъ, словно передъ трещиной въ горахъ; оно еще не было засыпано пескомъ, и видно было русло рѣки, изъ него выбѣгавшей, но вода, постепенно впитываясь въ песокъ, въ настоящее время еле доходила до края ущелья. Мы втянулись въ ущелье, называвшееся Торакъ-Булакъ, и не прошли и 100 саженъ, какъ воды въ ручьѣ оказалось на аршинъ въ глубину и около $1^1/_2$ аршина въ ширину; берега были поросши камышомъ и густой, еще зеленой травой; по мѣрѣ движенія вглубь воды становилось больше; отвѣсныя скалы тянулись узкимъ коридоромъ съ полверсты, затѣмъ раздвинулись и образовали широкій лугъ.

Тутъ мы встрѣтили неожиданную картину. На правой, нѣсколько возвышенной части ущелья росли штукъ двадцать огромныхъ тополей, съ гладкими прямыми стволами; между ними на протянутой палкѣ висѣло штукъ 10 тушъ антилопъ; на землѣ лежала свѣже ободранная шкура и голова аркара; пріютившись подъ навѣсъ скалы, стояли прислоненными нѣсколько ружей и пожитки; между камнями, на которыхъ стоялъ котелокъ, былъ разведенъ огонь и сидѣло три охотника турфанца.

Картина была просто сказочная; трудно было бы подыскать болѣе подходящаго мѣста для охотничьей стоянки. «Аманъ... Аманъ кельды»... закричали пораженные охотники, когда я, ѣхавшій впереди каравана, выросъ передъ ними, какъ изъ-подъ земли. Они не сразу, кажется, пришли въ себя отъ испуга и думали, что это привидѣніе, и успокоились только при появленіи Рахмета Уллы. Мнѣ, по мѣстному обычаю, помогли слѣзть съ лошади, усадили на обрывокъ кошмы, поставили деревянное блюдо, и старшій руками отдѣлилъ лучшіе, по его мнѣнію, куски мяса аркара, варившагося въ котелкѣ.

Мы живо разсѣдлали лошадей и расположились приготовить себѣ обѣдъ. Поднялись нескончаемые разговоры. Къ сожалѣнію, эти разговоры между охотниками оставались для меня почти пустыми звуками, и я могъ получить отвѣты только на заданные вопросы. Конечно, мои предложенія награды за шкуры были приняты, и охотники, уже собиравшіеся уходить, остались еще на день въ ущельѣ, чтобы попытать счастья.

Мы расположились рядомъ съ новыми знакомцами въ травяныхъ заросляхъ; впрочемъ, они и не предлагали намъ

занять ихъ мѣста. Вообще, надо замѣтить, что турфанцы, при всемъ ихъ порабощеніи китайцами и ваномъ, далеки отъ всякаго искательства и очень самостоятельны.

IV.

Не скажу, чтобы спалось хорошо. Въ ущельѣ было сыро и съ вечера поднялся вѣтерокъ, дувшій съ сѣвера, отъ быстро охлаждавшихся песковъ. Кромѣ того, я нѣсколько разъ просыпался и вставалъ, чтобы привязать верблюда, который упорно старался отъ насъ удрать. Несмотря на то, что мы привязывали одну изъ переднихъ ногъ къ подпругѣ, другую прикрѣпляли къ прочно вбитому въ землю колу, а бурундукъ къ отдѣльному колышку, онъ, все-таки, перегрызалъ по очереди всѣ веревки, вставалъ и уходилъ. Ни днемъ, ни ночью онъ не давалъ намъ покоя, и приходилось осматривать его привязку или сторожить на пастьбѣ. Лошадей и ословъ мы приводили только на ночь, днемъ же спутанными пускали въ ущелье. На утро мы раздѣлились. Я пошелъ съ Комаровымъ прямо вверхъ по ущелью. Наша лужайка замыкалась узкой щелью между отвѣсными скалами, пропускавшими только ручей; эта щель саженей черезъ сто немного расширялась и образовывала на песчаномъ ложѣ огромную лужу, затянутую льдомъ; это было начало ключа. Ущелье тянулось версты на четыре и выбѣгало на плоскогорье, сѣверный край котораго падалъ, какъ выше сказано, отвѣсно внизъ и казался издали хребтомъ. На этомъ плоскогоріи былъ расположенъ въ большомъ безпорядкѣ рядъ невысокихъ холмовъ и грядокъ. Съ этого плоскогорія открывался видъ на огромный хребетъ, тянувшійся въ З.-С.-З. направленіи и сливавшійся тамъ съ сопками своего пьедестала. Ось этого массива находилась верстахъ въ 10 отъ мѣста нашей стоянки, и вершины его торчали, какъ иглы, и казались издали какъ бы обелисками, — до того круты были ихъ бока; темно-красный, но яркій цвѣтъ ихъ рѣзко выдѣлялся на голубомъ безоблачномъ небѣ. Вечеромъ, на мои разспросы объ этихъ горахъ, Рахметъ сообщилъ, что онѣ крайне неприступны и совершенно голы, и хотя тамъ имѣются ключи очень хорошей воды, но къ нимъ подойти трудно, потому что они заключены въ бассейны съ крутыми стѣнками. Онъ не отказывался вести насъ туда, хотя самъ былъ тамъ всего одинъ разъ со своимъ отцомъ и звѣрей не видалъ. Вершины этого хребта возвышаются надъ общимъ уровнемъ плоскогорія на 5 — 6 тыс. фут., т. е. абсолютная высота должна быть около 10 т. фут.

Поднявшись на одинъ изъ холмиковъ, мы увидѣли верстахъ въ полутора аркара *), который, стоя на вершинкѣ, какъ бы осматривалъ мѣстность; обернувшись мордой на востокъ, онъ грѣлся въ лучахъ только-что взошедшаго солнца.

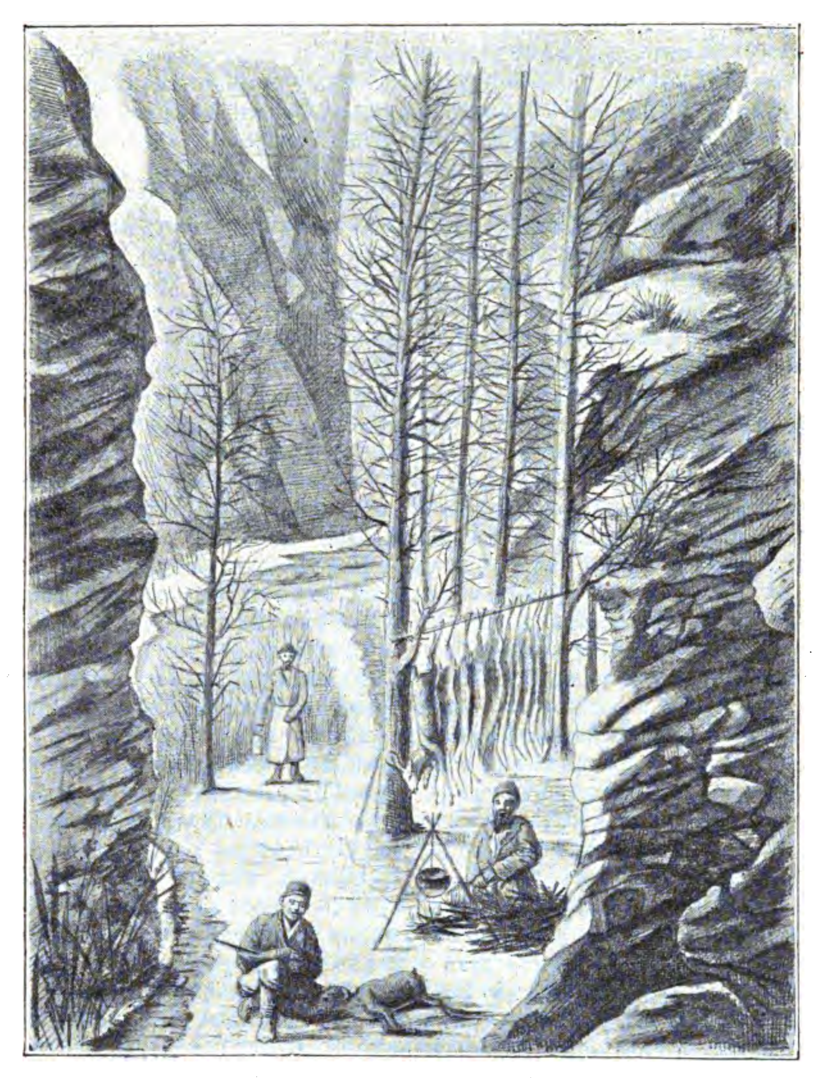
Обыкновенно аркары съ восходомъ солнца, особенно одинокіе, поднимаются на вершины горъ, тамъ остаются нѣкоторое время и затѣмъ начинаютъ тихо спускаться въ долины и по пути кормятся; около полудня они ложатся гдѣ-либо въ открытомъ мѣстѣ, а потомъ къ вечеру, т. е. приблизительно часамъ къ пяти, спускаются къ водѣ и вновь поднимаются высоко въ горы на почлегъ. Зная этотъ обычай, мы съ Комаровымъ усѣлись за холмомъ; солнце уже взошло, а аркаръ все стоялъ и какъ будто собирался, но не рѣшался спускаться.

— Ваше высокоблагородіе, пойдемте, чего его ждать, вѣдь тутъ горки небольшія, некуда ему и уходить, — сказалъ Комаровъ.

Такъ мы и сдѣлали; онъ пошелъ правѣе, а я лѣвѣе. Приходилось идти крадучись и очень осторожно, ибо и здѣсь щебня было много. Тѣмъ временемъ ар-

*) Аркаръ — горный баранъ, водящійся въ пустынныхъ каменистыхъ горахъ Центральной Азіи. Ростъ его различенъ, отъ средняго теленка до лошади. У нѣкоторыхъ породъ черепъ съ рогами вѣситъ пуда полтора.

каръ уже спустился, но въ какую сторону, я не видѣлъ. Я сталъ ползать съ одного холма на другой, осматривалъ всѣ лужайки и пригорки, но все напрасно; догнавшій аркара. Я уже направился въ ту же сторону на помощь, какъ услыхалъ какой-то топотъ и тяжелое хрипѣніе. Я притаился. Животное, повидимому,

Ключъ Торакъ-Булакъ 1-й.

прошло уже много времени, ибо солнце стояло высоко, какъ вдругъ раздались два послѣдовательныхъ выстрѣла гдѣ-то впереди. Это стрѣлялъ Комаровъ, видимо шло мимо меня саженяхъ въ 50 и направлялось на сѣверо-востокъ, какъ бы уходя отъ стрѣлявшаго Комарова. Прислушавшись къ шагамъ звѣря, я бросился

со всею осторожностью наискось, стараясь сблизить разстояніе; однако, при всемъ стараніи, я не могъ не шумѣть, и щебень хотя изрѣдка, но сыпался изъ-подъ ногъ. Вдругъ все затихло; повидимому, животное меня почуяло и остановилось, прислушиваясь. Я тихо вползъ на горку и осмотрѣлъ какъ скатъ, такъ и долину, но ничего тутъ не было. Каково же было мое удивленіе, когда, поднявъ голову, я увидѣлъ передъ собой за гребнемъ горки шагахъ въ 200 голову огромнаго кабана, который смотрѣлъ прямо на меня. Этого я никакъ не ожидалъ. Кабанъ въ центрѣ Хамійской пустыни?! Къ сожалѣнію, пули моего штуцера на такое разстояніе были слабы, поэтому я рѣшился преслѣдовать звѣря и какъ-нибудь его догнать. Но напрасно; кабанъ уходилъ свободно, я же, по необходимости скрываясь, черезъ полчаса усиленнаго бѣга не сблизилъ разстоянія ни на шагъ. Пришлось бросить погоню, такъ какъ я совершенно потерялъ силы. Будучи отъ бивуака довольно далеко на востокъ и желая изслѣдовать сыпучіе пески, я повернулъ къ сѣверу. Пройдя немного, я очутился у спуска въ глубокое русло, шедшее почти параллельно нашему ущелью; почти вертикальныя стѣны его были сплошь покрыты самой разнообразной растительностью, преимущественно кустарниковой; тутъ и тамъ виднѣлись небольшія заросли камыша, масса какого-то плюща вилась по деревьямъ. По дну струилась узкая ленточка воды...

Видъ этого ущелья былъ такъ красивъ, что я спустился внизъ, прыгая съ уступа на уступъ, и сѣлъ отдохнуть у ручейка, напившись предварительно воды. Такъ какъ ущелье шло прямо на сѣверъ, то я и пошелъ по немъ. По мѣрѣ приближенія къ выходу, количество камыша становилось больше и больше и стѣны— выше. Тутъ оказалась масса мѣстъ, изрытыхъ кабанами, поэтому я снялъ съ плеча штуцеръ и держалъ его наготовѣ, расчитывая на возможную встрѣчу съ этимъ животнымъ, можетъ-быть и со своимъ знакомцемъ! Но вотъ ужъ близокъ выходъ, а звѣря нѣтъ. Тутъ дорогу преградилъ громадный увалъ песка, на которомъ тоже были видны слѣды животнаго. Я полѣзъ по увалу и вылѣзъ наверхъ, вновь на плато. Оказалось, что песчаные барханы засыпали выходъ изъ ущелья. Песчаная гряда, хотя очень низенькая, тянулась къ востоку версты на три. По песку я спустился внизъ и вскорѣ вошелъ въ ущелье, гдѣ былъ нашъ бивуакъ. Охота въ этотъ день не дала ничего, всѣ вернулись съ пустыми руками; только неизвѣстно было ничего о Комаровѣ. Мы успѣли уже пообѣдать, наступили сумерки, а Комарова все не было. Всѣми овладѣло безпокойство, ибо гдѣ же найти дорогу ночью среди горъ, да еще въ незнакомой мѣстности.

— Ташъ-Мулла, пойди наверхъ, зажги огонь и дай сигналъ изъ ружья,— сказалъ я, когда уже совершенно стемнѣло.

Вскорѣ на одной изъ вершинъ запылалъ огонь и раздались выстрѣлы.

Но часъ шелъ за часомъ, а охотника все не было.

Я зналъ характеръ Комарова, который способенъ былъ Богъ знаетъ куда уйти, преслѣдуя звѣря. Конечно, ночью на поиски идти было нельзя, и приходилось ждать до разсвѣта. Мы уже собирались расположиться на ночлегъ, какъ вдругъ въ свѣтѣ костра появился Комаровъ, нагруженный мясомъ. Громадная его фигура съ шапкой на затылкѣ, съ разстегнутой на груди рубашкой была такъ отважна и великолѣпна въ блескѣ краснаго зарева костра, что хоть картину пиши. Появленіе его было до того неожиданно, что мы не сразу его привѣтствовали. Онъ просто повалился отъ усталости, да и не мудрено: вѣдь онъ пробылъ на ногахъ съ зари до поздняго вечера. Его разсказъ былъ коротокъ. Когда мы разстались, онъ такъ же долго лазилъ по ущельямъ и горамъ, какъ и я, и, наконецъ, наткнулся

на слѣдъ, по которому и пошелъ за аркаромъ. Аркаръ, чуя опасность, все уходилъ и не останавливался. Преслѣдовать, наконецъ, стало невмоготу, и казакъ рѣшилъ стрѣлять на удачу при первой возможности. И вотъ, наконецъ, аркаръ вылѣзъ на вершинку и остановился, Комаровъ былъ шагахъ въ 350 и выстрѣлилъ. Пуля попала въ заднюю ногу около колѣна и перебила кость; аркаръ упалъ, и Комаровъ далъ по немъ второй выстрѣлъ, но промахнулся. Теперь преслѣдовать стало легче. Комаровъ рѣшилъ гнать аркара къ нашему стойбищу. «А то тащи его потомъ десять верстъ»—говорилъ казакъ, и вотъ эта-то причина и заставила его такъ долго возиться съ животнымъ. Оказалось, что онъ пригналъ аркара къ тому же логу, гдѣ только-что былъ и я, и тутъ, переставъ преслѣдовать, далъ аркару успокоиться, а затѣмъ подкрался и покончилъ съ животнымъ. Конечно, первымъ дѣломъ было снять шкуру, а затѣмъ мясо, за исключеніемъ задка, было положено подъ камни. Убитый аркаръ оказался молодымъ самцемъ съ нѣсколько бѣловатой грудью. Шерсть его была коричневатая; у стараго самца шкура сѣро-синеватая. Эти аркары значительно меньше памирскихъ. Въ награду, я тутъ же передалъ Комарову слитокъ серебра въ 5 ланъ, чѣмъ возбудилъ восторгъ въ охотникахъ, которые тѣснымъ кольцомъ сидѣли около героя дня.

На другой день, до зари, я выѣхалъ на этотъ разъ верхомъ на охоту съ Рахметомъ Уллой. Мы двинулись опять вверхъ по ущелью, но проникли гораздо дальше, чѣмъ съ Комаровымъ.

Это ущелье было копіей посѣщеннаго мною вчера, и какъ живописно было оно! Горы, его образующія, стояли то вертикальными стѣнами, то сбѣгали уступами, то образовывали мягкій склонъ, давая вдругъ ущелью массу свѣта. Казалось, несмотря на позднюю осень, что ѣдешь по аллеѣ какого-то сказочнаго сада. Дно ущелья представляло широкую дорогу, плотно убитую и посыпанную пескомъ, укатаннымъ тяжелыми катками. По сторонамъ она была обсажена то группой крупныхъ тополей, перевитыхъ какимъ-то вьющимся растеніемъ, то насажденіемъ роскошнаго шиповника (Rosa elasmacauta) съ огромными бѣлыми, точно когти кошки, шипами, то низенькимъ шиповникомъ съ прямыми длинными шипами; въ другомъ мѣстѣ на возвышеніи изъ камней разрослась красивая группа тамариска; тутъ и тамъ группы растеній, похожихъ на карагачъ и нашу сѣверную рябину, чередовались однѣ другими, и все это было украшено, точно садовымъ туфомъ, обломками скалъ разныхъ цвѣтовъ, между которыми ютились растенія съ кожистыми листьями, напоминающими рододендронъ; мѣстами группа крупныхъ тополей раздѣляла дорогу, заставляя ее обѣгать ихъ съ обѣихъ сторонъ; тутъ и тамъ подъ нависшими скалами попадались бассейны, наполненные чистой, какъ кристаллъ, водой. Воображаю, что за роскошную картину представляетъ эта долина весной.

Животныя, понятно, не чуждались этой долины: среди пташекъ я замѣтилъ трясогузокъ, чеканчика и, повидимому, тростянку. Къ вящшему удовольствію вдругъ сверху раздался звонкій голосъ красноклюваго ворона, этой красивой птицы, напомнившей мнѣ Памиры.

Мы ѣхали вверхъ по долинѣ около 3 верстъ, и на одномъ изъ поворотовъ черезъ боковое ущелье я увидѣлъ аркара, стоявшаго на скалѣ въ профиль къ намъ.

Мой проводникъ попросилъ меня выстрѣлить изъ штуцера, хотя разстояніе было болѣе 500 шаговъ.

— Іокъ-іокъ, Рахметъ, тулаймъ алысъ (нѣтъ, нѣтъ, Рахметъ, черезчуръ далеко)— сказалъ я ему.

Но такъ какъ онъ настаивалъ, желая посмотрѣть, какъ бьетъ ружье, то я снялъ штуцеръ и выстрѣлилъ; пуля ударила въ ноги аркару и подняла пыль.

— Обданъ, обданъ (хорошо, хорошо)— шепталъ Рахметъ.

Аркаръ повернулъ и, не спѣша, пошелъ на востокъ. Мы увязались за нимъ и въѣхали на плоскогоріе, продолжая слѣдовать сѣдловинами между горокъ. Преслѣдовать аркара, какъ оказалось по опыту Комарова и моему, нечего было и думать, ибо въ такихъ условіяхъ животное легче услышитъ и увидитъ преслѣдователя, чѣмъ наоборотъ, поэтому мы рѣшились тихо ѣхать и нагнать аркара на его отдыхѣ. На самомъ дѣлѣ случилось иначе. Ѣхали не долго, какъ вдругъ Рахметъ увидѣлъ спускающагося въ долину аркара, при чемъ тотъ его не замѣтилъ; мы немедленно остановились. Рахметъ указывалъ мнѣ, чтобы я шелъ. Но я не могъ расчитывать подкрасться, ибо камней было много и мои сапоги меня бы выдали, мягкіе же сапоги Рахмета давали возможность идти по камнямъ безъ стука. Повидимому, мое рѣшеніе понравилось Рахмету, и онъ отдалъ мнѣ поводъ лошади. Прошло порядочно времени—пожалуй, около получаса, пока я услышалъ выстрѣлъ и черезъ минуту увидѣлъ скачущаго аркара. Рахметъ вернулся ко мнѣ съ печальной физіономіей: «Аркаръ кетты» (аркаръ ушелъ),—сказалъ онъ, махнувъ рукой, и сталъ собираться влѣзать на лошадь.

— Іокъ, іокъ, Рахметъ, аркаръ урды (нѣтъ, нѣтъ, Рахметъ, аркаръ убитъ).

Рахметъ не повѣрилъ и отрицательно покачалъ головой. Тогда я взялъ его за рукавъ и потащилъ на вершину, за которой скрылся аркаръ. Я ясно видѣлъ, что аркаръ, вбѣгая на пригорокъ, тащилъ лѣвую заднюю ногу, которая повыше копыта казалась очень темною. Рахметъ шелъ недовѣрчиво, съ виновнымъ видомъ, и все повторялъ: «іокъ, іокъ». Наконецъ, мы вошли на горку; тутъ ясно было видно пятно крови; лицо старика просіяло. Должно-быть, пуля ранила аркара рикошетомъ. Я предложилъ старику посидѣть и покурить, такъ какъ иначе аркаръ уйдетъ очень далеко. Выждавъ же часъ, можно будетъ найти аркара лежачимъ и его добить. Такъ и сдѣлали.

Найти слѣдъ животнаго, идущаго на 3 ногахъ, очень легко, такъ какъ при этомъ оно ковыляетъ и сдвигаетъ гальки. Сѣвъ на лошадей, приблизительно черезъ часъ, мы вскорѣ доѣхали по слѣду до той щели, гдѣ я былъ вчера, и спустились внизъ; тутъ я сказалъ Рахмету, чтобы онъ шелъ одинъ пѣшкомъ, я же остался при лошадяхъ. Не прошло и часа, какъ раздался выстрѣлъ. Оставивъ лошадей, я влѣзъ на кручу по направленію выстрѣла и увидѣлъ Рахмета, который только-что прирѣзалъ животное, шедшаго ко мнѣ навстрѣчу. Вторая пуля не попала въ убойное мѣсто, но лежавшее животное съ перебитой ногой не сразу вскочило и дало возможность старику его удержать и повалить. Это была старая 10—11-лѣтняя самка. Дѣйствительно, первая пуля перебила только сухожиліе, сорвавъ часть копыта.

Снявъ шкуру, я занялся ея укладкой, старикъ же разрѣзалъ аркара и навьючилъ на свою лошадь. Время было вернуться назадъ, ибо приходилось сегодня же препарировать обѣ шкуры аркаровъ, а на утро выступать; тѣмъ не менѣе, мнѣ хотѣлось еще разъ попытать счастья отыскать кабана въ низовьяхъ ущелья, и потому мы направились внизъ по долинѣ. Но—увы!—безполезно: камыши вновь оказались пусты.

И на этотъ разъ всѣ охотники остались безъ добычи, и я засталъ всю компанію, приготовляющуюся къ отъѣзду. Турфанцы съ помощью простой палки, подвѣшанной за середину, устроили вѣсы и развѣшивали туши кіиковъ, при чемъ противовѣсомъ служили обломки камней. Все мясо раздѣлили на 5 кучъ по числу охотниковъ, и каждый взялъ себѣ, что досталось по жребію.

V.

На другой день, 25-го октября, мы въ 8 ч. утра выступили вверхъ по вышеопи-

санному ущелью и, пройдя около часа, повернули въ лѣвое колѣно, между тѣмъ какъ главное ущелье потянулось къ юго-западу. Вскорѣ мы подошли близко къ главному хребту Тюге-тагъ. Этотъ хребетъ представлялъ голый камень съ крутыми стѣнами и узкими ущельями. Масса камней какъ бы висѣла въ воздухѣ и, казалось, готова была сорваться ежеминутно и раздавить смѣльчака, собирающагося близко подойти къ этой громадѣ. Куски, оторвавшіеся отъ главнаго массива, долетали до мѣста, гдѣ мы были. Это былъ красный, довольно крупнозернистый гранитъ, впрочемъ съ небольшимъ количествомъ слюды; цвѣтъ его, казавшійся издали темно-краснымъ, въ свѣжемъ изломѣ оказался розово-краснымъ. Восточная оконечность Тюге-Тау, казалось, или загибалась къ югу, или переходила въ мелкопесочникъ, но во всякомъ случаѣ тутъ, у восточнаго конца Тюге, былъ увалъ и наибольшая высота поднятія мѣстности.

Немного не доходя до перевала, мы повернули къ сѣверу и вошли въ вершину долины, уже посѣщенной мною два раза. Тутъ былъ ключъ Торакъ-Булакъ 2-й. Мы прошли всего около 12 верстъ. Оставивъ развьючивать нашихъ лошадей джигита и Комарова, я самъ ушелъ осматривать мѣстность.

Взобравшись на ближайшую горку, которыхъ, сказать кстати, тутъ почти не было, я нанесъ рельефъ окрестности на съемку. Въ сѣверо-восточномъ направленіи былъ виденъ хребтикъ, который, повидимому, составлялъ продолженіе горъ Тюге; къ востоку и юго-востоку шла возвышенная площадь, маскировавшая горизонтъ, на ней не было никакихъ вершинъ; только очень далеко видны были какіе-то остроконечные пики, на которые я и взялъ направленіе.

Между тѣмъ поднялся сѣверо-восточный вѣтеръ и стала падать крупа. Сидѣть и ждать въ такую погоду какого-либо животнаго было излишне, и я направился домой. Температура спустилась около 11 ч. дня до 9,5° С. Это былъ первый холодный день, хотя по ночамъ температура уже доходила до 14° С.

Въ ущельѣ мы расположились у самаго ключа въ заросли камыша; тутъ мы чуть-чуть не погорѣли, такъ какъ неожиданно налетѣвшій шквалъ разбросалъ угли костра, отъ котораго сухая заросль моментально вспыхнула; но, благодаря близкой водѣ, мы залили огонь и затоптали ногами.

Встали мы рано и уже въ 6 ч. 30 м. утра двинулись въ юго-западномъ направленіи. Гладкій увалъ, почти закрывавшій все лежавшее предъ нами пространство, виднѣлся впереди. День былъ сѣренькій, и рѣзкій сѣверо-восточный вѣтеръ пронизывалъ насъ; вскорѣ поднялся туманъ, который такъ окуталъ всю мѣстность, что я при всемъ желаніи не могъ разобраться въ рельефѣ мѣстности; къ счастью, наше мѣстонахожденіе мнѣ легко было угадать, благодаря наблюденіямъ и чертежу, сдѣланному наканунѣ.

Мы шли по поднимавшейся мѣстности около 6 верстъ и пересѣкли какой-то хребтикъ. Это оказался перевалъ черезъ Тюге-Тагъ, т. е. наивысшая точка всего нагорья Гоби, или Хамійской пустыни, какъ принято теперь называть это пространство. Этотъ перевалъ имѣетъ 5.300 фут. абсолютной высоты. Затѣмъ прошли нѣсколько складокъ мѣстности, составлявшихъ отроги хребта Тюге-Тау, и остановились среди низенькихъ горокъ, у огромныхъ камышевыхъ зарослей ключа, по-калмыцки Заате или Урусъ-кіикъ-урды-булакъ (ключъ, гдѣ русскіе убили антилопъ). Этимъ именемъ Рахметъ окрестилъ ключъ въ память того, что тутъ впервые мы добыли охотой антилопъ.

Мы еще не успѣли подъѣхать къ ключу, какъ Комаровъ увидѣлъ за пригоркомъ стадо этихъ животныхъ. Отдавъ лошадь джигиту, онъ подкрался къ нимъ, пользуясь туманомъ, и выстрѣломъ ранилъ одно. Такъ какъ мы ѣхали по пути, гдѣ былъ раненый кіикъ, то не дали ему

лечь, а напротивъ, спугнули его, и тутъ началась его ловля. Чтобы помочь Комарову поймать раненое животное, джигитъ тоже спѣшился и передалъ мнѣ поводья обѣихъ лошадей.

Но гдѣ же было пѣшимъ людямъ поймать антилопу, хотя и сильно раненую! Мы уже успѣли остановиться на бивуакѣ, а вдали все слышались выстрѣлы сарта и казака, стрѣлявшихъ по уходящему животному.

Дѣлать было нечего, надо было покончить эту безцѣльную стрѣльбу, и я, сѣвъ на лошадь, поѣхалъ къ несчастнымъ охотникамъ. Я ихъ засталъ измученными, да и джейранъ еле брелъ. Отдавъ лошадь джигиту, я велѣлъ ему обскакать кіика и повернуть его на насъ. Комаровъ и я сѣли за увалъ. При появленіи кіика двѣ пули сразу положили его на мѣстѣ. Надо было удивляться, какъ еще двигалось несчастное животное; первая пуля, перебивъ заднюю ногу, пробила навылетъ всѣ внутренности и вышла у послѣдняго ребра. А между тѣмъ, кіикъ все шелъ и, конечно, ушелъ бы, если бы я не привелъ лошадь. Живучесть и выносливость травоядныхъ, сравнительно съ плотоядными, огромная. Раненый такимъ образомъ волкъ, навѣрно, ужъ давно бы легъ, между тѣмъ я былъ свидѣтелемъ, что аркары, раненые въ животъ такъ, что всѣ внутренности вывалились, брели въ продолженіе 4 часовъ по горамъ и, въ концѣ-концовъ, уходили отъ охотника, чтобы, конечно, черезъ часъ или два сдѣлаться добычей хищныхъ птицъ и звѣрей.

Ключъ Заате лежалъ на высотѣ 4.793 футовъ къ западу отъ небольшого увала въ долинѣ, направляющейся къ югу. Горы, бывшія на западѣ, носили характеръ мелкихъ уваловъ, какъ бы отроговъ горъ, лишь вдали виднѣлась одинокая вершина. Ключъ образовалъ узкое и длинное, саженъ въ 20, озерко; вдоль его шли камышевыя заросли. Вода текла на югъ.

Мы поднялись до зари и отправились въ засадки, приготовленныя еще съ вечера, чтобы стеречь верблюдовъ. Я засѣлъ недалеко отъ воды, въ яму, обложенную валикомъ изъ кусковъ земли и обсаженную растущими тутъ въ изобиліи кустиками Ephedra и камышомъ. Морозило и, несмотря на полушубокъ и положенный на дно ямы войлокъ, было холодно. Чутко прислушиваясь, я лежалъ въ ямкѣ... Вѣтерокъ еле шелестилъ камышами, все было тихо. Но вотъ невдалекѣ послышалось топанье; я приподнялъ голову и сквозь отверстіе загородки увидѣлъ каменную куропатку Caccabis chukar (по-мѣстному, кекликъ). Стоя на тропинкѣ и вытянувъ шейку, она прислушивалась... удостовѣрившись, что все спокойно, сдѣлала нѣсколько шаговъ и опять остановилась въ выжидательной позѣ. Наконецъ, побѣжала къ водѣ, ударила клювомъ по льду и заговорила протяжно «ке-ке-ли... ке-ке-ли...» По этому звуку, какъ по командѣ, на тропинкѣ появилась вереница, штукъ въ десять этихъ птичекъ, которыя бѣгомъ шли къ водѣ. Напившись, птички принялись за туалетъ, чистили клювики и перышки, зарывались въ песокъ, стараясь набросить его на себя, наконецъ, повозившись съ полчаса, согрѣваемыя первыми лучами солнца, нахохлились, поджали одну ножку подъ себя, спрятали головки подъ крылышки и задремали. Будучи ростомъ въ нашу бѣлую куропатку, онѣ такъ подняли свои перышки, что имѣли видъ огромныхъ шаровъ, лежащихъ на пескѣ; величиной онѣ казались съ кохинхину. Но вотъ и новый шорохъ въ скрытомъ отъ меня концѣ воды... Это шелестятъ камыши о шерсть старика кіика. Его шаговъ не слышно... онъ точно плыветъ. Нервно помахивая чернымъ хвостикомъ, точно чуя опасность, онъ остановился отъ меня въ 10—12 шагахъ; я ясно вижу выраженіе недоумѣнія и напряженія въ его огромныхъ умныхъ глазахъ... Голова его обращена въ мою сторону, и наши глаза встрѣчаются. Но опасности нѣтъ, тревога напрасна... Все тихо... вѣ-

теръ не даетъ знать о непріятелѣ. Кіикъ сталъ на ледъ и бьетъ усиленно копытомъ, и вскорѣ маленькое отверстіе пробито, кіикъ наклоняется и пьетъ; но онъ еще не успѣлъ напиться, какъ цѣлый табунчикъ изъ 7 штукъ, прыгая, подскочилъ къ старику и сбилъ его съ позиціи. Недовольный такими шалостями, старикъ ударилъ одного-другого изъ молодыхъ самцовъ рогами, отогналъ ихъ отъ воды и подпустилъ къ ней маленькихъ съ ихъ матками. Отогнанные козлики занялись игрой между собой, подымались на дыбы и ударялись рогами или, упершись лбами, старались сдвинуть другъ друга съ мѣста.

Вся группа и отдѣльные экземпляры подходили такъ близко къ засадкѣ, что слабый вѣтеръ доносилъ до меня ихъ запахъ. Мнѣ не хотѣлось нарушить эту мирную жизнь, тѣмъ болѣе, что я все еще ожидалъ, не подойдутъ ли верблюды. Но солнце поднялось высоко, и кіики стали собираться уходить на кормъ.

Я выбралъ красивый экземпляръ и выстрѣлилъ. Эхомъ повторились 2 выстрѣла недалеко сидѣвшихъ отъ меня охотниковъ. Два кіика остались на мѣстѣ, одинъ же ушелъ. Пославъ людей на бивуакъ, я пошелъ за раненымъ, но далъ ему ранѣе скрыться за ближнимъ пригоркомъ, а потомъ пошелъ по слѣду. Я шелъ очень долго и удивлялся, почему кіикъ не ложится, но дѣло вскорѣ объяснилось. На кіика охотились 3 лисицы, которыя вдругъ выскочили изъ-за холма, къ которому я подходилъ. За этимъ холмомъ я увидѣлъ еще живого кіика, который однако былъ сильно искусанъ лисицами и, вѣроятно, былъ ими остановленъ.

Рахметъ, ѣздившій осматривать окружавшую мѣстность, сказалъ, что видѣлъ слѣды верблюдовъ, верстахъ въ пяти отъ бивуака, поэтому совѣтуетъ остаться на ключѣ еще день, а затѣмъ перейти на югъ. Этимъ мы воспользовались, чтобы спечь вечеромъ хлѣбъ. Джейраны были довольно жирны, поэтому собраннаго внутренняго сала было достаточно, чтобы перепечь всю имѣвшуюся муку.

Лепешки дѣлаются просто: въ казанъ всыпается мука конусомъ и по серединѣ дѣлается воронкообразное углубленіе, въ которое наливаютъ горячую воду и насыпаютъ соль; затѣмъ рукою приваливаютъ съ краевъ муку и постепенно замѣшиваютъ тѣсто; когда оно достаточно вымѣшано, его дѣлятъ на куски, скатываютъ въ шарикъ и раскатываютъ круглой палочкой въ лепешку, толщиною въ карандашъ, затѣмъ дѣлаютъ штукъ 10 сквозныхъ прорѣзовъ въ 1—1$^1/_2$ вершка длиной для того, чтобы лепешка скорѣе пропеклась. Тѣмъ временемъ все собранное сало собираютъ въ котелъ и вытапливаютъ жиръ. Оставшіяся жилки выбираютъ. Остается только спустить лепешку въ котелъ, и черезъ 3—4 мин. она готова. Надо принимать нѣкоторыя предосторожности при опусканіи лепешекъ, а именно: спускать ихъ въ сало не плашмя, а ребромъ, иначе сало можетъ ихъ выбросить изъ котла. Кромѣ того, не слѣдуетъ давать салу кипѣть. Эти лепешки мы очень любили и почти все время ими питались. Замороженная или засохшая лепешка, положенная у огня, дѣлается совершенно мягкой, точно свѣжая, а потому можно ихъ заготовлять впрокъ, приготовляя по 500—1.000 штукъ въ запасъ, въ случаѣ, если предполагаются большіе переходы безъ дневокъ.

Въ эту ночь я чуть не замерзъ. Съ заходомъ солнца температура стала падать, посыпалась крупа и грянулъ морозъ въ 25 градусовъ. Желая потеплѣе устроиться, я намялъ траву въ логу и положилъ на нее свою кошемную постель. Торчавшая кругомъ трава, казалось, будетъ меня защищать отъ вѣтра. Но около полуночи я проснулся отъ полнаго онѣмѣнія всего лѣваго бока. Холодный вѣтеръ, проходя свободно подъ войлокъ, выносилъ всю теплоту, отдаваемую тѣломъ. Пришлось перетащить постель на

снѣгъ. Согрѣвшись у разведеннаго костра, я проспалъ до утра въ теплѣ.

На утро Рахметъ вновь поѣхалъ искать верблюдовъ; мы же оставались въ своихъ засадахъ, но не стрѣляли по проходившимъ кіикамъ, ожидая прихода верблюдовъ. Къ вечеру вернувшійся Рахметъ сообщилъ, что нигдѣ въ округѣ верблюдовъ онъ не нашелъ.

— Не безпокойся, тюря, мы найдемъ верблюдовъ; я знаю мѣста, гдѣ они всегда бываютъ. Я лучше всѣхъ знаю всѣ мѣста! — говорилъ Рахметъ, видимо опечаленный неудачей.

Я пошелъ передъ заходомъ солнца въ засадку. Не прошло и получаса, какъ со стороны, противоположной ручью, я услышалъ быстрый бѣгъ, и на нагорной грядкѣ, шагахъ въ 70-ти, появился кіикъ; онъ увидѣлъ меня сверху и хотѣлъ уже броситься назадъ, но тутъ же упалъ, пораженный пулей, прошедшей въ середину груди и перебившей хребетъ.

Ключъ Урусъ-кіикъ урды-булакъ.

29-го октября, въ 5 ч. 50 м. утра, мы выступили внизъ по долинѣ, продолжая идти на Ю.-Ю.-З. На 14-й верстѣ долина, по которой мы шли, все опускаясь, уперлась въ невысокую гряду горъ, раздѣленныхъ короткими и узкими долинками. Только самый южный хребетъ былъ выраженъ рѣзче и былъ выше другихъ. Тутъ Рахметъ попросилъ насъ остановиться, ибо путь нашъ пересѣкалъ совершенно ясный слѣдъ верблюда, на Ю.-В. Рахметъ слѣзъ съ лошади, приготовилъ ружье и двинулся впередъ. Казалось, что верблюдъ только-что прошелъ; мы ждали, затаивъ дыханіе, затѣмъ тихо, безъ разговоровъ, гуськомъ пошли по слѣду; скоро мы нагнали Рахмета; онъ стоялъ на вершинѣ горы и смотрѣлъ вдаль. Я подошелъ къ нему.

— Не понимаю,—сказалъ Рахметъ:— что случилось. Должно-быть, шедшіе впереди насъ охотники спугнули. Верблюдъ чутокъ и боязливъ и, конечно, ушелъ далеко, если былъ у тѣхъ мѣстъ, гдѣ они охотились. Вотъ, посмотри туда, — и Рахметъ показалъ на западъ: — это ключъ, его никто никакъ не назвалъ, ибо никто, кромѣ меня, здѣсь не бываетъ, а вотъ тамъ ключъ, куда мы пойдемъ, онъ называется Бурупъ-Ту.

Съ этими словами онъ сталъ спускаться съ пригорка и сѣлъ на лошадь. Долина, въ которую мы спускались, шириною версты четыре, тянулась, на сколько глазъ хваталъ, на востокъ. Къ западу же она, повидимому, раздѣлялась на два рукава, упираясь въ довольно значительный хребетъ; тутъ и былъ безыменный ключъ. Долина ограничивалась съ юга сплошнымъ хребтомъ, тянувшимся параллельно тому, на которомъ мы находились. Ключъ Бурупъ-Ту, къ которому мы прибыли, пройдя около 27 верстъ, занималъ площадку въ нѣсколько десятинъ; тутъ были песчаные холмики, поросшіе тамарискомъ,

и площадка, покрытая камышомъ. Около песчаныхъ холмовъ была глубокая яма, точно спеціально вырытая канава, на днѣ коей было немного воды, нѣсколько солоноватой. Второй ключъ былъ въ южномъ концѣ, и въ немъ вода была совершенно прѣсная. Высота Бурупъ-Ту—3.501 футъ.

Не успѣли мы еще подъѣхать къ оазису, какъ Рахметъ замѣтилъ за группой холмиковъ нѣсколькихъ джейрановъ. Онъ сошелъ съ лошади и, подкравшись, убилъ одного, попавъ въ основаніе рога.

Какъ только мы напились чаю, я предложилъ Рахмету, въ сопровожденіи Ташъ-Муллы, поѣхать осмотрѣть, нѣтъ ли слѣдовъ верблюда около безыменнаго ключа. Нельзя сказать, чтобы это было исполнено съ охотой, но, тѣмъ не менѣе, они поѣхали. Къ вечеру вернулись обратно, сообщивъ, что слѣдовъ нѣтъ; повидимому, ключи, у которыхъ они были, значительно дальше, чѣмъ я предполагалъ, ибо лошади пришли совершенно мокрыя. Это имѣло роковое послѣдствіе для дальнѣйшаго нашего изслѣдованія пустыни.

Этотъ вечеръ почему-то мы были въ прекрасномъ расположеніи духа и сидѣли, разговаривая, около огромнаго костра, разложеннаго изъ корневищъ тамариска. Эти корневища вершка въ 4—5 толщиной, твердыя и тяжелыя, какъ дубъ, ломались въ поперечномъ сѣченіи, какъ уголь; достаточно было бросить на землю съ нѣкоторой силой кусокъ аршина въ $1^1/_2$ длиной, и онъ уже разламывался на нѣсколько мелкихъ частей. Уголь изъ него получался плотный, и дерево давало, при сравнительно маломъ пламени, огромный жаръ.

Около 3-хъ часовъ ночи я былъ разбуженъ Ташъ-Муллой.

— Тюря, вставай, бѣда случилась! — говорилъ онъ, тряся меня за руку.

— Что случилось?—спросилъ я, приподнимаясь.

— Лошадь захворала.

— Чья лошадь?

— Проводника Рахмета.

И Ташъ-Мулла сталъ что-то разсказывать, мѣшая русскія слова съ сартовскими. Я понялъ, что Рахметъ, вернувшись изъ поѣздки, подъѣхалъ къ ключу и, несмотря на уговоры Ташъ-Муллы, далъ лошади напиться воды въ волю. У ней сдѣлались колики. Я велѣлъ сейчасъ же привести лошадь, нагрѣть войлока и обернуть ими лошадь, гонялъ на поводу, напоилъ мыльной водой и т. д.; но все было напрасно. Часа черезъ $1^1/_2$ она околѣла.

Это было большое несчастіе. Съ потерей лошади наши странствованія и изслѣдованія должны были прекратиться, ибо проводникъ не могъ идти пѣшкомъ, да и запасы уже приходили къ концу.

Рахметъ чуть не плакалъ, жаль было ему животнаго, за которое онъ заплатилъ 10 ланъ, скопленныхъ имъ съ большимъ трудомъ.

VI.

31-го октября, въ 6 ч. 45 м., мы снялись съ бивуака и пошли на востокъ. Долина немного повышалась и суживалась, вслѣдствіе наклона одного изъ отроговъ южнаго хребта.

По мѣрѣ подъема, на горизонтѣ къ сѣверу поднимался огромный скалистый хребетъ; наоборотъ, южный хребетъ принималъ все болѣе и болѣе мягкія формы.

Пройдя около $12^1/_2$ верстъ, мы поднялись на перевальчикъ, и тутъ открылась взорамъ площадь въ 30—40 кв. верстъ. Продолженіемъ долины, по которой мы шли, являлась долина, идущая съ запада и ограниченная съ сѣвера уже замѣченнымъ ранѣе скалистымъ хребтомъ, а съ юга менѣе скалистымъ, но очень крупнымъ и широкимъ хребтомъ, который, по мѣрѣ приближенія на востокъ, все болѣе и болѣе уклонялся къ югу, образуя вышесказанную площадь. Посреди долины виднѣлся глубокій сай, какъ будто тутъ нѣкогда текла огромная рѣка; близъ берега сая виднѣлись бугры и кое-какая

растительность; этотъ сай уходилъ къ юго-западу, образуя поперечную долину. Въ этотъ же сай вливался рукавъ съ сѣвера, который перерѣзывалъ нашъ путь и прорывалъ хребетъ, который все время сопутствовалъ намъ съ сѣвера. Вправо, т. е. къ югу отъ перевала, верстахъ въ четырехъ, находился ключъ Тешекъ-Булакъ (копаный ключъ), а впереди, въ такомъ же разстояніи, ключъ Уланъ-Таманта.

Мы направились къ послѣднему. Ключъ этотъ оправдывалъ вполнѣ свое названіе: «Красное помѣщеніе». Оно находится въ углубленіи, какъ бы врѣзываясь въ самую грудь громаднаго каменнаго великана, стоящаго надъ нимъ, и бьетъ изъ-подъ пригорка совершенно краснаго цвѣта; это какой-то твердый порошкообразный матеріалъ, цвѣта хорошо обожженаго кирпича. Весь холмикъ, а равно и прилежащая мѣстность были густо засажены растительностью среди которой замѣтны были зонтичныя растенія. Вода была слегка соленая, но пріятнаго вкуса чистой поваренной соли.

Хотя мы могли бы пройти и дальше, но надо было подождать Рахметъ-Уллу, который отъѣхалъ въ сторону, чтобы посмотрѣть, нѣтъ ли гдѣ верблюдовъ, поэтому мы остановились у источника и сварили чай.

По пріѣздѣ Рахметъ-Уллы, который вновь видѣлъ слѣды верблюдовъ, мы двинулись далѣе по вышеописанной долинѣ.

Мы прошли въ этотъ день около 30-ти верстъ, и такъ какъ до вечера еще оставалось около двухъ съ половиной часовъ, то я занялся съемкой, а люди пошли на охоту. Утромъ, до зари, мы рѣшили вернуться на Уланъ-Таманта и ключъ Тешекъ, чтобы покараулить верблюдовъ, а затѣмъ скорѣе идти на Дга, такъ какъ оказалось, что у насъ пропала соль, вѣроятно выроненная при укладкѣ вещей, и осталось всего по три лепешки хлѣба на человѣка, что не составляло, по разсчету дней, необходимыхъ для возвращенія, и лепешки на день. Кромѣ того, у людей и у меня вышелъ весь табакъ. Въ интересахъ сохраненія лошадей, обратный переходъ надо было дѣлать безостановочно, такъ какъ оставалось мало проса, да кромѣ того, отсутствіе подножнаго корма дѣлало отдыхи безполезными.

Далеко до зари, почти въ полную темноту, я въ сопровожденіи Комарова и Ташъ-Муллы вернулся къ ключу Уланъ Таманта; тутъ съ лошадьми остался Ташъ-Мулла, а я съ Комаровымъ отправились къ ключу Тешекъ Булакъ, т. е. копаный ключъ. Сначала мы шли вмѣстѣ, а затѣмъ онъ отдѣлился и пошелъ къ горамъ вправо.

Я спускался внизъ по описанному выше песчаному саю, идущему въ меридіональномъ направленіи къ виднѣвшимся впереди зарослямъ. Водостокъ, шедшій съ запада, вливался въ меридіанальный значительно южнѣе оазиса, образованнаго ключомъ. Тутъ былъ солончакъ, истоптанный слѣдами верблюдовъ и кіиковъ; посрединѣ солончака была очень большая заросль камыша; въ сѣверномъ краю возвышался холмикъ, заросшій порослью тамариска, а подъ нимъ глубокая канава, охватывающая его съ сѣвера и юга; въ ней и былъ ключъ, но воды видно не было.

Выбравъ мѣстечко на холмикѣ, я прилегъ выжидать верблюдовъ. Оазисъ примыкалъ къ западнымъ горамъ, и одинъ изъ отроговъ ихъ маскировалъ видъ на югъ черезъ прорывъ горъ. Съ высоты холмика никакихъ горъ на югѣ не было видно, и водостокъ, повидимому, круто шелъ на западъ. Отрогъ, маскировавшій мнѣ видъ на югъ, состоялъ изъ группы скалистыхъ вершинокъ.

Выжиданіе въ теченіе почти 5 часовъ, было бы очень утомительно, если бы меня не развлекала группа антилопъ, которыя вовсе не смущались моимъ присутствіемъ на холмѣ. Положимъ, я лежалъ не шевелясь, поэтому онѣ могли принять меня просто за какой-либо предметъ, но онѣ

видѣли меня, когда я подходилъ къ оазису, потому что въ это время были около сѣвернаго его края и, испугавшись, убѣжали. Неужели чутье ихъ такъ слабо развито? Или это просто зависитъ отъ незнакомства съ человѣкомъ? Животныя бродили около холма въ нѣсколькихъ шагахъ, даже взбирались на откосы холмика и щипали тутъ же траву.

Я не хотѣлъ въ нихъ стрѣлять даже и послѣ того, какъ пришло время возвращаться къ лошадямъ, но необходимость, съ одной стороны, пополненія коллекціи, а съ другой, добыча мяса для собственнаго пропитанія всего нашего каравана заставила меня это сдѣлать. Двумя выстрѣлами я положилъ двухъ антилопъ, но одна изъ антилопъ упала не сразу, а другая, отойдя въ заросли, легла. Расходовать патроновъ мнѣ не хотѣлось, да, кромѣ того, мнѣ хотѣлось позвать Комарова, а два выстрѣла было сигналомъ требованія помощи, поэтому я оставилъ первую антилопу и пошелъ за второй, которую поймалъ, подкравшись сзади.

Пока я занимался сниманіемъ шкуры и потрошеніемъ, посматривая на раненую антилопу, прошло не менѣе получаса. Въ это время я замѣтилъ, что антилопа, раненая очень тяжело, пошла по направленію на югъ. Такъ какъ найти ее не представлялось труднымъ, я продолжалъ работу и, покончивъ все, накрылъ тушу своимъ полушубкомъ въ защиту отъ лисицъ и пошелъ на поиски.

Слѣдъ былъ совершенно ясенъ, но вскорѣ къ этому слѣду присоединились еще двѣ пары лисьихъ слѣдовъ. Дѣло выходило скверное, я прибавилъ шагу и почти бѣгомъ пошелъ по слѣдамъ. Однако, было поздно; пробѣжавъ отрогъ, я увидѣлъ почти въ верстѣ впереди мою антилопу, которая изо всѣхъ силъ уходила отъ преслѣдовавшихъ ее лисицъ. Гнаться было невозможно, и я, къ великому моему огорченію, долженъ былъ вернуться назадъ. И тутъ тоже оказалась пара этихъ животныхъ, и я ужасно жалѣлъ, что не взялъ съ собою дробовика, чтобы наказать этихъ дерзкихъ воришекъ, которыхъ не остановилъ даже мой тулупъ.

Къ счастью, шкура не была тронута, а лисы уничтожили только потроха.

Нагрузившись мясомъ и шкурой, я двинулся къ Уланъ-Таманта. Было уже около двухъ часовъ дня.

Мяса оказалось около $2^1/_2$ пудовъ, да и дорога не совсѣмъ хорошая, такъ что пришлось часто останавливаться и отдыхать. Къ счастью, Комаровъ, слыхавшій выстрѣлы, подошелъ ко мнѣ и помогъ тащить добычу. Онъ самъ ничего не видѣлъ, хотя обошелъ огромное пространство.

Уже наступили сумерки, когда мы подошли къ лошадямъ. Надо было торопиться; поэтому, напившись воды, мы сѣли на лошадей и поѣхали, стремясь поспѣть до наступленія теплоты къ повороту въ горы. Но, къ сожалѣнію, мы опоздали; быстро сгустившаяся темнота покрыла своимъ покровомъ всѣ горы, и мы даже не могли отыскать своихъ слѣдовъ, конечно очень слабыхъ, такъ какъ терраса хребта состояла изъ штоковъ сланцевъ, на которыхъ подковы почти не оставляли помѣтокъ, а всѣ мѣстечки, покрытыя пескомъ или мягкой почвой, были густо покрыты растительностью.

— Ташъ-Мулла, да ты не сюда сворачиваешь,—крикнулъ я ѣхавшему впереди сарту, который повернулъ въ горы.—Развѣ передъ тобой есть промоина, которая сбѣгаетъ съ перевала?

— Нѣтъ, таксырь, промоины не видно; очень темно, но это вѣрная дорога,—отвѣчалъ джигитъ.

— Погоди, я посмотрю!

Съ этими словами я соскочилъ съ лошади и пошелъ немного впередъ. Тьма была непроглядная, и слѣдовъ нельзя было найти, несмотря на то, что мы сдѣлали родъ факела изъ травы.

— Ташъ-Мулла, по-моему надо ѣхать еще впередъ,—сказалъ я, посмотрѣвъ на часы.—Не можетъ быть, чтобы мы проѣхали 11 верстъ въ такое время.

— Нѣтъ, тюря, дорога идетъ тутъ,— сказалъ джигитъ. Спрошенный Комаровъ согласился съ нимъ, и мнѣ пришлось подчиниться.

Мы въѣхали въ горы. Шли ими очень долго, а впереди все горы и увалы, и не было признака нашей долины. Я велѣлъ развести огонь и начать стрѣльбу. Отвѣта не было.

— Тюря, поѣдемъ вправо, — сказалъ джигитъ.

— Пожалуй, поѣдемъ, только толку отъ этого будетъ мало, мы сбились съ направленія, когда вошли въ горы,—сказалъ я.

Однако, дѣлать было нечего: сѣли на лошадей и поѣхали. Но не тутъ-то было. Пришлось сейчасъ же слѣзть, ибо обвалы, кручи и подъемы преградили намъ дорогу. Кромѣ того, при густой тѣни каждая ямка казалась громадной глубины, что заставляло и насъ, и лошадей сторониться ихъ. Проблуждавъ еще полчаса, я остановился.

— Нѣтъ, ребята, такъ нельзя. Мы только и себя, и лошадей измучаемъ. Надо выходить назадъ въ Красную долину и ждать восхода луны,—такъ мы назвали долину Уланъ - Таманта. — Только куда идти?

Тутъ опять мнѣнія раздѣлились. На наше горе медвѣдица еще не взошла, и мы затруднялись опредѣлить страны свѣта. Ташъ-Мулла показывалъ въ сторону, противоположную той, гдѣ я предполагалъ Красную долину. Мы стояли въ нерѣшительности, и я уже велѣлъ идти за собой на «авось», какъ вспомнилъ, что у меня въ кабурѣ сѣдла лежитъ запасная буссоль. Живо изготовили факелъ и освѣтили инструментъ. Я оказался правъ, показавъ направленіе долины. Руководствуясь звѣздой, мы пошли напрямикъ, черезъ балки, увалы и промоины; идти было трудно, но это продолжалось недолго. Вотъ мы на террасѣ и, спустившись съ откоса, нашли углубленіе, укрытое отъ вѣтра. Погода была теплая, и мы, кое-какъ примостившись, легли спать, подложивъ обломки камней подъ головы; лошадей мы не отпускали, такъ какъ не было съ собою путъ, да и кормъ былъ очень плохъ; мы только отпустили имъ подпруги.

Сколько мы спали, не знаю, но я проснулся, когда луна уже поблекла отъ приближавшагося разсвѣта. Тотчасъ я разбудилъ своихъ сотоварищей. Сборы наши были коротки. Встать на ноги и взять въ руки поводъ было дѣломъ одной минуты, и мы побрели. Оказалось, что мы ночевали къ востоку отъ перевала, но по слѣдамъ видно было, что проходъ мы пересѣкли, должно-быть, идя уже на ночлегъ. Еще первые лучи свѣта не золотили верхушки горъ, какъ мы появились на бивуакѣ.

— Ну, что,—хорошій верблюдъ, одинъ или два, самецъ или самка?—встрѣтилъ насъ Рахметъ.—Я вѣдь навѣрно зналъ, что мы верблюда убьемъ. И я во снѣ сегодня видѣлъ, что это ты, тюря, убилъ его.

Нашъ проводникъ такъ былъ увѣренъ, что наше опозданіе произошло отъ удачной охоты, что видѣлъ даже во снѣ всѣ перипетіи охоты, вѣроятно, принимая нашу ночную стрѣльбу не за дѣйствительность, а за сновидѣніе.

Пришлось его разочаровать, сказавъ, что мы верблюдовъ даже не видѣли.

— Это ваше несчастіе, а я каждый годъ привожу домой верблюда. Я одинъ знаю всѣ мѣста, гдѣ они держатся, и вы сами видѣли ихъ слѣды, но въ этомъ году я не знаю, что случилось; они почему-то здѣсь не остановились на пастьбу,—говорилъ Рахметъ, набивая свою трубочку, чтобы скрыть смущеніе, овладѣвшее имъ.

Между тѣмъ, огонекъ запылалъ, и мы усѣлись пить чай.

— Вотъ жаль, что у меня лошадь пропала, а то можно было бы пойти на Сынгымъ или Полуанъ-Булакъ—говорилъ Рахметъ-Улла. — Мы нашли бы верблюдовъ.

— А далеко ли отсюда до Полуанъ-Булака?—спросилъ я.

— О, да, порядочно; все равно, что отсюда

до Ачикъ-су или, можетъ-быть, до Шальдрана.

— А сколько отъ Полуанъ-Булака до Дга?—спросилъ я опять.

— Отъ Полуанъ-Булака столько же, какъ и отсюда до Дга,—отвѣтилъ Рахметъ.

Я взялъ съемку и посчиталъ разстояніе. Отъ Курукъ-Таурака до Полуанъ-Булака разстояніе оказалось около 110 верстъ, а до Дга около 180. Очевидно, идти на Полуанъ-Булакъ мы не могли. Кунака оставалось всего на 3 небольшихъ дачи, хлѣба и соли у насъ уже почти не было, даже чаю кирпичнаго оставалось всего на 5—6 заварокъ. У меня было всего 8 штукъ папиросъ.

— Рахметъ, мы должны идти домой и безъ остановокъ, а то нашимъ лошадямъ не хватитъ корма.

— Хорошо, таксырь, только намъ трудно идти, вѣдь мы пѣшкомъ.

— Ничего, тебѣ и сыну мы будемъ давать своихъ лошадей.

На совѣтѣ рѣшено было остаться тутъ до вечера, а съ зарей 5-го ноября выступить на Ильтырганъ. Я остался на бивуакѣ заканчивать съемку, а охотники пошли на охоту. Въ этотъ день казаку Комарову страшно везло. На него шли всѣ джейраны. Онъ три раза выходилъ на охоту и убилъ 3 штуки. Не успѣетъ убрать принесеннаго джейрана и пойти въ заросли, какъ черезъ часъ вновь возвращается съ добычей. Я ушелъ съ Рахметомъ только передъ вечеромъ, чтобы взять необходимыя засѣчки, на случай туманнаго утра, и вернулся на бивуакъ уже съ заходомъ солнца. Нашъ скромный ужинъ, состоявшій изъ куска мяса, уже поспѣлъ. Ташъ-Мулла и Комаровъ связали вьюкъ изъ тушъ джейрановъ и аркара и приготовили все для нашего ночного выступленія; было взято даже немного дровъ.

Рахметъ просилъ меня взять часть его добычи на верблюда, но я въ этомъ отказалъ. По моему разсчету, грузъ верблюда составлялъ уже около 18 пудовъ, и взять больше было бы опасно. Вѣдь верблюдъ долженъ былъ намъ служить еще годъ, что я и велѣлъ объяснить охотнику.

Мнѣ не спалось: я боялся опоздать выйти до разсвѣта, а между тѣмъ по съемкѣ до Ильтыргана должно было быть около 55 верстъ, т. е. не менѣе 12-ти ч. непрерывнаго хода. Я просыпался часто и смотрѣлъ на небо. Наконецъ, на востокѣ на горизонтѣ блеснула Венера.

«Можно еще подождать будить людей»,—подумалъ я. Самъ же всталъ, набралъ воды въ чайникъ, наломалъ кореньевъ тамариска и зажегъ костеръ. Голубоватая дымка сумерекъ покрывала все пространство, освѣщенное багровымъ блескомъ; густые кусты тамариска казались еще гуще. Ночные звуки еще не замерли, и таинственный шопотъ, пропадающій вмѣстѣ съ первыми лучами солнца, раздавался въ пустынѣ. Я старался не шумѣть, собиралъ въ мѣшокъ оставшееся отъ ужина мясо для нашего завтрака и укладывалъ послѣдніе пожитки въ переметныя сумки сѣдла.

Кипятокъ поспѣлъ. Я настрогалъ охотничьимъ ножомъ на полотенцѣ кусочки кирпичнаго чая, твердаго, какъ кость, и, отодвинувъ чайникъ, бросилъ чай въ воду.

— Эй, Ташъ-Мулла, Рахметъ, турынгызъ! Челпанъ чекды! (Вставайте, заря взошла).

— Пора, пора, Комаровъ!—сказалъ я казаку, который еще въ полуснѣ открылъ глаза и пристально смотрѣлъ на огонь, очевидно еще ничего не соображая.

— Виноватъ, ваше высокоблагородіе!

Казакъ вскочилъ и придвинулся къ костру обогрѣть портянки и сапоги. Эти предметы удивительно легко сырѣли; впрочемъ, немудрено, ибо вся наша одежда была пропитана солончаковой пылью, и достаточно было малѣйшей влаги, чтобы все оказалось наощупь мокрымъ.

Въ 3 ч. 45 м. ночи мы выступили. Не люблю я этихъ ночныхъ выступленій. Всегда кажется холодно и непривѣтливо, и сегодня было не лучше; морозъ въ 4° С, хотя почти безъ вѣтра,

все же заставлялъ прятать руки въ карманы; на лицѣ ощущались водяные осадки собственнаго дыханія. Глаза, опухшіе отъ жара и дыма костра, встрѣчая холодныя струи воздуха, слезились... Ѣхали всѣ мрачно, смотря въ землю, да и лошади какъ-то неохотно шевелили ногами.

Несмотря на десятиверстную длину пути до перевала черезъ Тюге-Тау, мы прошли ее незамѣтно для себя; я и Комаровъ шли пѣшкомъ, посадивъ старика съ сыномъ на своихъ лошадей. Перевалъ черезъ Тюге-Тау узокъ и совершенно незамѣтенъ съ юга, ибо подъемъ на него пологъ, на сѣверъ же онъ падалъ довольно круто, хотя имѣлъ относительную высоту футовъ 200—250. За перевадомъ характеръ мѣстности сильно измѣнился. Ландшафтъ вдали казался какимъ-то грязновато-сѣрымъ; масса глубокихъ руслъ показывала сильное паденіе мѣстности; видны были солончаки, хотя и небольшіе; горныхъ хребтовъ, за исключеніемъ незначительнаго поднятія къ сѣверо-западу, на пути нашего слѣдованія не было; одиночныя сопки, на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ, были разбросаны наподобіе волнъ, безъ всякой связи. Повидимому, подъ вліяніемъ сѣверо-восточныхъ вѣтровъ и сравнительно высокой плоскости, мѣстность была нивеллирована пескомъ, который былъ собранъ въ довольно значительной массѣ и большимъ уваломъ верстахъ въ восьми отъ перевала; вѣроятно, подъ нимъ былъ погребенъ одинъ изъ небольшихъ хребтиковъ. Этотъ песокъ былъ, однако, прочно закрѣпленъ кустарной и травянистой порослью и не образовывалъ ни одного бархана. На южномъ концѣ песковъ мы остановились около 11 ч. дня, пройдя около 32 верстъ. Лошадей разнуздали, дали воды, захваченной съ собой въ жестянкахъ, и согрѣли чайникъ. Холодный кусокъ мяса, почти безъ соли, и кружка чаю—составляли нашъ скромный завтракъ, на который мы употребили 15 минутъ, и снова двинулись впередъ Каменную грядку весьма причудливой формы мы пересѣкли, огибая громадныя глыбы, черезъ которыя однако мы перебрались не безъ труда; спускъ былъ крутъ, и тутъ мы попали въ каньонъ съ довольно высокими стѣнками и изрытымъ водою дномъ. Берега каньона носили солончаковый характеръ; они были мѣстами покрыты пыльными отложеніями, въ которыя нога проваливалась по щиколотку.

Плохо проведенная ночь давала себя чувствовать; часть пути пришлось идти пѣшкомъ, ибо ноги отекали отъ сидѣнія въ сѣдлѣ, да и по переходѣ на сѣверную сторону погода стала свѣжѣе, и къ двумъ часамъ была опять температура ниже нуля. Наступали сумерки, и мы невольно прибавляли хода, надѣясь увидѣть за каждымъ поворотомъ мѣсто отдохновенія—оазисъ Ильтырганъ.

— Далеко ли?—спрашивали мы чуть не десятый разъ Рахмета-Уллу.

— Нѣтъ, недалеко, къ закату солнца придти успѣемъ.

Но вотъ уже и солнце посылаетъ свои послѣдніе лучи; скоро нельзя будетъ работать бусолью.

— Ташъ-Мулла, веди верблюда живѣе, Дароу, Дароу!—раздаются оклики, и эти голоса послѣ молчанія среди нашего каравана вливаютъ бодрость въ насъ и животныхъ.

— Мана Ильтырганъ,—наконецъ сказалъ Рахметъ; но я уже раньше замѣтилъ вдали темную массу тамариска и старался при угасающемъ свѣтѣ сдѣлать послѣднюю засѣчку буссолью и занести ее въ книжечку.

«Теперь не стоитъ торопиться, съемка заключена, а интересно, сойдется ли она?»—мелькнуло у меня въ головѣ.

Впрочемъ, и при желаніи торопиться, этого сдѣлать было нельзя. Водостокъ сдѣлался круче и промоины глубже; то и дѣло приходилось прыгать и влѣзать на берега вьющихся ложбинъ, а затѣмъ мы попали въ кочковатый и твердый, какъ камень, солончакъ, окружавшій оазисъ.

VII.

Хоть непривѣтливъ казался Ильтырганъ ночью, но мы съ удовольствіемъ разлеглись около костра, на которомъ варилось мясо джейрана. Мы прибыли въ 4 ч. 35 минутъ вечера, т. е. были въ пути 13 часовъ. Усталость сдѣлала свое: напившись чаю, всѣ сейчасъ же задремали и проснулись, когда костеръ уже погасъ подъ котелкомъ. Я разбудилъ всѣхъ, велѣлъ принести хворосту и засыпалъ въ бульонъ остатокъ риса, чтобы имѣть на слѣдующій день при остановкѣ пилавъ, ибо ни у кого не осталось ни куска хлѣба, а впереди было болѣе 100 верстъ пути. Въ темнотѣ мы насыпали въ торбы проса для корма лошадей, ножами нарѣзали 6 снаровъ сухой травы, такъ какъ впереди корма не было, и налили банки водой, растопивъ въ чайникѣ толстый ледъ, которымъ затянуло ямки съ водой. Эта процедура заняла много времени, но дѣлать было нечего, и я самъ, съ трудомъ волоча ноги, занимался этимъ дѣломъ. Наконецъ, все было готово, и мы, завернувшись въ войлоки, заснули.

Но напряженное состояніе заставило меня проснуться съ появленіемъ на востокѣ Венеры. Было около часа ночи, огонь потухъ, но сухое дерево быстро снова вспыхнуло, и минутъ черезъ 10—15 чайникъ, повѣшенный на палку, воткнутую въ землю, уже грѣлся.

Не будя людей, я пошелъ сѣдлать лошадей и верблюда. Покончивъ съ этимъ, я поднялъ людей, и около 2½ ч. ночи мы двинулись въ путь; дорога была извѣстная и твердая, да кромѣ того, по старой дорогѣ всегда какъ-то идти легче, поэтому и путь до Шальдрана, куда мы прибыли около 12 часовъ, промелькнулъ какъ-то незамѣтно.

Тутъ мы остановились, разогрѣли нашъ пловъ и, поѣвъ и напившись чаю, двинулись къ Ачикъ-су, куда пришли еще до заката солнца. Тутъ лошади получили весь остатокъ бѣлаго купака, припасенную траву и воду, а мы докончили всѣ наши запасы, въ томъ числѣ и чай.

Съ восходомъ луны рѣшено было двигаться, а пока всѣ улеглись спать...

Я открылъ глаза. Луна была высока.

— Вставать, вставать, ребята!

Но люди разоспались, пришлось всѣхъ растолкать. Засѣдланныя лошади стояли тутъ же, поэтому собраться было дѣломъ одной минуты.

Лавируя между глубокими соляными стоками ключа, мы стали подниматься на перевалъ.

Впереди на осликѣ ѣхалъ Рахметъ, за нимъ Ташъ-Мулла, верблюды, потомъ шли ослы, нагруженные джейранами, ѣхалъ казакъ, и шествіе замыкалъ я.

Лунный свѣтъ почти не освѣщалъ далекаго рельефа горъ, но такъ какъ, мнѣ помнилось, съ перевала шла довольно торная тропа, то я и ѣхалъ спокойно, не заботясь о дорогѣ. Вскорѣ, однако, я обратилъ вниманіе, что мы не ѣдемъ по долинѣ съ ровнымъ дномъ, а какъ-то то влѣзаемъ на перевальчикъ, то вновь опускаемся, и нѣтъ тѣхъ извилинъ ущелья, которыя я помнилъ по съемкѣ.

«Мы, должно-быть, не попали на нашу дорогу, — подумалось мнѣ. — Надо спросить Рахмета».

Дѣло въ томъ, что я рѣшилъ съ восходомъ солнца идти полнымъ ходомъ по знакомой дорогѣ, иначе мы могли заночевать въ ущельѣ, не попавъ въ Дга. На послѣднюю комбинацію я не могъ рискнуть, такъ какъ надорвалъ бы силы животныхъ, оставивъ ихъ на сутки безъ корма и водопоя; между тѣмъ, зимой поправить лошадей было бы крайне трудно, тѣмъ болѣе, что кормъ нашихъ вьючныхъ ежедневно стоилъ намъ и безъ того большихъ денегъ. Поэтому идти новой дорогой, т. е. съ проводникомъ, не входило въ мои расчеты. Я погналъ лошадь рысью и догналъ проводника.

— Рахметъ, какая это дорога?—спросилъ я; но отвѣта не было.

Думая, что старикъ не слыхалъ, я подъѣхалъ ближе и вновь повторилъ вопросъ. Но старикъ молчитъ... точно упрямится. Я наклонился къ нему и посмотрѣлъ въ лицо... Рахметъ, держа голову прямо, спалъ, какъ убитый...

— Рахметъ! Рахметъ! — закричалъ я и сталъ его теребить за плечи.—Куда же мы ѣдемъ?

Старикъ ткнулъ палкой ишака въ шею и произнесъ: «к-ха... к-х-а», поощряя ишака и видимо не сознавая важности вопроса.

— Эй, старый, проснись!—крикнулъ я по-русски и здорово дернулъ его за плечо.

Услыхавъ русскій говоръ, Рахметъ очнулся, понялъ вопросъ и въ недоумѣніи оглянулся, и тутъ же ругнулъ своего сына, который, идя пѣшкомъ, не замѣтилъ, что мы идемъ не той дорогой.

— Дорога должна быть вправо,—сказалъ я, вспомнивъ направленіе линіи по съемкѣ, и, дѣйствительно, черезъ полчаса мы попали въ знакомую долину.

Когда разсвѣло, я сказалъ старику, что мы пойдемъ скорѣе, ибо надо къ вечеру поспѣть въ Дга. Старикъ былъ недоволенъ, что мы его покидаемъ, и замѣтилъ съ укоризной:

— Вмѣстѣ поѣхали, вмѣстѣ надо бы и вернуться.

Но я объяснилъ ему, что оставлять лошадей безъ корма и воды болѣе сутокъ я не могу.

— Ты будешь дома отдыхать всю зиму, а мнѣ надо идти еще въ Пекинъ на этихъ же лошадяхъ, поэтому надо ихъ беречь, не дѣлать, какъ ты съ своей лошадью,—сказалъ я.

Ташъ-Муллѣ, который велъ верблюда, я велѣлъ идти полнымъ ходомъ и въ помощь ему далъ Комарова, который подгонялъ верблюда нагайкой; разстояніе между нами и уѣхавшими впередъ быстро увеличивалось, и скоро они скрылись за поворотомъ. Быстро мелькали передъ нами унылыя горки долины. Вотъ и большая площадка, покрытая уваломъ песка, именуемая урочищемъ Ходжа Юлгунъ, хотя юлгуна, т. е. тамариска, здѣсь не было и слѣда; теперь намъ осталось около 35 верстъ, т. е. менѣе 7 часовъ хода. Было около 1 ч. дня, когда спускъ сталъ круче, и мы, наконецъ, вышли въ равнину Лукчуна. Изъ Дга нашу группу замѣтили. Увидали и то, что идутъ не 5, а всего 3 человѣка, и среди родственниковъ Рахмета поднялся плачъ и причитанія. Къ намъ навстрѣчу выбѣжала толпа дгаецевъ и вынесли дыни, которыя, разрѣзавъ, положили на траву. Мы съ радостью соскочили съ лошадей. Радость жителей была неподдѣльная.

— Слава Богу, что хоть вы вернулись и только двое нашихъ погибли, а у насъ ходили слухи, что вы всѣ погибли,—говорили они.

Мы стали ихъ увѣрять, что всѣ цѣлы и что Рахметъ идетъ съ сыномъ, но они пѣшкомъ, потому что лошадь Рахмета пропала.

— Къ вечеру они, навѣрно, придутъ,— говорили мы.

Сначала намъ не повѣрили, но, слыша повтореніе нами того же самаго, страшно обрадовались, и одинъ изъ дгаецевъ побѣжалъ къ женѣ Рахмета сообщить радостную вѣсть. Но вотъ и она съ плачемъ бѣжитъ къ намъ со своими дѣтьми и вся въ слезахъ останавливается передо мной.

— Эй, мулла,—обратился я къ нашему старому знакомцу:—скажи женѣ Рахмета, что хоть мы для васъ посторонніе люди, но если бы Рахметъ или сынъ ея погибли, то мы не оставили бы ихъ на съѣденіе лисицамъ, а привезли бы ихъ мертвыхъ сюда. Вмѣсто того, чтобы плакать, пусть кто-либо поѣдетъ по нашей дорогѣ и отвезетъ старику дынь и хлѣба и лишняго ишака или лошадь, чтобы старикъ могъ поѣхать.

Этотъ аргументъ подѣйствовалъ на бѣдную женщину, и сейчасъ же нѣсколько

молодыхъ людей пошли за ишаками, чтобы ѣхать навстрѣчу. Итакъ, разстояніе въ 185 верстъ, при плохомъ кормѣ лошади и верблюда, мы прошли въ 57½ часовъ!

Послѣ почти 14-тичасового сидѣнія въ сѣдлѣ, я съ трудомъ дошелъ до селенія, гдѣ мы и расположились опять у муллы. Вечеромъ я обѣщалъ зайти къ женѣ Рахмета, а муллу просилъ взять на свое попеченіе нашихъ животныхъ и давать имъ кормъ понемногу, чтобы не случилось заваловъ въ желудкѣ отъ большого количества зерна.

Усталости я не ощущалъ, да и голодъ какъ-то притупился, такъ что часа черезъ полтора, напившись чаю, я пошелъ гулять по деревнѣ и знакомился ближе съ обстановкой жизни этого симпатичнаго народа.

Рахметъ прибылъ черезъ 6 часовъ, уже въ сумерки, и, какъ только мнѣ дали знать объ этомъ, я сейчасъ же пошелъ къ нему въ домъ.

Встрѣча гостя была, конечно, радушная, и предупрежденная о моемъ посѣщеніи жена приготовила кое-какія лакомства для угощенія. Устройство дома было такое же, какъ я уже описывалъ, убранство было бѣдное, но все было очень чисто. Мнѣ дали чашку овечьяго молока и предложили шурну (супъ). Затѣмъ угощали чаемъ съ изюмомъ и сухими корками дынь, сплетенныхъ, какъ коса, и затѣмъ свернутыхъ въ кружокъ, лепешкой; громадное количество сахара, заключающагося въ дыняхъ, дѣлаетъ ихъ при сушкѣ прозрачными и обсахаренными. Эти корки были очень ароматны и вкусны.

Въ концѣ угощенія были поданы свѣжія дыни. Одна изъ нихъ оказалась удивительнаго вкуса, хотя всѣ вообще дыни восхитительны. Когда я объ этомъ сказалъ Рахмету, то онъ взялъ всю внутреннюю пленку дыни, унизанную сѣменами, и, положивъ ее на ладонь, пришлепнулъ къ глиняной стѣнѣ комнаты, сказавъ:

— Въ будущемъ году я посѣю эти дыни въ воспоминаніе того, что вы, русскіе, гостили у меня.

Женѣ Рахмета я подарилъ нѣсколько бездѣлушекъ, бывшихъ у меня, а дѣтямъ обѣщалъ прислать подарки по возвращеніи въ лагерь черезъ отца ихъ.

Вернувшись домой, я закончилъ съемку.

Всего мы прошли 345 верстъ; при этомъ наиболѣе отдаленный пунктъ отъ Дга былъ въ разстояніи 185 верстъ при разсчетѣ хода каравана въ 4½ версты въ часъ; на самомъ дѣлѣ скорость должна бы быть больше, и безъ погрѣшности можно было бы допустить, что южный пунктъ, до котораго я дошелъ, лежитъ отъ Дга въ 200 верстахъ.

Неизвѣданная полоса между Лобъ-Норомъ Пржевальскаго и мною изслѣдованными горами опредѣляется мною въ 100 верстъ ширины, т. е. около одного градуса. Дѣйствительно, по Пржевальскому, широта селенія Абдала равна 39°31′12″, сѣверный же предѣлъ разлива Лобъ-Нора—39°57′; по моимъ астрономическимъ наблюденіямъ, широта Ямъ-Булака равна 42°52′36″. Прибавивъ къ этой широтѣ разстояніе Тешекъ-Булака до Ямъ-Булака, т. е. 213 верстъ, или около 2 градусовъ, получимъ широту Тешекъ-Булака около 40° сѣв. широты.

Конечно, жаль, что потеря лошади Рахметомъ послужила помѣхой для болѣе обширнаго и законченнаго изслѣдованія пустыни, но и эта поѣздка, врѣзавшаяся маршрутомъ далеко за середину пустыни Гоби или Шамо, даетъ возможность слѣдующимъ изслѣдователямъ смѣлѣе идти на изслѣдованіе ея, ибо опорные пункты найдены мною. Пустыня Гоби открыла свои сокровенныя тайны пытливому европейцу!

8-го ноября мы прибыли въ Лукчунъ, привезя хотя не богатую, но интересную по экземплярамъ коллекцію обитателей пустыни и еще болѣе цѣнный матеріалъ—маршрутную съемку.

ЛУНА ДѢТСТВА.

(Памяти брата моего Алексѣя.)

Помню, въ дѣтствѣ мы играли,
Тихо прячась здѣсь и тамъ;
Лунный свѣтъ въ спокойномъ залѣ
«Бѣлой дамой» называли,
Удивляяся лучамъ.

А лучи недвижно плыли
Изъ оконныхъ тѣсныхъ рамъ
И квадраты наводили,
И узоръ цвѣтовъ чертили,
Сны разсказывая намъ!

Тихо спишь ты подъ землёю,
Не разсказывая сновъ.
Ты давно своей душою
Разлучился и со мною,
И съ толпой своихъ враговъ.

А враги твои—не тѣ жъ ли
Были грезы?.. Потому
Въ мірѣ радостномъ ты не жилъ,
Только грезы сердца нѣжилъ
И ушелъ въ сырую тьму,

Въ тьму, гдѣ нѣтъ уже разсвѣта...
Но ты клялся вѣдь луной,
Что есть жизнь иного свѣта,
Что въ лучахъ ея привѣта
Погостишь еще со мной!

К. Фофановъ.

Магдуся.

Разсказъ К. Буссе.

I.

— Проворнѣе, Марья, проворнѣе! Снимай чехлы съ креселъ. Пора ихъ выколачивать. Господи, она беретъ маленькую колотушку. Да ты въ своемъ умѣ, моя милая? Хочешь порвать шелкъ! Вотъ ужо задастъ тебѣ барыня! Принеси-ка снизу большую колотушку, да поскорѣе!

Марья вздохнула и вышла изъ комнаты, а Магдуся, съ силой оттащивъ въ сторону тяжелый столъ, принялась свертывать коверъ. Въ то время, какъ она работала, стоя на колѣняхъ посреди комнаты, послышались шаги. Она чуть-чуть повернула голову и посмотрѣла черезъ плечо.

— Съ добрымъ утромъ, Магдуся! — сказалъ вошедшій Антекъ, осторожно ставя миніатюрный кофейный сервизъ на угловой столикъ. — Барыня ждетъ тебя, когда ты здѣсь освободишься.

— Ладно, подождетъ, — мрачно отвѣтила дѣвушка.

Онъ сдулъ пылинку съ рукава своей коричневой ливреи и какъ-то странно посмотрѣлъ на нее.

— Ты чего еще здѣсь торчишь? — вскинулась она на него послѣ небольшого молчанія.—Мнѣ не нужно здѣсь никакихъ соглядатаевъ.

Парень свистнулъ и покачалъ головой.

— Вотъ какая ты ласковая со мной! Право, не знаю, какъ благодарить.

Ея лицо еще болѣе омрачилось. Она рванула тяжелый свертокъ ковра, потащила его къ дверямъ и бросила почти подъ ноги парню.

— Вотъ и тебѣ работа! Снеси его внизъ и выколоти.

Онъ пожалъ плечами.

— На это есть дѣвушки.

— А ты, что ли, слишкомъ важная птица, — насмѣшливо возразила она.

— Такъ же, какъ и ты.

Она только сжала губы и бросила на него злобный взглядъ, но промолчала.

Вдругъ онъ заперъ дверь на ключъ и нѣсколько разъ нажалъ на ручку, чтобы удостовѣриться, крѣпко ли заперта дверь; потомъ шагнулъ впередъ.

Магдуся, только-что нагнувшаяся, чтобы подобрать портьеру, стремительно выпрямилась.

— Что это значитъ?

Антекъ двинулся къ ней, но не успѣлъ сдѣлать двухъ шаговъ, какъ повелительный жестъ ея руки приковалъ его къ мѣсту.

— Магдуся! — съ мольбой въ голосѣ протянулъ онъ.

— Такъ меня зовутъ. А что дальше?

— Я долженъ съ тобою поговорить.

— Можетъ-быть. Но мнѣ съ тобой говорить не о чемъ. Запри лучше дверь снаружи, чѣмъ изнутри.

На его лбу вздулась синяя жила.

— Что ты за дѣвушка! — съ досадой сказалъ онъ.—Съ тѣхъ поръ, какъ барыня посылала тебя въ городъ, ты совсѣмъ другая со мной. Когда мы вмѣстѣ ходили въ школу, ты шагу не могла ступить безъ Антека, а теперь готова выцарапать Антеку глаза.

— И за дѣло. Они для меня не достаточно красивы!—проворчала дѣвушка и энергично передвинула тяжелый стулъ.

— Положимъ, графа въ мужья не получишь. А что ты выучилась причесывать и теперь въ милости у барыни — большая важность! Завивать волосы—не ахти, какая мудрость.

— А чистить лошадей—это господское дѣло? — язвила она. — О, святая Дѣва! И онъ туда же, судить и рядить!

— Я и не думалъ судить тебя. Но чего ты, собственно, хочешь, — Богъ знаетъ. Ни одна душа не скажетъ обо мнѣ чего-нибудь худого; я дѣлаю свое дѣло и не сижу, какъ другіе, деньденьской въ шинкѣ. Каждая обрадовалась бы, если бы Антекъ Шубинъ пришелъ и взялъ ее въ жены. Но ты—какъ бы не такъ! Ну, и пусть—я отъ этого не умру! Жди лучшаго жениха. Не всегда тебѣ будетъ двадцать лѣтъ и не всегда ты останешься красивой. Потомъ еще пожалѣешь!

Она стояла передъ нимъ, слегка опершись на половую щетку.

— Заботься о своей старости, не о моей, — спокойно возразила она. — Я о себѣ сама сумѣю позаботиться. А если хочешь жениться, сжалься надъ Стасей. Она всѣ глаза на тебя проглядѣла.

— Какъ я на тебя! — вырвалось у него.—Магдуся!..

Она на минуту отвернулась и снова прислонила щетку къ стѣнѣ возлѣ ведра. Страстный тонъ парня, казалось, произвелъ на нее впечатлѣніе. Но вскорѣ она съ прежнимъ спокойствіемъ отвѣтила:

— Не трать напрасно словъ, Антекъ. Къ тому же, тебѣ есть что дѣлать внизу.

— Не такъ много, какъ здѣсь наверху. Ей-Богу, дальше такъ не можетъ продолжаться! Ты знаешь, сколько времени я за тобою бѣгаю.

— Будь это моя вина, я заплатила бы тебѣ за подметки,—подсмѣивалась она:—но я тутъ ни при чемъ. Вольно тебѣ!

— Со всѣми другими ты ласковѣе, чѣмъ со мной. Но я не отстану, я хочу тебя имѣть, я долженъ тебя имѣть. Побыла бы ты хоть одинъ день на моемъ мѣстѣ—сколько бы наслушалась! Въ шинкѣ, на кухнѣ и конюшнѣ—всюду надо мною потѣшаются, что я, какъ глупый мальчишка, бѣгаю за тобою и все еще надѣюсь.

Она презрительно скривила губы.

— Знаешь что, Антекъ: я дамъ тебѣ добрый совѣтъ: убирайся отсюда по-добру, по-здорову, иначе тебя скоро совсѣмъ засмѣютъ. Марья каждую минуту можетъ войти сюда.

Онъ скрестилъ на груди руки. Его зубы — крѣпкіе бѣлые зубы — закусили нижнюю губу.

— Довольно меня рядить въ дураки,— проговорилъ онъ, наконецъ, хриплымъ голосомъ.—Ты упрямая голова и обоимъ намъ только портишь жизнь: себѣ и мнѣ. Да, и себѣ! Не разсказывай мнѣ басни, что ты хочешь остаться въ старыхъ дѣвахъ и быть вороньимъ пугаломъ. А другого возлюбленнаго у тебя нѣтъ. Ужъ я бы его выслѣдилъ.

— Мнѣ никого не нужно.

— Но ты мнѣ нужна!

Его глаза загорѣлись.

— Тебя никогда не застанешь одну, а если случится поймать...

Онъ не продолжалъ и только смотрѣлъ на нее.

— Что, если я тебя поцѣлую...—пробормоталъ онъ.

И вдругъ подскочилъ къ ней и страстно обнялъ ее.

— Чортъ возьми! — крикнула она и, прежде чѣмъ его губы коснулись ея лица, съ такой силой ударила его кулакомъ по переносицѣ, что у него искры посыпались изъ глазъ, и онъ ее выпустилъ.

— Посмѣй-ка еще!—сказала она, тяжело дыша, и отступила къ открытому окну, не сводя съ него горѣвшихъ гнѣвомъ глазъ.

— Магдуся!

Злоба, стыдъ, страсть слышались въ его голосѣ.

— Я позову на помощь!

— Зови!—хрипло сказалъ онъ и двинулся къ ней.

Она схватилась обѣими руками за переплетъ окна.

— Антонъ Шубинъ! Если ты... еще

разъ посмѣешь, то я брошусь внизъ, клянусь Богомъ!

Онъ смутился, но только на минуту.

— Этого ты не сдѣлаешь!—крикнулъ онъ, бросаясь къ ней.

Но она въ ту же секунду вскочила па подоконникъ и съ возгласомъ: «Пресвятая, помоги!»—исчезла за окномъ.

Онъ въ ужасѣ успѣлъ только произнести ея имя. За окномъ послышалось глухое паденіе. Одну минуту онъ стоялъ, не имѣя силы двинуться съ мѣста; потомъ съ крикомъ раненаго звѣря бросился опрометью внизъ по лѣстницѣ.

Къ господскому дому конюхъ только-что подвелъ верховую лошадь графа, подъ наблюденіемъ помощника эконома. Тотъ уже поднялъ Магдусю, и она стояла, спокойная и мрачная, съ конвульсивно сжатыми зубами, подавляя готовый вырваться крикъ боли. Лишь когда онъ схватилъ ее за лѣвую руку, лицо ея исказилось, и она застонала.

Антекъ Шубинъ, задыхаясь, подбѣжалъ къ нимъ.

— Что... что случилось?

Никто не обратилъ на него вниманія.

— Рука, должно-быть, сломана,—сказалъ помощникъ эконома, покачивая головой.—И какого чорта было прыгать въ окно! Ужъ эти бабы!..

Но Антекъ ничего уже не слышалъ. Рука сломана! По его винѣ!

И прежде чѣмъ кто-нибудь опомнился, онъ однимъ прыжкомъ вскочилъ на графскую верховую лошадь такъ, что животное взвилось на дыбы, оттолкнулъ ошеломленнаго конюха и поскакалъ во весь опоръ, какъ былъ, безъ шапки, со двора.

Позади него нѣсколько голосовъ звало, кричало — онъ не обращалъ вниманія. Скорѣе впередъ! Съ быстротою вѣтра впередъ, чтобы застать и позвать доктора.

Конь летѣлъ, словно сознавая важность минуты. Дорога шла вдоль Варты. Плотовщики оглашали свѣжій утренній воздухъ своими заунывными пѣснями. Съ большихъ, наполненныхъ плодами и овощами, лодокъ, на рулѣ которыхъ стояли торговки въ шерстяныхъ платкахъ на головѣ, порою лаяли собаки. Деревья такъ и мелькали; верстовые столбы одинъ за другимъ оставались позади; вдали дымились трубы—тамъ былъ городъ.

Докторъ оказался дома и обѣщалъ немедленно пріѣхать. Антекъ, нѣсколько успокоенный, погналъ коня назадъ. На дворѣ господской усадьбы онъ выслушалъ, не сморгнувъ, цѣлый потокъ брани отъ накинувшагося на него эконома; но онъ только смотрѣлъ на дорогу, на которой долженъ былъ показаться экипажъ доктора.

Магдуся была помѣщена въ домикѣ своихъ родителей.

— Простой переломъ руки, — констатировалъ докторъ и наложилъ гипсовую перевязку.—Какъ это случилось, что вы выпрыгнули изъ окна?

— А такъ: взяла да и выпрыгнула,— сказала она.

На ея лицѣ выражалось при этомъ такое заносчивое упорство, что докторъ ничего больше не спросилъ и поспѣшилъ удалиться, слегка кивнувъ головой.

II.

На очагѣ весело потрескивалъ хворостъ. Въ чугунномъ горшкѣ варилась капуста. На ряду съ картофелемъ, она, повидимому, составляла главную пищу мѣстныхъ жителей, такъ какъ въ обѣденную пору вся грязная деревушка насквозь пропитывалась ея запахомъ.

Рыбчинскіе жили, какъ всѣ, независимо отъ того, была ли Магдуся дома, или нѣтъ. Отецъ ея былъ рабочимъ въ имѣніи, мать нерѣдко требовали туда же на поденную работу; но на долю дочери выпало наибольшее счастье: она причесывала графиню...

Съ тѣхъ поръ Магдуся привыкла къ лучшей жизни. Въ городѣ она выучилась не только причесывать дамъ, но и говорить по-нѣмецки, усвоила себѣ болѣе утонченныя манеры и могла уже свысока смотрѣть на остальныхъ дере-

венскихъ дѣвушекъ. Онѣ были только коровницами, кухарками или огородницами, она же была горничной графини, присматривала за цѣлымъ домомъ и казалась человѣкомъ нужнымъ. При этомъ ей уже было цѣлыхъ двадцать лѣтъ!

Она, конечно, жила въ замкѣ. Окно въ ея комнаткѣ было мило убрано цвѣтами, стѣны были оклеены обоями, полъ былъ деревянный, крашеный, и если большая часть мебели давно уже просилась въ отставку, то все же на нее любо было смотрѣть.

А здѣсь, у ея родителей! Ни обоевъ, ни половъ—вмѣсто пола твердо утоптанная глина, а въ окно, наполовину заклеенное бумагой, врывался ночью холодный вѣтеръ.

Ну, шестнадцать лѣтъ здѣсь прожито, такъ недѣли двѣ какъ-нибудь можно потерпѣть. Рука скоро заживетъ. Она молода и сильна, слѣдовательно, опасности нѣтъ. Лишь бы только мать оставила ее въ покоѣ.

— Когда придетъ отецъ, сядемъ обѣдать, голубка!—сказала своимъ визгливымъ голосомъ старуха и помѣшала ложкой въ горшкѣ съ капустой.

— Э, Магдуся, ты уже опять сидишь сложа руки!

Дочь съ неудовольствіемъ тряхнула головой.

— Что, я, по-вашему, должна колоть дрова больной рукой? Оставьте меня въ покоѣ!

Прищуривъ подслѣповатые глазки, мать слѣдила за движеніемъ ея губъ. Она была глуха на одно ухо и наполовину не слышала того, что̀ ей говорили; поэтому сама говорила очень громко.

— Ой, горе, горе! — начала она причитать, размахивая ложкой.—Ой, бѣдные мы, несчастные! Такая дѣвушка! Имѣетъ такое мѣсто у графини—да благословитъ ее Богъ! — и вдругъ падаетъ изъ окна! Падаетъ изъ окна — о, Господи! А кто намъ уплатитъ всѣ расходы? Такой дорогой докторъ, лѣкарство! Мы бѣдные люди, нищіе, ни гроша не имѣемъ за душой!

Магдуся разсмѣялась.

— Что вы болтаете, матушка! Не порыться ли мнѣ въ вашей кровати, а? Тамъ я найду завязанный узелкомъ платочекъ. Или, можетъ-быть, мнѣ приснилось?

Старуха опустила руки и оцѣпенѣла. Внезапный испугъ изобразился на ея морщинистомъ лицѣ и, казалось, лишилъ ее языка. Только нижняя челюсть тряслась, какъ въ лихорадкѣ.

— Господи, помилуй!—завизжала она опять, нѣсколько овладѣвъ собою. — Откуда ты это знаешь? Это чистая выдумка, ни слова правды... Мы бѣднѣе всѣхъ въ деревнѣ.

И она забѣгала, какъ сумасшедшая, по комнатѣ.

Дочь знала эти пріемы.

— Нечего тебѣ бояться, матушка, — сказала она.—Я никому тебя не выдамъ, даже отцу. А издержки на доктора я заплачу изъ своего жалованья.

Старуха смотрѣла на нее, недовѣрчиво щурясь. Какъ внезапно она взволновалась, такъ же быстро и успокоилась.

— Ты добрая дочь, да сохранитъ тебя Богъ! Но трое ѣдоковъ больше, чѣмъ двое. Охъ, плохія времена настали, плохія времена!

Магдуся уже готова была снова вспылить, какъ послышался стукъ въ дверь. Мать и дочь удивленно переглянулись.

— Войдите!—пронзительно крикнула старуха, разглаживая рукой свой грязный передникъ.

— Съ вашего позволенія — добрый день!

Въ осторожно пріоткрывшуюся дверь просунулась голова гостя.

— Ахъ, Антекъ! Какая намъ сегодня честь! Ну, какъ ни какъ, а стуликъ ужъ для васъ найдется.

Онъ, почти не обращая вниманія на старуху, смотрѣлъ, все еще изъ-за двери, на Магдусю.

— Я проходилъ мимо и не могъ не зайти,—смущенно заговорилъ онъ, запирая за собой дверь. Магдуся досадливо отвернулась.

Между тѣмъ, старуха любезно обтерла старый шаткій стулъ, и Антекъ сѣлъ, вертя въ рукахъ шапку.

— Ну, какъ вамъ тутъ живется-можется?—спросилъ онъ, посматривая не то на мать, не то на дочь.

— Громче, Антекъ, громче! Я бѣдная старая женщина: уши не слышатъ, ноги не ходятъ...

Онъ кивнулъ головой, потомъ обратился уже прямо къ дочери.

— Ты сейчасъ узнаешь, почему я пришелъ, Магдуся. Мнѣ очень трудно было рѣшиться.

Она едва удостоила его взгляда.

— Могъ не безпокоиться. Рука заживетъ и безъ тебя.

— Но вѣдь... я виноватъ.

— Ну, такъ что же?

Онъ разглаживалъ пальцами околышекъ шапки и такъ напряженно смотрѣлъ на нее, словно отсчитывалъ каждый стежокъ.

— Я былъ тогда, какъ дикій звѣрь,— вырвалось у него, наконецъ, послѣ небольшого молчанія. — Я самъ себя не помнилъ. О, Магдуся, Магдуся! Это вышло потому, что другіе всегда насмѣхаются, и потому, что я совсѣмъ уже пришелъ въ отчаяніе,—иначе я бы... я бы этого не сдѣлалъ. А теперь все кончено.

— Что вы говорите, Антекъ,—съ любопытствомъ переспросила старуха, прикладывая къ уху руку наподобіе щитка, чтобы лучше слышать.

— Никто вѣдь не могъ знать, что ты сейчасъ повернешь дѣло въ серьезъ.

— Но я сказала тебѣ, что брошусь изъ окна, если ты еще разъ осмѣлишься,—мрачно возразила она.

Мать услышала послѣднія слова.

— Что «осмѣлишься»? — завизжала она. — Антекъ, на что вы осмѣлились? Магдуся,—о, Господи!—Магдуся! Изъ-за тебя, Антекъ, она выбросилась изъ окна, чортовъ сынъ! Кто заплатитъ намъ за расходы, а? За дорогія лѣкарства, за содержаніе больной?

— Тише, мать! — прервала Магдуся этотъ потокъ словъ, повелительно поднявъ здоровую руку.—Антекъ говорилъ со мной, а не съ тобой!

— Чтобъ ему шею свернуть!—крикнула вмѣсто отвѣта старуха.—Сколько времени ты не можешь ничего зарабатывать. Сколько времени намъ тебя кормить? Скажи-ка, дитятко, скажи ему это! А мы, бѣдные старые люди, едва сами съ голода не умираемъ, тогда какъ онъ молодой человѣкъ съ здоровыми руками... переломай ихъ ему, Боже!

Антекъ всталъ.

— Тише! — крикнулъ онъ: — вашъ языкъ болтаетъ о томъ, чего голова не знаетъ. Святые угодники довольно уже покарали меня, и тяжело покарали. Но лучше помолчимъ объ этомъ.

— Что ты говоришь, Антекъ?

Онъ сѣлъ, продолжая вертѣть шапку.

— Когда-нибудь узнаешь.

Магдуся удивленно посмотрѣла на него и пожала плечами.

— Не говоришь—не нужно. А на мою мать не обращай вниманія. Она свое возьметъ. У нея ужъ такой обычай. Ты ее знаешь!

— Да,—отвѣчалъ онъ: — но ты... ты кое-что потеряешь. И потому... потому... я и пришелъ.

— Будь спокоенъ; скоро рука совсѣмъ заживетъ.

Антекъ смутился.

— Все же... нѣкоторое время ты не будешь получать жалованья. Графиня даромъ не станетъ платить. Она добрая женщина, только скупа. Впрочемъ, что объ этомъ говорить! А доктору надо заплатить своимъ порядкомъ. И все это изъ-за того, что я... Поэтому, если ужъ ты мнѣ прощаешь, я долженъ, по крайней мѣрѣ, взять на себя убытки. Вотъ я и подумалъ...

Онъ вспыхнулъ и началъ рыться у себя въ карманѣ.

— Можетъ-быть, этого достаточно? — сказалъ онъ, выложивъ на столъ пять серебряныхъ талеровъ.

— Господи—взвизгнула старуха, и ея глазки такъ и впились въ блестящія монеты на столѣ. — Пять талеровъ, пять талеровъ! Антекъ, откуда у васъ деньги? И вы хотите отдать это Магдусѣ?.. Все? Богъ да благословитъ васъ и пошлетъ вамъ сто лѣтъ жизни! О-о-о! Какъ мы бережемъ нашу голубку, чтобы она скорѣе выздоровѣла! Спросите ее сами. Я бѣдная старая женщина, но я послѣднее отдаю для моего мотылечка. Это нужно цѣнить!

— Ладно, ладно! — процѣдилъ сквозь зубы парень.

Магдуся не сказала еще ни слова. Она посматривала то на него, то на мать, то смотрѣла прямо передъ собой. До денегъ ей, повидимому, дѣла не было.

И вдругъ она протянула къ нимъ лѣвую руку, сложила, будто шутя, всѣ монеты одну на другую и отодвинула серебряный столбикъ далеко отъ себя къ нему.

— Сохрани свои деньги, — спокойно сказала она: — я въ нихъ не нуждаюсь и не возьму ихъ.

Мать ея поблѣднѣла, какъ полотно.

— Магдуся, дѣвочка!! Клянусь всѣми святыми, она сошла съ ума! Пять талеровъ, настоящіе талеры, чистое серебро! Не слушайте ее, Антекъ, дайте ихъ мнѣ, я спрячу ихъ, пока она не придетъ въ себя.

И она крестила дочь, бормоча несвязныя слова и не сводя глазъ съ пяти талеровъ.

Антекъ пожалъ плечами.

— Ты не хочешь!.. Но ты должна бы взять эти деньги. Это первое и послѣднее, что я тебѣ даю. По-настоящему они твои. Я всегда стою за справедливость. Ты должна ихъ взять, хотя бы на память.

— На память? Деньги? Что такое ты говоришь?

На минуту Магдуся словно вышла изъ своей апатіи. У нея, вѣрно, сильнѣе заболѣла рука, потому что она крѣпко сжала губы, и лицо ея слегка поблѣднѣло. Но черезъ минуту она уже снова была спокойна.

— Ты, стало-быть, уѣзжаешь? Это большая новость.

— Да, здѣсь я больше... не могу выдержать.

— Но ты имѣлъ хорошее мѣсто. Врядъ ли найдешь такое другое.

— Ба! Рабочіе всегда нужны. Поэтому я теперь же распрощаюсь съ господами. Деньги, стало-быть, ты можешь спокойно взять. Меня больше не увидишь — вотъ тебѣ, вдобавокъ, и удовольствіе.

Онъ опять подвинулъ къ ней деньги. Монеты все еще лежали одна на другой.

— Вотъ тебѣ! — почти крикнула она и съ внезапной злостью швырнула отъ себя серебряный столбикъ такъ, что талеры попадали со стола и покатились по всѣмъ угламъ.

— Прости ей грѣхъ, Пресвятая! — взвизгнула старуха и бросилась подбирать деньги, ползая по полу, до тѣхъ поръ пока не подобрала всѣ монеты.

Антекъ поднялся темнѣе ночи.

— Вѣрно, ты останешься злой до конца твоей жизни, Магдуся?

— Эй, не начинай сызнова, совѣтую тебѣ! Можешь и ты порадоваться, что больше меня не увидишь. Отдайте деньги, матушка!

Старуха успѣла уже опустить монеты подъ грязнымъ своимъ передникомъ въ карманъ и ничего не хотѣла знать. Она только охала и заклинала дочь всѣми святыми не разорять ее.

Ничто не помогало.

— Отдайте деньги, мать! — еще повелительнѣе повторила Магдуся. — Антекъ хочетъ уходить.

Съ мольбами, божбой и проклятіями старуха, въ концѣ концовъ, достала пять талеровъ. Изъ-за каждой монеты борьба возобновлялась.

— Ну, вотъ,—сказала, наконецъ, Магдуся:—можешь получить свои деньги.

Антекъ стоялъ передъ нею съ перекошеннымъ отъ гнѣва лицомъ.

— Выбрось ихъ, если не хочешь оставить себѣ.

— Они тебѣ больше понадобятся.

— Хорошо. Но повѣрь мнѣ, я сдѣлаюсь теперь такимъ, какъ другіе—пьяницей и дурнымъ человѣкомъ.

— Дѣлай, что хочешь. Мнѣ отъ этого ни тепло, ни холодно.

Онъ порывисто выхватилъ у нея деньги и сунулъ ихъ въ карманъ.

— Прощай, Магдуся. Если я тебя больше не увижу, да сохранитъ тебя Богъ и смягчитъ твое сердце!

— Ну, ладно. Когда уѣзжаешь?

— А не знаю,—завтра, послѣзавтра, какъ случится. Можешь спокойно дать мнѣ руку на прощаніе.

Онъ сильно пожалъ протянутую ему руку, кивнулъ матери и ушелъ. Когда онъ запиралъ снаружи дверь, лицо его на минуту снова исказилось гнѣвомъ и страданіемъ.

О, онъ ненавидѣлъ ее! Онъ смертельно ненавидѣлъ ее!

Взглядъ его упалъ на три написанныя мѣломъ на дверяхъ буквы: К+М+В — Каспаръ, Мельхіоръ, Валтасаръ—три святыхъ царя съ Востока. Они не пропускали черезъ порогъ, надъ которымъ красовались ихъ имена, ни болѣзни, ни несчастья, ни колдовскихъ козней.

К+М+В!

И вдругъ Антекъ выпрямился и стеръ рукавомъ предохранительные знаки.

А Магдуся снова усѣлась на прежнее мѣсто. Она не слушала стоновъ и причитаній матери, которая все еще не могла успокоиться по поводу отнятыхъ у нея денегъ.

Вдругъ старуха притихла и покосилась на дочь. Повидимому, ей пришла въ голову хорошая мысль.

— Капуста пригорѣла, время идетъ, а отца что-то не видно, — пробормотала она.—Посмотрю-ка я, что тамъ съ нимъ.

Магдуся ничего не отвѣтила. Старуха поспѣшно выскользнула изъ комнаты.

Теперь дѣвушка была одна.

На старомъ расколовшемся столѣ передъ нею лежалъ карманный ножъ ея отца съ деревяннымъ черенкомъ, какіе продаются на ярмаркахъ.

Она открыла его и попробовала воткнуть въ доску стола; но лезвіе оказалось слишкомъ тупымъ.

«Ну, вотъ, теперь онъ уѣзжаетъ,—подумала она.—Такъ будетъ лучше. Теперь досужіе языки, наконецъ, успокоятся. Какъ будто въ цѣлой округѣ нѣтъ другого парня, кромѣ этого Антека!» Постоянно ихъ имена называютъ вмѣстѣ. Она ненавидѣла его за это съ каждымъ днемъ все сильнѣе.

«Это хорошо, что онъ уѣзжаетъ. Да вѣдь онъ, въ самомъ дѣлѣ, уѣзжаетъ. Онъ уѣзжаетъ навсегда!»

Ножъ былъ очень тупъ. Она подняла его, словно играя.

«Онъ уѣзжаетъ навсегда!»

И вдругъ какая-то мысль привела ее въ содроганіе. Она подняла ножъ и съ бѣшеной силой всадила его въ столъ. Остріе засѣло въ деревѣ; ножъ слегка покачивался въ воздухѣ.

«Онъ уѣзжаетъ. Ну, что-жъ?»

Ножъ покачивался все слабѣе и слабѣе.

«Такъ... будетъ... лучше.»

III.

— Эразмъ!

— Ваше сіятельство...?

Готовый къ услугамъ экономъ подскочилъ къ графу.

— Вели отвести назадъ верховую лошадь и вмѣсто того запрячь бѣговыя дрожки. Черезъ десять минутъ чтобы было готово!

Экономъ уже было двинулся исполнить приказаніе съ обычнымъ: «слушаю-съ», какъ вдругъ остановился и въ раздумьи покачалъ головой, мелькомъ взглянувъ на каретный сарай.

— Прошу извиненія, ваше сіятель-

ство, но бѣговыя дрожки еще не вернулись.

— Еще не вернулись? Гдѣ же онѣ застряли, чортъ побери?

— Въ городѣ. Ихъ отправили за парикмахершей ихъ сіятельства графини. Съ тѣхъ поръ, какъ Магдуся...

— Хорошо, хорошо. Не понимаю одного: сколько времени все это продлится?

Онъ нервно вынулъ часы.

— Кто ѣдетъ?

— Петръ. Ваше сіятельство приказали, чтобы онъ замѣнилъ Антека.

— По твоему совѣту. Но такъ дальше не можетъ идти. Этотъ дуралей совсѣмъ не знаетъ своего дѣла.

Экономъ пожалъ плечами.

Графъ Залевскій прошелся большими шагами по площадкѣ передъ усадьбой.

— Какъ-нибудь надо уладить дѣло,— сказалъ онъ потомъ и сталъ подниматься по лѣстницѣ.

Въ столовой сидѣла за чаемъ его жена. Онъ пожелалъ ей добраго утра и поцѣловалъ ей руку; она ласково кивнула ему головой.

— Pardon, Станиславъ, что я являюсь сюда въ такомъ видѣ. Ты знаешь, это вообще не въ моихъ привычкахъ. Но что дѣлать, когда Магдуси нѣтъ подъ рукой!

Мужъ забарабанилъ пальцами по столу.

— Ахъ, пожалуйста, дорогая! Ты всегда мнѣ одинаково пріятна. Однако, хотѣлось бы знать... сколько времени еще все это продлится. Мои бѣговыя дрожки не ѣдутъ и не ѣдутъ изъ города.

Ванда медленно допила свой чай.

— Если бы это ограничивалось только дрожками, mon cher, то еще какъ-нибудь можно было бы помириться съ неудобствомъ. Но ты забываешь, что эта исторія стоитъ мнѣ ежедневно десять марокъ. Для того-то и обучали Магдусю въ городѣ.

Онъ коротко разсмѣялся.

— То, что мы израсходовали на ея обученіе, уже вернулось намъ съ процентами. Удобнѣе и дешевле ты, право, не могла бы устроиться, дорогая. И вообще, если наши финансы въ такомъ прекрасномъ состояніи, то я знаю, кого за это благодарить.

— Ты льстецъ, Станиславъ. Впрочемъ, Магдуся только-что была здѣсь. Рука совсѣмъ зажила. Въ воскресенье она снова поступитъ на должность.

— Слава Богу!—облегченно сказалъ онъ.—Двое этихъ слугъ, Антекъ и Магдуся, перевернули вверхъ дномъ все имѣніе. Самому съ трудомъ вѣрится, до чего зависишь отъ другихъ.

— Тише!—прервала она его. — Ошибаюсь я или въ самомъ дѣлѣ дрожки возвращаются?

Онъ подошелъ къ окну.

— Возвращаются,—кивнулъ онъ головой, немного прислушавшись.—Теперь я тебя оставлю одну.

— А я черезъ часъ выйду къ тебѣ интереснѣе, чѣмъ теперь.

Она протянула ему руку, къ которой онъ опять склонился для поцѣлуя, между тѣмъ какъ къ усадьбѣ подкатывали бѣговыя дрожки съ парикмахершей.

Графиня была права: рука Магдуси зажила скорѣе, чѣмъ полагалъ самъ докторъ. Остававшаяся еще легкая слабость также должна была скоро пройти. Довольная этимъ дѣвушка пришла сегодня въ усадьбу и объявила своей госпожѣ, что можетъ послѣзавтра снова поступить къ ней въ услуженіе.

Выходя изъ усадьбы, она встрѣтилась съ помощникомъ эконома, молодымъ полякомъ.

— Эй, Магдуся, Магдуся!

— Что угодно, баринъ?

— На словечко. Если помнишь, я тебя поднялъ, когда ты упала сверху. Что подѣлываетъ рука? И что тамъ такое, скажи на милость, было у васъ съ Антекомъ, что ты рѣшилась на такой отчаянный прыжокъ?

— Съ Антекомъ? Ровно ничего. Развѣ онъ объ этомъ говорилъ?

— Она въ самомъ дѣлѣ хочетъ отпереться! Эй, Магдуся, припомни-ка хоро-

шенько! Что у васъ тамъ наверху творилось неладное, мы слышали снизу. Но изъ-за этого стóитъ ли скакать, на манеръ акробата, со второго этажа! Ну, молодцу досталось за это на орѣхи.

Она съ удивленіемъ посмотрѣла на него.

— О комъ вы говорите? Объ Антекѣ? Какъ ему досталось?

— Подумаешь, она какъ будто ничего не знаетъ?

— Что онъ хочетъ уйти?

Смотритель засмѣялся.

— Уйти? Пожалуй, зови, какъ хочешь. Его прогнали со двора. Онъ уволенъ. Сейчасъ же, въ тотъ же самый день, какъ объ этомъ узналъ графъ.

Магдуся вздрогнула. Кровь прилила къ ея лицу.

— Антека прогнали? Зачѣмъ? Если онъ меня обидѣлъ, это никого не касается. Только меня.

— У, бѣшеная! Поди, скажи это графу. Мнѣ тоже было бы пріятнѣе, останься онъ здѣсь. Но онъ точно обезумѣлъ. Безъ шапки хвать на лошадь—и въ городъ, къ доктору. Баринъ выходитъ, чтобы сѣсть на свою верховую лошадь, а ея и слѣдъ простылъ.

Она пристально смотрѣла куда-то вдаль, мимо помощника эконома, словно начиная что-то соображать.

— Для меня за докторомъ? — рѣзко переспросила она.

— Но ты, вѣроятно, сама видѣла.

— И изъ-за этого его прогнали?

— То-то, ты рада! Вѣдь вы другъ друга ненавидѣли,—по крайней мѣрѣ, ты его. Жаль, очень жаль, что все такъ случилось! Но что это съ тобой? Рука заболѣла?

Магдуся крѣпко сжала губы.

— Да, рука! Скорѣе пойду домой.

И, не говоря больше ни слова, она поклонилась и пошла къ деревнѣ.

Она шла медленно, словно тащила съ собою какую - нибудь непосильную тяжесть.

Прогнали! Прогнали за то, что онъ поѣхалъ для нея за докторомъ на графской верховой лошади! И, вообще, изъза нея!

Она отдала бы все на свѣтѣ, чтобы этого не случилось! Онъ ушелъ изъ этихъ мѣстъ—ну, и пусть. На то была его воля. Ей не о чемъ печалиться. Но такъ, такъ!..

Очутившись на деревенской улицѣ, она вдругъ остановилась и топнула ногой. У нея появилось смутное ощущеніе какой-то раздвоенности, словно она отнынѣ связана съ Антекомъ половиной своего существа, должна быть ему благодарна и вѣчно чувствовать себя у него въ долгу. Въ долгу именно у того человѣка, котораго она ненавидѣла!

Всю дорогу эта мысль мучила ее. Она шла, не поднимая глазъ, съ мрачнымъ лицомъ. Двое работниковъ, проѣзжая мимо нея на телѣгѣ, крикнули ей утреннее привѣтствіе съ прибавленіемъ ея прозвища: «бѣшеная». Она даже не посмотрѣла въ ихъ сторону.

— Да будетъ благословенно имя Господне, — пробормотала шедшая ей навстрѣчу пожилая женщина.

— Во вѣки вѣковъ, аминь, — машинально кончила Магдуся.

И, все еще во власти мучительнаго, смутнаго чувства раздвоенности, она открыла дверь въ родительскую лачугу.

Она не сразу заперла ее за собою, потому что глазамъ ея представилось зрѣлище, приковавшее все ея вниманіе.

На столѣ, рядомъ съ какимъ-то грязнымъ лоскуткомъ, который, вѣроятно, служилъ имъ оберткой, лежали пять серебряныхъ талеровъ, а передъ ними сидѣла, скорчившись, старуха - мать съ безпорядочно выбившимися изъ-подъ платка волосами. Она, не отрываясь, смотрѣла на монеты, съ очевиднымъ наслажденіемъ потрогивая ихъ своими длинными, крючковатыми пальцами. Глаза ея подъ покраснѣвшими вѣками казались стеклянными: видно было, что она, несмотря на

раннее время, усердно приложилась къ бутылочкѣ.

Магдуся сразу замѣтила это. Въ слѣдующую секунду она подскочила къ столу, и, прежде чѣмъ старуха опомнилась, талеры исчезли.

— Откуда у васъ деньги, матушка?

Старуха вышла изъ своего оцѣпенѣнія.

— Ой, святые угодники! — пронзительно завизжала она.—Отдай мнѣ деньги, деньги отдай! Онъ мнѣ ихъ далъ, не тебѣ. Пять талеровъ, блестящихъ, прекрасныхъ талеровъ—о, Пресвятая!

Ея пальцы впились въ больную руку Магдуси, крошечные глазки подъ вспухшими вѣками поблескивали злымъ огонькомъ.

Дочь, молча, стряхнула ее съ себя.

— Матушка, — почти шопотомъ сказала она, но дрожащій голосъ выдавалъ ея душевное потрясеніе:—если вы не... если не...

Она не могла продолжать и только, почти обезумѣвъ отъ злости, подняла руку.

— Ударь,—кричала старуха: — ударь твою мать, бей ее, бей! Только отдай мнѣ деньги!

Магдуся отвернулась. Пальцы ея судорожно сжимали талеры.

— Деньги!—не переставала кричать старуха, наскакивая на дочь. — Я сейчасъ знала, что будетъ несчастье. Ночью кричали совы, а съ дверей кто-то стеръ священные знаки. О, Всемогущій! Теперь грѣхъ свободно вошелъ въ домъ, и деньги украдены.

Она со стономъ схватилась за волосы. Дочь открыла дверь. Въ самомъ дѣлѣ: три священныя буквы исчезли!

Она перекрестилась и сказала:

— Я принесу мѣлъ и опять напишу ихъ. Кто это сдѣлалъ?

— Не спрашивай,—стонала старуха:— кто могъ это сдѣлать? Не я, не ты, никто! Злой духъ это сдѣлалъ, чтобы насъ погубить. Злой духъ кричитъ, какъ сова, а сову я слышала всю ночь. Пять талеровъ, прекрасныхъ, блестящихъ талеровъ... все, все пропало! Я ему обѣщала, что буду на нихъ варить тебѣ супики, чтобы ты скорѣе поправилась. Онъ далъ мнѣ ихъ, а ты отнимаешь. Ой, бѣда, бѣда!

Магдуся отъ волненія присѣла. Еще и это! Словно клубокъ подкатывалъ ей къ горлу, душилъ, давилъ ее. Колѣни ея дрожали. Она не могла произнести ни слова.

Мать ея продолжала стонать и просить денегъ—тѣхъ денегъ, которыя жгли ей руки подобно горячимъ угольямъ.

Магдуся больше не могла утерпѣть. Ей хотѣлось закричать. Она съ силой оттолкнула стулъ.

— Деньги, — уже громче завизжала старуха:—куда ты собираешься, чортово отродье?

— Вернуть ихъ Антеку,—бросила въ отвѣтъ дѣвушка и кинулась къ дверямъ.

На улицѣ она перевела духъ. Яркій солнечный свѣтъ хлынулъ ей навстрѣчу; громыханье телѣгъ заглушило всякій звукъ, доносившійся еще до нея изъ душной комнаты.

Куда она, собственно, шла?

Она схватилась за голову. Къ нему, къ Антеку. Но если онъ уже не работаетъ въ имѣніи, гдѣ же онъ?

«Дзынь-дзынь» звенѣли молоты въ маленькой кузницѣ неподалеку. Янъ, кузнецъ, въ кожаномъ передникѣ, стоялъ съ своими подручными передъ наковальней.

— Можете вы мнѣ сказать, гдѣ теперь живетъ Антекъ?—крикнула она ему.

Онъ не сразу услышалъ.

— У хромого Ленартовича,—отозвался одинъ изъ подручныхъ. — По крайней мѣрѣ, если со вчерашняго дня чортъ не убралъ.

— Спасибо!—сказала она и быстрѣе зашагала вдоль изгородей. За нею послышался смѣхъ мужчинъ.

— Кланяйся твоему милому, бѣшеная!— кричали они ей вслѣдъ.

Она не хотѣла ничего слышать. Она сдѣлала надъ собой усиліе и подавила поднимавшіяся въ ней смѣшанныя чув-

ства. Но вотъ покривившійся и потрескавшійся домикъ хромого Ленартовича! Хозяйка подвязывала въ садикѣ нѣсколько жалкихъ растеній.

— Да будетъ благословенно имя Господне! Дома ли Антекъ?

— Во вѣки вѣковъ, аминь. Нѣтъ, Магдуся.

— Гдѣ мнѣ его искать?

— Бросьте о немъ думать, милая. Онъ не стоитъ этого. Одному Богу извѣстно, получу ли я съ него деньги,—Богу все извѣстно.

Магдуся начала терять терпѣніе.

— Когда онъ будетъ дома?

— Спросите въ шинкѣ, — засмѣялась хозяйка и перерѣзала бечевку.—Съ тѣхъ поръ какъ онъ потерялъ мѣсто, онъ сдѣлался пьяницей, какъ другіе, и по цѣлымъ днямъ играетъ въ карты съ пастухомъ.

Магдуся сдѣлала большіе глаза. Вся краска сбѣжала съ ея лица.

— Онъ пьетъ?—рѣзко переспросила она.—Вѣдь онъ раньше не пилъ.

— Долго ли до грѣха!

Поклонившись, Магдуся пошла дальше. Сердце ея стучало. Въ горлѣ пересохло.

Она подняла съ земли толстый сукъ и на ходу принялась его ломать, кусокъ за кускомъ, пока у нея не заболѣли руки. Тогда она отшвырнула отъ себя куски и остановилась.

О, она его ненавидѣла! Она его ненавидѣла, какъ никогда раньше. Эта ненависть, казалось, переполняла ея грудь, готова была разорвать ее, давила ей горло. Если бы теперь встрѣтить подлеца! Если бы встрѣтить!

Бросить ему въ лицо при всѣхъ его пять талеровъ! Что нужды, если онъ послѣ того изобьетъ ее до полусмерти! Пускай.

Теперь онъ, конечно, думалъ, что она у него въ неоплатномъ долгу.

Онъ изъ-за нея потерялъ службу, для нея отдалъ ея матери, быть-можетъ, послѣднія свои деньги; онъ изъ-за нея сталъ пьяницей...

Именно потому въ ней и бушевала ненависть.

Что бы ни лепеталъ ея языкъ, въ тайникахъ ея души народилось новое твердое, непоколебимое чувство.

Точно у нея были цѣпи на рукахъ, точно она навѣки утратила свою свободу и подпала подъ ярмо рабства.

И это ярмо возложилъ на нее—опять-таки онъ, только онъ!

Но этого не должно быть, ни за что! Лучше умереть! Онъ долженъ вновь получить свое мѣсто и свои деньги, которыя просто жгли ей руки, онъ долженъ вновь стать тѣмъ, чѣмъ былъ раньше, — не пьяницей, не пропащимъ человѣкомъ.

Но если Антекъ вновь получитъ мѣсто, онъ останется здѣсь...

Ну, что-жъ, она и это перенесетъ. Лишь бы освободиться отъ этого гнета, отъ этой всепожирающей, дикой, безпощадной ненависти!

— Дадите мнѣ кусокъ мѣла, хозяинъ?—сказала она, заглядывая въ открытое окно шинка.

— Мнѣ онъ самому нуженъ для гостей,—проворчалъ шинкарь и покосился на пастуха, который тупо смотрѣлъ въ свой, до половины наполненный водкой, стаканъ.—Вотъ, довольно съ васъ?

— Спасибо! Что это—никакъ пастухъ одинъ сидитъ?

— Вы видите. А на что вамъ?

— Я думала, онъ играетъ въ карты съ Антекомъ.

— Вы Антека ищете?

— Нѣтъ, Ленартовичъ его ищетъ. Онъ ей задолжалъ.

— Го-го, красная дѣвица, а мнѣ онъ не долженъ? Пусть-ка Ленартовичъ его поищетъ. Вѣрно, валяется гдѣ-нибудь въ канавѣ пьяный, какъ скотина. Не говорите мнѣ о немъ!

Магдуся пошла дальше. Безцѣльно направилась она въ поле. Солнце поднималось выше и жгло сильнѣе. Хлѣба хорошо колосились; можно было надѣяться на урожай. Легкій вѣтерокъ колыхалъ

зеленые стебли; изъ нихъ мѣстами уже высовывалъ свои яркія головки пунсовый макъ; пестрыя бабочки, упоенныя солнечнымъ свѣтомъ и ароматомъ ржи, вились въ воздухѣ, словно живые цвѣты. Съ лугового берега Варты, на которой шли теперь землечерпальныя работы, доносились отрывистые возгласы рабочихъ.

А дѣвушка шла да шла впередъ. У нея была только одна мысль—найти его, во что бы то ни стало!

Когда ей казалось, что ноги откажутся ей служить, ей стоило только схватиться за карманъ, и силы возвращались. Въ карманѣ у нея лежали проклятые пять талеровъ—его талеры! Они жгли ей руки и неудержимо толкали впередъ—дальше, дальше... Она съ рѣшимостью поднимала голову и энергично переставляла болѣвшія этъ утомленія ноги.

Вѣдь эти деньги напоминали ей о принесенной имъ для нея жертвѣ, эти деньги были одною изъ тѣхъ цѣпей, которыми онъ поработилъ ее и привязалъ къ себѣ, и когда онѣ звенѣли въ ея карманѣ, она слышала звонъ этихъ цѣпей. И ненависть ея разгоралась съ удвоенной силой.

Сколько миль ни пришлось бы сдѣлать въ поискахъ за нимъ, — эту ненависть она должна еще сегодня излить передъ нимъ, ненависть, дѣлавшую ее нечувствительной къ жгучему зною, къ страшной усталости.

Межа за межой мелькали мимо нея—тропинка за тропинкой. Солнце уже подошло къ полудню. Но она знала одно: надо было найти его.

И она, дѣйствительно, нашла его. Онъ лежалъ на узкой зеленой межѣ. Надъ нимъ и вокругъ него дрожали сочные стебли высокихъ луговыхъ травъ. Шапка его откатилась въ сторону; пальцы правой руки судорожно впились въ траву. Прямо надъ нимъ стояло солнце. Оно буквально жгло его своими палящими лучами.

Магдуся бросилась къ нему съ короткимъ хриплымъ крикомъ. Первой ея мыслью было растоптать его, стереть съ лица земли за все то униженіе, которому онъ ее подвергъ. Инстинктивно опустила она руку въ карманъ. Въ ея горячей рукѣ очутилось пять серебряныхъ талеровъ.

И вотъ, съ перекошеннымъ злостью лицомъ и плотно сжатыми зубами, она замахнулась, чтобы бросить эти деньги въ ненавистное лицо.

Но рука безсильно упала, на лбу образовалась мрачная складка.

Какъ онъ лежалъ! Странно! Когда человѣкъ спитъ, у него совсѣмъ другое выраженіе. Человѣкъ, который лежалъ передъ нею, былъ совсѣмъ не Антекъ, о которомъ она всю дорогу думала, котораго такъ ненавидѣла.

Спавшій здѣсь человѣкъ былъ недвиженъ и безволенъ. Онъ ничего не сознавалъ—ничего изъ всего того, что ее такъ оскорбляло. Глаза его, выраженіе которыхъ всегда приводило ее въ негодованіе, теперь были закрыты; этихъ ненавистныхъ глазъ она не видѣла.

Магдуся словно застыла на своемъ мѣстѣ. Она ждала. Она ждала, не завладѣетъ ли ею, какъ прежде, это властное, нераздѣльное, все другое исключающее чувство.

Напрасно. Когда она принуждала себя думать о томъ, что еще такъ недавно ее потрясло, другая мысль каждый разъ заслоняла ту—первую—мысль, что онъ заболѣетъ, если останется лежать на этомъ палящемъ солнцѣ, что солнце убьетъ его!

Его смерть—о, какъ страстно она ея желала! Но онъ долженъ умереть, стоя, какъ прежде, лицомъ къ лицу съ нею, Магдусей, когда ея дикій гнѣвъ обрушится на него, порвавъ всѣ преграды. Только не такъ умереть, какъ онъ теперь лежитъ — слабый и безпомощный подъ губительными для него лучами солнца.

Невдалекѣ сидѣла ящерица и жмурилась отъ солнечныхъ бликовъ, прихотливо перебѣгавшихъ по стеблямъ ржи, золотя мимоходомъ то здѣсь, то тамъ нѣжную

ткань паутины. Звѣрекъ испуганно скользнулъ прочь, когда тишина полей огласилась крикомъ:

— Антекъ!

Спавшій не шевельнулся. Магдуся мрачно смотрѣла на него, скрестивъ на груди руки.

Она вторично позвала его. Онъ продолжалъ лежать передъ нею, какъ колода.

Тогда она ногой толкнула его въ сапогъ. И это не вызвало у него никакого движенія.

Что тутъ дѣлать? Она схватилась за голову. Платочка на ней не было. Волосы ея были горячи, голова горѣла. Какъ же солнце должно было жечь его!

Она подняла его шапку и прикрыла ему темя.

И снова воцарилась тишина, въ которой слышалось только біеніе мощнаго пульса жизни, словно воздухъ кипѣлъ, словно въ каждомъ стебелькѣ, въ каждой чашечкѣ цвѣтка безконечно тихо звенѣло насѣкомое.

Какъ все это странно: стоитъ она здѣсь одна-одинешенька въ этой тишинѣ, передъ спящимъ, который не сознаетъ, гдѣ онъ и что съ нимъ, и не знаетъ она, что ей предпринять! И чѣмъ дольше смотрѣла на него Магдуся, тѣмъ страннѣе, необычайнѣе становилось у нея на душѣ. Какая-то тяжесть давила ей грудь, какое-то невѣдомое чувство овладѣвало ею— не то страхъ, не то стыдъ. И страхъ становился все сильнѣе, стыдъ — все глубже.

Громко заговорить, запѣть, разбудить его—только не это молчаніе!

И вдругъ она бросилась къ нему, схватила его за плечи и начала изо всѣхъ силъ трясти:

— Антекъ! Антекъ! Вставай... что ты здѣсь лежишь? Что ты... здѣсь лежишь?

Звукъ собственнаго голоса сперва испугалъ ее; но скоро она уже опять кричала и трясла спавшаго.

Онъ пробормоталъ что-то невнятное и слегка приподнялся, но сейчасъ же опять упалъ на землю и запрокинулъ голову назадъ, словно желая вѣчно спать, никогда не проснуться.

— Антекъ!

Вѣки полуоткрылись.

— Что-о-о? Я... я...

Она крѣпко обхватила его здоровой рукой, съ трудомъ приподнимая тяжелое тѣло, и продолжала громко звать его по имени.

На минуту онъ будто пришелъ въ себя и всталъ на ноги, поддерживаемый ея рукой. Но онъ видимо не узнавалъ ея.

— Пастухъ,—пролепеталъ онъ коснѣющимъ языкомъ: — пастухъ! Ну-ка, выпьемъ!

И снова голова его безсильно свѣсилась на грудь.

Совсѣмъ иначе представляла себѣ Магдуся встрѣчу съ этимъ человѣкомъ. Неужто теперь отдать ему эти пять талеровъ? Высказать ему все, что она хотѣла? Но онъ будетъ спать и ничего не пойметъ— онъ мертвецки пьянъ. Къ тому же, дикая ненависть и жажда мести въ ней самой были теперь совершенно вытѣснены другимъ чувствомъ.

Оставить его лежать здѣсь она не могла. Перетащить его куда-нибудь въ тѣнь, чтобы онъ выспался, не рискуя схватить солнечный ударъ?.. Она осмотрѣлась. Лѣсъ былъ недалеко. Но почти на такомъ же разстояніи была и деревня.

И она съ рѣшимостью еще крѣпче подхватила его подъ руки и почти потащила съ собой. Онъ не сопротивлялся.

Потъ струился съ ея лба. Она часто останавливалась, когда рука затекала и нѣмѣла. Добравшись кое-какъ до канавки, на днѣ которой было немного воды, она попробовала зачерпнуть мутной влаги свободной лѣвой рукой. Послѣ многихъ попытокъ это ей удалось. Она освѣжила ему лицо и голову.

Это, дѣйствительно, нѣсколько помогло. Онъ пришелъ въ себя и узналъ ее.

— О, Магдуся,—сказалъ онъ и, когда она его повела дальше, повторилъ:— о, Магдуся!

— Подтянись,—сурово отвѣтила она:—до деревни близко. Ты долженъ идти туда.

Лицо ея теперь горѣло—конечно, отъ жары, отъ напряженія, а можетъ-быть и отъ чего-либо другого.

Она отвернула отъ него взглядъ. Она не хотѣла смотрѣть на него теперь, когда онъ былъ въ ея рукахъ, какъ безпомощный ребенокъ. Недавнее чувство стыда снова овладѣвало ею, но еще съ большею силой.

— Ну, вотъ,—сказала она, наконецъ, и остановилась.

Прошло не менѣе получаса съ тѣхъ поръ, какъ она его подняла. Она не произнесла больше ни слова. Онъ только стоналъ.

— Теперь ты пойдешь домой, къ Ленартовичъ. И чтобъ ты больше не смѣлъ валяться на землѣ. Маршъ!

Въ ея тонѣ звучала угроза. Она выпустила его. Онъ покачнулся, хотѣлъ заговорить.

— Маршъ!—повторила она и подняла руку.

Съ опущенной головой двинулся онъ въ сторону деревни. Онъ шатался изъ стороны въ сторону, но не падалъ, словно поддерживаемый ея приказаніемъ.

Теперь Магдуся не сводила съ него глазъ, стоя на поворотѣ дороги съ скрещенными на груди руками. Когда онъ завернулъ къ домику Ленартовичъ, она съ облегченіемъ вздохнула. Съ минуту она стояла спокойно. Потомъ на ея лбу обозначилась рѣзкая складка.

— Словно я его жена! Рука одеревенѣла!—прошептала она и нѣсколько разъ качнула ею по воздуху.

И она гордо закинула голову назадъ такъ, что поднялись свисшія ей на лобъ безпорядочныя пряди волосъ. Волосы у нея были густые черные, съ синеватымъ отливомъ...

IV

Слѣдующій день была суббота. Когда старый Рыбчинскій спозаранку выходилъ на работу, онъ натолкнулся въ дверяхъ хижины на Магдусю, которая старательно выводила мѣломъ стертыя буквы. Дѣло шло не такъ-то легко: за тѣ годы, что она уже не ходила въ школу, ей всего одинъ разъ пришлось написать свое имя.

Отецъ взглянулъ на ея работу. К и М были уже готовы. Не выходило только В.

— Это трудный святой,—сказала она, стирая новый неудавшійся опытъ.—Ну-ка, татусю, не попробуешь ли ты?

— Отвяжись! Развѣ мои старые пальцы могутъ что-нибудь вывести? А ты знай себѣ пиши! Каждому изъ насъ извѣстно, что̀ ты хочешь написать, а святой и подавно узнаетъ себя.

Съ этими словами онъ вышелъ и хотѣлъ-было ускореннымъ шагомъ направиться по деревенской улицѣ къ барскому двору, откуда уже раздавался призывный звонъ колокола; но, взглянувъ на свой палисадникъ, остановился.

— Эй, Магдуся!

— Въ чемъ дѣло?

— Дрова вышли. Ступай въ лѣсъ за хворостомъ. Лѣсничій ничего не скажетъ, если поймаетъ хорошенькую дѣвушку; тебя вѣдь Богъ красотой не обидѣлъ.

Дочь зѣвнула.

— Посмотрю,—сказала она и взглянула на солнце:—сегодня опять будетъ жарко.

Она чувствовала себя уставшей. Тяжелые сны не дали ей отдохнуть за ночь. То она видѣла, что передъ ея дверью лежитъ съ застывшими глазами мертвый Антекъ, то, что — она его жена и ведетъ его изъ церкви домой, то, что она прыгнула съ необъятной высоты и разбилась о землю.

Теперь только вчерашнее напряженіе сказалось необычайной слабостью во всемъ тѣлѣ. Когда она мылась и причесывалась, правая рука сильно болѣла и была тяжела, словно налитая свинцомъ. Она вчера слишкомъ понадѣялась на нее, таща въ деревню Антека. Еще вчера ве-

черомъ боль сравнительно мало давала себя знать; зато сегодня было невтерпежъ.

А тутъ еще ее посылаютъ въ лѣсъ за хворостомъ,—именно сегодня!

Она со вздохомъ достала веревку, обвернула ее раза два вокругъ бедеръ и медленно пошла.

На травѣ еще сверкала роса. Высоко въ воздухѣ звенѣла пѣсня жаворонка, совсѣмъ исчезавшаго въ синевѣ неба. Мѣстами чернѣли взрытыя за ночь кротомъ кучки земли, рѣзко отличаясь отъ прежнихъ, сѣрыхъ и подсохшихъ.

Магдуся машинально направлялась къ лѣсу; попадавшіеся ей по дорогѣ предметы она и видѣла, и не видѣла. Почти подъ самыми ея ногами юркнула полевая мышка. Протяжный возгласъ рыбака съ Варты, казалось, прозвучалъ надъ ея ухомъ: она даже обернулась.

Тутъ она увидѣла, что кто-то вышелъ вслѣдъ за нею на околицу. Но онъ былъ еще очень далеко.

«Кто бы это могъ бы быть,—подумала она:—не Степанъ ли? Почему бы Степану выйти въ такую рань въ поле!»

Тѣмъ не менѣе, она ускорила шагъ. Ахъ, эта несносная усталость, которая все еще не проходила! Она была словно разбитая послѣ плохо проведенной ночи. Вдобавокъ еще какое-то смутное безпокойство, чувство сильной, но неопредѣленной досады, не переходившей, однако, ни въ гнѣвъ, ни въ душевную боль! Дай она себѣ волю, она могла бы заплакать. Въ пальцахъ рукъ она чувствовала мурашки. Правая рука, къ тому же, мѣшала ей. Не то, чтобы она очень болѣла, но была слаба—слабѣе даже лѣвой, только-что зажившей.

Дойдя до лѣса, она сняла съ себя веревку, бросила ее на землю и принялась собирать хворостъ. Она складывала сухіе сучья, не разгибаясь, словно находила облегченіе въ этой работѣ, отвлекавшей ее отъ нея самой.

Она больше уже не оборачивалась—не хотѣла. Можетъ-быть, и не рѣшалась—изъ какой-то смутной боязни.

Но почему ей бояться Степана—такъ какъ это, несомнѣнно, Степанъ?

И даже когда шаги приблизились, она не оставила своего занятія. Она только удвоила рвеніе, словно ей нужно было набрать запасъ хвороста на цѣлую зиму.

Теперь шаги слышались уже совсѣмъ близко. Вотъ они остановились. Ея сердце стучало съ такой силой, словно готово было разорваться.

— Добраго утра, Магдуся!

Ужасъ охватилъ ее. Хотя она съ самаго начала знала, что за нею шелъ не Степанъ, а Антекъ, тѣмъ не менѣе, когда она услышала его голосъ, когда уже не оставалось надежды на чудо, она дрогнула отъ внезапнаго испуга и остановилась вся трепещущая, все еще не поворачиваясь къ нему.

Отчего бы ей вчера не встрѣтить его такимъ, какъ сегодня! Душевная буря въ ней вчера еще не совсѣмъ улеглась; казалось, ненависть властно расправляла крылья, готовясь къ всесокрушающему полету,—но крылья были подрѣзаны и безсильно повисли. Ей удалось только принять прежній насмѣшливо-задорный видъ, когда она, наконецъ, оглянулась на него черезъ плечо.

— Ага, это ты! Сегодня можешь бѣгать одинъ?

Онъ прислонился къ соснѣ и искоса взглянулъ на нее.

— Ты вчера... меня тамъ подобрала,—сказалъ онъ, указывая рукой вдаль.

— А ты этого еще не позабылъ?—полупрезрительно бросила она, ломая сухую вѣтку

— Забыть—не забылъ; но если ты думаешь, что я тебѣ за это особенно благодаренъ, то ошибаешься.

Она только-что нагнулась, чтобы поднять сучокъ и присоединить его къ па-

бранной уже маленькой связкѣ, когда услышала его слова. Что это значило?.. И она колко возразила:

— Я не гналась за твоею благодарностью и не хочу ея.

— Зачѣмъ же въ такомъ случаѣ ты меня поднимала?

— Ба! Тебя—какъ всякаго другого. На то мы христіане.—И послѣ небольшого молчанія прибавила:

— Мнѣ это было съ руки.

— Но мнѣ нѣтъ!

Она коротко засмѣялась.

— Ну, теперь можешь говорить, что угодно.

Оба замолчали. Магдуся снова начала собирать хворостъ; Антекъ мрачно глядѣлъ прямо передъ собой, стоя у сосны.

— Чортъ побери!—запальчиво крикнулъ онъ черезъ нѣкоторое время.—Всегда эти бабы! Почему ты не дала мнѣ издохнуть, какъ собакѣ? Это было бы для меня самое подходящее. Такъ или сякъ—что-нибудь одно. Долженъ же я околѣть. Все равно отъ меня нѣтъ никакого проку.

Она пожала плечами на его безсвязную рѣчь.

— Посмотримъ, ты не вѣришь? И когда я опять свалюсь, смотри — не вздумай меня поднимать! Что тебѣ за дѣло, если я умру тутъ же, на дорогѣ!

Она стояла передъ нимъ, выпрямившись и откинувъ голову назадъ.

— Успокойся, Антекъ. Умирай хоть три раза — я не пошевелю и пальцемъ. Ты что-то скоро подружился съ водкой. Вкусная она, что ли?

— Вкусная ли? Попробуй сама. Но если я... если я...

— Зачѣмъ ты ее пьешь?—рѣзко перебила она.

— Да что же мнѣ дѣлать? Куда дѣться? Шинокъ на дорогѣ—отлично! Шинкарь кричитъ: «а не зайдешь ли выпить шкаликъ, дружокъ?» Пастухъ киваетъ: «не перекинуться ли намъ въ картишки, братецъ ты мой, не попытать ли счастья? Какая тамъ у тебя работа? Работы никакой нѣтъ,—вотъ, возьми карты!»

— Кто хочетъ, находитъ работу, — возразила Магдуся, съ трудомъ подавляя волненіе.

— Развѣ я не хочу работать? Развѣ я сказалъ: баринъ, я хочу уйти? Прогнали меня; никто не спросилъ, чего я хочу!

Ея глаза загорѣлись. Его упорство задѣвало ее за живое, подливало масло въ огонь; потухшая-было ненависть снова разгорѣлась яркимъ пламенемъ. Теперь, когда парень стоялъ передъ нею, наполовину какъ обвинитель, на нее вновь нахлынули тѣ ощущенія, подъ напоромъ которыхъ она вчера кинулась, какъ затравленный звѣрь, въ поле: вновь гнетущія цѣпи на рукахъ, и сердце готово разорваться отъ злости и гнѣва.

— За что тебя прогнали?—рѣзко крикнула она и далеко швырнула отъ себя собранную связку хвороста.

Онъ засмѣялся.

— Не будемъ... говорить объ этомъ!

Но ея ненависть уже прорвалась.

— Нѣтъ, я хочу говорить!—еще громче крикнула она, сжимая кулаки.—Будемъ говорить объ этомъ! О, я знаю, что ты хочешь сказать! Изъ-за меня ты уволенъ, изъ-за меня сталъ пьяницей, изъ-за меня чуть не издохъ на дорогѣ! Говори это направо и налѣво, кричи каждому въ лицо: Магдуся сдѣлала меня сквернымъ. Почему я вчера бѣжала за тобой? Почему тебя тащила? Потому что я не хочу, чтобы ты изъ-за меня лишался мѣста и жизни! Повѣсься—я подарю тебѣ веревку; но повѣсься не изъ-за меня! Чего ты отъ меня хочешь? Почему ты долженъ всегда имѣть ко мнѣ какое-то отношеніе? Оставь меня въ покоѣ, слышишь!

Послѣднія слова прозвучали дикимъ крикомъ. Она дрожала всѣмъ тѣломъ.

Парень отошелъ отъ дерева.

— Ты должна была бы объ этомъ

раньше подумать,—угрюмо сказалъ онъ:—теперь—слишкомъ поздно!

— Неправда, не поздно!—воскликнула она. Голосъ ея почти хрипѣлъ.—И пусть моя душа навѣки погибнетъ, я хочу, чтобы ты оставилъ меня въ покоѣ, чтобы ты былъ такой, какъ прежде. Тебя прогнали изъ-за меня—должны, ради меня, принять тебя обратно! Въ понедѣльникъ ты пойдешь къ графу, попросишь у него прощенія и снова будешь въ усадьбѣ. Ты пойдешь, Антекъ?

Онъ только засмѣялся.

Она отерла рукавомъ свой вспотѣвшій лобъ.

— И ты больше не долженъ пить ни капли, какъ не пилъ раньше. Не водись и съ пастухомъ — я этого не хочу! Ты долженъ быть опять порядочнымъ человѣкомъ, какъ прежде! Тогда мы квиты. Ты пойдешь къ графу?

— Нѣтъ.

— Ты пойдешь, говорю тебѣ. И бросишь водку!

Онъ быстро схватился за вѣтку лѣсного орѣшника и сломалъ ее.

— Водка мнѣ нужна. Я не позволю себѣ приказывать. Отыщи-ка меня сегодня подъ вечеръ! Пастухъ уже ждетъ.

На мгновеніе кровь съ такой силой прилила ей къ головѣ, что она не могла говорить.

— Такъ продолжай бездѣльничать!—почти взвизгнула она потомъ.—Околѣвай, какъ скотина! Вотъ — можешь получить свои деньги, пять талеровъ. Купи себѣ на нихъ водки и налопайся! Вотъ, бери... вотъ!..

Она сунула руку въ карманъ за деньгами, чтобы бросить ихъ ему въ безстыжее лицо, и вдругъ поблѣднѣла, какъ смерть.

«Пять талеровъ—гдѣ эти... пять талеровъ? Не мать ли... ночью?..»

Лихорадочная дрожь прошла по ея тѣлу. Что-то въ ней словно надломилось. Ея ненависть приготовилась къ прыжку, и вотъ теперь—осѣчка! Внезапное сознаніе своего безсилія пришибло ее, какъ ударъ; изъ-за безсилія поднимался стыдъ, а изъ-за стыда—эта безграничная усталость, которую она такъ долго подавляла и которая послѣ пережитаго потрясенія вернулась теперь съ новой силой.

Едва держась на ногахъ, она повернулась, прошла нѣсколько шаговъ, словно ища хворосту, и вдругъ, собравъ послѣднія силы, бросилась бѣжать—все дальше и дальше въ глубь лѣса.

Какъ долго она бѣжала,—она и сама не могла бы сказать. Дыханіе со свистомъ вырывалось изъ ея груди, она поминутно спотыкалась, падала, опять поднималась и летѣла дальше, пока, наконецъ, ноги не отказались ей служить.

Тогда она бросилась навзничь на землю. Она задыхалась; отъ времени до времени все ея тѣло потрясали судорожныя рыданія. Лишь постепенно они перешли въ безпомощный плачъ, порой переходившій въ рыданія.

Вотъ чѣмъ дѣло кончилось. Она лежитъ здѣсь, безсильная и упавшая духомъ, всѣми покинутая, даже гнѣвомъ и ненавистью, тогда какъ онъ, котораго она хотѣла наказать, стоитъ себѣ тамъ, какъ ни въ чемъ не бывало, и знать ничего не хочетъ. Вотъ такъ побѣдительница!

Она не слышала шелеста вѣтокъ, треска сухихъ сучьевъ подъ сильными ногами приближавшагося человѣка, пока онъ не очутился рядомъ съ нею и не назвалъ ее по имени.

Еще и это униженіе! Теперь ужъ некуда бѣжать.

Когда онъ къ ней нагнулся, она еще разъ попыталась съ обычнымъ упрямствомъ отогнать его. Не поднимая головы, она толкнула его такъ, что онъ принужденъ былъ податься назадъ.

Оба молчали. Надъ ними таинственно шумѣлъ лѣсъ. Въ чащѣ звенѣла малиновка, стоялъ немолчный гомонъ птицъ. Какой-то храбрый зябликъ отважился сѣсть на совсѣмъ низкую вѣтвь и, забавно поворачивая головку, нѣсколько

времени поглядывалъ оттуда на безмолвную и недвижную чету людей.

Плачъ дѣлался все тише. Казалось, потокъ слезъ смылъ всю накопившуюся злобу и гнѣвъ. Всхлипыванія умолкли.

— Магдуся,—еще разъ сказалъ парень и снова нагнулся къ ней. Но она совсѣмъ спрятала лицо въ руки.

Но вотъ онъ нагнулся еще ниже—порывистое движеніе, легкій крикъ, и онъ поднялъ ее съ земли и взялъ, какъ дитя, на руки.

Ея заплаканные глаза обратились на него почти съ ужасомъ.

— Пусти меня!

— Ты меня вчера такъ же тащила,—отвѣтилъ онъ.

Онъ чувствовалъ приливъ необычайной силы. Она была дюжая дѣвушка, и не легко было ее нести. Однако, онъ несъ свою ношу назадъ черезъ лѣсъ все скорѣе и скорѣе, словно опьяненный сознаніемъ своей силы, и прижималъ ее къ себѣ, словно хотѣлъ раздавить.

— Пусти... мнѣ больно!

— Я люблю тебя!—прошепталъ онъ, глядя на нее.

Она закрыла глаза, усталая, безвольная. Снова ее охватило чувство полнаго безсилія; но оно уже не было мучительнымъ,—вѣдь въ рукахъ, такъ бережно ее несшихъ, она была въ безопасности. Все ея существо было проникнуто этимъ блаженнымъ чувствомъ слабости.

— Я люблю тебя!—опять и опять шепталъ Антекъ, потомъ нагнулся къ ея губамъ и поцѣловалъ ихъ.

— Не хочу!—лепетала она, слабо отбиваясь. Она могла произнести только эти два слова. Глаза ея были закрыты.

Вдругъ вѣки ея поднялись, и она съ мольбою взглянула на него.

— Ты больше... не будешь пить, Антекъ?

— Какъ хочешь, мое сокровище. Я люблю тебя!

— И въ понедѣльникъ... пойдешь къ графу?

Онъ нахмурился.

— Чтобы опять прогнали?

— Этого не будетъ. Я завтра... скажу графинѣ, что я... уйду вмѣстѣ съ тобой, если ты уйдешь, потому что... потому что изъ-за меня—ну, словомъ ты знаешь. А графиня скупа. Она меня не отпуститъ. Городская парикмахерша стóитъ дорого. И если она скажетъ это графу, а ты, съ своей стороны, пойдешь извиниться передъ нимъ, то онъ непремѣнно... возьметъ тебя назадъ, потому что онъ и самъ знаетъ, что лучшаго кучера ему не найти. Сдѣлаешь такъ?

Онъ остановился, не спуская ея съ рукъ. Впереди уже виднѣлись брошенныя связки хвороста.

— Чтобы мы поквитались?—спросилъ онъ, глядя на нее наполовину боязливо, наполовину съ недовѣріемъ.

— Да.

— А потомъ?

Она ничего не отвѣтила, только посмотрѣла на него снизу вверхъ.

— Пойдешь за меня? Да? — радостно воскликнулъ онъ.—О, Магдуся, Магдуся!

Его губы жадно искали ея губъ.

— Не хочу,—чуть слышно шепнула она еще разъ.—Не... хочу...

И, закинувъ ему за шею обѣ руки, она страстно поцѣловала его...

Остается досказать немногое. Въ понедѣльникъ графиня вышла къ утреннему чаю въ духѣ, потому что Магдуся спозаранку, какъ всегда, причесала ее. Графъ пришелъ въ столовую, напѣвая, довольный, въ свою очередь, тѣмъ, что въ городъ не нужно больше посылать его бѣговыхъ дрожекъ. На лицѣ Магдуси играла улыбка, къ чему окружающіе совсѣмъ ужъ не были пріучены. А послѣ обѣда на козлахъ дрожекъ, въ которыхъ графъ ѣхалъ въ городъ, сидѣлъ Антекъ въ старой ливреѣ.

Шинкарь, два дня спустя, хотѣлъ-было его заманить.

— Эй, Антекъ, не завернешь ли? Па-

стухъ тебя поджидаетъ, да и свѣжую водочку только-что привезли,—хорошая водочка, право же!

Но Антекъ отрицательно покачалъ головой.

— Я знаю кое-что получше, хозяинъ. А пастухъ пусть не ждетъ,—онъ только время потеряетъ.

Съ этими словами онъ ушелъ.

Когда жатва уже давно кончилась и ноябрьскій вѣтеръ свободно разгуливалъ по обнаженнымъ полямъ, помощникъ эконома разъ какъ-то утромъ подозвалъ Антека.

— Ну, каково у васъ дома, милѣйшій? Впрочемъ, достаточно взглянуть на ваше лицо. А хорошо, что вы вернулись! Въ кучерскомъ дѣлѣ все бываетъ. Графу никто не угодитъ.

— Ну,—отвѣчалъ сіяющій Антекъ:—я надѣюсь, что съ Божіею помощью меня еще хватитъ лѣтъ на двадцать, по крайней мѣрѣ. До тѣхъ поръ я постараюсь хорошо возить графа. А потомъ, съ вашего позволенія, снова сядетъ на козлы другой, но уже молоденькій, который будетъ возить въ тысячу разъ лучше меня. Объ этомъ графъ пусть ужъ мнѣ предоставитъ позаботиться.

Помощникъ эконома засмѣялся.

— Молодецъ, Антекъ,—у васъ хорошо это задумано. Поклонитесь отъ меня вашей женѣ, Магдусѣ. Ай-ай, какою кроткою стала бѣшеная!

* * *

Какъ безмолвенъ этотъ вечеръ,
Упоённый нѣгой лѣтней!
Съ каждымъ часомъ, съ каждымъ мигомъ
Всё онъ тише, всё привѣтнѣй...

Пламя зорьки догорѣло
Надъ пустыннымъ перелѣскомъ;
Но еще мерцаетъ западъ
Переливнымъ алымъ блескомъ

Словно врѣзалися въ небо
Сосенъ темныя вершины;
Задымилася росою
Глубь задумчивой долины.

Изъ-за лѣсу ночь выходитъ.
Ночь ведетъ толпы видѣній,
Убаюкивая думы
Въ колыбели настроеній.

Вся она полна истомы,
Вся призывомъ страсти дышитъ...
Сердце, бейся!.. Насъ разсудокъ
И не видитъ, и не слышитъ...

А. Коринфскій.

Что новаго въ литературѣ?

Критическіе очерки Р. И. Сементковскаго.

Какъ мы завоевываемъ нѣмцевъ и какъ нѣмцы насъ завоевываютъ.—Повѣсти г. Тихонова и Покровскаго.—Г. Кони о современныхъ нашихъ судебныхъ дѣятеляхъ.—Строгій приговоръ надъ ними.—Каѳедра судебной этики.—Могутъ ли насъ спасти общія руководящія начала.—О «льности» чиновниковъ.—Безвыходное положеніе нашей интеллигенціи и повѣсть г. Вересаева.—Служеніе богу и маммонѣ.—«Умирающій талантъ» г. Лугового.—Судебные дѣятели, чиновники, писатели служатъ не богу, а маммонѣ.—Объ издателяхъ, редакторахъ, критикахъ и читателяхъ.—Какъ г. Гинцбургъ сдѣлался скульпторомъ.—Два слова объ угожденіи публикѣ.—Практическое дѣло и идеальныя стремленія.—Южный берегъ Крыма и наши курорты.

I.

Очень интересный выводъ получается при чтеніи только-что появившихся двухъ русскихъ повѣстей. Одна изъ нихъ принадлежитъ г. В. Тихонову; она вышла отдѣльнымъ изданіемъ и озаглавлена: «Какъ завоевали нѣмца». Другая написана г. Покровскимъ, окончена печатаніемъ въ іюньской книжкѣ «Вѣстника Европы» и озаглавлена: «Культурное болото». Въ этихъ двухъ повѣстяхъ заводу и фабричной дѣятельности отведено значительное мѣсто. Въ повѣсти г. Покровскаго одно изъ дѣйствующихъ лицъ, директоръ большого завода, въ заключеніе говоритъ: «Вы увидите, заводъ Бородавкина перейдетъ къ иностранцу». Въ повѣсти г. Тихонова обширное коммерческое предпріятіе, основанное крупнымъ русскимъ заводчикомъ, хотя и носитъ громкое названіе «торговаго дома братьевъ Шабалиныхъ, Рѣзникова и К-°», тоже оказывается въ рукахъ нѣмца, потому что Андрей Рѣзниковъ, завѣдующій этимъ предпріятіемъ, — нѣмецъ; настоящее его имя: Гейнрихъ Рейзенгофъ.

Однако, г. Тихоновъ озаглавилъ свою повѣсть: «Какъ завоевали нѣмца». По его мысли, значитъ, не нѣмецъ завоевалъ крупное русское промышленное предпріятіе, а, наоборотъ, русскіе завоевали нѣмца. Это требуетъ поясненія.

Гейнрихъ Рейзенгофъ пріѣхалъ въ Россію искать счастья въ качествѣ гувернера. Поступаетъ онъ въ домъ къ помѣщику, женатому на дочери крупнаго заводчика. Этотъ нѣмецъ настроенъ идеалистически: идеализмъ одного изъ профессоровъ Рейзенгофа, стараго Лидерса, оставилъ неизгладимый слѣдъ въ его душѣ. Поступивъ въ домъ къ русскому помѣщику, онъ влюбляется въ миловидную его дочь. Но изъ этого романа ничего не выходитъ. Дочь уже помолвлена съ другимъ. А тутъ встрѣчается простая, полуграмотная русская мѣщаночка, которая, въ свою очередь, влюбляется въ Рейзенгофа и приноситъ себя всецѣло ему въ жертву. Онъ заболѣваетъ: она ухаживаетъ за нимъ съ самоотверженіемъ, на какое только способна русская любящая женщина. Постепенно Рейзенгофъ втягивается въ русскую жизнь. Онъ видитъ, сколько душевныхъ качествъ у русскихъ людей, знакомится съ русскою литературою и убѣждается, что она проникнута всецѣло тѣмъ духомъ, которымъ былъ проникнутъ и его любимый нѣмецкій профессоръ Лидерсъ.

Проходитъ много лѣтъ. Ученикъ Рейзенгофа—уже офицеръ и, возвратившись съ войны (1877—78 гг.), разсказываетъ о сраженіяхъ, въ которыхъ участвовалъ, о чудесахъ храбрости, которыя проявляли русскіе солдаты вообще, а драгуны его полка въ особенности. Андрей Ивановичъ Рѣзниковъ, т. е. бывшій Рейзенгофъ, слушаетъ и тихо улыбается. «Эхъ, господа, господа,—говоритъ онъ наконецъ: — все это такъ, конечно; все это доблестно. Но мирныя завоеванія неизмѣримо почтеннѣе и прочнѣе. Вонъ сколько вы плѣнныхъ взяли, а вѣдь всѣ они назадъ уйдутъ и ушли даже, а уйдутъ—кто знаетъ—можетъ-быть, и опять врагами сдѣлаются и, можетъ-быть, еще болѣе непримиримыми, какъ, напримѣръ, французы, побывавшіе въ плѣну у нѣмцевъ. А вотъ меня моя Саша (та простая мѣщаночка, о которой я упоминалъ), завоевала, да вѣдь какъ просто, какъ тихо: одной любовью, да ласкою. И я уже весь вашъ. Никогда не уйду, никогда васъ не оставлю... И я не одинъ. Много насъ такихъ, мирно завоеванныхъ. Но мы не плѣнники, а друзья и братья, и самые вѣрные братья лаской и любовью завоевавшихъ насъ. «Взятое силой силою и отторгнется; взятое любовью вѣчно и неразрывно». Такъ говорилъ мой добрый старый Лидерсъ. Такъ говорятъ

и наши русскіе Лидерсы, проповѣдники добра, правды и любви».

Во время его рѣчи въ столовой какъ-то всѣ притихли и внимательно слушали Андрея Ивановича. Александра Степановна, т. е. все та же Саша, сидѣла, потупившись, и, когда Андрей Ивановичъ, поднявъ рюмку, сказалъ: «Ну, выпьемъ за здоровье моей побѣдительницы», — изъ глазъ Александры Степановны брызнули слезы. Всѣ закричали: «ура!» и бросились цѣловать ее.

Какое прекрасное завоеваніе! И кто изъ русскихъ людей не подпишется обѣими руками подъ изреченіемъ стараго нѣмецкаго профессора, что взятое силой силою и отторгнется и только взятое любовью—вѣчно и неразрывно? Авторъ указываетъ намъ на тотъ видъ обрусѣнія, который наиболѣе дорогъ сердцу всякаго русскаго просвѣщеннаго человѣка. Однако, завоеванный любовью нѣмецъ Рейзенгофъ, въ свою очередь, завоевалъ крупное русское коммерческое предпріятіе. Но пусть читатели не подумаютъ, что онъ завоевалъ его для личной наживы. Нѣтъ, меркантильный разсчетъ былъ совершенно чуждъ душѣ Андрея Ивановича, и если онъ завѣдывалъ этимъ предпріятіемъ, то преимущественно потому, что заботился объ интересахъ бывшихъ своихъ воспитанниковъ, которые въ коммерческихъ дѣлахъ, какъ водится у русскихъ интеллигентныхъ людей, ничего не смыслили и, вѣроятно, погубили бы предпріятіе, если бы Андрей Ивановичъ не былъ поставленъ во главѣ его.

Но почему же бывшій гувернеръ-идеалистъ Гейнрихъ Рейзенгофъ или Андрей Ивановичъ оказался способнымъ управлять крупнымъ предпріятіемъ? Авторъ выясняетъ намъ и этотъ вопросъ, хотя не съ тою обстоятельностью, какой онъ заслуживаетъ. Дѣло въ томъ, что дѣдъ воспитанниковъ Рейзенгофа, Савва Захаровичъ Гордымовъ, крупный русскій заводчикъ, вышедшій изъ крестьянъ, долго присматривался къ гувернеру своихъ внуковъ и пришелъ къ заключенію, что въ немъ есть именно тѣ качества, которыя болѣе всего нужны практическому дѣятелю,—энергія, выдержка, сознаніе нравственнаго долга или, проще говоря, порядочность, честность. Поэтому онъ въ своемъ выборѣ, будучи русскимъ человѣкомъ до мозга костей, останавливается на нѣмцѣ. Онъ дорожитъ прежде всего дѣломъ, лишенъ національныхъ или другихъ предразсудковъ. Онъ хочетъ, чтобы дѣло, воздвигнутое имъ съ затратою большихъ умственныхъ силъ и многолѣтняго упорнаго труда, не рушилось, чтобы оно процвѣтало, приносило пользу и своимъ хозяевамъ, и тѣмъ многочисленнымъ работникамъ, которые находятъ себѣ въ немъ матеріальное обезпеченіе. И вотъ онъ, оглядываясь кругомъ, не находитъ болѣе вѣрнаго и умѣлаго работника на этой нивѣ, какъ обрусѣлаго нѣмца Рейзенгофа, а вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдній и завоевываетъ крупное русское коммерческое предпріятіе.

Въ этомъ скромномъ бывшемъ нѣмецкомъ гувернерѣ, значитъ, есть и идеальныя стремленія, есть, однако, и то, чѣмъ крѣпка практическая дѣятельность, есть порывы, воодушевлявшіе лучшихъ нашихъ писателей, есть и тѣ качества, безъ которыхъ практическій дѣятель немыслимъ. И въ этомъ отношеніи нѣмецъ Рейзенгофъ удивительно какъ напоминаетъ собою дѣда его воспитанниковъ, вышедшаго изъ мужиковъ, Савву Захаровича Гордымова. Несмотря на все ихъ внѣшнее различіе, они по существу удивительно какъ схожи. Есть въ нихъ способность найтись въ жизни, энергично отстаивать задуманное дѣло, посвящать ему всѣ свои силы, изыскивать средства и способы его процвѣтанія, и въ то же время въ обоихъ есть и большая нравственная сила. Разница тутъ только въ томъ, что если у старика Гордымова, источникъ этой силы—вѣра, Богъ, то у Рейзенгофа источникомъ ея служитъ философія, литература въ лицѣ лучшихъ ея представителей, сердце которыхъ тоже всецѣло принадлежало богу правды, справедливости, добра.

Кто, однако, рѣшится сказать, что въ Россіи Гордымовыхъ много, т. е. что въ ней много такихъ людей, которые имѣютъ въ душѣ живого бога и въ то же время умѣютъ удовлетворять и практическимъ требованіямъ жизни? Если у насъ, въ Россіи, человѣкъ— практикъ, то не ищите у него въ душѣ бога: его тамъ нѣтъ. Напротивъ, по нашему мнѣнію, для того, чтобы быть практикомъ, надо прежде всего изгнать изъ души бога. Нельзя служить одновременно и богу, и маммонѣ. И, повторяя это старое изреченіе, мы никогда не спрашиваемъ себя, — дѣйствительно ли всякое практическое дѣло представляетъ собою служеніе маммонѣ, и нельзя ли, служа практическому дѣлу, сохранить въ душѣ и живого бога?

II.

Но предоставимъ тутъ на время слово г. Кони. Въ его статьѣ о судебной этикѣ, помѣщенной въ «Вопросахъ философіи и психологіи», онъ указываетъ на возвышенное настроеніе первыхъ дѣятелей по судебной реформѣ. Но, продолжаетъ онъ: «послѣдующія поколѣнія не испытали уже того возвышеннаго духовнаго настроенія и строгости къ себѣ, съ которымъ тогдашніе піонеры и нынѣшніе ветераны судебнаго дѣла брались за святое дѣло отправленія правосудія. Идеалы посте-

пенно начали затемняться, и нравственныя задачи—отходить на заднiй планъ. *Служенiе* правосудiю понемногу начинаетъ обращаться въ *службу* по судебному вѣдомству, которая отличается отъ многихъ другихъ лишь своею тяжестью и сравнительно слабымъ матерiальнымъ вознагражденiемъ. Надо вновь разъяснить эти идеалы, надо поставить на первое мѣсто нравственныя требованiя и задачи. Это — дѣло университетскаго преподаванiя. Университетъ—эта alma mater своихъ питомцевъ — долженъ напоить ихъ здоровымъ, чистымъ и укрѣпляющимъ молокомъ общихъ руководящихъ началъ. Въ практической жизни, среди злободневныхъ вопросовъ техники и практики, объ этихъ началахъ придется слышать имъ уже рѣдко».

Строгiй приговоръ произноситъ почтенный авторъ надъ дѣятелями судебнаго вѣдомства; но онъ въ то же время предлагаетъ и средство лѣченiя. Чтобы вдохнуть въ душу судебныхъ дѣятелей живого бога, надо учредить въ университетахъ каѳедру судебной этики. Тогда, по мнѣнiю г. Кони, будущiе судебные дѣятели, напитавшись «здоровымъ, чистымъ и укрѣпляющимъ молокомъ общихъ руководящихъ началъ», окажутся способными побороть «обычные низменные соблазны и стимулы дѣйствiй», въ родѣ «наживы, карьеры, самодовольства удовлетвореннаго самолюбiя, тоски неудовлетвореннаго тщеславiя и т. п.».

Спрашивается, однако, дѣйствительно ли наши университеты нисколько уже не заботятся о томъ, чтобы напоить своихъ питомцевъ укрѣпляющимъ молокомъ общихъ руководящихъ началъ? Мнѣ кажется, что это—незаслуженный упрекъ по адресу нашихъ университетовъ: ихъ скорѣе можно упрекнуть въ томъ, что они слишкомъ мало обращаютъ вниманiя на практическiя требованiя жизни и придаютъ слишкомъ большую цѣну именно общимъ руководящимъ началамъ. Но даже если бы этотъ упрекъ былъ справедливъ, то, кажется, наша университетская молодежь запасается укрѣпляющимъ молокомъ общихъ руководящихъ началъ въ достаточной мѣрѣ изъ другихъ источниковъ. Собственно образованiе, которое до сихъ поръ получала наша молодежь, особенно въ 60-е и 70-е годы, было въ значительной степени построено на усвоенiи руководящихъ началъ, т. е. имѣло теоретическiй характеръ. Однако, это нисколько не избавило судебныхъ дѣятелей отъ подчиненiя «низменнымъ соблазнамъ и стимуламъ дѣйствiй».

То же явленiе наблюдается и въ другихъ сферахъ интеллигентнаго труда. Еще недавно одна изъ столичныхъ газетъ подробно обсуждала вопросъ о «лѣности» служащихъ вообще. «Удивительно,—писала она:—какъ мало у насъ развито «любительство» въ трудѣ, своеохотная готовность къ требуемому прибавить и излишнее, личное, новое. Иногда думается, что вычеркни изъ закона и разныхъ служебныхъ регламентовъ формальныя требованiя минимума работы, минимума часовъ службы, и на другой же день множество служащихъ не вышло бы вовсе изъ дому». «У насъ,—продолжаетъ разсуждать газета:—начальникъ дистанцiи только проѣзжается на дрезинѣ въ то время, какъ на западѣ, онъ «не менѣе трехъ разъ въ мѣсяцъ проходитъ пѣшкомъ по своему участку. Докторъ не войдетъ лишнiй разъ въ палату посмотрѣть трудно больного, учитель не сдѣлаетъ лишняго труда, чтобы сохранить для училища талантливаго ученика. Вездѣ русскiй человѣкъ по службѣ точно считается, мѣряется со служебнымъ мѣстомъ и, какъ лавочникъ покупателя, старается обмѣрить свою службу». Газета въ виду этого печальнаго положенiя дѣлъ предлагаетъ выдавать особенныя награды чиновникамъ или служащимъ за лишнiй трудъ и этимъ путемъ думаетъ устранить ихъ «лѣность».

Однако, болѣе или менѣе всѣ эти служащiе и чиновники отвѣдали въ учебныхъ заведенiяхъ укрѣпляющаго молока руководящихъ началъ, и, тѣмъ не менѣе, эти руководящiя начала не избавили ихъ отъ чисто-формальнаго отношенiя къ своимъ обязанностямъ. Спросимъ себя далѣе: что дали эти начала нашей интеллигенцiи вообще? Вотъ, что говоритъ по этому поводу литературный критикъ журнала: «Образованiе», разбирая послѣднюю повѣсть г. Вересаева: «На поворотѣ». «Никогда еще интеллигенцiя не была въ такомъ скитальческомъ положенiи, какъ теперь... когда она на практикѣ теряетъ свое важное преимущество единственнаго мыслящаго класса, когда она оказывается почти не у дѣлъ въ колоссальномъ, исподволь совершающемся процессѣ. Нѣтъ, никогда положенiе интеллигенцiи не было такъ тягостно и ложно, какъ въ переживаемую нами эпоху. Если, сходя съ классовой точки зрѣнiя, интеллигентъ долженъ констатировать извѣстный, можетъ-быть, и не особенно большой прогрессъ, то, оставаясь на таковой, онъ долженъ испытывать только чувство отчаянiя. При такихъ условiяхъ человѣкъ, который говоритъ: «я—интеллигентъ и хочу прежде всего вѣрить въ себя»,—долженъ отказаться либо отъ своей вѣры, либо отъ марксистской доктрины почти цѣликомъ. Но въ пользу чего онъ можетъ отказаться? Въ лучшемъ случаѣ въ пользу скептицизма; кромѣ скептицизма онъ можетъ попасть въ объятiя развѣ только декадентства, нацiонализма и другихъ, въ итогѣ реакцiонныхъ, теченiй. Скептицизмъ иногда бываетъ весьма животворной силой, расчищая путь къ новому, но далеко не

всегда. Къ тому же онъ всегда очень тягостенъ. Въ такомъ приблизительно положеніи находится въ наше время прогрессивная интеллигенція на Руси... Нуженъ поворотъ, и весьма возможно, что мы, дѣйствительно, на поворотѣ. Но будетъ ли найденъ этотъ поворотъ; не будемъ ли мы безконечно топтаться на одномъ мѣстѣ, изнывая и погибая? Наконецъ, если поворотъ будетъ найденъ, то каковъ онъ будетъ? Обо всемъ этомъ мы не узнаемъ ничего изъ повѣсти г. Вересаева. Подобно большинству нашихъ беллетристовъ и публицистовъ, онъ умѣетъ показать, въ какія дебри мы зашли, но не умѣетъ найти изъ нихъ выхода. Да и есть ли этотъ выходъ?»

Правда ли, что наши беллетристы и публицисты выхода не нашли и не указываютъ? Нѣтъ, это—вопіющая неправда. Выходъ указывался и беллетристами, и публицистами съ большою настойчивостью въ теченіе всей второй половины истекшаго вѣка и даже раньше. Но бѣда въ томъ, что интеллигенція, по крайней мѣрѣ прогрессивная ея часть, этого выхода понять не хочетъ или не можетъ, и потому ея положеніе, дѣйствительно, очень тягостно. Если судебные дѣятели не испытываютъ теперь уже «возвышеннаго настроенія и строгости къ себѣ», если громадное большинство служащихъ и чиновниковъ проявляютъ «лѣность» и нуждаются въ особенномъ поощреніи, чтобы дѣятельно исполнять свои обязанности, если формальное отношеніе къ служебному долгу составляетъ у насъ правило, то какъ же объяснить себѣ это иначе, какъ неспособностью русскаго интеллигентнаго человѣка влагать въ практическое дѣло живую душу? Собственно громадное большинство русскихъ интеллигентовъ, несмотря на усвоеніе «общихъ руководящихъ началъ», несмотря на нигилизмъ, скептицизмъ, соціализмъ, марксизмъ, національизмъ и всѣ эти измы, черезъ которые они прошли, смотрятъ на непосредственныя свои служебныя обязанности исключительно съ точки зрѣнія дойной коровы, которая питаетъ ихъ молокомъ не руководящихъ началъ, а молокомъ ежемѣсячнаго приличнаго вознагражденія. Нѣтъ живой души въ томъ практическомъ дѣлѣ, которому они призваны служить, а безъ такого дѣла не можетъ существовать ни общество, ни государство, потому что безъ него никакіе культурные успѣхи въ странѣ немыслимы. А между тѣмъ, именно къ этому-то дѣлу русская интеллигенція относится чисто-формально, усматривая въ немъ преимущественно лишь заработокъ и полагая весь смыслъ достойнаго существованія въ перечисленныхъ нами измахъ, которые, по большей части, съ жизнью ничего общаго не имѣютъ.

III.

Но зачѣмъ намъ говорить о служащихъ и чиновникахъ. Посмотримъ, какъ относится къ своему дѣлу даже цвѣтъ нашей интеллигенціи, — писатели, съ внутреннею жизнью одного изъ которыхъ насъ знакомитъ г. Луговой въ своей характерной повѣсти: «Умеръ талантъ».

На что, собственно, жалуется этотъ умирающій талантъ? Жалуется онъ на то, что его обижали и издатели, и редакторы, и общество, платя ему слишкомъ мало за его замѣчательныя произведенія. «Мы все еще никакъ не можемъ понять, — говоритъ умирающій писатель:—что каждый литературный талантъ есть народное достояніе, что онъ—одно изъ слагаемыхъ государственнаго капитала. Намъ еще кажется страннымъ, какъ это можно требовать, чтобы общество обезпечило безбѣдное существованіе писателю только за то, что онъ пишетъ. Мы понимаемъ огромное жалованье для чиновниковъ, у которыхъ во всю жизнь не было двухъ собственныхъ мыслей. Мы понимаемъ огромныя пенсіи для людей, всѣ заслуги которыхъ ограничивались аккуратнымъ исполненіемъ того, что не ими было придумано, не ими заведено. Но писатель... человѣкъ, который не занимается ничѣмъ, кромѣ посредничества между землею и небомъ, кромѣ рожденія новыхъ идей, за эксплуатацію которыхъ другіе будутъ получать потомъ полными пригоршнями всѣ блага земныя... что такое писатель? Чужеядное растеніе! Паразитъ!»

Умирающій талантъ приводитъ и примѣры: Достоевскій боролся до конца своихъ дней съ нуждою, Гоголь жилъ подачками и т. д. Но почему онъ не упоминаетъ о томъ, что другого рода таланты, не писательскіе, а музыкальные, напримѣръ, получаютъ громадные куши за исполненіе того, что не ими было придумано, не ими заведено, почему онъ, съ другой стороны, не упоминаетъ о томъ, что земледѣльческіе работники, составляющіе несомнѣнно тоже «одно изъ слагаемыхъ государственнаго капитала», часто у насъ голодаютъ. Должно-быть, это противорѣчило бы до нѣкоторой степени его разсужденіямъ. Впрочемъ, нѣтъ! Умирающій талантъ самопротиворѣчій нисколько не боится. Такъ, онъ называетъ писателя «человѣкомъ, который ничѣмъ не занимается, кромѣ посредничества между землей и небомъ»; но черезъ нѣсколько страницъ оказывается, что между писателями очень много «проститутокъ не только таланта и ума, но и совѣсти». Странное посредничество между землею и небомъ! Но оставимъ противорѣчія и предложимъ вопросъ по существу. Кто же, собственно, будетъ оцѣнивать писателя? Кто будетъ опредѣлять, къ

какой категоріи онъ принадлежитъ: къ посредникамъ ли между небомъ и землею или къ проституткамъ таланта, ума и совѣсти? Цѣнители искусства, критики? Но умирающій талантъ ни въ грошъ ихъ не ставитъ. Въ критикѣ существуютъ, по его мнѣнію, только два настроенія: «забавническо-ругательное и кисло-гражданское». «У насъ совсѣмъ нѣтъ оцѣнки художественной литературы»,—восклицаетъ умирающій талантъ. Редакторы? Но и они на это неспособны. «Надо сказать правду: — категорически заявляетъ умирающій талантъ: — что трудно найти людей болѣе непросвѣщенныхъ по части современной литературы, чѣмъ редакторы журналовъ: кто изъ насъ не знаетъ, что они не читаютъ ничего, кромѣ рукописей, поступающихъ въ ихъ журналъ, не считая тѣхъ, которыя они возвращаютъ не прочитанными.» Значитъ, и редакторовъ по боку. Но въ такомъ случаѣ кто же будетъ оцѣнивать писателя, кто будетъ устанавливать, заслуживаетъ ли онъ значительнаго матеріальнаго вознагражденія, субсидіи и пенсіи, или не заслуживаетъ? Читатели, общество, толпа? Нѣтъ, и они совершенно на это дѣло неспособны. «Толпа, — вѣщаетъ умирающій талантъ: — должна служить для поэта не судьею, а только приносительницей жертвъ на его алтарь за тотъ свѣтъ, который онъ съ своей высоты проливаетъ надъ нею». Значитъ, никто не можетъ установить, заслуживаетъ ли писатель матеріальной поддержки. Но если это никѣмъ не можетъ быть установлено, кромѣ самого писателя, желающаго получать значительное вознагражденіе за свой трудъ, то, очевидно, весь этотъ вопросъ становится празднымъ, т. е. онъ практически не можетъ быть рѣшенъ.

Къ тому же не пора ли сдать примѣры Достоевскаго, Гоголя и др. въ архивъ? Развѣ мы не видимъ теперь на каждомъ шагу, что писатели, которымъ во всякомъ случаѣ очень далеко до Достоевскаго, а тѣмъ болѣе до Гоголя, зарабатываютъ литературнымъ трудомъ внушительные куши, даже составляютъ себѣ состояніе? Ну, а если не составляютъ, то по собственной винѣ, потому что, какъ выражался знаменитый государствовѣдъ Лоренцъ фонъ-Штейнъ, человѣческія потребности неограниченны, а средства ихъ удовлетворенія очень ограниченны. Мнѣ кажется, что умирающій талантъ поступилъ бы гораздо правильнѣе, если бы, вмѣсто всѣхъ своихъ сомнительныхъ разсужденій, подвелъ бы просто итогъ гонорару, заработанному имъ литературнымъ трудомъ. Тогда мы имѣли бы твердую почву для рѣшенія вопроса, насколько издатели и редакторы его обидѣли. Если бы, напримѣръ, оказалось, что этотъ гонораръ составлялъ 2—3 тысячи въ годъ,—что знакомому съ литературнымъ рынкомъ покажется весьма правдоподобнымъ, такъ какъ умирающій талантъ имѣлъ успѣхъ и его охотно печатали,—то для всякаго станетъ ясно, что онъ совершенно напрасно такъ сильно напираетъ на матеріальную необезпеченность русскаго писателя, что, собственно, всѣ его разсужденія вызваны чувствомъ зависти и именно тѣмъ, что у него въ душѣ живого бога нѣтъ,—нѣтъ истиннаго стремленія къ красотѣ и истинѣ, внутренней готовности пожертвовать всѣмъ для того, чтобы служить единственно богу. Жаль, что умирающій талантъ не дожилъ до появленія автобіографическаго очерка скульптора Гинцбурга: «Какъ я сдѣлался скульпторомъ», («Міръ Божій», май и іюнь). Во всемъ этомъ очеркѣ нѣтъ жалобъ на матеріальную необезпеченность, хотя г. Гинцбургъ постоянно боролся съ нуждою. Но борьба эта скрашивалась для него сознаніемъ и обаяніемъ служенія богу своего искусства, и ему, конечно, кажется и недостойнымъ, и меркантильнымъ сѣтовать на недостаточность гонорара, который онъ выручалъ отъ своего высокаго служенія. Когда онъ лѣпилъ свои статуэтки или статуи, истиннымъ вознагражденіемъ для него было чувство удовлетворенія, которое онъ испытывалъ, предаваясь творчеству. И, конечно, онъ зналъ, на что идетъ, когда избралъ тернистый путь художника.

IV.

Было бы въ высшей степени желательно, чтобы истинный талантъ всегда находилъ достаточную матеріальную поддержку. Но вопросъ этотъ, какъ мы видѣли, рѣшить практически очень трудно, если онъ вообще можетъ быть рѣшенъ. А пока спросимъ себя, почему у насъ, въ Россіи, разные «умирающіе таланты» такъ склонны хныкать по поводу необезпеченности литературнаго труда? Всякій благоразумный человѣкъ, избирая себѣ ту или другую профессію, не можетъ не отдавать себѣ отчета въ томъ,—насколько она прибыльна. Теперь и дѣти знаютъ, что государственная служба даетъ если не всегда хорошее, то по крайней мѣрѣ вѣрное обезпеченіе; знаютъ дѣти и то, что инженеры, пѣвцы, музыканты, адвокаты срываютъ иногда большіе куши, и что это удается и писателямъ, но только тѣмъ изъ нихъ, которые либо достигаютъ широкой славы, либо умѣютъ угождать публикѣ. Значитъ, вступая на писательское поприще, человѣкъ болѣе или менѣе знаетъ, на что онъ идетъ. Если онъ хочетъ быть матеріально обезпеченъ, то ему ничего не остается, какъ добиваться широкой славы съ болѣе или менѣе сомнительными шансами на успѣхъ, или же сразу вступить на путь угожденія публикѣ.

Но что, въ сущности, значитъ угождать публикѣ? Обыкновенно это слово понимается въ отрицательномъ смыслѣ, т. е. угождать публикѣ значитъ потворствовать ея дурнымъ инстинктамъ или удовлетворять неразвитому ея вкусу. Но если публика стремится, напримѣръ, къ пріобрѣтенію знаній, и писатель старается удовлетворить этому ея стремленію, то въ этомъ, кажется, ничего дурного нѣтъ. Если писатель въ своихъ произведеніяхъ считается съ умственнымъ и нравственнымъ уровнемъ читателя, старается постепенно повысить этотъ уровень, то и тутъ нельзя отрицать, что онъ исполняетъ прямое свое назначеніе. Съ другой стороны, очевидно, что только тотъ писатель можетъ расчитывать на успѣхъ, который не игнорируетъ умственнаго и нравственнаго уровня читателя, что только его читающая публика или общество будетъ охотно вознаграждать за его трудъ. Если же писатель не будетъ обращать никакого вниманія на умственный и нравственный уровень публики, не будетъ удовлетворять ея запросамъ, то можно почти навѣрное предсказать, что она отнесется къ нему холодно и не проявитъ склонности вознаграждать его за трудъ. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, не разграничивать въ каждой профессіи идеальную и матеріальную сторону. Писатель можетъ творить, не обращая никакого вниманія на публику, и тогда онъ и не вправѣ ожидать отъ нея матеріальнаго вознагражденія, какъ не вправѣ ожидать вознагражденія и учитель, который преподаетъ только предметы, никому не нужные, или адвокатъ, который хочетъ защищать не существующія дѣла. Но писатель, даже когда онъ примѣняется къ умственному и нравственному уровню публики, можетъ преслѣдовать очень высокую задачу и хранить въ душѣ живого бога. Къ прискорбію, однако, у насъ встрѣчаются по большей части только писатели, которые либо совсѣмъ игнорируютъ публику, относясь къ ней съ высоты писательскаго своего величія, или же такіе, которые угождаютъ дурнымъ вкусамъ и инстинктамъ публики, т. е. либо писатели, совершенно отрицающіе коммерческую сторону своей профессіи, либо безусловно подчиняющіеся ей. Тутъ происходитъ совершенно то же, что̀ мы видимъ въ другихъ профессіяхъ. Практическое дѣло признается несовмѣстимымъ съ идеальными стремленіями. Люди, которые вчера еще высоко ставили общія руководящія начала, сегодня, смотришь, уже всецѣло подчинились меркантильной сторонѣ своей профессіи. Вчера еще человѣкъ, будучи студентомъ, съ лицомъ въ огнѣ толковалъ о честности высокой, а сегодня онъ, поступивъ на службу, становится чиновникомъ съ головы до ногъ. Глубоко безотрадна русская дѣйствительность въ этомъ отношеніи. Тамъ, гдѣ люди могли бы сдѣлать больше всего для поднятія умственнаго и нравственнаго уровня толпы, они всецѣло подчиняются ея дурнымъ инстинктамъ, а если толкуютъ о честности высокой, то это происходитъ по большей части внѣ жизни, внѣ окружающихъ насъ реальныхъ условій. Вотъ почему мы можемъ завоевать нѣмца на почвѣ отвлеченныхъ разсужденій и благихъ порывовъ, но на почвѣ практическаго дѣла всегда окажется, что нѣмецъ насъ завоевалъ.

Возьмемъ примѣръ. Кто не знаетъ, что южный берегъ Крыма представляетъ климатическія и другія условія, благопріятныя для излѣченія разнообразныхъ болѣзней. Однако, многіе больные избѣгаютъ этой благословенной страны и предпочитаютъ заграничные курорты. Не будемъ говорить о томъ, что южный берегъ Крыма въ культурномъ отношеніи стоитъ еще очень низко, что самыя насущныя потребности больного организма остаются тамъ неудовлетворенными, что, напримѣръ, въ Крыму за дешевую плату трудно получить сколько-нибудь сносный столъ и т. д. Но даже попасть въ Крымъ нелегко. До сихъ поръ существуетъ прямое желѣзнодорожное сообщеніе только въ Севастополь и Ѳеодосію, т. е. въ пункты, лежащіе на крайнемъ западѣ и востокѣ южнаго берега. Чтобы попасть въ лучшіе тамошніе курорты, вы должны совершить путь въ 70—90 верстъ въ экипажѣ или добраться до этихъ пунктовъ морскимъ путемъ, который очень многіе не выносятъ въ виду качки. Поэтому естественно, что мысль о сооруженіи желѣзной дороги, которая непосредственно соединила бы всю Россію съ южнымъ берегомъ, давно возбуждена, но все не можетъ осуществиться, отчасти вслѣдствіе отсутствія капиталовъ, отчасти вслѣдствіе слѣдующаго препятствія: желѣзная дорога будетъ представлять большія неудобства для тихой жизни на южномъ берегу и испортитъ прекрасныя, расположенныя тамъ имѣнія. Вслѣдствіе всего этого дорога не сооружается, и всѣ проекты остаются неосуществленными.

Но вотъ въ Ялту пріѣхалъ одинъ англичанинъ, г. Амсонъ, пріѣхалъ, взглянулъ и побѣдилъ. Онъ не совѣтуетъ сооружать линію вдоль южнаго берега и предлагаетъ только соорудить линію отъ Симферополя на Ялту, при чемъ выяснилось, что для сооруженія этой линіи не придется преодолѣвать никакихъ серьезныхъ препятствій. Достигнуто было бы при этомъ слѣдующее: больные туристы доставлялись бы непосредственно въ центръ южно-бережныхъ курортовъ, откуда въ любой изъ нихъ рукой подать. Мало того, г. Амсонъ вызвался и представить необхо-

димые для сооруженія дороги капиталы. Газетный корреспондентъ, сообщающій всѣ эти свѣдѣнія, однако, съ негодованіемъ восклицаетъ: «Неужели мы въ этомъ дѣлѣ не можемъ обойтись безъ англійскихъ капиталовъ?»

Чѣмъ же вызвано его негодованіе или, иначе говоря, чѣмъ собственно дорожитъ онъ болѣе: тѣмъ ли, чтобы доходы отъ предполагаемой дороги поступили въ карманы русскихъ капиталистовъ, или тѣмъ, чтобы русскіе туристы и больные имѣли бы по возможности скорѣе удобный путь на южный берегъ Крыма. Если онъ дорожитъ доходами русскихъ капиталистовъ, то его негодованіе наивно, потому что русскіе капиталисты не такіе ужъ младенцы, чтобы нуждаться въ защитѣ своихъ интересовъ со стороны газетныхъ корреспондентовъ. Если же онъ дорожитъ интересами туристовъ и больныхъ, то онъ не можетъ не пожелать, чтобы сооруженіе дороги состоялось по возможности скорѣе. Между тѣмъ русскіе капиталисты откладываютъ дѣло уже много лѣтъ, а англійскій— готовъ немедленно соорудить дорогу. Выходитъ, что англійскіе капиталисты, конечно, не безъ прибыли для себя, могутъ немедленно придти на помощь русскимъ больнымъ, а русскіе капиталисты почему-то на помощь имъ придти не могутъ. Если бы практическое дѣло у насъ не признавалось по существу несовмѣстимымъ съ идеальными стремленіями, то, вѣроятно, и въ этомъ вопросѣ, какъ въ тысячѣ другихъ, не произошло бы такого очевиднаго разлада между идеальными стремленіями и окружающею насъ жизнью. Не видимъ ли мы въ самомъ дѣлѣ на каждомъ шагу, что сколько-нибудь сносно устроенные курорты вѣчно находятся въ рукахъ иностранцевъ и инородцевъ? А вѣдь забота о больныхъ, кажется, должна бы составлять предметъ дѣятельности людей съ возвышенными душевными стремленіями. Если же распространить эти соображенія на другія отрасли предпріимчивости и труда, то мы увидимъ, что вездѣ мы наталкиваемся на то же явленіе. Судебные дѣятели, по словамъ г. Кони, подчиняются «низменнымъ соблазнамъ и стимуламъ дѣйствій»; чиновники, по словамъ газетнаго публициста, страдаютъ «лѣностью», и ихъ приходится поощрять особеннымъ вознагражденіемъ къ добросовѣстному труду; писатели, по словамъ г. Лугового, томятся и изнываютъ отъ сознанія, что ихъ недостаточно вознаграждаютъ: они также нуждаются въ поощреніи крупнымъ гонораромъ или жалованіемъ. Словомъ, вездѣ наблюдается одно и то же, и вездѣ слышатся жалобы, что иностранцы и инородцы процвѣтаютъ тамъ, гдѣ русскій человѣкъ влачитъ жалкое существованіе. Если бы мы дорожили дѣломъ, а не личными своими выгодами, то возникло бы естественное стремленіе предоставлять его тому, кто лучше можетъ его исполнить. Тогда насъ мало бы интересовалъ вопросъ: русскій ли или иноземецъ дѣлаетъ дѣло? Мы дорожили бы только тѣмъ, чтобы дѣло дѣлалось, а будетъ оно дѣлаться только въ томъ случаѣ, если наша интеллигенція наконецъ пойметъ, что хорошія слова еще ничего не доказываютъ, и что самыя лучшія стремленія мертвы до тѣхъ поръ, пока они не воплощаются въ живыхъ, практическихъ дѣлахъ.

Библіографія.

Книги, поступившія въ редакцію.)

Библіотека для дѣтей и юношества. I. Голуби, галки, аисты и другія птицы. Проф. М. Н. Богданова. Съ рис. Ц. 10 к. II. **По слѣдамъ оленя.** Разсказъ Э. Тюлпсона. Ц. 30 к. М. 1902.

Брюнгесъ, Г. I. Рёскинъ и библія. Къ исторіи одной мысли. Пер. Л. П. Никифорова. Изд. „Посредника". М. 1902. Ц. 90 к.

Бѣлявенецъ, М. И. Глиновѣдѣніе. Кирпичное производство. Планъ кирпичнаго завода. Изд. кн. склада „Глиновѣдѣніе". СПБ. 1902. Ц. 10 к.

Вундтъ, В. Введеніе въ философію. Переводъ съ нѣмецкаго Г. А. Котляра, подъ ред. проф. кн. С. Н. Трубецкого. Изд. Канчаловскаго. М. 1902. Ц. 2 р. 25 к.

Гете, В. Фаустъ. Въ переводѣ и объясненіи А. Л. Соколовскаго. СПБ. 1902.

Въ предисловіи къ своему прекрасному труду переводчикъ говоритъ: „Вѣрный прозаическій переводъ „Фауста", нимало не претендующій на воспроизведеніе поэтическихъ красотъ подлинника, но снабженный легко отыскиваемыми, по системѣ нумераціи, объясненіями всѣхъ загадочныхъ мѣстъ, можетъ быть полезенъ даже при существованіи переводовъ поэтическихъ". Эта мысль представляется намъ очень вѣрной. „Фаустъ"—произведеніе не только поэтическое, но и философское. Въ немъ содержится столько жизненнаго опыта и глубокихъ мыслей, что читать его можно и не для одного только эстетическаго наслажденія. Слѣдуетъ уразумѣть общее его содержаніе, отдѣльныя мысли, въ немъ изложенныя, а—такъ какъ мысль выражается словами—то и каждое отдѣльное слово. Этой цѣли лучше всего удовлетворяетъ точный прозаическій переводъ, особенно когда онъ такъ хорошъ, какъ переводъ г. Соколовскаго. Кто хочетъ читать „Фауста" и наслаждаться его поэтическими красотами, тотъ изберетъ поэтическій переводъ: но для *изученія* этого безсмертнаго творенія Гете и точный прозаическій переводъ необходимъ.

Гиппіусъ, З. Третья книга разсказовъ. Изд. А. Е. Колпинскаго. СПБ. 1902. Ц. 2 р.

Гомилевскій, В. Организація хозяйства. Пособіе для устройства русскихъ имѣній. Изд. П. П. Сойкина. СПБ. 1902. Ц. 1 р. 50 к.

Греновъ, Ѳ. В. О первоначальномъ воспитаніи и обученіи дѣтей и о гигіенѣ юношества. Москва. 1902. Ц. 35 к.

Дергиманъ, Г. О. Практическіе совѣты для сохраненія жизни на многія лѣта. СПБ. 1901. Ц. 50 к.

Дерновъ, М. А. „Другъ пчеловода“. Изд. 2-ое, исправленное и дополненное. СПБ. 1902. Ц. 60 к.

Де-Норвенъ, А. Американскіе милліардеры. Съ 16 портр. Пер. съ франц. подъ ред. А. Е. Яновскаго. Изд. т-ва „XX вѣкъ“. СПБ. 1902 г. Ц. 1 р. 50 к.

Деревенское хозяйство и деревенская жизнь. Подъ ред. И. Горбунова-Посадова. Кн. 8-я. **Объ уходѣ за копытами лошади.** Ц. 2 к. Кн. 14-я. **О молочномъ дѣлѣ въ крестьянскомъ хозяйствѣ.** Ц. 3 к. Кн. 15-я. **Какъ дѣлаютъ посуду глиняную и фарфоровую.** Ц. 6 к. Кн. 16-я. **Какъ построить крестьянскую кирпичную избу.** Ц. 6 к. Кн. 20-я. **Какъ улучшили свое хозяйство крестьяне волоколамскаго уѣзда.** Ц. 2 к. Москва. 1902.

Евсѣевъ, И. Е. Отношенія Гоголя и Жуковскаго къ искусству и художникамъ. Изд. ж. „Вѣстникъ учителей рисованія“. СПБ. 1902. Ц. 20 к.

Есиповичъ, Г. Я. На родинѣ поэта Александра Сергѣевича Пушкина. Путевые очерки. Съ портр. и 5 лит. иллюстр. Симферополь. 1902. Ц. 20 к.

Загоскинъ, М. Д. „Юрій Милославскій“ или русскіе въ 1612 году. Историческій романъ въ 3-хъ частяхъ. Изд. кн. маг. О. Н. Поповой. СПБ. 1902. Ц. 40 к.

Зеленинъ, Д. „Н. И. Ильминскій и просвѣщеніе инородцевъ“. Изд. журн. „Русская Школа“. СПБ. 1902. Ц. 35 к.

Киплингъ, Р. По склонамъ Нагорья и трущобамъ Калькутты. Пер. съ англ. С. Зайнсовскаго. Изд. кн. маг. В. Попова. Кіевъ. 1902. Ц. 65 к.

Козловскій, О. А. I. Полныя рѣшенія всѣхъ ариѳм. задачъ сборника А. И. Гольденберга. Выпуски I и II. Ц. 60 к. II. **Полныя рѣшенія всѣхъ ариѳм. задачъ сборника А. Малинина и К. Буренина.** Часть II. Ц. 1 р. Часть III. Ц. 1 р. Изд. С. А. Козловскаго. Бѣлая-Церковь, Кіевск. губ. 1902.

Колбасное производство. Составлено подъ ред. **М. И. Игнатьева и Л. Н. Симонова.** 10 хромолитографированныхъ таблицъ съ 60 рис. и 25 рис. въ текстѣ. Изд. Л. Н. Симонова. СПБ. 1901. Ц. 6 р.

Крживицкій, Людвикъ. Психическія расы. Опытъ психологіи народовъ. Пер. съ польск. Р. В. Крживицкій. Подъ ред. автора. Изд. т-ва „XX вѣкъ“. СПБ. 1902. Ц. 1 р. 50 к.

Крюковской, Я. Повѣсти и разсказы. Изд. журнала „Русская школа“. СПБ. 1902. Ц. 1 р.

Кулибина, О. Русскій музей Императора Александра III. Объясненіе къ картинамъ, составленное для народа. СПБ. Ц. 15 к.

Лебедевъ, А. И. Дѣтская и народная литература. Опытъ руководства для систематическаго чтенія. Выпускъ I. Книга для дѣтей отъ 7-ми до 14-ти лѣтъ. Н.-Новгородъ. 1902. Ц. 50 к.

Литинскій, Осипъ Арнольдовичъ. Объ актѣ сосанія у грудныхъ дѣтей. СПБ. 1902 г.

Луньянская, В. Три тысячи лѣтъ тому назадъ. Разсказы изъ исторіи Греціи. Изданіе Посредника. Москва. 1901. Ц. 40 к.

Лунскій, Н. С. Сборникъ вопросовъ и задачъ по счетоводству и конторскимъ работамъ. Одесса. 1902. Ц. 1 р.

Любичъ, Е. Н. Изъ жизни. Разсказы и наброски. Изданіе Г. Н. Каранта. Одесса. 1902. Ц. 50 к.

Маршаль. Анатомія птицъ въ общедоступномъ изложеніи. Перев. съ нѣм. подъ ред. проф. Н. А. Холодковскаго. 2-е изд. СПБ. 1902. Ц. 1 р. 50 к.

Майскій цвѣтокъ и другіе разсказы. Библіотека для дѣтей и юношества, подъ ред. И. Горбунова-Посадова. Москва. 1902. Ц. 55 к.

Масловъ, А. Л. Программа для собиранія народныхъ пѣсенъ и другихъ музыкально-этнографическихъ матеріаловъ. Москва. 1902.

Митропольскій, И. И. Пестрыя страницы. Повѣсти и разсказы. Москва. 1902. Ц. 1 р.

Никитинъ, Н. В. Преступный міръ и его защитники. Съ 11 портретами. СПБ. 1902. Ц. 1 р. 50 к.

Подъ „защитниками“ „преступнаго міра“ авторъ разумѣетъ нашихъ адвокатовъ, въ томъ числѣ очень извѣстныхъ и почтенныхъ. Выходитъ, какъ будто гг. Андреевскій, Карабчевскій, Марголинъ и пр. сознательно выступаютъ защитниками „преступниковъ“, между тѣмъ какъ они на дѣлѣ выступаютъ защитниками людей, которые могутъ быть и не быть преступниками. Это—большая разница. Но авторъ этой разницы не понимаетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ становится совершенно ясно, что ему и книгъ о преступномъ мірѣ и его „защитникахъ“ писать не слѣдуетъ. Данное его произведеніе—ничто иное, какъ сборникъ наиболѣе громкихъ процессовъ послѣдняго времени, изложенныхъ столь же безграмотно, какъ и заглавіе самаго сборника. Можно предостеречь только читателя отъ пріобрѣтенія книгъ подобнаго рода.

Нордау, Максъ. Собраніе сочиненій. Томъ VI. Переводъ съ нѣм. В. Н. Михайлова. Изд. Б. К. Фукса. Кіевъ. 1902. Ц. 12-ти томамъ 6 руб.

Нордау, Максъ. Собраніе сочиненій. Кіевъ. 1902. Ц. за 12 т. 5 р.

Общеобразовательная библіотека. Выпуски: I. **Успѣхи біологіи въ XIX вѣкѣ.** О. Гертвига. Ц. 25 к. III. **„Бобровая шуба“ и „Красный пѣтухъ“**, двѣ комедіи Г. Гауптмана. Ц. 50 к. II. **Вильямъ Гладстонъ.** Д. Брайса. Ц. 25 к. IV. **Научныя основы и красоты искусства.** Ц. 75 к. V. **„Пауль Ланге и Тора Парсбербергъ“** Бьернстьерне Бьернсона. Ц. 35 к. VI. **„Родина“**, драма и **„Да здравствуетъ жизнь“**, пьеса Германа Зудермана. Ц. 75 коп. VII. **Успѣхи химіи въ XIX вѣкѣ.** Проф. Аренса. Ц. 25 к. Изд. П. П. Гершунина и К°. СПБ. 1902.

Общество для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ. Отчетъ за 1900—1901 г. СПБ. 1902 г.

О постановкѣ класснаго обученія и о коллективномъ систематическомъ чтеніи книгъ дѣтской литературы при помощи общихъ библіотекъ. 2-е изд. С. Г. Акбройта. Одесса. 1902. Ц. 20 к.

Оржешко, Элиза. Собраніе сочиненій. Томъ IV. Кіевъ. 1902. Изд. Фукса. Ц. за 12 т. 4 р.

Писаревскій, Б. Е. „Горошки“. Изъ жизни мелкаго муравейника. Изд. Германа. Одесса. 1902. Ц. 1 р.

Поповъ, П. В. „Судьба“ и „Пріемышъ“. Два разсказа. Съ рисунками. М. 1901. Ц. 35 к.

Пропедевтика всѣхъ выдающихся ремеслъ, какъ необходимый элементъ воспитанія въ начальной школѣ. 2-е изданіе С. Г. Акбройта. Одесса. 1902. Ц. 15 к.

Растительный міръ въ школьномъ зданіи. Ящики съ живыми экземплярами. 2-е изд. С. Г. Акбройта. Одесса. 1902. Ц. 5 к.

Ренанъ, Э. Собраніе сочиненій. Томъ IV. Переводъ съ франц. подъ ред. В. Н. Михайлова. Изд. Б. К. Фукса. Кіевъ. 1902. Ц. за 12 томовъ 6 р.

Собраніе формулъ по алгебрѣ, геометріи и тригонометріи. СПБ. 1902. Ц. 25 к.

Тагѣевъ, Б. Л. На востокѣ. Очерки и разсказы изъ жизни на далекихъ окраинахъ Азіи. Варшава. 1902. Ц. 1 р.

Подъ „далекими окраинами Азіи“ слѣдуетъ въ данномъ случаѣ понимать наши средне-азіатскія владѣнія. Авторъ хорошо знакомъ съ ихъ жизнью и не лишенъ писательскаго дарованія. Такимъ образомъ книга его съ удовольствіемъ и пользою будетъ прочитана всѣми, кто желаетъ ближе ознакомиться съ тѣмъ далекимъ краемъ. Нѣкоторые изъ очерковъ, помѣщенныхъ въ этой книгѣ, были раньше напечатаны въ „Нивѣ“, слѣдовательно уже извѣстны нашимъ читателямъ.

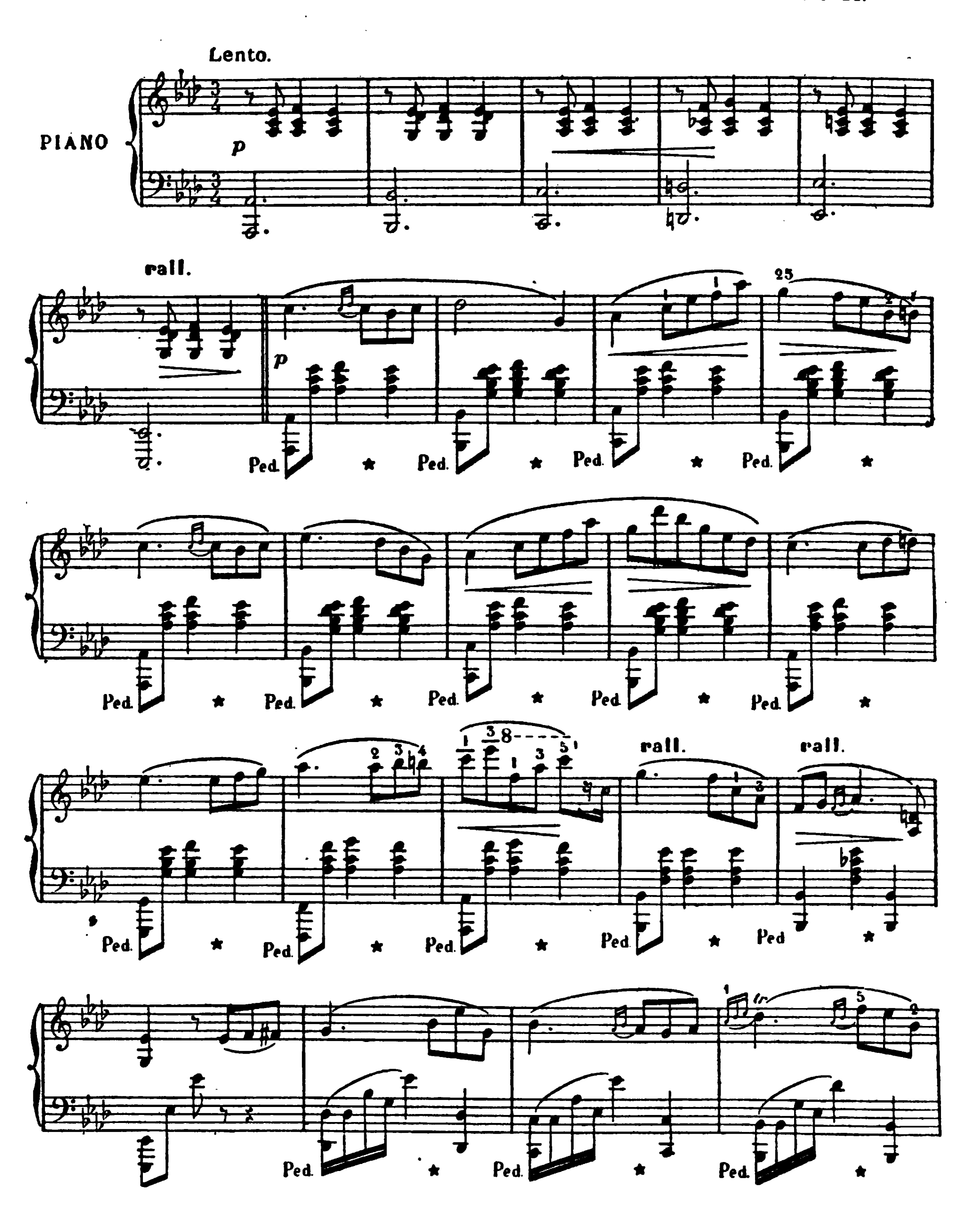
Толстовъ, А. С. Лѣто на Липецкомъ курортѣ. Очеркъ. Съ 12-ю видами Липецка и его курорта. Москва, 1902. Ц. 60 к.
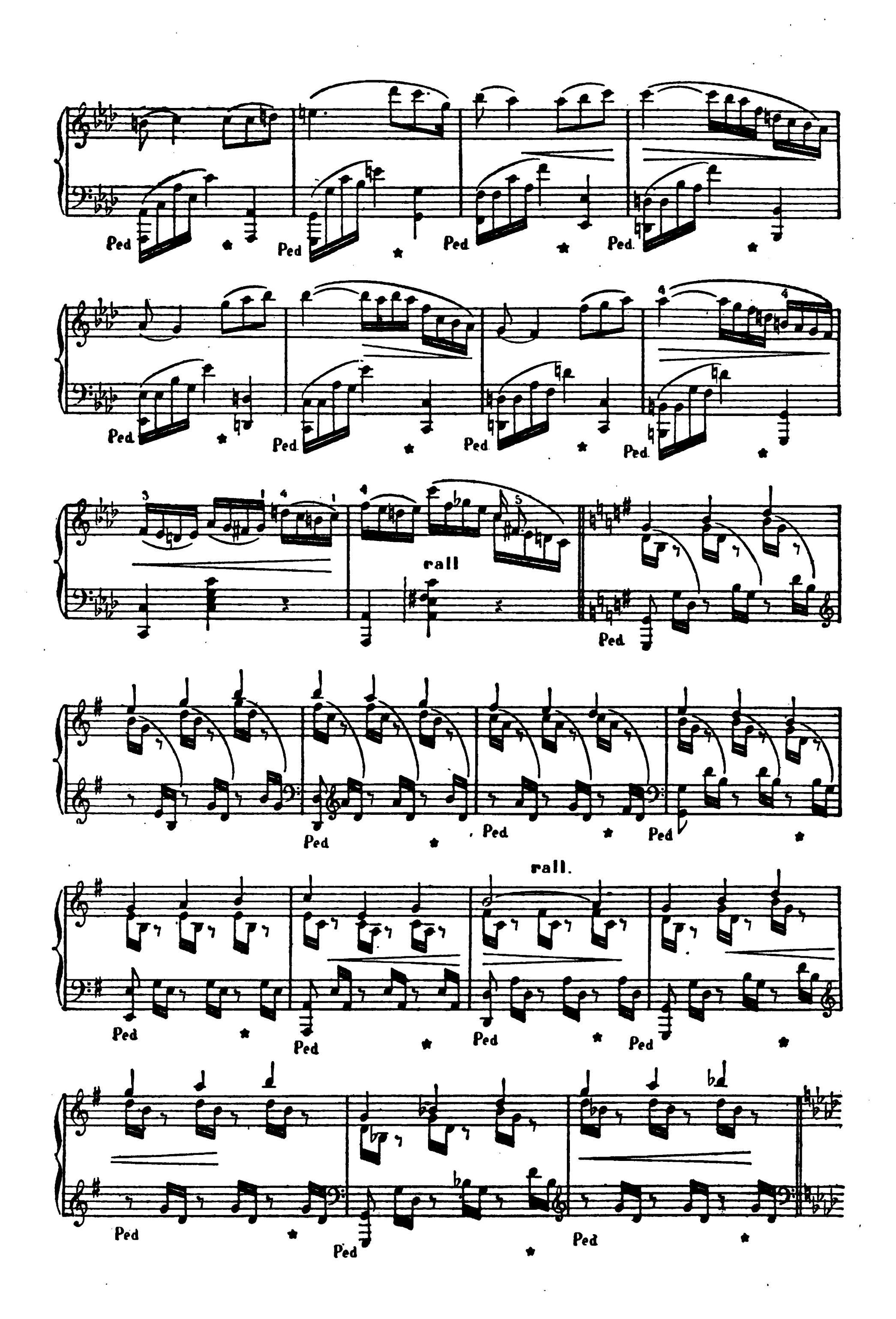
СМѢСЬ.

Утѣшительныя вѣсти изъ сферы бактеріологіи.—Гигіена стоитъ теперь лицомъ къ лицу съ далеко не легкой задачей. Съ одной стороны, благодаря широтѣ научнаго опыта, она видитъ себя вынужденной просвѣщать весь свѣтъ относительно опасности прилипчивыхъ болѣзнетворныхъ зародышей и мѣропріятій, клонящихся къ тому, чтобы ихъ избѣгать и уничтожать; съ другой стороны, она должна заботиться о томъ, чтобы въ обществѣ не распространялись безполезные и даже излишніе страхи заразы и не усиливалась и безъ того уже общая всѣмъ нервозность. Нельзя отрицать того, что противъ послѣдняго правила гигіенисты грѣшили и грѣшатъ не менѣе часто, чѣмъ народъ противъ элементарныхъ правилъ гигіены. Во вниманіе къ этому, разные авторитетные дѣятели науки не разъ уже возвышали голосъ въ печати съ цѣлью успокоить и, если возможно, разсѣять чрезмѣрные страхи заразы, такъ сказать *бактеріоманію* современнаго общества. Въ этомъ направленіи особенно выдаются цѣнныя статьи проф. Шоттеліуса, печатавшіяся въ «Архивѣ гигіены». Преслѣдуя самостоятельную научную цѣль, онѣ, въ то же время, въ конечныхъ своихъ выводахъ превосходно приспособлены къ тому, чтобы успокоить тѣ волны тревогъ и опасеній, которыя возбуждены плохо понятыми или же преувеличенными, гигіеническими ученіями. Проф. Шоттеліусъ производилъ изслѣдованія надъ бактеріями, всегда находящимися въ человѣческомъ организмѣ, хотя не надъ всѣми, но надъ бактеріями кишечника. Кишечникъ людей и животныхъ особенно богатъ бактеріями; но еще не выяснено, какимъ образомъ дѣйствуютъ въ немъ эти микроскопическія существа. Внутренніе органы у здороваго человѣка должны вообще быть свободны отъ бактерій, что, повидимому, необходимо для выполненія ихъ обычныхъ функцій. Это явствуетъ, напримѣръ, хотя бы изъ того, что введеніе пропитаннаго бактеріями содержимаго кишечника въ брюшную полость почти всегда влечетъ за собою тяжкую, безъ скорой врачебной помощи—даже смертельную болѣзнь. Бактеріи присущи лишь тѣмъ органамъ, которые имѣютъ непосредственную связь съ внѣшнимъ міромъ,—слѣдовательно, рту, носу. Спрашивается, представляютъ ли эти бактеріи въ пищеварительномъ каналѣ какую-либо опасность для здоровья или онѣ безразличны, и наконецъ, не оказываютъ ли онѣ въ какомъ-нибудь отношеніи большой услуги человѣку?—О растеніяхъ давно извѣстно, что ихъ развитіе тѣсно связано съ воздѣйствіемъ на ихъ жизненныя условія почвенныхъ бактерій. Растеніе, посаженное въ почву, совершенно свободную отъ микроорганизмовъ, растетъ плохо и скоро совсѣмъ умираетъ. Чтобы выяснить значеніе бактерій для животныхъ, проф. Шоттеліусъ произвелъ рядъ своеобразныхъ опытовъ, изъ которыхъ, несомнѣнно, можно вывести заключеніе о соотвѣтствующихъ условіяхъ у человѣка. Для своихъ экспериментовъ онъ избралъ куръ. Только-что снесенное куриное яйцо совершенно свободно отъ бактерій; онѣ проникаютъ въ него позже, черезъ поры скорлупы, и, въ концѣ концовъ, вызываютъ въ немъ гніеніе и разложеніе. Шоттеліусъ добылъ для опытовъ нѣкоторое количество только-что снесенныхъ яицъ, тщательно охраненныхъ отъ зараженія бактеріями, и помѣстилъ ихъ въ аппаратъ для искусственнаго высиживанія птенцовъ. Помѣщеніе, въ которомъ цыплята вылупились изъ яицъ, было также совершенно изолировано отъ бактерій, для чего, замѣтимъ мимоходомъ, требуется крайняя осторожность. Опытъ удался—ученый получилъ нѣсколько цыплятъ, организмы которыхъ были вполнѣ свободны отъ бактерій. Для сравненія Шоттеліусъ вывелъ въ аппаратѣ нѣсколько другихъ цыплятъ при обыкновенныхъ условіяхъ и сталъ наблюдать обѣ группы въ дальнѣйшихъ проявленіяхъ ихъ жизнедѣятельности. Искусственно высиженные цыплята, несмотря на отсутствіе материнской заботы, почти такъ же быстро усвоили пріемы отыскиванія пищи, какъ если бы они были высижены курицей. Однако, вскорѣ наблюдателю бросилось въ глаза слѣдующее обстоятельство: не зараженные бактеріями цыплята, казалось, всегда страдали отъ голода и потому не переставали ѣсть. Тѣмъ не менѣе, они не только не росли, но постоянно уменьшались въ вѣсѣ и въ короткое время погибли отъ истощенія. Одна изъ выведенныхъ при такихъ необычныхъ условіяхъ птицъ прожила мѣсяцъ, но за это время потеряла еще треть своего первоначальнаго вѣса, тогда какъ въ то же самое время обыкновенный цыпленокъ, выведенный изъ яйца той же курицы, удвоивался въ вѣсѣ. Большинство свободныхъ отъ бактерій цыплятъ погибало уже черезъ 10—20 дней. Отсюда приходится заключить, что присутствіе и дѣятельность бактерій въ пищеварительномъ каналѣ у куръ и, конечно, у другихъ животныхъ, наконецъ, у человѣка, безусловно необходимы для процесса роста и поддержанія жизни, совершенно такъ же, какъ въ мірѣ растеній. Отнюдь не невозможно, что со временемъ эта новая теорія получитъ важное практическое значеніе при установленіи правилъ надлежащаго питанія человѣка и животныхъ.
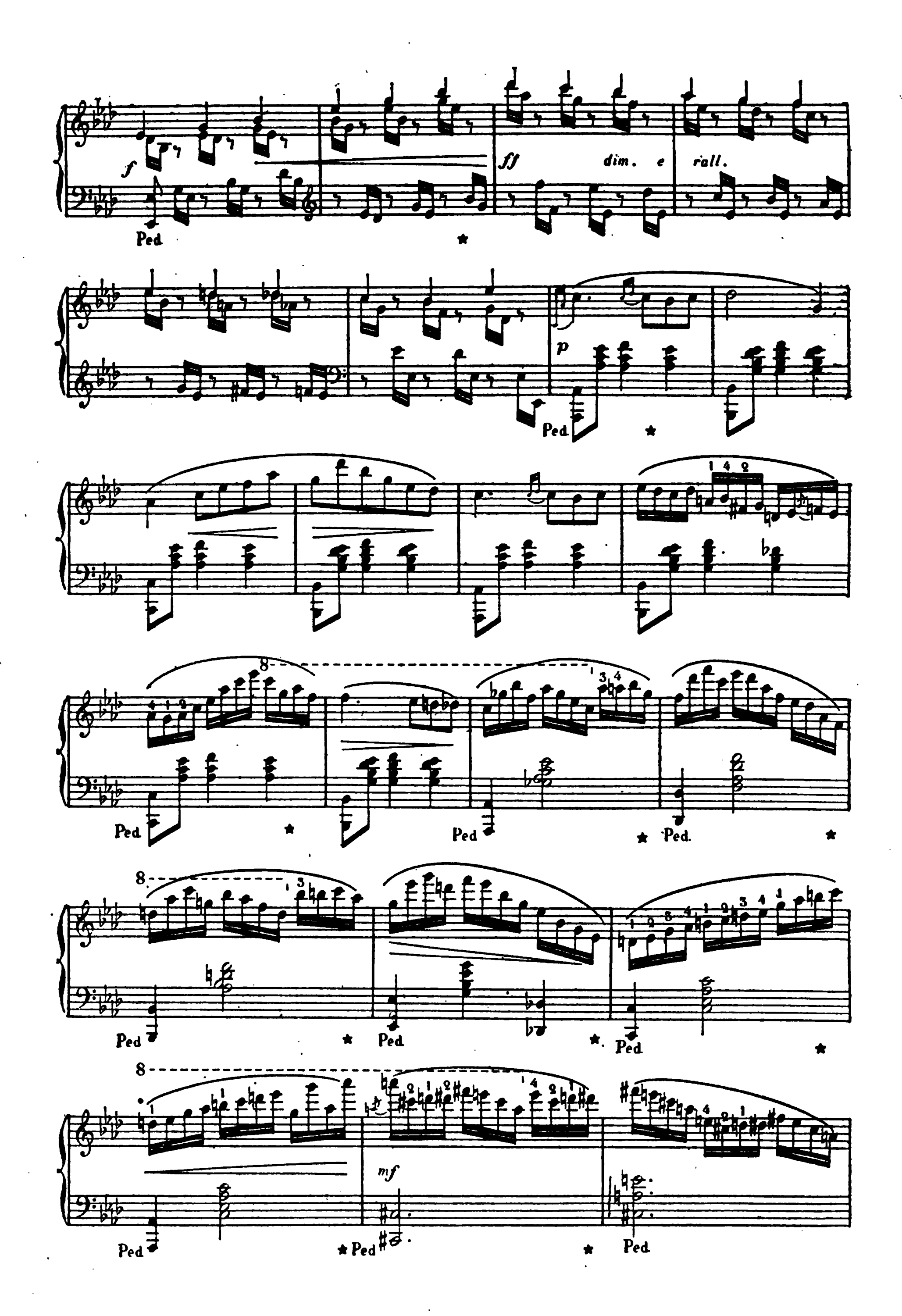
Ноктюрнъ.

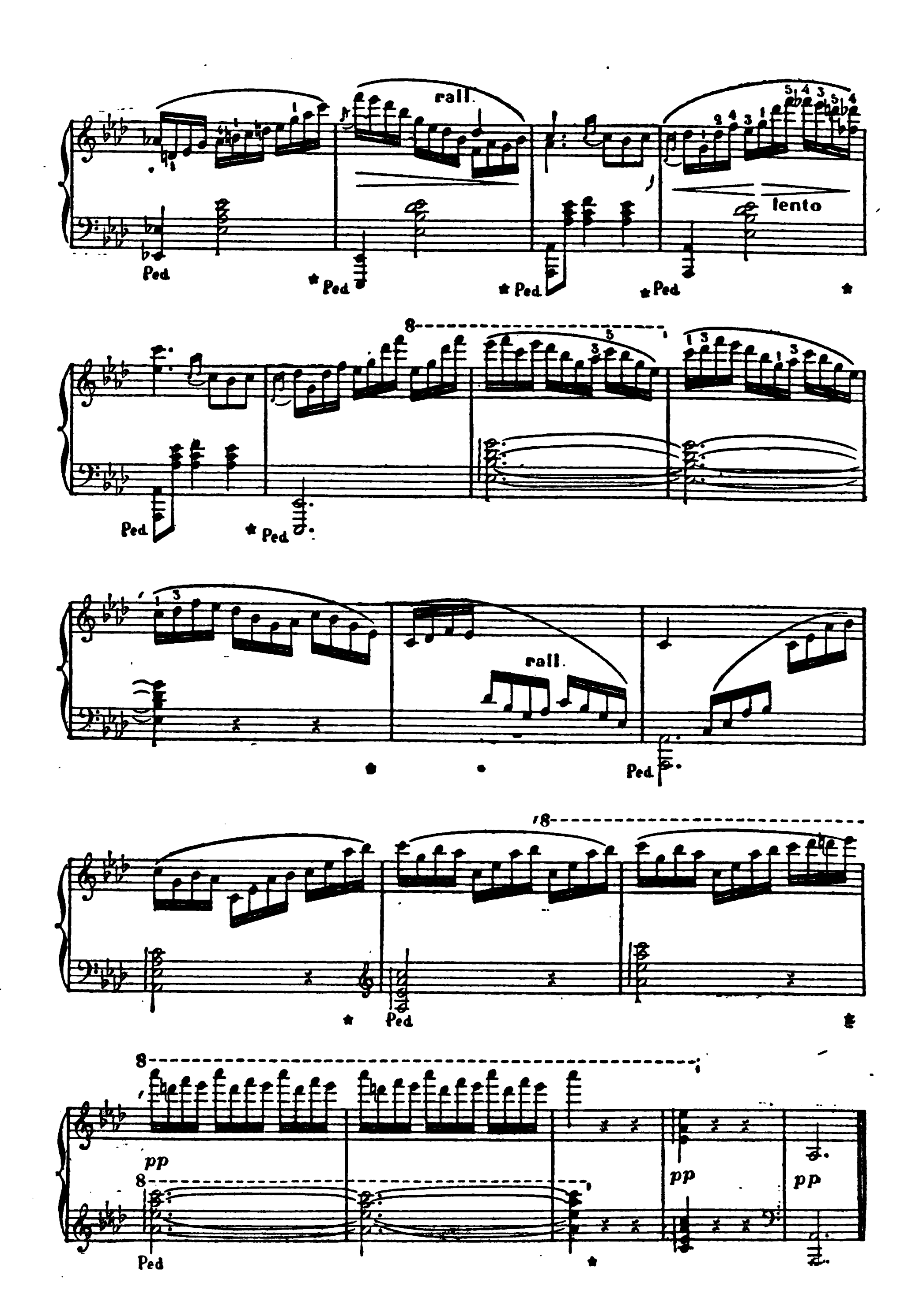
Э. Нолье.

Ped
rall
rall.

f
Ped
ff
dim. e
rall.
p
8
mf

rall.
lento
Ped
rall.
pp

СПОРТЪ, ИГРЫ И ЗАБАВЫ

Подъ редакціей **В. К. Анфилова.**

Кроссъ-коунтри.

(Cross-country.)

Конецъ лѣта и начало осени являются наиудобнѣйшею порою для такихъ игръ и спортивныхъ упражненій, которыя сопряжены съ болѣе или менѣе усиленными движеніями: напр. бѣгъ на большія разстоянія, прыжки, дальняя ходьба и т. п.

Изъ всей массы подобныхъ забавъ, практикуемыхъ въ Англіи, въ особенномъ фаворѣ кроссъ-коунтри,—спортъ, который быстро перекинулся на другую сторону Ламанша и завоевалъ большія симпатіи французовъ.

Ежегодно, въ осенее, т. е. болѣе прохладное время, въ Англіи и во Франціи происходятъ состязанія приверженцевъ cross - country между обѣими націями и, надо сознаться, до сихъ поръ побѣда дается довольно ровно и англичанамъ, и французамъ.

Кроссъ - коунтри — это простой бѣгъ взапуски, но, однако, не по гладкой дорогѣ или лугу, но черезъ лѣса, поля, рвы, холмы, черезъ ручьи и ограды. Это бѣгъ съ препятствіями, но, по возможности, съ естественными препятствіями, и при томъ—на длинную (не менѣе версты) дистанцію.

Такимъ образомъ, участникамъ, пущеннымъ со старта (мѣсто пуска) единовременно, приходится не только выказать рѣзвость ногъ, но и выносливость, настойчивость, ловкость, находчивость...

Имъ приходится и бѣжать, и прыгать, и карабкаться на кручи, или же перелѣзать заборы, переходить въ бродъ...

Состязанія въ кроссъ-коунтри ведутся двоякимъ образомъ. Въ одномъ случаѣ участникамъ подробно указывается (передъ состязаніемъ) весь путь, съ обозначеніемъ препятствій, а въ другомъ — объявляется лишь конечный пунктъ, до котораго рекомендуется добраться любымъ направленіемъ, но возможно быстрѣе.

Вообще же соревнованіе заканчивается тогда, когда до опредѣленнаго пункта прибѣгутъ участники, благополучно осилившіе всѣ препятствія.

Безъ сомнѣнія, порядокъ прибытія ихъ зависитъ отъ искусства спортсменовъ, что, собственно, и обусловливаетъ побѣду того или другого изъ нихъ.

Въ нашей провинціи, если не ошибаемся, вовсе неизвѣстенъ этотъ спортъ; въ Петербургѣ же его культивируютъ только два клуба: спб. кружокъ любителей спорта и спб. кружокъ спортсменовъ.

Автомобилизмъ.

Грандіозная гонка автомобилей Парижъ-Вѣна, если и не надѣлала столько же шума, сколько его надѣлала прошлогодняя—Парижъ-Берлинъ, то это объясняется очень просто. Гонка отъ Парижа до Берлина имѣла нѣкоторую пикантность въ смыслѣ политическомъ, въ силу своего будто бы миротворящаго значенія между французами и нѣмцами. Только поэтому она пріобрѣла такую широкую популярность.

Парижъ-Вѣна — хотя и не могла похвастаться такою же извѣстностью, зато она сослужила немалую службу своему прямому назначенію — распространенію и выясненію пользы и несовершенствъ автомобилизма.

Любопытно, что во время состязанія оказалось, что легкія коляски дали одинаковую рѣзвость и выносливость съ тяжелыми, тогда какъ за послѣдними всегда считалось преимущество.

Хорошее качество выказали и маленькія колясочки (вуатюретки), до сихъ поръ считавшіяся едва ли не игрушками. Также обратили на себя вниманіе и мотоциклетки (обыкновенный велосипедъ, приводимый въ движеніе отдѣльно прикрѣпляемымъ моторомъ), блеснувъ своею рѣзвостью, практичностью и удобствомъ.

Совершенно свѣжій и яркій лучъ въ дѣло автомобилизма пролило участіе въ гонкѣ нѣсколькихъ паровыхъ колясокъ. Знаменательно, что работа паромобилей оказалась настолько увѣренною и точною, что машины этого типа выдержали испытаніе во время труднаго пути—всѣ безъ исключенія пройдя отъ Парижа до Вѣны...

И это тогда, когда изъ 148 всѣхъ вообще участвовавшихъ въ гонкѣ, окончило дистанцію лишь 73!

Такой феноменальный успѣхъ паровыхъ колясокъ, очевидно, произведетъ нѣкоторый переворотъ въ техникѣ и примѣненіи двигателей для все болѣе и болѣе совершенствуемой «повозки будущаго».

Словомъ, гонка Парижъ-Вѣна доставила неоцѣнимый матеріалъ для автомобилизма, неминуемо завоевывающаго себѣ важное и почетное мѣсто въ дѣлѣ цивилизаціи.

ШАХМАТЫ

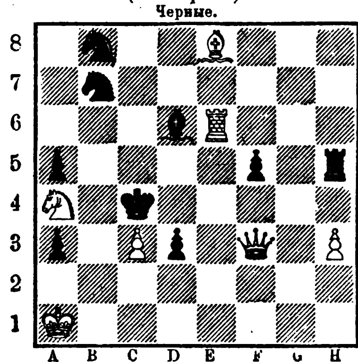
подъ редакціей М. И. Ч.

Письма просимъ адресовать въ редакцію журнала съ припиской на конвертѣ: по шахматному отдѣлу.

Задача № 36.

L. Vetesnik (въ Богеміи).
(1-й призъ).

Черные.

Бѣлые.

Матъ въ 3 хода.

Задача № 37.

K. Traxler (въ Богеміи).
(2-й призъ).

Черные.

Бѣлые.

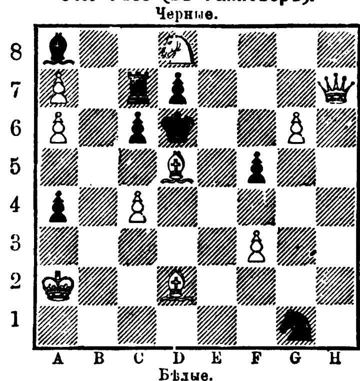
Матъ въ 3 хода.

Авторамъ этихъ задачъ присуждены первые два приза на международномъ конкурсѣ задачъ, устроенномъ Обще-Германскимъ Шахматнымъ Союзомъ по случаю 25-ти-лѣтія со дня основанія Союза.

Задача № 38.

Otto Fuss (въ Ганноверѣ).

Черные.

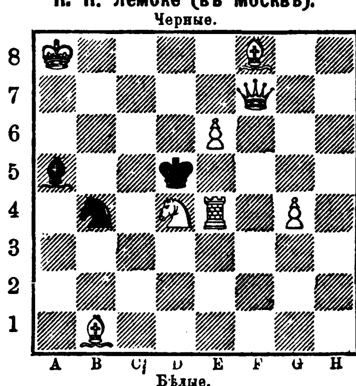
Бѣлые.

Матъ въ 3 хода.

Задача № 39.

К. К. Лембке (въ Москвѣ).

Черные.

Бѣлые.

Матъ въ 2 хода.

Задача г. Фусса, № 38, была предложена на конкурсѣ рѣшеній задачъ, происходившемъ въ Ганноверѣ по случаю XIII-го конгресса того же Союза. Первымъ разрѣшилъ г. Мизесъ, представившій подробное рѣшеніе ея чрезъ 10 минутъ. Первая премія была въ 25 марокъ.

№ 40. I. Fridlizius (въ Готенбургѣ). Матъ въ два хода.

♔ h6 ♕ c8 ♗ e7 ♘ c4, c6 ♙ a4, b6, e3, f3.— ♚ d5, ♛ d1 ♜ b3, c1 ♞ b2, e2 ♟ a5, b7, h4.

Въ задачѣ № 35, Блюменталя, ладья черныхъ должна стоять на a7.

Международный Шахматный турниръ въ Ганноверѣ.

Въ турнирѣ участвовали 18-ть игроковъ: Пильсбери изъ Нью-Іорка, Маршаль изъ Бруклина, Нэппръ изъ Питсбурга (Соед. Шт. Сѣв. Ам.), Мэзепъ и Гунсбергъ изъ Лондона, Аткинсъ изъ Лейстера (Англія), Яновскій изъ Парижа, Левинъ и Чигоринъ изъ С.-Петербурга, Олландъ изъ Утрехта—сильнѣйшій игрокъ въ Голландіи, ф. Попьель изъ Львова, Вольфъ изъ Ягендорфа (Австрія), Мизесъ и Свидерскій изъ Лейпцига, Зюхтингъ изъ Брекраде (Германія), ф. Готшаль изъ Гёрлица (Германія), Барделебенъ и Конъ изъ Берлина. Каждый изъ нихъ съ каждымъ сыгралъ по одной партіи. Ничья считалась за ½. Результатъ турнира указывается въ помѣщаемой ниже таблицѣ.

Кромѣ турнира первоклассныхъ игроковъ, еще были устроены два главныхъ турнира (Haupt-Turnier) A и B,

одинъ второстепенный и одинъ для болѣе слабыхъ игроковъ.

Въ главномъ турнирѣ А играли 22 любители, въ числѣ ихъ: О. С. Бернштейнъ изъ Житоміра, В. И. Табунщиковъ изъ Гатчины, А. Нейманъ изъ Вѣны, Д. Броди изъ Будапешта, Майеръ изъ Тамешвара (Австрія), Д. Блейкманъ изъ Амстердама, Лёйсенъ изъ Голландіи, Мёллеръ изъ Копенгагена, Д. Энглундъ изъ Стокгольма, Р. Ломанъ и Д. Смитсъ изъ Лондона. Остальные 11-ть участниковъ турнира были изъ германскихъ городовъ. Каждый изъ нихъ съ каждымъ игралъ по одной партіи. Первый призъ (600 марокъ) получилъ студентъ В. Іонъ изъ Берлина. Онъ получаетъ право участвовать въ международныхъ турнирахъ, устраиваемыхъ Обще-Германскимъ Шахматнымъ Союзомъ. Второй призъ (400 мар.) взялъ г. Бернштейнъ; третій (300 мар.)—г. Нейманъ; четвертый и пятый призы (200 и 150 мар.) раздѣлили г. Каганъ (Берлинъ) и Лёйсенъ; шестой (125 мар.)—г. Ломанъ. Еще было выдано 6-ть призовъ отъ 100 до 20 марокъ.

Въ главномъ турнирѣ В играли 28 любителей. Они составили 4 группы съ 7-ю игроками. Два побѣдителя въ каждой группѣ получали право на одинъ изъ 8-ми призовъ (отъ 400 до 60 марокъ), которые были разыграны въ особомъ турнирѣ. Первый призъ получилъ юный любитель г. Флейшманъ изъ Будапешта.

Во всѣхъ 5-ти турнирахъ участвовали 94 игрока.

Въ воскресенье, 14-го іюля, въ главномъ залѣ Kaiser Café, гдѣ происходили турниры, г. Пильсбери далъ небывалый сеансъ игры не смотря на доску (á l'aveugle). Онъ игралъ одновременно 21 партію.

Противниками его были весьма сильные игроки, почти исключительно участники главнаго турнира А. Сеансъ продолжался съ 2-хъ часовъ дня до $2^1/_4$ час. ночи, съ перерывомъ на $^1/_2$ часа. Въ теченіе 690 мин. г. Пильсбери сдѣлалъ 643 хода. Онъ проигралъ всего 7 партій; 3 выигралъ и 11-ть окончилъ въ ничью. Въ нѣкоторыхъ партіяхъ было болѣе 40—50 ходовъ, и не въ одной изъ нихъ г. Пильсбери не сдѣлалъ неправильнаго хода, отвѣчая на сообщаемый ему ходъ противника съ изумительною быстротой, иногд . чрезъ 20—30-ть секундъ.

Результатъ международнаго шахматнаго турнира въ Ганноверѣ.

	Яновскій.	Пильсбери.	Аткинсъ.	Мизесъ.	Вольфъ.	Нэпиръ.	Чигоринъ.	Олландъ.	Маршаль.	Свидерскій.	Левинъ.	Готшаль.	Конъ.	Зюхтингъ.	Барделебенъ.	Гунсбергъ.	Мэзенъ.	Попьель.	Число очковъ.	Призы.
Яновскій . . .	✲	1	1/2	1/2	1	1	1	1	1/2	1/2	1	1	1	1	1/2	1	0	1	13 1/2	I-й
Пильсбери. .	0	✲	1	1/2	1	0	1/2	1	1	1	1	1	0	1/2	1	1/2	1	1	12	II-й
Аткинсъ . . .	1/2	0	✲	1/2	1/2	1/2	1/2	1	1	1/2	1	1	1	1/2	1	1	1	0	11 1/2	III-й
Мизесъ. . . .	1/2	1/2	1/2	✲	0	1/2	0	1/2	1	1	1/2	1	1	1/2	1	1	1	1/2	11	IV-й
Вольфъ . .	0	0	1/2	1	✲	0	1	0	1	0	0	1/2	1	1	1	1	1	1	10	V и VI-й
Нэпиръ. . . .	0	1	1/2	1/2	1	✲	1/2	1	0	1	0	1	0	1/2	1	1/2	1/2	1	10	
Чигоринъ . . .	0	1/2	1/2	1	0	1/2	✲	1	1	0	1/2	1/2	1	1/2	1	0	0	1	9	VII-й
Олландъ. . . .	0	0	0	1/2	1	0	0	✲	1	1	1	0	0	1	1	0	1	1	8 1/2	VIII-й
Маршаль . .	1/2	0	0	0	0	1	0	0	✲	0	1	0	1	1	1/2	1	1	1	8	—
Свидерскій. . .	1/2	0	1/2	0	1	0	1	0	1	✲	0	1/2	0	1	1/2	1/2	1/2	1	8	–
Левинъ. . . .	0	0	0	1/2	1/2	1	1/2	1	0	1	✲	0	1	1/2	1/2	1/2	1/2	0	7 1/2	—
Готшаль . . .	0	0	0	0	1	0	1/2	0	1	1/2	1	✲	1/2	1	1/2	0	1/2	1	7 1/2	—
Конъ.	0	1	0	0	0	1	0	1	0	1	0	1/2	✲	1/2	0	1	1/2	1/2	7	—
Зюхтингъ . . .	0	1/2	1/2	1/2	0	1/2	1/2	0	0	0	1/2	0	1/2	✲	1/2	1	1	1/2	6 1/2	—
Барделебенъ . .	1/2	0	0	0	0	0	0	0	1/2	1/2	1/2	1/2	1	1/2	✲	1/2	1	1	6 1/2	—
Гунсбергъ . . .	0	1/2	0	0	0	1/2	1	1	0	1/2	1/2	1	0	0	1/2	✲	1/2	0	6	—
Мэзенъ. . . .	1	0	0	0	0	1/2	1	0	0	1/2	1/2	1/2	1/2	0	0	1/2	✲	1/2	5 1/2	—
Попьель. . . .	0	0	1	1/2	0	0	0	0	0	0	1	0	1/2	1/2	0	1	1/2	✲	5	—

Партіи турнира въ Ганноверѣ.

№ 25. ДАТСКІЙ ГАМБИТЪ.

Играна въ VII-мъ турѣ, 16-го іюля.

Мизесъ.	Чигоринъ.
Бѣлые.	Черные.
1. e2 — e4	e7 — e5
2. d2 — d4	e5 : d4
3. c2 — c3	. . .

Г. Мизесъ удачно сыгралъ этимъ же дебютомъ три партіи въ предыдущихъ турахъ. Одинъ изъ его противниковъ, г. Маршаль, продолжалъ 3. . . . d4 : c3; 4. C. f1—c4, c3 : b2; 5. C. c1 : b2, d7—d6; 6. Ф. d1—b3, Ф. d8—d7. Бѣлые продолжительное время поддерживали атаку и, въ концѣ концовъ, получилось слѣдующее любопытное положеніе:

Бѣл. Кр. c1, Ф. e6, Л. e2 и g4, C. b2, П. a2 и h2.

Черные: Кр. g8, Ф. f2, Л. f8, К. c4 и f7, П. a7, b6, c6, d5, f6, g7 и h7. Послѣ повторенныхъ ходовъ Ф. f2—f1+; Л. e2—e1, Ф. f1—f2, Л. e1—e2, г. Маршаль сыгралъ 30. . . . Ф. f2—c5? На это послѣдовало 31. Л. g4 : g7+, Кр. g8—h8; 32. Л. g7—g8+,—и черные сдались.

Въ другой партіи,—съ г. Гунсбергомъ, тоже выигранной г. Мизесомъ, было продолженіе: 3. . . . d4 : c3; 4. C. f1—c4, c3—c2.

Въ третьей партіи, окончившейся ничьей, г. Яновскій не принялъ пожертвованія; онъ сыгралъ 3. . . . d4—d3.

3. . . .	d4 : c3
4. C. f1 — c4	c3 : b2
5. C. c1 : b2	Ф. d8 — e7
6. К. b1 — c3	c7 — c6
7. Ф. d1 — c2	d7 — d6!

Если 7. . . . d7—d5, то 8. C. c4 : d5 и т. д.

8. 0—0—0	C. c8 — e6
9. C. c4 — e2	К. b8 — d7
10. К. g1 — f3	К. d7 — c5
11. Л. d1 — d4	0—0—0
12. Л. h1 — d1	Ф. e7 — c7
13. К. c3 — a4	К. c5 — d7!
14. Л. d1 — d3	К. g8 — f6
15. Л. d3 — c3	C. f8 — e7
16. Л. d4 — b4	К. d7 — b8
17. К. f3 — d4	d6 — d5
18. К. d4 : c6	К. b8 : c6

Лучше, чѣмъ 18. . . b7 : c6, хотя и при этомъ

черные, въ концѣ концовъ, выиграли бы партію. Если бѣлые играютъ 19. С. e2—a6+, К. b8 : a6; 20. Л. c3 : c6, С. e7 : b4; 21. С. b2—e5, то Л. d8—d6! и т. д.

19. С. e2 — a6	Ф. c7 — f4+
20. Л. c3 — e3	. . .

Если 20. Кр. c1—b1, то С. e7 : b4; 21. Л. c3 : c6+, Кр. c8—b8.

20. . . .	С. e7 : b4
21. Ф. c3 — c6+	Ф. f4 — c7
22. С. a6 : b7+	Кр. c8 — b8
23. С. b2 — e5	Ф. c7 : e5
24. Л. e3 — b3	Ф. e5 — c7
Сдался.	

№ 26. ИСПАНСКАЯ ПАРТІЯ.

Играна въ XII-мъ турѣ, 22-го іюля.

Вольфъ. Бѣлые.	Маршаль. Черные.
1. e2 — e4	e7 — e5
2. К. g1 — f3	К. b8 — c6
3. С. f1 — b5	f7 — f5

Съ этою защитою г. Маршаль имѣлъ успѣхъ въ нѣсколькихъ партіяхъ ганноверскаго турнира. Его противники отвѣчали 4. d2—d3 или d2—d4.

4. К. b1 — c3	К. g8 — f6
5. Ф. d1 — e2	Ф. d8 — e7
6. 0 — 0	f5 : e4
7. К. c3 : e4	d7 — d6
8. d2 — d4	С. c8 — d7
9. С. c1 — g5	h7 — h6?

Чернымъ не выгодно брать пѣшку d4 ни конемъ, ни пѣшкою. Если 9. ... e5 : d4, то 10. С. g5 : f6, g7 : f6; 11. К. e4 : f6+ и т. д.

Чернымъ слѣдовало рокировать, хотя и въ этомъ случаѣ они имѣли бы не вполнѣ удовлетворительное положеніе.

10. С. g5 : f6	g7 : f6
11. d4 — d5	К. c6 — b8

Лучше было бы 11. ... К. c6—d8; если 12. С. b5 : d7+ (12. К. f3—h4, Ф. e7—f7), Кр. e8 : d7; 13. Ф. e2—b5+, Кр. d7—c8.

12. К. f3 — h4	Л. h8 — g8?
13. f2 — f4	a7 — a6?
14. f4 : e5!	С. d7 : b5
15. К. e4 : f6+	Кр. e8 — d8
16. c2 — c4	Л. g8 — g5
17. c4 : b5	Ф. e7 : e5
18. Ф. e2 — d3	С. f8 — e7
19. Л. a1 — e1	Ф. e5 : f6

Если 19. ... Ф. e5 : b2, то 20. Л. e1 : e7, Кр. e8 : e7; 21. Ф. d3—h7+ и матъ чрезъ нѣсколько ходовъ.

20. Л. f1 : f6	С. e7 : f6
21. Л. e1 — e6	С. f6 — g7
22. Ф. d3 — h7	К. b8 — d7
23. Ф. h7 — g8+	К. d7 — f8
24. Ф. g8 — f7	К. f8 : e6
25. d5 : e6	Сдался.

Рѣшенія задачъ (Лит. Прил. „Нивы", Іюнь 1902 г.).

— № 26. Fr. Schrüfer. Матъ въ 3 хода.
1. К. f1—h2, С. f4 : h2; 2. Ф. g8—g1,∾; 3. П. или Ф.×
1. . . . С. f4—g5; 2. f3—f4+ и 3. К. h2—f3×
1. . . . К. a8—b6, c7; 2. Ф. g8—h7,∾; 3. Ф.×
1. . . . a4—a3; 2. Ф. g8—g4,∾; 3. К. или Ф.×
1. . . . d6—d5; 2. Ф. g8—b8+ и т. д.

— № 27. Котца и Кокелькорна. Матъ въ 3 хода.
1. Ф. d2—c1, Л. c3 : c1; 2. С. f5—c2,∾; 3. К.×
1. . . . Л. c6 или c4; 2. Ф.: Л. (†),∾; 3. К.×
1. . . . ∾; 2. Ф. c1—a8+ и т. д.

— № 28. Heathcote. Матъ въ 2 хода.
1. С. e5—d4.

— № 29. Carreras. Матъ въ 2 хода.
1. С. b5—d3.

— № 30. Этюдъ г. Залкинда. Бѣлые начинаютъ и выигрываютъ.
1. С. a2 — d5, Ф. h1 : d5; 2. К. e5 — d3+, Кр —∾; 3. К. f5—e3+ или К. d3—f4+ и т. д.
(Вар. a) 1. ... Ф. h1 - h3; 2. К. e5—d3+, Кр. e1—f1; 3. С. d5—g2+,∾; 4. К. d3—f4+ или К. f5—e3+ и т. д.
(Вар. b) 1. ... Ф. h1—f1; 2. К. f5—e3, Ф. f1—h3; 3. К. e5—d3+, Кр. e1—e2; 4. К. d3—f4+ и т. д.

Рѣшеніе задачи М. Feigle, № 22, помѣщенной въ майской книжкѣ. Матъ въ 3 хода (а не въ два, какъ напечатано).
1. Л. b1 — c1, Кр. d6 — c5; 2. d2 — d4+, c4 : d3; 3. К. c3—e4×;
1. . . . d5 — d4; 2. Ф. e1 — e5+. Кр.: Ф.; 3. С. d8—c7×
1. . . . ∾; 2. d2—d4,∾; 3. К. или Ф.×

Правильныя рѣшенія прислали (къ 1-му авг.): всѣхъ задачъ и этюда: Н В. Изюмовъ (Вологда) и г. Селезневъ (с. Куликово, Тамб.).

— № 26. С. В. Воздвиженскій (с. Глухово, Моск.), г. Помосовъ (с. Завьялово, Вятской), И. З. Рапопортъ (ст. Комаровцы, Ю. З. ж. д.), В. А. Стетюхъ (Николаевъ, Херс.).

— № 27. П. К. Ануфріевъ (Орѣхово, Влад.), г-жа Кл. П. Левина (Муромъ), Л. Ротштейнъ (ст. Комаровцы, Ю. З. ж. д.), В. Стуксъ (Одесса).

— № 29. К. Е. Аврунинъ (Сновская, Л. Р. ж. д.), П. К. Ануфріевъ, Ш. А. Бердичевскій (Тульчинъ, Под.), С. В. Воздвиженскій, П. Галлеръ (СПБ.), К. ф. Генрихсонъ (Перновъ), М. Данюшевскій (Лодзь), М. Д. Дуглатъ (Москва), И. Я. Клейманъ (Балта), г. Кондратьевъ (Харьковъ), г-жа Кл. П. Левина, М. А. Можаровскій (ст. Молодечна, Вил.), г. Помосовъ, И. З. Рапопортъ, П. Смирновъ (Новая деревня, Тамб.), М. А. Стельникъ (Ковель, Вол.), В. А. Стетюхъ, В. Стуксъ, Г. Сукеринъ (Балта), Е. Н. Сынгаевскій (Москва), А. А. Убланъ (СПБ.), Ф. Хинкуловъ (Кишиневъ), Н. Честновъ (Полтава).

— № 28. Рѣшили тѣ же лица и г-жа А. А. Боголюбова (Москва), В. Р. ф. Гибшманъ (Прилуки, Полт.), В. Ермоловъ (Москва), С. Рабиновичъ (Тульчинъ), г-жа Ал. Е. Сынгаевская (Москва).

— № 30. Этюдъ рѣшили: М. Данюшевскій, М. А. Можаровскій, Ш. А. Насельскій (Варшава), В. А. Стетюхъ, В. Стуксъ.

Приславшіе рѣшенія, не согласныя съ авторскими, выше приведенными, равно какъ допускающіе въ задачахъ вторыя рѣшенія, ошибаются. Такъ, напримѣръ, указавшіе въ задачѣ Котца и Кокелькорна, № 27, второе будто бы рѣшеніе: 1. К. e7 — c8+, Л. c3 : c8. 2. Ф. d2—b4+, не замѣчаютъ, что ладья, беря коня, даетъ шахъ.

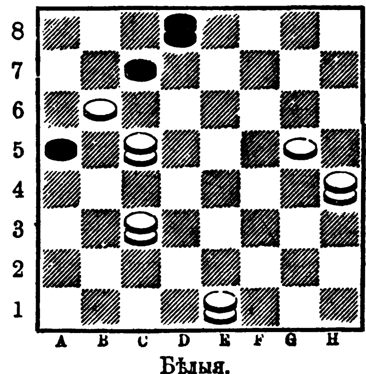
ШАШКИ

подъ редакціей В. И. Шошина.

Задача № 15.

С. П. Иванова (въ С.-Петербургѣ).

Черныя.

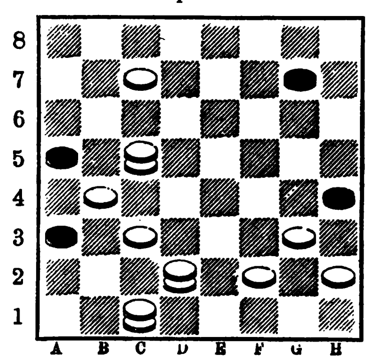
Бѣлыя.

Запереть простую.

Задача № 16.

И. П. Смирнова (с. Новодеревня, Тамб. г.).

Черныя.

Бѣлыя.

Запереть дамку и простую.

ПАРТІЯ № 11.

Играна въ Москвѣ 11 іюля 1901 г.

	А. А. Оводовъ. Бѣлыя.	В. В. Вармужъ. Черныя.
1.	c3 — d4	d6 — e5
2.	d2 — c3	e7 — d6
3.	g3 — h4	b6 — a5
4.	e1 — d2	. . .

Ошибочный ходъ, послѣ котораго бѣлыя рисковали проиграть партію. Обыкновенно этотъ ходъ дѣлается, когда черныя играютъ 3. . . . h6—g5, -какъ единственный не проигрывающій партіи. На 3. . . . b6—a5 бѣлымъ слѣдовало отвѣчать 4. f2—g3 и затѣмъ 5. e3—f4.

4.	. . .	c7 — b6
5.	d4 — c5	. . .

Если 5. f2—g3, то d6—c5: 6. g3—f4, e5 : g3; 7. h4 : f2 (если 7. h2 : f4, то f6—g5; 8. h4 : f6, g7 : g8; 9. g1—h2, f8—g7; 10. h2 : f4, g7—f6; 11. f4—e5, d8-e7; 12. e5 : g7; h8 : f6 и выигр.), f8—e7; 8. h2—g3 (если 8. f2—g3, то c5—b4; 9. a3 : c5, f6—e5; 10. d4 : f6, b6 : h4 и выигр.), e7—d6; 9. g3—h4 (если 9. g3—f4, то f6—e5, и если 9. g1—h2, то d6—e5 и выигр.), b8—c7 (угрожая 10. .. a5—b4 и 11. ... f6—g5); 10. d4—e5, f6 : d4; 11. c3 : e5, d6 : f4; 12. e3 : g5, h6 : f4 и черныя, имѣя шашкой больше, должны выиграть.

5.	. . .	d6 : b4
6.	a3 : c5	b6 : d4
7.	e3 : c5	e5 — f4
8.	f2 — e3	. . .

Если 8. b2—a3, то a5—b4; 9. c3 : a5, f4—g3; 10. h2 : f4, f6—g5; 11. h4 : f6, g7 : e7 и выигрываютъ. Если 8. c3—d4, то f6—g5; 9. h4 : f6, g7 : h4 и выигрываютъ. Если же 8. f2—g3, то f8—e7; 9. g3 : e5, f6 : b6 и выигрываютъ.

8.	. . .	f6 — e5
9.	e3 : g5	h6 : f4
10.	b2 — a3	f8 — e7
11.	g1 — f2	d8 — c7
12.	c1 — b2	c7 — b6?

Этимъ ходомъ, сдѣланнымъ вѣроятно поспѣшно, черныя упускаютъ выигрышъ и быстро проигрываютъ партію. Слѣдовало ходить 12 . . . c7—d6, и черныя легко выигрывали, напр.: 13. f2—e3 (если 13. f2—g3, d6 : b4; 14. a3 : c5, то b8—c7, затѣмъ 15. . . . c7—b6 и выигр.: если же 13. a3—b4, то f4—g3; 14. h2 : f4, e5 : e1 и выигр.), d6 : b4; 14. a3 : c5, g7—h6; 15. e3 : g5, h6 : f4, затѣмъ 16. . . . b8—c7 и выигрываютъ.

13.	a3 — b4!	b6 : d4
14.	d2 — e3	f4 : d2
15.	c3 : e1	a5 : c3
16.	e1 — d2	c3 : g3
17.	h2 : h6	Вармужъ сдался.

Журналъ „Шашки", послѣдній № котораго вышелъ въ концѣ іюня текущаго года, прекратилъ свое существованіе, о чемъ нельзя не пожалѣть, такъ какъ журналъ этотъ являлся для любителей шашечной игры полнымъ и единственнымъ органомъ. За 4½ года своего изданія журналъ объявилъ 7 турнировъ по перепискѣ и 2 конкурса этюдовъ, далъ массу цѣнныхъ статей по теоріи игры и напечаталъ около 500 задачъ. Полный экземпляръ „Шашекъ" за все время изданія (іюль 1897 г.—декабрь 1901 г., всего 54 №№) желающіе могутъ получить за 7 руб. отъ редактора издателя П. Н. Бодянскаго (Кіевъ, Бибиковскій бул., № 14).

Рѣшенія задачъ, помѣщенныхъ въ № 6 Литер. Прил. „Нивы" за іюнь 1902 г.

— № 11. Н. Г. Пичугина. 1. a3—b4; 2. d4—c5; 3. e1—c3; 4. a5 : d2 и 5. g1—f2.

— № 12. И. С. Роменскаго. 1. d4—e3; 2. a7—b8; 3. e3—g5; 4. d6—c7; 5. g1—h2; 6. b8—d6; 7. d6—b4; 8. c1—d2 и 9. a1 : c3.

Рѣшили: Н. В. Панковъ, П. П. Васильевъ, С. П. Ивановъ (СПБ.), Н. П. Смирновъ (Москва), Ѳ Ѳ. Старостинъ (Юрьевъ), М. А. Шибаловъ (Псковъ), А. В. Михальскій (Варшава), П. К. Ануфріевъ (Орѣхово-Зуево, Влад. г.), П. Я Березнеговскій (с. Никольское, Волог. г.), П. Преображенскій (Одоевъ), А. К. Мишинъ (Б. Верейка, Ворон. г.), И. П. Смирновъ (с. Новодеревня, Тамб г.), Т. Ш. Шалитъ (Рига), А. И. Левитскій (Екатеринославъ), г-жа Л. Сусленикова (Грозный) и г-нъ Селезневъ (ст. Кулики, Тамб. г.)—№№ 11 и 12; Н. Г. Пичугинъ (Хабаровскъ)—№ 12; М. П. Соколовъ (СПБ.)—№ 11.

Правильныя рѣшенія задачъ №№ 9 и 10, кромѣ лицъ, упомянутыхъ въ іюльск. кн. „Нивы", прислали: К. Фрицлеръ (с. Лѣсной Карамышъ, Сарат. г.), П. Преображенскій, И. С. Роменскій (ст. Анновка, Екат. ж. д.), П. А. Штенбокъ-Рыжій (Москва), Н. Г. Пичугинъ, Н. Грековъ (Таганрогъ).

Корреспонденція.

— С. П. И—ву (СПБ.). Задачи пойдутъ, но только съ небольшими поправками. Потрудитесь сообщить вашъ адресъ.

— Т. Ш. Ш—ту (Рига). Одна изъ вашихъ задачъ будетъ помѣщена.

— А. К. М—ну (Б. Верейка). Вновь присланная задача имѣетъ 2-е рѣшеніе: 1. d6—c7; 2. f4 : b8; 3. c1—d2; 4. d2—e3; 5. b8—f4; 6. f4—b8; 7. g1—f2 и 8. b8 : h2.

— И. С. Р—му (ст. Анновка) и А. И. Ж—ву (Самара). Ваши задачи для печати не пригодны.

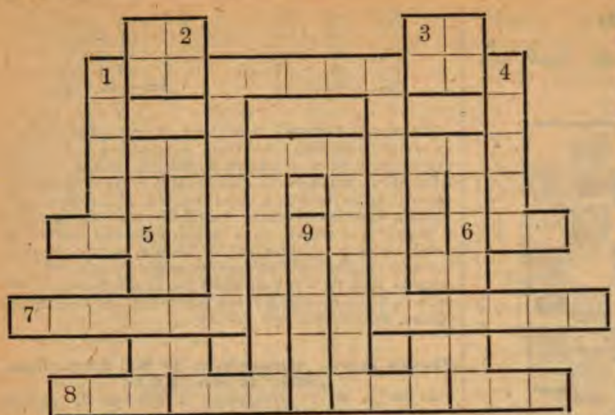
— Ѳ. Ѳ. Б—му (Щигры). Ваша задача имѣетъ 2-е рѣшеніе: 1. c5—g1; 2. a7 : f6; 3. h8 : b2 и т. д.—дамка запирается на a1 или g1, смотря по ходу черныхъ. Ждемъ новыхъ.

ЗАДАЧИ, ЗАГАДКИ и РЕБУСЫ

подъ редакціей Н. В. Панкова.

Метаграмма № 20.

Съ буквой *и* — я на диванѣ,
Но отнюдь не на столѣ;
Съ буквой *у* — на полѣ брани,
Съ буквой *а* — на кораблѣ.

Задача словъ №. 21.

П. М. Догадина (въ Москвѣ).

Помѣстить въ девяти отрѣзкахъ предлагаемой фигуры, начиная съ клѣтокъ, занятыхъ цифрами, слова, значенія которыхъ—1) благовонное куреніе, 2) недѣлимая частичка матеріи, 3) принадлежность бальнаго дамскаго туалета, 4) мужское имя, 5) извѣстный нѣмецкій ученый; нота; насѣкомое, 6) французскій естествоиспытатель; буква; норвежскій романистъ; 7) консервъ изъ плодовъ и ягодъ; два древне-египетскихъ божества; синонимъ обязанности; электромагнитный приборъ; птица, 8) кушанье; административныя единицы; одно изъ амплуа актеровъ; родъ консервированія; птицы; козни, интриги; 9) буква; нарѣчіе церковно-славянскаго языка. Въ нечетныхъ горизонтальныхъ рядахъ должны получиться слова: 1) горная цѣпь въ Малой Азіи, 3) кумиръ, 5) буква; ягода; извѣстный русскій художникъ; древне-славянская буква; 7) предлогъ; одинъ изъ египетскихъ фараоновъ; деревья; 9) притокъ Волги; родъ зуба; въ четныхъ же рядахъ—имя и фамилія русскаго беллетриста и названія пяти его произведеній.

NB. Въ замкнутыхъ отрѣзкахъ фигуры (2, 3, 5 и 6-мъ) слова должны быть расположены по направленію, обратному движенію часовой стрѣлки.

	12	17	32	
34	31	10	13	16
11	14	33	18	9
	35	30	15	
29	4	19	8	37
	7	36	25	
3	28	5	20	23
6	21	24	1	26
	2	27	22	

Рѣшеніе загадки № 16 (помѣщ. въ Литер. Прил. за іюнь 1902 г.).

Загадка: Четыре ноги, да не звѣрь; есть перья, да не птица.

Отгадка: Кровать съ периной.

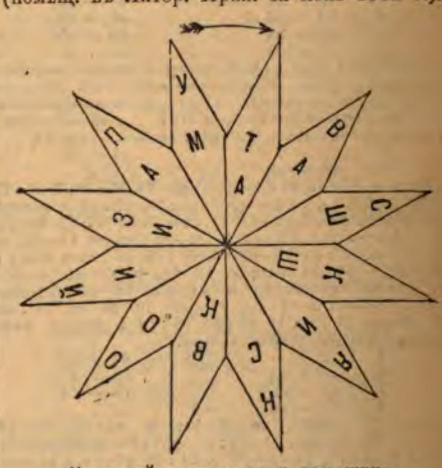
Рѣшили: Н. М. Житкевичъ (Звенигородка) и С. Н. Цѣдовъ (ст. Чириково).

Рѣшеніе задачи №. 17 (помѣщ. въ Литер. Прилож. за іюнь 1902 г.).

Рѣшили: Г. А. Пажитновъ (Бѣлевъ), В. Е. Ватель (Одесса), М. Словимскій (Ростовъ на Дону), С. И. Цѣдовъ (ст. Чириково).

Рѣшеніе задачи буквъ №. 15 (помѣщ. въ Литер. Прил. за іюнь 1902 г.).

«У всякой пташки свои замашки».

Кромѣ упомянутыхъ въ іюньской книжкѣ «Литер. Приложеній», слѣдующія лица доставили правильныя рѣшенія задачъ:

№ 13.—П. Арагинъ, М. А. Бѣляйкинъ, И. С. Гольденбергъ, А. И. Егоровъ, Л. Д. Котовскій, Т. и Н. Кудрицкія, Ѳ. Х. Медвѣдевъ, Т. А. Пажитновъ, Я. Шустовъ, Т. А. Юлишъ.

№ 14.—А. И. Егоровъ (м. Картузъ Береза) и А. Чубаровъ (с. Сухрина).

Издатель **А. Ф. Марксъ.** Редакторъ **Р. И. Сементковскій.**

Тип. А. Ф. Маркса, Измайл. пр., № 29.

Дозволено цензурою. СПБ. 9 августа 1902 г.